

Археология Подмосковья

Материалы научного семинара

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

Археология Подмосковья

Материалы научного семинара

Москва
2004

УДК 902/904

ББК 63.4

А 87

Утверждено к печати на заседании Ученого совета Института археологии
Российской академии наук 04.06.2004 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.В. Энговатова (отв. редактор), В.Ю. Коваль,
И.Н. Кузина, Т.В. Скоробогатова

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д.и.н. Л.А. Беляев,
д.и.н. А.Н. Сорокин

**А 87 Археология Подмосковья: Материалы научного семинара.
– М.: Институт археологии РАН, 2004. – 398 с.**

ISBN 5-94375-024-X

Сборник «Археология Подмосковья» составлен по материалам научного семинара, проводимого Институтом археологии РАН. Включенные в сборник статьи, различные по объему и глубине затронутых проблем, охватывают широкий круг вопросов, выходя за рамки сугубо археологической тематики. Авторами рассматривается методика комплексного исследования археологических памятников с привлечением данных естественных наук, в том числе геоморфологии и палеозоологии, ГИС-технологии охранных работ, древние и средневековые производства (керамическое, кузнечное, ювелирное, кожевенное), нумизматика, а также некоторые аспекты историко-культурного изучения Подмосковья. Ряд статей посвящен вопросам заселения Московского региона в различные хронологические периоды: от финального палеолита до позднего средневековья.

Впервые в одном издании объединены результаты работ различных организаций, ведущих многолетние археологические исследования на территории Подмосковья, так как авторы вошедших в сборник статей – сотрудники примерно десяти научных и культурных учреждений Москвы и Московской области.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 5-94375-024-X

© Институт археологии РАН, 2004
© Коллектив авторов, 2004

Уважаемые читатели!

Рада представленной возможности обратиться к вам в связи с выходом в свет научного сборника «Археология Подмосковья».

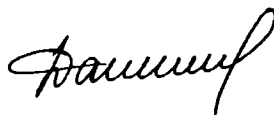
В наши дни особенное значение приобретает сохранение и изучение культурного и исторического богатства Подмосковья, так как постижение событий далекого прошлого позволяет лучше ориентироваться в современности, дает ключ к пониманию тех процессов, которые, взяв свое начало в древности, получают продолжение сегодня.

Сохранение исторического наследия имеет неоценимое воспитательное значение для новых поколений нашей страны. Объективный, взвешенный подход к изучению исторических корней населения Подмосковья служит благодатной почвой для воспитания истинного патриотизма.

Подмосковье, на протяжении веков неразрывно связанное с жизнью нашего государства, является неповторимым в историческом, культурном и природном отношении регионом. Его богатейшая история, уходящая корнями в глубокую древность, таит в себе еще много неизвестного. На территории Московской области находится несколько тысяч уже выявленных археологических памятников разных эпох. Поэтому отрадно, что тема истории Подмосковья находит свое место в специальных научных трудах.

В статьях представленного вашему вниманию сборника дан современный научный взгляд на некоторые проблемы археологии и истории Подмосковья, что, несомненно, внесет свой позитивный вклад в дело сохранения культурного наследия региона.

**Министр культуры
Правительства
Московской области**

Г.К. Ратникова

Содержание

<i>От редакции</i>	6
--------------------------	---

Ростиславль Рязанский – малый город Древней Руси

<i>В.Ю. Коваль.</i> Ростиславлю Рязанскому – 850 лет (10 лет работы Ростиславльской археологической экспедиции)	8
<i>В.Ю. Коваль.</i> История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников)	12
<i>А.Н. Медведев.</i> Новые данные о Ростиславле Рязанском в XVII в.	22
<i>А.А. Гольева.</i> Комплексные естественнонаучные исследования на городище Ростиславль Рязанский	24
<i>Т.В. Кузнецова, Н.Г. Носкова, В.Н. Калякин, Д.Н. Есит.</i> Результаты исследований остеологического материала из раскопок городища Ростиславль (1998–2001 годы)	34
<i>А.В. Трусов.</i> Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение)	42
<i>В.И. Завьялов.</i> Археометаллографическое исследование железных предметов дьяковской культуры из коллекции Ростиславльского городища	53
<i>В.Ю. Коваль.</i> Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии	58

Древнейшая история Подмосковья

<i>А.В. Трусов, А.В. Энгватова, К.И. Панченко.</i> Настасьино 2 и 4 – стоянки иеневской культуры на реке Северке	89
<i>М.Г. Гусаков.</i> Классификация городищ дьяковской культуры	98
<i>В.В. Сидоров.</i> Мутёнковское городище	108
<i>И.А. Сапрыкина.</i> Приемы изготовления ювелирных украшений из «клада» Троицкого городища	128
<i>И.А. Сапрыкина.</i> Производственный ювелирный комплекс дьяковской культуры на городище Настасьино	136
<i>А.В. Энгватова.</i> Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа	142

Средневековые памятники и расселение

<i>С.В. Шполянский.</i> Размещение курганов бассейна Пахры как источник по изучению процесса заселения региона в XII – середине XIII века	154
<i>А.В. Алексеев.</i> Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи	177
<i>А.Л. Высоцкий, О.И. Хижняков.</i> Археологические исследования на посаде города Дмитрова в 2002–2003 годах	193
<i>П.Е. Русаков.</i> Населенные пункты в бассейне среднего течения реки Прони	199
<i>П.Е. Русаков.</i> Сеть дорог в восточной части Моржевского стана (опыт реконструкции)	206
<i>Г.В. Требелева.</i> ГИС-технологии в охранной археологии Подмосковья (из опыта работы Подмосковной экспедиции ИА РАН)	216

Материальная культура Московской земли

<i>Н.В. Жилина.</i> Золотое филигранное украшение из Тушкова городка (орнаментика и технология)	222
<i>Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова.</i> Ножи из русских и западноевропейских мастерских	226
<i>Т.Г. Сарачева.</i> Ювелирные изделия вятичей: технология изготовления и сбыт продукции	229
<i>О.В. Двуреченский.</i> Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках)	238
<i>С.З. Чернов.</i> Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV века	245
<i>А.Б. Мазуров, В.Ю. Коваль.</i> Керамический импорт средневековой Коломны	285
<i>В.В. Черкасов.</i> Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах)	309
<i>К.И. Панченко.</i> Пропорции керамических сосудов XII–XIX веков из раскопок в городе Дмитрове	321
<i>А.А. Полюлях.</i> Майоликовые фигурки гжельских заводов (из археологических коллекций МИГМ)	329
<i>Д.О. Осипов, А.Г. Векслер.</i> Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы	333
<i>Е.К. Столярова.</i> Стекланные сосуды XII–XIV веков из Москвы и Дмитрова	343
<i>В.В. Зайцев.</i> Находки «великокняжеских» пломб XIV–XV веков в Москве	350
<i>И.В. Волков.</i> Особенности денежного обращения на рязанско-московском пограничье в последней четверти XIV – начале XV века	353
<i>А.С. Сыроватко, С.И. Самошин.</i> Нумизматические находки из раскопок 2003 года в Коломне	357
<i>А.В. Энговатова, Д.В. Богатенков.</i> Исследования некрополя XIX века у храма Смоленской иконы Божьей Матери в Троице-Сергиевой лавре в 2003 году	361
<i>В.И. Вишнеvский.</i> Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре	375
<i>К.А. Аверьянов.</i> О дате основания Андроникова монастыря	387
Об авторах	396
Список сокращений	397

От редакции

17–18 декабря 2003 г. в Институте археологии РАН впервые был проведен научный семинар «Археология Подмосковья», организаторами которого выступили отделы охранных раскопок и славяно-русской археологии Института. Предшественником семинара «Археология Подмосковья» был «Московский семинар», проводившийся в Музее истории города Москвы с 1995 по 2003 г. (необходимо особо подчеркнуть большой вклад в его организацию начальника отдела археологии МИГМ Т.В. Скоробогатовой и сотрудников – Е.Н. Святицкой и Е.Ю. Тавлинцевой). Однако «Московский семинар» был посвящен в основном вопросам истории и археологии столицы России, исследование археологических памятников Подмосковья занимало в его работе второстепенное место. Между тем, необходимость в обмене мнениями между специалистами-археологами, занимающимися изучением Подмосковья, назрела уже давно. Такая возможность появилась с созданием нового специализированного научного семинара. На его заседаниях исследователи из различных научных организаций обсуждали широкий круг вопросов, в том числе методику проведения археологических исследований, проблемы систем расселения в разные исторические эпохи, классификацию памятников древности.

Еще одной целью нового семинара является оперативная публикация материалов археологических раскопок, равно как и результатов их научной обработки. При этом особое внимание уделяется работам молодых ученых, только начинающих свою творческую научную деятельность. К сотрудничеству призываются также работники краеведческих музеев, которые есть почти в каждом городе Подмосковья. Координация деятельности всех заинтересованных сторон позволит поднять уровень археологического изучения Подмосковья, а также поставить барьер

противозаконной и варварской деятельности клудоискателей, которая грозит полным уничтожением национального археологического наследия.

В работе первого семинара «Археология Подмосковья» приняли участие сотрудники Института археологии РАН, Государственного Исторического музея, Музея истории города Москвы, Института географии РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Коломенского педагогического института, Сергиево-Посадского музея-заповедника, Коломенского краеведческого музея, Археологической службы г. Коломны. Всего на заседаниях прозвучали 25 докладов, посвященных результатам охранных археологических раскопок в различных частях Подмосковья, в том числе, в Дмитрове, Сергиеве-Посаде и Коломне. Отдельным блоком были представлены доклады, касавшиеся итогов раскопок на городище Ростиславль, что связано с 850-летием этого летописного города, изучаемого совместной экспедицией ИА РАН и МИГМ на протяжении последних 10 лет.

В настоящем томе трудов семинара «Археология Подмосковья», наряду с докладами, прозвучавшими на нем, публикуются доклады, подготовленные в процессе работы «Московского семинара» в Музее истории города Москвы, которые по независимости от их авторов причинам оставались неопубликованными. Выход в свет всех этих материалов позволит ознакомить археологическую общественность с некоторыми важными итогами научных исследований Подмосковья последних лет.

Организаторы семинара надеются, что новая организационная форма научных контактов привлечет широкий круг участников и послужит оперативному обмену мнениями по важнейшим вопросам археологических исследований в Подмосковье и скорейшей научной обработки полученных результатов.

*Энговатова А.В.,
Коваль В.Ю.,
Кузина И.Н.,
Скоробогатова Т.В.*

Ростиславль Рязанский – малый город Древней Руси

Ростиславлю Рязанскому – 850 лет (10 лет работы Ростиславльской археологической экспедиции)¹

В 2003 г. исполнилось 850 лет древнерусскому городу Ростиславлю Рязанскому, основанному в 1153 г. (ПСРЛ, 1862. С. 197) Ростиславом Ярославичем, сыном черниговского князя Ярослава Святославича, изгнанного со своего стола и занявшего г. Муром, где им было основано отдельное княжество. Ростислав Ярославич стал муромским князем в 1145 г. и оставил по себе память в кровопролитных междоусобицах середины XII в. как противник суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого и союзник великого князя киевского Изяслава Мстиславича. Единственным городом, построенным Ростиславом Ярославичем в своем княжестве, был Ростиславль. Несмотря на то, что многие сведения Никоновской летописи, касающиеся Рязанского княжества, рассматриваются специалистами в качестве домыслов ее составителя, известие об основании Ростиславля никем не оспаривается. Археологический материал подтверждает летописную дату возникновения города.

В средневековой Руси существовало три города, носившие имя Ростиславль. Кроме Ростиславля Рязанского это – Рославль (Ростиславль) Смоленский (основан в 1173 г.) и Рославль Польский (то есть «находящийся в Поле» или на краю Поля, причем, под Полем понималась степь). Последний локализован предположительно на территории современной Тульской области (Тихомиров, 1979. С. 122). Интересно, что Ростиславль Смоленский располагался на берегу р. Остер (левого притока Сожа), в то время как Ростиславль Рязанский стоит всего в 10 км от р. Осетр (правый приток Оки). «Осетр» и «Остер» – имена идентичные, но смоленский Остер появился, видимо, одновременно с Остром в бассейне Десны (ее левый приток, впадающий ниже Чернигова), тогда как окский «Осетр» – название вторичное, следующее прообразу «Остер». На наш взгляд, связь окского Осетра прослеживается не с Посожьем, а с Подесеньем, и именно переселенцы с деснинского Остра дали имя Осетру в долине Оки. Совпадение же названий городов Ростиславль и Рославль случайное и связано с одинаковыми именами основавших их князей,

относившихся к совершенно разным ветвям династии Рюриковичей.

Ростиславль Рязанский имеет долгую, но лишь в малой степени выясненную историю². В летописях в XIII–XIV вв. он упоминается всего один раз (под 1342 г.). Кроме того, Ростиславль несколько раз упоминается в летописях и разрядных записях XV–XVI вв. в связи с противостоянием московских и татарских войск на р. Оке в периоды многочисленных набегов крымских татар на Русь. В 1342 г. Ростиславль на короткое время (всего 2 года) становится резиденцией великого князя Рязанского – Ярослава Александровича Пронского, превращаясь в фактическую столицу Рязанского княжества. Однако после смерти этого князя в 1344 г. Ростиславль уже никогда не достигал таких высот и его политический и экономический статус постепенно снижался. К XVII в. Ростиславль окончательно утратил черты города, а впоследствии был полностью заброшен, его площадка использовалась под пашню и частично заросла лесом.

В настоящее время остатки Ростиславля (Ростиславльское городище) покрыты лесом, кустарником и молодой лесной порослью. Часть площадки свободна от деревьев, но густо поросла травой и борщевиком. Остатки города включают городище (укрепленную валами площадку) и 4 селища (зоны застройки, не защищенные укреплениями). В системе средневековых терминов городище представляет собой *детинец*, или, собственно, *город*, то есть центральную часть поселения, отделенную от окружающей местности укреплениями: рвом, валом и стеной, проходившей некогда по вершине вала. Детинец Ростиславля располагался на мысу, образованном впадением в долину Оки оврага. Площадь детинца составляла 2,5 га.

Окружавшие «город» (детинец) селища составляли неукрепленный *посад*, представлявший собой неотъемлемую и весьма важную часть средневекового городского поселения. Общая площадь посада Ростиславля составляла 5 га, то есть вдвое превышала площадь «города». Таким образом, территория Ростиславля («горо-

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке программы ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

² Более подробно об истории Ростиславля см. статью В.Ю. Ковалья «История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников)» в настоящем сборнике.

да» и посад) в момент его максимального расширения достигала 7,5 га. Эти цифры свидетельствуют, что Ростиславль представлял собой типичный малый город средневековой Руси. Его площадь была существенно (в несколько раз) меньше территории крупнейших русских городов – столиц княжеств, в том числе и Старой Рязани, столицы Рязанского княжества. В то же время, она не уступала по площади многим известным русским городам в момент их зарождения.

Археологическое изучение Ростиславля было начато с посещения его М.В. Талицким в 1936 г. (*Талицкий*, 1941. С. 61). В 1937 г. здесь проводил работы Н.П. Милонов (1937), заложивший на площадке городища 2 раскопа и 11 шурфов общей площадью около 60 кв. м (чертежи в отчете отсутствуют), но состав полученных находок показался раскопщику недостаточно интересным, что и обусловило его вывод о «бедности» культурного слоя Ростиславля, который был ошибочно датирован XI–XII вв. Негативная оценка перспективности исследований Ростиславля, данная ему Н.П. Милоновым, надолго оставила памятник за пределами пристального интереса российских археологов. Достаточно сказать, что такой крупный исследователь Рязанской земли как А.Л. Монгайт, никогда не посещал этого городища, хотя и дал краткое описание памятника в своей сводной работе (*Монгайт*, 1961. С. 235–236). В 1970 г. Ростиславль осматривала А.А. Юшко (1970. С. 3), а в 1975 г. – Р.Л. Розенфельдт (1975. С. 20).

Новый этап в изучении Ростиславля начался в 1991 г., когда, благодаря организации Ростиславльского отряда Центра археологических исследований Москвы, было проведено обследование площадки городища и снят его полуинструментальный план. В 1992 г. на городище были заложены 3 шурфа, давшие интересные материалы, относящиеся к XII–XIV вв. В 1991–1993 гг. также интенсивно исследовалась округа Ростиславля в радиусе 30 км от города.

1994 г. является годом рождения Ростиславльской археологической экспедиции. Тогда на городище были проведены первые охранные раскопки, связанные с разрушением его площадки новообразовавшимся оврагом, уничтожавшим культурный слой памятника и заглубленные в материк объекты. Раскоп I был размещен в верховье этого оврага, и в дальнейшем именно там проводились особенно интенсивные работы. В результате раскоп охватил почти все края оврага. При этом проводилась присыпка бортов оврага частью культурного слоя, снятого с площадки городища, что позволило всего за несколько лет (к 2000 г.) полностью остановить разрастание оврага, обдерновать его западный борт, наносивший памятнику особенно сильный ущерб, и установить экологическое равновесие на данном участке. В дальнейшем

раскоп I был превращен в исследовательский, позволяющий изучать планировку средневекового города. К настоящему моменту площадь этого раскопа доведена до 949 кв. м.

К раскопу I вплотную примыкает раскоп III, пройденный в 1996–1997 гг. (его площадь – 138 кв. м). Этот раскоп был заложен на северном краю того же новообразовавшегося оврага, в том месте, где весной 1996 г. произошел крупный оползень, уничтоживший несколько десятков квадратных метров памятника. Поскольку раскопы I и III фактически смыкаются, их можно рассматривать как единую территорию исследования, общая вскрытая площадь которой достигает 1087 кв. м. На этой площади исследованно около 100 заглубленных в материк объектов, большая часть которых содержала репрезентативные наборы индивидуальных находок и (или) керамики, позволившие датировать эти комплексы с точностью до половины столетия.

Все остальные раскопы на городище были заложены на местах грабительских разрытий, постоянно возникавших, и возникающих, на памятнике, как правило, в период между окончанием работ экспедиции и началом зимнего сезона. В 1994 г. по этой причине был начат раскоп II, вскрывший участок позднесредневекового кладбища (погоста) в северной части площадки городища. В последующие годы раскопки на этом участке были продолжены в том числе и благодаря обращению местных жителей – членов православной общины близлежащего села Сосновка, надеявшихся на обнаружение месторасположения древнего храма. В 2002 г. это место было обнаружено. Оно было обозначено насыпью из материкового суглинка мощностью 20–50 см, перекрывшей культурный слой раннеславянского времени (X в.) и дославянской эпохи. Вплотную к участку с этой насыпью примыкает зона с многоярусными захоронениями, тогда как сама насыпь прорезана лишь несколькими отдельными погребениями. Исследование этого объекта еще продолжается, поскольку пока нет полной ясности в том, каковы были размеры данной постройки и ее ориентировка. Можно лишь с уверенностью констатировать тот факт, что с самого начала храмовая постройка была деревянной. За все годы раскопок ни на одном из участков не были найдены следы каменного строительства на Ростиславле (тесаный камень, кирпич, раствор). Несколько обломков керамических плиток пола, найденных в одном комплексе XVI в. вряд ли можно рассматривать иначе, как остатки вымостки в деревянной постройке (жилой или культовой). Всего на раскопе II вскрыто 206 кв. м и обнаружено более 100 погребений, более половины из них были расширены и подвергнуты антропологическому исследованию. Остальные погребения не расширились, поскольку выходили за пределы раскопа, но были зафиксированы их могильные ямы.

Раскоп IV исследовался в 1997 г. Его площадь составила 50 кв. м. Раскоп маркирует северную границу городской застройки на основной площадке городища и аналогичную границу позднесредневекового кладбища.

Раскоп V, заложенный в 1998 г. на мысовой площадке городища, позволил изучить наслоения городища дославянской эпохи (раннего железного века) и средневековые комплексы, возникшие на месте этого раннего памятника. Площадь вскрытия составляет здесь 168 кв. м. В раскопе полностью изучены две частично заглубленные в материк прямоугольные постройки конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. и участки двух других, более ранних построек, а также культурный слой середины I тыс. н. э.

Раскоп VI, пройденный в 1998 г., также размещался на мысовой площадке городища и исследовал остатки городища раннего железного века. Его площадь составила 34 кв. м.

Таким образом, за 10 лет раскопок на городище Ростиславль только в пределах его детинца была исследована площадь 1535 кв. м, в том числе 202 кв. м – на городище раннего железного века. Эта площадь составляет 6% территории детинца. Одновременно проводились работы и на посаде Ростиславля, где в общей сложности была вскрыта площадь 183 кв. м. При этом были изучены не только заглубленные в материк объекты, но и обнаруженные остатки гончарного горна конца XII – начала XIII в., свидетельствующие о существовании в Ростиславле собственного гончарного производства.

Проведенные за десятилетие раскопки позволили получить впечатляющие научные результаты:

1. Установлено соответствие археологических материалов летописной дате основания Ростиславля (1153 г.), подтверждающих достоверность сообщения Никоновской летописи о времени возникновения города и, тем самым, заставляющих верить остальным сведениям этого сообщения (учреждении города на пустом, неосвоенном ранее месте и ключевой роли князя Ростислава Ярославича в построении города).

2. Доказано, что Ростиславлю предшествовало раннеславянское (вятичское), скорее всего, неукрепленное поселение X в., не дожившее до времени возникновения города.

3. Славянское поселение возникло рядом с давно (не позднее VIII в. н. э.) заброшенным городищем, относящимся к дьяковской археологической культуре и появившемся в VIII–VI вв. до н. э. Это городище просуществовало не менее полутора тысяч лет, причем на втором этапе его жизни (в I–VIII вв. н. э.) заселенной оказалась и площадка за пределами вала дьяковского городища.

4. Средневековый город Ростиславль имел сложную планировочную структуру, постоянно изменявшуюся на протяжении его жизни, но во

все периоды эта структура организовывалась параллельно склонам площадки городища к Оке и оврагу, отделявшему эту площадку от окружающей равнины. Основным планировочным структурировавшим фактором выступала улица, проходившая от главных ворот в городском валу по центру площадки городища и выходящая к цитадели, организованной на мысовой площадке, на месте дославянского городища. Не исключено, что эта главная улица города выводила к городскому храму, стоявшему в северной части детинца, неподалеку от вала цитадели. Социально-экономическая природа цитадели пока не вполне ясна, но наиболее вероятной является ее военно-административная функция в начальный период существования города (XII–XIII вв.). С XIV в. цитадель теряет эту функцию и застраивается рядовыми усадьбами.

5. Расцвет города Ростиславля приходится на вторую половину XII – первую треть XIII в. и конец XIII – XIV в. В XV в. посады города перестают функционировать, а в XVI в. северную часть площадки города занимает кладбище, на котором хоронили, вероятно, представителей крестьянского населения из окрестных деревень. Особенно сильный удар по городу нанесли татарские набеги в XVI в., приводившие к едва ли не ежегодному противостоянию татарских и московских войск по берегам р. Оки. Очевидно, в ходе этих набегов Ростиславль подвергался систематическому разорению. В начале XVII в. всякая жизнь на городище прекращается, а к концу этого столетия, вероятно, прекращает функционировать и кладбище.

6. За время своего существования Ростиславль пережил серьезные и даже, может быть, катастрофические изменения, прослеживаемые по резким сменам всей материальной культуры горожан в середине XIII в. и на рубеже XIV–XV вв. Эти изменения можно связывать с Батыевым нашествием 1237/38 г. и разорением Рязанской земли Литвой в 1398 г. Необратимые изменения материальной культуры свидетельствуют, вероятно, о смене населения и притоке новых контингентов из иных регионов.

Полученные археологические данные позволили во многом по-новому взглянуть на историю Ростиславля и открыть ранее неизвестные ее страницы. Однако список вопросов по истории этого города еще очень велик. До сих пор достоверно не известно место размещения княжеской резиденции и дворов посадников. Требуется уточнения планировка города и время возникновения различных частей фортификационных сооружений. Остается не выявленной планировочная структура посада. Не известно время появления первых захоронений на площади города, так же как и размеры раннеславянского поселения на площадке городища. Все эти и многие другие вопросы еще предстоит выяснить при раскопках будущих лет.

Литература

- Милонов Н.П.*, 1937. Отчет об археологических раскопках Ростиславльского городища в 1937 г. и раскопках Коломенского кремля и обследовании памятников в окрестностях г. Коломны в 1935–1936 гг. // Архив ИИМК. Ф. 2. № 219.
- Монгайт А.Л.*, 1961. Рязанская земля. М.
- Розенфельдт Р.Л.*, 1975. Отчет об обследовании археологических памятников Московской области в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5876.
- Талицкий М.В.*, 1941. Коломенский район, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.–Л.
- Татищев В.Н.*, 1964. История Российская. Т. III. М.–Л.
- Тихомиров М.Н.*, 1979. Список русских городов дальних и ближних // Русское летописание. М.
- Юшко А.А.*, 1970. Отчет о работе Второго Разведочного отряда Московской экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4215.

История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников)

Исторические судьбы древнерусских городов приковывают к себе интерес многих поколений исследователей. О некоторых из этих городов (Москве, Киеве, Новгороде, Рязани и пр.) написаны целые тома. На долю других пришлось полное забвение – таковы бесчисленные «малые города» Руси, в большинстве своем ныне не существующие и известные лишь узкому кругу археологов. Именно к их числу относится Ростиславль Рязанский – город, существовавший с XII по XVI в. Его остатки сохранились на территории Озерского района Московской области, в 3 км от села Сосновка, на краю крутого берега р. Оки.

История Ростиславля привлекала внимание краеведов (*Доронина*, 1994; *Пирязев Н.С., Пирязев С.И.*, 1995), однако в их публикациях она подвергалась искажениям и подчас приобретала совершенно фантастические черты. Так возникли ни на чем не основанные рассуждения о вхождении Ростиславля в Пронское княжество, посещения Ростиславля великим князем московским Иваном III в 1472 г., об осаде Ростиславля в 1527 г. крымскими татарами и много других нелепостей, среди которых есть и географические – об изменении русла реки Осетр, протекавшей раньше якобы рядом с Ростиславлем (*Пирязев Н.С., Пирязев С.И.*, 1995. С. 16–18). Все эти фантазии на тему истории Ростиславля показывают, что настало время рассмотреть историю города со строго научных позиций, опираясь на данные письменных источников.

Ростиславль является одним из немногих на Руси, и единственным в Рязанской земле, городом, об основании которого упоминается в летописях. Под 6661 г. от сотворения мира (то есть 1153 г. от Р. Х.) в Никоновской летописи записано: «Князь Ростислав Ярославич Рязанский созда во имя свое град Ростиславль у Оки реки» (ПСРЛ, 1862. С. 197). Неизбежно возникает вопрос о достоверности этой даты. А.Н. Насонов считал, что Никоновская летопись, проявлявшая особое внимание к Рязанской земле,

пользовалась неким преданием, повествовавшим об основании города князем Ростиславом (*Насонов*, 1951. С. 205). О том, что до 1153 г. города Ростиславля еще не существовало, свидетельствует летописный рассказ 1146 г. о борьбе новгород-северского князя Святослава Ольговича с черниговскими князьями, изгнавшими его со своего стола и преследовавшими до границ Рязанской земли. Святослав Ольгович из Козельска бежал «к Осетру» (то есть к р. Осетр – так записано в большинстве летописей, лишь в Никоновской летописи Осетр назван «градом»)¹, а оттуда пришел в Колтеск (рядом с современной Каширой) (ПСРЛ, 1845. С. 28–29; 1856. С. 38; 1862. С. 171). Ростиславль в этих перемещениях Святослава Ольговича ни в одной из летописей не упомянут², хотя миновать его здесь было бы трудно. Правда, Ростиславль принадлежал Рязани, а Святослав передвигался по окраинам Черниговской земли. Однако Осетр (будь то город или река), располагавшийся на границе Рязанской и Черниговской земель, летописи все же упоминают. Во всяком случае, молчание летописей о Ростиславле в подобной ситуации допустимо рассматривать в качестве косвенного свидетельства о том, что такого города в 1146–1147 гг. еще просто не существовало.

Итак, 1153 г. (или 50-е гг. XII столетия) можно считать в значительной степени достоверной датой основания города, построенного по решению муромо-рязанского князя Ростислава (занявшего Муромский стол в 1145 г., после смерти своего старшего брата Святослава Ярославича, и сразу же посадившего в Рязани своего сына Глеба, а в скором времени переместившего в Рязань собственную резиденцию). Летописное сообщение свидетельствует о том, что основание города представляло собой единовременный акт постройки крепости по инициативе княжеской администрации. Данные археологических раскопок этому сообщению не противоречат, поскольку самые ранние древнерусские материалы на территории городища датируются временем не

¹ Мы склонны согласиться с А.Г. Кузьминым, считающим это уточнение Никоновской летописи поздним прибавлением, хотя предположение, что Осетром первоначально (до XVI в.) назывался город Зарайск, представляется нам недостаточно обоснованным.

² Разумеется, до 1153 г. он мог называться иначе, однако летописи не называют и каких-либо иных городов в этом районе.

ранее середины XII в. Тогда же появились в окрестностях Ростиславля, в междуречье Осетра и Смедвы, несколько десятков сельских поселений, керамика которых была идентична керамике Ростиславля, изготавливавшейся на посаде города (*Коваль*, 1997. С. 120–128). В свою очередь, керамика Ростиславля обнаруживает черты близкого сходства с керамической посудой XII в. из Посеймья и Подесенья (*Коваль*, 1996. С. 119), что может объясняться массовым притоком в Среднее Поочье населения с территории Черниговского и Переяславльского княжеств. Приток больших масс населения с юго-запада как раз в середине XII в. прослеживается и по материалам Старой Рязани (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 44–47). В район Ростиславля население прибывало, возможно, с Деснинского Левобережья, из долины р. Остер, название которой близко имени р. Осетр, впадающей в Оку неподалеку от Ростиславля.

О том, какое население проживало в междуречье Осетра и Смедвы до прихода переселенцев с юго-запада, известно очень мало. Данный участок Среднего Поочья входил в состав Земли вятичей. В XI в. в Поочье существовали славянские поселения, в материальной культуре жителей которых сохранялись элементы роменской культуры VIII–X вв. Возможно, здесь размещалась какая-то группа вятичского населения. В XII в. присутствие в этом регионе вятичей фиксируется материалами раскопок среднеокских курганных могильников (Клишинские, Смедовские, Апонитишинские курганы и др.), где были найдены типичные вятичские украшения, в том числе, семилопастные височные кольца. Вятичи остались в Среднем Поочье и после прихода сюда населения из Подесенья. Во всяком случае, обломки семилопастных височных колец вятичей обнаружены и на Ростиславле, в комплексах второй половины XII в. (*Коваль*, 1996. Рис. 3, Б; 4, Д).

В условиях активной иммиграции в Среднее Поочье основание Ростиславля могло преследовать цель установления контроля княжеской администрации над новообразовавшимся густозаселенным районом. Кроме того, Ростиславль мог выступать в роли военной базы, важной в стратегическом отношении крепости, расположенной на крайнем северо-западном рубеже Рязанского княжества и нацеленной на захват новых земель по направлению к верховьям Оки. Заметим, что ближайшие в Поочье черниговские владения охранялись городом Колтеском, располагавшимся в 40 км к западу от Ростиславля, также на правом берегу Оки. Колтеск контроли-

ровал плотно заселенный район в долине речки Мутенки, верховья которой смыкаются с долиной реки Смедвы, находившейся уже в рязанских владениях. Захват Рязанью междуречья Осетра и Смедвы (а возможно, и территорий к западу от Смедвы, вплоть до Колтеска) может быть связан с участием рязанских войск в походе Юрия Долгорукого на Черниговское княжество в 1152 г., когда союзное войско «поидоша на Вятичь и взяша ихъ; таже и Мченскъ, да Спашъ, да Глуховъ», а затем осадило сам Чернигов (ПСРЛ, 1856. С. 58). На следующий год между Осетром и Смедвой возникает Ростиславль.

Следующее известие о Ростиславле датируется 1183 г. В мае этого года Ростиславль, наряду с Коломной и Борисовым, стал одним из пунктов сбора войск коалиции русских князей, организованной и возглавленной владимиросудальским князем Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо для похода на Волжскую Булгарию. Поход был начат 20 мая из Владимира сухим путем и на судах, которые спустились вниз по Оке, а затем по Волге до Булгара. Таким образом, уже спустя 30 лет после своего основания, Ростиславль стал одним из крупных городов Рязанской земли, известных далеко за ее пределами. Данное сообщение приводится В.Н. Татищевым без ссылки на источник (*Татищев*, 1964. С. 129), однако нет оснований сомневаться в его достоверности.

XIII век – «темный» период истории Ростиславля, когда письменные источники о нем хранят полное молчание. Нет его и в списках городов, разоренных нашествием Батыя в 1237–1240 гг. Однако, учитывая маршрут движения монгольских войск зимой 1237/38 гг. от Рязани к Москве и известие о крупном сражении монголо-татарских и русских войск под стенами Коломны, трудно допустить мысль, что Ростиславль, располагавшийся на берегу Оки неподалеку от Коломны, не пострадал от нашествия. Скорее всего, он был разгромлен одновременно с Коломной³.

В начале XIV в. значение Ростиславля должно было сильно возрасти в связи с результатами войны 1300 г. между московским князем Даниилом Александровичем и рязанским князем Константином Романовичем, закончившейся пленением последнего в битве, а затем его убийством в московской темнице в 1306 г. и захватом Москвой Коломны и всей Коломенской волости (*Мазуров*, 2001. С. 92–99). Вероятно, Ростиславль на какое-то время стал центром удела внутри Рязанского княжества⁴, причем именно на долю

³ Археологически следы погрома 1237 г. на городище не прослеживаются, однако материальная культура города в середине XIII в. заметно поменялась, что могло быть связано со сменой городского населения.

⁴ По мнению некоторых исследователей, Ростиславль мог стать центром удела еще в 1270 г., после убийства в Орде рязанского князя Романа Ольговича, когда Константину Романовичу он мог достаться вместе с Переяславлем (или без него) и со всеми северо-западными землями княжества (*Цепков*, 1996а. С. 179). Рязанским князем Константин стал, вероятно, только в 1299 г.

этого удела легла основная тяжесть борьбы за возвращение Коломны и отражение экспансии Москвы. Во всяком случае, в 1320 г. московскому князю Юрию Даниловичу (уби́вшему ранее Константина Рязанского) пришлось совершить новый поход на рязанского князя Ивана и заключить с ним мирный договор, вероятно, с целью удержания Коломны. Этот князь Иван в Новгородской первой летописи младшего извода назван Иваном *Ростиславльским* (НПЛ, 1950. С. 338, 457). Вряд ли здесь могла быть допущена ошибка (не столь уж знаменит был Ростиславль в XIII в., чтобы его могли перепутать с Рязанью), скорее, в 1320 г. князь Иван владел Ростиславльским уделом, хотя впоследствии мог перейти и на Рязанский стол. Возможно, Иван Ростиславльский был одним из сыновей Константина Романовича, наряду с Василием Константиновичем, убитым в Орде в 1308 г. (ПСРЛ, 1885. С. 176)⁵. Однако большинство историков считает, что Иван Ростиславльский был сыном Ярослава Романовича (ПСРЛ, 1856. С. 243; *Андреев*, 1918. С. 788–789; *Кузьмин*, 1965. С. 198; *Цепков*, 1996а. С. 180), князя Пронского, который с 1294 по 1299 г. занимал великокняжеский Рязанский стол⁶. Летописи называют под 1327 г. Ивана Ярославича Рязанского (ПСРЛ, 1856. С. 243; 1885. С. 194), убитого татарами, который, скорее всего, является тем же самым лицом, что и Иван Ростиславльский. Убийство этого князя весьма таинственно, поскольку летописи сообщают о нем противоречивые сведения. Большинство из них утверждают, что Иван Ярославич был убит в Орде по повелению хана Узбека (Азбьяка), однако это сообщение располагается в текстах сразу после описания карательного похода татар на Тверь (ПСРЛ, 1856. С. 201; 1863. С. 98; 1885. С. 194; 1913. С. 90; 1949. С. 168), возглавлявшегося московским князем Иваном Даниловичем Калитой. Следовательно, убийство могло быть совершено и во время этого похода. В любом случае причина этой акции ордынцев остается неясной, что усугубляется сообщением Никоновской летописи об убийстве в том же 1327 г., и тоже в Орде, еще одного «рязанского князя» Василия⁷ (ПСРЛ, 1885. С. 194). Таким образом, в Рязанском княжестве в начале XIV в. имелось несколько удельных князей и «великий князь», занимавший стол в Переяславле-Рязанском.

Следующее летописное известие о Ростиславле датируется 1342 г., однако ему предшествовал целый ряд событий, без обзора которых это сообщение не может быть правильно понято. Сразу же после смерти Ивана Ярославича, в 1327 г., великим рязанским князем стал его сын – Иван Иванович по прозвищу Коротопол (ПСРЛ, 1856. С. 243), запятнавший свое имя убийством в 1340 г. двоюродного брата – пронского князя Александра Михайловича, направлявшегося в Орду с данью («выходом»). Иван Иванович не только убил, но и ограбил князя Александра, приведя его в Переяславль-Рязанский. Можно предположить, что причиной убийства послужило соперничество рязанского и пронского князей за главенство в Рязанской земле и, соответственно, за право уплаты Орде «выхода». Видимо, до 1340 г. Пронск платил «выход» не самостоятельно, а через руки рязанского князя и такое проявление самостоятельности Александра Михайловича послужило причиной для решительных действий со стороны Ивана Коротопола. Момент показался ему удобным, вероятно, потому, что он в этот момент шел к Переяславлю с большим ордынским войском, направлявшимся на захват Смоленска, причем Иван Коротопол занимал в этом походе одно из первых мест (возможно, был одним из его руководителей, наряду с «послом» Тавлублием), поскольку выехал из Орды вместе с этим войском и следовал с ним до самого Смоленска, тогда как другие русские князья присоединились к походу позднее, уже на марше, по приказу хана (ПСРЛ, 1856. С. 243; 1885. С. 211; 1913. С. 93). Через два года, в 1342 г., сын убитого пронского князя Ярослав Александрович сумел добиться в Орде не только ярлыка на Великое Рязанское княжение, но и получить крупный военный отряд для приведения в действие этого указа. Успеху задуманной князем Ярославом мести способствовала смена власти в Орде, где после смерти Узбека ханом стал его сын Джанибек. Ярослав Александрович Пронский подошел к Переяславлю с войском, возглавлявшимся «послом» Киндяком. Иван Иванович Коротопол затворился в городе, но сумел продержаться в нем только одни сутки, после чего бежал, а Переяславль-Рязанский был взят татарами, при этом «много христиан полони, а иных изби». Иными словами, город подвергся жестокому разорению

⁵ Н.М. Карамзин упоминает еще Ярослава Константиновича, якобы занявшего Рязанское великое княжение в 1307 г. (*Карамзин*, 1819. С. 172), однако в летописях такой князь не упоминается и его появление в трудах Н.М. Карамзина, вероятно, является результатом ошибки.

⁶ Следовательно, Иван Ярославич являлся племянником Константина Романовича, убитого в Москве. Великим рязанским князем он мог стать не ранее 1320 г., поскольку в этом году он еще был ростиславльским князем. Остается неясным, кто был великим рязанским князем между 1303 г. (годом смерти Михаила Ярославича) и 1320 г. Возможно, после 1303 г. им являлся сын Константина Василий, убитый в Орде в 1308 г.

⁷ Предполагают, что это был сын также убитого в Орде Василия Константиновича (*Цепков*, 1996а. С. 181). Возможно, казнь рязанских князей, оказавшихся в Орде в тот момент, когда пришло известие об избиении в Твери ордынского отряда во главе с «послом» Чол-ханом (Щелканом) и всех ордынских купцов, являлась мстью и акцией устрашения разгневанного хана за восстание своих русских вассалов. Однако не исключено, что большую роль в этих казнях играли интриги московских князей.

татарами. Что касается князя Ивана, то о нем летописи глухо упоминают, что на следующий год (1343 г.) он «убиен бысть». Воскресенская летопись добавляет – «в Рязани» (ПСРЛ, 1856. С. 209), но под этим названием понимается, скорее всего, не город, а все княжество⁸. Кто и при каких обстоятельствах убил Ивана Коротопола, остается неясным, но, видимо, это были не татары, иначе летописи не преминули бы вменить им это в вину. Надо полагать, что организатором убийства был все же Ярослав Александрович, жаждавший мести.

И вот, сразу после описания взятия и разорения Переяславля-Рязанского ордынскими войсками, пришедшими с Ярославом Александровичем, под 1342 г., летописи указывают: «а князь Ярослав седе в Ростиславле (во граде Ростиславле Рязанском)» (ПСРЛ, 1856. С. 209; 1885. С. 215; 1910. С. 181; 1913. С. 94; 1949. С. 175). Это летописное сообщение более столетия вызывало недоумение историков. Еще Д.И. Иловайский высказывал предположение, что в этом месте летописцем была допущена ошибка и вместо «Ростиславль» надо было бы читать «Переяславль» (*Иловайский*, 1858. С. 309). Однако для подобных сомнений нет достаточных оснований. Ведь Ростиславль упомянут в данном контексте не в одной, а в нескольких летописях (Никоновской, Воскресенской, Симеоновской, Троицкой, Львовской), имеющих к тому же много списков, то есть возможность случайной ошибки переписчика исключается, а предполагать ошибку протографа кажется нам излишним. В самом деле, нет ничего странного в желании Ярослава Александровича удалиться из Переяславля в какой-либо иной город, поскольку жители столицы неизбежно должны были крайне враждебно относиться к «чужому» князю, силой захватившему власть в их городе, приведшему к ним татар, разоривших Переяславль, убивших и уведших в рабство многих его жителей. Очевидно, Ярославу Александровичу была необходима какая-то альтернатива стольному городу. При этом он не мог возвратиться в Пронск, возможно потому, что опасался потерять там контроль над Великим Рязанским княжеством, либо потому, что Пронск к этому времени уже отошел к одному из его двух братьев (см. ниже). Выбор Ростислава мог определяться следующими причинами:

1) это был один из крупнейших городов Рязанской земли XIV в., удаленный на максимальное расстояние от границ с Ордой;

2) Ростиславль являлся удельным владением отца Ивана Коротопола, то есть он мог занимать в княжестве привилегированное положение;

3) Переяславль в 1342 г. не обладал еще авторитетом утвердившейся столицы княжества, т. к. резиденция великого князя была перенесена сюда из Старой Рязани, вероятно, не ранее конца XIII в. (а возможно и позже);

4) Ростиславль находился в непосредственной близости от владений Москвы, а московские великие князья могли поддерживать притязания пронского князя на рязанский престол исходя из своих интересов разобщения Рязанской земли. Во всяком случае, тридцатью годами позже Москва всячески способствовала таким притязаниям и в 1372 г. послала войско для свержения рязанского князя Олега Ивановича, на место которого в Переяславле был посажен именно пронский князь – Владимир Дмитриевич⁹. Вмешивалась Москва в рязанско-пронские конфликты и впоследствии.

Вероятно, Ростиславль оставался фактической столицей Великого княжества Рязанского вплоть до 1344 г., то есть до смерти Ярослава Александровича Пронского. В дальнейшем он упоминается лишь в «Списке русских городов дальних и ближних», составленном между 1371 и 1396 гг. (*Тихомиров*, 1979. С. 88, 95; *Наумов*, 1974. С. 131; *Янин*, 1995. С. 156). Преемником Ярослава Александровича стал его брат Василий Александрович, умерший в 1350 г. (ПСРЛ, 1885. С. 221; 1910. С. 186; 1913. С. 97)¹⁰. Неясно, в какое время рязанское княжение находилось в руках еще одного его брата – Ивана Александровича, который, согласно жалованной грамоте Олега Ивановича Рязанского (княжил с 1353 по 1402 гг.), был его отцом (АИ, 1841. С. 2)¹¹. Возможно, этот период приходился на 1344–1349 гг. – тогда Василий Александрович княжил не более одного года (в 1350 г.), а малолетний Олег Иванович начал править в 1350/51 г. (*Цепков*, 1996б. С. 174). Однако возможен и другой вариант – Василий Александрович был князем в 1344–1350 гг., а Иван Александрович – в 1350–1353 гг.

50-е и 60-е годы XIV в. были временем острого противостояния Москвы и Рязани в Среднем Поочье. 22 июня 1353 г. рязанцы захватили

⁸ Иначе говоря, Иван Иванович Коротопол, видимо, не успел бежать из пределов Рязанской земли, то есть был пойман и убит здесь же. Однако между взятием Переяславля татарами и его поимкой прошло некоторое время.

⁹ Этот князь имел определенные права на Рязанский стол, поскольку являлся сыном Ярослава Александровича, христианское имя которого, вероятно, было Дмитрий (*Цепков*, 1996б. С. 172). Продержаться на Рязанском столе Владимиру Дмитриевичу не удалось – в том же 1372 г. Олег Иванович сумел изгнать его из Переяславля и вернуть себе княжество.

¹⁰ Д.И. Иловайский считал, что братом Ярослава Александровича был именно Иван, умерший в 1350 г., а не Василий Александрович, имя которого могло быть плодом ошибки переписчика (*Иловайский*, 1858. С. 313).

¹¹ Следует упомянуть, что Воскресенская летопись называет отцом Олега Ивановича Ивана Коротопола (ПСРЛ, 1856. С. 243). Однако в договорной грамоте 1402 г. рязанского князя Федора Олеговича Иван Александрович назван его дедом и, следовательно, отцом Олега Ивановича (СГГД, 1813. С. 65, 66).

Лопастну (Лопасню) (ПСРЛ, 1885. С. 227), до этого времени находившуюся во владении Москвы. Вероятно, этот захват явился ответом на экспансию Москвы, завладевшей между 1339 и 1356 г., как это видно из духовных грамот Ивана Калиты и Ивана Красного, Каширой и Боровском, принадлежавшими прежде Рязанскому княжеству. Из договорной грамоты 1381 г. Олега Рязанского с Дмитрием Ивановичем Московским известно, что города Боровск, Лужа и Верея были признаны Рязанью (почти через 50 лет после их фактического отторжения!) в качестве Московских владений (СГГД, 1813. С. 54). В этой ситуации роль Ростиславля как пограничного города на северо-западе рязанских рубежей должна была непрерывно возрастать. Последовавшие конфликты Олега Ивановича с Москвой, вылившиеся в походы московских войск на рязанские земли в 1372, 1380, 1382 гг. (наверняка затрагивавшие Ростиславль) и во временный захват Олегом Коломны в 1385 г., также способствовали росту военно-стратегического значения Ростиславля. Лишь после заключения в 1386 г. «вечно-го мира» между Москвой и Рязанью военный и политический вес Ростиславля мог несколько снизиться.

Неизбежно должна была сказаться на Ростиславле эпидемия чумы, охватившая в 1362–1364 гг. всю Русь и поразившая население соседних с Ростиславлем Рязани и Коломны (ПСРЛ, 1897. С. 3). В 1398 г. Ростиславль мог быть разорен великим князем Литовским Витовтом, совершившим поход на Рязанскую землю и посетившим Коломну (ПСРЛ, 1897. С. 166; 1859. С. 70). Этот поход явился ответом на серию нападений Олега Ивановича Рязанского на Литовское княжество с целью возвращения Смоленска своему зятю Юрию Святославичу.

В 1408 (1409?) г. разгорелся новый конфликт между рязанским и пронским князьями, обостривший военно-политическую ситуацию в Среднем Поочье. Пронский князь Иван Владимирович повторил комбинацию, разыгранную его дедом Ярославом Александровичем 65 лет назад, получив у хана Булат-Султана войско для захвата Рязани (и, очевидно, ярлык на великое рязанское княжение). Ему удалось вначале выгнать рязанского князя Федора Олеговича (сына Олега Ивановича) из Переяславля, а затем в битве на р. Смедве разгромить войско, которое тот получил в помощь у московского князя (оно состояло из отрядов коломенцев и муромцев). Ростиславль, вероятно, также был втянут в эту войну. Впрочем, Иван Владимирович был вынужден в том же году возвратить рязанское княжение Федору Олеговичу и заключить с ним мир (ПСРЛ, 1897.

С. 203, 204), видимо, под давлением все той же Москвы¹².

В середине XV в. Ростиславль оставался пограничным городом, прикрывавшим рязанские земли с севера. Однако стабилизация отношений Москвы с Рязанью в период княжений Федора Олеговича и его сына Ивана Федоровича все более снижала значение Ростиславля как пограничной крепости, военного форпоста. После смерти Ивана Федоровича в 1456 г. и в период, когда его малолетний сын Василий находился под опекой при дворе Великих князей Московских Василия II и Ивана III, а рязанские города управлялись московскими наместниками (1456–1464 гг.), отношения Рязани с Москвой приобретают уже оттенок подчиненности. Василий Иванович Рязанский, женатый на сестре Ивана III Анне, вероятно, был вынужден уступить (продать?) Москве огромные западные владения Рязани, простиравшиеся от Тулы и границ бывших Тарусского и Козельского княжеств до р. Смедвы. Во всяком случае, по договору 1483 г. между Иваном III и рязанским великим князем Иваном Васильевичем, сыном Василия Ивановича, только что вступившим на престол после смерти отца, западная граница Рязанского княжества уже проходила по нижнему течению р. Смедвы, а затем шла на юг по водоразделу до р. Осетр и далее до р. Дон (СГГД, 1813. С. 281, 282)¹³.

В этот период Ростиславль, видимо, стремительно терял свое значение, хотя все еще оставался одним из крупнейших городов Рязанского княжества. Этот процесс происходил в условиях конфронтации Рязани с татарами Большой Орды, совершавшими опустошительные набеги на рязанские земли. В 1415 г. было разорено и прекратило существование зависимое от Рязани Елецкое княжество. В 1439 г. на обратном пути после осады Москвы казанский хан Улу-Мухаммед разорил Коломну. Не исключено, что во время этого похода мог пострадать и близлежащий Ростиславль. Не могли пройти без последствий для Ростиславля и татарские набеги на рязанские земли в 1444, 1450, 1451, 1454, 1455, 1459 гг., причем в 1451, 1454 и 1455 гг. поволжские татары форсировали Оку в районе Коломны и углублялись в пределы Московского княжества. В 1451 г. они даже дошли до Москвы и сожгли ее посады (ПСРЛ, 1910. С. 262), а в 1460 г. держали шесть дней в осаде Переяславль-Рязанский. При этом татары, вероятно, разоряли окрестности Ростиславля, а может быть, и сам город. В 1472 г. Ростиславль неизбежно должен был стать жертвой нашествия Большой Орды во главе с ханом Ахматом, которое опустошило земли к югу от Оки. Известно, что когда москов-

¹² На этот раз Москва поддерживала не пронского князя, а законного рязанского правителя, поскольку Федор Олегович с 1386 г. был женат на дочери московского князя Дмитрия Ивановича Софье, чей сын Иван был наследником рязанского престола.

¹³ Утрата земель к западу от р. Смедвы произошла между 1447 г. (тогда московско-рязанский договор еще фиксировал границу по Оке вплоть до Лопасни и тарусских земель) и 1483 г.

ские войска вышли к Оке для противостояния Ахмату, их основные силы, возглавляемые самим великим князем Иваном III, стояли «под *Ростиславлем*» (ПСРЛ, 1848. С. 151; 1853. С. 32)¹⁴. Следовательно, на этом участке положение было более опасным и здесь можно было ожидать попытку татар форсировать Оку (в гораздо более удобной для пребывания князя Коломне, например, был оставлен касимовский царевич Даньяр).

Сейчас трудно сказать, какой вред нанесли Ростиславлю эти военные действия. Наряду с разорением, можно допустить и одновременное увеличение численности жителей города и его окрестностей, поскольку отток населения происходил прежде всего из южных окраин Рязанской земли, а наиболее безопасными становились приокские земли княжества, располагавшиеся на максимальном удалении от степей. Поэтому нельзя исключать, что на каких-то этапах XV в. в жизни Ростиславля могло произойти даже некоторое оживление, подпитываемое этими новыми переселенцами. О том, что в конце XV в. Ростиславль еще оставался одним из крупнейших городов Рязанской земли, свидетельствует договорная грамота детей князя Василия Ивановича Рязанского – Ивана и Федора, – составленная в 1496 г. Грамота фиксировала раздел земель между старшим братом Иваном Васильевичем, получившим Великое Рязанское княжение и младшим братом Федором. Согласно завещанию отца, Ростиславль отходил Ивану, причем в списке городов, оставленных ему, Ростиславль назван на втором месте после столичного Переяславля и раньше Пронска (СГГД, 1813. С. 326). Вероятно, в это время Ростиславль еще считался очень важным владением. Во всяком случае, младшему сыну Федору князь Василий оставил Перевитск и Старую Рязань, которые, видимо, рассматривались как второстепенные города. После смерти Федора Васильевича в 1503 г. его доля рязанских земель перешла по завещанию Московскому Великому князю Ивану III. С этого момента Ростиславль оказался окружен московскими владениями со всех сторон кроме южного направления.

В начале XVI в. Ростиславль оставался крупным административным центром на северо-западе Рязанской земли. Он являлся центром Ростиславльского уезда, существовавшего, вероятно, и в XV в. (его земли располагались в треугольнике между Окой, Смедвой и Осетром), где находилась резиденция наместника. Актовые материалы фиксируют присутствие ростиславльских наместников в 1502 и 1504 гг. (АСЭИ, 1964. С. 384, 390). Известно также, что в 1518 г. рязанский князь Иван Иванович назначил ростиславльским наместником боярина Михаила Дмитриевича Кобякова (АСЭИ, 1964. С. 398). После

окончательного присоединения Рязанского княжества к Москве в 1521 г. и бегства последнего рязанского великого князя Ивана Ивановича (1500–1521 гг.) в Литву Ростиславль утратил свое значение крупного центра, уступив его соседнему Зарайску, где к 1531 г. была выстроена кирпичная крепость. Во всяком случае, в завещании царя Ивана IV Васильевича (1572 г.) Ростиславль среди рязанских городов уже не упоминается, хотя там значится Старая Рязань (ДАИ, 1846. С. 380). Однако он продолжал оставаться центром Ростиславльского стана в составе Рязанского уезда, границы которого, вероятно, совпадали с пределами Ростиславльского уезда Рязанского княжества.

Для XVI в. не сохранилось ни одного упоминания о Ростиславле как о городе. Зато он появляется на страницах летописей в качестве важного ориентира при описании столкновений крымских татар (совершавших регулярные набеги на рязанские, тульские и верхнеокские земли) и московского войска, занимавшего оборону на северном берегу Оки. Главной задачей этого войска, растянувшего свои отряды от Коломны до Серпухова и Калуги, было не допустить форсирования татарами Оки и опустошения центральных районов Руси. Татарские набеги на рязанские земли, прекратившиеся ненадолго в конце XV – начале XVI в. из-за временного союза Москвы и Крыма, возобновились в 1511 г., когда этот союз распался. В июле 1521 г. соединенные силы крымских и казанских татар под руководством крымского хана Махмед-Гирея, преодолев Окский рубеж между Каширой и Серпуховым, разорили окрестности Коломны (РК, 1977а. С. 177, 178), а отдельные их отряды доходили до подмосковных волостей. В этой ситуации Ростиславль и его округа также могли стать объектом нападения со стороны татарских отрядов.

Начиная с 1521 г., московские войска стали ежегодно выдвигаться на Окский рубеж, который в документах того времени именовался просто берегом. В 1522 г. в ожидании набега крымцев Василий III стоял под Коломной, а «*против Ростисловля*» располагался полк левой руки, возглавлявшийся воеводами окольным Иваном Васильевичем Хабаром Симским¹⁵, окольным Иваном Васильевичем Ляцким и Иваном Васильевичем Лошаковым-Колычковым (РК, 1966. С. 69; 1977а. С. 185). Через год, в 1523 г. крымские татары под предводительством хана Ислам-Гирея вышли к берегу Оки, где уже стояли московские войска. При этом Новгородская II летопись уточняет, что Ислам-Гирей пришел на Оку «*под Ростиславль*» (ПСРЛ, 1841. С. 199). Здесь происходила перестрелка через Оку между татарами и московскими войсками, возглавлявшимися воеводой князем Федором Мстиславским. Форсировать Оку татары не решились и отошли

¹⁴ Нет никаких данных о том, что Иван III посещал Ростиславль. Он располагался в полевом лагере на левом берегу Оки в ожидании прихода татарских войск.

¹⁵ В 1520 г. этот воевода был московским наместником в Рязани (РК, 1977а. С. 175).

в степи. Был ли тогда Ростиславль взят и разрушен татарами, источники не сообщают, однако такой вариант следует считать наиболее вероятным, поскольку к Оке татары выходили в надежде переправиться на московский берег, а осуществлять такую переправу, оставив у себя за спиной вражескую крепость, было слишком опасно. Следовательно, овладение Ростиславлем должно было стать их первоочередной задачей.

Минуло всего 5 лет, и осенью 1528 г. войско Ислам-Гирея вновь вышло к Оке, подвергнув разорению рязанские земли. При этом в Москву поступили известия, что татары собираются переправляться через Оку под Ростиславлем (РК, 1966. С. 71; 1977б. С. 203). Разрядные книги сообщают, что в это время «на Ростиславле» были воеводы князь Василий Семенович Ших-Одоевский (Швих-Одоевский), князь Федор Васильевич Лопата-Оболенский, князь Василий Иванович Репнин и князь Микита Дмитриевич Щетина-Оболенский (РК, 1966. С. 71; 1977б. С. 204). Судя по списку воевод, под их началом находился весьма значительный отряд. Однако из источника не совсем ясно, где этот отряд располагался. Вероятно, слова «на Ростиславле» надо понимать так, что он стоял на левом (московском) берегу Оки напротив города, а вовсе не в его стенах, поскольку при описании последующих событий сообщается, что после того как, опять же, «на Ростиславль» подошли из-под Каширы подкрепления, возглавлявшиеся воеводами князьями Федором Мстиславским, Федором Телепневым-Овчиной и Петром Охлябинным соединенные войска «учели битися с Ысламом об реку накрепко и за реку Ислама не пропустили» (РК, 1977б. С. 199, 201). Иначе говоря, эти войска воспрепятствовали попытке крымцев форсировать Оку под Ростиславлем. После того, как основные силы татар стали отходить от Оки, на рязанский берег был переправлен отряд, состоявший из детей боярских, который в бою у Зарайска «татар многих побил».

В 1529 г. татары не приходили, но московские войска все лето простояли «на берегу», причем «против Ростиславля» стояли воеводы князь Михаил Иванович Кубенской, князь Иван Федорович Телепнев-Овчина и Иван Васильевич Ляцкой (Лядцков) (РК, 1966. С. 73; 1977б. С. 210). Позже их сменили князья Ю.М. Булгаков, Н.Д. Щепин, Ю.В. и В.В. Чюлюк-Ушатые, а затем – князь В.А. Микулинский (РК, 1977б. С. 211, 212), продолживший свою службу здесь в 1530 г. (РК, 1966. С. 74). В 1531 г. против Ростиславля стоял отряд под командованием князя Н.В. Оболенского-Хромого и И.Н. Бутурлина (РК, 1966. С. 75; 1977б. С. 223). В 1532 г. их сменили князь В.А. Микулинский, В.А. Шереметев и В.П. Борисов.

С 1533 по 1537 гг. в росписи воевод «по берегу» пункт «против Ростиславля» не упоминается

(в эти годы полки стояли только в Коломне, Кашире, на Угре и в Рязани), однако в 1538 г. разряды сообщают, что здесь размещался передовой полк под командованием князей В.А. Микулинского, С.И. Пунькова-Микулинского и В.В. Чюлюк-Ушатого (РК, 1977б. С. 273). В это время татары дважды совершали набеги на рязанские земли: в 1533 г. (ПСРЛ, 1853. С. 266) и в 1535 г. (ПСРЛ, 1848. С. 301; 1904. С. 97; 1914. С. 431), причем в обоих случаях доходили до Оки, и Ростиславль мог становиться объектом их нападения. В 1533 г. татары даже осаждали Переяславль-Рязанский.

В 1541 г., когда крымский хан Саиб-Гирей совершил крупный набег на рязанские земли, впервые привезя с собой пушки (предоставленные турками), и на несколько дней осадил Зарайск (ПСРЛ, 1859. С. 296; 1904. С. 138), его войска вышли на берег Оки «под Ростиславль» (РК, 1977б. С. 295). На этот раз Ростиславль несомненно подвергся разгрому, поскольку 30 июля здесь произошло крупное сражение между татарским войском, сделавшим попытку переправиться через Оку, и московскими отрядами. Татарам противостоял подоспевший передовой полк (из числа войск, посланных «на берег») под командованием князей Ивана Ивановича Туронтая Пронского и Василия Федоровича Охлябинина. Саиб-Гирей при этом «стал на горе на высоком месте», то есть, вероятно, на самом Ростиславле или где-то совсем рядом с ним, потому что в других местах на этом участке берега отсутствует возможность для широкого обзора. Сражение 1541 г. отличалось от всех предшествовавших русско-татарских столкновений тем, что здесь впервые разыгралась настоящая артиллерийская дуэль между московскими и турецкими пушками и пищальниками¹⁶. В этой дуэли победили москвичи, которым удалось разбить много турецких пушек (ПСРЛ, 1859. С. 299, 300; 1904. С. 139; 1914. С. 457, 458). А к вечеру 30 июля московские войска стали подвозить к месту сражения большие пушки, что вызвало панику в рядах татар: рано утром следующего дня в спешном порядке они стали отходить в степи, бросив часть награбленной добычи.

В 1540-х гг. стала действовать передовая линия обороны от крымских набегов, опиравшаяся на крепости в Пронске, Михайлове, Зарайске, Туле, Одоеве, Белеве и др., а также на формирующуюся Большую засечную черту (ее строительство было завершено к 1566 г.). Начиная с 1541 г. московский отряд стал дислоцироваться в Зарайске (РК, 1977б. С. 295 и сл.). Вероятно, такая активизация обороны могла несколько улучшить положение Ростиславля, но после многочисленных разгромов это вряд ли могло оживить умирающий город, тем более, что рядом с ним вырос хорошо укрепленный Зарайск. Между тем, татарам и ногайцам по-пре-

¹⁶ Впервые артиллерия была выведена на окский рубеж еще в 1532 г. (ПСРЛ, 1853. С. 266).

жнему удавалось глубоко проникать в пределы русских земель (в 1542 г. они доходили до Зарайска) (ПСРЛ, 1904. С. 143; 1914. С. 261, 262; 1965. С. 43, 44).

Во время набега Девлет-Гирея в 1552 г., по сведениям В.Н. Татищева, передовой полк «на берегу» по-прежнему стоял перед Ростиславлем и именно из-под Ростиславля отправились к осажденной татарами Туле воеводы князя И.И. Пронский и Д.И. Хилков (*Татищев*, 1964. С. 192, 193). Однако в 1553–1555 гг. передовой полк размещался снова в Зарайске (РК, 1978. С. 451). Впрочем, такое положение сохранялось недолго и уже после 1570 г. в Зарайск крупные отряды не посылались, а передовой полк располагался в Серпухове. Между тем, в 1564 г. крымские татары вновь опустошили Рязанскую землю вплоть до р. Вожи и даже осадили Переяславль (ПСРЛ, 1906. С. 387–389), а в 1571 г. дошли до Москвы и сожгли ее. В дальнейшем (до начала XVII в.) оборона рязанских земель осуществлялась по засечной черте, а окская оборонительная линия оставалась резервной. Здесь стояли небольшие отряды, базировавшиеся в Коломне, Кашире и Калуге. Известно, например, что в 1590 г. на охрану Окского рубежа (и в том числе позиции у Ростиславля) был послан князь И.Н. Одоевский-Большой (*Богуславский*, 1995. С. 151).

Итак, Ростиславль упоминается в письменных источниках последний раз в 1552 г., однако это не означает, что жизнь здесь прекратилась сразу после этого. Некоторые археологические материалы с площадки городища позволяют утверждать, что она была застроена по крайней мере до конца XVI в. Правда, не известно, сохраняло ли существовавшее здесь поселение статус города или оно превратилось в село. Ростиславльский стан, как административная единица, продолжал существовать не только в XVI в., но и в XVII – начале XVIII в. Он упоминается в платежных книгах Рязанского уезда, составленных в 1594–1597 гг. В.Я. Волинским и И.А. Нащокиным (Писцовые книги..., 1898), а также в списке владельцев крепостных крестьян Рязанского уезда, составленном в 1722 г. (Алфавет..., 1897).

По мнению ряда краеведов, никакими фактическими данными, к сожалению, не подкрепленными (*Добролюбов*, 1884. С. 196; *Города Подмосковья*, 1981. С. 133), Ростиславль прекратил свое существование, будучи разорен в начале XVII в. «поляками». Действительно, в 1608 г. польский шляхтич полковник Александр Лисовский, воспользовавшись авантюрой Лжедмитрия II, при помощи отряда казаков захватил и разорил поочередно Пронск, Зарайск и Коломну (*Карамзин*, 1829. С. 78, 88; *Соловьев*, 1960. С. 493). Во время этого похода Ростиславль также вполне мог подвергнуться разорению. В то же время, не исклю-

чено, что большой урон поселению на Ростиславле нанесли крымские татары или ногайцы, которые в начале XVII в., воспользовавшись смутой в России и разрушением системы обороны на засечной черте, снова стали делать глубокие рейды по рязанским землям. В 1609 г. они сумели даже перейти Оку и разорить земли от Серпухова до Коломны. С 1611 по 1614 г. татары и ногайцы ежегодно разоряли Рязанскую землю, причем в 1613 и 1614 гг. ногайские отряды доходили до окрестностей Москвы. В 1618 г. рядом с Ростиславлем, у устья р. Осетр, Оку форсировал крупный отряд запорожских казаков под командованием гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, который двигался на помощь польскому королевичу Владиславу, осадившему Можайск (*Станиславский*, 1990. С. 183). Этот отряд целую неделю осаждал Зарайск, а впоследствии разгромил отряд коломенского воеводы Г.К. Волконского. Ясно, что в этих условиях Ростиславль мог быть разрушен (или разграблен) неоднократно.

В 1633 г. татары, вновь вторгшись в рязанские земли, дошли до Рязани и Каширы, то есть до Оки. После постройки в 1635–1646 гг. Белгородской засечной черты разорение степняками рязанских земель прекратилось, однако для Ростиславля это уже не имело значения. Книга Большому Чертежу (приложение к несохранившейся до наших дней карте России начала XVII в.), составленная в 1627 г., еще называет Ростиславль в качестве географического пункта на Оке, но *городом* он в ней не назван (точно так же, как и Старая Рязань). О том, что территория бывшего города тогда еще не была окончательно заброшена, свидетельствует обнаруженное на его площадке кладбище XVI–XVII вв. В XVII в. города как такового, вероятно, уже не существовало, однако формально Ростиславль еще числился городом, о чем свидетельствуют некоторые фискальные документы.¹⁷

В окладных книгах Рязанской епархии 1676 г. впервые упоминается «*погост Ростиславль*» с церковью Успения Пресвятой Богородицы и попом Симеоном (*Добролюбов*, 1884. С. 196, 197; *Любомудров*, 1874. С. 484), однако неясно, где располагался этот погост. Можно предположить, что к этому времени он находился уже не на территории городища, а в 300 м южнее, – там, где его фиксируют планы и карты XIX в. и где он оставался до 1937 г. Не исключено, однако, что до этого погост размещался на площадке городища и его остатками как раз и являются обнаруженные здесь погребения XVI–XVII вв.

Деревянная Успенская церковь погоста Ростиславль горела в 1838 г. и была восстановлена в 1848 г. помещиком Дмитрием Васильевичем Улитининым. В 1869 г. на ее месте построили кирпичную Троицкую церковь с приделами во имя Успения Божией Матери и св. мучеников

¹⁷ См. статью А.М. Медведя в настоящем сборнике.

Адриана и Наталии (*Добролюбов*, 1884. С. 196). В 1859–1860 гг. на погосте Ростиславль размещалось 4 двора и числилось 20 жителей (*Списки...*, 1862. С. 50; *Баранович*, 1860); в 1906 г. – 16 жителей (*Населенные места...*, 1906. С. 164, 165). Здесь же находилась церковно-приходская школа (в приход Троицкой церкви входили деревни Клинская, Каблучки и Спиридоново – Свиридоново). У местных крестьян погост в просторечии назывался Расцеслов, Расчислово, Ричиславль или Ращислов (Рошислов) (*Диттель*, 1859. С. 10; *Семенов-Тянь-Шанский*, 1873. С. 327; *Любомудров*, 1874. С. 484; *Мансуров*, 1930). После ликвидации погоста Ростиславль в 1937 г. никакая «деревня Ростиславль», ошибочно упоминаемой иногда в литературе (*Никольская*, 1981. С. 150), здесь не существовало, как не было такой деревни и до 1937 г.

В 1874 г. территория городища Ростиславль распахивалась крестьянами под посевы (*Любомудров*, 1874. С. 484). В 1937 г. Н.П. Милонов застал на площадке городища огороды местных жителей. В 1970-е годы памятник несколько раз осматривался сотрудниками Института археологии Академии наук СССР. В 1970 г.

А.А. Юшко зафиксировала размещение на площадке городища яблоневого сада, но во время посещения Ростиславля в 1975 г. Р.Л. Розенфельдтом этого сада уже не было, а площадка городища снова распахивалась. В настоящее время городище Ростиславль частично поросло лесом, большая же часть его площадки покрыта травостоем. Городище расположено в живописной местности, с него открывается красивейший вид на левобережье Оки. Таким образом, оно представляет собой не только ценный археологический объект, но и уникальный памятник природы. Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. Ростиславль объявлен памятником исторического и культурного наследия общероссийского значения (*Собрание законодательства...*, 1995. С. 1410). Это исключает возможность приватизации земли, на которой стоит памятник, и обязывает местные власти принимать меры для его охраны. Однако в будущем здесь следовало бы создать природно-ландшафтный и археологический заповедник, в границы которого вошло бы не только само городище, но и окружающая его природная среда, а также возникла бы обширная охранный зона.

Литература

- АИ. СПб., 1841. Т. 1.
Алфавит на именные книги пехотного Азовского полку. Рязань, 1897.
Андреев А., 1918. Рязанские князья // *Русский биографический словарь*. Петроград. Т. 17.
АСЭИ. М., 1964. Т. III.
Баранович М.С., 1860. Рязанская губерния // *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба*. Т. 19. СПб.
Богуславский В.В., 1995. Тульские древности. Тула. Города Подмосковья. Кн. 3. М., 1981.
ДАИ. Ч. 1. СПб., 1846.
Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
Диттель И., 1859. Старина в Зарайске и его уезде // *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым*. Кн. 2. СПб.
Добролюбов И.В., 1884. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. 1. Зарайск.
Доронина А.П., 1994. Страницы истории Озерского края. Озеры.
Иловайский Д.И., 1858. История Рязанского княжества. М.
Карамзин Н.М., 1819. История Государства Российского. Т. IV. СПб.
Карамзин Н.М., 1829. История Государства Российского. Т. XII. СПб.
Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // *Археологические памятники Москвы и Подмосковья*. Тр. МИГМ. Вып. 9. М.
Коваль В.Ю., 1997. Гончарный горн из Ростиславля Рязанского // *Археологические памятники Среднего Поочья*. Вып. 6. Рязань.
Куза А.В., 1985. Древнерусские города // *Древняя Русь: Город, замок, село*. М.
Кузьмин А.Г., 1965. Рязанское летописание. М.
Любомудров Н.В., 1974. Местногеографические древности в Рязанской губернии // *Прибавления к Рязанским Епархиальным Ведомостям*. № 21. Рязань.
Мазуров А.Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. М.
Мансуров А.А., 1930. Библиография Рязанского края // *Тр. Общества исследователей Рязанского края*. Вып. 31. Рязань.
Населенные места Рязанской губернии. Рязань, 1906.
Насонов А.Н., 1940. Монголы и Русь. М.–Л.
Насонов А.Н., 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.
Наумов Е.П., 1974. К истории летописного «Списка городов дальних и ближних» // *Летописи и хроники*. М.
Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М. НПЛ. М.–Л., 1950.
Пирязев Н.С., Пирязев С.И., 1995. Капли русской славы. Озеры.
Писцовые книги Рязанского края XVI в. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1898.
ПСРЛ. Т. III. Новгородские летописи. СПб., 1841.
ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1845.
ПСРЛ. Т. IV. Новгородская IV летопись. СПб., 1848.
ПСРЛ. Т. VI. Продолжение Софийской I летописи. СПб., 1853.
ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись. СПб., 1856.
ПСРЛ. Продолжение Воскресенской летописи. Т. VIII. СПб., 1859.
ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. СПб., 1862.
ПСРЛ. Т. XV. Тверская летопись. СПб., 1863.
ПСРЛ. Т. X. Продолжение Никоновской летописи. СПб., 1885.
ПСРЛ. Т. XI. Продолжение Никоновской летописи. СПб., 1897.
ПСРЛ. Т. XIII. Половина 1. Продолжение Никоновской летописи. СПб., 1904.
ПСРЛ. Т. XIII. Половина 2. Продолжение Никоновской летописи. СПб., 1906.

- ПСРЛ. Т. XX. Половина 1. Львовская летопись. СПб., 1910.
ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
ПСРЛ. Т. XX. Половина 2. Львовская летопись. СПб., 1914.
ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод. М.–Л., 1949.
ПСРЛ. Т. XXIX. Летописец начала царства. Александро-
Невская летопись. М., 1965.
РК. Т. 1. 1475–1598 гг. М., 1966.
РК. Т. 1. Ч. 1. 1475–1605 гг. М., 1977а.
РК. Т. 1. Ч. 2. 1475–1605 гг. М., 1977б.
РК. Т. 1. Ч. 3. 1475–1605 гг. М., 1978.
Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.
Семенов-Тянь-Шанский П.П., 1873. Географическо-
статистический словарь Российской империи.
Т. IV. СПб.
СГГД. М., 1813.
Собрание законодательства Российской Федерации. № 9.
М., 1995.
- Соловьев С.М.*, 1960. История России с древнейших вре-
мен. Кн. IV. Т. 7–8. М.
Списки населенных мест Российской империи. Т. 35. СПб.,
1862.
Станиславский А.Л., 1990. Гражданская война в России
XVII в. Казачество на переломе истории. М.
Татищев В.Н., 1964. История Российская. Т. III. М.–Л.
Тихомиров М.Н., 1979. «Список русских городов дальних
и ближних» // Русское летописание. М.
Цепков А.И., 1996а. Время присоединения Коломны к Мос-
кве // Славянские хроники. СПб.
Цепков А.И., 1996б. Родословная Великого князя Олега
Ивановича Рязанского // Славянские хроники. СПб.
Янин В.Л., 1995. К вопросу о дате составления обзора
«А се имена градом русским, дальним и ближним» //
Древнейшие государства восточной Европы. Матери-
алы и исследования. 1992–1993 гг. М.

Новые данные о Ростиславле Рязанском в XVII веке

Многолетние исследования на городище Ростиславль открыли неизвестные ранее страницы истории этого города. Однако, чем больше мы узнаем о ранней истории Ростиславля Рязанского, тем острее становятся вопросы: как же закончил свое существование этот город? когда это произошло? Высказывались различные предположения. Например о том, что это случилось в XVI, или начале XVII в. Однако лишь в последнее время финал истории города стал проясняться: раскопками здесь вскрыты постройки XVI в. Но что было позже, в XVII в.? Существовал тогда город, или уже нет?

О Ростиславле XVII в. известно мало. В.Ю. Коваль¹ высказал предположение, что Ростиславль мог пострадать в 1608 г., когда отряд казаков под командой полковника Александра Лисовского захватил и разорил поочередно Пронск, Зарайск и Коломну, а с 1611 по 1614 г., во время набегов татар и ногайцев, Ростиславль мог быть разрушен неоднократно. Однако подтверждения этим предположениям в письменных источниках отсутствуют. Тем же автором отмечалось, что в Книге Большому Чертежу Ростиславль городом не назван, а значит, к этому времени он уже превратился в село или погост².

В данной работе мы попытаемся рассмотреть отдельные моменты поздней истории Ростиславля Рязанского на основании сохранившихся в РГАДА архивных документов – «Приходных книг данных оброчных, таможенных и кабацких денег с тяглого населения» (РГАДА. Ф. 137). Согласно этим книгам, в первой половине XVII в. Ростиславль наряду с другими городами (Зарайском, Калугой, Орлом, Михайловым и пр.) входил в так называемую Владимирскую четверть и упоминается в Приходных книгах Владимирской четверти в 1613–1614 и 1631–1650 гг.

Под 1613–1614 гг. в Приходных книгах говорится: «В Ростиславле кабацких и мытных денег по окладу в прошлом в 121-м году на веру собрано было 41 р. А на нынешней на 122-й год в Ростиславле кабацкия и таможенные деньги збирают на веру же» (РИБ, 1912. С. 58)³.

Сумма, собранная в Ростиславле, вполне сопоставима, например, со сборами в Рязске, Перевитске и других небольших городах. Впрочем, имелась недоимка – 11 руб. 25 алтын. Недоимка, однако, была погашена 25 августа 1614 г. Деньги были взяты сборщиком Дмитрием Навилевым⁴ «на ростиславльских на кабацких и на верных целовальнех сбору прошлого 121-го году» (РИБ, 1912. С. 58, 81). Косвенно сам факт сбора денег с Ростиславля может свидетельствовать о том, что город в 1613–1614 гг. не разорвался (в приходных книгах факты разорения населенных пунктов оговаривались особо). Например, в Приходных книгах за те же годы содержится такая информация о Крапивне (город в Тульском уезде): «...а в прошлом в 121 году Кропивну Ивашко Зарутский с казаки выжгли и высекли...» (РИБ, 1912. С. 49). Таким образом, предположение, что Ростиславль мог быть разорен в 1611–1614 гг. пока не подтверждается. Отметим и то, что таможенные и кабацкие деньги собирались «на веру», то есть Дмитрий Навилев был официальным лицом, которое либо избиралось жителями Ростиславля специально для сбора денег, либо назначалось самим Владимирским приказом.

Приходные книги за период 1615–1630 гг., видимо, не сохранились. Лишь под 1632 г. в них отмечается, что собранная за 1631 г. мытная пошлина составила 41 рубль 31 алтын 2 деньги (деньги эти были собраны 14 ноября 1632 г.). В приписке к этому документу подтверждается,

¹См. публикуемую в настоящем сборнике статью: В.Ю. Ковалья «История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников)».

² Действительно, в Книге Большому чертежу (1627 г.) о Ростиславле говорится так: «... А ниже Коширы 20 верст Ростиславль, а под Ростиславлем пала в Оку река Осетр... А на реке Осетре вверх от Ростиславля 30 верст город Зарайск...» (КБЧ, 1950. С. 120). И еще: «А от усть реки Осетра от Ростиславля до усть реки Москвы 20 верст» (КБЧ, 1950. С. 121).

³ Мытный (таможенный) сбор – в России XVI–XVII вв. так называлась пошлина, взимаемая при провозе товаров через города и крупные селения. Различался «сухой» (плата за возы) и «водяной» мыт (плата за лодки). С 1653 г. под мытной пошлиной понималась рублевая пошлина (5% с рубля), взимаемая с лесных товаров, рогатого скота, съестных припасов (кроме хлеба). Упразднена в середине XVIII в. Кабацкий сбор – налоги с питейных заведений и продажи вина.

⁴ Дмитрий Навилев (возможно, он принадлежал к зарайской фамилии Навилевых) собирал также налоги с Тулы.

что деньги выплачены, причем, выплачены откупщиком – крестьянином Логинко Тимофеевым.

Записи 1631–1634 гг. начинаются так: «С Ростиславля мытная пошлина в откупу боярина и князя Ивана Борисовича Черкасского...». И.Б. Черкасский – фигура известная: государственный деятель, крупный землевладелец, имевший вотчины в различных уездах (Владимире, Нижнем Новгороде, владел селом Серебряные Пруды). Почему записи начала 1630-х гг начинаются с упоминания о нем? Вряд ли город Ростиславль мог входить в состав владений И.Б. Черкасского. Скорее, князь являлся «генеральным подрядчиком» по сбору средств с различных земель. В свою очередь, на этих землях существовали «субподрядчики», которые непосредственно собирали налоги. Таким образом, деньги «на веру» в 1630-е гг. в Ростиславле более не собирались – сбор отдавался на откуп частным лицам.

В 1633 г. право сбора мытных денег на год (до ноября 1634 г.) было передано каширскому

стрельцу Фролку Палкину, о чем каширскому воеводе Григорию Волконскому была послана грамота (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. Л. 169). При этом количество собираемых налогов увеличилось с 42 рублей 33 алтын до 43 рублей 16 алтын 2 денег.

В 1640 г. право сбора мытной пошлины (а других в Ростиславле середины XVII в. не собиралось) перешло каширскому посадскому человеку Ивашко Хлебникову. В 1641 г. им была выплачена мытная пошлина 64 рубля 15 алтын (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 6(а). Л. 72). Следующая запись относится к 1650 г. (1651?). Из нее явствует, что откупщиком в этот период являлся коломенский посадский человек Степан Лукьянов. На нем числилось 42 рубля 23 алтына 2 деньги (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 6. Л. 32 об.). Документы, относящиеся к более позднему времени, пока не обнаружены.

Ниже представлена сводная таблица, где приведены сведения о собранных в разное время налогах.

Годы	Сборщики	Собранная сумма
1613–1614	Дмитрий Навилев	41 рубль
1631–1632	крестьянин Логин Тимофеев	41 рубль 31 алтын 2 деньги
1632–1633	крестьянин Логин Тимофеев	42 рубля 33 алтына
1633–1634	каширский стрелец Фрол Палкин	43 рублей 16 алтын 2 денег
1640–1641	каширский посадский человек Ивашко Хлебников	64 рубля 15 алтын
1650–1651	коломенский посадский человек Степан Лукьянов	42 рубля 23 алтына 2 деньги

Как видим, жителей Ростиславля в числе сборщиков мытной пошлины нет, что довольно странно для города, если он реально существовал и имел население. Возможно, это свидетельствует о незначительности города в XVII в. и его относительно слабой социальной организации. Однако формально Ростиславль в то время несомненно еще оставался городом. Причем, в изученных документах он фигурирует под своим собственным именем, а не как *погост*.

Каково было значение Ростиславля в исследуемый период? Ни в «Разрядных книгах» XVII в., ни в «Описи городам, ведомым в разряде» (1668 г.), ни, тем более, в летописях он уже не упоминается. В XVII в. Ростиславль, видимо, уже окончательно утратил свое военное значение и не имел укреплений.

Нетрудно заметить, что на протяжении почти всего XVII в. с Ростиславля собиралась

преимущественно одна пошлина – мытная, поскольку мимо него проходили торговые пути, связывавшие южные и восточные регионы (по р. Оке). Никаких налогов с торговых или иных мест, где осуществлялось какое-либо производство, не собиралось.

Остается ряд вопросов, на которые пока нет ответа:

1. Где располагались жилые строения Ростиславля, ведь археологически комплексы XVII в. пока не выявлены?

2. Существовало ли в городе лицо, выполнявшее административные функции?

Возможно, привлечение более широкого круга источников (географических карт исследуемого периода, судебных книг и т. п.) позволит рассмотреть позднюю историю Ростиславля Рязанского гораздо шире. Можно надеяться, что в будущем архивные данные будут дополнены и археологическими находками.

Литература и источники

КБЧ. М., 1950.

РИБ. Т. 28. М., 1912.

РГАДА. Ф. 137 («Боярские и родовые книги»). Оп. 1.

Комплексные естественнонаучные исследования на городище Ростиславль Рязанский

Городище Ростиславль расположено на правом берегу р. Оки, на краю платообразной равнины, в природной зоне вторичных мелколиственных лесов, на границе дерново-подзолистых и серых лесных почв. Его географические координаты 54°52'33" северной широты, 38°37'59" восточной долготы. Среднегодовая температура – +4,5°, среднее количество осадков – 550 мм в год, длительность безморозного периода – более 135 дней.

Целью данной работы была реконструкция природно-ландшафтных условий различных этапов освоения территории, определение степени преобразования ландшафтов и их компонентов (растительного и почвенного покровов) в период существования поселения, устойчивости и обратимости преобразованных параметров к зональным факторам развития территории.

Для исследования были избраны 2 участка:

1) разрез культурного слоя и материка в эрозионном обнажении (обрыве новообразовавшегося оврага в северо-восточной части площадки детинца) (разрез 1 – *овраг*);

2) отложения культурного слоя на раскопе 5 (из южного профиля участка «Д», исследовавшегося в 2001 г.), размещающегося на площадке городища раннего железного века (разрез 2 – *раскоп 5, участок «Д»*).

Для проведения природно-ландшафтных реконструкций нами использовался комплексный естественно-научный подход, при котором, помимо детального исследования участка в поле, был отобран большой массив образцов и сделаны различные независимые анализы. Проведена серия физико-химических и биоморфных (Гольева, 1997) анализов для обоих профилей, а также радиоуглеродное датирование гуминовых кислот из почвы и культурного слоя. Анализы проводились по традиционным методикам (Аринушкина, 1970; Гольева, 2001; Чичагова, 1985). В разрезе 1 образцы отбирались по горизонтам, в разрезе 2 – последовательной колонкой через 10 см для физико-химических анализов и из наиболее перспективных участков раскопа – для биоморфного анализа вне привязки к конкретной стенке раскопа. Радиоуглеродные даты были откалиброваны с помощью калибровочной программы (Stuiver, Reimer, 1993). Результаты всех исследований представлены в таблицах 1–4. Каждый из анализов дал свой информационный срез, что

позволило путем сравнения, сопоставления и анализа полученной информации реконструировать этапы развития ландшафта и выявить устойчивость отдельных его компонентов к антропогенному воздействию.

Разрез 1 (овраг)

В стенке оврага описаны культурные слои и погребенная дерново-подзолистая почва (рис. 1). Простираение погребенной почвы наблюдалось по обеим стенкам на всей протяженности оврага, что позволило сделать вывод о типичности выбранного участка для характеристики почвенного покрова региона исследования. Растительный покров – вторичный осиново-березовый лес с доминированием кустарников – лещины, малины. В травянистом ярусе преобладает крапива, борщевик, осот, то есть типичные рудеральные растения, связанные с местообитанием человека. Ниже приводится макроморфологическое и микроскопическое (биоморфная фракция) описание горизонтов.

1. A0 (0–6 см). Дерновый горизонт: серый рыхлый, комковатый, обилие корней. Нижняя граница размытая. Переход к нижележащему горизонту постепенный по цвету. Образец содержит большое количество растительного детрита, фитолиты, кутикулярные слепки. Биоморфный комплекс близок к типичному для поверхностных горизонтов, но общее количество фитолитов несколько выше нормы. Скорее всего фитолиты сохранились от предыдущей стадии активного антропогенного преобразования территории.

2. A1+AB (6–44 см). Гумусовый и переходный горизонты и культурный слой: серовато-бурый, рыхлый, но плотнее предыдущего, комковатый. Постепенный переход вниз выражается в усилении бурой окраски. В слое встречаются обломки керамики XIII–XIV вв. Гумусовый горизонт A1 (6–26 см) – много растительного детрита, фитолитов, кутикулярных слепков и сплывших губок. Среди фитолитов выявлены формы, характерные для сорной флоры. Возможно, образец отражает заключительные стадии развития поселения, когда открытые, освоенные, удобренные участки земли стали зарастать сорной флорой. Наличие кутикулярных слепков указывает

на то, что растения разлагались на месте, то есть землю перестали перемешивать (перекапывать).

Переходный органо-минеральный горизонт АВ (26–44) см содержит большое количество

растительного детрита, фитоцитов. Образец однозначно искусственного генезиса, поскольку в естественных почвах на подобной глубине количество фитоцитов существенно меньше

Таблица 1. Данные физико-химических анализов

Горизонты, глубина (см)	pH _{водн.}	pH _{сол.}	С, %	СО ₂ , %	Р ₂ О ₅ , вал. %	Гранулометрический состав, в % (размер частиц в мм)		
						Песок, 0,25–0,01	Ил, 0,01–0,001	Пыль, менее 0,001
Овраг								
A0 (0–6)	6,85	6,25	3,47	0,03	0,32	28,98	58,60	12,86
A1 (6–26)	6,75	5,85	2,77	0,05	0,46	33,37	56,90	9,73
AB (26–44)	7,1	6,35	2,46	0,08	0,75	36,52	52,19	11,29
C (44–72)	7,1	5,6	0,38	0,11	0,17	60,84	18,43	20,73
[A1] 72–77	6,9	6,3	1,61	0,20	0,87	34,92	55,69	9,39
[A1] 80–85	7,05	6,5	1,27	0,04	0,37	38,17	56,04	5,79
[A1] 85–93	7,35	6,65	0,90	0,09	0,30	41,78	54,08	4,14
[E1] 93–110	7,8	6,9	0,26	0,03	0,14	40,85	54,48	4,67
[E1] 110–118	7,8	6,55	0,14	0,07	0,10	41,05	49,43	9,52
[E1B] 118–130	7,65	6,2	0,17	0,04	0,16	36,11	46,08	17,81
[B] 130–150	7,5	6,0	0,12	0,01	0,20	24,60	49,94	25,46
Раскоп 5 (Д)								
1. 0–5	6,95	6,6	5,55	0,09	0,95	45,09	45,15	9,76
1. 10–15	7,4	6,85	3,94	0,24	1,12	45,89	42,12	11,99
1. 20–25	7,85	7,05	4,13	0,73	2,55	47,73	39,64	12,63
1. 30–35	8,15	7,3	2,95	1,55	2,95	48,07	38,19	13,74
1/2. 35–40	8,25	7,35	2,88	1,67	3,24	50,70	37,54	11,76
2. 40–45	8,25	7,35	3,05	1,82	4,65	45,92	43,87	10,21
2. 45–50	8,35	7,4	3,28	1,60	4,08	42,91	43,03	14,06
2. 50–55	8,4	7,4	1,82	0,93	1,76	38,78	48,34	12,88
2. 55–61	8,4	7,3	1,78	0,49	1,19	38,57	46,53	14,90
3. 61–70	8,45	7,1	0,36	0,11	0,45	18,37	56,67	24,96
4. 70–100	не опр.	не опр.	не опр.	не опр.	3,16	не опр.	не опр.	не опр.

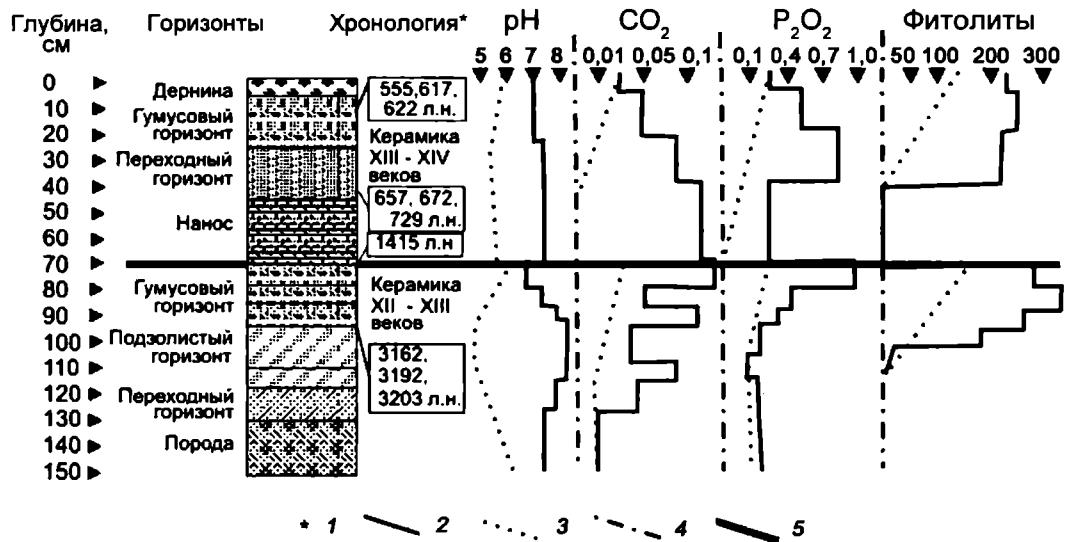

Рис. 1. Разрез 1 (овраг)

1 – в рамках приведены калиброванные радиоуглеродные даты; 2 – данные анализов образцов из оврага; 3 – параметры для зональных почв; 4 – разграничения между анализами; 5 – уровень погребенной почвы

(на один порядок). То есть это бывший огород, куда вносились органические удобрения.

3. ВС (44–72 см). Минеральный субстрат: бурый, крупно-комковатый, плотный, глинистый с примесью песка. Много кротовин из выше-лежащего горизонта. Нижняя граница резкая, ровная, определяется по цвету. Биоморф нет – при создании этой насыпи органический материал не использовался.

4. [A1] (72–93 см). Погребенный гумусовый горизонт: светло-серый, плотный, пылевато-комковатый. Нижняя граница плавная, заметна по цвету. В горизонте встречаются артефакты в виде керамики XII–XIII вв. Максимальная их приуроченность в верхних горизонтах – 10 см. Верхняя часть погребенного гумусового горизонта [A1] (72–77 см) содержит много разнообразных фитоцитов, среди которых есть формы, характерные для сорных растений (то есть растений, произрастающих в непосредственной близости от жилья) и культурных злаков. Возможно, на данном месте был огород, куда вносились органические удобрения и который поливался

проточными водами, что обусловило наличие в образце спикул губок – микроскопических частиц водных животных. Только этим можно объяснить присутствие в образце фитоцитов хвойных и лесных растений, поскольку леса тем более хвойного, на данном месте уже давным было. Средняя часть погребенного гумусового горизонта [A1] (80–85 см) также характеризуется большим количеством растительного детрита и фитоцитов. Столь высокое количество фитоцитов не характерно для почв. Очевидно растительное сырье частично привнесено извне человеком, возможно в виде органических удобрений (навоз, зола). Нижняя часть погребенного гумусового горизонта [A1] (85–93 см) содержит меньше растительного (древесного и травянистого) детрита, но по-прежнему с большим количеством фитоцитов. Доля лесных форм фитоцитов меньше доли луговых форм. Возможно это фитоциты, сохранившиеся в почве после вырубki леса.

5. [E1] (93–118 см). Погребенный подзолистый горизонт: белесый, бесструктурный, плот-

*фромонд эннвжэдоэ зонапэтннвэрд Э. дмгдбТ

Образец, глубина, почвенный горизонт, культурный слой	Детрит	Кутикул. слепки	Фитоциты	Спикулы губок	Панцири диатом. водор.	Другие биоморфы
Поселение Раскоп 5 (Д)						
пл. 28, кв. 34. Дно канавки	+++	–	+	–	–	–
пл. 29. Очаг на полу постройки 7	ед.	–	ед.	ед.	–	обилие крупных аморфных сгустков
пл. 29. Зола с пола постройки 7	+++	–	++	–	+	–
пл. 29. Яма А на полу постройки 7	+++	–	++	+	+	–
кв. 34. Грунт с пола постройки 7	++	+	+++	–	+	+
кв. 35. Белесое пятно на полу 4	+	–	–	–	–	–
кв. 35. Пол 4, ярко-бурый	–	–	–	–	–	–
кв. 35. Углистая прослойка на полу 2	+++	++	++	–	–	–
кв. 35. Черный слой между полами 3 и 4	+++	++	–	–	ед.	–
кв. 32. Уровень – 270. Золистая прослойка у северной стенки	+++	–	+	–	–	–
Овраг						
0–6 см, A0	++	+	+++	ед.	–	корни
6–26 см, A1	+++	++	+++	+	–	–//–
26–44 см, A1B	+++	–	+++	–	+	–//–
44–72 см, нанос	–	–	–	–	–	–
72–77 см [A1]	+++	–	+++	ед.	–	–
80–85 см [A1]	+++	–	+++	–	–	–
85–93 см [A1]	+++	–	+++	–	–	–
93–110 см [E1]	++	–	+++	–	–	–
110–118 см [E1]	+	–	++	–	–	–
118–130 см [E1B]	–	–	–	–	–	–

* Крестиками показано сравнительное полуколичественное содержание биоморф: «+++» – много; «++» – средне; «+» – мало; «ед.» – единичны; «–» – отсутствуют

Таблица 3. Содержание кремниевых биоморф (экз./%)*

Образец, глубина	Всего	Спикул	Диатом	Фитолигов	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Раскоп 5 (Д)													
пл. 28, кв. 34. Дно канавки	7/100	–	–	7/100	3/43	–	–	3/43	–	–	–	1/14	–
пл. 29. Очаг на полу постройки 7	3/100	1/33	–	2/67	1/50	–	1/50	–	–	–	–	–	–
пл. 29. Зола с пола постройки 7	87/100	–	12/14	75/86	45/60	–	–	6/8	3/4	–	–	–	21/28
пл. 29, яма А на полу постройки 7	99/100	9/9	6/6	84/85	57/68	–	18/21	–	–	–	–	9/11	–
кв. 34. Грунт с пола постройки 7	149/100	–	5/3	144/97	76/55	5/3	15/10	12/8	15/10	–	12/8	2/1	7/5
кв. 35. Углистая прослойка на полу 2	112/100	–	–	112/100	41/36	–	19/17	9/8	–	–	21/19	–	22/20
кв. 35. Черный слой между полами 3 и 4	274/100	–	2/1	272/99	66/24	–	12/4	6/2	12/4	–	39/14	115/44	10/4 (12/4)
кв. 32, пл. 270. Углистая прослойка у северной стенки	6/100	–	–	6/100	2/33	–	2/34	–	–	–	–	–	2/33
Овраг													
0–6 см, А0	245/100	2/1	–	245/99	144/99	–	18/7	63/27	–	–	–	18/7	–
6–26 см, А1	255/100	3/1	–	255/99	172/68	–	17/7	17/7	26/10	–	3/1	–	(17/7)
26–44 см, А1В	222/100	–	–	222/100	108/49	6/3	12/5	45/21	15/7	12/5	12/5	12/5	–
72–77 см, [А1]	275/100	–	–	275/100	153/56	12/4	15/5	59/21	6/2	21/8	–	–	(9/4)
80–85 см, [А1]	313/100	–	–	313/100	149/48	7/2	41/13	114/36	2/1	–	–	–	–
85–93 см, [А1]	221/100	–	–	221/100	120/54	5/2	33/15	61/28	–	–	–	2/1	–
93–110 см, [Е1]	165/100	–	–	165/100	123/75	3/2	27/16	12/7	–	–	–	–	–
110–118 см, [Е1]	30/100	–	–	30/100	18/60	3/10	9/30	–	–	–	–	–	–

* Цифрами показаны диагностические группы фитолигов: 1 – двудольные травы; 2 – иглы хвойных; 3 – лесные злаки; 4 – луговые злаки; 5 – степные злаки; 6 – культурные злаки; 7 – тростник; 8 – мхи; 9 – ксероморфные злаки (в скобках указаны сорные травы)

ный. Верхняя часть горизонта (93–110 см) содержит растительный детрит и большое количество фитолигов. Состав фитолигов преимущественно лесной, есть формы, характерные для хвойных. Доля луговых злаков составляет 7%. В нижней части (110–118 см) фитолигов и древесного детрита немного. Уменьшение количества биоморф с глубиной типично для почв и свидетельствует об отсутствии наносов и погребений в исходной почве. Фитолиги представлены исключительно лесными злаками и иглами хвойных.

6. [E1B] (118–130 см). Погребенный переходный элювиально-иллювиальный горизонт: белесовато-бурый, плотный. Образец не содержит биоморф. Это типично для данных горизонтов почв

7. [B] (130–150 см). Погребенный иллювиальный горизонт: бурый, однородный, плотный.

8. C (150–250 см). Почвообразующая порода: однородный, светло-бурый горизонт.

В археологическом контексте горизонты 1 и 2 рассматривались в качестве переотложенного слоя, горизонт 4 – предматерика, а 5–8 – материка.

Согласно описанию, профиль оврага содержит две почвы: одну под искусственной насыпью (погребенную) и вторую – на ней (современную). Современная почва, кроме дернины, состоит из двух горизонтов – темного гумусированного и нижнего светло-бурого (горизонты 2 и 3). В верхнем слое присутствует керамика XIII–XIV вв., что указывает на искусственный генезис обоих слоев.

Мощность погребенного гумусового горизонта составляет более 20 см. Это не типично для гумусовых горизонтов данной природной зоны. Учитывая, что в верхней части профиля присутствует керамика XII–XIII вв., можно сделать вывод, что перед нами – культурный слой, наложенный на почву.

По содержанию и распределению органического углерода обе почвы разделяются очень четко: выделяются два пика повышенного количества элемента – на поверхности и с глубины 72–77 см (уровня погребенной поверхности) (см. табл. 1). В пределах каждой из почв количество углерода убывает сверху вниз, что вообще типично для почв, но в верхней (современной) почве количество углерода между слоями на глубине 26–44 см и 44–72 см различается в 6 раз, что не характерно для природных условий. Это является указанием на то, что верхний слой искусственный, насыпной из близлежащих культурных слоев, которые всегда содержат больше органического углерода, чем фоновые почвы.

Почвы имеют нейтральную кислотность по всему профилю, даже слабощелочную на глубине 93–118 см. Данный показатель не очень понятен, поскольку на этой глубине находятся элювиальные оподзоленные горизонты, для которых, как правило, характерны наиболее кислые значения pH. Природная зона исследования – зона кислых почв, поэтому рассматриваемый профиль, даже в нижней части, очевидно, не является чисто почвенным, природным, а несет следы длительной антропогенной деятельности, которая вызывает изменения многих характеристик естественных почв, в том числе и увеличение щелочности.

Почвы практически не содержат карбонатов, что нормально для данной местности. Небольшое увеличение фиксируется в двух соседних горизонтах: насыпном и самом верхе погребенной почвы. В обоих случаях это связано с деятельностью человека, поскольку культурные слои всегда обогащены карбонатами по сравнению с фоновыми почвами за счет привноса человеком строительного материала, обогащенного карбонатами, например, извести.

Анализ по определению содержания валового фосфора позволяет с высокой долей вероятности отделять естественно развитые горизонты почв и искусственно созданные слои. В обычных условиях содержание валового фосфора невелико даже в верхнем органогенном горизонте (не более 0,25–0,30%) и убывает с глубиной. Соединения фосфора устойчивы, то есть не мигрируют с водами и не разрушаются со временем, особенно при нейтрально-слабощелочной среде. Таким образом, изменения содержания фосфора и характера его распределения могут указывать на привнос человеком органического материала. Для современной почвы выявлена инверсия по валовому фосфору, то есть нижний слой богаче фосфором, чем вышележащие. Это одно из значимых доказательств того, что слой создан искусственно, причем на бурую насыпь отложился материал непосредственно из культурных слоев. Дернина современной почвы отражает естественный процесс биогенного накопления элемента растениями и не связана с культурным слоем под ней. Бурая насыпь содержит фосфора в пределах фона, следовательно, данный материал был использован без дополнительного обогащения фосфоро-содержащей органикой. В погребенной почве нет инверсии по валовому фосфору – наблюдается равномерное уменьшение содержания элемента с глубиной. Но самый верхний слой погребенной почвы (гл. 72–77 см) содержит максимальное количество фосфора из всех образцов профиля. Это характеризует слой как интенсивно преобразованный человеком. Ниже по профилю величины валового фосфора существенно меньше и нижняя часть гумусового горизонта (гл. 85–93 см) содержит его в пределах нормы. Результаты анализа позволяют предположить, что почва на глубине 85–93 см слабо изменена человеком и может рассматриваться в качестве фоновой.

Таблица 4. Результаты радиоуглеродного датирования образцов почвы и культурного слоя

Индекс	Образец, глубина (см)	Радиоуглеродный возраст, (л. н.)	Интервал калиброванного возраста и калиброванный возраст (в скобках), на 1σ: CAL BC (лет до н. э.), CAL BP (л. н.), CAL AD (год н. э.)
Овраг			
ИГАН–2397	КС+А1 (горизонт 2), гл. 15–30 см	600 ± 50	CAL AD 1305 (1328, 1333, 1395) 1408; CAL BP 645 (622, 617, 555) 542
ИГАН–2395	КС+А1 (горизонт 2), гл. 30–44 см	770 ± 70	CAL AD 1221 (1278) 1293; CAL BP 729 (672) 657
ИГАН–2396	[А1] (горизонт 4), гл. 72–80 см	1570 ± 60	CAL AD 423 (535) 592; CAL BP 1527 (1415) 1358
ИГАН–2394	[А1] (горизонт 4), гл. 80–93 см	2990 ± 60	CAL BC 1308 (1254, 1243, 1213) 1119; CAL BP 3258 (3203, 3192, 3162) 3069
Раскоп 5			
ИГАН–2665	дно постройки 5, гл. -100 см	2030 ± 50	CAL BC 59 (31, 18, 9) CAL AD 53; CAL BP 2008 (1980, 1967, 1958) 1897
ИГАН–2893	дно постройки 5, гл. -80 см	1840 ± 80	CAL AD 83 (215) 319; CAL BP 1867 (1735) 1631

Результаты гранулометрического анализа показывают, что погребенная почва представляет собой супесчаную толщу, переходящую глубже в легкий, а затем – средний суглинок, то есть происходит увеличение содержания илстых частиц с глубиной при уменьшении доли песчаных зерен. Распределение илстых частиц имеет ярко выраженный иллювиально-элювиальный характер, то есть их количество в элювиальном горизонте (гл. 93–110 см) отличается от выше и ниже расположенных слоев. Это перераспределение характерно для почв подзолистого ряда и указывает на то, что зональный процесс формирования подзолистых почв здесь был длительным, поскольку произошло перераспределение почвенного мелкозема. Самый верх почвы – культурный слой – крупно-пылеватый легкий суглинок, несколько обогащен пылеватым и илстым материалом. Насыпь (горизонт 3) является опесчаненным средним суглинком. Она содержит более 60% песка и 20% ила при минимуме в промежуточном пылеватом интервале. Подобное соотношение компонентов в природе встречается редко. Не исключая возможность привноса материала без какого-либо изменения, считаем наиболее вероятным, что данная смесь была создана искусственно – в глинистую массу добавляли речной песок. Дополнительным подтверждением этого вывода является высокая окатанность песчаных кварцевых зерен. То есть данный слой создавался путем перемешивания отмытого речного песка с глиной.

Биоморфный анализ образцов (табл. 2 и 3) показал, что колонка образцов из оврага отражает этапы природного и антропогенного развития территории. Исходно почва развивалась под пологом смешанных лесов. Формируются типичные подзолистые почвы. В дальнейшем уменьшается доля хвойных в составе древостоя, возрастает роль травянистого покрова. Формирование гумусового горизонта почвы связано с вырубкой леса, поскольку в естественных условиях гумусовые горизонты почв содержат значительно меньше фитолитов на данной глубине. То есть, начиная с гумусового горизонта исходной погребенной почвы можно говорить уже не о природных, а антропогенных факторах формирования исследуемой толщи. Наряду с хозяйственным освоением территории шло образование гумусированных слоев, то есть рост почвы вверх. На это указывает равномерно очень высокое содержание фитолитов по всей толще гумусового горизонта, что не характерно для естественно развитых почв. Скорее всего, на заключительных этапах своего развития почва использовалась в качестве огорода, и в нее вносились органические удобрения (навоз, зола). При создании насыпи (горизонт 3) на исходную почву органический материал не добавлялся. После создания насыпи сверху отложилась гумусированная толща и участок продолжал использоваться как

огород: он поливался, вносились удобрения. После забрасывания территории участок зарос сорной флорой, а затем и вторичным лесом.

Радиоуглеродное датирование гуминовых кислот из верхнего горизонта погребенной почвы и культурных слоев позволило получить серию дат. Возраст нижней части гумусового горизонта (предполагаемое начало освоения территории) составил 2990 ± 60 лет назад (л. н.) (некалиброванные данные). Слой над ним (верхняя часть погребенной почвы) существенно моложе – 1570 ± 60 л. н. Формирование темноокрашенного гумусированного горизонта шло более 1,5 тыс. лет. Возможно, уже в эпоху бронзы леса на участке не было. Судя по исследованному профилю, зональный тип леса больше не восстанавливался. Причину первичного исчезновения леса можно объяснять динамикой климата, но значительно более вероятно влияние антропогенного фактора. Не исключено, что лес был вырублен на площадке городища еще в эпоху бронзы и именно люди не давали ему восстановиться.

Наблюдается значительное различие между возрастом верхнего слоя погребенного горизонта (1,5 тыс. л. н.) и содержащейся в нем керамики (XII–XIII вв. н. э.). Полученную радиоуглеродную дату можно считать промежуточной между более древней датой исходного грунта, содержащего уголь, и возрастом керамики. Следовательно, безлесные условия сохранялись здесь не менее 2,5 тыс. лет. Можно предположить, что весь этот период территория была заселена.

Вторая серия дат получена для темного гумусированного материала на поверхности насыпи. Нижняя дата совпадает с возрастом керамики, присутствовавшей в слое. Это указывает на то, что на эту насыпь был уложен именно культурный слой и вся его толща создавалась одновременно. Вышележащий слой несколько моложе, хотя он содержит керамику того же возраста. Очевидно, омоложение возраста гуминовых кислот связано с глубиной залегания образца. Этот образец расположен всего в 15 см от современной поверхности, поэтому содержит больше корней, что приводит к омоложению всего гумуса и датированной гуминовой фракции в том числе.

Разрез 2 (раскоп 5, участок «Д»)

Современный растительный покров на участке – вторичный лес с сорной растительностью в травянистом ярусе. В профиле фиксировались 3 разнородных слоя (рис. 2):

1. (0–38 см). Темно-серый, плотный грунт, содержит разновременные артефакты – от первых веков н. э. до VII–VIII вв. н. э., а также древнерусского времени (в археологическом контексте рассматривался в качестве слоя 1);

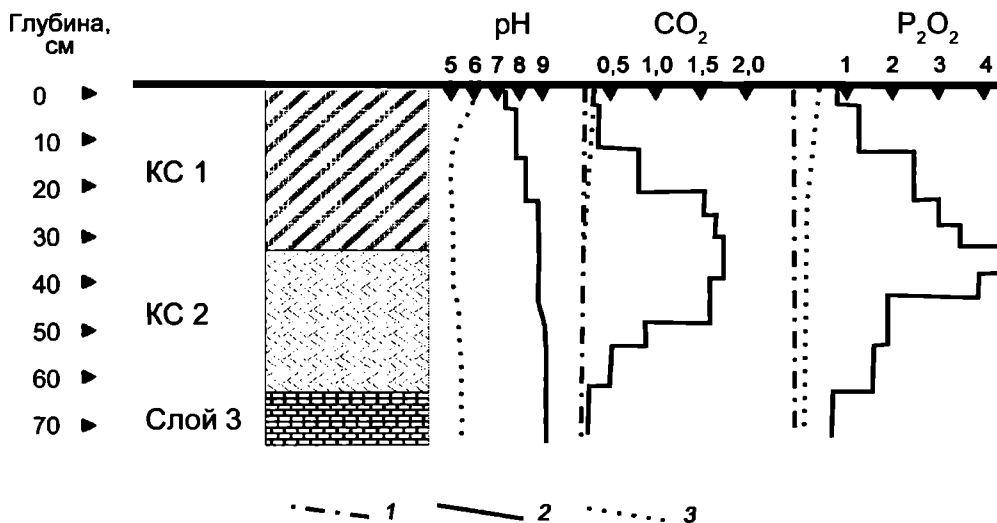

Рис. 2. Разрез 2 (раскоп 5, участок «Д»)

1 – разделительная линия между данными анализов; 2 – данные анализов для культурных слоев раскопа; 3 – параметры у природных объектов (почв)

2. (38–61 см). Темно-серый, рыхлый грунт (заполнение постройки 4). Постройка 4 рассматривалась в качестве остатков жилища раннего этапа дьяковской культуры, датированного традиционными методами археологии в пределах второй половины I тыс. до н. э.;

3. (61–76 см) – однородный, плотный, бурый грунт. Предварительно рассматривался в качестве материкового пола постройки 4.

Содержание органического углерода в обеих верхних пачках культурных слоев 1 и 2 высокое, но несколько уменьшается книзу в каждом из слоев. Это указывает на этапы их формирования. Можно отметить, что слой 2 содержит несколько меньше углерода, чем слой 1. В отличие от фосфора органический углерод (особенно погребенный) разрушается со временем, происходит его минерализация – диагенез. Таким образом, меньшее количество углерода в более древнем слое 2 закономерно.

Разрез практически по всей исследованной толще имеет щелочную реакцию среды. Лишь верхние 15 см нейтральны. Подобная абсолютно не типичная щелочная среда в природной зоне кислых почв связана исключительно с деятельностью человека – привнесом подщелачивающего материала, например, извести для создания очагов, обмазки стен, полов и т. п. Наши выводы подтверждаются данными по содержанию и распределению карбонатов. Минимальное их количество выявлено в самом верхнем слое и в самом нижнем (слой 3). Вверху – это отражение современных условий: промывного водного режима, внизу – свидетельство тому, что при создании данной массы известь не использовалась. Остальная толща раскопа содержит карбонаты. Особенно вы-

сока их концентрация на контакте слоев 1 и 2. Соединения карбонатов в условиях высокого увлажнения подвижны, возможно, они мигрировали с водами вниз по профилю и осаждались на данной глубине. Но даже в этом случае их количество существенно выше нормы для региона (см. данные для разреза 1). Не типичен сам факт аккумуляции элемента в пределах верхних 30–50 см в условиях промывного водного режима. Подобный тренд имеют карбонатные образования в степной и сухо-степной зонах. Следовательно, наличие большого количества карбонатов в образцах также связано с деятельностью человека.

Содержание валового фосфора различается по профилю более чем в десять раз, но везде его больше фона. Даже в самом верхнем слое фосфора почти 1%. Это указывает на то, что хотя верх и прорабатывается процессами почвообразования, но сформирован на культурном слое. Слой 1 имеет «перевернутый» профиль по фосфору – его содержание возрастает с глубиной и максимально в самом низу. Такое возможно, если здесь размещалось жилище, на полу которого лежали изделия из шерсти, кожи или шкуры животных, поскольку они содержат большие количества фосфора. И хотя археологически такого жилища здесь зафиксировано не было, исключить его существование мы не можем, поскольку слой 1 состоял из темноокрашенного грунта, в котором какие-либо следы построек не прослеживались.

Слой 2 имеет диаметрально противоположное распределение фосфора – его количество максимально вверху слоя и убывает с глубиной. Но даже самый низ его содержит фосфора значительно больше фона. Данный тренд можно объяснить двумя причинами:

1) в процессе создания культурного слоя 1 был частично переработан и самый верх слоя 2, поэтому выявленный максимум относится не столько к верху слоя 2, сколько к низу слоя 1, то есть связан со спецификой формирования полов в жилищах;

2) различия по фосфору отражают этапы развития культурных слоев, использования разнообразных материалов. Если для слоя 2 и основном использовалось растительное сырье (древесина, травы), то при создании слоя 1 – животное (шкура животных, шерсть, кожа).

Гранулометрический анализ слоев 1 и 2 показал, что они хоть и содержат значительные количества песка, но в целом – это легкий суглинок. Учитывая близость обоих изученных разрезов, можно предположить, что некоторое увеличение доли песчаной фракции связано с привнесом песка людьми для хозяйственно-бытовых целей. Очевидно, это связано с хозяйственной деятельностью человека. Слой 3 по составу – тяжелый суглинок, в нем преобладают пылеватая и илистая фракции.

Представленные данные по разрезу 2 были дополнены материалами, полученными в 2002 г. на участке Е, примыкавшем к разрезу 2 с севера и вскрывшим часть постройки 5, относившейся к раннему этапу дьяковской культуры, то есть в целом синхронной постройке 4. Под постройкой 5 были вскрыты остатки еще более ранней постройки 7, датированной методами археологии в пределах середины I тыс. до н. э. Образец грунта, взятого с пола постройки 5 показал очень высокое содержание валового фосфора (табл. 1). Скорее всего, здесь также использовалось животное сырье.

Биоморфный анализ, проведенный для серии образцов из построек 5 и 7, показал следующее:

Постройка 5

1) Белесое пятно на полу 4¹ (южная часть кв. 35). Образец содержит небольшое количество мелкого растительного детрита.

Вывод по образцу: очевидно, на данном месте не было органического материала, цвет образца связан с какими-то минеральными солями.

2) Пол 4 (ярко-бурый суглинок, в археологическом контексте – материк). Образец не содержит биоморф.

Вывод по образцу: на полу 4 не было органического материала, а цвет образца, очевидно, связан с окислительно-восстановительными процессами в почве – осаждением на данной глубине соединений окисленного железа, имеющих ярко-бурю окраску.

3) Черный слой между полами 3 и 4 (кв. 35). Образец содержит обилие обугленного мелкого древесного детрита и фитоцитов. Состав фито-

литов сложен, очень разнообразен, они не обуглены.

Вывод по образцу: образец сформирован за счет перемешивания больших объемов микроостатков сгоревшей древесины и разнообразных трав и мхов. Возможно, древесина сжигалась в другом месте, а здесь использовалась только древесная зола.

4) Углистая прослойка на полу 2 (кв. 35). В образце много обугленного травянистого детрита и аморфного органического материала, фитоцитов и кутикулярных слепков. Фитоциты и кутикулярные слепки не обуглены, то есть они не горели. Наличие кутикулярных слепков указывает на то, что травы разлагались на данном месте, а не переотложены.

Вывод по образцу: на полу 2 была золистая прослойка, полученная после сжигания трав и материала животного происхождения (кожа, шерсть, шкура). На золу были постелены различные травы и мхи.

5) Золистая прослойка у северной стенки раскопа (кв. 32, гл. 270 см). Образец состоит практически целиком из крупных остатков сгоревшей древесины. Фитоциты единичны и также обуглены.

Вывод по образцу: на данном месте сжигалась древесина и случайно попавшие травы.

Постройка 7

1) Дно канавки (южный край постройки, пласт 28, кв. 34). Образец содержит мелкий древесный детрит в большом количестве и мало фитоцитов. И детрит, и фитоциты обуглены. Количество фитоцитов статистически незначимо и, скорее всего, случайно. Признаков повышенного гидроморфизма (застоя или регулярного протекания вод) не выявлено.

Вывод по образцу: скорее всего, канавка не заполнялась водой. Поблизости был очаг и его зола стала основным материалом, заполнившим канавку.

2) Очаг (пласт 29). Образец содержит обилие крупных аморфных сгустков. Остальные биоморфы единичны.

Вывод по образцу: в данном очаге сжигался материал животного происхождения (шкура, кожа, шерсть). Наличие частиц растительного происхождения, скорее всего, случайно.

3) Зола с пола (пласт 29). Образец содержит большое количество обугленного древесного и травянистого детрита, много фитоцитов и целых панцирей диатомовых водорослей. Следует отметить, что фитоциты и панцири водорослей не обуглены, то есть они не горели вместе с древесиной. Эти биоморфы покрыты сверху тонкой золистой присыпкой, то есть они попали в образец уже после полного сжигания древесины. Частицы детрита древесины в основном мелкие, реже средние.

¹ Полы постройки 5 состояли из четырех последовательно сооруженных суглинистых подсыпок, разделенных культурным слоем. Пол 4 являлся среди них самым ранним (нижним).

Вывод по образцу: мелкие размеры обугленного детрита позволяют предположить, что пол посыпался готовой золой, сжигания древесины непосредственно на данном месте не было. После этого на золистую прослойку настилались различные травы. Наличие большого количества целых панцирей диатомовых водорослей может быть связано с двумя причинами: поверхность пола с золой смачивалась водой из озера или речной старицы (водоем не имел быстрого течения), либо среди растений, уложенных на полу, были водные вплоть до болотных, которые не формируют фитолиты.

4) Яма А на полу постройки 7 (пласт 29). Образец содержит большое количество древесного детрита, в составе которого есть микро-частицы хвойных пород деревьев, фитолиты, немного спикул и панцирей диатомовых водорослей. Среди фитолитов преобладают формы, характерные для трав, есть фитолиты лесных злаков и мхов.

Вывод по образцу: скорее всего, в яме была древесина. Для каких-то целей использовалась вода или речной ил, с которым были принесены гидрофильные организмы (спикулы губок и водоросли). Фитолиты могли попасть вместе с водой или илом, не исключено, что какие-то растения (например, мхи) использовались вместе с древесиной.

5) Грунт с пола постройки 7 (кв. 34). Образец содержит большое количество древесного детрита и фитолитов, встречаются панцири диатомовых водорослей. Состав фитолитов пестрый, что может быть связано с разнообразием растений, уложенных на полу или на дереве, есть фитолиты тростника. Часть фитолитов обуглена, то есть они могли попасть на пол вместе с золой.

Вывод по образцу: на данном месте была уложена древесина и различные травы. Рядом располагался очаг, и его зола использовалась при формировании покрытия пола. Диатомовые водоросли, скорее всего, были принесены с тростником, который также использовался.

Биоморфный анализ образцов из культурных слоев городища дьяковской культуры выявил широкое использование различных трав и древесины в жилищах. В очаге на полу постройки 7 сжигался какой-то материал животного происхождения, а в квадрате 32 – только древесина. Результаты исследования позволяют предположить, что полы жилищ посыпались древесной золой, на которую сверху настилали травы. Состав фитолитов выявил широкое использование, среди прочих, водолубивых растений (тростника), наличие или отсутствие фитолитов которого является одним из значимых диагностических признаков антропогенно преобразованных объектов.

Радиоуглеродное датирование гуминовых кислот, выделенных из органического материа-

ла, отложившегося на полу постройки 5, дало возраст 2030 ± 50 л. н. Вторая радиоуглеродная дата, полученная из того же объекта, оказалась несколько иной – 1840 ± 80 л. н. Калибровка обеих дат значительно сузила получившийся возрастной интервал, сдвинув его в сторону I века н. э. Можно уверенно говорить, что постройка 5 функционировала до этого периода включительно.

Выводы

Результаты исследований показали, что площадка городища Ростиславль была давно освоена и изменена людьми. Более 3 тыс. лет назад на этом участке росли хвойные и лиственные леса на дерново-подзолистой почве. С приходом людей лес был вырублен, начался период формирования нового типа ландшафта – антропогенного. В этот период на поверхности исходной почвы образовался различный по мощности темноцветный культурный слой, изменились свойства почвы, произошло обогащение ее карбонатами, органикой. Формирование данного слоя продолжалось не менее 2,5 тыс. лет. При этом лесная растительность в полном объеме больше не восстанавливалась. Не исключено лишь кратковременное зарастание вторичными лесами и рудеральными кустарниками. Но основную часть времени культурные слои развивались в экспонированном режиме. Наиболее интенсивно, судя по обилию керамики, участок преобразовывался в XIII–XIV вв., когда на краю площадки городища была сделана искусственная насыпь из суглинка и, вероятно, возведена деревянная оборонительная стена (Коваль, 2003. С. 258).

На площадке городища раннего железного века (см. разрез 2) в процессе создания построек 4, 5 и 7 исходные земли были полностью преобразованы людьми на значительную глубину – более 70 см, то есть на глубину всего профиля исходной почвы. За счет привноса органического и подщелачивающего материала сформировались серии культурных слоев, химические свойства которых не имеют ничего общего с зональными почвами. При создании жилищ люди использовали разнообразное сырье: растительное (трава, древесина), животное (кожа, шкура, шерсть), минеральное (известь, песок). В слое 3 (пол постройки 4) органическое вещество и известь не использовались. В то же время, повышенное содержание фосфора позволяет предположить, что какие-то биогенные компоненты добавлялись. Поскольку данный слой представлял собой пол постройки, можно предположить, что внутри этого жилища накапливались продукты жизнедеятельности его жителей.

Там, где были жилища, характер нарушения исходной почвы максимален, практически необратим. Самой почвы как таковой нет, сфор-

мированы культурные слои и делать какие-либо выводы о природной среде до антропогенного периода невозможно. На участках, где жилищ не было, также менялся характер почвообразования, формировались культурные слои, но степень трансформации исходной почвы невелика. Это позволяет провести реконструкцию исходных природных условий до прихода человека и на различных этапах освоения им ландшафта. Выделяются следующие этапы:

1) завершился около 3 тыс. л. н. До-антропогенный – формирование зональных дерново-подзолистых почв под пологом смешанных (хвойно-лиственных лесов);

2) с эпохи поздней бронзы до раннего железного века; содержание этапа – первичное заселение территории, когда в окрестностях были

сведены леса, и начало формирования культурных слоев;

3) с раннего железного века до средневековья. Характеризуется интенсивным освоением и преобразованием ландшафта: сооружением построек, формированием различных по мощности и хозяйственной нагрузке культурных слоев, возведением различных насыпей (возможно, данный этап чередовался с периодами запустения территории, но длительность их была небольшой, поскольку не фиксируется восстановление зональных почв и лесов);

4) с XVII в. до наших дней; уход людей с данной территории, снятие интенсивного антропогенного прессинга, развитие процессов почвообразования, зарастание участка вторичным лесом и сорными травами.

Литература

- Ариушикина А.В.*, 1970. Руководство по химическому анализу почв. М.
- Гольева А.А.*, 1997. Биоморфный анализ как составная часть генетико-морфо-логического исследования почвы // Почвоведение. № 9.
- Гольева А.А.*, 2001. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. М. – Сыктывкар – Элиста.
- Коваль В.Ю.*, 2003. Детинец Ростиславля Рязанского: Проблемы интерпретации и системы фортификации // Кремль России. М.
- Чичагова О.А.*, 1985. Радиоуглеродное датирование гумуса почв. М.
- Stuiver M., Reimer P.J.*, 1993. Radiocarbon Calibrating Programm Rev. 3.0.3 // Radiocarbon. V. 35.

Результаты исследований остеологического материала из раскопок городища Ростиславль (1998–2001 годы)

При археологических раскопках 1998–2001 гг. на городище Ростиславль, была собрана коллекция костных остатков животных из культурных напластований от середины I тыс. до н. э. до XVI в. н. э. Коллекция включает около 2400 костных остатков домашних и диких млекопитающих, птиц и рыб. Материал собирался массово и поспойно, что позволило восстановить наиболее объективную картину как разведения домашних животных и птицы, так и объектов охоты людей.

Основная масса материала представлена остатками млекопитающих – 2134 образца (отдельные зубы, фрагменты костей конечностей и позвонков). Крупные фрагменты черепов, целые черепа и целые кости посткраниального скелета встречаются редко, чаще у крупных животных. Особенно много материала плохой сохранности принадлежит мелким животным (в том числе мелкому рогатому скоту) с тонкими и хрупкими костями.

Определения материала проводилось в Зоологическом музее МГУ при помощи коллекций отдела остеологии и эволюционной морфологии, а также различных определителей (*Громова, 1950; Климов, 1950; Бибикова, 1958; Voessneck et al, 1964*). Было определено 22 вида и подвида млекопитающих, из них 6 домашних животных, 16 диких и человек (табл. 1). В некоторых случаях при нахождении зубов и остатков черепа для домашних млекопитающих было возможно определение возраста особей с точностью до месяца (в молодом возрасте) и до года в более взрослом возрасте (*Корневен, Лесбр, 1932*). По посткраниальному скелету определение индивидуального возраста не проводилось.

Также за весь период раскопок было собрано 123 кости и фрагмента костей птиц, по которым было определено 12 видов (табл. 2).

От рыб собрано 97 костей скелета и отдельные чешуи по ним определено 7 видов (табл. 3). Определение остатков рыб проводилось при помощи сравнительных коллекций по современным рыбам и определителя (*Галкин, 1958*).

Остатки животных были разделены, в соответствии с местом их сбора, на три хронологические группы: эпохи раннего железного века (дьяковского времени), средневекового (древнерусского) периода и смешанный материал. К первой группе относятся костные фраг-

менты из горизонта 1-Б слоя 1 и слоев 2 и 3 (VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.) (*Коваль, 2000*). Остатки из отдельных ям (№№ 146, 147, 161, 229, 267, 268, 269, 280, 281, 285, 287), датируемых второй половиной XII–XV в., относятся ко второй группе. Горизонт «А» слоя 1 (середина I тыс. н. э. – XVI в. н. э.), по археологическим данным является перемешанным и окончательным сформировавшимся в эпоху русского средневековья (*Коваль, 2000*). Однако качественный состав животных из этого горизонта оказался очень близок их составу из подстилающих слоев, датируемых ранним железным веком.

Ранний железный век (дьяковская культура) (VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.)

Слой 3, выявленный на раскопе V, является наиболее древним на городище Ростиславль и датируется VIII–VI вв. до н. э. (*Коваль, 2000*). Из этого слоя собрано всего 17 костных остатков, 15 из которых относятся к млекопитающим и 2 к рыбам (табл. 1). Среди млекопитающих преобладают остатки домашних животных. Остатки свиньи домашней – 9 фрагментов (зубы и кости конечностей от 2-х особей, одна из которых в возрасте около 2-х лет), крупного рогатого скота – 2 фрагмента (от одной особи). Также имеется 1 фрагмент от одной особи собаки. Из промысловых животных определены костные остатки лисицы, куницы и бобра. Из-за небольшого количества костей говорить о преобладании того или иного животного в домашнем разведении не представляется возможным.

Из рыб определены фрагменты костей осетра и стерляди (или севрюги).

Слой 2 датируется второй половиной I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. Из этого слоя собрано самое большое количество костного материала – 771 экз. костей и их фрагментов. 748 костей принадлежат млекопитающим и 23 – птицам. Среди млекопитающих преобладают домашние животные – 484 образца, тогда как диких примерно в 2 раза меньше.

Первое место среди домашних животных занимает свинья – 106 фрагментов, или 46% от всего количества домашних животных из этого слоя (табл. 1; рис. 1). Материал представлен многочисленными фрагментами челюстей,

Таблица 1. Список видов млекопитающих, определенных по костному материалу из раскопок городища Ростиславль*

- Отряд *Insectivora* (Насекомоядные)**
 семейство *Erinaceidae* (Ежи)
 род *Erinaceus* (Ежи)
Erinaceus europeus L. (Еж обыкновенный)
- Отряд *Lagomorpha* (Зайцеобразные)**
 семейство *Leporidae* (Зайцевые)
 род *Lepus* (Зайцы)
Lepus europaeus Pall. (Заяц русак)
- Отряд *Rodentia* (Грызуны)**
 семейство *Muridae* (Мышиные)
 подсемейство *Murinae* (Мыши)
 род *Rattus* (Крысы)
Rattus norvegicus Berkentheut (Крыса серая, амбарная)
 семейство *Castoridae* (Бобровые)
 род *Castor* (Бобры)
Castor fiber L. (Бобр речной)
- Отряд *Carnivora* (Хищные)**
 семейство *Ursidae* (Медвежи)
 род *Ursus* (Медведи)
Ursus arctos L. (Медведь бурый)
 семейство *Canidae* (Волчьи)
 подсемейство *Caninae* (Волки)
 род *Canis* (Волки)
Canis lupus L. (Волк)**
 род *Vulpes* (Лисицы)
Vulpes vulpes L. (Лисица обыкновенная)
 семейство *Mustelidae* (Куницы)
 подсемейство *Mustelinae* (Куницы)
 род *Martes* (Куницы)
Martes martes L. (Куница лесная)
 подсемейство *Melinae* (Барсуки)
 род *Meles* (Барсуки)
Meles meles L. (Барсук)
 подсемейство *Lutrinae* (Выдры)
 род *Lutra* (Выдра)
Lutra lutra L. (Выдра обыкновенная, речная)
- Отряд *Artiodactyla* (Парнокопытные)**
 Подотряд *Suiformes* (Нежвачные)
 семейство *Suidae* (Свинные)
 род *Sus* (Кабаны)
Sus scrofa ferus L. (Кабан)
Sus scrofa domesticus L. (Свинья домашняя)
 Подотряд *Ruminantia* (Жвачные)
 семейство *Cervidae* (Оленевые)
 род *Capreolus* (Косули)
Capreolus capreolus L. (Косуля)
 род *Alces* (Лоси)
Alces alces L. (Лось)
 род *Rangifer* (Северные олени)
Rangifer tarandus L. (Северный олень)
 род *Cervus* (Олени)
Cervus elaphus L. (Олень благородный)
 семейство *Bovidae* (Полорогие)
 род *Ovis* (Горные бараны)
Ovis aries L. (Домашняя овца)***
 род *Capra* (Горные козлы)
Capra hircus L. (Козел домашний)
 род *Bison* (Зубры)
Bison bonasus L. (Зубр)
 род *Bos* (Настоящие быки)
Bos primigenius taurus L. (Бык домашний)
- Отряд *Perissodactyla* (Непарнокопытные)**
 семейство *Equidae* (Лошадиные)
 род *Equus* (Лошадь)
Equus caballus L. (Лошадь домашняя)
 ? *Equus caballus silvaticus* Vetulani (Тарпан лесной)
- Отряд *Primates* (Приматы)**
 Подотряд *Anthropoidea* (Высшие приматы или человекообразные)
 семейство *Hominidae* (Люди)
 род *Homo* (Люди)
Homo sapiens L. (Человек)

* Систематика дается по В.Е. Соколову (1973; 1977; 1979).

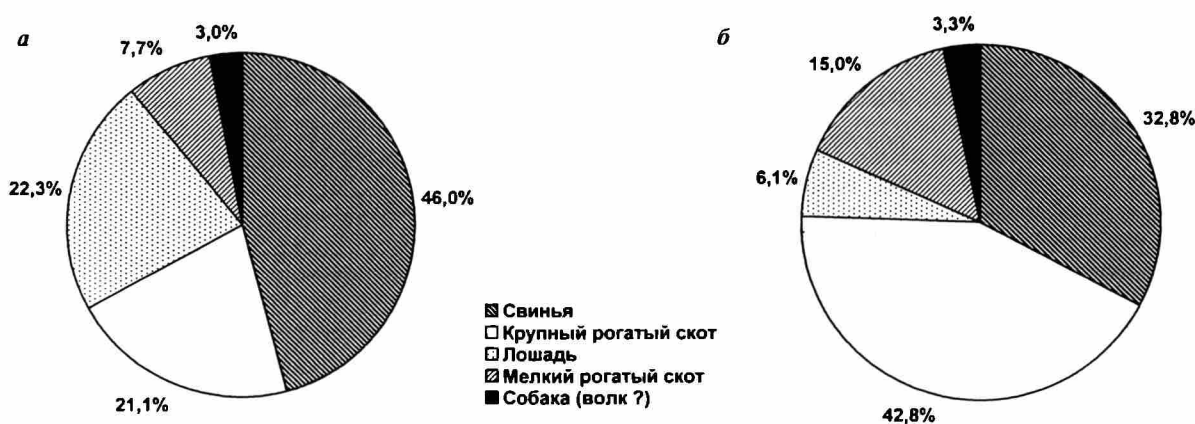
** Морфология скелета собаки, живущей в условиях, близких к естественным, схожа с морфологией скелета волка.

*** Остатки баранов и коз сложно различимы морфологически, поэтому далее в статье они будут рассматриваться совместно как мелкий рогатый скот.

Таблица 2. Список видов птиц*

Подкласс <i>Neornithes</i> («Новые» птицы)	
Отряд <i>Anseriformes</i> (Гусеобразные)	
семейство <i>Anatidae</i> (Пластинчатоклювые)	
род <i>Anas</i> (Утка)	<i>Anas platyrhynchos</i> L. (Кряква)
	<i>Anas strepera</i> L. (Утка серая)
	<i>Anas crecca</i> L. (Чирок-свистунук)
	<i>Anas querquedula</i> L. (Чирок-трескунук)
род <i>Anser</i> (Гусь)	<i>Anser anser</i> L. (<i>domesticus</i> ?) (Гусь серый (домашний?))
род <i>Aythya</i> (Чернеть)	<i>Aythya fuligula</i> L. (Чернеть хохлатая)
Отряд <i>Galliformes</i> (Курообразные)	
семейство <i>Tetraonidae</i> (Тетеревинные)	
род <i>Lagopus</i> (Белая куропатка)	<i>Lagopus lagopus</i> L. (Белая куропатка)
род <i>Lyrurus</i> (Тетерев)	<i>Lyrurus tetrix</i> L. (Тетерев)
род <i>Tetrao</i> (Глухарь)	<i>Tetrao urogallus</i> L. (Глухарь)
семейство <i>Phasianidae</i> (Фазановые)	
род <i>Perdix</i> (Куропатка)	<i>Perdix perdix</i> L. (Куропатка серая)
Отряд <i>Strigiformes</i> (Совообразные)	
семейство <i>Strigidae</i> (Настоящие совы)	
род <i>Strix</i> (Неясыть)	<i>Strix uralensis</i> Pallas (Неясыть уральская)
Отряд <i>Passeriformes</i> (Воробьинообразные)	
семейство <i>Corvidae</i> (Врановые)	
род <i>Nucifraga</i> (Кедровка)	<i>Nucifraga caryocatactes</i> L. (Кедровка)

* Систематика птиц дается по Р.Л. Беме и В.Е. Флинту (1994).

Рис. 1. Процентное соотношение остатков домашних животных
 а – из слоя 2 (IV–V вв. до н. э.; 484 остатка домашних животных);
 б – из ямы 229 (XV в.; 180 костей домашних животных)

отдельных зубов, костями конечностей и позвонками, диагностированы 24 особи. Большое количество фрагментов челюстей и зубов домашних животных позволяет определить возрастные рамки убитого на мясо скота: 22 особи были забиты в возрасте до 2-х лет, 10 из которых –

в возрасте до года. Возраст двух особей определить невозможно.

Второе место по количеству костных остатков занимает лошадь – 110 остатков, или 22,3% от общего количества. Лошади представлены фрагментами челюстей, отдельными зубами,

Таблица 3. Список видов рыб, определенных по материалу из раскопок городища Ростиславль*

Класс <i>Osteichthyes</i> (Костные рыбы)
Подкласс <i>Actinopterygii</i> (Колючекрылые)
Инфракласс <i>Chondrostei</i> (Хрящевые гоноиды)
Отряд <i>Acipenseriformes</i> (Осетрообразные)
семейство <i>Acipenseridae</i> (Осетровые)
род <i>Accipenser</i> (Осетры)
<i>Accipenser guldenstaedti</i> Brandt (Осетр русский)
<i>Accipenser ruthenus</i> L. (Стерлядь)
Инфракласс <i>Neopterygii</i> (Неоптеригии)
Отряд <i>Salmoniformes</i> (Лососеобразные)
семейство <i>Esocidae</i> (Щуковые)
род <i>Esox</i> (Щуки)
<i>Esox lucius</i> L. (Щука обыкновенная)
Отряд <i>Cypriniformes</i> (Карпообразные)
семейство <i>Cyprinidae</i> (Карповые)
род <i>Aspius</i> (Жерехи)
<i>Aspius aspius</i> (L.) (Жерех красногубый, аральский)
род <i>Carassius</i> (Караси)
<i>Carassius carassius</i> (L.) (Карась золотой, обыкновенный)
Отряд <i>Perciformes</i> (Окунеобразные)
семейство <i>Percidae</i> (Окуневые)
род <i>Perca</i> (Окуни)
<i>Perca fluviatilis</i> L. (Окунь обыкновенный)
род <i>Lucioperca</i> (Судаки)
<i>Lucioperca lucioperca</i> (L.) (Судак обыкновенный)

* Систематика рыб дается по Г.Г. Галкину (1958).

костями конечностей и позвонками от 9 особей, из них 1 жеребенок, 2 особи до 2-х лет, 2 особи 5–6 лет и 2 – старше 10 лет.

Определено 104 кости крупного рогатого скота (21,1 %), относящиеся к 8 особям. Возраст животных был разным на момент забоя, но в целом половина из них забита в возрасте до 5 лет и вторая половина – старше. Таким образом, население держало крупный рогатый скот в течение нескольких лет, используя его не только как источник мяса, но и для получения молока.

Мелкий рогатый скот представлен 6 особями, но только одна из них была убита в возрасте шести месяцев – время забоя овец. Возраст остальных колеблется от полутора до 10 лет (одна из них очень старая). Такие возрастные характеристики забитого скота указывают скорее на шерстное направление овцеводства или молочное (козы), чем на мясное.

Из домашних животных из слоя 2 были также определены 3 особи собаки.

Из слоя 2 собрано 217 остатков охотничье-промысловых животных. Это фрагменты скелетов зубра, лося, благородного оленя, северного оленя, куницы, лисы, медведя (5 особей, одна из которых – медвежонок), бобра. Из слоя определено самое большое количество видов диких млекопитающих. Такие многочисленные находки позволяют предположить, что местное население активно занималось охотой и добычей пуш-

нины. Следует отметить большое количество костей бобра (65 костей от 10 взрослых особей). В отдельной яме того же слоя найдены 66 костей скелета куницы. По фрагментам черепа и челюстей, отдельным зубам и костям конечностей диагностированы три особи (рис. 2). Это говорит об активном пушном промысле в рассматриваемое время. Вероятно, к остаткам диких животных относятся и 5 костей мелкой лошади (1 особь, возможно тарпан).

Из птиц определены кости только двух диких видов – глухаря и кряквы.

В этом же слое найден фрагмент верхней челюсти человека, непонятным образом попавший в «кухонные отбросы».

Верхний культурный слой городища (слой 1) разделяется на 2 горизонта: горизонт 1-Б, датируемый второй-третьей четвертью I тыс. н. э. (познедьяковская культура), и горизонт 1-А – середины I тыс. н. э. – XVI в. н. э. со смешанным материалом.

Из горизонта 1-Б (второй-третьей четверти I тыс. н. э.) собрано и определено 265 костных фрагментов, большая часть которых принадлежит домашним животным – 220 остатков (табл. 1). Также как и в предшествующем слое, большинство костных остатков относятся к домашней свинье. По 106 фрагментам скелета (39,2%) определено 17 особей. Подавляющее большинство животных было забито в возрасте до 1,5 года – 13 особей, 4 особи – в возрасте от 1,5 до 2 лет. По количеству

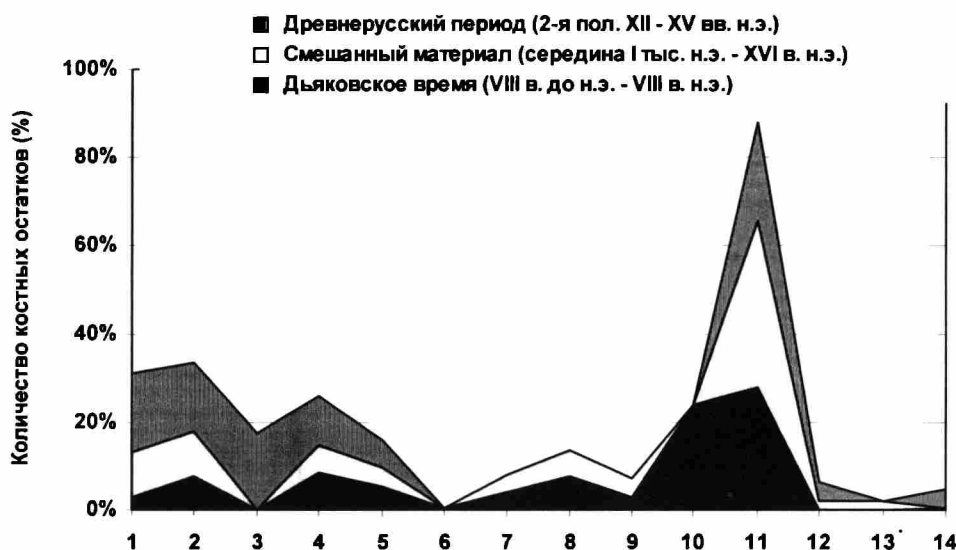

Рис. 2. Распределение остатков диких животных по эпохам

1 – Зубр; 2 – Лось; 3 – Кабан; 4 – Благородный олень; 5 – Северный олень; 6 – Косуля; 7 – Лиса; 8 – Медведь; 9 – Барсук; 10 – Куница; 11 – Бобр; 12 – Выдра; 13 – Еж; 14 – Заяц

остатков и особей лошади находятся на втором месте – 48 остатков (25,3%) от 11-ти особей: 2 особи до 1 года, 1 особь – 1–2 года, по 3 особи – 3 года и 5 лет, 2 особи – 9–10 лет.

Количество костных фрагментов крупного и мелкого рогатого скота примерно равно в количественном отношении (табл. 1). Диагностировано 5 особей крупного рогатого скота в возрасте от полугода до семи лет. Полученные данные также подтверждают наше предположение о молочном направлении в разведении крупного рогатого скота в дьяковское время.

Из мелкого рогатого скота диагностировано 9 особей (табл. 1), 4 из которых были забиты в возрасте до 9-и месяцев, 2 особи – до 1,5 года и 3 особи – старше двух лет. Такое возрастное соотношение указывает на разведение овец скорее для шерсти, чем на мясо, а коз – для молока.

В слое помимо сельскохозяйственных животных определены 2 собаки и одна амбарная крыса, а также 10 видов охотничье-промысловых животных, где преобладающее количество остатков относится к бобру и кунице (рис. 2). Таким образом, добыча бобра как основного пушного зверя продолжалась и в II–VIII вв.

Смешанный материал (VII–XVI вв.)

Из верхнего горизонта I-A (VII–XVI вв.) слоя 1 среди остатков млекопитающих (222 фрагмента) преобладают остатки домашних животных (табл. 1) и, в первую очередь, свиней (около 40%). По фрагментам челюстей, отдельным зубам и костям конечностей определены 8 особей. Основное количество особей (6 штук) было забито в возрасте до 2-х лет, одна в возрасте старше двух лет и одна особь – в молочном возрасте.

Лошади также, как и в предыдущих слоях, занимают вторую позицию по количеству костного материала и составляют 25% от количества остатков домашних животных из этого горизонта. Определено 6 особей: 1 жеребенок, 2 особи в возрасте 5 лет и 2 – старше 10 лет. В слое также найдены остатки мелкой лошади.

Крупный рогатый скот представлен 6 особями различного возраста и занимает третье место по количеству остатков после свиньи и лошади, как и в предыдущих слоях (табл. 1).

Остатки мелкого рогатого скота представлены в основном разрозненными зубами и лишь одним фрагментом кости. Диагностировано 6 особей, 3 из которых были убиты в возрасте 6–9 месяцев (на мясо), 1 особь – 1,5 года и 2 – старше 2-х лет.

Из охотничье-промысловых животных из слоя определены остатки лося, благородного и северного оленей, медведя, волка, лисы, бобра и барсука.

Определено большое количество птиц, как домашних (курица и серый домашний гусь), так и диких (тетерев, глухарь, кукушка, рябчик, малая чайка, серая куропатка). В этом слое впервые найдены остатки домашних птиц (рис. 3). Богатый видовой состав говорит о начале интенсивной охоты на птиц приблизительно со нашей эры (рис. 3; 4). Остатки рыб немногочисленны: определены судак и жерех.

Древнерусский период (2-я половина XII – XV в.)

Древнерусским периодом, датируются сборы из отдельных ям городища Ростиславль. Отложения ям иногда многочисленны, однако обобщенные данные по всем сборам этого

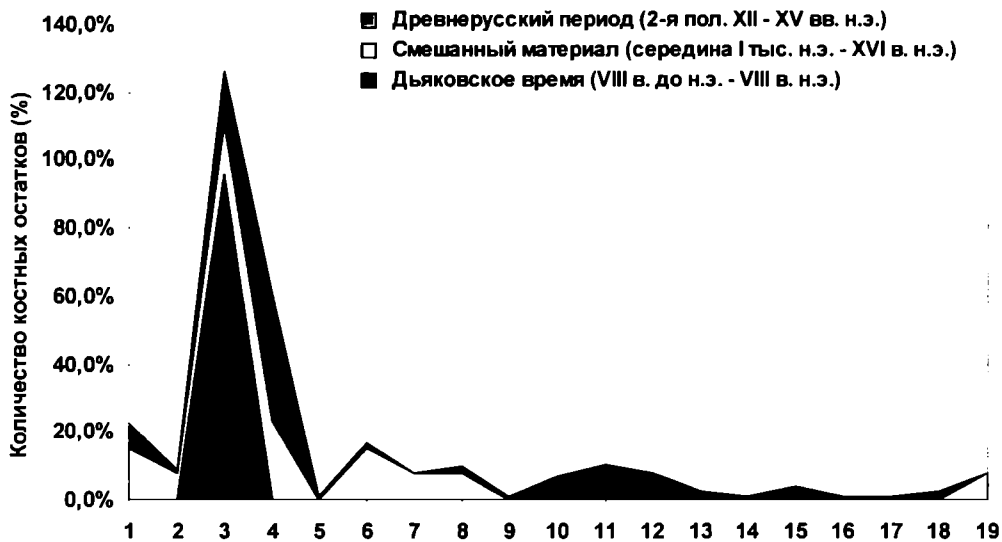

Рис. 3. Распределение остатков птиц по векам

1 – Курица; 2 – Гусь серый; 3 – Глухарь; 4 – Тетерев; 5 – Глухарь или тетерев; 6 – Рябчик; 7 – Кукушка; 8 – Серая куропатка; 9 – Белая куропатка; 10 – Чирок-трескунок; 11 – Чирок-свистун; 12 – Кряква; 13 – Утка; 14 – Уральская неясыть; 15 – Хохлатая черныш; 16 – Вяхрь; 17 – Луток; 18 – Озерная чайка; 19 – Малая чайка

времени дают ясную и полную картину хозяйственной деятельности населения в средние века.

Заполнения ям 161 и 146 датируются 2 половиной XII в. Остеологический материал из ямы 161 относится к четырем видам домашних животных и одному промысловому животному – бобру. Около 58% от всех остатков домашних животных составляют кости свиней (табл. 1). Все животные в количестве 5 особей были забиты до двухлетнего возраста.

Второе место в количественном отношении здесь занимают остатки крупного рогатого скота. Определено 12 костных фрагментов от 2 особей. Мелкий рогатый скот представлен тремя особями в возрасте: шести месяцев, двух лет и одна особь старше трех лет. Остатки лошадей немногочисленны и занимают здесь последнее место среди домашних животных, в отличие от более ранних слоев (табл. 1).

В яме 146 было найдено совместное захоронение 3 собак: 2 скелета различной полноты сохранности и фрагмент нижней челюсти. Один скелет, принадлежащий взрослой собаке, очень хорошей сохранности, состоял из черепа, почти всех костей конечностей и отдельных позвонков и ребер (всего 22 образца). Второй скелет состоял из 7 фрагментов, 6 из которых – кости конечностей и один позвонок. Объяснить фрагментарность этих захоронений пока не представляется возможным.

Первой половиной XIII в. датируются находки из ям 269 и 287. Из 40 остатков млекопитающих из этих ям 36 принадлежат домашним животным (табл. 1). Впервые остатки крупного рогатого скота преобладают над всеми остальными и составляют 47% от общего количества.

Определено 5 особей, 3 из которых были забиты до полугода. К свиньям относятся 5 особей – 2 особи до года и 3 в возрасте от года до 1,5 лет. Количество остатков лошадей и мелкого рогатого скота одинаково, и они немногочисленны (по 3 фрагмента). Из диких животных определены зубр и кабан, из птиц определена курица, встречена также чешуя и кости мелкой речной рыбы.

XIV в. датируются материалы из ям 147, 267, 268, 280, 281, 285. Всего собрано и определено 715 костей млекопитающих, птиц и рыб. Остатки домашних животных, как и везде, преобладают среди общего количества (табл. 1). Больше половины из них (52%) относятся к свиньям. Определено 43 особи, большинство из которых было забито до 2-х лет (41 особь) и лишь 2 особи в возрасте старше трех лет.

Второе место занимает крупный рогатый скот, его доля в процентном соотношении среди домашних животных составляет около 31,5%. Остатки крупного рогатого скота представлены костями конечностей и их фрагментами, позвонками и редко фрагментами челюстей. Следует отметить, что у крупного рогатого скота преобладают остатки скелета туловища и конечностей над фрагментами черепа (42/10), в то время как у свиней наоборот. Например, в яме 281 соотношение остатков скелета туловища к фрагментам черепа у коров составляет 42:10, а у свиней – 40:62. Всего определено 25 особей крупного рогатого скота, из них 13 в возрасте до 2,5 лет, 7 возрастом более 3 лет и для 5 особей определить возраст не представляется возможным.

Мелкий рогатый скот в основном представлен костями очень плохой сохранности. Однако удалось определить 15 особей следующих

возрастов: 3 особи до полугода, 6 моложе 2-х лет, 3 – старше трех лет. Возраст трех особей определить невозможно.

Остатки лошадей немногочисленны, относятся всего к 9 особям и представлены, в основном, крупными костями конечностей. Однако в яме 268 найден череп молодого жеребца очень хорошей сохранности. Это можно объяснить специальным захоронением.

Из домашних животных также найдено несколько костей собаки.

Начиная с XIV в. наблюдается увеличение значимости рыбной ловли и охоты на дикую птицу, в то время как значение охоты на крупных животных уменьшается (рис. 4). Остатки диких животных малочисленны: найдены только кости лося, зубра, кабана, благородного оленя, бобра, зайца. Как и раньше, среди промысловых животных в это время преобладают остатки бобра, хотя относительно дьяковского времени добыча пушныны уменьшается.

Из птиц определены кости тетерева, глухаря, кряквы, сизой чайки, рябчика и некоторых других (рис. 3). Из рыб – кости и чешуя судака, карася, мелкой щуки, стерляди, осетра, окуня и др.

Самые молодые находки, относящиеся к XV в., собраны из ямы 229. Osteологический материал из этой ямы разнообразен и представлен 208 образцами, из которых 190 отнесены к млекопитающим (табл. 1).

Следует особо подчеркнуть, что только в этом комплексе на памятнике отмечено преобладание костей крупного рогатого скота среди остатков домашних животных, которые относились к 10 особям в возрасте от 2 месяцев до 8 лет. Свины на втором месте – 9 особей в возрасте

до двух лет. Мелкий рогатый скот представлен тремя особями; две в возрасте до 9 месяцев и одна старая особь (рис. 1, b).

Остатки, принадлежащие лошади, представлены только костями конечностей и позвонками, что затрудняет определение возраста. Можно лишь сказать, что они принадлежат двум особям, одна из которых – жеребенок.

В яме, помимо сельскохозяйственных животных, найдены два почти полных черепа с нижними челюстями от двух собак и кость конечности амбарной крысы.

Из диких животных определены зубр, лось, благородный и северный олень, волк; из птиц – тетерев и чирок-трескунок.

Проведенное исследование позволило нам выявить следующие различия в составе osteологического материала дьяковского и древнерусского времени.

Одним из наиболее явных различий является значительное сокращение остатков лошади в средневековых слоях по отношению к более ранним. Из диаграмм (рис. 5, a, b, c) видно, что если в дьяковских и смешанных отложениях процент остатков лошади составляет 22 – 25% от всех домашних животных, то в средневековых только 6%. Сохранность материала также различна. В слоях, относящихся к дьяковской культуре, имеется большое количество зубов, их фрагментов, фрагментов нижних челюстей и черепов. Ни в одной из ям славянских поселений не встречен такой материал, что связано с тем, что в славянское время лошади перестали активно использоваться как источник мяса. В средние века на Руси лошадь являлась, видимо, лишь средством передвижения (Цалкин, 1970).

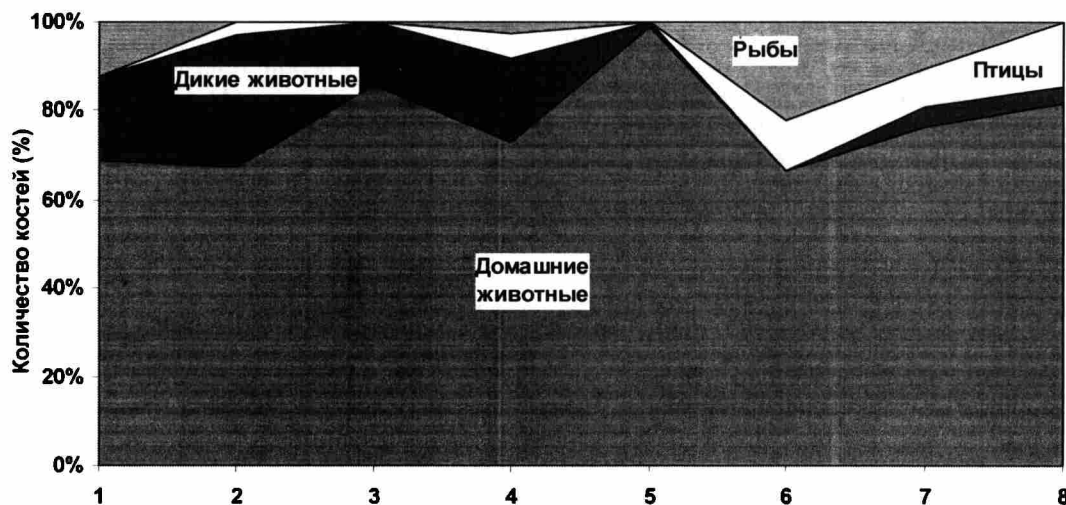

Рис. 4. Соотношение остатков млекопитающих, птиц и рыб из раскопок городища Ростиславль

1 – слой 3 (VIII – VI вв. до н.э.); 2 – слой 2 (2-я половина I тыс. до н.э.); 3 – слой 1-Б (2–3-я четверти I тыс. н.э.); 4 – слой 1-А (середина I тыс. н.э. – XVI в. н.э.); 5 – 2-я половина XII в. н.э.; 6 – 1-я половина XIII в. н.э.; 7 – XIV в. н.э.; 8 – яма 229 (XV в. н.э.)

Таблица 4. Видовой состав животных из городища Ростиславль (в скобках приводится число особей)

	Дьяковская культура			Смешанный материал	Древнерусский период			
	VIII–VI вв. до н. э.	2-я пол. I тыс. до н. э.	2–3-я четв. I тыс. н. э.		VII–XVI вв. н. э.	1-я пол. XII в. н. э.	1-я пол. XIII в. н. э.	XIV в. н. э.
	Слой 3	Слой 2	Слой 1Б	Слой 1А	Ямы 146, 161	Ямы 269, 287	Ямы 147, 267, 268, 280, 281, 285	Яма 229
Свинья	8 (2)	227 (24)	106 (17)	65 (8)	28 (5)	13 (5)	294 (43)	59 (9)
Крупный рогатый скот	2 (1)	104 (8)	31 (15)	33 (6)	12 (1)	17 (5)	138 (25)	77 (10)
Лошадь	–	110 (9)	48 (11)	42 (6)	3 (1)	3 (1)	29 (9)	11 (2)
Мелкий рогатый скот	–	38 (6)	30 (9)	16 (6)	5 (3)	3 (2)	59 (15)	27 (3)
Собака (волк?)	1 (1)	15 (3)	5 (2)	6 (4)	30 (3)	–	3 (1)	6 (2)
Домашние млекопитающие	11 (4)	494 (50)	220 (54)	162 (31)	78 (13)	36 (13)	523 (93)	180 (26)
Дикие млекопитающие	3 (3)	222 (32)	40 (15)	46 (21)	1 (1)	3 (2)	33 (33)	9 (6)
Млекопитающие	15 (7)	748 (82)	265 (69)	222 (52)	79 (14)	40 (15)	575 (126)	190 (32)
Птицы	–	23 (5)	–	13 (9)	–	6 (1)	63 (20)	18 (7)
Рыбы	2 (2)	–	–	6 (2)	–	12 (2)	77 (17)	–

Основная потребность в мясе как в дьяковское, так и в славянское время, покрывалась свиноводством. Однако, в связи с уменьшением значения лошади в пище, в средневековье возрастает значение коров от 19–20% до 29% (рис. 5, а, б, с). Возрастные характеристики указывают на мясо-молочное производство крупного рогатого скота на протяжении всего исследуемого периода.

Количество остатков мелкого рогатого скота для двух исследуемых эпох приблизительно одинаковы – от 9 до 12 %. Возраст забитых животных сильно варьирует, что говорит не только о мясном, но и о шерстяном (овцы) и молочном (козы) направлениях в животноводстве.

Нет сомнения, что домашние животные, остатки которых найдены при раскопках городища эпохи раннего железного века, по своим размерам, пропорциям, грацильности и, в целом, габитусу отличались от домашних животных более позднего периода.

Для двух культур выявляются различия и в объектах охоты. Для дьяковцев более характерна добыча пушнины и охота на крупных диких животных (рис. 2). Со временем ситуация меня-

ется. В средние века промысел птиц и рыболовство выходят на первый план (рис. 4). Количество остатков рыб и их видовое разнообразие увеличивается по сравнению с дьяковским временем (табл. 1).

Среди остатков диких животных необходимо отметить присутствие костных фрагментов северного оленя, более многочисленных в дьяковское время. Это указывает на распространение данного вида в более южных районах по сравнению с современностью.

Следует отметить присутствие в раннежелезное и смешанное время остатков мелкой лошади. В средневековье ее остатков не встречено. По нашим предположениям это мог быть тарпан, который в то время, по-видимому, являлся объектом охоты. Однако это предположение требует дополнительных материалов и исследований.

Авторы выражают благодарность В. Ю. Ковалю за предоставленные материалы, консультации и постоянную помощь в работе, также признательны за помощь в работе с костным материалом Т.И. Постовской, В.И. Жегалло и И.В. Кириловой.

Литература

- Бибикова В.И., 1958. О некоторых отличительных чертах в костях конечностей зуба и тура // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии, Т. LXIII (6).
- Галкин Г.Г., 1958. Атлас чешуй пресноводных костистых рыб // Изв. Всесоюз. научно-исследов. института озерного и речного рыбного хозяйства. Т. XLVI.
- Громова В.И., 1950. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета // Тр. Комиссии по изучению Четвертичного периода. Т. IX. Вып. 1. Ч. «Б».
- Климов А.Ф., 1950. Анатомия домашних животных. Т. 1. М.
- Коваль В.Ю. 2000. Новые данные о Ростиславльском городище эпохи раннего железного века // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.
- Корневен Ш., Лесбр К., 1932. Распознавание возраста по зубам и производным эпителия. М.
- Соколов В.Е., 1973. Систематика млекопитающих. М.
- Соколов В.Е., 1977. Систематика млекопитающих. М.
- Соколов В.Е., 1979. Систематика млекопитающих. М.
- Цалкин В.И., 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
- Boessneck J., Muller H.-H., Teichert M., 1964. Osteologische Unterscheidungsmerkmale zwischen Schaf (*Ovis aries* Linne) und Ziege (*Capra hircus* Linne) / Kuhn-Archiv, 78. Band, Heft 1–2.

Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение)

Стоянка Ростиславль находится на правом высоком берегу р. Оки, напротив г. Озеры, на площадке крупного овражного мыса, на котором расположилось древнерусское городище Ростиславль (рис. 1). Впервые о находках каменных орудий на городище Ростиславль упомянул А.А. Мансуров (1933. С. 142), ссылавшийся на незаконченную рукопись зарайского краеведа И.П. Перлова.

Раскопки городища Ростиславль ведутся совместной экспедицией ИА РАН и МИГМ под руководством В.Ю. Ковалю. При разборке культурного слоя городища и зачистке материка постоянно фиксировались отдельные кремневые изделия, которые передавались на хранение в Музей истории г. Москвы, где автор данной работы имел возможность ознакомиться с ними. В 2002 г. на раскопах I и II были вскрыты участки, давшие более многочисленные находки кремневых изделий. Общий характер коллекции, а также присутствие черешковых наконечников

стрел на отщепях и пластинчатых сколах указывали на возможный круг аналогий среди памятников типа Лингби – Аренсбург. В связи с этим в 2003 г. автор принял участие в раскопках на Ростиславльском городище с целью доследования залегающих под средневековым культурным слоем материковых отложений, из которых, по всей видимости, и происходила большая часть найденных в городищенском слое кремневых изделий¹.

Работы палеолитического отряда Ростиславльской экспедиции были сосредоточены на участках I и II раскопов, наиболее изобилующих кремневыми изделиями. Работы на этих участках начинались по окончании исследования средневекового слоя. На раскопе I таким образом была изучена площадь 96 кв. м, на раскопе II – 28 кв. м. Представленные ниже результаты исследований можно считать предварительными, т. к. изучение памятника только началось.

Таблица 1. Состав коллекции находок из раскопов I и II

	Раскоп I, скопление «А»		Раскоп II, скопление «Б»		Всего	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Нуклеусы	14	2,2	4	1,3	18	1,9
Нуклеидные обломки	1	0,2	2	0,6	3	0,3
Площадки нуклеусов	7	1,1	4	1,3	11	1,2
Обломки	4	0,6	–	–	4	0,4
Отщепы	451	71,1	204	64,1	655	69,0
Пластины	91	14,4	56	17,7	147	15,5
Микропластины	3	0,5	3	0,9	6	0,6
Резцовые отщепки	13	2,1	7	2,2	20	2,1
Отщепы с ретушью	5	0,8	4	1,3	9	0,9
Пластины с ретушью	1	0,2	4	1,3	5	0,5
Отбойники	7	1,1	1	0,3	8	0,8
Орудия	37	5,8	27	8,5	63	6,6
Всего	634	100	316	100	950	100
Орудия						
Наконечники	5	13,5	7	26,9	12	19,0
Резцы	15	40,5	11	42,3	26	41,3
Скрепки	13	35,1	5	19,2	18	28,6
Пластины со скошенным ретушью концом	–	–	2	7,7	2	3,2
Острия	1	2,7	1	3,8	2	3,2
Нож обушковый	1	2,7	–	–	1	1,6
Рубящие	1	2,7	–	–	1	1,6
Долотовидные	1	2,7	–	–	1	1,6
Всего	37	100	26	100	63	100

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить сердечную благодарность В.Ю. Ковалю за предоставленную возможность проведения необходимых на стоянке работ.

Таблица. 2. Соотношение орудий на отщепах и пластинах

	Раскоп I		Раскоп II		Всего	
Орудия на отщепах и обломках	21	58,3%	15	57,7%	37	58,7%
Орудия на пластинах	15	41,6%	11	42,3%	26	41,3%
Всего	36	100%	26	100%	63	100%

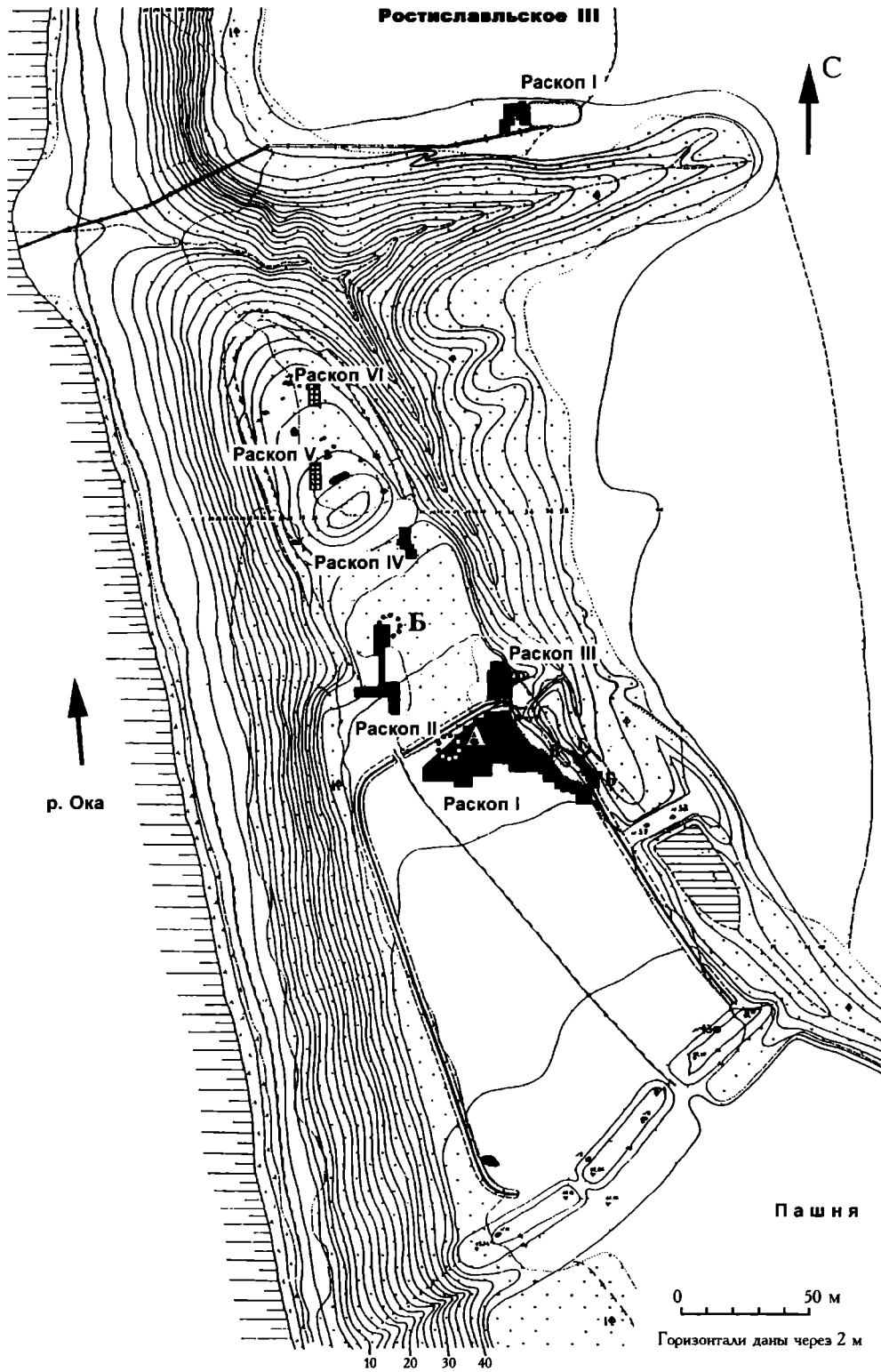
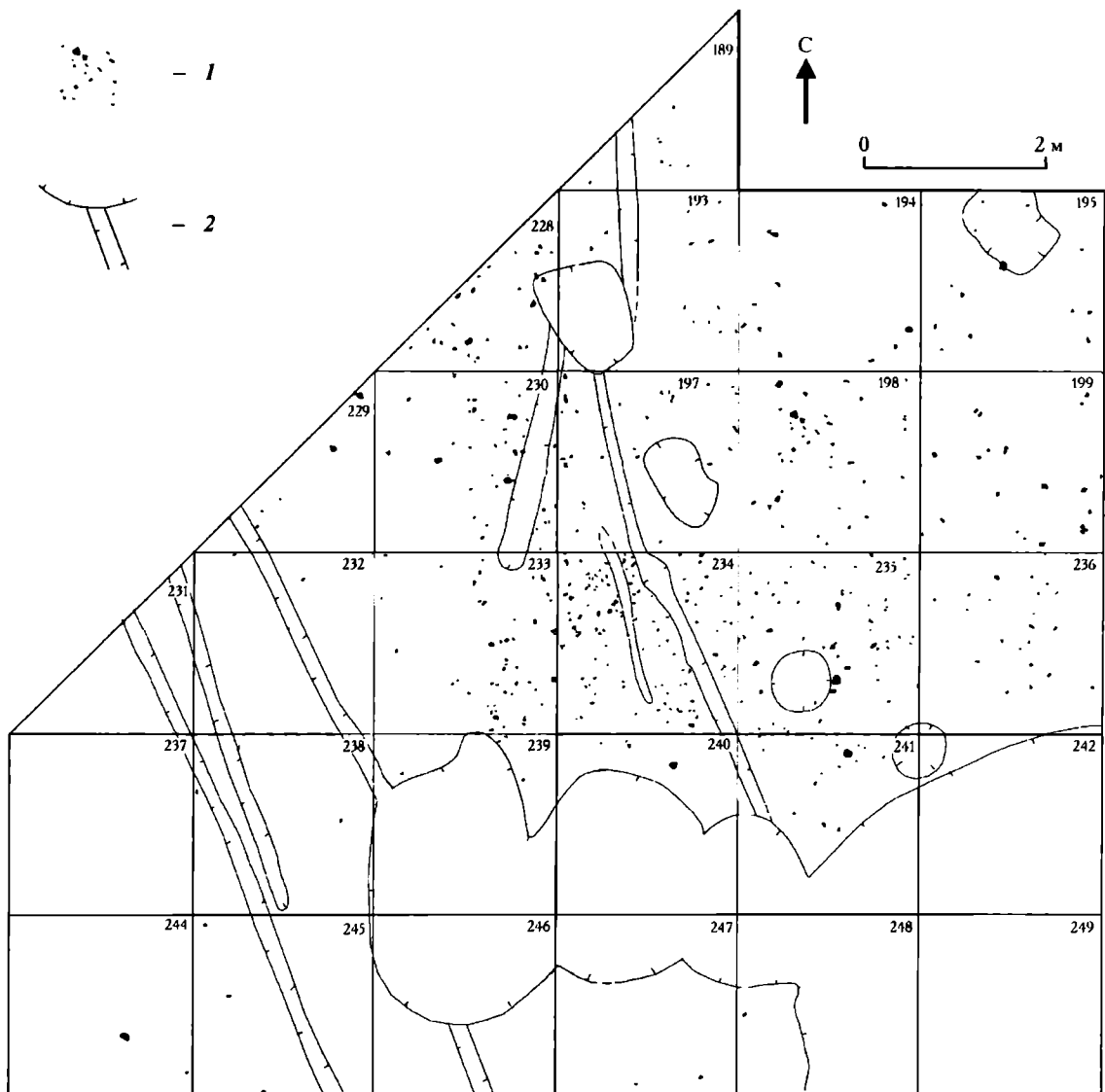

Рис. 1. Расположение городища Ростиславль (по В.Ю. Ковалю)
А и Б – скопления кремневых изделий

Рис. 2. Стоянка Ростиславль. План расположения каменных изделий скопления «А» на площади раскопа I

1 – кремневые изделия; *2* – границы ям и канав, нарушивших культурный слой стоянки

Основной содержащий находки слой на обоих раскопах представлял собой прослойку сильно оподзоленной супеси (горизонт вымывания) мощностью 5–10 см, залегавшей непосредственно под городищенским почвенно-культурным слоем. Гумусовая же часть почвы и, вероятно, некоторая часть подзолистого слоя были включены в городищенский культурный слой в процессе его формирования. Мощность перекрывающих стоянку отложений составляла от 30 см на первом раскопе, до 60 см – на втором. Кроме того, культурный слой стоянки был сильно поврежден многочисленными средневековыми ямами и ходами землероев.

Собранная в результате раскопок 2003 г. коллекция насчитывает 851 предмет, включая морзобойные и термические осколки: на раскопе I –

601 (из них 64 преимущественно термические осколки), на II – 250 кремневых изделий (из них термических осколков 37). Непосредственно из подзолистого слоя на первом раскопе происходит 461 предмет. На раскопе II в подзолистом слое найдено 211 предметов. Особо отметим, что на обоих раскопах большая часть этих изделий происходила с площади диаметром около 5–6 м (рис. 2). В приводимых ниже статистических выкладках материалы раскопок 2003 г. были объединены с материалами, добытыми в 2002 г. Материалы раскопа I предварительно объединены в скопление «А», а раскопа II – в скопление «Б». Скопление «Б» вскрыто пока только частично (уходит под восточную стенку раскопа).

Каких-либо типологических различий в инвентаре между первым и вторым скоплениями

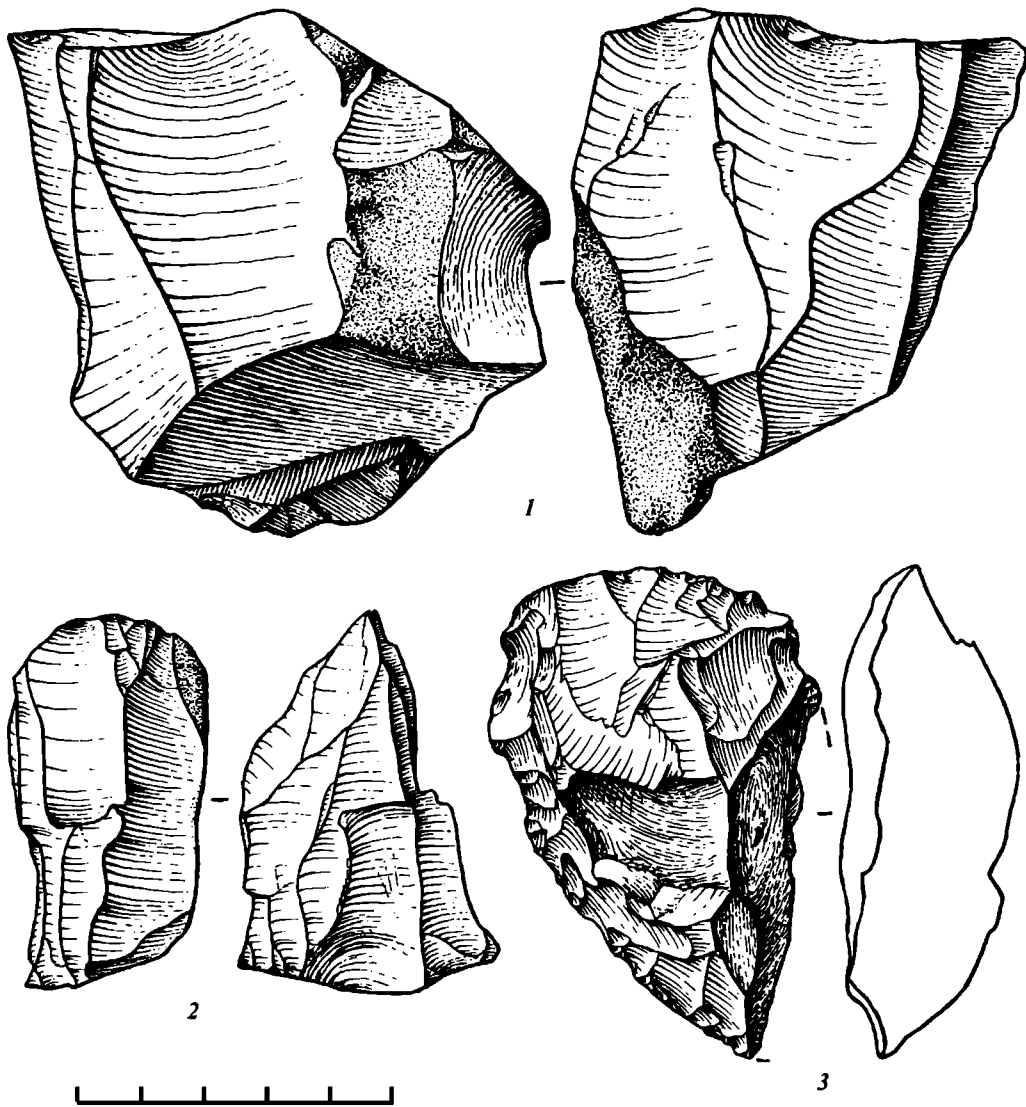

Рис. 3. Стоянка Ростиславль

1, 2 – нуклеусы; 3 – тесло

не отмечается, так что здесь вполне возможно говорить об однокультурности и, вероятно, их относительной одновременности. Некоторые отличия наблюдаются в более высоком проценте орудий на участке скопления «Б», возможно, вызванным отчасти более высоким содержанием продуктов первичного расщепления (главным образом, нуклеусов и отщепов) на участке скопления «А». Кроме того, на участке скопления «Б» среди орудий вдвое выше количество наконечников, но одновременно почти в два раза меньше находок скребков (табл. 1). Данные отличия интересны, поскольку могут отражать функциональную (сезонную?) специфику участков. Однако, поскольку скопление «Б» исследовано не полностью, окончательные выводы пока делать рано.

В связи с типологическим единообразием и недостаточной исследованностью памятника дальнейшее описание материала дается суммар-

но, без разделения на комплексы. Достаточно разнообразные по форме нуклеусы (18 экз.) служили для различных заготовок (как пластин, так и отщепов). Встреченные нуклеусы, как правило, сильно сработаны, возможно поэтому правильных призматических и торцевых нет (как на стоянках Зарайской и Трегубово 2), но есть подпризматические и различные одностороннего скалывания, близкие торцевым. Расщепление по большей части носило характер ситуационного, не ориентированного на получение заготовки строго определенной формы. Преобладают двух- и более площадочные формы. В целом можно говорить о недостаточном развитии технологии получения пластинчатой заготовки (рис. 3, 1, 2).

Последнее обстоятельство, вероятно, послужило причиной существенного преобладания орудий, выполненных на отщеплах (58,1% орудий сделано на отщепках и только 41,9% – на пластинах).

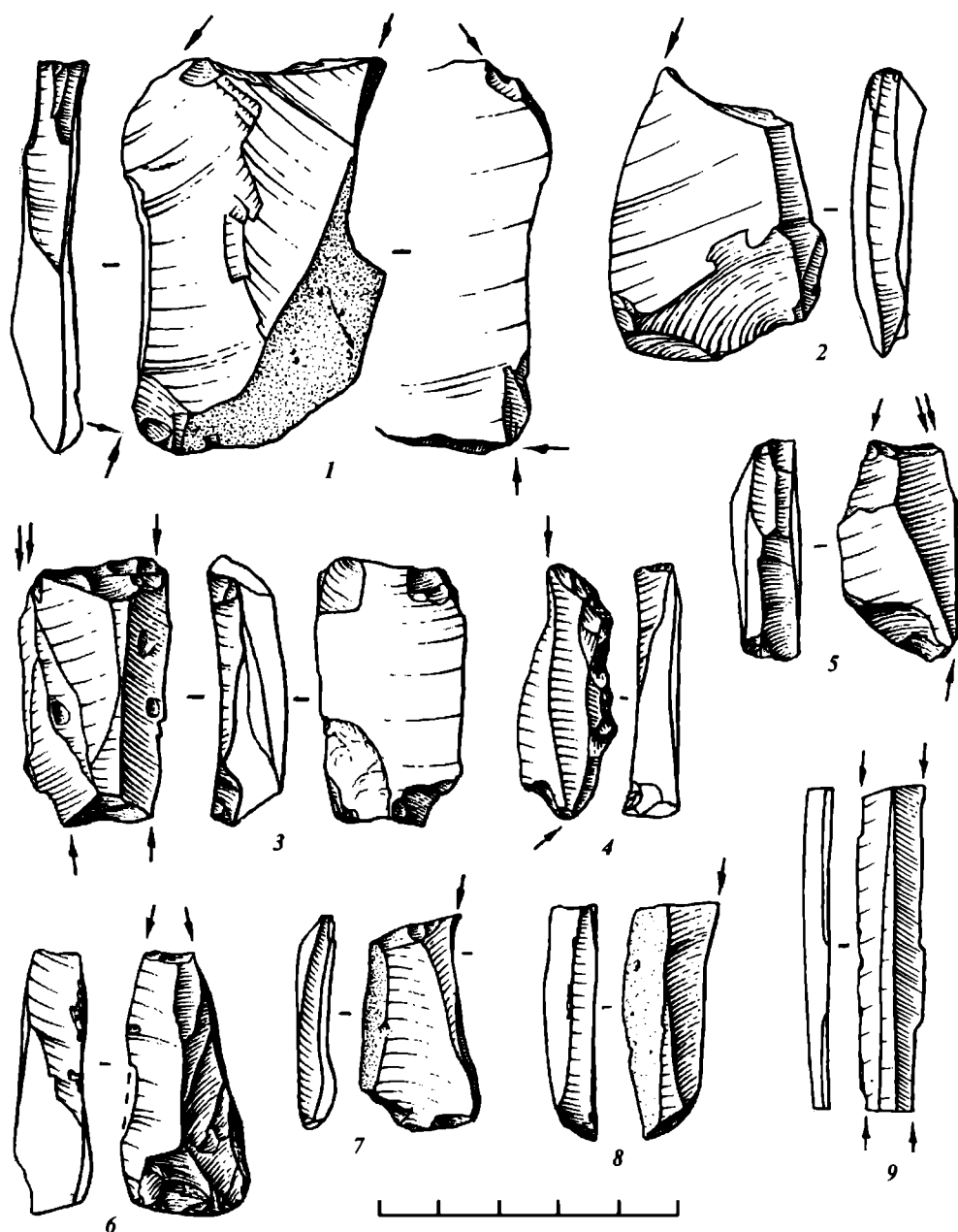

Рис. 4. Стоянка Ростиславль. Резцы

Среди орудий наиболее многочисленны резцы – 26. Среди них абсолютно доминируют ретушные различной формы – 16 экз. (рис. 4, 2–6). Изготавливались они как на пластинах, так и на отщепках (до 61,5%). Среди них есть пара выямчаторетушных резцов на крупных отщепках, которые можно отнести к макрорезцам или нуклеидным резцам, у которых резцовая кромка шире 1 см. Среди группы ретушных резцов большое количество форм дублированных и многолезвийных.

Резцы на сломе заготовки – вторые по численности (8 экз.) (рис. 4, 1, 7, 8). Из них на пластинах выполнено только два, остальные – на отщепках. Среди этих резцов имеется один комбинированный угловой-двугранный на круп-

ном осколке, имеющий ширину резцового скола 1 см. Его можно отнести к макрорезцам или резцам нуклеидным.

Двугранный резец на отщепе – один (может являться случайной формой). В качестве инородной примеси рассматривается находка многолезвийного углового резца на тонкой правильной призматической пластинке (заготовке, совершенно не характерной для всего кремневого комплекса Ростиславльской стоянки) (рис. 4, 9). Находка происходит из городищенского слоя за пределами скоплений «А» и «Б» (более ранние раскопки В.Ю. Ковалю).

Из 18 скребков 5 изготовлены на пластинах, остальные – на отщепках. Преобладают концевые формы скребков (рис. 5, 4–10). Среди них име-

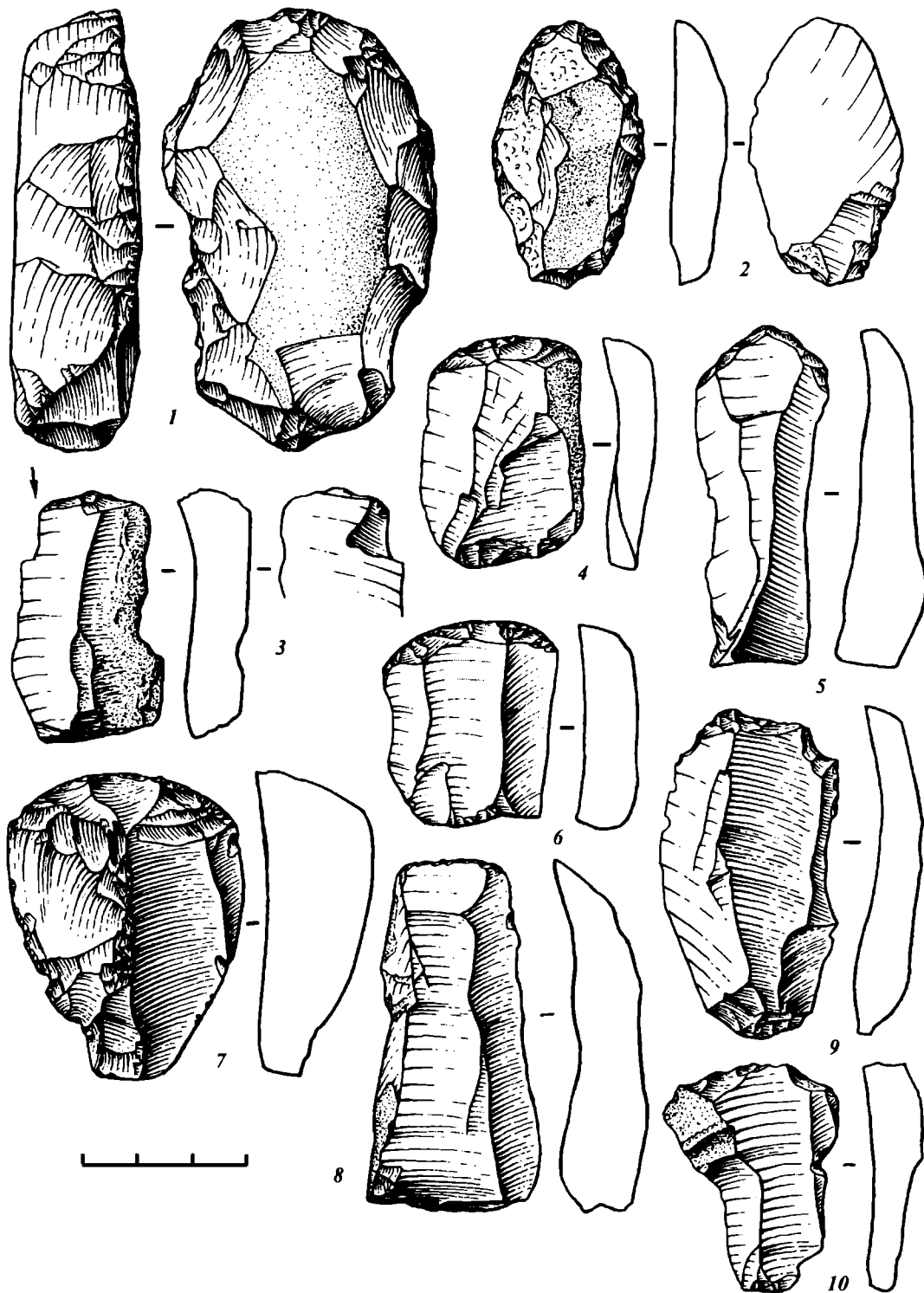

Рис. 5. Скребки стоянки Ростиславль

ется один скребок со стрелчатым рабочим краем (рис. 5, 5), а также два скребка, относящиеся к разряду приспособленных. У двух последних в качестве скребкового лезвия использовались ныряющие окончания крупных пластинчатых сколов, имеющие хорошо выраженные следы износа в виде мелкой ретуши на спинку (рис. 5, 8). Есть также три скребка овальной формы с рету-

шью по всему, или почти по всему, периметру, один – на отщепе, и два крупных скребка – на фрагменте нуклеуса и на кремневой плитке (рис. 5, 1, 2).

Из других орудий необходимо отметить крупный обушковый нож на пластинчатом отщепе. Обушковая часть обработана крупной отвесной ретушью. На дистальном конце изделия

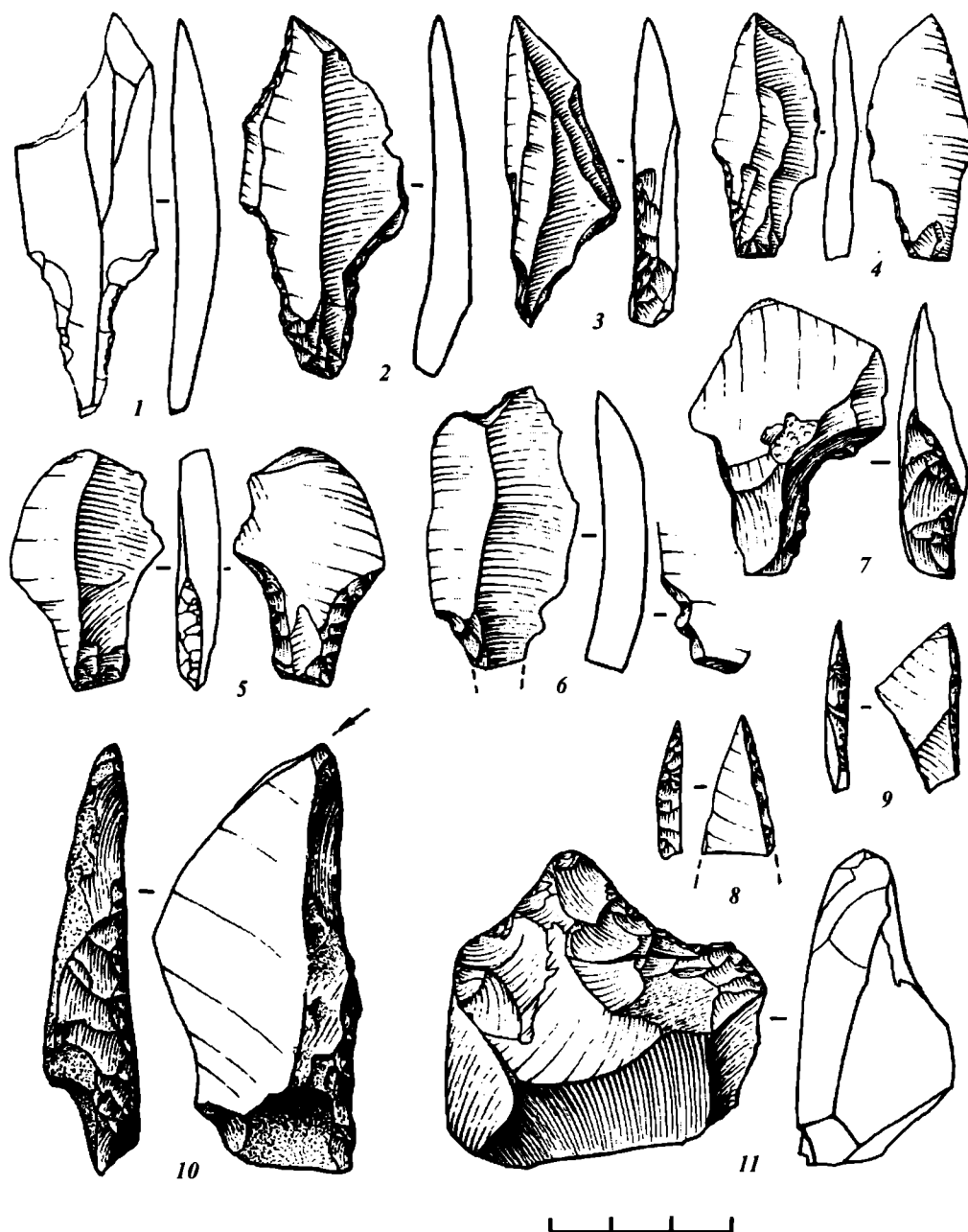

Рис. 6. Каменные изделия стоянки Ростиславль

имеется тонкий резцовый скол, скорее всего не преднамеренный, а получившийся в результате подготовки обушка (рис. 6, 10). Одним экземпляром на стоянке представлена высокая асимметричная трапеция (рис. 6, 9).

В пределах скопления «А» найдено также рубящее орудие (тесло), разбитое на две части в процессе его изготовления. Оба фрагмента и несколько мелких отщепов, полученных в результате его изготовления, были найдены здесь же. Орудие имело вытянутую треугольную форму и высокий асимметричный профиль (рис. 3, 3).

К остриям отнесено два предмета. Одно – выполнено на углу отщепе полукрутой ретушью

на спинку. Другое острие (из раскопок предыдущих лет – из городищенского слоя) – на крупном обломке кремня. Рабочая часть орудия выделена двусторонней оббивкой крупными сколами и ретушью (рис. 6, 11).

Наибольший же интерес в данном кремневом комплексе представляет серия черешковых наконечников стрел. Всего, включая предыдущие годы раскопок (из городищенского слоя), найдено целых, или почти целых, 8 таких наконечников (рис. 6, 1–7). Изготавливались они как на пластинах, так и на отщепе. Достаточно широкие черешки обработаны крутой и отвесной ретушью на спинку (рис. 6, 1–3), на брюшко (рис. 6, 5) и противоположной ретушью (рис. 6, 4, 6, 7).

Наиболее близкие аналогии черешковым наконечникам находятся среди материалов стоянок культур Лингби и Аренсбург. Причем, два наконечника из скопления «А» (рис. 6, 2, 3) и один из раскопа II 1994 г. (рис. 6, 1) дают классические образцы наконечников подобного рода.

Тип памятника

Достаточно высокий процент орудий, несмотря на близкорасположенные выходы кремневого сырья, а также многообразие форм орудий, говорящих о наличии самых разных форм хозяйственной деятельности (о добыче и первичной обработке кремневого сырья, изготовлении разнообразных по назначению орудий и, конечно, об охоте и обработке продуктов охоты), говорят, скорее, о базовом, чем об узкоспециализированном характере данного памятника.

Концентрация разнообразных по характеру предметов (как орудий, так и отходов первичного расщепления) в пределах достаточно небольшого пространства при наличии значительного их числа со следами воздействия огня может говорить о том, что в пределах этого участка (жилища?) велась не только разнообразная хозяйственная деятельность, но также и расщепление кремневого сырья, часть которого попадала в огонь.

Активная хозяйственная деятельность в пределах жилища и особенно первичная обработка кремневого сырья, обычно выносимая за пределы жилища (так называемые мастерские), могут указывать на достаточно суровые (холодные) условия обитания данной группы (групп) людей. Наиболее вероятное время формирования такого комплекса – осень (время массовых поколов оленя и заготовок оленины) и, возможно, часть зимы (пока не закончился запас заготовок).

Культурная принадлежность

При определении культурной принадлежности памятника внимание исследователей в первую очередь, и вероятно не без основания, обращается к одному из важнейших для выживания и потому наиболее консервативных бытовых объектов – предметам охотничьего вооружения. На Ростиславльской стоянке, как отмечалось выше, найдена серия черешковых наконечников стрел, чрезвычайно напоминающих наконечники культур Лингби и Аренсбург. При достаточном сходстве форм наконечники культуры Лингби отличаются от аренсбургских значительно более крупными размерами. Так, размеры аренсбургских наконечников колеблются в пределах около 3,5 см (Clarc, 1975. С. 77), в то время как размеры наконечников Лингби колеблются от 5,5 см

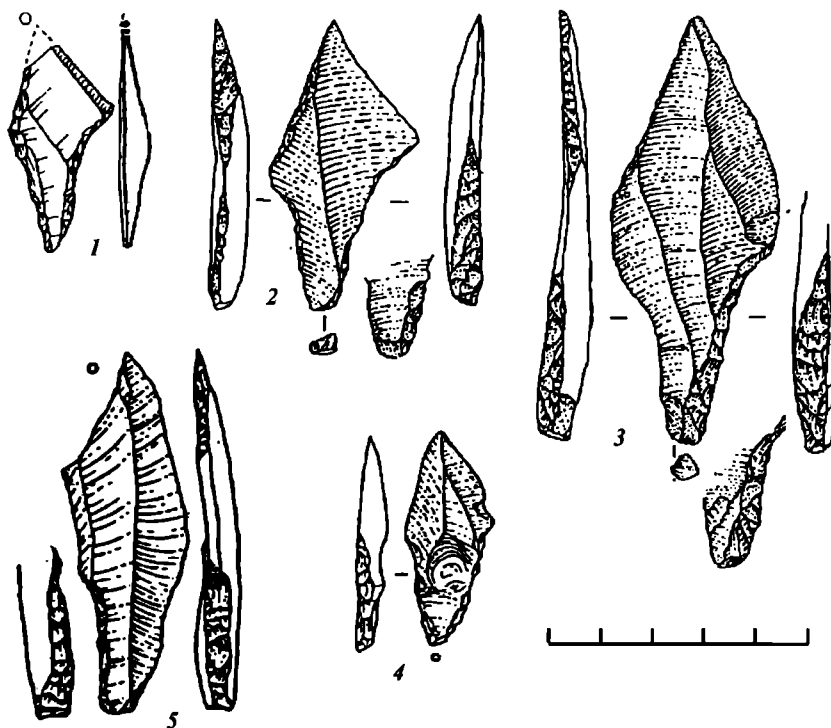

Рис. 7. Ладыжино 3. Черешковые наконечники стрел
1 – по Фролову и Жилину (1978); 2–4 – по Кравцову и Коннову (2002);
5 – по Кравцову, Коннову и Трусову (2003)

до 8 см и более (Синицына, 2000. С. 63–65). Наконечники Ростиславля в этом плане занимают промежуточное положение (их длина колеблется от 4 до 6,6 см, средние размеры – 5,3 см). Использование жесткого отбойника и соответствующих массивных крупных заготовок также может сближать Ростиславль с лингбийскими памятниками. Однако скошенное ретушью перо наконечника более характерно для аренбургских памятников. Кроме того, ведущей формой резцов Лингби являются резцы двугранные (составляют около 3/4 всех резцов). Ретушные же резцы хорошо представлены на аренбургских памятниках.

Абсолютного тождества ни с Лингби, ни с Аренсбургом мы, конечно же, не найдем. Для нас более важным является наличие на памятнике достаточно устойчивой серии черешковых наконечников, получающих широкое распространение на памятниках Северной Германии, Польши и, наконец, в Восточной Европе: Подол III (Синицына, 2000. С. 61–71) и Усть-Тудовка на Верхней Волге (Жилин, Кравцов, 1991), Беливо 4А в Москворечье (Кравцов, Луньков, 1994. С. 113. Рис. 1, 15, 20), Аносово I на Днепре (Лисицын, 2002. С. 37. Рис. 1, 1) и др., в период алерд – поздний дриас. Ввиду данных обстоятельств, на предварительном этапе исследований можно предполагать финальнопалеолитический возраст стоянки Ростиславль, как наиболее вероятный.

Столь ранней датировке несколько противоречит находка описанной выше трапеции. Однако, во-первых, находки отдельных микролитов, в том числе трапециевидных, на финальнопалеолитических памятниках известны; во вторых, в данном случае нельзя исключать и возможную более позднюю примесь – ведь находка происходит из городищенского культурного слоя.

В плане же наибольшего культурного сходства можно указать стоянку Ладыжино 3, где имеются практически все отмеченные на Ростиславле типы изделий, в том числе и крупные черешковые наконечники, близкие наконечникам культур Лингби и Аренсбург (рис. 7).

В Ладыжино 3, как и на Ростиславле, недостаточно развита техника получения пластин. Преобладающим типом нуклеуса являются одноплощадочные от отщепов, есть нуклеусы от отщепов и пластин, встречаются отдельные экземпляры подпризматических и торцевых. Соответственно, значительная доля орудий (до 65%) изготавливалась на отщепах (Жилин, Фролов, 1981. С. 257–258.). Здесь также ведущей формой орудий являются резцы, среди которых основными являются резцы на углу сломанной заготовки и ретушные. Но более всего эти памятники объединяет наличие серий крупных черешковых наконечников стрел. Из опубликованных материалов бассейна Оки такие наконечники серийно отмечены только на Ладыжино 3.

По мнению А.Е. Кравцова и С.Б. Коннова, однокультурность материалов Ладыжино 3, как и ее принадлежность к иеневской культуре, не вызывает сомнений. Однако вопросы о датировке памятника окончательно не решены, имеющаяся палинологическая датировка (климатический оптимум пребореала) подвергнута критике. О возможности существования более раннего поселения², по мнению указанных авторов, могут говорить материалы шурфа 1, кремневые изделия которого, в целом, отличаются крупными размерами. Кроме того, здесь же обнаружен крупный черешковый наконечник, сопоставимый, как считают авторы, с наконечниками стоянки Бромме. Принимая же во внимание серию черешковых наконечников, выполненных в традициях Лингби и Аренсбург, памятник предлагается датировать рубежом палеолита и мезолита (Кравцов, Коннов, 2002).

Принадлежность Ладыжино 3 к иеневской культуре не вызывает возражений у большинства исследователей. Отмечая же определенное сходство комплексов Ладыжино 3 и Ростиславля, можно было бы к иеневской культуре отнести и Ростиславльскую стоянку.

Основными чертами иеневской культуры (ИК), по Л.В. Кольцову, являются: определенное разнообразие форм нуклеусов (невыработанность какой-либо определенной системы расщепления) и, как результат, преобладание орудий на отщепах. Среди скребков преобладают различные варианты концевых. Из резцов встречаются, главным образом, на углу сломанной заготовки и различных форм ретушные. Характернейшими «культуроопределяющими» формами ИК являются: трапеции высокие и средних пропорций; наконечники с боковой выемкой, у которых один из краев, как правило прямой, ретушировался полностью. По противоположному краю ретушированной выемкой оформлялась черешковая часть наконечника (ретушь крутая или отвесная); а также топоры с перехватом. Для ранних памятников отмечается наличие черешковых форм наконечников (Кольцов, 1989. С. 76–82).

Однако отмеченные формы изделий в том или ином сочетании встречаются также и в других мезолитических и финальнопалеолитических культурах (за пределами отведенных для ИК бассейнов Оки и Верхней Волги). Так, для памятников типа Песочного Рва (бассейн Десны) также характерно слабое развитие пластинчатой техники расщепления кремня и преобладание орудий на отщепах, наличие в инвентаре аналогичных «иеневским» наконечников с боковой выемкой, серий характерных высоких асимметричных трапеций, а также черешковых наконечников аренбургского типа (черешки обработаны крутой ретушью без применения плоской подправки со стороны брюшка, а у одного наконечника крутой ретушью выполнен характерный скос пера). Сходство кремневого инвентаря памятников типа

² По сравнению с комплексом раскопа I, пройденного на поселении Ладыжино 3.

Песочного Рва и ИК настолько велико, что приводит Л.Л. Зализняка к мысли о том, что они являются локальными вариантами одной культуры (*Зализняк*, 1986. С. 124).

Основные черты, характерные для комплексов ИК, наблюдаются и в так называемой гренской культуре Верхнего Поднепровья, ярким представителем которой является стоянка Боровка. Здесь также отмечается небрежность в системе расщепления, направленной главным образом на получение отщеповых заготовок. Орудия на отщепах, соответственно, преобладают. В группе резцов больше ретушных, на втором месте – резцы на сломе заготовки, двугранные несколько уступают им (*Копытин*, 2000. С. 24, 88). Среди других изделий имеются топоры с перехватом и, конечно же, черешковые и асимметричные наконечники стрел, близкие аренбургским.

Вполне вероятно, отмеченные культурные явления и, собственно, ИК представляют в целом некую культурную общность, в рамках которой проведение каких-либо границ будет достаточно условно, если вообще возможно. Объединяют они неким общим (лингбийско-аренбургским) родством, выражающимся прежде всего в предметах охотничьего вооружения (различные черешковые и с боковой выемкой наконечники стрел). Сложнее определить степень участия лингбийско-аренбургских традиций и традиций местных палеолитических культур в сложении интересующих нас финальнопалеолитических и мезолитических культур.

Впрочем, лингбийско-аренбургское составляющее ИК и родственных ей культур признается не всеми исследователями. По мнению В.Ф. Копытина, носители мезинских культурных традиций «явились важным компонентом в сложении гренской культуры и генезисе ряда культур (иеневской и песочноровской), которые традиционно принято связывать с аренбургской культурной общностью» (*Копытин*, 2000. С. 134).

По мнению Х.А. Амирханова, ИК бассейна Оки сложилась на основе восточнограветских палеолитических традиций (Зарайск, Трегубово 2, Колтово 7) (*Амирханов*, 2002. С. 86). Конечно, наличие некоего коренного элемента в сложении интересующих нас мезолитических культур более чем логично, однако вывести их целиком из местных корней не представляется возможным.

Возвращаясь к культурной принадлежности стоянки Ростиславль, отрицать ее принадлежность к кругу памятников ИК и родственных ей нельзя. Однако, отмечая резкое преобладание в ее комплексе среди охотничьего вооружения че-

решковых форм наконечников (что в целом не свойственно для памятников ИК), приходится признать своеобразие кремневого комплекса стоянки Ростиславль.

В связи с вышесказанным можно упомянуть стоянку Усть-Тудовка, характеризующуюся аналогичной техникой первичного расщепления и сходством основных форм изделий, среди которых имеется серия черешковых наконечников стрел лингбийско-аренбургских типов (преобладают). Кремневый комплекс финальнопалеолитической стоянки Усть-Тудовка, по мнению исследователей, является важным компонентом при формировании ИК, сложившимся на основе аренбургской культуры – «данный комплекс может быть назван протоиеневским» (*Жилин, Кравцов*, 1991. С. 17; *Кравцов, Леонова, Лев*, 1994. С. 27).

Отмечая значительное преобладание в комплексе стоянки Ладыжино 3 среди предметов вооружения наконечников лингбийско-аренбургских форм (трапеции и наконечники с боковой выемкой единичны), можно предположить существование и здесь некоторого протоиеневского эпизода. Против этого, в сущности, не возражают и авторы раскопок стоянки, говоря о возможности существования более раннего (по сравнению с комплексом раскопа I) поселения (*Кравцов, Коннов*, 2002).

Подводя итог, можно сказать, что ИК и родственные ей культуры появились не в готовом сложившемся виде. Их появлению предшествовал этап, характеризующийся значительным проявлением лингбийско-аренбургских традиций в инвентаре. В дальнейшем происходит утрата или изменение ряда форм изделий и появление новых форм. Аренбургские традиции постепенно растворились (или были частично вытеснены традициями более адаптированных групп местных охотников), что и привело в конечном итоге к сложению ИК и некоторых других мезолитических культур на рубеже плейстоцена и голоцена.

Исходя из этого, изучение Ростиславльской стоянки может вкупе с такими памятниками, как Усть-Тудовка, Подол III, ранний комплекс Ладыжино 3, Аносово 1, Гремячее (*Воеводский*, 1941) и др., пролить свет на сложение ИК и, возможно, других мезолитических культур, что представляет значительный интерес. Данные обстоятельства не позволяют в полной мере относить Ростиславль, как и группу перечисленных выше памятников, к ИК. Ростиславль и аналогичные памятники представляют самостоятельный интерес и должны рассматриваться, по крайней мере, с приставкой «прото-» («протоиеневская»).

Литература

- Амирханов Х.А., 2002. Восточнограветтские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб.
- Воеводский М.В., 1941. Стоянка Гремячее // МИА. № 2. М.–Л.
- Жилин М.Г., Кравцов А.Е., 1991. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка I // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.
- Зализняк Л.Л., 1986. Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев.
- Зализняк Л.Л., 1989. Охотники на северного оленя украинского полесья эпохи финального палеолита. Киев.
- Кольцов Л.В., 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. Археология СССР. М.
- Копытин В.Ф., 2000. Боровка. У истоков гренской культуры. Могилев.
- Кравцов А.Е., Коннов С.Б., 2004. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь.
- Кравцов А.Е., Коннов С.Б., Трусов А.В., 2003. Работы на стоянках Ладыжено 3 и 3 «А» в Калужской области // АО 2002 г. М.
- Кравцов А.Е., Леонова Е.В., Лев С.Ю., 1994. К вопросу о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь.
- Лисицын С.Н., 2004. Технология расщепления кремня на финальнопалеолитической стоянке – мастерской Аносово I // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь.
- Мансуров А.А. Список археологических памятников и сведений об археологических находках в районах Средней Оки // Архив ИА РАН. Ф-5. № 1.
- Синицына Г.В., 2001. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Тверь.
- Фролов А.С., Жилин М.Г., 1978. Новый памятник мезолита на Верхней Оке // СА. № 1.
- Clare G., 1975. The earlier Stone Age settlement of Scandinavia. Cambridge.

Археометаллографическое исследование железных предметов дьяковской культуры из коллекции Ростиславльского городища

В настоящее время в результате исследований, проведенных Л.С. Розановой и Г.А. Вознесенской (*Вознесенская*, 1965; 1970; *Хомутова*, 1978; 1981; 1982), известны технико-технологические особенности железообработки племен дьяковской культуры. Установлено, что в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. изделия, откованные из железа и сырцової стали, количественно несколько уступают поковкам, выполненным с использованием дополнительных приемов по улучшению рабочих качеств предмета. Такая же картина наблюдается и в третьей четверти I тыс. н. э. При этом доля орудий, изготовленных с использованием специальных приемов, в это время несколько возрастает по сравнению с предшествующим периодом (*Терехова и др.*, 1997. С. 127).

Интересный материал для изучения кузнечного ремесла дьяковских племен Поочья представляют материалы Ростиславльского городища, расположенного в контактной зоне дьяковской и городецкой культур. Нижние культурные напластования мысовой площадки памятника относятся к эпохе раннего железного века. Находки грузиков дьякова типа позволили отнести дославянские материалы к дьяковской археологической культуре (*Коваль*, 2001. С. 93). Находки из нижнего слоя датируются автором раскопок второй половиной I тыс. до н. э., а из верхнего слоя – второй и третьей четвертями I тыс. н. э.

Настоящая статья посвящена результатам металлографических анализов предметов из черного металла дьяковского времени из городища Ростиславль. Всего было исследовано 15 предметов: 11 ножей, 2 шила, удила и фрагмент кольца-полуфабриката¹.

О местном железообрабатывающем производстве косвенно свидетельствует находка фрагмента полуфабриката, имевшего форму кольца (рис. 1, ан. 10468). Откован предмет из круглого в сечении дрота диаметром 0,5 см. Диаметр самого кольца, вероятно, был около 11 см. Подобные полуфабрикаты, служившие, по мнению ряда исследователей, единицей обмена, широко распространены на памятниках дьяковской культуры (*Смирнов*, 1974. С. 63). Исследованный полуфабрикат откован из кричного железа. На шлифе наблюдается небольшой участок

науглероженности кричного происхождения (содержание углерода до 0,2%). Металл содержит большое количество шлаковых включений, но эти шлаки по преимуществу мелкие. Зерно феррита – мелкое и среднее. Совокупность этих факторов свидетельствует о достаточно тщательной прокованности полуфабриката. Сходная структура обнаружена при анализе полуфабрикатов из Троицкого городища (*Терехова и др.*, 1997. С. 26).

Из нижнего слоя исследованы нож и удила. Как уже упоминалось, автором раскопок эти напластования датируются второй половиной I тыс. до н. э., что соответствует второму этапу дьяковской культуры по И.Г. Розенфельдт, – времени появления железных предметов у дьяковских племен. Нож сохранился фрагментарно и очень сильно корродирован, но, судя по уступам при переходе от клинка к черенку, его следует датировать не дьяковским, а более поздним (древнерусским) временем (рис. 2, ан. 10455). Нож откован из стальной заготовки с последующей термообработкой. Следует отметить тщательную прокованность металла. Судя по микротвердости металла, для изготовления предмета применялась сырцовая сталь, то есть сталь, полученная при металлургическом процессе. Диапазон показаний микротвердости довольно широк – 236–322 кг/мм². Вид термообработки – нормализация, о чем свидетельствует структура сорбитообразного перлита. К сожалению, микроструктурный анализ не позволяет подтвердить или опровергнуть предположение о более поздней дате предмета. И в раннем железном веке, и в древнерусское время стальные ножи были довольно широко распространены. Известен был дьяковским мастерам и такой сравнительно редкий прием термообработки, как нормализация (*Хомутова*, 1978. С. 69). Таким образом, о более поздней дате ножа может свидетельствовать только его форма.

Звено удил (рис. 1, ан. 10 470) корродировало настолько, что металл сохранился только в центре стержня. По всей видимости, удила (по крайней мере, их основа) откованы из кричного железа. Ковка особой тщательностью не отличалась.

Пять исследованных ножей относятся к типу ножей с горбатой спинкой, которые в III–V вв. н. э.

¹ Приношу благодарность В.Ю. Ковалю за предоставленный материал.

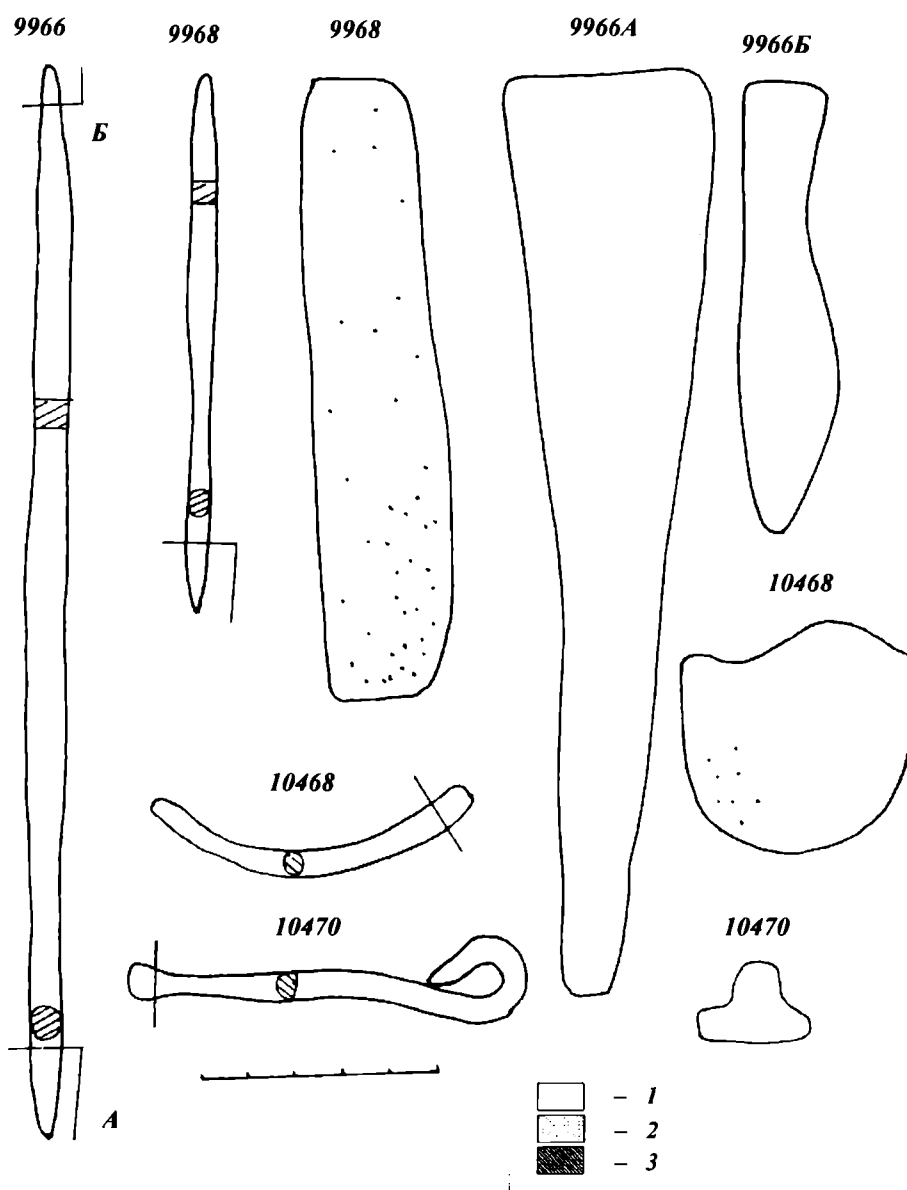

Рис. 1. Железные предметы и технологические схемы их изготовления
1 – железо; 2 – сталь; 3 – термообработка

приходят на смену серповидным ножам. Еще два экземпляра (рис. 2, ан. 9548, 10 467) можно отнести к варианту, переходному от ножей с горбатой к ножам с прямой спинкой. Большинство этих ножей откованы с использованием несложных приемов ручнойковки из железа (рис. 2, ан. 9960, 9961) и сырцової стали (рис. 1, ан. 10467, 10658). Металл сильно загрязнен шлаковыми включениями. В феррите образца 9960 встречены включения нитридов (рис. 3, 1). Из приемов по улучшению рабочих свойств орудий следует отметить резкую закалку ножа 10467 (рис. 3, 2). Микротвердость мартенситной структуры была невысокой – 350–464 кг/мм², что явилось следствием низкого содержания и неравномерного распределения углерода в сырцовой стали.

При изготовлении одного ножа (рис. 2, ан. 9959) применена цементация. Этот прием позволил повысить содержание углерода на лезвии до 0,6%, а микротвердость – до 221 кг/мм², против 151–160 кг/мм² у обушка. При проведении химико-термической обработки был нарушен температурный режим, на что указывает структура видманштетта.

Нож с горбатой спинкой (рис. 2, ан. 10659), по всей видимости, откован из металлолома. На поверхности шлифа обнаружено несколько сварных швов, хаотично расположенных в нижней части. Структурные составляющие – феррит, феррит с перлитом и мартенсит с ферритом – свидетельствуют о том, что заготовка откована из сырцовой стали. Заключительной операцией была резкая закалка.

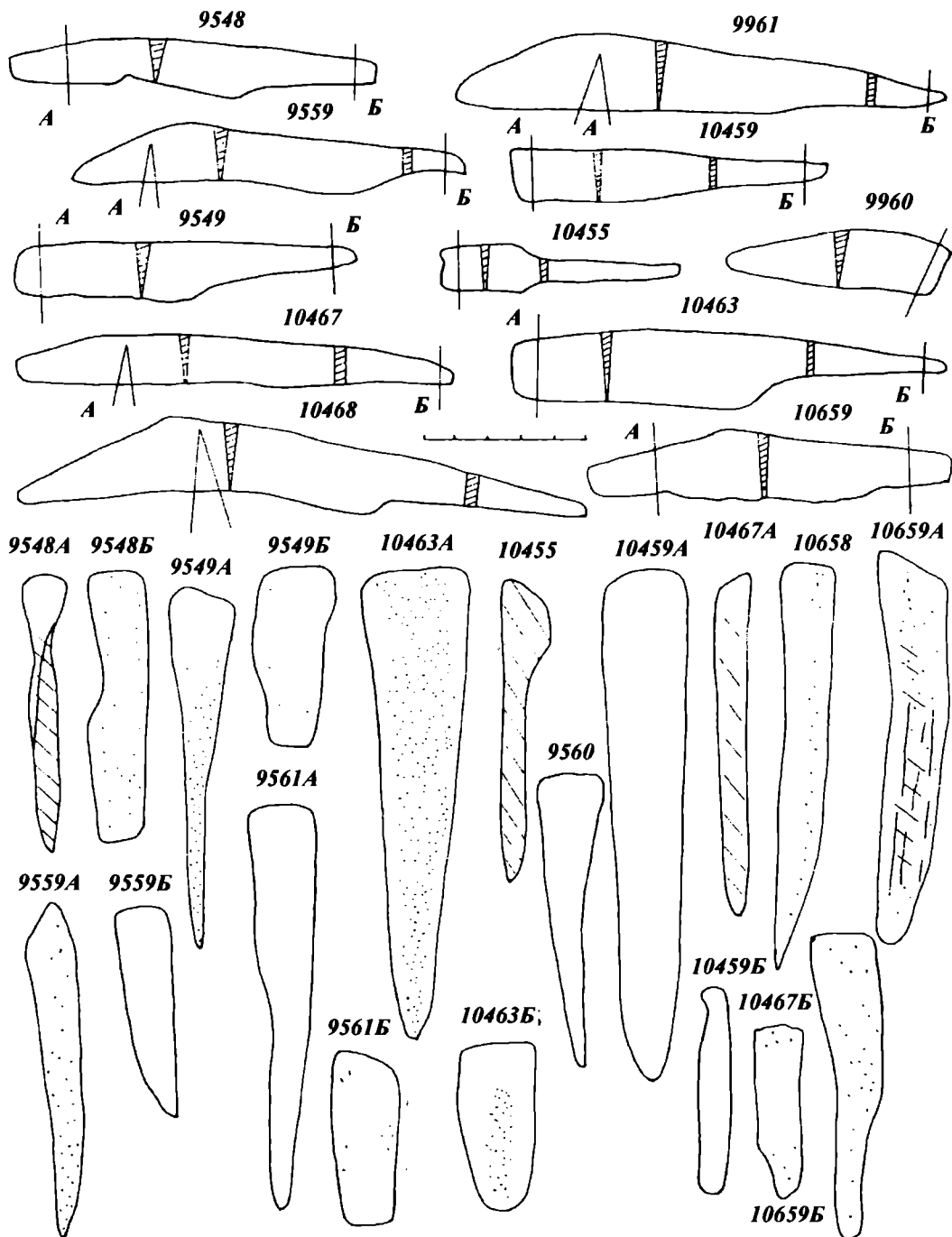

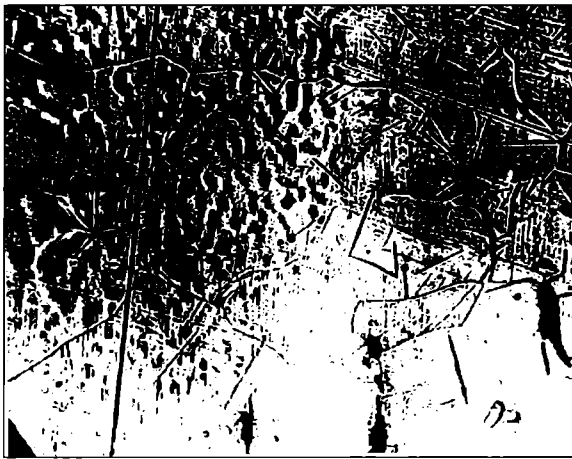
Рис. 2. Ножи дьяковской культуры из городища Ростиславль и технологические схемы их изготовления (условные обозначения см. на рис. 1)

Другой нож (ан. 9548) изготовлен по технологической схеме косой боковой наварки стального лезвия на железную основу. Этот прием редко встречается на дьяковских поковках (Терехова и др., 1997. С. 128). Металл этого орудия хорошо прокован. Сварка проведена достаточно умело: сварной шов имеет вид белой полосы шириной около 0,02 мм. Для наварного лезвия использована сырцовая сталь. Низкое содержание углерода не позволило лезвию даже после резкой закалки (структура мартенсита и мартенсита

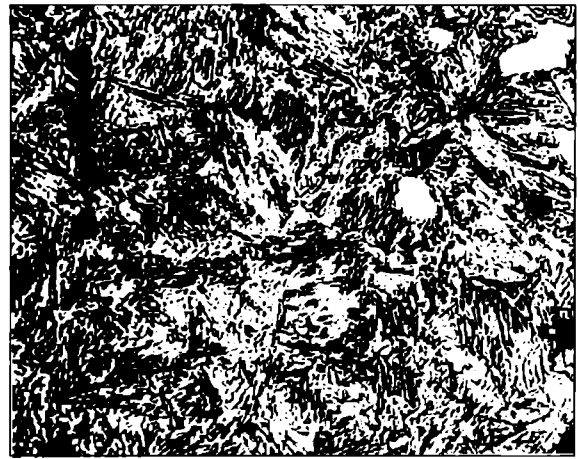
с ферритом) приобрести микротвердость выше 254 кг/мм².

По простым технологическим схемам изготовлены ножи с прямыми спинками. Из кричного, сильно засоренного шлаками железа откован следующий нож (ан. 10459). Высокая микротвердость отдельных участков феррита (221–236 кг/мм²) свидетельствует, что содержание фосфора в железе было повышенным. Два других орудия откованы из сырцовой стали с содержанием углерода 0,3–0,5% (рис. 2, ан. 9549) и 0,5–0,6% (рис. 2,

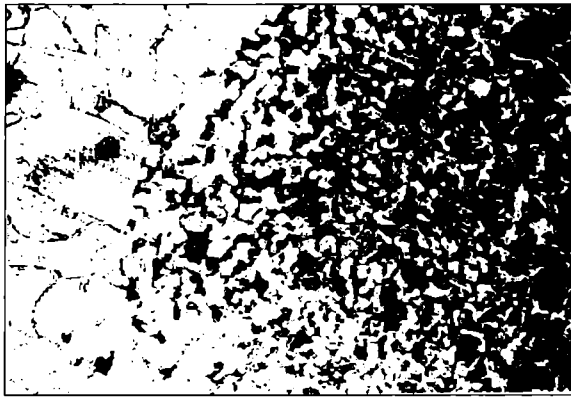

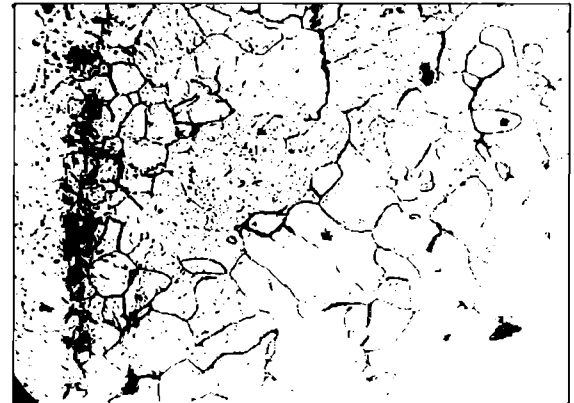
1

2

3

4

Рис. 3. Фотографии микроструктур

1 – нож (ан. 9960): феррит, нитриды; 2 – нож (ан. 10 467): мартенсит; 3 – нож (ан. 10 463А): феррит, феррит с перлитом; 4 – шило (ан. 9966): феррит. Травлено ниталем. Увеличение: 1, 3, 4 – 150 $\times$, 2 – 450 $\times$

ан. 10463; рис. 3, 3). Металл обоих предметов хорошо прокован.

Шилья датируются финальным этапом культуры (VI–VIII вв. н. э.). Оба орудия, хотя и различаются размерами, по форме идентичны. Они откованы из четырехгранного стержня, постепенно переходящего в круглый в сечении рабочий конец. Длина шила (ан. 9968) – 11,5 см. Шлиф сделан на продольной части острия. На шлифе обнаружена структура феррито-перлита с содержанием углерода убывающим с острия вверх от 0,3–0,5% до 0,1%. На острие шила наблюдается структура видманштетта. Технологией по улучшению рабочих свойств этого предмета была цементация острия.

Большим по размеру оказалось шило № 9966. Его длина – 23 см. Возможно, данный предмет является заготовкой или полуфабрикатом. Поскольку поковка была приострена с двух сторон, образцы были отобраны с каждого конца (рис. 1, ан. 9966А, 9966Б). Структура на обоих образцах была идентичной – феррит

(рис. 3, 4). Металл сильно засорен шлаковыми включениями. Зерно феррита крайне неравномерное. На отдельных участках наблюдаются включения нитридов. Микротвердость металла оказалась низкой – 100–135 кг/мм².

На основании проведенных металлографических анализов изделий из черного металла из Ростиславльского городища можно сделать ряд выводов. Материалом для изготовления исследованных предметов служили железо и сырцовая сталь. Качество обработки металла различно: встречены как сильно засоренные шлаком образцы, так и поковки с небольшим содержанием шлака или шлаками мелких вытянутых форм. Небольшая серия исследованных предметов и разнообразие поволоков, демонстрирующих и более тщательную, и менее продолжительную ковку, не позволяет сделать из этого наблюдения сколько-нибудь обоснованный вывод. Из приемов по улучшению рабочих свойств орудий можно отметить цементацию. Но, как это уже отмечалось при исследовании дьяковских поволоков

из железа и стали (Хомутова, 1978. С. 76; Терехова и др., 1997. С. 124), температурный режим при проведении этой операции часто нарушался, что приводило к возникновению структуры видманштетта. Термообработка, распространенная на позднем этапе культуры (Терехова и др., 1997. С. 127), зафиксирована на четырех образцах. В трех случаях это была резкая закалка, а в одном – нормализация. В предыдущих исследованиях структура нормализованной стали отмечалась только на шильях из городищ Кузнечики и Щербинка (Хомутова, 1978. С. 68–69). С применением технологической сварки изготовлен всего один нож. Следует отметить высокое качество проведенияковки и сварки. Подобная

технология, хотя и отмечена на поковках из дьяковских памятников, но не была характерной для кузнечества племен дьяковской культуры. Изделия с наварными лезвиями отмечены уже на раннем этапе, но только на одном памятнике – Троицком городище (Вознесенская, 1965. С. 130; Терехова и др., 1997. С. 123). В последующее время изготовление орудий с наварными лезвиями распространяется более широко, но их доля не превышает восьми процентов от общего числа железных изделий.

В целом, полученные результаты свидетельствуют, что большинство исследованных предметов и типологически, и технологически вписываются в круг древностей дьяковской культуры.

Литература

- Вознесенская Г.А., 1965. Металл Троицкого городища // Археология и естественные науки. М.
- Вознесенская Г.А., 1970. Металлографическое исследование кузнечных изделий Троицкого городища // МИА. № 156.
- Коваль В.Ю., 2001. Раскопки на Ростиславльском городище // АО 1999 г. М.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.
- Хомутова Л.С., 1978. Металлообработка на поселениях дьяковской культуры // СА. № 2.
- Хомутова Л.С., 1981. История железообрабатывающего производства у дославянского населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Хомутова Л.С., 1982. Металлографическое исследование кузнечных изделий дьяковских городищ восточного Подмосковья // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.

Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии¹

Керамика средневекового русского города Ростиславля² уже становилась предметом специального исследования (Коваль, 1996. С. 103–133; 2000. С. 73–83), однако накопление нового материала потребовало введения его в научный оборот и позволило уточнить картину хронологических изменений в керамике Ростиславля. К настоящему времени на городище Ростиславль археологически изучено более 1,5 тыс. кв. м площади, на которой расчищены около 100 разновременных заглубленных в материк сооружений эпохи средневековья (подземных частей построек, погребов, хозяйственных ям). Кроме того, более двух десятков комплексов изучены на посадах города. Там же исследован гончарный горн конца XII – начала XIII в. (Коваль, 1997а. С. 120–128). В настоящей работе представлены материалы из раскопок 1996–2000 гг.

Основные принципы изучения средневековой русской керамики вообще и керамики Ростиславля в частности изложены в ряде наших публикаций (Коваль, 1995б; 1996; 1997б). В соответствии с этими принципами проводилось и данное исследование. При этом особое внимание было уделено классификации венчиков горшков, согласно которой производился статистический учет материала и выявление в нем хроноиндикаторов. Поскольку принципы, положенные в основу этой классификации, опубликованы в издании, не являющемся общедоступным (Коваль, 1997б. С. 207–212), а сама классификация в полном виде ранее не публиковалась, здесь приводится ее общая характеристика.

Венчики горшков разделяются нами на 3 формы – вертикальные, отогнутые наружу или изогнутые, наклоненные внутрь сосудов. Вертикальными называются прямые или слабо изогнутые венчики, у которых отклонение (в горизонтальной плоскости) внешней стороны края от

вертикали, проведенной через основание венчика не превышает 1/4 его высоты³. К числу вертикальных мы относим также венчики, у которых угол отклонения от вертикали не превышает 20 градусов⁴. Соответственно, к числу отогнутых наружу (или внутрь) сосуда относятся венчики, у которых указанное отклонение больше 1/4 их высоты (или 20° по угловой шкале). Изогнутыми называем венчики, основание которых не совпадает с линией минимального диаметра по шейке (то есть изгибающихся вначале внутрь сосуда, а затем наружу по кривой).

В основе нашего подхода к классификации венчиков лежит определение их конструкции – усредненная схема, которую целесообразно представлять в виде сочетания прямых или кривых отрезков. При этом венчик рассматривается нами как сочетание не более чем 2 конструктивных элементов: шейки (нижней части венчика, в которой, как правило, располагается место его минимального диаметра) и устья (верхней части венчика, подвергавшейся в процессе формовки разнообразной профилировке путем срезов, заворотов «чернового» края⁵ и других деформаций). Венчик может состоять и только из одного конструктивного элемента, который в этом случае называется устьем. При наличии двух конструктивных элементов устье является отогнутым наружу (редко вертикальным), а шейка может быть вертикальной, иметь наклон внутрь сосуда или в наружную сторону, либо быть плавно изогнута по кривой. Переход от шейки к устью может быть как резкий (с изломом профиля), так и очень плавным. Таким образом, с этой точки зрения существует всего 5 конструктивных схем венчиков.

По сочетанию пяти конструктивных схем с тремя формами венчиков определяют 9 конструкций венчиков:

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке программы ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

² Остатками города является одноименное городище в Озерском районе Московской области, в 3 км от села Сосновка, исследуемое с 1991 г. С 2000 г. раскопки городища осуществляет совместная экспедиция ИА РАН и МИГМ. Коллекции индивидуальных находок и керамики из раскопок Ростиславльской экспедиции 1991–2000 гг. хранятся в МИГМ.

³ Основанием венчика мы называем место существенного перелома профиля горшка, где заканчиваются его плечики, формирующие объем сосуда. Если такой перелом профиля четко не фиксируется, то основанием венчика считается линия минимального диаметра (на уровне его шейки).

⁴ К подобному выводу пришли и другие исследователи (Грибов, 2003. Рис. 9).

Конструктивные элементы / формы	Вертикальные венчики	Отогнутые наружу и изогнутые венчики	Наклоненные внутрь сосуда венчики
Устье	I	III	VIII
Устье + шейка вертикальная	II	IV	–
Устье + шейка изогнутая	–	V	–
Устье + шейка, наклоненная внутрь сосуда	–	VI	IX
Устье + шейка, отогнутая наружу	–	VII	–

Схематическое изображение каждой из 9 конструкций, помеченных римскими цифрами от I до IX представлено на рисунке 1, А.

Определения конструкции венчика позволяют описать самые существенные черты *формы венчика*. Но для проведения классификации этого шага не достаточно. Необходимо учитывать также отраженные в форме венчика особенности *технологии* его изготовления, то есть способа формовки устья. При такой формовке «черновой» край венчика может подвергаться 4 способам деформаций:

- срезание излишков глины при помощи инструмента;
- заворот (смещение края) вовнутрь сосуда;
- заворот (смещение края) наружу, смещение глиняной массы на одном и том же венчике как вовнутрь, так и наружу⁶;
- наконец, край венчика может оставаться гончаром без деформации (либо следы проведенных деформаций столь тщательно убираются им, что создается впечатление, будто никаких деформаций он не претерпел).

Верхний край венчика законченного формовкой сосуда мы предлагаем называть «чистовым» краем (в тех случаях, когда надо проводить различие между ним и «черновым» краем). Каждый из названных способов формовки края

включает широкий спектр вариантов исполнения, различающихся последовательностью операций и направлением приложения усилий рук гончара на край сосуда. В настоящее время уже проведены исследования по детализации таких операций и предложена разработанная на их основе достаточно дробная типология форм венчиков (Грибов, 2003. С. 16–35), которая может использоваться для дальнейшего углубления предложенной классификации. Однако, нам представляется оптимальным проводить классификацию материала именно на уровне 5 способов окончательной формовки края, которые имеют наибольшее значение для уяснения происхождения различных традиций гончарного производства. Дело в том, что именно сам способ формовки (а не его детали) отражает результат выполнения доведенных до автоматизма операций, навык которых гончар получал с детства (на протяжении многих лет) и изменение которых становилось возможным только под давлением чуждой традиции в процессе непосредственного контакта с другим гончаром – носителем такой традиции (Бобринский и др., 1999. С. 61). Какие-либо случайные изменения в этой области исключены.

Взаимосочетание 9 конструкций венчиков с 5 способами окончательной формовки «чернового» края позволяют определить 45 классов венчиков:

Способы формовки «чернового» края	Конструкции венчиков								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Край без деформации	1	6	11	16	21	26	31	36	41
Срезанный край	2	7	12	17	22	27	32	37	42
Заворот внутрь	3	8	13	18	23	28	33	38	43
Заворот наружу	4	9	14	19	24	29	34	39	44
Заворот внутрь и наружу	5	10	15	20	25	30	35	40	45

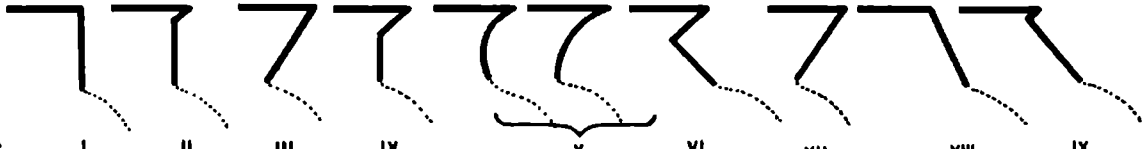
В таблице представлены все возможные сочетания, хотя в реальности их, конечно же, было значительно меньше. Внутри каждого класса могут выделяться типы, отличающиеся особенностями деформаций «чернового» края (то есть последовательностью и направленностью примененных операций). Примерами могут быть названы уплощение валика, полученного в результате заворота «чернового» края и придание «чистовому» краю заостренности⁷. В отдельные типы выделялись венчики, отличавшиеся своеобразными способами

формовки устья (например, в виде валика с наружной стороны венчика, причем валик формовался заворотом «чернового» края внутрь – типы 3/1, 8/1, 13/4, 28/4), так называемой шпорой (треугольным выступом) на внутренней стороне устья (типы 13/6, 18/4, 23/4). Для венчиков простой профилировки одним из типобразующих признаков было также оформление «чистового» края – заостренное (типы 1/1, 3/3, 11/2, 16/1, 21/4 и др.) или округлое (типы 1/2, 3/4, 11/1, 21/2 и др.). Последовательность нумерации типов внутри классов произвольна,

⁵ «Черновым» краем мы называем внешний край венчика, который имелся до завершения процесса окончательной отделки и придания венчику законченного вида. «Черновой» край можно часто заметить на изломах сосудов по различным складкам, оставшимся из-за его деформаций (заворотов) и так называемым наплывам.

⁶ Подобные венчики имеют так называемый секировидный профиль.

⁷ Так типы 13/1, 18/1, 23/1, 28/1 характеризуются уплощенным валиком; типы 13/2, 13/5, 18/2, 23/2, 28/2 – округлым валиком, типы 13/3, 18/3, 23/3, 28/3 – заостренным краем и валиком, имеющим наплыв книзу.

Класс	Тип	Варианты	Класс	Тип	Варианты
1	1		5	1	
	2			2	1
2	1		7	1	
	2			2	
	3			3	
	4		4		
3	1		8	1	
	2			2	
	3			3	
	4			4	
	5			5	
4	1		9	1	
	2		10		
	3		11	1	
				2	
				3	

Рис. 1. Схема классификации венчиков горшков

Класс	Тип	Варианты	Класс	Тип	Варианты
12	 1 2 3	 Б В Г А	18	 1 2 3 4	 Б В Г А
13	 1 2 3 4 5 6 7	 Б В Г А	19	 1	
14	 1 2		20		
15	 1		21	 1 2 3 4	 Б В Г А
16	 1 2		22	 1 2	 Б В Г
17	 1		23	 1 2 3 4 5	 Б В Г А Е

Рис. 2. Схема классификации венчиков горшков (продолжение)

Класс	Тип	Варианты	Класс	Тип	Варианты
24			32		
			33		
25					
			34		
26			35		
			36		
27			37		
			38		
28					
			39		
			40		
			41		
29			42		
30			43		
31			44		
			45		

Рис. 3. Схема классификации венчиков горшков
(окончание)

поскольку не играет существенной роли (номера присваивались типам по мере их выявления в материале).

Типы венчиков объединяют варианты, отличающиеся своим внешним контуром, который зависит от операций окончательной отделки «чистового» края гончаром, то есть относится к числу второстепенных деталей. Количество вариантов внутри одного типа может быть столь большим, насколько это необходимо исследователю для работы с конкретным материалом. Номера типов указываются после номера класса, через дробь (например: 3/1 – тип 1 класса 3). В составе вида варианты имеют буквенные обозначения (рис. 1–3)⁸.

Представленная таблица классов и типов венчиков является, конечно, неполной, поскольку она составлялась лишь на материалах керамики Московского и Окского бассейнов с учетом опубликованных данных для Верхнего Поволжья, Поднепровья, Северо-Запада Руси. Однако вновь выявляемые типы могут быть легко вставлены в таблицу, если потребуется использовать ее для обработки материала, имеющего яркую специфику по сравнению с эталонным.

На базе представленной здесь группировки венчиков горшков проводилась статистическая обработка всех керамических комплексов, изученных на городище Ростиславль в 1991–2000 гг. При этом статистика венчиков осуществлялась на уровне типов, поскольку именно они несут основную информацию о традициях керамического производства. Варианты венчиков, как правило, отражают более узкие хронологические видоизменения этих типов либо маркируют почерк того или иного мастера. Проведение статистического учета керамики в рамках вариантов является чрезвычайно трудоемким, однако, оно все же представляется нам перспективным в плане получения новой информации.

Хронология комплексов

В 1996–2000 гг. на Ростиславле было исследовано более 50 археологически целых форм сосудов (в том числе несколько совершенно целых или имеющих незначительные утраты), а также ряд сосудов, для которых оказалась возможна достоверная графическая реконструкция по отдельным обломкам. Все эти сосуды встречены в заполнениях ям, углубленных в материк, которые рассматриваются нами в качестве «условно-закрытых комплексов» (УЗК), то есть комплексов хронологически четко отчлененных от более ранних и более поздних, но не отвечаю-

щих строгим требованиям определения их в качестве «закрытых», поскольку в них могли проникать вещи и керамика из перекрывающих их более поздних слоев и пахотного горизонта (Коваль, 1996. С. 104). Кроме того, в большинстве из этих комплексов содержались артефакты с более ранними датами, нежели дата формирования комплекса, и попавшие в его состав вместе с культурным слоем, которым засыпалась та или иная яма (постройка).

Распределение условно-закрытых комплексов по хронологическим группам осуществлялось на основании статистических данных, полученных при обработке керамики, поскольку проделанная ранее работа (Коваль, 1996) позволила получить целый набор *хроноиндикаторов* (различных типов днищ, венчиков горшков, формовочных масс, орнаментальных мотивов), статистические данные по которым позволяют достаточно точно датировать период формирования каждого из комплексов. При этом, разумеется, учитывались и даты вещевых находок из состава этих комплексов.

В 1996–2000 гг. было изучено более 30 объектов, включавших УЗК керамики и индивидуальных находок. Среди них имелось 27 объектов, керамический набор каждого из которых превышал 100 единиц керамических обломков. Еще в 4 объектах, не отвечавших этому требованию, были найдены целые формы керамики. Все эти объекты были разделены на 5 хронологических групп, определенных ранее при изучении комплексов, вскрытых в 1991–1995 гг. (Коваль, 1996).

Группа 1 (вторая половина XII в.)

К числу самых ранних комплексов Ростиславля относятся ямы 52⁹, 66, 67, 72, 73, 82, 84, 116. В заполнении ямы 72 встречены бипирамидальная сердоликовая бусина и шарообразная бусина из горного хрусталя, а также дужка от бронзового височного кольца (судя по размерам – семиллопастного вятчского) и железные изделия (рис. 4, I–VI). Эти вещи входят в обычный набор вятчских древностей домонгольской эпохи. Наибольшее значение имел комплекс ямы 82, в которой были найдены два бронзовых височных кольца: семиллопастное с боковыми колечками и трехбусинное «узловатое». Вместе с ними встречены железные ножи, шиферные пряслица и набор бус (рис. 5, VII–XIX). Большую часть бус составляли сферические или зонные из светло-желтого прозрачного стекла (одна из них имела плоскую инкрустацию нитями темно-желтого

⁸ В колонке типов представлены рисунки венчиков, в наибольшей степени отражающие особенности данного типа. Среди вариантов представлены лишь самые распространенные. В составе каждого типа в качестве варианта «А» рассматривается та разновидность венчика, которая отображена в колонке типа.

⁹ В нашей предыдущей публикации (Коваль, 1996. Табл. I) были представлены показатели хроноиндикаторов, определенные только для керамики, найденной в нижнем горизонте заполнения этой ямы.

стекла вдоль краев канала), которые в древностях вятичей датируются в основном XII в. (Равдина, 1975). Одна бусина (рис. 5, XIX) была сделана из темно-фиолетового прозрачного стекла, еще одна – бочонковидной формы (рис. 5, XV) – из бирюзового непрозрачного стекла с плоской инкрустацией пятнами черного стекла и желтыми ободками вдоль краев канала. Подобные бусы бытовали в XII – первой трети XIII в. (Щанова, 1972. С. 91, 92, 94). Вятическое семилопастное кольцо относилось к типу «простых развитых» с орнаментом 1 вида, то есть датировалось в пределах середины XII в. (Равдина, 1968. С. 138–139. Рис. 1, 5). Трехбусинные «узловатые» височные кольца, известные в древностях вятичей, полян и древлян, датируют обычно X–XI вв., иногда XII в. (Арицховский, 1930. С. 145; Русанова, 1966. С. 22; Никольская, 1980. Рис. 15, 2; Седов, 1982. Табл. XXVII, 33). Многочисленные находки подобных украшений известны в материалах некрополя XI – начала XII в. на Старорязанском городище (Даркевич, Борисевич, 1995. Рис. 111, А-5, Б-1; 123, Б-1; 138, В-1). Таким образом, вещевой комплекс из заполнения ямы 82 мог сложиться во второй половине XII в. (более раннее трехбусинное височное кольцо, вероятно, представляет собой образец пережиточного бытования древних украшений, причем оно не было сломано и выброшено, а, скорее всего, просто утеряно своей хозяйкой). В яме 66 найден обломок гладкого стеклянного браслета из синего стекла со слабой иризацией поверхности, который допустимо связывать с импортом из Византии.

Другие комплексы этой хронологической группы не содержали датирующих находок, однако показатели их хроноиндикаторов идентичны или близки значениям, определенным для комплексов, где датирующие находки встречены. Кроме того, в комплексах ям 72 и 73, а также 82 и 84 (эти пары ям располагались в непосредственной близости друг от друга) обнаружены обломки от одних и тех же сосудов, что свидетельствует о синхронном формировании их заполнения, вероятно, в пределах одной постройки.

Группа 2 (первая половина XIII в.)

Характерной особенностью большинства комплексов предмонгольской эпохи на Ростиславле является присутствие в них обломков стеклянных браслетов (Коваль, 1995а. С. 39–48), изготовленных из щелочного стекла, подверженного сильному разрушению под действием внешней среды. Количество таких находок невелико, встречаются они далеко не во всех комплексах, поскольку масса завезенных в город браслетов, вероятно, была крайне ограниченной¹⁰. В то же

время, обломки стеклянных браслетов встречаются не только в пределах укрепленной части города, но и на окружавшем его посаде. Следовательно, они являлись здесь общедоступным украшением и были достаточно широко распространены.

К данной группе отнесены комплексы из ям 30 и 244 на городище, а также ям 1, 4, 8 на северном посаде города (Ростиславльском III селище). В яме 30 было найдено уплощенное пряслице из розового шифера, в яме 244 – три обломка стеклянных браслетов, в яме 1 – обломок шарообразной бусины из горного хрусталя, в нижнем горизонте ямы 4 – обломок гладкого стеклянного браслета бирюзового цвета, в яме 8 – обломок гладкого стеклянного браслета (цвет неопределим), красноглиняная бусина с остатками непрозрачной желтой поливы на поверхности и литая бронзовая поясная накладка с углубленным орнаментом (рис. 6, XX, XXI). Накладки аналогичной формы (но с иным орнаментом) известны в кургане 23 могильника Ступенки II на Смоленщине (из погребения первой половины XII в.) и в материалах из раскопок Серенска (Мурашова, 2000, С. 76. Рис. 115, 1; Зайцева, 2003. Рис. 44, 11).

Группа 3 (вторая половина XIII – XIV в.)

Группа комплексов золотоордынской эпохи может быть разделена на 3 подгруппы.

Подгруппа А (вторая половина XIII в.)

Представлена ямами 77, 87 и 135. Датирующие находки встречены только в яме 87, где обнаружены обломок гладкого стеклянного браслета черного цвета (без следов иризации) и 3 стеклянные шарообразные бусины со спирально-волнистой инкрустацией, представлявшие собой импорт из Золотой Орды (Коваль, 1998. С. 185. Рис. 4, 4–6).

Подгруппа Б (первая половина XIV в.)

Включает ямы 85, 88, 90, 91, 142. В яме 85 найден бронзовый проволочный витой тройной браслет, датирующийся не позднее XIV в. (Седова, 1997. С. 75), и обломок поливного сосуда русского производства, покрытого зеленой прозрачной глазурью по неангобириванной основе (рис. 7, XXII, XXIII). В яме 91 наряду с обломком гладкого зеленого стеклянного браслета и шиферным пряслищем обнаружена медная серьга в виде знака вопроса со стеклянной двучастной бусиной (Коваль, Медведь, 2000. Рис. 6, 17, 20, 23). Серьга относится к кругу украшений, появившихся в Восточной Европе только после монгольского завоевания, а на Руси

¹⁰ Количество стеклянных браслетов, поступивших в Ростиславль, было в сотни раз меньше, чем объем браслетов, например, в столичной Старой Рязани, однако оно сопоставимо с числом браслетов, ввезенных в Москву.

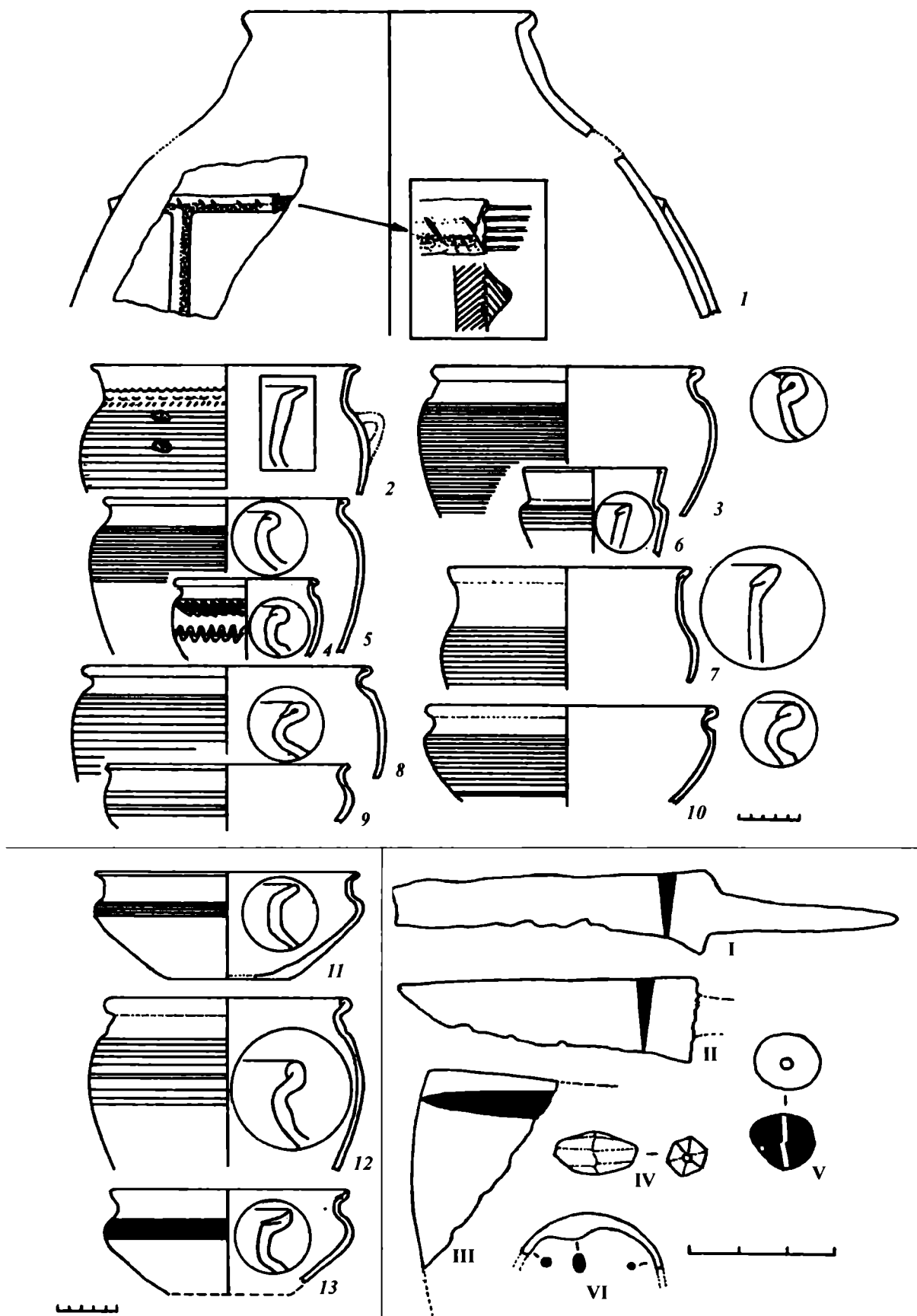

Рис. 4. Керамика второй половины XII в. из ям 52 (1-10), 72 (11-13). Находки из ямы 72 (I-III – железо; IV-V – камень; VI – бронза)

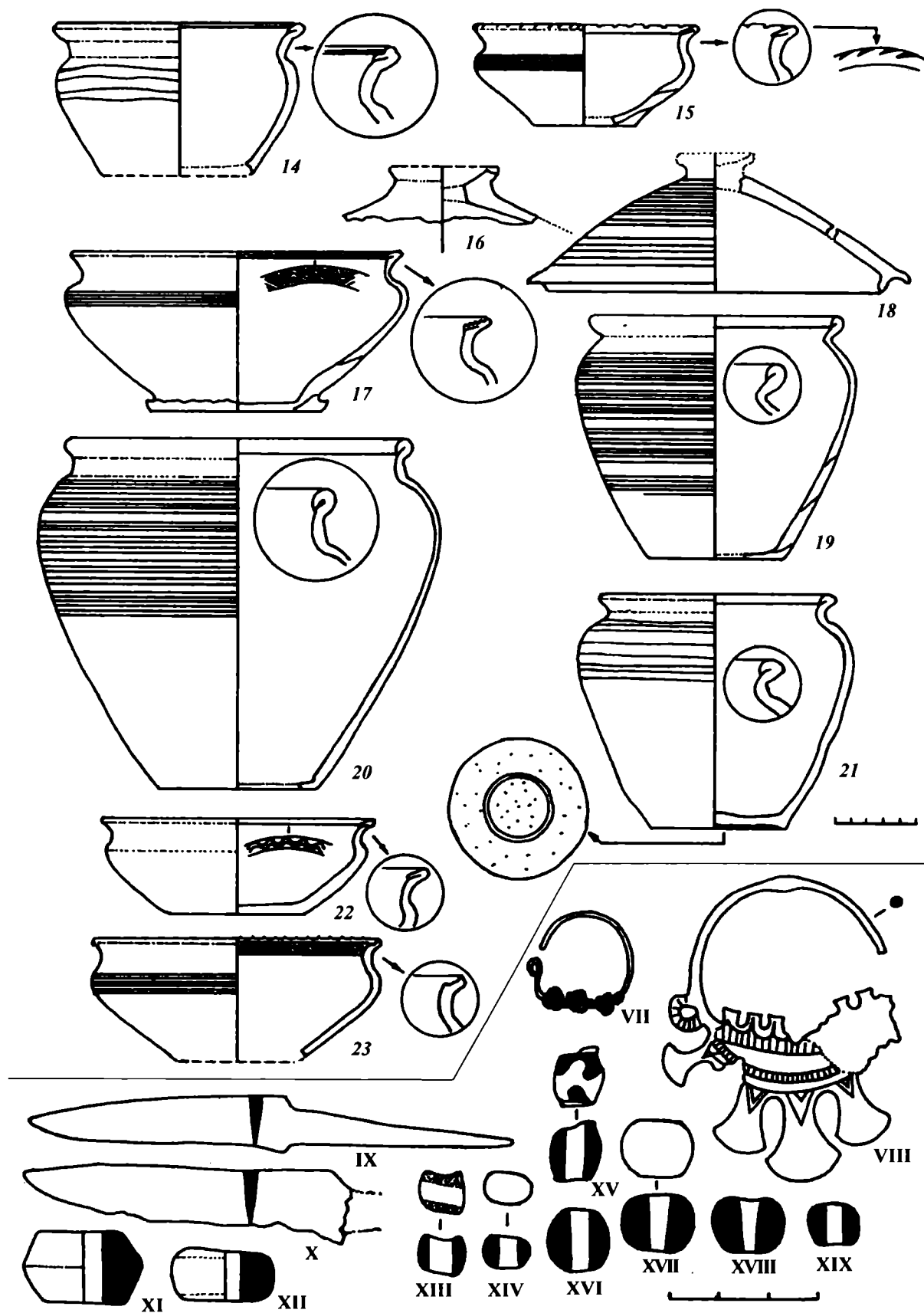

Рис. 5. Керамика второй половины XII в. (14, 16-23) и первой половины XIII в. (15) из ям 116 (14), 73 (16), 67 (18), 82 (17, 19-23), 30 (15). Находки из ямы 82 (VII-VIII - бронза; IX-X - железо; XI-XII - камень; XIII-XIX - стекло)

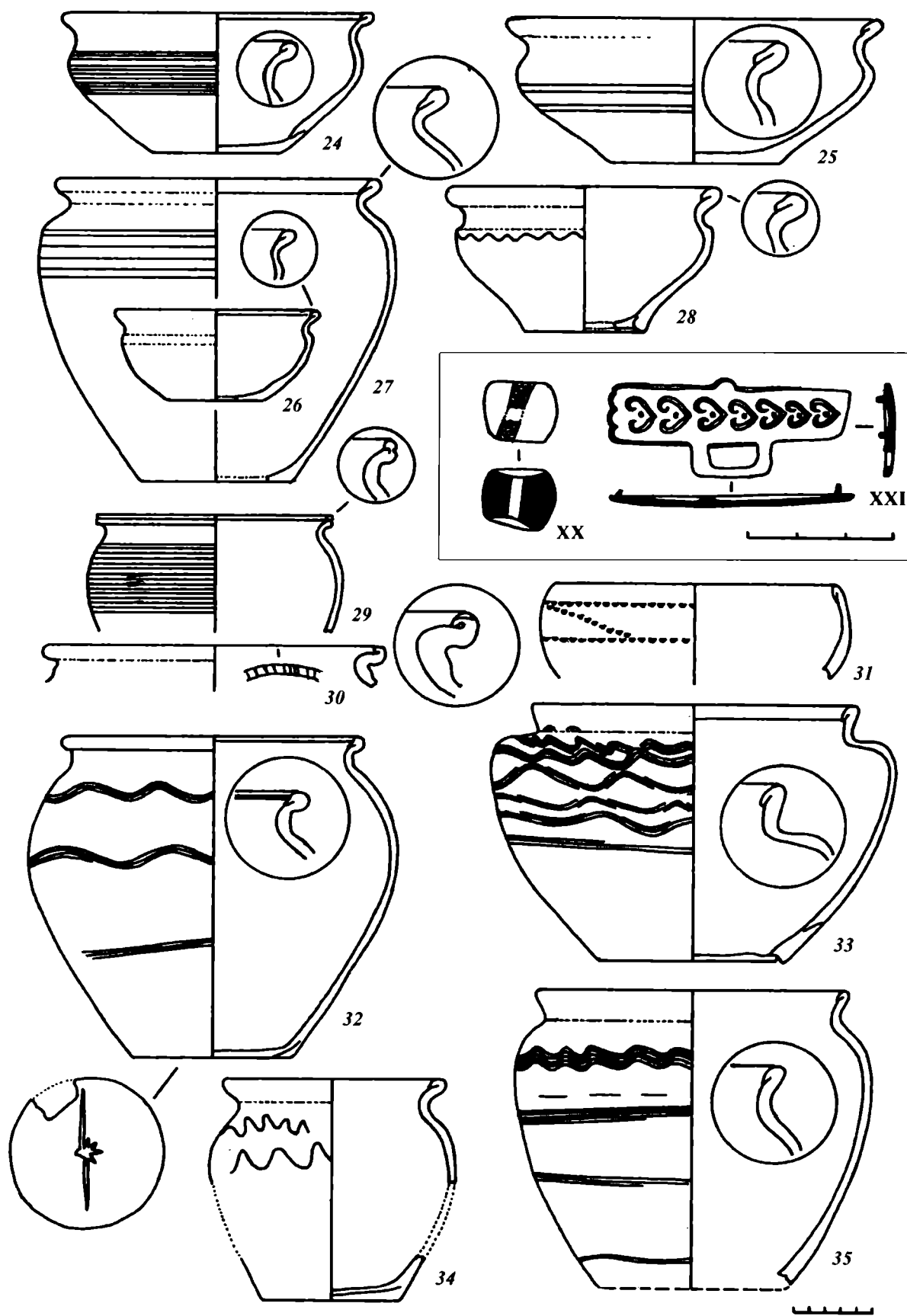

Рис. 6. Керамика первой половины XIII в. (24–31) и второй половины XIII в. (32–35) из ям на городище: 74 (24), 77 (32), 87 (33), 135 (34, 35), ямы 2 на Ростиславльском I селище (29, 30) и ям на Ростиславльском III селище: 1 (25, 27, 31), 8 (26, 28). Находки из ямы 8 на Ростиславльском III селище (XX – керамика; XXI – бронза)

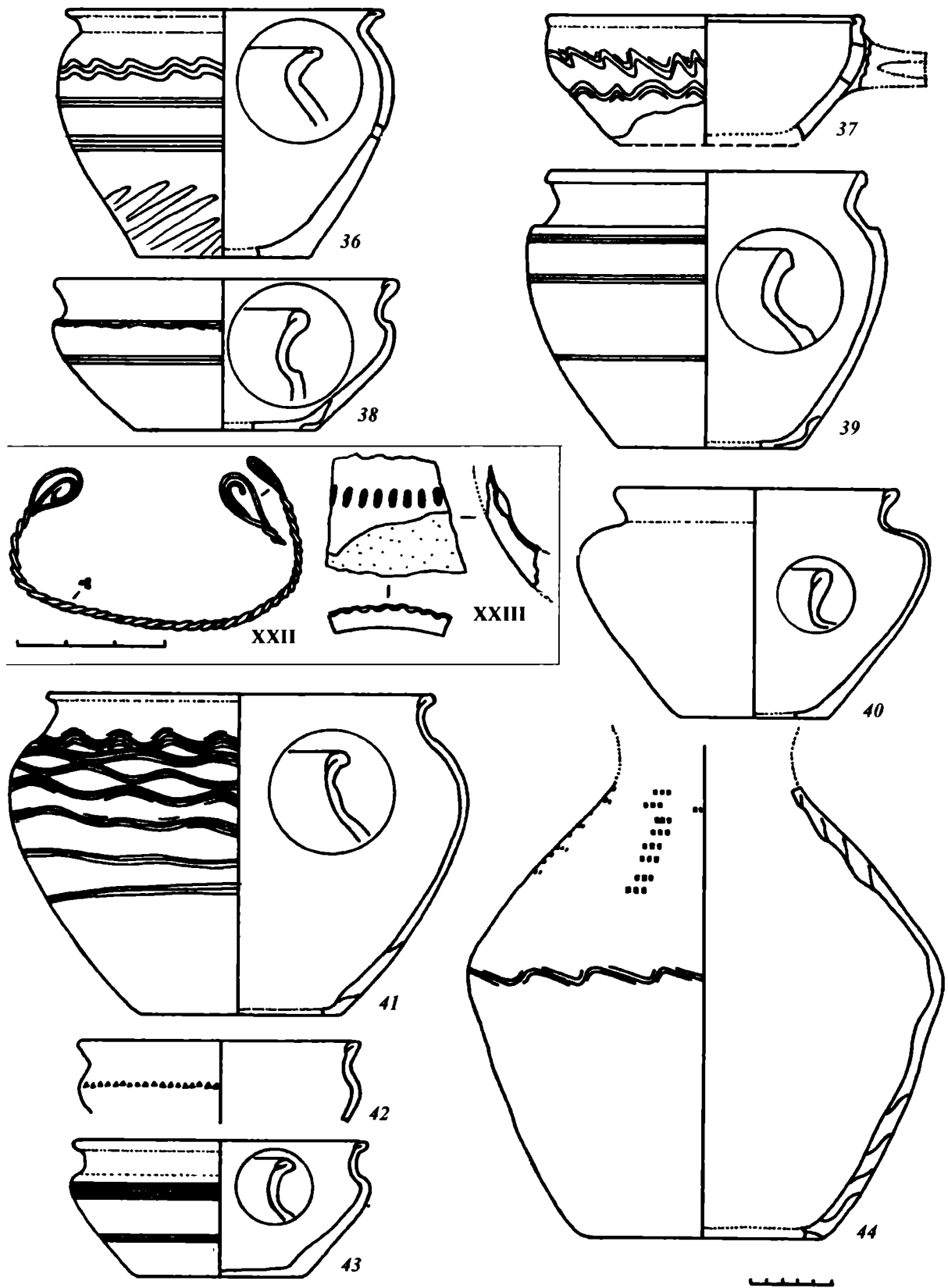

Рис. 7. Керамика второй половины XIII в. (яма 135: 36, 37), первой половины XIV в. (ямы 85 и 88: 38, 43) и второй половины XIV в. (яма 86: 39–42, 44). Находки из ямы 85 (XXII – бронза; XXIII – поливная керамика)

известных в комплексах, датирующихся временем не ранее конца XIII в. (*Федоров-Давыдов*, 1994. С. 193. Рис. 42, 4; *Седова*, 1997. С. 16, 65. Табл. 58, 28, 29; *Гайдуков*, 1992. С. 96). Стекланный браслет также мог относиться к числу импортов золотоордынской эпохи (*Коваль, Медведь*, 2000. С. 202).

Подгруппа В (вторая половина XIV в.)

Объединяет ямы 86, 92 (горизонты 2 и 3), 143, 147, 161, 230, 235 городища и яму 13 на северном посаде. Наиболее интересен в этом ряду комплекс ямы 86, включавший три обломка стеклянных браслетов, два из которых были изготовлены из черного (темно-коричневого) стекла, не подвергшегося иризации (рис. 8, XXX, XXXI), в то время как третий был сильно расстеклован (рис. 8, XXXII)¹¹. Важное значение для датировки этого комплекса имеет также железная шпора типа V с петлями типа 6 и десятизубой «звездочкой» типа К по А.Н. Кирпичникову (рис. 8, XXX, XXXI), которая по сумме признаков может быть датирована концом XIII – XIV в. (*Кирпичников*, 1973. С. 67–88). Датирующее значение имеет также половинка штампованного бронзового бубенчика (рис. 8, XXXIII), являвшегося импортом из Золотой Орды, где подобные бубенчики (спаянные из 2 штампованных половинок) составляют одну из массовых категорий находок XIV в. (*Федоров-Давыдов*, 1994. С. 196. Рис. 43, 3). Таким образом, вещевой комплекс этой ямы уверенно датируется XIV в. и указывает на тесные связи с Ордой. Остальные находки из ямы 86 также представляют определенный интерес, поскольку включают 2 железные поясные накладки (рис. 8, XXV, XXVI), два обломка железных дужек (от котелков?) (рис. 8, XXIV, XXVII) и железное изделие неясного назначения в виде подвижной системы колец и «ушек» с заклепками (рис. 8, XL), вероятно, имевшее отношение к снаряжению воина-всадника. Аналогичный предмет был найден при раскопках Дорогобужа (Западная Волянь) (*Прищепа, Никольченко*, 1996. Рис. 64, 1)¹². Кроме того, здесь встречены обломок известнякового жернова, костяное изделие, керамическое грузило (рис. 8, XXIV, XXVIII, XXIX), два железных ножа (рис. 8, XXXV, XXXVII), керамический шарик-навершие, известняковое пряслице (рис. 8, XXXVIII, XXXIX) и три обломка от одного поливного кувшина русского производства XIV в. (рис. 8, XLI–XLIII). Этот кувшин был изготовлен из красножгущейся глины с примесью мелкого песка, обжиг которой проводился в восстановительном режиме, в результате чего черепок получил темно-серую окраску. Глазури-

вание проводилось прямо по черепку, без ангобирования поверхности. Характерной особенностью данного кувшина были валики с насечкой и круглые налепы в сочетании с гравированным орнаментом. Аналогичный декор встречен на обломках красноглиняных поливных кувшинов из Старой Рязани и Переяслава-Рязанского.

В яме 147 найден обломок привозного полумайоликового (красноглиняного) кувшина, изготовленного, судя по формовочной массе, с примесью красного шамота, в восточнокрымских мастерских в XIV в. Из ямы 161 происходил обломок стеклянного зеленого плосковыпуклого щиткового перстня, относящегося к кругу изделий золотоордынских мастерских XIV в. (*Полубояринова*, 1988. С. 194–197). В яме 13 северного посада обнаружен обломок края полуфаянсовой (кашинной) чаши, покрытой прозрачной ультрамариновой глазурью (*Коваль*, 1998. Рис. 4, 3), принадлежавшей к изделиям мастерских золотоордынского Поволжья середины – второй половины XIV в. В яме 92 встречены известняковое пряслице и предмет, изготовленный из рыбьего позвонка (рис. 10, XLIV, XLV). Остальные комплексы не содержали узко датируемых индивидуальных находок.

Группа 4 (XV в.)

В состав этой группы входят 2 комплекса – верхний горизонт ямы 92 и яма 229 (остатки погребца или подклета крупного наземного дома). Датировка этих комплексов была затруднена из-за нарушения ямы 92 кладоискательским разрытием и присутствия в яме 229 большого количества материала XIII–XIV вв. Вместе с тем, керамика этих комплексов резко отличалась от всех более ранних доминированием белоглиняной посуды, изготовленной из формовочной массы без визуально фиксируемых примесей (либо с незначительной долей включений мелкого песка). Кроме того, в яме 229 были встречены обломок красноглиняной поливной погребальной чашечки (с зеленой глазурью и рифлением внешней поверхности) московского производства конца XIV – XV в. (*Авдусина и др.*, 1984. С. 206–208) и обломки краснолощенных кувшинов, получивших распространение в Москве и Коломне лишь с конца XIV в. (*Розенфельдт*, 1968. С. 14; МК, 1991. Рис. 2). В комплекс ямы 229 входили также следующие находки: обломки известнякового жернова диаметром 50 см и два известняковых пряслица (рис. 12, XLVI, LI, LII), железные ножи и обломок пряжки (рис. 12, XLVIII–L), а также обломки красноглиняного кув-

¹¹ Возможно, последний относился к домонгольской эпохе и попал в яму из культурного слоя, тогда как два первых могли представлять собой образцы золотоордынского импорта. Отсутствие у них иризации свидетельствует об ином составе стекла. В Твери подобные браслеты были распространены главным образом во второй половине XIII – середине XIV в. (*Дашкова*, 1997. С. 219).

¹² В указанной публикации этот предмет был назван приспособлением для подвешивания казана. С подобной атрибуцией трудно согласиться из-за слишком малого размера такого «приспособления». Вместе с тем, его принадлежность к кругу кочевнических древностей у нас не вызывает сомнений.

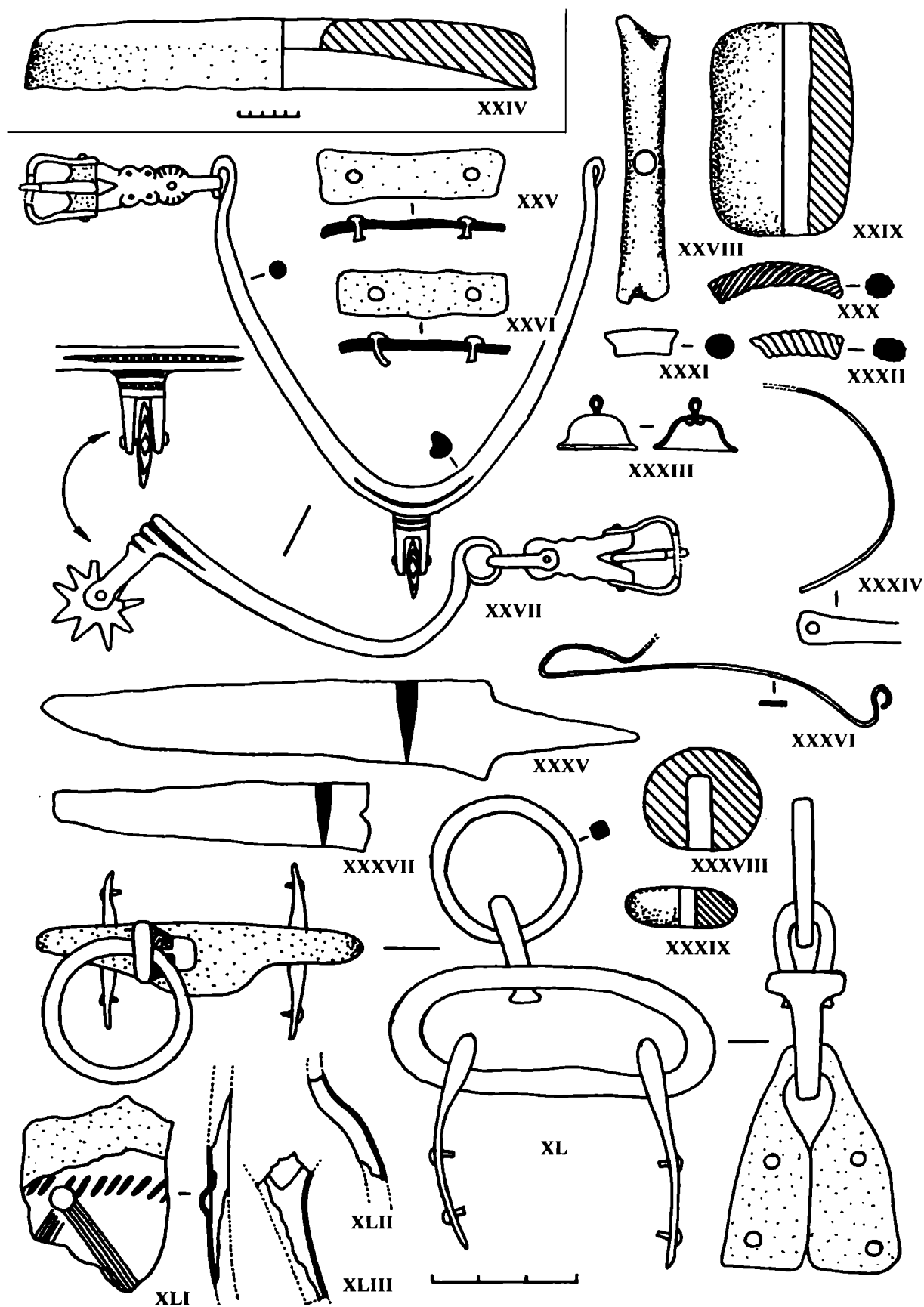

Рис. 8. Находки из ямы 86
 (XXIV, XXXIX – известняк; XXV–XXVII, XXXIV–XXXVII, XL – железо; XXVIII – кость;
 XXIX, XXXVIII, XLI–XLIII – керамика; XXX–XXXII – стекло; XXXIII – бронза)

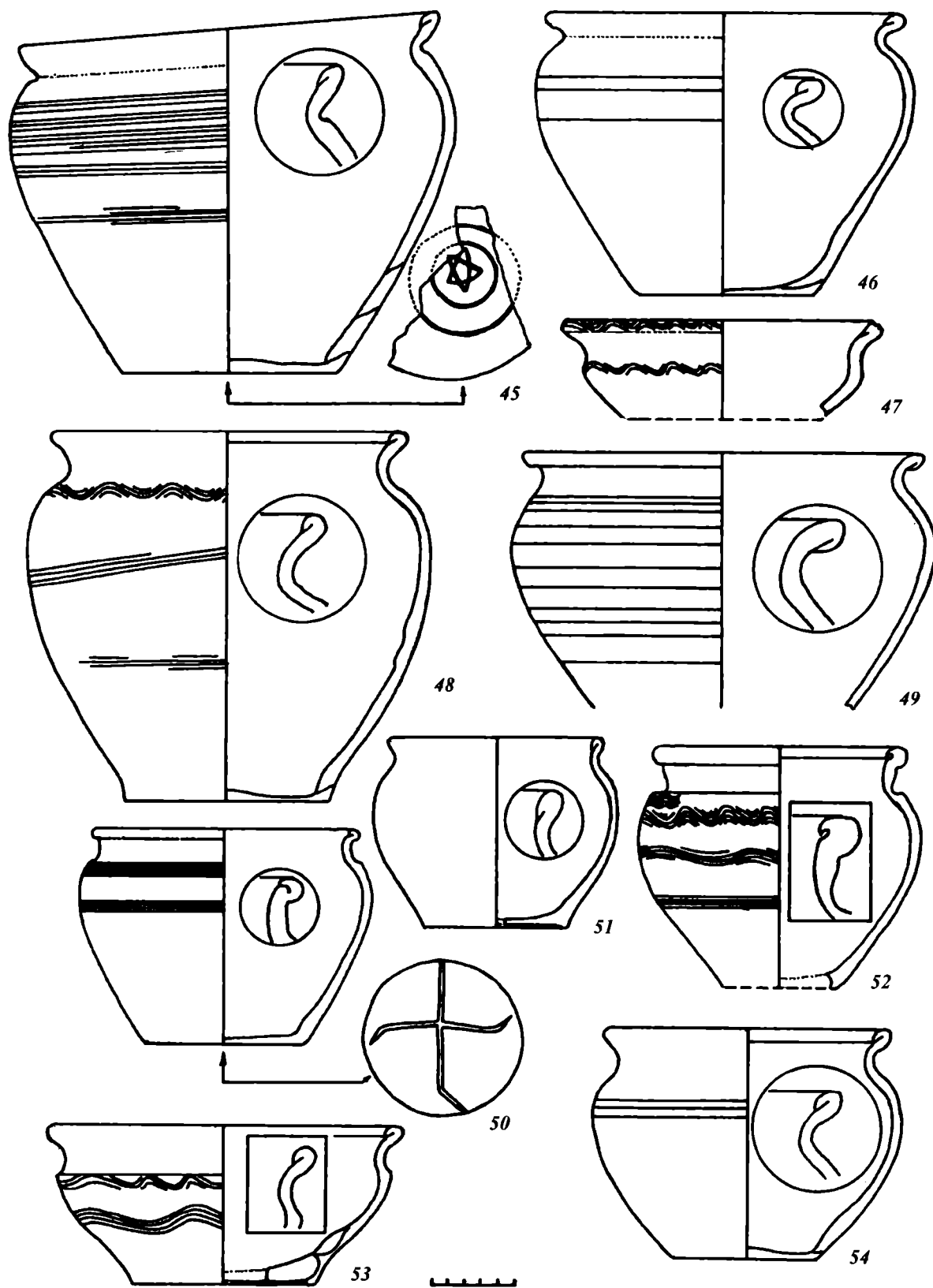

Рис. 9. Керамика первой половины XIV в. (45–50, 53–54) и второй половины XIV в. (51, 52) из ям 90 (45–47), 91 (53, 54), 142 (48–50), 143 (52), 147 (51)

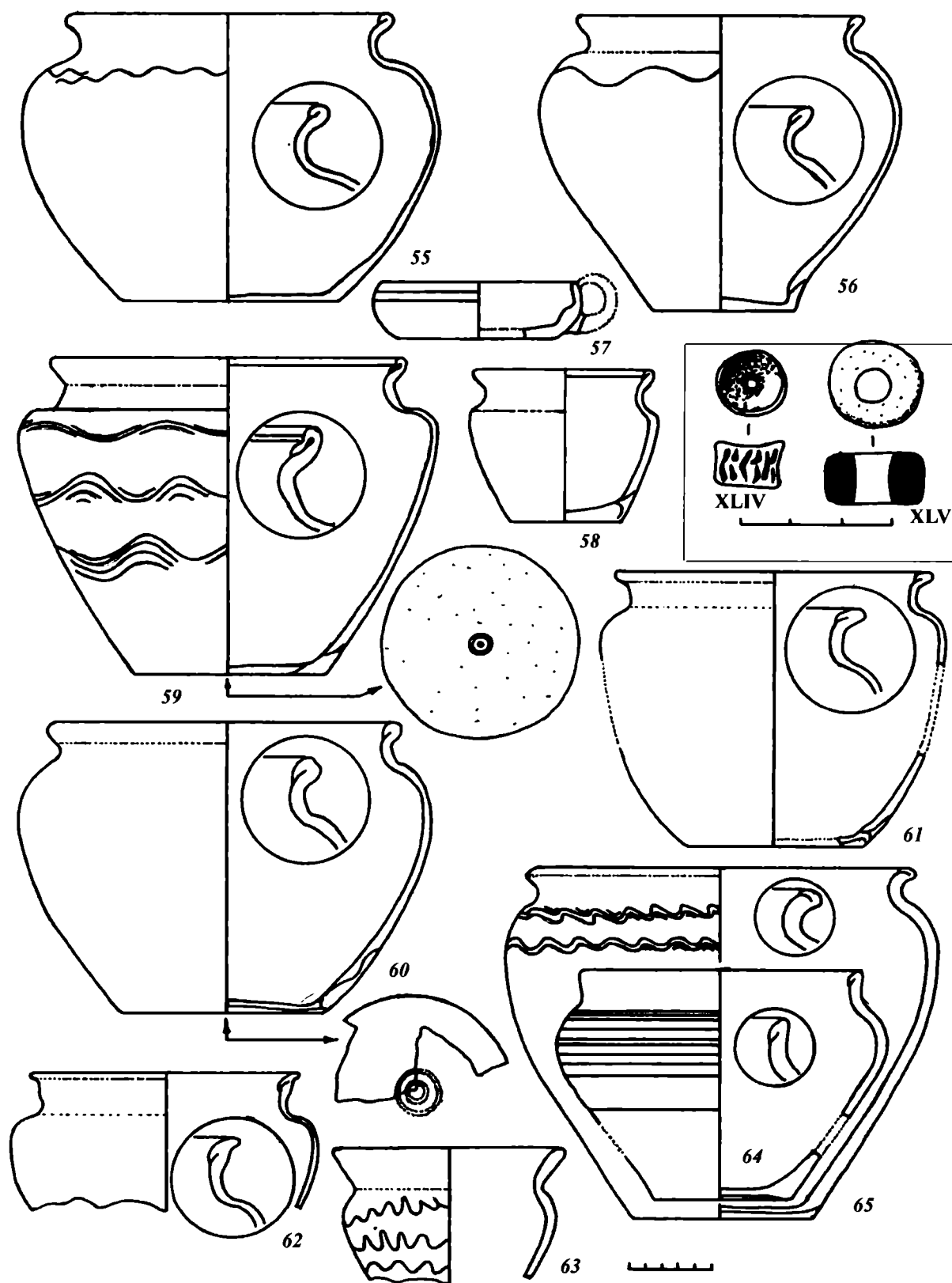

Рис. 10. Керамика второй половины XIV – начала XV в. из горизонта 2 ямы 92 на городище (55–57) и ямы 13 на Ростиславльском III селище (58–65). Находки из ямы 92 (XLIV – кость; XLV – известняк)

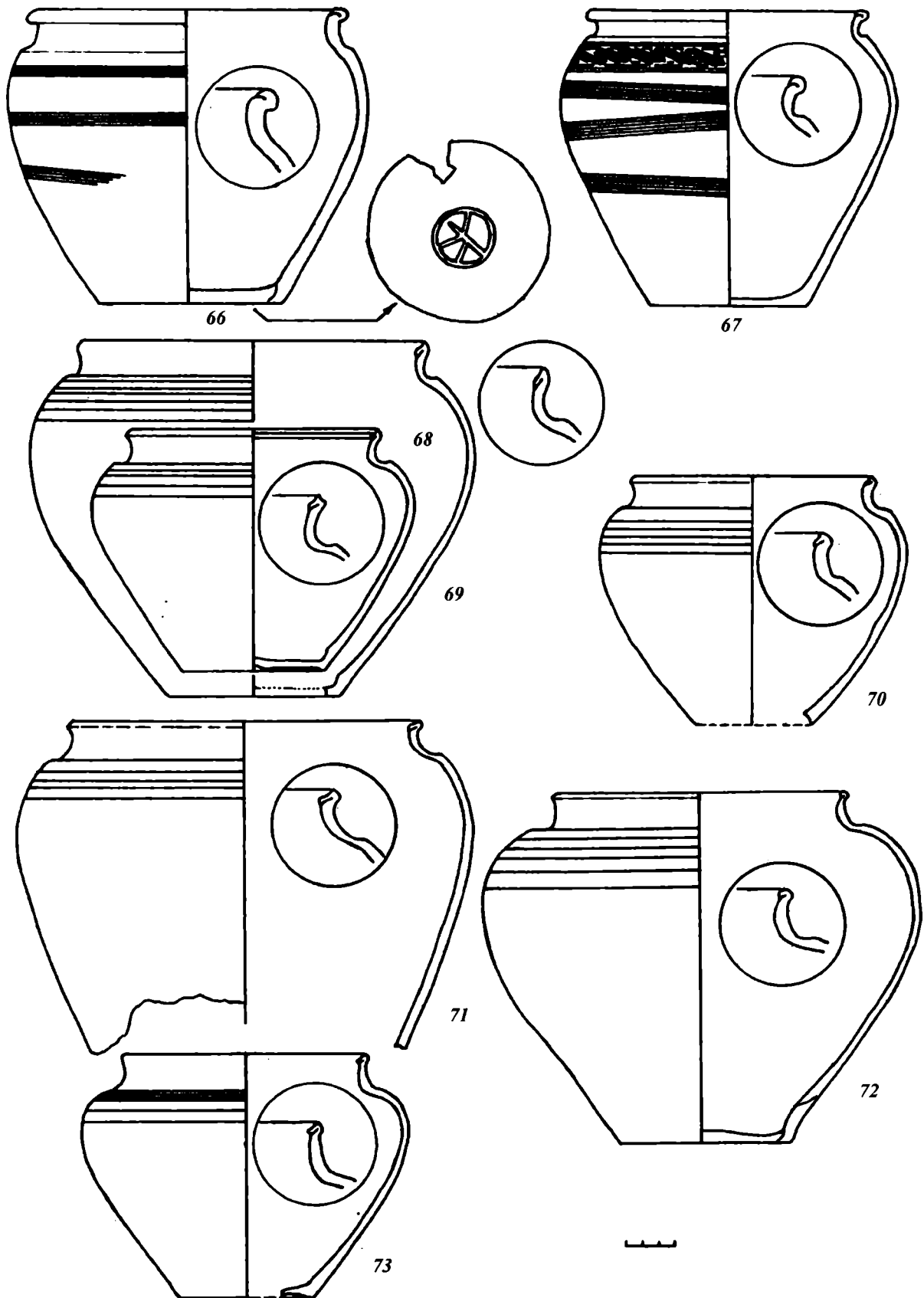

Рис. 11. Керамика второй половины XIV в. (66–67) и XV в. (68–73)
из ям 235 (66), 230 (67) и 229 (68–73)

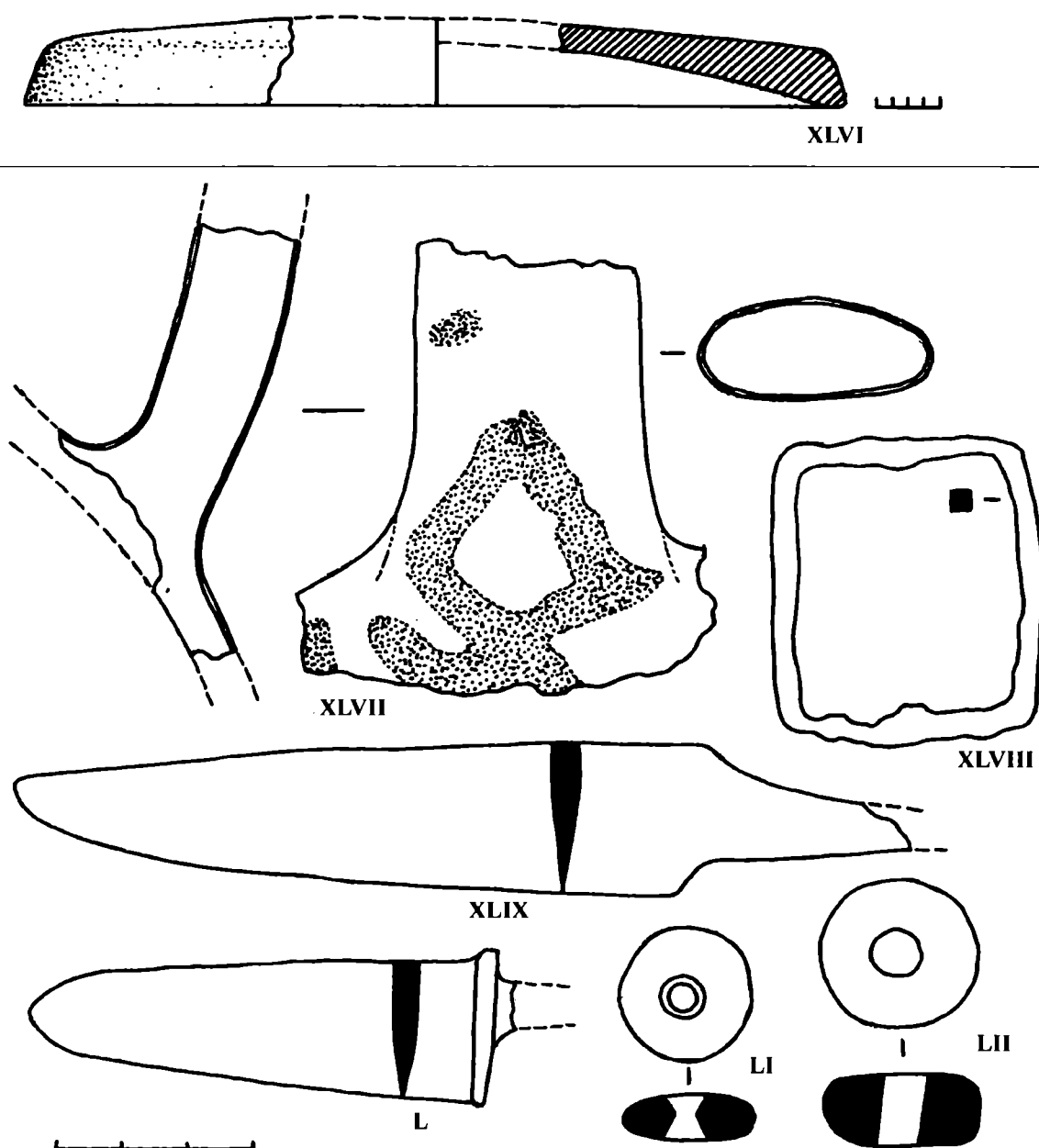

Рис. 12. Находки из ямы 229
(XLVI, LI, LII – известняк; XLVII – поливная керамика; XLVIII–L – железо)

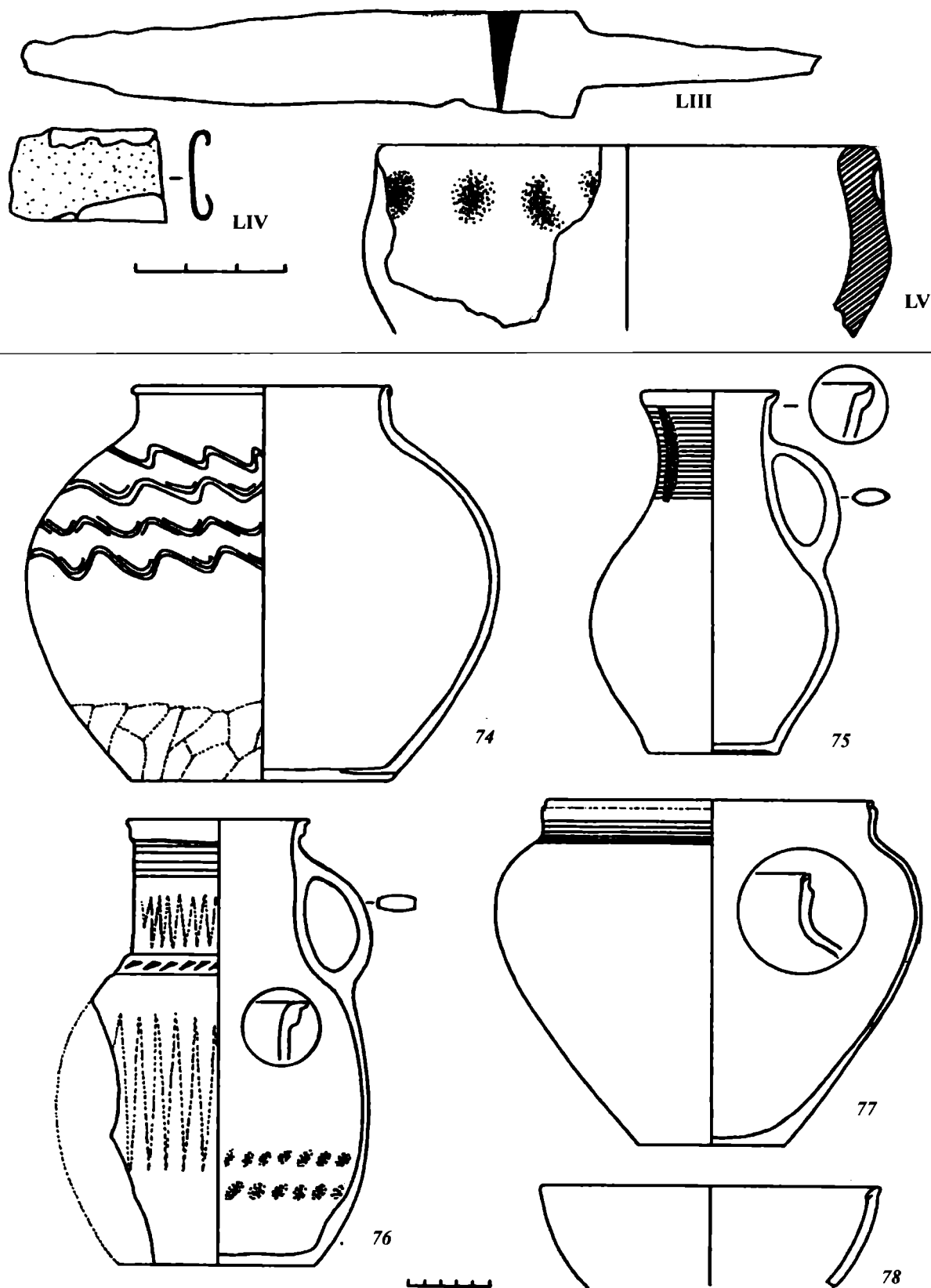

Рис. 13. Керамика XV в. (74) и XVI в. (75–78) из горизонта 1 ямы 92 (74), ям 96 (75) и 100 (76–78).
 Находки из ямы 13 на Ростиславльском III селище
 (LIII – железный нож; LIV – медный наконечник ремня; LV – обломок лепного керамического сосуда)

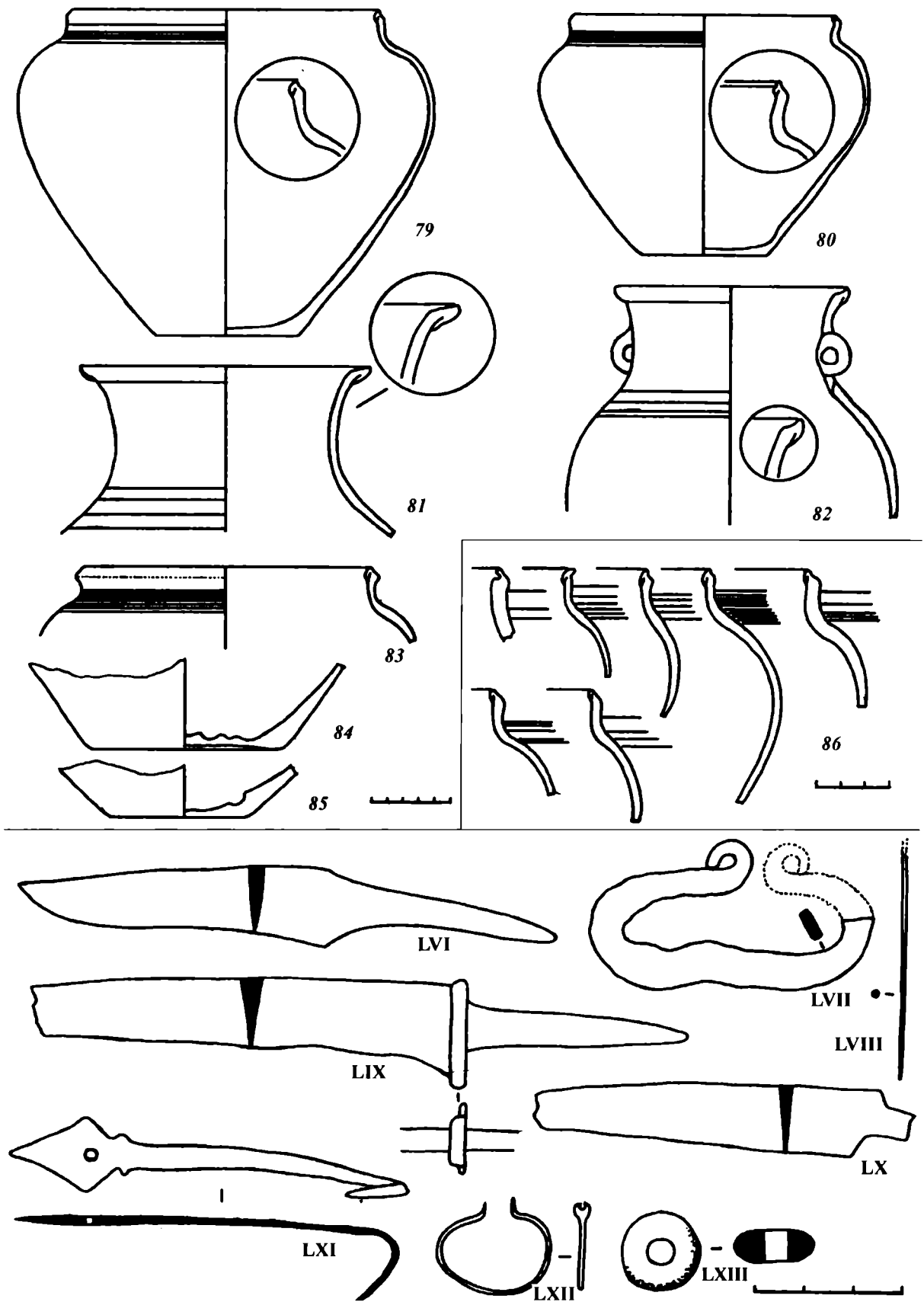

Рис. 14. Керамика XVI в. из ямы 100 (79–86). Находки из ямы 100 (LVI, LVII, LIX–LXII – железо; LVIII – медь; LXIII – поливная керамика)

шина, покрытого зеленой прозрачной глазурью относящегося к кругу изделий русских мастеров (на это указывает низкокачественный трехслойный обжиг и глазурь, имеющая дефекты обжига в виде вспузырившихся участков). Уникальность этого образца состоит в его подглазурной росписи, фрагмент которой сохранился на ручке кувшина (рис. 12, XLVII). Роспись произведена красной краской по белому ангобу, но, просвечивая сквозь зеленую глазурь, она приобретает коричневый оттенок. Сосуды с подобным декором до сих пор не были известны на территории Руси.

Группа 5 (XVI в.)

В данную группу включены 2 комплекса – ямы 96 и 100. Датировка УЗК из этих ям основана на находке в яме 100 краснолощеного кувшина (рис. 13, 76), профилировка, орнаментация и способ лощения которого были идентичны московским кувшинам первой половины XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 18. Табл. 3, 3). Здесь же было найдено красноглиняное поливное пряслице, покрытое сильно иризованной зеленой прозрачной глазурью по слою белого ангоба (рис. 14, LXIII). Подобные пряслица, часто называемые костяшками для счет или даже бусинами, также происходят из Москвы XVI–XVII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 53. Табл. 17, 34), где найдена мастерская, в которой изготавливались подобные пряслица (Рабинович, 1964. С. 172. Рис. 76, 1). Остальные находки из ямы 100 не имеют датировочного значения, однако они представляют интерес в качестве набора типичных для своего времени изделий: это железные ножи (рис. 14, LVI, LIX, LX), железное калачевидное кресало без язычка, фигурная железная накладка и обломок обоймицы (рис. 14, LVII, LXI, LXII), обломок медной иглы (рис. 14, LVIII). В яме 96 датировочные находки не встречены, но здесь был найден целый белоглиняный кувшин (рис. 13, 75).

Для каждого из 27 комплексов, были рассчитаны показатели хроноиндикаторов, которые применялись нами ранее (таблица 1)¹³.

Из данных таблицы 1 видно, что показатели хроноиндикаторов в каждой из групп совпадают, следовательно, распределение комплексов по группам проведено в целом верно. Вещевые находки подтверждают предложенные даты.

Статистические характеристики комплексов группы 1 (второй половины XII в.), представленные в предыдущей публикации (Коваль, 1996. С. 109) полностью подтверждаются новыми данными. По материалам 1996–2000 гг. можно добавить лишь несколько новых наблюдений.

1) К самому раннему этапу заселения Ростиславля, вероятно, относились горшки с усложненным декором (включающим сочетание линейного, волнистого орнамента и насечек) и ручками-ушками на плечиках, происходившие из Старой Рязани и датируемые XI–XII вв. (Монгайт, 1955. Рис. 87, 1, 4, 6). На Ростиславле пока известен только один обломок такого горшка (рис. 4, 2).

2) В некоторых комплексах данной группы (ямы 67, 72, 84 и др.) в ограниченном количестве встречена красноглиняная керамика из формовочной массы рецепта «глина + песок», внешняя поверхность которой покрывалась слоем белого ангоба. Это обломки горшков, как правило, небольших размеров, с венчиками типов 23/2 и 25/1. Возможно, такая керамика также была привозной, но центр ее производства остается неизвестным.

3) В комплексах второй половины XII – первой трети XIII в. на Ростиславле (ямы 52, 116, 30 и др.) довольно часто встречаются обломки толстостенных (толщина стенок до 1 см) корчаг, изготовленных из глины розового (реже – белого или красноватого) цвета с добавлением большого количества мелкого песка. Декор этих корчаг состоял из наlepных валиков треугольного сечения, иногда украшенных дополнительно насечками по ребру (рис. 14, 1). Три валика наlepливались горизонтально: по линии максимального диаметра, по плечу и по нижней части тулова. Имелись и вертикальные валики, соединявшие верхний и нижний пояса и пересекавшиеся с центральным горизонтальным поясом. Интересно, что горизонтальные валики наlepливались по предварительной разметке, представившей собой параллельные линии, прочерченные по поверхности корчаги многозубым штампом (при этом прочерченного декора такие корчаги не имели), а под вертикальными валиками такой разметки не было. Подобные корчаги бытовали в Старой Рязани и в Москве (Панова, 1998. С. 167–168. Рис. 1, 2)¹⁴. Происхождение традиции изготовления сосудов с таким декором пока остается неясным.

4) В декоре горшков-мисок обращает на себя внимание повторяющийся мотив волнистого орнамента, нанесенного гребенкой по внутренней стороне края венчика (рис. 5, 17, 22, 23). Подобный декор был характерен для славянских горшков XI в., бытовавших в Поочье (целая серия таких горшков встречена на поселении Сосновка IV рядом с Ростиславлем). На венчиках горшков первой половины XIII в. можно встретить и иной мотив – насечки (рис. 5, 15; 6, 30). Происхождение

¹³ Данные по комплексам из раскопок 1991–1995 гг., опубликованные ранее (Коваль, 1996), приведены в таблице справочно в виде интервалов показателей хроноиндикаторов для каждой хронологической группы.

¹⁴ Обломки идентичных корчаг встречены при просмотре автором коллекции Рязанского музея. Что касается московских образцов, то они существенно отличаются от поокских как диагональным расположением наlepных валиков, так и формовочной массой самих сосудов, идентичной местной московской посуде (с примесью дресвы в тесто).

Таблица 1. Хронологическая шкала керамических комплексов Ростиславля из раскопок 1996–2000 гг.

Комплексы	Хроноиндикаторы по типу формовочной массы (в % к общему количеству круговой керамики)			Хроноиндикаторы по типу (цвету) глины керамики комплекса			Хроноиндикаторы по типам венчиков (в % от общего количества венчиков)				Хроноиндикаторы по типам днащ сосудов (в % от общего количества днащ в комплексе)			Хроноиндикаторы по орнаментации (в % от всех орнамент. обломков)		Предварительные датировки комплексов	
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		17
1																	
ГРУППА 1 (2-я пол. XII в.)																	
Комплексы 1994–1995 гг.	84,4–100,0	0–12,3	0–3,1	55,8–64,6	2,8–15,6	23,8–51,9	7,1–23,2	8,7–50,0	0–2,2	–	–	100,0	–	92,0–96,8	1,6–5,6	–	2-я пол. XII в.
Яма 52 (гориз. 2)	100,0	–	–	78,9	20,7	55,1	18,4	15,8	–	–	–	100,0	–	91,0	1,0	–	2-я пол. XII в.
Яма 66	100,0	–	–	63,6	16,6	25,3	12,0	40,0	–	–	–	100,0	–	96,8	3,2	–	2-я пол. XII в.
Яма 67	96,2	–	3,8	65,2	20,2	24,1	9,1	45,5	–	–	–	100,0	–	97,2	2,8	–	2-я пол. XII в.
Яма 72	98,8	0,6	0,6	62,1	19,3	40,8	24,2	16,8	1,1	–	–	96,9	1,5	96,5	2,7	–	2-я пол. XII в.
Яма 82	100,0	–	–	55,9	17,6	33,6	9,0	24,0	–	–	–	93,4	1,6	96,5	2,8	–	2-я пол. XII в.
Яма 84	98,6	1,4	–	62,0	23,4	36,6	11,3	18,6	–	–	–	92,1	2,6	96,5	3,5	–	2-я пол. XII в.
Яма 116	99,7	–	0,3	62,6	20,9	37,0	11,4	40,0	–	–	–	100,0	–	86,7	2,7	–	1-я треть XII в.
Яма 2 (Рст-1)	100,0	–	–	60,0	26,0	30,4	7,1	33,9	–	–	–	88,2	12,8	100	–	–	2-я пол. XII в.
ГРУППА 2 (1-я пол. XIII в.)																	
Комплексы 1994–1995 гг.	98,4–100,0	–	0–1,6	48,7–61,9	33,8–38,6	11,6–21,5	3,0–5,9	3,0–17,9	0–3,0	–	–	83,3–100,0	0–6,1	80,3–95,2	4,8–18,8	–	1-я пол. XIII в.
Яма 30	100,0	–	–	58,1	30,6	22,3	17,1	19,5	–	–	–	100,0	–	82,4	5,5	–	1-я треть XIII в.
Яма 1 (Рст-3)	100,0	–	–	46,7	19,5	25,0	–	–	–	–	–	96,4	3,6	88,1	8,4	–	начало XIII в.
Яма 4 (Рст-3)	100,0	–	–	40,5	18,6	18,5	1,4	1,4	–	1,4	–	94,7	5,3	90,9	8,6	–	1-я пол. XIII в.
Яма 8 (Рст-3)	98,6	0,2	0,9	42,8	19,9	21,5	1,4	5,4	1,4	–	–	97,9	2,1	86,3	11,5	–	1-я треть XIII в.
Яма 244	100,0	–	–	44,8	19,1	24,0	3,0	3,0	–	–	–	100,0	–	95,8	4,2	–	начало XIII в.

Таблица 1. Продолжение

ГРУППА 3																
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Подгруппа А (2-я пол. XIII в.)																
Комплексы 1994-1995 гг.	64,8-96,6	0-0,5	3,4-8,2	57,4-63,2	13,0-13,8	22,7-41,5	0-1,4	3,8-5,9	6,2-26,9	0	0	69,6-73,3	20,0-27,8	57,9-78,4	21,6-40,6	2-я пол. XIII в.
Яма 87	96,8	-	0,8	12,9	4,0	3,2	-	14,3	7,1	-	-	85,7	24,3	40,3	59,7	2-я пол. XIII в.
Яма 135	53,7	1,4	27,2	46,9	27,2	3,4	-	-	11,1	-	-	70,0	30,0	35,8	61,7	конец XIII - нач. XIV вв.
Подгруппа Б (1-я пол. XIV в.)																
Комплексы 1994-1995 гг.	66,4-80,2	5,6-15,2	1,8-13,2	13,2-24,5	3,2-13,2	0-9,0	0-8,3	2,8-15,3	18,8-33,3	-	-	40,5-63,6	36,4-59,5	39,0-81,0	19,0-51,2	XIV в.
Яма 85	83,6	1,6	8,0	27,7	15,3	2,4	3,7	14,8	22,2	-	-	65,0	35,0	67,0	33,0	1-я пол. XIV в.
Яма 88	88,8	-	9,2	34,8	5,2	25,6	-	1,5	34,4	-	3,7	44,4	51,9	66,6	32,7	1-я пол. XIV в.
Яма 90	87,0	0,9	10,8	15,5	3,2	11,4	-	1,4	35,1	-	10,2	28,6	61,2	62,2	34,4	1-я пол. XIV в.
Яма 91	81,7	0,6	13,6	15,6	10,2	4,1	-	-	35,9	1,6	4,2	37,5	68,3	64,3	35,1	1-я пол. XIV в.
Яма 142	45,3	12,3	3,9	9,5	3,9	1,7	-	10,0	15,0	5,0	12,5	62,5	25,0	69,1	26,6	1-я пол. XIV в.
Подгруппа В (2-я пол. XIV в.)																
Яма 86	86,6	3,7	7,5	27,8	9,9	3,1	-	6,0	20,0	4,0	-	61,7	38,3	37,1	57,7	сер. XIV в.
Яма 147	87,5	3,5	3,9	22,2	7,8	8,2	-	-	20,0	-	-	50,0	50,0	45,9	53,1	2-я пол. XIV в.
Яма 161	55,6	6,3	11,4	23,1	7,6	9,2	-	-	23,4	1,3	3,3	47,5	47,5	57,4	42,6	2-я пол. XIV в.
Яма 230	90,2	3,8	3,3	1,1	0,5	-	-	-	48,3	-	-	37,5	62,5	55,3	43,5	2-я пол. XIV в.
Яма 13 (Рст-3)	97,5	2,4	0,1	22,7	5,9	11,3	3,3	4,1	4,1	0,8	-	40,0	60,0	51,1	47,1	конец XIV - начало XV вв.
ГРУППА 4																
Комплексы 1994-1995 гг.	60,0-80,2	2,0-2,2	13,5-37,8	21,8-48,9	5,7-9,6	8,2-33,5	0-1,0	2,4-11,6	4,7-26,8	2,9-25,6	-	42,0-90,0	5,0-57,1	50,4-56,3	44,9-47,4	~ XV в.
Яма 92 (гориз. 1)	59,1	0,4	40,5	53,5	7,4	41,7	-	-	9,1	18,2	5,6	55,6	48,8	31,3	67,5	~ XV в.
Яма 229 в т.ч. керам. XV в.	41,1	0,4	54,8	41,3	29,6	20,0	-	0,8	16,8	16,8	2,4	62,7	36,1	76,3	22,8	1-я пол. XV в.
	-	-	100,0	55,6	46,1	30,5	-	-	-	42,0	4,5	68,2	27,3	98,8	1,2	
ГРУППА 5																
Комплексы 1994-1995 гг.	7,8	-	92,2	95,2	59,6	33,1	-	-	-	77,7	77,0	15,3	7,7	89,7	10,3	XVI - нач. XVII вв.
Яма 100	11,9	-	87,8	81,0	60,8	11,4	-	-	-	88,9	93,5	4,3	2,2	97,1	2,0	2-я пол. XVI в.

В рамки обведены наиболее важные показатели хроноиндикаторов. Рст-1 - Ростиславское 1 селище; Рст-3 - Ростиславское 3 селище

его загадочно; возможно, он представляет собой попытку подражания дославянской лепной посуде, обломки которой жители Ростиславля находили в мысовой части города, где до сих пор сохранились остатки городища второй половины I тыс. до н. э. – третьей четверти I тыс. н. э.

Статистические значения хроноиндикаторов керамики группы 2 (первой половины XIII в.) также идентичны определенным ранее. Следует однако заметить, что среди ранних комплексов этой группы, относившихся, вероятно, к началу XIII в., доля белоглиняной керамики полного окислительного обжига была несколько ниже, чем в среднем по группе (18–20 % против среднего значения 30–40 %).

Комплексы золотоордынской эпохи (группы 3) удалось разделить на 3 подгруппы, датирующиеся в пределах полустолетия (табл. 2).

Характеристика керамики комплексов подгруппы А (второй половины XIII в.) дана в предыдущей публикации (Коваль, 1996. С. 110) и пока не может быть существенно дополнена. Отметим только, что удельный вес появляющихся в это время венчиков типа 3/1 (рис. 1) составляет около 10 % (максимум – 25 %), а доля волнистого орнамента в декоре керамики нестабильна и может составлять от 20 до 60 %. Происхождение венчиков горшков типа 3/1 можно связывать с влиянием керамической традицией Старой Рязани, где близкие формы появились уже в предмонгольскую эпоху (керамика типа 9 по И.Ю. Стрикалову) и на всем протяжении XIII в. они были там одними из самых распространенных (Стрикалов, 2003. С. 378. Рис. 5). Вместе с тем, следует отметить, что горшки с венчиками типа 3/1 в Ростиславле не были привезены из Старой Рязани, поскольку подавляющее их большинство было изготовлено из красножгущихся глин, тогда как в Старой Рязани почти вся керамика с такими венчиками – белоглиняная.

В целом керамика этого времени характеризуется на Ростиславле разнородностью форм и декорировки (сравн. рис. 6, 32–35), смешением признаков различных традиций керамического производства, что может быть связано с перемещением в Ростиславль новых контингентов населения, ранее в городе не проживавших. Именно в этот период появляются здесь такие новые формы посуды как миски с ручками (рис. 7, 37) и кувшины (найлены лишь отдельные обломки горловин и ручек).

Подгруппа Б (первой половины XIV в.) включает комплексы, в которых при сохранении доминирования формовочных масс, изготовленных по рецепту «глина + песок» (масса типа 2.1), появляется заметная доля керамики (от 1 до 15 %), формовавшейся из красножгущейся глины с примесями мелкой или крупной дресвы (типов 2.7 и 2.8), представляющей собой импорт с левобережья Оки (из Московского княжества или же с территорий на левом берегу р. Оки, подвластных Рязани), возможно – из окрестностей Коломны, где

такая керамика еще продолжала в широких масштабах производиться на протяжении XIV в. Отличительной особенностью этой керамики являлись венчики с заворотом «чернового края» наружу (рис. 9, 49), которые находят прямые аналогии в керамике Москвы и Коломны XIV в. (МК, 1991. Табл. 46, 2182; 48, 2318; 55; Мазуров, 1991. Рис. 3). Линейная орнаментация этих сосудов, наносившаяся инструментом с одним рабочим концом (палочкой диаметром 2–3 мм) в виде спирали, доводившейся почти до самого дна горшка, известна на московской и коломенской посуде XII–XIV вв. Интересно, что в предшествующие эпохи такая керамика в Ростиславль почти не проникала. Ее появление после рубежа XIII–XIV вв. может быть связано с установлением каких-то не вполне ясных еще связей города с заокскими (с 1300 г. – по большей части уже московскими) землями.

Увеличивается в это время и количество керамики, изготовленной из светложгущихся глин без визуально фиксируемых примесей либо с естественной примесью очень мелкого песка (типы формовочных масс 1.1 и 1.2) – ее доля составляет 5–13 %. Подобная керамика была широко распространена еще с начала XIII в. в близлежащей долине реки Осетр, в том числе на поселении, располагавшемся на месте позднейшего Зарайска (Стрикалов, 1998. Табл. 3), а также в окрестностях Преяславля-Рязанского (Коваль, 2003. С. 166, 168). Распространение этой керамики можно связывать с перемещением в долину Оки каких-то групп населения из юго-западных районов Рязанской земли (Верхнего Дона, окрестностей Пронска, верховьев Осетра).

Среди венчиков горшков с начала XIV в. доминирующим становится тип 3/1 (рис. 9, 50), хотя его удельный вес не превышал 1/3 всех венчиков. В этот период популярной становится керамика, изготовленная из красножгущихся глин и обожженная в восстановительном режиме (мореная). Основными ее характеристиками являются черный или серый цвет поверхности и излома черепка. Такая керамика составляет от 13 до 26 % в комплексах первой половины XIV в. (Коваль, Медведь, 2000. С. 204). Именно для нее в первую очередь были характерны венчики типа 3/1. Количество днищ на зольной подсыпке в это время резко возрастает – до 35–70 % всех днищ горшков, а доля волнистой орнаментации в декоре достигает в среднем 20–35 % (максимум – 50 %). Еще одной характерной чертой этого времени является широкое применение клеймения днищ горшков (рис. 9, 45, 50). Все перечисленные здесь признаки были присущи той новой традиции керамического производства, которая получила распространение на Ростиславле во второй половине XIII в. Эта традиция имела ярко выраженные черты архаичности (массовое клеймение днищ горшков, в то время как на большей части территории Руси как раз в XIV в. количество клейм резко сокращается) и отличалась

особой приверженностью к волнистой орнаментации сосудов. Оба этих признака были особенно распространены в южных и юго-западных районах Рязанской земли, поэтому допустимо предполагать появление новой керамики на Ростиславле вместе с переселенцами из районов Верхнего и Среднего Подонья.

Комплексы подгруппы В (второй половины XIV – начала XV вв.) характеризуются постоянным присутствием в них керамики из формовочных масс без примесей (4–11 %) и с примесью дресвы (3–6 %). Последняя – красноглиняная (рис. 10, 64) и характеризуется формами, типичными для керамики Москвы (МК, 1991. Табл. 43,

Таблица 2. Характеристики сосудов из условно-закрытых комплексов Ростиславля *

№№ сосудов по рис. 4–14	Тип формовочной массы	Режим обжига	Качество обжига	Тип глины	Тип венчика	Тип дна	Коэффициенты пропорций сосудов				Наименования комплексов
							А (Д ₃ :Н)	Б (Д ₁ :Д ₃)	В (Н ₁ :Н)	Г (Д ₄ :Д ₃)	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППА 1 (2-я пол. XII в.)											
1	2.1	О	П	С	41/1	–	–	–	–	–	Я-52
2	2.1	О	П	С	33/2	–	–	0,93	–	–	Я-52
3	2.1	О	Н	С	28/2	–	–	0,92	–	–	Я-52
4	2.1	О	П	С	18/1	–	–	0,94	–	–	Я-52
5	2.1	О	П	С	28/1	–	–	0,89	–	–	Я-52
6	2.1	О	Н	Ож	13/3	–	–	0,97	–	–	Я-52
7	2.1	О	П	С	8/3	–	–	0,94	–	–	Я-52
8	2.1	О	П	С	23/1	–	–	0,94	–	–	Я-52
9	2.1	О	П	С	7/1	–	–	0,98	–	–	Я-52
10	2.1	О	П	С	23/1	–	–	1,00	–	–	Я-52
11	2.1	О	П	НО	16/2	8	2,44	0,98	0,62	0,44	Я-72
12	2.1	О	П	С	28/2	–	–	0,91	–	–	Я-72
13	2.1	О	Н	С	23/5	–	~2,32	0,96	~0,59	~0,47	Я-72
14	2.1	О	П	Ож	33/1	–	1,59	1,04	0,59	0,59	Я-116
16	2.1	О	П	С	–	–	–	–	–	–	Я-73
17	2.1	О	Н	Ож	23/5	16	2,12	0,97	0,70	0,50	Я-82
18	2.1	О	Н	НО	–	–	–	–	–	–	Я-67
19	2.1	О	П	С	13/1	4	1,14	0,91	0,72	0,47	Я-82
20	2.1	О	П	С	18/1	4	1,12	0,87	0,73	0,39	Я-82
21	2.1	О	Н	Ож	28/1	9	1,16	0,86	0,69	0,47	Я-82
22	2.1	О	П	НО	23/1	4	2,70	1,04	0,65	0,52	Я-82
23	2.1	О	Н	НО	16/1	–	2,27 ?	1,0	0,62	0,42	Я-82
29	2.1	О	Н	С	18/2	–	–	0,92	–	–	Я-2 (Рст-1)
30	2.1	О	П	НО	28/2	–	–	–	–	–	Я-2 (Рст-1)
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППА 2 (1-я пол. XIII в.)											
15	2.1	О	Н	НО	23/5	5	2,14	1,02	0,57	0,47	Я-30
24	2.1	О	П	С	18/2	4	2,10	1,05	0,66	0,43	Я-74
25	2.1	О	Н	С	23/1	4	2,43	1,05	0,63	0,47	Я-1 (Рст-III)
26	2.1	О	П	НО	13/1	4	2,11	1,05	0,63	0,48	Я-8 (Рст-III)
27	2.1	О	П	С	13/1	4	1,17	0,91	0,71	0,42	Я-1 (Рст-III)
28	2.1	О	Н	НО	23/1	4	1,73	1,08	0,67	0,48	Я-8 (Рст-III)
31	2.1	О	Н	НО	–	–	–	0,89	–	–	Я-1 (Рст-III)

* Сокращения: О – окислительный обжиг; В – восстановительный обжиг; П – полный обжиг; Н – неполный обжиг; Ож – ожеженная глина (красного, коричневого цвета); С – слабожеженная глина (розового, желтого цветов); НО – нежеженная глина (белого цвета); Я-52 – номера ям; Рст-III – Ростиславльское III селище. Д₁ – диаметр венчика. Д₃ – диаметр тулова сосуда. Д₄ – диаметр днища. Н – высота сосуда. Н₁ – высота до уровня максимального диаметра тулова.

Таблица 2. Продолжение

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППА 3 (2 пол. XIII – XIV вв.)											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Подгруппа А (2-я пол. XIII в.)											
32	2.1	В	Н	Ож	18/1	6	1,13	0,83	0,64	0,42	Я-77
33	2.1	О	Н	Ож	3/4–13/1	7	1,54	0,81	0,74	0,46	Я-87
34	2.1	О	П	НО	23/1	4	1,09	0,92	0,60	0,57	Я-135
35	1.2	О	П	НО	13/1	–	1,17	0,86	0,68	0,51	Я-135
36	1.1/2.1	О	П	Ож	13/1	4	1,33	0,96	0,69	0,51	Я-135
37	2.1	О	Н	Ож	–	–	2,37	1,00	0,74	0,55	Я-135
39	2.1	О	П	С	22/1	4	1,26	0,89	0,67	0,50	Я-87
Подгруппа Б (1-я пол. XIV в.)											
38	2.1	О	Н	Ож	23/1	4	2,23	1,01	0,65	0,52	Я-85 (и 86)
43	2.1	О	Н	Ож	18/1	6	2,18	0,98	0,68	0,56	Я-88
45	2.1	О	П	С	13/1	6	1,27	0,91	0,69	0,50	Я-90
46	2.1	О	Н	С	23/1	6	1,32	0,96	0,70	0,45	Я-90
47	1.1	О	П	Ож	13/1	–	2,75	1,16	0,45	0,71	Я-90
48	2.2	О	Н	Ож	23/1	4/6	1,07	0,89	0,67	0,51	Я-142
49	2.8	О	Н	Ож	24/2	–	–	0,94	–	–	Я-142
50	2.1	В-О	Н	С	3/1	6	1,35	0,93	0,70	0,53	Я-142
53	1.1	В	П	Ож	23/1	6	2,09	1,06	0,69	0,54	Я-91
54	1.1	О	Н	С	23/1	6	1,32	0,92	0,57	0,45	Я-91
Подгруппа В (2-я пол. XIV в.)											
40	1.1/2.1	О	Н	Ож	3/4– 13/1	4	1,51	0,80	0,70	0,42	Я-86
41	2.1	О	Н	Ож	28/1	4	1,42	0,84	0,68	0,43	Я-86
42	2.1	О	Н	Ож	3/4– 13/1	–	–	1,00	–	–	Я-86
44	1.2	О	П	НО	–	4	–	–	–	–	Я-86
51	2.1	В	Н	Ож	3/2	5	1,26	0,88	0,63	0,58	Я-147
52	2.1	В	Н	Ож	3/1	6	1,14	0,89	0,61	0,41	Я-143
55	2.1	О	П	Ож	23/1	6	1,43	0,78	0,59	0,52	Я-92 (гор.2)
56	2.1	В	П	Ож	23/1–3	6	1,22	0,79	0,66	0,39	Я-92 (гор.2)
57	2.1	О	Н	С	–	4	3,42	–	–	–	Я-92 (гор.3)
58	2.1	О	Н	Ож	23/1	6	1,19	0,97	0,65	0,59	Я-13 (Рст-III)
59	2.1	В-О	Н	Ож	23/1	6	1,30	0,86	0,77	0,46	Я-13 (Рст-III)
60	2.1	О	Н	С	28/1	6	1,39	0,85	0,66	0,49	Я-13 (Рст-III)
61	1.1/2.1	О	Н	С	18/3	6	1,25	0,91	0,73	0,51	Я-13 (Рст-III)
62	2.1	В	П	Ож	13/3	–	–	0,87	–	–	Я-13 (Рст-III)
63	1.1/2.1	В	Н	Ож	11/1	–	–	1,07	–	–	Я-13 (Рст-III)
64	2.7	О	П	Ож	3/4	6	1,43	0,85	0,78	0,41	Я-13 (Рст-III)
65	2.1	О	Н	Ож	23/1	6	1,21	0,91	0,76	0,42	Я-13 (Рст-III)
66	2.1	В	Н	Ож	3/1	6	1,21	0,89	0,66	0,50	Я-235
67	2.1	В	П	Ож	18/1	6	1,11	0,83	0,68	0,46	Я-230

2150; 49, 2321, 2482; 51, 3134). Количество белоглиняной керамики во второй половине XIV в. резко снижается (до 6–10 %), причем практически вся она в это время изготавливалась из формовочных масс без примесей. Доля венчиков типа

3/1 остается еще высокой, но уже несколько снижается (до 20–25 %), зато в это время впервые появляются венчики типа 4/1 (рис. 1), идентичные старорязанской керамике «типа 10» (по И.Ю. Стрикалову), появляющейся там не ра-

Таблица 2. Продолжение

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППА 4 (XV в.)											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
68	1.1/2.1	О	П	НО	3/3	5	1,32	0,79	0,70	0,44	Я-229
69	1.1	О	П	С	3/3	4	1,23	0,79	0,68	0,38	Я-229
70	1.1	О	П	С	3/3–3/6	–	1,21	0,79	0,67	0,37	Я-229
71	1.1/2.1	О	П	НО	23/3	–	–	0,78	–	–	Я-229
72	1.1/2.1	О	П	НО	3/3–3/6	4	1,22	0,67	0,67	0,39	Я-229
73	1.1	О	П	НО	3/3	5/7	1,31	0,75	0,69	0,40	Я-229
74	1.2	О	П	С	4/1	4	1,18	0,55	0,51	0,54	Я-92 (гор. 1)
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППА 5 (XVI в.)											
75	1.1	О	П	НО	–	5	0,68	0,54	0,34	0,52	Я-96
76	2.1	О	П	Ож	–	6	0,66	0,60	0,33	0,63	Я-100
77	1.1	О	П	НО	3/3	2	1,23	0,79	0,67	0,34	Я-100
78	1.1	О	П	НО	–	–	–	–	–	–	Я-100
79	1.1	О	П	НО	3/3	2	1,26	0,76	0,71	0,34	Я-100
80	1.1	О	П	НО	3/3	2	1,36	0,82	0,68	0,37	Я-100
81	1.1	О	П	С	–	–	–	–	–	–	Я-100
82	1.1	О	П	С	–	–	–	–	–	–	Я-100
83	1.1	О	П	НО	3/3	–	–	–	–	–	Я-100
84	1.1	О	П	НО	–	3	–	–	–	–	Я-100
85	1.1	О	П	НО	–	2	–	–	–	–	Я-100
86	1.1	О	П, Н	НО	3/3	–	–	–	–	–	Я-100

нее середины XIII в. получившей максимальное распространение во второй половине XIV в. (Стрикалов, 2003. С. 378. Табл. 2). В это же время на Ростиславле заметно растет доля слабопрофилированных венчиков с несколько приостренным краем – типов 23/1, 23/3 и 18/3 (рис. 2; табл. 3), формы которых весьма близки венчикам московской керамики XIV–XV вв. (так называемые венчики с подтреугольным краем).

Днища горшков в тот период формируются в основном на зольной подсыпке (их доля достигает 40–60%), причем многие из них по-прежнему снабжены клеймами (рис. 10, 59, 60; 11, 66). Волнистый орнамент в декоре достигает своего максимума – 50–60% декора. Особый интерес представляет находка в одном из комплексов обломка лепной площадки (рис. 10, ЛУ), изготовленной из глины розового оттенка, насыщенной мелким песком и прекрасно обожженной (заметим, что нельзя исключать возможности ее более ранней – домонгольской – датировки).

На обрисованном фоне особенно рельефно выделяются изменения, происшедшие в XV в. (комплексы хронологической группы 4). Наиболее показательна в этом смысле яма 229, которая содержала наряду с переотложенной более ранней керамикой (среди нее отсутствовали развалы сосудов и даже склейки между отдельными обломками), большой набор новых форм посуды, включая несколько развалов горшков (рис. 11, 68–73). Статистическая характеристика этого керамического набора может считаться эталонной для своего времени. Во-первых, вся керамика

в нем была изготовлена из глины без визуально фиксируемых примесей¹⁵, причем почти половина сосудов была изготовлена из беложгущей глины (то есть доля белоглиняной керамики превышала здесь уровень первой половины XIII в.). Во-вторых, вместо зольной подсыпки под днища вновь стала применяться песчаная (ее доля достигла 70%), а клеймение днищ полностью прекратилось. Волнистый орнамент почти перестал употребляться, линейный – претерпел существенные изменения: если в XIII–XIV вв. он наносился на сосуд в основном гребенкой, то в XV в. единственным орудием для орнаментации стала тонкая палочка (с диаметром острия 1 мм или менее). Резко изменились и венчики горшков – исчез доминировавший ранее тип 3/1, зато появился новый, почти не известный ранее тип венчика – вертикальный (или очень слабо изогнутый), с заворотом «чернового» края внутрь и заостренным «чистовым» краем – тип 3/3 (рис. 1; 11, 68–73). У многих венчиков отмечена характерная особенность: глубокая бороздка (линия, проведенная инструментом – вероятно, той же палочкой, которой наносилась орнаментация на стенки горшка), проходившая вдоль заостренного «чистового» края по внутренней стороне венчика (Коваль, 1996. Рис. 9, 58, 59; 2001. Рис. 3).

Все это говорит о том, что та традиция керамического производства, которая эволюционировала на Ростиславле в XIII–XIV вв., с наступлением XV в. прервалась, а ее место заняла совершенно новая, никак не связанная с прежней. Значит, сменились и носители этой традиции –

¹⁵ Отметим, что во многих случаях в формовочной массе имелась примесь мелкого песка, концентрация которой варьировала, но при всем том как правило не превышала 10% массы.

прежде всего, гончары, изготавливавшие посудную керамику (а возможно, и значительная часть населения города). В конце XIV – начале XV в. Ростиславль и его окрестности стали ареной острых вооруженных конфликтов, среди которых самым крупным был поход великого князя литовского Витовта на рязанские земли в 1398 г., во время которого Ростиславль мог быть разорен, а его население частично уничтожено либо уведено в плен. Что касается новой керамической традиции, то ранее мы допускали, что ее могли принести переселенцы из Среднего Подонья либо из пределов Пронского княжества, то есть тех мест, где еще в XIII–XIV в. были распространены традиции производства керамики из светлоглушихся глин без грубых примесей (Коваль, 2001. С. 107). Однако поскольку хорошо датированных комплексов аналогичной керамики в этих районах пока не обнаружено, более перспективным представляется поиск прототипов этой керамики в Коломне и ее ближайших окрестностях, где идентичные по формам и технологии изготовления горшки стали производиться с конца XIV – начала XV вв. (Энговатова и др., 2004. Рис. 53–55).

Для характеристики керамики из комплексов группы 5 (XVI – начала XVII вв.) пока нельзя добавить чего-то нового к тем ее признакам, которые были определены ранее (Коваль, 1996. С. 110). Нужно лишь особо подчеркнуть, что керамика XVI в. является результатом развития керамической традиции, появившейся в XV в.: по большинству показателей хроноиндикаторов различия между комплексами XVI в. и комплексом керамики XV в. из ямы 229 минимальны. Единственным существенным технологическим новшеством стал отказ от подсыпок под днище, а в декоре – перемещение линейного орнамента с плечиков горшка на вертикальный венчик (Коваль, 2001. С. 106). При этом сам момент появления этих новшеств пока не может быть точно определен, но он приходится на период между серединой XV в. и серединой XVI в.

Дополнительные данные о хронологических изменениях в керамических комплексах Ростиславля позволила получить статистика, проведенная для различных типов венчиков. Материалы таблицы 3 позволяют сделать несколько важных наблюдений.

1) Венчики типа 13/1 до начала XIII в. составляли ничтожную долю. Венчики типа 23/1 получили максимальное распространение с начала XIII в. (до 50%), затем их становится меньше, но во второй половине XIV в. их количество резко возрастает – до 1/3 всех венчиков в комплексах и более. Венчики типа 18/3 появляются

только с первой половины XIV в., а типов 23/3 и 4/1 – со второй половины XIV в.

2) На Ростиславле уже во второй половине XII в. венчики типов 18/2, 23/2 и 28/2 с так называемым упором под крышку¹⁶ не являлись доминировавшими (хотя составляли иногда до 30% в комплексах). Они отходят на второй план перед венчиками типов 18/1, 23/1, 28/1, отличавшимися уплощенным валиком, в который заворачивался «черновой край», а в начале XIII в. вовсе перестают изготавливаться и встречаются в комплексах, как правило, только в переотложенном состоянии.

3) До середины XIII в. доля венчиков типа 28/1 оставалась весьма значительной (до 30%), однако впоследствии этот тип венчика встречался уже очень редко.

4) Каких-либо существенных хронологических различий в пределах домонгольской эпохи для распространения изогнутых венчиков (типов 23/1,2) и венчиков с переломами профиля (типов 18/1,2 и 28/1,2) на материалах Ростиславля не прослеживается. Это наблюдение имеет значение, поскольку рядом исследователей высказывались мнения (не подтвержденные статистикой) о том, что первые сменяются вторыми на протяжении первой половины XIII в. (Поздняков, 1992. С. 52), а также об узкой датировке венчиков с переломами профиля концом XII – началом XIII в. (Блажевич, 1992. С. 23). Эти мнения часто приводятся в работах по хронологии керамики Поочья (Стрикалов, 1996. С. 153; 1998. С. 30). Вероятно, такие явления действительно происходили в отдельных районах Руси, однако в Среднем Поочье преобладали иные тенденции. Здесь шло упрощение оформления края венчика за счет перехода от округлых валиков (18/2, 23/2, 28/2) к уплощенным (18/1, 23/1, 28/1), а затем, в XIII–XIV в., – к валикам подтреугольного сечения (18/3, 23/3, 28/3). Вместо усложнения профилировки венчиков происходило сглаживание профиля (Стрикалов, 1998. С. 30–31) и развитие венчиков вертикальной постановки (3/1,2,3,4).

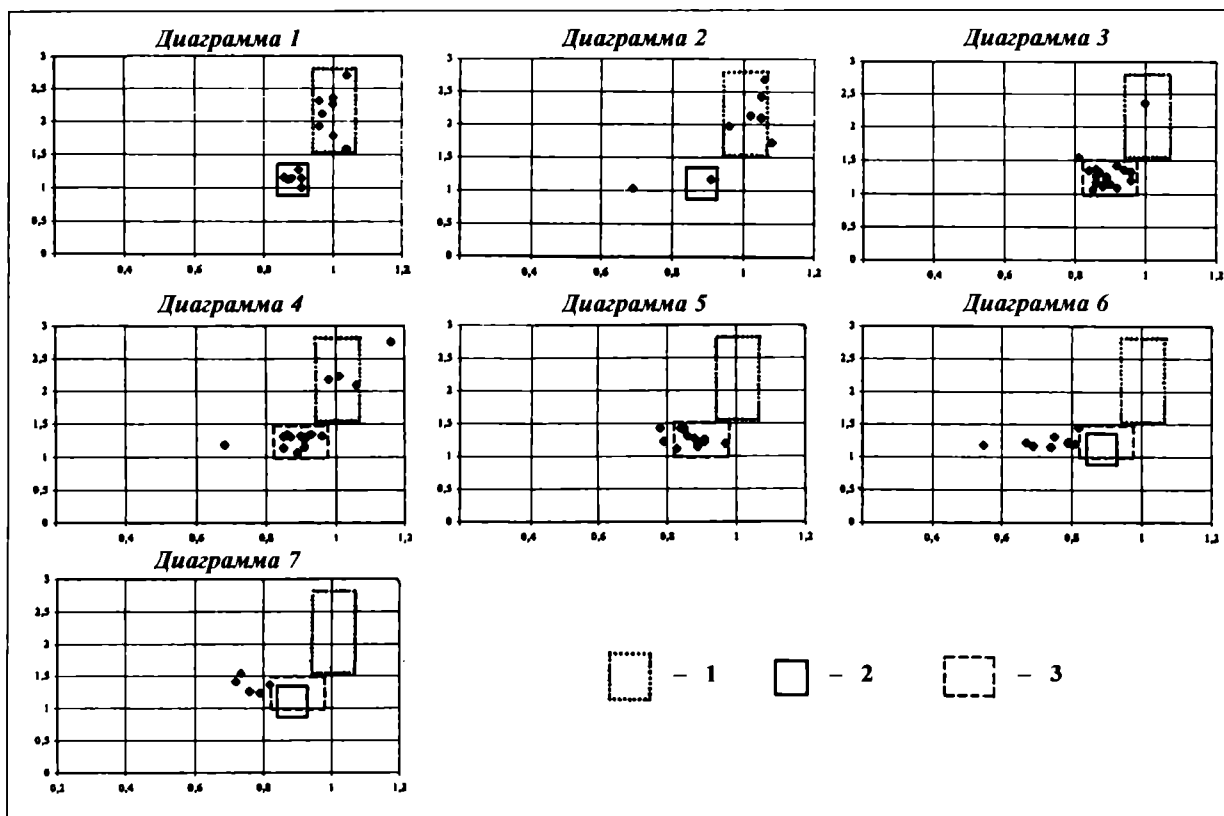
Особый интерес представляет вопрос о хронологических изменениях в пропорциях горшков. На графиках таблицы 4 каждой точке соответствует отдельный сосуд, для которого определены коэффициенты общих пропорций (А) и пропорции венчика относительно тулова (Б) (табл. 2). Значения этих коэффициентов являлись координатами графиков. Выбор именно этих пропорций объясняется тем, что в средневековой русской керамике они подвергались наибольшему изменению во времени. График показывает, что во второй половине XII в. бытовали горшки с двумя стандартами пропорций:

¹⁶ От этой устаревшей терминологии давно пора отказаться, как бы привычна она ни была. Для крышки не требовался какой-то особый упор на венчике. Да и ничтожное количество крышек от горшков, известное на памятниках домонгольской эпохи несопоставимо с огромным числом сильнопрофилированных венчиков. Наконец, в XII–XIII вв. крышки снабжались специальным упором (рис. 5, 18), делавшим дополнительные конструктивные изыски на венчике ненужными, а в XVII в., когда крышки от горшков изготавливались действительно в большом количестве, «упоры» не делались ни на крышках, ни на венчиках.

Таблица 3.

Комплексы	Типы венчиков (в % от общего числа венчиков в комплексе)											
	13/1	18/1	23/1	28/1	13/3	18/3	23/3	28/3	18/2	23/2	28/2	4/1
ГРУППА 1 (2-я пол. XII в.)												
Яма 20	8,3	–	4,2	16,7	4,2	–	–	–	4,2	29,2	4,2	–
Яма 2 (Рст-1)	1,8	3,6	17,9	12,5	1,8	–	3,6	1,8	5,4	12,5	16,1	–
Яма 116	–	–	28,6	14,3	–	–	–	–	5,7	17,1	17,1	–
Яма 1 (Рст-1)	–	–	19,6	1,8	1,8	–	–	–	–	17,8	23,2	–
Яма 42	1,4	2,9	21,8	27,5	–	–	–	–	4,3	1,5	4,3	–
Яма 52 (гор. 2, 3)	0,8	5,0	24,0	21,5	–	–	–	–	2,5	4,1	10,7	–
Яма 72	1,1	4,2	13,7	28,4	1,1	–	–	–	1,1	10,5	5,3	–
Яма 84	–	5,2	33,0	21,6	2,1	–	–	–	5,2	3,1	10,3	–
Яма 82	6,0	7,0	18,0	28,0	–	–	–	–	7,0	8,0	9,0	–
Средний уровень	3,2	4,7	20,1	19,1	2,2	–	–	–	4,4	11,5	11,1	–
ГРУППА 2 (1-я пол. XIII в.)												
Яма 1 (Рст-III)	4,7	4,7	57,8	28,1	–	–	–	–	–	–	–	–
Яма 4 (Рст-III)	4,2	4,2	52,8	27,8	3,1	–	–	–	–	–	1,4	–
Яма 8 (Рст-III)	–	5,4	58,2	24,3	–	–	–	–	1,4	1,4	2,7	–
Яма 12 (Рст-III)	–	3,6	48,2	17,9	1,8	–	–	–	–	3,6	5,4	–
Яма 5	15,4	–	33,3	15,4	–	–	–	–	–	5,1	–	–
Яма 26	3,0	9,1	31,8	12,1	1,5	–	–	–	3,1	9,1	6,1	–
Яма 47	–	5,9	23,6	23,6	–	–	–	–	11,8	2,9	2,9	–
Яма 21	6,0	6,0	11,9	29,9	–	–	–	–	1,5	1,5	–	–
Яма 30	7,3	9,8	17,1	9,8	2,4	–	2,4	–	12,2	4,9	2,4	–
ГРУППА 3 (2-я пол. XIII – XIV вв.)												
Подгруппа А (2-я пол. XIII в.)												
Яма 1	7,8	26,1	23,3	5,6	–	–	–	–	1,7	1,7	1,1	–
Яма 4	3,8	11,5	26,9	3,8	–	–	–	–	–	–	3,8	–
Подгруппа Б (1-я пол. XIV в.)												
Постройка 1 (гор. 3-4)	15,3	3,5	14,1	2,4	2,4	1,2	–	–	8,2	4,7	1,2	–
Постройка 2	–	7,3	14,6	2,4	2,4	2,4	–	–	–	2,4	7,3	–
Яма 85	3,7	–	29,6	3,7	3,7	–	3,7	–	–	7,4	7,4	–
Яма 88	7,7	4,6	24,6	7,7	1,5	1,5	1,5	1,5	–	1,5	–	–
Яма 90	2,7	2,7	27,0	12,2	–	1,4	–	–	–	1,4	–	–
Яма 91	7,8	12,5	21,9	6,3	–	–	–	–	–	–	–	–
Подгруппа В (2-я пол. XIV в.)												
Яма 86	14,0	8,0	20,0	8,0	4,0	–	2,0	–	–	4,0	2,0	2,0
Яма 147	2,5	15,0	35,0	5,0	2,5	–	2,5	–	–	–	–	–
Яма 161	7,8	10,4	37,7	2,6	3,9	–	3,9	–	–	–	–	–
Яма 230	3,4	3,4	37,9	3,4	–	–	–	3,4	–	–	–	–
Яма 13 (Рст-III)	7,8	9,4	34,4	6,3	4,7	7,8	4,7	4,7	–	–	–	3,1
ГРУППА 4 (XV в.)												
Постройка 1 (гор. 1-2)	8,7	9,2	14,1	1,5	1,5	0,5	–	0,5	0,5	1,1	0,5	2,5
Яма 92 (гор. 1)	6,1	9,1	18,2	9,1	3,0	–	3,0	–	–	–	–	3,0
Яма 229	4,6	1,5	18,3	7,6	0,8	–	3,1	–	–	–	2,0	–
ГРУППА 5 (XVI в.)												
Яма 100	2,2	–	4,4	–	2,2	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 4. Динамика пропорций сосудов из ростиславля Рязанского в XII–XVI вв.*

* *Диаграммы:* 1 – пропорции горшков второй половины XII в.; 2 – первой половины XIII в.; 3 – второй половины XIII в.; 4 – первой половины XIV в.; 5 – второй половины XIV в.; 6 – пропорции горшков XV в.; 7 – пропорции горшков XVI в.

На всех диаграммах по оси y отложены значения коэффициента A , по оси x – коэффициента B .

Обозначения: 1 – ареал пропорций горшков-мисок второй половины XII – первой половины XIII вв.; 2 – ареал пропорций горшков 2-й половины XII в.; 3 – ареал пропорций горшков второй половины XIII – первой половины XIV вв.

1) горшки средних пропорций, у которых диаметр тулова несколько превышал высоту горшка ($A = 1–1,3$), а диаметр венчика был несколько меньше диаметра тулова ($B = 0,83–0,91$);

2) горшки-миски низких пропорций, у которых диаметр тулова в 1,5–3 раза превышал высоту сосуда ($A = 1,6–2,7$), а диаметр венчика был почти равен диаметру тулова, а иногда оказывался и несколько больше него ($B = 0,96–1,04$).

Следует отметить, что горшки средних пропорций и горшки-миски были распространены не только в Поочье, но и в других районах домонгольской Руси. Они были типичны как для московского региона¹⁷ (табл. 5), так и для Тверского Поволжья (Арсланова, Ковалец, 1991. Табл. 2). Вероятно, такие пропорции горшков стали в XII в. стандартны для значительной части территории Руси. Вместе с тем, имелись и региональные отличия. Например, подмосковные горшки отличались от ростиславльских разнообразием пропорций: в XI–XII вв. и даже во второй половине XII в. здесь довольно часто

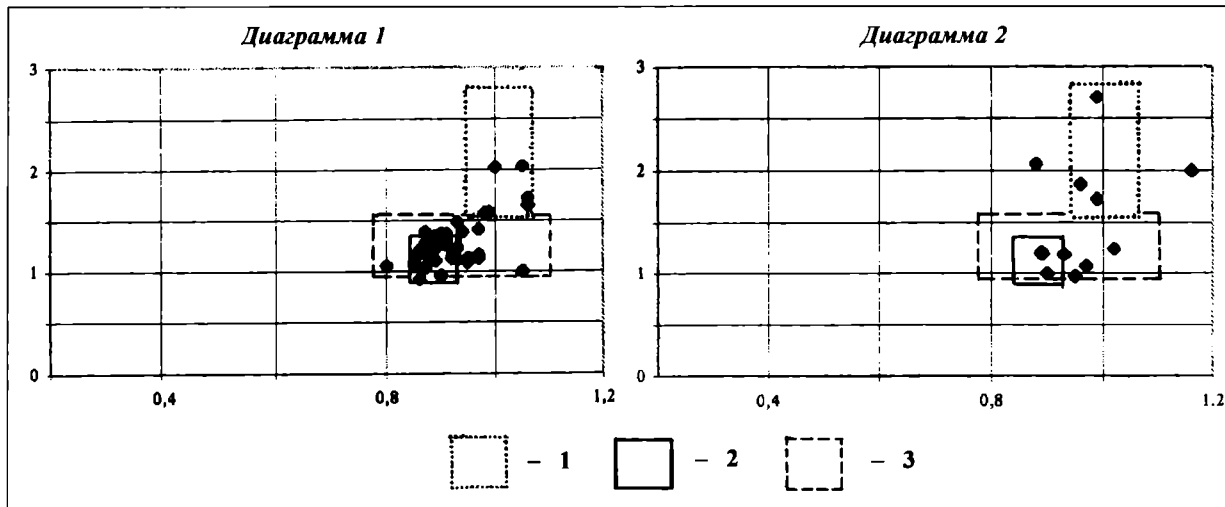
встречались горшки с венчиками большого диаметра (почти равным диаметру тулова горшка). Верхневолжские горшки отличались еще большим разбросом пропорций (табл. 5).

В первой половине XIII в. на Ростиславле продолжали бытовать горшки тех же двух стандартов (малое количество горшков средних пропорций объясняется недостаточностью объема выборки), хотя появились отдельные сосуды, пропорции которых резко отличались от основной массы керамики. Например, это крупный горшок-корчага с относительно узкой горловиной, предназначенный, вероятно, не для приготовления пищи, а для хранения припасов (Коваль, 1996. Рис. 4, 20).

Во второй половине XIII в. заметно сокращается число горшков-мисок, но пропорции горшков не претерпевают изменений, хотя именно в это время на городище наблюдается особенно большое разнообразие в технологическом изготовлении керамики, наборе типов венчиков и орнаментов. Видимо, при всем внешнем разнообразии

¹⁷ Расчет пропорций горшков произведен нами по публикации Т.В. Равдиной (Равдина, 1991. Табл. 2–17).

Таблица 5. Пропорции сосудов из подмосковных курганов XI – первой половины XII вв (Диаграмма 1) и второй половины XII в. (Диаграмма 2)*

* По оси у отложены значения коэффициента А, по оси х – коэффициента В.

Обозначения: 1 – ареал пропорций ростиславльских горшков-мисок второй половины XII – первой половины XIII вв; 2 – ареал пропорций ростиславльских горшков 2-й половины XII в; 3 – ареал пропорций горшков XI–XII вв. (по Ф.Х. Арслановой и Ю.А. Ковалец)

в оформлении, все сосуды этого времени были близкородственны, поскольку целиком проистекали из гончарства предмонгольской эпохи.

В первой половине XIV в. существенных изменений в пропорциях горшков также не наблюдается. Количество горшков-мисок в это время остается незначительным. Но уже во второй половине того же столетия горшки-миски исчезают навсегда, а среди горшков средних пропорций заметна слабо выраженная тенденция к расширению тулова.

С наступлением XV в. пропорции горшков изменяются весьма существенно. В этот период перестают производиться горшки с пропорциями, характерными для XII–XIV вв. И хотя общие пропорции горшков (отражаемые коэффициен-

том А) остаются прежними, венчики этих горшков заметно сужаются относительно диаметра тулова ($B = 0,67–0,82$). Однако причиной этого явления было не сокращение диаметра шейки, а утрата венчиками былой сложной профилировки, превращение их в вертикальные конструкции.

В XVI в. пропорции горшков остаются в целом такими же, как в XV в., хотя становится заметной тенденция к большей их приземистости. Эта тенденция, как известно, продолжала развиваться и в XVII в. (Коваль, 2001. Табл. 1).

Таким образом, динамика изменений в пропорциях горшков подтверждает изложенные выше выводы об основных этапах развития керамики Ростиславля.

Литература

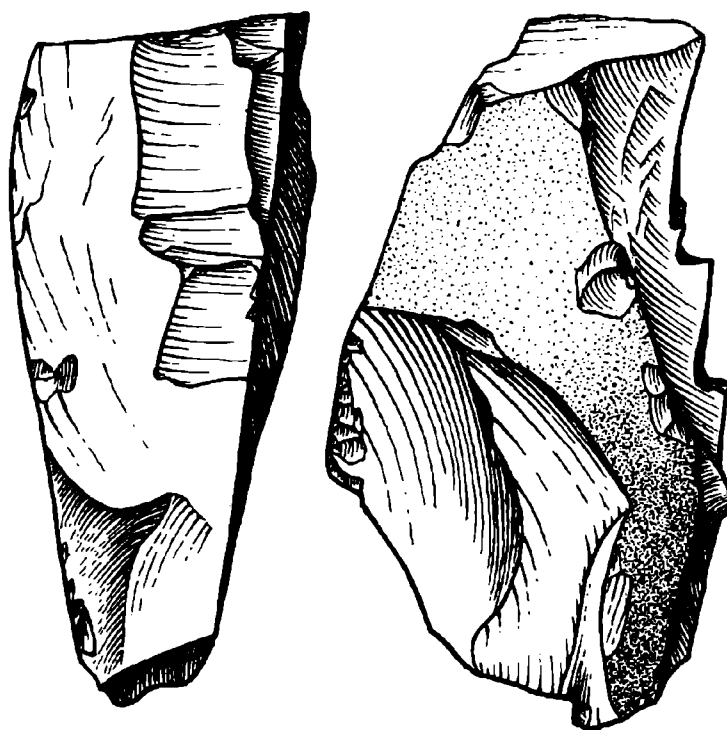
- Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д., 1984. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. № 2.
- Арсланова Ф.Х., Ковалец Ю.А., 1991. Посуда кривичей Избрижья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.
- Ариховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.
- Блажевич Н.В., 1992. Керамика Ржищевского комплекса XI–XIII вв. // Древнерусская керамика. М.
- Бобринский и др., 1999. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.
- Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Грибов Н.Н., 2003. Операционно-морфологическая систематизация венчиков древнерусской круговой посуды // Ежегодник «Нижегородские исследования по краеведению и археологии». Нижний Новгород.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- Дашкова И.А., 1997. Стекланные браслеты древней Твери (вопросы хронологии и происхождения) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.
- Зайцева И.Е., 2003. Ювелирное дело в городах «Земли Вятичей» в XI–XIII вв. (регион Верхнего Поочья) // Дисс. ... канд. ист. наук. Архив ИА РАН.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е 1–36. Л.
- Коваль В.Ю., 1995а. Комплексы со стекланными браслетами из Ростиславля Рязанского // Плесский сборник. Вып. 2. Плес.
- Коваль В.Ю., 1995б. Проблемы типологической группировки и статистической обработки средневековой керамики Руси // Деснинские древности. Брянск.

- Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Тр. МИГМ. Вып. 9.
- Коваль В.Ю., 1997а. Гончарный горн из Ростиславля Рязанского // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. Вып. 6.
- Коваль В.Ю., 1997б. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь.
- Коваль В.Ю., 1998. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // РА. № 2.
- Коваль В.Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.
- Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Коваль В.Ю., 2003. Новые данные о древнерусской керамике Рязанской земли // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.
- Коваль В.Ю., Медведев А.Н., 2000. Новый памятник средневековой письменности Рязанской земли // РА. № 1.
- Мазуров А.Б., 1991. Итоги археологических работ 1990 года в Коломенском Кремле // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.
- Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49. МК. М., 1991.
- Мурашова В.В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения X–XIII вв. М.
- Никольская Т.Н., 1980. Земля вятичей. М.
- Панова Т.Д., 1998. О некоторых керамических находках в культурном слое Московского Кремля // РА. № 3.
- Поздняков В.С., 1992. Развитие керамики древнерусского Клещка // Древнерусская керамика. М.
- Полубояринова М.Д., 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Прищепина Б.А., Никольченко Ю.М., 1996. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі. Рівно.
- Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.
- Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.
- Равдина Т.В., 1975. Хронология «вятичских» древностей // Дисс. ... канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р-2. № 2154.
- Равдина Т.В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // МК. М.
- Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII – XVII вв. // САИ. Вып. Е 1–39.
- Русанова И.П., 1966. Курганы полян X–XII вв. // САИ. Вып. 1–24.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.
- Седова М.В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Стрикалов И.Ю., 1996. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань.
- Стрикалов И.Ю., 1998. Керамика Зарайска // Средневековый Зарайск. Зарайск.
- Стрикалов И.Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее округа // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Энговатова А.В. и др., 2004. Средневековое поселение Настасьино // Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2. М.

Древнейшая история Подмосковья

Настасьино 2 и 4 – стоянки иеневской культуры на реке Северке

В 1999–2000 гг. Подмосковная экспедиция ИА РАН (начальник А.В. Энгватова) проводила охранные раскопки в Коломенском районе Московской области на городище раннего железного века Настасьино, попавшего в зону строительства автодороги «Урал». При этих работах были обнаружены и подверглись раскопкам два новых памятника иеневской мезолитической культуры – Настасьино 2 и 4.

В 1999 г., во время раскопок селища Настасьино 2, находящегося на противоположной от городища стороне балки (начальник раскопа К.И. Панченко) и содержавшего материалы как раннего железного века, так и древнерусского времени, в культурном слое и при зачистке материка был выявлен ряд кремневых изделий. Участок, где производились раскопки, располагался в 150 м к востоку от городища, на склоне первой (по данным В.А. Низовцева) надпойменной террасы, на высоте около 12 м над уровнем воды в р. Северке (рис. 1). Раскопом вскрыто 216 кв. м площади памятника. Находки мезолитического времени залежали главным образом в прослойке светло-коричневого суглинка мощностью от 3 до 30 см, подстилавшей слой темно-серого перепаханного суглинка мощностью до 40 см, который содержал материалы средневекового времени. Упомянутая прослойка светло-коричневого суглинка, судя по определению В.А. Низовцева, представляла собой горизонт вымывания (подзол) развившейся здесь светло-серой слабоподзоленной лесной почвы. Ниже залежала толща желтой глины без находок.

В результате проведенных раскопок было получено 106 предметов из кремня. Кремень, использовавшийся на стоянке, пестрый, низкого качества, преимущественно различных оттенков коричневого и серого цвета, судя по некоторой окатанности исходного материала, скорее всего, происходил из случайных сборов желваков и обломков кремня, находившихся во вторичном залежании по берегам реки Северки.

Собранный материал представлен следующими изделиями: 1 нуклеус, 2 нуклеидных обломка, 52 отщепа и их обломков, 14 пластин и их обломков, 2 ребристых пластины, 1 резцовый отщепок, 11 отщепов с ретушью, 11 пластин 11 с ретушью, 12 изделий со вторичной обработкой.

Единственный нуклеус – одноплощадочный торцевого типа, в начальной стадии расщепления от грубых пластин, выполнен на обломке коричневого желвачного кремня, ударная площадка гладкая (рис. 2, 1).

Среди изделий со вторичной обработкой имеются 4 резца, из них: один на углу сломанного отщепа (рис. 3, 6), два двугранных на пластинах (один срединный представлен обломком рабочего конца (рис. 3, 7), другой – со смещением кромки на угол пластины (рис. 3, 4)), последний резец – косоретушный на проксимальном конце пластины (рис. 3, 5).

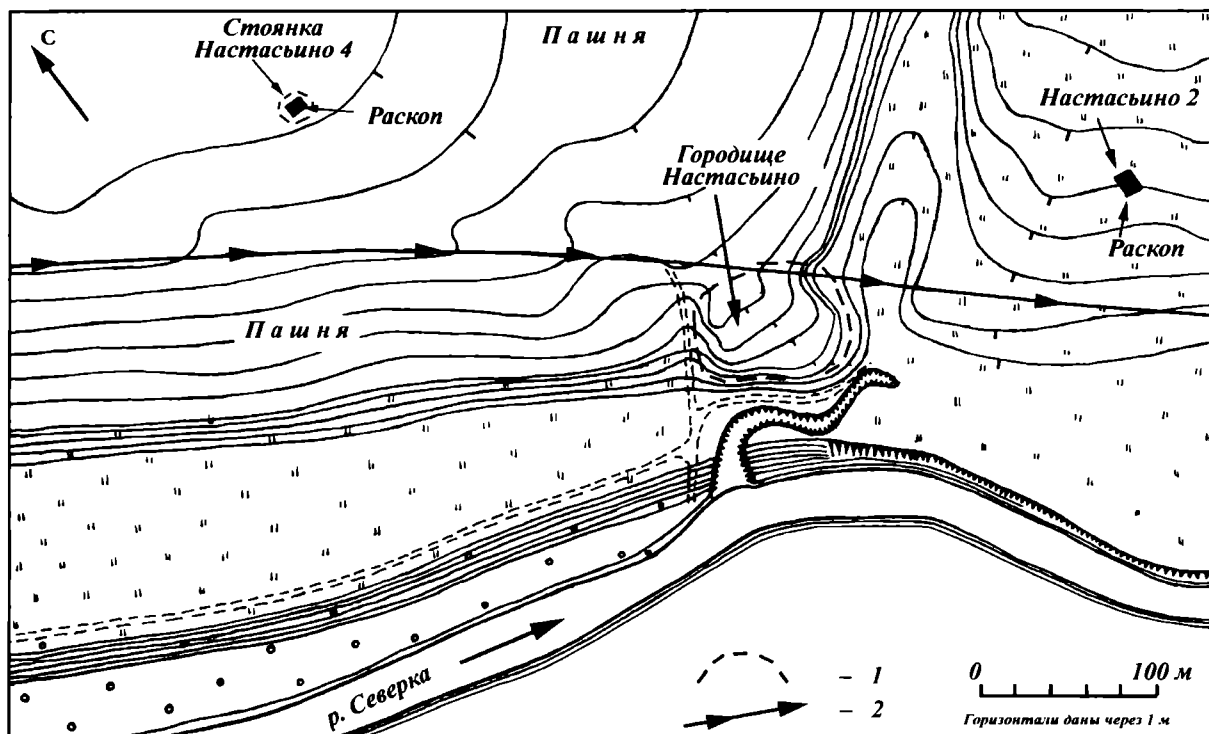
Скребок – 3. Два из них с дугообразным, слегка скошенным рабочим краем, обработанным мелкой и средней крутой и полукрутой ретушью на ныряющем окончании отщепа (рис. 3, 9, 10). Третий скребок на пластине или пластинчатом отщепа с дугообразным, тщательно обработанным полукрутой средней и крупной ретушью рабочим краем, занимающим дистальный конец и боковую сторону заготовки (рис. 3, 8).

Охотничье вооружение представлено одной очень мелкой трапецией с размерами 10,8x7,6x1,8 мм (рис. 3, 1) и двумя асимметричными наконечниками с боковой выемкой. Один изготовлен на крупном, массивном пластинчатом отщепа; ретушь бокового края и выемки крупная отвесная и крутая (рис. 3, 3). Другой наконечник, с обломанной черешковой частью, оформлен крутой ретушью на спинку по боковому краю и такой же ретушью, но на брюшко, по боковой выемке у черешка (рис. 3, 2).

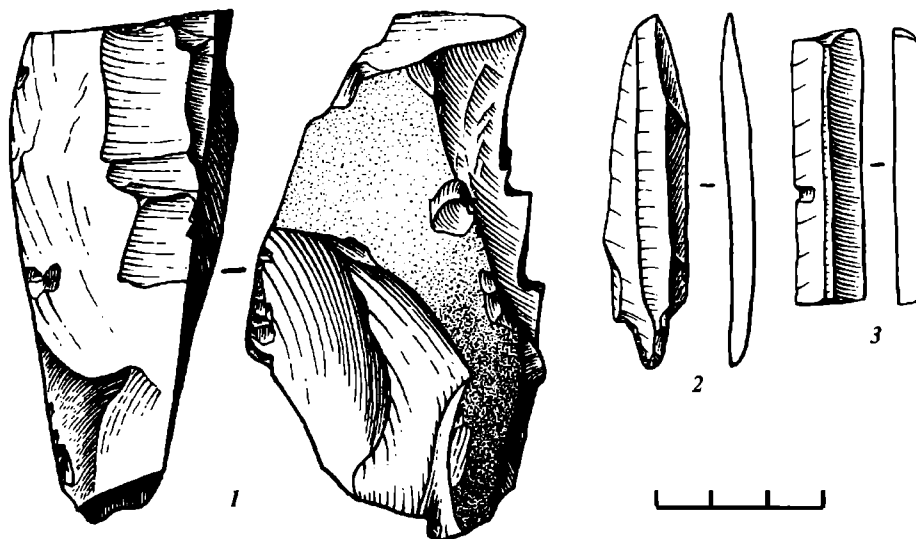
Кроме того, имеется пластина со скошенным ретушью проксимальным концом (рис. 3, 11).

Из других изделий следует отметить крупный отщеп с подтесанным крупными сколами на брюшко краем, противоположным ударной площадке (рис. 3, 13). Данное изделие, использовавшееся, вероятно, в качестве вставки в роговую или деревянную муфту, скорее всего, следует относить к категории рубящих.

Сочетание таких изделий, как трапеция, пластина со скошенным ретушью концом, косоретушный резец и, особенно, асимметричные наконечники с боковой выемкой, при общей неразвитости техники первичного расщепления не оставляет сомнений в принадлежности памятника к иеневской культуре.

Рис. 1. Расположение стоянок Настасьино 2 и 4
 1 – границы памятников; 2 – направление трассы строящейся дороги

Рис. 2. Каменные изделия
 1 – со стоянки Настасьино 2; 2, 3 – с территории городища Настасьино

В 2000 г. при обследовании прилегающей к городищу территории А.В. Трусовым, принявшим участие в работах экспедиции, была открыта и раскопана стоянка Настасьино 4. Предварительный осмотр дал отдельные редкие находки (преимущественно отщепов) на значительной площади распаханного поля северо-западнее городища Настасьино. Фиксирование находок по-

средством кольев позволило наметить небольшую концентрацию материала (до десяти находок на 60–80 кв. м). Шурфовка, проведенная в центральной части скопления, показала достаточную для раскопок концентрацию материала. Нахождение данного пункта в опасной близости от трассы строящейся дороги вызвало необходимость начать его раскопки.

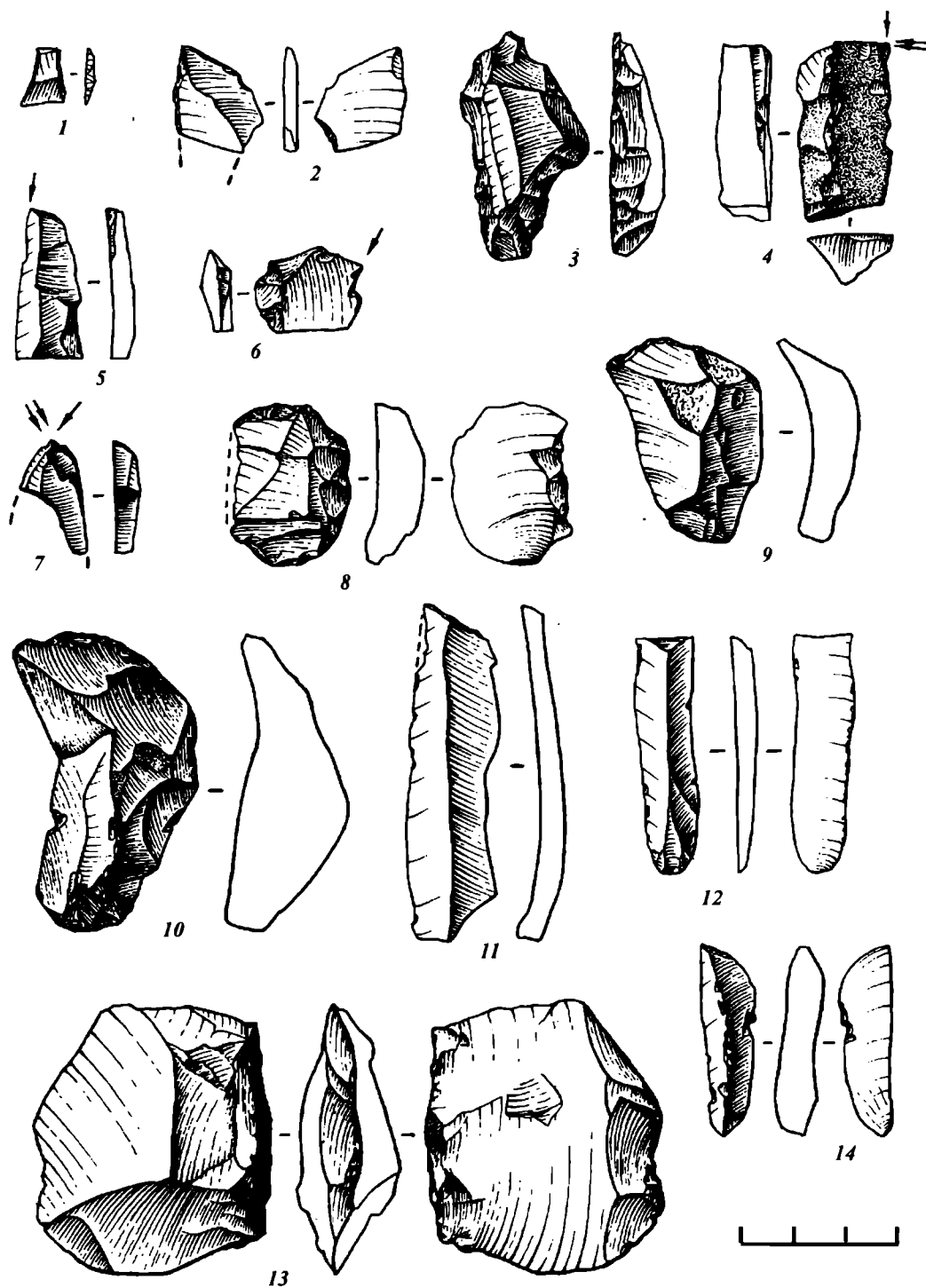

Рис. 3. Каменные изделия стоянки Настасьино 2

Стоянка Настасьино 4 располагается в 240 м северо-западнее городища, на том же правом берегу р. Северки, на уровне второй (по В.А. Низовцеву) надпойменной террасы, сложенной древнеаллювиальными суглинками, на высоте около 20 м над уровнем реки, на расстоянии около 250 м от берега (рис. 1). Стоянка не имела ха-

рактерного для подобных памятников мысового расположения, а была ориентирована, по нашему мнению, на наиболее возвышенный и выположенный участок берега, наиболее близкий к реке. Скорее всего, не последнюю роль в выборе места сыграло наличие прорезающей берег балки в 240 м юго-восточнее стоянки. Эта балка, судя

по концентрации археологических памятников, вплоть до недавнего времени постоянно привлекала к себе людей.

Раскопом площадью 60 кв. м удалось вскрыть большую часть скопления материала стоянки Настасьино 4. На участке раскопа зафиксирована следующая стратиграфия:

Слой 1 – темно-серый мешаный гумусированный суглинок (пахотный горизонт). Мощность – 25–30 см. Контакт с нижележащим слоем четкий.

Слой 2 – прослойка слабо гумусированного, слегка оподзоленного суглинка. Мощность – 5–10 см. Отмечена преимущественно в северо-восточной части раскопа. Контакт с нижележащим слоем нечеткий. Представляет собой остатки гумусированного слоя современной почвы.

Слой 3 – коричневый суглинок со следами оподзоленности в верхней части. Прокопан на глубину до 10 см.

К сожалению, культурный слой памятника оказался сильно поврежден современной распахкой. Именно из этого пахотного слоя (темно-серого суглинка) мощностью от 25 до 35 см происходит основная часть собранных на стоянке материалов (497 предметов). В нижележащем слое коричневого суглинка, не подвергнувшегося распахке, найдено всего 178 изделий из камня, основная часть которых располагалась в двух скоплениях в центральной части вскрытого раскопом участка, заглубляясь в среднем не более чем на 5 см ниже уровня распахки (рис. 4).

Верхняя часть коричневого суглинка имеет следы оподзоленности. Каких-либо отличий в сырье, технике расщепления, а также особенностей, указывающих на различную культурную принадлежность материалов из пахотного слоя и нижележащего суглинка, не отмечено. В данном случае с уверенностью можно говорить о принадлежности всех собранных на памятнике материалов к одному культурному слою, залегающему первоначально в нижней части гумусового горизонта современной почвы или на контакте этого горизонта и нижележащего суглинка. Отмеченные ниже пахотного слоя скопления кремневого материала связаны, скорее всего, с небольшими, возможно, естественными понижениями в микрорельефе древней поверхности обитания, благодаря которым они не были затронуты распахкой.

В отличие от Настасьино 2, здесь использовалось достаточно однородное сырье – коричневый карбоновый или пермский желвачный кремль низкого качества, неоднородный по составу, зернистый, с включениями раковин и т. п. Судя по хорошей сохранности желвачной корки, с раковинами моллюсков и игл морских ежей, использовавшиеся желваки происходят из коренного месторождения или собирались в непосредственной близости от него. В настоящее время ближайшие выходы известняков, из которых мог бы происходить этот кремль, находятся в полутора километрах выше по р. Северке.

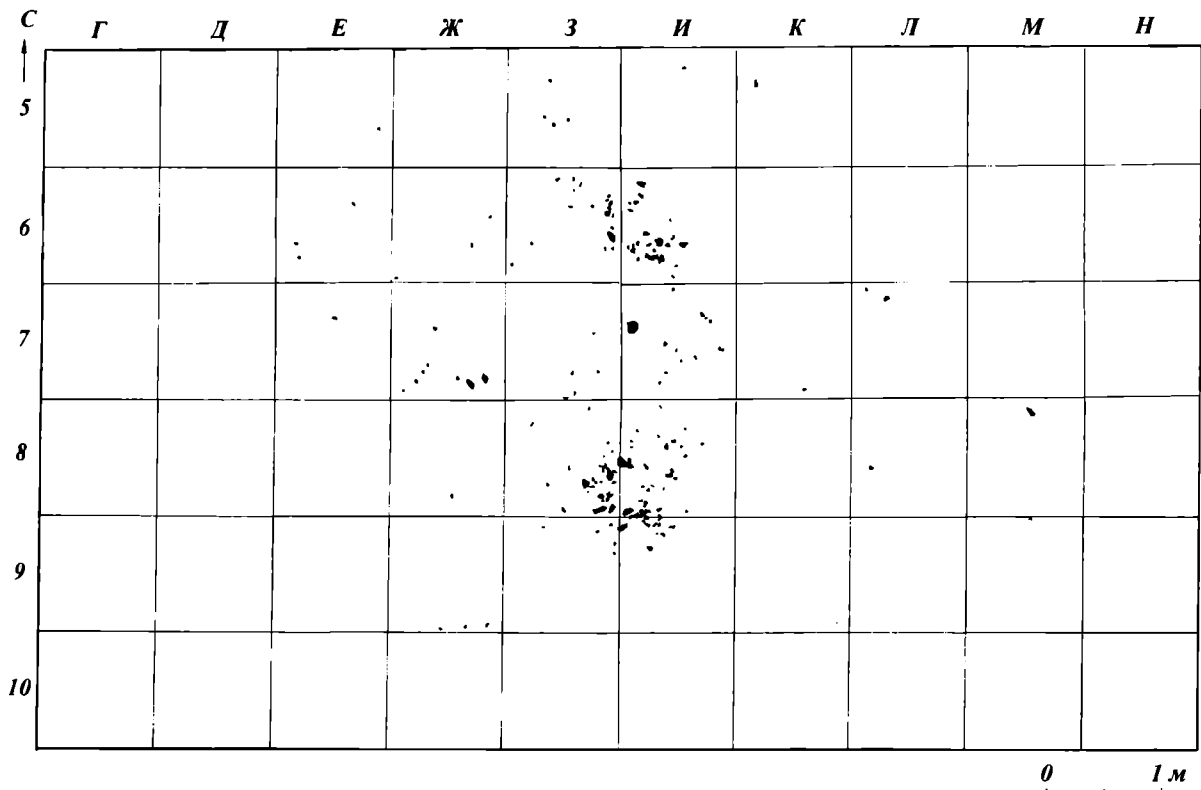

Рис. 4. Настасьино 4. План раскопа с находками кремневых изделий из суглинка, подстилающего пахотный горизонт

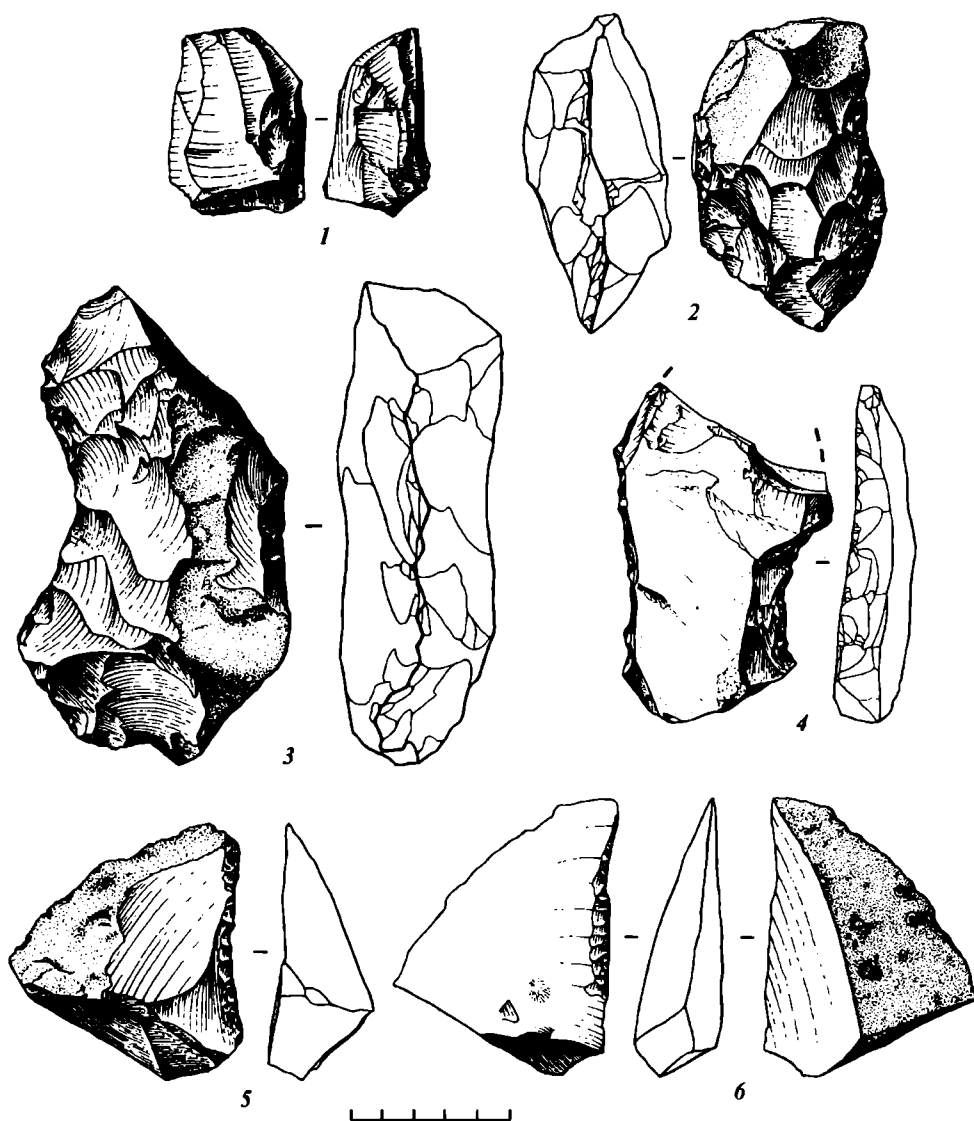

Рис. 5. Каменные изделия стоянки Настасьино 4

1 – нуклеус; 2–4 – топорики; 5, 6 – скобели (?)

Всего со стоянки Настасьино 4 происходит 691 изделие из камня (497 – из пахотного слоя, 178 – из нижележащего суглинка, 16 – из подъемного материала). В коллекцию вошли: 1 нуклеус, 8 обломков желваков, 599 отщепов и их обломков, 31 пластина, 5 микропластин, 1 ребристая пластина, 4 резцовых отщепа, 27 орудий (включая отщепы и пластины с ретушью).

Единственный имеющийся в коллекции нуклеус представлен небольшим, сильно сработанным (остаточным) вариантом плоского одностороннего косополюсчатого нуклеуса от грубых пластин (рис. 5, 1). Вполне вероятно, роль нуклеуса до некоторой степени играли заготовки рубящих орудий, при изготовлении которых получалось значительное количество отщепов – основных заготовок для орудий.

Среди орудий наиболее многочисленна категория рубящих – 6 экземпляров. Из них 3 можно отнести к так называемым топорам с перехватом. Наиболее крупный имеет размеры $15 \times 8 \times 4,5$ см, изготовлен из крупного желвака кремня с остатками желвачной корки на обеих поверхностях. Перехват по одному из краев лишь намечен двусторонней оббивкой, по другому краю такой же оббивкой выемка перехвата выполнена достаточно тщательно. Лезвие оформлено одним крупным сколом с незначительной подправкой более мелкими сколами (рис. 5, 3). У второго топорика перехват также достаточно асимметричен, выполнен двусторонней оббивкой, главным образом, по одному из краев. Рабочий конец имеет пиковидную форму и обработан тщательной двусторонней оббивкой (рис. 5, 2).

Третий топорик изготовлен на крупной кремневой плитке, также с асимметричным, но аккуратно оформленным перехватом. Обработка выполнена односторонней, обрубающей край плитки, отвесной и крутой крупной ретушью. Лезвие обломано (рис. 5, 4). Отмеченная асимметрия этих топоров вряд ли представляется случайной: она несколько напоминает асимметрию (в плане) формы наших современных топоров и, вероятно, предполагает сходное положение топора при его соединении с рукоятью.

Имеется также обломок рубящего орудия, о форме которого из-за его фрагментарности говорить сложно. Еще два экземпляра, отнесенных к категории рубящих, значительно меньше по размерам. Они выполнены из мелкозернисто-

го кварцитового песчаника, имеют асимметричный профиль без перехвата и, скорее всего, являются тесловидными вставками в роговую или деревянную муфту (рис. 6, 11).

Вторая по численности категория изделий – резцы (4 экз.). Два из них представлены двойными – поперечноретушным (рис. 6, 1) и вогнуторетушным (рис. 6, 2) – резцами, выполненными на противоположных концах массивных крупных пластинчатых заготовок. Один резец представлен обломком рабочей части резца на углу сломанной пластины (рис. 6, 4). Последний резец – двойной угловой на сломе крупного отщепе (рис. 6, 3).

К скребкам отнесено одно изделие на небольшом подтреугольном отщепе. У него

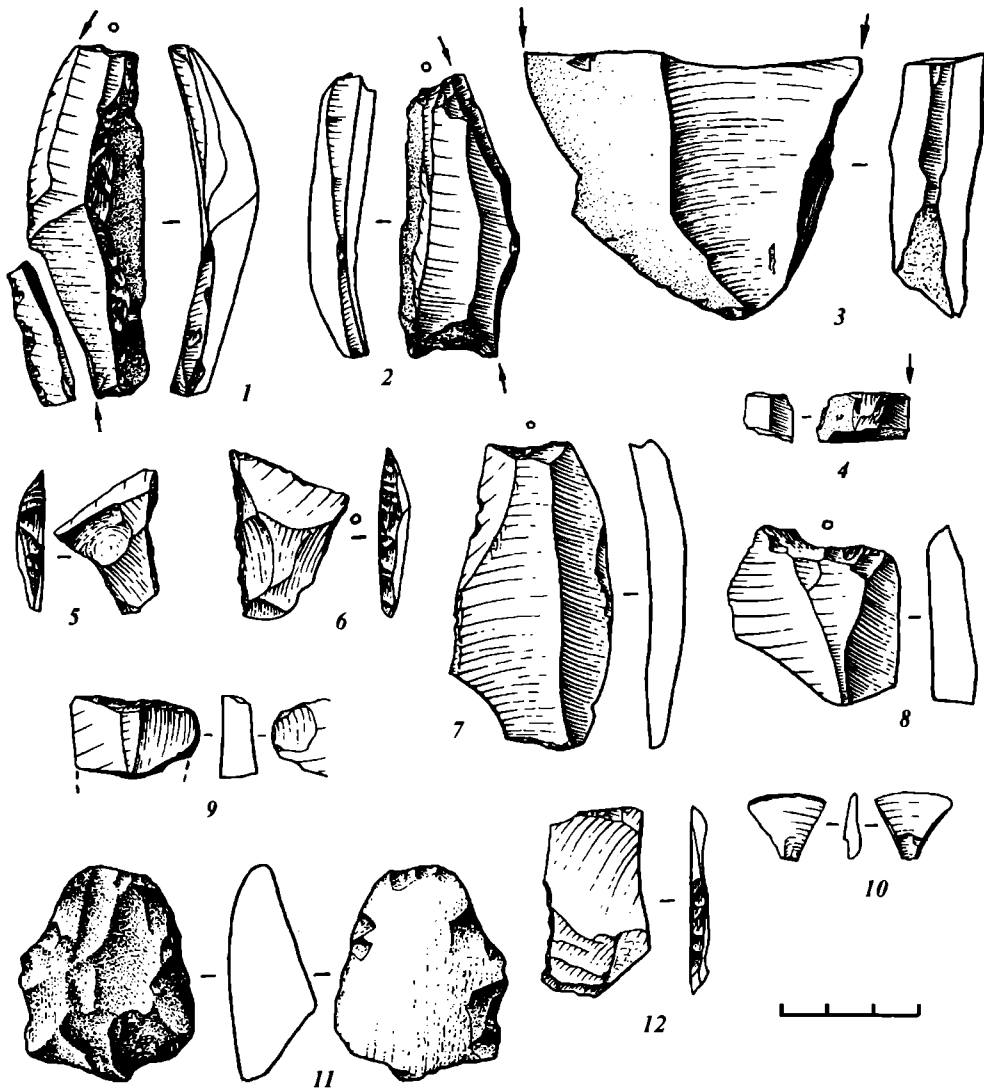

Рис. 6. Каменные изделия стоянки Настасьино 4

1–4 – резцы; 5, 6 – трапеции; 7, 8 – изделия с ретушированной выемкой на конце; 9, 12 – пластины; 10 – скребок; 11 – рубящее орудие

дугообразное рабочее лезвие оформлено мелкой полукрутой скребковой ретушью на противоположном ударной площадке краю заготовки (рис. 6, 10).

Охотничье вооружение представлено двумя высокими асимметричными трапециями на отщепках (рис. 6, 5, 6) и небольшим обломком трапеции (форма не определима). В коллекции имеются пластины (2 экз.) и отщепы (6 экз.) с ретушью, некоторые из них (фрагментированные), имеющие на краях отвесную обрубающую ретушь, могли бы быть обломками охотничьего вооружения (рис. 6, 12).

Отметим два изделия с ретушированной выемкой на конце. Одно выполнено на крупной пластинчатой заготовке. Выемка оформлена полукрутой ретушью на проксимальном конце заготовки, дистальный конец также подправлен мелкой крутой ретушью (рис. 6, 7). Другое изделие представлено обломком. Выемка также выполнена полукрутой ретушью на проксимальном конце заготовки (отщеп?) (рис. 6, 8). Найден также фрагмент пластины со слегка скошенным крутой ретушью концом (рис. 6, 9).

Есть также два изделия на крупных отщепках подтреугольной формы, у которых в одном случае полукрутой ретушью на брюшко, в другом – пологой на спинку оформлялся слегка вогнутый боковой край заготовки. Предположительное назначение этих предметов – скобели (рис. 5, 5, 6).

Неразвитость техники первичного расщепления, наличие таких форм, как топоры с захватом, крупные выразительные трапеции, ретушные формы резцов, пластины с ретушированной выемкой на конце, дают нам набор признаков, наиболее характерный для иеневской мезолитической культуры.

Подводя итог, представляется чрезвычайно интересным провести сравнение этих двух расположенных в непосредственной близости однокультурных и, в то же время, непохожих друг на друга памятников (Настасьино 2 и 4).

1. Стоянка Настасьино 2 ориентирована на овражный мыс, Настасьино 4 – на край высокой террасы. Первая стоянка – на первой надпойменной террасе, на высоте 12 м над уровнем воды в р. Северке; вторая – на второй, на высоте около 20 м.

2. Используются различные источники кремневого сырья. В первом случае использовался низкокачественный кремний, вероятно, из случайных сборов. В Настасьино 4 использовался кремний несколько лучшего качества, преимущественно из коренного месторождения.

3. В Настасьино 2 значительно выше доля пластин в комплексе: 39,6% против 6,4% в Настасьино 4. Соответственно выше и доля орудий на пластинах: 76,5% против 25,9%.

4. Обращает на себя внимание и общая измельченность как продуктов расщепления, так и орудий на стоянке Настасьино 2 по сравнению

с Настасьино 4, где все в целом гораздо крупнее. Но это, возможно, отчасти объясняется отсутствием устойчивой сырьевой базы для Настасьино 2. С другой стороны, некоторое уменьшение размеров отдельных форм орудий (например, трапеций), может быть связано с относительно поздним возрастом памятника, как например в Иенево 2 и Пеньково.

5. Дефицитом сырья, вероятно, объясняется и значительная доля орудий (32,1%) на стоянке Настасьино 2 по сравнению с в Настасьино 4 (3,9%).

В основе отмеченных различий могут лежать разные причины, но, несомненно, главной представляется значительный хронологический разрыв между двумя памятниками, способствовавший более яркому проявлению этой разницы. Причем более древним памятником, скорее всего, является Настасьино 4. В пользу этого предположения говорит неудобное, на первый взгляд, его расположение на значительном удалении от реки, объясняемое недоступностью или непригодностью для обитания людей более низкого в то время террасового уровня (он либо не сформировался, либо представлял собой сильно увлажненный участок берега). Позднее, по мере снижения уровня воды в р. Северке, стал пригодным для жизни мысовой участок берега, где расположилась стоянка Настасьино 2.

Более того, люди, оставившие стоянку Настасьино 2, или не знали о выходах кремневого сырья, использовавшегося в Настасьино 4 (то есть представляли другую, хотя и родственную, группу), или эти выходы к тому моменту стали недоступны.

О возрасте этих памятников (и то относительно) можно говорить пока лишь в самых общих чертах: малы представленные комплексы, но главное, еще недостаточно разработана периодизация памятников иеневской культуры.

А.Н. Сорокин на основе изменений, происходивших в охотничьем вооружении, выделяет в иеневской культуре три хронологических этапа.

Для первого этапа характерны постаренбургские асимметричные с боковой выемкой и черешковые наконечники. Трапеции и треугольники отсутствуют.

На втором этапе появляются трапеции – при сохранении постаренбургских форм наконечников. Постепенно асимметричные наконечники с боковой выемкой утрачивают свои вытянутые пропорции, исчезают черешковые формы, увеличивается количество трапеций.

На последнем этапе исчезают постаренбургские формы наконечников, а основную роль играют трапеции. Отмечается уменьшение размеров предметов охотничьего вооружения (Сорокин, 1991. С. 15–16).

С принципом построения периодизации иеневских памятников, основанной на изменениях в охотничьем вооружении, согласен и

А.Е. Кравцов, дополнивший вышеописанные наблюдения радиоуглеродными и спорово-пыльцевыми датировками (Кравцов, Спиридонова, 1996. С. 106).

Согласно предложенной А.С. Сорокиным периодизации, оба памятника – Настасьино 2 и 4 – можно отнести ко второму хронологическому этапу. Так, в Настасьино 4 хотя и отсутствуют наконечники с боковой выемкой (что вполне может объясняться недостаточностью выборки), трапеции, как и остальной инвентарь, – крупные и выразительные, и о микролитизации охотничьего инвентаря (характерной для наиболее поздних памятников) здесь вряд ли можно говорить.

В Настасьино 2 есть как наконечник с боковой выемкой, так и трапеция, что характерно для второго этапа, но наконечник очень груб, а трапеция чрезвычайно мала. Так что, скорее всего, стоянка Настасьино 2 датируется концом второго этапа, или даже третьим, заключительным, этапом культуры.

Описанные два памятника представляют собой остатки небольших кратковременных сезонных стоянок, что обеспечивает достаточную чистоту представленных комплексов. Последнее обстоятельство является наиболее ценным при решении вопросов, касающихся происхож-

дения, развития и хронологии иеневской культуры. Вопросы эти будут решаться, главным образом, по мере накопления новых материалов.

Описанными двумя памятниками количество стоянок мезолитического времени в окрестностях городища Настасьино, по всей видимости, не ограничивалось. Находки отдельных расщепленных кремней встречены в 50 м северо-восточнее стоянки Настасьино 2. Находки кремневых изделий, как мезолитических (ножевидные пластинки, черешковый наконечник на ножевидной пластинке – рис. 2, 2, 3), так и эпох неолита и бронзы (двустороннеретушированные наконечники стрел и дротиков и некоторые другие изделия) попадались во время раскопок самого Настасьинского городища. Некоторые из изделий могли быть принесены сюда жителями этого городища, другие же могут происходить из культурного слоя предшествующего городищу поселения, в значительной мере переработанного городищем. Вероятно, в положении *in situ* находился черешковый наконечник стрелы на ножевидной пластинке (рис. 2, 2), найденный при зачистке материка в северной части городища. Находки кремневых изделий встречались также к северу и северо-западу от городища, между стоянкой Настасьино 4 и городищем.

Литература

- Кравцов А.Е., Спиридонова Е.А., 1996. О возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье // Тверской археол. сб. Выпуск 2. Тверь.
- Низовцев В.А., 2000. Палеорекострукция коренных ландшафтов и природопользования в железном веке и древнерусском периоде (Настасьино городище). Отчет о палеоландшафтных исследованиях 2000 г. // Энговатова А.В. Отчет о раскопках городища Настасьино в Коломенском районе Московской области. Приложение. Архив ИА РАН. Р-1.
- Сорокин А.Н., 1991. Новые данные по мезолиту бассейна р. Оки // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
- Энговатова А.В., 2000. Отчет о раскопках городища Настасьино в Коломенском районе Московской области // Архив ИА РАН. Р-1.

Классификация городищ дьяковской культуры

Любая классификация предполагает проведение разделительной процедуры, предназначенной для выделения степеней сходства или различия в исходном рабочем материале. В данный момент мы преследуем цель выяснить степень сходства или различия у городищ дьяковской культуры. Как известно, поселения разделяются на два вида: укрепленные и неукрепленные. Городищами принято называть остатки поселений, обнесенных валами и рвами, а также древние города, прекратившие почему-либо свое существование. В Западной Европе городища появляются в конце неолитической эпохи и широко распространяются в эпоху бронзы и железного века. В лесной полосе Восточной Европы городища эпохи неолита и бронзы не встречаются, но их много в эпоху железного века. Обычно они сооружались на высоких мысах, при слиянии рек. Верхняя площадка мыса отгораживалась от плато (то есть с напольной стороны) одним, двумя или тремя валами, между которыми выкапывались рвы. Так называемые болотные городища, обычно круглой формы, сооружали среди болот, используя естественные холмы и возвышенности или создавая искусственные. Вообще же формы городищ разнообразны: круглые, треугольные, четырехугольные, многоугольные, квадратные, трапециевидные и др.

Археологические исследования городищ начались еще в конце XIX в., однако до сих пор единой и устраивающей всех исследователей классификационной схемы не было сделано. В 60-х гг. прошлого века П.А. Раппопорт создал типологию древнерусских укрепленных поселений, куда вошли и городища (*Раппопорт, 1956; 1961; 1967*). В ее основе лежит плановая схема оборонительных сооружений в сочетании с защитными свойствами рельефа местности: к первой группе (простые памятники) отнесены поселения с одной линией обороны или имеющие одну укрепленную площадку; во вторую группу вошли памятники с несколькими площадками или несколькими линиями укреплений. В свою очередь каждая группа распадается на подгруппы по форме площадки, количеству валов, рвов и т. д. При всей кажущейся простоте схема П.А. Раппопорта оказалась малоприменимой и в дальнейшем получила массу дополнений, которые свелись к разбиению памятников (и городищ) по ландшафтно-геологическому призна-

ку. Позднее А.В. Куза незначительно модернизировал типологию П.А. Раппопорта, применительно к древнерусским поселениям (*Куза, 1985*). Принципы группировки, разработанные П.А. Раппопортом, были дополнены и положены в основу других классификаций для конкретных памятников древнерусского периода, расположенных в Смоленщине, поречье Сулы, на Псковщине (*Седов, 1978; Моргунов, 1986; 1990; Фурасьев, 1995*). Городища, а мы будем говорить только о них, разделялись на мысовые, останцовые, на холмах, которые в свою очередь разбивались на городища с одним валом (рвом), с двумя, тремя. В отдельную группу сводились городища со сложной планировкой: с двумя площадками, тремя и т. д. По этому принципу построено большинство типологий городищ. В особенности он был широко принят у археологов работавших в Прибалтике и на Украине (*Музуревич, 1967; Моора, 1968; Ляпушкин, 1968; Stubavs, 1974; Суворов, 1984; Моруженко, 1985; Кулаков, 1990а; 1990б; Афанасьев, 1990*). Наиболее полная и достаточно компактная классификация эстонских городищ по ландшафтно-геологическому принципу была сделана Э.Ю. Тынисоном (1988). Правда, в данной классификации помимо тех признаков, что указывались ранее, был введен один новый – размер «площадки» городища. Но все это классификации городищ раннего средневековья, тогда как для более ранних эпох таких классификаций практически не создавалось.

На наш взгляд, несомненный интерес вызывает классификация городищ эпохи железного века, предложенная А.М. Медведевым (1994). Он вслед за своими предшественниками (*Егорейченко, 1982; Шадыро, 1985*) предлагает в качестве основного признака для выделения типа особенности расположения поселений (географический признак), признака подтипа – форму площадки, а варианта – степень сложности оборонительной системы. Поселения культуры штрихованной керамики разделены им на 5 типов: 1) на холме; 2) на мысу; 3) на высоком коренном берегу; 4) в низине, на ровном месте; 5) на острове. По форме площадки выделено 5 подтипов: овальные, круглые, подтреугольные, прямоугольные, полукруглые. По признаку укрепления площадки автор выделяет 9 вариантов. При несомненных достоинствах предложенной

классификации, ей не хватает формальной строгости. Во-первых, на уровне подтипа автор выделяет признаки одного порядка, например: «круглая» площадка и «овальная». Во-вторых, ни один из выделенных признаков не подтвержден количественными характеристиками, особенно это ощущается на уровнях подтипа и варианта. И последнее – четко не определены понятия, которыми оперирует автор: «площадка», «сложная система укреплений» и т. д. Создавая любую классификацию, помимо ее обязательной иерархичности, необходима строгая «сговоренность» каждого выделенного компонента всей структуры классификационной схемы. Классификация сводится, в конце концов, к выделению различных групп материала и описанию этих групп таким образом, чтобы были ясны общность внутри каждой группы и различия между ними (Каменецкий и др., 1975).

Монографии, посвященной разработке классификации дьяковских городищ, до сих пор нет. Однако после раскопок городищ Троицкого, Щербинского и Кузнечиков вышло из печати несколько статей, специально посвященных этой теме. Хотя классификации городищ, как таковой, сделано все же не было, но вопросы обороны, фортификации, устройства защитных сооружений анализировались авторами публикаций (Розенфельдт, 1970; Смирнов, 1974). Отмечу один факт, повлиявший, на мой взгляд, на научные построения исследователей – это установка на то, что городища служили для обороны. До 1917 г. большинство ведущих русских археологов вслед за З.Д. Ходаковским считали городища языческими святилищами. Наиболее четко эту мысль сформулировал А.А. Спицын в начале прошлого века (Спицын, 1903; 1905). После «внедрения» марксизма в археологию и выхода программных работ С.В. Киселева и А.В. Арциховского возобладала другая идея: «городище – протозамок, протогород» (Киселев, 1929; Арциховский, 1934). Но к концу 1960-х гг. после долгих и безуспешных попыток найти археологическое подтверждение этой гипотезы, она окончательно обанкротилась. Спустя много лет П.Н. Третьяков в результате раскопок городища Тушемля вернулся к изначальной версии о функции городища – обрядово-религиозной, считая, что городище это святилище (Третьяков, Шмидт, 1963). Эту идею блестяще подтвердили своими раскопками И.Т. Русанова и Б.А. Тимошук (1993).

Любая из предлагавшихся ранее классификаций обязательно исходила из постулата, что валы, рвы и ограда на площадке суть защитные, военные сооружения и поэтому служили для обороны. По-моему, настала необходимость объяснить по этому вопросу¹. Идея рассматривать городище как укрепленный пункт коллек-

тивной обороны страдает, как мне представляется, рядом изъянов. Во-первых, на площадке городища, внутри ограды, не было источника воды, что лишало его защитников возможности сопротивляться длительное время. Во-вторых, размеры городища чрезвычайно малы: средняя площадь около 2000 кв. м. В случае нападения городище должно было вмещать не только население ближайшей округи, но и скот, что практически лишало защитников маневра внутри городища (Краснов, 1971). В-третьих, многие городища устраивались на дюнах, где песчаный грунт лишает прочной основы все несущие конструкции. В-четвертых, зачем делать защитные сооружения в местах и так достаточно защищенных самой природой, например, на речных мысах. Крутые склоны и высота подъема практически исключают успешность атаки городища «в лоб». И, наконец, последнее: так как основной строительный материал – дерево, тростник, солома, то достаточно одной горящей стрелы, чтобы вся оборонительная система загорелась, а из-за отсутствия воды все попытки сбить пламя были бы обречены на неудачу.

Это всего лишь небольшая часть возражений против идеи о городище-убежище как месте обороны. Наиболее эффективным способом обороны (и об этом неоднократно говорят письменные источники) было бегство в лес со всем домашним скарбом и скотом (Gusakov, Kulakov, 1991). В период Галльской войны, в I в. до н. э., когда Цезарь осаждал множество больших и малых укреплений варваров (галлов, германцев, бриттов), только в нескольких случаях галлы решились на открытое противостояние римлянам, но тогда речь шла о настоящих крепостях из камня (как, например, Алезия), обычно же они предпочитали уходить от столкновений (Цезарь, 1948). Другой исторический пример – городища пруссов, мало чем отличавшиеся от поселений балтов в эпоху железного века (Кулаков, 1990а; 1990б) и городищ более поздней эпохи, таких как Тушемля, Банцеровщина, Колочин и т. д. Показательно, что пришедшие сюда тевтоны с молниеносной быстротой начали «брать» эти укрепления. Пруссы стали дополнительно укреплять свои городища, но все было напрасно: они захватывались буквально за один-два дня (Кулаков, 1990; 1994; Петр из Дуйсбурга, 1997).

Еще одна техническая деталь: на многих городищах, на дьяковских в частности, уровень площадки был много выше гребня вала, следовательно, вал не мог прикрывать защитников от стрел противника, даже при наличии боевой площадки (парапета). Ряд археологов, исследовавших дьяковскую культуру, отмечает, что с V в. н. э. дьяковцы покидают городища и уходят на неукрепленные селища. Подобные явления в то же время наблюдаются и в других

¹ Когда-то я высказывался по этому поводу, но статья была опубликована, к сожалению, только на немецком языке, и русский читатель этого мог не знать (Gusakov, Kulakov, 1991).

культурах (шрихованной керамики, днепро-двинской) (Седов, 1970). Как понимать этот факт? Может быть, опасность стала меньше? Напротив, в этот период и позже границы соседей подошли вплотную к дьяковским землям, тогда же замечены передвижения племен с востока и с юго-запада. Ответ видится в том, что «защитные» сооружения на городищах выполняли не ту роль, которая им придавалась исследователями.

К сказанному можно добавить: во многих культурах железного века и других эпох есть городища, которые располагались на равнине или в низких местах. Возникает вопрос: зачем создавать в таком уязвимом месте сложное укрепление с валами и рвами? Представить, что это сооружение могло служить для обороны, трудно. Даже если мы не в состоянии понять логику древнего человека в подобной ситуации, я не вижу иного объяснения, кроме одного – это было святилище. Но эта гипотеза также нуждается в доказательствах.

Первый уровень классификации².

Типы

В археологической практике давно укрепились представление, что любую классификацию или типологию городищ надо начинать с положения городища на местности, с учетом рельефа. Я не буду нарушать эту устоявшуюся традицию (см. табл. 1). В данной работе под типом городищ дьяковской культуры также будет пониматься приуроченность городища к условиям местности. По этому признаку выделяются 4 типа:

1) *мысовое* городище (расположено на мысу при слиянии двух рек или реки и притока);

2) городище, располагающееся на коренном берегу между оврагами – так называемое *межов-ражное*;

3) *равнинное* городище (на ровном месте, в низине, на поле) – расположено, как правило, на невысоком холме, окружалось со всех сторон валами и рвами. Такого типа городище было полностью рукотворным в отличие от тех, где использовались естественные сложности рельефа. К этому типу городищ можно отнести и городища на останцах³. Их характер и планиграфия аналогичны равнинным, однако городища на останцах можно выделить в отдельный подтип;

4) *болотное* городище (расположенное на острове, полуострове, или в окружении болот). В сущности, оно является островным, только вместо воды его окружает болотная топь. Замечу: полуостровные по расположению городища я отношу к этой же группе потому, что выбор места для них делался, видимо, намеренно с тем расчетом, чтобы узкое место, там, где русло реки делало петлю, во время весенних разливов заливалось водой, в результате чего городище оказывалось на острове.

Второй уровень классификации. Классы

Городища разделяются на три класса по признаку наличия валов и рвов (табл. 1). Площадки городищ могут иметь от одного до трех валов (рвов). Поэтому они разделяются на три класса: 1) с одним валом (рвом); 2) с двумя валами (рвами); 3) с тремя валами (рвами). Возможна ситуация, когда у городища не было валов и рвов, но возможно, что следы от вала и рва не были визуально обнаружены, или установить их наличие или отсутствие можно только после раскопок. Я считаю «вал + ров» единой системой – линией «защиты». Как правило, сооружая ров, остатки земли используют для устройства вала. Иногда количество валов не соответствует количеству рвов. Эти случаи мы специально оговариваем при разделительной процедуре. Кроме того, не учитывались размеры валов или рвов, то есть их длина, ширина, высота, глубина, так как эти параметры – результат сегодняшнего состояния памятника и они существенно отличаются от того, что было в древности.

Я исхожу из гипотезы об обрядово-религиозной причине возведения валов и рвов вокруг городища. Достаточно вспомнить ритуальные действия при возведении «священных» стен вокруг Рима, обряды этрусских жрецов и т. д. (Тит Ливий, 1989). Вал и ров в данном случае понимались как «священные границы» святилища, где впоследствии происходили религиозные мистерии. Выскажу еще одно соображение: нередко городища устраивались между оврагами или овраг прикрывал его с одной стороны. Помимо практического назначения (естественного рубежа) овраг можно воспринимать как «божественную борозду» или как «трещину» в зем-

² Данная классификация построена на основе иерархического принципа, предложенного К. Линнсем и используемого Ю.Л. Шаповой. Цепь понятий здесь имеет последовательность «тип – класс – отряд – семейство – род – вид – подвид» (Шапова, 1998. С. 378–385). Понятия «отряд», «семейство» и «род» нами не используются, поскольку относятся к биологии.

³ «Останец» – термин, принятый в геологии. Под «останцом» понимают изолированную возвышенность, уцелевшую от разрушения более высокой поверхности процессами денудации. Останец-свидетель – плосковершинный холм (столовая гора), отделенный процессами денудации от края плато или вообще сохранившийся от бывшего здесь плато, высота его примерно такая же, как и исходного плато, свидетелем которого он является. Часто плоская вершина останца бронирована твердым пластом. Останец обтекания – образуется в долине реки вследствие размыва перемычки врезанного меандра: река прорезает перемычку, оставляет старое русло и течет по более короткому пути, изолируя таким образом часть перемычки в виде останца.

Таблица 1. Таблица распределения городищ ДК по типам, классам, видам, подвидам

Вид	Класс	Тип	I (мысовые)				II (межовражные)				III (равнинные)				IV	н.п.*	Всего
			Количество валов				Количество валов				Количество валов						
			1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0			
Сегмент	А	а		2		1				1		1					5
		б	1	2	1		1	3			1	2	1				12
		в															
Сектор	Б	а	1	1							1						3
		б	1		1			1				1					4
		в	3		1												4
Треугольник	В	а	9	3		2	1										15
		б	12	6	2	2		1					1				24
		в	4	1										1			6
Четырехугольник	Г	а	9			1	4	2	1	2							19
		б	4	7	1		2	1	1								16
		в		2													2
Круг	Д	а	2	2	2		1			1	1	1		3			13
		б	16	10	3	1	10	3	4	1	5	2	1		1		57
		в	6	2	3		1	1			2						15
Сложная	Е	а	3	2	1												6
Бесформенная	Ж	а	1														1
Неясные															26		26
Всего			72	40	15	7	20	12	6	5	10	7	3	4	1	26	228

* неясные

Таблица 2. Распределения городищ ДК по основным признакам (положение на местности, количество валов, конфигурация площадки)

Вид	Тип	Класс	I (мысовые)				II (межовражные)				III (равнинные)				IV	Тип не определен	Всего
			Количество валов				Количество валов				Количество валов						
			1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0			
А	Сегмент		1	5	1	1	1	3		1	1	3	1				18
Б	Сектор		5	1	2			1			1	1					11
В	Треугольник		25	11	2	5	1	1						1			46
Г	Четырехугольник		13	9	1		6	3	2	2							36
Д	Круглые		24	12	9	1	12	4	4	2	8	3	1		1		81
Е	Сложные		3	2	1	1	2							1			10
Ж	Бесформенные		1								1						2
Неясные			4			1		1						1	17		24
Всего			76	40	16	9	22	12	7	5	11	7	2	3		17	228
Общая сумма			141				46				24				1	17	228

Таблица 3. Городища ДК в бассейне реки Москвы

Вид	Типы	Класс	I (мысовые)				II (межовражные)				III (равнинные)				IV	Тип не определен	Всего
			Количество валов				Количество валов				Количество валов						
			1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0			
А	Сегмент			2	1	1	1	2		1		1	1				10
Б	Сектор		2	1	1						1						5
В	Треугольник		12	4		1	1										18
Г	Четырехугольник		1	5	1	1	2	1	1								12
Д	Круглые		4	4	5		2	1	1	1	5	1					24
Е	Сложные			1	1									1			3
Ж	Бесформенные																
Неясные															10		10
Всего			19	17	9	3	6	4	2	2	6	2	1	1		10	82
Общая сумма			48				14				10					10	82

ле, которая является «входом – выходом» в «преисподнюю, в потусторонний мир». Это «первобытное» представление достаточно аргументировано многочисленными материалами и не нуж-

дается в доказательствах, сошлюсь на работу Э. Тэйлора (1989. С. 278–289, 368–371). Вал и ров, на мой взгляд, это сакральная граница – «миттгард» – граница «известного» пространства,

Таблица 4. Городища ДК в бассейне реки Оки

Вид	Типы	I (мысовые)				II (межовражные)				III (равнинные)				IV	Тип не определен	Всего
		Количество валов				Количество валов				Количество валов						
		1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0			
А	Сегмент	1														1
Б	Сектор	2		1												3
В	Треугольник	4		2	1											7
Г	Четырех-угольник	4				1	1									6
Д	Круглые	2	2	1	1		1	2						1		16
Е	Сложные	1	1		1	2										5
Ж	Бесформенные															
	Неясные														2	2
	Всего	20	3	4	3	3	2	2						1	2	40
	Общая сумма	30				7								1	2	40

Таблица 5. Городища ДК в бассейне Верхней Волги

Вид	Типы	I (мысовые)				II (межовражные)				III (равнинные)				IV	Тип не определен	Всего
		Количество валов				Количество валов				Количество валов						
		1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0			
А	Сегмент		3				1			1	2					7
Б	Сектор						1				1					2
В	Треугольник	5	4		3		1				1					14
Г	Четырех-угольник	6	3				1		1							11
Д	Круглые	10	5	3		4	2	1	1	3	1	1				31
Е	Сложные															
Ж	Бесформенные	1								1						2
	Неясные	3			1			1					1		10	16
	Всего	25	15	3	4	4	6	2	2	5	4	2	1		10	83
	Общая сумма	47				14				12					10	83

далее за ней лежит «неизвестная» земля, полная чуждых, враждебных сил (Культура древнего Рима, 1985. С. 110–111).

Можно предложить и иную версию: вал и ров – это «знак» того, что городище уже занято, освоено насельниками, которые были раньше, жили на нем и оставили его до нового прихода как своеобразную отметину на занятых местах при подсечно-огневой системе земледелия. Еще одно соображение: найти городище даже сегодня весьма не простая задача (и это при наличии карты и точного места привязки). Спустя 20–25 лет после окончания жизнедеятельности на городище, оно так зарастает подлеском и высокой травой, что найти его без специальных «отметин» далеко не просто. Вал и ров, как раз, и выполняли функцию «знака». Если на это место приходят новые поселенцы (не родственники), они, не взирая на то, что есть вал, возводят новый вал и ров. Р.Л. Розенфельдт сделал любопытное наблюдение: «одинарные валы, видимо, характерны либо для дьяковских памятников раннего времени (начало н. э.), либо совсем поздних поселений этой культуры (VI–VII вв.). В III–IV вв. строились укрепления с двойным рядом валов или перестраивались укрепления более ранние с одинарной линией укреплений» (Розенфельдт, 1964. С. 104–113). Впоследствии эту мысль воспроизвел в обобщающей

работе по «фортификации» дьяковских городищ К.А. Смирнов, утверждавший, что большинство городищ имели два вала. Аргументов в пользу этой версии он не привел (Смирнов, 1974. С. 8–17).

Третий уровень классификации. Виды

Под «видом» городища мы понимаем различия в конфигурациях площадок (табл. 1), выделяя 7 видов по принципу их «похожести» в плане на простые замкнутые геометрические фигуры. При этом учитывались параметры площадки городища – длина, ширина площадки, площадь, высота над уровнем воды и т. д. Площадка городища это участок земли, ограниченный естественными (или подправленными человеком) склонами холма, мыса, останца, то есть естественного образования геологического происхождения. Нами также вводится в характеристику городища понятие «двор», то есть пространство, заключенное между искусственными сооружениями на площадке, в виде ограды, тына, вала и рва. При этом понятие «площадка» имеет геологический оттенок, а понятие «двор» – исключительно археологическое. Если раскопки на городище не проводились, то термин «двор» в характеристике отсутствует, т. к. о нем мы

Таблица 6. Городища ДК в бассейне р. Клязьмы

Вид	Типы Класс	I (мысовые)				II (межовражные)				III (равнинные)				IV	Тип не определен	Всего
		Количество валов				Количество валов				Количество валов						
		1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0			
А	Сегмент															
Б	Сектор	1														1
В	3-х угольник	4	3									1				8
Г	4-х угольник	2	1			3		1	1							8
Д	Круглые	2	1			6						1				10
Е	Сложные	2														2
Ж	Бесформенные															
	Неясные	1													2	3
	Всего	12	5			9		1	1			1		1	2	33
	Общая сумма			17				11				2			2	33

ничего не можем сказать. В качестве, дополнительного признака планиграфического разделения площадок городищ учитывалась возможность построения углов внутри внешнего контура площадки. Площадки в форме круга, эллипса, овала (то есть без углов) выделяются в отдельную группу – без четких контуров. Напротив, площадки с резкими изменениями в линии внешнего контура (треугольные, четырехугольные и т. д.) могут быть разделены по этому признаку.

Итак, как уже говорилось, выделяются 7 видов площадок, соответствующих различным геометрическим фигурам:

А) сегмент – фигура, образованная дугой и стягивающей ее хордой (два угла);

Б) сектор (квадрант) – часть круга, отсекаемая радиусами, с углом 90° (один угол);

В) треугольник;

Г) четырехугольник (процедуру разбиения можно продолжить дальше, но мы остановимся на этом этапе);

Д) круг – фигура без углов;

Е) «сложные» городища – состоят из двух, реже трех, площадок. Термин «сложные» не совсем точно отражает положение дел. Городище представляет собой композицию из двух или трех площадок, которые могут отражать как естественное состояние рельефа местности, так и быть рукотворными сооружениями. Городище такого рода имеет площадки на разных уровнях или на одном, а между площадками находится вал (ров). Археологами такое городище зачастую понимается как один памятник, хотя одна из площадок могла возникнуть позже, как результат расширения площади городища⁴;

Ж) «бесформенная» фигура. Подразумевается, что площадка городища имеет повреждения внешнего контура (в результате береговой абразии, процессов эрозии почвенного слоя или человеческой деятельности) и ее соотношение с определенной геометрической фигурой вызывает затруднения. Площадка не всегда бывает горизонтальной, как правило, она имеет небольшой наклон, но это обстоятельство мы не берем в расчет. Площадка может не иметь четко выраженных

контуров в виде вала (рва), тогда мы определяем ее вид по линии того края, с которого начинается склон. Но, т. к. площадка это комплекс сооружений, устроенных на плоскости, вал также включается в площадку, а ров является ее границей.

Четвертый уровень классификации. Подвиды (табл. 1)

Вид 1 (сегмент). Подвиды: а) сегмент менее половины круга; б) сегмент, равный половине круга; в) сегмент больше половины круга, с короткой хордой.

Вид 2 (сектор). Подвиды: а) сектор с острым углом и короткой дугой; б) сектор с прямым углом; в) сектор с тупым углом и большой дугой.

Вид 3 (треугольник). Подвиды: а) треугольник с острым углом и коротким основанием (равнобедренный); б) равносторонний треугольник; в) треугольник с тупым углом и широким основанием.

Вид 4 (четыреугольник). Подвиды: а) квадрат, прямоугольник (как вариант квадрата); б) трапеция (возможны варианты: равносторонняя трапеция, прямоугольная и т. д.); в) параллелограмм (как его вариант – ромб).

Вид 5 (круг или, точнее, фигуры близкие к кругу, так как круг – идеальная фигура). Подвиды: а) эллипс; б) овал; в) яйцевидные площадки.

Вид 6 (сложные площадки). В качестве подвидов в этой группе могут выступать различные комбинации из простых фигур, о которых речь шла выше.

Вид 7 (бесформенные площадки) не разделяется на подвиды.

В каждом уровне классификации можно ввести количественные характеристики, которые позволяют более точно представить городище как объект исследования. Мы можем ввести метрические параметры площади занимаемой городищем, причем сделать два замера: общей площади всей площадки и площади двора. Можно

⁴ Определение конфигурации площадок таких городищ не всегда давались исследователями, поэтому приходится ограничиваться их общей характеристикой.

Таблица 7. Корреляция типов городища с классами

Тип. Класс	I тип	II тип	III тип	IV тип	Всего
1 класс	75	23	12	1	111
2 класс	39	12	7	–	58
3 класс	18	7	2	–	27
4, 5 классы	–	–	1	–	1
Всего	132	42	22	1	197

Таблица 8. Зависимость площади площадки от типа городища

№	Площадь (кв. м)	I тип	II тип	III тип	IV тип	Всего
1	72–1000	33	8	5	–	46
2	1000–2000	40	12	7	–	59
3	2000–3000	31	10	5	–	46
4	3000–5000	18	10	7	1	36
5	5000–8000	8	5	–	–	13
6	8000–23 430	4	2	–	–	6
Всего		134	47	24	1	206

Таблица 9. Зависимость площади городища от количества валов (класс)

Площадь (кв.м)	1 класс	2 класс	3 класс	4, 5 классы	Всего
72–1000	22	16	5	2	45
1000–2000	27	20	6	–	53
2000–3000	26	13	6	–	45
3000–5000	20	4	8	–	32
5000–8000	6	5	1	–	12
8000–23 430	5	–	–	–	5
Всего	106	58	26	2	192

вести и другие параметры: высоту площадки над уровнем воды, площадь раскопанного участка городища, толщину культурного слоя (в центре, по краям). Возможно, что выделенные в отдельные группы формы площадок (такие как сектор, треугольник и яйцевидная) в действительности составляют единую группу⁵.

Общие итоги классификации дьяковских городищ

В качестве исходного материала мы взяли все достоверно относящиеся к дьяковской культуре городища, из которых мы могли извлечь информацию по интересующим нас параметрам (табл. 1). В классификационной процедуре было использовано 228 городищ, причем 6 городищ имели двойные площадки. При составлении базовой таблицы использовалась программа «Excel 2000». Помимо адресных данных (область, район, река, деревня, село) в таблицу вносились при-

знаки: тип, класс, вид, подвид, общая площадь, площадь раскопа, количество жилищ (если таковые были раскопаны), высота над уровнем воды, мощность культурного слоя, высота вала, глубина рва. Эти показатели были усреднены, хронологически памятники VIII в. до н. э. – VIII в. н. э. распределялись по пяти периодам (см. табл. 2–6).

Следует обратить внимание на одну «странную» зависимость между типами городищ и классами, которая обнаружилась в процессе сравнения материала (табл. 7): на одно городище 3-го класса (с тремя валами) приходится 2 городища 2-го класса и 3–4 городища 1-го класса.

Разберем случаи зависимости типа городищ от площади площадки. Вся информация по этим показателям сведена в таблицу 8⁶.

Размер площадки колеблется от 72 до 23 430 кв. м⁷. Здесь необходимо сделать одно уточнение: с формальной точки зрения средняя площадь площадки городища будет около 11 000 кв. м, однако площадки самых крупных городищ этой группы не использовались полно-

⁵ Не исключено, что на уровне выделения вида, площадки городищ «Б», «В» и «Д» (в) могут составлять единую группу. То есть речь идет о том, что мы выделили «лишние» группы. В основе всех представленных площадок лежит форма треугольника. Если мы их соединим вместе, то получим следующую картину. Городищ вида «Б» (подвидов «а», «б», «в») будет 11; городищ вида «В» (подвидов «а», «б», «в») – 46; городищ вида «Д» (подвида «в») – 15. Таким образом, в сумме городищ с треугольной формой площадки будет 72.

⁶ Некоторые цифровые показатели в разных таблицах не сходятся друг с другом, поскольку не все городища, используемые нами в работе, имеют полную характеристику.

⁷ Овальная площадка будет составлять приблизительно s от площади прямоугольника, построенного по тем же параметрам. Например, длина – 20 м, ширина – 15 м, площадь прямоугольника равна 300 кв. м. Площадь овала, вписанного в этот прямоугольник равна $300 \times S = 225$ кв. м.

стью в дьяковскую эпоху. В пользу этого утверждения свидетельствуют раскопки Ростиславльского городища, общая площадь которого составляет 24 500 кв. м, а площадь дьяковского городища была много меньше – около 2000 кв. м (Коваль, 2000). Исходя из этого, можно предположить, что все «супергородища» в дьяковскую эпоху имели такую же небольшую площадь. Эти городища также использовались и окончательно обрели крупные размеры в средневековье (городища Хатунь, Ростиславльское, Рузское, Верейское, Кикино). Поэтому я исхожу из положения, что основная масса дьяковских городищ занимала небольшие площадки – в пределах 2000 кв. м (средняя их площадь – 2114 кв. м). Таких городищ 122 из 228, что составляет чуть больше половины от общего числа городищ, учтенных в работе. Замечу, что по моим расчетам, на площадках полностью раскопанных городищ дьяковской культуры (Троицкого, Щербинского, Кузнечиков) чуть больше одной трети от общей площади занимает ограда, «система укреплений», то есть территория, которая явно не использовалась «под жилье».

Корреляция классов городищ с «площадью площадки», мало что прибавляет к их характеристике (табл. 9). В основном все городища с этими показателями аккумулируются в пределах небольших размеров площадки.

В таблице 10 сведены показатели площади и вида площадки. Очевидно, что наибольшее количество городищ имеют округлые площадки (вид «Д»), основная масса которых группируется в пределах от 1000 до 3000 кв. м. Значительно (но много меньше) количество площадок городищ видов «В» и «Г», но и они, в основном, группируются в тех же пределах (1000–3000 кв. м).

Показатель высоты над уровнем воды свидетельствует о том, что большая часть городищ группируется в пределах от 10 до 20 м над уровнем воды. По-видимому, четких предпочтения у дьяковцев относительно высоты расположения городищ не было, что косвенно свидетельствует об отсутствии «оборонительных» соображений при устройстве городища. Вероятно, выбор места для городища вызывался другими причинами, но не военными (табл. 11).

Показатель высоты вала отражает только то, что валы время от времени наращивались, но оборонного, военного значения им не придавалось. Большинство городищ имело высоту не более 1,5 м, впрочем, соотношение городищ с высотой вала до 1,5 м и городищ с валами больше 1,5 м – одинаково. Однако мы не должны забывать, что городища с высотой вала больше 1,5 м имели многослойную структуру (сложную стратиграфию) и продолжали использоваться и в постдьяковское время (табл. 12).

Таблица 10. Зависимость размера от вида площадки городища

Площадь (кв. м)	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	Всего
72–1000	5	4	22	3	7	–	1	42
1000–2000	6	3	13	10	25	2	2	61
2000–3000	3	1	6	12	20	1	–	43
3000–5000	1	3	2	7	19	–	1	33
5000–10 000	2	–	1	2	9	1	–	15
10 000–25 000	–	–	1	1	2	–	–	4
Всего	17	11	45	35	82	4	4	198

Таблица 11. Корреляция площади городища и высоты над уровнем воды

Площадь (кв. м)	Высота над уровнем воды (м)				Всего
	0–10	10–20	20–30	больше 30	
72–1000	14	15	7	3	39
1000–2000	15	26	9	5	55
2000–3000	8	18	12	4	42
3000–5000	7	5	13	2	27
5000–10000	–	8	2	1	11
10 000–25 000	–	2	1	–	3
Всего	44	74	44	15	177

Таблица 12. Корреляция высоты вала с площадью городища

Площадь (кв. м)	Высота вала (м)					Всего
	0–0,5	0,5–1,0	1,0–1,5	1,5–2,0	больше 2,0	
72–1000	1	4	13	9	2	29
1000–2000	3	–	8	13	3	27
2000–3000	–	2	5	–	7	14
3000–5000	–	3	–	1	5	9
5000–10 000	–	4	4	6	3	17
10 000–25 000	–	4	4	4	2	14
Всего	4	17	34	33	22	110

Подведем краткий итог сказанному. В дьяковской культуре доминируют городища мысового типа (141 памятник). На втором месте городища межовражные – 46 городищ на останцах и дюнах – 24. Городищ на островах или среди болот в дьяковской культуре почти нет – известно всего одно (Огубское городище), да и то его принадлежность к этой культуре может быть поставлена под сомнение. Один вал имеют 109 городищ, двухвальных – 59⁸, трехвальных – 25. У большинства городищ овально-эллипсоидная конфигурация площадки (около 90). Почти половина городищ имеет низкие валы – оборонительных функций они не несли. Можно предположить, что это не валы в прямом смысле слова, а остатки земляного укрепления ограды из вертикально поставленных столбов (точнее, то, что от них осталось), мы же сегодня эти остатки принимаем за валы. Площадки городищ в основном небольшие, средней площадью 2000–3000 кв. м. Большое количество городищ с маленькими площадками (размером не более 1500 кв. м) дает право утверждать, что места для размещения жилых домов на их территории было немного, отсюда вывод – они не могли использоваться для проживания, скорее всего, такое городище выполняло другую роль. Больше всего городищ мысовых – 141. На 1 трехвальное приходится 2 двухвальных и 4 одновальных (соотношение 1:2:4). Возможно, что эти цифры отражают семейно-родовую организацию дьяковского общества, по принципу: две семьи⁹ – клан (род) – два рода – одна фратрия. Или, версия вторая, по принципу иерархии святилищ: 1 трехвальное святилище – главное, фратриальное; 1 двухвальное – клановое; 2 одновальных родовых, семейных. Не исключено, что сложные городища (с двумя площадками) являются редкой формой, близкой трехвальным городищам.

В соотношении останцовых, межовражных и мысовых городищ видится то же, что и в различиях валов: на 20 останцовых – 41 межовражное и 131 мысовое (то есть в пропорции 1:2:6).

Напомню наблюдение Р.Л. Розенфельда и К.А. Смирнова о том, что в начальный период развития дьяковской культуры на городищах возводился один вал, но впоследствии начали господствовать городища с двумя валами. Так вот, ответ на это будет весьма прост: количество валов на городище не имеет временных различий. Как в раннем периоде, так и позднее городища были и с одним, и с двумя валами. Но одновальные городища всегда и во все времена в несколько раз по численности превосходили двухвальные. Забегая вперед, к изложенному «заблуждению» добавлю еще одно весьма распространенное: многие археологи уверены, что дьяковская культура – культура «городищенская», что в ней безраздельно господствуют городища, селищ мало. Замечу сразу – поселений больше, чем городищ, соотношение их таково: на одно городище приходится 1,5 поселения (на 228 городищ – 316 поселений).

В заключение скажу: основной целью, которую я преследовал при создании классификации городищ и поселений дьяковской культуры, была организация рабочего материала, прежде всего, для его сравнения между собой. Если что-то из того, что я сделал, окажется полезным, буду считать, что цели своей достиг. Автор вслед за И.П. Русановой и Б.А. Тимошук считает, что городища использовались для ритуально-обрядовых действий, то есть были святилищами, а так же использовались в качестве некрополей с сооружениями наподобие «домиков мертвых» на столпах (Гусаков, 1987; 1989; 1999; 2001).

Литература

- Арциховский А.В., 1934. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО. № 11/12. (Переиздана в сборнике «Антология советской археологии. 1930-е годы». Т. II. М.)
- Афанасьев Г.Е., 1990. Топологическое исследование степени доступности салтово-маяцких городищ // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М.
- Гусаков М.Г., 1987. Святилище – языческий храм. (К постановке проблемы) // Религиозные представления в первобытном обществе. Тез. докл. М.
- Гусаков М.Г., 1999. Городище – святилище (опыт археоастрономической реконструкции) // Прошлое, настоящее и будущее цивилизаций. Тез. докл. научно-методической конференции. М.
- Гусаков М.Г., 2001. Днепровские городища-святилища лесной полосы. (Опыт археоастрономии) // Практика и теория археологических исследований. М.
- Дубынин А.Ф., 1970. Троицкое городище // МИА. № 156.
- Егорейченко А.А., 1980. Типология городищ Белорусского Полесья в раннем железном веке // КСИА. Вып. 162.
- Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А., 1975. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.
- Киселев С.В., 1995. Поселение // Антология советской археологии (1917–1933). Т. I. М.
- Коваль В.Ю., 2000. Новые данные о Ростиславльском городище эпохи раннего железного века // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.
- Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе. М.
- Куза А.В., 1985. Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М.
- Куза А.В., 1989. Малые города Древней Руси. М.
- Кулаков В.И., 1990а. Древности пруссов. VI–XIII вв. // САИ Г-1-9. М.

⁸ Поэтому тезис, что в ДК почти все городища двухвальные (Розенфельд, 1970; Смирнов, 1974) несостоятелен.

⁹ Речь идет о большой семье.

- Кулаков В. И., 1990б. Поселенческая ситуация в Самбии II–XIII вв. // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М. Культура древнего Рима. Том 2. М., 1985.
- Ливий Тит., 1989. История Рима от основания города. Т. I–III. М.
- Ляпушкин И. И., 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. № 152.
- Медведев А. М., 1994. Поселения культуры штрихованной керамики Беларуси (некоторые экономические и социальные аспекты в расселении). // ГАЗ. № 5. Минск.
- Моргунов Ю. Ю., 1986. Круглые городища левобережья Днепра // СА. № 2.
- Моргунов Ю. Ю., 1990. Функциональное назначение пограничных городищ Юго-Восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава.
- Моруженко А. А., 1985. Городища лесостепных племен Днепро-Донецкого междуречья VII–III вв. до н. э. // СА. № 1.
- Мугуревич Э., 1967. Исследование поселений, городищ и замков на территории Латвийской ССР // Acta Baltico-Slavica.
- Петр из Дуйсбурга, 1997. Хроника земли Прусской. М.
- Раппопорт П. А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / МИА. № 52.
- Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории русского военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. / МИА. № 105.
- Раппопорт П. А., 1967. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. / МИА. № 140.
- Розенфельдт Р. Л., 1970. К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // МИА. № 156.
- Русанова И. П., Тимощук Б. А., 1993. Языческие святилища древних славян. М.
- Седов В. В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163.
- Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Суворов В. С., 1984. К проблеме классификации городищ Восточной Прибалтики // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.
- Спицын А. А., 1903. Городища Дьякова типа / ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб.
- Спицын А. А., 1905. Новые сведения о городищах Дьякова типа // ЗОРСА. Т. VII. Вып. СПб.
- Тэйлор Э. Б., 1989. Первобытная культура. М.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.–Л.
- Тыниссон Э. Ю., 1988. Городища Эстонии. Автореферат дисс. ... док. ист. наук. М.
- Фурасьев А. Г., 1994. Городища-убежища Псковщины второй половины I тысячелетия н. э. // Петербургский археологический вестник. СПб.
- Цезарь Гай Юлий, 1948. Записки Ю. Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне. М.–Л.
- Шадыро В. И., 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.
- Щапова Ю. Л., 1998. О типологическом методе в археологии, типах и типологиях // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Gorska I., Paderewska L., 1976. Grodziska Mazowska i Podlasia. Wroclaw – Warszawa – Krakow – Gdansk.
- Gusakov M. G., Kulakov V. I., 1991. Heiligtumer im sudlichen Ostseegebiet aus dem I. Jt. u. Z. // Jarsschrift fur Mitteldeutsche Vorgeschichte.
- Moora H., 1968. Einige Ergebnisse der Burgbergforschung im Ostbalticum // Suomi museo 1967. Tallinn.
- Stubavs A., 1974. Par Latvijas pilskalnu tipologiju un klassifikaciju // Arheologija un Etnografija. Riga.

Мутёнковское городище

Исследование городищ каширской группы было начато В.А. Городцовым (1933), продолжено К.А. Смирновым (1980; 1982), а с 1997 г. – Каширской экспедицией Института археологии РАН и Каширского краеведческого музея (Сидоров, 2002). Новые материалы показали особую значимость этой группы для понимания железного века лесной зоны Восточной Европы: здесь оказался своеобразный перекресток, где контактировали два резко различных этнических массива. Правобережье Оки существенно отличается по характеру почв, составу растительности от бассейна р. Москвы и Верхней Волги – области дьяковской культуры.

Мутёнковское городище (Корыстово 2) занимает овражный мыс на правобережье Оки, в 1 км от выхода в ее пойму речек Мутёнки и Медведки. Узкий глубокий овраг ограничивает площадку с севера, ров и склон – с остальных сторон. Высота мыса над речкой – 13,5–18 м. Диаметр площадки 75 м. С юга к ней примыкает еще одна площадка с культурным слоем (ширина ее 30 м), ограниченная малым оврагом. Это одно из крупнейших городищ лесной зоны (рис. 1).

После раскопок К.А. Смирнова в 1975 и 1978 гг. (вскрыто 324 кв. м) на городище добыли чернозем – в результате оказалось повреждено около трети площадки. Раскоп 2001–2003 гг. был заложен в мысовой части памятника, а его площадь составила 144 кв. м. Общая структура культурного слоя определена К.А. Смирновым: верхний слой – черная супесь с обожженным известняком, нижний – пестрый, преимущественно бурый слой органики. Дополнительно может быть выделен слой первоначального освоения площадки, отложившийся непосредственно на погребенной почве. В нижнем слое выделяются прослойки разного состава, строительные остатки.

Жилища располагались в центральной части площадки. По краям раскопа вскрыты участки, где жилища отсутствуют, но накопилась значительная толща навоза. Все постройки наземные, сопровождаются большими хозяйственными ямами. Расстояние между ними составляет 1,2–1,5 м. Проследить постройки удавалось по

глиняным толщам полов, очажным конструкциям и связанным с очагами прослойкам, основаниям стен (рис. 2, 3). Временами поверх полов фиксируются прослойки навоза и иной органики. Всего здесь выделяется не менее 15 полов жилищ, наслоившихся друг на друга. Полы эти представляли собой прослойки белой, слегка зеленоватой глины толщиной 4–8 см, верх их горизонтален, низ западает в неровности рельефа. Крайне редко отмечается выравнивание пола врезанием его в склон. Глиняные полы жилищ как правило покрывала зола.

Стены жилищ прослежены в некоторых случаях по глинобитным валикам, возможно, служившим своеобразными фундаментами. Валики располагались в канавках, заполненных мешаным утрамбованным материковым суглинком. Такая конструкция, по нашему мнению, позволяла ставить сруб выше уровня земли. В ряде случаев прослеживались и отпечатки бревен диаметром не более 15 см¹. Размеры домов, фиксируемые по остаткам стен, невелики: ширина – до 3,5 м, длина – 4–6 м.

В каждом жилище был круглый или овальный очаг диаметром от 0,8 до 1,3 м, ооконтуренный глиняным валиком шириной в основании до 10–18 см, по верху – 6 см, высотой 12–18 см. Валики слегка углублены в пол, вокруг них фиксировалась полоса грунта со слоистым углистым заполнением. Внутри очагов находились песчаные насыпи, возвышающиеся над бортиками, в нижней части состоявшие из чистого песка, в верхней – из смеси песка с золой. Находки и угли в очагах отсутствуют. Очаги с глиняными валиками, трактованные В.А. Городцовым как жертвенники, изредка встречаются на памятниках дьяковской культуры, их появление Р.Л. Розенфельдт (1970) связывал с заимствованием с юга.

Столбовые ямы четко читаются в плотном материке, но на фоне пестрого культурного слоя их удается различать лишь в профилях. Столбовых конструкций в жилищах не встречено ни разу. Столбы сгруппированы, но вне жилищ, и их порядок остается не ясным. В некоторых случаях они примыкают к стенам.

¹ Нам представляется, что известные по литературе «плахи» построек на дьяковских городищах в действительности представляли собой фундаменты стен, сооруженные в опалубке.

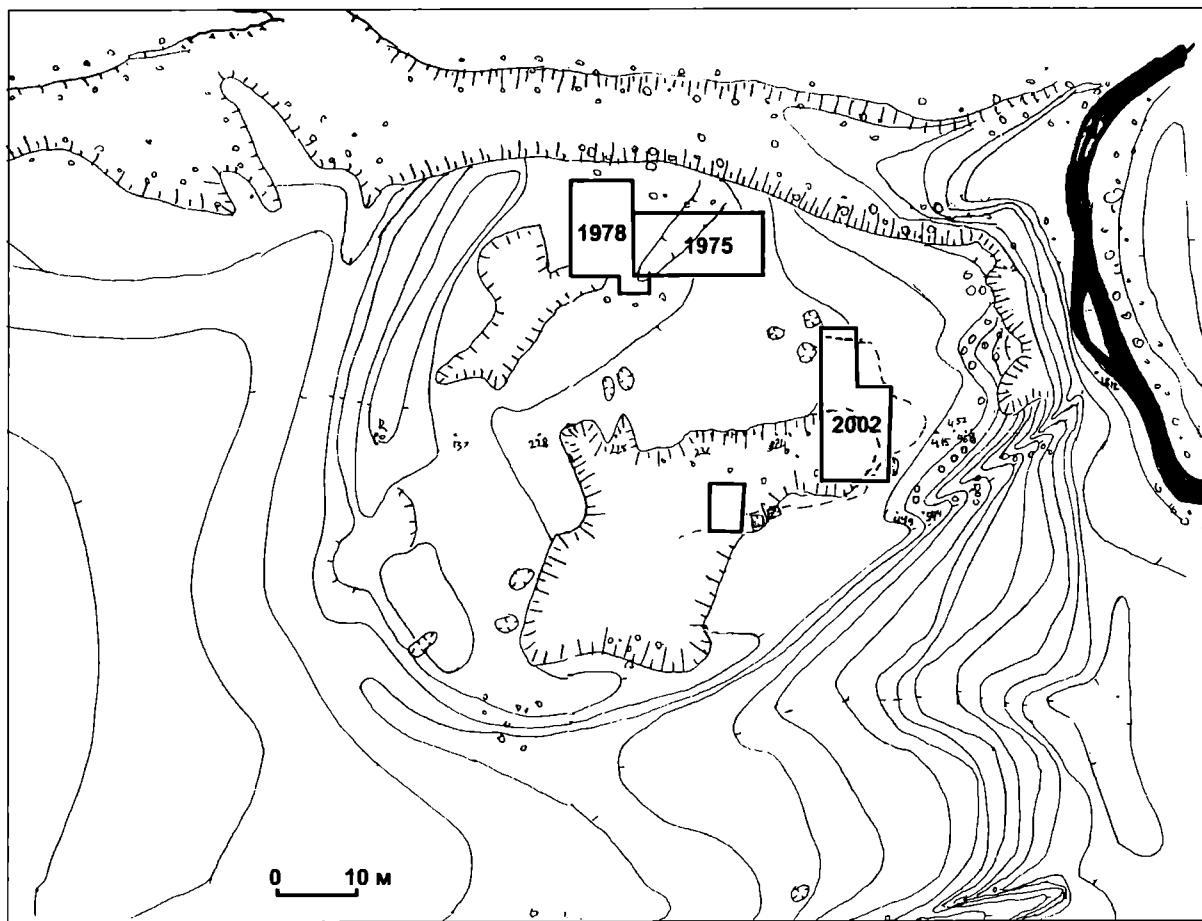

Рис. 1. Мутёнковское городище. План

В пределах раскопа встречены большие круглые в плане и вытянутые ямы. Их не отмечалось на Каширском городище, такие ямы не известны и на других дьяковских памятниках. Круглые ямы, диаметром по верху 1,2–2 м, имели котлообразное дно и отвесные стенки. Глубина их составляла 0,6–1,2 м. Нижняя часть как правило была заполнена темно-серой мягкой супесью, выше лежали прослойки бурой органики. Ни одна яма не имеет следов размыва стенок, затеков. В момент сооружения круглые ямы могли служить погребями (мясными ямами). Затем, в уже заполненные ямы оказались врезанными более поздние, и в них встречены развалы сосудов, которые выстилали дно и стенки ям. В прослойках с органикой обнаружены крупные кости, следовательно, в периоды формирования таких прослоек эти ямы служили свалками. Как и длинные, эти ямы вплотную примыкают к стенам жилищ (рис. 3, 3).

Яма № 10 прослежена в длину на 4 м, глубина от уровня заложения – 1,2 м, ширина – 0,6 м, дно уплощенное. Траншееобразные ямы нередко истолковываются как следы установки частокола, но в данном случае его следов не обнаружено.

Яма № 11 длиной 3,6 м, шириной 1–1,2 м, с плоским дном. После формирования нижней части ее заполнения, в ней трижды сооружали очаг такой же конструкции, как в жилищах, но с более мощной песчаной подушкой.

Перед началом выкапывания ям № 2 и № 10 и сооружения рядом жилищ к югу от них были совершены одинаковые жертвоприношения: кремнированы медвежьи лапы с когтями (перекрыты материковым выбросом). К северу от ямы № 2 было также обнаружено скопление из 20 челюстей щуки, а прямо на борту ямы найдены две раковины каури со срезанной частью, противоположной щели. На дне ямы лежала роговая маска, по-видимому, изображавшая голову быка (см. ниже). В заполнении встречались заячьи лапки (но уже в слое кухонной кучи).

Неоднократно встречены и другие следы ритуальных действий. Трижды найдены черепа собак: в одном случае череп был заложен пирамидкой из камней, в другом – найден под отпечатком бревна стены, третья находка происходит из нарушенного верхнего слоя. В глиняной толще пола лежал кусок отрубленного человеческого бедра, череп рыси. Трижды встречены тушки зайцев без голов и лап.

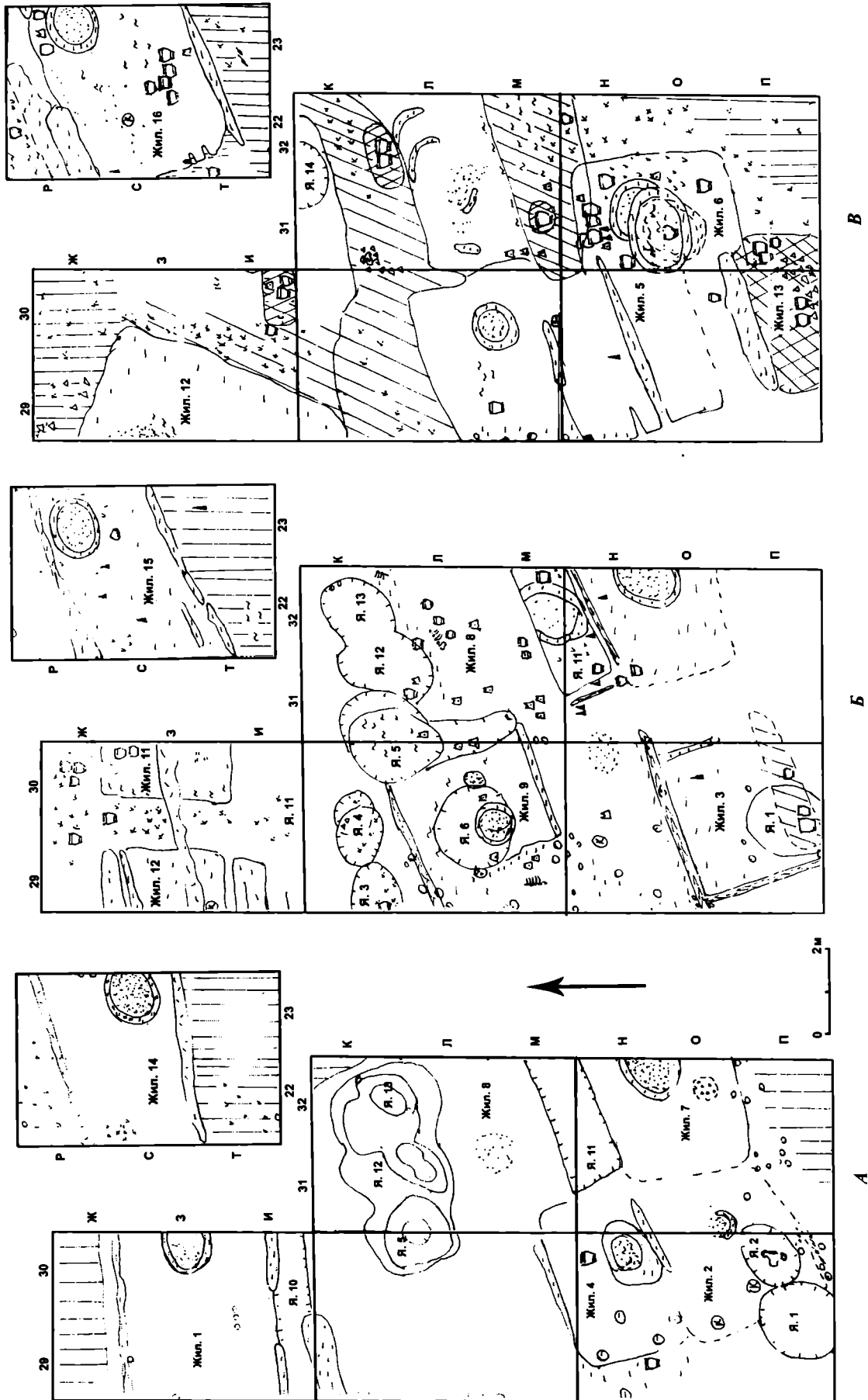

Рис. 2. План раскопа

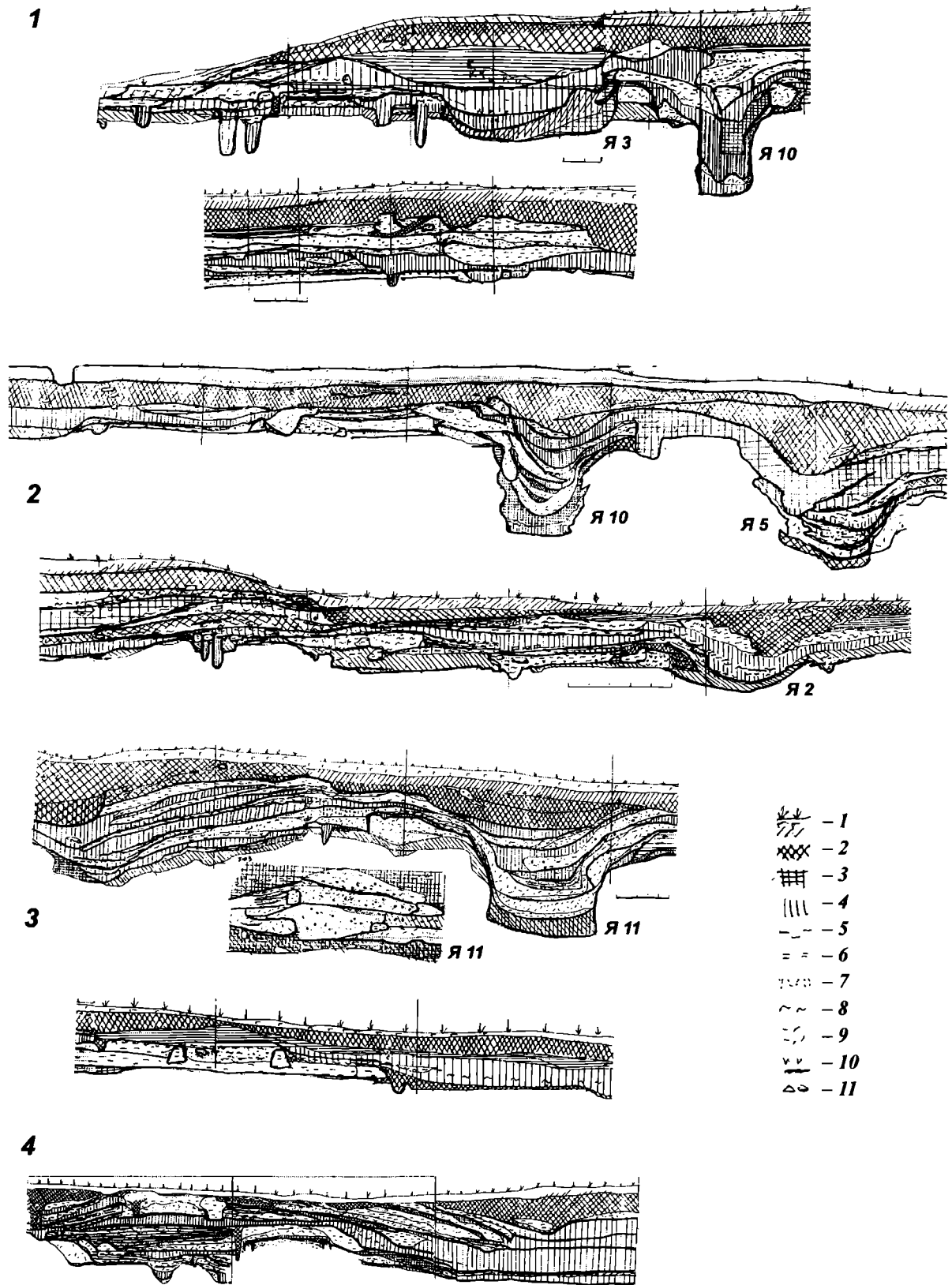

Рис. 3. Разрезы: 1 – по линии 22/23, западный сектор; 2 – по линии 28/29, западная стенка; 3 – по линии 30/31; 4 – по линии 32/33 – восточная стенка раскопа

(1 – дерн и подерновый слой; 2 – темно-гумусированная супесь; 3 – гумусированный суглинок; 4 – коричневая органика; 5 – глина; 6 – прокаленная глина; 7 – песок; 8 – зола; 9 – перекопанный материк; 10 – уголь; 11 – камни)

Четкая стратиграфия позволяет наметить последовательность возведения построек. Непосредственно на погребенной почве сооружено жилище 1 в северной части раскопа. Основания его стен прослежены в виде глиняных валиков (южный примыкает к яме № 10), расстояние между которыми 3,5 м. Пол слабо прокален в пожаре, находки на полу отсутствовали. Валик очага едва возвышается над полом.

Такое же стратиграфическое положение зафиксировано для глиняного пола жилища 2 (сохранился только его юго-восточный угол) и круглой ямы № 2 на южном конце раскопа. На линии предполагаемой стены, южнее ямы, отмечена столбовая яма. Очаг сохранился частично, отличался он тем, что в его глину были вмазаны камни (они сильно прокалены). После разрушения постройки эти камни оказались рассыпаны на уровне погребенной почвы. Здесь же было отмечено скопление столбовых ям, связанных с нижним слоем городища. Очажный мусор жилища 2 подстилает пол жилища 5 в западной части раскопа, что обозначает его более поздний возраст.

С запада к жилищу 2 примыкает пол жилища 3, оконтуренный отпечатками бревен диаметром 15 см. Ширина постройки – 3 м (южный край вне пределов раскопа). Западное бревно немного утоплено в погребенную почву. Северное читается на фоне глиняного пола, восточное – по глиняному валику в узкой канавке. Тонкий глиняный пол с очажным мусором в пределах,

очерченных линиями стен, пересекает след еще одного бревна (основания нар?). В это жилище входит круглая яма № 1, прослеживавшаяся как темная полоса поверх заполнения ямы № 2. В яме № 1 встречены развалы двух орнаментированных сосудов (сетчатого и гладкостенного). Обе ямы перекрыты основанием стены одного из самых поздних жилищ, в котором очаг был сложен из известняка. Жилище 3 возникло позже жилища 4, поскольку след от бревна его северной стены был прослежен на фоне верхнего пола жилища 4 (в этом углублении обнаружен череп собаки).

Жилище 4 (в центральной части раскопа) сохранилось частично. Пол врезан в материк, очаг с низким валиком и высокой песчаной кучей, очажный слой лежит на погребенной почве. С этим очагом связаны развалы штрихованных сосудов. Перекрывший его более поздний глиняный пол западает в ямы, в том числе столбовые, показывая, что к моменту его формирования столбов уже не было. Выше зафиксирована прослойка органики с крупными костями. Перекрывавший прослойку золистый пол относился к жилищу 5, в котором найдено множество костяных и роговых изделий, ямка – хранилище заготовок стрел (такие же ямки отмечены в жилищах 2 и 3). Пространство между северо-восточным углом жилища и очагом занято развалами небольших баночных сосудов, битых «рогатых кирпичей». Здесь же найдены костяные орудия, костяная рукоять, литейная форма и бронзовые прорезные

Рис. 4. Очаги западного сектора, нижние слои

колоколовидные привески. Выше этого пола слой на данном участке разрушен.

Сохранилась восточная часть пола жилища 6 с круглым очагом, с которым связана основная масса находок фрагментов глиняных литейных форм. Восточный край жилища фиксировался по распространению углистого очажного мусора. У южной стены постройки обнаружены развалы сосудов.

Очень хорошо сохранился пол жилища 7 в восточной части раскопа, примыкавшего к яме № 11, которая использовалась в то же время, что и постройка. Пол сильно утоптан, очаг с частично обожженным сверху валиком. Развалы сосудов этого жилища находились у его западной стенки. На полу был найден щиток бронзовой булавки. Южный край жилища фиксировался по столбовым ямам. Ширина дома от ямы № 11 до этих столбов стандартная – 3,5 м. Северный край пола совпадает с краем ямы № 11.

Жилище 8, располагавшееся севернее жилища 7, выделено условно, поскольку оно оказалось деформировано (глиняный пол и очаги съехали в заполнение двух больших круглых ям №№ 12 и 13). Здесь отмечены фрагменты не менее чем 4 очагов, установившихся на одном и том же месте. Ямы после их заполнения, возобновлялись на меньшую глубину и в них помещались развалы сосудов. Здесь особенно много крупных кусков рогатых кирпичей, блоков обожженной глины, обмазки, но без отпечатков прутьев, мало похожей на рогатые кирпичи, гораздо крупнее их, а также встречены остатки жаровни (?) с наклонными стенками и без дна, по тесту аналогичной рогатым кирпичам. У южного края постройки найдена серия из трех одинаковых гарпунов с муфтой.

Жилище 9 в центральной части раскопа вскрыто полностью. Площадка под него была врезана в погребенную почву. К уступу южной стенки с юга примыкали столбовые ямы. Западный край пола почти на 10 см приподнят над восточным. На нем были найдены кости зайца без головы и лап (такой же скелет встречен под полом на краю ямы № 12). Центральную часть пола занимает обширная яма № 6 размерами 1,8х2,1 м, с отвесными стенками и уплощенным полом, глубиной от уровня пола 0,7 м. К этой яме примыкают две небольших: с мелким углем (диаметром 25 см) и плоскодонная неглубокая (диаметром 55 см) с чистым речным песком в заполнении. В яме № 6, когда она была уже наполовину засыпана, был сооружен обычный круглый очаг. Полное отсутствие деформации показывает, что проседания в заполнение ямы не было. Следующий очаг поставили здесь уже после полного заполнения ямы, причем с ним, возможно, была связана яма № 5. Поверх ямы № 5 был положен собачий череп, перекрытый кладкой из камней. Северный край жилища обозначен отпечатком бревна на фоне погребенной почвы. К нему примыкают снаружи столбовые ямы.

Ширина постройки 3,5 м, причем значительная часть пола занята ямой. Возможно, данная постройка не была жилой.

Севернее жилища 9 сохраняется полоса шириной 2 м, в которой не было полов жилищ ни на одном этапе жизни поселения. Характерно, что все кости и черепки здесь занимают горизонтальное положение. Это, по-видимому, проход между домами, который никогда не застраивался. Однако на этом участке находились хозяйственные ямы (№№ 3, 4, 4а) со скоплениями костей в них. Такой же проход, шириной всего 1 м и заполненный большим количеством кухонных остатков, ориентированный на север, возник поверх пола жилища 1 и ямы №10.

К числу более поздних построек в северной части раскопа относится жилище 11, границы которого не определены. С верхним строительным горизонтом этого дома связан очаг из обожженных глиняных блоков, осевший в заполнение более ранней ямы № 10. Скорее всего, с жилищем 11 связана и яма № 14. Пол этого жилища существовал долго и не раз дополнительно подмазывался глиной. В стенку раскопа уходит глиняный очаг с песчаным заполнением и зольно-песчаной линзой вокруг, который интерпретирован нами как жилище 12.

Наиболее поздняя постройка, частично вошедшая в раскоп на южном крае, представлена мощной глинобитной полосой, перекрывшей ямы №№ 1 и 2. В этой постройке была печь с использованием камней, что характерно для верхнего слоя. Здесь встречены развалы сетчатых сосудов, два грузика дьякова типа.

Верхний слой на всей площади отличался черным цветом и обилием жженого известняка. Резкое изменение в структуре слоя – свидетельство изменений в быте, вызвавших в свою очередь изменение условий седиментации. Между слоем с глиняными полами и зольниками и черным слоем местами (на склонах) читается структурированный почвенный слой, что может говорить о перерыве в использовании площадки городища.

Рассмотрим основные категории находок, собранных на раскопе.

С очагом жилища 6 связаны находки керамических литейных форм (всего около 60 фрагментов), на 22 из которых сохранились отпечатки отливавшихся по восковой модели ювелирных изделий. Литейные формы делались из тощей, но очень хорошо мешанной глины, на изломе они черные с ярко-оранжевой полосой по наружной поверхности. Тесто, применявшееся для них, использовалось также для льячек и большей части миниатюрных сосудов. Больше всего обломков принадлежало формам для отливки серег скифского типа с орнаментированным конусом и дужкой в виде двойного стержня. Есть оттиски полусферической бляшки с зернью по краю, ажурного браслета с плоскими спиральками (рис. 5, 2–4, 6, 7). Известняковая форма многоцветного использования только одна – это

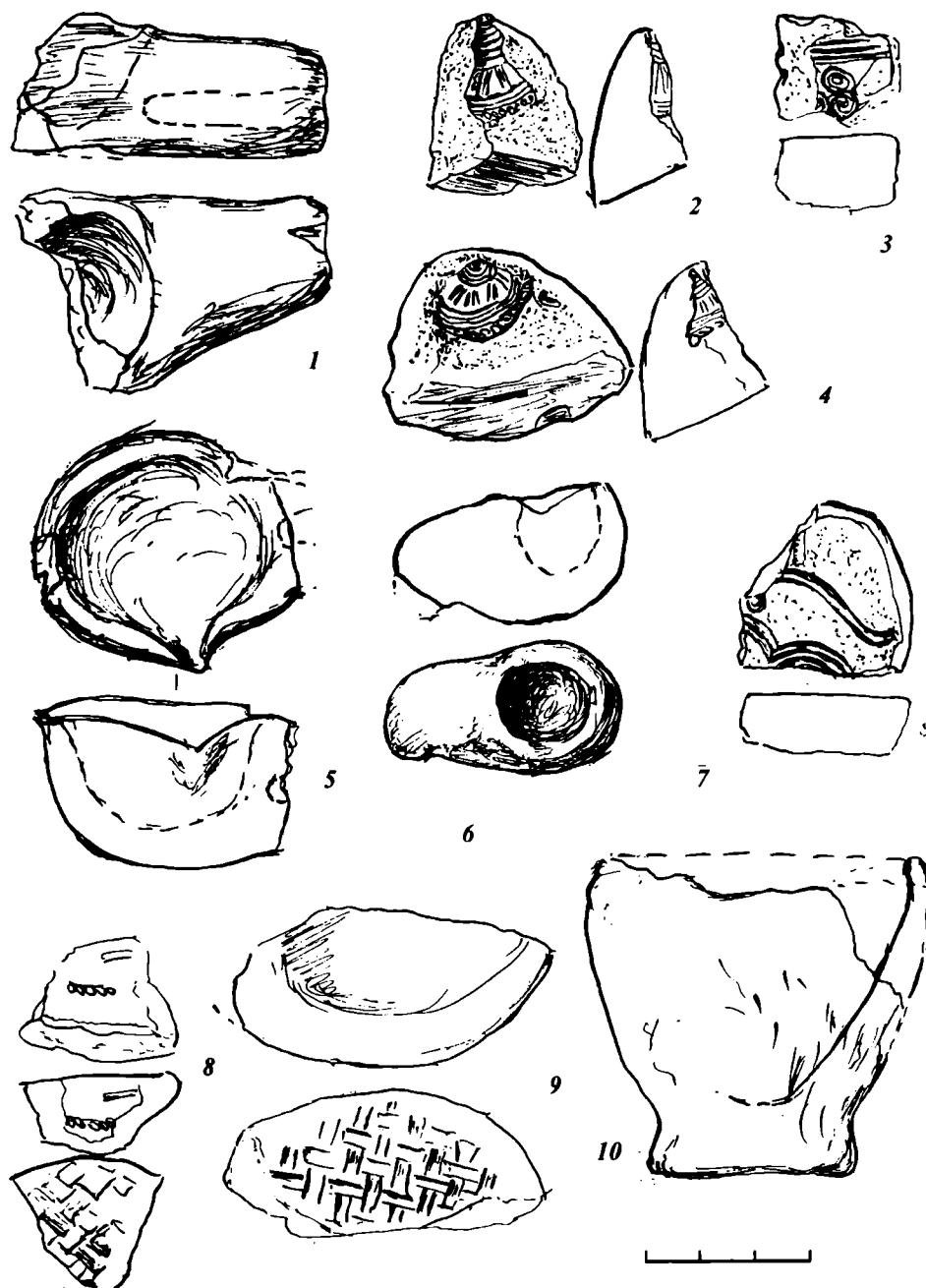

Рис. 5. Литейные формы, тигли, льячки, миниатюрный сосудик

прямоугольный брусок со следами прокала. В ней отливались бусы из трех небольших шариков с поперечными отверстиями в крайних шариках – к ним подводят каналы для штифтов.

Льячки (рис. 5, 1, 5, 8) и тигли, нередко с остатками металла, рассеяны в слое. Тесто тиглей пористое, как у рогатых кирпичей, стенки шлакированы. Льячки обожжены слабо. Они двух типов: 1) в виде округлых ковшиков с носиком-сливом сбоку, короткой конической рукояткой с каналом не более 1 см; 2) в форме чаш с плоским дном, порой с отпечатком берестяного плетения, стенки невысокие, вертикальные. Выделя-

ется также миниатюрная льячка с изогнутой ручкой (рис. 5, 6), полностью аналогичная льячке с городища Никола-Ленивец (Никольская, 1963).

Следы литья бронзы в раскопе многочисленны – капли и фрагменты корродированных предметов (около 20 экз.), обломки тиглей, в том числе с застывшим металлом (4 экз.). Из бронзовых изделий найдены массивные привески в виде прорезных колокольчиков (2 экз.), в виде колокольчика без прорезей (рис. 6), шаровидные мелкие бусы (9 экз.), пронизки, свернутые из раскованного листа бронзы (5 экз.), витой язычок пряжки, небольшая круглая бляшка с петелькой

в виде прямой планки, бляшка с восьмеркообразным щитком и выступающей петелькой, обломки тонких витых гривен (6 экз.) (рис. 6), гладкие браслеты круглого сечения, обломки массивных браслетов, неровно отлитое височное кольцо (?) с утолщенными концами, колечко из проволоки с острыми концами, в 2,5 оборота. Наиболее интересен бронзовый щиток булавки (?), полный аналогий которому нам неизвестно, но детали его оформления узнаваемы. Так, техника отливки, общие размеры, центральный витой стержень, оконтуривание предмета плоскими валиками с продольными канелюрами совпадает с оформлением щитков булавок городища Никола-Ленивец (Никольская, 1963). На ее пластине орнамент: по 5 дуг из поперечных насечек с двух краев. В дерне найден фрагмент серебряного украшения из плоского листа с грубо прорезанным орнаментом в виде кружков (рис. 6, 8).

Следов железа в слое много, но сохранность его очень плохая. Железо встречено во всех сло-

ях, но больше его в нижних, что, вероятно, связано с особенностями грунтов. Среди определенных предметов три ножа (из них один маленький с выгнутой спинкой), шило, небольшой наконечник стрелы с ромбическим (?) пером. Одна роговая орнаментированная рукоятка сохранила остатки железного острия (рис. 7, 1). Железные топоры в культурном слое не встречены, но они широко применялись на городище – об этом свидетельствуют насечки на сотнях костяных и роговых заготовок, которые, по нашему мнению, являются следами рубки топором с узким дуговидным лезвием.

Особенно многочисленны костяные и роговые изделия. Всего в раскопе найдено не менее 450 костей со следами обработки и около 500 законченных орудий и их определенных фрагментов. Это позволяет вести статистический анализ рабочих приемов и дать детальную характеристику техники работы по кости и рогу. Заготовки орудий складировались в ямах (по 7–9 штук),

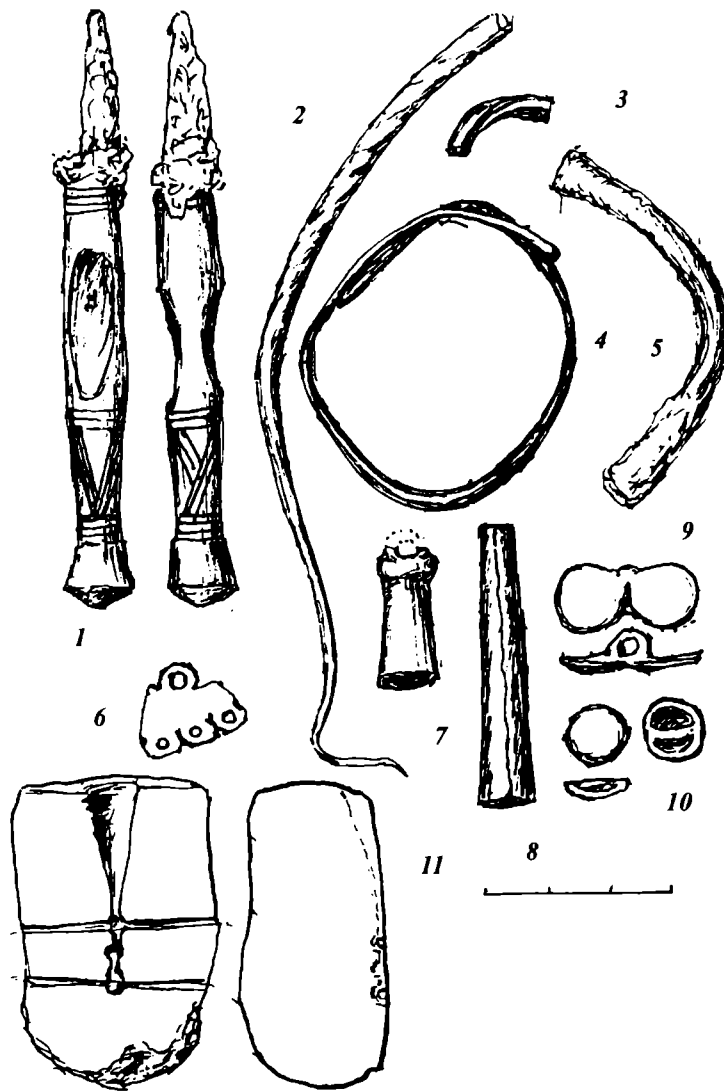

Рис. 6. Металлические изделия, известняковая литейная форма

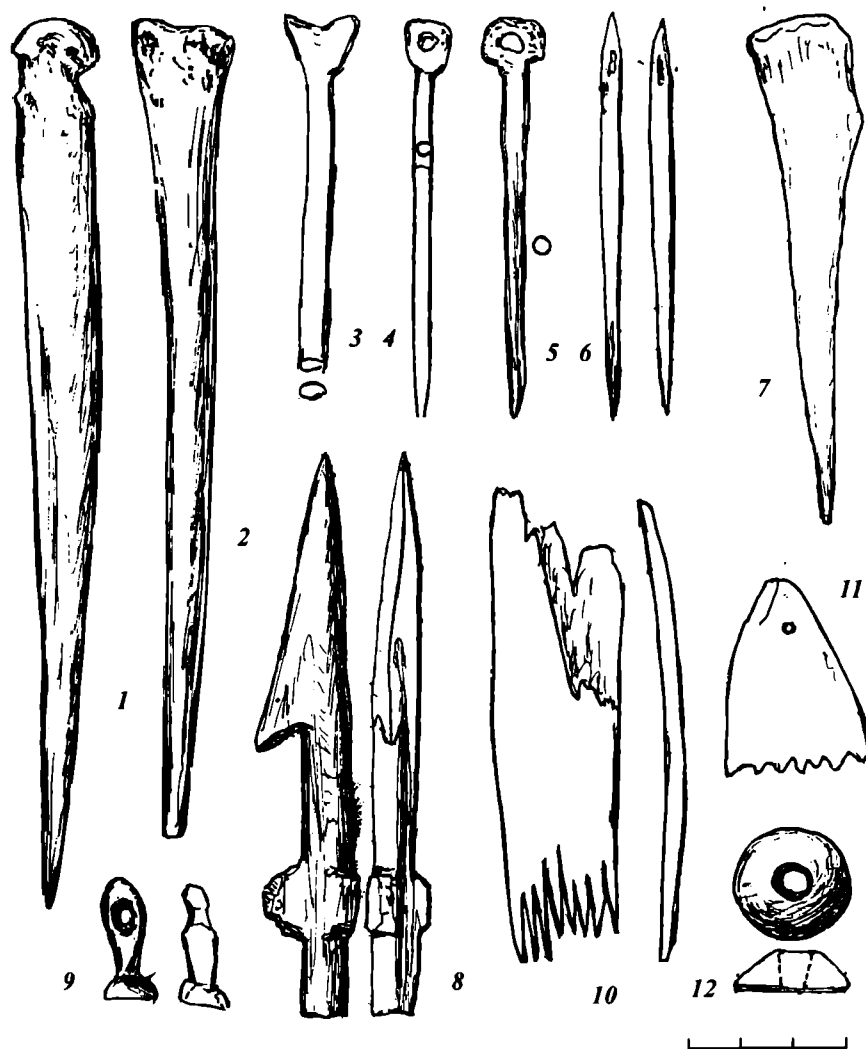

Рис. 7. Костяные и роговые изделия

видимо, для сохранения влажности кости (5 таких закладок найдены в трех жилищах). Здесь залежали вместе куски расколотых вдоль трубчатых костей с единичными срезами и уже с намеченным пером. Есть некоторая разница в навыках обработки кости на Каширском и Мутёнковском городищах: на первом вся подготовительная работа велась топором, на втором отмечены следы ножа даже на едва начатых костяных стержнях. Можно заметить, что орудия из тонких костей делались исключительно ножом, из массивных – в основном топором, но первичная очистка кости делалась ножом. Пиление не отмечено ни разу, абразивная обработка не применялась. Сверление (кроме узких и глубоких каналов-втулок) сводилось к прорезанию острием ножа (это отмечается на амулетах из лисьих или собачьих челюстей и булавок).

Среди костяных орудий по количеству на первом месте стоят струги из ребер лошади и редко коровы (около 200 экз., включая обломки). Эти орудия стандартны: с острым асимметрич-

ным лезвием в середине вогнутого края ребра, регулярно подправлявшимся вплоть до того, что заточкой вскрывался канал. Заполированность от рук есть только против середины лезвия, то есть работали им одной рукой, хотя вполне удобен захват за два конца. Совершенно иначе работали костяные ножи из отростков позвонков лошади. Их лезвия тоже получены продольным строганием, но с двух сторон, а износ приводит к округлению рабочего края лезвия, чего никогда не бывает на стругах.

Значительной серией представлены проколки и булавки. Обычно эти орудия рассматриваются как единая категория. Но серийность изделий позволяет заметить, что они четко распадаются на две группы. Проколки (около 70 экз.; рис. 7, 1, 2, 7) в среднем в два раза длиннее и значительно массивнее. Они делались из лучевых костей, с минимальной подправкой эпифизов, грифельных костей лошади, массивных длинных осколков. Сечение острия (кроме грифельных костей) приближается к округлому, но нередко обработка минимальна. В случае,

когда конец уплощен, мы имеем дело скорее всего с кочедыком (около 10).

Булавки гораздо разнообразнее (их около 90 экз.) (рис. 7, 3–5). Функционально они сильно отличаются от проколов, хотя прокалывать отверстия в коже ими можно. Почти все стандартных размеров, хотя есть резко выделяющиеся (миниатюрные и одна – очень крупная), но сохранившиеся те же признаки оформления, что и стандартные. Большинство сделаны из «фибульной» косточки свиньи (12 таких костей частично обработаны, но острие еще не оформлено). У половины имеется прорезанное в тонкой стенке эпифиза отверстие (есть случаи с начатым сверлением). При этом форма эпифиза в большинстве случаев не изменена. При оформлении головки, она приобретает Т-образную, овальную или трапециевидную форму. Изредка встречаются булавки с головкой, отделенной канавкой. Серией представлены булавки, сделанные из шипа плавника крупной рыбы, обработка их минимальна (не имеют отверстия). Эта категория инвентаря в большом количестве встречается на дьяковских городищах, но те же формы (и тоже в большом количестве) есть на памятниках соседних куль-

тур. Возможно, изделия с узкой головкой без плечиков служили иглами. У них наиболее тщательно выструган круглый в сечении стержень. Игла отличается от булавок по ряду признаков: отверстие щелевидное (рис. 7, 6), утолщения при отверстии нет, обушок острый, чего не бывает у булавок.

Небольшой серией представлены шпатели (7 экз.), разнообразные по форме, но с одинаковыми рабочими частями. Все они делались из тонких стенок кости, чаще всего из ребер со срезанной губчатой массой, осколков. Размеры небольшие. Края тонкие, но не острые, и следов грубых штрихов, какие оставляют зерна дресвы, на них не видно, лезвия тонкие, асимметричные в плане. Противоположный конец заузен. Видимо, предназначались они не для формовки сосудов.

Не все орудия функционально достоверно определены: для этого требуется серийность находок. Сильно заполированное острие из трубчатой кости со срезанным эпифизом, имеющее отверстие, функционально могло служить для плетения, работая по принципу иглы швейной машинки (2 экз.; рис. 8, 7). Нередко встречаются трубочки из тонких птичьих костей, сильно

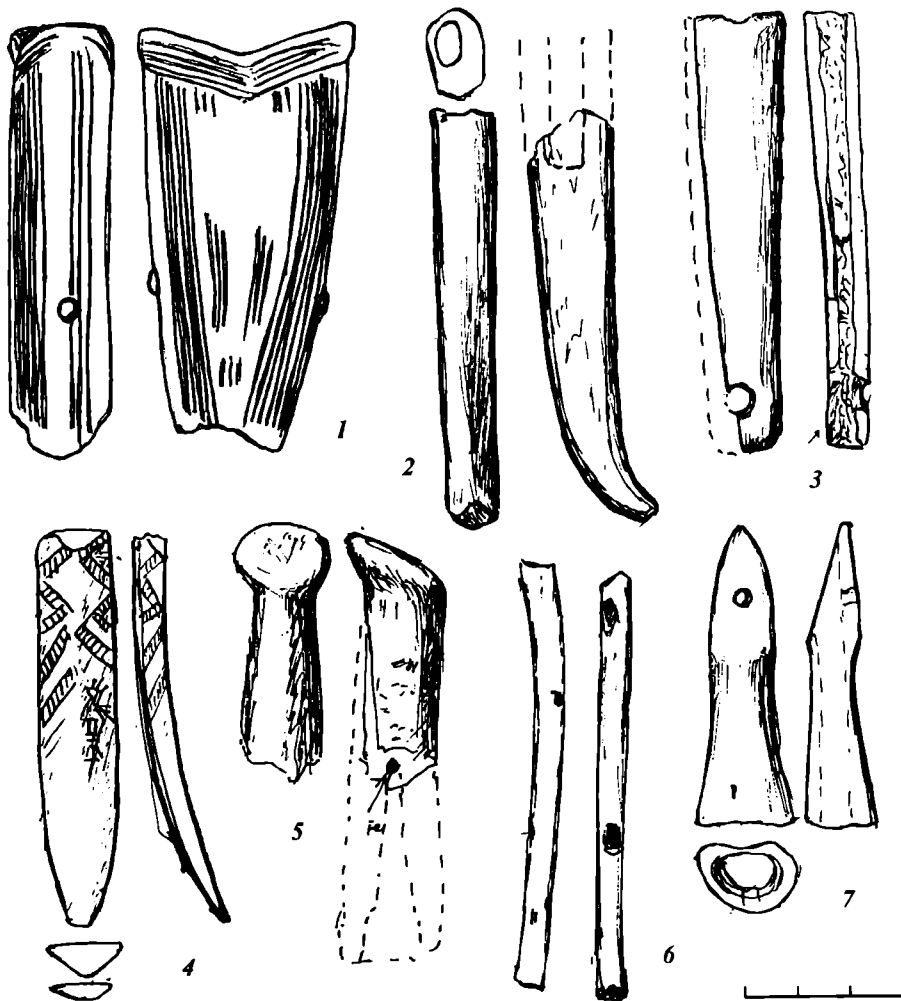

Рис. 8. Костяные и роговые изделия

заполированные. Часть таких трубочек орнаментирована (5 экз.). Сохранившиеся концы обрезаны одинаково – косым срезом по кругу. Точно так же оформлены концы манков (6 экз.; рис. 8, б), тоже из трубчатых птичьих костей, но мелких, с тремя прорезанными на противоположных сторонах отверстиями. Они менее заполированы чем трубочки, и явно были не столь долго в употреблении. Полные аналогии есть на городище Щербинка, одно из них со сверленным боковым отверстием (Дьяковская культура, 1974. Табл. VI). Одинаковое оформление позволяет предполагать одинаковую сферу употребления – в качестве деталей музыкального инструмента типа волынки.

Массовой категорией являются наконечники стрел. Из 98 изделий, включая типологически определяемые заготовки и обломки, наибольшее число относится к стрелам каширского типа (56 экз.; рис. 9, 1–5) с асимметричным треугольным пером с одним жальцем и миндалевидным сечением пера; плоским прямоугольным или овальным – насада. В этом типе выделяется вариант с уступом на стороне, противоположной зубцу. Эта деталь смещает перо, делая его более симметричным (10 экз.; рис. 9, 3). Вероятно, в эту же категорию входит наконечник гарпунного типа – с двумя зубцами на одной стороне (рис. 9, 17). Выделяется крупный наконечник с длинным расширенным в средней части пером. Он отличается от остальной серии коротким насадом, ромбическим сечением острия и смотрится среди костяных наконечников инокультурным (рис. 9, 18).

Значительно разнообразнее симметричные наконечники (31 экз.; рис. 9, 8, 9, 20–25). Большая их часть совпадает с асимметричными по форме, размерам, технике обработки. Жальца их имеют тот же вид, что у стрел каширского типа. В эту же группу входят ромбические наконечники без жалец, иногда перо приближается к треугольнику. Среди наконечников с двумя шипами чаще встречаются изделия из тонких трубчатых костей, чем среди каширских. Своеобразны наконечники из тонких трубчатых костей, изгиб кости обращает жальца в одну сторону (6 экз.; рис. 9, 22). Вариантом симметричных можно считать стрелы с узким иволистным пером, без четкого отделения от насада (4 экз.).

Редкие формы наконечников стрел – с бионическим утолщением (4 экз.; рис. 9, 6, 7), втульчатые (3 экз.; рис. 9, 10, 11), два роговых тупика (рис. 9, 19). Эти типы стрел существенно отличаются от каширских по обработке. Менее определены острия с параллельными лезвиями листовидной формы (3 экз.) и с узким поперечным лезвием. Единственный костяной дротик листовидной формы, отделен от насада не только со стороны ребер, но и плоскостей. Состав наконечников практически не отличается от стрел Каширского городища и от серии, опубликованной К.А. Смирновым (1982). Какой-либо изменчивости во времени уловить не удастся. Стрелы каширского типа преобладают во всех слоях.

В одной из мастерских совместно залежали заготовки одношипной каширской и двух узких листовидных. Наконечники массовых типов существуют долго и не являются хронологическими индикаторами.

Гарпуны распадаются на два вида: гарпуны с муфтой и многозубые остроги. Первые стандартны, насад их в виде массивного круглого в сечении стерженька четко отделен от муфты, крупное перо асимметрично (10 экз.; рис. 9). Остроги (7 экз., включая обломки) делались из метаподиев лошади, слабо выступающие зубцы обращены в сторону изгиба кости по двум и даже трем сторонам – не менее трех на каждой стороне. Насад плоский клиновидный, пригоден для закрепления в расщеп. Обе категории сосуществуют.

Неоднократно встречены рукоятки ножей: костяные из ребер (6 экз.; рис. 8, 3) и из лосиного рога – грибовидные и загнутые на нижнем конце (рис. 8, 2). Орнаментированная рукоять имеет в грибовидной головке дополнительный канал. Это заметно ухудшает ее рабочие качества: грибовидный конец – очень удобный упор для ладони. У второй под грибовидным навершием сформирована суженная шейка. Рукоятки сильно заполированы, имеют следы от черенка ножа.

Оригинален роговой наконечник ножен кинжала (рис. 8, 1). Он имеет орнамент в виде сгруппированных продольных полос, как и на грибовидной рукояти, устье в виде рыбьего хвоста оконтурено валиком. На узких краях тщательно оформлены рельефные бугорки.

Роговой предмет в виде бычьего рога с тщательно вырезанной емкостью, оконтуренной валиком по устью и крестообразно расположенными отверстиями в центре. Отверстия щелевидные. Подобное изделие с Каширского городища определено К.А. Смирновым как псалий (1988). Очень близки ему псалий (?) с Графской горы и парные изделия из могильника Тагискен, сделанные из рога джейрана (хранятся в ГИМ). Они заметно крупнее, и три отверстия расположены у них продольно, как и должно быть на псалии. Вся эта серия обладает рядом сходных признаков: емкость, оконтуренная валиком, изгиб в виде рога, сгруппированные отверстия в центре, хотя они расположены по-разному и имеют разную, явно не случайную форму. Практическое применение изделий Мутёнковского и Каширского городищ в качестве псалиев вызывает сомнение – они слишком непрочны. Стенки в районе отверстий – не более 2 мм, и состоят из губчатой массы рога. К тому же они слишком велики по размерам и неудобны в упряжи (расположенные в одной поперечной плоскости отверстия не дают устойчивого положения в упряжи). Если это псалий, то скорее вотивный, символический, или же этот предмет представляет собой изображение рога или клыка. Аналогия с Тагискенским могильником указывает на весьма раннюю датировку не самого нижнего комплекса городища VIII–VII вв. до н. э.

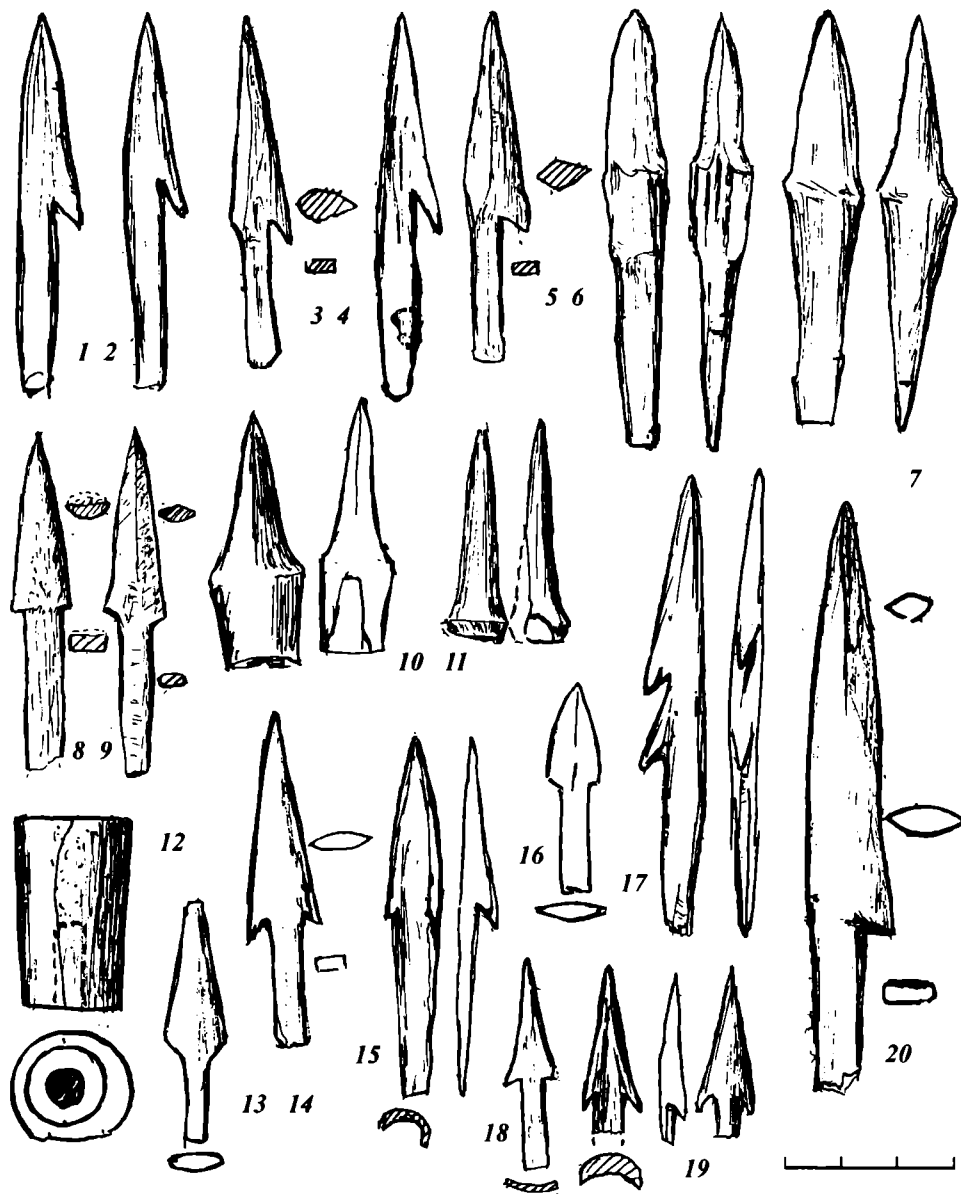

Рис. 9. Костяные наконечники стрел

В яме № 2 был найден загадочный предмет (рис. 10), представляющий собой пластину из рога четырехлетнего лося с обрубленными отростками и ствольной частью вместе с глазничным отростком. На первый взгляд, это заготовка или подкладка для рубки – своего рода разделочная доска. Но поверхность, в том числе зарубки, сильно заполирована, чего не может быть у заготовки. Кроме того, форма ее не случайна, а поверхность местами тщательно обработана и на этих участках нанесены простейшие знаки.

Рассмотрим характер обработки этой пластины. Сначала были удалены отростки. Обрубание велось вкруговую с опорой на острие отростка (в этом случае получают отесывающие срезы), а также по положенному плашмя рогу. После перерубания компакты рога, его переламывали. Ос-

нование рога удалено вместе со значительной частью пластины. От отвершков оставлены массивные пеньки по 4–5 см длиной. После удаления ствольной части вместе с частью пластины образовалась выемка. Видны следы ударов, перпендикулярных плоскости рога, а также следы отески под острым углом. Один из отвершков, по-видимому, треснул вдоль при перерубании и был стесан с наружной стороны. Его пенек имеет высоту со стороны выемки 4 см, с наружной стороны плоские фаски идут от основания от вершка до центральной его части, поверхность предполагаемой трещины отесана плоско. В результате получена форма в виде сегмента (со слегка вогнутой хордой) с тремя расходящимися массивными лучами. Все три луча заметно асимметричны, что не было предопределено

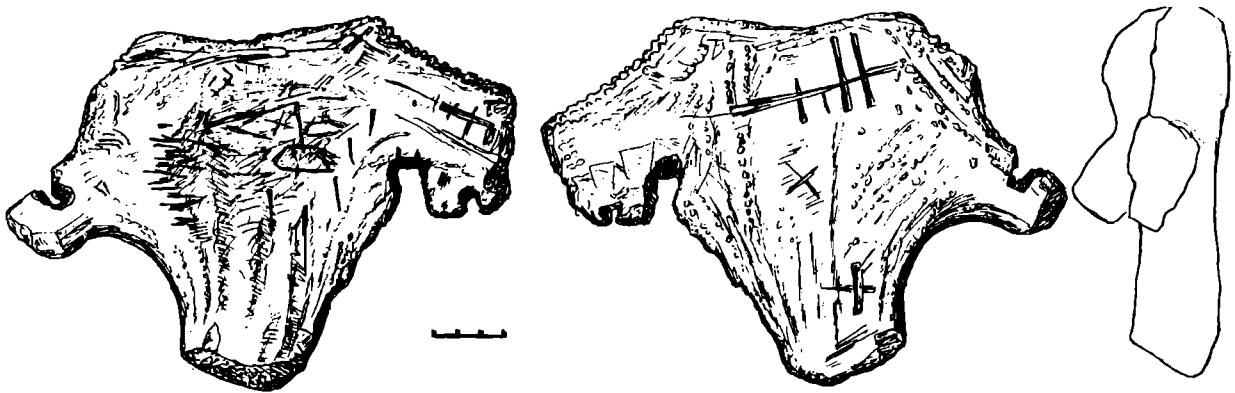

Рис. 10. Роговая маска

формой рога – у наиболее массивного среднего луча стесана одна из сторон. В результате фигура приобрела вид неполной свастики.

Первичная обработка велась только рубящим орудием. Надрубы симметричны – признак работы теслом (при надрубании топором верхний конец лезвия входит в материал глубже нижнего). Лезвие орудия закругленное, шириной около 3 см. Большинство фасок отески не более 7 мм в длину и лишь немногие превышают 1 см. Это лезвие было также тонким и острым (при вертикальных надрубках не происходило сминания прилегающих участков поверхности). На следующей стадии обработки на правой стороне боковых лучей были вырезаны глубокие выемки с петлеобразным расширением диаметром 8–9 мм. На левом, широком луче есть еще вторая, меньшая выемка такой же формы (диаметр петли 6 мм). Выемки прорублены без расточки, но поверхности их ровные, оструганные, края имеют скос в сторону пластины. Видимо, эти выемки предназначались для привязывания пластины в обхват.

Далее велась обработка плоскостей. На левом (широком) луче поверхность с обеих сторон скоблили каким-то зубчатым инструментом (кремнем?), оставившим неровные бороздки, которые затем были в основном соструганы ножом. Ножом срезан рельеф поверхности рога и на прилегающей части выпуклой стороны среднего луча. На оструганной поверхности вырезана крестовидная фигура. Продольная его линия (20×2 мм) глубоко врезана, имеет четко очерченное окончание, оформленное поперечным надрезом. Поперечная черта получена несколькими простыми надрезами ножом – нож устанавливался перпендикулярно плоскости, черты надреза пересекают рельеф и на другом краю луча, вне оструганной поверхности. Точно такой же «крест» с длинной осью (23×3 мм) и тонкой перекладиной вырезан на среднем луче, тоже на оструганном участке, и тоже ориентирован вдоль луча. Третий участок с таким же знаком занимает верхнюю, прилегающую к дуге, часть выпуклой плоскости. Здесь уплощенный срез самый

большой и глубокий – 55×32 мм. Если уплощения под вышеописанные кресты слегка выпуклые и делались ножом, то эта поверхность вогнутая, со следами другого инструмента – параллельными узкими бороздками, соответствующими узкому (4 мм) лезвию стамески. Здесь пять вертикальных прямых и глубоких врезок с четко очерченными нижними концами (ориентировка перпендикулярно верхней кромке совпадает с крестом на среднем луче). Две правых врезки (30×3 мм) и три левых, таких же по технике и ориентировке, по-видимому, не закончены. Все они пересечены единым поперечным надрезом длиной 6 см (отдельные риски гораздо длиннее).

Центральная часть пластины обработана несколько иначе, но одинаково с двух сторон. Здесь частыми параллельными неглубокими зарубками разрыхлялась поверхность, которая затем выскабливалась и шлифовалась. Часть поля насечек с внутренней стороны осталась в первичном состоянии, без скобления. Зарубки образуют множество косых крестов, при совпадении нескольких ударов получались довольно заметные линии: на выпуклой стороне читается по центру косой крест, на вогнутой – фигура вроде трапеции и косые кресты, но в преднамеренности их нанесения трудно быть уверенным.

Вся поверхность рога сильно заполирована. Особенно заметна полировка на выступающих частях – на бугорках первичного рельефа, на углах и ребрах надрубов отески. Заполированность не распространяется на углубленные участки, ее почти нет на вогнутом участке, обработанном надсечением поверхности.

Функционально такое изделие могло служить маской, привязывавшейся через петлеобразные выемки, вогнутой поверхностью плотно прилегая ко лбу. Она могла восприниматься как стилизованное под свастику изображение головы быка. Подобная неправильная свастика нарисована на дне одного из каширских сосудов. Этот знак часто встречается на сосудах срубной культуры. Предположение об использовании роговой пластины как маски быка подкрепляется некоторыми находками с этого городища. Здесь найде-

ны костные стержни рогов – коровы и очень крупных быков (туров?). В 2 м от пластины был найден псалий (?), имеющий форму рога, описанного выше. На многоканальной керамической бусине также есть фронтальное изображение головы быка.

Амулеты и другие ритуальные предметы разнообразны. Серией представлены челюсти хищников с прорезанными отверстиями (4 экз.), подвески из клыков (барсук, волк, медвежонок, кабан). Из скола с клыка кабана сделана изящная лунница. Есть вырезанные из лосиного рога предметы с отверстиями. Наиболее выразительна подвеска в виде чашечки на стержне; в стенке чашечки также просверлено отверстие (рис. 7, 9). Наиболее близка к ней подвеска со Щербинки (Дьяковская культура..., 1974. С. 260). Имеются и незаконченные изделия. Следует обратить вни-

мание на изделия из ребер с чередующимися надрубками по краям. Таким способом на Каширском городище выполнена фигурка змеи. На Мутёнковском городище есть ребра, обработанные так же, но узнаваемых среди них нет. Интересен квадратный в сечении костяной брусок, сломанный по незавершенной поперечной сверлине (рис. 11; б). На всех четырех гранях его нанесены разные знаки: сгруппированные по три косые линии, сгруппированные в овалы точки (такой же орнамент есть на разрезной рукоятке с Каширского городища), пять поперечных надрезов, единичная линия. Второе загадочное изделие – изогнутая роговая пластинка треугольного сечения и с уплощенным концом (рис. 8, 4). На двух гранях нанесен орнамент «лесенкой», образующей зигзаги с дополнительными линиями, и прочерчен стилизованный рисунок петушка.

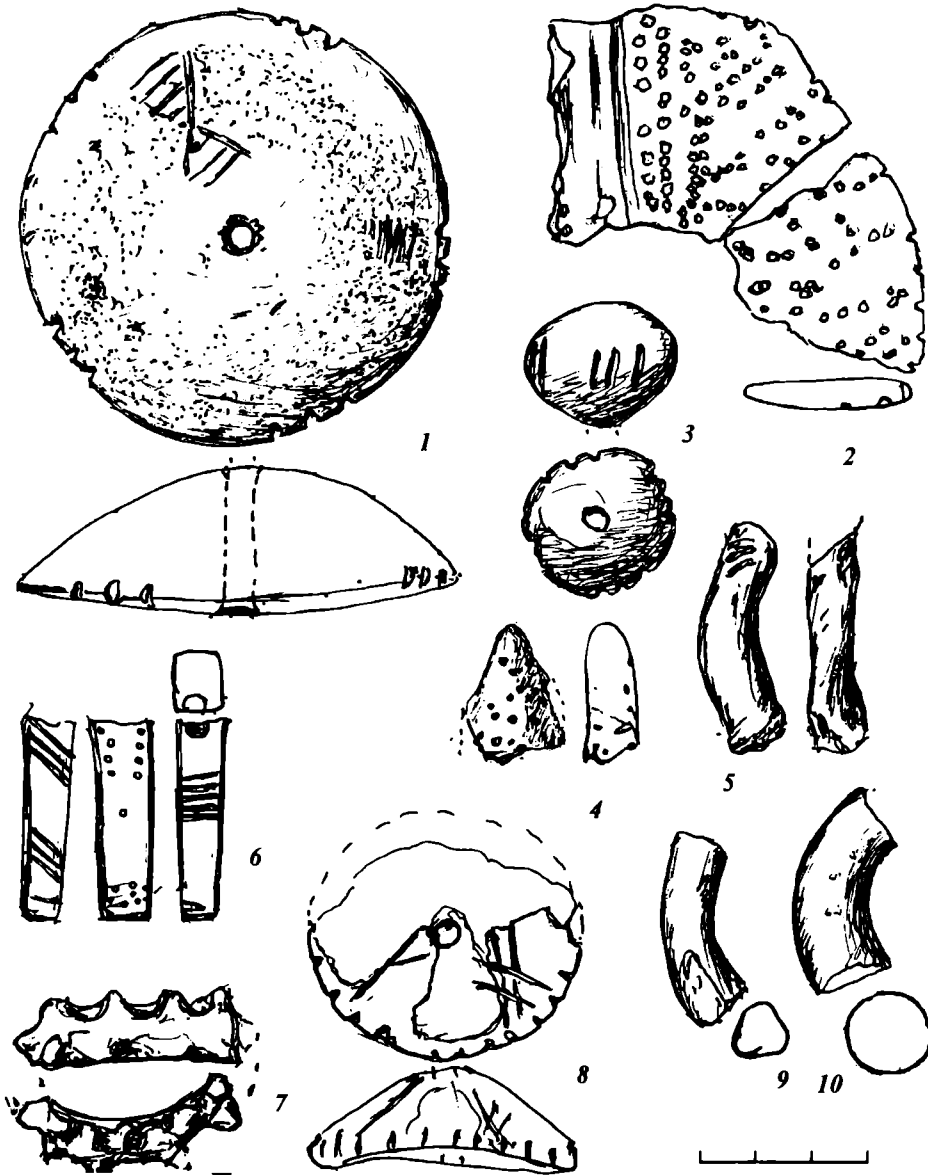

Рис. 11. Амулеты

Зубчатые предметы, сделанные из тонких костей, могли бы быть штампами для орнаментации керамики, но соответствующих им оттисков на керамике не встречено. У одного (небольшого треугольного с маленьким отверстием) 7 острых, хотя и коротких, треугольных зубца. Другой (из ребра) более похож на узкий гребень, но его зубцы разной длины: 3 длинных и 5 коротких (рис. 7, 10). Аналогичный гребень есть на Бельском городище, но там зубцы одинаковые.

Следует упомянуть необычные каменные изделия – валик, выточенный из розового кварцита с продольным желобком и поперечным отверстием, брусок и шарик из мягкого известняка. Ритуальный смысл мог вкладываться в концевой скребок на пластине, карандашевидный нуклеус, наконечник дротика со струйчатой ретушью. На городище нет следов памятников каменного века, значит эти предметы были найдены на стороне и принесены его обитателями. К числу каменных изделий относятся и два предмета из окаменелостей с проточенным каналом. Особо подчеркнем, что на городище практически нет камней, которые не несли бы следы использования человеком: забитость и округлая стертость видны примерно на 150 гальках и кремневых желваках. Часть осколков и желваков кремня имели иное назначение. Здесь проявляется полярная забитость – выкрошенные участки на противоположных полюсах. Так изнашиваются камни, работавшие как зубила, но они крупнее палеолитических *piece ecaillée*, хотя технически работали они одинаково. Часть таких желваков весьма крупные и подвергались специальной оббивке, приобретая форму дисковидных нуклеусов. Среди кремневых орудий есть также сверла недолгого пользования, скребок. При этом на большей части раскопа отщепы и кремневые изделия встречены в основном в верхнем черном слое.

Керамические бусины малочисленны – всего 5 шаровидных мелких, 2 «колокольчика» и 1 многоканальная с изображением на одной стороне. Крупных орнаментированных «бусин» сложной формы всего две (рис. 11, 3). Довольно много обожженных глиняных шариков, лепешек без орнамента и каналов, размеры которых сильно варьируются. Некоторые из них имели заглаженную поверхность. Серию составляют керамические кольца. Форма их разнообразна. Одно орнаментировано защипами, три гладких, круглых в сечении. Наибольший интерес представляют 3 фрагмента плоских колец с орнаментом на одной стороне, который выполнен трубчатым штампом (полым стеблем?) (рис. 11, 2). Аналогии есть на Мамоновом городище (Качанова, 1954) и городище Топорок (Гендуна, 1906). Такой же штамп использован для орнаментации двух керамических плиток, грузика; он есть на обломке неясной фигурки и на плоской фигурке-нашивке в виде стилизованной птицы из верхнего слоя (аналогия также на городище Топорок).

Среди грузиков 9 керамических и 3 роговых. Керамические, кроме одного, найдены в верхнем слое. Специфика каширских грузиков состоит в том, что все они без насечек по верхнему концу; высок процент грузиков со сгруппированными насечками. По классификации К.А. Смирнова (1971) определяются грузики типов 1 (4 экз.), 12 и 3 (1 экз.). Парами встречены грузики типов 1 и 12 – в развале каменной печи и в верхней части заполнения ямы № 11. Своеобразен грузик из ямы № 5. Он полушарной формы, со сгруппированными насечками, тщательно заглажен (особенно плоское основание) и слабо обожжен (глина мажется), тесто без искусственных примесей (у остальных оно такое же, как у сосудов). Условно его можно включать в тип 12, хотя близких аналогий ему я не знаю. Среди грузиков типа 12 орнаментирован один (рис. 11, 8), среди грузиков типа 1 – два. Орнаментирован и грузик с выпуклым основанием.

Все роговые грузики найдены в нижней части предматерикового слоя. Они с округлым верхом, насечки как сгруппированные, так и равномерные (1 экз.), поверхность тщательно заглажена. Видна заполированность канала. У одного из них нанесен знак в виде заштрихованной фигурки «песочные часы», полностью аналогичной знаку на грузике из Каширского городища (рис. 11, 1). У другого по краю вырезан круг, к которому примыкают две группы из 3 и 4 треугольников.

На наших материалах можно утверждать, что роговые грузики предшествуют керамическим. Им может быть синхронен полушарный керамический грузик. Таким образом, на Мутёновском городище зафиксировано появление грузиков в слоях, синхронных ранним слоям городища дьяковской культуры, где грузики отсутствуют. Керамические грузики типа 12, редкие на всех памятниках кроме Каширского городища, здесь – одна из основных форм, и появляются они на позднем этапе существования памятника. Из этого следует, что грузики – не изобретение дьяковской культуры. В каширской группе памятников они появляются раньше, сначала как роговые.

Керамические пряслица (6 экз.) встречены от шаровидного до округленно-биконического. Характерная черта – плоско-вогнутая площадка на одной из сторон. Шаровидное пряслице отличается по характеру глины, с поверхностью, орнаментированной лощением (тонкие концентрические линии).

Миниатюрные сосудики многочисленны, но в большинстве представлены донными частями. Формы разные, большей частью несимметричные, с емкостью от вдавленного пальца, донышко массивное. Часть таких обломков с кривым дном была, скорее всего, фрагментами погремушек. Не более четверти сосудиков повторяют формы обычных горшков, в том числе техникой лепки (у них точно так же отслаивается

дно). Толстостенные сосуды иные – их тесто ближе к льячкам и литейным формам. Встречены необычные формы миниатюрных сосудов: приземистый шаровидный, в виде овального корытца и рюмкообразные с маленьким выделенным дном с закраинами. Многие из них выполнены тщательно, с заглаживанием. Один такой миниатюрный сосуд был при обжиге смят.

Из погребушек одна целая, другая из двух кусков. От погребушки происходит также керамическое ушко с поперечным каналом.

Рогатые кирпичи встречаются в большом числе обломков, но лишь небольшая их часть поддается реставрации, один найден целым. Размеры разнообразны, у большинства по верху проходит слабо выраженный продольный желобок, но есть изделия и без желобка. У всех прослеженных имеется в центре поперечное отверстие. Почти все они имеют в тесте обильную примесь органики (отпечатки травы). Поверх-

ность всегда хорошо заглажена, но сохранность из-за слабого обжига плохая. Немногие обожжены до красного цвета. Во всех случаях обжиг очень ровный на всю глубину – это показатель несильного, но долгого прокала. Встречаются кусочки совершенно необожженных кирпичей из той же бело-зеленоватой глины, что и очажные валики. Единственное исключение – рогатый кирпич с примесью извести, обожженный довольно сильно. Он интересен тем, что орнаментирован с двух сторон прочерченным сложным рисунком. Орнамент есть еще на двух экземплярах – розетки из пальцевых оттисков на обоих торцах изделия и прочерченный двойной крест на боковой стороне (рис. 12). Нередко отмечается совместное залегание осколков рогатых кирпичей и обожженных камней.

Единственным стеклянным изделием на городище был маленький осколок синей глазчатой бусины.

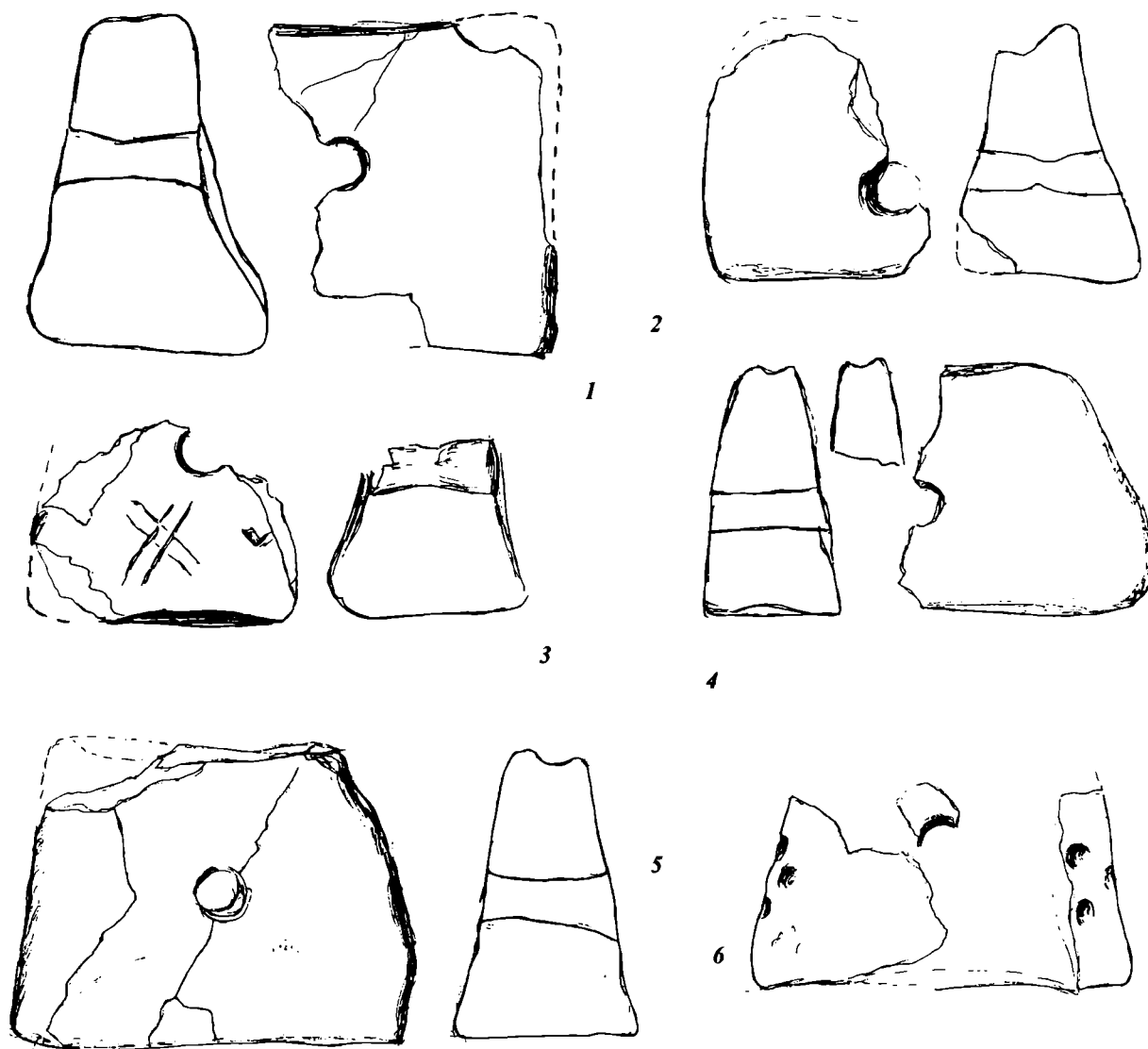

Рис. 12. Рогатые кирпичи

Фаунистические остатки по нашим наблюдениям показывают преобладание костей свиньи и лошади, далее следует корова и мелкий рогатый скот. В составе охотничьей добычи на первом месте бобр, далеко ему уступают по количеству лиса, заяц, медведь, куница, барсук, очень редок лось. Дикая фауна есть во всех слоях и количество ее примерно одинаково. Если по составу стада Мутёнковское и Каширское городища тождественны, то по охотничьей добыче разница велика: на Каширском единичные кости бобра и лося есть только в нижнем слое.

Карпологический анализ в настоящее время выполняется Н.А. Кирьяновой, но он еще не завершен. Специализированных орудий земледелия не найдено. Только находки нескольких копалок (массивных, грубо и нестандартно обработанных заостренных трубчатых костей

со следами специфического износа) могут быть с известной долей осторожности отнесены к земледельческим орудиям. С обработкой зерна может быть связано обилие пестов и терочных плит, которые встречались во всех слоях. Нередко плоские известняковые плитки и куранты-песты лежали парами.

Обильная керамическая коллекция готовится к публикации О.А. Лопатиной. Здесь отметим только основные особенности керамики каширской группы. К.А. Смирнов отмечал низкий процент сетчатой керамики (около 12%), что, казалось, противоречило раннему возрасту остального материала памятника. В нашем материале сетчатая керамика (рис. 13) встречена преимущественно в верхнем слое, но и здесь ее процент низок. Это баночные сосуды с округленными боками, некоторые с минимальной профилиров-

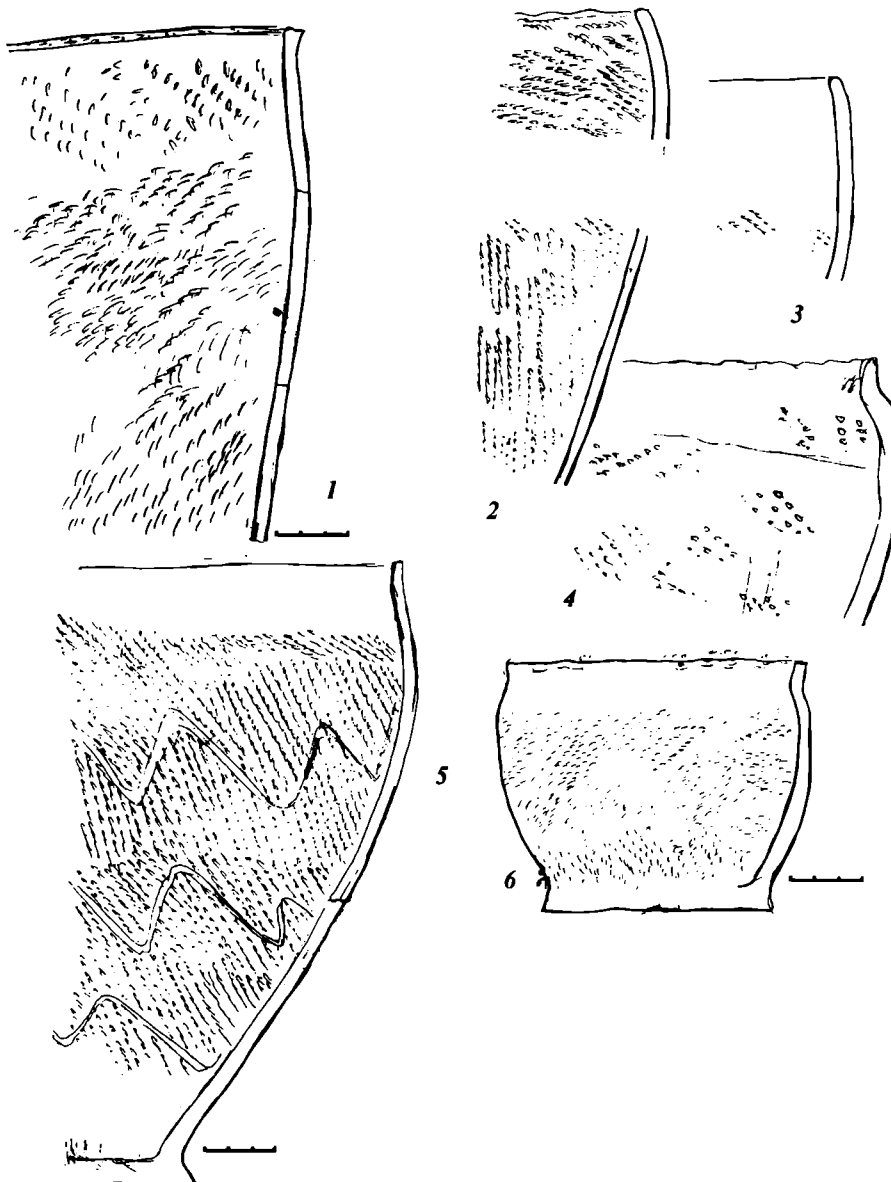

Рис. 13. Сетчатая керамика

кой верхней части стенок. Один орнаментирован треугольниками из плоских ямок, выполненных узлом. В нижней части нижнего слоя сетчатая керамика отсутствует. Среди сетчатой керамики встречены сосуды с рябчатым и нитчатыми отпечатками. При этом у сосудов с нитчатыми отпечатками характер теста, формы и обработки поверхности такие же, как у гладкостенных, а у малочисленных образцов рябчатой керамики они ближе к обычным характеристикам дьяковской керамики.

Основная часть коллекции – гладкостенные сосуды (рис. 14). Только для верхней части слоя характерны (но не преобладают) сосуды с обильной примесью крупной дресвы, обычные для дьяковской культуры. Именно они порой имеют короткий оттянутый край венчика (тоже дьяков-

ская черта). Подавляющее большинство составляют сосуды с опесчаненным тестом, с очень умеренным количеством дресвы, тщательно заглаженные, значительно более тонкие, чем дьяковские. Качество обработки черепка порой приближается к гончарному. В подавляющем большинстве это открытые баночные формы и миски, пофилировка края у них минимальна. Такие же формы имели сетчатые сосуды с нитчатой обработкой поверхности, орнаментированные крайне редко. Таким образом гладкостенная керамика каширского типа заметно отличается от дьяковской. Она в основном с примесью песка, очень хорошо заглажена, для нее не характерны обычные для дьяковской посуды слегка отогнутые венчики. Пористая гладкостенная посуда отсутствует.

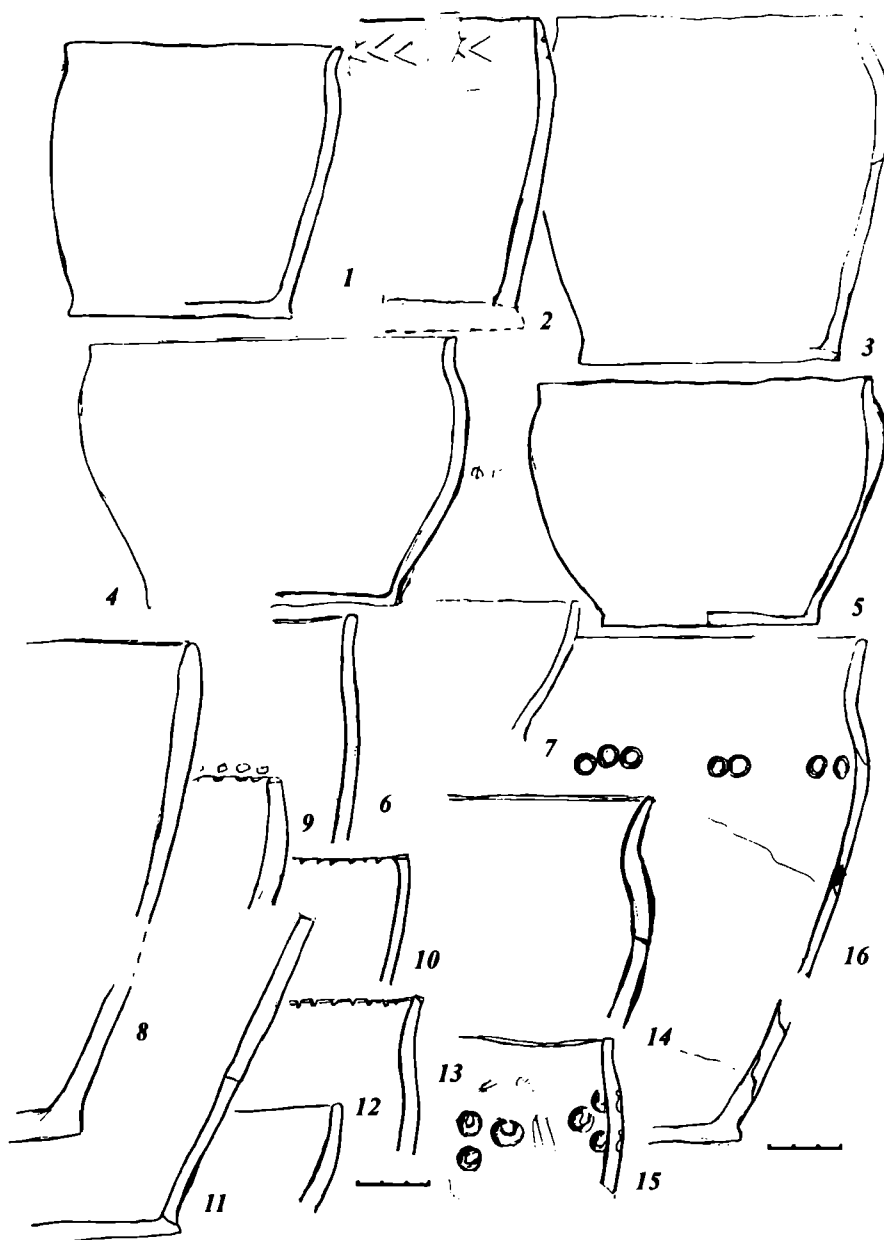

Рис. 14. Гладкостенная керамика

Третью группу составляют сосуды со штрихованной поверхностью (рис. 15). У них четко выражены плечики. Большинство орнаментировано тем же зубчатым штампом, каким велась обработка поверхности. Эта керамика встречена во всех слоях, но максимум ее приходится на самую нижнюю часть слоя. Не ясно, почему в раскопе К.А. Смирнова были лишь единичные фрагменты штрихованной керамики. В наших материалах она местами составляет 10%. Не меньше ее и в нижних слоях Каширского городища.

По нашему мнению, Мутёнковское и Каширское городища составляют особую группу памятников, не входящую в дьяковскую культуру, но обнаруживающую связи с ней, это особенно заметно на позднем этапе существования городищ. Возможно, в эту группу входили и другие городища Средней Оки, относимые к дьяковской культуре – Кропотовское, Подмоклово, Тешиловское. Вверх по Оке значительную близость с ней обнаруживает нижний слой городища Николо-Ленивец. Вызывает сомнение поздняя датировка

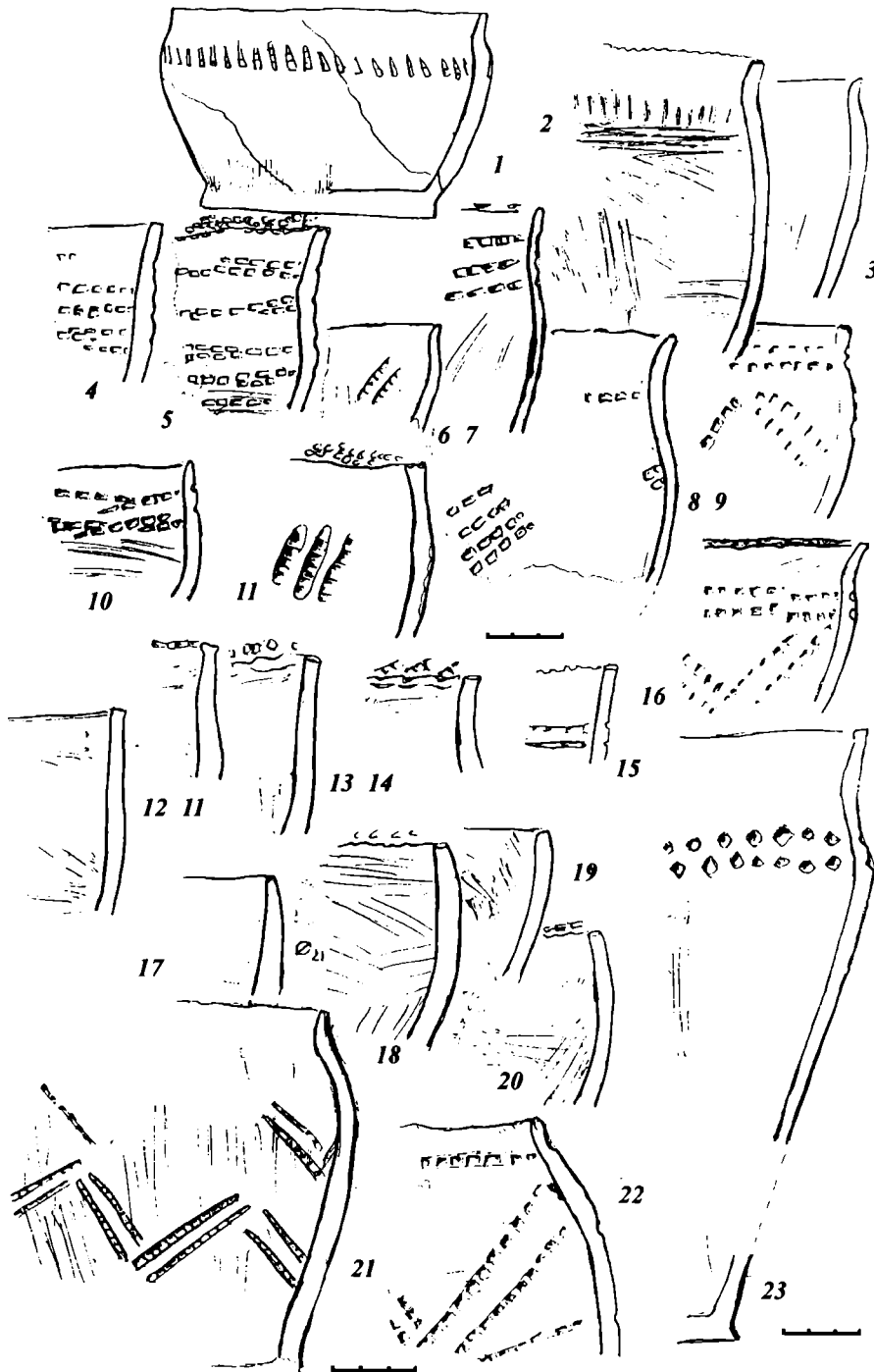

Рис. 15. Штрихованная керамика

слоя – III–II вв. до н. э., основанная на единственной находке браслета. Существенным отличием этого городища можно было бы рассматривать конструкцию исследованных на нем жилищ, однако, не исключено, что за остатки глинобитных стен и потолков Т.Н. Никольская приняла те глиняные прослойки, которые на Мутёнковском городище истолкованы нами как остатки полов.

Связи с дьяковской культурой позволяют понять генезис ряда элементов последней. В частности, здесь можно наблюдать становление такой традиционной формы, как «грузик дьякова типа». Через каширскую группу памятников можно проследить южное влияние, которое заметно преобразует культуру сетчатой керамики.

Завершение существования Мутёнковского и Каширского городищ относится нами к перио-

ду не позднее начала II тыс. до н. э. Но именно с этого момента начинается трансформация дьяковской культуры раннего этапа в позднедьяковскую, которую Н.А. Кренке и другие исследователи предлагают считать новой культурой – настолько значительна эта трансформация. Толчком к ней, вероятно, послужила инфильтрация инородной культуры, ассимилированной местным населением. Именно каширская группа памятников может претендовать на роль катализатора в трансформации дьяковской культуры. Возможно, следы такой инфильтрации можно видеть в ряде специфических компонентов в глубине дьяковской территории. К ним относится серия керамических плоских поделок с полями трубчатого ямочного орнамента (городища Топорок, Мамоново).

Литература

- Гендуне Ю.Г., 1906. Городище Топорок. Тверь.
- Городцов В.А., 1928. Археологические исследования в Коломенском и Каширском уездах // Тр. археолого-этнографического музея 1-го МГУ. Вып. 3. М.
- Городцов В.А., 1933. Старшее Каширское городище // ИГАИМК. Вып. 85. М.
- Дьяковская культура. М., 1974.
- Качанова В.И., 1954. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.
- Лопатина О.А., Сидоров В.В., 2003. Раскопки Мутёнковского городища // Тез. док. Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Ч. II. ГИМ. М.
- Никольская Т.Н., 1962. Городище у дер. Николо-Ленивец // СА. № 1.
- Розенфельдт Р.Л., 1970. О глиняных жертвенниках // МИА. № 176. М.
- Сидоров В.В., Смирнов К.А., 1999. Зооморфная рукоять со Старшего Каширского городища // РА. № 1.
- Сидоров В.В., 2002. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. I. Кашира.
- Смирнов К.А., 1971. К вопросу о систематике грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // МИА. № 184. М.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Смирнов К.А., 1980. Раскопки Мутёнковского городища // КСИА. Вып. 162. М.
- Смирнов К.А., 1982. Костяные наконечники Мутёнковского городища // КСИА. Вып. 170. М.
- Смирнов К.А., 1988. Костяной псалий со Старшего Каширского городища // СА. №2.

Приемы изготовления ювелирных украшений из «клада» Троицкого городища

Исследователи, изучавшие ювелирные украшения дьяковской культуры, не раз обращались к изучению способов их изготовления (Смирнов, 1970; Успенская, 1971; Розенфельдт, 1982). Рассматривая следы операций по изготовлению украшений и следы применения инструментов, сохранившиеся на предметах, в некоторых случаях удается восстановить все стадии производственного цикла в последовательности (Рындина, 1998).

Ювелирные украшения из состава «клада» Троицкого городища, хранящиеся в археологических фондах ГИМ¹ и опубликованные в 1970 г. (Древнее поселение..., 1970), были изучены методом визуального осмотра с использованием бинокулярного микроскопа «МБС-9» с применением фотофиксации². Исследованию были подвергнуты фигурные накладки, шумящая сложносоставная подвеска, колокольчатые привески, бляшки-скорлупки, гривны с ромбическим щитком, орнаментированные пластины, пластинчатый перстень (всего 31 предмет) (Древнее поселение..., 1970. С. 36, 78–80. Рис. 20. Табл. 17–19).

Скопление вещей было найдено в заполнении рва Троицкого городища, в его северо-восточной части. Стратиграфически анализируемые

украшения располагались в верхнем горизонте культурных отложений, датированном II–V вв. н. э. (Древнее поселение..., 1970. С. 32, 59). Общая датировка украшений из «клада», проанализированных в данной работе, по мнению исследователей, укладывается в рамки IV–V вв.

На основании полученных данных мы можем выделить следующие способы получения конечного продукта, характерные для этих украшений. Превалирующим является *литье*. Украшения этой группы после отливки не подвергались доработке с применением специальных операций. Поверхность изделий несет на себе следы удаления литников, литейных швов и заглаживания. Второй схемой изготовления является *сборка* украшения из отдельно отлитых и обработанных деталей. Третий способ – *кузнечная обработка* с применением таких операций как расковка, расплющивание (разгонка), рубка поковки.

Хорошая сохранность металла, малая поврежденность коррозией, а также изучение серий однотипных предметов (колоколовидных привесок, орнаментированных пластин) во многих случаях позволили получить, на наш взгляд, довольно интересные сведения.

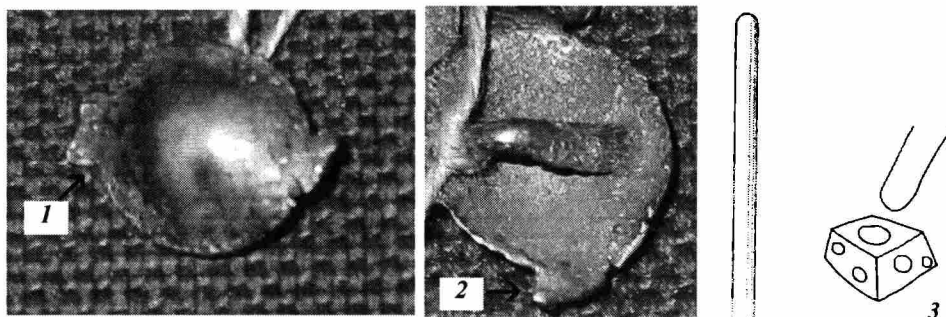

Рис. 1. Бляшки-скорлупки

1, 2 – необработанные остатки литников. «Фестончатый» край. Обратная сторона;
3 – инструментарий для изготовления первой группы бляшек

¹ ГИМ. Инв. № 102689. Оп. XXXIII/1005.

² Выражаю искреннюю признательность сотруднику отдела археологических памятников ГИМ И.Р. Ахмедову за предоставленную возможность работы с коллекцией, а также сотруднице кафедры археологии Исторического факультета МГУ Н.В. Енисовой за постоянную помощь в работе.

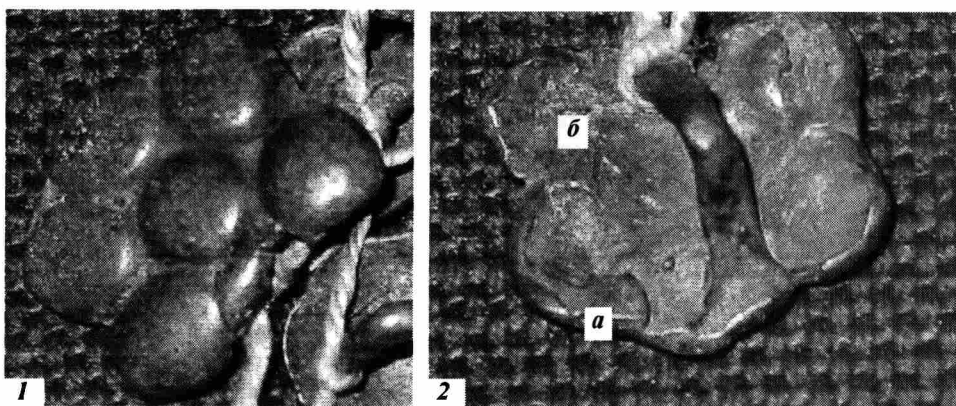

Рис. 2. Дефекты литья на бляшке-розетке

1 – лицевая поверхность бляшки, недолив шестого лепестка; 2 – оборотная сторона (а – место подведения литника; б – восковые наплывы)

Украшения, изготовленные литьем по выплавляемой модели

Выплавляемая модель для отливки *бляшек-скорлупок* (5 экз.) была получена при сгибании плоской круглой пластины воска, представляющей собой шляпку бляшки. Их отличает деформированность формы шляпки, фестончатость края. Дужка в этом случае крепилась после изготовления шляпки. Литник во всех случаях подводился к месту стыка дужки с шляпкой – на бортик. Отметим, что изделия несут следы брака, возникшего при литье – многочисленные каверны на поверхности, литейные поры, разрывы металла, недоливы. После отливки изделия не обрабатывались абразивом, литники не спиливались (производилась лишь обрубка) (рис. 1).

Модель *бляшки в виде розетки* изготовлена путем продавливания пуансоном лепестков на цельной пластине воска (6 лепестков и центр). Этот способ известен еще с эпохи ранней бронзы – мастера применяли специальную наковальню с полушаровидными углублениями и особые пуансоны для продавливания пустотелых шариков.

На центральном участке оборотной стороны бляшки, вероятно, был нанесен дополнительный слой воска, предотвращавший деформацию формовочного материала – об этом свидетельствуют тонкие линии разрыва металла на лицевой стороне бляшки. С оборотной стороны фиксируются следы работы инструментом на месте стыка петли и края бляшки. Литниковый канал был подведен к краю бляшки на оборотной стороне. Отсутствие 6-го лепестка – следствие недолива металла, возникшего, вероятно, из-за несоблюдения технологии литья. На поверхности изделия отмечены многочисленные литейные поры (рис. 2).

В составе «клада» также находились три *круглые неорнаментированные бляхи*: одна с от-

верстием посередине и две с рядом петелек на оборотной стороне (Древнее поселение..., 1970. С. 34. Рис. 19, 8, 21, 22)³. Наиболее интересной представляется одна из бляшек с петельками (Древнее поселение..., 1970. С. 34. Рис. 19, 21).

Бляшка также изготовлена литьем по выплавляемой модели. Петельки крепились к поверхности при помощи своеобразных фиксаторов из тонких нитей воскового материала. На внешней стороне бляшки хорошо заметен след в виде четырехгранника с перекрещенными линиями, проходившими из угла в угол. Вероятно, это следы подставки, использованной мастером при изготовлении выплавляемой модели или при ее заформовке. В этом случае мастер мог использовать эту своеобразную подставку для просушки жидкой глины, которой покрывается выплавляемая модель перед изготовлением литейной формы. При этом достаточно тонкая пластина модели могла не выдержать веса глины и «провиснуть» (рис. 3).

Колокольчатые привески (6 экз.) несут на себе выразительные следы работы с восковой моделью.

Треугольные отверстия на привесках прорезались непосредственно на выплавляемой модели при помощи острого инструмента – ножа или заточенной кости (зафиксирована предварительная разметка в виде тонких линий). Простые бортики на привесках формовались из загнутого нижнего края, при этом излишек воска срезался (следы инструмента, остаток несрезанного воска). В экземплярах с витой косичкой по краю применялась проволочная перевитая нить (жгутик), которая при помощи разогретого воска склеивалась с телом привески (капли воска, места склеивания концов жгутика). На пирамидальных привесках шарики «зерни» не наплавлялись на металлическое изделие, а формировались также из воска и приклеивались к телу привески

³ В данный момент эта бляшка находится в экспозиционном зале ГИМ и не доступна для детального изучения.

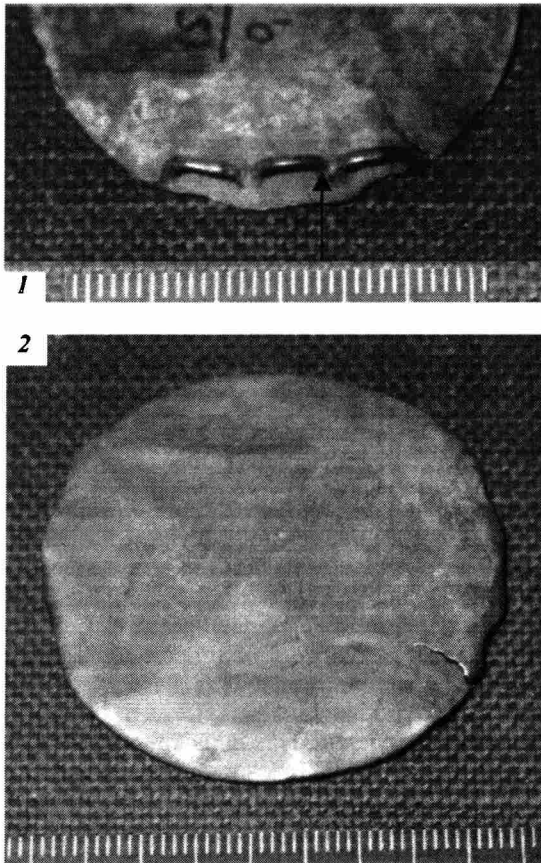

Рис. 3. Следы подставки на поверхности бляшки

- 1 – оборотная сторона (стрелка указывает на восковые фиксаторы на петельках);
2 – лицевая сторона: отпечаток шаблона

с помощью так называемого горячего инструмента. Прототипом этих привесок, вероятно, послужили римские тинтиннабулы, часть которых декорировалась зернью (Nowakowski, 1988).

На изделиях зафиксировано место подведения основного и дополнительного литников. Основной литник подводился к верхней части подвески – на ушко, дополнительный – к средней части тулова. Вероятно, древними мастерами применялась так называемая ярусная литниковая система, при которой питатели подводят к отливке на нескольких уровнях для обеспечения лучшего ее заполнения металлом (Гутов, Никитин, 1995). В этом случае металл поступал по центральному литниковому каналу и по боковым ветвям-литникам, питавшим нижнюю часть формы, что позволяло производить одновременную отливку нескольких привесок (рис. 4; 5).

Две ажурные пронизи состоят из бляшек-скорлупок и украшены дополнительным орнаментом – плетеной и спиральями (Древнее поселение..., 1970. С. 34. Рис. 19, 2, 5).

При анализе этих украшений К.А. Смирнов пришел к выводу, что бляшки монтировались друг с другом, вероятно, с помощью паяния. Кроме того, по мнению исследователей, все составляющие орнаментальные мотивы этих украшений паялись друг с другом, а в одном случае – на основу из перекрещенных металлических полос (Древнее поселение..., 1970. С. 181–182; Розенфельдт, 1982, С. 54–58, 72–75). Хотя пайка металлов известна с глубокой древности, она всегда отличалась достаточной трудоемкостью (Флеров, 2001. С. 220–224).

При микроскопическом изучении этих украшений были выявлены следы отливки по выплавляемой (восковой) модели: многочисленные капли воска, применение проволочных нитей для изготовления плетеной косички и волют, следы соединения бляшек и других декоративных элементов друг с другом при помощи капель воска и «горячих» инструментов.

Все элементы были сформованы отдельно друг от друга из воска. Для удобства плетения косички (нижний орнаментальный ряд) мастер использовал некий шаблон (вероятно, тонкую веточку), следы которого зафиксированы на обороте. Для скрепления уже готовой восковой модели (толщина – 0,5–0,7 см) он приклеил на обратную сторону две полоски воска. Петли, сформованные из восковых жгутиков, приклеивались при помощи «горячего» инструмента (рис. 6).

Для изготовления так называемой зерни на волютах также применяли капли воска. Подобная техника изготовления псевдозерни была отмечена и для украшений с городища дьяковской культуры Настасьино⁴, датированного V в. до н. э. – II в. н. э. Основу украшения составляют

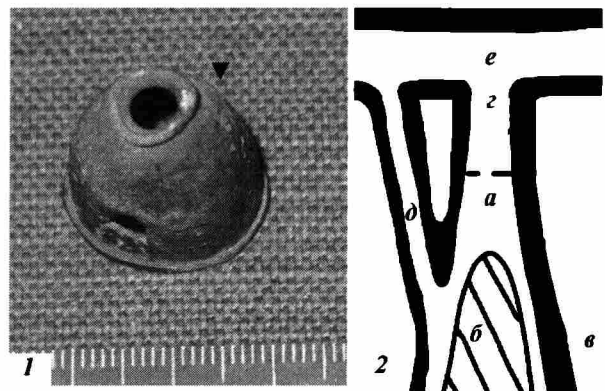

Рис. 4. Колоколовидные привески (реконструкция литейной формы)

- 1 – остаток литника на верхнем диаметре изделия;
2 – реконструкция литейной формы; а – отливка (выплавляемая модель); б – глиняный стержень; в – оболочковая форма; г – верхний (главный) литник; д – дополнительный литник; е – литниковый канал

⁴ Коломенский район Московской области. Раскопки 1999–2000 гг. Подмосковной экспедиции ИА РАН под руководством А.В. Энговатовой.

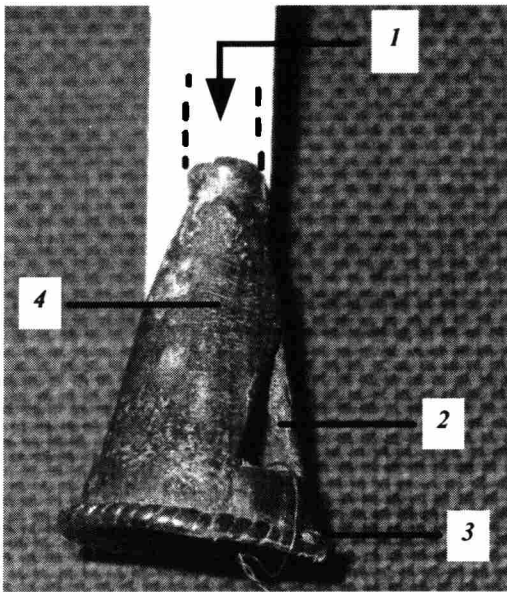

Рис. 5. Колоколовидная подвеска. Данные визуального осмотра

1 – литник; 2 – наплывы металла, образовавшиеся при вырезании прорезей в мягкой модели; 3 – место скрепления концов проволоки-жгутика; 4 – обработка поверхности абразивом

бляшки-скорлупки с кантиком. Их изготавливали из воскового шарика или круга, который продавливался пуансоном с окончанием выпуклой или шаровидной формы. Подобная схема изготовления была детально изучена при исследовании разнообразных бляшек-скорлупок из коллекции городища Настасьино (Сапрыкина, 2001).

Сборные украшения из отдельных деталей

К этой группе относится одно из наиболее интересных украшений, найденных в составе «клада» – шумящая подвеска (Древнее поселение..., 1970. С. 34. Рис. 19, 4). Сходные с ее верхним щитком изделия известны из раскопок Борисоглебского и Дьякова городищ (Розенфельдт, 1982. С. 71. Рис. 16, 2; Кренке, 1989. С. 80. Рис. 1, 8).

Подвеска смонтирована из нескольких элементов, изготовленных отдельно. Основа украшения – треугольный щиток – была получена литьем по выплавляемой модели, формирование которой происходило в несколько приемов. На оборотной стороне изделия и на боковых частях прорезей заметны следы основы, на которую наклеивались капли воска в виде шариков зерна по описанной выше схеме (рис. 7, 1). Верхний и нижний край щитка, а также петелька оформлена наклеенной на основу «косичкой», полученной из проволочных нитей. На оборотную сторону щитка подвески приклеены восковые нити, проходящие через всю площадь изделия. Вероятно, их назначение можно объяснить так же как в случае с ажурной пронизью.

Литьем по выплавляемой модели были получены также цепи и привески-колокольчики этого украшения. Способ изготовления колокольчиков уже описывался. Интересно изготовление некоторых цепочек: восковая модель представляла собой согнутую пополам полосу, части которой через определенные промежутки соединялись друг с другом, образуя кольцо (рис. 7, 2). Литники подводились или ко всем колечкам, или к трем-четырем кольцам из цепи. Их остатки

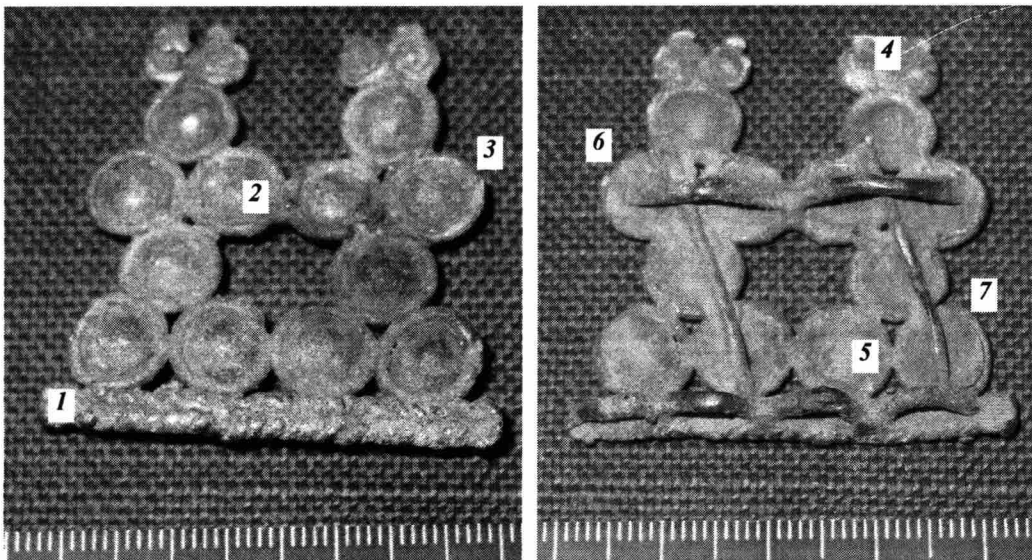
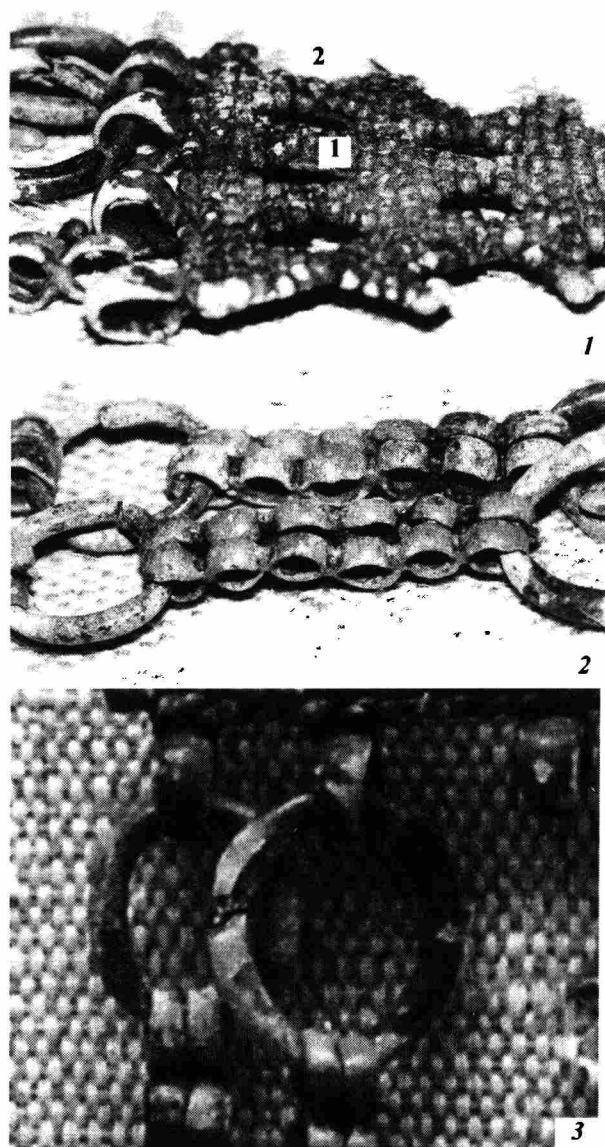

Рис. 6. Данные визуального осмотра ажурных пронизей

1, 2 – капли металла на поверхности, возникшие из-за дефекта выплавляемой модели (капли воска); 3 – место подведения литника; 4 – место подклеивания волюты к бляшке при помощи воскового налета; 5 – место приклеивания восковой нити петельки к основе; 6 – место подведения литника; 7 – следы формовки бляшки с кантиком

Рис. 7. Составные части шумящей подвески

1 – щиток подвески (1 – восковая основа; 2 – склейка восковых шариков «зерни» с основой); 2 – цепочки; 3 – кольца-цепедержатели

зафиксированы на внешних стенках изделия. Другие цепи изготовлены из отдельных колечек, впоследствии соединенных друг с другом на стадии восковой модели.

Большие кольца-цепедержатели изготовлены из рубленого литого дрота округлого сечения. Следы рубки хорошо заметны на отдельных кольцах. Вероятно, заготовка подвергалась дополнительной проковке (о чем косвенно свидетельствует неравномерность сечения и утолщения на ее концах) и изгибанию на оправке нужного размера (рис. 7, 3) (Рындина, 1971. С. 119).

Украшения с кузнечной обработкой

К этой группе изделий относятся 2 полных изделия и 3 фрагмента, атрибутированные К.А. Смирновым как *гривны* (Древнее поселение..., 1970. С. 181), изготовленные при помощи кузнечной обработки литой заготовки.

Орнаментальный ряд, выполненный на гривнах из «клада» Троицкого городища, стилистически сопоставим с орнаментом на головных венчиках с эмалями римского времени, найденными на территории Белоруссии и Среднего Поднепровья (Гурын, 2001. С. 66. Рис. 1, 1; Гроховский, 1988. С. 115). Исследователи отмечают упрощение стиля и техники исполнения – эмалевый декор в позднеримское время заменяется на чеканный или гравированный (Гроховский, 1988. С. 112–115. Табл. 58, 1–6; 58, 14; 59, 16). Одними из близких аналогий для исследуемых изделий по форме щитка и орнаментальному ряду, на наш взгляд, являются римские серебряные пояса с эмалями с поселения Красный Бор в Белоруссии, датируемые рубежом эр – I в. н. э. (Гурын, 2001. С. 66, 67. Рис. 1, 17). Аналогии троицким гривнам К.А. Смирнов видел в диадемах из Мощинского клада (Древнее поселение..., 1970. С. 181).

Литой полуфабрикат гривны по форме, вероятно, был приближен к конечному виду. Витые концы и грибовидные окончания отливались в форме (в месте стыка прута и грибовидного навершия зафиксированы следы работы абразивом при снятии облоев). Затем производилась кузнечная доработка – середина расплющивалась до пластины (при этом, помимо кувалды, могли применять и специальные инструменты – раскатки) (Флеров, 2001). На оборотной стороне гривен заметны многочисленные глубокие линии, вероятно, возникшие в процессековки⁵.

После придания необходимого размера и формы на поверхности изделия гравировался и чеканился орнамент: циркульный, зигзаг, «решнички», линии. Гривны имеют ровную, гладкую поверхность – риски и неровности перед гравировкой были, скорее всего, удалены шлифовкой. При гравировке в основном применялся острый резец с узкой или широкой рабочей частью, для чеканки – пуансон (штамп с циркульным орнаментом) или маточник (рис. 9).

Частью этого же украшения является и пластина, интерпретированная как трапециевидная подвеска (Древнее поселение..., 1970. С. 78. Рис. 17, 8). Она является фрагментом гривны, дошедшей до нас в сильно деформированном виде (Древнее поселение..., 1970. С. 34. Рис. 19, 19). Возможно, эта деформация была необходима для помещения украшения в тигель для переплавки.

⁵ Вопрос о применении холодной или горячей деформации остается открытым.

Рис. 8. Поясные привески орнаментированные

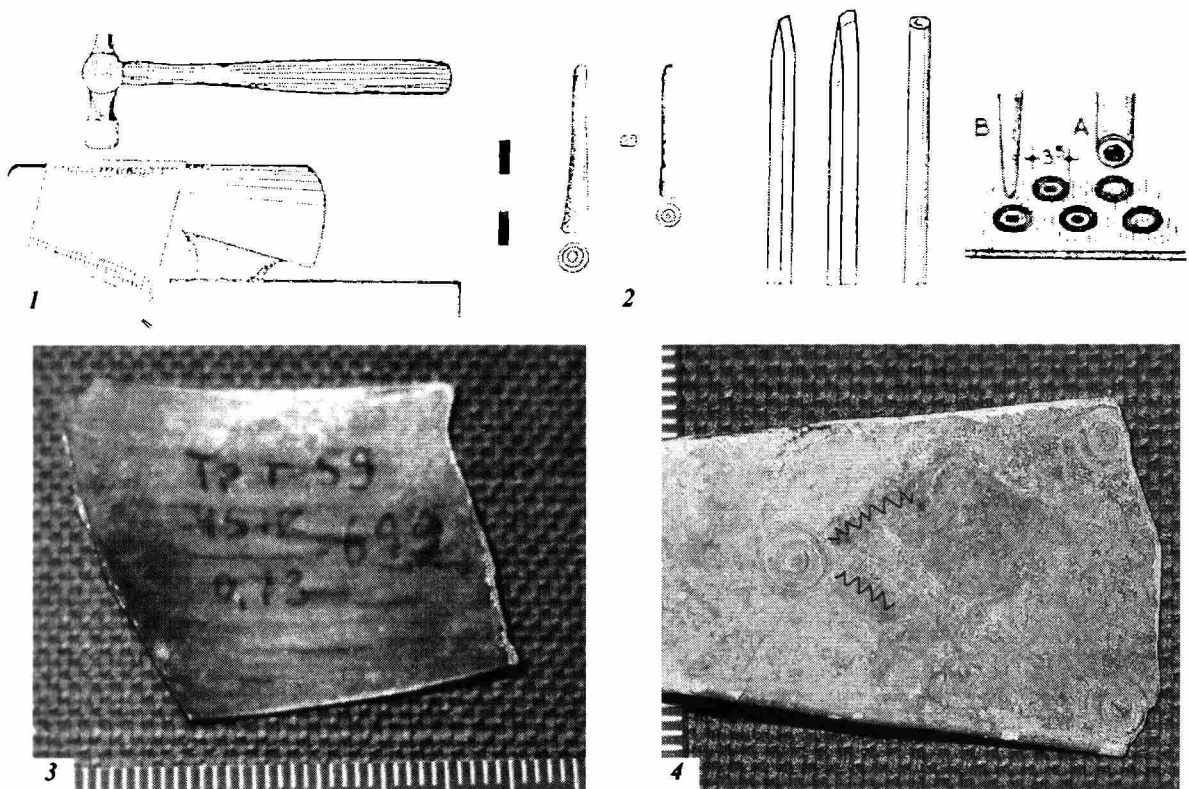

Рис. 9. Гивны с ромбическим щитком

1 – схема кузнечной доработки после литья; 2 – набор инструментов для выполнения гравировки; 3 – оборотная сторона гивны; 4 – пример орнаментации (прорисовка автора)

Обе гривны несут на себе следы ремонта – склепывания отдельных частей украшения. «Процесс клепки состоит из просверливания отверстий в деталях, установки в них заклепок и расклепывания выступающего конца заклепки с образованием второй головки» (Флеров, 2001. С. 219). При клепке гривны из Троицкого «клада» было применено неподвижное соединение заклепки с потайной (плоской) головкой, в некоторых случаях несущей на себе циркульный орнамент. Кроме заклепок на сохранившейся гривне в центральной части находятся две сверленные дырочки, через которые могла продеваться проволока для скрепления частей украшения. Скорее всего, это следы повторного ремонта гривны (рис. 10).

Особую группу в коллекции Троицкого городища представляют пластинчатые изделия, изготовленные путем расплющивания металлической заготовки в тонкую пластину (толщиной 0,5–0,7 мм)⁶ – это *пластинчатый перстень* и *поясные привески* (7 фрагментов) (Древнее поселение..., 1970. С. 34, 78. Рис. 19, 1, 6, 7, 10, 17. Табл. 17, 23, 24).

Перстень и пластины, используемые в качестве поясных привесок, были вырезаны из металлического листа остро заточенным инструментом (зубильцем или пилой), что подтверждают неровность и заостренность краев пластин. Эти изделия объединяет в одну группу и способ получения орнамента – чеканка.

Невысокий рельефный орнамент на пластинчатом перстне был получен при помощи чекана с круглой головкой – пурошника. Это чекан с круглой, сферической головкой, служащий для выколотки (подъема) полукруглых форм при чеканке с изнанки изделия (Флеров, 2001. С. 120).

Точечный орнамент на поясных привесках был получен с применением канфарника – металлического стержня с заостренным концом.

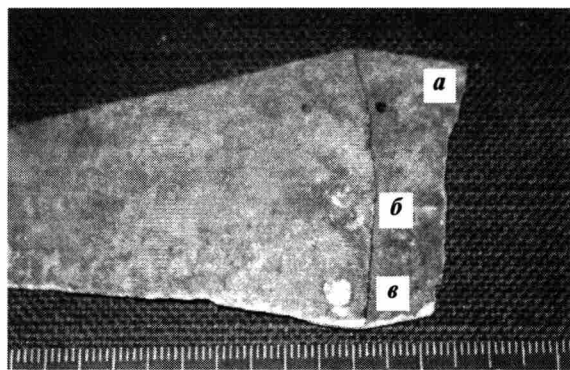

Рис. 10. Следы ремонта гривны

В обоих случаях мастер применял насмолку – фиксацию пластины на смоле, коже, дереве или глине (рис. 11) (Флеров, 2001. С. 119, 124). В результате чеканный орнамент получался мягким, без острых вершин и разрывов металла.

При изучении поясных привесок выявилось, что изображения, прочеканенные на двух из них, отличны от опубликованных в 1970-е гг. Согнутая пополам привеска (Древнее поселение..., 1970. С. 78. Табл. 17. Рис. 24)⁷, сохранившая остатки крепежного железного штифта, украшена точечным орнаментом как с внешней, так и с внутренней стороны. На внешней стороне, как это показано на рисунке в публикации, присутствует орнамент, сходный с орнаментацией трапециевидных привесок мощинской культуры⁸, выполненный в такой же технике «точечного накола». На внутренней стороне изделия хорошо виден орнамент, выполненный в той же технике, но в другой манере исполнения (точки ровные, одного диаметра, не пробивают пластину), представляющий собой, скорее всего, фрагмент изображения антропоморфной фигурки (рис. 8, 2). Расположение, поза, детали композиции в общем сходны с изображениями на известной пластине из Огубского городища (Розенфельдт, 1982. С. 123. Рис. 30, 9). Исследованная привеска с Троицкого городища, несомненно, является частью большой пластины – об этом свидетельствуют выходящие за границы изделия линии орнамента.

Попробуем реконструировать процесс изготовления этой привески и этапы ее использования. Первоначально она представляла собой, вероятно, накладку на пояс с самостоятельным законченным сюжетом. Перед нанесением точечного орнамента была выполнена расходка на внешней стороне изделия, от линий которой мастер при чеканке не отступал. Вдавливанию от чекана получились четкие, без разрывов металла, и нечитающиеся на внешней стороне. Вероятно впоследствии накладка была разрезана на отдельные пластины и использована в качестве поясной привески. Внешняя сторона ее была орнаментирована, но уже другой рукой – здесь отсутствует разметка, пробивка грубая (с разрывом металла). Подобный дефект мог появиться при чеканке без фиксации пластины на поверхности. Оконтуривание привески перекрывает сохранившийся краевой орнамент предшествующего изделия.

Вторая пластина (Розенфельдт, 1982. С. 123. Рис. 30, 5)⁹, отличительной чертой которой является толщина – 1–1,5 мм, с остатками железного штифта для крепления к поясу, орнаментирована сложной композицией (Древнее поселение...,

⁶ Заключение дано на основе визуального осмотра.

⁷ ГИМ. Инв. № 102 689. Оп. XXXIII/1005. Пол. № 97, 1960 г.

⁸ ГИМ. Инв. № 25778. Оп. № XVIII/549. Пол. № 285,

⁹ ГИМ. Инв. № 102689. Оп. № XXXIII/1005. Пол. № 690, 1959 г.

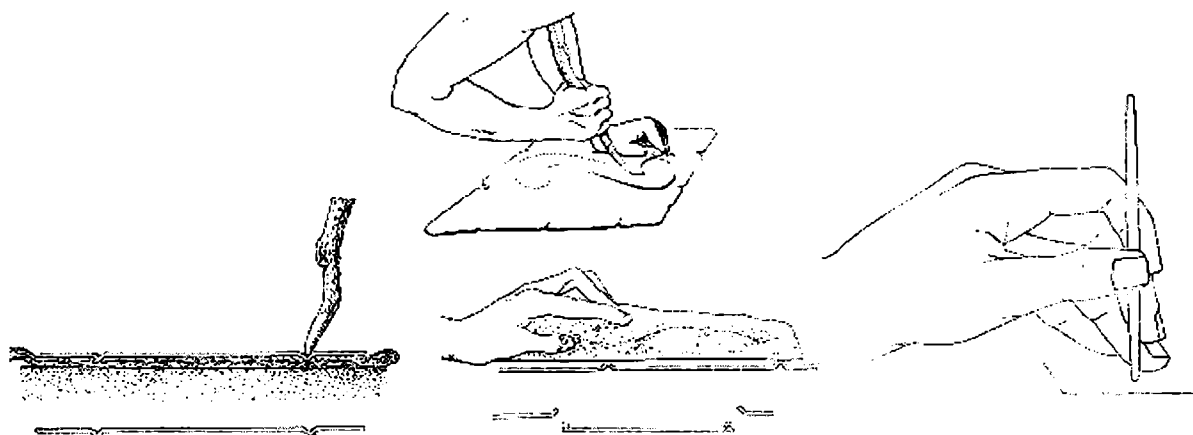

Рис. 11. Способ получения точечного орнамента на пластине: вырезание, выравнивание острых краев полученной пластины

1970. С. 34. Рис. 19, 10). На пластине изображен всадник на фоне горы (?) (рис. 8, 1). Расцвет культуры исследователи связывают с пьяноборской культурой Прикамья, где происходит усложнение образа «солнечного коня» в сторону антропоморфизации. Сюжет пластины с Троицкого городища находит аналогии и на серебряных блюдах Прикамья юго-восточного происхождения с изображением знаменитого «Пермского всадника» (Збруева, 1950. С. 205–210).

На территории азелинской культуры в III–V вв. получают широкое распространение подобные украшения из тонких металлических пластин, на которые нанесены разнообразные узоры и фигурки вместо техники «точечного накола», в том числе встречаются и изображения коней (Генинг, 1963. С. 36).

Украшения третьей схемы составляют довольно интересную группу изделий, аналогии которым практически отсутствуют в материалах дьяковской культуры и представляющих, скорее всего, предметы импорта. В первую очередь, это гривны, по аналогии с украшениями из Мощинского клада датируемые III–V вв. (Массалитина, 1991). Несомненно, они принадлежат к кругу вещей так называемого мощинского типа (изделия круга выемчатых эмалей II–III – V вв.), находки которых неединичны на городищах дьяковской культуры, представляющих, вероятно, отголоски инокультурного (?) влияния, связанного с событиями II–III вв. (Ахмедов, 1998). Культурная принадлежность орнаментированных поясных привесок также явно находится вне ареалов дьяковской культуры.

Литература

- Ахмедов И.Р., 1998. Пять челюстей на ремешке. Контакты леса и степи на рубеже тысячелетий // Родина. М. № 2.
- Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III–V вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Ижевск.
- Гроховский Т.Л., 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепрорья и южного Побужья. Дисс. ... канд. ист. наук. Научный архив ИА НАНУ. Ф. 12. Киев.
- Гурын М.Ф., 2001. Антычны імпорт на тэрыторыі Беларусі я рымскі перыяд // ГАЗ. № 17. Мінск.
- Гутов Л.А., Никитин М.К., 1995. Справочник по художественной обработке металлов. СПб.
- Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970.
- Збруева, 1950. Пермский всадник // ВДИ. № 1.
- Кренке Н.А., 1989. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмоскowie // СА. № 2.
- Массалитина Г.А., 1991. Мощинский клад // КСИА. Вып. 205. М.
- Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
- Рындина Н.В., 1971. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.
- Рындина Н.В., 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.
- Сапрыкина И.А., 2001. Ювелирные изделия дьяковской культуры по материалам городища Настасьино Коломенского района Московской области. Дипломная работа. Хранится на Историческом факультете Российской академии образования.
- Смирнов К.А., 1970. Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище // Древнее поселение в Подмоскowie. М.
- Смирнов К.А., 1974. Вещевой комплекс дьяковских городищ // Дьяковская культура. М.
- Успенская А.В., 1971. Остатки ювелирного производства на городище Подмоскowie // Тр. ГИМ. Вып. М.
- Флеров А.В., 2001. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М.
- Nowakowski W., 1988. Import czy imitacja? Brazowe dzwonki ze «skarbu z Mieciogorje» na tle znalezisk z Europy wschodniej // Archeologia XXXVIII.

Производственный ювелирный комплекс дьяковской культуры на городище Настасьино

Подмосковной экспедицией Института археологии РАН под руководством А.В. Энговатовой в 1999–2000 гг. была исследована часть городища, расположенного у деревни Настасьино Коломенского района Московской области (Средневековое поселение..., 2004. С. 5). При раскопках городища были обнаружены свидетельства существования на нем производственного ювелирного комплекса дьяковского времени, включавшего глиняные тигли, отходы бронзолитейного производства (выплески металла и фрагменты литников), очаги в жилых постройках¹.

Очаги

В северо-западной части площадки городища были зафиксированы остатки трех очагов, располагавшихся в центре помещений двух жилых построек, непосредственно связанных с производственным ювелирным комплексом (кв. Ж-6, кв. Е-10, кв. Г-Д-7-8) (см. рис. 1; 2). Все очаги подпрямоугольной формы, располагаются в центральной части построек, заглублены в пол, покрытый слоем речного песка. По сохранившимся фрагментам можно предположить, что очаги имели глиняные обожженные борта. В центре – пятно прокаленной глины и скопления угля.

Особенности распределения выплесков металла, льячек и изделий из цветного металла позволяют предположить использование очагов для нужд ювелирного дела. Этому не противоречат данные рецептуры сплавов, употреблявшихся для литья на городище – для их плавки не требовалась температура, превышающая 1000°C.

Металл раскалялся и плавился в очаге на древесном угле. Высокую постоянную температуру в очаге открытого типа поддерживать трудно, т. к. ее быстро сбивает большое количество угля и золы в зоне обжига (Пряхин, 1996. С. 145). Экспериментальными исследованиями установлено, что температура в костре в течение 10–15 мин (без добавления топлива) достигает 800°C и более и держится в течение 20–40 мин., после чего постепенно снижается; горящие угли в костре

держат температуру в 450–550°C в течение нескольких часов (Пряхин, 1996. С. 170–171). Температура в домашнем очаге достигает 1000°C и выше и держится более длительное время: для поддержания в очаге необходимой для плавки металлов температуры использовали духовые трубки или примитивные ручные меха с глиняными соплами. Необходимо отметить, что использование домашних очагов в качестве ювелирных печей зафиксировано на многих памятниках дьяковской и других культур раннего железного века (Боршевское, Троицкое городища и др.).

Тигли и льячки

В ходе исследования керамической коллекции удалось выделить 5 фрагментов глиняных сосудов, достоверно относимых к тиглям. Детально реконструировать форму тиглей не удалось, т. к. их фрагменты слишком малы и не дают необходимой для этого информации. По сохранившимся фрагментам донцев тиглей их можно отнести к типу цилиндрических тиглей-стаканов с плоским дном (Craddock, 1989. Р. 183–187; Ениосова, Митоян, 1999. С. 56. Тип 1). Сохранившаяся высота – 3,3–4,3 см; толщина стенок в верхней части – 0,8–1,3 см, в нижней придонной части – 1,3–1,7 см.

Тигли, как емкости для плавки, имеют определенные характеристики. Они должны быть достаточно прочными, изготовленными из особой формовочной массы, обладающей огнеупорными свойствами (Ениосова, Митоян, 1999. С. 54–55). Тигли из коллекции городища Настасьино изготовлены из красножгущейся глины, в тесте визуальнo фиксируются большие примеси кремнезема и органики, добавки которых повышают огнеупорность сосудов. На одном образце отмечено наружное ошлаковывание стенки, которое, вероятно, является результатом «реакции между кремнеземом, содержащимся в формовочной массе, древесной золой в очаге или печи и металлом при его утечке из емкости» (Ениосова, Митоян, 1999. С. 55).

¹ Выражаю искреннюю благодарность сотруднице кафедры археологии Исторического факультета МГУ Н.В. Ениосовой за оказанную помощь в работе.

Таблица 1. Распределения остатков сплава по тиглям (полужирным выделены металлосодержащие образцы)

№ по описи	Тип тигля	№ анализируемого образца	Глина			Металл		
			Fe	Zr	Sr	Cu	Sn	Pb
1607	1	735	+	+				
931	1	736	+	+				
994	1	737	+	+			+	
1777	2	738	+				+	+
920	2	739	+					+
199	1	740	+				+	+
259	1	741	+	+	+			
1769	2	742	+	+	+			
492	2	743	+				+	+
1753	2	744	+	+	+			
211	2	745	+	+	+			
993	2	746	+				+	+
492	2	747	+				+	+
317	2	748	+				+	+
552+928	2	749	+	+	+			
396	2	750	+					+
1293	2	751	+			+	+	+

К типу льячек достоверно отнесены 12 экземпляров и их фрагментов. Они представляют собой открытые ложковидные тигли с ручкой, без носика для слива. Форма льячек стандартная: ковш округлой формы с ручкой треугольного сечения. Ручка цельная, без втулки, со следами сильного обжига на конце. Высота ковша варьируется от 6,5 до 7 см, длина ручки составляет 8–9 см, диаметр устья – 3,5–4 см, толщина стенок – 1,2–1,6 см. Льячки изготовлены из красножгущейся глины с примесью песка и органики. На оборотной стороне замечены следы формовки сосудов на подсыпке из речного песка.

В литературе принято считать, что льячки – отдельная категория инструментария, которая служила для розлива расплавленного металла из собственно тиглей в литейные формы. При этом не учитывалось, что металл в тигле начинает застывать уже через несколько секунд после его извлечения из огня (Ениосова, Митоян, 1999. С. 60). Скорее всего, и это подтверждается последними исследованиями, льячки следует относить к категории тиглей. При помощи ручки такой тигель удерживали в огне очага или костра (в данном случае, с использованием щипцов).

Таким образом, установлено, что литейщики городища Настасьино для плавки и очистки металлов использовали два вида тиглей:

1) открытые тигли-стаканы с плоским дном, устанавливавшиеся на дно очага;

2) открытые тигли-лячки с ручкой.

Необходимо отметить, что в коллекции городища отсутствуют льячки, отличительной чертой которых является наличие канала в ручке (Смирнов, 1974. С. 67).

Небольшое количество тиглей первого типа в коллекции может объясняться тем, что их полное разрушение происходит уже после несколь-

ких плавок металла, т. к. кремнезем и глина плавятся под воздействием высоких температур. Находки целых тиглей-стаканов являются достаточно редким явлением – это отмечается исследователями как для античного времени, так и для периода раннего средневековья (Craddock, 1989. P. 183–187; Ениосова, Митоян, 1999. С. 55).

Находки тиглей-лячек не единичны, по их многочисленным находкам на городищах лесной полосы Восточной Европы фиксируется наличие металлообработки (Смирнов, 1974. С. 67–69; Шмидт, 1992; и др.). Наибольшая коллекция тиглей происходит из Бискупинского городища (550–400 гг. до н. э.) – поселения мастеров-литейщиков лужицкой культуры (Piaskowsky, 1957).

На донцах и стенках тиглей сохраняются остатки металла в виде капелек или тигельных шлаков; эти остатки металла пригодны для проведения анализа его химического состава (Ениосова, Митоян, 1999. С. 55).

Для определения наличия и состава металла в тиглях был проведен анализ тигельных шлаков с помощью энерго-дисперсного рентгено-флуорисцентного анализа (РФА) (Ениосова и др., 1997)². Были получены следующие результаты, представленные в виде таблицы, где микропримеси разделены по основным материалам анализируемых образцов – глине и металлу (табл. 1).

Необходимо оговорить, что некоторые металлы (Cu, Fe, Sn, Zn) входят в состав глинистых и неглинистых минералов формовочной массы тиглей. Порог чувствительности примененного метода для таких элементов как Cu, Zn, Sn, Pb, Ag, Au составляет 0,1–0,2% (Ениосова, Митоян, 1999. С. 55–56). Содержание Cu, Sn, Pb в глине составляет менее 0,02%, в песках они отсутствуют вообще (Справочник..., 1990. С. 153–155, 162). Такая концентрация элементов-металлов в

² Анализы выполнены заведующим рентгено-спектральной лабораторией Р.А. Митояном (кафедра геохимии Геологического факультета МГУ).

Таблица 2. Типы сплавов и чистые металлы

Тип сплава	№ анализа	№ по описи и тип
Чистый металл: Sn	737	994, 1-й тип
	739	920, 2-й тип
Pb	750	396, 2-й тип
	738	1777, 2-й тип
Легкоплавкий сплав: Sn-Pb (Sn>Pb)	740	199, 1-й тип
	748	317, 2-й тип
	743	492, 2-й тип
Pb-Sn (Sn<Pb)	746	993, 2-й тип
	747	492, 2-й тип
	751	1293, 2-й тип
Оловянно-свинцовая бронза (Cu-Sn-Pb)		

глине не позволяет фиксировать их с помощью метода РФА. Таким образом, полученные данные по микропримесям Cu, Sn, Pb целиком относятся к тигельным шлакам, сохранившимся на некоторых из тиглей.

Анализ полученных данных из этой выборки выявил остатки двух типов сплавов (оловянно-свинцовую бронзу (Cu-Sn-Pb) и легкоплавкий сплав (Sn-Pb)) и двух чистых металлов (Sn и Pb), применявшихся в ювелирном производстве на городище Настасьино. Отметим, что данные этой случайной выборки использовались нами в сопоставлении с данными по химическому составу металла, применявшегося для изготовления ювелирных украшений (Сапрыкина, Энговатова, 2002), и результатов анализа выплесков металла с городища (табл. 2, 3).

Как видно из таблицы 2, мастера употребляли тигли 1-го типа для плавки чистого металла и легкоплавкого сплава, однако малый объем выборки не позволяет говорить о наличии или отсутствии специализированных типов сосудов для плавки определенных видов металлов и их сплавов.

Объем металла, расплавленного в этих тиглях, не превышал 8–9 см³, что достаточно для отливки нескольких небольших по размеру украшений в один прием. Очаги, зафиксированные на городище Настасьино, не имеют специальных приспособлений для литейного производства: тигли ставились в открытый очаг на угли и для расплавления металла нагревались снаружи. Большой объем металла требует других форм тиглей и технологии плавки металла, отличной от тигельной (Пряхин, 1996. С. 147–152).

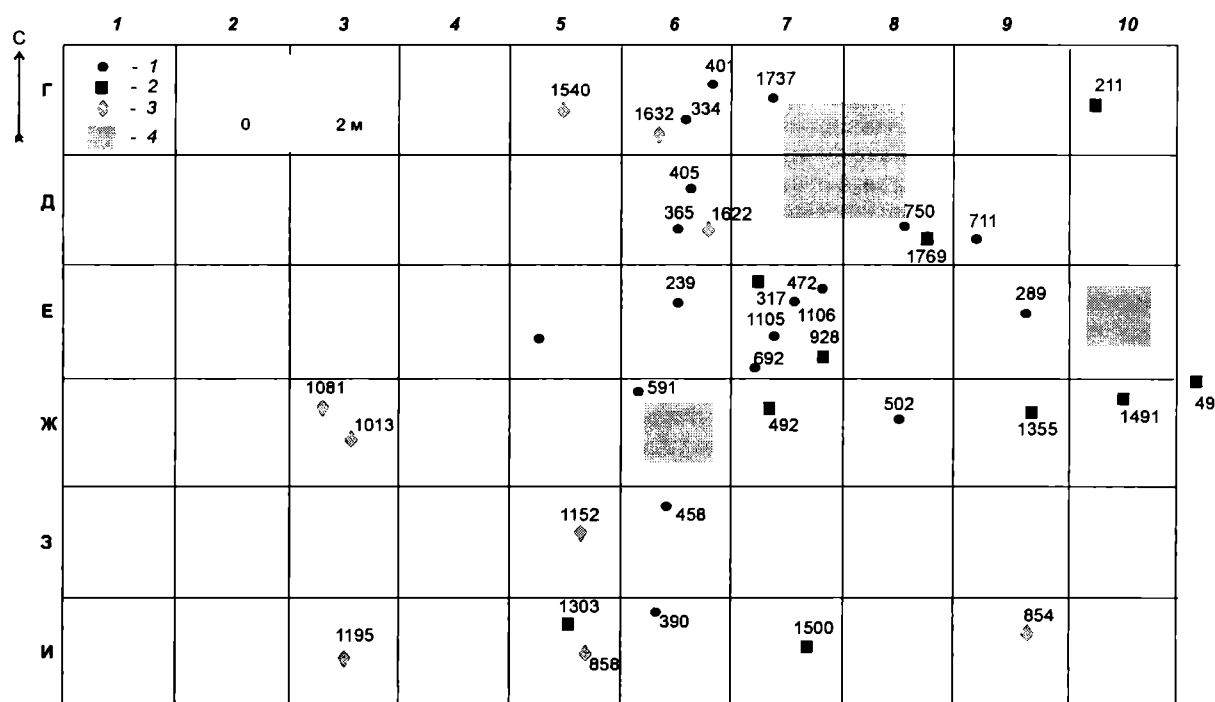

Рис. 1. План находок выплесков и льячек с определенным химическим составом
1 – выплески; 2 – льячки; 3 – фрагменты глиняных изделий в виде колец, предположительно – остатки литейных форм; 4 – местонахождение очага

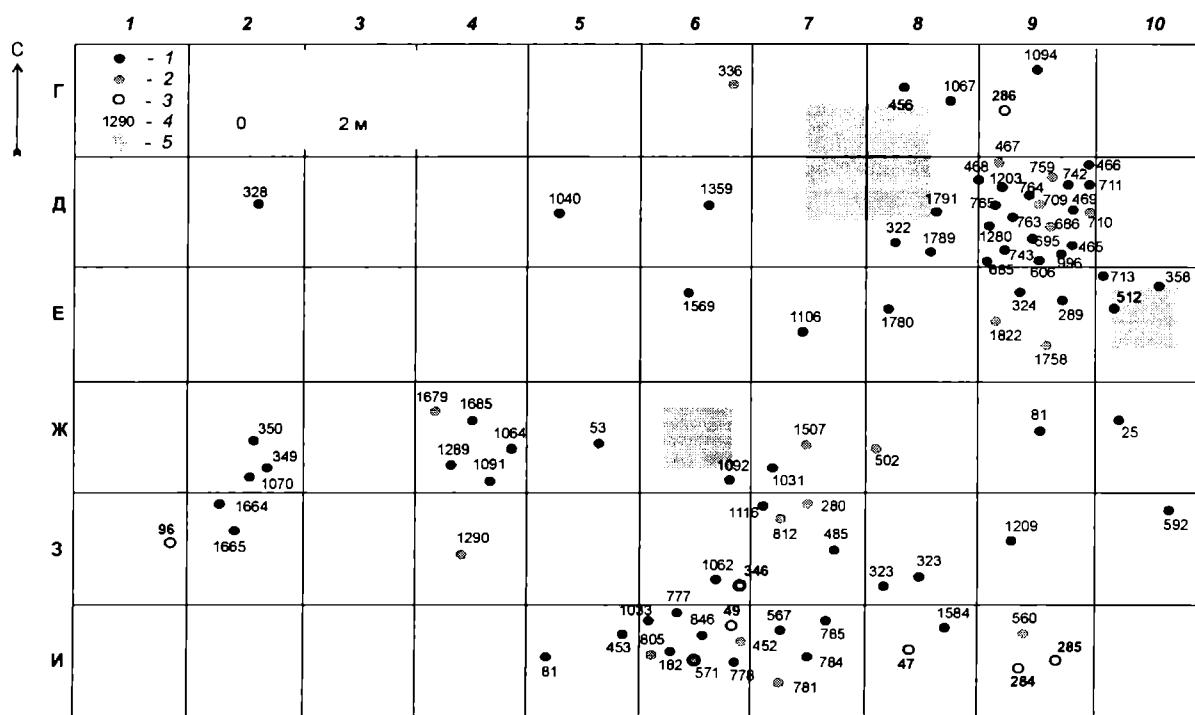

Рис. 2. План находок украшений с определенным химическим составом
 1 – оловянно-свинцовая бронза; 2 – оловянная бронза; 3 – многокомпонентные бронзы;
 4 – номера по описи индивидуальных находок 2000 г.; 5 – расположение очагов

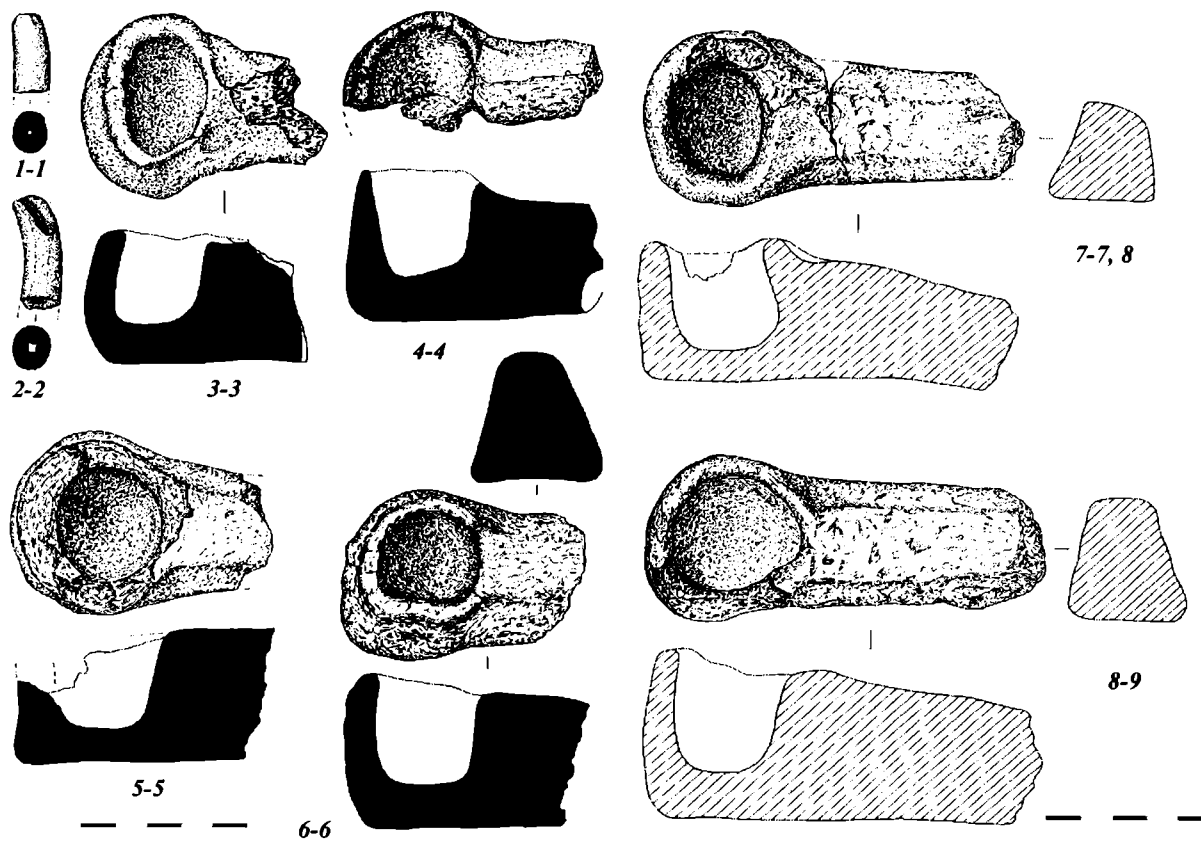

Рис. 3. Ляжки городища Настасьино

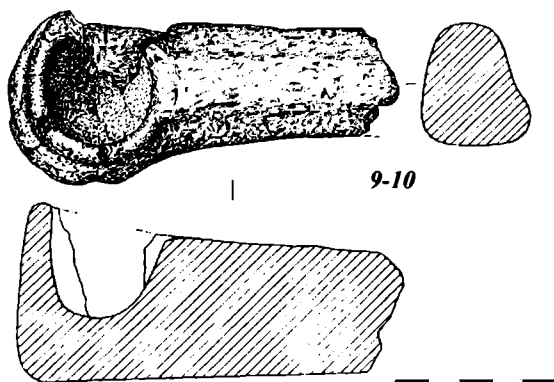

Рис. 4. Льячки городища Настасьино

Отходы бронзолитейного производства

К категории отходов бронзолитейного производства отнесены остатки литников и выплески металла, зафиксированные на городище. На исследованной территории была собрана довольно представительная по количеству выплесков металла – 28 единиц. Большая часть имеет точную стратиграфическую и хронологическую привязки. При обработке не учитывались данные, полученные с выплесков, стратиграфическое положение которых не надежно. Основная масса выплесков металла и литников связана с очагами и находками тиглей.

Таблица 3. Химический состав выплесков металла

Группа сплава	Подгруппа сплава	Состав сплава	Наименование	№ описи
Чистый металл	Sn	Sn=91,05% Cu=8,95%	Капля металла	1222
Оловянная бронза	Cu=80–90% Sn=10–20%	Cu=86,79% Sn=13,21	Выплеск	567
Оловянно-свинцовая бронза	Cu=80–98% Sn=1–10% Pb=1–10%	Cu=86,96% Sn=9,11% Pb=2,82%	Выплеск	390
		Cu=76,22% Sn=17,37% Pb=6,35%	Выплеск	89
	Cu=70–89% Sn=10–20% Pb=1–10%	Cu=79,38% Sn=12,72% Pb=7,9%	Литник?	1106
		Cu=75,13% Sn=16,84% Pb=8,03%	Капля металла	591
		Cu=71,7% Sn=11,01% Pb=17,29%	Капля металла	750
	Cu=50–80% Sn=10–20% Pb=10–30%	Cu=68,96% Sn=16,75% Pb=14,29%	Капля металла	472
		Cu=60,82% Sn=20,69% Pb=18,49%	Литник?	711а-6
		Cu=74,9% Sn=13,19% Pb=11,9%	Литник?	289
		Cu=73,14% Sn=13,18% Pb=13,68%	Капля металла	365
		Cu=71,24% Sn=15,8% Pb=11,59%	Капля металла	566
	Cu=50–70% Sn=20–40% Pb=10–30%	Cu=57,8% Sn=21,34% Pb=20,86%	Капля металла	779
		Cu=43,8% Sn=18,82% Pb=37,3%	Выплеск	239

Выплески металла представляют собой предметы округлой или аморфной форм, вес которых не превышает 1 г. Были зафиксированы также предметы, отнесенные по форме к остаткам литников. Вес их не превышает 3 г.

Отдельно обрабатывались результаты анализов по методу РФА для выплесков металла из коллекции цветного металла городища (14 единиц) (табл. 3).

Результаты исследования химического состава выплесков металла четко соотносятся с данными по химическому составу ювелирных украшений из коллекции. При обработке данных анализа химического состава металла украшений установлено, что на городище использовали как чистые металлы (Sn, Pb), так и

разнообразные сплавы: оловянные бронзы трех разновидностей, оловянно-свинцовые бронзы нескольких подгрупп, многокомпонентный сплав, легкоплавкие сплавы. Эти данные дополняются результатами исследования химического состава содержимого тиглей и отходов бронзолитейного производства. В этом случае показательно наличие выплеска чистого металла – олова, его высокая концентрация в выплесках оловянной и оловянно-свинцовой бронзы (10–21%), наличие остатков олова и свинца на стенках тиглей. Нет сомнений, что древние литейщики использовали олово и свинец для составления на их основе рецептуры легкоплавких сплавов и легирования ими сплавов непосредственно перед литьем.

Литература

- Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1986.
- Григорьев С.А., 1994. Древняя металлургия Южного Урала. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Енисосова Н.В., Колосков С.А., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 1997. О применении рентгено-флюорисцентного энерго-дисперсного анализа в археологии // ВМГУ. Сер. 8. История. № 1.
- Енисосова Н.В., Митоян Р.А., 1999. Тигли Гнездовского поселения // Тр. ГИМ. Вып. 111. Археологический сборник. М.
- Пряхин А.Д., 1996. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая. Воронеж.
- Сапрыкина И.А., Энговатова А.В., 2002. Химический состав цветного металла дьяковского времени из раскопок городища Настасьино // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь.
- Смирнов К.А., 1974. Вещевой комплекс дьяковских городищ // Дьяковская культура. М.
- Справочник по геохимии. М., 1990.
- Средневековое поселение Настасьино. Тр. ПАЭ. Т. I. М., 2004.
- Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.
- Энговатова А.В., 1999. Отчет об исследовании городища Настасьино Коломенского района Московской области // Архив ИА РАН. Р-1.
- Энговатова А.В., 2000. Отчет об исследовании городища Настасьино Коломенского района Московской области // Архив ИА РАН. Р-1.
- Craddock T.P., 1989. Metalworking techniques // The work of Angel's. Masterpieces of Celtic metalwork, 6th–9th centuries AD.
- Piaskowsky J., 1957. Technika odlewnictwa w grodzie kultury luzyckiej w Biskupinie. Tarnowie.
- Wolters J., 1965. Jeweller & jewellery art. New York.

Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа

Вопрос о хронологии памятников дьяковской культуры остается одним из самых спорных. Радиоуглеродное датирование памятников до настоящего времени проводилось на не более чем десятке памятников, в т. ч. на городищах Луковня-2 (серия из 4 образцов), Коробово (серия из 5 образцов), Троицкое (серия из двух образцов) (Александровский и др., 1998). Крупные серии дат, позволяющие надежно определить период бытования памятника, получены в настоящий момент только с двух городищ. Из них наиболее репрезентативная серия (58 образцов) происходит с эпонимного памятника – Дьякова городища (Кренке и др., 1988).

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот результатов серийного радиоуглеродного анализа образцов из культурного слоя и объектов дьяковской культуры на городище Настасьино. Особо следует отметить тот факт, что после Дьякова городища это наибольшая серия (43 образца), полученная для памятников названной культуры.

Городище Настасьино, расположенное в Коломенском районе Московской области, на левом берегу р. Северка, исследовалось Подмосковной экспедицией ИА РАН под руководством автора в 1999–2000 гг. В результате охранных работ была изучена северная, попадающая под трассу автодороги, часть городища (3643 кв. м). На этом участке в напластованиях дьяковского времени обнаружены: часть жилой площадки, насыпь вала, два рва – «большой» и «малый» (рис. 1). Стратиграфия культурного слоя на участке жилой площадки представляет собой чередование напластований, сформировавшихся от раннего до позднего этапов функционирования городища.

Образцы для проведения радиоуглеродного анализа происходят из надежно стратифицированных комплексов городища Настасьино. Стратиграфические и другие полевые наблюдения позволяют однозначно судить об их принадлежности к дьяковской культуре. Тем не менее, на практике наблюдается некоторое расхождение дат, полученных для одних и тех же сооружений. Как представляется, эти несоответствия могут быть обусловлены различными причинами, среди них: условия накопления органического вещества, количество выделенного счетного препарата в образце и некоторые другие факторы

Отбор образцов производился из заполнения стен жилых построек, насыщенных органикой, очагов и культурного слоя, содержащего уголь. Всего за два года археологических исследований, помимо указанных 43 радиоуглеродных датировок из различных слоев дьяковского городища, было получено пять образцов из споропыльцевых колонок из слоев, не относящихся к дьяковскому городищу, а также три образца из средневековых слоев городища Настасьино: GIN 10533 (590±40); GIN 10534 (640±40); Le 5896 (505±18) (Средневековое поселение..., 2004. С. 17–19).

Конвенционные значения полученных дат приводятся из расчета периода полураспада изотопа ^{14}C , равного 5568 лет (Data BP). Калибровка конвенционных значений проводилась в рамках единой методики, принятой в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, и осуществлялась при помощи компьютерной калибровочной программы *OxCal* Оксфордской изотопной лаборатории, являющейся на данный момент наиболее универсальной рабочей системой (Version 3.9; Bronk Ramsay, 2003). Радиоуглеродные конвенционные и калиброванные даты из объектов раннего железного века представлены в виде таблицы (рис. 1; табл. 1).

Измерение активности ^{14}C проводилось по традиционной методике, принятой в Геологическом институте РАН и Лаборатории археологических технологий ИИМК РАН – сцинтилляционному варианту радиометрических измерений концентрации вещества.

Сумма вероятностей датировок жилых построек и оборонительных сооружений на городище Настасьино указывает на широкий временной диапазон: от 1700 г. до н. э. до 300 г. н. э. (при вероятности в две сигмы), и на существенно более узкий – при вероятности в одну сигму: от 850 г. до н. э. по 100 г. н. э.

Стратиграфическое положение двух образцов из этой серии (№ 43 – GIN 10522 и № 42 – GIN 10523) не позволяет однозначно оперировать этими данными для определения хронологии городища, т. к. они происходят из заполнения средневекового жилого комплекса, врезанного в насыпь вала раннего железного века (постройка 1 и 1а; Средневековое поселение ..., 2004. С. 10–12). Однако калиброванные значения этих двух

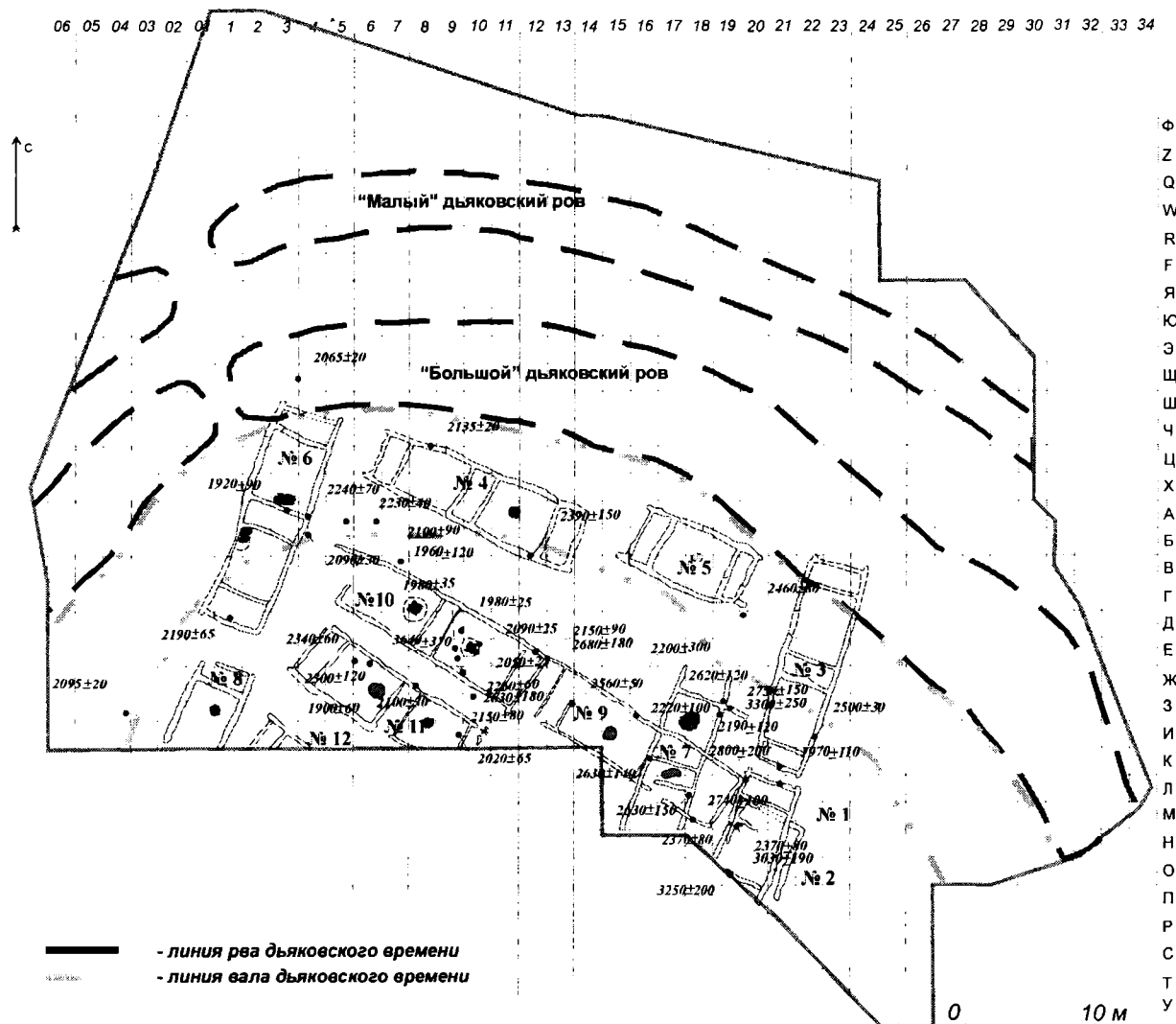

Рис. 1. Радиоуглеродные датировки образцов из жилых построек и насыпи вала на городище

дат свидетельствуют об их взаимосвязи с серией датировок из объектов, относящихся к раннему железному времени.

На памятнике проводились многочисленные естественно-научные исследования. Для датировки слоев из геологических разрезов и происходящих из них спорово-пыльцевых колонок были отобраны пять радиоуглеродных образцов. Серия из пяти радиоуглеродных датировок, происходящих из споро-пыльцевых колонок, не содержащих слоев дьяковского времени (табл. 2), не связана с дьяковскими слоями и не может служить основанием для датировки культуры.

Калибровка конвенционных значений дат проводилась с использованием специальных опций программы *OxCal*, определяющих суммы вероятностей (Sum probabilities) и комбинированную сумму значений конвенционных дат (Combine radiocarbon dates) для групп образцов из определенных объектов на городище. Расчет

с определением диапазонов датировок производился в пределах одной или двух сигм (68,2% и 95,4% вероятности). На наш взгляд, при такой значительной серии дат для городища раннего железного века допустимой является ориентация на интервал в одну сигму (68,2% вероятности) (Черных и др., 2004) (табл. 3). Однако при датировании построек с учетом двух сигм мы получаем картину сосуществования ряда построек (рис. 14), что не противоречит археологическому материалу.

Комбинирование радиоуглеродных дат, с учетом 5% ошибки в расчетах, позволило получить более узкие диапазоны датировок для жилых сооружений на городище, что особенно важно для участков с незначительной мощностью культурного слоя (до 30 см на восточном участке жилой площадки). Отметим, что в некоторых случаях подобные расчеты позволили получить существенно более узкий временной интервал:

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки образцов из объектов городища Настасьино*

№	Комплекс		Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. – н.э. (вероятность)	
	Объект	Кв.				Гл.	68,2%
1	Постройка 1	М-19	Le 5799a*	Почва из заполнения плахи	2370±80	-550 -370 (49,1%) -760 -680 (16,6%) -670 -640 (2,5%)	
2		М-19				Почва из заполнения плахи	3030±190
3	Постройка 2	Л-21	GIN10530	Почва из заполнения плахи	1970±110	-120 140 (63,1%) 190 210 (2,1%) 150 180 (1,9%) -150 -130 (1,1%)	
4		Л-20				Почва из заполнения плахи	2800±200
5	Постройка 3	О-19	GIN 10536	Почва из заполнения плахи	3250±200	-1900 -1250	
6		К-21				Почва из заполнения плахи	2190±120
7	Постройка 4	И-22	Le 5803	Почва из заполнения плахи	2500±30	-700 -540 (65,7%) -770 -750 (2,5%)	
8		Б-В-12				Почва из заполнения плахи	2390±150
9	Постройка 5	Ц-Ч-8	Le 5897	Уголь	2135±20	-205 -150 (51,5%) -135 -115 (16,7%)	
10		Д-20				Очажная угольная яма (№ 198)	2460±80
11	Постройка 6	А-4	GIN 10525	Почва из заполнения плахи	2240±70	-330 -200 (50,4%) -390 -340 (17,8%)	
12		А-3				Почва из заполнения плахи	1920±90
13	Постройка 7	Д-2	Le 5886	Угольный слой	2190±65	-360 -170	
14		З-19				Почва из заполнения плахи	3300±250
15	Постройка 8	З-19	Le 5800a	Почва из заполнения плахи	2750±150	-1130 -780 (66,3%) -1190 -1170 (1,0%) -1160 -1140 (0,9%)	
16		З-19				Почва из заполнения плахи	2620±120
17	Постройка 9	К-16	GIN 10535	Почва из заполнения плахи	2630±140	-940 -740 (36,3%) -730 -520 (30,5%) -970 -950 (1,4%)	
18		З-19				Почва из заполнения плахи	2220±100
19	Постройка 10	Л-18	GIN 10532	Почва из заполнения ямы от бревна конструкции	2630±150	-940 -520 (66,7%) -970 -950 (1,5%)	
20		З-14				Почва из ямы от бревна из конструкции постройки	2560±50
21	Постройка 11	М-18	Le 5805	Почва из заполнения ямы от бревна конструкции постройки	2740±100	-1000 -800	
22		З-16				Зола с мелкими пережженными костями (за северной стеной)	2200±300

23	Е-12	-107, пласт 7б	Le 5802б	Почва из заполнения плахи	2680±180	-1150 -500	-1400 -350
24	Е-12	-107, пласт 7б	Le 5802а	Почва из заполнения плахи	2150±90	-260 -50 (49,4%) -360 -280 (18,8%)	-400 20
25	Е-9	-128, пласт 9б	Le 5895а	Почва	2630±180	-1000 -400	-1300 -350
26	Е-9	-128, пласт 9б	Le 5895б	Почва	2260±60	-320 -230 (38,9%) -400 -350 (23,8%) -220 -200 (5,5%)	-410 -170
27	Е-9	-122, пласт 7б	Le 5892	Почва	1980±35	0 70 (58,7%) -20 -10 (5,8%) -40 -30 (3,6%)	-50 90 (92,3%) 100 120 (3,1%)
28	Е-10	-109, пласт 7а	Le 5889	Очажный уголь	2050±25	-95 -20 (56,9%) -15 5 (1,3%)	-120 20 (88,6%) -160 -130 (6,8%)
29	Е-10	-112, пласт 7а	Le 5887	Уголь с почвой	2090±25	-120 -50 (45,6%) -170 -130 (22,6%)	-180 -40
30	З-10	-125, пласт 5а	Le 5881	Почва с углем	2150±80	-260 -90 (44,4%) -360 -280 (19,3%) -80 -50 (4,4%)	-390 10
31	Д-9-10	-90, пласт 6а	Le 5883	Почва с углем	1980±25	0 65 (62,3%) -20 -10 (5,0%) -40 -30 (0,9%)	-50 80
32	Ж-9-10	-139, пласт 7а	Le 5890	Уголь	3640±370	-2600 -1500	-3100 -1000
33	Е-6	-114, пласт 9а	Le 5891	Почва	2340±60	-520 -350 (59,4%) -290 -230 (7,9%) -540 -530 (0,8%)	-800 -200
34	Е-6	-118, пласт 6б	Le 5885	Почва с углем	2300±120	-550 -150 (66,8%) -800 -700 (1,4%)	-800 -50
35	Ж-3-6	-175, пласт 9б	Le 5893	Почва	1900±60	50 180 (55,6%) 190 220 (8,2%) 20 40 (4,4%)	-50 250
36	И-9	-155, пласт 5б	Le 5882	Почва с углем	2020±65	-110 70	-200 130
37	Ж-8	-131, пласт 6б	Le 5884	Почва	2100±30	-170 -90 (58,9%) -80 -50 (9,3%)	-200 -40
38	З-04	-205, пласт 8б	Le 5888	Уголь	2095±20	-170 -130 (28,3%) -120 -90 (26,7%) -80 -50 (13,2%)	-180 -40
39	Б-4	-60	GIN 10518	Уголь из заполнения ямы на поверхности вала	2090±30	-120 -50 (44,8%) -170 -130 (23,4%)	-200 -40 (93,8%) -10 0 (1,6%)
40	А-5	-73	Le 5880	Уголь	2230±40	-320 -200 (55,7%) -380 -350 (12,5%)	-390 -190
41	Щ-3-4	Пласт 14	Le 5898	Уголь из заполнения ямы в донной части рва	2065±20	-110 -40 (65,5%) -10 0 (2,7%)	-170 0
42	А-6	-63	GIN 10523	Почва из-под развала очага средневекового времени	2100±90	-210 10 (60,7%) -350 -320 (6,3%) -230 -220 (1,2%)	-380 70
43	Постройка 1а	-73	GIN 10522	Древесный тлен	1960±120	-100 200	-400 400
				Сумма вероятностей	-850 100	-1700 300	

* Радиоуглеродные датировки получены в лаборатории Геологического института РАН под руководством Л.Д. Сулержикова (GIN) и радиоуглеродной группой под руководством Г.И. Зайцевой в Лаборатории археологических технологий ИИМК РАН (Le). Авторы статьи выражают им свою глубокую признательность. Так же благодарим Е.Н. Черныха и Л.Б. Орловскую за консультацию по применению калибровочной программы OxCal.

** Из одного образца анализируемое вещество подвергалось холодной вытяжке – Le-5799б, Le-5800а, Le-5802б, Le-5895а; горячей вытяжке – Le-5799а, Le-5800б, Le-5802а, Le-5895б.

Таблица 2. Радиоуглеродные датировки образцов из споро-пыльцевых колонок

№	Комплекс			Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н. э. – н. э. (вероятность)	
	Объект	Кв.	Гл.				68,2%	95,4%
1	Разрез	К-17	–	GIN 10521	Уголь	1600±90	380 570 (63,6) 340 370 (4,6)	250 650
2	Разрез	Тр. 2	–	GIN 10526	Почва	1350±40	640 720 (62,7) 750 770 (5,5)	610 780
3	Разрез	Тр. 2	–	GIN 10527	Почва	1590±60	410 540	340 610
4	Разрез	Тр. 2	–	GIN 10528	Почва	1420±120	630 720 (58,6) 740 770 (4,9) 460 500 (2,9) 430 450 (1,8)	390 890
5	Разрез	3-19	–	GIN 10529	Почва	1460±140	420 690	250 900

• *постройка 1.* Время сооружения и существования этой жилой постройки укладывается во временной диапазон дат от 770 до 430 гг. до н. э., наибольшая вероятность относится к 770–510 гг. до н. э. (65,4%) (рис. 2);

• *постройка 2.* Датировка 760–400 гг. до н. э. в интервале в одну сигму (68,2%), при этом наибольшая вероятность ее сооружения (40,5%) относится к 550–400 гг. до н. э. (рис. 3);

• *постройка 3.* Наибольшая вероятность времени ее сооружения относится к промежутку ме-

жду 730 и 520 гг. до н. э. (65,9% вероятности), общая ее датировка при комбинировании конвенционных дат из этого объекта – 770–520 гг. до н. э. (рис. 4);

• *постройка 4.* Время сооружения относится к 330–110 гг. до н. э., при этом пик на гистограмме комбинированных конвенционных дат относится к 210–150 гг. до н. э. при 54% вероятности (рис. 5);

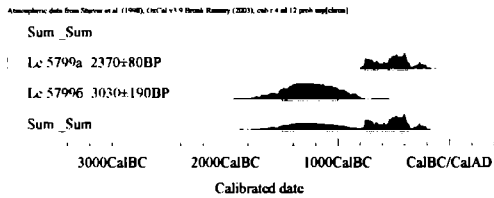
• *постройка 6.* Датировка временем от 360 до 110 гг. до н. э. в интервале в одну сигму

Таблица 3. Сумма вероятностей и комбинированная сумма значений конвенционных дат из построек и фортификационных сооружений

№	Объект	Combine radiocarbon dates			Sum probabilities	
		R-Date*	probabilities		68,2%	95,4%
			68,2%	95,4%		
1	Постройка 1	2480±74	-770 -510 (65,4) -460 -450 (1,5) -440 -430 (1,3)	-790 -400	-800 -200 (39,7) -1500 -100 (28,5)	-1700 -200
2	Постройка 2	2422±87	-550 -400 (40,5) -760 -680 (19,7) -670 -630 (5,9) -590 -570 (2,1)	-800 -350	-1700 -800 (46,3) -200 300 (21,9)	-2000 400
3	Постройка 3	2483±29	-730 -520 (65,9) -770 -750 (2,3)	-780 -480 (88,3) -470 -410 (7,1)	-800 -500 (43,1) -400 -150 (25,1)	-800 50
4	Постройка 4	2140±20	-210 -150 (54,0) -140 -110 (13,1) -330 -320 (1,1)	-210 -90 (81,9) -350 -320 (12,0) -230 -220 (1,5)	-250 -50 (45,3) -550 -300 (18,6) -800 -700 (4,2)	-800 -50
5	Постройка 6	2152±42	-230 -110 (49,2) -360 -300 (19,0)	-260 -50 (67,1) -360 -270 (28,3)	-400 -100 (57,7) 0 150 (10,5)	-400 250
6	Постройка 7	2564±55	-650 -540 (32,3) -810 -750 (27,2) -690 -660 (8,6)	-830 -510	-1050 -200	-1900 0
7	Постройка 9	2589±44	-830 -760 (57,6) -680 -660 (5,8) -610 -590 (4,7)	-840 -750 (60,7) -710 -540 (34,7)	-1050 -450	-1300 300
8	Постройка 10	2057±13	-60 -40 (31,6) -95 -70 (28,8) -10 0 (7,8)	-120 10 (93,9) -160 -130 (1,5)	-390 80	-1400 200 (90,1) -2500 -1600 (5,3)
9	Постройка 11	2106±23	-170 -90	-200 -50	-300 150 (55,6) -500 -350 (12,6)	-550 250 (91,7) -800 -650 (3,7)
10	Насыпь вала	2114±15	-175 -105	-200 -50	-180 -40 (63,2) -250 -230 (3,0) -220 -210 (1,1) -280 -270 (0,9)	-390 -40

* R-Date – комбинированное значение суммы конвенционных дат.

Sum probabilities

Combine radiocarbon dates

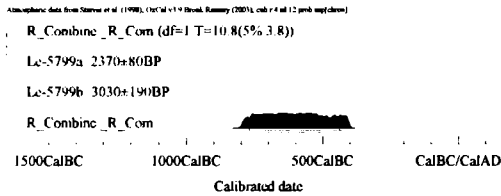
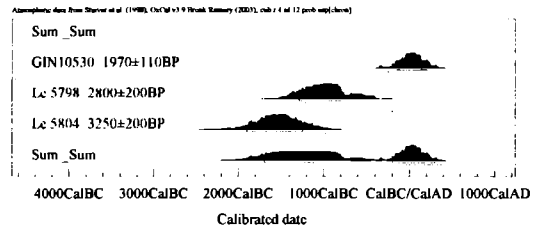

Рис. 2. Постройка 1: распределение значений калиброванных дат

Sum probabilities

Combine radiocarbon dates

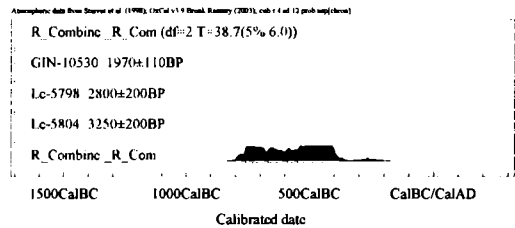
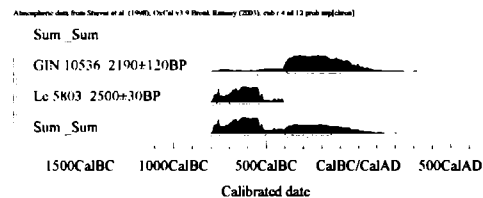

Рис. 3. Постройка 2: распределение значений калиброванных дат

Sum probabilities

Combine radiocarbon dates

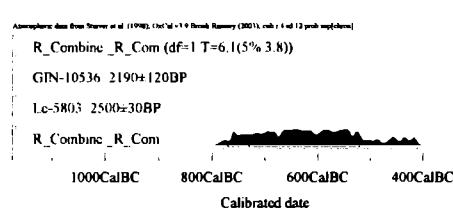
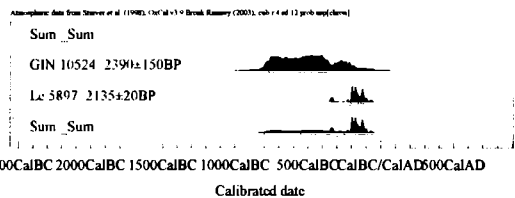

Рис. 4. Постройка 3: распределение значений калиброванных дат

Sum probabilities

Combine radiocarbon dates

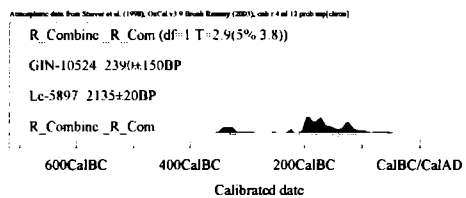
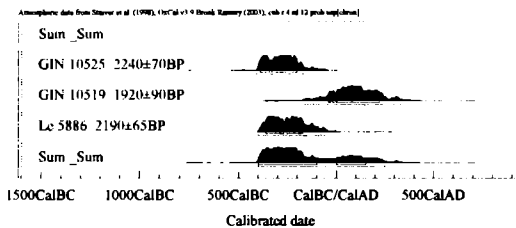

Рис. 5. Постройка 4: распределение значений калиброванных дат

Sum probabilities

Combine radiocarbon dates

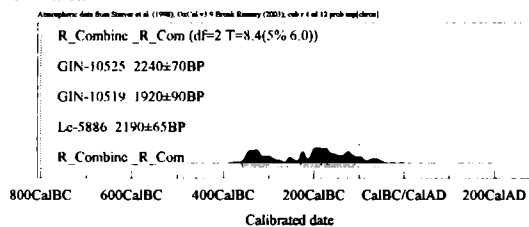

Рис. 6. Постройка 6: распределение значений калиброванных дат

(68,2%), наибольшая вероятность ее существования относится к 230–110 гг. до н. э. (вероятность 49,2%) (рис. 6);

- комбинирование конвенционных дат, относящихся к *постройке 7*, позволяет установить наиболее вероятное время сооружения этого объекта в 810–540 гг. до н. э. (вероятность 68,2%) (рис. 7);

- *постройка 9*. Время сооружения относится к 830–590 гг. до н. э. (вероятность 68,2%), при наибольшем пике вероятности для периода 830–760 гг. до н. э. (57,6%) (рис. 8);

- *постройка 10* – время ее сооружения локализуется в узком хронологическом интервале 95 г. до н.э. – рубеж эр (вероятность 68,2%) (рис. 9);

- *постройка 11* также имеет довольно узкий диапазон дат, в пределах которого существует наибольшая вероятность существования этого объекта – 170–90 гг. до н. э. (вероятность 68,2%) (рис. 10);

• время сооружения насыпи вала – фортификационного сооружения на краю жилой площадки городища – относится к временному интервалу 175–105 гг. до н. э. (вероятность 68,2%) (рис. 11).

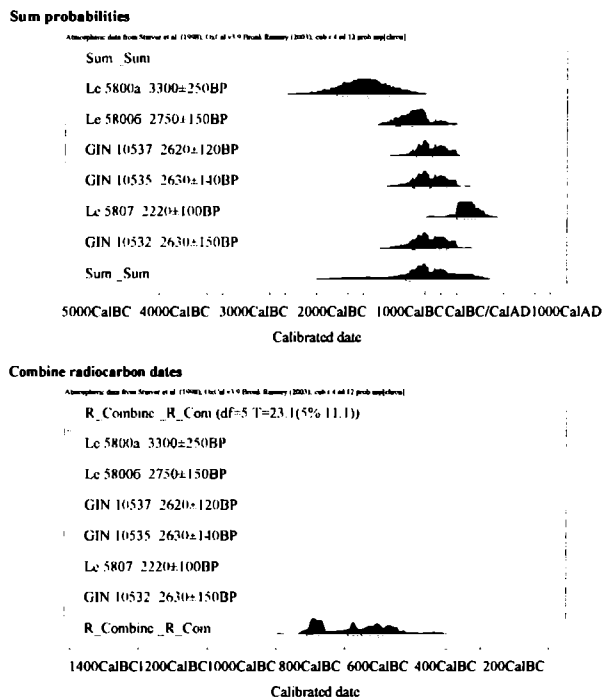

Рис. 7. Постройка 7: распределение значений калиброванных дат

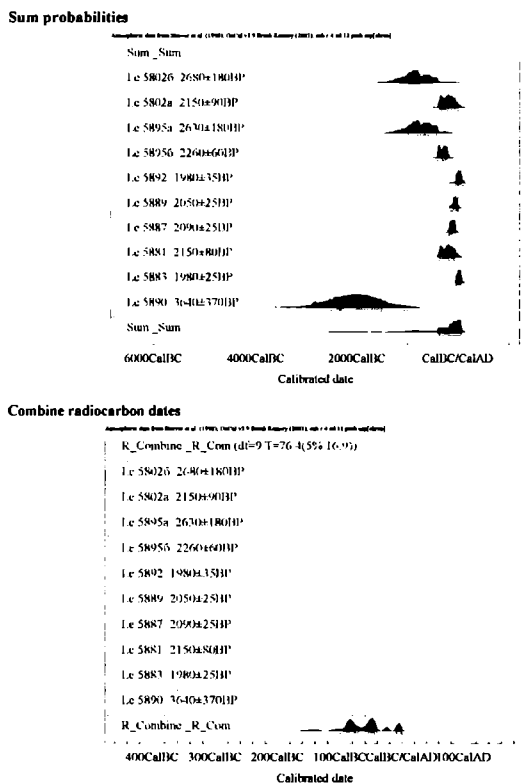

Рис. 9. Постройка 10: распределение значений калиброванных дат

Проведенный анализ групп конвенционных дат из построек и насыпи вала позволяет определить возможные хронологические рамки сооружения этих объектов на территории горо-

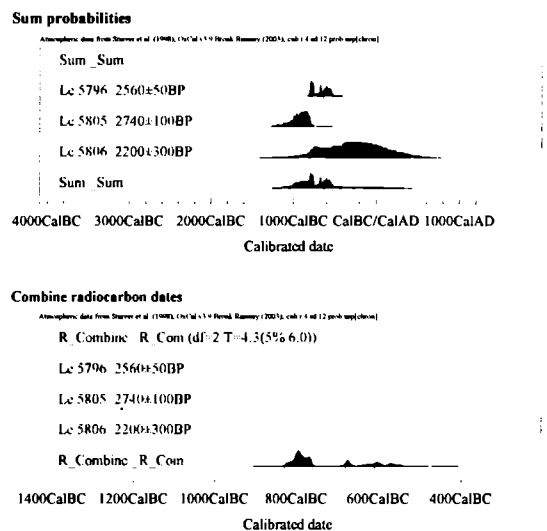

Рис. 8. Постройка 9: распределение значений калиброванных дат

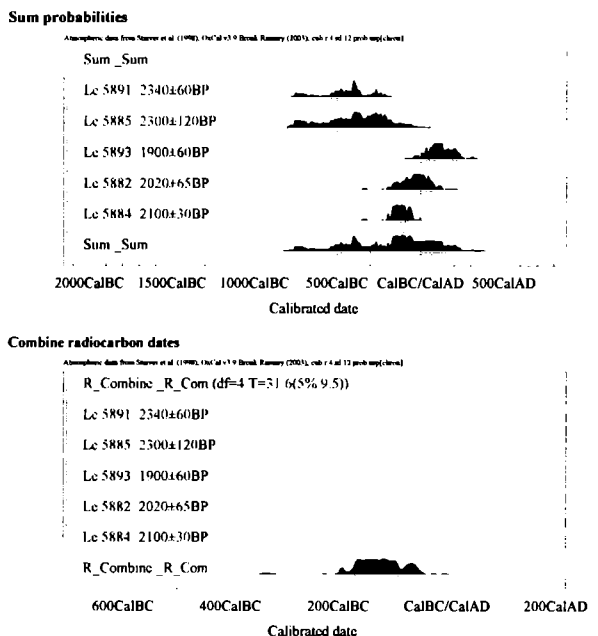

Рис. 10. Постройка 11: распределение значений калиброванных дат

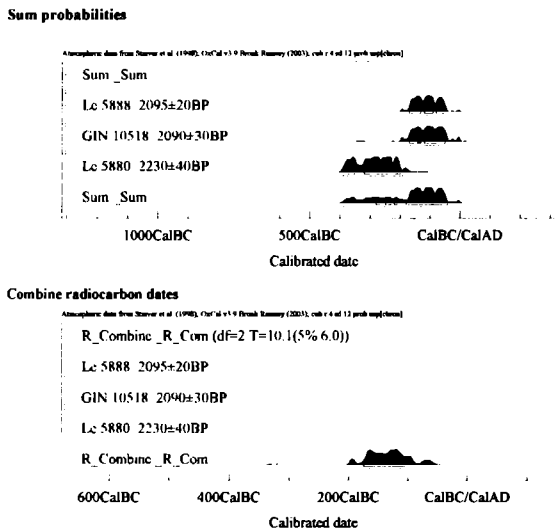

Рис. 11. Насыпь вала: распределение значений калиброванных дат

дища, и в некоторых случаях проследить изменения в системе застройки жилой площадки.

Не вызывает сомнения, что первоначально осваивался юго-восточный участок раскопа 1999–2000 гг., (рис. 12), а наиболее ранней постройкой здесь, судя по комплексу дат, является постройка 9. Время ее существования относится к периоду VIII–VII вв. до н. э. Судя по всему, эта постройка входила в систему застройки раннего этапа планировки городища, тип которого определить, к сожалению, не представляется возможным, т. к. основная его часть не была исследована в ходе раскопок. Постройки 1 и 3, исходя из полученных данных, существуют несколько позднее, и время их сооружения относится к интервалу от 770 до 510 гг. до н. э. В этот хронологический отрезок постройки 1, 3 и 9, скорее всего, сосуществуют, образуя северный край жилой застройки городища (рис. 12).

Следующим этапом изменения планировки является постройка жилища 7, возникшего на

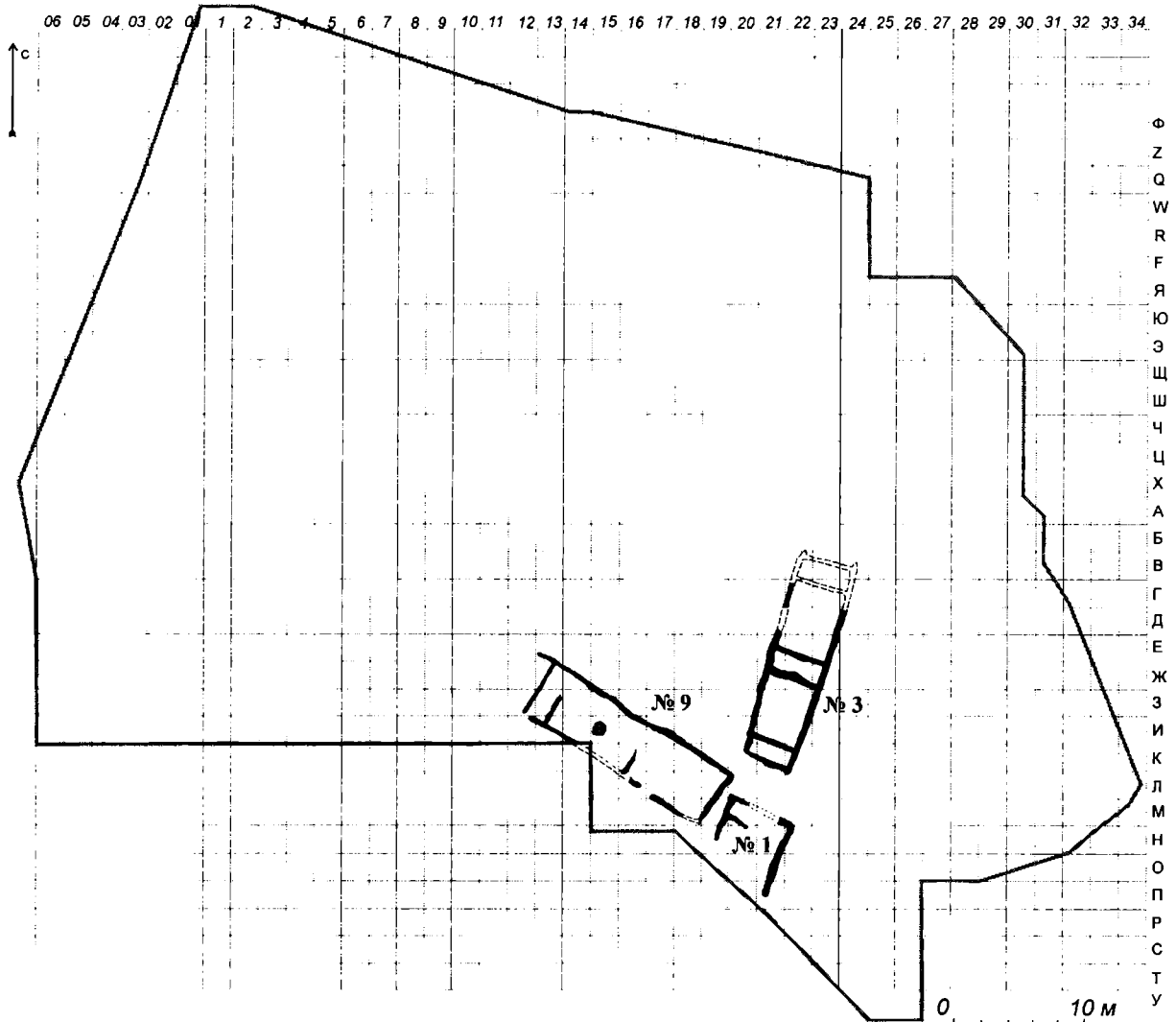

Рис. 12. Ранний этап системы застройки городища Настасьино

месте постройки 9. Факт сооружения жилища 7 кардинально изменил всю систему, сложившуюся к тому времени (рис. 13). На этот момент мы можем предположить одновременное функционирование построек 7, 3 и 1. Новым этапом в функционировании жилых конструкций является перестройка жилища 1 – на его месте фиксируются контуры постройки 2, время сооружения и бытования которой относится к VI–IV вв. до н. э. Постройка 2 в общих чертах повторяет контуры и сохраняет размеры предшествующего жилища.

Археологические данные однозначно свидетельствуют и в пользу выделения восточной части исследованной площадки городища как участка наиболее ранней застройки. В заполнении построек 1, 2, 7, 9 и в межжилищном пространстве были найдены предметы, по аналогиям датирующиеся VIII–IV вв. до н.э. – это, прежде всего, костяные наконечники стрел. Кроме того, по данным планиграфии отмечается отсутствие на этом участке городища изделий из цветного

металла, находки которых характерны для более поздних горизонтов на центральном участке жилой площадки городища.

К третьему, среднему, этапу застройки городища относятся постройки 4, 5, 6 и, вероятно, жилище 3, время сооружения которых относится к IV–III – II–I вв. до н. э. (рис. 14). В этот период жилая площадка городища занимает северный участок мыса, вплотную примыкая к напольной стороне. Планировка на этом этапе более характерна для раннего типа застройки дьяковских городищ (по Р.Л. Розенфельдту) – центральная жилая площадка оконтурена с четырех сторон длинными домами, составляющими собой подобие так называемых жилых стен (Древнее поселение..., 1970).

Предположительно, эта система застройки на городище существовала недолго. Такой вывод можно сделать на основании сравнения серии датировок жилищ из-под вала и серии датировок насыпи самого вала.

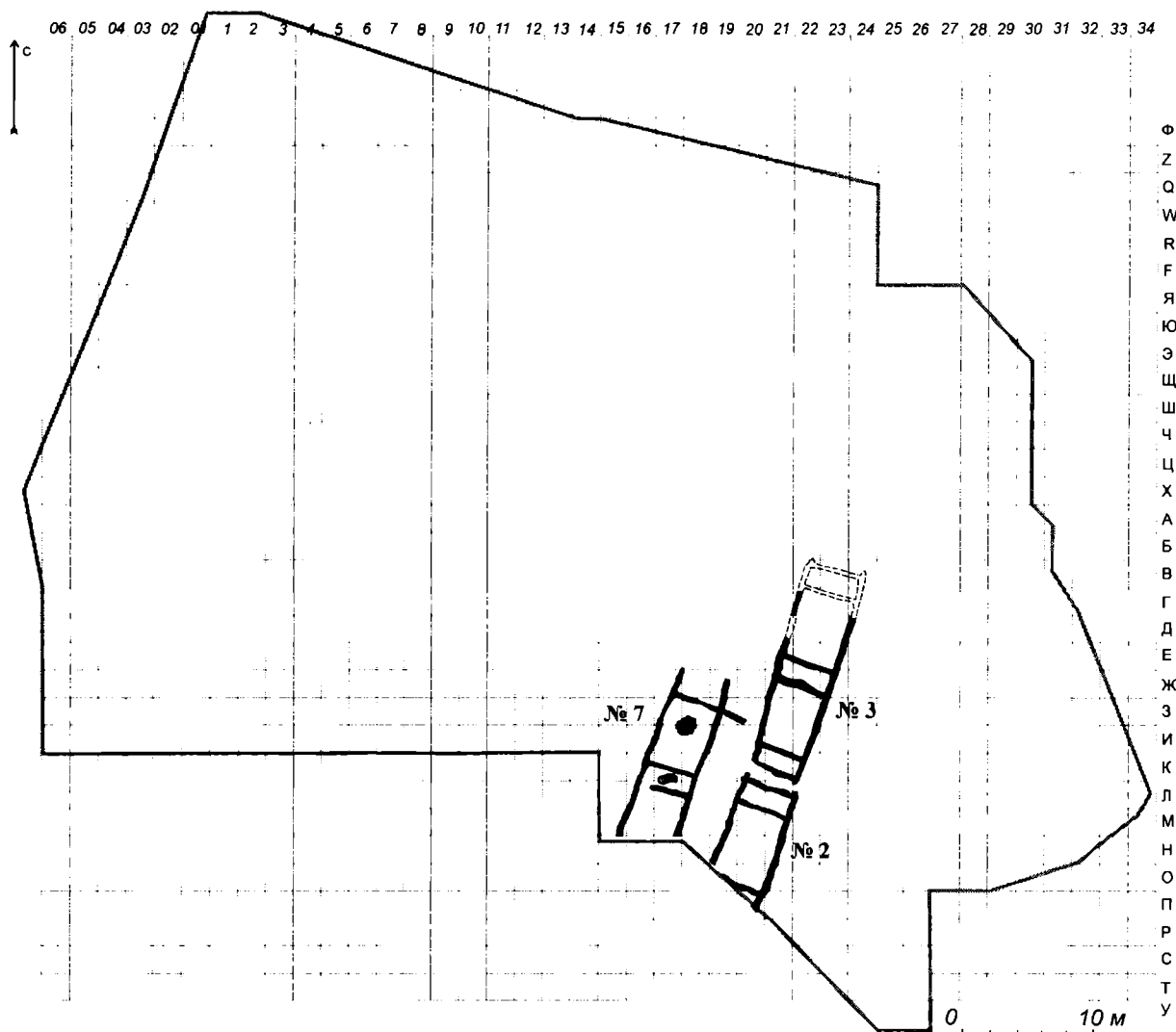

Рис. 13. Изменение системы застройки на городище в период VII–V вв. до н. э.

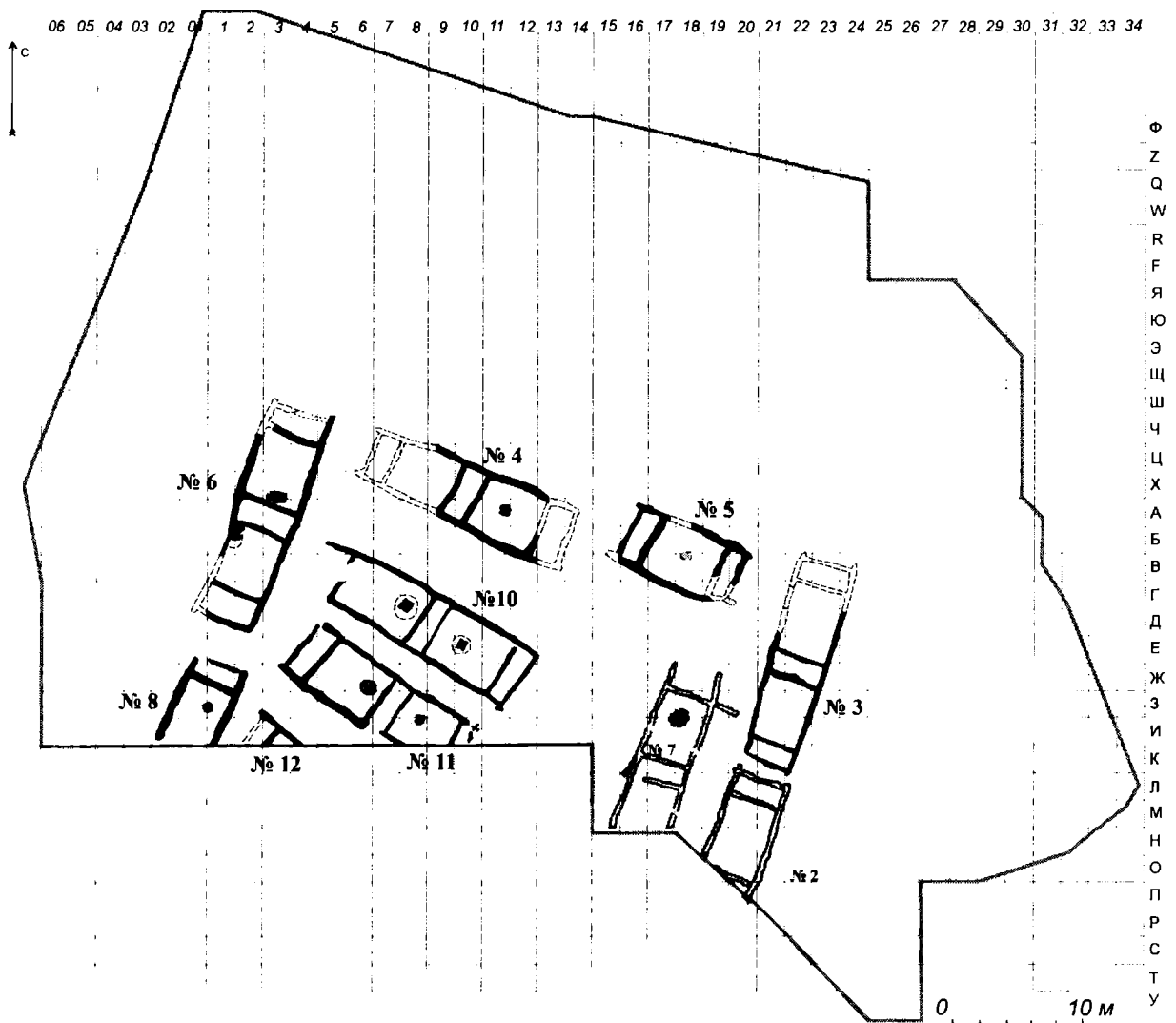

Рис. 14. Система жилой застройки городища в период IV–III – II–I вв. до н. э.

После гибели в «пожаре» II–I вв. до н. э. жилищ 3–6, следы которых были законсервированы под насыпью вала, произошло очередное изменение в системе планировки городища. Система планировки на данном этапе пространственно соотносится с возведенной системой оборонительных укреплений: насыпью вала и повторяющим его контуры рвами (рис. 15).

После возведения оборонительного комплекса (вал – рвы) жилые постройки, судя по раскопанному участку, сосредоточились на центральном участке площадки городища.

Постройка 11 датируется II–I вв. до н. э.; время бытования постройки 10 относится к I в. до н. э. – рубежу эр. В тоже время на центральном участке присутствует более древний комплекс находок, данные стратиграфии также указывают на более раннее время освоения этой площади. Скорее всего, серии радиоуглеродных дат из построек 10 и 11 относятся к одному из последних этапов перестройки или ремонтных работ в этих жилых конструкциях, следы кото-

рых неоднократно фиксировались стратиграфически. Артефакты из заполнения построек 10 и 11 и пространства между ними позволяют отнести включения центрального участка в систему жилой застройки ко второй половине I тыс. до н. э. Возможно, эти постройки бытовали одновременно с жилыми сооружениями на северном краю городища – постройками 3, 4, 5, 6 (рис. 14).

Коллекция индивидуальных находок и керамического материала, происходящая из верхних горизонтов заполнения построек 10–11, позволяет предположительно определить верхнюю хронологическую границу функционирования центрального участка городища I–II вв. н. э.

В результате проделанной работы впервые были получены данные, позволяющие восстановить этапы изменения планировки на разных этапах существования городища Настасьино. Исходя из проанализированной серии радиоуглеродных датировок а также сопоставления ее с археологическими данными, время существования городища в целом можно определить в диапазоне от

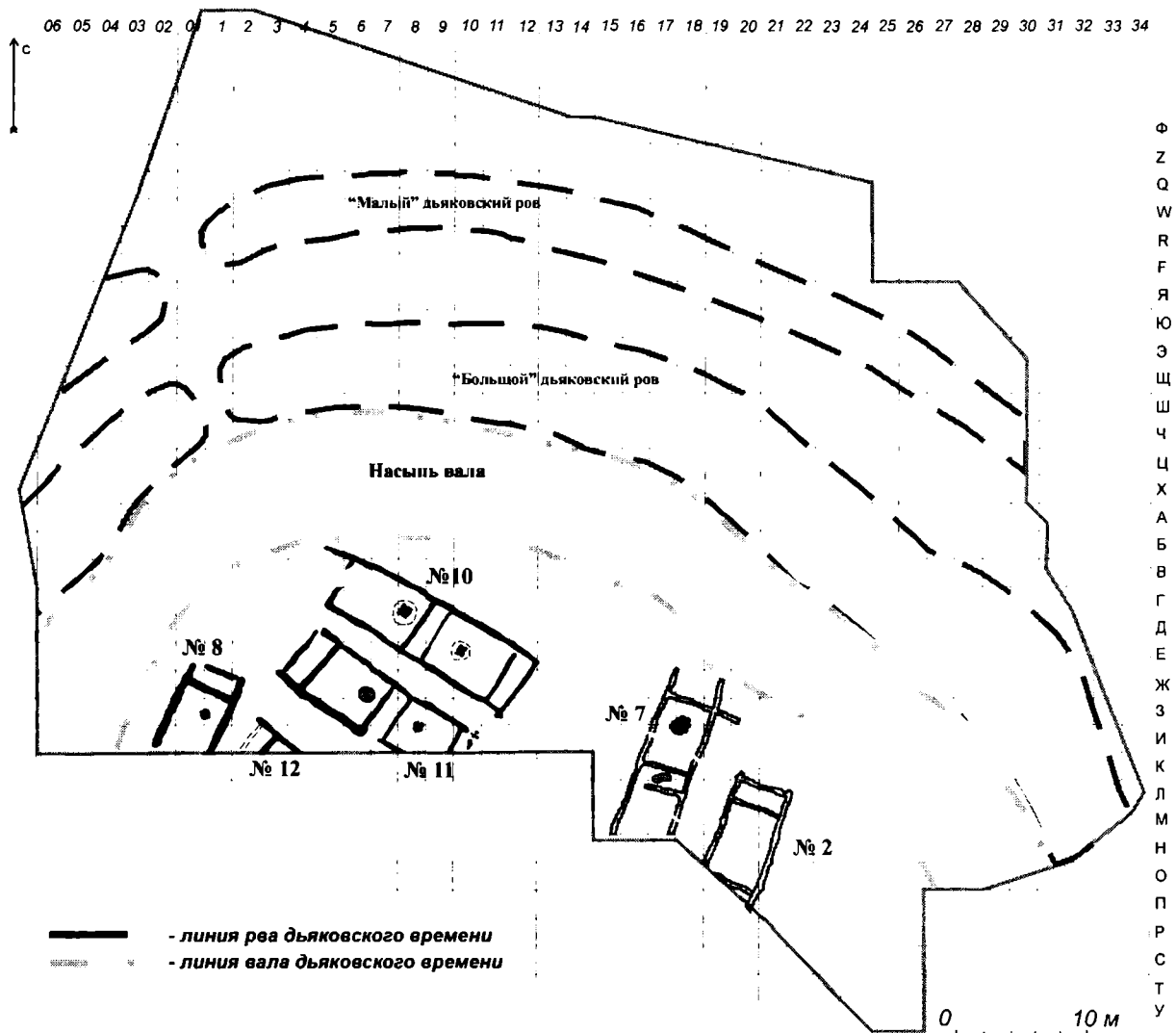

Рис. 15. Система укреплений на городище и изменение в системе жилой застройки в период II–I вв. до н. э.

VII–VI вв. до н. э. до I–II вв. н. э. Наиболее принципиальной представляется верхняя граница существования городища, что напрямую связано с дискуссией о времени появления лощеной посуды на территории дьяковской культуры.

Не вызывает сомнения, что радиоуглеродное датирование городища Настасыно не только определит время существования данного памятника, но и позволит уточнить хронологию всей дьяковской культуры.

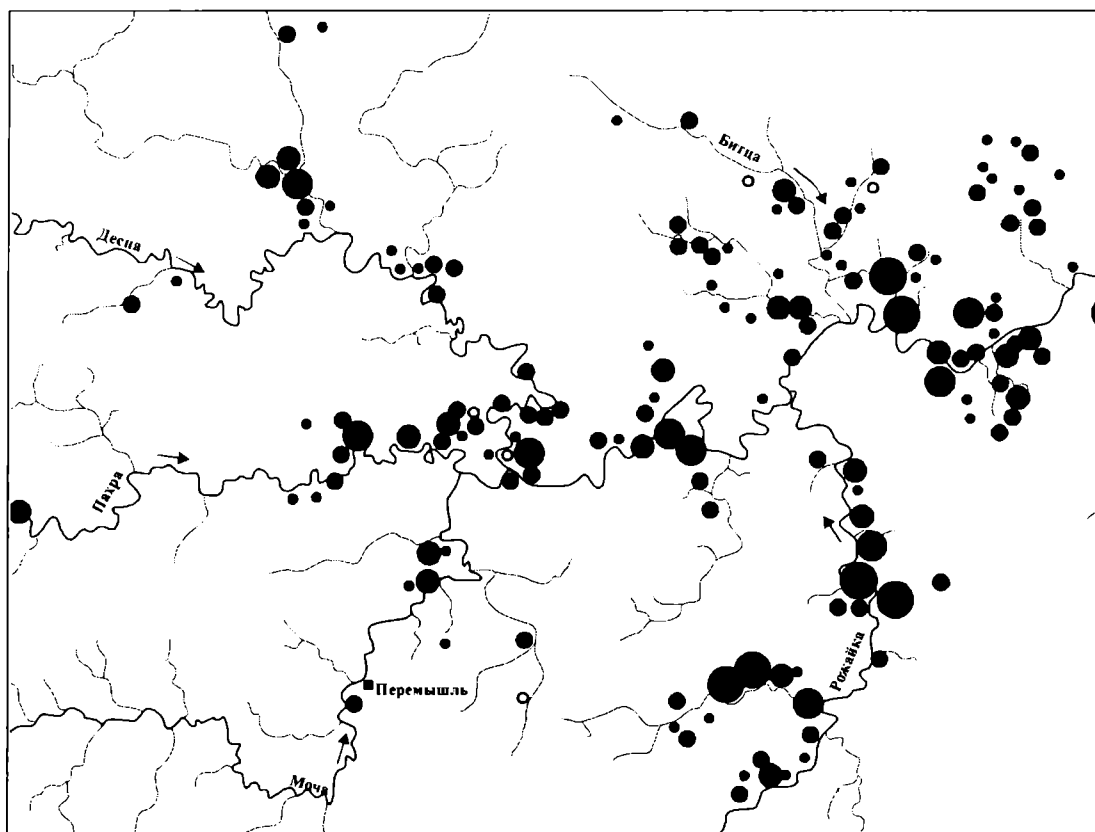
Литература

- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Янишевский Б.Е., 1998. Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмоскowie // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь.
- Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970.
- Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д., 1988. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища //

- КСИА. Вып. 194. М.
- Средневековое поселение Настасыно // Тр. Подмосковой экспедиции Института археологии РАН. Т. 2., 2004.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология древнейшей общности и истоки курганных культур // РА. № 1.
- Ramsay C. Bronk, 2003. <http://www.r/aka.ox.ac.uk/orau/oxcal.htm/>

Средневековые памятники и расселение

Размещение курганов бассейна Пахры как источник по изучению процесса заселения региона в XII – середине XIII века

Картирование памятников как метод демонстрации степени заселенности и выявления направлений движения населения, особенностей его размещения относится к числу наиболее применяемых в археологии. В отношении древнерусских курганных могильников он используется, пожалуй, в течение всего времени их изучения, хотя подходы к анализу размещения курганов меняются в зависимости от постановки задач на каждом новом этапе исследования.

В обобщающих работах, посвященных изучению крупных «племенных» объединений, соотносимых с летописными, как они были определены еще А.А. Спицыным, главная задача картографирования памятников – обозначение ареала распространения определенного типа древностей (Арциховский, 1930; Никольская, 1981). Вопрос заселенности территорий в таких работах не рассматривался как основной, иногда лишь определялись районы наибольшей концентрации памятников. Как самостоятельная задача, оценка закономерностей размещения населения на основе распространения курганов фигурирует в исследованиях по истории отдельных древнерусских княжеств.

Наиболее явственно это было продемонстрировано для земель, входивших в состав Полоцкого и Смоленского княжений. Изучая особенности размещения курганных могильников в пределах границ княжеств, установленных по письменным источникам, Л.В. Алексеев выделил районы повышенной концентрации населения. География размещения курганных могильников дает, по мнению исследователя, адекватную картину размещения средневековых поселений, а наблюдения за хронологией отдельных групп памятников позволяют выявить древнейшие очаги расселения и с высокой степенью вероятности предположить направления перемещения населения – из «староосвоенных» земель на территории ранее незаселенные (Алексеев, 1966; 1980; 1998). Такой подход получил признание и в исследованиях, посвященных развитию структур сельского расселения в позднем средневековье. В них территории наибольшей концентрации погребальных памятников домонгольского времени рассматриваются как исходная база внутренней колонизации и районы размеще-

ния наиболее крупных поселений в XV–XVI вв. (Дегтярев, 1980. С. 24–26).

Упомянутые труды, не исчерпывая всего многообразия работ, использующих данные по размещению курганов, тем не менее, иллюстрируют значение картирования курганных могильников как важного показателя особенностей размещения и динамики движения населения в древнерусское время и, вместе с тем, тезисный характер изложения информации в подобных работах. Сам жанр монографического исследования обширного политического образования или характеристики обрядности и состава инвентаря погребальных памятников, распространявшихся на больших территориях, подразумевал обобщенный анализ их расположения и не давал возможности детального рассмотрения особенностей размещения курганов в пределах зон скопления.

Тем не менее, к началу 90-х гг. XX в. в работах, посвященных погребальным древностям бассейна Верхней и Средней Оки, были отражены основные тенденции движения населения в пределах ареала распространения курганных могильников с семилопастными височными кольцами. Наиболее важные выводы, касающиеся хронологии и динамики распространения курганов в регионе, были изложены в диссертации Т.В. Равдиной, посвященной хронологии «вятичских» древностей. Ею были выявлены особенности размещения погребений с различными хронологическими позициями, а также отмечены зоны концентрации памятников. Согласно наблюдениям Т.В. Равдиной, наиболее ранние погребения сосредоточены в западной части ареала, в верховьях Москвы-реки и Угры, и «молодеют» по мере продвижения в среднее и нижнее течение этих рек – с запада на восток (Равдина, 1975. С. 96–98; 1978. С. 186–187). Общеизвестный тезис о наибольшей концентрации курганов с семилопастными височными кольцами в бассейне Москвы-реки был дополнен важным наблюдением относительно почти полного отсутствия таких памятников на территории к северу от Угры, в бассейнах рек Протвы, Нары и в долинах левых притоков Оки, впадающих в нее между устьем Угры и Протвы. Этот пустой район отделяет густонаселенное Москворечье от менее заселен-

ного района Верхней Оки, что позволяет выделять эти два региона как территории со своими особенностями в заселении и размещении населения (Равдина, 1975. С. 26).

В монографии А.А. Юшко делалась попытка проследить на обширном археологическом материале историю земель, вошедших в XIV столетии в пределы княжества Ивана Калиты (Юшко, 1991). Уже тогда стало ясно: количество информации, которой располагают исследователи, настолько велико, что наиболее продуктивный путь изучения памятников археологии Московречья – выделение сравнительно небольших регионов, имеющих свои отличительные особенности. Такой подход представлялся тем более оправданным, что представленный в книге материал относился, в основном, к XI–XIII вв. – периоду, когда земли, вошедшие впоследствии в состав Московского княжества, не представляли собой единого целого, что не могло не сказаться на особенностях размещения населения.

С.З. Чернов, проанализировав процесс внутренней колонизации в пределах небольших

административных образований на северо-восточной окраине будущего Московского княжества (Чернов, 1991), сделал ряд важных выводов об особенностях формирования структур расселения, на основе выявленных закономерностей размещения 215 селищ (часть из них датированы домонгольским временем), которым соответствовало 28 курганных групп. По мнению автора, для домонгольского времени характерно равномерное размещение памятников в пределах освоенной территории без явно выраженных скоплений и соответствие почти каждого обнаруженного поселения отдельной курганной группе. Основной чертой систем расселения в XII–XIII вв. названа жесткая приуроченность к источникам воды.

Публикация в последнее десятилетие археологической карты России, а также археологической карты Москвы, существенно расширила возможности анализа пространственного размещения памятников. Установление закономерностей размещения, количества и размеров курганных групп позволило делать выводы об эволюции

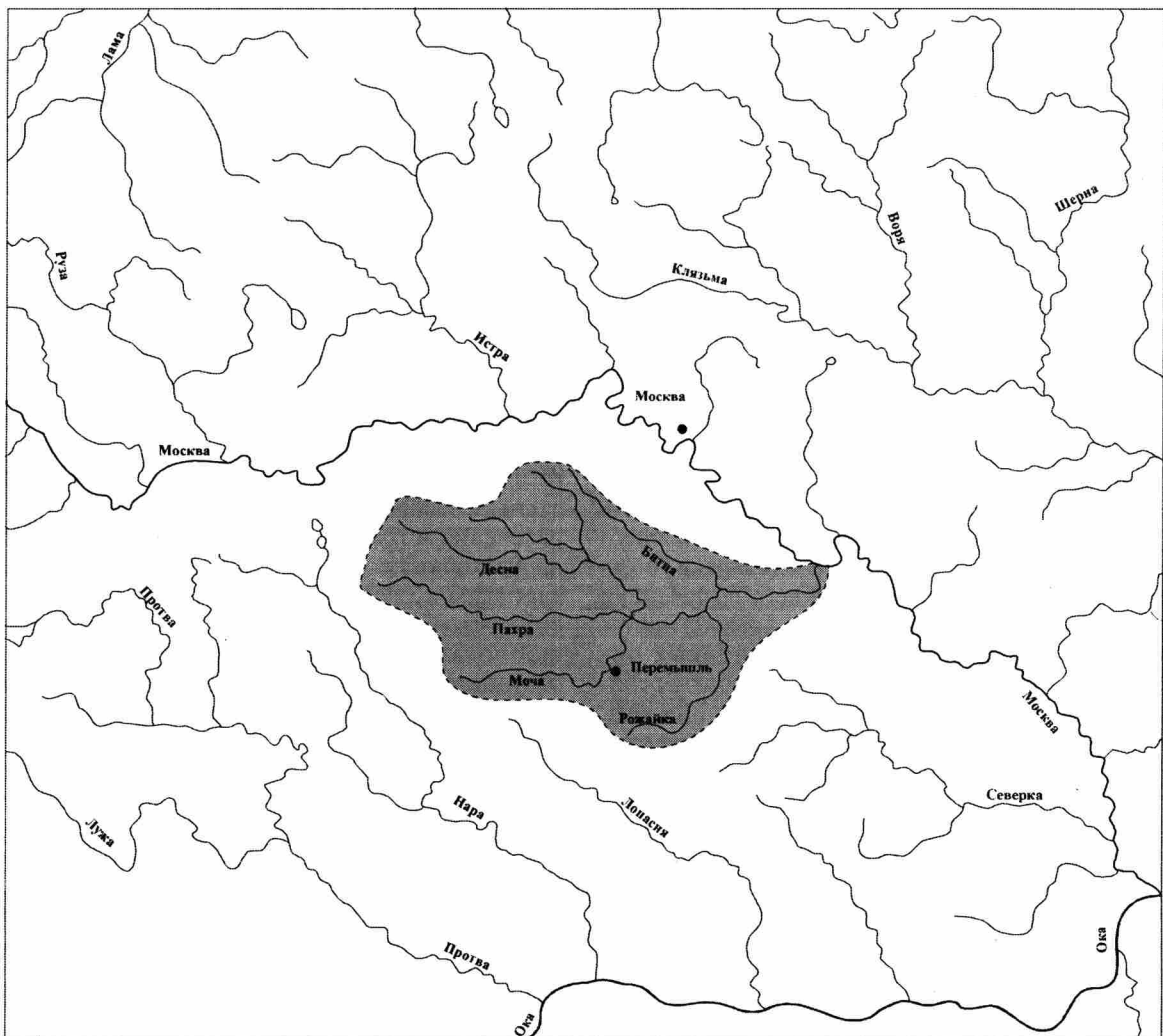

Рис. 1. Расположение бассейна Пахры в пределах Московречко-Окского междуречья

систем расселения, количестве сельских коллективов, их демографии и даже о характере землепользования и развитии сельского хозяйства (АКР, 1993; 1995; 1996; 1997; Янишевский, 2001; 2003; Кренке, 1999; 2003).

Выделение бассейна Пахры как региона с набором выраженных отличительных черт в рамках Москворечья обусловлено рядом обстоятельств. Будучи крупнейшим правым притоком Москвы-реки в ее среднем течении, Пахра, имеющая обширную и разветвленную сеть впадающих в нее крупных и мелких рек и ручьев (около 230), выступает как единый географический район с четко выделяемыми естественными границами (рис. 1). При протяженности в 129 км площадь ее водосбора составляет 2720 кв. км, или около 15,5% Москворецкого бассейна (Все Подмосковье, 1967. С. 238). С севера бассейн Пахры отделен от долины Москвы-реки Теплостанской возвышенностью. Водораздел между ее левыми притоками и правобережными притоками Москвы-реки имеет небольшую протяженность (в наиболее узких участках 2–3 км), но высокая степень заболоченности определила сравнительно слабую освоенность верховьев правых притоков Москвы-реки в XII–XIII вв. Западная и юго-западная границы рассматриваемого региона совпадают с границами всего Москворечья и проходят по водоразделам между бассейнами Москвы-реки и двумя левыми притоками Оки – Нары и Лопастни.

Бассейн Пахры – регион, со времен А.В. Арциховского известный археологам-славистам как классическая курганная территория «Земли вятичей». Численность и плотность расположения курганных могильников здесь одна из самых высоких не только в пределах Москворечья, но и всего ареала распространения вятических древностей, что неоднократно отмечалось исследователями (Арциховский, 1930. С. 119; Никольская, 1981. Рис. 1; Юшко, 1991. С. 113). Такая плотность сопоставима в рамках региона только с концентрацией курганов в поречье Москвы-реки, в окрестностях Звенигорода и ниже него по течению, по берегам ее малых (в основном, правых) притоков. Зона плотного размещения курганных могильников тянется вдоль долины Москвы-реки, захватывая территорию современной Москвы, и к юго-востоку от нее смыкается с районом концентрации курганов в нижнем течении Пахры. Этот регион составляет основу территории, выделяемой А.А. Юшко в качестве наиболее заселенной в домонгольское время (Юшко, 1991. С. 173–174). Плотность размещения курганов начинает падать ниже устья Пахры, что придает ее долине значимость географического ориентира, важного для понимания закономерностей размещения населения в Москворечье.

Для характеристики курганных могильников бассейна Пахры важна однородность состава

ва погребальных комплексов, не содержащих, кроме семилостных и перстнеобразных, никаких других височных колец. «Чистота» погребальных инвентарей, вероятно, свидетельствует об отсутствии на протяжении всего времени возведения курганов значительных миграций населения с территорий, для которых характерен смешанный набор погребальных древностей. Отсутствие в бассейне Пахры каких-либо городских центров в домонгольское время, по-видимому, можно считать доказанным (Шполянский, 1999; Чернов, 2003. С. 82), что позволяет рассматривать его как классическую сельскую территорию с эволюционным характером развития системы расселения в XII–XIII вв.

Несмотря на близость к Москве, сельский характер территории сохранялся в течение довольно длительного времени: крупные городские и промышленные центры начали возникать по берегам Пахры только в конце XIX в. Это обстоятельство обусловило хорошую сохранность курганных могильников и, соответственно, объективную картину размещения и размеров курганных групп, которую удается восстановить по существующим сведениям.

Всего к настоящему моменту известны данные о 206 курганных могильниках в бассейне Пахры (рис. 2). В это число входят как ныне существующие памятники, так и полностью уничтоженные. Сведения о локализации имеются для 199 курганных групп. Местоположение 7 могильников и точное количество насыпей в них не известно, поэтому в дальнейших подсчетах они не учитывались. Нет так же сведений о составе 9 групп, помещенных на карте (рис. 11). Количество насыпей в каждой курганной группе определялось с учетом раскопанных. В итоге, в составе 190 групп, расположенных в бассейне Пахры, насчитывается 1676 курганов, что, по-видимому, несколько меньше существовавшего числа насыпей, но в общих чертах отражает степень заселенности и географию размещения населения в границах рассматриваемого региона. Раскопки проводились в 56 группах, документированы исследования 305 насыпей, или более 18% учтенных курганов. Это достаточно высокий показатель, позволяющий, основываясь на результатах раскопок, говорить о хронологии и особенностях погребальной обрядности для региона в целом.

Хронология курганных древностей Москворечья относится к числу проблем давно и подробно разработанных, поэтому здесь нет необходимости детально рассматривать аргументацию их датировки. Вместе с тем, принципиально важным представляется вопрос об определении времени начала возведения курганов на Пахре и продолжительности существования курганного обряда погребения. В последних работах, посвященных географии размещения курганов в Москворечье, предлагаются хронологические рамки в пределах

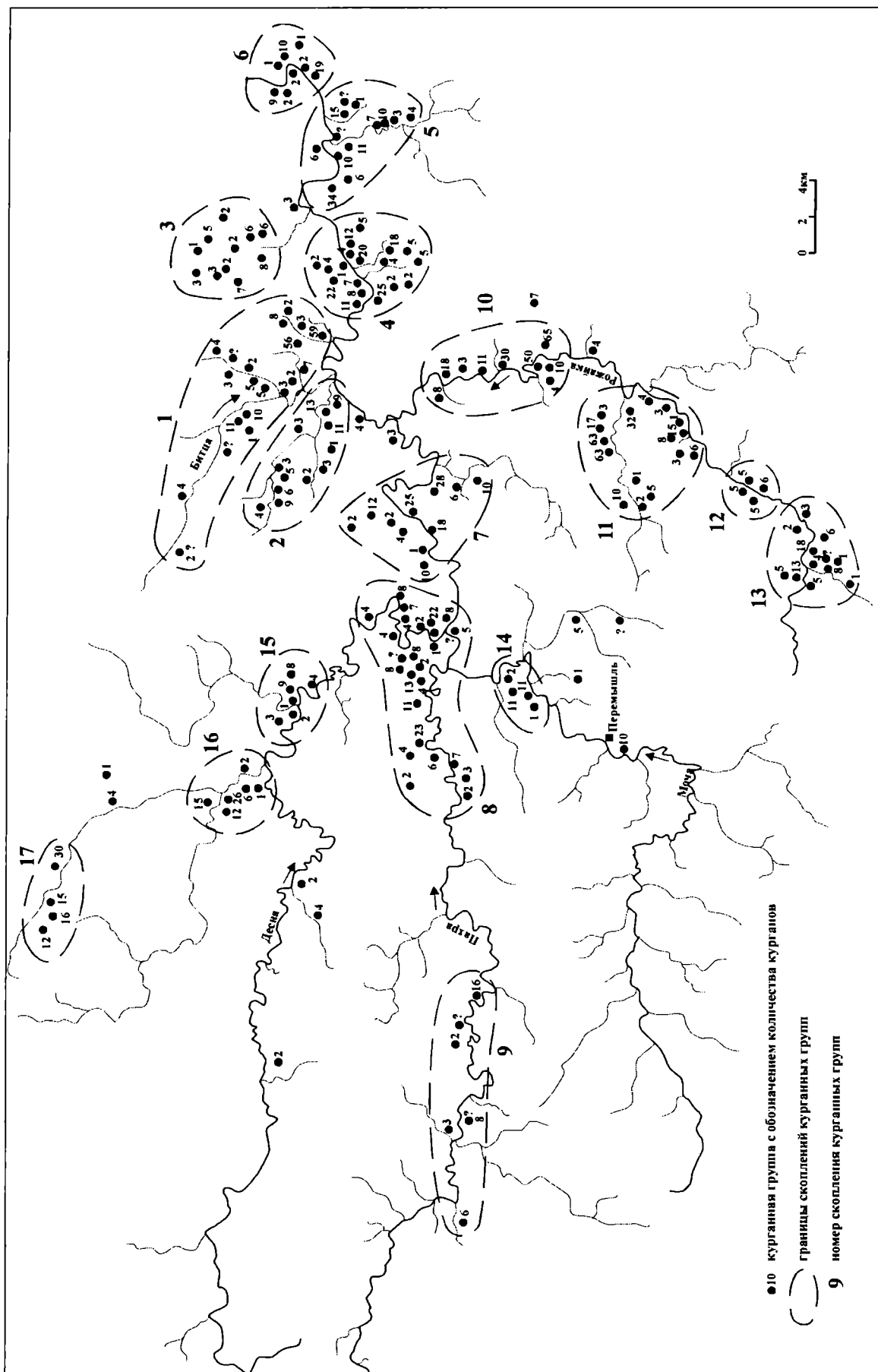

Рис. 2. Курганные скопления бассейна Пахра

первой половины – середины XII в. – первой трети XIII в. (то есть около 100 лет) (*Янишевский*, 2001. С. 145), или XII – первой половины XIII в. (около 150) (*Кренке*, 2003. С. 165). В целом исследователи пользуются датировками, предложенными Т.В. Равдиной, что вполне обоснованно. Однако накопленный за последнюю четверть века материал в ряде случаев дает основания для корректировки общепринятых представлений. Попытки сужения датировок основываются, как правило, на тезисе о сравнительно позднем массовом возникновении курганов в бассейне Москвы-реки – около середины XII столетия (*Равдина*, 1975. С. 96). К порочью Пахры приурочены 3 пункта из 21 известного Т.В. Равдиной (1975. №№ 104, 105, 108 по каталогу), в которых отмечены находки семилопастных колец третьего типа, датированных первой четвертью XII в. Все три памятника, на которых были обнаружены эти височные кольца (Покров, Стрелково, Новленское), расположены по берегам Пахры в среднем ее течении, причем два из них – Покров и Стрелково – в непосредственной близости друг от друга. Возможно, к числу наиболее ранних курганов бассейна Пахры относится насыпь, раскопанная А.Я. Брюсовым в Пузиковских курганах, содержащая погребение с лепным горшком (ГИМ. Инв. № 56112. Оп. 409. № 117). Эти немногочисленные находки, по-видимому, маркируют начало возведения курганов на берегах Пахры. Основной же массив исследованных погребений содержит наборы украшений, относящиеся ко времени около середины XII столетия и более позднему. Затухание обряда возведения курганов в бассейне Верхней и Средней Оки традиционнo относят к середине XIII в., что в целом, вероятно, близко к действительности. Тем не менее, в некоторых случаях повторное рассмотрение состава погребального инвентаря уже опубликованных памятников дает основания для не столь однозначной хронологической атрибуции.

Наиболее яркий пример подобной ситуации демонстрируют результаты раскопок курганов у бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожайке (крупнейший правый приток р. Пахры в ее среднем течении), проводившиеся Р.Л. Розенфельдом (1973. С. 62–65). В женском погребении в кургане 6 в числе погребального инвентаря был обнаружен тисненый, состоящий из двух половинок, бубенчик с линейной прорезью и рельефным пояском (*Розенфельдт*, 1973, Рис. 17. №9). Подобные бубенчики в Новгороде бытуют во второй половине XIII – XIV в. (*Седова*, 1981. С. 156), часто встречаются на золотоордынских памятниках (*Федоров-Давыдов*, 1994. С. 196, *Полякова*, 1995. С. 201–202) и прочно связаны в работах современных исследователей с поволжским набором украшений. К числу находок, происходящих из этого погребения и относимых ко времени более позднему, чем первая половина XIII в., принадлежат два овальнощитковых

перстня (*Розенфельдт*, 1973. Рис. 17. № 10, 12), несущие зооморфные изображения на щитках (*Седова*, 1981. С. 135, 138; *Полякова*, 1996. С. 178, 179. Рис. 61; *Сарачева, Сапрыкина*, 2004. С. 54–55). Остальные находки, обнаруженные в погребении (литые браслеты, пластинчатые зооморфная и арочная привески-держатели, перстнеобразное височное кольцо, шиферное пряслице) вполне сопоставимы с датировкой погребения – временем близким или несколько более поздним, чем середина XIII в.

Таким образом, попытки сузить временной диапазон существования курганов бассейна Пахры не кажутся достаточно обоснованными. Наиболее приемлем, по-видимому, дифференцированный подход, примененный Н.А. Кренке для различных курганных скоплений, расположенных в пределах Москвы (*Кренке*, 2003. С. 157–163). Продолжительность существования одного могильника или целого скопления исследователь определял, основываясь на характеристиках конкретной группы памятников.

Картирование курганных могильников демонстрирует общие закономерности их расположения в бассейне Пахры. На рисунке 2 хорошо видна диспропорция в размещении памятников – большое количество курганов в бассейне среднего и нижнего течения реки, на востоке региона, и почти полное отсутствие могильников в его западной части, в верховьях Пахры, а так же на Моче и верхней Десне (ее правом и левом притоках). Особенно много курганных групп расположено в бассейне нижнего течения реки, где курганы тяготеют к берегам ее малых притоков и водоразделу между левобережьем нижней Пахры и долиной Москвы-реки. При этом выделяются зоны повышенной концентрации памятников, отделенные друг от друга хотя и не большими, но сравнительно пустыми участками течения реки, характеризующимися, как правило, отсутствием мелких притоков. Напротив, скопления курганов приурочены к мелким рекам или оврагам с проработанными долинами и постоянным водотоком. Под скоплением в данном случае понимается размещение нескольких курганных групп в относительной близости друг от друга, что соответствует, вероятно всего, не каким-либо элементам структуры расселения, а, в первую очередь, территориям наиболее плотно освоенным, отражая лишь самые общие закономерности размещения населения в рассматриваемом регионе. Большинство выделяемых скоплений – довольно крупные группы памятников, в рамках которых возможна большая детализация с изучением динамики формирования небольших ассоциаций курганных могильников, принадлежащих отдельным сельским сообществам.

В общей сложности, в бассейне Пахры можно выделить 17 курганных скоплений, заметно различающихся по количеству могильников,

численности курганов, особенностям взаимного расположения групп и топографическому размещению памятников. В некоторых случаях в рамках больших скоплений можно отметить зоны сгущения курганных групп. Иногда о существовании скоплений можно говорить с серьезными оговорками, объединяя в них могильники только в силу приуроченности памятников к определенному району бассейна реки или участку водораздела. Непосредственно к долине Пахры приурочено 6 скоплений, остальные располагаются в бассейнах ее притоков и на водоразделе между Москвой-рекой и Пахрой в ее нижнем течении.

Расстояния между курганными группами в скоплениях сильно варьируются, редко составляя более 1 км, чаще всего памятники располагаются в 300–800 м друг от друга. Протяженность «пустых» участков течения Пахры различается довольно сильно, не позволяя говорить о стойких закономерностях, и обобщенно может быть определена в диапазоне от 2 до 20 км. Подсчеты усложняет и то, что непосредственно к берегу реки приурочено сравнительно немного памятников, большей частью расположенных на значительном (до 1 км) удалении от русла, на возвышениях коренного берега высокой надпойменной террасы, или уже на берегах притоков Пахры.

Краткие сведения о скоплениях для удобства были помещены в таблицу (табл. 1). Что касается привязок, то применявшийся ранее исследователями принцип разделения по бассейнам малых рек в данном случае не всегда приемлем, т. к. в большинстве своем выделяемые скопления лишь отчасти оказались приуроченными к берегам мелких притоков Пахры. При описании памятников, расположенных на водоразде-

ле, такой подход представляется вовсе некорректным: разделенными оказываются памятники, расположенные в непосредственной близости друг от друга. В случае, когда скопления выделяются в долине Пахры, для их обозначения в таблице приводятся два пункта (как правило, это современные населенные пункты или места впадения притоков в Пахру), расположенные выше и ниже скопления по течению реки. Подразумевается, что в состав отмеченного таким образом скопления входят и те памятники, которые расположены на берегах овражных систем и малых речек, впадающих в Пахру на обозначенном участке. Если зона концентрации памятников приурочена к водоразделу, то при ее обозначении поясняется, водораздел между какими речными системами имеется ввиду.

В скопления ассоциировано подавляющее большинство курганных групп бассейна Пахры (185 из 199), в которых учтен 1631 курган, или более 97% известных насыпей. Оставшиеся 14 групп, не входящие в скопления, содержат 45 курганов и приурочены, преимущественно, к берегам притоков Пахры в западной части региона.

С наибольшей плотностью курганные могильники расположены в нижнем течении Пахры, где они практически смыкаются с районами плотного размещения курганов правобережья Москвы-реки. Длина участка нижнего течения Пахры от устья р. Гвоздянки (левый приток Пахры, впадает в нее в 350 м выше устья Битцы) составляет около 30 км. Здесь расположены 83 курганные группы, состоящие из 614 насыпей (почти 37% от всех учтенных курганов региона) и составляющие 6 скоплений курганных могильников (рис. 2, №№ 1–6). Вне пределов

Таблица 1. Характеристика скоплений курганов в бассейне Пахры

№*	Географическая приуроченность	Количество групп	Количество курганов
1	Бассейн Битцы и Туровки	20	187
2	Бассейн Гвоздянки с Пустошкой	12	69
3	Водораздел между Пахрой и Москвой-рекой	11	45
4	Долина Пахры (Новленское – Колычево)	18	157
5	Долина Пахры (Семивраги – пос. Володарский)	13	107
6	Долина Пахры (пос. Малая Володарка – устье Пахры)	8	46
7	Долина Пахры (Добрятино – устье Конопельки)	11	118
8	Долина Пахры, низовья Десны (Шаганино – Сальково)	25	158
9	Долина Пахры (Руднево – Конаково)	6	35
10	Долина Рожайки (Битягово – Ушморы)	9	199
11	Долина Рожайки с Рогожкой (Лопаткино – устье Рогожки)	16	236
12	Долина Рожайки (Мещерское – Ивино)	4	21
13	Долина Рожайки (Никоново – Дубинино)	12	66
14	Долина Мочи (Ознобишино – устье Лубянки)	4	25
15	Долина Десны (сан. Десна – Расторопово)	6	27
16	Низовья Незнайки (устье Ликовы – устье Незнайки)	6	62
17	Долина Ликовы (Изварино – Пыхтино)	4	73

* Номер в таблице соответствует номеру скопления на рис. 2.

скопления размещается единственная курганная группа, состоящая из трех курганов. Два из выделенных скопления приурочены к разветвленным системам рек Битцы с Туровкой и Гвоздянки с Пустошкой; три – к долине Пахры с выходом на овраги и мелкие реки правобережья Пахры; одно – к водоразделу между левым берегом реки и верховьями правых притоков Москвы-реки.

Наиболее крупное из перечисленных скопления расположено по берегам р. Битцы – крупнейшего левого притока Пахры в нижнем течении – и р. Туровки, впадающей в Пахру в 3 км ниже устья Битцы. Здесь расположено 20 курганных групп, состоящих из 187 насыпей. Восемнадцать могильников расположено в среднем течении Битцы, на ее левых притоках, на водоразделе с Туровкой и по обоим берегам этой небольшой речки. В верхнем течении реки отмечены единичные могильники (всего 2), довольно далеко отстоящие от основной зоны концентрации курганов и друг от друга, отнесенные к скоплению только из-за принадлежности к бассейну реки. Верховья Битцы демонстрируют картину, отличную от большей части бассейна нижнего течения Пахры и больше сопоставимы с территориями на западе рассматриваемого региона, где немногочисленные курганные группы тяготеют к долинам рек, не составляя выраженных зон концентрации памятников.

Совершенно другая ситуация отмечена к востоку от Битцы, в скоплении приуроченном к водоразделу Пахры и Москвы-реки. Здесь учтено 11 могильников состоящих из 45 курганов, равномерно размещающихся по площади водораздела. При подсчете количества курганов и групп в скоплении, учитывались только памятники, тяготеющие к верховьям притоков и овражных систем бассейна Пахры, а при учете групп, расположенных на берегах малых речек, впадающих в Москву-реку, число курганов расположенных на водоразделе может быть увеличено более чем в два раза. Высокая концентрация курганов на водоразделе, составляя разделяемое только по формальному признаку принадлежности к определенному водному бассейну, единое скопление могильников позволяют говорить о чрезвычайно активном освоении этого микрорегиона в домонгольское время. Привлекательность для заселения нешироких водораздельных плато, расчлененных разветвленной овражной сетью и ограниченных долинами двух рек (в данном случае Москвы-реки и Пахры) в непосредственной близости от их слияния, – это, как будет показано ниже, одна из важных закономерностей расположения курганных могильников, выделяемых на примере памятников бассейна Пахры.

Последнее скопление, приуроченное к левобережью нижней Пахры, размещается по берегам р. Гвоздянки и ее притоков, к западу от долины р. Битцы, и отделено от зоны концентрации курганов на ней расстоянием в 1,5–3 км.

Курганные группы, которых в скоплении насчитывается 12 с 69 насыпями в сумме, достаточно равномерно распределены по берегам Гвоздянки и ее правого притока Пустошки, образуя слабо выраженные сгущения в верховьях и нижнем течении реки.

Из скопления, выделяющихся в долине нижнего течения Пахры и низовьях ее притоков, наиболее крупным является район концентрации памятников, расположенный на участке течения реки между селами Новленское и Колычево. Он включает 18 могильников, размещенных по обоим берегам реки. На правом высоком коренном берегу Пахры и двух крупных оврагах, входящих в ее долину, расположено 11 курганных групп, насчитывающих 102 насыпи, на левом берегу учтено 7 могильников с 55 курганами.

Указанное скопление располагается в завершении обширного пойменного расширения, захватывающего большую часть среднего течения Пахры. Протяженность пойменного расширения составляет почти 20 км, в наиболее широких местах (в первую очередь, на правобережье) поймы на различных уровнях простирается на расстояние до полукилометра от русла реки. Большое значение наличия пойменных расширений для формирования древних и средневековых структур расселения в поречье Пахры уже отмечалось исследователями (Гоняный, 1999. С. 128–131). Размещение именно здесь крупного курганного скопления, по-видимому, иллюстрирует как ситуацию активного хозяйственного использования пойменных угодий, так и отсутствие в их пределах достаточного количества мест, удобных с точки зрения ландшафтно-топографических характеристик для размещения поселений в домонгольское время. Этим, вероятно, может быть объяснено большое количество курганов могильников на участке «замыкающем» пойму и, как будет показано ниже, сравнительно слабая насыщенность курганами большей части среднего течения реки.

Для двух скопления, расположенных в низовьях Пахры, можно считать наиболее характерным размещение могильников на возвышениях коренных берегов и на очень мелких (протяженностью до 1 км) оврагах, входящих в долину реки. Это особенно заметно для группы памятников, размещающихся на участке между поселком Малая Володарка и устьем Пахры. Это самое мелкое из скопления в долине нижней Пахры состоит из 8 могильников, насчитывающих, в общей сложности, 46 курганов. В скоплении, расположенном между селом Семивраги и поселком Володарский, тенденция тяготения курганов могильников к коренным берегам реки не столь выражена. 4 группы из 13 входящих в нее, содержащие 24 кургана, расположены в среднем течении р. Жданки – правого притока Пахры. 12 из 13 курганов могильников этого скопления расположены на правобережье Пахры.

На левом берегу находится только одна курганная группа, приуроченная непосредственно к коренному берегу реки.

В целом для нижнего течения Пахры отмечается довольно интересная закономерность размещения курганных могильников, выражающаяся в постепенном увеличении количества курганов по мере удаления от устья реки. В низовьях Пахры находится сравнительно небольшое количество памятников, возрастающее по мере продвижения к участку течения реки, лежащему сразу ниже пойменного расширения, достигая максимальных значений здесь и в бассейнах левых притоков Пахры – Битцы и Гвоздянки. Эти три скопления (два из которых – наиболее крупные для нижнего течения Пахры) состоят из 50 курганных групп, насчитывающих 413 курганов, или 67,5% от всех учтенных здесь насыпей.

Среднее течение реки резко отличается от нижней Пахры меньшим количеством и плотностью размещения курганных могильников.

Основной причиной сравнительно небольшого количества курганных групп, располагающихся в среднем течении, служат ландшафтно-географические условия на большей части этого участка долины, от впадения в Пахру наиболее крупного ее притока – Десны – до устья Гвоздянки. Из 26 км его протяженности почти 20 км занимает пойменное расширение, о котором говорилось выше. Ниже впадения р. Конопельки (правый приток Пахры) поймы, в основном, занимают правобережную часть долины реки, а напротив ее устья разноуровневая пойма приурочена к левому берегу. Здесь расположены только две небольших курганных группы, размером в 3 и 4 кургана, размещающиеся на возвышениях левого берега реки.

Выше устья Конопельки находится единственное курганное скопление, приуроченное к среднему течению Пахры (рис. 2, № 7). Пойменное расширение начинается как раз здесь, русло реки после поворота на север делает большую петлю к югу. Курганы располагаются по обоим берегам Пахры, на участке от бывшего села Добрятино (восточная окраина современного Подольска) до устья Конопельки. Наиболее крупные могильники находятся на правом берегу и в низовьях Конопельки. Здесь расположено 5 курганных групп, состоящих из 87 курганов. Левобережные могильники отстоят от русла реки на расстояние до полукилометра, частично приурочены к оврагам, входящим в начинающееся пойменное расширение, и имеют меньшие размеры. В 6 курганных группах, расположенных на левом берегу Пахры, учтен 31 курган. Всего в 11 курганных группах, составляющих скопление, насчитывается 118 насыпей, что немногим менее числа курганов в скоплении № 4, находящемся у завершения пойменного расширения.

Верхняя Пахра – наиболее протяженный участок течения реки, составляющий более 70 км, в пределах которого отмечено всего 2 зоны концентрации курганов. Одна из них – самое крупное скопление курганных могильников из 6, сформировавшихся в долине Пахры. Оно расположено выше Подольска и приурочено к слиянию Пахры и Десны. Территория современного Подольска, лежащая между двумя скоплениями (рис. 2, №№ 7, 8), лишена курганных могильников, что, возможно, связано с полным их уничтожением в пределах крупного города. Расстояние между скоплениями – ниже города по течению реки у начала пойменного расширения) и выше него (у слияния Десны с Пахрой) – составляет около 7 км. Это на 2 км больше максимального расстояния между курганными скоплениями в нижнем течении Пахры, но вполне сопоставимо с пустыми участками течения на крупных притоках Пахры и, вероятно, отражает общую тенденцию увеличения промежутков между скоплениями от низовий к верховьям реки.

Скопление у слияния Пахры и Десны состоит из 25 курганных групп, большинство из которых (18), тяготеет к приустьевому отрезку течения Десны и водоразделу между ним и левым берегом Пахры. На правобережье Пахры находится только один курганный могильник, состоящий из 5 насыпей и расположенный напротив устья Десны. Остальные 17 могильников разделены течением Десны на две несколько различающиеся по характеру топографической привязки, группы памятников. Курганы левобережья Десны приурочены, в основном, к ее высокому коренному берегу. В одном случае топографической доминантой служит высокий левый берег Пахры. Здесь сосредоточено 8 групп, насчитывающих 55 курганов. На правом берегу Десны непосредственно к берегу приурочено только 2 курганные группы. Еще 2 могильника тяготеют к высокому левому берегу Пахры, находясь от него на расстоянии не менее 200 м. Остальные 5 памятников располагаются на берегах и верховьях оврагов, размещаясь на склонах пологого покатога водораздельного плато. В 9 курганных группах – между Пахрой и Десной – насчитывается 51 курган, а всего в районе концентрации памятников у слияния Пахры и Десны в 18 могильниках учтено 111 насыпей.

Ситуация в междуречье Пахры и Десны в меньших масштабах повторяет картину, прослеженную в низовьях Пахры у впадения ее в Москву-реку. Район слияния двух крупнейших рек западной части рассматриваемого региона представляет собой зону с максимально плотным размещением памятников, занимающих не только возвышенные участки коренных берегов, но и водораздельные территории. Размещение курганов на водоразделах при наличии значительных незанятых участков течения реки с условиями

вполне пригодными для расположения памятников демонстрирует высокую степень привлекательности таких микрорегионов. Тезис о традиционности размещения курганов на овражных системах, в том числе вблизи водоразделов, в этом случае, по-видимому, не может быть признан достаточным объяснением. Ландшафтные и топографические условия верхнего течения Пахры, равно как и ее притоков в среднем и верхнем течении, вполне сопоставимы с условиями, отвечающими закономерностям размещения курганных могильников на малых реках Московчья.

Еще 7 курганных групп, входящих в скопление, отделены от остальных почти трехкилометровым участком течения Пахры. Находясь на таком удалении от большей части памятников, составляющих скопление, они были все же причислены к нему, т. к. вместе с курганами, расположенными у слияния рек, представляют собой последнее четко выделяемое сгущение курганных могильников в верхнем течении Пахры. Три из них расположены на правом берегу Пахры и состоят всего из 12 курганов, оставшиеся 4 приурочены к ее левому берегу и оврагам, входящим в долину правого берега реки. В группах на левом берегу насчитывается 35 курганов, что почти в три раза превышает число насыпей правобережных могильников. Вообще, незначительное количество курганов на правом берегу Пахры – особенность всего скопления. Здесь размещается всего 4 группы с 17 курганами, а к северу от Пахры, на ее левом берегу, и в низовьях Десны расположен 21 могильник, состоящий из 141 насыпи. При этом значительная часть курганов левобережья расположена в группах, тяготеющих к водоразделам, а все памятники, находящиеся на правом берегу Пахры, приурочены к возвышениям коренного берега реки. Такая ситуация, вероятно, демонстрирует диспропорции в освоении правого и левого берегов Пахры в древнерусское время и позволяет говорить о сравнительно слабой заселенности территорий лежащих к югу от русла Пахры в ее верхнем течении.

Неравномерность в размещении населения в бассейне Пахры становится очевидной при рассмотрении особенностей расположения памятников в верховьях реки. Выше по течению относительно могильников, находящихся в западной части скопления, у села Шаганино, на протяжении почти 20-километрового участка курганных групп вообще не известно, а в верховьях реки расположены всего 6 памятников, отделенные друг от друга значительными расстояниями. Размещающиеся тремя компактными группами и отстоящие друг от друга на 5–7 км, они были объединены в скопление № 9 (рис. 2), маркируя, таким образом, участок течения Пахры в ее верховьях, протяженностью около 15 км, заселение и хозяйственное освоение которого началось

до монгольского нашествия. Курганы, размещающиеся по обоим берегам реки, приурочены к возвышениям ее коренных берегов и мелких притоков. Всего в 6 группах находится 35 насыпей. Этот район, вероятно, был заселен крайне слабо, и характер размещения здесь курганов может служить примером начала формирования курганных скоплений.

Территории со сложившимися скоплениями курганов, хотя и не достигшими размеров зон концентрации памятников, известных в долине Пахры, расположены в бассейне средней Десны и на ее притоках (Сосенке, Незнайке) и Ликове (рис. 2, №№ 15, 16, 17). Районы концентрации курганных могильников отделены здесь друг от друга более значительными расстояниями, чем скопления на Пахре, и состоят из меньшего количества курганных групп. Деснинские курганы в абсолютном большинстве тяготеют к прибрежным частям коренных берегов, концентрируясь вблизи устьев крупнейших притоков Десны. Наиболее заметны перечисленные особенности в скоплении в районе впадения в Десну ее левого притока (р. Сосенки) (рис. 2, № 15). Здесь, на левом берегу реки, находится 6 курганных могильников, состоящих из 27 насыпей. Скопление расположено почти в 10 км выше по течению от района плотного размещения курганов в низовьях Десны, что в два раза меньше чем расстояние между скоплениями № 8 и № 9 в верхнем течении Пахры (рис. 2). Скопление, приуроченное к низовьям Незнайки и протянувшееся от устья Ликовы (ее левого притока) до впадения Незнайки в Десну (рис. 2, № 16), отстоит от ближайшего района размещения могильников на 7 км, и хотя состоит также из 6 групп, но содержит в два раза больше насыпей – 62. В скоплениях, располагающихся в среднем течении Десны и на берегах ее левых притоков, прослеживается увеличение количества насыпей в курганных группах по мере удаления от устья реки, хотя расстояния между скоплениями увеличиваются, а количество могильников в них не меняется или даже имеет тенденцию к уменьшению. Последнее скопление в бассейне Десны находится в верховьях р. Ликовы – левого притока Незнайки. Расположенное более чем в 15 км от курганов, приуроченных к устью Ликовы, скопление состоит из четырех курганных могильников (всего 73 насыпи), тяготеющих, за единственным исключением, к правому берегу реки.

На левом берегу Ликовы размещаются еще две равноудаленные от двух ближайших скоплений курганные группы с 5 насыпями. По особенностям расположения (относительно зон концентрации памятников в бассейне Десны) курганы среднего течения Ликовы вполне сопоставимы с могильниками верховьев Пахры и, вероятно, представляют собой пример начала формирования курганного скопления. В верхнем течении Десны отмечено два пункта, в которых единич-

ные курганы и немногочисленные мелкие курганные группы, находясь на значительном удалении друг от друга, образуют или компактные группы памятников, или размещаются в районах, сопоставимых по своим географическим особенностям с местами формирования зон плотного размещения курганных могильников.

Ситуация, близкая к прослеженной на Средней Десне, может быть отмечена и для нижнего течения Мочи – правого притока Пахры в ее верхнем течении. Устье Мочи расположено менее чем в 3 км от слияния Пахры с Десной, однако ее низовья полностью лишены курганов. Единственное скопление, размещающееся на берегах Мочи, находится в излучине нижнего течения реки, на ее левом берегу. Курганные группы, которых здесь известно 4, приурочены к возвышенному участку пологого склона плато коренного берега Мочи и состоят из 25 насыпей. Скопление расположено в 4 км к югу от устья Мочи, южнее впадения в нее р. Лубянки (левого притока реки), северо-восточнее села Ознобишино, и более чем на 5 км отстоит от района размещения курганов в районе устья Десны.

В бассейне Мочи известно еще 4 одиночных курганных могильника, не составляющих компактных скоплений. В них учтено 16 насыпей, 10 из которых входят в состав курганной группы, расположенной в 7 км выше по течению реки относительно скопления в районе с. Ознобишино и примерно в 1 км к югу от остатков единственного летописного города, располагавшегося в бассейне Пахры, – городища Перемышль Московский (рис. 1; 2). Эта группа – наиболее крупная из одиночных могильников бассейна Пахры. Она расположена на склоне высокого правого берега Мочи и представляет собой самый южный курганный могильник бассейна реки. Выше него на берегах Мочи и ее притоков курганов никогда не фиксировалось. Остальные три курганных могильника, не входящие в скопления, расположены по берегам Петрицы (правого притока Мочи) и в верховьях крупного Костешевского оврага, входящего в правобережную пойму реки напротив села Ознобишино. Характер расположения этих памятников позволяет предположить, что процесс освоения долины Мочи в период активного возведения курганов только начинался и происходил по двум направлениям: с севера (с берегов Пахры) и востока (из бассейна Рожайки – правого притока Пахры в ее среднем течении).

Бассейн Рожайки представляет собой одну из наиболее плотно освоенных территорий региона в домонгольское время. Здесь расположены 43 курганные группы, ассоциированные в 4 скопления, в составе которых выделяются более мелкие зоны сгущения памятников. По количеству насыпей, плотности расположения могильников в скоплениях, размерам курганных могильников скопления, расположенные по бе-

регам Рожайки и ее притоков, имеют много общего с нижним течением Пахры. Расстояния между выделенными скоплениями не превышают 4–5 км, за единственным исключением. Количество могильников в них близко или превышает десяток памятников, содержащих значительное количество курганов. В отличие от курганных групп Нижней Пахры, памятники бассейна Рожайки приурочены, в основном, к возвышениям коренных берегов реки и ее притоков, сравнительно редко размещаясь на водоразделах. Наиболее крупное курганное скопление располагается в среднем течении реки и состоит из 16 могильников, насчитывающих 236 курганов (рис. 2, № 11). Скопление располагается на левом берегу Рожайки и в бассейне ее левого притока (Рогожки), имеющего общий водораздел с Петрицей – правым притоком Мочи. В пределах скопления курганы размещены тремя компактными группами, одна из которых приурочена к левому берегу реки и ее мелким притокам выше устья Рогожки. Остальные две зоны компактного расположения памятников находятся в нижнем и среднем течении Рогожки.

Несколько меньше по числу курганов скопление в нижнем течении Рожайки (рис. 2, № 10), где курганные группы размещаются по обоим берегам реки, растянувшись вдоль них на расстояние около 8 км. У южной границы скопления, в районе с. Битягово, плотность размещения курганных могильников максимальная. Всего в нижнем течении Рожайки насчитывается 9 курганных групп, состоящих из 199 курганов.

В отличие от Десны и Мочи, в верховьях которых отмечено очень небольшое количество курганных могильников или не зафиксировано вовсе, плотность размещения курганов в верховьях Рожайки мало отличается от среднего и нижнего течения реки, однако в верхнем течении могильники имеют меньшие размеры. В двух скоплениях здесь насчитывается 16 курганных групп, насчитывающих 87 курганов. Большое скопление (рис. 2, № 13) состоит из 12 групп, включающих 66 насыпей и концентрирующихся у впадения в Рожайку ее безымянного правого притока, располагаясь по его берегам и на обоих берегах самой Рожайки. Меньшее скопление (рис. 2, № 12) находится ниже по течению и приурочено к долине Рожайки, которая делит его пополам. В скопление входит 4 курганные группы, состоящие из 21 кургана.

Кроме курганов, входящих в скопления, в бассейне Рожайки отмечены 2 обособленных могильника с 11 насыпями. Всего же в 43 группах, расположенных по берегам Рожайки и ее притоков, насчитывается 533 кургана, что составляет почти 32% всех насыпей бассейна Пахры. После нижнего течения Пахры бассейн Рожайки выступает как наиболее насыщенная курганными могильниками территория в пределах изучаемого региона.

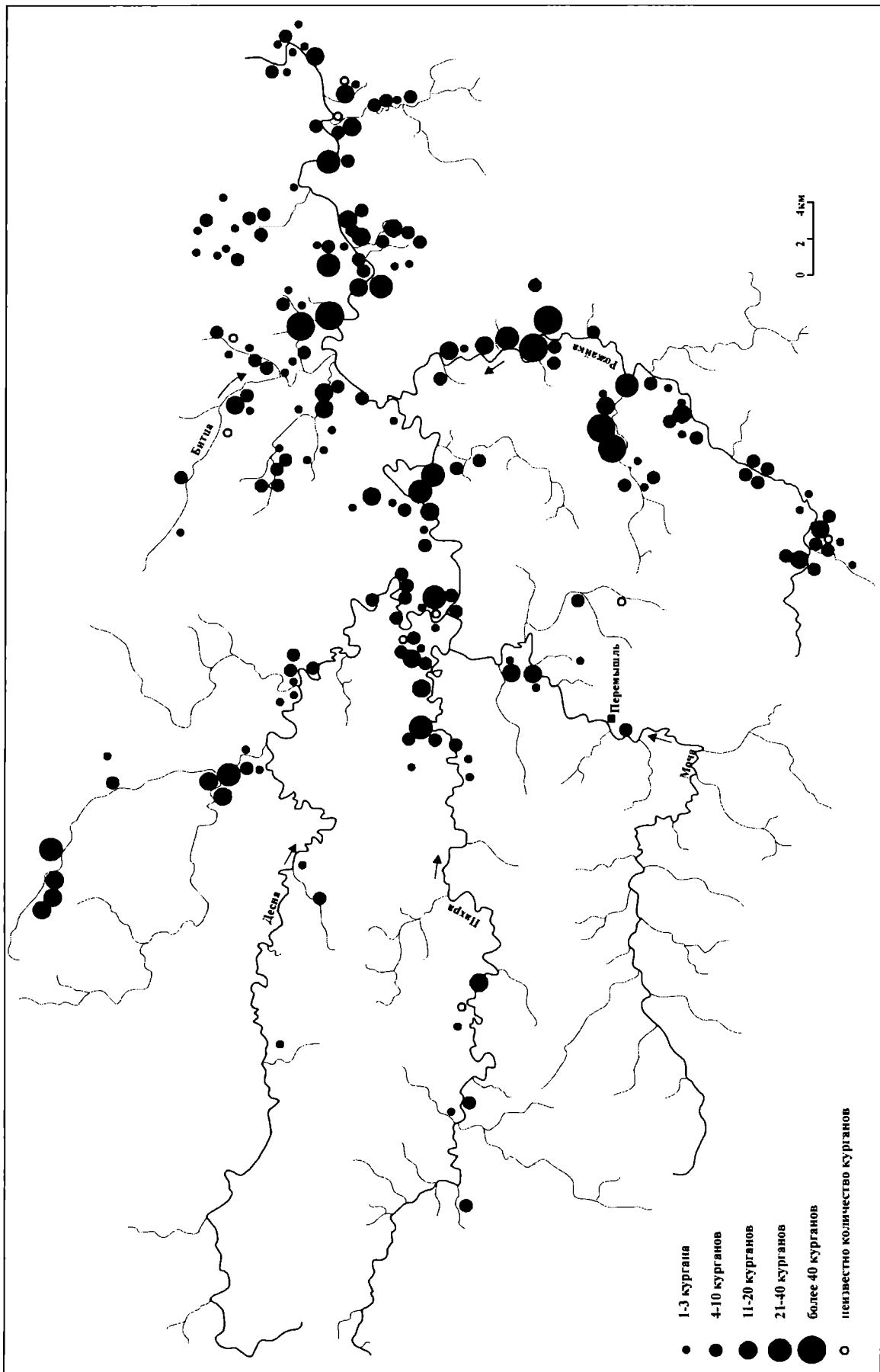

Рис. 3. Курганные могильники разных размеров в бассейне Пахры

Таблица 2. Распределение курганных групп бассейна Пахры по числу составляющих их курганов

Группы памятников (по количеству насыпей)	Количество памятников	% от общего числа памятников	Количество курганов	% от общего числа курганов
1–3 кургана	65	32,7	131	7,8
4–10 курганов	80	40,2	497	29,7
11–20 курганов	28	14,1	395	23,6
20–40 курганов	11	5,5	297	17,7
Более 40 курганов	6	3	356	21,2
Неизвестно	9	4,5	?	?
Всего	199	100	1676	100

При рассмотрении особенностей пространственного размещения курганные могильники были разделены на 5 групп, в зависимости от количества входящих в них насыпей (рис. 3). Такое дробное деление вполне оправданно, поскольку дает возможность проследить тенденции в размещении групп различных размеров, что невозможно при каком-либо суммарном анализе.

Мельчайшие и мелкие группы, составляя 72,9% от картированных памятников, равномерно распространены по всей освоенной территории региона (рис. 4). Абсолютное численное преобладание мелких курганных групп над могильниками с большим количеством насыпей, уже отмечавшееся ранее (Кренке, 2003. С. 164; Янишевский, 2001. С. 151), может считаться характерным в целом для Москворечья. Говоря о курганах, расположенных на берегах правобережных притоков Москвы-реки, стекающих с Теплостанской возвышенности, Н.А. Кренке высказал предположение, что размеры курганных групп связаны, в первую очередь, с продолжительностью функционирования сельских кладбищ. Могильники, имеющие незначительные размеры, должны рассматриваться как недолго существовавшие и, вероятно все, сравнительно поздно возникнувшие (Кренке, 2003. С. 163). Применительно к памятникам, расположенным в бассейне Пахры, важно отметить закономерность размещения курганных групп, состоящих из 10 и менее насыпей, преимущественно вдали от долины Пахры в нижнем и среднем ее течении. Территории, в пределах которых курганные могильники размещены наиболее плотно, демонстрируют ситуацию, когда сравнительно небольшое количество мелких курганных групп приурочено непосредственно к берегам Пахры (за исключением ее низовьев).

Большинство памятников первых двух групп, расположенных в нижнем течении реки, тяготеет к берегам ее притоков и, особенно, к водоразделам, где могильники более крупных размеров не встречены вовсе. Эта ситуация хорошо заметна при рассмотрении особенностей размещения курганных могильников, содержащих 3 и менее насыпей (рис. 5). За исключением курганов скопления № 6, расположенного в низовьях Пахры (рис. 2), непосредственно к берегам основной

водной артерии региона приурочено всего два мельчайших курганных могильника. Вместе с тем, 6 из 11 могильников скопления № 3 (рис. 2), расположенного на водоразделе, как раз содержат менее 3 курганов. По-видимому, если следовать логике, предложенной Н.А. Кренке, самые маленькие курганные группы фиксируют финальный этап формирования скоплений курганных групп, маркируя территории, осваиваемые в конце существования курганной погребальной традиции.

Курганные кладбища, включающие от 4 до 10 насыпей, являются самой многочисленной группой памятников. Тяготение к берегам притоков Пахры и водоразделам для этой категории могильников выражено не так ярко, как для наиболее мелких групп, однако такая тенденция все же прослеживается (рис. 6). При рассмотрении закономерностей их расположения особенно заметны различия в размещении небольших курганных групп в нижнем течении Пахры и в среднем и верхнем течении реки, а так же по берегам ее крупных притоков. На участке течения Пахры выше пойменного расширения курганные группы гораздо чаще приурочены непосредственно к берегам реки, реже располагаясь на значительном удалении от ее русла.

Курганные группы среднего размера, содержащие от 11 до 20 курганов, располагаясь также по всей территории распространения курганов в бассейне Пахры, представлены гораздо меньшим количеством могильников – их насчитывается всего 28 (рис. 7). Основное отличие по сравнению с первыми двумя категориями памятников состоит в отсутствии выраженной тенденции тяготения к берегам небольших притоков Пахры. В большинстве случаев группы численностью 11 и более курганов приурочены или к самым низовьям притоков Пахры, располагаясь менее чем в полукилометре от ее русла, или размещаются непосредственно на ее берегах или на берегах ее крупнейших притоков.

Исключение составляют единственная курганная группа в среднем течении р. Битцы и пять групп на северо-западе региона, в верховьях и устье Ликовы. Размещение здесь такого количества курганных могильников средних размеров говорит о сравнительно раннем начале освоения долины реки. Крайне незначительное количество мелких памятников, приуроченных к берегам

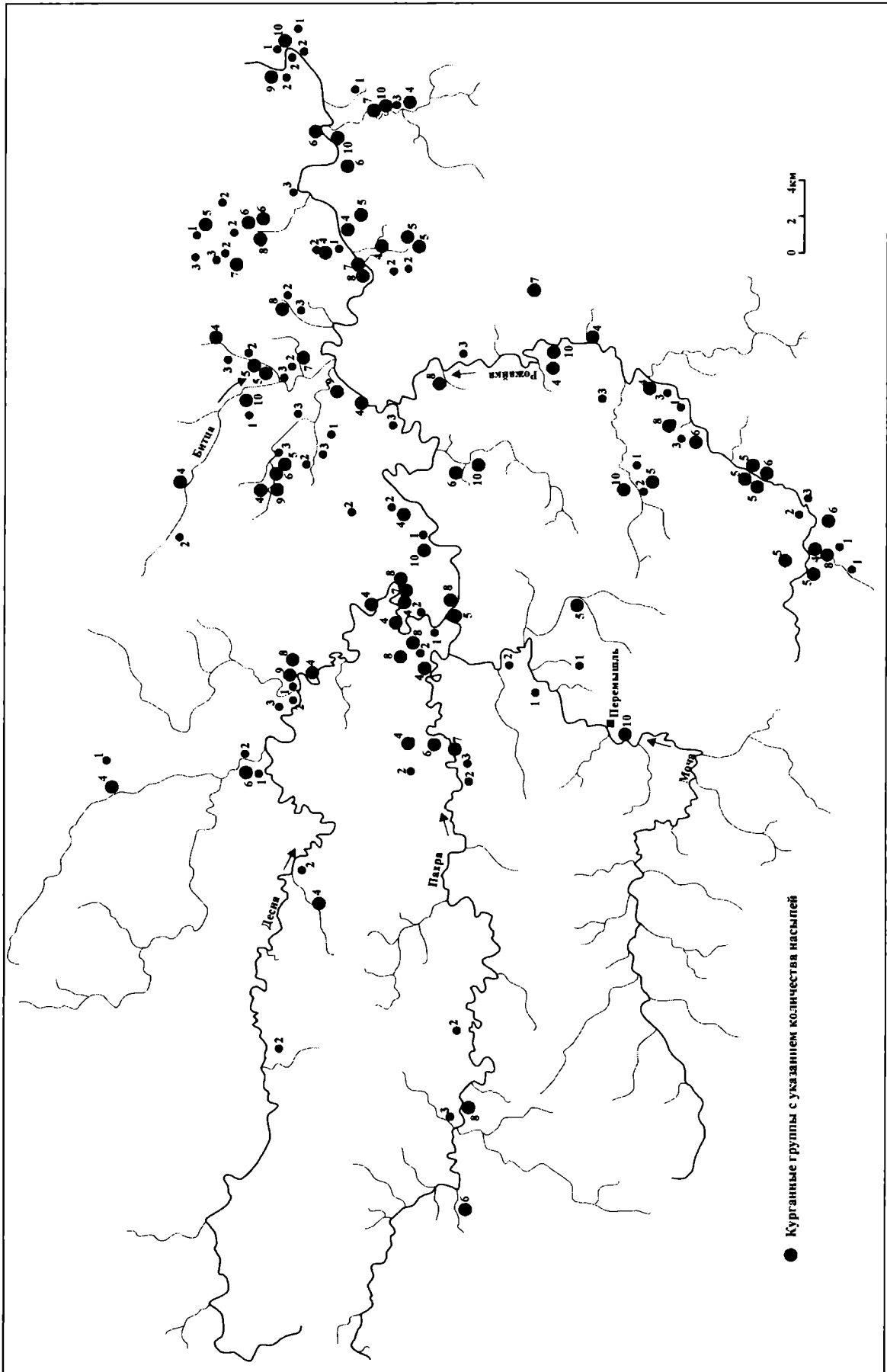

Рис. 4. Курганные группы бассейна Пахры, состоящие из 10 и менее курганов

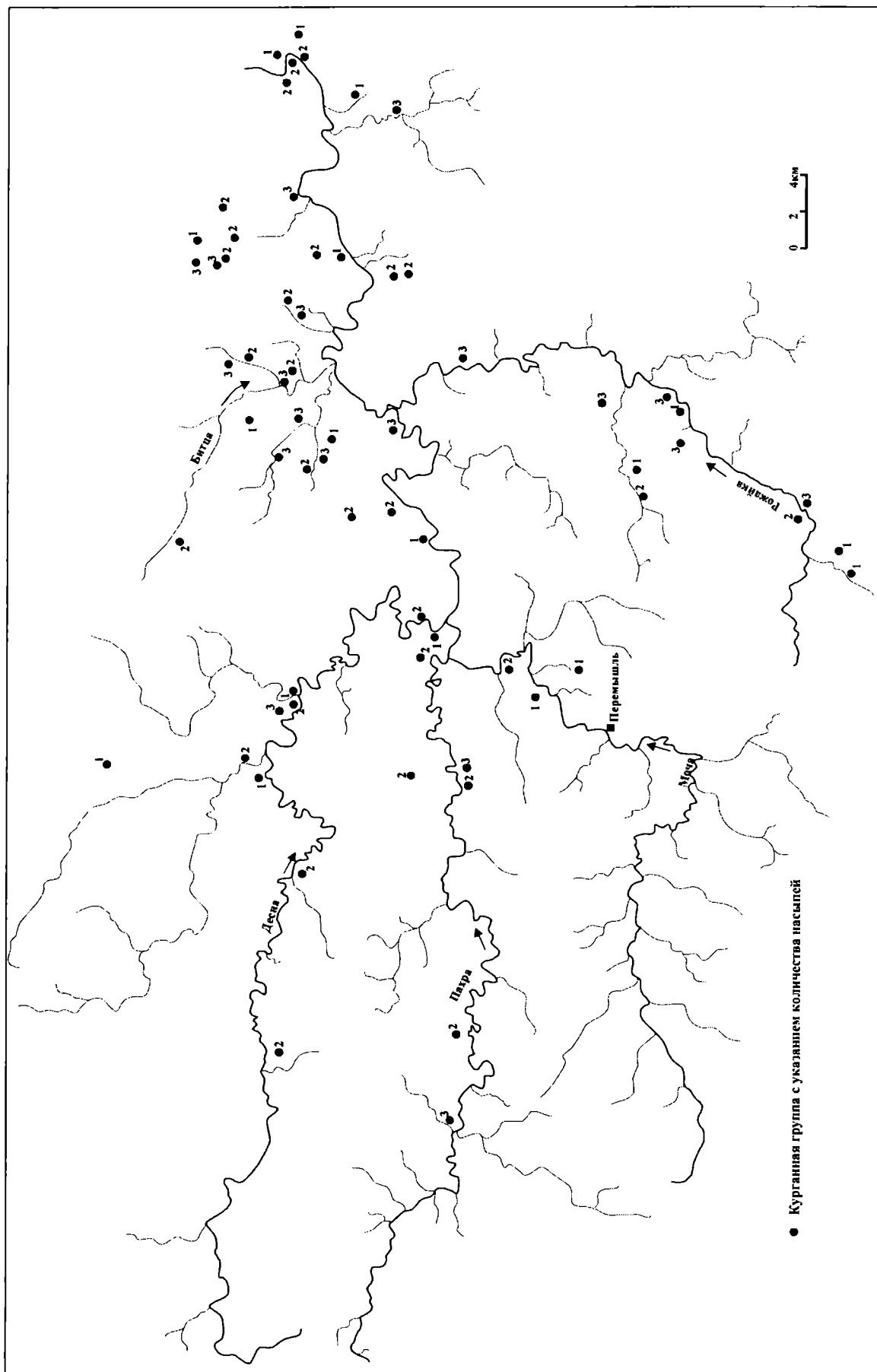

Рис. 5. Курганные группы бассейна Пахры, состоящие из 1–3 курганов

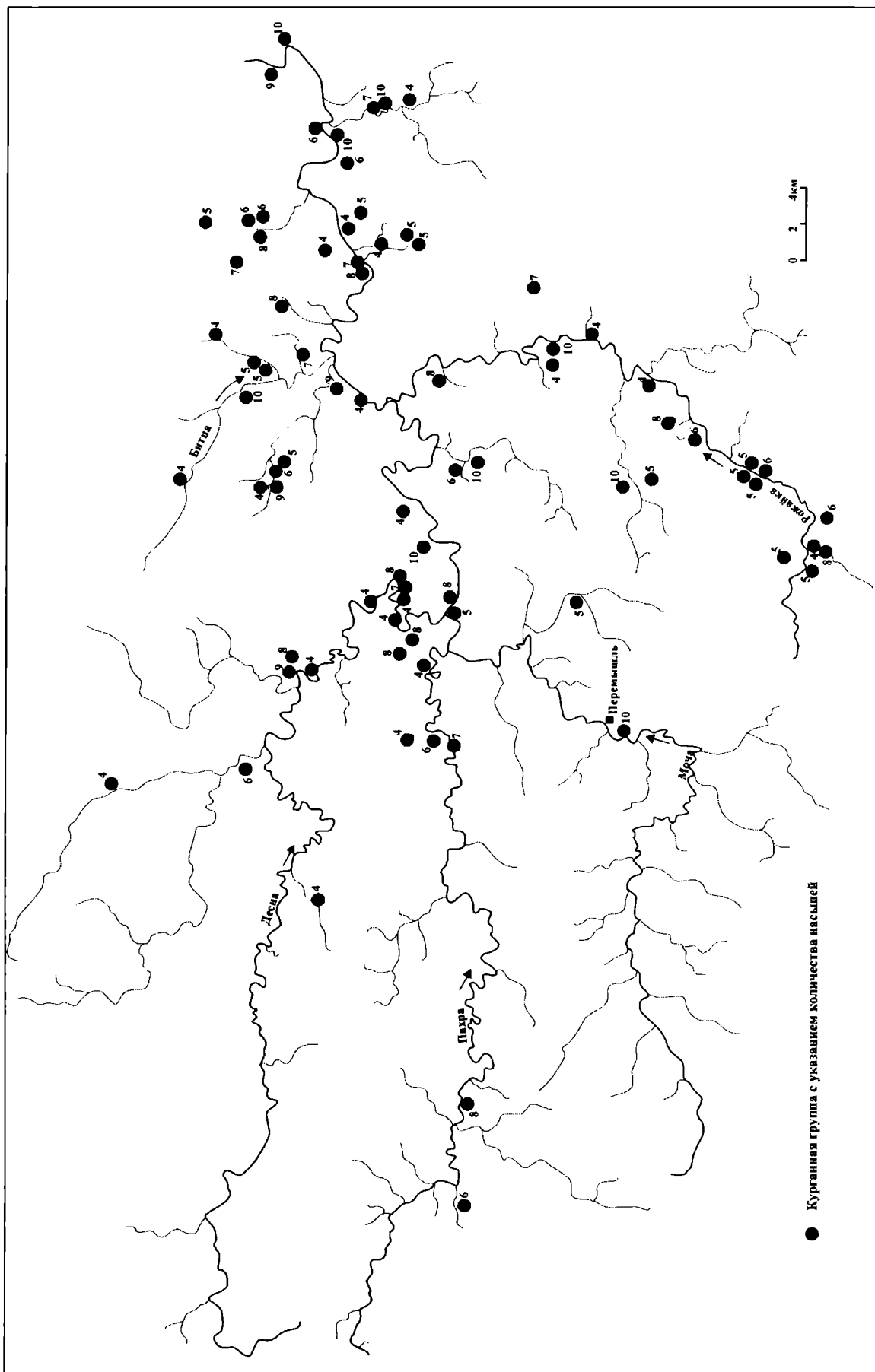

Рис. 6. Курганные группы бассейна Пахры, состоящие из 4–10 курганов

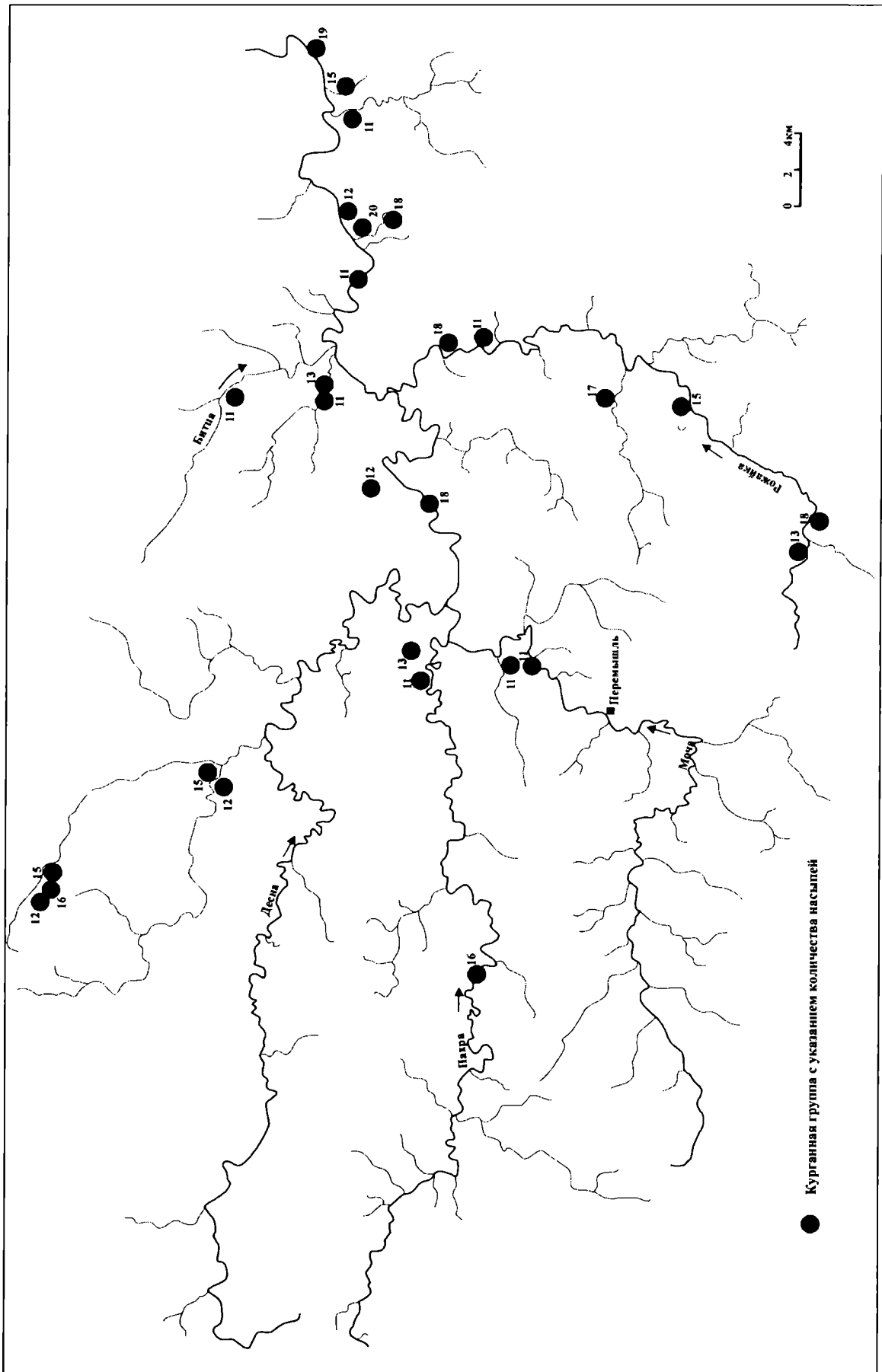

Рис. 7. Курганные группы бассейна Пахра, состоящие из 11–20 курганов

Ликовы, свидетельствует, вероятно, о том, что скопления, располагающиеся на ее берегах (см. рис. 2, №№, 16, 17), развивались не так динамично, как находящиеся на берегах Пахры, Десны или Рожайки, или возникли несколько позднее, чем те, в состав которых входит большее количество мелких памятников. Косвенно такое предположение могли бы подтвердить результаты раскопок А.А. Юшко, в процессе которых были изучены погребения в глубоких подкурганных ямах с крайне незначительным количеством инвентаря (Юшко, 1980. С. 82–83). Однако небольшой объем проведенных работ не дает возможности говорить обоснованно о поздней дате курганных могильников на р. Ликове в целом.

Курганных групп, состоящих из 21–40 насыпей, в бассейне Пахры учтено 11, и закономерности их расположения еще более явно демонстрируют тенденцию тяготения могильников со значительным количеством курганов к берегам крупнейших рек региона (рис. 8). За исключением двух памятников на Ликове и Незнайке, остальные 9 приурочены непосредственно к берегам Пахры и Рожайки. Именно в курганных могильниках этой категории были зафиксированы находки семилопастных височных колец 3-го типа, относимых Т.В. Равдиной к древнейшим в пределах ареала «вятических» древностей, что подтверждает предположение о раннем возникновении и длительном существовании крупных погребальных памятников. Располагаясь в долине Пахры и Рожайки, а также по берегам левых притоков Десны, курганные группы, содержащие более 21 насыпи, позволяют достаточно четко представить картину первоначального освоения бассейна Пахры древнерусским населением. Не составляя зон концентрации, могильники располагаются по одному, редко по два, на расстоянии от 5 до 20 км друг от друга, обозначая районы, где впоследствии сформируются основные курганные скопления региона.

Могильники, состоящие из более чем 40 курганов (в бассейне Пахры их зафиксировано только 6; рис. 9), дополняют сложившуюся картину, позволяя выделить три наиболее крупных скопления (рис. 10). Особенно интересной представляется ситуация размещения крупнейших курганных групп тремя парами, только одна из которых приурочена к бассейну Пахры, а две другие располагаются в бассейне Рожайки. Правда, в случае с курганами у д. Пузиково, на левом берегу Рогожки (притоке Рожайки), состояние архивных материалов позволяет сомневаться в существовании сразу двух курганных групп, состоящих из 63 курганов каждая. Что же касается других случаев, то размещение крупнейших могильников в непосредственной близости друг от друга позволяет говорить об одновременном возникновении двух курганных групп, представляющих собой кладбища разных сельских со-

обществ, которые сосуществовали на протяжении длительного времени.

На основании данных о составе курганных групп региона прослеживается закономерность постоянного увеличения количества курганных могильников по мере уменьшения размеров самих групп. Изменения не носят резкого, скачкообразного характера, демонстрируя довольно равномерное, но, вместе с тем, значительное повышение численности памятников. Количество могильников каждой выделенной категории увеличивается в два и более раза по сравнению с предыдущей, включающей курганные группы больших размеров. Исключение составляют только группы, состоящие из 1–3 курганов и уступающие в численности могильникам, содержащим от 4 до 10 насыпей, что может быть объяснено возникновением их уже на стадии постепенного затухания курганной погребальной традиции.

Важным моментом, дополняющим картину соотношения мелких и крупных курганных могильников, служат подсчеты количества насыпей, составляющих памятники разных размеров. При очевидном доминировании курганных групп из 10 и менее насыпей (составляют, как уже отмечалось, почти 73% от всех курганных могильников бассейна Пахры), в них входит 37,5%, или чуть более трети всех учтенных курганов. Наиболее крупные памятники (число курганов в которых превышает 20), представлены всего 17 курганными группами, содержат 38,9%, или примерно равное с мелкими группами количество насыпей. Двадцать восемь курганных могильников средних размеров также представляют значительную по количеству входящих в них курганов категорию памятников бассейна Пахры. В группах, содержащих от 11 до 20 курганов, сосредоточено 23,6% всех насыпей региона. Вместе средние и крупные курганные группы содержат 62,5% курганов, учтенных в пределах рассматриваемой территории. Такое соотношение свидетельствует о сопоставимом количестве погребений, совершавшихся в могильниках разных размеров, и, не смотря на постоянное увеличение количества курганных кладбищ, сохранении традиции совершения погребений в наиболее древних курганных группах каждого скопления.

Таким образом, анализ размещения курганов в бассейне Пахры позволяет проследить особенности процесса освоения региона. По-видимому, первоначальное заселение ее берегов происходило достаточно небольшими коллективами, расселявшимися сразу на обширных территориях, вероятнее всего, сначала в среднем и нижнем течении Пахры и в бассейне ее правого притока – Рожайки. На начальном этапе формирования скоплений курганных могильники располагались на значительном удалении друг от друга, преимущественно у впадения в Пахру крупных притоков. Такая же ситуация характерна для

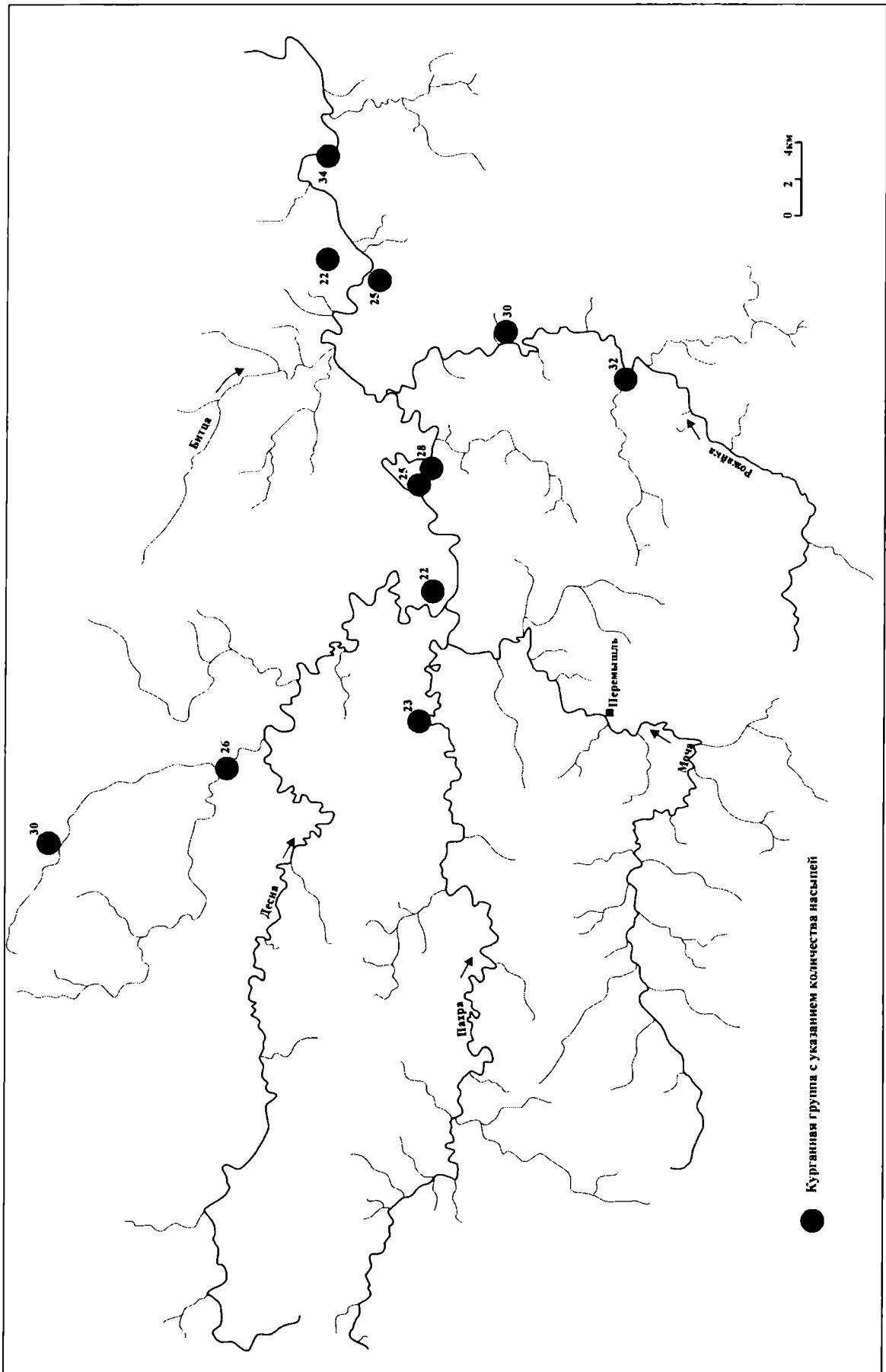

Рис. 8. Курганные группы бассейна Пахры, состоящие из 21–40 курганов

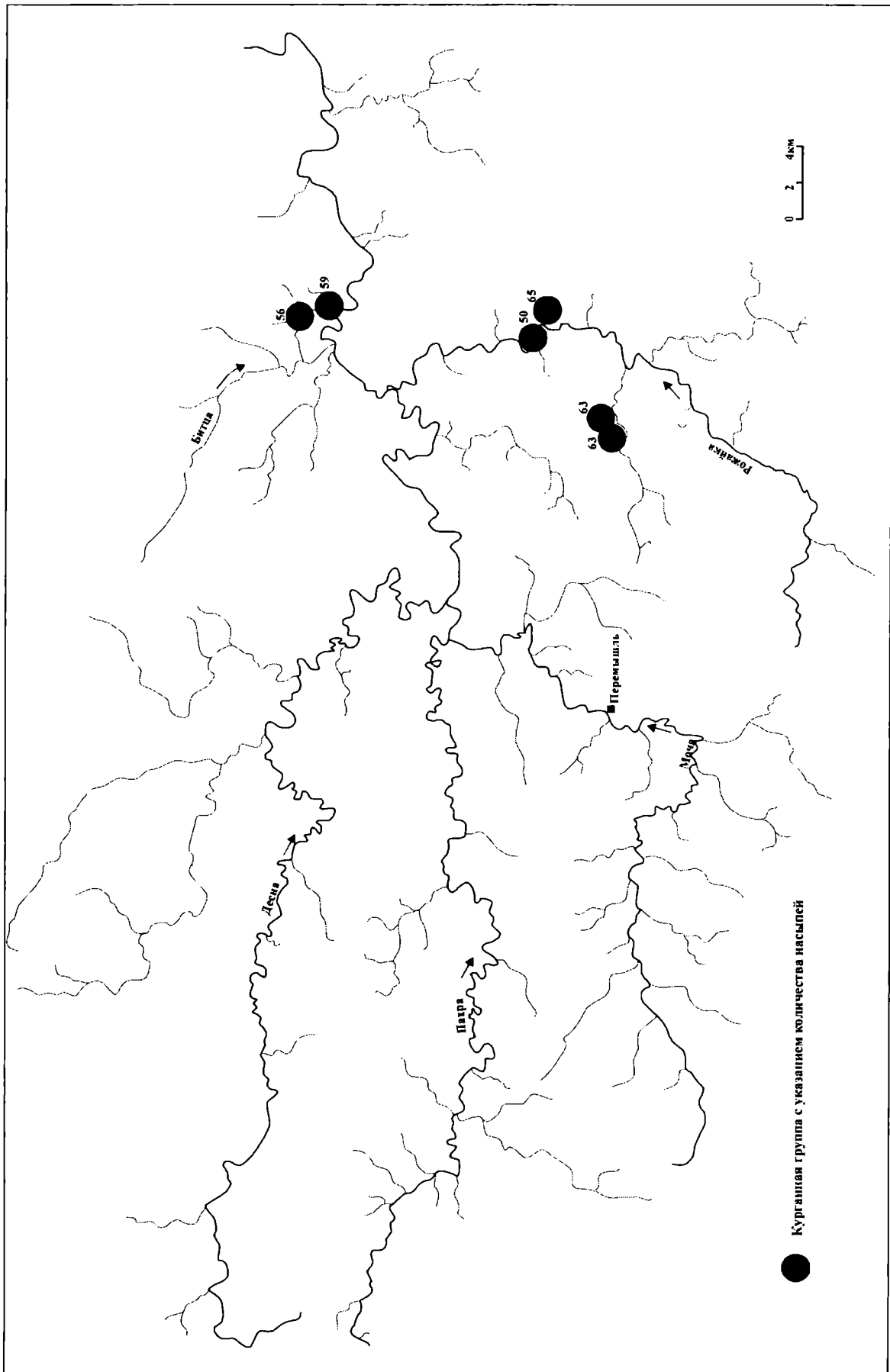

Рис. 9. Курганные группы бассейна Пахры, состоящие из более 40 курганов

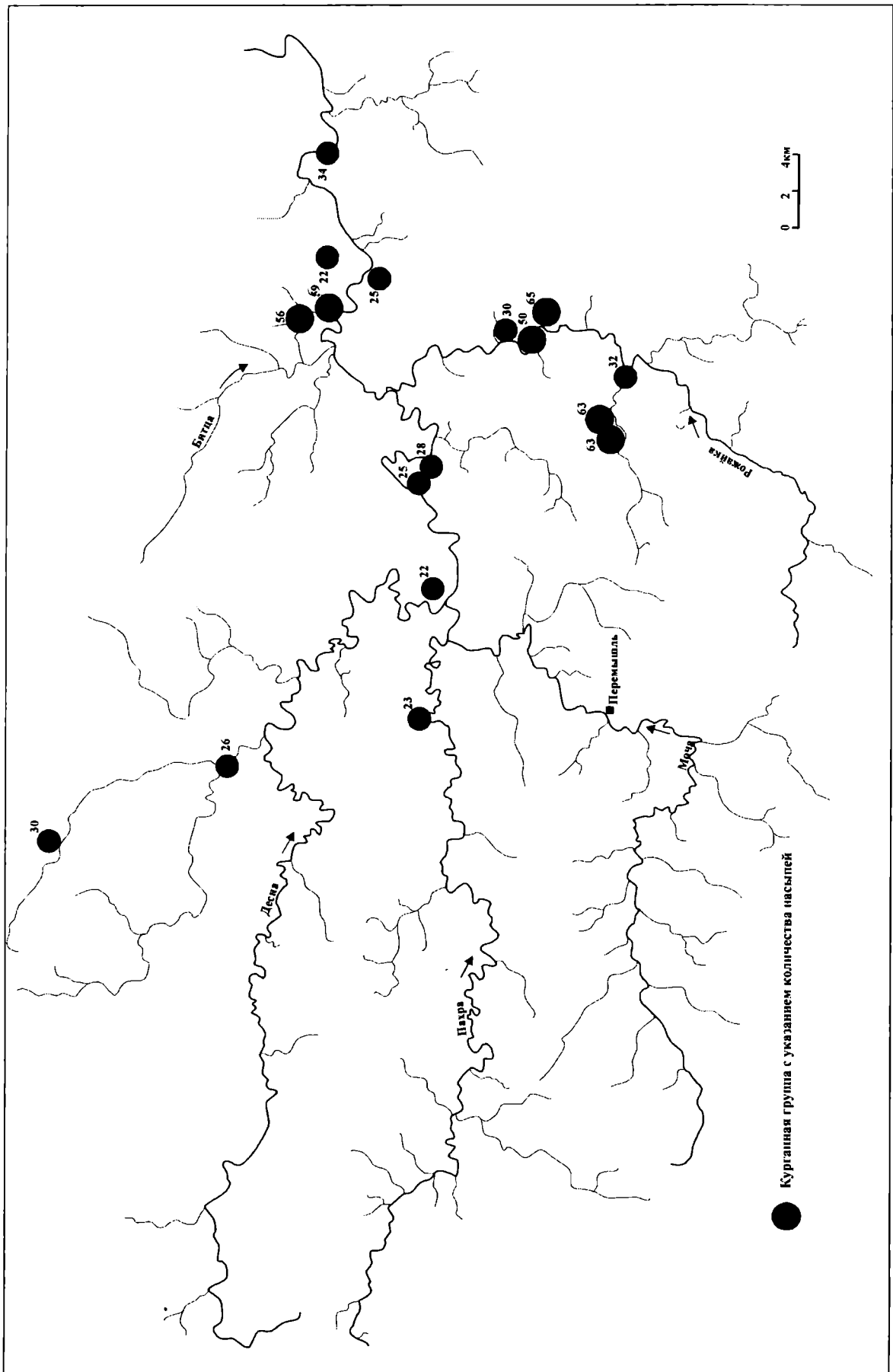

Рис. 10. Курганные группы бассейна Пахры, состоящие из 21 и более курганов

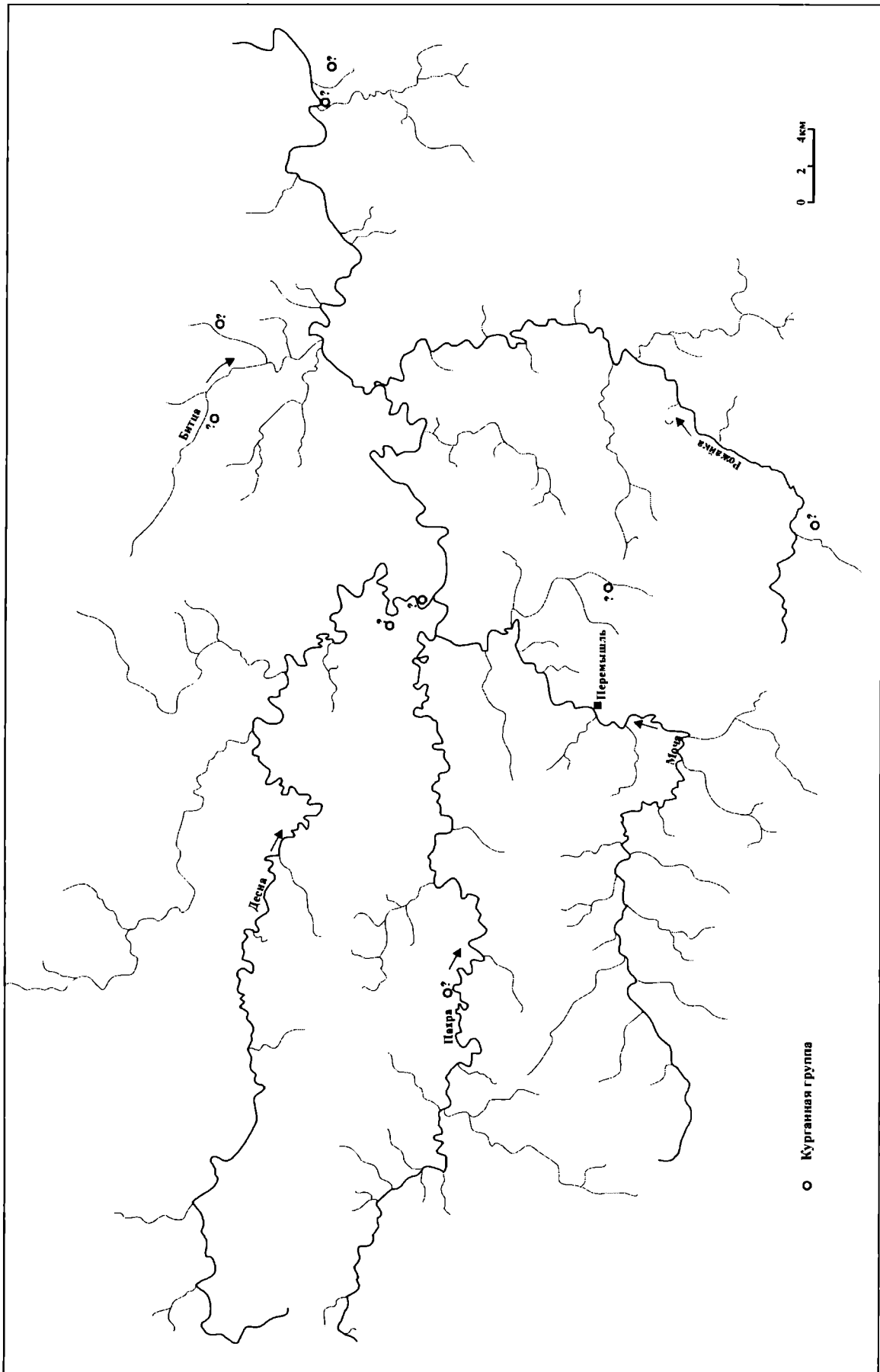

Рис. 11. Курганные группы бассейна Пахры, количество курганов в которых неизвестно

бассейнов крупнейших притоков Пахры – Десны, Рожайки и Мочи.

Тенденция приуроченности скоплений курганных могильников к местам слияния рек слабо выражена в нижнем течении Пахры, где они тяготеют к берегам малых притоков Пахры, довольно равномерно располагаясь вдоль долин мелких речек, проточных оврагов и на водоразделах. Подобные предпочтения в расположении курганных могильников находят много общего в принципах размещения курганов, прослеженных на правом берегу Москвы-реки (*Кренке*, 2003. С. 155, 161–165), и, видимо, характерны для регионов, расположенных вблизи крупных рек, со сравнительно высокой плотностью населения. Рассмотрение особенностей размещения памятников в нижнем течении Пахры позволяет предположить, что первоначально население, возводившее курганы, оставило неосвоенными самые низовья Пахры. Заселены были в первую очередь берега ее мелких левых притоков, стекающих с водораздела между Пахрой и Москвой-рекой, и участок течения Пахры у завершения пойменного расширения, где, помимо долины самой Пахры, были освоены берега крупных оврагов – ее правых притоков.

В дальнейшем происходило разрастание курганных скоплений, в основном, в пределах территорий тяготеющих к первоначальным зонам освоения. В результате сокращались расстояния между районами плотного расположения памятников, происходило формирование мелких локальных групп курганных могильников в рамках крупных скоплений, постепенно занималось большинство мест, отвечавших основным топографическим критериям размещения курганов.

Одним из наиболее важных моментов процесса заселения и хозяйственного освоения бассейна Пахры, который может быть прослежен исходя из географии расположения курганных групп, представляется тезис об отсутствии тенденции к перманентному расширению освоенной территории. Анализ размещения курганов и курганных скоплений позволяет сделать вывод о довольно продолжительном периоде эволюционного развития в рамках первоначально заселенного региона. Запад и юго-запад рассматриваемой территории, земли, лежавшие в бассейне верхней Пахры и Десны, верхнее и среднее течение Мочи, плотно освоенные в более позднее время (*Гоняный* 1998. С. 151–167; *Шполянский*, 2003. С. 253–264), оставались крайне слабо заселенными на протяжении большей части периода существования курганного погребально-обрядового комплекса в Московском регионе.

Основные тенденции размещения курганов позволяют говорить о том, что движение населения в пределах региона осуществлялось преимущественно с востока на запад, из низовьев Пахры по ее долине в среднее и верхнее течение реки. Водораздел между Москвой-рекой и Пахрой был

полностью освоен только у слияния рек, и, возможно, именно через него, а не через приустьевой отрезок течения Пахры, происходило проникновение в ее долину первых носителей курганной погребальной традиции. В среднем течении реки, где бассейн Пахры был отделен от памятников, расположенных на правом берегу Москвы-реки Теплостанской возвышенностью, в период активного возведения курганов, водоразделы, по-видимому, так и не были освоены, и активное их заселение приходится, вероятно, уже на время возникновения Московского княжества. Почти не заселенными оставались и водораздельные территории бассейна крупнейшего левого притока Пахры – Десны – с Москвой-рекой, где можно назвать, тем не менее, одно заметное исключение. Курганы, расположенные в верховьях Ликовы (рис. 2, № 17), маркируют возможный путь проникновения населения с правого берега верхнего течения Москвы-реки, роль которого в заселении региона, исходя из закономерностей размещения курганных могильников бассейна Десны, не кажется определяющей.

Совершенно другая ситуация сложилась на южных окраинах рассматриваемой территории, где верховья Рожайки, правого притока Пахры, отделены нешироким (менее 7 км) водоразделом от верховьев Северки – крупнейшего правого притока Москва-реки в ее нижнем течении. Хотя курганные могильники и располагаются в ее бассейне, но количество их не сопоставимо с численностью курганов бассейна Пахры. Вообще, земли, лежащие по берегам Москвы-реки в ее нижнем течении гораздо беднее курганами, чем территории расположенные в бассейне среднего течения реки. Сравнительно небольшое количество курганов в районах, расположенных к югу от Пахры, связывается исследователями или с опасностью земель, лежащих вблизи от Оки (*Юшко*, 1991. С. 157), или, что кажется более убедительным, с особенностями процесса заселения этих территорий в XI–XIII вв. Своеобразие региона выражается в сосуществовании на территориях, расположенных в пределах коломенских волостей, входивших в состав Рязанского княжества, курганной и бескурганной погребальной традиций (*Мазуров*, 2001. С. 83). Последняя была принесена переселенцами из южных областей Киевской Руси, ускоривших процесс христианизации земель, лежащих по Окским берегам.

Единственная зона концентрации курганных могильников в бассейне Северки размещается по берегам ее левого притока Гнилуши, и захватывает часть среднего течения реки (*Мазуров*, 2001. Табл. 1). Именно Гнилуша отделена нешироким водоразделом от бассейна Рожайки, что позволяет предполагать связь между двумя районами компактного размещения курганных могильников. Сравнительно высокая плотность размещения курганов по берегам Гнилуши может быть объяснена продвижением населения из

бассейна Рожайки, одного из самых рано освоенных и плотно заселенных районов Москворецко-Окского междуречья. Если иметь ввиду прослеженную Т.В. Равдиной тенденцию к движению населения в пределах ареала «вятических» древностей, заключающуюся в сравнительно позднем проникновении населения, возводившего курганы в нижнем течении Москвы-реки, то бассейн верхнего течения Северки, по-видимому, должен рассматриваться как единый с территориями, лежащими по берегам правых притоков Пахры, в историко-культурном отношении регион.

Приведенные данные об особенностях размещения курганных групп бассейна Пахры дают возможность только в первом приближении затронуть некоторые моменты, позволяющие охарактеризовать основные закономерности распростра-

нения курганных могильников в пределах рассматриваемого региона. Дальнейшая детализация возможна при анализе взаимного размещения памятников в рамках отдельных скоплений, изучения состава погребальных инвентарей и соотношения могильников с выявляемыми поселениями. Особенно важным представляется направление, связанное с выявлением закономерностей во взаимном размещении поселений и могильников, прослеживающее наиболее полную картину формирования структур расселения домонгольской поры обширных сельских регионов. Такая работа уже проводилась целым рядом исследователей (Чернов, 1991; Янишевский, 1999; Кренке, 2003). Однако сформировавшееся представление о почти 100-процентном соответствии каждого курганного могильника одному поселению, теперь кажется не всегда господствующей схемой.

Литература

- Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М. АКР. М., 1993. Московская область. Ч. 1. АКР. М., 1995. Московская область. Ч. 2. АКР. М., 1996. Московская область. Ч. 3. АКР. М., 1997. Московская область. Ч. 4.
- Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля (очерки истории северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М.
- Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.
- Алексеев Л.В., 1998. «Меньск» и Минск (к начальной истории белорусской столицы) // Культура славян и Руси. М. Все Подмосковье. Географический словарь. М., 1967.
- Гоняный М.И., 1998. Древнерусские поселения второй половины XIII–XIV вв. в бассейне р. Лубянки на территории Перемышльской волости // Тр. ГИМ. Вып. 96. М.
- Гоняный М.И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.
- Дегтярев А.Я., 1980. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л.
- Кренке Н.А., 1999. Археологическая карта Москвы: от каменного века до древнерусского времени // Тр. VI Междунар. конгр. славянской археологии. Т. 5. История и культура древних и средневековых славян. М.
- Кренке Н.А., 2003. Ближайшая сельская округа Москвы в XII – XIII веках // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.
- Мазуров А.Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.
- Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей М.
- Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов. // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Равдина Т.В., 1975. Хронология «вятических» древностей. Дисс. ... канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р-2. № 2154.
- Равдина Т.В., 1978. Семипластные височные кольца // Проблемы советской археологии. М.
- Розенфельд Р.Л., 1973. Курганы у бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожас в Московской области // КСИА. Вып. 135. М.
- Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А., 2004. Ювелирные изделия // Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2. Средневековое поселение Настасьино. М.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV). М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества в XII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.
- Чернов С.З., 2003. Проблемы изучения землевладения московских князей (в связи с выходом книги А.А. Юшко «Феодальное землевладение Московской земли XIV в.») // РА. № 4.
- Шполянский С.В., 1999. Перемышль Московский: к вопросу о возникновении и статусе города // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.
- Шполянский С.В., 2003. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у с. Ознобишино в Подмосковье // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.
- Юшко А.А., 1980. Археологические памятники бассейна р. Пахры // КСИА. Вып. 160. М.
- Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.
- Янишевский Б.Е., 2001. Заселение Верхнемоскворецкого региона в XI–XIII веках (на основе анализа археологических карт) // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4. Т. II.
- Янишевский Б.Е., 2003. Плещеево озеро в X–XII вв. Опыт определения хозяйственных ресурсных зон поселений // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Ярославль.

Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи

В результате широкомасштабных разведочных работ, осуществляемых в последние годы Звенигородской археологической экспедицией в Одинцовском районе Московской области, был выявлен уникальный археологический комплекс, расположенный близ современной деревни Хотяжи, в 20 км к юго-западу от Звенигорода. Комплекс включает два обширных поселения приречного типа и два синхронных им могильника. Одно из открытых селищ (Хотяжи 2, или Никифоровское) находится на правом берегу р. Москвы, в 300 м к юго-востоку от восточной оконечности деревни Хотяжи и в 850 м к западу от деревни Никифоровское (рис. 1). Поселение площадью более 20 000 кв. м располагается на краю береговой террасы, возвышающейся над меженим уровнем воды в р. Москве на 5–6 м. Вся поверхность селища регулярно распахивается. Культурный слой в виде темно-серой, чернеющей при намокании, гумусированной супеси, насыщенной костями животных, измельченной керамикой и пережеженными раскрошившимися камнями, хорошо просматривается по свежей распашке. На противоположном берегу р. Москвы, у восточной окраины деревни Хотяжи, расположено еще одно крупное (площадью около 3 га) древнерусское селище – Хотяжи 1¹.

При обследовании ближайшей округи правобережного поселения, в 80 м к западу от границы распространения культурного слоя, в 1999 г. были обнаружены следы полностью распаханного древнерусского курганного могильника, который располагался среди пойменной луговины, лежащей между излуциной старицы и речным руслом (рис. 1). Здесь было собрано большое количество разнообразных находок², а также единичные фрагменты круговой древнерусской керамики, разрозненные (в том числе кальцинированные) человеческие кости. На наличие остатков погребений указывала находка массивного литого широкосрединного перстня (рис. 6, 14) с сохранившейся внутри фалангой пальца человека. Находки встречались приблизительно в том мес-

те, где на подробных топографических картах масштабов 1:50 000 и 1:100 000, отражающих состояние местности на 60–80 гг. XX в., показаны условные обозначения курганов. Судя по всему, эти курганы относились к известному ранее могильнику, расположенному в окрестностях бывшей деревни Мышкино, сожженной во время фашистской оккупации в ноябре-декабре 1941 г., и были распаханы или спланированы во время мелиоративных работ в конце 1970-х, при постройке системы полевого орошения. Так, по сведениям С.К. Богоявленского, здесь имела курганная группа, состоявшая из двух насыпей (*Богоявленский*, 1947. С. 170). По данным Р.Л. Розенфельдта, близ бывшей деревни Мышкино, на правом берегу р. Москвы, среди пахотного поля, к 1957 г. располагались пять курганов (*Розенфельдт, Юшко*, 1973. С. 124). Однако, при составлении новейшего свода археологических памятников Московской области, вышедшего в 1994 г. (АКР, 1994), курганов у бывшей деревни Мышкино ни среди сохранившихся памятников, ни в числе утраченных указано не было. Действительно, к настоящему времени никаких наземных (рельефных) признаков находившихся здесь ранее курганов не сохранилось, однако коренные жители старшего поколения деревень Никифоровское и Хотяжи хорошо помнят о существовавших вдоль берега реки невысоких округлых холмиков или бугров, называвшихся ими «французскими могилами».

В процессе раскопок, проведенных на этом участке были выявлены остатки подкурганных погребений, черты погребального обряда которых имеют чрезвычайно интересные и редкие для Подмосковья особенности. Рекогносцировочным раскопом площадью 80 кв. м в 2000–2001 гг. в восточной части могильника было исследовано основание полностью распаханного кургана и значительный участок окружавшего его заплывшего ровика глубиной 0,5–0,8 м при ширине 2,8–3,2 м (*Алексеев*, 2000; 2001; 2002а). В заполнении ровика были встречены древесный уголь,

¹ Обнаружено и обследовано сотрудниками археологического отдела ЗИАиХМ А.К. Станюковичем и И.И. Ёлкиной в 1999 г. (Станюкович и др., 2001. С. 121–122).

² При сборах подъемного материала были использованы электронные детекторы металла “Fisher”. Все находки тщательно фиксировались и наносились на план памятника.

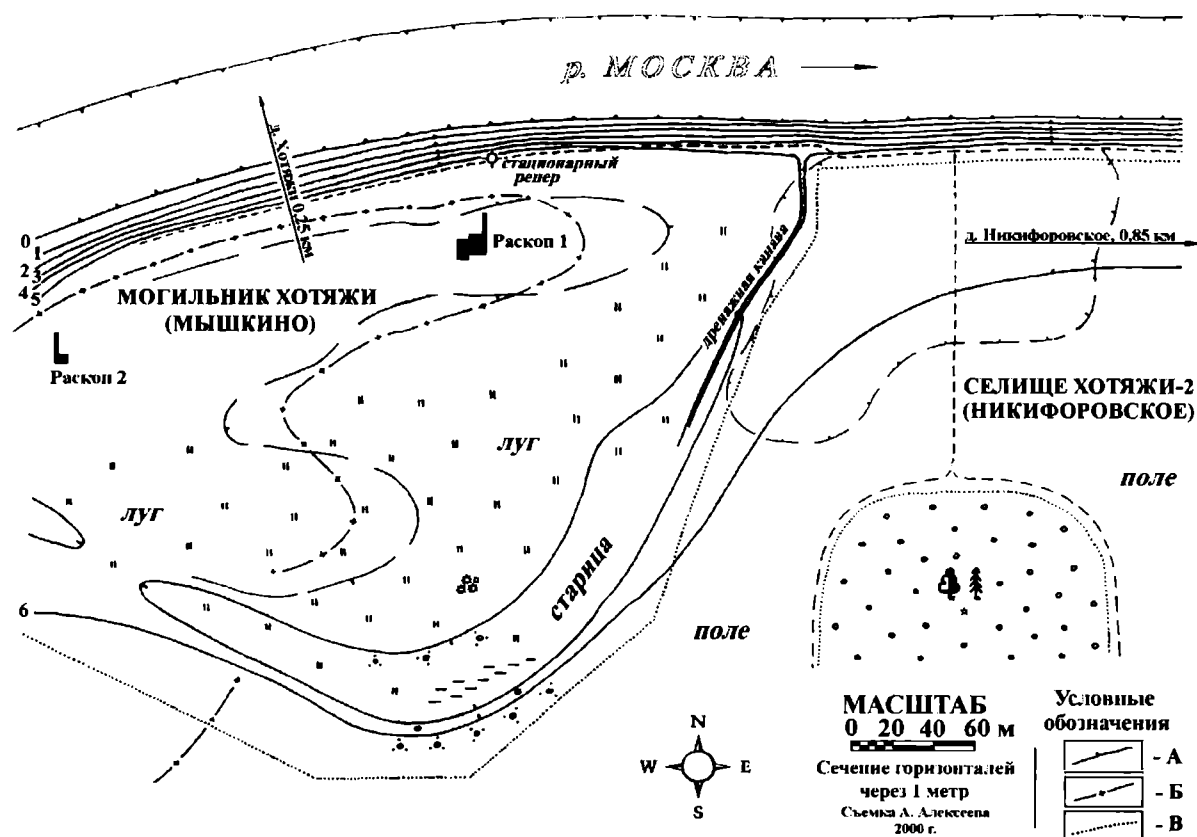

Рис. 1. Археологический комплекс Хотяжи (правобережная часть) по результатам обследования 1999–2003 гг.

А – граница селища; Б – приблизительная граница могильника; В – граница распашки

отдельные кости крупных животных, оплавленные и деформированные под воздействием огня предметы, различные украшения, кальцинированные кости человека, фрагменты лепной и круговой древнерусской керамики XI – первой половины XII в. В числе находок следует отметить пережеванные хрустальную и сердоликовую призматические бусины (рис. 8, 18, 19), фрагмент подковообразной фибулы (рис. 5, 14), обломок ледоходного шипа, бронзовую лировидную пряжку, крестопрорезные бубенчики, кованый широкосрединный перстень с орнаментом «волчий зуб» (рис. 8, 10), железные швейную иглу и кочедык. Лепная славянская керамика была представлена небольшими фрагментами стенок грубых толстостенных сосудов и несколькими венчиками от разных горшков, края которых украшены пальцевыми вдавлениями (рис. 9, 1) или косыми нарезками (рис. 9, 2). Круговая же керамика характеризуется фрагментами толстостенных красноглиняных горшков с отогнутыми наружу венчиками, имеющими срезанный или простой округлый край без каких-либо наплывов или утолщений (рис. 9, 4–6). В основании кургана были найдены разрозненные кости человека из разрушенных распашкой погребений. Среди ин-

вентаря, который мог относиться к этим погребениям, встречены дровяные браслеты (рис. 8, 1), семилостное височное кольцо деснинского типа (рис. 7, 1), перстнеобразные височные кольца, сердоликовые бипирамидальные бусы, крестопрорезные бубенчики, перстень из обломка дровяного змеиноглавого браслета (рис. 8, 9). Выше, в перемешанном пахотном слое, перекрывавшем основание курганной насыпи, были найдены кости человека, животных (крупный рогатый скот, лошадь), кальцинированные косточки, уголь, ременная лировидная пряжка, два перстнеобразных височных кольца, сердоликовые и золотостеклянные бусины, широкосрединный перстень с зигзаговым орнаментом, крест-тельник, гладкая монетовидная подвеска, крестопрорезные и шарообразные бубенчики (рис. 6).

Ранее, при сборах подъемного материала, в непосредственной близости от раскопа, были найдены кованый пластинчатый браслет с орнаментом «волчий зуб» (рис. 5, 1), ледоходный шип (рис. 5, 22), а также две нагрудные подвески – массивная литая с орнаментом в виде волют (рис. 5, 12) и ажурная, так называемого гнездового типа, с изображением фантастического зверя в стиле Еллинг (рис. 5, 13)³. Найденная здесь же

³ Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность Т.А. Пушкиной (МГУ) за консультацию и атрибуцию этого украшения.

медная российская монета чекана 1824 г., по-видимому, указывает на время начала распахки могильника и вовлечения его территории в сельскохозяйственный оборот.

В 2002–2003 гг. раскоп 1 был расширен еще на 80 кв. м. В результате общая площадь, иссле-

дованная в этой части некрополя, составила 160 кв. м. В пределах нового вскрытого участка были изучены часть межкурганного пространства и два заплывших ровика, окружавших несохранившиеся насыпи. В заполнении ровиков встречены остатки ритуальных тризн и очистительных

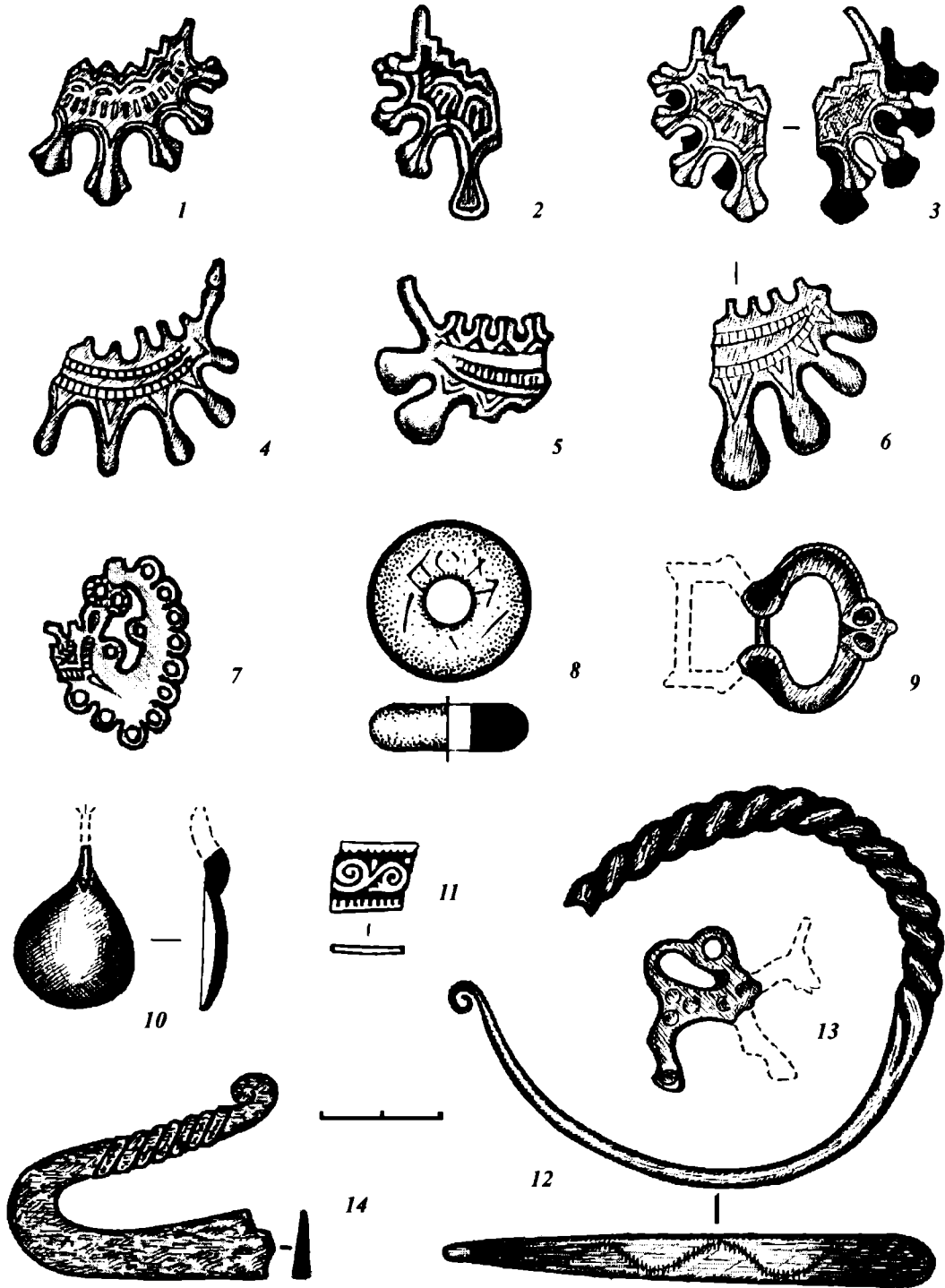
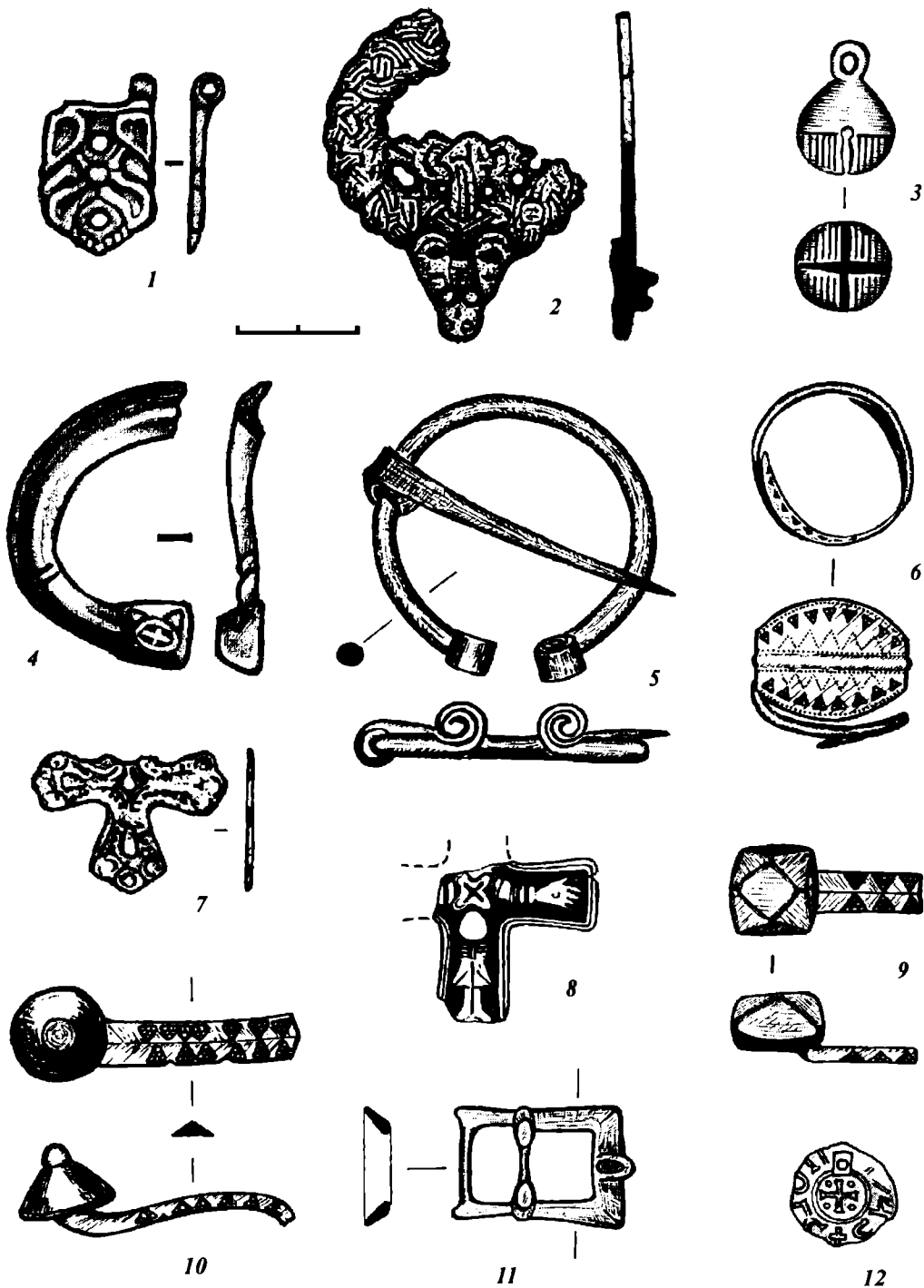

Рис. 2. Селище Хотяжи 2 (Никифоровское). Индивидуальные находки

1–7 – лопастные височные кольца; 8 – пряслице с графитти; 9 – пряжка; 10 – амулет-ложечка; 11 – фрагмент браслета; 12 – браслет из обрубка гривны; 13 – фрагмент амулета-конька; 14 – кресало (1–7, 9–13 – бронза; 8 – камень; 14 – сталь)

Рис. 3. Селище Хотяжи 2 (Никифоровское). Индивидуальные находки

1 – поясная пряжка (накладка?); 2 – фрагмент кольцевидной застежки; 3 – крестоперезной бубенчик; 4 – фрагмент фибулы; 5 – фибула; 6 – перстень; 7 – фрагмент креста; 8 – фрагмент креста; 9, 10 – фрагменты дровяных гривен; 11 – поясная пряжка; 12 – подвеска-денарий (1–11 – бронза; 12 – серебро)

козлов, состоящих из прослоек и скоплений угля, пятен прокала почвы, костей домашних животных, фрагментов круговой и лепной древнерусской керамики. Здесь же были найдены два развала круговых горшков (в том числе с клеймом в виде свастики), значительное количество кальцинирован-

ных костей, а также ряд целых и деформированных в огне предметов – крестоперезные бубенчики, ременная пряжка, бронзовая орнаментированная подвеска (рис. 6, 8), ширококорая лунница с ложной зернью (рис. 8, 17), дровяный браслет, золоченая ребристая бусина (рис. 8, 15), амулеты

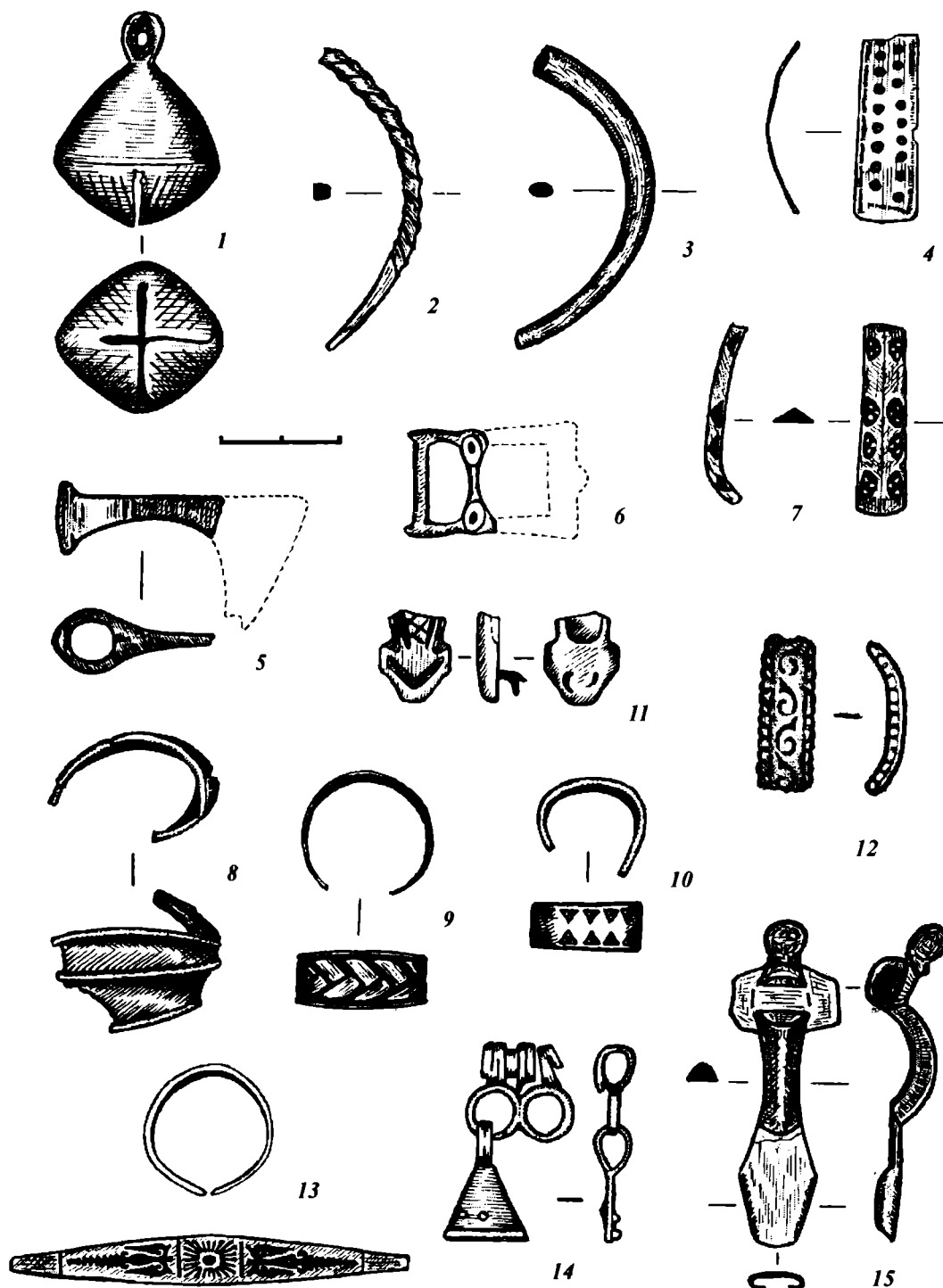

Рис. 4. Селище Хотяжи 2 (Никифоровское). Индивидуальные находки из бронзы

1 – бубенчик; 2 – обломок тордированного дрота (гривны?); 3, 4, 7, 12 – фрагменты браслетов; 5 – амулет-топорик; 6 – фрагмент пряжки; 8, 9, 10, 13 – перстни; 11 – накладка; 14 – шумящая подвеска; 15 – крестовидная фибула

из астрагалов бобра и зубов животных (рис. 8, 13, 14), бесформенные слитки и капельки металла от расплавленных украшений. В пахотном слое, перекрывавшем заполнение рвов, были найдены остатки разрушенных погребений, в виде разбитых плугом костей человека, фрагментов керами-

ки и различных украшений (бубенчики, перстни, бусы, фрагменты витых браслетов (рис. 8, 2, 3), бронзовые лировидные пряжки (рис. 8, 6, 8)).

При сборах подъемного материала, в пахотном слое были найдены амулет-топорик (рис. 5, 11), пластинчатый конек (рис. 5, 16), крест-тельник

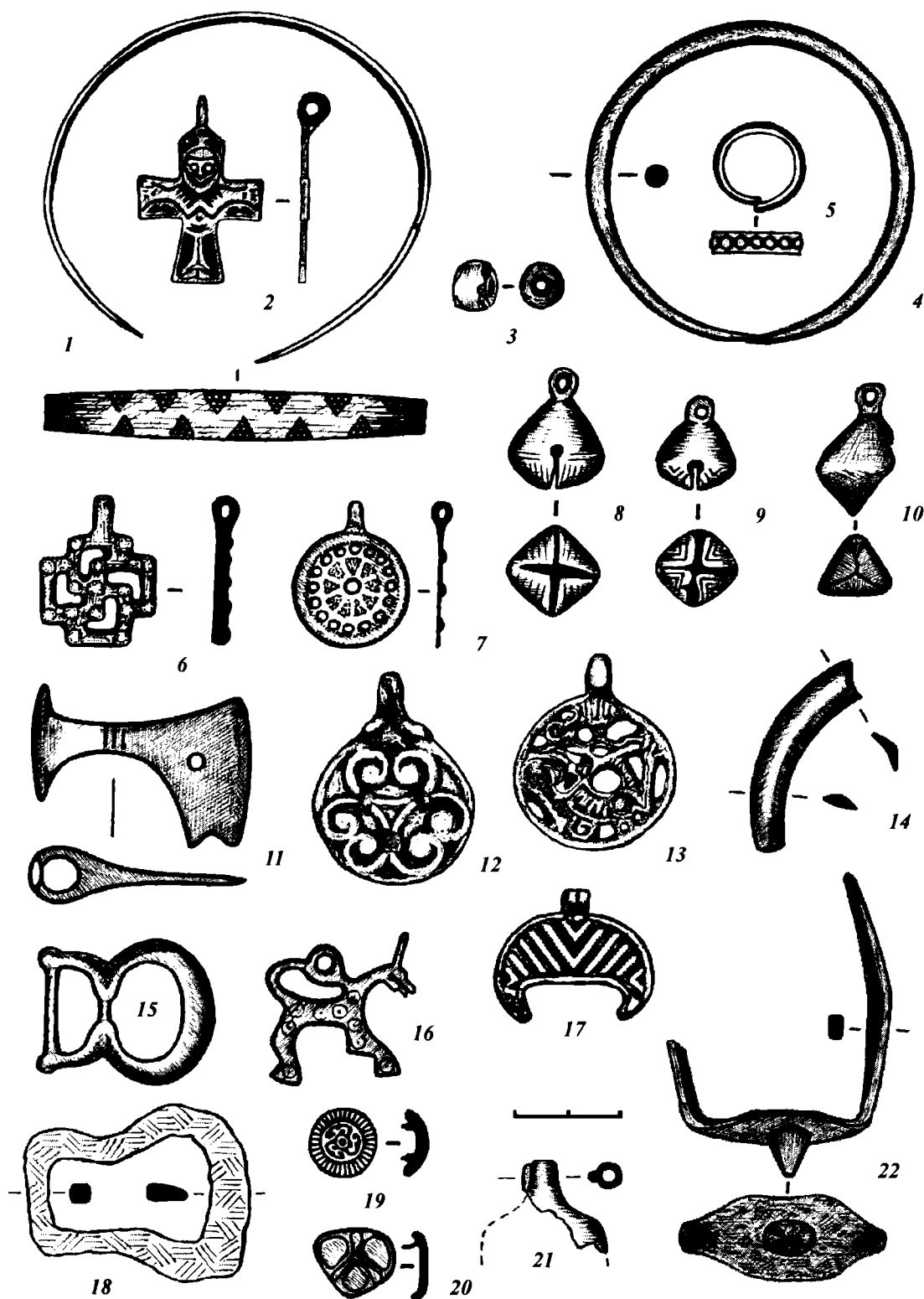

Рис. 5. Могильник Хотяжи (Мышкино). Индивидуальные находки

1, 4 – браслеты; 2 – крест-тельник; 3* – золотостеклянная бусина; 5 – перстень; 6*, 7, 12, 13 – подвески; 8–10* – бубенчики; 11 – амулет-топорик; 14* – фрагмент фибулы; 15 – поясная пряжка; 16 – амулет-конек; 17 – лунница; 18 – подпружная пряжка; 19, 20 – поясные накладки; 21 – бутылчатая привеска; 22 – ледоходный шип (1, 2, 4–12, 14–17, 19, 20 – бронза; 18, 22 – железо; 3 – стекло; 13, 21 – белый металл).

* Предметы со следами воздействия огня

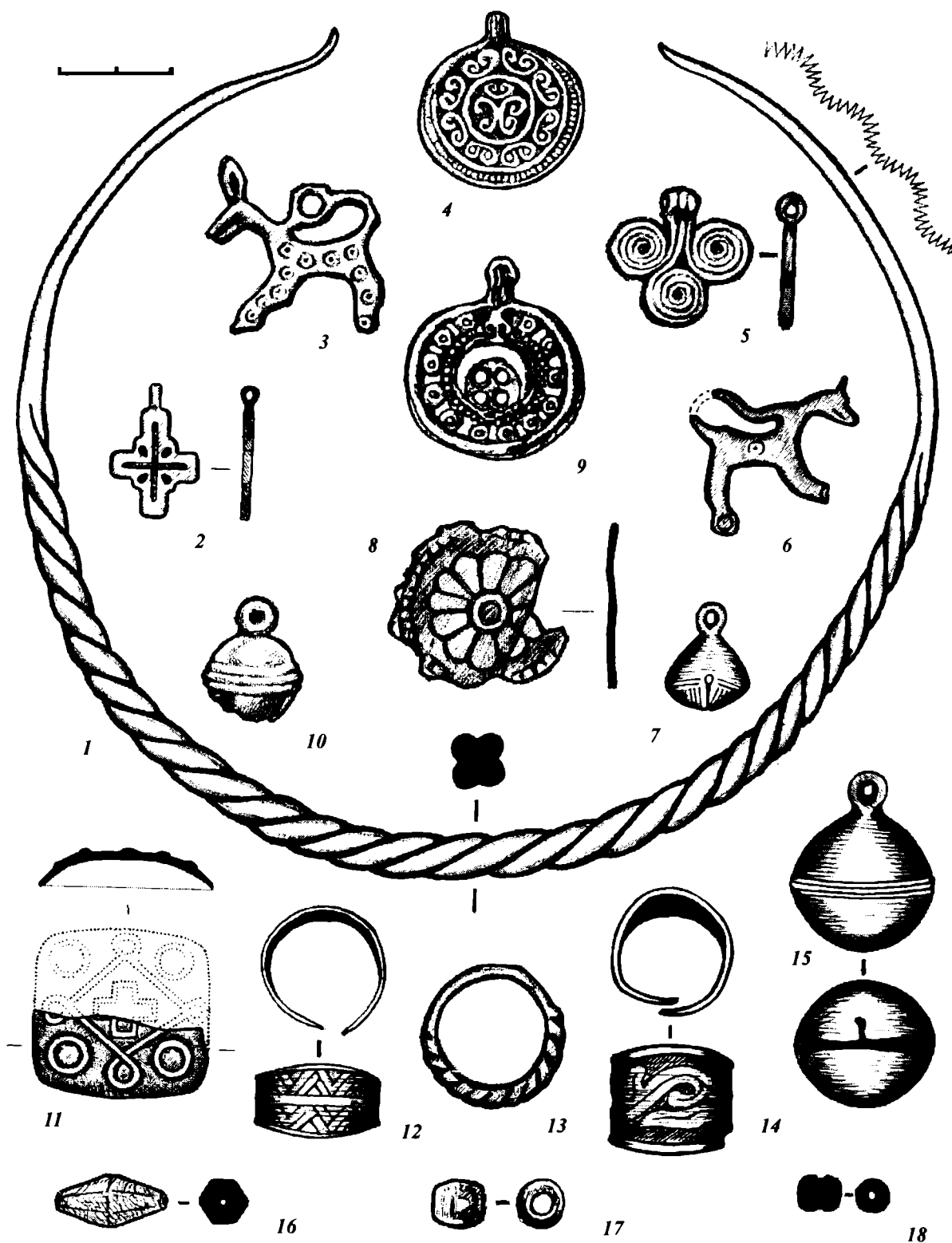

Рис. 6. Могильник Хотяжи (Мышкино). Индивидуальные находки

1 – ложновитая гривна; 2 – крест-тельник; 3, 6 – амулеты-коньки; 4, 5, 8*, 9 – подвески; 7, 10, 15 – бубенчики; 11 – фрагмент накладки; 12–14 – перстни; 16* – бипирамидальная бусина; 17, 18 – бусы (1–3, 6–8, 10, 12–15 – бронза; 4, 5, 9, 11 – белый металл; 16 – сердолик; 17, 18 – стекло).

* Предметы со следами воздействия огня

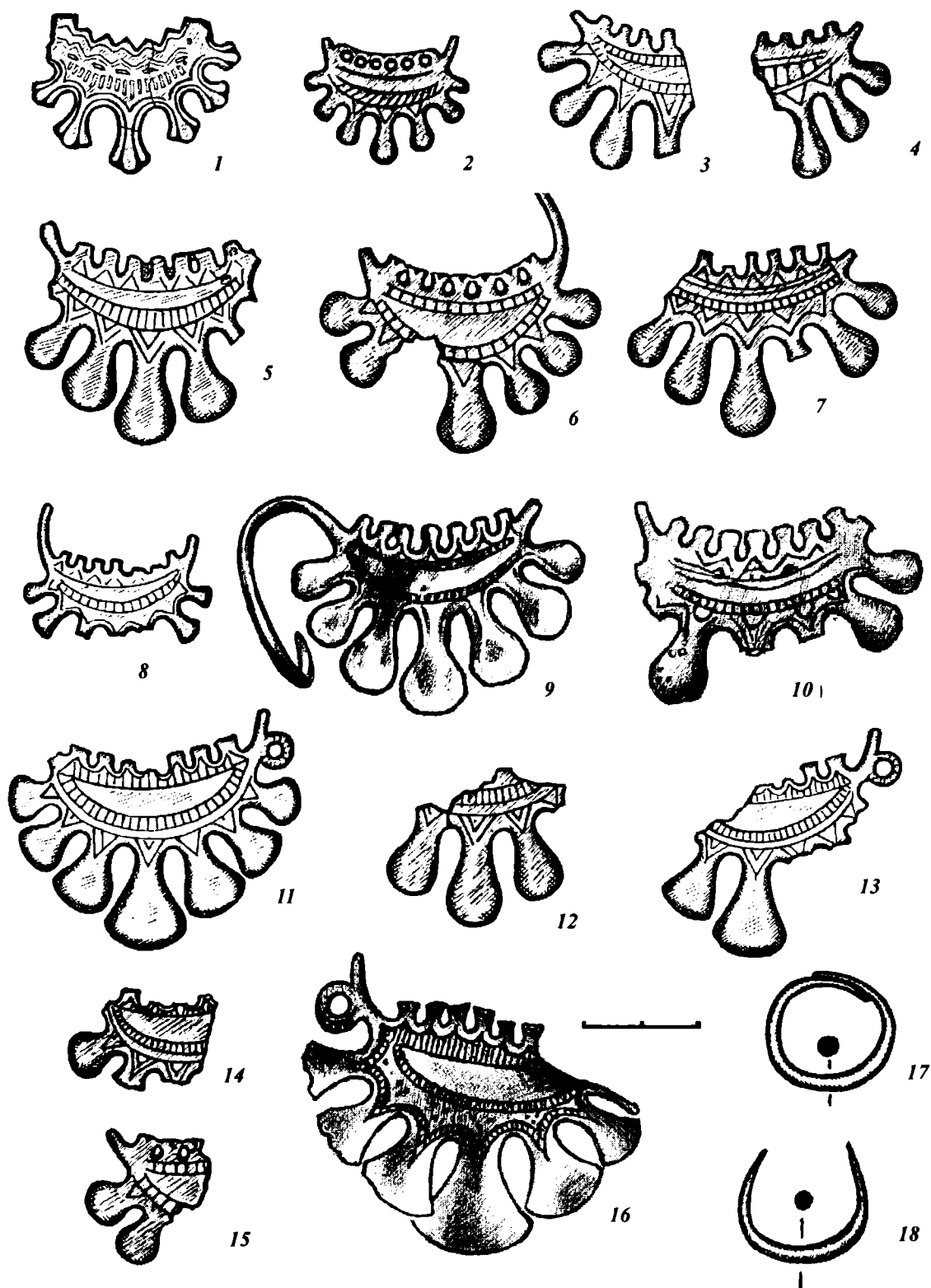

Рис. 7. Могильник Хотяжи (Мышкино). Индивидуальные находки

1-16 – семилопастные височные кольца; 17, 18 – перстневидные височные кольца (1-6, 8-11, 13-16 – бронза, лужение; 7, 12 – серебро; 17, 18 – медный сплав)

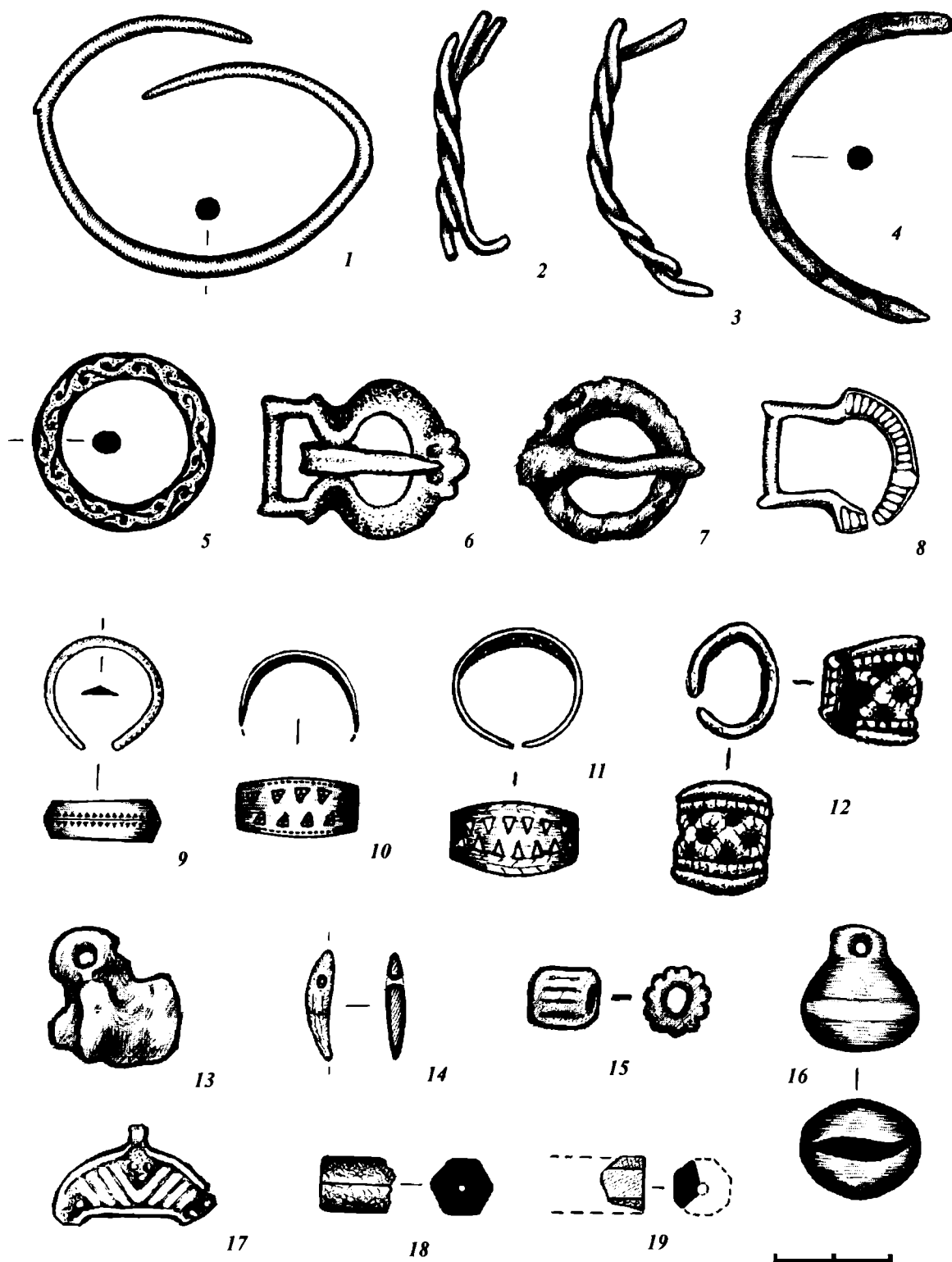

Рис. 8. Могильник Хотяжи (Мышкино). Индивидуальные находки

1-4 - браслеты; 5 - поясное кольцо; 6-8 - пряжки; 9-12 - перстни; 13 - амулет из астрагала бобра; 14 - амулет из зуба хищника; 15, 18*, 19* - бусы; 16 - бубенчик; 17 - подвеска-лунница (1-6, 8-12, 17 - бронза; 7 - железо; 13, 14 - кость; 15 - стекло; 18, 19 - камень).

* Предметы со следами воздействия огня

с «грубым» распятием (рис. 5, 2), поясные накладки, перстни, ширококорая лунница (рис. 5, 17), различные привески, семилопастные височные кольца ранних и развитых типов.

Раскоп 2 площадью 44 кв. м был заложен на западной периферии могильника. В процессе работ 2001–2002 гг. здесь вскрыта часть основания крупной курганной насыпи и южная часть окологурганного ровика шириной 3,2 м. В пахотном слое были найдены разбитые плугом кости человека, древнерусская круговая керамика, а также происходящие из разрушенных погребений бусы, рубчатые перстни, семилопастные височные кольца первой половины XII в. (рис. 7, 8, 11) На дне ровика (на глубине 1,2 м от уровня дневной поверхности) расчищено уникальное для данного региона погребение коня, в ногах которого найден древнерусский нож с узким клиновидным лезвием. Скелет животного имел западную ориентировку, голова повернута к северу (в сторону кургана). Конь (жеребец, около 4 лет) лежал на левом боку, с подогнутыми к корпусу ногами, левая задняя нога перерублена под скаковым суставом, что, вероятно, было сделано с целью ритуального стреноживания животного после его умерщвления. Поза аккуратно уложенного в курганный ровик животного свидетельствует о его захоронении до начала трупного окоченения. По-видимому, конь был умерщвлен сразу перед погребением и в непосредственной близости от этого места (возможно, прямо на краю ровика).

Погребения с конями, как и отдельные безынвентарные захоронения коней, известны главным образом там, где славянское население контактировало с балтскими или финно-угорскими племенами. Погребальный обряд с захоронением коней находит наибольшее число аналогий на северо-западе Восточной Европы, где эта традиция, так же как и обычай ритуального погребения коней отдельно от их хозяев наблюдаются с конца I тыс. до н. э. вплоть до XIII–XIV вв. Погребения с конем на территории Юго-Восточной Прибалтики уходят корнями в эпоху родовых отношений и являются балтским этнографическим признаком, характерным для литовцев, пруссов, ятвягов, жемайтов (*Прошкин, 1995. С. 117–118*).

Таким образом, захоронение коня в курганном некрополе у деревни Хотяжи можно предположительно связать с коренным местным населением, имеющим балтскую принадлежность. Как известно, Подмосковье является регионом с мощным слоем балтской гидронимии (*Седов, 1971. С. 99–113*). Русские летописи под 1068 и 1147 гг. упоминают здесь (в бассейне р. Протвы) балтское племя голядь, которое было реликтом древнего населения Восточноевропейской равнины. Но, поскольку характерные этнографические черты голяди к началу II тыс. н. э. оказались сильно размытыми вследствие активной славянизации региона, то упомянутое выше за-

хоронение коня является пока единственным погребальным комплексом, который уместно связывать с этой племенной группой.

Хронологические рамки существования некрополя достаточно широки. Они определяются находками как ранних предметов, нехарактерных для основной массы подмосковных курганов (крест-тельник с «грубым» изображением распятого Христа, крестопрорезные бубенчики, дрововые и пластинчатые браслеты с орнаментом «волчий зуб», детали поясного набора, амулеты в виде бронзового миниатюрного топорика и из астрагалов бобра, монетовидная ложнозерновая подвеска (рис. 5, 7), ширококорое лунница (рис. 5, 17; 8, 17), узкопластинчатый перстень (рис. 5, 5), конские ледоходные шипы и подпружные пряжки (рис. 5, 18, 22)), так и типичными «вятичскими» курганными украшениями (семилопастные височные кольца (рис. 7), решетчатые, рубчатые и широкосрединные перстни, монетовидные подвески с ложнофилигранным орнаментом в виде волют (рис. 6, 4), ложновитая шейная гривна (рис. 6, 1), шарообразные бубенчики, вписанная в окружность лунница (рис. 6, 9), привески-амулеты в виде пластинчатых коньков (рис. 6, 3, 6) так называемого смоленского типа и др.). К сожалению, большинство находок было получено в процессе сборов подъемного материала и происходит из разрушенных погребений, отдельные инвентарные комплексы которых вычлняются с большой долей условности. Поэтому на данном этапе изучения памятника мы воздержимся от преждевременных выводов, касающихся его окончательной датировки, и ограничимся лишь некоторыми общими наблюдениями:

1. Материалы площадных сборов, анализ разновременных картографических источников, а также сведений, полученных от местных жителей, позволили определить приблизительные границы и площадь некрополя, которая составляет не менее 2,5 га.

2. Открытый могильник является одним из ранних в Подмосковье, возникновение которого следует относить к концу X – первой половине XI в. Так, среди найденных здесь вещей, имеющих широкие датировки, можно выделить несколько предметов, верхняя граница существования которых не выходит за пределы середины XI в. В первую очередь, к ним относится уникальная для Подмосковья ажурная подвеска так называемого гнездовского типа, являющаяся, по-видимому, предметом скандинавского импорта. Подвески с изображением фантастического зверя в стиле Еллинг, с вытянутой шеей и раскрытой пастью, сопровождали трупосождения в Гнездовских и Владимирских курганах (*Успенская, 1967. С. 106; Седова, 1997. С. 67*). В собрании ГИМ имеется почти точный аналог подмосковному экземпляру, происходящий из клада 950-х гг., который был найден при раскопках Гнездовского поселения в 1993 г. (ГИМ. № 108648).

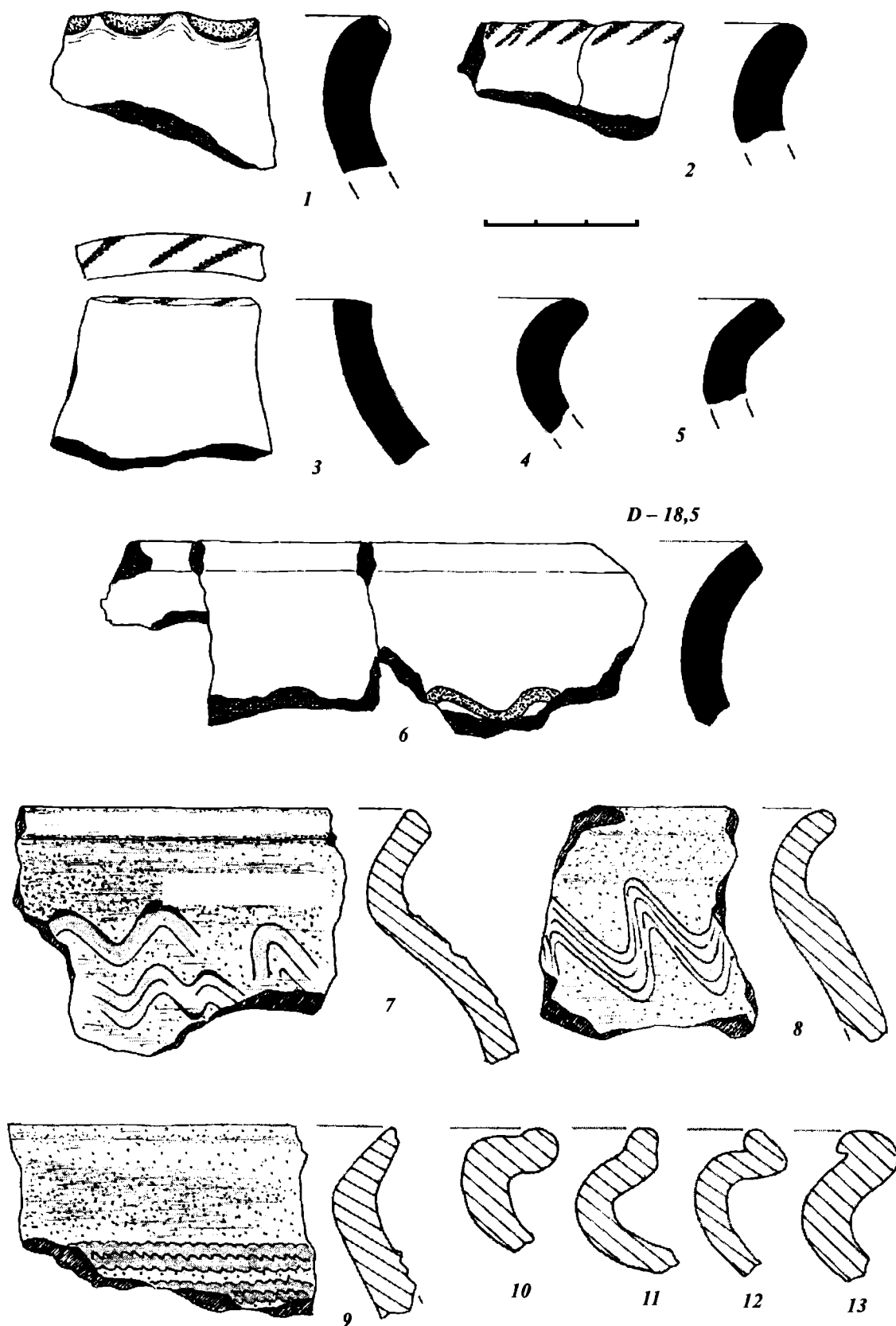

Рис. 9. Керамика из раскопа 1 могильника Хотяжи (Мышкино) и селища Хотяжи 2 (Никифоровское)

лепная (1-3) и круговая (4-6) керамика из раскопа 1; 7-13 – профили венчиков круговых сосудов с селища

Оп. 2683/19) (Путь из варяг в греки..., 1996. № 169). Изысканные, дорогие и эффектные украшения, выполненные в стиле Еллинг, были рассчитаны на достаточно изощренное, подготовленное художественное восприятие. В Северной Европе эта разновидность орнаментики получила распространение в 870–1000 гг. (Лебедев, 1985. С. 129–130). К этому же кругу древностей относятся еще две подвески – массивная литая с изображением волют и монетовидная ложнозерновая – являющиеся подражанием дорогим филигранным и зерненным украшениям из ранних курганов и древнерусских кладов второй половины X – XI в. (Корзухина, 1954. Табл. VII).

3. В могильнике у деревни Хотяжи можно выделить как минимум два типа погребений: зафиксированы как остатки редких для Подмосковья трупосожжений (кальцинированные кости, оплавленные и деформированные под воздействием огня украшения), так и труположений на материке или в неглубоких могильных ямах, которые были разрушены многолетней распашкой. Четкое хронологическое различие между погребениями по способу ингумации и кремации проследить не удалось, равно как и их количественное соотношение в могильнике. Поздние захоронения в глубоких подкурганных ямах вполне могут находиться ниже горизонта пахотного слоя, выявить которые в дальнейшем удастся лишь широкомасштабными раскопками

4. Курганный могильник у деревни Хотяжи на сегодняшний день является пока первым выявленным и исследованным некрополем, хронологически соотносимым с немногочисленной группой так называемых раннеславянских поселений бассейна р. Москвы. Тем не менее, есть все основания утверждать, что подобные могильники для Подмосковья отнюдь не уникальны. По мнению автора, данная категория памятников дополняла практически все известные поселения, относящиеся к начальному этапу древнерусской колонизации Московецкого региона. Некрополи, о которых идет речь, располагались в тех же геоморфологических условиях, что и селища (как правило, занимающие высокие поймы и первые надпойменные террасы речных долин), видимо, где-то на периферии, либо на незначительном удалении от последних. Высокая же пойма Москвы-реки с дерновыми супесчаными почвами, имеющими хорошее влагообеспечение и повышенное плодородие, относится к агроландшафтам с огромной антропогенной нагрузкой, связанной с земледельческой активностью и хозяйственной деятельностью, поэтому практически все находящиеся здесь памятники и в том числе курганы, полностью или частично распашаны и лишены характерных наземных признаков, что чрезвычайно затрудняет их локализацию. Однако, исходя из опыта обследования и раскопок могильника у деревни

Хотяжи, можно сделать вывод о перспективности целенаправленных поисков следов аналогичных памятников и их последующего изучения, что будет способствовать решению многих важных проблем в истории древнерусской колонизации Московечья в X – XII в.

Вещевой комплекс могильника вполне сопоставим с материалом, полученным при исследовании двух близлежащих поселений, общая площадь которых составляет около 6 га. Древнерусский период на селище Хотяжи 2 характеризуется единичными находками грубой лепной керамики (6,4%), представленной, к сожалению, лишь измельченными маловыразительными фрагментами, а также обломками круговых сосудов хорошего горнового обжига, сформированных из красножгущихся и беложгущихся глин. Тесто в большинстве случаев однородное, плотное, с включениями дресвы и крупнозернистого песка. Отдельные фрагменты украшены линейным зонным орнаментом, многорядной волной, в одном случае отмечен декор в виде частого сетчатого «расчеса». Высок процент штампованного орнамента (14,3% от общего числа орнаментированных фрагментов), что сближает открытое селище с синхронными памятниками Тверского и Угличского Поволжья. По характеру профилировки верхних частей сосуды делятся на два типа:

1) горшки с прямым, отогнутым наружу венчиком с приостренным, срезанным или округлым краем (рис. 9, 7–9);

2) горшки, имеющие сложнопрофилированные отогнутые венчики, краевые валики которых завернуты внутрь (рис. 9, 10–13). Как правило, ко второму типу относятся сосуды, изготовленные из беложгущихся глин с примесями крупного песка и органики. В целом, собранная на поселении круговая керамика датируется XI – первой половиной XII в.

Коллекция индивидуальных находок древнерусского периода образует выразительный набор, достаточный для определения хронологических рамок наиболее интенсивной жизни на исследуемом поселении. Некоторые из найденных вещей приобретают определенную значимость при решении ряда принципиальных вопросов о направленности миграционных потоков славянского населения, осваивавшего долину среднего и верхнего течения реки Москвы, а также транзитных путей, связанных с международной торговлей в X–XI вв.

Так, к хорошо датируемым предметам относится подвеска из западноевропейского денария (рис. 3, 12), отчеканенного в Саксонии (г. Евер, герцог Ордульф (Отто), 1059–1071 гг., или граф Герман, ††1086 г.; вес 0,64 г)⁴. Достаточно редкими для древнерусских памятников Московецкого бассейна являются серебряные монеты с куфическими надписями. В Хотяжах

⁴ Пользуясь случаем, благодарю за определение монеты П.Г. Гайдукова (ИА РАН).

были найдены два обрезка дирхемов IX–X вв., в том числе подражание саманидскому дирхему Насра II ибн Ахмада (914–943 гг.; вес 0,98 г). Второй обрезок пока не определен, его вес составляет 0,92 г (*Станюкович*, 2003. С. 24–25). Отдельные нумизматические находки в культурном слое поселений указывают на то, что местные жители не довольствовались ролью посредников в транзитном передвижении серебра, но активно использовали восточные и европейские монеты как сырье и всеобщий эквивалент стоимости товаров и услуг. Подковообразная фибула со спиральными концами и круглым сечением дужки (рис. 3, 5), найденная на селище, принадлежит к хорошо известному типу украшений, бытовавшему в X–XIII вв., причем основная масса таких фибул приходится на X – первую половину XII в. (*Мальм*, 1967. С. 152; *Седова*, 1997. С. 72). Фрагменты аналогичной фибулы были найдены при обследовании вышеупомянутого могильника. Бронзовая крестовидная подвеска «скандинавского типа» (рис. 3, 7) датируется второй половиной XI в. Центр производства этих крестов локализуется на северо-западе Руси (*Фехнер*, 1968. С. 210–214).

Концом X – XI в. датируется фрагмент бронзового литого креста-тельника с так называемым грубым распятием (рис. 3, 8). В отличие от экземпляра, происходящего с территории распаханного некрополя, крест имеет более крупные размеры и несколько иное оформление лицевой части. Так, на груди Христа показана крестовидная перевязь, кисти рук проработаны мастером более четко, у запястья имеется спиральный орнамент. По мнению В.В. Седова, кресты этого типа являются важным показателем культурных и торговых взаимоотношений Руси со странами Подунавья и Северной Европы, где также имеются находки подобных образцов раннехристианской металлопластики (*Седов*, 1988. С. 63–64). Близкий аналог кресту из Хотяжей, повторяющий все основные детали изображения распятого Христа, происходит из могильника Таскулы (Финляндия), где он датируется XI в. (*Les Vikings...*, 1992. P. 287. Fig. 224).

Серия языческих амулетов представлена фрагментированной привеской-коньком (рис. 2, 13), украшенной циркульным орнаментом. Коньки составляют самую массовую категорию привесок-амулетов XI–XIII вв., встреченных как в сельских курганах, так и в городских центрах. На территории древней Руси наибольшая концентрация пластинчатых коньков наблюдается в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги, с явным тяготением к Смоленскому Поднепровью (*Рябинин*, 1988. С. 56). Два бронзовых конька происходят с могильника. Следующей находкой является привеска-ложечка (рис. 2, 10). Область распространения амулетов-ложек на древнерусских территориях полностью совпадает с ареалом коньковых привесок – подавляю-

щая их часть происходит из сельских курганных погребений в междуречье Днепра, Западной Двины и Волги. Датируются они XI–XIII вв. (*Рябинин*, 1988. С. 58). К редким находкам относятся фрагменты двух бронзовых миниатюрных топориков (рис. 4, 5). В отличие от выше описанных привесок, этот тип древнерусских амулетов не получил распространения среди сельского населения, основная их масса найдена в городских слоях XI – первой половины XII в. Миниатюрные бронзовые модели боевых топоров были связаны с воинской дружинной средой и специфическими для этой среды верованиями и обрядами (*Даркевич*, 1961; *Макаров*, 1992). Два обломка таких же топориков происходят с левобережного поселения, а целый экземпляр – опять же, с территории могильника. В Подмоскowie аналогичный бронзовый топорик был найден в бассейне р. Пахры, на раннеславянском поселении Новое Сьяново 3 (*Шполянский*, 1999. С. 149). К шумящим привескам-оберегам относятся бронзовые литые бубенчики, найденные на селище в количестве 35 экземпляров. Последние делятся на грушевидные крестопорезные, украшенные косой насечкой в нижней части (32 экз.), датируемые исследователями концом X – началом XII в. (*Мальм*, *Фехнер*, 1967. С. 136), и шарообразные бубенчики с щелевидной прорезью, декорированные тройным рельефным валиком (представлены 3 экземплярами). Датируются эти украшения концом XI – XIII в., однако временем наибольшего распространения таких бубенчиков был XII в. (*Мальм*, *Фехнер*, 1967. С. 137). Бубенчики обоих типов присутствуют и в вещевой коллекции из некрополя.

К ременной гарнитуре относятся деталь щитковой пряжки с шарнирным соединением (по форме тяготеет к украшениям салтово-маяцкой культуры; рис. 3, 1), колосовидный поясной наконечник и обломок орнаментированной накладки (рис. 4, 11), а также один целый экземпляр и фрагменты трех бронзовых пряжек (рис. 3, 11; 2, 9), две из которых имеют прямоугольную форму и датируются XI в., и две лировидные с лилевидным завершением, стандартный тип которых вырабатывается в XI–XII вв. (*Мурашова*, 1997. С. 80).

Браслеты, найденные на селище, представлены двумя видами – дровыми и пластинчатыми. Из них можно выделить фрагмент бронзового, трехгранного в сечении, тупоконечного, с чеканным пуансонным орнаментом в виде миниатюрных треугольников с округлыми выпуклостями внутри (рис. 4, 7). Ювелирные украшения, выполненные из трехгранного дрота, как и характерный орнамент, называемый «волчий зуб», были наиболее распространены в XI в. Примечателен гладкий дровый браслет из литого, овального в сечении стержня с сужающимся концом (рис. 4, 3). Данное украшение не имеет четкого этнокультурного паспорта – подобные

браслеты встречаются как в финно-угорской среде (Сарское городище, селище Пеньково), где датируются VII–VIII вв. (*Леонтьев*, 1996. С. 178–180; 232), так и среди курганных древностей домонгольского времени (курганные могильники Тимошкино Вологодской обл. и Кнутиха Ивановской обл.) (*Гуслистов*, 1981. С. 88; *Уткин*, 1991. С. 97). Интересен также обломок сужающегося к краю железного тордированного дрота четырехгранного сечения (рис. 4, 2), по своим размерам близкого к импортированным из Скандинавии железным гривнам X–XI вв. (*Новикова*, 1991. С. 175). В центральной части селища был найден оригинальный браслет, изготовленный из крупного обрубка ложновитой спиралеконечной гривны (рис. 2, 12), пластинчатое окончание которой орнаментировано чеканным волнообразным узором. Прямую аналогию этой гривне, отлитой по восковой модели, удалось обнаружить на территории прилегающего могильника (рис. 6, 1). Подобные украшения в Подмосковье встречаются чрезвычайно редко, однако несомненно их общее сходство с хорошо известными витыми спиралеконечными гривнами, бытовавшими в Новгородской и Владимиро-Суздальской землях в XI–XII вв. (*Седова*, 1997. С. 66). Еще три фрагмента дротовых гривен являются этноопределяющими находками. Это концевые обломки гривен так называемого радимичского типа с орнаментом «волчий зуб» и характерными головками-замками в виде массивной граненой шашечки (рис. 3, 9) и конусовидного навершия (рис. 3, 10), которые отливались отдельно и затем припаивались на готовые прокованные обручи. Подобные гривны бытовали в бассейне р. Сож, датируются они X–XI вв. (*Фехнер*, 1967. С. 64, 78, 79). Аналогичная находка известна в Подмосковье на селище Покров V (*Юшко*, 1998. С. 333). К исключительно важным этноопределяющим и датирующим украшениям, указывающим на связь местного населения с исконными радимичскими землями, относятся четыре семилопастных височных кольца, три из которых относятся к деснинскому типу (рис. 2, 1–3) и имеют узкие хронологические рамки бытования: середина – третья четверть XI в. (*Равдина*, 1975а. С. 223; *Недошивина*, 1980. С. 109); четвертый экземпляр не менее интересен и может быть отнесен к украшениям-«гибридам» (рис. 2, 4), с чертами, переходными от радимичских семилучевых к вятичским семилопастным височным кольцам. Схожее изделие было найдено под Звенигородом, на раннеславянском селище Поречье 2, открытым С.З. Черновым в 1997 г. (АКР, 1997. С. 247. № 26696). К типично вятичским украшениям относятся обломки семилопастных височных колец (рис. 2, 5, 6), со скругленными завершениями лопастей и вогнутыми верхними краями. Боковые колечки у них отсутствуют, щитки орнамен-

тированы одинарной лентой (первый орнамент, по Т.В. Равдиной) и городками, немного заходящими на основания лопастей. Эти экземпляры относятся к типу простых колец и датируются временем не позднее середины XII в. (*Левашова*, 1967. С. 29; *Равдина*, 1968. С. 136–142). Следует отметить, что целая коллекция подобных колец (рис. 7, 2–10) была собрана и при исследовании территории могильника. К наиболее поздним из древнерусских украшений относится обломок трехлопастного подзорчатого височного кольца (рис. 2, 7). Эта достаточно редкая находка указывает на то, что жизнь на поселении продолжалась вплоть до первой четверти XIII столетия.

Из семи перстней, найденных на селище, к ранним относится бронзовый луженый овально-щитковый усатый перстень (рис. 3, 6) с продольновыпуклым ребром и орнаментом «волчий зуб». Эти украшения наиболее характерны для финно-угорских племен и встречаются в древностях Финляндии, Прибалтики, северо-западных областей Руси, в междуречье Волги и Оки (*Седова*, 1997. С. 77). Аналогичный перстень был также найден на территории Днепровского Левобережья в роменском погребении у с. Лебязье (*Енукова*, 1995. С. 194). Время их бытования – с конца X до начала XII в. Представляет интерес бронзовый литой широкосрединный разомкнутый перстень (рис. 4, 8) с тремя продольными рельефными валиками. Валиковые перстни датируются X–XI вв. (*Недошивина*, 1967. С. 270. Рис. 32, 6). По-видимому, раннюю дату имеет и небольшой (детский?) перстень, изготовленный из обломка узкопластинчатого браслета с орнаментом «волчий зуб» (рис. 4, 10). Первой половиной XII в. датируются два литых широкосрединных с незамкнутыми концами пластинчатых перстня. Щиток одного из них украшен рисунком, имитирующим плетенку (рис. 4, 9), другой декорирован мелким рубчатым орнаментом. В обоих случаях узор ограничен узкими продольными закраинами. Эти перстни имеют аналогии в подмосковных курганах, а перстень с плетеной найден на раннесредневековом поселении Саввинская Слобода 2 под Звенигородом (*Станюкович*, 1998. С. 18)⁵. К поздним находкам на селище относится литой широкосрединный ячейковый перстень с центральной многолучевой розеткой-солнышком и заполненными сложным растительным орнаментом боковинами (рис. 4, 13). Данный экземпляр близок типу XVII по классификации Т.В. Равдиной, которая датирует ячейковые перстни началом третьей четверти XII в. (*Равдина*, 1975б. С. 88; 1978. С. 138). Аналогичный перстень, возможно отлитый в той же самой литейной форме, был найден в погребальном комплексе кургана 19 Волковское могильника, расположенного на правобережье

⁵ Благодарю А.К. Станюковича за предоставленную возможность ознакомиться с материалами раскопок поселения Саввинская Слобода 2.

р. Москвы, в 7 км от Хотяжей⁶. Из прочих находок с территории поселения следует выделить нож с прямым и узким клиновидным лезвием, бронзовое четырехгранное в сечении ушко от котла, калачевидное кресало (рис. 2, 14), шиферные пряслица, в том числе с рисунком-граффито (рис. 2, 8). С левобережного селища Хотяжи 1 происходят медная литая застежка от книжного переплета, обрубок серебряной ложновитой шейной гривны, фрагмент керамического поливного яичка-писанки, подковообразные фибулы, обломок стеклянного браслета (*Станюкович и др.*, 2001. С. 121–122). Многочисленные обрезки листовой меди, клепки, медные выплески и бесформенные слитки, собранные главным образом в западной части правобережного селища, свидетельствуют о наличии на памятнике меднолитейного производства. Здесь же были найдены фрагмент литейного тигля и крупная железная крица округлой лепешкообразной формы.

Ко времени, предшествовавшему возникновению древнерусского поселения, относятся найденные здесь немногочисленные кремневые отщепы и орудия мезолитического облика, единичные фрагменты лепной сетчатой и гладкостенной керамики, а также находки подлощенного биконического пряслица, бронзовой шумящей подвески с пластинчатой трапециевидной привеской (рис. 4, 14). Редкой для Москворецкого бассейна находкой является бронзовая крестовидная фибула (рис. 4, 15), найденная в пахотном слое в северной части правобережного селища. Данное украшение датируется второй половиной V в. н. э. и относится к древностям, характерным для рязано-окских могильников⁷. Перечисленные артефакты свидетельствуют о существовании здесь каких-то недолговременных, возможно сезонных, стоянок или поселений, культурные напластования которых были нарушены в процессе активной хозяйственной деятельности в последующее время.

Несомненный интерес представляет уникальная находка бронзовой кольцевидной фибулы (рис. 3, 2), которая была обнаружена в размытом полотне грунтовой дороги, проходящей через поселение вдоль бровки берега. Найденная фибула относится к предметам, связанным со скандинавским мужским костюмом, и употреблялась для скрепления плаща. Фибула отлита по восковой модели с прекрасной проработкой всех мельчайших деталей. Ее лицевая поверхность украшена сложной плетенкой и выступающей за пределы кольца звериной маской, характерными для стиля Борре. Кольцевидные застежки этого типа (ЯП 227) известны в могильнике Бирки (погребение № 581) (*Arbman*, 1940. Taf. 42, 3)⁸, в Гнездов-

ских, Владимирских, Ярославских (Тимеревский и Михайловский могильники) курганах (*Фехнер*, 1963. С. 83; *Дедюхина*, 1967. С. 203–206), а также в Киевском некрополе (*Каргер*, 1958. С. 189–190. Рис. 36). В большинстве случаев они происходят из богатых дружинных трупосожжений X в., в инвентарных комплексах которых присутствуют предметы вооружения и различный торговый инвентарь.

В отличие от вышеописанной подвески с изображением фантастического зверя в стиле Еллинг, найденной на территории могильника, кольцевидная фибула с поселения может служить более надежным этническим индикатором. Дело в том, что эта скандинавская мужская застежка не относилась к предметам международной торговли, а могла быть доставлена сюда лишь самим выходцем из Северной Европы – воином (в составе княжеской дружины?) или участником торговой экспедиции. Материал, характеризующий скандинавскую культуру эпохи викингов, на территории Москвы и Подмоскovie уже был известен. Так, из наиболее ярких находок можно отметить набор предметов из клада 1988 г. в московском Кремле (Наследие варягов..., 1996. С. 5), кольцевидную фибулу (ЯП 237) из деревни Горки (ГИМ. Инв. № 50020; раскопки Н.К. Линдемана, 1912 г.) (*Дедюхина*, 1967. С. 204), комплект складных бронзовых весов с древнерусского поселения Жданово 1 (*Гоняный*, 1999. С. 141), а также железную привеску в виде молоточка Тора, происходящую с поселения Малюшина Дача в Ступинском районе (АКР, 1997. С. 182. № 2456).

Таким образом, найденные на территории Москворецкого региона предметы материальной культуры Скандинавии X–XI вв. указывают на возможное существование здесь водной торговой магистрали, связывавшей Верхнюю Волгу (верхний участок Великого Волжского пути) с бассейном Среднего и Нижнего Поочья (*Алексеев*, 2002б. С. 6). Ключевое значение в системе этого транзитного пути, на наш взгляд, занимал район древних Ламского и Гжатского волоков. Крупное же поселение у современной деревни Хотяжи, очевидно, играло роль одного из промежуточных опорных и обслуживающих этот путь пунктов, где в определенное время могли присутствовать выходцы из Северной Европы.

Найденные в Хотяжах предметы импорта и нумизматический материал свидетельствуют о разносторонних внешних связях местного населения. Культурные контакты, в свою очередь, создавали благоприятные возможности для религиозного миссионерства и распространения христианства среди жителей Подмоскovie уже в

⁶ Раскопки А.В. Арциховского 1940 г. Хранится в фондах ЗИАиХМ (Врем. хран. Акт № 27 от 12.04.1988 г.)

⁷ Определение и атрибуция этого украшения проведена И.Р. Ахмедовым (ГИМ), которому выражаю свою благодарность за консультацию.

⁸ Сердечно благодарю Г.Л. Новикову (МИГМ) за консультации и ценные указания на источники при подборе иностранной литературы по данному вопросу.

первой половине XI в. Именно к этому времени следует относить первые попытки христианизации вятичской земли, напрямую связаны с проникновением сюда централизованной государственной власти и ее представителей – княжеских министералов. Но после распада Киевской Руси, когда «раздвоя вся Русская земля», сельская периферия Поочья и Москворечья снова обратилась к язычеству, позиции которого здесь были еще достаточно сильны. Об этом свидетельствуют рас-

цвет курганного обряда к середине XII в. и летописные известия о неудачной миссионерской экспедиции монаха Киево-Печерского монастыря преподобного Кукши. Первыми христианами в Хотяжах были дружинники и приезжие купцы. По всей видимости, именно им принадлежали найденные здесь нательные кресты «скандинавского типа» и с изображением так называемого грубого распятия (6 экз.), керамическое яичко-писанка, книжная застежка.

Литература

- Алексеев А.В.*, 2000. Отчет об археологических разведках на территории Одинцовского района Московской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Алексеев А.В.*, 2001. Отчет об археологических работах в Одинцовском районе Московской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Алексеев А.В.*, 2002а. Отчет об охранных археологических раскопках распаханных древнерусских курганов у д. Хотяжи в Одинцовском районе Московской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Алексеев А.В.*, 2002б. К вопросу о путях славянской колонизации Западного Подмосковья // Проблемы истории Московского края: Тез. докл. III науч. регион. конф., посвященной 855-летию Москвы и Подмосковья. М.
- Богоявленский С.К.*, 1947. Материалы к археологической карте Московского края // МИА. № 7. М.
- Гоняный М.И.*, 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.
- Гуслистов Н.В.*, 1981. Курганы и жальник у деревень Тимошкино и Ярцево Вологодской области // КСИА. № 166. М.
- Даркевич В.П.*, 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. №4.
- Дедюхина В.С.*, 1967. Фибулы скандинавского типа // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Енукова О.Н.*, 1995. Роменское погребение из Лебяжьего. // РА. № 1.
- Каргер М.К.*, 1958. Древний Киев. Т. I. М.–Л.
- Корзухина Г.Ф.*, 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.–Л.
- Лебедев Г.С.*, 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.
- Левашева В.П.*, 1967. Височные кольца // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Леонтьев А.Е.*, 1996. Археология Мери. М.
- Макаров Н.А.*, 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2.
- Мальм В.А.*, 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Мальм В.А., Фехнер М.В.*, 1967. Привески бубенчики // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Мурашова В.В.*, 1997. Поясной набор // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Недошивина Н.Г.*, 1967. Перстни // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Недошивина Н.Г.*, 1980. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец // Тр. ГИМ. Вып. 51. М.
- Новикова Г.Л.*, 1991. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово. М.
- Прошкин О.Л.*, 1995. О некоторых курганных погребениях Верхнего Поочья и Верхнего Подесенья // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань.
- Равдина Т.В.*, 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.
- Равдина Т.В.*, 1975а. Древнейшие семилопастные височные кольца // СА. № 3.
- Равдина Т.В.*, 1975б. Хронология «вятичских» древностей. / Дисс. ... канд. ист. н. Архив ИА РАН. Р-2. № 2154. М.
- Равдина Т.В.*, 1978. Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом // Древняя Русь и славяне. М.
- Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А.*, 1973. Список археологических памятников Московской области. М.
- Рябинин Е.А.*, 1988. Языческие амулеты-привески древней Руси // Древности славян и Руси. М.
- Седова М.В.*, 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Седов В.В.*, 1971. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М.
- Седов В.В.*, 1988. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М.
- Станюкович А.К.*, 1998. Отчет о работе звенигородской археологической экспедиции в 1997 г. Ч. 1. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Станюкович А.К., Алексеев А.В., Елкина И.И., Насырова Н.Ш.*, 2001. Работы Звенигородской экспедиции // АО 1999 г. М.
- Станюкович А.К.*, 2003. Иноземные монеты из округа Звенигорода // Звенигородский краевед. Вып. 2–3. М.
- Успенская А.В.*, 1967. Нагрудные и поясные привески // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Уткин А.В.*, 1991. Курганный могильник близ д. Кнутихи на р. Увдовь // КСИА. № 205. М.
- Фехнер М.В.*, 1963. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников // Ярославское Поволжье в X–XI вв. М.
- Фехнер М.В.*, 1967. Шейные гривны // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Фехнер М.В.*, 1968. Крестовидные подвески «скандинавского типа» // Славяне и Русь. М.
- Шполянский С.В.*, 1999. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Тр. ГИМ. Вып. 103. М.
- Юшко А.А.*, 1998. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки ГИМ. М., 1996.
- Наследие варягов – диалог культур. ГММК и Государственный Исторический музей г. Стокгольма. Bores, 1996.
- АКР. Московская область. Ч. 1. М., 1994.
- АКР. Московская область. Ч. 4. М., 1997.
- Arbman H.*, 1940. Birka I: Die Graber. Tafeln. Stockholm – Uppsala.
- Petersen J.*, 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger.
- Les Vikings... Les Skandinaves et l'Europe 800–1200. Paris, 1992.

Археологические исследования на посаде города Дмитрова в 2002–2003 годах

До недавнего времени Дмитров был одним из археологически наименее изученных русских средневековых городов. Результаты проведенных за период 1930–1990-х гг. раскопок были незначительны в силу небольшой площади исследований. Организованные в 2001–2003 гг. Подмосквовской археологической экспедицией ИА РАН (под руководством А.В. Энговатовой) крупномасштабные охранные исследования на территории дмитровского кремля позволили прояснить многие вопросы истории древнейшего ядра города. В частности, получены доказательства не только возникновения города в середине XII в., что согласуется с летописной датой его основания (1154 г.), но и существования поселения на этом месте в более ранний период (в конце XI – начале XII в.).

Территория города за пределами кремля исследована в еще меньшей степени. В 1988 г. М.В. Фроловым исследовалась территория Борисоглебского монастыря (Фролов, 1988; АКР, 1997. С. 212). В 1993 г. В.И. Вишневский проводил разведочные работы на ул. Оборонной, на территории бывшей Березовской слободы,

в результате которых были получены материалы XV–XVII вв. (Иванов, 1994; АКР, 1997. С. 212–213). В 1998 г. С.З. Черновым проводились охранные раскопки на Советской площади, на месте торговых рядов.

История Дмитрова до XV в. слабо отражена в письменных источниках. Городской посад впервые упоминается в летописи под 1214 г. В этом году юрьевский князь Владимир Всеволодович напал на своего брата, переяславского князя Ярослава, которому принадлежал Дмитров. Дмитровцы сожгли «все преградия» и затворились в городе. Следующее по времени упоминание относится только к началу XIV в. Еще раз посад упоминается в 1373 г., когда князь Михаил Тверской город «пограбил, посад и села пожег». Первое подробное описание города относится только к 1624 г. (Тихомиров, 1973. С. 174, 175, 199).

В результате раскопок С.З. Чернова на Советской площади были получены материалы, позволяющие отнести возникновение части посада, расположенной к западу от кремля, ко времени не позднее первой половины XIII в. Об этом

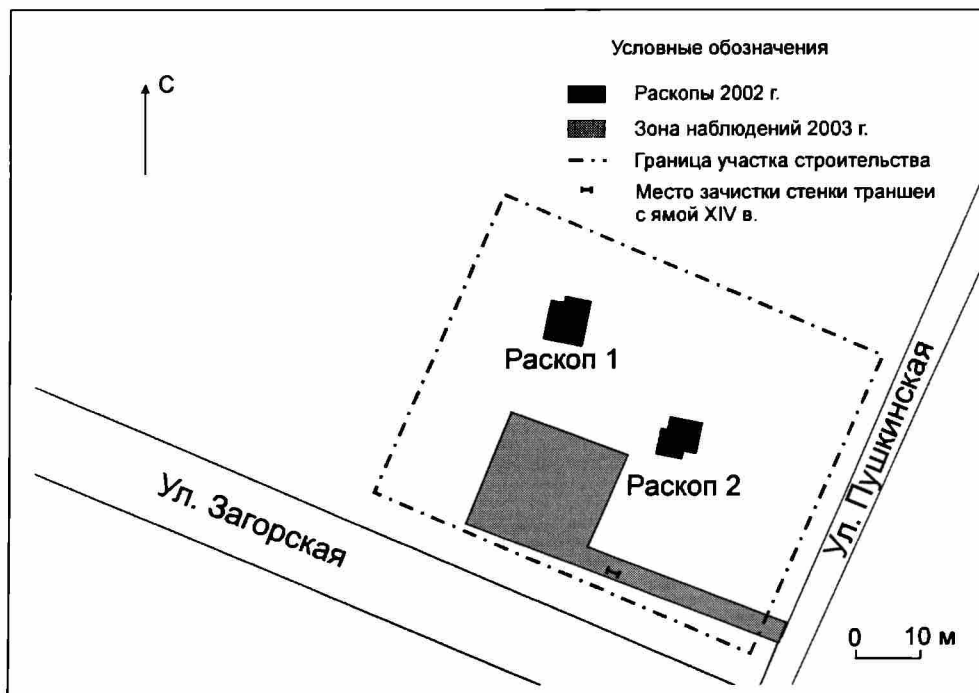

Рис. 1. План участка исследований

свидетельствуют находки фрагментов стеклянных браслетов, шиферных пряслиц и керамики, которая может датироваться этим временем. Что касается территории к востоку от кремля, то никаких сведений о времени ее заселения не имеется. Во второй половине XV в. за городом возникает Борисоглебский монастырь, основанный дмитровским князем Юрием Васильевичем, братом Ивана III (Тихомиров, 1973. С. 205). При раскопках М.В. Фролова в 1988 г. под слоем монастырского кладбища XV–XVIII вв. были выявлены остатки жилой постройки в виде землянки, датированной XIII–XIV вв. Такая датировка подтверждается находками фрагмента стеклянного браслета и керамики (Фролов, 1988; АКР, 1997. С. 212). Вероятно, эта постройка относилась к сельскому поселению, уже не существовавшему ко времени основания монастыря. Непосредственно к городу это поселение, скорее всего, отношения не имеет (расстояние от кремля до территории монастыря составляет около 0,5 км).

В 2002 г. Подмосковной экспедицией проводились охранные археологические исследования в районе пересечения улиц Загорской и Пушкинской (рис. 1), где были заложены два раскопа общей площадью 71 кв. м. Раскоп 1 (рис. 2) располагался в восточной части исследуемого участка, ближе к ул. Пушкинской. Верхний слой, мощностью до 1 м, был сильно перемешан и насыщен современным строительным и бытовым мусором. Местами над материком сохранился культурный слой мощностью до 20 см (в виде серой супеси с включениями мелких угольков), в котором найден железный черешковый нож. Кроме этого были обнаружены 3 ямы, содержавшие

археологический материал. Все ямы небольшого размера, вероятно, хозяйственного назначения.

Яма 1 овальной формы, с пологими стенками и полусферическим дном, размерами 200x150 см и глубиной около 90 см, была заполнена темно-серой супесью с большим количеством угля и включала керамику, датируемую не позднее XIV в. Единственная находка – железный черешковый нож.

Яма 2 представляла собой углубление в материке неправильной округлой формы размерами 168x105 см и глубиной 10–20 см. Заполнение состояло из темно-серой супеси с песком и углем. Здесь были найдены два обломка стеклянных браслетов, округлая бусина из желтого прозрачного стекла, два железных черешковых ножа. Наиболее интересной находкой являлся фрагмент керамического (красноглиняного, с поверхностью светло-коричневого цвета) креста-тельника. Крест четырехконечный, концы прямоугольные, нижняя лопасть обломана. Ширина креста – 2,1 см, толщина – 0,5 см, в верхней части имеется отверстие. На лицевой стороне на концах боковых лопастей имеются рельефные изображения крестов, заключенных в прямоугольники. На боковой стороне прослеживается рельефный шов, что свидетельствует об изготовлении креста тиснением в двухсторонней форме. Такие кресты – достаточно редкая находка. Аналогии имеются в Новгороде, Белоозере, Владимире, на поселении Введенское в Ярославской области (Праздников, 2001. С. 175. Рис. 1, 9; 2, 9; Жарнов, 2003. Рис. 6, 9–12). Все они датируются XII–XIII вв. Массовый керамический материал из ямы также можно датировать XIII в.

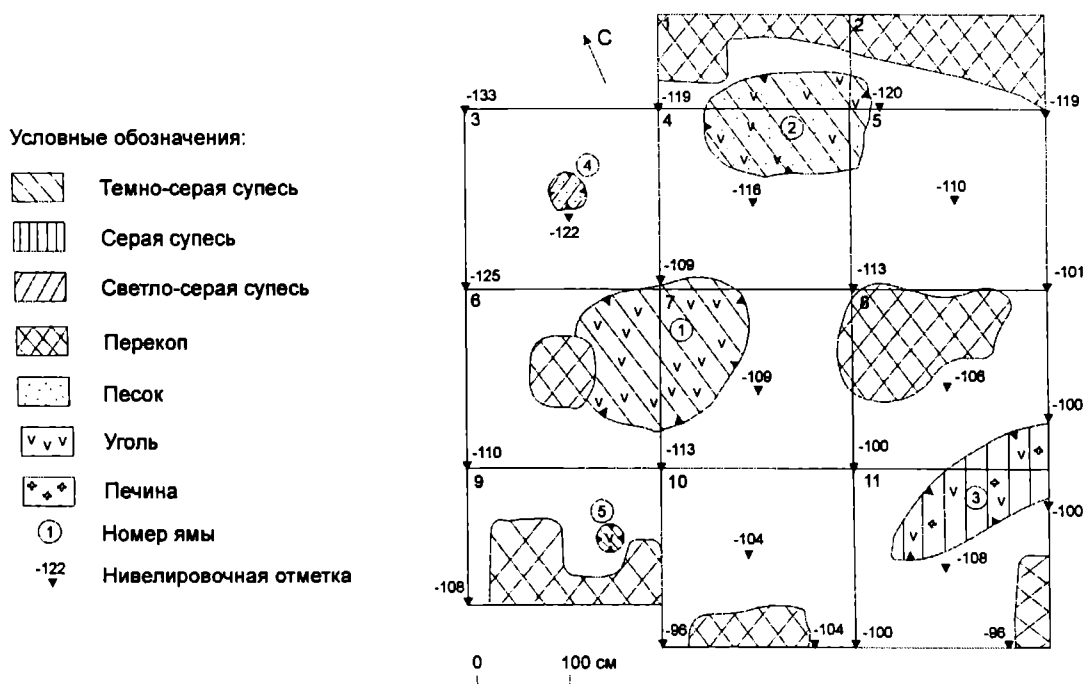

Рис. 2. Раскоп 1. Зачистка по матерiku

Яма 3 имела вытянутую овальную форму и уходила в восточную стенку раскопа. Глубина ее составляла 40–45 см, заполнение – серая супесь с мелкими угольками и редкими включениями мелких фрагментов печины. В яме найдено несколько фрагментов керамики, датируемой временем не позднее XIII в.

Раскоп 2 располагался в северной части участка, в 50 м от раскопа 1. Верхний слой, мощностью до 80 см, был сильно перемешан и насыщен современным мусором, однако в нем были найдены фрагменты красноглиняных игрушек XV–XVI вв. (в основном фигурки медведей), полный профиль красноглиняного горшка XVI в. и фрагмент донца с клеймом. Керамика из этого слоя включает образцы XVI в. при почти полном отсутствии керамики XVII–XVIII вв. Местами сохранился предматериковый культурный слой мощностью до 20 см в виде светло-серой супеси с мелкими угольками, в котором найден фрагмент стеклянного браслета.

В северной части раскопа выявлены остатки кирпичного фундамента здания XIX в., частично разрушевшего остатки более ранних построек. В центральной части раскопа обнаружено скопление камней небольшого размера, в котором встречались фрагменты печины, обожженная глина, угольки. Скопление имело форму овального пятна размерами 280×180 см, толщиной до 38 см в центре. В заполнении найдены железный броневой наконечник стрелы с пером ромбического сечения (тип 91, по А.Ф. Медведеву; Древняя Русь, 1985. С. 347

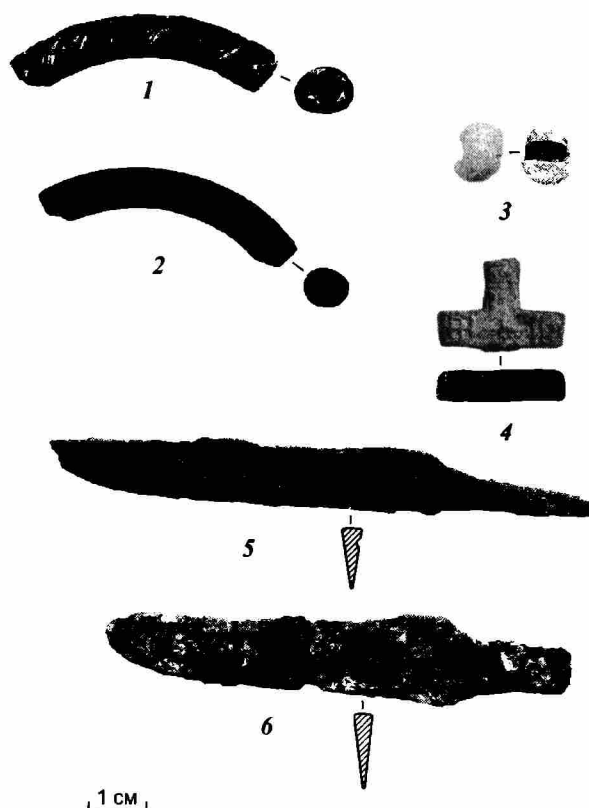

Рис. 3. Раскоп 1. Индивидуальные находки

1, 2 – фрагменты стеклянных браслетов; 3 – фрагмент стеклянной бусины; 4 – фрагмент керамического крестательника; 5, 6 – железные ножи (1–4, 6 – яма; 5 – слой 2)

Рис. 4. Раскоп 2. Сооружение 2. Развал камней

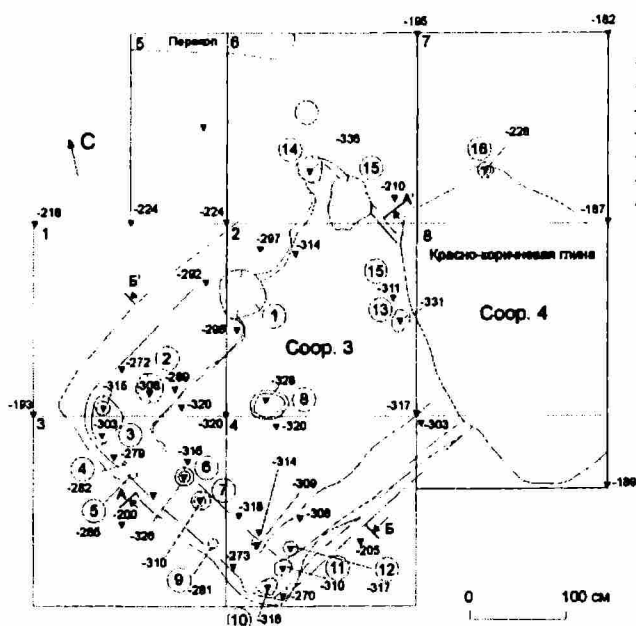

Рис. 5. Раскоп 2. Поверхность материка. Сооружения 3 и 4

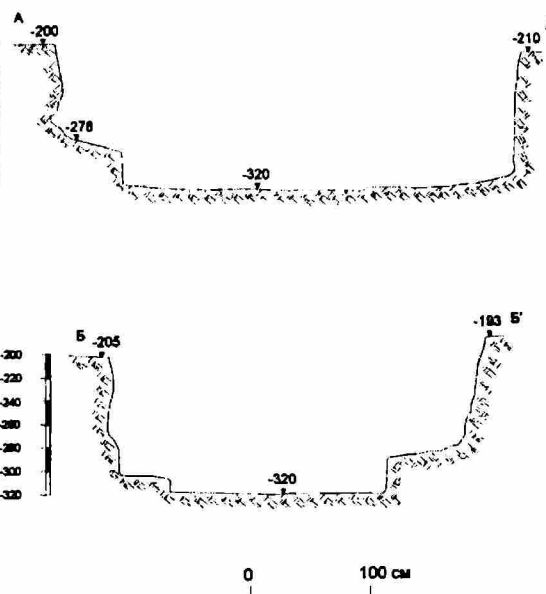

Рис. 6. Раскоп 2. Сооружение 3. Разрезы

Табл. 135, 13) и донце красноглиняного горшка с клеймом. Керамику предварительно можно датировать временем не позднее XIV в. Возможно, это остатки какого-то отопительного устройства, попавшие в культурный слой после его разрушения, однако нельзя исключить и иного назначения этой субструкции.

Под описанным скоплением камней обнаружена подпрямоугольная в плане яма, вытянутая по линии СВ – ЮЗ, размерами на уровне дна –

370×290 см, глубиной около 120 см (сооружение 3). Заполнение ямы состояло из светлой серо-коричневой супеси, включавшей угольную прослойку мощностью 2–3 см. По стенкам ямы прослежены отдельные фрагменты сгоревших деревянных конструкций в виде достаточно крупных кусков угля. Здесь же фиксировался материковый уступ шириной 45–72 см, высотой 31–43 см, имевший уклон к центру ямы. На дне, в центре ямы, залегала прослойка серой супеси

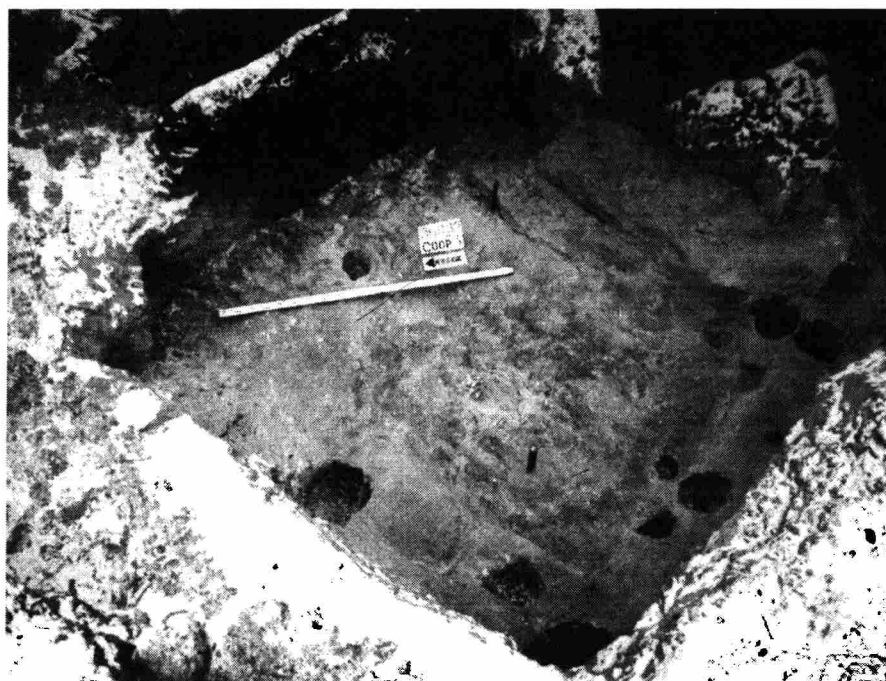

Рис. 7. Раскоп 2. Сооружение 3. Поверхность материка

с угольками, мощностью 1–2 см, а по продольной оси располагались две круглые, вероятно, столбовые, ямы. В трех сохранившихся углах котлована также размещались столбовые ямы (четвертый угол уничтожен ямой XVI в.). Еще 8 ям небольшого диаметра были выявлены по периметру стен в материковом уступе. В двух из них найдено по одному развалу горшков, предварительно датируемых временем не позднее XIII в. Аналогично датируется основная часть керамики из заполнения ямы, откуда происходили также 2 фрагмента стеклянных браслетов, 2 железных гвоздя, железный черешковый нож, фрагмент донца красноглиняного сосуда с клеймом. Яма, вероятно, представляла собой углубленную часть (погреб) наземной постройки, со столбовой конструкцией, возможно, служившей как опорой перекрытия, так и для крепления стен.

Восточная часть сооружения 3 была прорезана ямой подпрямоугольной формы, ориентированной по линии СЗ – ЮВ, заполненной культурным слоем с большим количеством включений красной сырой глины (сооружение 4). В яме встречена красноглиняная керамика XVI в. К сооружению 4, вероятно, относилась круглая яма диаметром 60 см, перерезавшая северный угол сооружения 3, в верхней части которой прослежены куски белого камня с известковым раствором, а на дне найден развал крупного красноглиняного горшка XVI в.

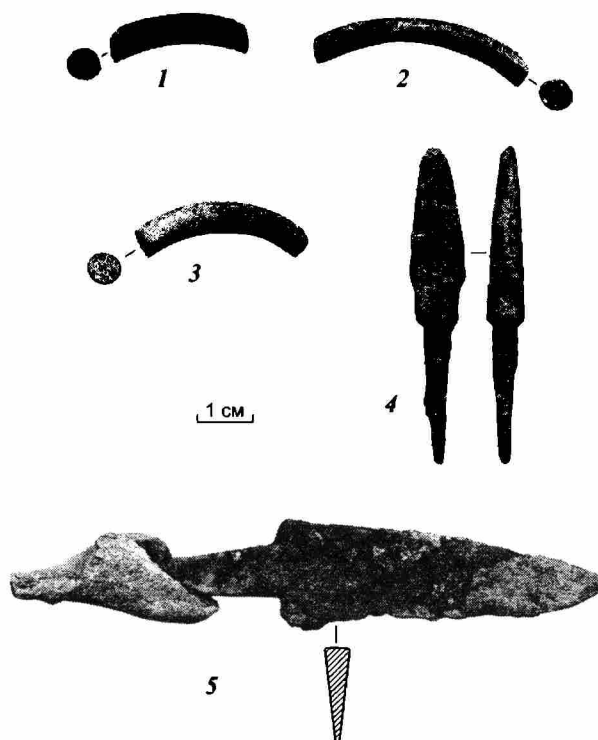

Рис. 8. Раскоп 2. Индивидуальные находки

1–3 – фрагменты стеклянных браслетов; 4 – железный наконечник стрелы; 5 – железный нож (1 – слой 4; 2, 3, 5 – сооружение 3; 4 – сооружение 2)

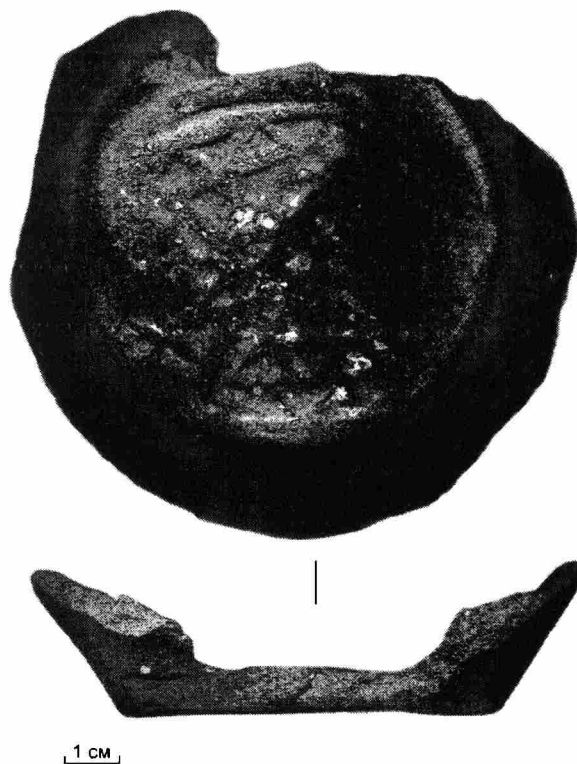

Рис. 9. Раскоп 2. Сооружение 2. Донце красноглиняного горшка с клеймом

Исследование остатков разновременных сооружений, последовательно существовавших на одном месте, позволяет сделать ряд выводов о застройке данного участка. В XIII в. здесь возникает постройка, вероятно наземная, с углубленной частью (возможно, погребом). Это сооружение погибло при пожаре, скорее всего, уже в XIII в. Не позднее XIV в. на месте заброшенной постройки откладывается культурный слой, в котором появилось скопление мелких камней. Позднее, в XVI в., здесь появляется новая постройка, заброшенная не позднее начала XVII в. Материал XVII–XVIII вв. на исследуемом участке отсутствует. Вероятно, в это время застройки здесь не было, что согласуется с данными источников об упадке города в конце XVI–XVII в. Это связано с изменением основных торговых путей и последующим разорением Дмитрова во время событий Смутного времени (Тихомиров, 1973. С. 186–187, 259–261). Новая постройка появляется здесь только в XIX в.

Проведенные после окончания раскопок археологические наблюдения за земляными работами на данном участке выявили, что культурный слой на большей части территории к западу и югу от раскопа 2 был полностью уничтожен поздними перекопами. В 2003 г. проводились археологические наблюдения при прокладке коммуникаций вдоль западной границы исследованного участка. В результате зачистки

стенки траншеи была обнаружена яма, в заполнении которой найдены фрагменты керамики XIV в.

Таким образом, результаты проведенных исследований позволяют отнести заселение данного участка городского посада ко времени не позднее XIII в. (материалы, достоверно датированные XII в., отсутствуют). Активное освоение

территории происходило в XIII–XVI вв., после чего участок в течение долгого времени был незастроенным. Никаких следов других крупных построек на исследуемом участке не прослежено. Вероятно, это была окраина средневекового города, границы которого проходили примерно по современной ул. Пушкинской на западе и ул. Загорской на юге.

Литература

АКР. Московская область. Ч. 4. М., 1997.

Древняя Русь. Город, замок, село. М.

Жарнов Ю.Э., 2003. Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.

Иванов С.А., 1994. Средневековая керамика Березовской слободы г. Дмитрова (по материалам раскопок 1993 г.) // Чтения, посвященные 840-летию Дмитрова. Тезисы докладов и сообщений. Дмитров.

Праздников В.В., 2001. Предметы христианского культа на поселении Введенское в Ярославской области // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь.

Тихомиров М.Н., 1973. Российское государство XV–XVII веков. М.

Фролов М.В., 1988. Памятник архитектуры XVI–XVIII вв. Борисоглебский монастырь в г. Дмитрове Московской обл. Отчет об археологических исследованиях 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12875.

Населенные пункты в бассейне среднего течения реки Прони

В процессе проведения археологических разведок в районе расположения Лубянского, Ижевского и Жокинского городищ были обнаружены позднесредневековые (XVI–XVIII вв.) сельские поселения, представляющие определенный интерес для выяснения исторической топографии региона. Ныне он входит в Михайловский и Захаровский районы Рязанской области. Из 28 археологических памятников XII–XIV вв., известных сейчас в этом микрорегионе, 8 существуют с XVI в. до наших дней. В 13 случаях средневековые поселения были расположены в непосредственной близости от древнерусских, что предполагает наличие связей между структурами расселения в микрорегионе в разные исторические эпохи.

Для выявления структуры расселения в микрорегионе в XVI–XVIII вв. необходимо создание исторических карт по синхронным письменным и картографическим источникам. Так как пределы зоны археологического обследования четко определены не были, то при работе с архивными документами исследовался микрорегион, несколько превышающий археологически обследованную территорию. Поскольку некоторые письменные источники в качестве единственного географического ориентира упоминают те или иные реки, основой для определения микрорегиона исследования явилась гидросистема. Этот микрорегион представляет собой участок бассейна р. Прони между городом Михайловым и устьем р. Врешевки. Его размеры: с севера на юг – 34 км, с запада на восток – 27 км. Наиболее крупные притоки Прони на этом участке – Жрака, Локня, Любешка. Река Алешинка входит в микрорегион только в нижнем течении, реки Врешевка и Кобылинка в микрорегион не включены.

Источниками для исследования послужили: «Писцовые книги Рязанского края»; карты и планы Генерального межевания из фондов РГАДА; «Карта Рязанской губернии», изданная А. Вильбрехтом 1800 г.; «Административные карты Рязанской губернии», изданные Ильиным в 1860–1870-х гг.; «Списки населенных мест Российской империи»; «Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии...» И.В. Добролюбова; Военно-топографическая

карта 1918 г.; Почвенная карта Рязанской области 1986 г. и современный «Атлас Рязанской области» (2002).

Работы по локализации населенных пунктов и составлении на их основе исторических карт ранее уже проводились. М.В. Витовым и Я.Е. Водарским в их статьях были высказаны основные принципы подобной работы (Витов, 1968. С. 266; Водарский, 1968. С. 274). Наша методика в целом не отличается от общепринятой.

В Писцовых книгах сельские поселения исследуемого микрорегиона упоминаются на территории Моржевского и Окологородного станов Рязанского уезда. Некоторые населенные пункты упомянуты как владения Богословского монастыря, находившегося на правом берегу р. Оки, между Рязанью и Коломной, выше по течению от устья р. Вожи (сейчас это территория Рыбновского района Рязанской области). Монастырские земли присутствуют на исследуемой территории лишь в северо-восточной части (к ним относятся всего 3 поселения: пустоши Хаврутово (Хавертово), Катоощ и село Половково). Как и другие владения монастыря, они были записаны за Окологородним станом. В случае упоминания некоторых объектов с такими же названиями по отношению к иным станам картографический материал позволяет связывать их с соответствующими поселениями на территории этих станов.

Большинство поселений микрорегиона упомянуто в Моржевском стане. При всей возможной непостоянности границ станов сличение данных Писцовых книг с картографическим материалом показывает, что территория Каменского стана располагалась к югу и юго-востоку от указанного микрорегиона, а территория Кобыльского стана лежала севернее. Ближайшим к микрорегиону населенным пунктом последнего является с. Ржевское (Александрова дубрава) (ПКРК, 1996. С. 216, 217, 218, 220; 1998. С. 303). На картах и планах Генерального межевания микрорегион расположен в Михайловском уезде Рязанской губернии (рис. 1).

В Писцовых книгах перечисляются объекты Моржевского стана по состоянию на 1594–1598 гг. и 1628–1629 гг. (ПКРК, 1996. С. 13–61; 1998. С. 11–143). Владения Богословского

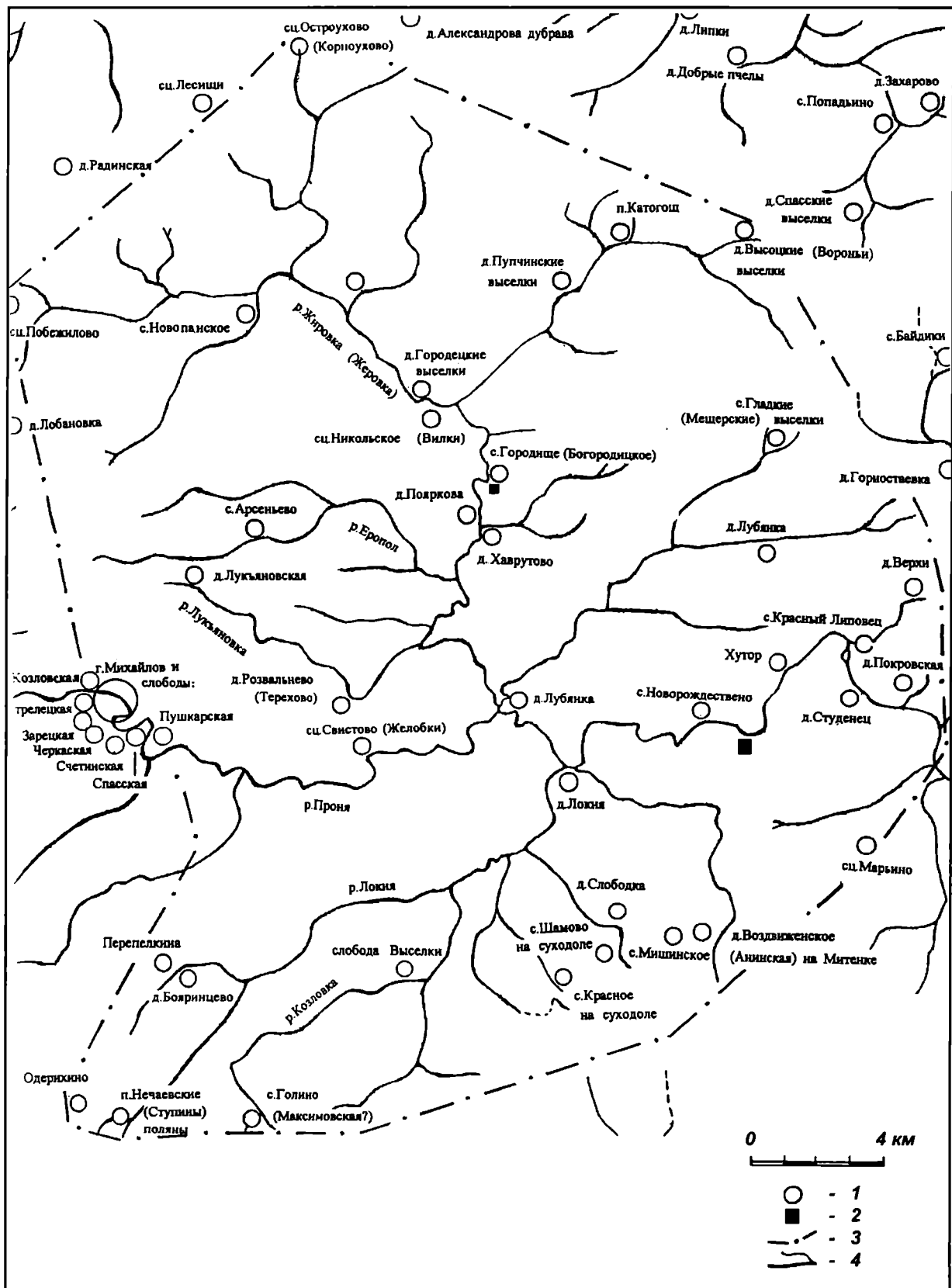
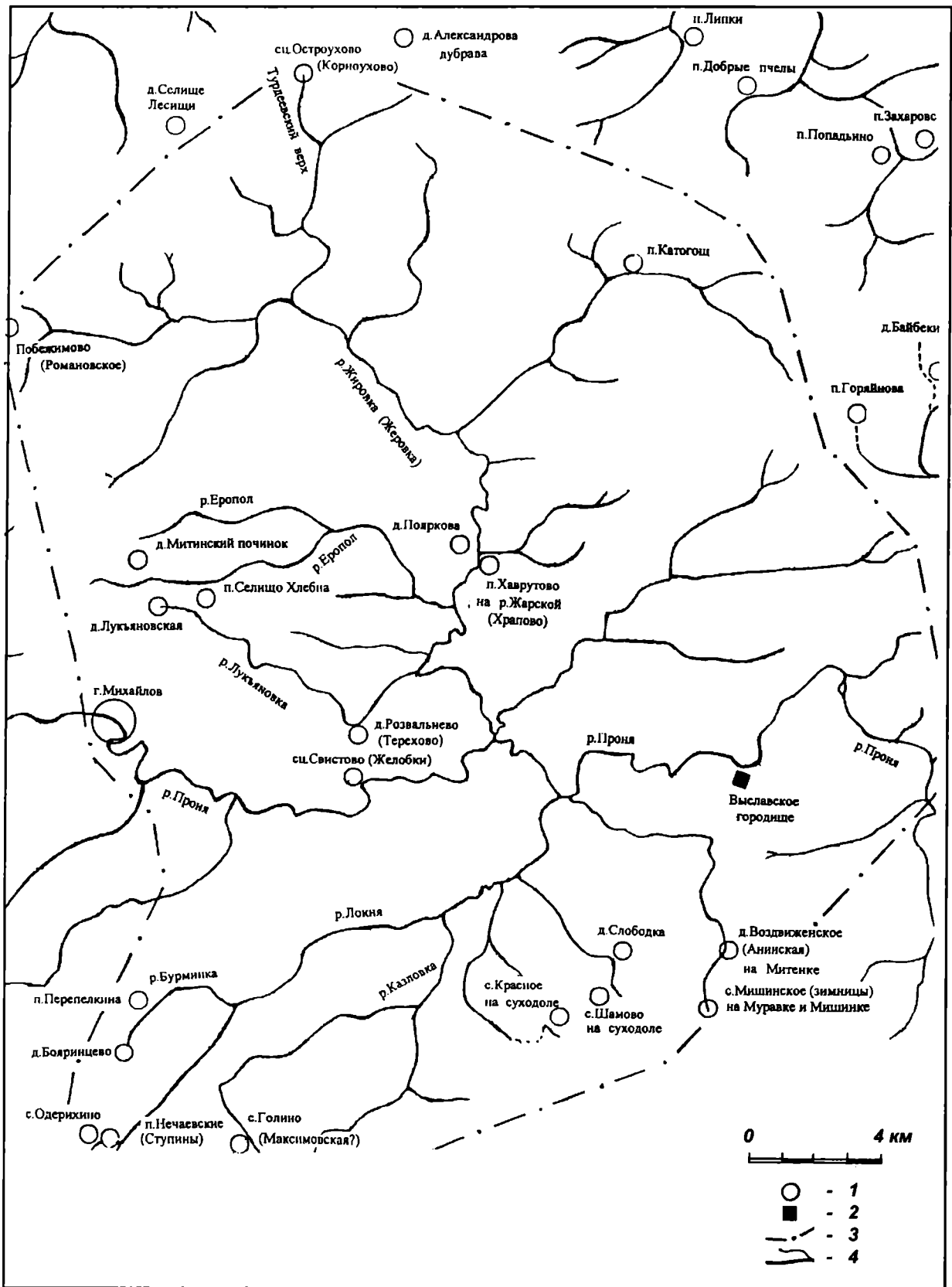

Рис. 1. Расположение объектов, обозначенных на картах Генерального межевания

1 – населенный пункт; 2 – городище; 3 – граница микрорегиона; 4 – реки
(д. – деревня, с. – село, сц. – сельцо)

Рис. 2. Расположение объектов, упоминаемых в Писцовых книгах на участке бассейна Прони
 1 – населенный пункт; 2 – городище; 3 – граница микрорегиона; 4 – реки (п. – пустошь, д. – деревня, с. – село, сц. – селцо, р. – река). На карте не обозначены п. Рудяева на р. Козлинке и с. Половково на р. Жраке, точное местонахождение которых неизвестно

Данные о локализации населенных пунктов, упоминаемых в Писцовых книгах Рязанского края

Списки населенных пунктов в Писцовых книгах	Находились вне микрорегиона	Находились в микрорегионе	Не локализованы
Моржевский стан. 1594–1598 гг.	96 (75%) из 128 пунктов	16 (12,5%)	16 (12,5%)
Моржевский стан. 1623–1629 гг.	121 (71%) из 171	19 (11%)	31 (18%)
Богословский монастырь. XVI в.	19 из 35	3	13
Богословский монастырь. 1623 г.	23 из 35	2	10
Земли Рязанского и Муромского владыки	13 из 15	–	2

монастыря перечислены по состоянию на 16 июля 1553 г., 1572, 1575 и 1623 гг. (ПКРК, 1997. С. 13–15, 55–58, 59–60, 297–300), а также упоминаются в тексте 1722 г. (ПКРК, 1997. С. 60). При этом, список владений Богословского монастыря 1553 г. носит, вероятно, выборочный характер, как и список 1572 г., поскольку в них перечисляются разоренные татарами поселения.

Список 1722 г., включенный в переизданный первый том Писцовых книг как дополнение, ближе по времени картам Генерального межевания. В целом имеющиеся в источниках перечни населенных пунктов можно разделить на две хронологически близкие группы: 1575–1598 гг. и 1623–1629 гг.

Обработка карт Генерального межевания¹ позволила создать топонимическую карту микрорегиона (рис. 3). Опираясь на географические ориентиры, сообщаемые Писцовыми книгами, и на данные топонимической карты удалось локализовать ряд населенных пунктов. По результатам этой работы были составлены две исторические карты, соответствующие, обозначенным выше временным отрезкам. Так, как данные этих карт почти не отличались друг от друга, они были объединены в одну – по состоянию на 1575–1629 гг. (рис. 2), а существующие различия оговорены в тексте статьи.

Основаниями для локализации поселений признавались:

- для поселений с распространенными названиями – точное совпадение сопутствующего им географического ориентира в картах и в Писцовых книгах (например, так было идентифицировано село Хавергово – Хаврутово на р. Жраке);

- для поселений с менее распространенными названиями – наличие сходного по названию населенного пункта на картах (современных или планах Генерального межевания), если на территории Моржевского и Окологородного станов не обнаруживалось других вариантов локализации (например, с. Побежимово – Побежниево);

- для поселений с редкими названиями – простое сходство названия в Писцовых книгах и на картах (Катагощ, Одерихино-Татарское и др.).

При локализации поселений нельзя не учитывать возможность изменения их положения на местности с течением времени (например, деревня Лубянка в устье р. Лубянки, село Бекленёво на р. Кудесне), которые носили скорее характер исключения, чем правила.

Всякий раз, когда проводится такого рода работа, возникает вопрос полноты полученных карт. Все ли объекты, располагавшиеся в микрорегионе, удалось локализовать? С целью определения полноты информации исторической карты были сделаны списки нелокализованных пунктов (см. табл.; Прил.).

Списки пунктов Моржевского стана, относящиеся к 1594–1598 гг., почти не содержат географических ориентиров, что вынуждает постоянно обращаться к упоминаниям аналогичных населенных пунктов в списках 1628–1629 гг. При этом поселения с географическими ориентирами, отсутствующими на картах, не считались автоматически локализованными вне микрорегиона. Некоторые названия рек или оврагов на его территории могли измениться или просто не попасть на карты. Для проведения этой части работы были составлены списки географических ориентиров, содержащихся в Писцовых книгах, и проведена их сверка с данными карт Генерального межевания на основании изложенных выше принципов. Затем для каждого упоминаемого в списках населенного пункта определялась возможность локализации вне микрорегиона. В список нигде не локализованных объектов вошло 53 поселения.

В целом, ситуация в микрорегионе в период с 1575 по 1629 гг. изменилась не очень сильно. То, что почти все населенные пункты Богословского монастыря в 1572 г. перечисляются как «зжены и воеваны» татарами, позволяет предполагать сильное разорение и среди помещичьих владений, находившихся поблизости. Но в 1620-е годы на территории микрорегиона продолжают существовать те же поселения, что и раньше, кроме с. Половкова на р. Жраке (точное местонахождение неизвестно, вероятно – на левом берегу реки, в монастырских владениях). Более того, в 1623–

¹ С учетом опросов местного населения, проводившихся при археологических разведках.

² Датировка карт Генерального межевания является отдельной проблемой, требующей специального исследования. Как следует из названия фонда № 1356 в РГАДА, он содержит карты, созданные в период с 1766 по 1883 гг. Карты Михайловского уезда Рязанской губернии по ряду признаков можно датировать более узким временем: с 1778 г. по 1859 год (подробнее об этом см. в статье П.Е. Русакова «Сеть дорог в восточной части Моржевского стана» в настоящем сборнике).

1629 г. там появился ряд новых населенных пунктов: с. Шамово, пустошь Хлебна и, возможно, с. Красное, пустошь Рудяева на р. Козлинке (Казловке?).

Карты и планы Генерального межевания конца XVIII в.² рисуют иную картину. По левому берегу р. Прони в микрорегионе появились 16 новых поселений, исчезли – 2. По правому берегу появились 5 поселений, исчезла только предполагавшаяся там пустошь Рудяева. В основном новые населенные пункты возникли в восточной и северо-восточной части региона. Появление некоторых из них можно отнести именно к периоду создания изучаемых карт, так как на одних эти населенные пункты отсутствуют, а другие содержат о них информацию (с. Новорождество (современное с. Ижеславль), д. Лубянка, с. Новопанское и другие). Кроме того, не везде обозначена д. Слободка на р. Любешке, которая могла быть помещена там по ошибке вместо р. Шарापовки из-за сходных очертаний. Не везде отмечена д. Лукьяновка, хотя одноименная деревня упоминается в Писцовых книгах. Опираясь на данные И.В. Добролюбова, следует отнести ко времени создания карт появление деревень Студенец, Верхи, Лубянки. Что касается другой деревни Лубянки (в устье одноименной реки), то ее И.В. Добролюбов упоминает как Лубянские Выселки, входившую в приход с. Новорождество (Ижеславля) (Добролюбов, 1996. С. 332). В «Списках населенных мест Российской империи» упоминается та же деревня как казенная – «Лубянка (Исканские выселки)» (Списки..., 1862). Современная карта, страдающая рядом

неточностей в отношении топонимики, помещает на территории района урочище Исканцы на р. Лукьяновке, к западу от с. Розвальнево (Атлас..., 2002. С. 60). «Черновой Уездный план»³ возле г. Михайлова помещает Исканскую слободу. Село Новорождество, судя по этой карте, также называлось Верхней Прудской слободой. Видимо, ряд населенных пунктов из восьми, появившихся в период создания карт, являлся выселками из города Михайлова.

Вообще же, рассматриваемая территория была заселена далеко не густо. Это заметно и по материалам Писцовых книг, и по картам Генерального межевания. Скорее всего, это связано с отсутствием в этой зоне обширных лесов, необходимых жителям как источник стройматериала и топлива. На наиболее подробных планах и картах Генерального межевания населенные пункты расположены если не в лесной зоне, то хотя бы рядом с небольшим островком леса. Объекты правобережья Прони находятся поблизости от зоны лесных почв, определяемой по Почвенной карте. На левобережье расположение лесов на планах Генерального межевания не во всем совпадает с данными Почвенной карты, почти везде помещающей в этом месте степные черноземные почвы. При наложении данных этих карт на современную карту рек, можно получить схему расположения лесов в XVIII в. Поскольку принцип размещения поселений поблизости от леса существовал и в более раннюю эпоху, его можно использовать при проведении археологических разведок для повышения эффективности.

Литература

- Витов М.В., 1968. География боярщин на новгородском севере в XV в. // Славяне и Русь. М.
- Водарский Я.Е., 1968. Опыт составления исторических карт землевладения Серпуховского и Оболенского уездов по переписи 1678 г. // Славяне и Русь. М.
- Горбунов Б.В., Беркасова Л.В., Артамонова Е.Ю., 2002. Административно-территориальные границы рязанских станов на рубеже XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по Рязанскому краеведению. Т. 3. Рязань.
- Добролюбов И.В., 1996. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных со списками их настоятелей за XVII–XVIII и XIX столетия с библиографическими указателями. Рязань.
- Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.
- ПКРК. Т. 1. Вып. 1. М., 1996.
- ПКРК. Т. 1. Вып. 2. М., 1997.
- ПКРК. Т. 1. Вып. 3. М., 1998.
- Списки населенных мест Российской империи. Рязанская губерния. Вып. 35. СПб., 1862.

Карты

- Военно-топографическая карта. Владимирская и Рязанская губернии. Ряд 2. Л. 16; 58. СПб., 1918.
- Карта Рязанской губернии из девяти уездов. Составитель А. Вильбрехт // Российский атлас, из сорока трех карт состоящий, и на сорок одну губернию Империи разделяющий. СПб., 1800.
- Административная карта Рязанской губернии. Издание Ильина. СПб., 186...
- Административная карта Рязанской губернии. Издание Ильина. СПб., 187...
- Атлас Рязанской области. Для рыбаков, охотников, туристов и автомобилистов. 2002.
- Почвенная карта Рязанской области. М., 1996.
- Карты из фондов РГАДА:
- Генеральный уездный план. 1790 год // Ф. 1356. Оп. 1. № 4830.
- Генеральный уездный план. 178...год // Ф. 1356. Оп. 1. № 4831.
- Уездный план (черновой) // Ф. 1356. Оп. 1. № 4832.
- Уездный план // Ф. 1356. Оп. 1. № 4833.
- Уездный план // Ф. 1356. Оп. 1. № 4834.
- Топографическая карта Михайловского уезда // Ф. 1356. Оп. 1. № 4835.

³ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 4833.

Топографическая карта Михайловского уезда // Ф. 1356. Оп. 1. № 4836.
 Геометрическая уездная карта (неоконченная) // Ф. 1356. Оп. 1. № 4837.
 Топографическая уездная карта, составленная по разделению уездов вновь // Ф. 1356. Оп. 1 № 4838.
 Генеральный уездный план (атлас) в 3 частях // Ф. 1356. Оп. 1. №№ 4839, 4840, 4841.
 Генеральный уездный план (атлас) в 3 частях // Ф. 1356.

Оп. 1. №№ 4842, 4843, 4844.
 Генеральный уездный план (атлас) в 3 частях с измененными границами // Ф. 1356. Оп. 1. №№ 4845, 4846, 4847.
 Генеральный уездный план (атлас) в 3 частях с измененными границами // Ф. 1356. Оп. 1. №№ 4848, 4849, 4850.
 План города Михайлова с поселенными при нем слободами // Ф. 1356. Оп. 1. №№ 4991, 4992.

Приложение

Списки нелокализованных населенных пунктов⁴

Моржевский стан (1594–1598 гг.)

«Пустошь что была деревня Судоровская, д. Санина, д. Зиновьевская, пустошь что была деревня Лочалы, сц. Веденевка, пустошь что была деревня Олексеевская Кобузева, пустошь что была деревня Левинское Фомина, с. Колпаково».

Моржевский стан. Пункты, одновременно упомянутые в 1594–1598 гг. и 1623–1629 гг.

«Д. Овсянкина, д. Панкина, селище Малыховское, пустошь что была деревня Михайловская (Михеевская) Савина, пустошь Мжуровская, пустошь что была деревня Даниловская, д. Лопатино, пустошь что была деревня Митинская Кувалдина». (Часть из них, скорее всего, находилась вне микрорегиона. Так д. Санина больше нигде не упоминается, тогда как на р. Кудосне известно поселение Савино. Пустошь Мжуровская скорее всего соответствует обозначенному на картах с. Жмурово, но тексты Писцовых книг везде упоминают его именно в таком прочтении. Очевидно ряд объектов не локализуется в результате их неверного написания, но оснований для помещения их вне микрорегиона недостаточно.)

Моржевский стан (1623–1629 гг.)

«Пустошь, что был починок Никитюхин, пуст., что был починок Елманов, пуст. Сондрыкино на Сондрычевке, селище Долгий корь у Суцкого ржавца, пуст. Ступище, пуст., что была деревня Верхний Крутец, пуст., что была деревня Слободка, пуст., что была деревня Ивешенка, пуст., что была деревня Петров крест, пуст. Кукишково (Карандеево), п. Одерихино на Молзине ржавце, пуст., что было с. Столбище, пуст. Руднева на Свирке, ж. (? – П.Р.) Ждановская, д. Словядина, пуст., что была деревня Ивановская (Пронино селище), пуст., что была деревня Яковлевская Радина, пуст., что было с. Пешково (Огофоновское), селище Корег, пуст., что была д. Селище Офонасовское, пуст. Сухановская, слобода Егорьевская, д. Якшина». (В этот период упоминается также Выславское городище в ок-

рестностях села Мишино – современное городище Ижеславль.)

Владения Богословского монастыря в XVI в.

«П. Старая Воронка на р. Репе, п. Напрасная Ратенка на р. Ратенке, п. Климовская, п. Инчикова на р. Шиворонке, д. Токмино, д. Нелидова Бехтона (Бехтова?), Сугузова-Ховратова, д. Крутая на Ржавце, д. Ладенка на р. Ладенке, поч. Негобужь, д. Красная на р. Тургеневке, п. Старгород, п. Просенка». (Из этого числа можно убрать д. Ладенку на одноименной реке, так как эта река упоминается как в Моржевском так и в Окологородном стане, и по этому признаку с ней соотнесена современная р. Луденка, приток р. Пальной. Других рек с похожим названием на территории сразу обоих станов нет. Можно предположить, что вне микрорегиона находились также и Сугузова-Ховратова, Нелидова Бехтона и Старая Воронка, так как к северо-востоку от него, примерно в зоне монастырских владений, есть топонимы с очень близкими или идентичными по звучанию названию. Это, соответственно, овр. Сугузовский – в бассейне р. Вязовки, овр. Неклюдов в гидросистеме р. Маншевки, погост Воронской на той же речке и, наконец, овраг Воронинской и речка Воронка (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. №№ 4898, 4890, 4847).

Владения Богословского монастыря в 1623 г.

П. Старая Воронка на р. Репе, п. Напрасная Ратенка на р. Ратенке, п. Климовская, п. Инчикова на р. Шиворонке, Сугубая, д. Крутая на Ржавце, поч. Негобужь, д. Красная на р. Тургеневке, п. Старгород, п. Просенка.

Владения Рязанского и Муромского владыки

Все объекты локализируются далеко от микрорегиона, кроме села под Скиркиным крем на Скирке и д. Байбекина, чье местонахождение не известно. Последнее очень напоминает с. Байдики в бассейне Истья. Кроме с. Байдики, другого поселения с похожим названием на территории Моржевского стана нет.

⁴ Сокращения: п., пуст. – пустошь, д. – деревня, с. – село, сц. – сельцо, р. – река, поч. – починок, овр. – овраг

Сеть дорог в восточной части Моржевского стана (опыт реконструкции)

Восточная часть Моржевского стана Рязанского уезда, существовавшего в XVI–XVIII вв. охвачена археологическими разведками и изучается уже на протяжении ряда лет. В процессе проведения исследований появилась необходимость выявления дорог, связывавших поселения этого региона в разные эпохи. Поскольку археологически следы дорог выявляются с большими трудностями, основное внимание было уделено архивным источникам, прежде всего – картографическим.

В последние годы опубликовано несколько работ, посвященных реконструкции дорожной сети близлежащих регионов (Мазуров, 2001. С. 423; Заидов, Шебанин, 2001. С. 155), но в них речь идет о расположении наиболее крупных дорог на обширных территориях. Рассмотрение менее значительных дорог так называемого местного значения не входило в задачу этих исследований.

Территория исследуемого в этой статье микрорегиона расположена в северо-восточной части Михайловского и в южной части Захаровского районов Рязанской области (рис. 1; 2). Ранее она целиком входила в состав Михайловского уезда. Как показали исследования Писцовых книг Рязанского края, территория этого уезда близка пределам Моржевского стана Рязанского уезда, существовавшего в XVI–XVIII вв.¹ По археологическим данным, исследуемый регион – место концентрации в бассейне р. Прони сравнительно крупных городищ XII–XIII вв. с прилегающими селищами-посадами (Лубянское, Ижеславльское и Жокинское). Размеры Лубянского городища (свыше 12 га) позволяют предполагать, что в конце XII – начале XIII в. оно могло выполнять административные функции в регионе. Ряд современных исследователей, занимавшихся локализацией рязанских станов, предполагает, что их территории восходят к более ранним уделам Рязанской земли (Горбунов и др., 2002). Следовательно, Лубянское городище могло быть центром территориальной единицы, которая в более позднее время известна как Моржевский стан.

Наиболее информативный источник, содержащий самые ранние сведения о сети дорог

в Михайловском уезде – карты и планы Генерального межевания. Отдельные дороги упоминаются изредка в Писцовых книгах, но эти скудные данные не позволяют сами по себе реконструировать сеть дорог того времени. К сожалению, карты Генерального межевания как источник имеют ряд серьезных недостатков – прежде всего схематичность, следовательно, неточность в расположении трасс. Наиболее важные дороги, связывавшие различные города в губернии, показаны более точно, но пути «местного значения» наносились на них с явно меньшим вниманием. В ряде случаев заметны кем-то зачеркнутые дороги, нанесенные, видимо, ошибочно. Почти везде заметна тенденция к искусственному спрямлению дорог. Еще одним недостатком является недатированность почти всех экземпляров карт и планов, что мешает выявить последовательность в их создании, а значит и объяснить различия в расположении дорог на картах. Между тем, сеть дорог, безусловно, развивалась и созданные в разное время планы могут отражать эти изменения. В числе прочих недостатков этого источника надо отметить изношенность многих карт и планов. В некоторых случаях это делает прочтение информации очень затруднительным и увеличивает вероятность ошибки исследователя.

Всего в архиве РГАДА, в фонде 1356 (Межевые архивы), и в РГВИА, в фонде ВУА, содержится около 20 различных карт и планов. Некоторые карты представляют собой атласы, в которых Михайловский уезд поделен на три части (каждая хранится под отдельным номером). Есть также разные экземпляры одной и той же карты, каждая под отдельным номером. Кроме этого автору известны и другие материалы, но они датируются более поздним временем.

Для реконструкции необходимо использовать наиболее ранний материал. Хотя большинство планов и карт не датировано и не известна последовательность их создания, необходимо выделение тех их элементов, которые позволили бы создать такую хронологию. При этом большое значение приобретают данные, приведенные в 1885 г. И.В. Добролюбовым (1996).

¹ Подробнее об этом см. в статье П.Е. Русакова «Населенные пункты на участке бассейна р. Прони» в настоящем сборнике.

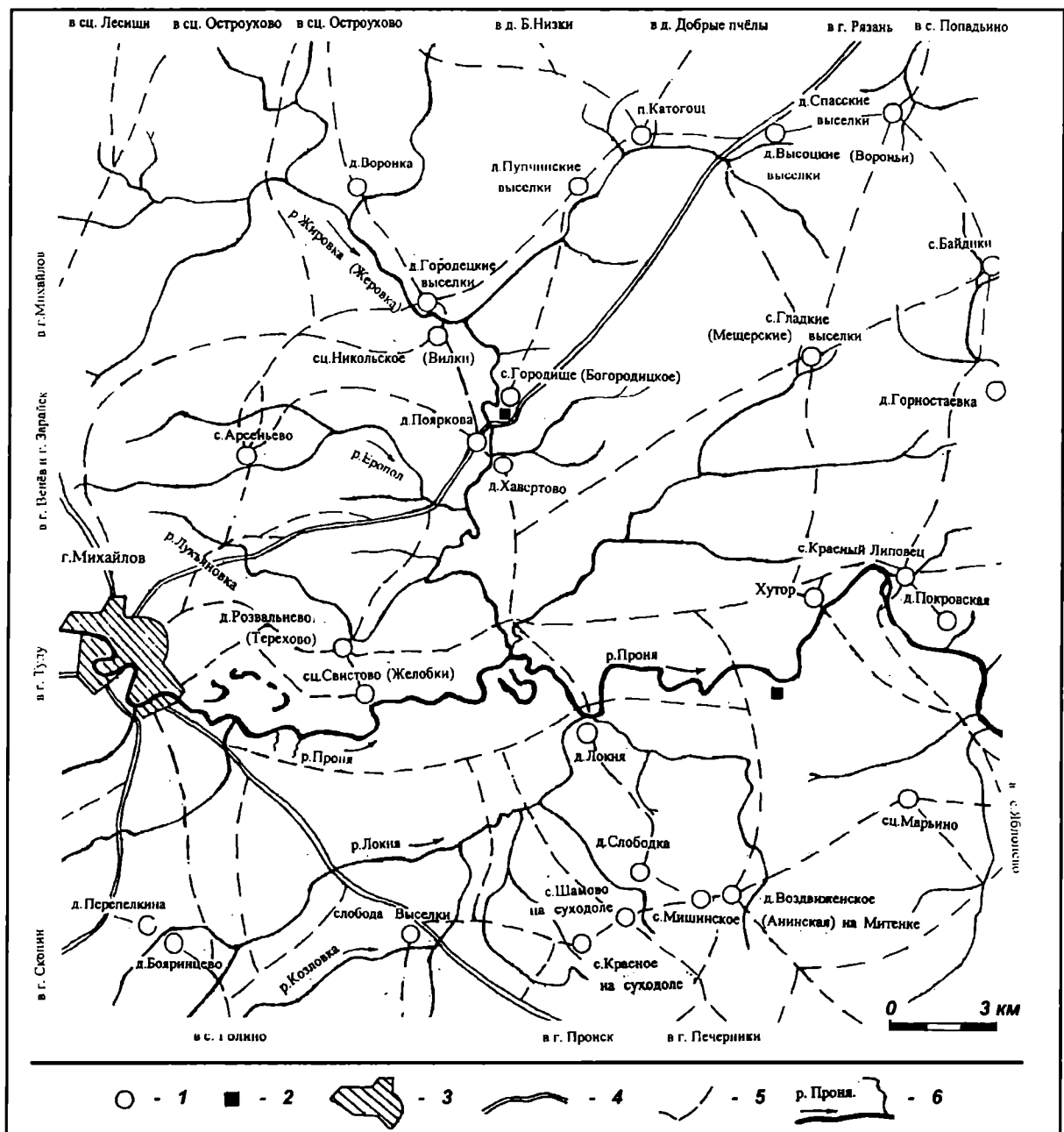

Рис. 1. Схема расположения дорог и объектов, обозначенных на картах Генерального межевания
 1 – населенный пункт; 2 – городище; 3 – территория городской застройки; 4 – основные дороги; 5 – второстепенные дороги; 6 – реки (п. – пустошь, д. – деревня, с. – село, сц. – сельцо)

Всего удалось выделить 5 хронологически значимых признаков (см. табл. 1 и 2):

1) *Обозначение дороги в Переяславль (Рязань)*. С образованием 28 февраля 1778 г. Рязанского наместничества г. Переяславль был переименован в Рязань. Соответственно все дороги в Переяславль с этого момента стали именоваться дорогами в Рязань.

2) *Отношение к новым территориям*. Границы уездов не были неизменны. Так, к Михайловскому уезду в конце XVIII в. были присоединены участки территорий, входивших ранее в соседние уезды. Это нашло свое отражение

на некоторых картах: уже после начертания территорий уезда к ним были пририсованы «новые приобретения». То, что эти «прирезки» были сделаны одновременно, подтверждают некоторые фразы в названиях карт и то, что карты либо содержат все новоприобретенные территории, либо не содержат их вовсе.

3) *Наличие на планах д. Лукьяновка, д. Лубянка, с. Новопанское и с. Новорождествово*. Опыт работы с материалом из РГАДА показывает, что эти населенные пункты либо присутствуют все вместе, либо вовсе не обозначены на картах. Вторые названия этих сел и д. Лубянки,

Таблица 1. Карты Межевых архивов РГАДА*

№ карты	Адреса карт			Признак 1 Название дороги в Переяславль	Признак 2 Отношение к новым территориям	Признак 3 Наличие д. Лукьяновка, с. Новорождество, с. Новопанское, д. Лубянка на картах
	№ дела в архиве	Название карты	Масштаб (в.)			
1	4830	Генеральный уездный план. 1790 г.	1	в Рязань	до присоединения	отсутствует
2	4831	Генеральный уездный план. 178...г.	1	в Рязань	до присоединения	отсутствует
3	4832	Уездный план (черновой)	1	в Рязань	после присоединения	присутствует
4	4833	Уездный план (черновой)	1	в Рязань	до присоединения	присутствует
5	4834	Уездный план (черновой)	2	в Рязань	до присоединения	присутствует
6	4835	Топографическая карта Михайловского уезда	4	в Рязань	после присоединения	присутствует
7	4836	Топографическая карта Михайловского уезда	4	в Рязань	после присоединения	присутствует
8	4837	Геометрическая уездная карта (неоконченная)	4	–	после присоединения	присутствует
9	4838	Топографическая уездная карта, составленная «по разделению уездов вновь»	8	в Рязань	после присоединения	присутствует
10	4839	Генеральный уездный план (атлас) в трех частях. Часть первая	2	в Рязань	до присоединения	отсутствует
10	4840	(То же) Часть вторая	2	в Рязань	до присоединения	–
10	4841	(То же) Часть третья	2	–	до присоединения	–
11	4842	(То же) Второй экземпляр. Часть первая	2	в Рязань	до присоединения	отсутствует
11	4843	(То же) Часть вторая	2	–	до присоединения	–
11	4844	(То же) Часть третья	2	в Рязань	до присоединения	–
12	4845	Генеральный уездный план (атлас) в трех частях. Часть первая	2	в Рязань	после присоединения	присутствует
12	4846	(То же) Часть вторая	2	–	после присоединения	–
12	4847	(То же) Часть третья	2	–	после присоединения	–
13	4848	(То же) Второй экземпляр. Часть первая	2	в Рязань	после присоединения	присутствуют
13	4849	(То же) Часть вторая	2	–	–	–
13	4850	(То же) Часть третья	2	в Рязань	после присоединения	–

* Обозначения: у. – уезд, д. – деревня, с. – село, г. – городище, Выс. – Выселки, в. – версты

Признак 4	Признак 5	Соответствие единой схеме дорог	Дополнительные сведения	Хронологические группы
Храм в Хавертово	Разделение на части			
нет	–	соответствует	К югу от Прони между Михайловым и д. Локней дорога проходит аналогично № 5 и № 11, а не как на большинстве карт	2
нет	–	соответствует	Нет дороги Городецкие Выс. – Катогищ	2
нет	–	соответствует	Есть дорога Гладкие Выс. – Горностаево, нет – Воронка – Городецкие Выс., Розвальнево – Поярково	4
не ясно	–	соответствует	Очень сильно изношена. Присоединенные территории нанесены позже	3
нет	В	соответствует	Дорога Михайлов – Локня восходит к № 1 и № 11. Есть дорога Анино – гор. Ижеславль. Новые территории и поселения (признак 3) дорисованы. Нет дорог от Спасских Выс. на Байдики и на Высотские Выс.	2(3)
нет	В	–		4
нет	В	–		4
нет	–	–	д. Слободка нигде не обозначена	4
нет	–	–		4
–	Б	соответствует	Очень изношена, но читаема	2
нет	Б	не читаема	Очень изношена. Нет дороги Катогищ – Городище и есть отдельная дорога из Глатких Выс. в Хавертово	2
–	Б	соответствует	Очень изношена. Есть дорога Гладкие Выс. – Хавертово	2
–	А	соответствует	В хорошем состоянии. Дорога Михайлов – д. Локня аналогична № 1 и № 5	2
–	А	соответствует		2
нет	А	соответствует		2
нет	В	соответствует	Есть дорога Воронка – Новопанское, и Гладкие Выс. – с. Городище. Некоторых дорог нет	4
–	В	соответствует	Отсутствует небольшой участок дороги от д. Локня в сторону г. Ижеславль	4
–	В	соответствует	Из-за разделения карты на части отсутствует участок территории с г. Ижеславль	4
нет	В	соответствует	Нет дорог Гладкие Выс. – Лубянк. г. и Розвальнево – Поярково. Есть Гладкие Выс. – с. Городище	4
–	В	соответствует	Изношена. Отсутствует дорога от д. Локня в сторону г. Ижеславль	4
–	В	–	Из-за разделения карты на части отсутствует участок территории с г. Ижеславль	4

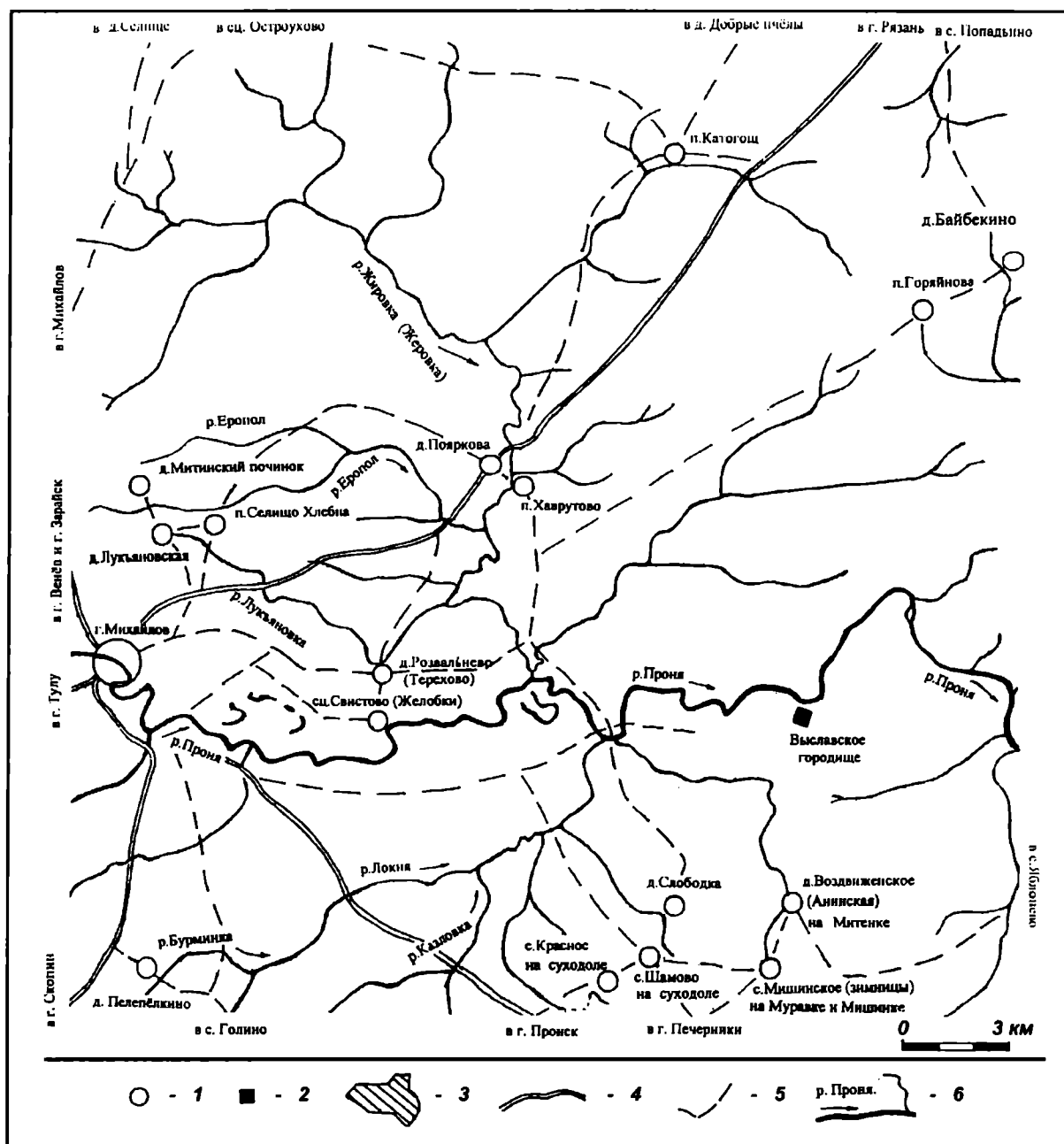

Рис. 2. Расположение дорог и объектов, упоминаемых Писцовыми книгами

1 – населенный пункт; 2 – городище; 3 – территория городской застройки; 4 – основные дороги; 5 – второстепенные дороги; 6 – реки (п. – пустошь, д. – деревня, с. – село, сц. – сельцо). На карте не обозначены п. Рудяева на р. Козлинке и с. Половково на р. Жраке, точное местонахождение которых неизвестно

прослеживаемые по источникам, недвусмысленно указывают на то, что их происхождение связано с переселением людей из слобод, окружающих Михайлов. Близость к Михайлову д. Лукьяновки заставляет предположить то же самое. Вероятно, это выселение произошло в сравнительно небольшой промежуток времени, так что его этапы не успели отразиться в картографии.

4) *Наличие храма в с. Хавертово.* По той же причине является датирующим признаком.

5) *Разделение атласов на части.* Большинство атласов Михайловского уезда разделено на 3 части по одной из трех схем (при этом первая часть всегда размещалась в центре уезда). Основная разница между вариантами деления заключается в том, что в варианте «А» – первая часть не содержит информации об окрестностях д. Хавертово, но ее содержит часть третья, расположенная к северу от первой. В варианте «Б» эту информацию содержит часть вторая (тоже к северу от первой), а в варианте «В» д. Хавертово поме-

шена в первой части. Тот или иной вариант разделения атласов пока нельзя связать с какой-либо датой, но эта информация позволяет выявить связи между отдельными планами и картами.

Все полученные при обработке материалы собраны в таблицы 1 и 2. В последнем столбце таблиц указан номер хронологической группы, к которой была отнесена та или иная карта. Всего таких групп выделено 6.

В *первую группу* вошла только одна карта (№ 15), которая и по названию и по масштабу отличается от остальных. Поскольку в качестве центра наместничества в ней фигурирует Переяславль, она может датироваться временем не позднее 1778 г. Вероятно, карта создавалась непосредственно в момент образования наместничества.

Во *вторую группу* вошли 6 карт и планов, отличительным признаком которых было отсутствие в составе Михайловского уезда территорий соседних уездов, присоединенных позднее. Отсутствуют на них и некоторые населенные пункты (см. признак № 3). При этом центр наместничества (губернии) уже обозначен на этих картах под наименованием «Рязань». На двух картах из этой группы подписаны даты – 178... г. и 1790 г. Еще одна карта уже после ее создания была дополнена информацией о новых населенных пунктах и новых территориях.

В *третью группу* вошла 1 карта, отличающаяся от предыдущих наличием населенных пунктов из признака № 3. На ней были дорисованы присоединенные впоследствии территории других уездов. Не исключено, что и вновь появившиеся населенные пункты были нанесены уже после создания карты. И.В. Добролюбов датирует перенесение прихода Богородицерожественской церкви Щегинской слободы в село Новопанское 1795 г. (Добролюбов, 1996). Кроме того, к 1789 г. он относит появление деревень Верхи, Студенец и Лубянки (видимо, второй). Эти объекты, в свою очередь, на многих картах присутствуют лишь вместе с вышеперечисленными выселками из Михайлова. Это косвенно подтверждает хронологическую близость их появления. Таким образом, карты, изначально содержащие все эти пункты, появились после 1795 г.

В *четвертой группе* 6 карт, которые были созданы уже после присоединения новых территорий. Одна из них названа составленной «по разделению уездов вновь». Прочие признаки соответствуют предыдущей группе. Как и карта третьей группы, они датируются временем после 1795 года.

Пятая группа представлена 2 картами, на которых Хавертово присутствует уже в качестве села. По данным И.В. Добролюбова церковь в Хавертово основана не позднее 1794 г. (сгорела в 1837 г., а в 1859 г., по данным карты № 19, уже существовала вновь). Если верить этой дате,

то все карты этой группы и последующей сделаны после 1794 г., что сближает их с картами из предыдущих двух групп.

Наконец, к последней, *шестой группе*, относится только карта № 19. Как следует из ее заглавия, она составлена в 1859 г. и издана в 1860 г. и сильно отличается от всех предыдущих масштабом, иным вариантом разделения атласа на части, отсутствием с. Городище на р. Жраке, большим количеством населенных пунктов и, соответственно, более разветвленной сетью дорог. Характерно, что присоединенные в прошлом к Михайловскому уезду территории Пронского уезда на карте № 19 снова отошли к последнему.

Полученная хронология карт имеет ряд недостатков, в том числе ненадежность такого хронологического рубежа, как дата построения или упразднения прихода церкви. Карты, на которых храм не обозначен, не обязательно отражают ситуацию до основания прихода или после его упразднения. Они могут отражать момент между очередным пожаром, дотла уничтожившим храм и моментом его восстановления. Наконец, даты, сообщаемые И.В. Добролюбовым, зачастую трудно проверить по другим источникам.

Обращает на себя внимание тяготение наиболее ранних карт к одноверстным и двухверстным масштабам. Карты четвертой и пятой групп, напротив, почти все изготовлены в четырехверстном или еще более мелком масштабе. Для наиболее ранних атласов и некоторых «цельных» карт характерно обозначение разделения на части по вариантам «А» и «Б». Вариант «В» характерен для карт более поздних хронологических групп (третьей и четвертой).

Таким образом, большинство карт предположительно датируется периодом с 1790-х по 1859 г. Для выявления сети дорог наиболее пригодны карты из групп 1 и 2 (1778 – около 1795 г.), отражающие наиболее старую информацию. Но, в силу своего мелкого масштаба, единственная карта первой группы не подходит для решения этой задачи. Во второй группе почти все карты (кроме № 14) содержат необходимые сведения. Эти карты изображают сеть дорог почти одинаково, имея лишь минимальные расхождения. По их материалам, на современную карту были нанесены населенные пункты и дороги, существовавшие в последней четверти XVIII в. (рис. 1). Места, где дороги на этой схеме пересекают р. Проню, совпадают с существующими ныне бродами, что подтверждает относительную точность картографических данных.

Схема дорог последней четверти XVIII в. обладает четко выраженным центром в городе Михайлове. От этого центра в разных направлениях отходят основные дороги, связывающие этот город с другими центрами губернии (Пронском, Рязанью, Зарайском). Подобная «центростремительность» характерна не только для

Таблица 2. Карты из фондов РГВИА *

№ карты	№ дела в архиве	Адреса карт		Признак 1	Признак 2	Признак 3
		Название карты	Масштаб (в.)	Название дороги в Переяславль	Отношение к новым территориям	Наличие д. Лукьяновка, с. Новорождество, с. Новопанское, д. Лубянка на картах
14	20935	Карта Рязанского наместничества, разделенная по высочайшему учреждению о губерниях на 12 округов	7 в.	в Рязань	до присоединения	даны не все нас. пункты
15	20936	Примерная карта наместничества, составленного из частей Переяславль-Рязанской, Московской, Володимирской, Шацкой, Тамбовской и Елецкой провинций, с разделением онаго на уезды в сходственность 14 статье новых учреждений	9 см – 25 в.	в Переяславль	до присоединения?	даны только пограничные нас. пункты
16	20937	Межевой атлас Рязанской губернии	2 в.	в Рязань	после присоединения	присутствуют
17	21415	Карта Рязанской губернии, с показанием всей ситуации	4 в.	в Рязань	после присоединения	присутствуют
	21415	Карта Рязанской губернии по новому поделению уездов с показанием всей ситуации	4 в.	в Рязань	после присоединения	присутствуют
18	21417	Карта Рязанской губернии	5 в.	в Рязань	до присоединения	присутствуют
19	21418	Топографический межевой атлас Рязанской губернии. Составлен под руководством г-м Менде. 1860 год	3 в.	в Рязань	снова в Пронском у.	присутствуют

* Обозначения: у. – уезд, д. – деревня, с. – село, г. – городище, Выс. – Выселки, в. – версты

основных дорог, но и для некоторых второстепенных. Так от Михайлова в разных направлениях идут сравнительно прямолинейные дороги, связывающие его с сельскими поселениями своего и соседних уездов. Выделяются также отрезки дорог, связывающие близлежащие населенные пункты.

Существование некоторых элементов дорожной сети трудно объяснить. Например, дорога, идущая параллельно Проне, по ее правому берегу, начинается у Михайлова и обрывается недалеко от Ижеславльского городища. Она не связывает Михайлов ни с одним из населенных пунктов и даже встречающуюся на ее пути д. Локню обходит стороной, дважды пересекая в этом месте Проню. Все ответвления этой трассы и пересекающие ее дороги перпендикулярны ей, поэтому

их нельзя воспринимать как продолжение этого направления. Возможно трасса, связывающая Михайлов с Ижеславльским городищем, восходит к более ранней дороге, возникшей еще во время существования поселения на городище Ижеславль.

Неясен и конечный пункт дороги, проходящей через села Байдики и Гладкие Выселки. Направление с северо-востока на юго-запад читается четко, но в конце она просто примыкает к дороге, ведущей на территорию Лубянского городища. Также не ясен смысл дороги, исходившей из Михайлова к северу, а затем круто сворачивавшей на восток, в селцо Никольское. Подобные «странные» элементы дорожной сети могут объясняться не только их архаичностью (в отличие от трасс лесной зоны, прокладка

Признак 4	Признак 5	Соответствие единой схеме дорог	Дополнительные сведения	Хронологические группы
Храм в Хавертово	Разделение на части			
Хавертово не обозначено	–	–	Не очень точная карта. Поярково обозначено как село. Границы спрямленные. Возможно, одна из наиболее ранних карт	2
–	–	–	Территории, переходившие из Пронского уезда в Михайловский, выделены особо, но отнесены к Михайловскому уезду. Видимо, карта создавала разделение уездов или уточняла границы между ними	1
нет	В	соответствует	Нет некоторых отрезков дорог, но есть дороги Гладкие Выс. – Горностаевка, Красный Липовец – Покровская – Воскре-сенки. Возможно – копия карты № 12	4
есть	–	–	Село Городище обозначено не условным знаком села, а просто крестом.	5
есть	–	–	Полностью дублирует предыдущую карту и, видимо, потому хранится с ней под одним номером	
есть?	–	–	С. Городище есть. Масштаб предусматривает только условные обозн. сел и деревень	5
есть	иной вариант	Нет. Много новых дорог	Дор. Михайлов – Локня ближе к картам № 1, 5, 11. Есть ряд топографических и топонимических отличий. Уже отсутствует село Городище. Хорошее качество	6

которых была всегда связана с преодолением многих препятствий). Как видно из карт Генерального межевания и Почвенной карты Рязанской области, исследуемая нами территория представляет собой район лесостепи с преобладанием черноземных почв, где дороги могли легко менять свою трассу. Видимо, сеть дорог последней четверти XVIII в. отражает прежде всего потребности в передвижении населения того времени.

Вместе с тем, основа той сети дорог, которая существовала в последней четверти XVIII в., могла начать формироваться еще в XVI столетии. Под 1551 г. Разрядные книги сообщают: «Того же лета с апреля велел царь и великий князь на Проне реке, на Михайлове городище город поставить» (Разрядная книга..., 1966. С. 131–

132). Ранее Михайлов упоминался только в конце XIV в. в «Списке Русских городов, дальних и ближних». Формулировка «на городище» указывает, что до 1551 г. город, видимо, пребывал в запустении. Это косвенно подтверждается и тем, что до 1551 г. он в Разрядной книге не фигурирует вовсе, а после этой даты постоянно упоминается (в 1552, 1553, 1555, 1556, 1557, 1558 гг. и т. д.). Неизвестно, какую роль играл Михайлов в предшествующие эпохи, но после 1551 г. активное использование города в системе украинских городов «от поля» должно было создать предпосылки для роста города и превращения его в административный, хозяйственный, торговый центр региона. Использование Михайлова в системе пограничных городов, подразумевает

хорошо налаженную связь с другими подобными центрами – Переяславлем, Пронском, Зарайском, Тулой и др. Скорее всего, уже во второй половине XVI в. дороги, связывавшие Михайлов с этими городами, не только существовали, но и играли важнейшую роль в системе дорожной сети региона. Тогда же должна была сформироваться основная черта местной дорожной сети, сохранившаяся в более позднее время: ориентированность на единый центр – город Михайлов.

Изучение данных Писцовых книг и карт Генерального межевания позволило локализовать многие населенные пункты, располагавшиеся в этом микрорегионе в период с 1574 по 1629 г.² Сравнение данных Писцовых книг этого периода с картами Генерального межевания позволяет сделать следующие выводы:

1) единственным, крупным центром (городом) в регионе был Михайлов, а соседние центры в XVIII в. оставались теми же, что и во второй половине XVI в.;

2) почти все сельские населенные пункты XVI века продолжают существовать в XVIII в.;

3) северная и северо-восточная части исследуемого микрорегиона были менее заселены, чем его южная часть;

4) территории по берегам р. Прони оставались слабозаселенными;

5) расселенческая структура XVIII в. восходит к более раннему времени (XVI–XVII вв.).

В XVI–XVIII вв. на территории исследуемого микрорегиона источники не фиксируют радикальные изменения ландшафта или другие события, которые могли бы привести к кардинальной смене структуры расселения. Поэтому, если какие-либо населенные пункты существовали здесь в XVI в., то и дороги, связывавшие их в 80-е гг. XVIII столетия, вероятно, восходят к более ранним трассам.

На основании этого предположения карта расположения населенных пунктов в 1575–1629 гг. с учетом данных карт Генерального межевания была дополнена сведениями о возможном расположении дорог. На полученной карте были отражены основные дороги, связывавшие Михайлов с соседними городами, трассы местного значения, которые связывали близлежащие населенные пункты и, вероятно, еще более старая дорога из Михайлова в сторону Ижеславльского горбидища. Единственное отступление от данных более поздних источников –

реконструированные дороги между деревнями Митинский Починок, Лукьяновская и Хлебна, которые не отражены на картах Генерального межевания, но небольшое расстояние, разделяющее эти пункты, делает естественным наличие сообщения между ними.

На получившейся схеме отображены не все населенные пункты того времени. В Писцовых книгах упоминается ряд объектов Моржевского стана и Богословского монастыря, которые пока не удается локализовать, и возможно, некоторые из них располагались в зоне исследования. Соответственно, дорожная сеть, реконструируемая по исторической карте 1575–1629 гг., не полностью отражает ситуацию того времени. Но процент нелокализованных населенных пунктов невелик, и с появлением на исторической карте новых объектов схема расположения дорог вряд ли сильно изменится.

Для реконструкции еще более древней дорожной сети данных явно недостаточно. Совершенно не ясна структура расселения в регионе в XV в. Более ранние археологические памятники, известные на сегодняшний день, в большинстве своем расположены в центральной части зоны исследования, поскольку эта территория лучше изучена. Однако на многих участках археологические разведки вообще не проводились. В более ранний период структура дорожной сети могла иметь иное строение. Скорее всего, в XII–XIII вв. доминирующую роль в регионе играло поселение с центром на Лубянском городище (расположено в месте впадения р. Жраки в Проню). Его площадь и масштабность оборонительных сооружений (мощный вал, эскарп протяженностью более километра) заставляют предполагать, что именно здесь в то время располагался центр региона.

Можно лишь высказать предположение, что какие-то элементы более ранних трасс могли сохраниться на картах Генерального межевания. Если исходить из тезиса о наибольшей древности дорог, проходящих по берегам крупных рек, то такие трассы на картах Генерального межевания могут оказаться древнейшими в регионе. Таких дорог в регионе две: проходящая по левому берегу р. Прони через Лубянское городище (характерно, что оно и в XVIII в. было местом пересечения нескольких дорог) и дорога, шедшая по правому берегу той же Прони (скорее всего, она была связана с городищем Ижеславль).

² См. статью П.Е. Русакова «Населенные пункты на участке бассейна Прони» в настоящем сборнике.

Литература

- Горбунов Б.В., Беркасова Л.В., Артамонова Е.Ю., 2002. Административно-территориальные границы рязанских станов на рубеже XVI–XVII вв. // *Материалы и исследования по Рязанскому краеведению*. Т. 3. Рязань.
- Добролюбов И.В., 1996. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных со списками их настоятелей за XVII–XVIII и XIX столетия и библиографическими указателями. Рязань.
- Зайдов О.Н., Шебанин Г.А., 2001. К вопросу о пути следования войск Дмитрия Донского на Куликово поле // *Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси*. Тула.
- Мазуров А.Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. М.
- Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Вып. 1–3. М., 1996–1998.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
- Списки населенных мест Российской империи. Рязанская губерния. Вып. 35. СПб., 1862.

Карты

- Административная карта Рязанской губернии. Издание Ильина. СПб., 186...
- Административная карта Рязанской губернии. Издание Ильина. СПб., 187...
- Атлас Рязанской области. Для рыбаков, охотников, туристов и автомобилистов. 2002.
- Военно-топографическая карта. Владимирская и Рязанская губернии. Ряд 2. Л. 16; 58. СПб., 1918.
- Карта Рязанской губернии из девяти уездов. Составитель Вильбрехт А. // *Российский атлас, из сорока трех карт состоящий, и на сорок одну губернию Империи разделяющий*. СПб., 1800.
- Карты из фондов РГАДА:*
- Генеральный уездный план. 1790 // Ф. 1356. Оп. 1. № 4830.
- Генеральный уездный план. 178... // Ф. 1356. Оп. 1. № 4831.
- Генеральный уездный план (атлас) в 3 частях // Ф. 1356. Оп. 1. №№ 4839, 4840, 4841.
- Генеральный уездный план (атлас) в 3 частях // Ф. 1356. Оп. 1. №№ 4842, 4843, 4844.
- Генеральный уездный план (атлас) в 3 частях с измененными границами // Ф. 1356. Оп. 1. №№ 4845, 4846, 4847.
- Генеральный уездный план (атлас) в 3 частях с измененными границами // Ф. 1356. Оп. 1. №№ 4848, 4849, 4850.
- Геометрическая уездная карта (неоконченная) // Ф. 1356. Оп. 1. № 4837.
- План города Михайлова с поселенными при нем слободами // Ф. 1356. Оп. 1. №№ 4991, 4992.
- Почвенная карта Рязанской области. 1996.
- Топографическая карта Михайловского уезда // Ф. 1356. Оп. 1. № 4835.
- Топографическая карта Михайловского уезда // Ф. 1356. Оп. 1. № 4836.
- Топографическая уездная карта, составленная по разделению уездов вновь // Ф. 1356. Оп. 1. № 4838.
- Уездный план (черновой) // Ф. 1356. Оп. 1. № 4832.
- Уездный план // Ф. 1356. Оп. 1. № 4833.
- Уездный план // Ф. 1356. Оп. 1. № 4834.
- Карты из фонда ВУА. РГВИА:*
- Карта Рязанской губернии. Соч. Агриландер. Рукописная // № 21417.
- Карта Рязанской губернии с показанием всей ситуации (рукописная) // № 21415.
- Топографический межевой атлас Рязанской губернии. Составлен под руководством г-м Менде. 1860 год // № 21418.

ГИС-технологии в охранной археологии Подмоскovie (из опыта работы Подмоскovie экспедиции ИА РАН)

Одним из основных приоритетов современной охранной археологии является управление археологическими ресурсами, которое должно происходить как в границах конкретных памятников, так и в контексте природного или исторического ландшафта. В связи с этим меняются требования к обследованию территории: нужно не просто владеть данными об археологических памятниках, попадающих в зону строительства, но и необходим комплекс исторической, географической и археологической информации о конкретной территории. Таким образом, в сферу интересов охранной археологии попадают такие области науки как пространственная археология, системы расселения и землепользования, география и палеогеография, экология и палеоэкология, и др. (Чернышев, 2000. С. 32), что приводит к увеличению естественнонаучной и картографической составляющих охранных археологических мероприятий. Возникает острая необходимость в создании специализированных карт, отображающих особенности локализации памятников, воздействующего на них факторы, а также результаты их системного и всестороннего оперативного анализа. Решить эту задачу помогает геоинформационная система (ГИС), под которой понимается интеграция фактографических электронных баз данных (текстовых, цифровых и т. д.) и геоизображений. Данные представляются в виде цифровых моделей (Чернышев, 2000. С. 32–33).

Важной особенностью любой современной ГИС является принципиальная открытость для постоянного развития путем добавления новых слоев и подключения новых баз данных, возможность привлечения для анализа археологической информации результатов исследований смежных дисциплин в контексте соответствующих тематических слоев.

Любая ГИС снабжена соответствующим набором инструментов, позволяющих:

- 1) реализовывать запросы: «где это находится» и «что рядом» наряду с «что это»;
- 2) управлять визуализацией информации при ее анализе, то есть декомпозиционировать сложные и перегруженные карты и выделять только те объекты, которые представляют интерес в данный момент;

3) выполнять над картографическими объектами операции пространственного анализа, то есть выделять участки территории, отвечающие заданным признакам.

Кроме того, с помощью специальных приложений можно проводить расчеты границ водоразделов, плотности населения (модуль *Spatial Analyst*), оценивать изменчивость пространственных данных, их зависимость от тех или иных условий, проводить моделирования с помощью интерполяции значений (модуль *Geostatistical Analyst*), использовать для анализа данных и представления результатов трехмерное пространство, то есть, кроме координат x , y использовать координату z (модуль *3D-Analyst*) и многое другое.

В мае 2003 у компании «Дата+» была приобретена векторная карта Московской области масштаба 1:200 000 (рис. 1), что позволило использовать ГИС-технологии при проведении текущих договорных работ.

Все разведывательные работы можно подразделить на два основных типа: на площадных объектах и вдоль трасс. При проведении разведок на площадных объектах (площадках предполагаемого строительства, на примере работ по договору с компанией ООО «Конкор») с помощью GPS-приемника фиксировались географические координаты:

- 1) границ землеотвода.
- 2) границ памятника.
- 3) места шурфовки, сбора подъемного материала, зачисток обнажений и т. д.

Полученные координаты в виде отдельного слоя (шейп-файла) подключались в ГИС-проект и визуализировались (рис. 2). Затем в *ArcCatalog* создавались площадные классы пространственных данных и по имеющимся точкам координат границ вручную отрисовывались территории землеотводов и памятников (рис. 3)

В соответствии с Законом РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ст. 15–20), любой вновь выявленный объект культурного наследия, к каковому относятся археологические памятники, должен быть включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории

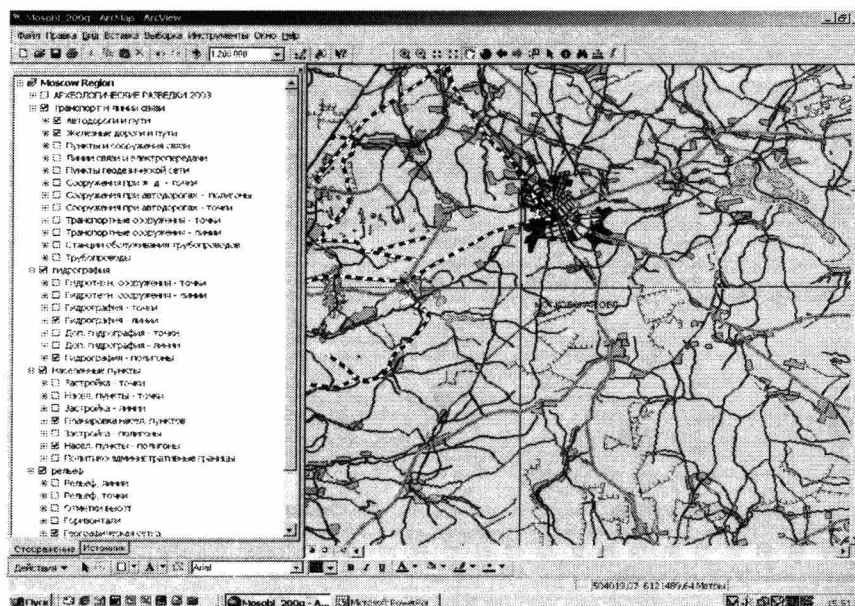

Рис. 1. Векторная карта Московской области (масштаб 1:200 000)

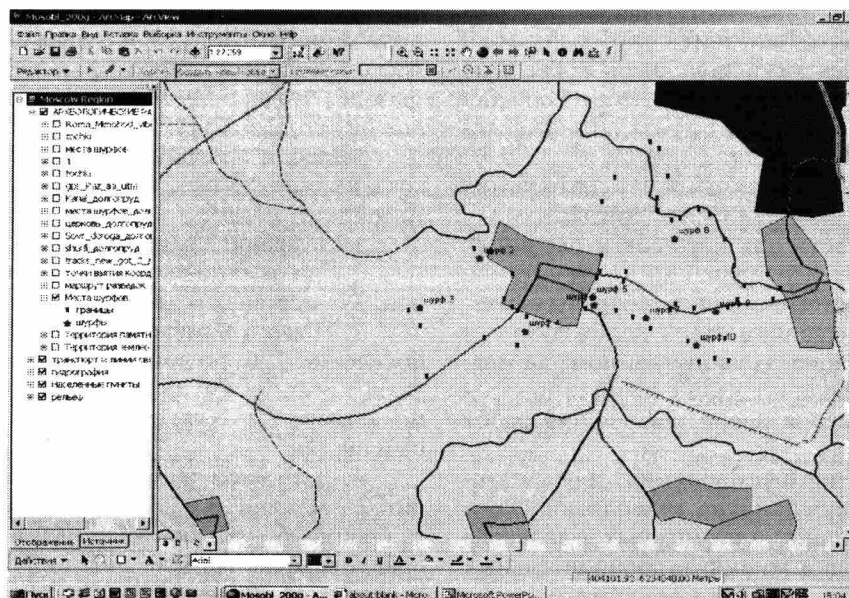

Рис. 2. Подключенные к ГИС-проекту данные GPS-приемника

и культуры) народов Российской Федерации. В соответствии со ст. 20, п. 3 указанного закона, в реестр вместе с новым объектом культурного наследия включается и информация о его зонах охраны.

Проектирование зон охраны – сложный процесс (Инструкция..., ст. 1–5): границы территории и зоны охраны памятника археологии определяются специальным проектом с учетом особенностей каждого памятника и утверждаются администрацией области по представлению научно-производственного Центра по сохране-

нию историко-культурного наследия. Территорией памятника археологии является земельный участок, как непосредственно занимаемый самим памятником, так и связанный с ним исторически и функционально в границах, утверждаемых администрацией области. Охранная зона памятника это специально выделенная территория, окружающая памятник, предназначенная для обеспечения сохранности памятника и ближайшей к нему среды, целесообразного использования и благоприятного зрительного восприятия.

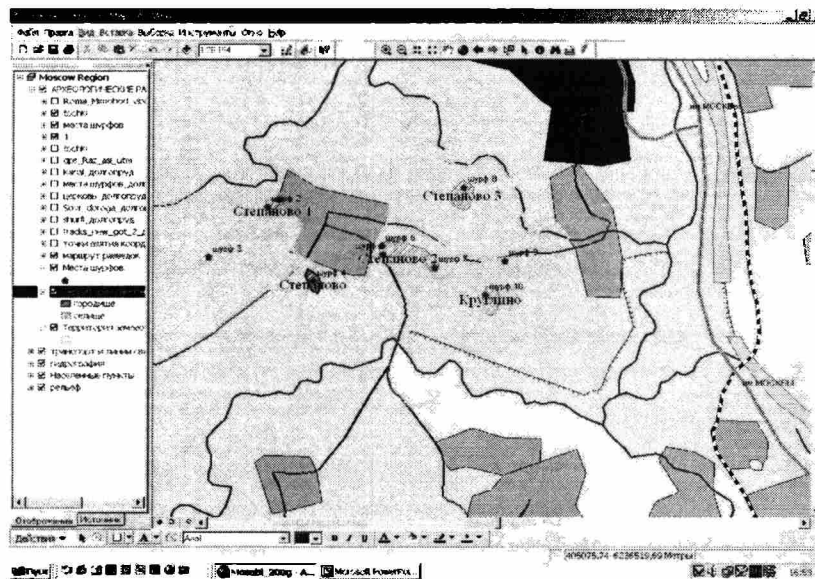

Рис. 3. Отрисованные территории землеотводчиков и памятников

Граница охранной зоны археологического памятника устанавливается от границ территории памятника в соответствии с требованиями и особенностями режима использования охранной зоны, то есть теми функциями, которые она выполняет в целях сохранения памятника археологии, а именно (Инструкция..., ст. 3):

- обеспечение сохранности памятника археологии и ближайшей к нему среды;
- доступность для научных и охранных археологических исследований на памятнике по плану государственного органа охраны памятников с возникновением такой необходимости (в т. ч., размещения экспедиционного лагеря, отвалов земли, использования техники при рекультивации раскопа после завершения работ и т. д.);
- обеспечение благоприятного и целостного зрительного восприятия археологического памятника (городища) и возможных в дальнейшем реконструкции жилищ и оборонительных сооружений;
- доступность для туристских целей, образовательно-воспитательных задач, консервации, музеефикации (в том числе, разворачивания работ по реконструкции жилищ);
- восстановление внешнего вида памятника (валов, рвов, наземных жилищ и т. п.) и растительности, которые являются элементами исторически сложившейся природной среды памятника археологии;
- устройство указателей, дорожек, смотровых площадок, относящихся к памятнику и не нарушающих историко-природный ландшафт.

Таким образом, проектирование охранных зон – долговременный процесс, но заказчик, работавший над ТЭО или проектом строительства, должен был предоставить информацию

в кратчайшие сроки. В связи с этим, в ГИС-проекте предварительный вариант возможного расположения охранных зон создавался в автоматическом режиме: от территории памятника закладывался буфер в 50–100 м в зависимости от типов памятников (рис. 4).

Далее, в программе *Microsoft Access* была создана база данных, состоящая из следующих полей:

1. Название памятника.
2. Тип памятника: 1 – поселение; 2 – могильник; 3 – местонахождение.
3. Подтип памятника: 1.1 – многослойное поселение; 1.2 городище; 1.3 – селище; 1.4 – стоянка; 1.5 – остатки производств; 2.1 – грунтовый могильник; 2.2 – курганная группа; 2.3 – отдельный курган.
4. Датировка памятника общая: 1 – палеолит; 2 – мезолит; 3 – неолит; 4 – энеолит; 5 – эпоха бронзы; 6 – ранний железный век; 7 – раннее средневековье (вторая половина I тыс. н. э.); 8 – развитое средневековье (X–XIII вв.); 9 – позднее средневековье (XIV–XVII вв.); 10 – новое время (XVIII–XIX вв.).
5. Датировка памятника конкретная.
6. Описание современного состояния памятника (с указанием года).
7. Дата открытия памятника.
8. Дата исследования памятника.
9. Тип исследования: 1 – разведки без шурфовки; 2 – разведки с шурфовкой; 3 – частичные раскопки; 4 – полные раскопки.
10. Описание находок.
11. Имена исследователей.
12. Литература.
13. Архивные данные.

База данных создается отдельно от оболочки программы *ArcMap 8.2*, для возможности

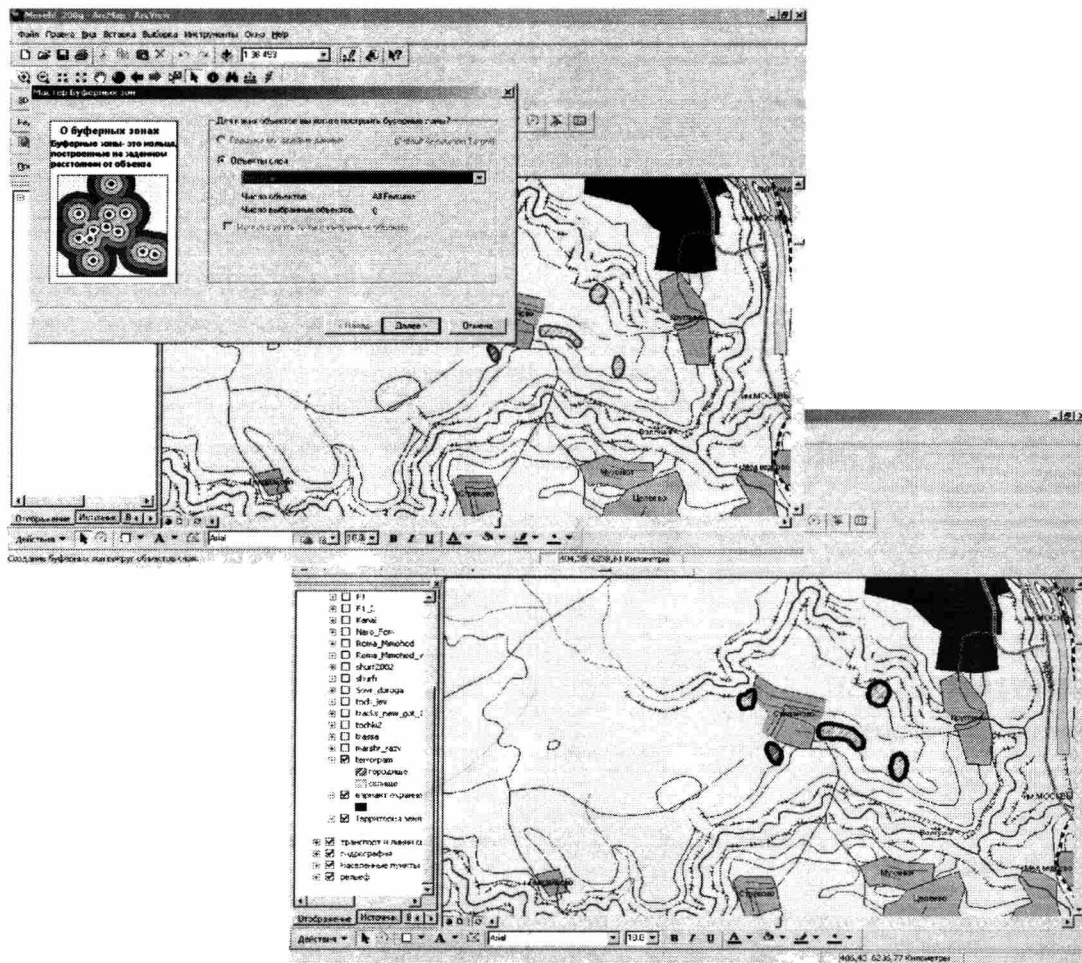

Рис. 4. Визуализация предварительного проекта охранной зоны

независимой работы (если такая необходимость возникнет). Сама программа *ArcMap 8.2* позволяет с помощью инструмента «Соединения и связи» присоединять (или связывать) данные атрибутивной таблицы слоя с внешними таблицами, и, соответственно, использовать эти данные для различного вида анализов. Данные вновь созданного полигонного (площадного) слоя «Памятники археологии» (имеющего поля: номер, название, площадь, периметр) соединяются с базой данных *Access*. А с помощью инструмента «Гиперссылка» создается связь с фотографиями памятника и его подробным топографическим планом. Фотографии и чертежи шурфов, также с помощью гиперссылки, подключаются к соответствующему слою – «Шурфы». При этом необходимо упомянуть, что для удобства работы с проектом, все файлы хранятся в одной директории. Это облегчает при необходимости копирование и перемещение данных, упрощает установление новых связей.

При проведении разведывательных работ (на примере работ по договору с компанией ЗАО «РТТН-Телеком») вдоль проектируемых и строящихся трасс с помощью GPS-приемника фикси-

ровались географические координаты начала и конца трассы, а также все ее повороты. Далее эти данные в виде шейп-файла подключались в имеющийся ГИС-проект. В программе *ArcCatalog* создавались линейные классы пространственных данных и по имеющимся точкам координат маршрут прохождения трассы отрисовывался в программе *ArcMap*. Как и при разведках на площадных объектах фиксировались координаты границ памятников, шурфов, зачисток обнажений и сбора подъемного материала. Так как полигонная тема «Памятники археологии» была создана ранее, то теперь новые объекты можно добавлять в нее с помощью инструмента «Редактор», а существующие различные темы шурфов, зачисток, сбора подъемного материала (отдельная тема на каждый договор) объединять с помощью инструмента «Мастер геообработки» в один слой с сохранением всех атрибутивных данных, включающих название, дату, указание заказчика и номера договора, по которому выполнялись работы.

Следующим шагом, является разработка охранных мероприятий. С помощью инструмента «Буфер» вдоль трассы были выделены расстояния

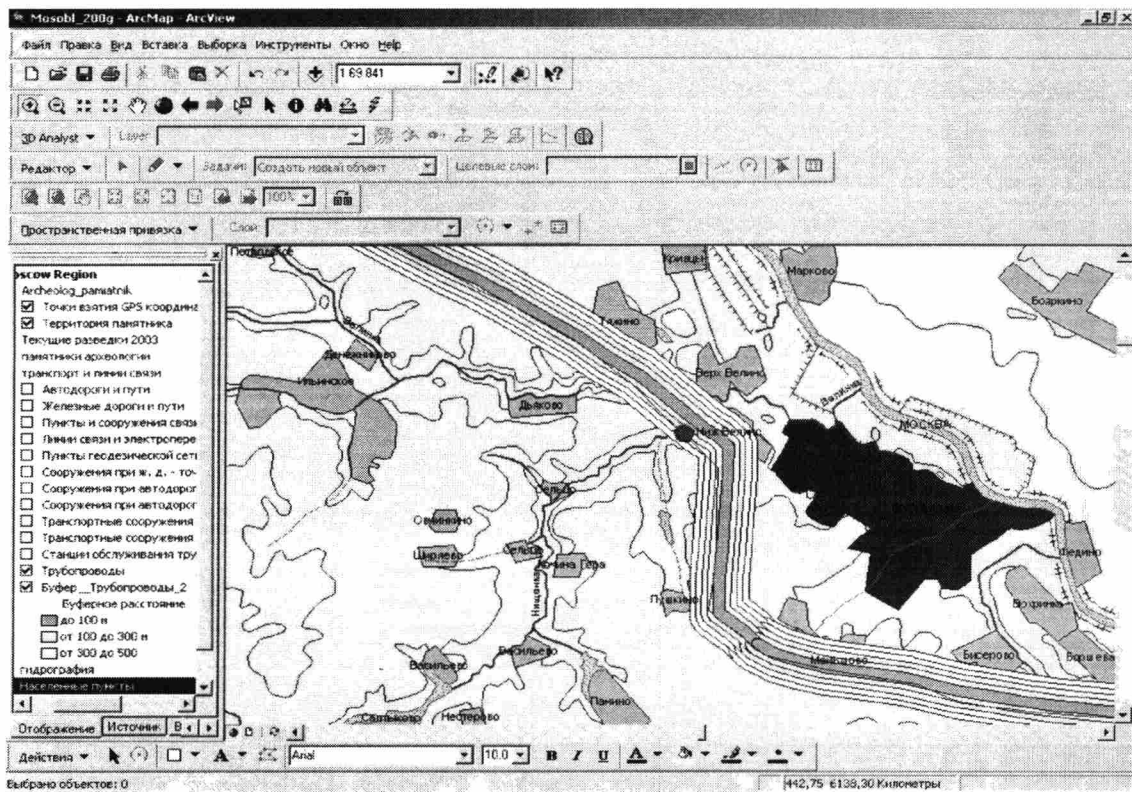

Рис. 5. Визуализация буфера вдоль строящейся трассы

по 500 м в обе стороны от нее. Это позволило сразу увидеть:

- памятники, попадающие на трассу и в зону строительства (при условии неизменного прохождения трассы, метод охраны – раскопки);
- памятники, которым грозит возможное разрушение строительной техникой (метод охраны – археологический мониторинг);
- памятники, не затрагиваемые строительством (рис. 5).

Таким образом, можно сделать вывод, что применение ГИС-технологий в охранной археологии, уже на своем начальном этапе позволяет:

1. Фиксировать при больших масштабах разведок месторасположение памятника на местности и относительно объекта строительства (теоретически с погрешностью около 10 м, однако на нашем опыте она в среднем составляла 3–4 м).

2. Автоматически определять площадь всего памятника и той его части, которая попадает под разрушение.

3. Упростить процесс вывода графических изображений при проектировании охранных зон памятника.

4. Упростить процесс измерения расстояния от памятника (его центра, границ) или границ охранных зон до строящегося объекта.

5. Автоматизировать процесс предоставления заказчику картографических материалов.

6. Начать в ходе выполнения договорных работ создание и постепенное пополнение базы данных по археологическим памятникам.

В перспективе (когда будут подключены практически все доступные данные по археологии, геологии, биологии и т. д.) ГИС-технологии позволят управлять данными проводить моделирование и, соответственно, получать результаты о воздействии на памятник природных и антропологических факторов в течение нескольких минут (часов). А это, несомненно, повысит эффективность охранной деятельности и обеспечит сохранение культурного наследия для будущих поколений.

Литература и источники

Чернышев А.В., 2000. Некоторые особенности организации картографического мониторинга памятников археологического наследия // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. Сборник статей (по материалам семинара 1998–1999 гг.). М.

Закон РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Принят 24.05.2002. Одобрен 14.06.2002.

Инструкция по организации зон охраны недвижимых памятников истории и культуры СССР. (Согласовано с Госстроем СССР. Письмо от 27.12.85 № ИП-6272.)

Материальная культура Московской земли

Золотое филигранное украшение из Тушкова городка (орнаментика и технология)

Золотое филигранное украшение в виде цветка лотоса, хранящееся ныне в Музее истории города Москвы, было найдено в 1954 г. в слое конца XIV в. у подошвы вала Тушкова городка в верховьях Москвы-реки, близ Можайска. Автор раскопок и первый исследователь этой находки М.Г. Рабинович предположил, что до попадания в слой украшения бытовало некоторый период времени: с конца княжения Дмитрия Донского до начала княжения его сына Василия Дмитриевича.

М.Г. Рабинович обратил внимание на орнаментальное сходство и совпадение по размерам этого украшения с тем известным вводным мотивом в филигрань «Шапки Мономаха», который А.А. Спицын назвал «арабским цветком». Черты сходства, по мнению М.Г. Рабиновича, дают возможность предполагать одного мастера или одну школу мастеров, одно и то же время производства.

В то же время он отмечает и отличия. Украшение из Подмоскovie сделано в ажурной технике, а не в накладной, как «Шапка Мономаха»; на «Шапке» мотив выделяется из филигранного фона, зернь там значительно крупнее. Эти отличия исследователь объяснил разницей только в назначении изделий (Рабинович, 1957; 1964. С. 134).

Поскольку предположение А.А. Спицына о том, что «Шапка Мономаха» является произведением среднеазиатских ювелиров, ряд исследователей сочли абсолютно доказанным, относительно данного украшения также предположили, что оно попало на Русь в числе «подарков хана Узбека» московскому князю Ивану Калите, как и «Шапка Мономаха» (позиция, существующая с конца XIX в.), и стало так называемой снастью золотой в составе фамильных драгоценностей князя Андрея Можайского. М.Г. Рабинович называет его филигранной пряжкой или застежкой, нашитой на богатое одеяние (Спицын, 1906; Рыбаков, 1949. С. 642, 643; Jenkins, 1988; Чернецов, Беляев, 1999).

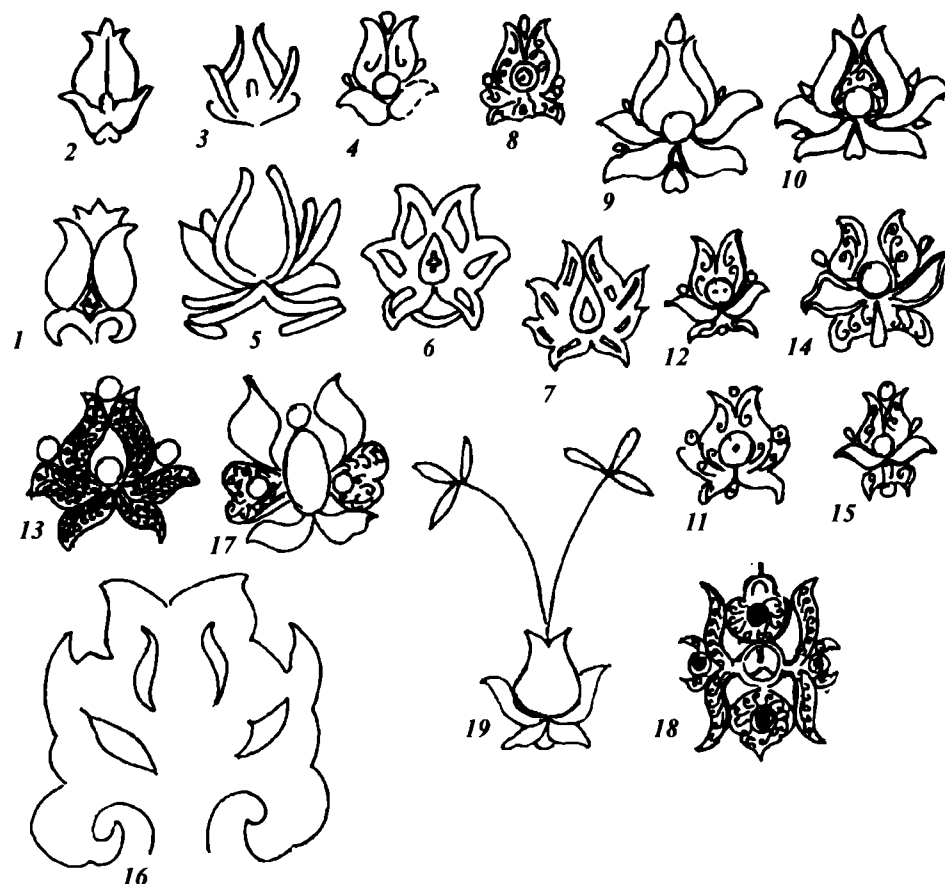
Развивая взгляды А.А. Спицына, М.Г. Рабинович сравнивает брошь в виде цветка с рядом изделий XIII–XV вв. среднеазиатского и причерноморского происхождения, обнаруженных при археологических раскопках в Поволжье и Закаспии.

При характеристике техники филигрании М.Г. Рабинович назвал скань украшения ложной, вероятно, имея в виду, что здесь применено штампование, а не витые (Рабинович, 1957).

По семантической характеристике и форма изучаемого украшения, и мотив на Шапке – это мотив лотоса, или полевой лилии-крин (по определению Н.П. Кондакова), издревле, с VI–VII вв., а также и к XI–XII вв., известного в византийском прикладном искусстве. Вес и значение мотива лотоса в Византии были упущены А.А. Спицыным, который при подборе орнаментальных аналогий к вводному мотиву «Шапки Мономаха» воспользовался только восточными памятниками XIII–XIV вв. (Спицын, 1906. С. 11–13; Кондаков, 1896. С. 206, 207). Между тем, проиллюстрировать мысль Н.П. Кондакова можно не только теми примерами, которые привел он сам, но и некоторыми другими. Подобная иллюстрация убеждает, что даже если данный мотив и происходит с Востока, он усвоен византийским искусством значительно ранее создания как «Шапки Мономаха», так и броши из-под Можайска (рис. 1).

Рисунок цветка на одной из византийских миниатюр близок абрису цветка бляшек из раскопок Херсонеса (из коллекции Бертье де ла Гарда), вероятно, византийских по происхождению (рис. 1, 2, 8).

Мы предлагаем стилистический ряд изображений лотоса, который имеет относительное хронологическое значение. В число наиболее ранних вариантов входит форма мотива на «Шапке Мономаха»: здесь она сохраняет стилистику, свойственную перегородчатой эмали, фон гладкий, дополнительные детали в форме сердечек и петелек характеризуются «ячеистостью» (рис. 1, 9, 10). Бляшки из Херсонеса (до конца XIII в.) продолжают это движение: внутри основных контуров несколько больше маленьких заполняющих завитков (рис. 1, 8, 11, 12, 15). Эти заполняющие завитки отображают процесс развития искусства скани, где основной элемент фона усложнился до большой спирали, заполненной рядами мелких завитков. Происходит своеобразная борьба между фоном и вводными мотивами, спираль видоизменяет и уподобляет их себе, и как раз

Рис. 1. Орнаментально-стилистическое развитие мотива «арабского цветка» (прорисовка Н.В. Жилиной):

1 – византийская ткань VI–VII вв.; 2 – византийская миниатюра конца XII в.; 3 – столик султана Калауна конца XIII в.; 4 – бляшка из Болгар (коллекция А.Ф. Лихачева); 5 – византийская эмаль XII в.; 6 – мечеть в Шахизинде; 7 – мозаика из Шахрисябса (Бухара); 8, 11, 12, 15 – бляшки из Херсонеса; 9, 10 – «Шапка Мономаха»; 13 – золотое украшение из Тушкова городка; 14 – бляшка из Алуштинского могильника; 16 – Бухарская бляха; 17 – бляшка из станицы Вороная; 18 – бляшка из Симферопольского клада; 19 – филиктерий из Симферопольского клада

брошь из-под Можайска показывает один из итогов этой борьбы: сплошное заполнение контуров цветка, так же как и витков сканной спирали, рядами мелких простых завитков (рис. 1, 13). Стилистически это позже мотивов с гладким фоном.

Кроме того, на подмосковном украшении дополняющие детали представляют собой кружки, что уже отходит от стилистики перегородчатой эмали.

По форме мотивы действительно аналогичны. Оба варианта – на «Шапке» и на броши – по стилю выглядят более ранними, нежели сходный мотив на Симферопольском филиктерии, где наступает следующая стадия – декоративное изменение мотива цветка (сужение, удлиненная растянутость, криволнейность) в связи с размещением мотива в промежутках большой спирали сканного фона (рис. 1, 19).

Таким образом, судя по стилистике, абсолютно одновременно брошь из-под Можайска и «Шапка Мономаха» быть изготовлены не могли.

Более подробный сравнительный анализ технологии поможет ответить на вопрос: одна у этих произведений технологическая школа, или нет? Визуальное изучение проводилось с использованием бинокулярной лупы типа «МБС» при увеличении в 16 и 32 раза, с микрофотографированием деталей технологии.

Ажурность филигранных произведений в XIII–XIV вв. выглядит как характерная особенность восточных изделий. На броши филигрань поднята над нижней пластиной даже без каких-то технических подкладок и держится за счет спайки миниатюрных деталей между собой и припайки к боковым и контурным бордюрам с зернью. На других восточных произведениях (так называемая Бухарская бляха из Шахрисябского клада, бляшки Симферопольского клада, отдельные египетские и иранские украшения) имеются специальные подкладки под филигрань в виде миниатюрных полосок металла, кружочков, специальных фигурных пластинок.

Для византийских и русских произведений это не характерно. На «Шапке Мономаха» ажурности и подкладок также не наблюдается.

Характеристика самой филигранный тоже показывает существенные отличия. На обоих произведениях филигрань относится к типу ленточной, то есть развальцована или расплющена после витья.

На броши из Тушкова городка применено витье из двух проволок. Толщину ленточек трудно даже назвать толщиной, поскольку она невероятно тонка: 0,1–0,15 мм. Это по абсолютным размерам наиболее тонкая филигрань из всех, которые мне приходилось наблюдать. Ширина ленты, или высота рельефа филигранный, составляет 0,4 мм. Для сравнения можно указать, что скань Бухарской бляхи и изделий Симферопольского клада, также по абсолютным размерам более тонкая по сравнению с известными византийскими и русскими произведениями, тем не менее, почти в два раза массивнее скани изучаемого золотого украшения. Толщина – 0,15–0,20 мм, ширина – 0,35 мм. То есть скань броши сильнее развальцована в ленту. По самой же технологии изготовления скани, конкретному способу витья – из двух проволок – скань броши абсолютно входит в круг известных восточных изделий, упомянутых выше (рис. 2).

Изучая вальцованную скань из двух проволок при увеличении в 16 и 32 раза, нетрудно заметить, что сильное плющение скани такой технологии витья способно почти полностью уничтожить филигранный эффект. Причина в том, что при витье из двух проволок даже изначально в круглом состоянии, каждая проволо-

ка бывает наклонена довольно сильно (под острым углом 45 градусов и менее), поскольку обходит вторую проволоку. После плющения угол еще уменьшается; кроме того, из-за накладывания проволок друг на друга все просветы между отдельными витками закрываются. В связи с указанными особенностями, такую скань плющили, как правило, не более чем в отношении 1:2 (толщина к ширине ленты), а лучше – даже чуть менее. Оптимальное соотношение достигнуто на скани Бухарской бляхи.

На золотом украшении из Подмосковья этот оптимальный предел довольно сильно превышен, вальцевание достигло степени 1:4, поэтому филигранный эффект практически исчез, контуры витков едва читаются. Понять технологию изготовления скани оказалось возможным только при увеличении более чем в 30 раз. Поэтому совершенно не случайно М.Г. Рабинович увидел здесь не витье, а штампование из проволоки. Так можно было ошибиться даже при очень внимательном изучении.

На «Шапке Мономаха» и ряде (к сожалению, немногочисленном) произведений византийского происхождения (оклад агатовой чаши X в. из Эрмитажа, крест из музея Штиглица, оклад иконы Владимирской Богоматери и др.) присутствует филигрань плотной навивки, витки поднимаются значительно круче (стремясь к прямому углу), затем при плющении угол практически не меняется, а сами витки разделяются, практически не накладываясь друг на друга. Создается лента высокого рельефа (1:4) без потери филигранного эффекта. Толщина у византийской филигранный приблизительно такая же – 0,2–0,25

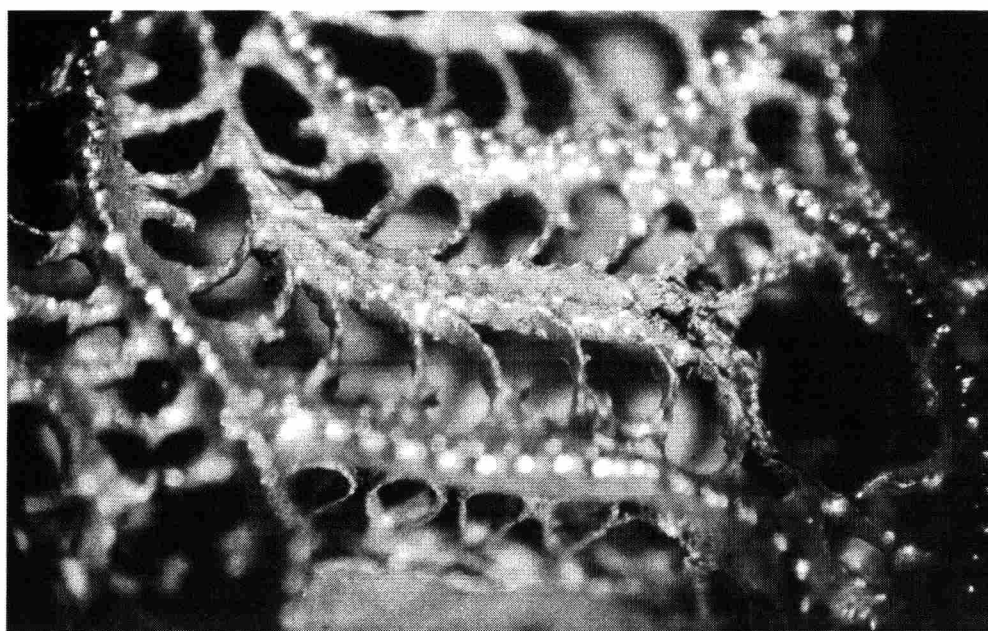

Рис. 2. Скань и зернь украшения из Тушкова городка (фото Н.В. Жилиной)

(иногда – 0,15), а ширина может быть от 1,0 до 2,0 мм. То есть, следует отметить, что по абсолютным размерам филигрань двух произведений совершенно разная.

На агатовом потире из Эрмитажа такой эффект достигнут за счет спирального витя из одной проволоки. На «Шапке Мономаха» и других упомянутых произведениях византийского круга можно допустить два технологических варианта: спиральное витье из одной проволоки, плотное витье из двух.

Различна на сравниваемых изделиях и зернь. Технологически она изготовлена одним, достаточно универсальным способом, который в эпоху средневековья закрепился в ювелирном деле элитарного уровня: с помощью изготовления заготовок для гранул или их групп из отрезков штампованной проволоки, которые при расплаве превращались в шарики правильной формы.

Однако существенно различается размер гранул, а в истоке и заготовок для них, что было обусловлено конкретным навыком мастера той или иной школы. М.Г. Рабинович справедливо отметил особую тонкость зерни подмосковного украшения (по его замерам – 0,2–0,4 мм) по сравне-

нию с зернью «Шапки Мономаха». Действительно, зернь золотых пластин «Шапки» составляет по диаметру от 0,5 до 1,0 мм. Зернь золотого украшения из Тушкова городка, по моим замерам, в среднем имеет диаметр 0,4–0,5 мм. Зернь такого диаметра аналогична зерни изделий Симферопольского клада и Бухарской бляхи, то есть также изделий восточного круга (рис. 2).

Таким образом, технологически филигрань «Шапки Мономаха» и броши-цветка различны. По моему мнению, изготовление их в одном месте или, иными словами, их принадлежность к одной технологической школе невозможны.

Единой является технологическая школа броши и Бухарской бляхи, а также других восточных произведений, упомянутых выше. В отдельной работе мне уже доводилось рассматривать стилистические и технологические различия Бухарской бляхи и «Шапки Мономаха» (Жилина, 1998).

Автор сердечно благодарит дирекцию Музея истории города Москвы и непосредственно главного хранителя музея В.М. Кольникову за предоставленную возможность изучить данное украшение по полной исследовательской программе.

Литература

- Жилина Н.В., 1998. Бляха из Шахриябского клада и «Шапка Мономаха» // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докл. СПб.
- Кондаков Н.П., 1896. Русские клады. СПб.
- Рабинович М.Г., 1957. Золотое украшение из Тушкова городка // КСИИМК. Вып. 68.
- Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.
- Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
- Спицын А.А., 1906. К вопросу о Мономаховой Шапке // ЗОРСА. СПб. Т. VIII. Вып. 1.
- Чернецов А.В., Беляев Л.А., 1999. Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте. М.
- Jenkins M., 1988. Mamluk Jewelry influences and echoes // Muqarnas. Leiden. № 5.

Ножи из русских и западноевропейских мастерских

Среди разнообразного железного инвентаря, находимого при археологических раскопках, такое универсальное орудие как нож во все времена был индикатором технологических знаний или технологических предпочтений, связанных с определенными традициями.

В эпоху Древней Руси в производстве ножей известна хронологическая последовательность смены сварных технологий, предусматривающих сочетание железной основы клинка со стальной режущей кромкой: трехслойный пакет, варка, торцовая и косая наварки. Это ярко проявилось при исследовании материалов домонгольского периода из Новгорода Великого (Колчин, 1959. С. 48–56). Помимо сварных технологических схем применялись и простые технологии, а именно, изготовление ножей целиком из железа или стали. При этом наблюдается преобладание сложных сварных технологий над простыми. Правда, это положение касается только памятников Северной Руси (Розанова, 1990). В Южной Руси картина прямо противоположная (Вознесенская, Коваленко, 1985).

Что касается более позднего периода, в частности, XIV–XVII вв., то в настоящее время мы можем говорить лишь о тенденции перехода к преимущественному использованию цельноме-

таллических конструкций на всей территории Руси. Однако аналитических данных для окончательных выводов пока еще недостаточно. Можно лишь указать на материалы из раскопок Звенигорода Московского (Юшко, Хомутова, 1981), Изборской крепости (Розанова, 1998), Пскова (Вознесенская, 1996). Складывается впечатление, что определенным рубежом технологических изменений был конец XV – начало XVI в. Прояснить картину поможет накопление новых аналитических данных.

В этом плане интерес представляют материалы из раскопок Московского Кремля. Нам любезно была предоставлена для металлографического исследования серия ножей XIV–XVI вв. в количестве 50 экземпляров. К этому же периоду относятся и ножи с клеймами из раскопок в Зарядье, которые принято рассматривать как продукцию западноевропейских мастерских.

В задачу нашего исследования входило не только дать технологическую характеристику находкам из Кремля, но и сравнить полученные данные с технологическими характеристиками ножей с клеймами.

В исследованной коллекции из Московского Кремля представлены ножи различных форм и размеров (рис. 1). Клинок обычно прямой,

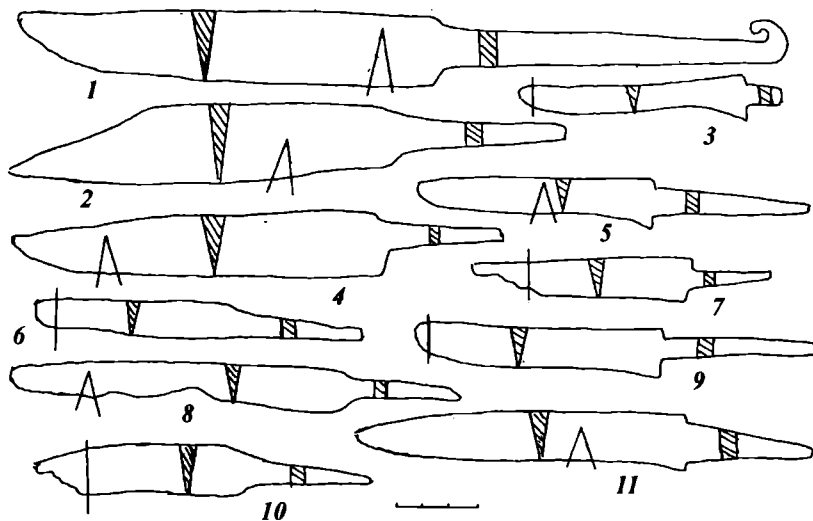

Рис. 1. Ножи из русских мастерских, найденные в Московском Кремле. Место взятия образца для металлографического анализа показано секцией

линия лезвия на острие приподнимается к спинке; ширина лезвия составляет 1–1,5 см. У большинства ножей черешок отделен от клинка четкими уступами с двух сторон. Есть экземпляры с плавным переходом клинка в черешок. Черешок по длине составляет примерно половину длины клинка. Длина ножей колеблется от 9 до 18 см. Исключение составляют несколько экземпляров крупных ножей длиной до 35 см и шириной клинка – 2,5–3 см.

Металлографическое исследование показало, что ножи различных форм не различаются технологически. Поэтому технологическую характеристику мы даем в целом.

Как удалось установить на основании микроскопического исследования, проведенного в Лаборатории Института археологии РАН, при изготовлении ножей из Московского Кремля использовались пять технологических схем: целиком из железа, стали или с использованием наварки (торцевой, косой, V-образной). Сразу же обращает на себя внимание тот факт, что простые

технологии превалируют над сложными. Из 50 исследованных 32 ножа, то есть 64%, изготовлены с использованием простых технологий (целиком из железа и стали), и только 18 экз. (36%) откованы с использованием наварной технологии в виде торцевой, косой, V-образной.

Характеризуя качество поделочного материала – железа и стали, – отметим, что металл часто бывает загрязнен шлаковыми включениями. Сталь, которая шла на изготовление клинка, была сырцовая – мало и неравномерно науглероженная. И даже та сталь, которая шла специально на режущую кромку при наварке, крайне редко была высокоуглеродистой. Ряд признаков свидетельствует, что многие изделия подвергались вторичному нагреву, то есть побывали в огне пожара. Возможно, именно с этим связано низкое содержание углерода в стали.

Итак, на исследованных нами московских материалах указанная выше тенденция доминирования простых технологий над сложными в XIV–XVI вв. подтверждается. К сожалению,

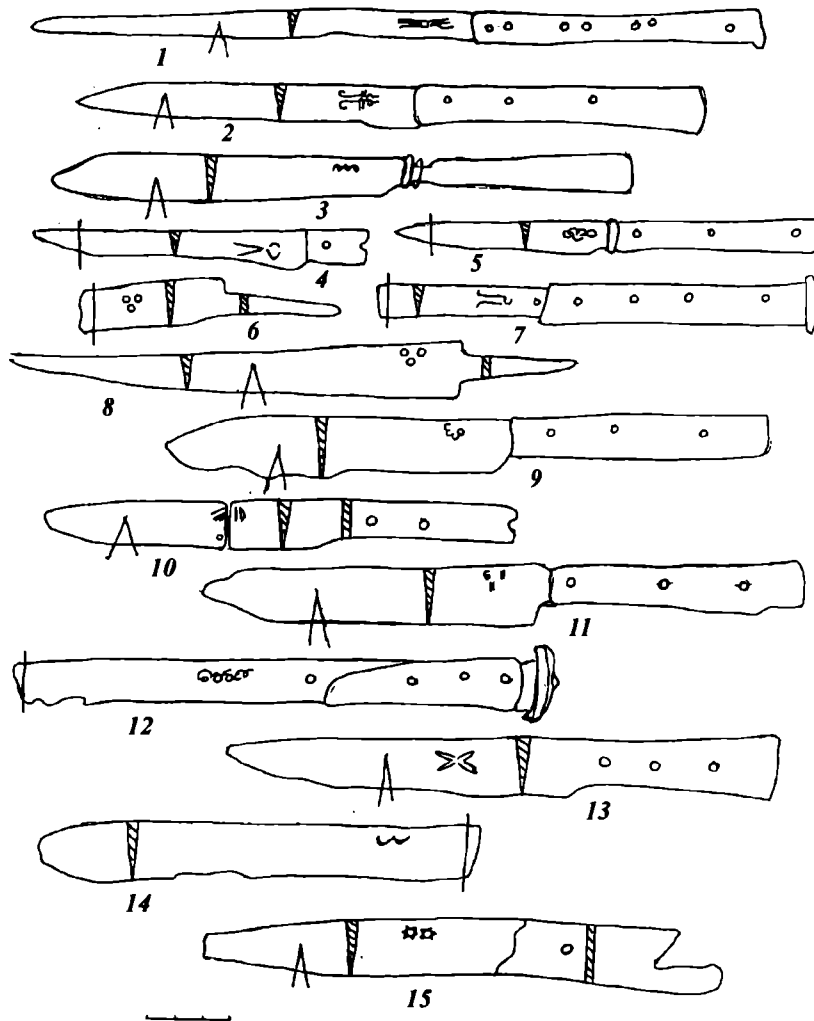

Рис. 2. Ножи с клеймами из западноевропейских мастерских, найденные в Зарядье

материалы хронологически пока не расчленены, поэтому мы не можем обозначить рубеж смены технологических схем.

В этом плане интересны находки из Звенигорода Московского и Изборской крепости, где выделяются пласты XII–XIII вв. (Звенигород), XIV–XV вв. (Звенигород, Изборская крепость) и конца XVI–XVII вв. (Изборская крепость). В период XII–XIII вв. в Звенигороде сложные схемы абсолютно преобладают. В XIV–XV вв. наблюдается процесс сближения простых и сложных технологий: в Звенигороде доли простых и сложных в это время достаточно близки (52,5% составляют простые, 47,5% – сложные); в Изборской крепости простые технологии лишь незначительно уступают сложным (44% и 56% соответственно). В рассмотренные периоды (XII–XV вв.) особо отметим высокое качество сварочных работ в производстве ножей.

В XVI–XVII вв. картина резко меняется, что хорошо иллюстрируют материалы Изборска. Из 14 кузнечных изделий 12 изготовлены в простых технологиях, и только два – в сварных.

Известно, что на русском рынке помимо местных изделий фигурировали и импортные ножи с клеймами. В частности, значительная серия таких орудий была найдена при раскопках в Зарядье. Анализ клейм и свидетельства письменных источников позволили исследователям определить, откуда именно ввозились ножи. Это прежде всего Венгрия, Чехия, Австрия и целый ряд южных немецких городов. Причем в разное время доминировали разные направления. С внешней торговлей в Москве была непосредственно связана целая группа купцов, прежде всего группа купцов-сурожан. Так, коллекция ножей с клеймами, найденных в западной части Заря-

дья, имеет прямое отношение к купцам-сурожанам.

15 ножей с клеймами из Зарядья, относящихся к XIV–XVI вв., были исследованы металлографически (Беленькая, Розанова, 1988).

Оказалось, что ни качество изделий, ни технология их производства не отличаются от русских ножей. Использовались те же технологические схемы: торцовая (1 экз.), косая (4 экз.), V-образная (2 экз.) наварки, целиком из железа (2 экз.) и из стали (6 экз.). Обращает на себя внимание невысокое качество обработки некоторых ножей (загрязненность шлаковыми включениями, широкие сварочные швы). Любопытно, что и во времени прослеживается та же тенденция перехода от сложных сварных технологических схем к простым технологиям. Возникает вопрос: с чем был связан интерес к этим изделиям? Нам представляется, что это было связано с их внешней привлекательностью, в частности, с оформлением рукоятей.

О рукоятках привозимых в Россию ножей историк Н.И. Костомаров писал: «Ножи стырские – с желтыми черенками, свицкие [шведские] – разносторонние: одна сторона сандаляная, другая – белая» (Беленькая, Розанова, 1988). Рукоятки украшались также латунными деталями (навершия, заклепки). Частично такие детали сохранились в археологических материалах.

Полученные на основании металлографического исследования результаты позволяют сделать вывод: технический уровень продукции русских и западноевропейских мастерских в XIV–XVI вв. был одинаков. Определенно можно говорить о том, что изделия русских мастеров по качеству исполнения не уступали импортным, а в ряде случаев превосходили их.

Литература

- Беленькая Д.А., Розанова Л.С., 1988. Ножи с клеймами из Зарядья // Древности славян и Руси. М.
- Вознесенская Г.А., 1996. Технология изготовления кузнечных изделий в древнем Пскове // Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Том 1. Псков.
- Вознесенская Г.А., Коваленко В.П., 1985. О технике кузнечного производства в городах Чернигово-Северской земли // Земли Южной Руси в IX–XI вв. Киев.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.
- Розанова Л.С., 1990. Своеобразие технологии кузнечного производства Южной и Северной Руси в домонгольский период // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.
- Розанова Л.С., 1998. Результаты металлографического исследования железных изделий из Изборской крепости // Артемьев А.Р. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток.
- Юшко А.А., Хомутова Л.С., 1981. Ножи из раскопок Звенигорода Московского // КСИА. Вып. 164.

Ювелирные изделия вятичей: технология изготовления и сбыт продукции

Сегодняшний уровень исследования древнерусского ремесла позволяет ответить на многие вопросы историко-культурного характера. Активное внедрение естественнонаучных методов в археологию раскрыло перед исследователями широкие перспективы в изучении техники и технологии древних производств. Однако структура и организация ремесла по-прежнему остается предметом острых дискуссий. Это объясняется, в первую очередь, отсутствием надежных источников, раскрывающих социальные аспекты ремесла (*Ениосова, Сарачева, 1997. С. 301–303*). Проще обстоит дело с городским ремеслом, т. к. в результате широкомасштабных исследований древнерусских городов выявлены многочисленные мастерские, инструменты, с помощью которых древние умельцы создавали шедевры и обычные бытовые изделия. На сельских памятниках материалы производственного характера встречаются редко.

Состав погребального инвентаря курганов и находки на поселениях разнообразны, а это означает, что в распоряжении сельских жителей было много предметов, характерных для городской материальной культуры. Но сейчас мы не располагаем убедительными данными о месте их производства. Настоящая работа представляет возможности выявления подобной информации в результате технологического изучения металлических украшений, бытовавших на территории Волго-Окского бассейна во второй половине XI – первой половине XIII в. Полагают, что эти украшения входили в состав вятичского женского убора. Безусловно, связывать находки этого времени с летописным племенем вятичей нет достаточных оснований, поэтому «вятичский набор украшений» – понятие условное (*Равдина, 1975. С. 18*).

Вопрос о месте производства вятичских украшений находился в центре внимания уже первых исследователей этих древностей в конце XIX в. Сто лет назад ученые склонялись к мне-

нию об их иностранном происхождении (*Сизов, 1895. С. 183–185*). Сейчас никто не сомневается в местном производстве большинства ювелирных изделий вятичей. Актуальность приобретает другой вопрос: каким образом вятички, живущие в деревнях, удаленных от городских центров, получали те многочисленные украшения, которые впоследствии сопровождали их в загробной жизни. В настоящее время число металлических украшений только по курганным материалам превышает 10 000. Существовало ли сельское ювелирное дело, или в домонгольский период, как полагают многие исследователи, оно было прерогативой города? При решении этого вопроса мы можем опираться лишь на данные археологии, привлекая в отдельных случаях этнографические материалы.

Источником для технологического анализа послужили преимущественно курганные древности. Выборку составили более 1870 изделий, представляющие все категории металлических украшений вятичей¹. Их изучение основано на применении трассологического и в отдельных случаях микроструктурного анализов². Такой подход позволил определить производственные приемы, их последовательность, набор инструментов, оценить уровень металлообработки ювелиров и предложить реконструкцию путей сбыта продукции.

Выбор производственных приемов зависел, прежде всего, от морфологических характеристик украшений. На протяжении двух веков бытования вятичских древностей их форма подвергалась постоянной модификации. Основные направления морфологического развития украшений выражаются в усложнении формы и декора, увеличении декоративных элементов (например, щитков височных колец), придании украшениям узорчатости, легкости, наполненности светом за счет ажурного декора. Особенно отчетливо это заметно на лопастных височных кольцах, решетчатых браслетах и перстнях.

¹ Использованы материалы из фондов ГИМ, РИАМЗ и Музея археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Выражаю глубокую признательность Н.Г. Недошивиной, Е.В. Финогеновой, В.Л. Янину, предоставившим для исследования необходимые коллекции, и за помощь в работе.

² Микроструктурный анализ украшений проведен в лаборатории структурного анализа кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Н.В. Рындиной.

Таблица 1. Технологические схемы изготовления украшений вятичей

Технологическая схема	2-я пол. XI – нач. XII в.	XII в.	кон. XII – 1-я пол. XIII в.
Литье; литье, изгибание; литье, ковка, изгибание	63,8%	55,8%	61,0%
Ковка; ковка, изгибание	1,3%	4,1%	3,4%
Тиснение и штамповка	–	4,0%	–
Волочение, изгибание; волочение, ковка, изгибание; волочение, кручение, изгибание; волочение, кручение, ковка, изгибание	34,9%	36,1%	35,6%

Технология изготовления украшений, вероятно, подчинялась другим законам развития: она представляется более консервативной по сравнению с морфологией. Выработанную на протяжении некоторого времени технологическую схему изготовления определенного украшения применяли впоследствии без кардинальных изменений, несмотря на морфологические модификации.

Если говорить о вятичской металлообработке в целом, можно отметить следующие тенденции в ее развитии: совершенствование приемов металлообработки, упрощение производственного процесса, выбор наиболее оптимальных с технологической точки зрения схем изготовления предметов, использование инструментов, позволяющих выпускать серийную продукцию с минимальными затратами труда.

Эти тенденции отчетливо вырисовываются при изучении разновременных украшений. На основе сравнительно-типологического анализа Т.В. Равдина выделила три хронологических периода бытования вятичских древностей: 1) вторая половина XI – начало XII в.; 2) XII в.; 3) конец XII – первая половина XIII в. (Равдина, 1975. С. 15). Рассмотрим отличительные черты металлообработки каждого периода.

Для изготовления одних изделий вятичские ювелиры использовали единственный формообразующий прием (литье или тиснение), другие украшения требовали применения нескольких приемов (литье и изгибание; волочение, кручение и изгибание и т. п.). Последовательный перечень основных формообразующих приемов с учетом температур их исполнения составляет технологическую схему изготовления предметов (Рындина, 1998. С. 79). Схемы изготовления вятичских украшений выделены без фиксации режимов термообработки, т. к. для их изучения требуется проведение специальных аналитических работ (табл. 1).

В первый хронологический период преобладают украшения, изготовленные литьем или волочением и подвергнутые незначительной механической деформации (например, изгибание

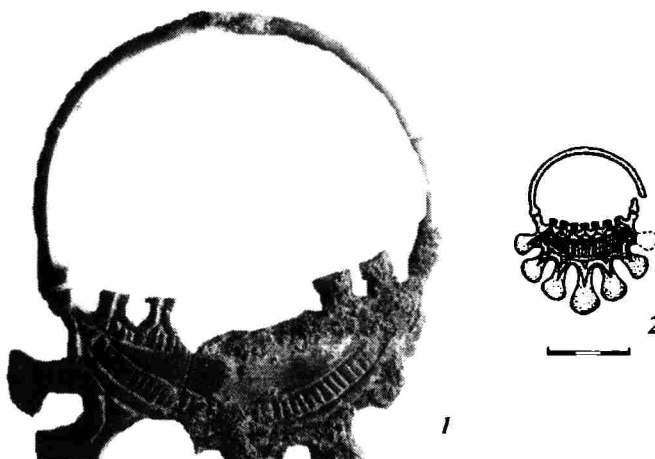
в окружность литых перстней и браслетов, проволочных заготовок височных колец, гривен и других украшений). Тисненные и штампованные изделия отсутствуют, а кованные составляют незначительный процент. В изготовлении витых браслетов и перстней мастера отдавали предпочтение простым способам кручения из трех-четырёх прутков. Изделия украшались преимущественно чеканным орнаментом.

Характерная особенность ювелирного дела вятичей в самый ранний период – поиск и выбор оптимальных технологических решений. Рассмотрим это на примере изготовления наиболее характерных вятичских украшений – лопастных височных колец и решетчатых перстней. Их получали способом отливки в пластичных, вероятно глиняных, формах. Для этого мастеру необходимо было иметь специальную выплавляемую или многоразовую модель украшения для формирования рабочих полостей литейной формы (Сарачева, 1994. С. 143–146; 1996. С. 71–74).

В рассматриваемое время мы наблюдаем большое разнообразие способов получения моделей лопастных височных колец. Это вырезывание целой модели, сборка из двух деталей (к вырезанному щитку присоединяли проволочный шнур для получения дужки; рис. 1³), отливка в специальных формах. Впоследствии мастера отказываются от способа сборки модели и используют лишь резные и литые модели. Отливка моделей в специальной форме является наиболее продуктивным и упрощенным способом изготовления, широко применяющимся и в современном ювелирном деле. Он позволяет достаточно быстро тиражировать совершенно одинаковые модели для последующего изготовления украшений. Полученные таким способом модели мастера могли подправлять после отливки, наносить на них декор.

В это же время мастерами ведется поиск правильных пропорций лопастных колец. В ранних материалах преобладают экземпляры, дужка которых вытянута и плохо вписывается в окружность (рис. 2, 1, 2), но наряду с ними начинают изготавливать кольца, форма которых построена

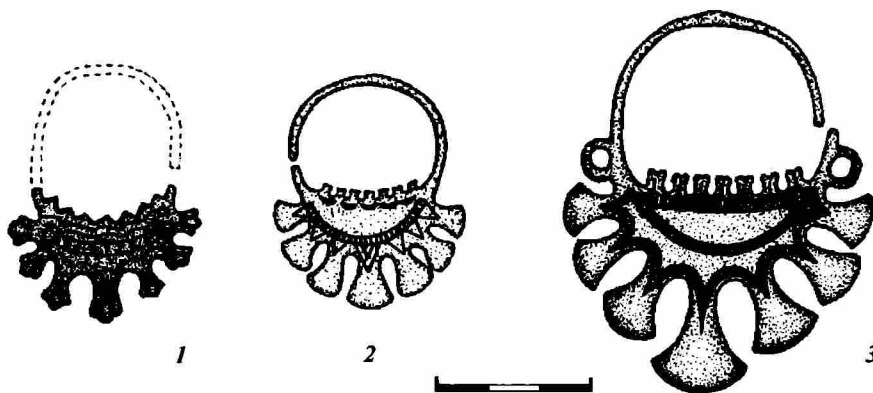
³ Рисунки и макросъемка украшений выполнены И.Г. Сарачевым.

Рис. 1. Височные кольца, отлитые по сборной выплавляемой модели
1 – Салтыковка, Московская обл., макросъемка, ув. 2; 2 – Мокрая, Смоленская обл.

с учетом симметрии на основе двух окружностей (рис. 2, 3). Именно такие украшения широко распространяются впоследствии, практически полностью вытесняя кольца с вытянутой дужкой. Правильная форма колец построена на четком соотношении величин, равных древнерусской мере длины – вершку (*Макарова, Равдина, 1992. С. 68–69*). Основу дужки составляет окружность, диаметр которой равен 4,4 см (1 вершок). Нижний контур шести лопастей (за исключением центральной) совпадает с линией второй окружности, диаметр которой составляет приблизительно 5,5–6,5 см (1,25 – около 1,5 вершка). Боковые колечки занимают пространство, образованное двумя окружностями – основами дужки и щитка. Таким образом, две окружности позволяют создать кольцо совершенной формы, с правильными контурами и точно рассчитать положение его морфологических и декоративных деталей: центр нижней окружности указывает на расположение оснований зубцов; половина верхней окружности служит основой дужки, а нижняя ее часть определяет место расположения боковых колечек и основного декора щитка.

Принципы построения формы кольца учитывались мастерами при изготовлении моделей для последующей отливки металлических изделий. Две окружности использовали при чертеже кольца на плоской восковой заготовке модели. Незначительные отклонения размеров колец от величин, кратных вершку, объясняются, вероятно, отсутствием единого стандарта этой меры длины. Вершок – мера не математически точная, а приближительная, поскольку это – верх пальца (*Даль, 1989. С. 184*). Соблюдение точных размеров не было самоцелью мастера и он мог допустить неточности, не нарушающие пропорций украшения. Вторая причина расхождений в размерах колец кроется, вероятно, в самом процессе литья. Известно, что при переходе из жидкого состояния в твердое объем металла уменьшается. Сплавы цветных металлов обладают наибольшей линейной усадкой при затвердевании и охлаждении. Величина усадки металла зависит от состава сплава и варьирует от 1,5 до 2% общего объема изделия (*Флеров, 1981. С. 14*). Учитывая размеры височных колец, определим величину линейной усадки при отливке: 1–3 мм. Именно такие

Рис. 2. Семилопастные височные кольца
1 – Борки, Рязанская обл.; 2 – Милославское, Рязанская обл.; 3 – Войлово, Калужская обл.

отклонения от кратных вершкы величин выявлены при измерении колец. Безусловно, такая малая величина не нарушала общей формы кольца.

Модели для отливки решетчатых перстней собирали из проволочных нитей, вырезали из плоской заготовки или отливали в специальных формах. Из 115 изученных перстней лишь два были получены посредством сборной модели из проволочных шнуров. Оба они датируются концом XI – началом XII в., то есть относятся к первому хронологическому периоду бытования вятичских древностей. Следы соединения проволочных шнуров хорошо заметны на литых изделиях. Отметим, что литье по сборным восковым моделям характерно и для ювелирного дела финно-угров. Решетчатые шумящие перстни муромы и мордвы считаются прототипами вятичских перстней (Третьяков, 1937; Недошивина, 1967. С. 260). Действительно, их связь хорошо прослеживается по форме и декору изделий. Вероятно, вятичские ювелиры вначале повторяют не только общую форму, но и способ изготовления восковой модели перстней.

Сборка модели – процесс трудоемкий и предполагает создание индивидуального экземпляра для отливки каждого предмета. Безусловно, мастера, заинтересованные в выпуске серийной продукции, стремились к упрощению способов изготовления моделей. Это ярко подтверждают решетчатые перстни. Взамен сборных восковых моделей вятичские мастера стали использовать резные и литые. На восковой модели вырезали углубленные косые насечки, елочки, которые на финно-угорских перстнях получали скручиванием восковых нитей. Резание и литье моделей открывало широкий простор для фантазии мастеров. В отличие от перстней финно-угров, украшенных треугольными отверстиями, образовывавшимися в промежутках между уложенной зигзагообразно восковой нитью, на вятичских мы встречаем прорезы самых разных очертаний, легко исполняемые резьбой на плоской заготовке.

Поиск новых технологических решений очевиден и при анализе покрытия изделий. Для придания предметам сходства с дорогими серебряными украшениями вятичские ювелиры широко использовали прием лужения, то есть, покрытия поверхности оловом (Сарачева, 2001. С. 386–395).

В первый хронологический период происходит определение номенклатуры изделий, на которые наносится лужение. Оно встречено на лопастных височных кольцах, проволочных украшениях, пластинчатых гривнах, перстнях и браслетах, шаровидных бусинах и накладках на одежду. Единичные находки луженых пластинчатых перстней, браслетов и накладок на одежду указывают на то, что мастера в конце XI – начале XII в. пробуют наносить покрытие на разные украшения. Однако впоследствии они отказываются от лужения многих категорий вещей и покры-

вают лишь лопастные кольца, проволочные изделия и пластинчатые гривны. Интересно количественное сравнение лопастных колец с лужением и без него, относящихся к начальному этапу бытования вятичских древностей: 56,5% колец не имеет покрытия. В более позднее время лопастные кольца без покрытия встречаются исключительно редко.

Благодаря широкому и быстрому распространению лужения происходит вытеснение серебряных браслетообразных височных колец бронзовыми с покрытием. В начальный период лишь каждое пятое проволочное кольцо луженое, преобладают серебряные, но впоследствии серебряные кольца единичны.

XII в. занимает особое место в развитии ювелирного дела и древнерусского ремесла в целом. Для этого периода характерно резкое расширение ассортимента продукции и, вместе с тем, значительная рационализация производства, выраженная в упрощении технологических операций (Колчин, 1985. С. 243). В это время ряд изменений претерпевает литейная техника вятичских мастеров. Они отдают предпочтение таким способам литья, которые дают возможность получить окончательную форму изделия без последующих изменений. Сборные восковые модели используются реже; преобладают изделия, полученные по резным и литым моделям, применение которых существенно ускоряет и упрощает производственный процесс. Доминируют лопастные кольца правильной симметричной формы с оловянным покрытием.

Во втором хронологическом периоде возрастает доля кованных, тисненых и штампованных украшений, имеющих ряд преимуществ по сравнению с литыми. Они значительно легче, а следовательно, требуют меньшего количества металла, технология их изготовления гораздо проще. Ковку стали чаще применять для изготовления пластинчатых браслетов и перстней, ранее получавшихся в процессе изгибания прямой литой заготовки. Совершенствуются приемы кручения браслетов и гривен. Они приобретают более сложную форму.

Изменения касаются и процесса орнаментации изделий. Увеличение доли кованных перстней и браслетов повлияло на соотношение видов декора. Наряду с чеканкой мастера стали чаще использовать гравировку и нанесение декора зубчатым колесиком (Сарачева, 1999. С. 74–81). Применение последнего приводило к ускорению орнаментации украшений и значительно повышало производительность мастера, что было особенно важно в условиях серийного производства.

В конце XII – первой половине XIII в. технология изготовления украшений вятичей не претерпевает существенных изменений. Доля украшений, полученных с помощью литья, остается неизменно высокой. Заметно сокращается количество изделий, полученных из волооченых заго-

Таблица 2. Производственные приемы изготовления украшений

Технологическая схема	2-я пол. XI – нач. XII в.	XII в.	кон. XII – 1-я пол. XIII в.
<i>Один прием:</i> литье; ковка; штамповка	42,8%	45,6%	43,0%
<i>Два приема:</i> литье, изгибание; ковка, изгибание; волочение, изгибание	30,4%	33,0%	25,4%
<i>Три приема:</i> литье, ковка, изгибание; волочение, ковка, изгибание; волочение, кручение, изгибание	26,6%	20,5%	25,4%
<i>Четыре приема:</i> волочение, кручение, ковка, изгибание	0,2%	0,9%	6,2%

товок и доработанных изгибанием и ковкой. Эти технологические схемы применяли в основном для изготовления проволочных височных колец, употребление которых в это время несколько снижается. Однако производство проволоки не сокращается. Она широко применяется для изготовления более сложных украшений: витых и плетеных перстней, браслетов и гривен. Мастера используют разнообразные приемы кручения. В связи с чем резко возрастает количество изделий, полученных с использованием этого приема. Так, в первый и второй хронологические периоды кручение использовали при изготовлении соответственно 9,3 и 6,7% украшений, в то время как в третий период этот прием зафиксирован на 29,4% изделий.

Некоторые новшества возникают лишь в приемах декорирования и обработки поверхности: концы витых и плетеных браслетов украшают стеклянными вставками, появляются немногочисленные предметы с золочением.

Таким образом, для технологии изготовления украшений вятичей характерно использование приемов, позволяющих обеспечить производство большого числа стандартных предметов. Яркое свидетельство этого – широкое применение литья. Литые украшения составляют половину всех изученных. Их номенклатура и форма наиболее разнообразны. Этот прием позволял получать готовое и, если нужно, орнаментированное украшение, нуждающееся в минимальной дополнительной обработке. Такую же многочисленную группу составляют изделия из проволоки. С помощью несложных операций пластической деформации (изгибание, витье, плетение и кручение) проволочные заготовки легко превращали в самые разнообразные украшения.

Литые и проволочные украшения представляют пример массового серийного производства, иногда невысокого качества, направленного на обеспечение широкого рынка сбыта. В этих условиях ювелиры стремились использовать наиболее рациональные и эффективные технологические схемы, состоящие из небольшого числа приемов. Анализ динамики использования схем

показывает преобладание самых простых технологий во всех трех хронологических периодах (табл. 2). Необходимо отметить в третьем периоде увеличение доли самых сложных, с технологической точки зрения, изделий, полученных с помощью четырех приемов.

Изучение технологии изготовления вятских украшений позволяет сделать попытку реконструкции путей движения изделий от изготовителя к потребителю.

Организация древнерусского ремесла претерпевает существенные изменения в XII в. Мастер работает не столько на заказ, сколько на широкий рынок, производя стандартную продукцию в соответствии с запросами потребителя, который во многом определял номенклатуру изделий, материал, и качество работы (Щанова, 1989. С. 93).

Связь между мастерами и потребителями отражена в размере рынка. Б.А. Рыбаков выделил четыре района сбыта ювелирной продукции на территории вятичей, основываясь на картографировании предметов, выполненных одним мастером или в одной мастерской (Рыбаков, 1946). Основные выводы исследователя построены на сравнении семилопастных височных колец, отлитых в одной литейной форме, но найденных в разных курганных группах. Однако детальное изучение технологии изготовления колец показывает, что этот источник ненадежен при поиске одинаковых вещей. Кольцо, удаленное от мастера даже на значительное расстояние, легко могло быть повторено и растиражировано другим ювелиром посредством отливки по оттиску исходного оригинала. Очевидно, что серийные литые предметы мало пригодны для поиска изделий одного мастера. Выявление их среди редко встречающихся украшений представляется более продуктивным. Сейчас обнаружено лишь несколько таких предметов. Так, А.К. Станюкович исследовал 11 так называемых трефовидных привесок, отлитых в одной литейной форме или по оттиску одной модели. Украшения найдены в пяти курганных группах Московского бассейна (Станюкович, 1981. С. 64).

Рис. 3. Привески с изображением зверя

1 – Степановское; 2 – Горышкино, Московская обл.

Другой пример – две пластинчатые гривны из раскопок курганов близ Тушина и Троицкого (Московская обл.), удаленных друг от друга приблизительно на 30 км⁴. Орнамент на них выполнен одними и теми же инструментами: зубчатым штампом-колесиком и чеканом. Пластинчатые накладки, украшающие гривны, отлиты в одной форме или с помощью одной модели. Этот ряд украшений дополняют восемь одинаковых привесок из Степановского и совершенно идентичная привеска из Горышкина Московской обл.⁵ (Новикова, 1988. С. 19; Сарачева, 2003. С. 102–104) с редким для древнерусских привесок изображением зверя (рис. 3). Расстояние между этими пунктами 12 км. И гривны, и привески вышли из стен одной мастерской.

Б.А. Рыбаков полагал, что район сбыта охватывал территорию радиусом около 20 км и «вятическим женщинам нужно было не больше одного-полутора часов, чтобы пешком дойти до своего “кузнеца серебра и меди”». По мнению исследователя, узкие рынки сбыта делали общенные производителя и потребителя непосредственным (Рыбаков, 1946. С. 81). Однако при такой организации дела мастера вынуждены были бы выпускать более качественную продукцию, т. к. потребитель мог потребовать исправления производственного брака. Тем не менее, вятские женщины зачастую носили украшения невысокого качества. Примеры литейного брака, который легко можно было удалить после отливки, многочисленны: заливки в отверстия ажурных украшений, выступающие литейные швы, наплывы металла (рис. 4). Можно предположить, что такие низкокачественные изделия использовали лишь в погребальном инвентаре.

В археологической литературе существует точка зрения об отличии одеяния умерших от костюма живших в то время людей (Шунаков, 1991. С. 84–85). Однако многие предметы, обна-

руженные в составе погребального инвентаря, говорят о длительном их использовании. Они несут на себе многочисленные следы изношенности, деформации и ремонта, линии декора зачастую стерты. Изношенность украшений выра-

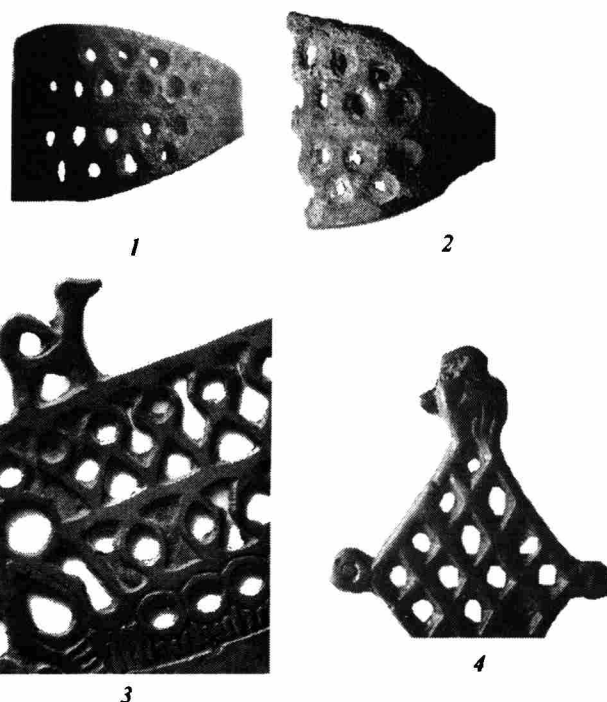

Рис. 4. Примеры производственного брака на украшениях (макросъемка)

1–2 – заливки металла в отверстия решетчатых перстней, курганы у биостанции под Звенигородом, Пирогово, Московская обл., ув. 3; 3 – заливки металла и заусенцы на височном кольце, Белево, Тульская обл., ув. 3,5; 4 – наплывы металла в месте присоединения литника (в верхней части ушка) и в месте вставки стержня для формирования канала в ушке, заливки в отверстиях на ажурной привеске, Ступенки, Смоленская обл., ув. 3,5.

⁴ ГИМ. Оп. №№ 479, 40.

⁵ Выражаю искреннюю благодарность А.К. Станюковичу, предоставившему фотографию привески.

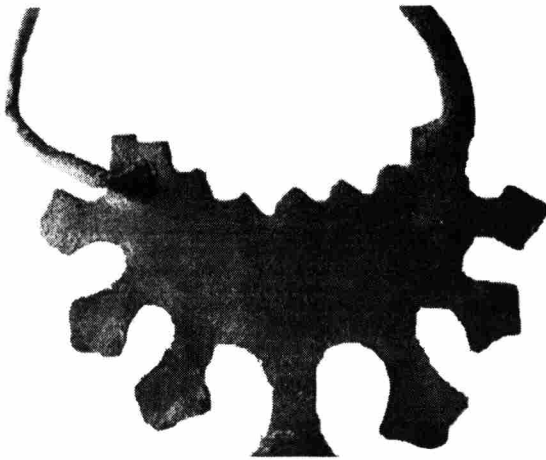

Рис. 5. Ремонт дужки семилопастного височного кольца (макросъемка; Сельцо, Смоленская обл.)

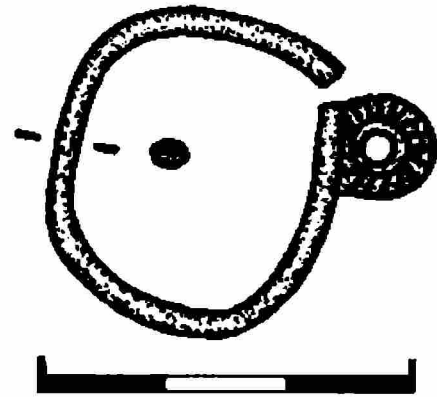

Рис. 6. Височное кольцо, изготовленное из дужки семилопастного кольца (курганы у биостанции под Звенигородом, Московская обл.)

жается, например, в стертости металла внутри ушек привесок, или колечек цепевидных украшений. Деформация в виде вытянутости обруча, который изначально был круглым, хорошо заметна на поясных кольцах и перстнях.

О прижизненном использовании украшений говорят следы ремонта, выявленные на витых гривнах и лопастных кольцах. Пластинчатые концы некоторых гривен соединены с витым обручем внаклад с помощью паяния. Такие украшения, по мнению М.В. Фехнер, появляются в XII в. и представляют собой дальнейшее упрощение технологии изготовления гривен: вместо соединения краев проволоки в процессе горячейковки в плоский конец, мастер напаявал изготовленные отдельно концы на обруч (Фехнер, 1967. С. 73). Однако появление напаянных концов, вероятно, вызвано другими причинами, т. к. на некоторых гривнах напаян лишь один конец, а другой получен в процессековки. Такая переделка гривны связана с ремонтом изделия после того, как один конец был сломан.

На двух лопастных кольцах в результате ремонта были заменены сломавшиеся дужки. Для этого в щитке одного кольца пробито отверстие, в которое продета проволока, соединенная с целевшей частью дужки (рис. 5). На другом кольце проволока была закреплена в боковых колечках. Такой грубый ремонт мог выполнить человек, далекий от ювелирных работ. Скорее всего, без ювелира были приспособлены для ношения части сломанных украшений. Так, появляется новый вид височных колец, согнутых из отломанных дужек лопастных (рис. 6). Сейчас известно четыре пункта находок таких колец⁶. Три пластинчатых перстня были сделаны из фрагментов

литых браслетов. Ширина пластины, расположение и величина декоративных элементов не характерны для перстней.

Находки украшений с производственным браком, примеры ремонта и переделки сломанных украшений без участия ювелира позволяют предположить, что общение между мастером и потребителем продукции было не прямым и велось через специальных посредников. Установлено, что в XII в. появляются новые общественные слои, связанные с производством и торговлей и обеспечивающие жизнеспособность цепочки «изготовитель – потребитель». В рыночных условиях такие лица становятся реальной необходимостью. Именно они могли обеспечить выход ремесленной продукции на широкий рынок, избавить ювелиров от ответственности за качество выпускаемой продукции, позволить им пренебрегать качеством в целях ускорения производственного процесса. Выпуск низкокачественной продукции характерен в XII в. и для других видов ремесла, в частности, железоделательного (Колчин, 1956).

Многочисленные украшения могли попадать к деревенским жителям, например, через разносчиков разного мелкого товара, путешествующих из деревни в деревню, то есть через людей, не имеющих отношения к производственному процессу и не несущих ответственность за качество изделий. Такое распространение украшений хорошо известно по этнографическим материалам XIX в., касающимся кустарного ювелирного дела. Необходимо отметить, что древнерусское ювелирное дело и кустарное дело XIX в. имеют много общих черт, проявляющихся как в наборе инструментов, так и в технологии изготовления.

⁶ Два кольца происходят из раскопок грунтового могильника Бутырки (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 249. рис. 3, 10, 16); одно было обнаружено в курганной группе у биостанции под Звенигородом (Авдусина, 1962. С. 275–277); еще один экземпляр находится в коллекции находок из Завальских курганов (РИАМЗ); одно кольцо найдено на поселении Кутьино 1А Московской обл. (любезное сообщение С.В. Шполянского).

Сто лет назад масса мелкого товара продавалась ювелирами скупщикам и разносчикам (*Давыдова*, 1892. С. 121; *Левашов*, 1895. С. 77; *Пономарев*, 1895. С. 37). В сельской местности существовал обмен украшений на какие-либо вещи. Вот как это происходило, например, в Харьковской губернии: «тряпичники, обыкновенно местные жители, разезжают по уезду с открытием весны и до поздней осени. Собирают тряпки, кости, разный лом. Везут с собою ящик с разными безделушками, которые дают в обмен за тряпки: сережки, колечки, крестик, пуговики, зеркальцо» (*Соколовский, Сокальский*, 1883. С. 132).

Возможно, подобные скупщики и разносчики мелкого товара существовали и в Древней Руси. При таком подходе не было необходимости иметь в каждой деревне хорошо налаженное ювелирное ремесло. Для этого необходимо было обеспечить постоянный приток в деревенские мастерские «свежего» металлического сырья. Мастера могли переплавлять имеющиеся в обиходе предметы, однако они нуждались в «чистом» олове для нанесения покрытия. Кроме того, существование многочисленных мастерских отразилось бы на производственном процессе. Для изготовления одинаковых украшений мастера использовали бы различные технологические схемы. Напротив, изученные украшения демонстрируют унификацию схем изготовления. Многие исследователи полагают, что в сельской среде были лишь некоторые виды ремесел; главные среди них – гончарное и кузнечное.

К сожалению, археологические данные об обработке цветных металлов на сельских памятниках этой территории пока весьма скудны. Они обобщены А.А. Юшко в монографии, посвященной Московской земле. Ювелирное производство открыто на Успенском городище, селищах Деснинское и Жуковка, однако они датируются более ранним временем – X–XI вв. (*Юшко*, 1991. С. 46–47).

Свидетельства ювелирного дела выявлены практически во всех изученных городах Земли вятичей. В древнерусских городах существовало вотчинное и свободное ремесло. К вотчинному ремеслу принадлежали княжеские (государственные), церковно-монастырские мастерские, и мастерские, расположенные в границах городских вотчин-усадеб (*Щанова*, 1988а. С. 177–178; *Пеняк*, 1991. С. 29). Княжеские и церковно-монастырские ремесленники выпускали продукцию высокого качества, направленную на обеспечение узкого круга потребителей. Мастера не были связаны с рынком, свободны от конкуренции, а следовательно, от поиска упрощенных технологий. Напротив, изделия свободных ювелиров города и продукция из мастерских вотчинников

были сходны по своему техническому уровню, имели выраженную товарную форму и рассчитаны на потребителей различных социальных слоев как в городской среде, так, вероятно, и в сельской округе. Выбор оптимальных технологий присущ именно этим секторам ремесленного производства, т. е. в городе шло накопление, оценка и отбор технических знаний (*Щанова*, 1988а. С. 177; 1988б. С. 182).

Курганные украшения обладают определенными чертами, присущими городскому свободному и вотчинному (усадебному) ремеслу: стандартность изделий, их товарная форма, применение оптимальных технологий производства. Кроме того, в городах Земли вятичей бытовали все те виды украшений, которые были обнаружены при раскопках курганов. Сходные по форме украшения уходили из мастерских как на городской (местный) рынок, так и на более широкий.

На сегодняшний день Волго-Окский бассейн является единственным регионом Древней Руси, где изучена технология производства украшений, бытовавших не только в сельской местности, но и в городах (*Зайцева*, 2003). Сравнительный анализ химического состава металла украшений Серенска и вятичских курганов выявил определенное сходство, выраженное в употреблении одинаковых сплавов для их изготовления (*Зайцева, Сарачева*, 2003. С. 297–298). Это позволяет рассматривать Серенск как один из предполагаемых центров производства некоторых украшений, находящихся своих потребителей среди сельских жителей. Однако большинство курганных украшений сделано из сплавов, не характерных для серенских ювелиров.

Вполне вероятно, что изготовление украшений массового потребления было не побочным заработком городских ювелиров, а целенаправленным производством по заказу хозяина мастерских, который и обеспечивал их продажу. Так, например, А.А. Юшко допускает, что домонгольский Тушков – «маленький ремесленный городок был основан княжеской властью на крайних северо-восточных рубежах Смоленского княжества XII в. как своеобразный плацдарм для проникновения этой власти в гущу общинного местного населения “мирным” путем – через обеспечение его ремесленной продукцией» (*Юшко*, 1991. С. 123). Думается, что в Земле вятичей таких центров и более развитых городов было достаточно для удовлетворения нужд сельского населения. Дальнейшее изучение сельских памятников, несомненно, позволит внести коррективы в предлагаемую схему производства и распространения вятичских украшений, основанную на изучении готовой продукции.

Литература

- Авдусина Г.А., 1962. Три курганные группы у Звенигорода // Историко-археологический сборник. М.
- Гоняный М.И., Недошивина Н.Г., 1991. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. № 1.
- Давыдова С.А., 1892. Производство металлических изделий в Рыбной слободе, Лашиевского уезда, Казанской губернии. Отчет 1892 г. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. М.
- Даль В.И., 1989. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М.
- Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М.
- Зайцева И.Е., 2003. Ювелирное дело в городах «Земли вятичей» в XI–XIII вв. (регион Верхнего Поочья). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г., 2003. Цветной металл вятичей в XII–XIII вв. (сравнительно-исторический анализ городских и сельских материалов) // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.
- Колчин Б.А., 1956. Железообрабатывающее производство Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65. М.
- Колчин Б.А., 1985. Обработка цветных металлов // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М.
- Леваинов И.И., 1895. Кустарные промыслы в Тамбовской и Костромской губернии. Отчет 1893 г. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. М.
- Макарова Т.И., Равдина Т.В., 1992. Семипастные височные кольца с орнаментом // РА. № 4.
- Недошивина Н.Г., 1967. Перстни // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Новикова Г.Л., 1988. Славяно-русские древности. Каталог выставки. Звенигород.
- Пеняк П.С., 1991. Организация ювелирного производства Древней Руси // Ювелирное дело на Украине. Киев.
- Пономарев Н.В., 1895. Кустарная промышленность в Казанской губернии. Отчет 1893 г. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. М.
- Равдина Т.В., 1975. Хронология «вятических» древностей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Рыбаков Б.А., 1946. О сбыте городских ремесленников // Уч. Зап. МГУ. Серия «История». Кн. 1. М.
- Рындина Н.В., 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите). М.
- Сарачева Т.Г., 1994. К вопросу о технике изготовления решетчатых перстней // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань.
- Сарачева Т.Г., 1996. Техника изготовления семипастных височных колец // Тез. докл. Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.
- Сарачева Т.Г., 1999. Инструменты для нанесения декора на вятичские украшения // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.
- Сарачева Т.Г., 2001. О технологии нанесения лужения на украшения вятичей XI–XIII веков // Художественный металл России. Матер. конфер. памяти Г.Н. Бочарова. М.
- Сарачева Т.Г., 2003. Древнерусские привески с изображением зверя // РА. № 4.
- Сизов В.И., 1895. О происхождении и характере височных колец преимущественно т. н. московского типа // АИЗ. Вып. 6. М.
- Соколовский А.А., Сокальский И., 1883. Труды комиссии по исследованию кустарных промыслов Харьковской губернии. Вып. II. Купянский уезд. Харьков.
- Станюкович А.К., 1981. Об одном редком типе древнерусских украшений (трефовидные привески) // СА. № 1.
- Третьяков П.Н., 1937. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. № IV. М.
- Фехнер М.В., 1967. Шейные гривны // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Флеров А.В., 1981. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М.
- Шинаков Е.А., 1991. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.
- Щапова Ю.Л., 1988а. Об особенностях древнерусского ремесла // Древности славян и Руси. М.
- Щапова Ю.Л., 1988б. Древнерусское ремесло: структура, передача производственного опыта // Тр. V Международ. конгр. археологов-славистов. Т. 2. Киев.
- Щапова Ю.Л., 1989. Профессиональное и специальное обучение в Древней Руси // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М.
- Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.

Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках)

За длительную историю археологических раскопок на городищах и селищах средневековой Руси собраны тысячи подков и ледоходных шипов (Кирпичников, 1973. С. 79–83). Информация о них разбросана в многочисленных отчетах, статьях и публикациях. На сегодняшний день в советской и российской археологии данному виду находок, столь важному для понимания развития конского снаряжения и средневекового коневодства, посвящено всего несколько страниц. Сложился упрощенный взгляд, когда при описании изделий ограничиваются простым упоминанием, или, в лучшем случае, сопоставлением с одним из двух типов, выделенных А.Н. Кирпичниковым (Кильдюшевский, 1998. С. 77). Иногда подковы либо просто не берутся в коллекции, либо в вопросах хранения и паспортизации им уделяется внимание не больше чем гвоздям.

В рамках разработки комплексного подхода к изучению средневекового конского снаряжения вообще и подков в частности, мной была обработана и обобщена коллекция подков, собранная на территории Москвы и ближнего Подмосковья. Ее первичному анализу и посвящена данная работа¹.

Основой предлагаемой работы стали коллекции и отчеты Московской экспедиции ИА РАН 1960–1990-х гг. (раскопки в Зарядье, Историческом проезде, на Красной площади), МИГМ, ЦАИ города Москвы (1990–2000 гг.). Помимо перечисленных источников, отдельному анализу был подвергнут комплекс вещей, происходящих из сборов на месте Тушинского лагеря. Всего было собрано 245 упоминаний о находках подков. Из них только для 145 экземпляров удалось получить надежные паспортные данные и зарисовать их.

Прежде чем перейти к вышеупомянутому материалу, представляется уместным затронуть историю изучения данного вида конского снаряжения. Дискуссия о месте и времени возникновения подковывания лошадей ведется давно. Первые работы начали появляться во второй половине XVIII в., когда доминировали ветеринарные кон-

цепции, не затрагивавшие серьезно исторического аспекта. Изобретение подковы приписывалось различным европейским народам (кельтам, германцам), существовавшим на окраинах римских провинций. Считалось, что античное коневодство не знало подобного приспособления. С начала XX в. гипотезы о существовании подков в римское или латенское время стали получать некоторое подтверждение. И все же основная масса документированных находок относится к средневековым материалам. Опубликованные европейские подковы обычно делятся на 4 или 5 типов (Ваха, 1981. Р. 425–427).

Под типом I (рис. 1, 1, 2) подразумевают так называемые кельтские подковы (Ваха, 1981. Р. 426, 430), имеющие вид трехчетвертного овала (то есть овала, у которого отсутствует один сектор размером в 1/4), с узкими плечами, извилистым краем и двумя задними шипами (или без них). Сам по себе извилистый край связан с технологией изготовления изделия и не является хроноиндикатором. Образцы этого типа датируются IX – первой половиной XIV в. Существует точка зрения значительно удрежняющая бытование этих изделий.

Подковы типа II (рис. 1, 5, 6) – так называемые старогерманские, шведские, или фурманские-ломовые (Ваха, 1981. Р. 426, 430) – имеют вид трехчетвертного овала с широкой, мощной пластиной и ровным краем. Концы ветвей подковы, как правило, загнуты под прямым углом, образуя два задних шипа. Датируется этот тип от позднелатенского времени до XIX в. Такая широкая датировка в последнее время подвергается сомнению.

Тип III (рис. 1, 4) включает подковы с широкой пластиной и ровным краем, но зубцы, в отличие от предыдущего типа, косо загнуты, как у подков типа I, по направлению к передней части (Ваха, 1981. Р. 427, 431). Тип III считается дальнейшим развитием типа I, и время его появления относят, по материалам Центральной Европы, ко второй половине XIII в., а наибольшее распространение – к XIV–XV вв.

¹Выражаю признательность за предоставленные материалы и ценные замечания А.Г. Векслеру и С.З. Чернову (сотрудникам ЦАИ г. Москвы и ИА РАН).

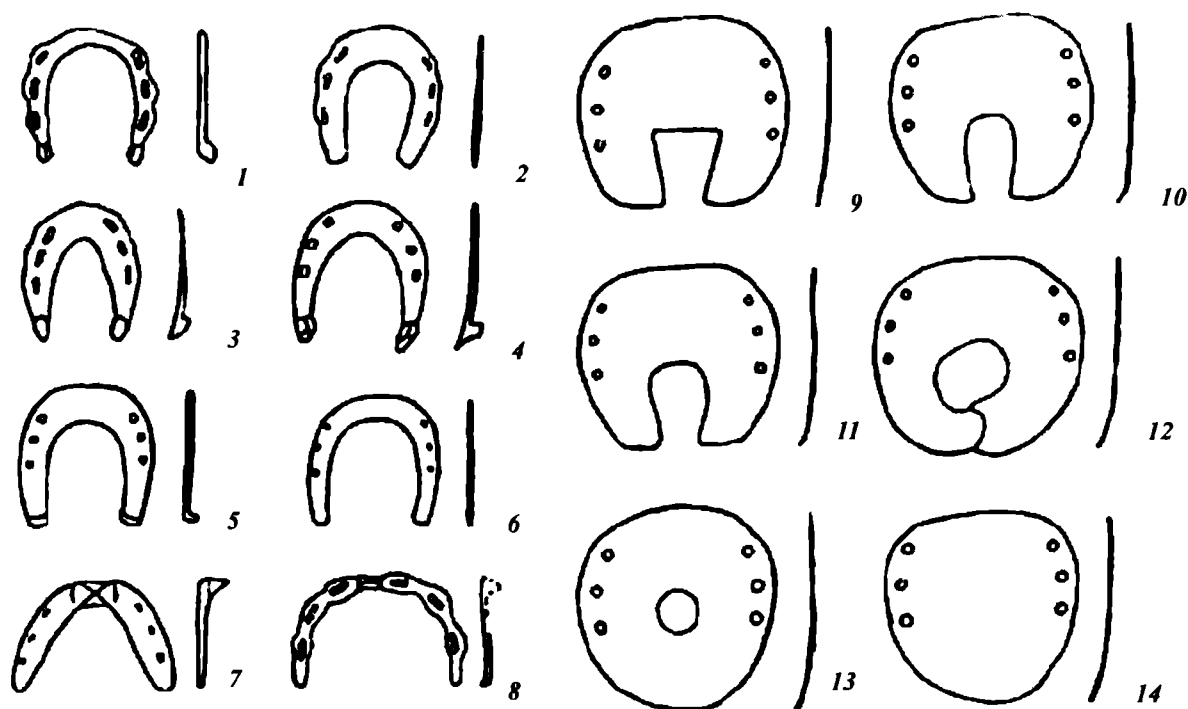

Рис. 1. Типы европейских подков (Ваха, 1981)

Выделяется также тип IV (рис. 1, 9–14) так называемых восточных подков, появление которых в Юго-Восточной Европе связывается с экспансией Османской Турции в XVI–XVII вв. На Балканах аналогичные изделия известны с XIV в. По внешнему типу это круглые железные пластины без шипов (Ваха, 1981. Р. 427, 431, 432).

Особняком стоит редкий в Западной Европе, но доминирующий на территории древней Руси и Скандинавии тип, известный у западных исследователей под названием «серповидный с передним шипом» (рис. 1, 7, 8). В советских и скандинавских работах время его бытования определяется XI–XVII вв. (Ваха, 1981. Р. 438).

В отечественной археологии первые работы, посвященные данному виду снаряжения коня, появляются в 50–60-е гг. XX в. Тогда были выделены основные разновидности, назначение и хронологические рамки бытования подков и ледоходных шипов (Медведев, 1959. С. 194.; Розенфельдт, 1960. С. 278).

В работе А.Н. Кирпичникова, посвященной конскому снаряжению, была обобщена вся информация, собранная к началу 1970-х годов (Кирпичников, 1973. С. 83–84). Исследователь предложил типологию подков, которая на все последующие десятилетия стала определяющей в отечественных работах. К первому типу автор отнес «подковы в виде полукругности с передним шипом», то есть так называемые серповидные подковы (по европейской терминологии). Время бытования первого типа определялось XI–XVII вв. Подковы второго типа представляют собой изделия

в форме трехчетвертного овала с двумя задними шипами. Самые ранние находки отмечены для XII–XIII вв. В это время подковы имеют характерный извилистый край и два концевых шипа. Нет ни одного известного нам экземпляра этого типа XII–XVII вв. без шипов. Большая часть находок происходит из Новгородской и Киевской земель, тогда как на городищах и селищах Северо-Восточной Руси они не известны. Позднее подковы этого типа, по мнению А.Н. Кирпичникова, становятся крупнее. Само полукружие приобрело ровный обрез края и расширилось, лунки для гвоздей соединились в желобок (Кирпичников, 1973. С. 83–84). Эволюция поздних подков второй типологической разновидности нашла свое отражение в типах II и III по европейской систематизации (Ваха, 1981. Р. 426–428).

В отечественной археологической науке сложился взгляд на подковы как на признак устойчивой оседлости, когда их использование связывалось с тяжело груженными (ломовыми) дорожными лошадьми. В кавалерии же или в сельскохозяйственных работах их использование не подразумевалось. Если подковы первого типа вначале воспринимались как местное изобретение на основе ледоходных шипов, отчего предполагалось их применение в основном в зимнее время, то подковы второго типа в полной мере связывались с общеевропейской традицией. В первую очередь перед ними ставилась задача сбережения копыта от истирания, и во вторую очередь – ледоходные функции (Розенфельдт, 1960. С. 278; Кирпичников, 1973. С. 83).

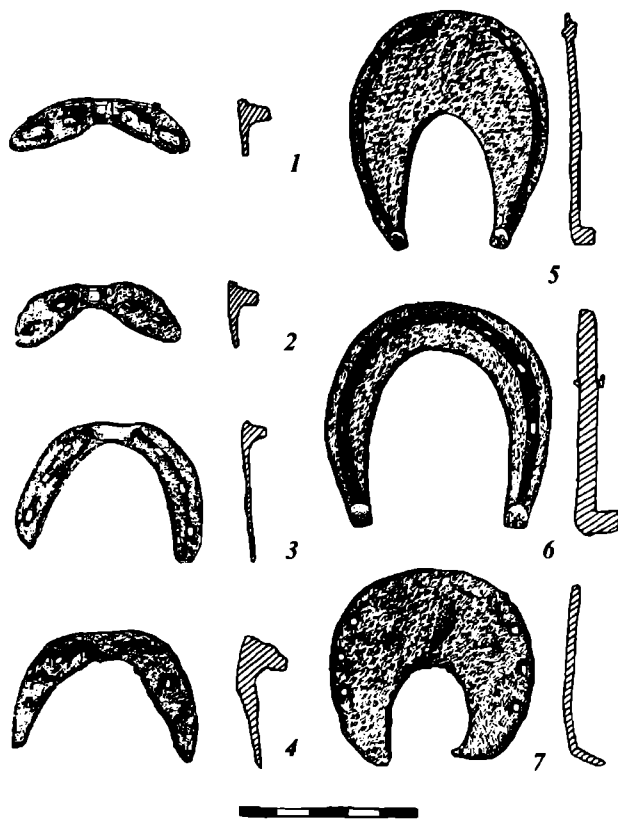

Рис. 2. Типы московских подков

Сравнительный анализ существующих на сегодняшний день двух типологических традиций показывает дробный характер европейской систематизации. Так, вторая типологическая разновидность по А. Н. Кирпичникову включает в себя первые три традиционных европейских типа, обобщенные П. Баксой, выделение которых, как мне представляется, не совсем логично. Так, типы I и III иллюстрируют эволюцию одного и того же типа и по своей сути являются его вариантами. Тип II отличается от типа III только формой шипа. Тип IV практически не представлен на территории древней Руси. Что же касается так называемых серповидных подков, то они вообще не выделены в отдельный тип.

В изложении нашего материала мы будем следовать ставшей традиционной схеме систематизации, предложенной А.Н. Кирпичниковым, сопроводив ее некоторыми уточнениями.

К **первому типу** отнесены подковы в форме полукруга (чаще сегмента) с одним передним шипом и четырьмя, реже шестью, подпрямоугольными отверстиями для гвоздей. Зафиксировано 76 таких изделий. Для Москвы и московской округи самые ранние подковы относятся к XV в. (7 экз.).²

Их количество значительно возрастает в XVI (28 экз.) и XVII (41 экз.) вв. Позднее они не известны. Встречаются данные изделия как в слоях самого города, так и подгорных сел. Типичные размеры: ширина – 7–12 см, длина – 2,2–13 см, высота шипа с основанием – 2–2,8 см. Средний вес – 50–100 г. Все многообразие размеров этого типа подков дробится на два варианта.

Первый вариант (сегментовидные) включает подковы шириной от 7 до 11,5 см и длиной от 2,2 до 5,7 см (рис. 2, 1, 2), то есть изделия, ширина которых в два раза больше, чем длина. Именно к этому варианту с полной справедливостью можно отнести замечание Р.Л. Розенфельдта, что они набивались только на переднюю (зацепную) часть копыта и использовались, скорее всего, в зимнее время (Розенфельдт, 1960. С. 278).

Второй вариант (округлые) представлен подковами, шириной 7–11,5 см, при длине 5–13 см (рис. 2, 3, 4). Скорее всего, подковы второго варианта покрывали большую часть копыта. Строение и длина шипа, как у первого, так и у второго вариантов не отличается.

Второй тип представлен подковами в форме трехчетвертного овала с двумя или тремя шипами. Зафиксировано 68 изделий. Данные подковы значительно крупнее: их ширина составляет 9,5–16 см, длина – 10–17,5 см. Средний вес – 150–200 г (рис. 2, 5, 6). Все 68 изделий, происходящие из слоев Москвы и ее округи, не имеют характерного извилистого края и датируются по сопутствующему материалу XVI–XIX вв. Тенденция к увеличению размера этих подков, отмеченная А.Н. Кирпичниковым, хорошо прослеживается на примере нашей коллекции. Подковы шириной 9,5–10,5 см встречаются только в слоях XVI–XVII вв. Начиная с XVIII в., появляются изделия шириной более 15 см. Некоторая закономерность усматривается в том, что подковы XVI в. преимущественно имеют равную или даже меньшую длину по сравнению с шириной (10x10, 12x12, 14x13 см), тогда как поздние образцы несколько вытягиваются, увеличиваясь в длине на 1–2 см. Со временем изменяются и пластины подков. Если ширина зацепной части у половины подков XVI–XVII вв. составляет от 4 до 6 см, то максимальная ширина таковой в XVIII–XIX вв. – 3,7 см, а у основной массы – от 2 до 3 см. В XVI–XVII вв. ее толщина составляла в основном 0,4–0,6 см, в XVIII–XIX вв. – не менее 0,8 см.

Желобок, соединяющий отверстия для утопления подковных гвоздей, стали пробивать на подковах с XVI в., но тогда он еще не был обязателен. С конца XVI в. известны случаи, когда желобок пробивался и на подковах **первого типа**.³

² Р.Л. Розенфельдт (1960) отнесил бытование подков данной разновидности к XIV–XVI вв. Изделия, происходящие из Москвы и датированные временем ранее XV в., мне на сегодняшний день не известны.

³ Данная деталь отмечена и на одной из самых ранних подков этого типа, происходящей из Новгорода. К сожалению, на рисунке, приведенном А.Ф. Медведевым, она не отражена.

Начиная с XVI в. у подков второго типа появляется третий (передний) шип, который может служить некоторым хронологическим маркером. Аналогичное нововведение зафиксировано и по материалам Центральной Европы. Форма шипа и способ его изготовления пока еще не изучены в должной мере. Как уже было сказано, подковы типов II и III, по европейской систематизации, отличаются только формой шипа, изготовлявшегося двумя способами – сковыванием на конус участков первоначальной заготовки либо просто загибом под прямым углом концевых ветвей изделия. Передние шипы также выковывались двумя аналогичными способами. Но только на подковах из Тушинского лагеря можно заметить второй вариант изготовления переднего шипа, когда часть закраины просто загибалась, причем загиб пластины производился, по всей видимости, после изготовления подковы и, возможно, далеко не профессиональными кузнецами, так как эти шипы порой просто погнуты, и часто не по центру.

Отдельно хотелось бы упомянуть комплекс подков **второго типа**, происходящих с территории Тушинского лагеря. Они делятся на две неравные по качеству исполнения разновидности. К первой – меньшей – можно отнести качественно выделанные изделия с четкими округлыми контурами, глубокими, хорошо читаемыми желобками, симметрично расположенными в них шестью тонкими отверстиями и скованными на конус-пирамидку концевыми шипами. Аналогичные изделия часто встречаются в слоях средневековой Москвы. Вторая разновидность более многочисленная – это такие же по размеру, но значительно хуже исполненные экземпляры. Прежде всего, отмечается неровность пластины, имеющей извилистый край, образовавшийся из-за пробивания крупных отверстий; желобки, соединяющие отверстия, отсутствуют; два (чаще три) шипа откованы загибом пластин, что сближает их с подковами типа III по европейской типологии. Мне таких изделий в слоях Москвы не попадалось, возможно, перед нами образцы,

исполненные в иной традиции «пришлыми» кузнецами.

Ни в один из выделенных типов не попадает подкова, найденная в 1996 г. в Москве при раскопках на Гостином дворе в слое XVI в. Она представляла собой почти круглое изделие с двумя сходящимися ветвями, размером 11,3x11,3 см (рис. 2, 7). В пластине подковы пробито 6 круглых отверстий под гвозди. Края ветвей слегка погнуты. Аналогичные подковы хорошо известны на территории Юго-Восточной Европы и выделены, как уже говорилось выше, в европейской типологии в тип IV. Факт находки этого экземпляра именно на Гостином дворе может быть связан с одной из балканских торговых миссий в Москве.

В рамках вышесказанного нельзя не упомянуть о ледоходных шипах. Всего из раскопок в Москве и ближнем Подмосковье мне известно 19 изделий, из них только для 13 находок имелась надежная документация. 9 ледоходных шипов происходило из слоев XIII–XV вв., и 3 находки встречены в слоях XVI–XVII вв.

Таким образом, на основании приведенных данных представляется возможным сделать некоторые предварительные выводы. На протяжении XIII–XV вв. на территории средневековой Москвы и подмосковных сел в зимнее время копыта лошади снаряжали только ледоходными шипами. В XV в., по всей видимости, распространяются подковы **первого типа**. Они набивались преимущественно зимой (возможно, в распутье) наряду с ледоходными шипами. Но, в отличие от последних, перед ними ставилась еще и предохранительная функция, о чем свидетельствует почти равное соотношение двух вариантов подков первого типа, как округлых, так и сегментовидных (рис. 3). В XVI в., когда появились крупные универсальные подковы **второго типа**, и ими стали чаще коваться ломовые (извозные) лошади, *первый вариант* подков **первого типа** стал доминирующим. Такие подковы, вероятно, использовались в основном как вариант ледоходного шипа с предохранительными функциями зацепа.

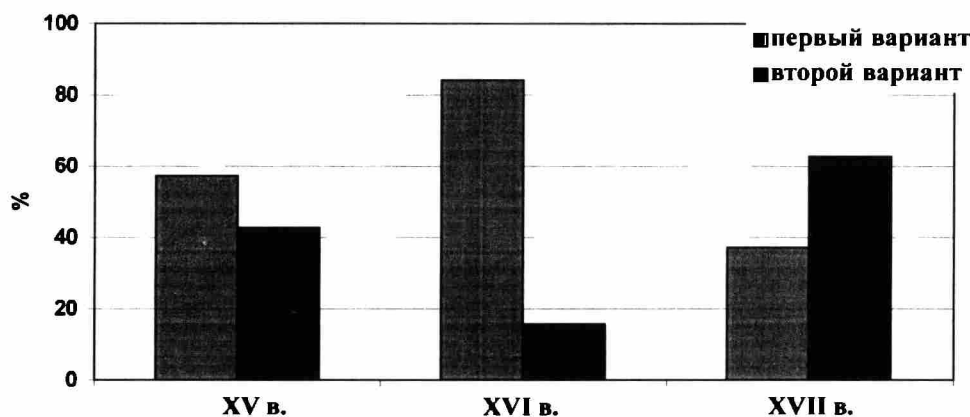

Рис. 3. Соотношение вариантов размеров подков (первый тип)

Возможно также их применение дляковки верховых лошадей. Объяснить, почему в XVII в. процентное соотношение двух вариантов подков **первого типа** опять выравнилось, довольно сложно. Возможно, распространение традицииковки верховых лошадей привело к уравниванию количества сегментовидных и полных (округлых) подков **первого типа**, применяемых в зимних условиях наряду с ледоходными шипами.

На протяжении трех столетий подковы **первого типа** оставались доминирующими (рис. 4), но их доля постепенно уменьшалась и к XVII в. стала примерно равной доле подков **второго типа**. Не смотря на то, что конструкция подков **второго типа** изначально подразумевала функцию сохранения копыта, перед ними также ставилась задача предотвращения скольжения копыта: в самом деле, нет ни одной подковы XV–XVII вв., которая не была бы снабжена шипами.

Рассмотрение типологического разнообразия подков в отрыве от традиций их изготовления и подковывания лошади, значительно ограничивает наши представления как о самих подковах, так и о таком разделе коневодства какковка лошади. Технология изготовления описанных двух типов подков до сих пор не становилась предметом специального изучения⁴. Изготовление подков, как правило, являлось первым экзаменом для будущего кузнеца. Изготовление одной подковы, как и в наши дни, требовало выполнения в среднем 4–5 операций с повторяющимися нагревами (в зависимости от квалификации мастера). Сначала заготовке придавали форму вытянутого ромба. На эту операцию могло уйти 2–3 нагрева. Затем, чтобы сделать шипы, концы пластины сгибали под прямым углом и сковывали на конус, для чего требовалось еще два нагрева будущего изделия. Пробитие желобка по центру пластины широким зубилом было третьим дей-

ствием мастера. Одновременно с этим, если задумывался третий шип, один из тупых углов пластины расковывался под него (либо изначально заготовливался у пластины). На эту операцию так же могло уйти до 3-х нагревов заготовки. Четвертое действие представляло собой загиб изделия на коническом роге наковальни. (Заметим, что форма подковы – заостренный ли это овал или округлое изделие – может говорить также и о форме наковальни, на которой ее ковали, а наличие и качество желобка указывает на набор инструментов, использовавшихся в работе кузнецом. Наблюдения за такими деталями у изделий, происходящих с разных памятников, может выявить кузнечные традиции, ярче всего проявлявшиеся при изготовлении именно массовых и повсеместно распространенных изделий.)

Последний, пятый, этап в изготовлении подковы – это пробивание отверстий. От этой операции зависит, к какому конкретному участку копыта гвоздями будет крепиться пластина подковы. Известно, что изготовление подковы подразумевает либо работу кузнеца по конкретному копыту лошади, либо создание некоего стандартного изделия, которое позже может подгоняться к конкретному копыту.

Технология изготовления подков **первого типа** несколько проще. Из первоначальной пластины (возможно также в виде ромба или овала), расположив ее ребром на роге наковальни, выковывали центральный шип, причем во время этой операции пластина сгибалась под тупым углом. На некоторых подковах с внутренней стороны читается четкий след от конца острого рога наковальни, образовавшийся во время формовки шипа. Обращает на себя внимание, что во время пробивания отверстий на таких подковах мастера часто не заботились о выравнивании заостренных краев, торчащих в сторону копыта.

⁴ Пользуясь, случаем выражаю признательность кузнецам М.Ю. Меньшикову и И.Ю. Сытенко за ценные замечания и оказанную помощь при написании этого раздела статьи.

На подковах же **второго типа** они практически всегда убраны.

На фоне очевидных положительных моментов подковывания особый интерес представляет понимание последствий его применения в рамках той или иной коневодческой традиции. Ковка лошади это одна из самых ответственных операций по уходу за животным. Распространеннейшими заболеваниями лошадей являются болезни ног. В девяноста случаях из ста причиной этого бывает некачественная ковка и, соответственно, некачественные подковы.

Различные виды подков по разному воздействуют на копыто и на механику его работы. Само копыто, состоящее из рогового башмака и внутренней мясной подошвы, требует очень тщательной и выверенной работы при крепежке подковы к копыту. Роговой башмак состоит из 3-х разных частей: роговой стенки, роговой подошвы и роговой стрелки. Передняя зацепная часть роговой стенки копыта у современных лошадей достигает 11–13 мм, боковая стенка – 6,5–8,5 мм, пяточная стенка – 4,5–6,5 мм. Правильный наклон передней стенки копыта к горизонтальной поверхности подошвы 45° на передних копытах и 50–55° – на задних. При шаге по ровной дороге передние и задние копыта ступают подошвенным краем зацепа раньше, чем остальной частью, или сразу, так что весь край одновременно касается земли. При тяжелой езде или подъеме в гору на стирание работает, прежде всего, зацеп; при рыси – весь подошвенный край переднего копыта одновременно; на более быстрой рыси чаще касается пяточная часть. Задние копыта на рысях касаются, прежде всего, зацепом, а потом боковой внешней стороной и пяточной частью. При галопе внутренняя часть заднего копыта и наружная переднего соприкасаются с поверхностью дороги одновременно всем краем, внутренняя сторона передней ноги наступает на пяточную часть, наружная задней ноги – зацепом. При любом аллюре копыто, касаясь земли, благодаря роговой стрелке расширяется, что снимает нагрузку с мышц и сухожилий, являясь неким амортизатором. Бороздки на роговой стрелке – естественное приспособление для предотвращения скольжения копыта (Урусов, 1902. С. 894, 895). Все это позволяет понять, что же происходило с копытом лошади, регулярно подковывавшимся двумя рассмотренными выше типами подков. Лошадь начинала касаться земли не копытом, а подковой, вследствие чего копыто лишалось естественной почвенной влаги. Нижний рог переставал стираться, становился рыхлее, отрастал, поэтому возникала потребность в более частой перековке. Это, в свою очередь, всегда было связано с риском заковки или расщепления копыта. Стрелка рогового башмака лишалась возможности выполнять свою функцию, т. к. оказывалась зажатой прибитой подковой (особенно это касалось применения подков

второго типа, с широкой зацепной частью, бытовавших в XVI–XVII вв.). Стрелка начинала уменьшаться, а задняя половина копыта – сужаться. Это вносило изменения в механизм естественной работы копыт во время движения. Во-первых, тяжесть тела в этом случае падала исключительно на подошвенный край роговой стенки и на подкову, а не на все копыто, соединительные углы стрелки бездействовали, а эластичность копыта не находила себе достаточного применения, то есть не способствовала уменьшению силы толчков. Вследствие этого, претерпеваемые конечностями толчки во время движения беспрепятственно предавались суставам, сухожилиям и связкам лошади, что по своим последствиям сравнимо с таким человеческим недугом, как плоскостопие. Специалистам известно: если подкова неправильно и небрежно выкована и пригнана, то ход лошади утрачивает уверенность и легкость. Кроме того, копыто обременяется тяжестью подков, что немаловажно для свойств верховой лошади (Урусов, 1902. С. 880–882).

Частота перековки может быть связана и с тем, что шипованные подковы в зимних условиях часто истираются неравномерно. Наблюдения показывают, что только очень высокие и острые шипы препятствуют скольжению, а низкие шипы порой, наоборот, способствуют скольжению и большей неуверенности лошади при ходьбе. Наличие именно высоких шипов мы отмечаем на подковах **первого типа**. Но чем выше шип, тем он быстрее снашивается (эффективность шипа резко снижается уже за половину срока применения подковы, другими словами, всего через 8 дней активного пути шип стирается на половину высоты). Как следствие, требуется более частая перековка, что само по себе не допустимо. К тому же у подков **второго типа** шип с внешней стороны снашивается в два раза быстрее, чем с внутренней, и копыто приобретает другую постановку, также сказывающуюся на ходе лошади. Дожившая до наших дней распространенная традиция отковывать только два задних шипа, особенно сильно влияет на постановку копыта, что усугубляется применением таких шипов и в летнее время. Более всего это отражается на передних ногах, которые ковались чаще, т. к. вес тела при движении преимущественно ложится на них. Появление на подковах третьего шипа (в зацепной части) несколько нивелирует, с точки зрения механики, отрицательные последствия для копыта (Урусов, 1902. С. 925–926).

В Западной Европе изготовление подков без шипов не являлось редкостью даже для самых ранних образцов. Иные задачи ставились перед подковами, распространившимися на Руси, – прежде всего выполнение ледоходной функции. Этим может быть объяснено существование ледоходных шипов с подковами практически до XVII в. Однако сам способ крепления шипов к копыту (неотделяемые, в отличие от подковых

гвоздей, два мощных рога шипа вбивались в копыто лошади) был небезопасен, что и обусловило со временем выход таких изделий из обихода. В условиях городской жизни XVIII–XIX вв., когда лошадь являлась единственной тягловой силой, подковыванию стало уделяться особое

внимание – некованная лошадь постепенно становится редкостью. В это время в России, вслед за Западной Европой, основной задачей подковы стало сбережение рогового башмака копыта от стирания, а ледоходная функция отошла на второй план.

Литература

- Кильдюшевский В. И.*, 1998. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Военная археология. Спб.
- Кирпичников А. Н.*, 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. Л.
- Медведев А. Ф.*, 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1960. О конструкции и назначении некоторых железных изделий // СА. № 2.
- Урусов С. П.*, 1902. Книга о Лошади. Т. III. СПб.
- Vaňa P.*, 1981. Podkuvanie na Slovensku v 11–13 Storochi // Slovenska Arheologica. XXIX-2. Bratislava.

Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV века

Настоящая работа продолжает серию статей, посвященных этапам внутренней колонизации северо-востока Московского княжества в XIII–XVI вв. (Чернов, 1996; 2000). Каждый из этих этапов отличался значительным своеобразием в плане ландшафтной приуроченности и топографии селений. Кроме того, поселения каждого из этих этапов отличались устойчивыми комплексами материальной культуры.

Постановка подобных исследований стала возможна после выделения групп закрытых комплексов керамики: Царево-1 (вторая половина XIII в.), Лешково-2 (первая половина XIV в.), Семхоз-4 (третья четверть XIV в.), Шавыкин монастырь (последняя четверть XIV в.), Михайловское-2 (первая половина XV в.), Коломенское (последняя четверть XV в.), Ларино (первая половина XVI в.), Копнинский лес-3 (1560 – конец XVI в.) (МК, 1991; Чернов, 1996). Для селищ, входящих в каждую из этих групп, выделены базовые памятники, на которых проведены или планируются раскопки широкой площадью.

Не менее важным представляется изучение групп памятников, сложившихся в тот или иной хронологический период. С точки зрения методики полевых исследований, эта работа занимает промежуточное положение между разведками, с одной стороны, и раскопками широкой площадью – с другой. Здесь на первый план выходят такие методы, как фиксация подъемного керамического материала и его статистическая обработка, фиксация находок, собранных с применением детектора металла, с их привязкой на уровне отдельных усадеб, а также проведение рекогносцировочных раскопок. Результатом подобных исследований становится углубленное понимание группы синхронных памятников – не как абстрактного «гнезда поселений», но с учетом этапов освоения территории и изменений в материальной культуре.

В этом отношении группа селищ на ручье Оржавец в Радонеже представляет несомненный интерес для понимания этапа внутренней колонизации, маркирующегося на северо-востоке Московской области комплексами типа Лешково-2.

Перед тем как обратиться к материалам, являющимся предметом настоящей статьи, необходимо кратко изложить историю изучения селищ на ручье Оржавец, обрисовать их топографическое положение и дать историко-ландшафтную характеристику.

Первое знакомство с этой группой памятников произошло в июле 1981 г., когда в полутора километрах к востоку от церкви села Радонеж (тогда село Городок) Сергиево-Посадского района Московской области, на берегу ручья Оржавец, при его впадении в приток р. Пажи (Воздвиженский ручей), было обнаружено селище Лешково-2. Раскопки, проведенные на селище, выявили подпечную яму, которая дала комплекс вещей и керамики, включавший курганный посуду. Стало очевидным, что обнаружен памятник, относящийся к наиболее раннему пласту средневековых славянских древностей Радонежа (Чернов, 1981. С. 22–47).

По мере введения в научный оборот все новых керамических комплексов было установлено, что комплекс Лешково-2 отражает важный этап в формировании раннемосковской керамической традиции (Чернов, 1992. С. 142–169). В 1988 г. при раскопках на Историческом проезде в Москве был обнаружен весьма близкий ему керамический комплекс из сруба 6, который по находке голубых непрозрачного стекла перстней был датирован первой половиной XIV в. Таким образом был выделен этап бытования раннемосковской керамики, характеризующийся исчезающе малым процентом курганной (древнерусской) керамики, преобладанием сероглиняной (постдревнерусской) керамики и присутствием ранних вариантов красноглиняной грубой посуды с ее новым стилем ornamentации. От типологически более ранних комплексов типа сруба 1 Исторического проезда (порубочные даты 1249 г., 1251 г., 3-я четверть XIII в.) – Царево-1, сочетающих курганный и серую посуду, интересующая нас группа комплексов отличается присутствием небольшого процента красной грубой посуды. От типологически более поздней керамической серии Семхоз-4 и комплексов типа Шавыкина Дубенского монастыря (1380–1390-е гг.) она

отличается присутствием курганной керамики (Чернов, 1991. С. 20–32).

Параллельно с установлением места памятников типа Лешкова-2 в общей хронологической схеме раннемосковских древностей шло накопление археологического материала, связанного с данной группой памятников. В 1984 г. были обнаружены синхронные Лешкову-2 селища Голыгино-2 (у завода пластмасс) (Чернов, 1984б. С. 22, 29–30) и Лешково-4, на котором была исследована наземная постройка с материалом, близким Лешкову-2 (Чернов, 1984а. С. 48–87. Сооружение и происходящий из него комплекс керамики частично опубликованы (Чернов, 1991. С. 130. Табл. 167). Первое из них было найдено в 2 км к юго-западу от Лешкова-2, на междуречье рек Вори и Пажи, а второе – в 2 км к северо-востоку от Лешкова-2, вблизи от вершины моренной возвышенности. Таким образом, были очерчены пределы распространения памятников данного хронологического этапа в окрестностях Радонежа (рис. 1). Поскольку на большей части позднейшей Радонежской волости не выявлено поселений данного периода, можно полагать, что перечисленные выше селища могут быть интерпретированы как селения великокняжеской волости «Радонежское», которая впервые упоминается в духовных грамотах Ивана Даниловича Калиты 1336 и 1339 гг. и центром которой тогда являлось «село Радонежское» (ДДГ. С. 8, 9).

В 1985 г. в 300 м к северу от Лешкова-2, выше по течению ручья Оржавец, было обнаружено селище Лешково-9, а в 1986 г. на нем был найден бронзовый крест-тельник с криновидными завершениями (Чернов, 1986. С. 29–31, 59). В 1994 г. к западу от селища Лешкова-9 было обнаружено третье поселение на Оржавце – селище Лешкова-8 – и собран керамический и вещевой материал, позволяющий дать более развернутую характеристику этой группы памятников. Таким образом было установлено, что ручей Оржавец является местом концентрации ранних радонежских поселений (рис. 2).

В связи с этим возникла необходимость объяснить, почему население сосредотачивалось не на р. Паже, а в полутора – двух километрах от нее. Одной из причин могло являться то, что верховья Оржавца близко подходили к древней Переяславской дороге (рис. 1; 2, 5). Однако данный факт мог лишь отчасти объяснить топографию ранних радонежских селищ.

Следующим этапом стало палеоландшафтное осмысление этой группы поселений (рис. 2). Оказалось, что этот район был привлекателен для древнего населения по целому ряду причин. Ручей Оржавец берет начало на южном склоне моренной возвышенности (отметки 195–220 м над уровнем моря), упоминаемой в летописи как «гора над Радонежем». В его верховьях до наших дней сохранились выходы грунтовых вод, образующие ряд источников, которые, несомнен-

но, использовались в древности (рис. 2, II) (Чернов, 1989. С. 437. № 228–230).

Ботаническое обследование 1984 г. позволило предположить, что на моренной возвышенности в XIV в. произрастали широколиственно-еловые леса на богатых почвах. Ландшафты моренной равнины, непосредственно прилегавшие к долине р. Пажи, были покрыты еловыми лесами на более бедных почвах (Чернов, 1987. С. 59–68). Специальные почвенные и палинологические исследования, проведенные на разрезах к югу от селища Лешкова-2 в 1988 г. (рис. 3, IV), вскрыли слои первой половины XIV в., перекрытые прудовыми отложениями XVI в. (Александровский и др., 1990. С. 94–109). Из этого раннего слоя был получен палинологический материал, подтвердивший ботаническую гипотезу о господстве в XIV–XV вв. на моренной возвышенности липово-еловых и дубово-еловых лесов (Бызова и др., 1993. С. 167–189).

Таким образом, наиболее вероятным объяснением концентрации ранних радонежских селищ близ ручья Оржавец можно считать удобство для земледелия почв моренной возвышенности, и особенно, ее южного склона, который отлично дренировался и отличался ранним сроком готовности пашен к полевым работам (Низовцев, 1996. С. 23–27). Другими факторами, привлекавшими сюда население, являлись близость Переславской дороги, наличие источника воды и ландшафтное разнообразие местности, что могло создавать дополнительные хозяйственные возможности.

Селище Лешково-2 (в урочище Могильцы)

Селище расположено в 1,58 км к востоку от церкви с. Радонеж и в 0,36 км к северо-востоку от новой трассы Ярославского шоссе, на поле, относящемся к землепользованию с. Воздвиженского (АО «Зубцовский») (рис. 3). Древнее поселение занимало мыс, образованный при соединении долины ручья Ржавец с Могилецким оврагом, подходящим к нему с востока. Ниже этого соединения ручей носит название Воздвиженского. Мыс между оврагами полого повышается в направлении на северо-восток от отметки 176 м в пойме у соединения оврагов до отметки 178 м (нижняя окраина селища) и далее до отметки 184 м (верхняя окраина селища). С северо-запада и с востока поле ограничено перелесками.

Поле, на котором было обнаружено древнее поселение, жители села Воздвиженского называют Могильцами. П.А. Савальский (из с. Воздвиженского) помещал поле Могильцы в полукилометре на северо-восток от места соединения Воздвиженского и Сельского оврагов (в 300 м к СЗ по шоссе на с. Радонеж от Нового Ярославского шоссе). Н.А. Митрофанов (из с. Воздвиженского) называет это же поле «Могил-

Таблица 1. Распределение керамики из шурфов и 1 пласта раскопа по типам

№ шурфа, пласт, раскоп, яма	Курганная	Серая	Красноглиняная грубая	Белоглиняная грубая	Красноглиняная гладкая	Чернолощеная	Поливиная	Прочее	Инвентарные №№
Шурф 1–21	1 (1)	7 (6)		1 (1)	2 (2)	1 (1)	1 (1)	стекло бутылочное	1–13
Раскоп. Пл. 1, кв. 1	10 (3)	190 (59)	13(4)	3 (2)	7 (1)	9 (1)	1	стекло – 1; гвозди – 2	14–70
Раскоп. Пл. 1, кв. 2	10 (2)	178 (9)	8 (2)	2	5	9	1	фарфора обл.	255а, 256а, 257–267
Всего в пл. 1 раскопа – 451	20	368	21	6	14	19	3		
%	4,4	81,6	4,6	1,3	3,1	4,2	0,8		
Всего в яме 1 – 407	20 (4)	334 (168)	53 (14)						71–256
%	5	82	13						

ки»¹. В с. Городок (Радонеж) М.С. Самойлов отметил: «Мы не называли, а лешковские называли “Могилки”»².

Границы поля (350x200 м) фиксируются на планшете мензуральной съемки 1930 г. Тогда к северу от него еще сохранялась перемычка (лес), отделявшая его от поля Ржавец (рис. 2) (Чернов, 1983. Л. 16). Судя по Владельной записи 1870–1872 гг., поле Могильцы входило в крестьянский надел дер. Лешкова³.

В июле 1981 г., когда на памятнике проводились разведочные работы, поле оставили под пар и сбор подъемного материала был невозможен. Поэтому по центральной части поля с СВ на ЮВ была заложена линия шурфов: шурф 1 располагался в 40 м от поймы, при соединении оврагов, а шурф 20 – в 240 м. Шурфы закладывались через 10 м и имели размеры 1 м x 1 м. Шурфы 1–12 зафиксировали переотложенный в ходе многолетней распашки гумусированный серо-бурый суглинок мощностью 20–30 см (в шурфах 6 и 7 он достигал 35–40 см). Слой залегал на буром материковом суглинке, представляющем собой бурый горизонт дерново-подзолистой почвы. В шурфах 8 и 9 прослеживался залегающий на нем светло-серый суглинок – следы подзолистого горизонта почвы, разрушенного на большей части территории селища в ходе распашки и смыва. В шурфах была найдена чернолощеная, белоглиняная и курганная керамика.

21 июля 1981 г. шурф 5 был расширен до раскопа (4x4 м) (МК, 1991. Табл. 64). После разборки перепаханного культурного слоя, мощность которого составляла 35 см, была проведена зачистка материка, которая зафиксировала в северной части шурфа интенсивно-черное пятно культурного слоя. Пятно имело размеры 2,5x1,2 м и уходило в северо-западную стенку шурфа. Выборка заполнения пятна показала, что мы имели дело с ямой в материке, с пологими стенками, глубиной 0,6 м от уровня древней поверхности земли. Заполнение состояло из черного ненарушенного культурного слоя с включением камней, обломков печной обмазки (обожженная глина) и углей. Было встречено большое число фрагментов керамики. С целью полного изучения постройки шурф был расширен в северо-западном направлении на 14 кв. м (кв. 1). При этом была оставлена бровка, позволившая выполнить разрез постройки. Затем еще 16 кв. м (4x4 м) было вскрыто к юго-востоку от первоначального шурфа (кв. 2). В результате общая площадь раскопа составила 46 кв. м. Зачистка, произведенная после снятия верхнего пахотного слоя, позволила полностью проследить границы ямы.

В 1-м пласте был найден 451 фрагмент керамики, в коллекцию взято 70 экз. Четко выделялось две

¹ Савальский Петр Александрович родился в 1908 г. в с. Воздвиженском. Род Савальский, по местному преданию, ведет свое происхождение из Польши. Митрофанов Нил Алексеевич родился в д. Комякино близ Хотьковского монастыря и жил там до 1968 г., когда переехал в с. Воздвиженское. Работает лесником. Записано в лесничестве близ с. Воздвиженского. Записи произведены 16–21 июля 1980 г. (Чернов, 1980. С. 2, 5. № 593). 21.07.1981 г. была сделана запись от Гурьянова Михаила Петровича, 1929 г. рождения, живущего в д. Спас-Торбеево. М.П. Гурьянов работал на тракторе и подошел к тому месту, где мы вели раскопки (селище Лешково-2). Место это между двумя оврагами он назвал Могилками, а поле за оврагом к западу – «Лопата». Увидев древнюю яму, раскопанную под пахотным слоем, он сказал: «Да, видно, раскапываете, что было до литовского нашествия. Здесь много поселений пропало» (Чернов, 1980. С. 22).

² Самойлов Михаил Семенович родился в 1921 г. в с. Городок и проживает здесь (доме № 45) до настоящего времени. Запись произведена 10.10.1984.

³ Дело о выкупе надела крестьянами сельца Лешкова у помещика Домбровского. 1870–1872 гг. // ЦГИАМ. Ф. 66. Оп. 5. Д. 771. Л. 11–12.

разновременные керамические группы. К ранней группе относилась курганная (4,4%), сероглиняная (81,6%) и красноглиняная грубая ранняя (4,6%). Поздняя группа, в целом составляющая 9,4%, включает красноглиняную гладкую (3,1%), чернолощеную (4,2%), белоглиняную грубую (1,3%) и позднюю поливную посуду. Чернолощенная керамика покрыта сплошным лощением, что типично для XVI–XVII вв. Наиболее информативны для характеристики поздней группы керамики два завершения белоглиняных грубых горшков 81Л-31 и 81Л-33. Последний имеет вертикально поставленный венчик. Внешний эллипсовидный валик выражен очень слабо, зато имеется подтреугольный валик внутри сосуда и заостренный край – элементы, которые станут типичны для белоглиняной гладкой посуды, получающей распространение около 1560-х гг. Следует, впрочем, отметить, что отдельные белоглиняные грубые сосуды такой формы известны и в комплексах последней четверти XV в. (МК, 1991. Табл. 109, 291).

Обратимся теперь к описанию сооружения, сохранившегося в виде ямы I. В зачистке материка яма имела округлую форму и размеры 2,5х2,2 м. Глубина ямы от уровня материка составляла 75–80 см, стенки – пологие. Ее заполнение резко отличалось от вышележащего серо-бурого переотложенного слоя. Это был сильно гумусированный суглинок черного цвета – благодаря многочисленным мелким фрагментам угля, начинавшим заполнение сверху донизу. Кроме того, в заполнении имелось большое число мелких камней и обломков обмазки печи. Найдено два обломка обмазки печи, имеющие обработанные поверхности, причем на одной из них зафиксированы отпечатки ткани (МК, 1991. Табл. 64, 4, 5). Из вещей в заполнении ямы было найдено овальное железное кресало (МК, 1991. Табл. 64, 1), датруемое по Новгороду второй половиной XIII – XIV в. (Колчин, 1959. С. 99; 1982. С. 163), нижняя часть цилиндрического пружинного замка (МК, 1991. Табл. 64, 2) и фрагмент точильного камня (МК, 1991. Табл. 64, 3). По форме ключевого отверстия замок относится к типу В, а по наличию контрольного штифта перед отверстием – ко второму варианту этого типа, вошедшему в употребление в начале XIII в. и использовавшегося до начала XV в. (Колчин, 1959. С. 79, 82. Рис. 65, 70). На замке имеются вертикальные щитки, закрывающие ключевое отверстие – дополнительное усовершенствование, появившееся, судя по материалам Неревского раскопа, в конце XIII в. (тип Д; Колчин, 1959. С. 82. Рис. 70), а с учетом находок на других новгородских раскопах – в середине XIII в. (тип Г; Колчин, 1982. С. 160, 162. Рис. 3).

Характер залегания углистых прослоек, наличие обломков обмазки печи и набор находок позволяют интерпретировать сооружение как подпечную яму жилой постройки, погибшей в результате пожара. По вещам комплекс может быть датирован в пределах второй половины XIII – XIV в.

В яме I селища Лешкова-2 найдено 407 фрагментов керамики, среди которых 186 венчиков, донцев и орнаментированных фрагментов стенок (взяты в коллекцию). Из них около 5% относится к курганной посуде, характеризующейся активной профилировкой венчика, горизонтальным рифлением и добавкой в тесто толченого гранита (кварцитов). В качестве примера можно привести фрагмент 81Л-82 со срезанным венчиком с закраинами, близкий к манжетовидным (МК, 1991. Табл. 66, 82). Кстати, аналогичный венчик был найден в 1-м пласте (81Л-21).

82% материала составляет сероглиняная керамика с заглаженной поверхностью, слабой профилировкой венчика и горизонтальным орнаментом, нанесенным по подсохшей поверхности сосуда. По форме верхней части сосуда наиболее распространенным является 6-й вариант: с отогнутым наружу слабопрофилированным срезанным венчиком (МК, 1991. Табл. 65). К этому варианту относятся собранные до полной формы горшки 1 (МК, 1991. Табл. 65, 169, 170; к нему относятся также фрагменты 171–215) и 2 (собрана верхняя часть; МК, 1991. Табл. 66, 216; ему принадлежат также фрагменты 217–254). Довольно значительную серию образуют горшки 3-го варианта с отогнутым наружу венчиком и округлым или секировидным валиком снаружи (МК, 1991. Табл. 66, 74, 81, 83, 93, 107, 108), имеются и сосуды со слегка отогнутым венчиком и заостренным краем (МК, 1991. Табл. 66, 86). В отличие от сосудов курганного типа, серые горшки беднее орнаментацией. Судя по целой форме, горизонтальный орнамент состоял всего из трех полос в верхней и средней части тулова (МК, 1991. Табл. 65, 169; см. также табл. 66, 107, 108). Донца сосудов несут следы подсыпки песка. 4 из 12 донцев имеют закраины. Одно донце несет клеймо в виде буквы «М» (МК, 1991. Табл. 66, 163).

13% от общего состава керамики комплекса Лешкова-2 по составу теста и формам венчика (заостренного или с эллипсовидным в сечении валиком) близки к серой керамике. Но по шейке этих сосудов прослеживается орнамент в виде косой волны, типичный для красноглиняной московской посуды (МК, 1991. Табл. 64, В). Именно этот материал придает комплексу из Лешкова-2 своеобразие и индивидуальность. Подобная керамика примерно в том же процентном составе присутствует в срубе 6 Исторического проезда. Это обстоятельство позволяет датировать комплекс из Лешкова-2 концом XIII – первой половиной XIV в.

Селище Лешково-8 (на поле Верхняя Лопата)

Селище было обнаружено в 1994 г. (Чернов, 1994б. С. 20, 29. Рис. 131–141). Оно расположено в 0,6 км к востоку от с. Радонеж, на правом берегу ручья Оржавец, в северной части поля Верхняя Лопата и частично на территории квартала 17 Воздвиженского лесничества (рис. 4), на склоне моренной возвышенности. Западная часть селища охватывает вершину возвышенности (отметка 191,8 м), господствующей над долиной ручья (отметка 180 м) и полем Лопата. Превышение уровня этой части селища над ручь-

ем – 11,8 м. Площадка западной части селища почти горизонтальна. Падение уровня (с востока на запад) составляет всего 16 см на каждые 10 м по горизонтали.

От вершины возвышенности берет начало крутой склон к ручью. На этом склоне расположена основная часть поселения. Его нижняя оконечность имеет отметку 186 м и возвышается над уровнем ручья на 6 м. Таким образом, разница уровня западной (возвышенной) и восточной (пониженной) частей поселения составляет 5,8 м, а величина падения уровня его площадки – 58 см на каждые 10 м по горизонтали. В районе восточной оконечности поселения не фиксируется бровки, но начиная отсюда и вплоть до поймы ручья, склон становится более крутым – величина падения уровня составляет 120 см на каждые 10 м по горизонтали.

Северная часть поля Верхняя Лопата, на которой расположено селище, заглублена в лесной массив на 60 м и представляет собой участок подпрямоугольной формы (180х60 м), частично отделенный от основной части поля полосой мелколесья (45х8 м). Селище охватывает большую часть описанного участка, за исключением небольшого пространства в его западной возвышенной части (шириной 25 м), и склон к ручью Оржавец. Культурный слой прослежен также к югу от полосы мелколесья на пространстве в 20 м.

В направлении с севера на юг длина селища (с запада на восток) увеличивается. На пограничье с лесом она составляет 75 м, в южной части заглубленного в лес участка поля – 120 м, а вдоль своего южного контура – 150 м. Ширина поселения (с севера на юг) равняется 90 м. Площадь его составляет 10 тыс. кв. м.

К югу от селища прослеживается понижение рельефа, образованное небольшой ложиной. Склон прослеживается также от вершины возвышенности в северо-восточном направлении, к оврагу, пролегающему по территории лесного массива (кв. 17 Воздвиженского лесничества).

Мощность культурного слоя составляет 0,3–0,4 м. Вся территория селища распахируется. Исключение составляет узкая полоса (шириной 10 м) в его северной части, занятая лесом. Обследование пахоты велось в период, когда посева только начали всходить, после дождя. Все это облегчало фиксацию культурного слоя, выделявшегося по бурому цвету и отличавшемуся от более светлого цвета окружающей почвы, а также по присутствию керамики. На пашне четко выделялись пятна культурного слоя: пятно А в северной части селища площадью 50х23 м; пятно А1, расположенное в 25 м к ЮВ от пятна А, площадью 22х16 м; пятно В, расположенное в центре южной части селища, на наиболее возвышенном его участке и имевшее размеры 50х38 м; пятно D, находившееся в 33 м к западу от пятна В, размеры пятна – 20х10 м; пятно С,

выявленное в 45 м к югу от основной территории селища и имевшее размеры 75х23 м. Слой в районе этих пятен имел темно-бурю окраску и содержал большее количество керамики.

На поселении были найдены обломок железного скобеля (находка № 11) и обломок железного предмета, треугольного в сечении (находка № 12), а также обширный керамический материал.

Культурный слой селища распахируется. Судя по картографическим источникам середины XVIII – XX вв., распашка производилась на протяжении не менее двухсот пятидесяти лет. Натурные наблюдения свидетельствуют, однако, что выпаханность культурного слоя менее значительна, чем обычно бывает на памятниках, территория которых распахируется два с половиной столетия.

Керамическая коллекция селища Лешково-8

На селище собрана значительная по объему и весьма информативная коллекция. Керамика происходит из сборов подъемного материала, производившегося по 4 участкам, которые представляют собой пятна культурного слоя, сохранившиеся на месте древних построек. Всего собрано 496 фрагментов, из которых в коллекцию взято 135 фрагментов (94-676 – 94-810). Основная масса керамики происходит из участков «А» (319 фрагментов) и «В» (152 фрагмента). На всех участках материал идентичный. Он четко делится на два комплекса: ранний (439 фрагментов), и поздний (57 фрагментов). Типологический состав комплексов керамики представлен в таблицах 1 и 2.

Ранний комплекс. Ранний комплекс керамики отражает набор посуды одного из древнейших селений в округе Радонежа и представляет большой интерес. Как будет показано по ходу изложения, после прекращения жизни на нем прошел по меньшей мере двухвековой период полного запустения. Затем поселение вновь функционировало. Однако этот второй период, отраженный поздним комплексом керамики, не был ни продолжительным, ни интенсивным. В силу этого, а также из-за указанного выше хронологического разрыва (между первым и вторым периодом жизни на памятнике), поздний керамический комплекс легко вычленяется и не препятствует анализу раннего комплекса.

Обращаясь к анализу раннего комплекса, следует заметить, что в нашем распоряжении имеется фактически два комплекса, происходящие, соответственно, с участков «А» и «В». Эта керамика отложилась в ходе жизнедеятельности двух сельских усадеб. Разбор материала будет вестись отдельно по каждому участку. Это даст возможность вначале рассмотреть посуду,

Таблица 2. Селище Лешково-8. Подъемный материал. Ранний комплекс: распределение по типам

Участок селища (всего фрагментов)	Курганная	Серая	Красноглинная грубая	Серая или красноглинная гладкая	№№ фр-тов, взятых в коллекцию 1994 г.
Участок А (275)	венчики – 8 (8); орнаментированные стенки – 12 (12); стенки – 11. Всего – 30 (19)	венчики – 16 (16); орнаментированные стенки – 19 (17); стенки – 57. Всего – 93 (34)	венчики – 8 (6); орнаментированные стенки – 9 (6); стенки – 57 (2). Всего – 76 (14)	мелкие стенки – 76	676–745
% от общего числа	11	33,8 (49)	27,6 (40)	27,6	
% от числа венчиков	25	50	25		
Участок В (141)	венчики – 4 (4); орнаментированные стенки – 8 (8); стенки – 17. Всего – 29	венчики – 11 (11); орнаментированные стенки – 10 (10); стенки – 26 (1). Всего – 47	венчики – 5 (5); орнаментированные стенки – 1; стенки – 13. Все- го – 20	мелкие стенки – 45	759–796
% от общего числа	20,5	33,3 (55,7)	14,2 (23,8)	32	
% от числа венчиков	20	55	25		
Участок С	2	5 (1)	1 (1)		803–804
Участок D	2	10	3		806–809
Всего – 439	63	155	100	121	
% от общего числа	14,3	35,3 (52)	22,7 (33,5)	27,7	
% от числа венчиков	23	52	25		

связанную с конкретными хозяйственными единицами, а затем сопоставить полученные результаты.

Участок «А». Курганная керамика (рис. 5). Особенностью керамического комплекса Лешкова-8, бросающейся в глаза при первом с ним ознакомлении, является обилие керамики древнерусского или курганного облика.

В отличие от большинства ранних селищ радонежской округи керамика курганного облика выделяется здесь не в виде незначительной примеси, которую можно объяснить различными факторами, включая сбой в технологии, но в виде группы керамики, составляющей по разным расчетам от 10,9% (от общего числа фрагментов) до 25% (от числа венчиков) материала участка «А». Этой группе керамики свойственны устойчивый набор морфологических характеристик, обусловленных, в свою очередь, технологическими особенностями.

Керамика изготовлена из красножгущейся глины с примесью большого количества крупнозернистого песка и дресвы. Кварциты размерами от 0,1 до 2 мм не только видны в изломе черепка, но и выступают на поверхности сосудов, делая ее неровной. Толщина стенок сосудов колеблется от 4 до 8 мм. Сосуды прошли неполный окислительный обжиг (печной). Можно предполагать, что он велся по определенной, устойчиво соблюдавшейся схеме. В изломе практически все сосуды этой группы трехслойные. На 80% толщины черепка цвет его темно-серый или черный. Поверхности же имеют бурый с кирпичным отливом цвет, являющийся опознавательным знаком курганной посуды.

О форме сосудов этой группы можно судить по фрагментам семи горшков, относящимся к трем вариантам курганной керамики. Типичным образцом

1-го варианта является венчик 94-679, отогнутый под прямым углом, с округлым валиком на конце.

Наиболее ранние сосуды с венчиками такой формы встречены в курганных погребениях первой половины – середины XII в. Михайловской слободы (МК, 1991. Табл. 8, 3, 5). Близкий по форме горшок найден в погребении второй половины XII в. в кургане 11 группы Волоково (МК, 1991. Табл. 14, 1). Подобные формы имеются и в материалах из раскопок курганной группы Мурамцево-2 на р. Воре конца XI – первой трети XIII в. (комплексы смешаны) (МК, 1991. Табл. 17, 5, 7). Аналогичные завершения имеют несколько горшков из нижнего слоя Богоявленского монастыря, датируемого второй четвертью XIII в. (МК, 1991. Табл. 21, крайний справа в верхнем ряду; 23, 63; 25, 126), и близкого ему по времени комплекса из ямы 12 Исторического проезда (МК, 1991. Табл. 51, 3108). В комплексах следующего хронологического этапа горшки 1-го варианта курганной керамики встречаются в единичном числе. Можно указать на сосуды из сруба 1 (МК, 1991. Табл. 31, № 1000) и ямы 3 (МК, 1991. Табл. 41, 1902, 2007) Исторического проезда.

В этот период господствуют значительно менее профилированные (под 45° к вертикали) формы 1-го варианта серой посуды. В комплексах типа Лешкова-2 аналогии рассматриваемого нами сосуда не встречены.

Четыре венчика (94-676, 94-677, 94-678, 94-703) относятся к 3-му варианту курганной керамики с ребром по краю и валиком с внешней стороны. 94-677 имеет секировидный валик без упора под крышку. Отсутствие упора под крышку свидетельствует о том, что перед нами финальный этап развития формы 3-го варианта курганной керамики.

Наиболее ранние сосуды без упора под крышку появляются в комплексах нижнего слоя Богоявленского монастыря (целая форма; МК, 1991. Табл. 21, 50;

23, 64) и ямы 8 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 27, 2581). В комплексах следующего хронологического этапа сосуды этой формы также широко представлены. Они имеются в срубe 6 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 48, 2471), селищах *Шарапово-5 А* (МК, 1991. Табл. 62, В, 5) и *Огонек* (МК, 1991. Табл. 63, 2).

Что касается комплексов типа Лешково-2, то в них указанная форма не зафиксирована.

Венчик 94-676 имеет свисающий валик и рудиментарный желобок на месте уступа под крышку. Как и предыдущий образец 3-го варианта, он имеет все технологические признаки курганной керамики. Аналогии его отыскиваются в тех же группах комплексов.

Весьма близкий по форме венчик фиксируется в *Цареве-1* (МК, 1991. Табл. 62, А, б). Точная аналогия найдена на селище *Огонек*. Фрагмент обнаружен не в заполнении ямы, а в перекрывающем ее слое, но поскольку памятник однослойный, можно полагать, что он отложился в период функционирования ямы (№ 77-158).

Еще одну вариацию 3-го варианта представляют фрагменты 94-678 и 94-703. Край их также оформлен в виде ребра с валиком снаружи. Но, в отличие от вышеописанных венчиков 94-678 и 94-703, они несколько иначе профилированы. Шейка у них вертикальна, а венчик отогнут под углом в 45° и 60° к вертикали. Валик имеет эллипсоидные формы и горизонтальную площадку в верхней части. С внутренней стороны имеется желобок – рудимент упора под крышку.

Венчик близкой формы встречен в яме 8 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 27, 2485) и комплексе из *Шарапово-5 А* (МК, 1991. Табл. 62, В, 11).

Три венчика – 94-680, 94-681, 94-682 – относятся к 7-му варианту курганной керамики. Это верхние части горшков с косо поставленным венчиком, имеющим вид низкой конической воронки и завершающимся горизонтальной площадкой.

Подобные горшки хорошо известны по курганным погребениям и комплексу из нижнего слоя *Богоявленского монастыря*. Следует, однако, заметить, что венчики из Лешкова-8 дают лишь одну вариацию формы данного варианта курганной посуды. Это ровный (94-680) или слегка закругленный (94-681, 94-682) венчик, край которого оформлен в виде горизонтальной площадки с небольшим подпрямоугольным выступом с наружной стороны. Среди материалов из закрытых комплексов удалось подобрать лишь одну аналогию – горшок, найденный на селище *Огонек* (77-181).

За отсутствием крупных фрагментов мы не имеем возможности представить себе форму горшков курганного типа. Зато об их *орнаментации* имеются вполне конкретные данные. Половина стенок, отнесенных к курганной керамике, несет горизонтальный орнамент. В подавляющем большинстве случаев орнамент покрывает весь черепок. Хотя размеры черепков невелики (1,5–3 см), можно полагать, что значительная часть поверхности сосудов была покрыта орнаментом. Расстояние между полосами обычно составляет 2–3 мм, иногда – до 6 мм. Полосы нанесены по сырой поверхности. Глубина их колеблется от 0,5 мм (рифление) до 0,1 мм. Ширина полос – 1–2,5 мм. Многочисленные аналогии подобного орнамента находим в комплексах из нижнего слоя *Богоявленского монастыря*, *Цареве-1*, *Шарапово-5А*,

ям 8 и 12, срубa 1 и ямы 3 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 21–23, 27, 30–36, 39–42, 51, 62).

Серая керамика (рис. 6, 7). Серая керамика составляет по разным расчетам от 49 % (от общего числа фрагментов) до 50 % (от числа венчиков) материала участка «А». В коллекцию взято 16 венчиков и 17 орнаментированных стенок. Эти фрагменты происходят от сосудов шести типов и дают довольно полное представление о серой керамике, использованной на этой усадьбе. По технологическим особенностям керамика может быть разделена на три группы.

1-я группа, в которую входят венчики 94-704 и 94-708, практически неотличима от курганной керамики. В изломе черепки трехслойные, цвет поверхности – бурый. Состав примесей аналогичный. Лишь заглаженность поверхности и форма говорят о том, что перед нами уже не древнерусская посуда.

2-я группа, или основная часть серой керамики, сформована из глины с примесью крупнозернистого песка (кварциты до 1,5 мм), прошла полный окислительный обжиг (в изломе черепок одноцветный) и имеет заглаженную поверхность.

3-я группа, технологически наиболее совершенная, включает фрагменты 94-699, 94-702, 94-711. Все они изготовлены из глины со среднезернистым песком и хорошо заглажены по поверхности.

1-й вариант *серой* посуды представлен венчиками 94-698, 94-699, 94-700, 94-707 и 94-709. Первый из них отогнут под углом 50° к вертикали и завершается валиком с внутренней стороны и упором под крышку. Остальные отогнуты под углом 20° и имеют аналогичный валик. Вместо упора под крышку фиксируется рудиментарный желобок.

Венчик 94-698 принадлежит большому горшку – диаметр его равен 30 см. По характеру обработки поверхности (тщательно заглажена) и обжигу (черепок в изломе однослойный, светло-бурого цвета) рассматриваемый сосуд принадлежит той традиции, которая начинает доминировать в Москве в период максимального распространения серой посуды. По технике изготовления формовочной массы (кварциты средне- и крупнозернистого песка – до 1,5 мм и отдельные кварциты до 2 мм) он более архаичен, однако это можно объяснить тем, что он изготовлен не в Москве. Что касается формы венчика, то он близок 1-му варианту курганной керамики. Близкие целые формы сосудов курганного типа можно указать в курганных комплексах (МК, 1991. Табл. 10, 3; 13, 4 и др.), нижнем слое *Богоявленского монастыря* (МК, 1991. Табл. 25, 121), *Цареве-1* (МК, 1991. Табл. 62, А, 2), яме 12 (МК, 1991. Табл. 12, 3108, 3116) и яме 17 *Исторического проезда*, где два сосуда такого типа (№№ 632-636 и 613) сохранились на половину высоты. Судя по технологии изготовления, их можно охарактеризовать как переходные формы к серой керамике. Тулово обоих сосудов шарообразное, его максимальное расширение фиксируется в 6 см от венчика. Максимальный диаметр превышает диаметр венчика всего на 0,5 см. Таким образом, перед нами горшки с широкой горловиной и шарообразным туловом, максимальное расширение которого приходится примерно на среднюю часть сосуда. Близкие аналогии рассматриваемому фрагменту (94-698) можно указать среди серой керамики 1-го варианта,

представленной сериями в срубе 1 (МК, 1991. Табл. 30, 783, 884), яме 3 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 40, 2179), срубе 2 (МК, 1991. Табл. 54, 4696) и яме 4 *Монетного двора* (МК, 1991. Табл. 59, 3515), а также в комплексе *Лешкова-4* (МК, 1991. Табл. 67, Б1, 360). Следует заметить, что венчик из Лешкова-4 несет по шейке волнистый орнамент. В том же комплексе имеется менее профилированный венчик 1-го варианта с орнаментом в виде косой волны классического типа (МК, 1991. Табл. 67, Б1, 615). Аналогию с *Лешкова-4* следует признать типологически и хронологически наиболее близкой рассматриваемому сосуду (94-698) поскольку последний украшен по шейке косой волной классического типа.

Венчики 94-699, 94-700, 94-707 и 94-709, как уже говорилось, еще менее профилированы, чем вышеописанный. Их аналогии имеются в комплексах: яма 3 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 40, 1991), *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 65, 95), *Огонек* (77-182 – из слоя, перекрывавшего яму).

Ко 2-му варианту серой керамики (с заостренным краем) относятся венчики двух небольших горшков 94-701 и 94-702. 94-702 имеет аналогии в комплексах *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 66, 86), *Лешкова-4* (МК, 1991. Табл. 67, 170) и *Шавыкина монастыря* (рис. 8, 9-й сверху⁴), а 94-701 – в *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 64, 118).

Среди венчиков 3-го варианта (с небольшим эллипсовидным валиком снаружи) выделяются 94-704 и 94-798, принадлежащие к группе архаичной серой посуды (группа 1), и 94-705, 94-706. По форме они различаются незначительно. Керамика данного варианта фиксируется в комплексах из сруба 1 (МК, 1991. Табл. 32, 638, 843), сруба 6 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 48, 2360), сруба 2 (МК, 1991. Табл. 54, 3700; 55, 1928 и др.), ямы 4 *Монетного двора* (МК, 1991. Табл. 60, 5114) и *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 66, 74). Ближайшие аналогии отыскиваются в комплексе *Лешкова-4*, где указанная керамика представлена значительной серией (МК, 1991. Табл. 67, 505 и др.). Венчики этого варианта фиксируются на ряде радонежских селищ, где серая керамика встречается в небольших количествах. О времени, когда перестали бытовать сосуды этого варианта, можно судить исходя из того, что они присутствуют в раннем материале *Семхоза-4* и отсутствуют в комплексе *Шавыкина монастыря*.

Большим разнообразием отличаются венчики сосудов 6-го варианта (с кососрезанным краем). Практически все они имеют аналогии в комплексе *Лешкова-2*: массивный венчик 94-713 – с острыми ребрами на конце и сужением к краю (МК, 1991. Табл. 65, 71); 94-710 – тонкий с закраиной по внутреннему краю (МК, 1991. Табл. 66, 78); 94-711 – со слегка заглаженными ребрами (МК, 1991. Табл. 66, 89) и массивный венчик 94-712 – с скругленными ребрами (МК, 1991. Табл. 66, 216). 94-712 имеет аналогии также в комплексах *Огонек* (МК, 1991. Табл. 63, 7, 9), а 94-711 – в *Лешкова-4* (МК, 1991. Табл. 67, 783). Совершенно аналогичный по форме 94-713 (сужение к краю, еле заметный желобок с внутренней стороны) венчик, украшенный косой волной раннего вида (симметричной), встречен среди раннего материала *Свято-Данилова монастыря*, который его исследователь Л.А. Беляев датирует временем до переноса этого монастыря в Кремль в 1330 г. (МК, 1991. Табл. 61, верхний ряд, 2-й слева). Формы 6-го варианта были

типичны и в последующие периоды бытования серой посуды. Следует особо подчеркнуть их обилие (причем так же, как и в Лешкова-8, вместе с формами 2-го варианта) среди *раннего материала селища Семхоз-4*, который, как было показано выше, занимает промежуточное положение между комплексами Лешкова-2 и Шавыкина монастыря. Значительная часть форм 6-го варианта продолжала бытовать и позднее и вышла из употребления вместе с серой керамикой. Об этом говорят аналогии рассматриваемых сосудов в комплексе из *Шавыкина монастыря*: 94-710 (рис. 4, 7-й сверху небольшой горшок с закраиной), 94-712 (рис. 4, 1-й сверху).

Завершая описание серой керамики, следует остановиться на ее *орнаментации*. В нашем распоряжении имеется 17 фрагментов стенок сосудов, несущих на себе орнамент (94-715 – 94-731). 11 из них украшены *сплошным горизонтальным орнаментом, близким рифлению*. Расстояния между полосами – 1–2 мм, ширина полос такая же. Глубина полос от 0,5 мм до 0,1 мм. Практически все они нанесены по сырой поверхности.

Подобная орнаментация находит аналогии в орнаментации курганный керамики комплексов типа *Царево-1* и *Шарапово-5 А*. Для *Лешкова-2* подобная орнаментация уже не характерна. Следует особо подчеркнуть, что все описываемые фрагменты в изломе однослойные и имеют расцветку близкую той, которую имеют венчики серой керамики. Можно предположить два объяснения подобному явлению. Либо перед нами остатки сосудов, выполненных в традициях курганный керамики, либо мы имеем дело с узко локальным (на уровне отдельного поселения) или узко хронологическим (что более вероятно) явлением, состоящим в том, что старая орнаментация какое-то время продолжала использоваться на серой керамике.

4 стенки украшены *редким горизонтальным орнаментом* стадияльно более позднего типа (94-715, 94-721, 94-724, 94-725). Это полосы в 1,5 мм глубиной до 0,5 мм, нанесенные с промежутками в 4–9 мм.

Именно такая орнаментация в Москве типична для комплексов типа *сруб 1* (МК, 1991. Табл. 35, 36) и *сруб 6 Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 48; 49), а в Радонеже – для комплексов *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 65, 170; 66, 107, 108) и *Лешкова-4*. В *Шавыкине монастыре* подобная орнаментация встречена лишь на одном сосуде (рис. 5, 1-й сверху).

Стенки 94-729 и 94-730 несут *штампованный орнамент*, нанесенный колесиком, который имеет более узкий круг аналогий. На 94-729 вдавления круглые, через 4 мм, на 94-730 – подквадратные, через 8 мм.

Подобный орнамент встречен в комплексах из нижнего слоя *Богоявленского монастыря* (МК, 1991. Табл. 22, 530), ямы 3 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 43, ниже № 2150) и селища *Огонек* (МК, 1991. Табл. 63, 17). Таким образом, вновь, как и в случае с рифлением, мы имеем дело с традицией весьма раннего времени.

Красноглинная грубая керамика (рис. 8). Процент красной московской керамики от общего объема керамики участка «А» определяется от 40% (от общего числа фрагментов) до 25% (от числа венчиков). Последняя цифра, видимо, ближе к истине, поскольку она практически

⁴ Здесь и далее аналогии на комплекс из Шавыкина монастыря даются по: Чернов, 1995.

соответствует проценту красной керамики (27,6%), полученному без учета мелких стенок, скорее всего, относящихся к серой керамике. Так или иначе, перед нами красная керамика эпохи господства в московском керамическом производстве серой посуды. Поскольку красная керамика – наиболее поздний материал коллекции, верхняя дата этого типа керамики является одновременно и верхней датой всей керамической коллекции.

В технологическом отношении красная грубая керамика Лешкова-8 весьма архаична. Она изготовлена из красножгущейся глины с примесью средне- и крупнозернистого песка (кварциты до 1,5 мм, отдельные кварциты до 2 мм). Обжиг окислительный. Значительная часть сосудов прошла практически полный обжиг и в изломе одноцветна. Обычен темно-серый, почти черный цвет. Некоторые сосуды в изломе двуцветные. Основная часть черепка серо-черная, а поверхность сосуда – бурая (у 94-735 и 94-739 бурый цвет имеет внешняя поверхность, у 94-732 – внутренняя). Венчик 94-734 и плечико 94-743 – трехслойные: ядро – серое, а поверхность – бурые. У 94-743 они по цвету (с кирпичным отливом) даже напоминают курганную посуду. Технически наиболее совершенным является венчик 94-736. Он прошел полный окислительный обжиг и получил однородную бурую поверхность и такой же цвет в изломе.

Два сосуда относятся к 1-му варианту красной грубой керамики. 94-732 имеет венчик плавно отогнутый под углом 20° и сужающийся на конце. Вдоль его края, с внешней стороны, прослеживается еле заметный валик. По шейке нанесена косая волна раннего вида с симметричными сторонами. Подобная вариация 1-го варианта также отсутствует в комплексах типа *Лешкова-2*.

Практически все описанные элементы имеет венчик из *Шавыкина монастыря*, который также украшен симметричной косой волной (рис. 8, 5-й сверху). Более широкий круг аналогий, включая и группу комплексов типа *Лешкова-2*, имеет венчик 94-733. Он отогнут под углом 30° и завершается острым ребром по краю. По шейке нанесена косая волна классического вида с наклонной правой и вертикальной левой сторонами. Аналогичный по форме венчик без орнамента встречен среди ранней красноглиняной керамики *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 64, 118). В срубе 2 *Монетного двора* имеется близкий по форме (отогнут несколько более плавно) венчик, украшенный таким же орнаментом (МК, 1991. Табл. 53, 4674). Керамика подобной формы изготавливалась и позднее. Об этом говорит присутствие аналогичного по форме горшка (без орнамента) в комплексе из *Шавыкина монастыря* (рис. 8, 10-й сверху).

Ведущим видом красной керамики является 4-й вариант с горизонтальной площадкой на конце почти вертикально поставленного венчика. Венчики 94-734, 94-735, 94-737 практически неотличимы по форме. Они отогнуты под углом 15° к вертикали и завершены горизонтальной площадкой, края которой скруглены. С внутренней стороны имеется маленький валик (высотой 3 мм). 94-737 не орнаментирован, 94-735 украшен волнистым орнаментом по плечикам, а 94-734 – косой волной классического вида с наклонной правой и вертикальной левой сторонами. Обращаясь к аналогиям, следует сказать, что

керамика подобного вида в комплексах типа *Лешкова-2* отсутствует. Лишь волнистый орнамент, фиксируемый на 94-735 и являющийся на сосуде подобной формы анахронизмом, напоминает стилистику орнаментации *Лешкова-4* (МК, 1991. Табл. 67, 505, 360). Близкие по форме, хотя и не аналогичные рассматриваемым, сосуды встречены в комплексе *Шавыкина монастыря* (рис. 8, 6-й и 12-й сверху). Наиболее же близкими аналогиями 94-734 являются венчики 94-90 и 94-167 селища *Семхоз-4*. Первый из них не имеет валика изнутри, но несет орнамент той же формы. Второй имеет валик и точно совпадает по форме с 94-734. Он украшен косой волной раннего вида (с симметричными сторонами).

О форме сосудов можно судить лишь по фрагментам плечиков и тулова сосудов. Таковых имеется три. Все они имеют форму верхней части тулова, типичную для ранней и развитой красноглиняной грубой посуды. Один из них (94-744) не имеет ребра по плечико. Это весьма архаичный по технике изготовления фрагмент. На шейке фиксируются следы нижней части косой волны, а на верхней части тулова – горизонтальный орнамент. 94-745 имеет ребро по плечико. На тулове нет орнаментации. О сосуде 94-743 следует сказать несколько подробнее, поскольку он сочетает в себе признаки, которые обыкновенно воспринимаются как разновременные. Наличие ребра по плечико свидетельствует о том, что перед нами красноглиняный грубый горшок. Об этом же говорит и орнаментация. Это косая волна, которая нанесена по плечико. По форме волны (наклонная правая сторона и вертикальная – левая) она относится к классическому виду. Однако по стилистике (заостренный край волны) она тяготеет к развитому виду. Следует сказать, что для комплекса из *Шавыкина монастыря*, который датируется 1380–1390-ми гг., заостренная волна еще не характерна. В то же время по техническим характеристикам 94-743 может быть признан весьма архаичным. Он изготовлен из глины с крупнозернистым песком и прошел неполный окислительный обжиг. В изломе черепок трехслойный: серый внутри и бурый с кирпичным отливом – на поверхностях. Из этого примера лишний раз видно, что судить о типе керамики можно лишь по комплексу признаков.

Завершая описание красной грубой керамики, необходимо обобщить данные о ее орнаментации. Помимо венчиков, орнамент в виде косой волны встречен на стенках. В двух случаях он украшает шейку: 94-742 (ранняя волна) и 94-738 (классический вид), а в двух других случаях – плечико: 94-740 и 94-739 (классический вид). Таким образом зафиксирован один волнистый орнамент (94-735) и девять случаев орнаментации косой волной, в том числе: раннего вида (симметричная волна) – 2 (94-732, 94-742), классического вида (наклонная правая и вертикальная левая стороны) – 5 (94-733, 94-734, 94-738, 94-739, 94-740), стилистически близких к развитому виду – 12 (94-743). В пяти случаях орнамент нанесен по шейке и в четырех – по плечико.

Среди находок, обнаруженных на участке «А», следует упомянуть два изделия из железа. Это обломок *скобеля*, служившего для очистки стволов от коры, и *железный предмет*, прямоугольный в сечении. Размеры сохранившейся части *скобеля* – 65x50 мм. Это половина инструмента.

Участок «В». Курганная керамика (рис. 9). Процент курганной керамики участка «В» определяется в 20% (как от общего числа фрагментов, так и от числа венчиков). По технике изготовления она идентична курганной керамике участка «А».

К 3-му варианту относятся горшки 94-760 и 94-761. Венчик 94-761 имеет внешний валик, который в профиле по очертаниям, близок секировидным, но без острого ребра внизу. С внешней стороны имеется желобок – рудимент упора под крышку. Подобная керамика присутствует в комплексах типа *Богоявленского монастыря*, срубов 1 и 6 *Исторического проезда* (см. аналогии, приведенные выше, при описании 94-677). Однако, поскольку 94-761 представляет собой венчик небольшого горшка с весьма индивидуальной вариацией формы, подбор точных аналогий затруднен. Из ранних комплексов можно указать, пожалуй, лишь на венчик из ямы 8 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 27, 2581). Из комплексов типа *сруб 1 Исторического проезда* серия близких венчиков имеется в *Шаранове-5 А* (МК, 1991. Табл. 62, В, 5), а из комплексов следующего этапа – в слое, перекрывавшем яму селища *Огонек* (77-158 и 77-164). Венчик 94-760 также относится к 3-му варианту и повторяет формы 94-676, найденного на участке «А» и описанного выше.

Новым, по сравнению с участком «А», является присутствие в коллекции образцов 4-го варианта *курганной посуды с кососрезанным венчиком*. 94-759 принадлежит довольно массивному горшку с диаметром венчика 18 см, а 94-762 – горшку меньших размеров.

Керамика 4-го варианта хорошо известна по курганным комплексам середины XII – первой трети XIII в. (курган 40 в *Баятино* – МК, 1991. Табл. 12, 3), в том числе комплексам из могильников *Путилово-1* и *Мурамцево-2*, которые расположены на среднем течении р. Вори, в 15 км к югу от селища *Лешково-8* (МК, 1991. Табл. 17, 4, 10). Практически идентичный венчик (совпадают размеры, наклон, расширение у края и острые ребра) найден в срубе 1 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 32, 733). Следует указать, что кососрезанный венчик был унаследован серой керамикой, причем на ранней стадии ее развития серая посуда этого вида (6-й вариант) имела довольно отчетливо выраженные ребра. Серия из 8 подобных сосудов имеется в комплексе, исследованном на близлежащем селище *Лешково-2* (МК, 1991. Табл. 65, 73, 76). Было бы неверно отрицать близость 94-759 и 94-762 к этой серии сосудов, найденных в полукилометре от *Лешкова-8*. Однако архаически выглядящие заостренные ребра 94-759 заставляют полагать, что описываемые образцы все же должны датироваться несколько более ранним временем, чем сосуды из *Лешкова-3*. Так или иначе, мы имеем дело с определенными стадиями процесса перехода от древнерусских форм к серой керамике.

Присутствие курганной керамики на участке «В» подтверждается наличием 8 фрагментов стенок с *горизонтальным рифлением* (94-763 – 94-770). Ширина полос – 1–2 мм, расстояние между ними – 1–2 мм, глубина – до 0,5 мм. Характерно, что все фрагменты, несущие горизонтальное рифление, прошли неполный окислительный обжиг. В изломе они трехслойные: тем-но-серые внутри и бурые на поверхностях.

Серая керамика (рис. 10). Так же, как и на вышеописанном участке, на участке «В» серая керамика преобладает. Она составляет 55% как от общего числа фрагментов, так и от числа венчиков. Набор вариантов близок составу серой керамики участка «А». Доминируют 1-й и 3-й варианты. Фиксируется также сосуд 7-го варианта.

К 1-му варианту относятся фрагменты 94-771, 94-772, 94-773 и 94-774. 94-771 и 94-773 по форме почти идентичны венчику 94-698, описанному выше (см. его аналогии). Лишь размеры эти горшки имеют несколько меньшие – диаметры венчиков равны, соответственно, 25 см и 23 см. Можно указать еще на одно отличие: у 94-771 валик миниатюрней, чем у 94-698. Тем не менее, можно с уверенностью говорить, что горшки 1-го варианта обоих участков принадлежат одному времени. На это указывает совпадение орнаментации: также как и венчик с участка «А», 94-771 украшен косой волной раннего облика (симметричной) по шейке. Несколько иную форму имеет 94-772: вместо валика – приподнятый и заостренный край. Аналогии отыскиваются в *Лешково-2* (МК, 1991. Табл. 65, 90) и в *Лешково-4*, среди серии горшков 1-го варианта (МК, 1991. Табл. 67, Б1, 649, 742). Там же имеется аналогия венчику 94-774 с массивным подпрямоугольным утолщением на конце (МК, 1991. Табл. 67, Б3, 654).

Что касается технологических особенностей, то 94-771 по составу примесей (крупнозернистый песок с кварцитами до 1,5–2 мм) и хорошей заглаженности ничем не отличается от 94-698. Оба они прошли полный окислительный обжиг: черепок хорошо прокален и имеет ровный бурый цвет в изломе и на поверхностях. 94-773 имеет те же примеси, он лучше заглажен, зато обжиг его прошел менее удачно: поверхности его получили кирпично-красную окраску, а сердцевина черепка осталась серой. Заметим здесь же, что 94-772 обожжен также плохо, а у 94-774 черепок в изломе однослойный. Приведенное сравнение говорит о том, что мы имеем дело с начальным периодом изготовления серой керамики, когда новые технологические традиции (полный окислительный обжиг) еще не окончательно сложились.

Переходными от 3-го варианта *курганной* к 3-му варианту *серой керамики* можно назвать венчики 94-777 и 94-775. Технологически это курганная керамика: незаглаженная поверхность, на которой выступают кварциты размерами до 1 мм, трехслойный в изломе черепок (серо-черный внутри и бурый с кирпичным отливом) на поверхностях. Форма венчика, однако, уже несколько отличается от курганной посуды с секировидными валиками. Если у 94-775 еще имеется острое ребро по краю сосуда, то у 94-777 ребра заглажены, а валик имеет уже мягкие очертания, свойственные серой посуде. Уникальной особенностью 94-777 является то, что он украшен *ранней симметричной косой волной* по шейке.

Появление этого орнамента, который в дальнейшем никогда не будет употребляться на серой посуде данного варианта, нельзя расценить иначе как отражение переломного этапа в сложении новых керамических традиций (см. ниже).

Было бы неверным полагать, что большая часть серой керамики носит переходный характер. В коллекции имеется и типичный образец серой керамики 3-го варианта – 94-776. Здесь уже нет и намека на

ребра по краю сосуда, а валик приобрел аморфные формы. В качестве аналогий можно указать на сосуды из *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 65, 97; 66, 93) и сруб 6 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 48, 2409). О времени, когда перестали бытовать сосуды этого варианта, можно судить исходя из того, что они присутствуют в раннем материале *Семхоза-4* (94-35) и отсутствуют в комплексе *Шавыкина монастыря*.

6-й вариант серой керамики, описанный в разделе, посвященном участку «А», представлен отогнутым венчиком 94-796 и прямым массивным венчиком 94-778. Подобные массивные сосуды с прямыми венчиками пока не встречены в закрытых комплексах XIV в. О их форме можно судить по сосуду из *Михайловского-2* (МК, 1991. Табл. 71, 152).

Кроме того, встречена редкая разновидность 7-го варианта серой керамики, которая наследовала курганным горшкам с расширяющейся конической воронкой. Венчик 94-779 имеет край, резко отогнутый наружу под прямым углом. В качестве аналогий можно указать на сосуд из ранних материалов *Свято-Данилова монастыря* в Москве, на которые мы уже ссылались выше (МК, 1991. Табл. 61, 2-й во втором ряду).

Орнаментация серой керамики весьма разнообразна. 5 стенок украшены редким горизонтальным орнаментом стадиально более позднего типа, чем горизонтальное рифление, присущее курганной посуде (94-784, 94-785, 94-787, 94-788, 94-790). Это полосы в 1,5 мм, глубиной до 0,5 мм, нанесены с промежутками в 4–11 мм. Именно такая орнаментация в Москве типична для комплексов типа *сруб 1* (МК, 1991. Табл. 35, 36) и *сруб 6 Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 48, 49), а в Радонеже – для комплексов *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 65, 170; 66, 107, 108) и *Лешкова-4*. В *Шавыкине монастыре* подобная орнаментация встречена лишь на одном сосуде (рис. 8, 1-й сверху). Кроме того, в двух случаях фиксируется волнистый орнамент (94-782, 94-783) и дважды – косая волна раннего вида.

Красноглиняная грубая керамика (рис. 11, левая часть). На участке «В» процент красной керамики определяется в 23,8% от общего числа фрагментов и в 25% от числа венчиков. В коллекцию взято 5 венчиков. В технологическом плане они могут быть разделены на две группы. Более архаичная группа изготовлена из красной глины с крупнозернистым песком (кварцита – до 1,5 мм, у 94-794 – до 3 мм), поверхность заглажена не более, чем на серых сосудах. Обжиг полный окислительный, однако в изломе заметны неко-

торые цветовые различия. К этой группе относятся 94-791, 94-794 и 94-796. Значительно более совершенны в технологическом отношении 94-792, 94-795 и 94-793. В тесте этих фрагментов меньше крупнозернистого песка, поверхность хорошо заглажена, черепок в изломе однослойный.

Обращаясь к формам горшков, представленных в коллекции, следует отметить, что на участке «В», так же, как и на участке «А», широко представлены горшки 4-го варианта (с горизонтальной площадкой) раннего облика. Все они – 94-793, 94-794, 94-795 – отогнуты под углом 15–30° к вертикали, завершены горизонтальной площадкой, края которой скруглены, а с внутренней стороны имеют маленький валик (высотой 3 мм). 94-794 относится к архаичной группе. 94-795 имеет хорошо заглаженную поверхность и украшен косой волной раннего облика (симметричной). 94-793 не имеет орнамента. Это наиболее совершенный по обработке красноглиняный фрагмент. Как уже отмечалось в разделе, посвященном участку «А», керамика подобного вида в комплексах типа *Лешкова-2* отсутствует. Близкие по форме, хотя и не аналогичные рассматриваемым, сосуды встречены в комплексе *Шавыкина монастыря* (рис. 8, 6-й и 12-й сверху), а аналогичный – на селище *Семхоз-4* (94-167). Он не только совпадает по форме, но так же украшен косой волной с симметричными сторонами.

Горшки 1-го варианта представлены венчиками 94-791 и 94-792. Первый из них отогнут под углом 30° и несет на шейке косую волну раннего вида. Аналогии отыскиваются среди небольшой группы красноглиняной ранней посуды *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 64, 100). Подобная керамика изготовлялась и позднее, о чем говорит близкая форма из *Шавыкина монастыря* (рис. 8, 5-й сверху). В *Лешкове-2* имеется аналогия и венчику 94-792, который отогнут под углом 80° (МК, 1991. Табл. 64, 102).

Участки «С» и «D» (рис. 11, слева). Керамический материал, собранный на этих участках, по технологическому составу не отличается от вышеописанного. Из материалов, взятых в коллекцию (94-803 – 94-809), можно упомянуть лишь венчик миниатюрного серого горшка 3-го варианта (94-806) и фрагмент **краснолощеной керамики** с лощением полонами (94-810).

Поздний комплекс керамики. Поздняя керамика собрана на всех участках. Однако количество ее невелико – 57 фрагментов, или 10% всего материала (рис. 11, справа). Распределение по типам показано в таблице 3.

Таблица 3. Селище Лешково-8. Подъемный материал. Поздний комплекс. Распределение по типам керамики

Участок селища (всего фрагментов)	Красная гладкая	Краснолощенная	Чернолощенная	Мореная	Неполивная	Прочее	№№ фр-тов, взятых в коллекцию
Участок А (44)	венчики – 1 (1); стенки – 14. Всего – 17		9 (4)	7 (1)	венчики – 4 (4); стенки – 5. Всего – 8	крышка – 1 (1); фарфор – 1 (1); поливная – 1 (1)	746–758
%	53		22	17		8	
Участок В (11)	3 (1)		1 (1)	4 (4)	2	поливная – 1 (1)	797–802
Участок С	1						805
Участок D		1 (1)					810
Всего – 57	21	1	10	11	10	4	
%	36,8	3,5	17	19,2	17,5	6	

Обращение к определенным фрагментам показывает, что материал, который можно отнести к XVI–XVII вв. единичен. Это венчик **красноглиняного гладкого сосуда с эллипсовидным валиком снаружи** (94-746), ранние моренные фрагменты, один из которых изготовлен из глины с примесью крупнозернистого песка (94-801), а другой имеет характерное полусмытое лощение на поверхности (94-755), венчик **чернолощенной кубышки диаметром 5 см** (94-752) и обломок **чернолощенной ручки** (94-797).

Неполивная керамика представлена венчиками 1-го (шарообразные сосуды 94-748, 94-751), 2-го (94-749) и 4-го (94-750) вариантов, которые встречаются в комплексе из *Хотькова*, датированном монетами 1797–1801 гг. (Чернов, 1994а). Этим же временем могут быть датированы два поливных фрагмента (94-758, 94-802), крышка фарфорового сосуда (94-758) и обломок поздней крышки (94-758а). Вероятнее всего, этот материал отложился в результате хозяйственной деятельности на полях с. Радонеж.

Датировка селища Лешково-8 и особенности керамической традиции ранних радонежских поселений

Сопоставление результатов, полученных при анализе комплексов керамики, происходящих с участков «А» и «В», показывает, что они имеют очень высокую степень близости. Совпадает процентное соотношение типов, набор вариантов каждого типа керамики. На обоих участках в качестве широко распространенных выступают определенные варианты (3-й вариант курганной, 1-й и 6-й варианты серой и 4-й вариант красноглиняной грубой керамики), повторяются одни и те же типы орнамента, а иногда имеет место и двойное совпадение: один и тот же тип орнамента на сосудах идентичных по форме (94-698 и 94-771). Таким образом, можно утверждать, что обе усадьбы использовали на протяжении всего периода своей жизни керамику одной и той же местной керамической традиции. Повторяемость результатов, полученных при изучении обоих комплексов, позволяет заключить, что наши наблюдения отражают не узко локальные особенности, а реальные закономерности бытования керамики в округе древнего Радонежа на раннем этапе ее заселения.

Обобщая наблюдения, сделанные при анализе материалов участков «А» и «В», следует прежде всего указать, что процентное соотношение типов керамики (процент от числа венчиков представляется более достоверным) – **23% курганной, 52% серой и 25% красноглиняной грубой** – не соответствует ни одному из известных в настоящее время единовременных (в пределах одного-двух десятилетий) отложившихся закрытых комплексов московской керамики. Более того, имеющиеся данные говорят о том, что подобное (или близкое ему) соотношение типов никогда не имело место. Комплексы типа *Лешково-2* – сруб 6 *Исторического проезда*, которые отражают тот недолгий период, когда все три

типа керамики бытовали одновременно, дают соотношение 4% – 86% – 10% (сруб 6) или 5% – 82% – 13% (*Лешково-2*). Следовательно, остается предположить, что соотношение 23–52–25 возникло в результате смешения в верхнем культурном слое селища керамики, бытовавшей в составе трех разновременных групп. Если присвоить этим условным группам нумерацию, соответствующую их хронологической последовательности, то мы получим следующую картину:

- 1-я группа относится к периоду совместного бытования курганной и серой керамики;
- 2-я группа относится к периоду совместного бытования курганной, серой и красноглиняной керамики. Она может быть реконструирована по закрытому комплексу из ямы 1 близлежащего селища *Лешково-2*;
- 3-я группа, существование которой требует дополнительного обоснования, относится к периоду совместного бытования серой и красноглиняной керамики.

Если принять для 2-й группы соотношение, зафиксированное для *Лешково-2*, и признать, что периоды, на протяжении которых откладывались керамические группы, были примерно равны по времени и интенсивности отложения материала (условность этого допущения будет учтена ниже), то мы получим следующие процентные соотношения:

- 1-я группа – 64% курганной и 36% серой керамики;
- 2-я группа – 5% курганной, 82% серой и 13% красноглиняной керамики;
- 3-я группа – 38% серой и 62% красноглиняной керамики.

Обратимся к результатам анализа конкретных керамических форм. Для 50 фрагментов из *Лешково-8* установлены аналогии (более или менее близкие) примерно с 60 фрагментами, известными по закрытым комплексам. Это достаточно представительная выборка для того, чтобы установить степень близости определенных вариантов керамики из *Лешково-8* с теми или иными группами закрытых комплексов.

1-я группа. Большая часть курганных форм тяготеет к комплексам из сруба 1 (число аналогий – 2) и ямы 3 (1) *Исторического проезда*, *Шарапова-5 А* (4). В 7 случаях прослеживаются аналогии с комплексами более раннего времени: нижнего слоя *Богоявленского монастыря* (3), ям 8 (1) и 12 *Исторического проезда* (1), *Царева-1* (1) и даже с горшками из курганных захоронений (2). В 5 случаях, судя по аналогиям, фиксируются связи с комплексами более позднего времени: *Огонек* (4) и сруб 6 *Исторического проезда* (1). Таким образом «центр тяжести» связей курганной керамики *Лешково-8*, несомненно, тяготеет к группе комплексов типа сруб 1 *Исторического проезда*, отложившегося между 1248–1251 гг. (порубочные даты сруба) и концом XIII в. Тем не менее, следует указать, что большая часть керамики 3-го варианта и керамика 4-го варианта продолжала активно использоваться в период, отраженный комплексом селища *Огонек*, который принадлежит следующему этапу и содержит в своем составе ранние образцы красноглиняной грубой посуды.

Сопоставляя наблюдения, полученные при анализе процентного соотношения типов керамики и при рассмотрении форм посуды, можно сделать вывод, что в первый период жизни поселения мы имеем дело с *устойчивой курганной традицией керамического производства в ее поздних формах*. Относительно высокий процент курганной керамики в Лешкова-8 в данный период (64% к 36% серой) по сравнению с Москвой (6% к 94% в срубе 1) может быть объяснен либо длительностью этого периода (включая часть первой половины XIII в.), что маловероятно, либо тем, что на окраине Московского княжества имело место запаздывание в развитии серой керамики.

Наиболее вероятным в связи с этим представляется датировать 1-ю группу керамики Лешкова-9 последней четвертью XIII в. и рассматривать это поселение как наиболее раннее из группы селищ на ручье Оржавец.

2-я группа. Большая часть керамических форм из Лешкова-8 имеет устойчивые связи с комплексами типа *Лешкова-2*, датирующимися первой половиной XIV в. Для курганной керамики, как уже говорилось, зафиксировано 5 аналогий с комплексом селища *Огонек* и сруба 6 *Исторического проезда*. Для серой керамики – 20 аналогий. По комплексам они распределяются так: *Лешково-2* (7), *Лешково-4* (6), *Огонек* (3), сруб 2 (2), яма 3 (1) и яма 4 (1) *Монетного двора*, ранние материалы *Свято-Данилова монастыря* в Москве (2). Близость серой керамики Лешкова-8 к материалам этого круга комплексов проявляется для горшков 1-го, 2-го, 3-го и 6-го вариантов серой керамики на уровне форм венчика и типа орнамента. Как и в *Лешково-2*, в Лешково-8 отмечена косая волна раннего (симметричная) и классического облика (наклонная правая и вертикальная левая стороны).

С точки зрения техники изготовления часть серой керамики весьма архаична. Видно, что полный окислительный обжиг еще не стал правилом. Зафиксирован случай (94-777), когда горшок, относящийся к 3-му варианту серой керамики, изготовлен по технологической схеме, свойственной курганной посуде, и несет орнамент в виде косой волны раннего типа. Появление этого орнамента, который в дальнейшем никогда не будет употребляться на серой посуде данного варианта, нельзя расценить иначе как отражение *переломного этапа в сложении новых керамических традиций*. Подобный орнамент в сочетании с архаичной технологией отмечен и в другом случае (94-743). В Москве появлению ранних красноглиняных грубых горшков с косой волной по шейке в комплексах типа сруб-6 *Исторического проезда*, предшествовала целая эпоха (комплексы типа сруб 1 *Исторического проезда*, имеющий порубочные даты 1249–1251 гг.), в ходе которой древнерусская керамическая традиция трансформировалась в традицию производства более совершенной серой посуды. В Радонеже, напротив, *на еще далеко не изжитую традицию производства курганной керамики наложилась волна новой традиции*. Произошло это уже тогда, когда возникли первые признаки моды на раннюю красноглиняную грубую посуду, причем новации оформления опережали технологические навыки.

Данное наблюдение, а также то обстоятельство, что аналогии с серой посудой типа сруба 1 *Исторического проезда* прослежены лишь в двух случаях, заставляет принять высказанное ранее предположе-

ние о запаздывании в развитии серой керамики. Следовательно, 1-я керамическая группа, отмеченная преобладанием курганной посуды, могла бытовать на протяжении не столь длительного времени. Просто мы присутствуем при резкой смене керамической традиции.

3-я группа. Предположению о наличии на памятнике материалов, датирующихся временем более поздним, чем комплекс Лешкова-2, не противоречат наблюдения над рядом венчиков 2-го, 3-го и 6-го вариантов *серой керамики*. Аналогии этих венчиков фиксируются в комплексе *Шавыкина монастыря* (2-й и 6-й варианты) и среди ранних материалов селища *Семхоз-4* (2-й, 3-й, 6-й варианты).

Само по себе доживание данных типов до 1380–1390-х гг., которыми датируется материал *Шавыкина монастыря*, не может служить основанием для того, чтобы вывести верхнюю дату раннего комплекса Лешкова-8 за пределы, которыми датируется комплекс типа Лешкова-2. Однако анализ форм *красноглиняной грубой керамики* подтверждает данное предположение. Дело в том, что наряду с формами 1-го варианта красной грубой керамики (с заостренным краем), имеющими аналогии в *Лешково-2*, *Лешково-4* и срубе 2 *Монетного двора*, на селище Лешково-8 (причем на обоих участках) отмечена серия венчиков, принадлежащих 4-му варианту красной керамики. Сосуды 4-го варианта практически однотипны. Они имеют горизонтальную верхнюю площадку, миниатюрный валик изнутри, украшены косой волной раннего и классического типа и волнистым орнаментом. Данная вариация 4-го варианта представлена в виде серии в раннем материале селища *Семхоз-4* и отсутствует как в *Лешково-2*, так и в *Шавыкине монастыре*. Видимо, именно этим промежуточным этапом (вероятно, третья четверть XIV в.³), а не периодом, к которому относится комплекс из *Шавыкина монастыря* (1380–1390-е гг.), следует датировать финальные формы красной грубой посуды Лешкова-8 – венчик 94-732, имеющий аналогии лишь в *Шавыкином монастыре*, и фрагмент плечика 94-743 с косой волной с заострениями. Таким образом, мы можем говорить о выделении конкретных керамических форм 3 периода, предложенного первоначально на основании процентного соотношения типов керамики.

Селище Лешково-9 (на поле Ржавец)

Селище выявлено автором 14.11.1985 г. и обследовано 6.04.1986 г. (Чернов, 1986. С. 29–31, 59). В декабре 1988 г. по заданию экспедиции топографы В.В. Петров и Е.Л. Королева произвели топосъемку памятника в масштабе 1:500, которая затем была приведена к масштабу 1:1000 (рис. 13). Более детальное исследование памятника было предпринято в мае 1994 г. Селище расположено в 0,7 км к СЗ от дер. Лешкова, в 0,9 км к востоку от с. Радонеж, на левом берегу ручья Оржавец, на поле Ржавец в 180 м к западу от садового товарищества «Дубки» и в 250 м к северу от селища Лешково-2 (рис. 2). Селище занимает мыс первой террасы ручья Оржавец, образованный при впадении оврага в пойму

³ Обоснование см.: Чернов, 1996. С. 60–96.

ручья. В 130 м к северу от места соединения оврага и ручья Оржавец, вверх по течению ручья, расположен источник (рис. 13, 5). В 13 метрах к востоку от источника, на первой террасе ручья, зафиксирован культурный слой селища, прослеженный на пространстве в 150 м с севера на юг и 83 м с запада на восток. Селище имеет ромбовидную форму. Площадь памятника равняется 8 тыс. кв.м.

Площадка поселения имеет наклон в южном направлении. Северная его часть находится на отметках 188,5–189 м, а южная – на отметке 184 м. Падение ее уровня составляет 33 см на каждые 10 м по горизонтали. Склон к ручью Оржавцу, который протекает в 22–43 м от края поселения, крутой. В центральной части поселения, где культурный слой непосредственно подступает к бровке, падение уровня поверхности составляет 3,3 м на каждые 10 м по горизонтали. В северной части, где культурный слой расположен в 10–15 м от бровки, падение составляет 1,8 м, а в южной части, где склон выполюжен, падение равняется 1,2 м.

Судя по картографическому материалу середины XVIII – XX вв., поле Ржавец, в том числе территория памятника, распаивалась на протяжении не менее двухсот лет. Это привело к значительной выпаванности слоя. Тем не менее, наличие естественных рубежей в виде кромки берега ручья и оврага препятствовали перенесению керамического материала на сколько-нибудь значительные пространства.

Уникальным сохранившимся до наших дней элементом палеоландшафта этого селища являются расположенные в верховьях Оржавца выходы грунтовых вод, образующие ряд источников. Алексей Васильевич Трусов из д. Лешкова, 1908 г. рождения, так вспоминал в 1984 г. о ключах на Оржавце: «Там колодец, там сруб вставленный был раньше. Это до войны, сейчас он сгнил; мы... вставили сруб деревянный... От него и зножа начинается, в поле-то которая уходит (речь идет об овражке, который ограничивает селище Лешково-9 с юга; см. рис. 16 – С.Ч.). Ниже по ручью там уже поля нету – там у нас была кадка врыта дубовая» (Чернов, 1989. С. 437, № 228–230). Именно эти ключи, придающие пойме ручья цвет ржавчины, и обусловили его название. На это указывает объяснение слова «ржавец», приводимое в словаре В. Далья: «ржавое болото, красножелезистая мочеви́на, родники из-под бурожелезистой руды... почему местами ржавцем зовут вообще ключ, родник, живец, ручей» (Даль, 1882. С. 95).

На момент обследования, 6 апреля 1986 г., вся территория селища распаивалась под поле (совхоза им. Жданова в д. Зубцово). Культурный слой распространяется в западном направлении вплоть до края леса, произрастающего по склону ручья Оржавец. Южнее, в районе мыса, при впадении оврага в пойму ручья, между полем и покрывающим склоны мелколесьем, фиксируется небольшое задернованное пространство

серповидной формы длиной в 50 и шириной до 12 м. Во время обследования, которое проводилось в мае 1994 г., участок поля вдоль края леса, произрастающего по склону к ручью Оржавец, был огорожен и разработан под частные огороды. Этот участок представлял собой полосу шириной 20–12 м, которая выклинивалась в 45 м к югу от упоминавшейся выше тропы.

Исследование 6 апреля 1986 г. На момент обследования территория памятника, распаиванная осенью «под пар», только что освободилась от снега. Это создало хорошие возможности для сбора подъемного материала. Культурный слой, выделяемый по более темной окраске и наличию керамического материала, был зафиксирован на пространстве в 65 м от края леса (на бровке берега ручья) вдоль по тропе, ведущей к пос. Дубки. К югу от тропы он был прослежен на 20 м, а к северу – на 40 м. Южнее керамика также встречалась, но в меньшем количестве, а цвет слоя заметно светлел, приближаясь по окраске к светло-бурому цвету окружающих пашен. На селище, на тропе, в 45 м на запад от края леса и в 65 м в том же направлении от источника, был найден бронзовый криновидный *крест-тельник* (рис. 20).

Исследования, проведенные 9 и 28 мая 1994 г., были затруднены тем, что основная его часть к моменту обследования не была распаивана. Зато огороды в западной части селища представляли собой свежую пахоту, промытую дождями. Благодаря этому, на участке селища, разработанном под огороды, удалось проследить пятна культурного слоя.

Пятно А (Центральное). Пятно было зафиксировано на пространстве в 18 м к югу и в 40 м к северу от тропы, ведущей от источника к пос. Дубки. Таким образом общая длина пятна с севера на юг равняется 58 м. Данное пятно точно совпало с границами культурного слоя, зафиксированными в 1986 г.

Пятно В. В 16 м к северу от края центрального пятна было отмечено пятно, длина которого с севера на юг равнялась 14 м. Пятно сужалось в западном направлении, в сторону берега ручья, и расширялось в восточном направлении. Оно было прослежено на пространстве в 8 м и уходило на нераспаханное пространство.

Пятно С. Зафиксировано в 10 м к югу от пятна А, в том месте, где участок, распаиванный под огороды, выклинивался. Длина пятна с севера на юг составляла 15 м, ширина – 5 м. Пятно уходило на нераспаханное пространство.

Таким образом, на территории селища частично зафиксирована система пятен, которые, по всей видимости, отражают элементы усадебной (?) застройки поселения.

Траншея 1. 9 мая был заложен шурф (2х2 м), который 28 мая расширен посредством прирезки двух траншей в западном и восточном направлении (рис. 14). Благодаря прирезке, общая длина траншеи достигла 11 м при ширине в 1 м. Траншея была разбита на квадраты №№ 1–11

(1x1 м). С юга к квадратам 7 и 8 примыкали квадраты 12 и 13 (первоначальный шурф). Северо-западный угол траншеи был заложен в 40,6 м от металлической лестницы к источнику и в 53 м от станции VII теодолитного хода 1988 г. Северо-восточный угол траншеи, соответственно, – в 51 и 60,5 м.

За нулевую отметку был принят северо-восточный угол траншеи. Нивелировка показала, что поверхность восточной части траншеи (кв. 7–11) практически горизонтальна. В центральной части траншеи на пространстве длиной в 2 м (кв. 5 и 6) наблюдается заметное падение уровня с отметки -5 до отметки -27 см. Затем падение становится более плавным: на пространстве в 4 м оно равняется 27 см.

1-й пласт был представлен светло-бурым гумусированным суглинком – культурным слоем, переотложенным в ходе распашки. Мощность его колебалась на разных участках траншеи. В восточной ее части (кв. 8–11) она составляла от 38 до 32 см. В центральной части траншеи (кв. 5–6) мощность слоя увеличивалась. На границе квадратов 6 и 7 она составляла 45 см, а в кв. 5 – уменьшалась до 34 см. В западной части траншеи от 5-го к 1-му квадратам мощность слоя плавно уменьшалась до 25 см.

Зачистка материка. Яма 1. Материк был зафиксирован на отметках -38 (северо-восточный угол раскопа), -34 см (на границе кв. 8 и 9), -50 см (на границе кв. 6 и 7), -54 (в восточной части кв. 5), -79 см – северо-западный угол раскопа. В ходе зачистки была выявлена *яма 1* в квадратах 5 и 6, уходившая в северную стенку траншеи. Она имела длину 122 см (вдоль северной стенки квадратов 5 и 6) и ширину – 60 см. Разборка заполнения ямы 1 велась по пластам. Заполнение состояло из темно-бурого суглинка с пещиной и углем. Ближе ко дну ямы встречались небольшие скопления угля. В заполнении встречено значительное число керамики (см. ее описание ниже). На отметке -100 см был зачищен материк – бурый суглинок, образующий дно

ямы. Разрез ямы представлен на профиле северной стенки траншеи (рис. 14, Г). Стенки ямы довольно крутые. Дно практически горизонтально. Глубина ямы (отметка -100 см) от уровня материка (отметки –50 – -54 см) составляет 50 см.

Керамическая коллекция селища Лешкова-9

Коллекция, анализируемая ниже, состоит из двух частей: подъемный материал и закрытый комплекс керамики, происходящий из заполнения ямы 1, исследованной в траншее 1.

Подъемный материал. Эта часть коллекции, в свою очередь, состоит из трех групп керамики.

1-я группа собрана в качестве подъемного материала 14.11.1985 г. и 6.04.1986 г. Сборы проводились по распашке на всем пространстве селища. О результатах этих обследований сообщалось в отчете 1986 г., однако тогда этот материал не был проанализирован. В коллекцию взято 43 фрагмента (94-811 – 94-853). **2-я группа** также представляет собой подъемный материал. Он был собран в мае 1995 г. в западной части селища, разрабатывавшейся в этот период под огороды. В коллекцию взято 35 фрагментов (94-854 – 94-888). **3-я группа** керамики происходит из *верхнего слоя траншеи 1*, заложеной в мае 1995 г. В коллекцию взят 31 фрагмент (94-889 – 94-919). Верхний слой переотложен в результате распашки. Происходящая из него керамика по составу не отличается от керамики, собранной в качестве подъемного материала. Поэтому эта керамика рассматривается вместе с подъемным материалом.

Подъемный материал довольно четко делится на **ранний комплекс**, который включает 99 фрагментов керамики или 93% материала, и **поздний комплекс**, который включает 7 фрагментов или 7%. Распределение керамики по типам представлено в таблице 4.

Ранний комплекс. Обращаясь к анализу раннего комплекса, следует заметить, что про-

Таблица 4. Селище Лешково-9. Распределение керамики по типам

Происхождение материала	Курганная	Серая	Красноглиняная грубая	Пещина	№№ фр-тов, взятых в коллекцию 1994 г.
Подъемный материал и материал из верхнего слоя траншеи 1 (всего 99)	венчики – 2 (2); орнаментированные стенки – 7 (7); стенки – 2 (2). Всего – 11 (11)	венчики – 17 (17); орнаментированные стенки – 9 (9); стенки – 36 (36). Всего – 63 (63)	венчики – 8 (8); орнаментиро- ванные стенки – 6 (6); стенки – 11 (11). Всего – 25 (25)	9	811–850, 854–860, 862–884, 889–917, 919
<i>% от общего числа</i>	11	63	25		
<i>% от числа венчиков</i>	7,4	63	29,6		
Комплекс из заполнения ямы 1 (всего – 31)	венчики – 1 (1); орнаментированные стенки – 1 (1); стенки – 1. Всего – 3	венчики – 3 (3); орна- ментированные стен- ки – 2 (2); стенки – 21 (21). Всего – 26	венчики – 0 (0); орнаментиро- ванные стенки – 2 (2); стенки – 0. Всего – 2	7 (1)	920–950
<i>% от общего числа</i>	9,7	83,8	6,5		
Всего – 129	14	88	27		

центное соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой керамики (11 (7,4) % – 63% – 25 (29,6) %) довольно близко соотношению, которое фиксируется в закрытом комплексе соседнего селища Лешкова-2 (5% – 82% – 13%). Относительно небольшой процент курганной керамики отличает Лешкова-10 от описанного выше селища Лешкова-8, где курганная посуда представлена значительной серией определимых фрагментов. Что касается красноглиняной грубой посуды, то ее в Лешково-9 вдвое больше, чем в комплексе из Лешкова-2. В связи с этим можно предположить, что Лешково-9 продолжало существовать и после завершения периода, который отражен комплексами типа *Лешково-2*. Данное предположение будет проверено в ходе анализа керамических форм.

Курганная керамика (рис. 15, слева). Керамика изготовлена из красножгущейся глины с примесью большого количества крупнозернистого песка и дресвы. Кварциты размерами от 0,1 до 2 мм не только видны в изломе черепка, но и выступают на поверхности сосудов, делая ее неровной. На фрагментах 94-838 и 94-879 видны кварциты и куски слюды размерами до 4 мм. Толщина стенок сосудов колеблется от 4 до 6 мм, а донце 94-838 имеет толщину 11 мм. Сосуды прошли неполный окислительный обжиг (печной). В изломе практически все сосуды этой группы трехслойные. На 80% толщины черепка цвет его темно-серый или черный. Поверхности же имеют бурый с кирпичным отливом цвет, являющийся опознавательным знаком курганной посуды.

В коллекции имеется лишь *два венчика курганного типа*. 94-811 относится к 6-му варианту – с кососрезанным краем и закраинами, одна из которых образует упор под крышку. В качестве аналогий можно указать на сосуд из сруба 1 *Исторического проезда*, происходящий из слоя, отложившегося в период жизни сооружения (порубочные даты 1248 и 1251 гг.) (МК, 1991. Табл. 30, 982; см. также табл. 32, 584). Близкий по форме венчик зафиксирован и в комплексе *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 66, 82). К 5-му варианту относится венчик 94-858. Край его также снабжен упором под крышку, который образован выступом имеющим острое ребро. Аналогии происходят из сруба 1 *Исторического проезда*, из слоя отложившегося в период жизни сооружения (МК, 1991. Табл. 31, 998). Горизонтальный орнамент фиксируется на стенках 94-812, 94-813, 94-814, 94-815, 94-864, 94-866, 94-867, 94-879. Полосы шириной 1–2 мм следуют через 1–4 мм.

Серая керамика (рис. 15, справа, 16, 17) составляет 63% материала. В коллекцию взято 17 венчиков и 9 орнаментированных стенок, а также фрагменты 2-х донцев и плечика. Эти фрагменты происходят от сосудов четырех типов и дают довольно полное представление о серой посуде. По технологическим особенностям керамика может быть разделена на три группы. 1-я группа, в которую входят венчики 94-820 и 94-889, 94-897, практически неотличима от курганной керамики. Черепки (исключая 94-889) в изломе трехслойные, цвет поверхности бурый. Состав примесей аналогичный. Лишь заглаженность поверхности и форма говорят о том, что перед нами не древнерусская посуда. 2-я группа, или основная часть

серой керамики, сформована из глины с примесью крупнозернистого песка (кварциты до 1,5 мм), прошла полный окислительный обжиг (в изломе черепок одноцветный) и имеет заглаженную поверхность. 3-я группа, технологически наиболее совершенная, включает лишь фрагмент 94-824. Он изготовлен из глины со среднезернистым песком, поверхность хорошо заглажена.

К 1-му варианту относятся венчики 94-825, 94-859 и 94-860. Наиболее близкие аналогии 94-825 и 94-866 можно указать среди серой керамики 1 варианта, представленной целыми сериями в срубе 1 (МК, 1991. Табл. 30, 884), яме 3 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 40, 2179), срубе 2 (МК, 1991. Табл. 54, 4696) и яме 4 *Монетного двора* (МК, 1991. Табл. 59, 3515), а также в комплексе *Лешкова-4* (МК, 1991. Табл. 67, Б1, 360). Аналогичные формы имеются на селище *Лешково-8*. Там же имеется венчик 94-773, идентичный 94-859.

2-й вариант представлен двумя массивными сосудами, имеющими сходную форму с постепенно сужающимся к краю и заостренным на конце венчиком – 94-890 и 94-893, 894. Аналогия происходит из селища *Лешкова-4* (МК, 1991. Табл. 67, 169).

Значительная серия горшков относится к 3-му варианту серой керамики. К более ранним формам, которые сохранили ребро по краю венчика (наследие 3-го варианта курганной керамики), относятся 94-895 и 94-889 (принадлежат к архаичной первой группе серой керамики). Первый из них имеет острое ребро и небольшой валик снаружи, второй – сглаженное ребро и массивный валик эллипсовидной формы. Аналогии 94-895 представлены в *Шарапове-5А* (МК, 1991. Табл. 62 В, 4;), который относится к комплексам типа сруба 1 *Исторического проезда*. Из комплексов следующего периода близкие формы фиксируются в *Лешково-2* (МК, 1991. Табл. 66, 74, 83), на селище *Огонек* (МК, 1991. Табл. 63, ближайшая аналогия происходит из слоя, перекрывающего яму – 77-160) и в срубе 6 *Исторического проезда* (МК, 1991. Табл. 48, 2471). Точных аналогий 94-889 найти не удалось. Наиболее поздний образец керамики этого варианта отмечается в комплексе из *Шавыкина монастыря* (рис. 7, 8-й сверху).

Большая часть венчиков 3-го варианта имеет форму, которая является результатом полной переработки форм 3-го варианта курганной керамики. Следы ребра по краю сосуда не прослеживаются, валик становится практически круглым. Таковы 94-816, 94-817, 94-898. Точные аналогии этой группы венчиков находим в комплексе *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 66, 81, 93, 108). Имеется также венчик сосуда малых форм 3-го варианта 94-821.

Горшки с кососрезанным венчиком, относимые к 6-му варианту, также весьма разнообразны. Более архаичные в технологическом отношении сосуды 94-820 и 94-897 имеют слабоогнутый венчик, край которого лишен острых ребер. Они близки массивным горшкам, фиксирующимся в комплексах селища *Огонек* (МК, 1991. Табл. 63, 9), *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 66, 80), *Лешкова-4* (МК, 1991. Табл. 67, Б4, 606, 783) и *Шавыкина монастыря* (рис. 7, 1-й и 5-й сверху). Один из горшков, найденный в сооружении 1 *Шавыкина монастыря*, сохранился в виде целой формы (диаметр венчика – 24 см, что соответствует размерам 94-3) и хорошо иллюстрирует финальный этап развития этого варианта серой посуды. Впрочем, архаичная техника изготовления явно

свидетельствует, что два сосуда из Лешкова-9 изготовлены ранее времени, к которому относится комплекс из Шавыкина монастыря. Подобная керамика, но более совершенная технологически, встречена среди ранних материалов *Семхоза-4* (94-2, 94-3, 94-16). Фрагмент 94-824 имеет острые ребра по краю венчика. Аналогии ему легко найти в комплексе из близлежащего селища *Лешкова-2* – там имеется целая серия подобных горшков (МК, 1991. Табл. 65, 73, 76). Встречены они и в *Лешкова-4* (МК, 1991. Табл. 67, Б 2, 103, 789). Венчики 94-827 и 94-897 имеют еле заметные расширения снаружи.

Орнаментированные фрагменты стенок могут быть разделены на две группы. Первая включает трехслойные в изломе стенки, поверхность которых имеет бурый с кирпичным оттенком цвет. От курганных фрагментов их отличает лишь то, что тонкие (не более 1 мм) линии чередуются с промежутками в 5 и более миллиметров и нанесены по подсохшей поверхности. Таковы 94-832, 94-891, 94-892 и 94-896. Стенки 94-830, 94-831, 94-871, 94-908, 94-911 однослойные, темно-серого цвета. Характер линейного орнамента идентичен первой группе.

Красноглиняная грубая керамика (рис. 18). Из материалов коллекции наиболее интересны венчики (8 экз.), два фрагмента плечиков (94-900 и 94-901), донце 94-863 и 6 орнаментированных стенок. В технологическом отношении наиболее близки к серой керамике 94-823, 94-826 и 94-854. Все они изготовлены из красножгущейся глины с примесью крупнозернистого песка (кварциты до 1,5 мм) и не очень тщательно заглажены. Обжиг полный окислительный, как и у остальной красной керамики. Однако цвет сосудов разный: 94-826 имеет типичный для серой керамики темно-серый цвет, 94-854 – бурый, 94-823 – темно-серый снаружи и бурый – внутри. К этой группе керамики могут быть отнесены и фрагменты плечиков. Остальная керамика имеет вполне типичные для красноглиняной посуды технические характеристики. Третья группа керамики характеризуется хорошей заглаженностью поверхности (94-822, 94-855).

К 1-му варианту красной керамики, которая широко представлена в Лешково-2, относится лишь один венчик – 94-823. Он принадлежит к архаичной группе и может быть сопоставлен с ранними образцами 1-го варианта из *Лешкова-2* (МК, 1991. Табл. 65, 91) и *Лешкова-8* (94-733, 94-791).

К ранним образцам 6-го варианта относится венчик 94-856. Он имеет вертикальную постановку. Край его оформлен в виде плоской площадки с краями мягких очертаний и еле заметным валиком внутри. Такая керамика отсутствует в Лешково-2 и имеется среди ранних материалов *Семхоза-4* и финальных материалов *Лешкова-8*. По всей видимости, ее нужно относить к периоду бытования керамики, который непосредственно следовал за периодом, отраженным комплексами типа Лешкова-2.

94-854 почти неотличим по форме от вышеописанного венчика. Но край его несколько заострен, что позволяет определить его как *переходную форму* между 2-м и 6-м вариантами. Он относится к архаичной группе и украшен косой волной классического типа (правая сторона наклонена, левая – вертикальна). Таким же образом можно квалифицировать и венчик 94-826, но у него более отчетливо представлен валик с внутренней стороны. Орнаментирован он косой волной той же формы. По форме венчика,

имеющего закругленные формы, и стилистике орнамента 94-826 близок венчику из *Семхоза-4* (94-90), который следует относить к раннему периоду жизни этого памятника.

Обратимся теперь к небольшой группе **красноглиняной грубой посуды, которая заметно отличается от проанализированного выше раннего материала** (рис. 18). Венчики 94-857 и 94-855 относятся к 2-му варианту. Они имеют вертикальную постановку. Венчик прямой, с подтреугольным валиком изнутри и острым ребром по краю. 94-857 обожжен не совсем удачно: верхняя часть глины разрушилась под действием влаги, обнажив кварциты примесей. Венчик был украшен косой волной довольно крупных размеров классического вида, но в настоящее время орнамент почти не читается. Напротив, 94-855 изготовлен по весьма совершенной схеме. Как уже говорилось, он принадлежит к наиболее продвинутому в технологическом плане сосудам *Лешкова-9*. Поверхность его гладкая и ровная. Форма та же, что у вышеописанного венчика. Яркой особенностью, позволяющей относить его к наиболее поздним образцам красной керамики селища, является орнамент. Это косая волна развитого вида с наклонными сторонами и острыми краями. Аналогии подобной формы и орнамента имеются лишь в комплексе *Михайловского-2*, который датируется первой половиной XV в. (МК, 1991. Табл. 71, 150, 155). Тем же временем следует датировать и венчик 94-822, относящийся к 4-му варианту (с горизонтальной площадкой). Аналогии его также отыскиваются в *Шавыкине монастыре* (рис. 8, № 8, 4-й сверху) и *Михайловском-2* (МК, 1991. Табл. 70, 164).

Поздний комплекс включает 8 фрагментов, или 7% материала, из верхнего переотложенного слоя селища.

94-861 и 94-885 относятся к **красноглиняной гладкой керамике**. Первый из них изготовлен из глины с мелкозернистым и среднезернистым песком (кварциты до 0,5 мм), а второй – с примесью исключительно мелкозернистого песка (кварциты 0,1–0,2 мм). Оба фрагмента прошли полный окислительный обжиг. 94-886 представляет собой небольшую стенку **белоглиняного грубого сосуда** и содержит примеси мелко- и среднезернистого песка (отдельные кварциты до 1 мм). 94-887, 94-888 и 94-918 – это небольшие фрагменты стенок моренных сосудов. Толщина стенок 4–5,5 мм. Сосуды прошли восстановительный обжиг. Поверхность их подверглась воздействию влаги, что сближает их с ранними образцами мореной керамики. Та же особенность свойственна и 94-851, сохранившему следы *лощения* на внешней поверхности.

В целом этот материал датирован XVI в. Вероятно к этому же времени может быть отнесен обломок грубоформованного *кирпича* (94-919). Из позднейших предметов встречен обломок шлака (94-853) и сосуда зеленого стекла (94-852).

Закрытый комплекс керамики из *заполнения ямы 1*. Как видно из таблицы 4, в заполнении найден 31 фрагмент керамики. Все они взяты в коллекцию (рис. 19, 94-920 – 94-950).

Соотношение курганной, серой и красноглиняной грубой керамики равняется 3 – 26 – 2, или 9,7 – 83,8 – 6,5%. Хотя объем выборки невелик, он достаточен, чтобы признать, что перед нами комплекс, относящийся к типу *Лешково-2* (соотношение типов: 5 – 82 – 13%). К тому же выводу приводит и анализ керамических форм.

К курганной керамике могут быть отнесены венчик 94-924 и стенки 94-920 и 94-921. Венчик 94-924 принадлежит 6-му типу (*кососрезанный с закраинами*) и точно соответствует форме описанного выше 94-811. Наличие упора под крышку (не столь явного, как у 811) убеждает в том, что перед нами горшок, сохраняющий формы, которые были свойственны древнерусской керамике. В тоже время состав теста (кварциты не более 1 мм) и характер обжига (полный окислительный, в изломе черепок одноцветный, имеет ровный светло-бурый цвет) более характерны для серой керамики. Стенка 94-921 более архаична в технологическом плане. В изломе черепок двухцветный: темно-серый внутри и бурый снаружи. В качестве примесей использовался крупнозернистый песок (кварциты до 1,5 мм). В той же технике изготовлена и стенка 94-920. Ее украшает горизонтальный орнамент, включающий полосы шириной в 1 мм, располагающиеся на расстоянии 5 мм друг от друга.

Серая керамика доминирует. В этой технике изготовлены два сосуда, от которых сохранились наиболее крупные фрагменты. Это венчик горшка 94-925 и нижняя часть тулова и донце сосуда, подклеенного из фрагментов 94-926 – 94-928. Венчик 94-925 имеет довольно толстые (6 мм) стенки. Максимальное расширение тулова имеет тот же диаметр, что и венчик – 25 см. Очертания тулова плавные. Венчик отогнут под углом 45° и срезан на конце под прямым углом. Это типичный горшок 4-го варианта серой керамики, аналогии которого известны в комплексах селища *Огонек* (МК, 1991. Табл. 63, 9), *Лешково-2* (МК, 1991. Табл. 66, 216), *Лешково-4* (МК, 1991. Табл. 67, Б4, 783) и *Шавыкин монастырь* (рис. 7, 1-й сверху горшок – целая форма – D венчика 24 см). Тесто включает крупнозернистый песок (кварциты до 1 мм). Обжиг может быть охарактеризован как полный окислительный. Цвет сосуда – темно-бурый. Часть внутренней поверхности горшка не полностью прокалена и имеет более светлый цвет, чем основная часть сосуда. Поверхность сосуда заглажена. Нижняя часть горшка 94-926 – 94-928 в технологическом отношении идентична описанному венчику. Горшок этот был несколько более крупных размеров. Его донце имеет диаметр 15,5 см, тогда как у вышеописанного сосуда донце не превышало в диаметре 10 см.

К 4-му варианту относится и фрагмент 94-923. Это сосуд значительно меньших размеров, чем 94-925. Диаметр его венчика равен 15 см. Изготовлен он в той же технике, что и 94-920. Следует добавить: в той же технике изготовлена также преобладающая часть стенок. Наиболее интересны среди них два орнаментированных фрагмента. 94-932 представляет собой плечико и верхнюю часть тулова горшка с плавными очертаниями профиля. Тулово несколько выше его максимального расширения. Оно украшено двумя полосами горизонтального орнамента, которые имеют ширину 1,5 мм и пролегают на расстоянии

5 мм друг от друга. На стенке 94-933 прослежен горизонтальный орнамент, несколько иной по параметрам своих элементов. Ширина полос – 2 мм, расстояние между ними – 9 мм.

Особняком стоит венчик 94-922 диаметром 15 см. Он также может быть отнесен к 4-му варианту серой керамики, но, в отличие от вышеописанных сосудов, на конце расширяется. Примеси в тесте те же. Но прокален он лучше. Черепок в изломе и на поверхностях имеет ровный бурый цвет. Это может быть объяснено или более совершенной технологией, или тонкостенностью (4 мм) самого сосуда. В качестве аналогии могут быть указаны небольшой горшок из *Лешково-2* (МК, 1991. Табл. 65, 72), сосуд из *Лешково-4* (МК, 1991. Табл. 67, Б2, 313). Горшки 4-го варианта с расширяющимся на конце венчиком имеются и в комплексе из *Шавыкина монастыря* (рис. 7, 166, 16а).

Красноглиняная грубая керамика выделяется с определенной долей условности, поскольку она представлена лишь стенками, несущими орнамент в виде косой волны. 94-921 – фрагмент стенки толщиной 9 мм. В технологическом отношении сосуд тяготеет к серой керамике. Примеси включают крупнозернистый песок (кварциты до 1,5 мм). В изломе черепок – темно-серый, почти черный, поверхности серые. Косая волна имеет наклонную правую и вертикальную левую стороны и заострения. Фрагмент 94-935 более тонкий (5 мм), он имеет однородный черный цвет в изломе и на поверхностях. Сохранился фрагмент орнамента – верхняя часть симметричной волны раннего типа. Вероятно, к тому же типу керамики следует относить донце горшка 94-934. В изломе черепок однослойный, имеет кирпично-красный цвет. По краю донца фиксируется закраина.

Датировка селища Лешково-9

Анализ процентного соотношения типов керамики и разбор керамических форм, происходящих из подъемного материала и верхнего слоя траншеи 1 (для 26 определимых фрагментов подобрано 30 аналогий, что дает довольно представительную выборку), позволяет сделать следующие наблюдения. Основная масса материала относится к периоду бытования комплексов типа *Лешково-2* – сруб 6 *Исторического проезда*, датироваемых первой половиной XIV в. Об этом говорит состав аналогий. Аналогии венчикам курганного типа имеются в слое функционирования сруба 1 *Исторического проезда* (порубочные даты 1248 и 1251 гг.) и *Лешково-2*. Для серой керамики аналогии распределяются так: 4 – приходится на группу комплексов типа сруба 1 *Исторического проезда* (сруб 1 и яма 3 *Исторического проезда*, *Шарапово-5а*, яма 4 *Монетного двора*), 10 – на комплексы типа *Лешково-2* (3 – *Лешково-2*; 4 – *Лешково-4*; 2 – *Огонек*; 1 – сруб 6 *Исторического проезда*) и 2 – на комплексы типа *Шавыкин монастырь*. Таким образом, может быть констатирована наиболее близкая связь с комплексами типа *Лешково-2*.

Примерно та же картина фиксируется при анализе ранних **красноглиняных грубых** сосудов I варианта (анalogии с *Лешково-2* и *Лешково-8*). В составе красноглиняной керамики выделяются венчики, относящиеся к ранним формам 6-го варианта и переходным формам между 6-м и 2-м вариантами, которые отсутствуют в *Лешково-2* и фиксируются в раннем материале из *Семхоза-4* и финальном материале из *Лешково-8*. Таким образом, появляются основания говорить, что функционирование Лешкова-9 не прекратилось с завершением периода бытования керамики, отраженного комплексами типа *Лешково-2*.

Наряду с указанными двумя группами красноглиняной посуды имеются и более поздние ее формы, принадлежащие к 2-му и 4-му вариантам. Продвинутая технология и развитые формы орнаментации позволяют связывать эти фрагменты с периодом бытования красной керамики, отраженном комплексами из *Шавыкина монастыря* (1380 – 1390-е гг.) и *Михайловского-2* (первая половина XV в.). Поскольку красноглиняная керамика составляет всего четверть материала (25, или 29,6%), о первой половине XV в. говорить вряд ли возможно, однако *предположение о существовании памятника во второй половине XIV в. представляется весьма вероятным.*

Небольшой комплекс керамики, происходящий из ямы I, и по процентному составу и по набору керамических форм может быть отнесен к группе комплексов типа *Лешково-2*. Об этом говорит и распределение аналогий (сруб I *Исторического проезда* – 1, комплексы типа *Лешково-2* – 6, *Шавыкин монастырь* – 2), и продвинутая технология курганного венчика, и преобладание сосудов 6-го варианта серой керамики, и присутствие фрагментов, украшенных косой волной раннего и классического типа.

В заполнении ямы встречено 8 фрагментов *печины* (2 – 3x2 мм и 6 – 0,5x1 мм), один из которых (94-950) сохранил первоначальную поверхность глинобитной печи (3x2 см), несущую следы заглаживания. Можно предполагать, что вблизи ямы I может быть обнаружена подпечная яма жилого сооружения.

Находки селищ на ручье Оржавец и особенности материальной культуры древнейших поселений Радонежской волости

В ходе исследования памятников детектором металла, проведенное в апреле – мае 2000 г., была сделана серия находок, которая позволяет составить некоторое представление о материальной культуре группы селищ на ручье Оржавец.

Вначале следует обратиться к тем бытовым предметам из железа, которые могут служить хронологическим индикаторами.

На селище Лешкова-8 (на поле Верхняя Лопата) находки из железа представлены ключом

и наконечниками стрел. *Коленчатый ключ* (длина 9,7 см) с плоским стержнем (длина 4,7 см), толщина которого соответствовала щели между щитками (рис. 21, 7). Конец ключа имеет подтреугольную форму и завершается круглым расширением с отверстием для подвешивания. Ключи данного типа относятся к замкам типа VI, отличительной чертой которых был выгиб при переходе лопасти в плоский стержень. Ключи и замки данного типа бытовали с начала XIII в. по начало XV в. (*Колчин*, 1959. С. 82, 81. Рис. 67, 6; 1982. С. 162. Рис. 3, тип VI).

Найдено также два *наконечника стрел*. Один наконечник граненый черешковый пирамидальный, квадратный (точнее, прямоугольный) в сечении, со следами шипиков и круглой шейкой (рис. 21, 9), длиной 60 мм (с учетом утраченного острия). А.Ф. Медведев описывает этот тип под № 12. В Новгороде на Неревском раскопе два подобных наконечника (длиной 48–55 мм) найдены в 7-м ярусе (1368–1394 гг.) и один – в 16-м ярусе (1170–1180-е гг.) (*Медведев*, 1959. С. 170, 158. Табл. 10, 119–121. Рис. 13, 51). Наконечники такого типа предназначались для пробивания брони. Второй наконечник (рис. 21, 10) не поддается точному определению из-за утраты острия. Он также принадлежит к числу черешковых, круглых в сечении. Длина его не превышала 50 мм.

На селище *Лешково-9* (на поле Ржавец) был обнаружен цилиндрический замок типа Д (рис. 22, 5; 13, VI, 4). Размеры его: 5x4,5 см. Прорезь для ключа имеется лишь в донце. Она имеет лабиринтообразную форму и состоит из двух квадратных и одного прямоугольного отверстия. Контрольного штифта и щитков нет. Хотя данная разновидность (по форме отверстий) не принадлежит к числу самых распространенных, она может быть отнесена к типу Д и датирована по новгородским аналогиям периодом от начала XIV – до начала XV в. (*Колчин*, 1959. С. 83, 84, 87. Рис. 70, тип Д; 1982. С. 160, 162. Рис. 3, тип Д). Близкий по форме отверстия замок найден недавно в постройке на городище Осечен, расположенном на Волге, в 40 км выше г. Ржева, и упоминаемом в 1336 г. (*Исланова*, *Мирецкий*, 1997. С. 12, 13. Рис. 1; 2).

Несколько более широкую дату имеет коленчатый ключ (длина 7,2 см) (рис. 22, 3). На конце металлический стержень загнут и закован так, чтобы получить отверстие для подвешивания. Предназначен для замков типа В без контрольного штифта (не имеет прорезей). Подобные замки бытовали на протяжении длительного периода: от начала XII до начала XV в. (*Колчин*, 1959. С. 87. Рис. 70, тип В; 1982. С. 160, 162. Рис. 3, тип В).

Таким образом, диапазон датировок предметов из железа заключен между началом XIII и началом XV в., что не противоречит датировкам памятников, полученным по керамическим материалам: Лешково-2 – конец XIII – первая

половина XIV в., Лешково-9 – последняя четверть XIII – третья четверть XIV в., Лешково-8 – конец XIII – вторая половина XIV в.

Обращаясь к украшениям, выполненным из цветных металлов, следует сказать, что среди них выделяется серия предметов, типичных для древнерусского времени и широко представленных в курганных древностях Подмосковья. Большая часть предметов этого круга происходит с наиболее раннего памятника – селища *Лешково-8* (на поле Верхняя Лопата), которое по керамике датируется последней четвертью XIII в. – первой половиной XIV в.

Наиболее яркая находка данного круга – створка миниатюрного бронзового квадрифолийного *энколпиона*, размерами 40x18 мм (рис. 21, 5; 4, III). Энколпион декорирован изображением креста с расширяющимися концами, которое выполнено в виде углубления, заполненного эмалью. Четыре округлые выемки также, возможно, были заполнены эмалью. Кроме того, по краям креста имеется множество мелких округлых углублений, которые служили для его украшения. Аналогичный энколпион был найден на посаде Ярополча и датирован XII в. Он имеет ту же форму и размеры, что и лешковский крест. Совпадают также основные элементы орнамента (расширяющийся крест и мелкие углубления), однако вместо четырех крупных выемок от средокрестия расходятся четыре луча. Все выемки заполнены серебряной инкрустацией (Седова, 1978. С. 118, 141. Рис. 12, II).

На том же памятнике найдено два бронзовых браслета, которые сохранились во фрагментах (видимо, были сломаны в древности). Это простой витой тройной браслет, концы которого не сохранились (рис. 21, 4; 4, III) и пластинчатый браслет с расширениями на концах (рис. 21, 2; 4, III), которые представляют упрощенный вариант распространившихся на Руси в XI в. звериноголовых браслетов (Левашева, 1967. С. 239–241, 234. Рис. 30, 9). Браслет, аналогичный лешковскому, найден на древнем Белоозере (Голубева, 1973. С. 42. Рис. 5, 14).

Типичным элементом курганных древностей является бронзовый *крест-тельник*, или крест-привеска, каждая сторона которого завершена пирамидкой из трех шариков (рис. 21, 3; 4, III). Сохранилась лишь правая сторона крестика и его центральная часть, украшенная четырьмя шариками по краям средокрестия. В Новгороде кресты эти бытовали с начала XII по середину XIII в. Наиболее поздний из них (14-11-694) найден в 14-м пласте (1238–1268 гг.) (Седова, 1981. С. 52, 53. Рис. 14, 4; Лесман, 1990. С. 66 (пункт III.27). С. 94. Рис. 6, 5.5). Они встречаются в курганных древностях Костромской губернии (Нефедов, 1899. Табл. VI, 8), Белоозера (Голубева, 1962. Рис. 18), курганов Владимирской, Петербургской и Калужской губерний, на Киевщине, в Латвии и Волковыске (Седова, 1981. С. 52).

На селище *Лешково-9* (на поле Ржавец) была найдена *трефовидная привеска* (рис. 22, 2; 13, VI, 2), встречающаяся в инвентаре подмосковных курганов. Специальную статью этому виду украшений посвятил А.К. Станюкович (1981). Среди подъемного материала, собранного в 1986 г. на том же селище, выделяется поделка из кремня. Размеры ее – 24x24 мм. Для изготовления поделки был использован камень толщиной 3–6 мм. Часть камня, имеющая толщину 6 мм, так и не подверглась обработке, возможно, в силу того, что это оказалось затруднительным. Обработке подверглись лишь верхняя и средняя часть камня. Поделке, как будто, придавалась крестообразная форма. В верхней части, которая наиболее проработана, был вырезан подпрямоугольный выступ размерами 7x7 мм. Два других выступа не оформлены до конца. Вероятно, большая толщина камня в нижней части поделки заставила мастера отказаться от дальнейшей работы над ней. При обработке камня использована неупорядоченная ретушь. Атрибуция и датировка находки затруднены. Однако более всего она напоминает крестовидные привески.

Таким образом, на исследованных памятниках мы наблюдаем бытование в последней четверти XIII в., а, возможно, отчасти и в первой половине XIV в., вещей древнерусского круга, в том числе связанных с «курганной традицией». Подобное явление недавно было прослежено в ходе раскопок селища Ознобишино-5 в районе Перемышля Московского, на территории, на которой в XII – первой трети XIII в. был распространен погребальный инвентарь вятичского этнографического облика (Шполянский, 2000. С. 92–96). Изучение материалов селищ в районе д. Лешкова свидетельствует о том, что доживание вещей, связанных с «курганной» традицией, во второй половине XIII в. наблюдалось и в той части московских земель, где в XII – первой трети XIII в. господствовал погребальный инвентарь кривичского облика.

Первые радонежцы, начавшие в последней четверти XIII в. осваивать берега ручья Оржавец у южного склона Клиско-Дмитровской гряды, принесли с собой древнерусские вещи «курганного» типа и «курганную» керамическую традицию, которая в городах успела к тому времени уже трансформироваться.

Этнографические черты населения, прожившего начало Радонежской волости, характеризуют две находки, которые принадлежат к кругу древнерусских вещей, сложившихся под влиянием финно-угорских традиций.

На селище *Лешково-8* (на поле Верхняя Лопата) в центральной части пятна А была найдена часть створки *шумящего браслета-обруча* шириной 23 мм, с припаянными по его краям колечками (рис. 21, 6; 4, III), к которым первоначально были привешены шумящие украшения. Два браслета, близкие лешковскому и происхо-

дящие из раскопок вятичских городищ Серенска и Слободки, были опубликованы (*Никольская*, 1981. С. 84, 7, 15).

Еще более яркая находка была сделана на селище *Лешково-2* (на поле Могильцы). В 40 м к юго-западу от постройки, выявленной раскопками 1981 г., в ходе изучения территории памятника металлоискателем в апреле 2000 г. была найдена верхняя часть бронзовой *шумящей подвески* (рис. 20, 1; 3, У). Основу подвески составляет плоская овальная пластина (26x15 мм), декорированная рельефным изображением. Сверху к пластине припаяно 5 колечек для ношения. Снизу было припаяно три колечка, к которым первоначально были привешены шумящие украшения. Прямых аналогий лешковской находки пока отыскать не удалось. Однако очевидно, что перед нами довольно примитивная реплика широко распространенных на древнерусских памятниках Волго-Окского междуречья шумящих подвесок. Найденный экземпляр изготовлен методом литья в землю и представляет собой один из наиболее типологически поздних образцов данного круга вещей⁶.

Вскоре после появления первого поселения (*Лешково-9*) материальная культура населения Радонежской волости испытала на себе воздействие типично раннемосковских культурных и технологических импульсов. Курганная керамическая традиция испытала влияние традиции красноглиняной грубой керамики, а набор украшений из цветных металлов пополнился типичными образцами медного литья XIV в.

Одним из таких образцов может служить криноконечный *крест-тельник* (рис. 22, 1; 13, VI, 1), найденный на селище *Лешково-9* (на поле *Ржавец*). Он выполнен из бронзы и имеет размеры 22 мм x более 17 мм). Верхняя часть крестика утрачена. Лицевая сторона его украшена орнаментом, обратная – гладкая. Стороны креста имеют криновидные завершения, в центре его изображен маленький крест. Аналогичные кресты зафиксированы в Новгороде в 10-м ярусе *Неревского* раскопа, датированном 1313–1340 гг., и в 5–6-м ярусах *Суворовского* раскопа, относящихся к 1369–1407 гг. (*Седова*, 1981. С. 50, 51. Рис. 16, 13). Крест того же типа, найденный на мостовой 1409 г., более крупный, чем крест из *Лешково-9*, имел декоративное оформление, типичное для более позднего времени (*Седова*, 1981. Рис. 16, 8). Аналогичные крестики найдены в Суздале (*Седова*, 1997. С. 203. Рис. 72, 5), на подоле Старой Рязани в подъемном материале (*Даркевич*, *Борисевич*, 1995. С. 197, 299. Рис. 71, 3), на *Махринском* городище Тульской области⁷, а также в составе подъемного материала на *Водянском* городище, которое по золотордынскому материалу датируется XIV в. (*Полубояринова*, 1978. С. 81, 82. Рис. 17, 4). Серия из 7-и аналогичных крестов-тельников была найдена в верхнем слое *Настасьинского* городища на р. Северке в Коломенском районе, который исследователь памятника датирует второй половиной XIII – XV в⁸. Исходя из этих аналогий, крест из *Лешково-9* может быть датирован XIV в.

Литература

- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З.*, 1990. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем (археолого-почвоведческое исследование) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Теория, методика, практика. Вып. 1. М.
- Бызова Е.Г., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Чернов С.З.*, 1993. Средневековый Радонеж: археологический, палинологический и геоботанический подходы к изучению ландшафтов // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.
- Голубева Л.А.*, 1962. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. № 3.
- Голубева Л.А.*, 1973. Веси и славяне на Белом озере. М.
- Даль В.И.*, 1882. Толковый словарь. Т. IV. Спб.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В.*, 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- ДДГ. М.–Л., 1950.
- Исланова И.В., Мирецкий А.В.*, 1997. Находки с городища Осечен // Тверь и Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 2. Тверь.
- Колчин Б.А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.
- Колчин Б.А.*, 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский археологический сборник. М.
- Левашева В.П.*, 1967. Браслеты // Тр. ГИМ. Вып. 41. М.
- Лесман Ю.М.*, 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.
- Медведев А.Ф.*, 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М.
- МК. М., 1991.
- Нефедов Ф.Д.*, 1899. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. III. М.
- Низовцев В.А.*, 1996. Потенциальные агропроизводственные ресурсы земель Радонежа по данным карты восстановленных ландшафтов // Аграрные технологии в России IX–XX вв. XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. док. и сообщ. Арзамас, 10–13 сентября 1996 г.
- Никольская Т.Н.*, 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.

⁶ Благодарю за консультацию М.В. Седову и Н.А. Макарова.

⁷ Доклад Р.В. Клянина «К вопросу о распространении христианства в XIV в. на территории Поочья (по материалам археологических исследований)», сделанный 27 ноября 2000 г. на Московском научно-практическом семинаре «Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосковья» в Музее истории города Москвы.

⁸ Благодарю за консультацию А.В. Энговатову.

- Полубояринова М.Д.*, 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.
- Седова М.В.*, 1978. Ярополч Залесский. М.
- Седова М.В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) М.
- Седова М.В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. М.
- Станюкович А.К.*, 1981. Об одном редком типе древнерусских украшений (трефовидные привески) // СА. № 1.
- Чернов С.З.*, 1980а. Отчет об археологических разведках и раскопках в бассейне р. Вори (Загорский р-н Московской обл.) в 1980 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р-1, № 8555.
- Чернов С.З.*, 1980б. Отчет об археологических разведках и раскопках в бассейне р. Вори (Загорский р-н Московской обл.) в 1980 г. Ч. 5 // Архив ИА РАН. Р-1, № 8064.
- Чернов С.З.*, 1981. Отчет об археологических раскопках в бассейне р. Вори (Загорский р-н Московской обл.) в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Чернов С.З.*, 1983. Отчет за 1983 г. Ч. 6 // Архив ИА РАН. Р-1, № 9728.
- Чернов С.З.*, 1984. Отчет об археологических раскопках в бассейне р. Вори на территории проектируемой трестом «Мособлреставрация» Зоны охраны древнего города Радонеж в 1984 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р-1, № 11172.
- Чернов С.З.*, 1986. Отчет об археологических раскопках 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11763.
- Чернов С.З.*, 1987. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М.
- Чернов С.З.*, 1989. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М.
- Чернов С.З.*, 1991. К хронологии Московской керамики XIII – середины XV вв. // МК. Новые данные по хронологии. М.
- Чернов С.З.*, 1992. Новые материалы по хронологии московской керамики второй половины XIII – XV вв. из раскопок в районе древнего Радонежа // Древнерусская керамика. М.
- Чернов С.З.*, 1994а. Отчет об археологических разведках на территории Сергиево-Посадского и Пушкинского районов Московской области в 1994 г. Ч. 1 // Архив ИА РАН. Р-1, № 19703.
- Чернов С.З.*, 1994б. Отчет об археологических разведках на территории Сергиево-Посадского и Пушкинского районов Московской области в 1994 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р-1, № 19704.
- Чернов С.З.*, 1995. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.
- Чернов С.З.*, 1996. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований селца Никольское Поддубское // Тр. МИГМ. Вып. 9. М.
- Чернов С.З.*, 2000. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: «традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследования 1990-х годов волостей Пехорка и Воря) // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? М.
- Шполянский С.В.*, 2000. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII в. усадьбы Ознобишино в Подмосковье // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? М.

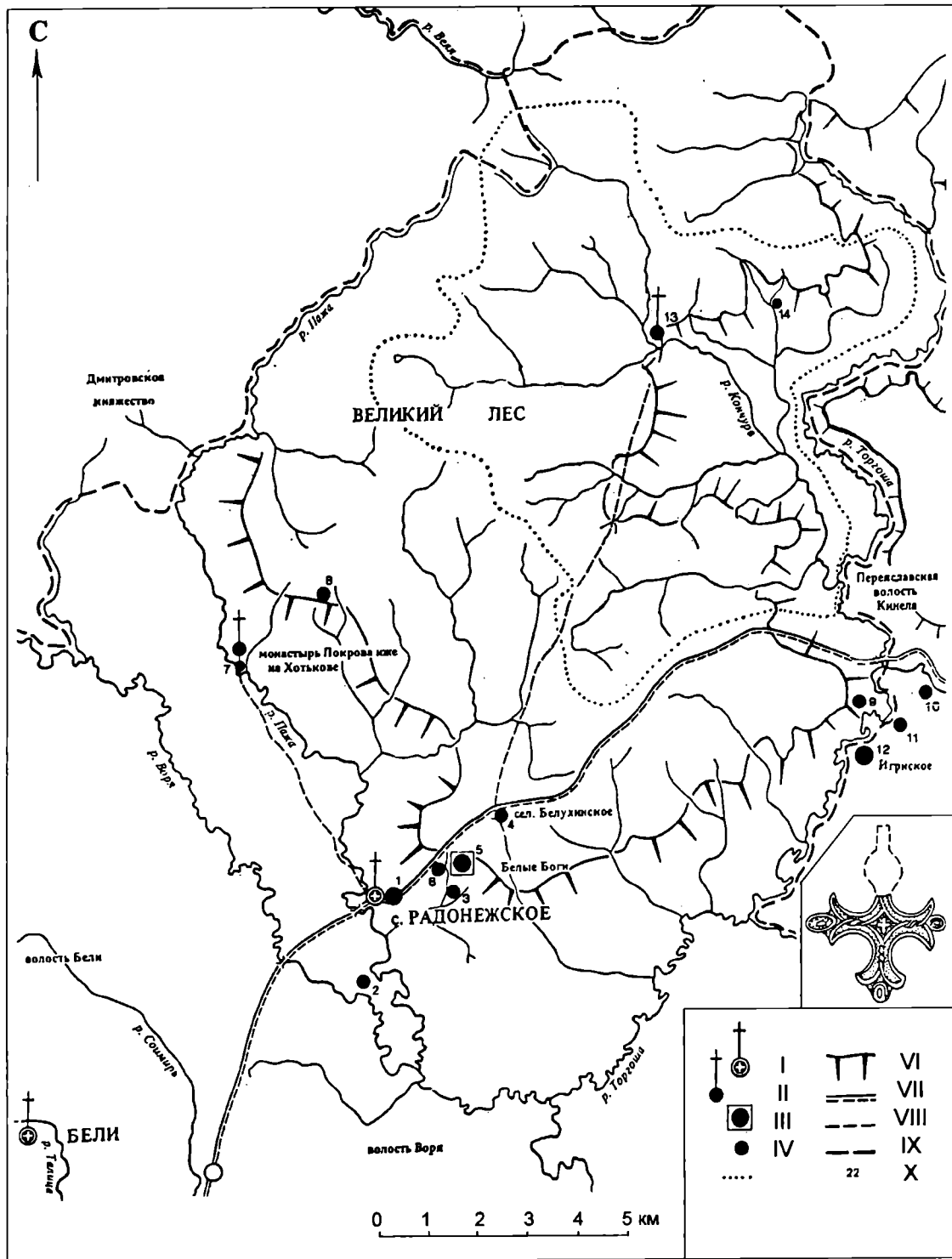
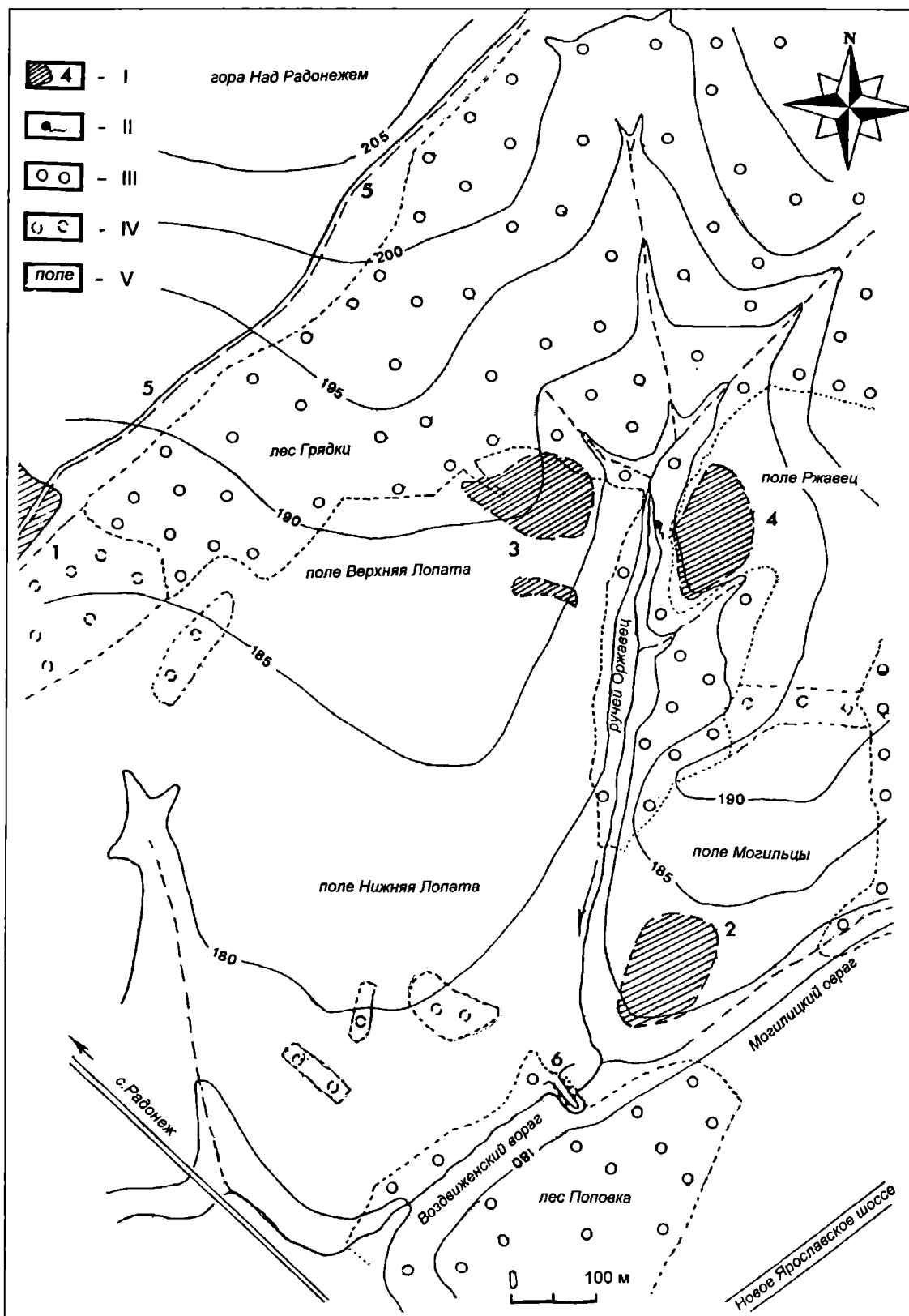

Рис. 1. Радонежская волость в первой половине XIV в. Карта-реконструкция

I – центр волости; II – монастыри; III – святилище Белые Боги по преданию, записанному З. Ходаковским; IV – поселения (селища) с керамическим комплексом типа Лешково-2 (1-я пол. XIV в.); V – границы бассейна р. Кончуры; VI – границы летописной горы «над Радонежем» (моренной возвышенности); VII – древняя Переяславская дорога («великий и широкий путь вселюдский»); VIII – прочие дороги; IX – границы Московского княжества; X – номера памятников археологии (см. ниже). На врезке – крест-тельник XIV в., найденный на селище Лешково-9

Памятники археологии (селища): 1 – Радонеж-1; 2 – Голыгино-2 (у завода «Пластмасс»); 3 – Лешково-2 (в урочище Могилыцы); 4 – Лешково-4 (в квартале 13); 5 – Лешково-9 (на поле Ржавец); 6 – Лешково-8 (на поле Верхняя Лопата); 7 – у Покровского Хотькова монастыря (южнее Водяных ворот); 8 – Подушкино-2 (на быв. поле Бориски в с/т «Парус»); 9 – Подсосенье-2 (на месте быв. д. Коськово); 10 – Учхоз-1 (в учхозе «Ситники»); 11 – МООСО-1 (у детдома МООСО); 12 – МООСО-2 (на территории детдома МООСО); 13 – Троице-Сергиев монастырь; 14 – у поселка Козья Горка

Рис. 2. Схема расположения селищ на ручье Оржавец

Горизонталы проведены через 5 м. Система высот Балтийская. I – памятники археологии: 1 – северо-восточная часть посада древнего Радонежа (селище Радонеж-1), 2 – селище Лешково-2 (в урочище Могильцы), 3 – селище Лешково-8 (на поле Верхняя Лопата), 4 – селище Лешково-9 (на поле Оржавец), 5 – Древняя Переяславская дорога; 6 – Морозовская плотина; II – источник в овраге Оржавец; III – существующие лесные массивы; IV – утраченные лесные массивы, показанные на планшете мензуральной съемки 1930 г.; V – названия ручьев, угодий и урочищ

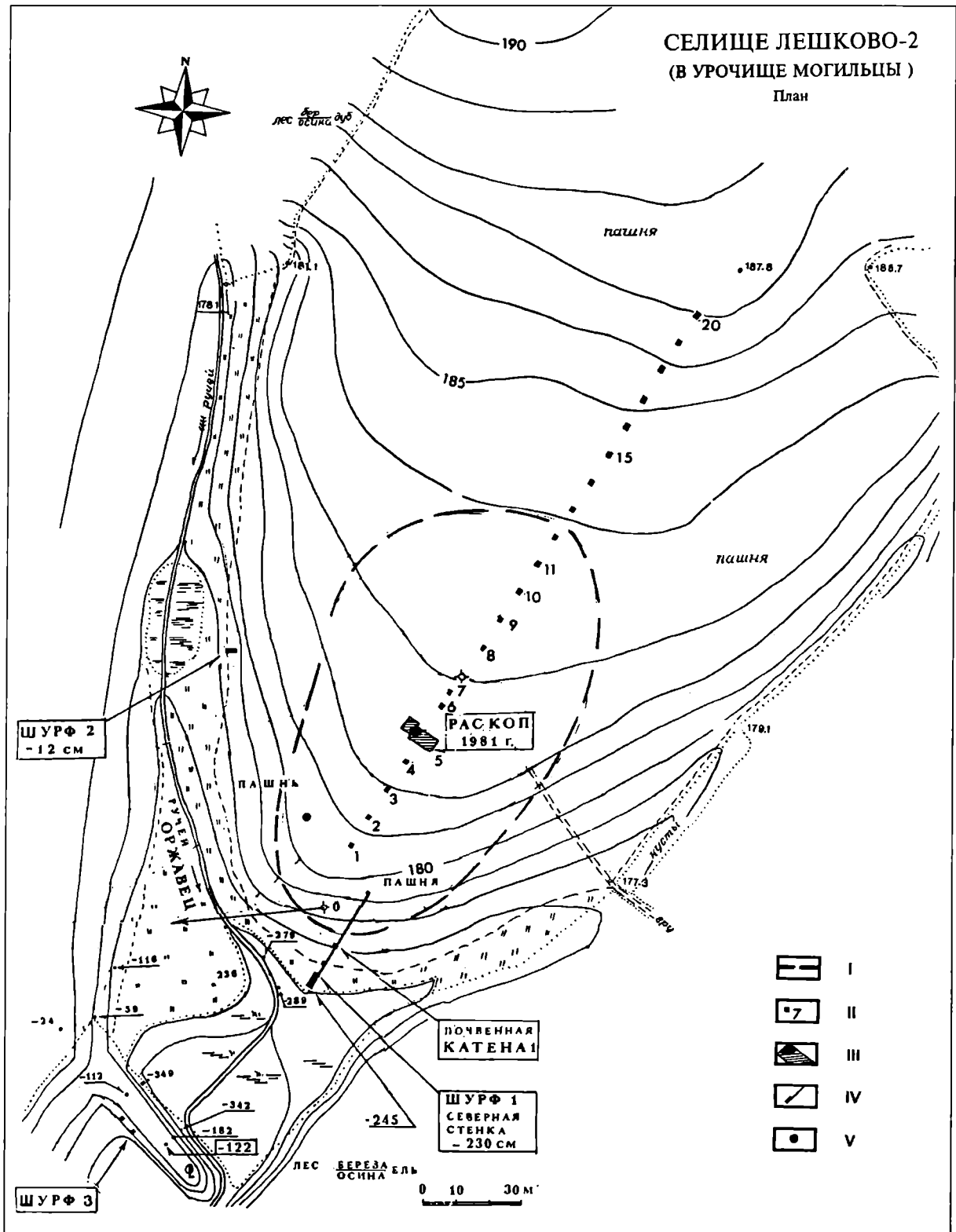

Рис. 3. Селище Лешково-2 (в урочище Могильцы). План. Топосъемка 1981 г.
Ориентировка по магнитному меридиану

I – границы селища; II – шурфы 1981 г. и их номера; III – раскоп 1981 г. с показом ямы 1; IV – объекты палеопочвенных исследований 1988 г.; V – местонахождение фрагмента шумящей подвески (2000 г.)

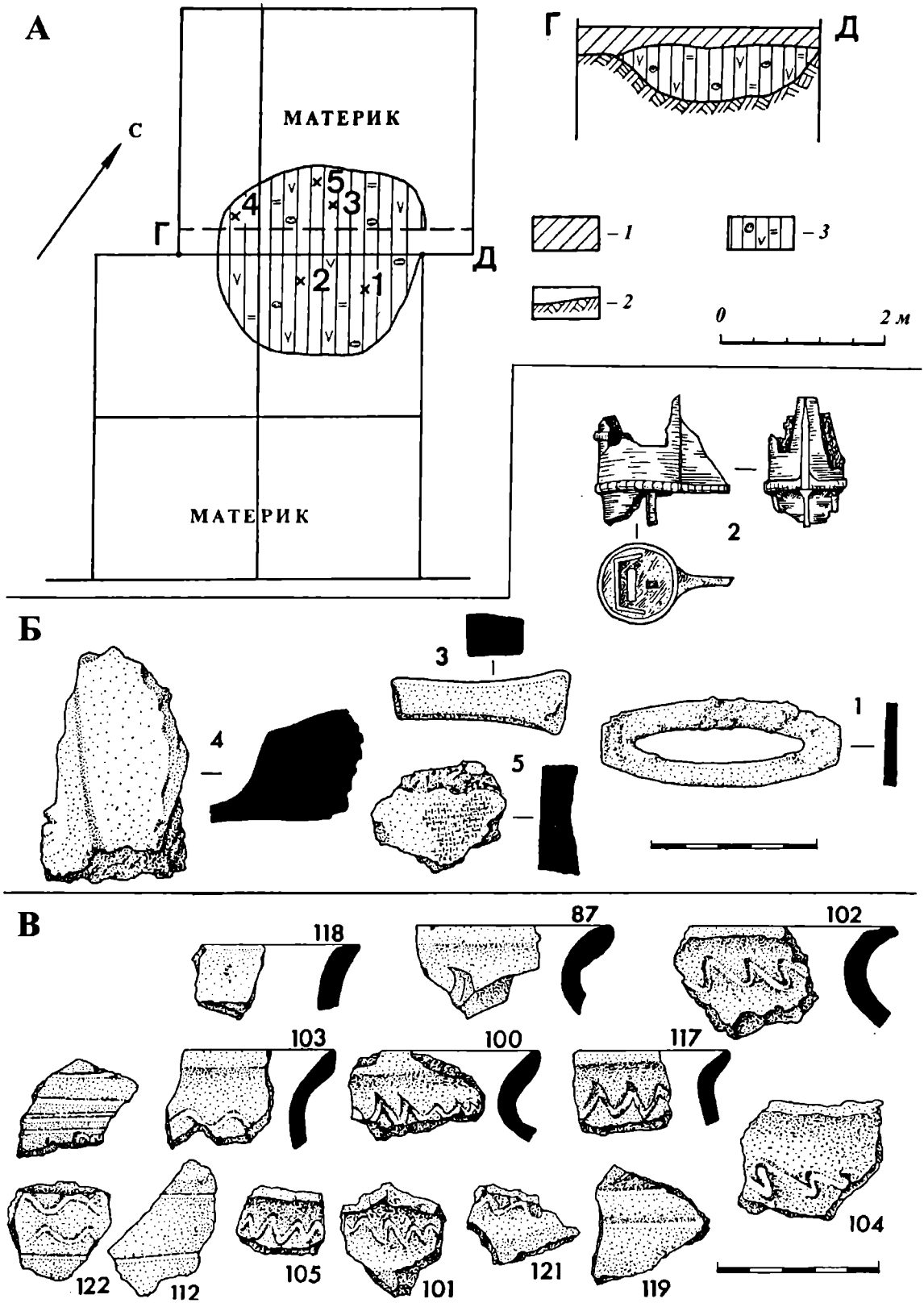

Рис. 4. Керамика лешковских селищ

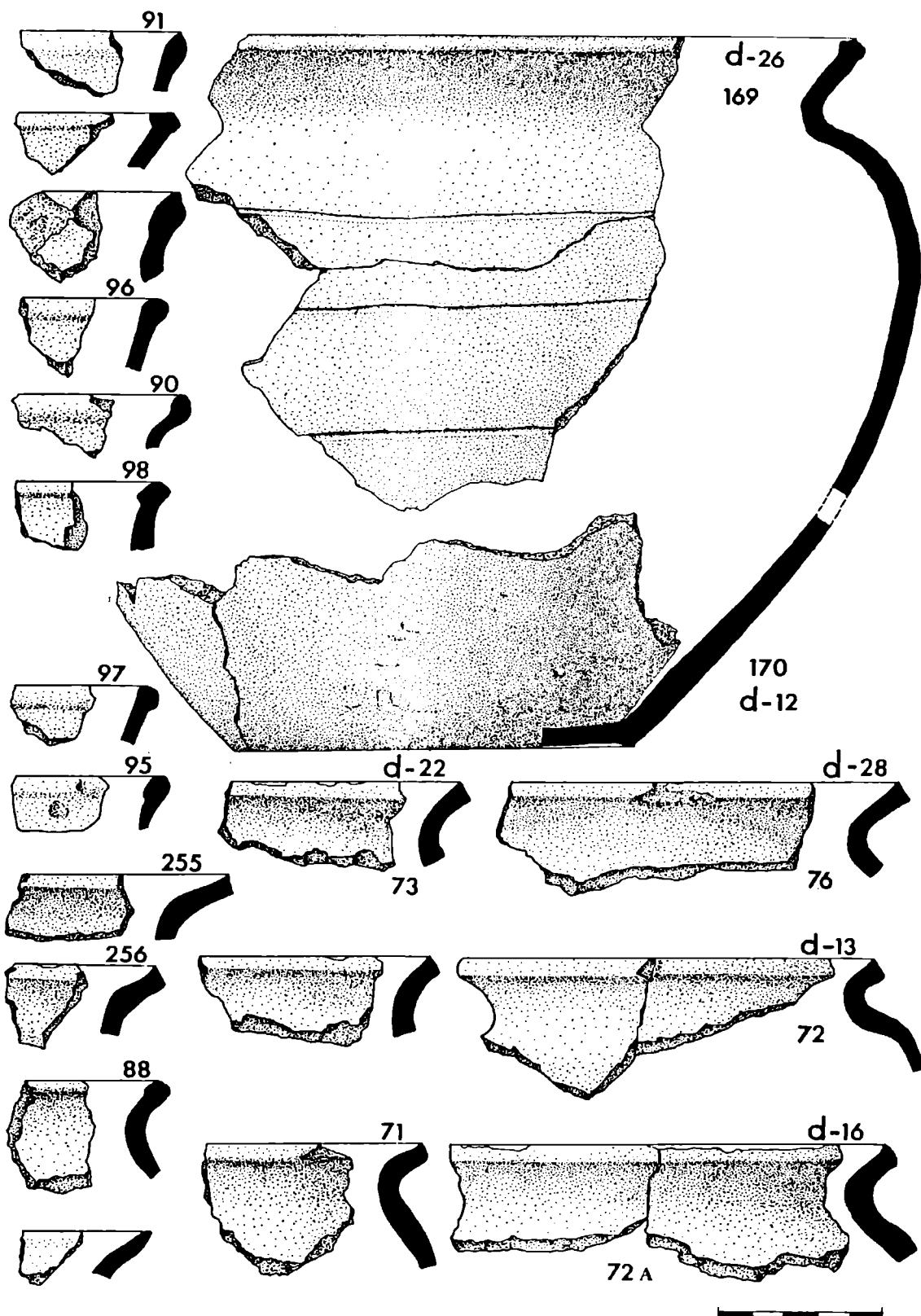

Рис. 5. Керамика лешковских селищ

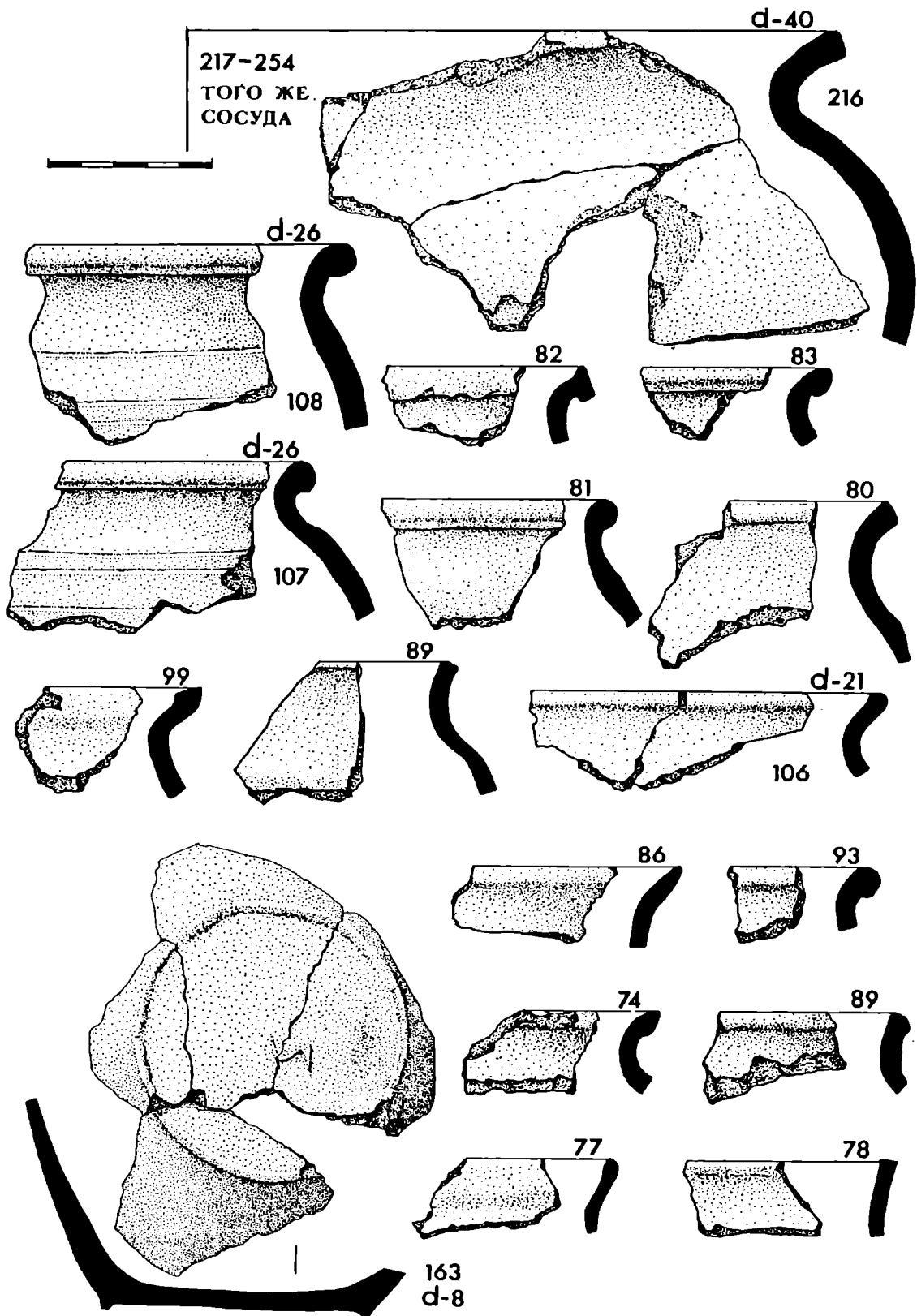

Рис. 6. Керамика лешковских селищ

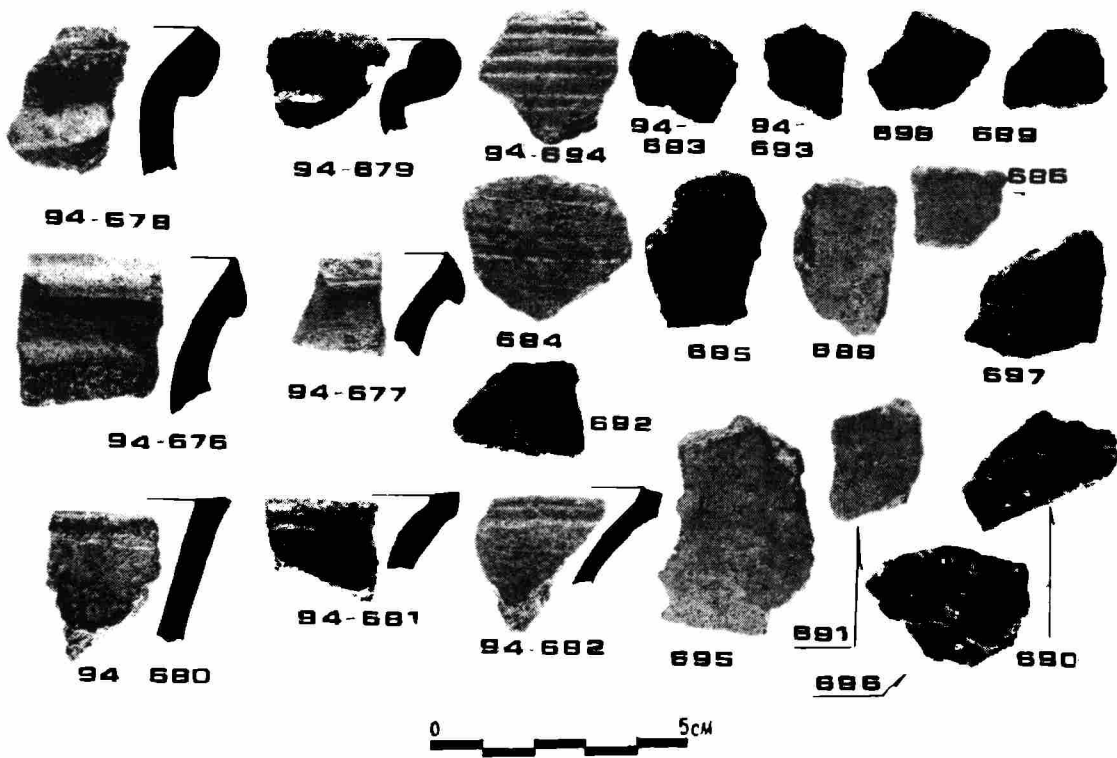

Рис. 8. Селище Лешково-8. Участок А. Курганная керамика

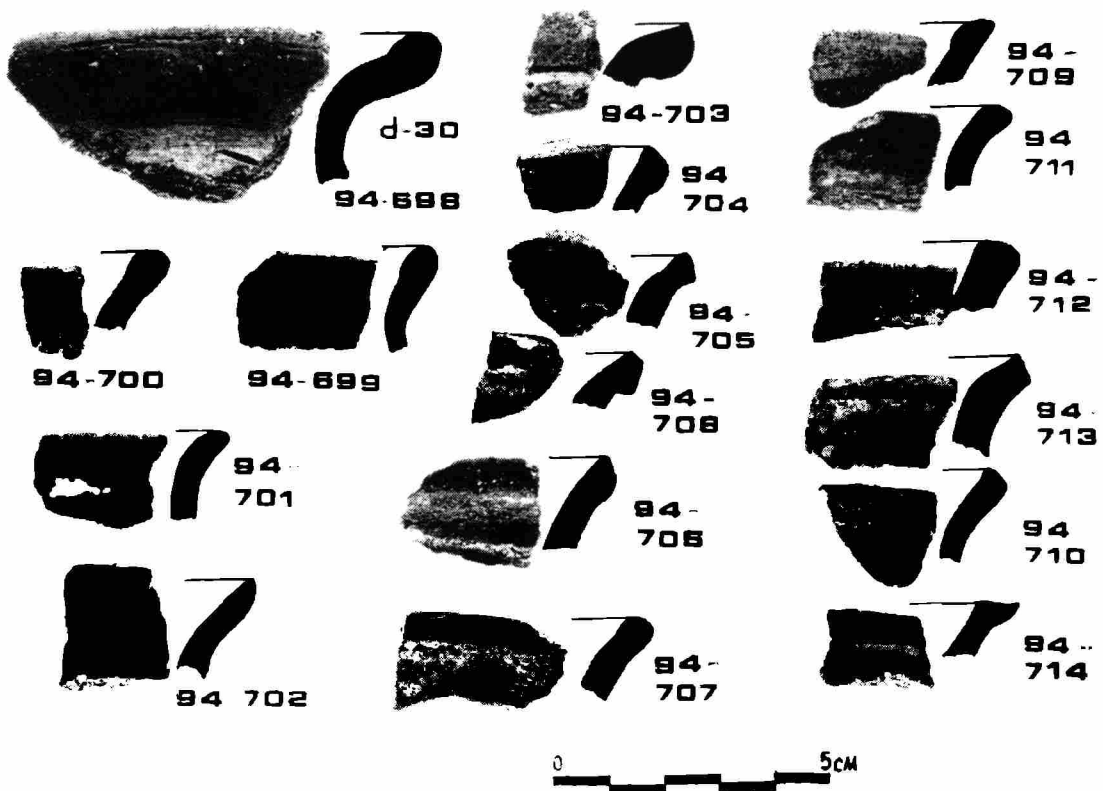

Рис. 9. Селище Лешково-8. Участок А. Сероглиняная керамика

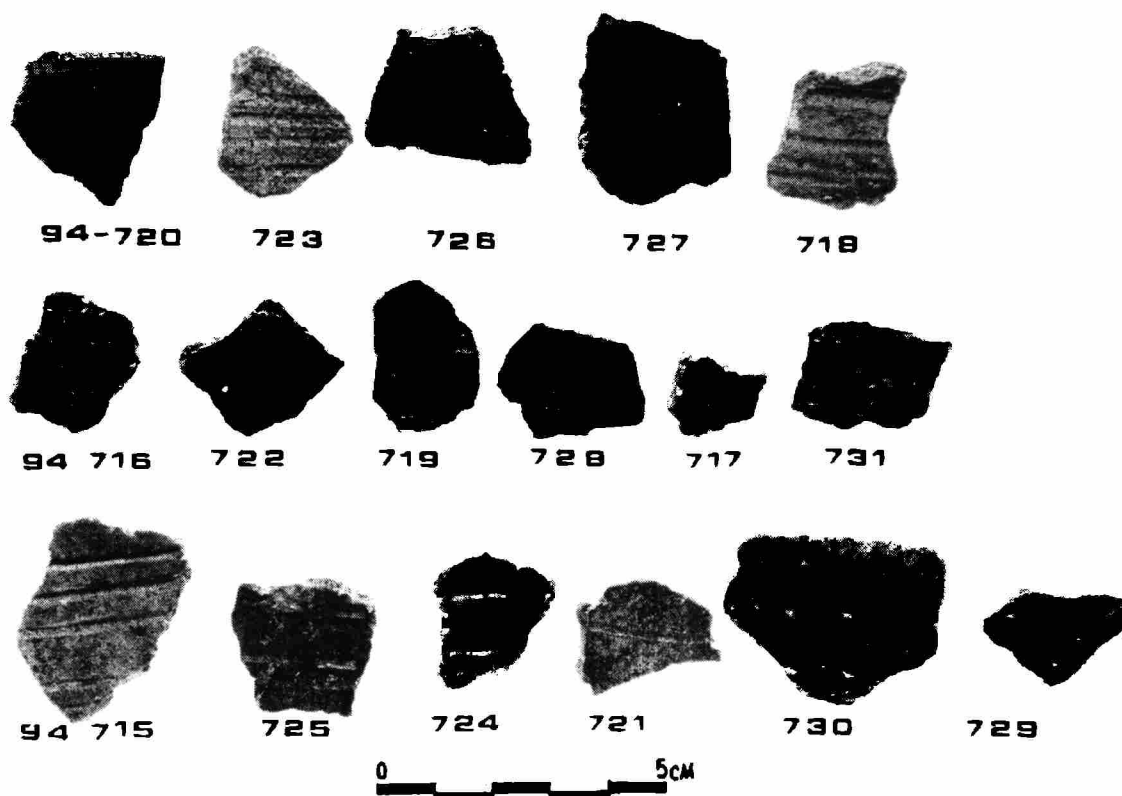

Рис. 10. Селище Лешково-8. Участок А. Сероглиняная керамика.

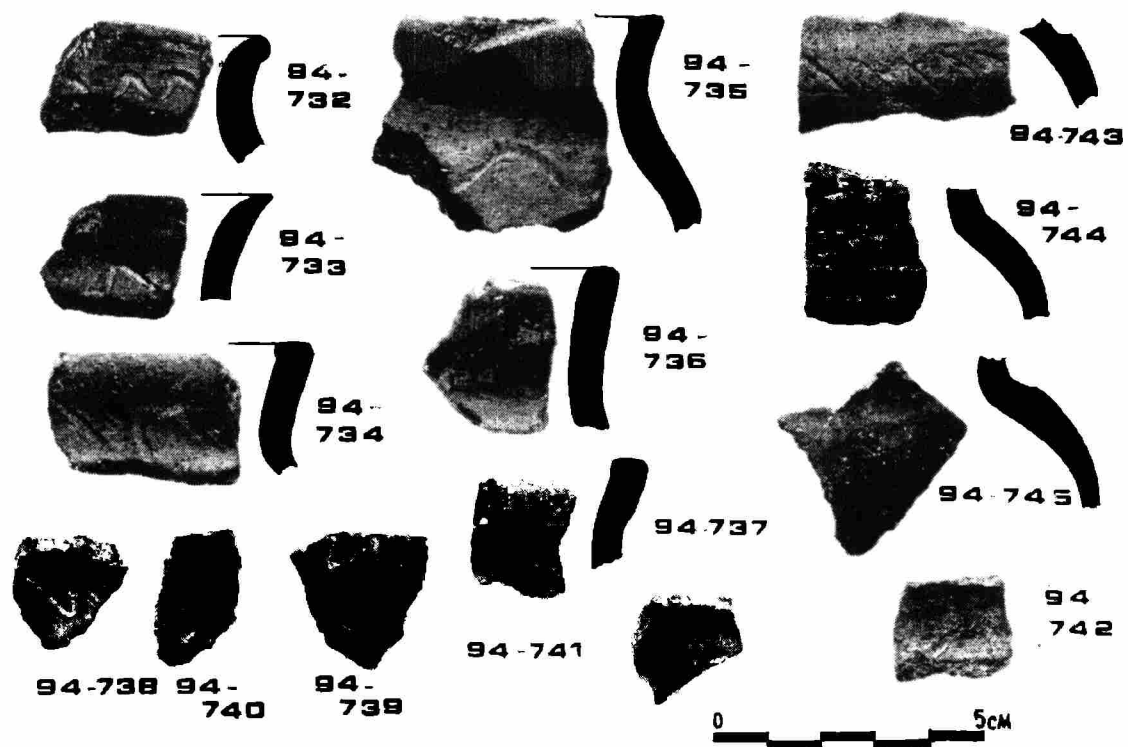

Рис. 11. Селище Лешково-8. Участок А. Красноглиняная грубая керамика

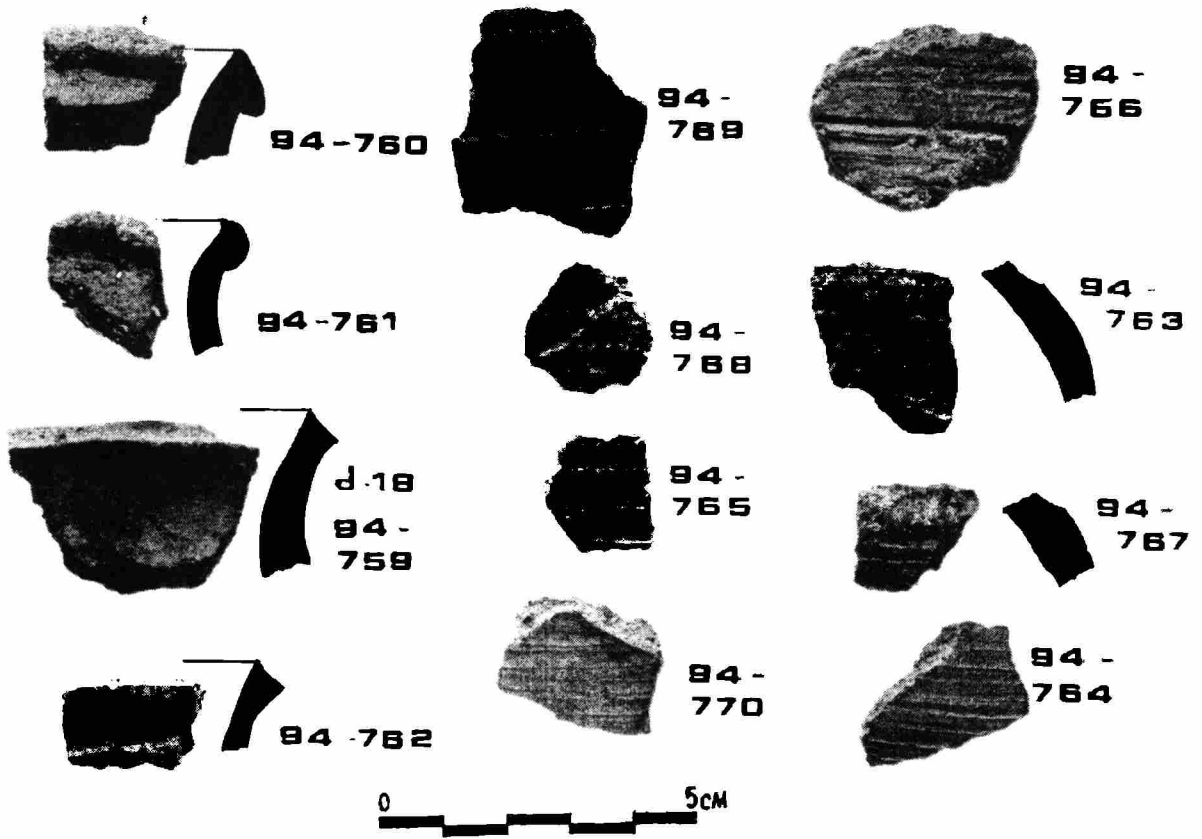

Рис. 12. Селище Лешково-8. Участок В. Курганная керамика

Рис. 13. Селище Лешково-8. Участок В. Сероглиняная керамика

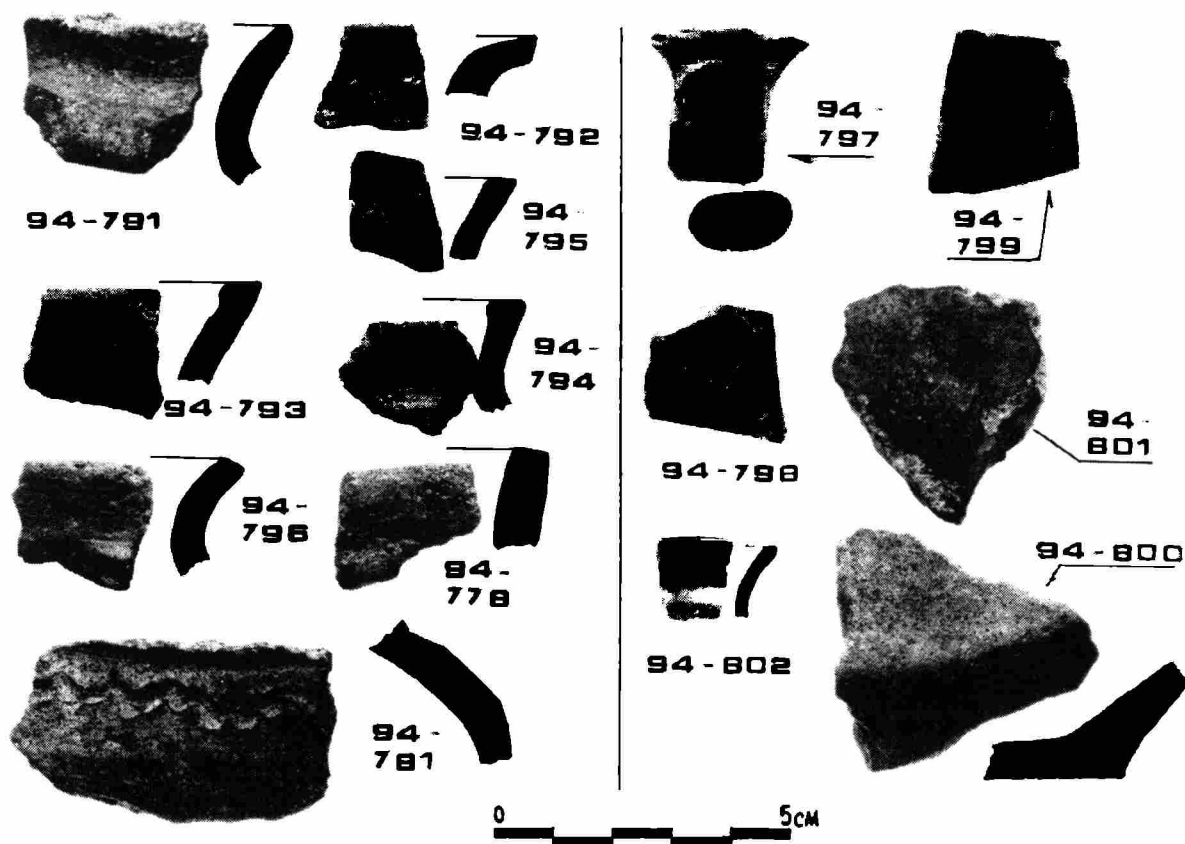
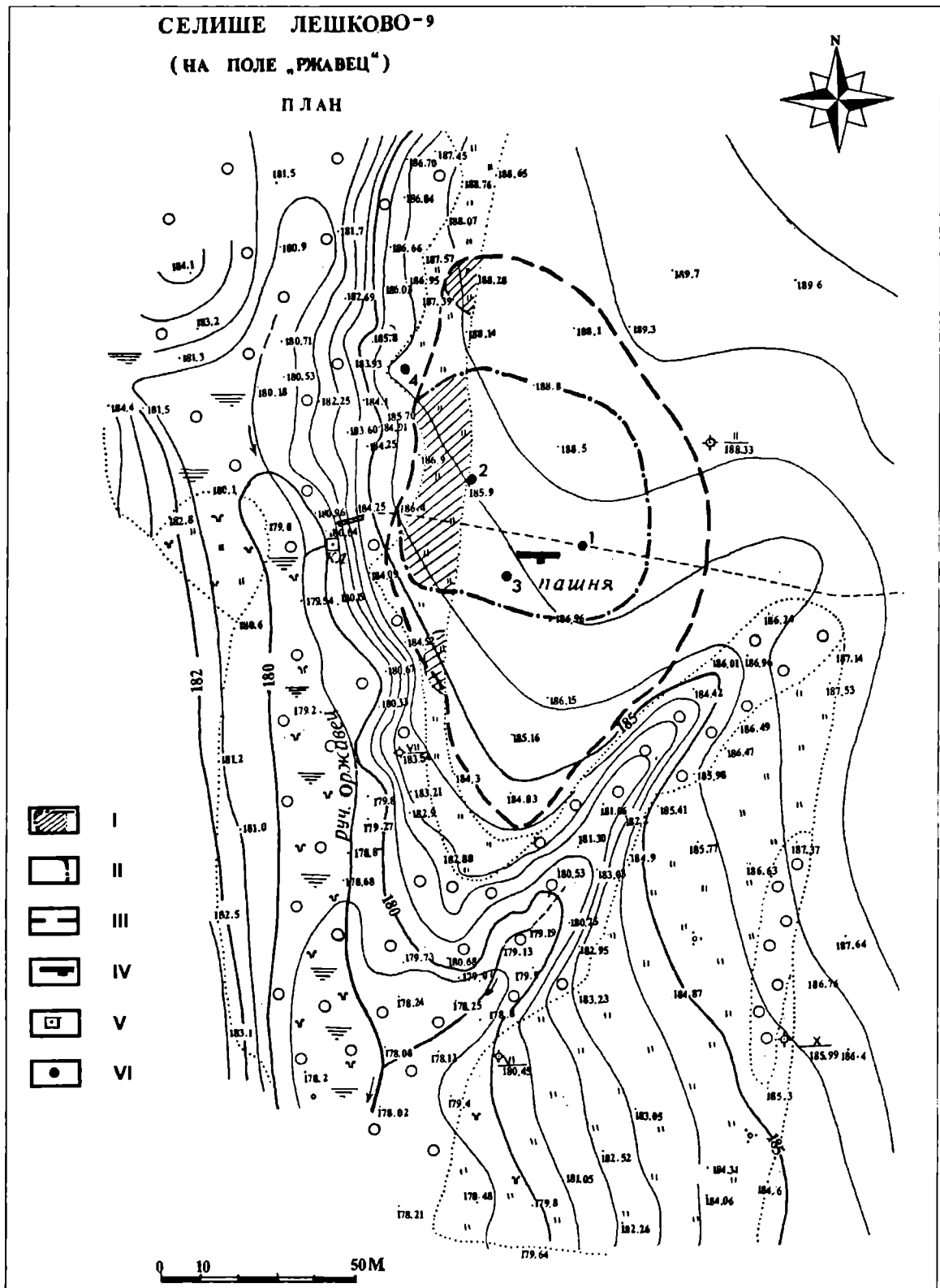

Рис. 14. Селище Лешково-8. Участок В. Красноглиняная грубая (слева) и поздняя (справа) керамика

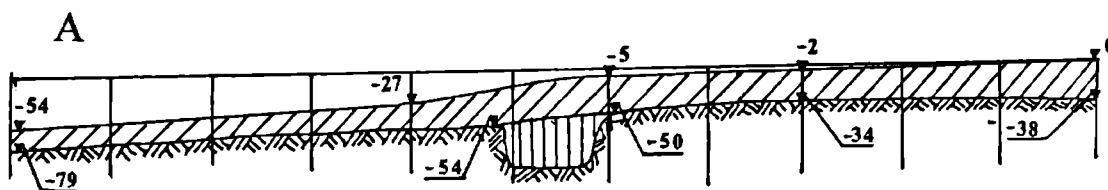
Рис. 15. Селище Лешково-8. Участки D и C (слева). Участок А. Поздний материал (справа)

Рис. 16. Селище Лешково-9 (на поле Ржавец). План

Топоъемка В.В. Петрова и Е.Л. Королевой (4–11 декабря 1988 г.). Ориентировка по магнитному меридиану. I – культурный слой, зафиксированный в мае 1994 г. на распаханных участках; II – культурный слой зафиксированный в апреле 1986 г. на пашне; III – границы селища; IV – раскоп 1994 г. V – обустроенный источник; VI – местонахождение находок: 1 – криноконечный крест, 2 – тревовидная подвеска, 3 – ножи, 4 – цилиндрический замок

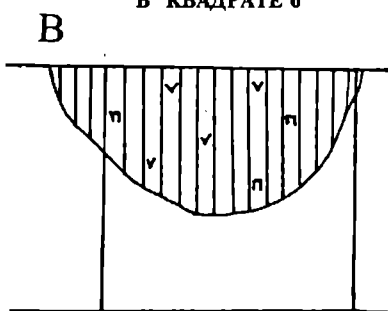
ПРОФИЛЬ СЕВЕРНОЙ СТЕНКИ ТРАНШЕИ

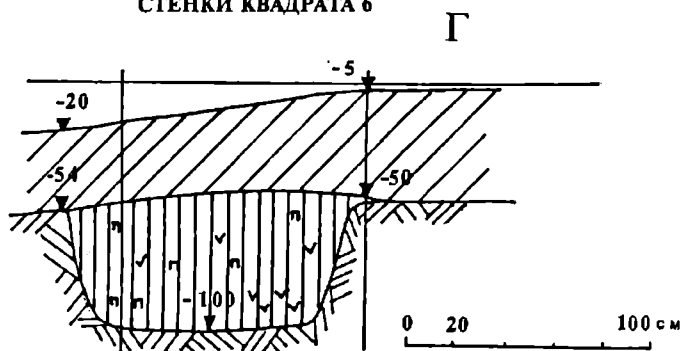
ЗАЧИСТКА МАТЕРИКА ТРАНШЕИ

ЗАЧИСТКА МАТЕРИКА В КВАДРАТЕ 6

ПРОФИЛЬ СЕВЕРНОЙ СТЕНКИ КВАДРАТА 6

Д

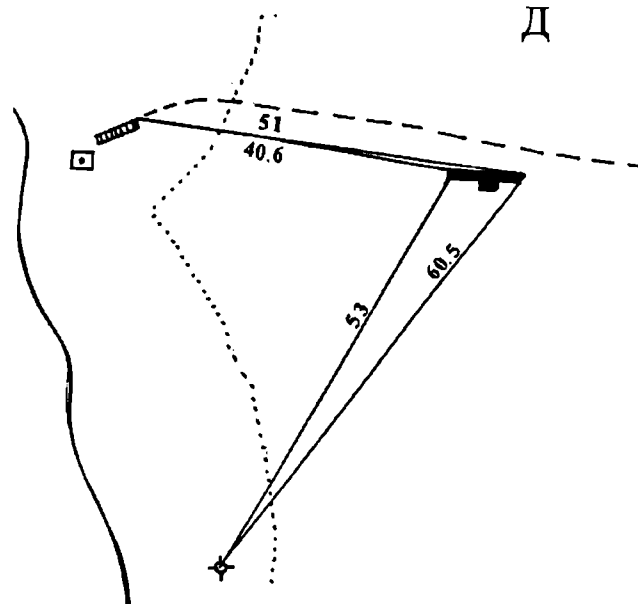
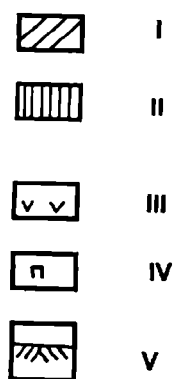

Рис. 17. Селище Лешково-9 (на поле Ржавец). Траншея 1994 г.

А – профиль северной стенки траншеи; Б - план зачистки материка в траншее; В – план зачистки материка в кв. 6; Г – профиль северной стенки квадрата 6; Д – ситуационный план привязки траншеи 1994 г. 1 – светло-бурый верхний культурный слой; 2 – темно-бурых суглинок с печиной и углем; 3 – уголь; 4 – печина; 5 – материк (бурый горизонт дерново-подзолистой почвы)

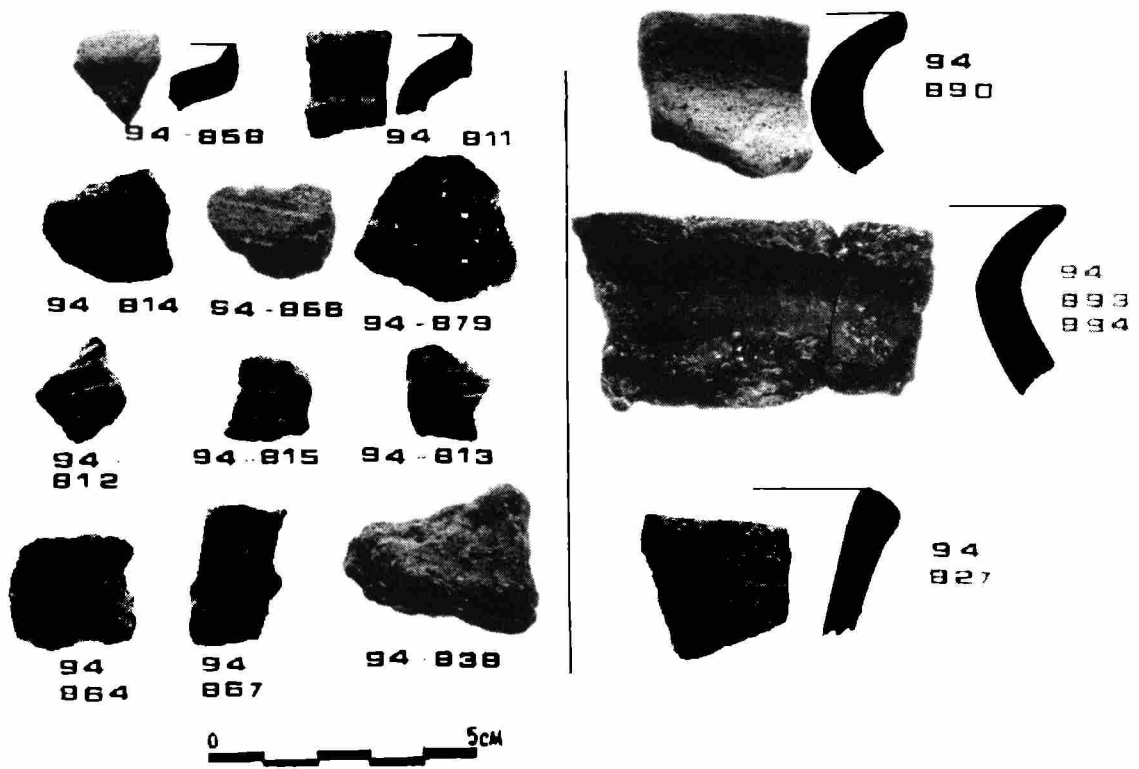

Рис. 18. Селище Лешково-9. Курганная (слева) и серая (справа) керамика

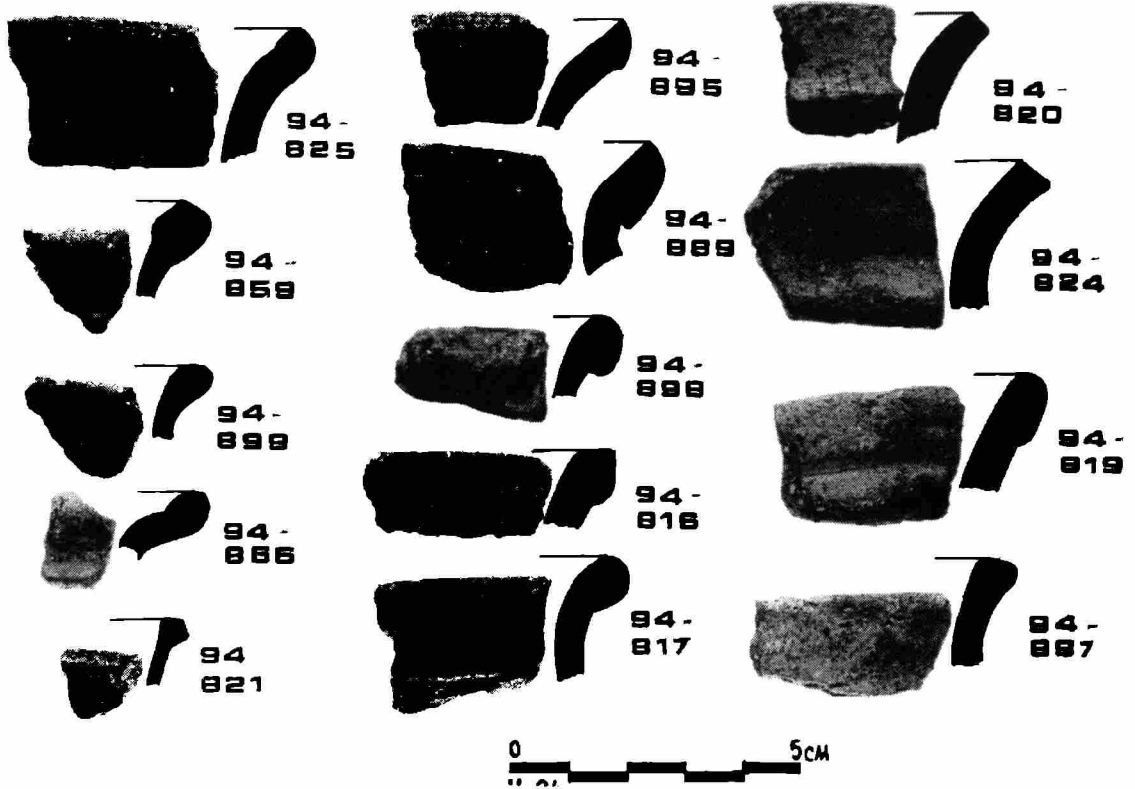

Рис. 19. Селище Лешково-9. Серая керамика

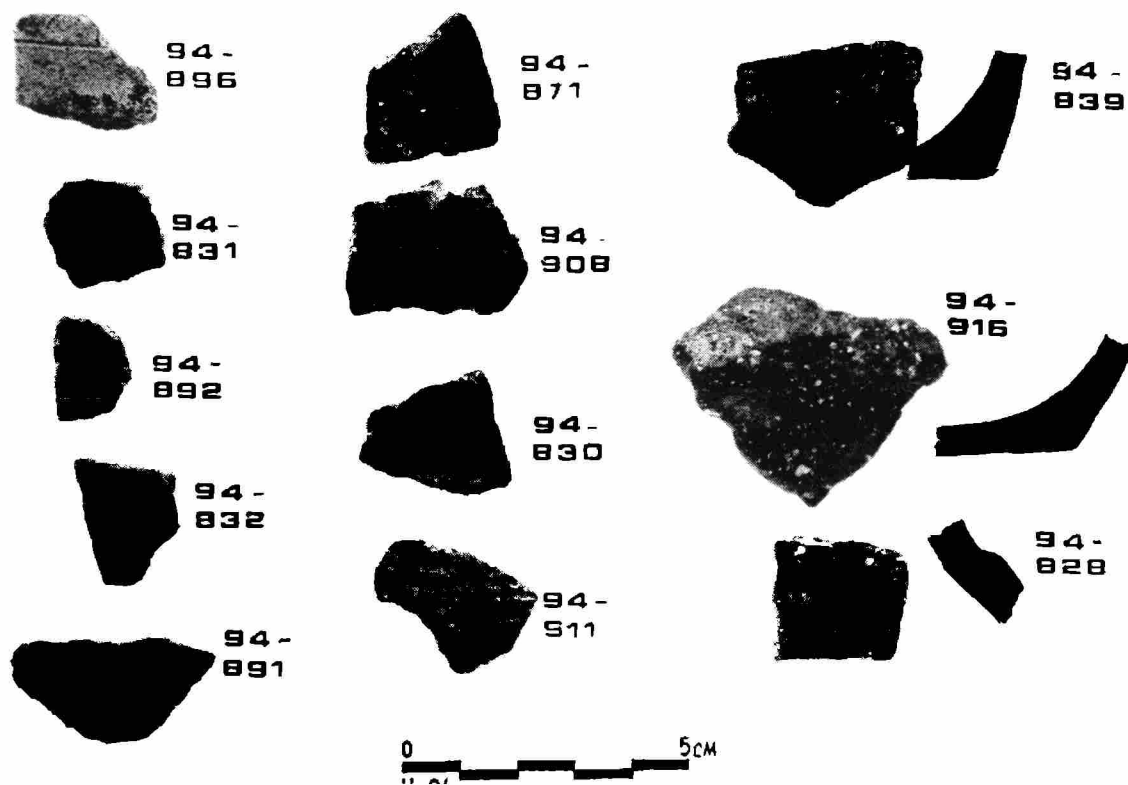

Рис. 20. Селище Лешково-9. Серая керамика

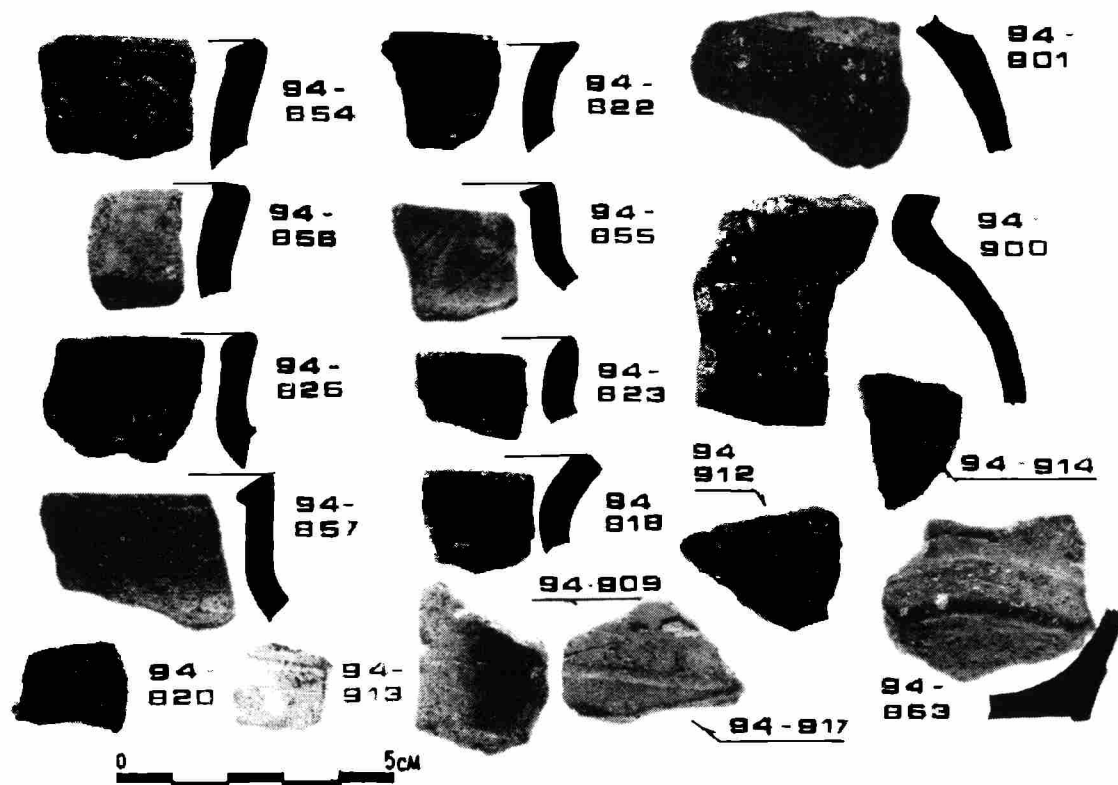

Рис. 21. Селище Лешково-9. Красноглиняная грубая керамика

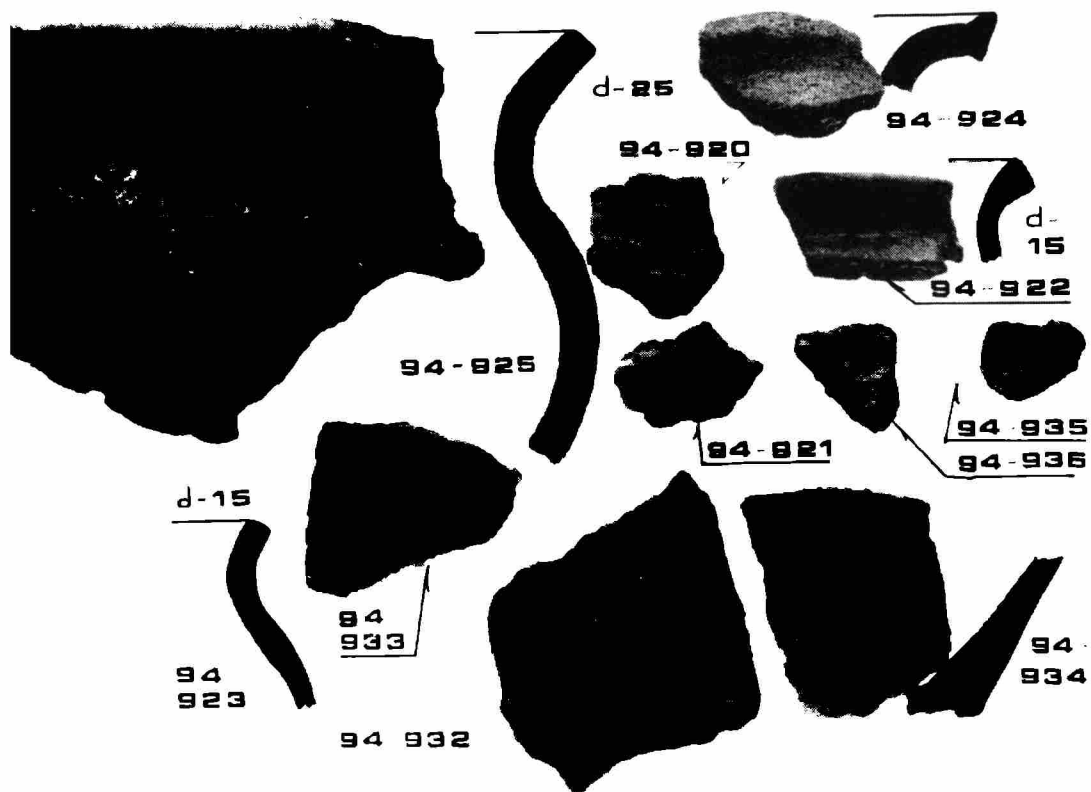

Рис. 22. Селище Лешково-9. Керамический комплекс из ямы 1, выявленной траншеей 1994 г.

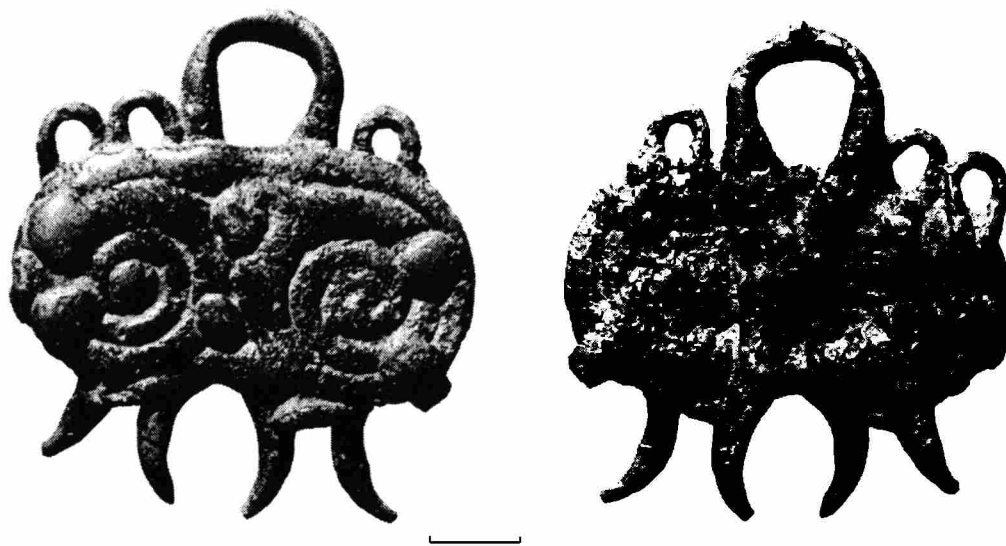

Рис. 23. Селище Лешково-2 (на поле Могильцы).
Находка – шумящая подвеска

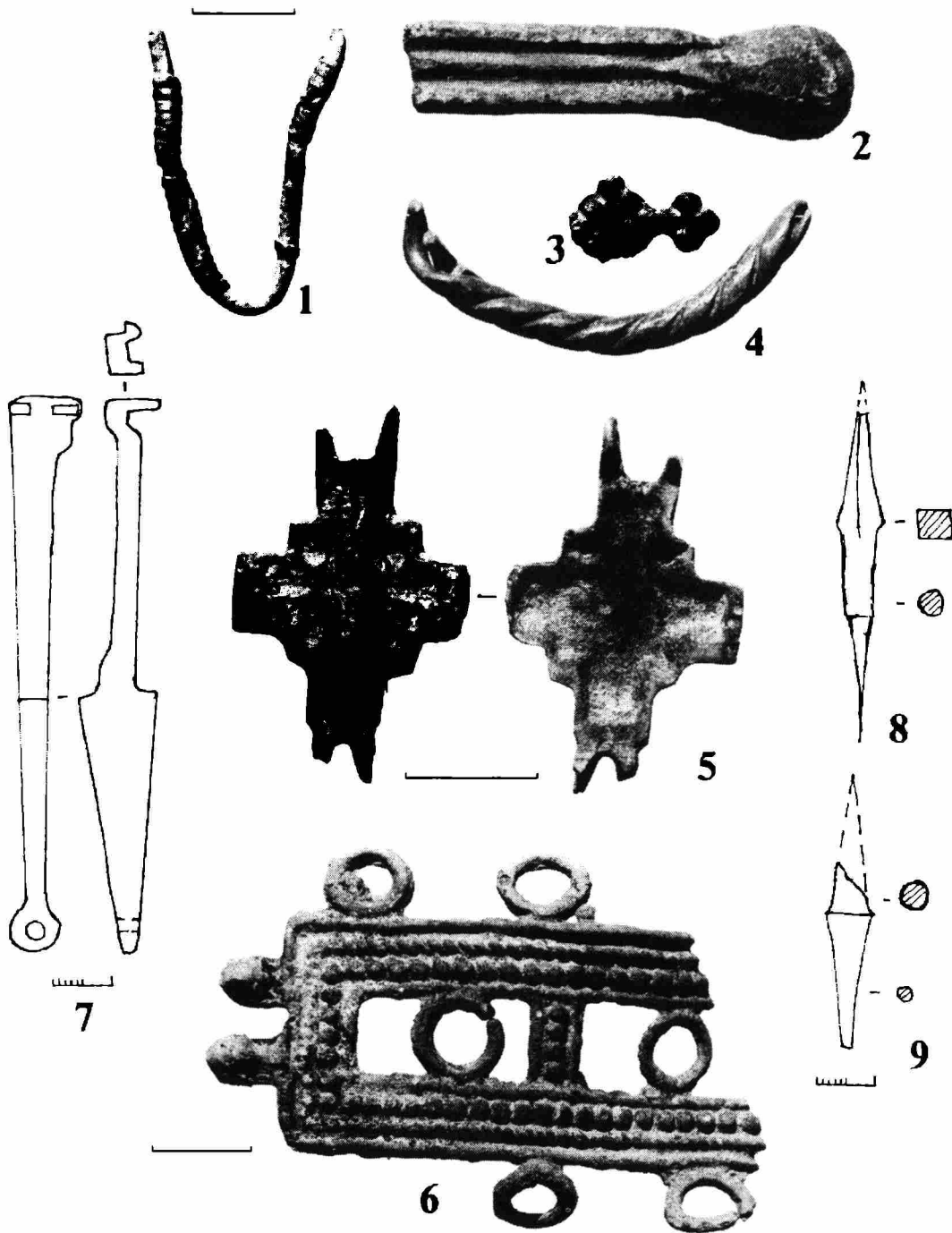

Рис. 24. Селище Лешково-8 (на поле Верхняя Лопата). Находки

1, 2, 3 – бронзовый крест-тельник с тремя шариками на концах; 4 – браслета витого тройного бронзового фрагмент; 5 – створка миниатюрного бронзового квадрифолийного энколпиона украшенного эмалью; 6, 7 – железный ключ от цилиндрического замка типа Г; 8 – стрела железная; 9 – наконечник стрелы граненый пирамидальный типа 12; 10 – наконечник стрелы

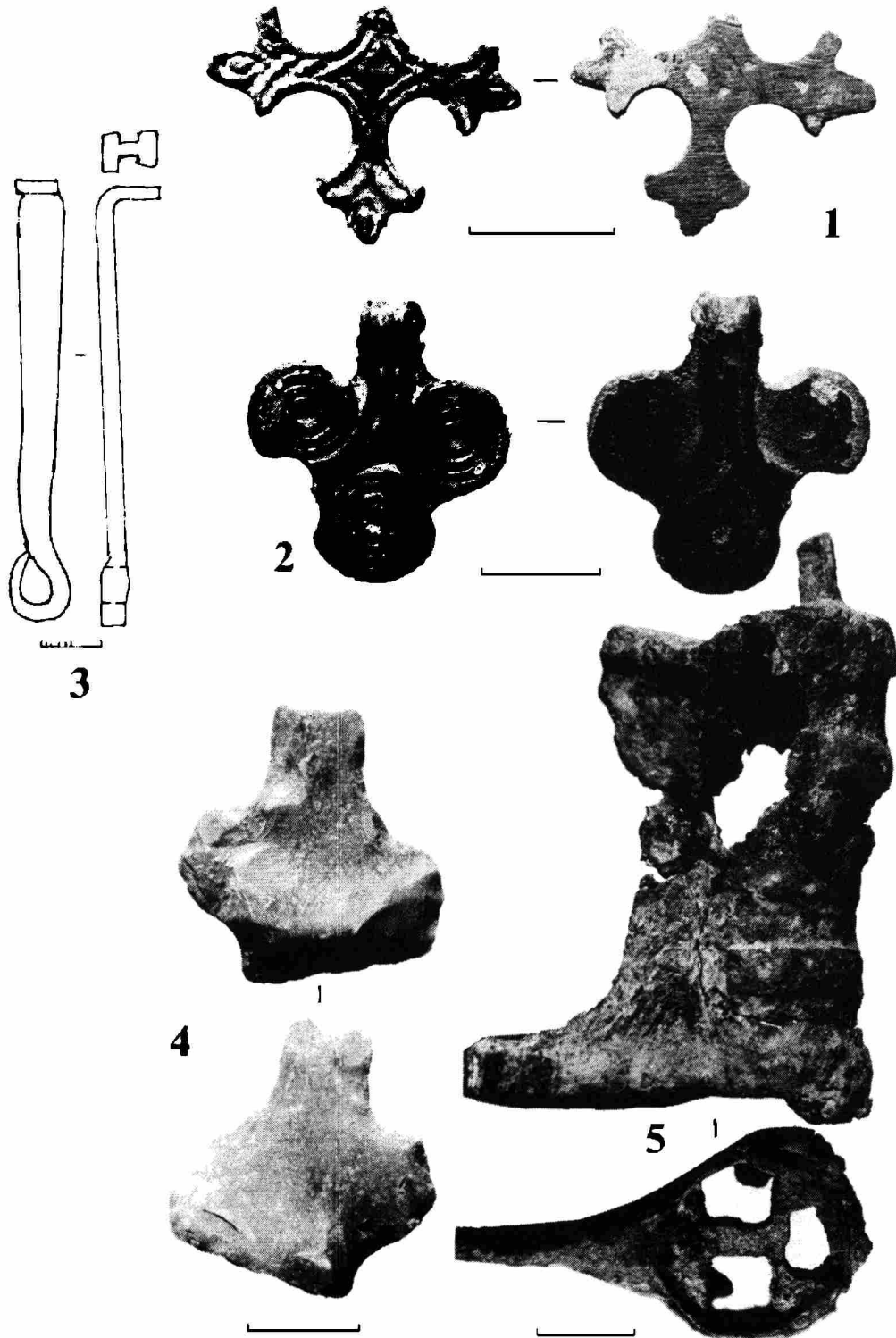

Рис. 25. Селище Лешково-9 (на поле Ржавец). Находки

1 – бронзовый крест-тельник с криволинейными завершениями; 2 – подвеска бронзовая; 3 – железный ключ от цилиндрического замка типа В; 4 – изделие из камня; 5 – железный замок цилиндрический типа Д; 6, 7 – ножей железных обломки

Керамический импорт средневековой Коломны¹

Средневековая Коломна прошла длинный путь исторического развития от пограничного укрепления на дальней окраине Рязанской земли в XII–XIII вв. до крупного административного и торгового центра, второго по значению после Москвы города в Московском княжестве (XIV–XV вв.). В XVI–XVII вв. она входила в десятку крупнейших городов России. На всех этапах своего развития Коломна, располагавшаяся в пункте пересечения торговых путей и являвшаяся центром домениального владения московского князя, становилась местом, куда направлялись потоки импорта из различных районов Руси и из зарубежья. Импорт средневековой Коломны в целом схож с импортом других городов Руси и включал изделия, происходившие из южнорусских земель (стеклянная посуда и украшения, шиферные пряслица, поливная керамика), Византии и Причерноморья (шелковые ткани, каменные нательные крестики, греческие орехи), Ближнего и Среднего Востока (стеклянные сосуды, хрустальные и сердоликовые бусы) (Мазуров, 1995. С. 13). Наряду с этими предметами, попадали в Коломну и образцы импортной керамики.

О находках в Коломне привозной керамики впервые стало известно после раскопок, проведенных в коломенском кремле в 1935–1936 гг. Н.П. Милоновым. В слоях, датированных исследователем XIV–XV вв., были обнаружены «обломки золотоордынской цветной поливной посуды» (Милонов, 1948. С. 77, 82). К сожалению, эти находки (как, впрочем, и другие результаты раскопок в Коломне) не были соответствующим образом опубликованы (краткая публикация 1948 г. ограничивалась лишь их перечислением) и впоследствии оказались утеряны. В отчете о раскопках (Милонов, 1937) рисунки находок отсутствуют. Единственный сохранившийся в фондах Краеведческого музея г. Коломны «золотоордынский» сосуд из раскопок Н.П. Милонова (Милонов, 1948. С. 90) в действительности оказался изделием русских керамистов XVII в. (это

емкостная часть белоглиняного кумгана, покрытого зеленой прозрачной поливой).

Новые находки привозной керамики стали известны в Коломне только после возобновления в конце 1980-х гг. археологических исследований, продолженные в 1990-е гг. Археологической службой г. Коломны. Работы 1989–2003 гг. носили почти исключительно охранительный характер. Тем не менее, они охватили почти все ключевые точки городской территории и позволили воссоздать историческую картину жизни города в средние века. К 2003 г. в Коломне археологическими раскопками изучено около 4000 кв. м культурного слоя (рис. 1). Более подробно изучен кремль, менее – посад. Одной из наших задач сегодня является введение в научный оборот накопленного за эти годы материала (Мазуров, 1998. С. 103). Настоящая статья посвящена изучению одной из самых ярких категорий импорта – привозной восточной керамики. Находки привозной керамики из раскопок 1990–2003 гг. (общее число которых превышает 220 единиц²) регулярно публиковались, в том числе, в цветном изображении (Мазуров, 1991; 1994), упоминались в обзорных статьях по археологии Коломны (Мазуров, 1998. С. 101–102), однако к настоящему времени незрела необходимость издания всего комплекса этих находок и соответствующего их анализа на базе детальной атрибуции, группировки и датирования. Представленный ниже опыт такой публикации основывается на классификации восточной и византийской керамики, импортировавшейся на Русь в эпоху средневековья, разработанной и применяемой одним из авторов (Коваль, 1997а; 1997б; 1997в).

Прежде всего следует отметить, что практически вся импортная керамика из Коломны представлена бытовой емкостной посудой. Исключения составляют всего 2 обломка декоративных облицовочных плиток, относящихся к архитектурной керамике, описание которых дано ниже. Из других категорий импортной керамики в Коломне обнаружена только одна кашинная бусина.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 00-01-00186а «Археология Коломны» и № 01-01-00018а «Керамика Востока и Византии на Руси»).

² Авторы выражают глубокую благодарность А.С. Сыроватко за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал из его раскопок в г. Коломне в 2002–2003 гг.

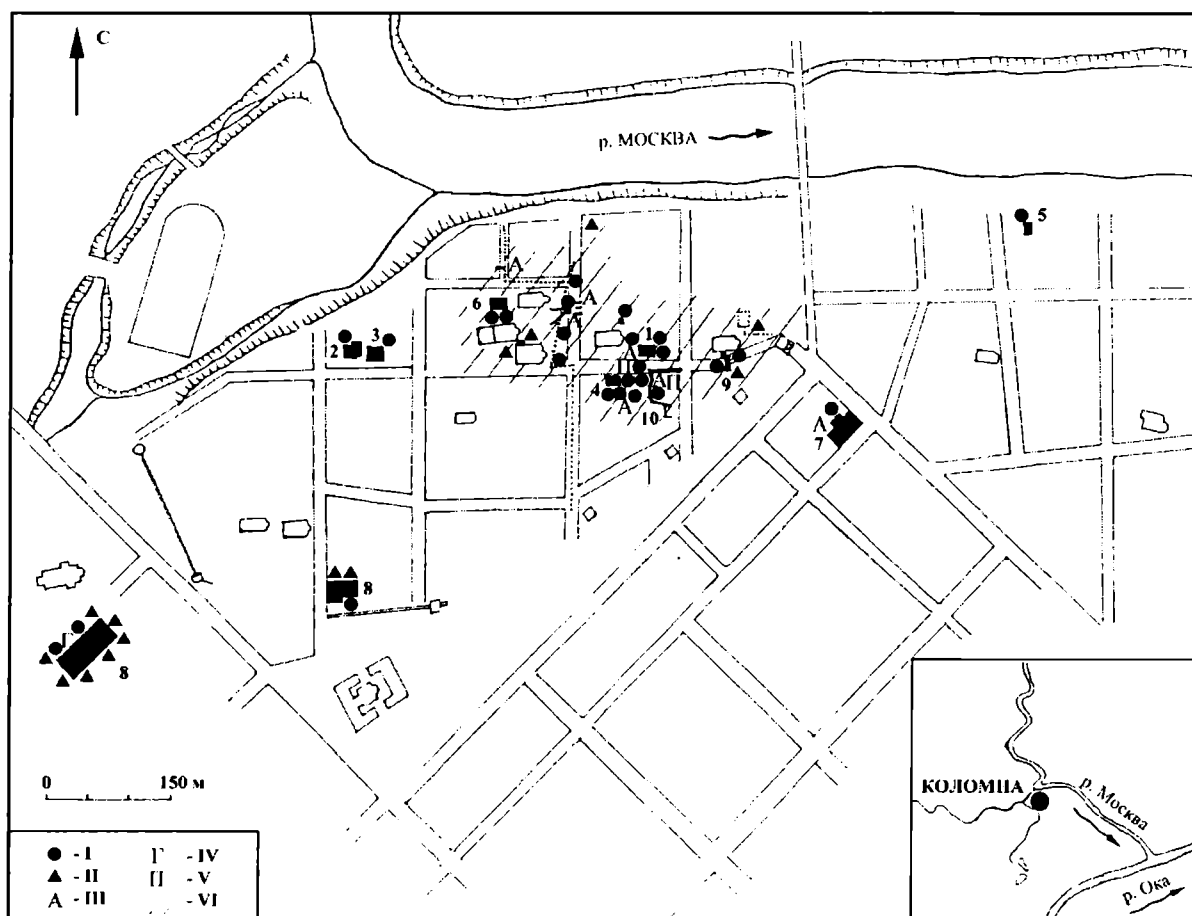

Рис. 1. Схема кремля и прилегающей части посада Коломны

Объекты с находками привозной керамики: I – раскопы, шурфы, траншеи с находками поливной восточной керамики; II – находки болгарской керамики; III – амфоры; IV – горн с болгарской керамикой последней трети XIV в.; V – декоративные глазурованные керамические плитки; VI – район максимальной концентрации находок привозной керамики (древние улицы Большая и Ильинская)

ПОЛИВНАЯ ПОСУДА

I. ФАЯНСЫ³

I.1. Фаянсы без дополнительного декора

Группа 1. Бирюзовые фаянсы

К этой группе принадлежали 3 обломка стенок от разных чаш⁴ и 2 фрагмента одного сосуда типа бутылки или кувшина⁵, изготовленного из рыхлого серовато-белого кашина и покрытого с двух сторон голубовато-бирюзовой поливой, от

которого сохранился край узкого горла (рис. 2, 1). Подобные бирюзово-голубые фаянсовые сосуды изготавливались в золотоордынском Поволжье (Булатов, 1968. С. 107), откуда они попадали на Русь в основном во второй половине XIV в. (известны в Москве и Переяславле-Рязанском). Невысокое качество рассыпающегося кашина описываемых образцов не оставляет сомнений, что изготовлены сосуды были именно в Поволжье.

³ Фаянсами мы называем средневековую керамику из силикатных формовочных масс (так называемого кашина), покрытую непрозрачной, как правило, щелочной поливой. Следует отметить, что в современном керамическом производстве фаянсами называют поликомпонентную керамику, в состав формовочной массы которой входят глина и каолин. Таким образом, современные фаянсы по своему составу существенно отличаются от средневековых.

⁴ 1999–Л1–895; 2001–Л19–271; 2003–1001. Здесь и далее шифры находок состоят из указания года раскопок и номеров находок по полевым описям. В 1990 г. восточная керамика была встречена при раскопках на ул. Лазарева: в 1992 г. – в порту Коломны (ПК) и на ул. Болотникова (Б); в 1995 г. – только на ул. Лазарева; в 1996 г. – на ул. Кремлевской (К) и ул. Лазарева (Л); в 1998 г. – только на ул. Лазарева; в 1999 г. – на ул. Гранатной (Г), ул. Лазарева (Л) и ул. Пушкина (П); в 2001 г. – на ул. Лазарева, 19 (Л19), ул. Лазарева, 20 (Л20) и в церкви Вознесения (ЦВ); в 2002 г. – только на ул. Лазарева; в 2003 г. – только на ул. Болотникова. Аббревиатура адреса раскопок вводится нами в шифр находки лишь в том случае, когда материал поступал из разных раскопок одного года исследований.

⁵ 1995–217, 323.

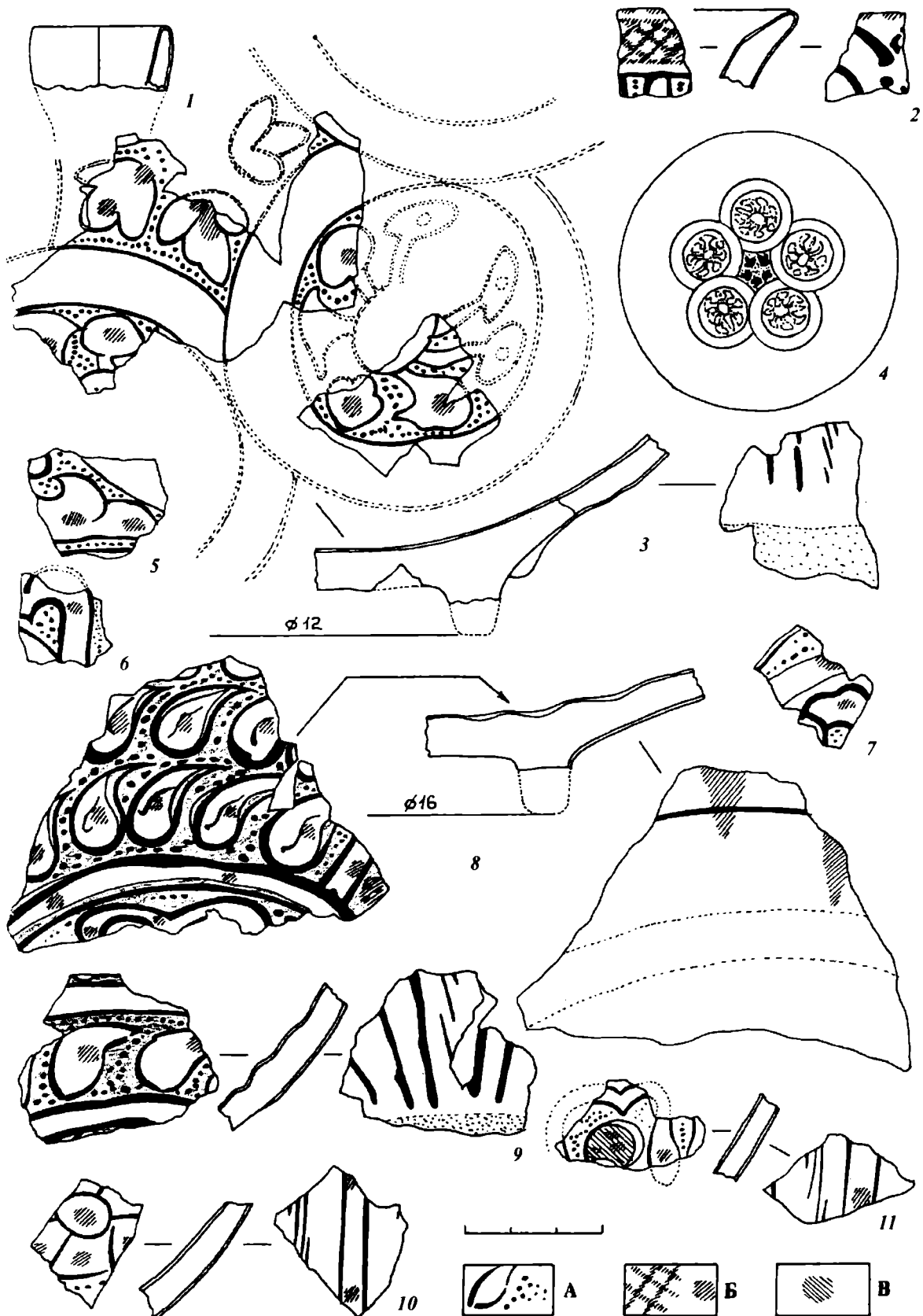

Рис. 2. Золотоордынская кашинная поливная керамика

1 – горло кувшина (бирюзовый фаянс); 2, 3, 5-11 – обломки полуфаянсовых чаш с подглазурной полихромной росписью и рельефной моделировкой поверхности; 4 – вариант реконструкции росписи дна чаши (образца № 3 данного рисунка). Краски: А – черная или зеленая; Б – синяя; В – бирюзовая

Группа 2. Псевдоселадоны

Такое наименование традиционно дается сосудам, покрытым непрозрачной бледно-зеленой поливой, которые подражали китайской керамике XIII–XVI вв. «лунцюаньяо», называемой также селадонами (см. ниже описание находок селадонов в Коломне). Псевдоселадоны производились в разных странах Востока и, в том числе, в золотоордынском Поволжье во второй половине XIV в. В Коломне найден один маленький обломок такого сосуда (чаши?)⁶, изготовленного из кашина красного цвета, характерного для гончарного производства Селитренного городища (Старого Сарая).

I.2. Фаянсы с надглазурным декором

В 2001 г. в Коломне впервые был найден обломок кувшина, относившегося к фаянсам типа «минаи». Сосуд был изготовлен из рыхлого белого кашина, внешняя поверхность которого была покрыта частично белой непрозрачной и частично зеленой прозрачной поливами. Поверх белой поливы была нанесена роспись бледно-синей прозрачной глазурью, ярко-красной и красно-коричневой красками (рис. 3, 1). Последняя использовалась для крепления аппликаций золотой фольги, ее остатки сохранились на поверхности поливы⁷. Рыхлый кашин, использованный при изготовлении данного образца, свидетельствует о поздней дате изделия (в пределах XIV в.). Находка происходит из культурного слоя, отложившегося не позднее начала XV в.

Фаянсы типа «минаи» изготавливались в Иране с конца XII в. вплоть до конца XIV в. Не исключено, что пленные иранские мастера наладили производство такой керамики и в золотоордынских столицах, откуда такая керамика могла попадать на Русь. Находки подобных фаянсов в русских городах XIV в. чрезвычайно редки (они известны лишь в Москве, Новгороде, Твери, Смоленске).

II. ПОЛУФАЯНСЫ⁸

II.1. Полуфаянсы без дополнительного декора

Представлены единственной подгруппой бирюзовых полуфаянсов, изготовленных из рыхлого белого кашина и облицованных с обеих сторон светло-бирюзовой (голубой) глазурью. К их числу относились обломки от одного (?) сосуда закрытой формы (кувшина)⁹.

⁶ 2001–Л19–292.

⁷ 2001–Л19–133.

⁸ Полуфаянсами принято называть керамику из силикатных масс (кашина), покрытую прозрачной глазурью, поверхность которой до глазурования часто покрывалась слоем белого ангоба.

⁹ 2002–51, 53, 198.

¹⁰ 1995–373.

¹¹ 1999–Г–948.

II.2. Полуфаянсы с надглазурным декором

Представлены единственным типом полуфаянсов с бесцветной глазурью и люстровой росписью, к которому относится обломок дна чашечки¹⁰, изготовленной из очень твердого белого кашина. Внутренняя поверхность чашечки была покрыта под поливой белым ангобом, тогда как на внешней ее поверхности ангоб отсутствовал. Бесцветная глазурь с легким бирюзовым оттенком покрывала чашечку с обеих сторон, в том числе и с нижней стороны дна. На той же стороне сохранились кусочки прилипшей к поливке и отбитой после обжига трехногой подставки («сепая»), изготовленной из жирной красной глины. Цековые трещины на глазури отсутствуют. Люстровая роспись на внешней стороне чашки имела коричневатый оттенок (фон росписи был сероватым из-за отсутствия ангобной подгрунтовки под глазурью), на внутренней поверхности люстр отличался зеленовато-желтоватым оттенком (рис. 3, 2). Заметим, что кольцевой поддон чашечки был аккуратно стесан (возможно, это следы ремонта сосуда). По всем признакам (качеству кашина и глазури, глазурованию дна снизу, манере росписи) данный образец можно отнести к изделиям иранских мастеров конца XVII – начала XVIII в. (*Pope, Ackerman, 1965. Pl. 797, a–f; 798, a, b; Fehervary, 1973. P. 138. Pl. 77a*). Полную аналогию росписи внешней поверхности коломенской чашечки в виде переплетающихся «синусоидных» растительных побегов дает декор чайника сефевидской эпохи из собрания Британского музея (*Watson, 1985. Pl. 140*).

На территории Руси позднесредневековый иранский люстр до сих пор был известен только по единичным находкам в Москве. Причиной тому могла быть концентрация дорогих привозных предметов (в том числе посуды) в столичном городе, однако нельзя исключать и того варианта, что эта причина кроется в крайне слабой археологической изученности позднесредневековых слоев русских городов и недостаточном внимании археологов к материалам из этих слоев.

II.2. Полуфаянсы с подглазурным декором

Группа 1. Полуфаянсы с рельефным декором

Подобные полуфаянсы производились в золотоордынских центрах Поволжья (*Булатов, 1968. С. 104–105; Федоров-Давыдов, 1994. С. 122*), откуда и попадали на Русь. Известен лишь один мелкий скол с внешней поверхности сосуда, украшенного вертикальными каннелюрами¹¹, возможно,

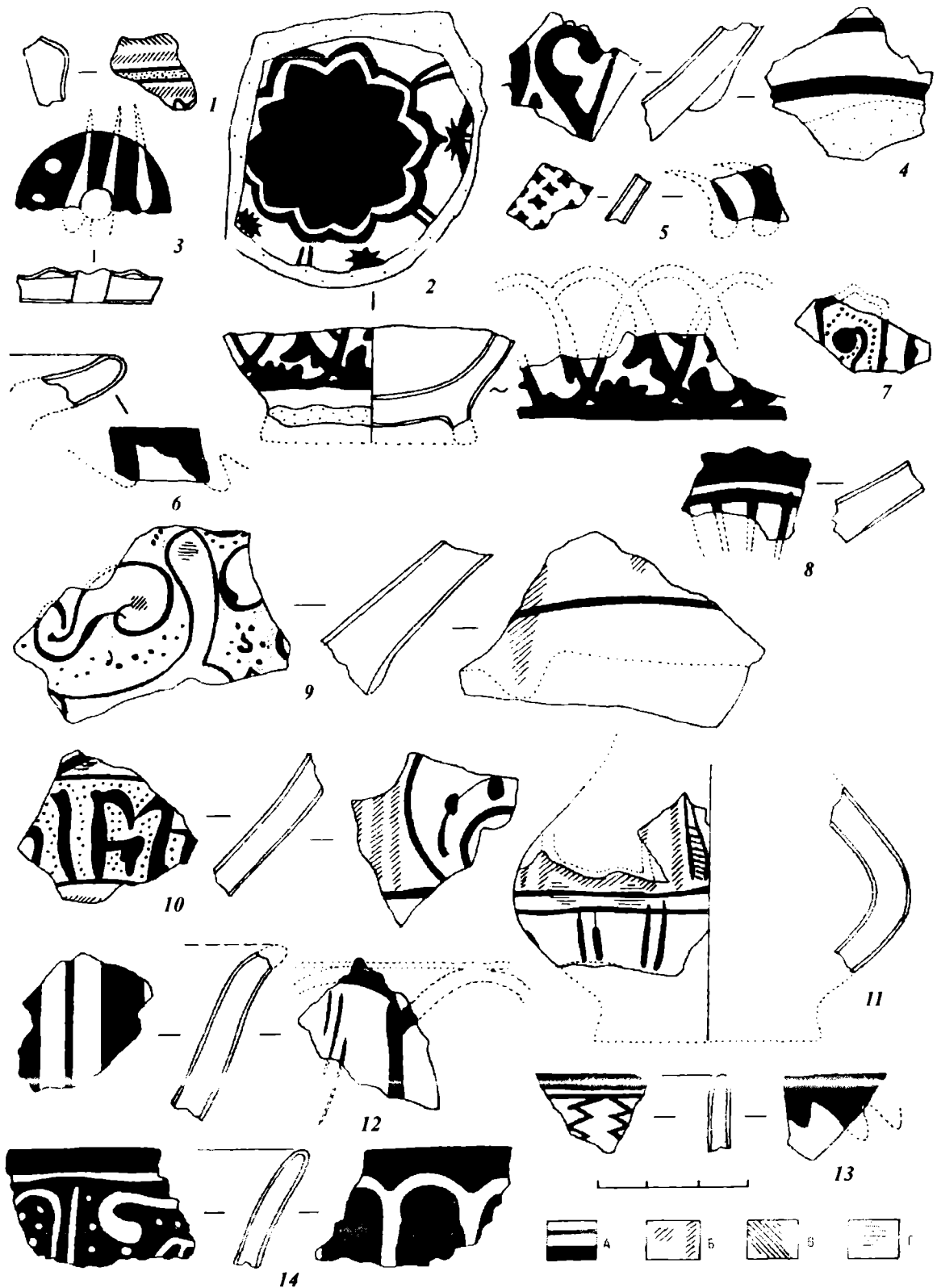

Рис. 3. Импортная кашинная керамика (1, 2 – Иран; 3–14 – Золотая Орда)

обломки фаянсового кувшина типа «минаи» (1) и полуфаянсов: чашки с люстровой росписью (2); пряслица из стенки сосуда с рельефным декором под ультрамариновой глазурью (3), чаш, блюда и кувшинчика с подглазурной полихромной росписью (4, 6, 10, 11), чаш с черной росписью под бирюзовой глазурью (5, 7, 8, 12, 13), блюда с полихромной росписью и росписью кашинном (9), чаши с росписью кашинном под бирюзовой глазурью (14). А – черная или темно-зеленая краска (4, 5, 7–13), красная краска (1), люстровая роспись (2), фон росписи ангобом под ультрамаритовой (3) и бирюзовой глазурью (14); Б – синяя краска (кобальт); В – зеленая глазурь (1); Г – бирюзовая краска

использовавшийся как вставка в какое-то украшение (перстень, медальон?).

Группа 2. Полуфаянсы с росписью кашинном

Кашинные сосуды, декор которых состоял только из росписи кашинным ангобом (без дополнительной орнаментации красками) составляют чрезвычайно редкую группу полуфаянсов.

Подгруппа А. С ультрамариновой глазурью.

Один обломок сосуда, изготовленного из рыхлого белого кашина и покрытого с внешней стороны ультрамариновой, а с внутренней – бирюзовой прозрачной глазурью¹², принадлежал вазе «гюльабдан» (сосуду, напоминающему приземистый горшок биконической профилировки) с подглазурными рельефными деталями на внешней поверхности, выполненными росписью кашинном – бугорками, каплеобразными потеками и арабскими благопожелательными надписями. Данный образец интересен тем, что из него было сделано пряслице диаметром 3 см, впоследствии также разбитое (рис. 3, 3).

Подгруппа Б. С бирюзовой глазурью.

В Коломне встречены 6 образцов такой керамики, с двусторонней облицовкой бирюзовой глазурью. Один мелкий обломок принадлежал сосуду из белого кашина с бледно-бирюзовой глазурью¹³. Пять других обломков принадлежали, возможно, одной чаше¹⁴, изготовленной из красного кашина и украшенной росписью белым ангобом под темно-бирюзовой глазурью (рис. 3, 14). Сквозь темную глазурь красная основа приобретала почти черный цвет, служивший фоном для росписи кашинном. Красный цвет кашина свидетельствует о происхождении данной чаши из золотоордынского Поволжья (Селитренного городища?). Самый крупный обломок чаши был найден в слое, датированном по данным дендрохронологии второй половиной XIV в. (до 1390 г.).

Группа 3. Полуфаянсы с подглазурной росписью красками и росписью кашинном

Подгруппа А. Полуфаянсы с бесцветной глазурью.

Данная подгруппа представлена единственным типом кашинной керамики с полихромной (черной, зеленой, синей и бирюзовой) росписью и рельефной моделировкой поверхности, достигавшей росписью жидким («ангобным») кашинном. Полуфаянсы этого типа появились на Ближнем и Среднем Востоке в конце XIII – XIV в. Не позже второй трети XIV в. их производство было налажено и в золотоордынском Поволжье (Булатов, 1968. С. 99–101; Федоров-Давыдов, 1994. С. 79–88. Рис. 3–6). На Руси они появляются,

судя по хорошо датированным комплексам, в середине XIV в. (Коваль, 1997г. С. 160). Вся керамика этого типа, найденная в Коломне, была изготовлена из рыхлого (рассыпчатого) кашина, характерного для поволжского керамического производства. Характерен для Поволжья и чуть зеленоватый оттенок кроющей прозрачной щелочной глазури с крупным или средним цеком. В составе данного типа выделяются 2 вида, различающиеся по цвету кашина.

Вид 1. Сосуды из белого и розового кашина.

За 1990–2003 гг. в Коломне найдено 68 обломков керамики, принадлежавших не менее чем 35 пиаобразным чашам, подавляющее большинство которых было изготовлено из белого или чуть сероватого кашина. Полуфаянсы этого типа были широко распространены в XIV в. на территории Руси и известны в Новгороде, Твери, Москве, Белоозере, Владимире, Суздале, Рязани, Киеве и других городах. Почти все чаши имели однотипный декор внешней на поверхности в виде стилизованных лепестков лотоса, являвшийся самой распространенной орнаментальной схемой в золотоордынском Поволжье (Федоров-Давыдов, 1994. Рис. 4, 1; 5, 2; 6, 1; Скоробогатова, 1983. Рис. 1, 1). На мелких обломках чаш такая орнаментика фиксируется в виде вертикальных рельефных полос, расцвеченных синими пятнами (рис. 2, 10), и вертикальных поясов наклонной штриховки (рис. 2, 3, 9, 10). Редкими исключениями из этого правила были чаши и блюда, внешняя поверхность которых была украшена горизонтальными черными линиями и вертикальными синими полосами (рис. 2, 8; 3, 9).

Внутри керамики 1-го вида можно выделить 2 варианта, отличающихся набором красителей, использовавшихся для росписи сосудов.

Вариант 1. Изделия с росписью черной, синей и бирюзовой красками.

К этому варианту принадлежали 35 обломков¹⁵ не менее чем от 17 чаш. Наибольший интерес среди них представляет развал дна крупной чаши из 10 обломков, найденных в яме 22, заполнение которой датировалось серединой – второй половиной XIV в. Роспись внутренней поверхности чаши (рис. 2, 3) может быть частично реконструирована в виде пяти колец, пересекающихся краями, каждое из которых включает в себе стилизованное изображение цветка лотоса, в центре образовавшегося круга располагается пятиугольник с трилистниками (рис. 2, 4). Подобные стилизации цветка лотоса были широко распространены на Востоке в XIV в. и во множестве вариантов известны в Золотой Орде (Скоробогатова, 1983. Рис. 2, 6; 4, 2, 5; 5, 1).

¹² 1990–40.

¹³ 1998–403.

¹⁴ 2001–Л19–165; 2002–89. 105, 106, 134.

¹⁵ 1993–67, 176, 187, 194, 196–201, 230; 1994–41, 106, 128; 2001–Л19–71, 164, 190, 193, 194, 311; 2002–28, 42, 44, 74, 108, 113, 139, 169; 2003–720.

Среди золотоордынской поволжской керамики известна и близкая орнаментальная схема росписи дна чаши в виде четырех соприкасающихся кругов и четырехугольника в центре дна (*Скоробогатова*, 1983. Рис. 2, 7).

К числу типичных для золотоордынского Поволжья образцов декора принадлежат обломок чаши с росписью в виде стилизованных цветов (рис. 2, 10). Пояса, состоящие из повторяющейся сильно стилизованной арабской благопожелательной надписи «икбаль» (успех) (рис. 2, 11) были не менее распространены в декорировке золотоордынских кашинных чаш (*Федоров-Давыдов*, 1994. С. 88. Рис. 4, 1; 5, 2). Также типичен для поволжских пиал пояс из косой синей сетки (рис. 2, 2), проведенной вдоль края чаши (*Скоробогатова*, 1983. Рис. 3, 2; 4, 4, 5). В подавляющем большинстве случаев роспись кашинном проводилась по неокрашенной (белой или светло-серо-серой) поверхности, однако у одной чаши поверхность была окрашена серой краской.

Вариант 2. Изделия с росписью зеленой, синей и бирюзовой красками.

Зеленая (хромовая) краска широко использовалась при росписи художественной керамики в золотоордынском Поволжье и Хорезме вместо черно-коричневой (*Булатов*, 1968. С. 104). В Коломне найдено 33 обломка¹⁶ не менее чем от 18 чаш этой разновидности керамики. Наибольший интерес среди них представляет обломок блюда, кольцевой поддон которого был тщательно стесан, в результате чего дну был придан вид плоскости. Подобное искусственное удаление поддона – крайне редкое явление, которое можно объяснить ремонтом блюда. Внутренняя поверхность блюда была окрашена в светло-серый цвет до нанесения росписи кашинном. Роспись состояла из концентрических рядов стилизованных изображений рыбок (рис. 2, 8) и была дополнена контурной росписью ярко-зеленой краской и расцветкой деталей синими точками (*Мазуров*, 1991. Рис. 4, 9; 1994. С. 18. № 1). Подобный мотив был одним из самых излюбленных у мастеров золотоордынского Поволжья (*Скоробогатова*, 1983. С. 97; *Федоров-Давыдов*, 1994. Рис. 3, 3; 4, 1; 5, 2; 6, 1). Оригинальной особенностью этого блюда являлась также роспись его внешней поверхности горизонтальными зелеными линиями и широкими полосами-потеками синей глазури (на местах этих полос слой глазури утолщен). Точно такой же декор внутренней поверхности (ряды стилизованных рыбок на сером фоне) нес еще один обломок чаши (*Мазуров*, 1991. Рис. 4, 8), орнаментация внешней поверхности которой состояла из вертикальных синих полос (как у блюда) и завит-

ков, выполненных зеленой краской (*Мазуров*, 1994. С. 18. № 2). Сходство между обоими образцами настолько велико (вплоть до манеры изображения рыбок), что блюдо и чашу можно с полной уверенностью рассматривать как части одного парадного сервиза (заметим, что эти обломки были найдены в одном раскопе (1990 г.) на расстоянии 4 м друг от друга). Сочетание на одном и том же изделии двух разных орнаментальных схем (роспись красками и кашинном на внутренней поверхности и роспись только красками на внешней поверхности) – явление уникальное, редкое даже для материалов из раскопок в Золотой Орде и Хорезме. Таким образом, в Коломну из Золотой Орды попали редчайшие образцы творческого поиска безвестного мастера. Оба они были найдены в слое конца XIV – XV в. (*Мазуров*, 1991. С. 129, 134). Заметим, что неподалеку от места находки двух указанных образцов был обнаружен еще один обломок блюда с аналогичным декором внешней поверхности, но иным рисунком на внутренней стороне (рис. 3, 9), который мог относиться к этому же сервизу.

Мотив стилизованных «каплеобразных» рыбок на серой фоновой закрашке встречен также на обломке чаши с росписью темно-зеленой краской (рис. 2, 9), имевшей стандартный декор внешней поверхности в виде стилизованных лепестков лотоса. Остальные образцы керамики этого варианта были представлены сильно измельченными обломками чаш с растительной орнаментацией на внутренней поверхности и лепестками лотоса – на внешней (рис. 2, 5, 7)¹⁷. Интересен развал из семи мелких обломков от одной чаши, по которым невозможно было достоверно реконструировать ее орнаментику (рис. 2, б). Часть из этих обломков происходила из ямы, датированной по другому материалу первой половиной – серединой XIV в.

Наряду с уникальными образцами, основную массу находок составляли обломки чаш с распространенными в Орде мотивами росписи растительными завитками, надписями «икбаль», полосами косой синей сетки. Как и среди керамики варианта 1, поверхность большинства чаш не была окрашена, то есть имела белый цвет.

Вид 2. Сосуды из красного кашина.

Красный цвет кашина – характерный признак поволжского керамического производства второй половины – конца XIV в. (*Булатов*, 1968. С. 95). Чтобы цвет кашина не был виден, обе поверхности сосуда покрывали толстым слоем белого ангоба. В Коломне найдены только 3 таких образца – мелкие обломки чаш с росписью зеленовато-серой и синей красками¹⁸.

¹⁶ 1990–41, 46, 63; 1993 – 59, 97, 102, 126, 162, 178, 184, 195, 209, 217; 2001–Л19–127, 246, 266, 286; 2002–29, 61, 78, 101, 122, 133, 154, 165–167; 2003 – 812, 822, 1028.

¹⁷ Последний образец опубликован в цвете (*Мазуров*, 1994. С. 18. № 5).

¹⁸ 1995–82; 2001–Л19–160; 266.

Подгруппа Б. Полуфаянсы с бирюзовой глазурью.

Представлена единственным видом керамики из кашина красного цвета, применявшегося в золотоордынском Поволжье. В Коломне известен один обломок подобной чаши с зеленой и синей росписью¹⁹.

Группа 4. Полуфаянсы с полихромной росписью (без рельефной моделировки поверхности)

Подгруппа А. Полуфаянсы с бесцветной глазурью.

Тип 1. Полуфаянсы с 3-цветной (черной или зеленой, синей и бирюзовой) росписью.

Все образцы этого типа были изготовлены из рыхлого белого кашина, характерного для керамического производства золотоордынского Поволжья середины – второй половины XIV в. Глазурь бесцветная или чуть зеленоватая, с крупным и средним цеком. Гамма росписи также присуща золотоордынским полуфаянсам (Булатов, 1968. Рис. 101, 102; Федоров-Давыдов, 1994. С. 88–114. Рис. 7–23). В составе данного типа выделяются несколько вариантов, различающихся наборами красок росписи.

Вариант 1. Полуфаянсы с черно-сине-бирюзовой росписью.

К этому варианту относились 10 обломков²⁰ не менее чем от 4 чаш (Мазуров, 1994. С. 18. № 4) и 1 миниатюрного сосудика²¹ (рис. 3, 11). Внешняя поверхность чаш была украшена достаточно редкими в Орде орнаментальными схемами с разделением ее на участки вертикальными синими полосами (по 1–3 в ряд) и заполнением образовавшихся панелей завитками, выполненными черной краской (рис. 3, 10).

Вариант 2. Полуфаянсы с зелено-сине-бирюзовой росписью.

У керамики этого варианта черная краска была заменена зеленой (подобно такой же замене красителей на полихромной керамике с рельефной моделировкой поверхности). К нему принадлежали 10 небольших обломков²² от различных чаш. Еще 2 мелких обломка керамики с полихромной росписью не могли быть с достаточной степенью достоверности соотнесены с этим типом, поскольку могли относиться и к числу полуфаянсов с росписью кашинном²³.

Обломок плоского края тарелки или блюда с росписью темно-зеленой краской и бирюзовым пятном на внутренней поверхности (Мазуров, 1994. С. 18. № 3) интересен тем, что был найден на деревянной мостовой, постройка которой да-

тирована по данным дендрохронологии концом XIII в. (Мазуров, 1991. С. 133). В то же время, роспись этого образца (как бы мало она ни сохранилась) обычна для второй половины XIV в. (рис. 3, б). Само использование зеленой краски указывает на относительно позднюю дату. Поэтому синхронность мостовой и этого обломка представляется проблематичной (возможно, он попал на мостовую в результате микроперекопа).

Особо отметим обломок придонной части чаши, внешняя поверхность которой была украшена параллельными горизонтальными зелеными линиями, а на внутренней стороне зеленой краской была выполнена редко встречающаяся роспись «в резерве» (рис. 3, 4).

Тип 2. Полуфаянсы с росписью синей краской «в резерве».

К этому типу принадлежали два обломка кувшинов и изготовленный из твердого белого кашина²⁴ фрагмент края блюда, сохранивший на внутренней поверхности роспись синей краской «в резерве» (резервированные поля оставлены белыми). Глазурь чрезвычайно прочно соединена с основой, не тронута иризацией и совершенно лишена цековых трещин. На внешней стороне обломка вдоль края проведены две параллельные черные линии (рис. 4, 1). Указанные признаки свойственны керамике, изготавливавшейся в XVI в. на территории Османской Турции, в городе Изник. Роспись «в резерве» была характерна для самых ранних образцов такой керамики, относимых к типам Изник I (1490–1525 гг.) и Изник II (1525–1555). Последний отличался применением в расцветке изделий зеленой и пурпурной красок (Lane, 1957. P. 49–50; Aslanapa, 1971. P. 217; Миллер, 1972. С. 53). Данный образец изникской керамики мог принадлежать как к типу I, так и к типу II. В любом случае, его датировка первой половиной XVI в. является наиболее вероятной.

Два других обломка принадлежали кувшину с резервированными полями, закрашенными голубой краской, и контурами, нанесенными темно-синим цветом (рис. 4, 2, б). Этот кувшин, вероятно, относился к типу Изник II. Оба обломка были найдены в яме XVI–XVII вв.

В России турецкая керамика до сих пор была известна только по находкам в Москве и Дмитрове (Коваль, 1997а. С. 114, 115).

Тип 3. Полуфаянсы с полихромной (черной, синей, бирюзовой и красной) росписью.

Единственный обломок стенки кувшина этого типа нес рисунок (растительные побеги?),

¹⁹ 1996–Л–244.

²⁰ 1990–32; 1993–259; 2001–Л19–73, 74, 119, 141, 152; Л20–6, 9; 2002–97.

²¹ Два обломка этого сосудика были найдены в заполнении ямы конца XIV – начала XV в.

²² 1990–37; 1992–Б–15; 1997–80; 1998–28; 2001–Л19–254, 313; Л20–7; 2002–90, 100, 137.

²³ 2001–Л19–203, 247.

²⁴ 1996–Л–184; 2003–170, 177.

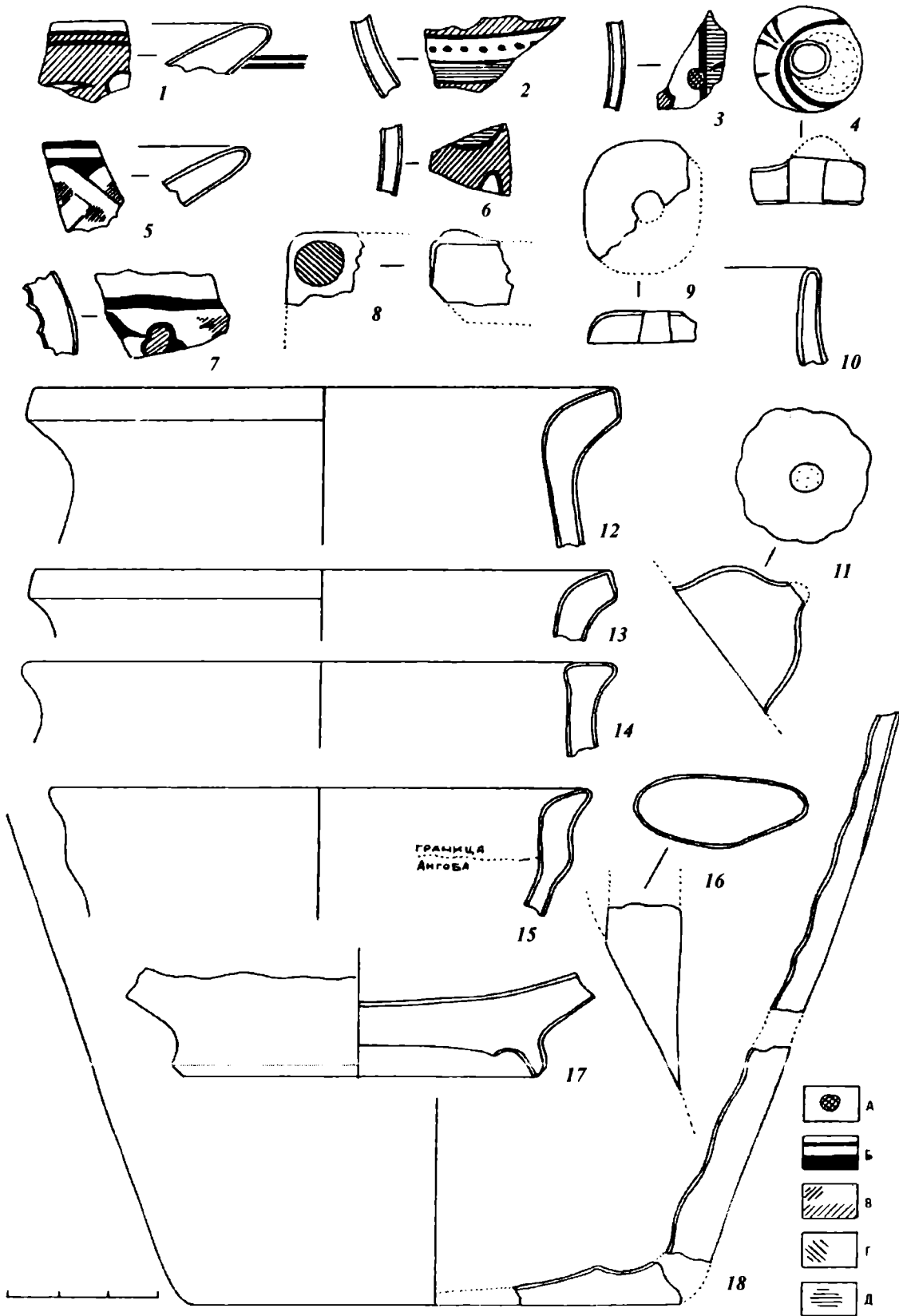

Рис. 4. Полуфаянсы (1–7, 9), фаянс с белой поливкой (8), майолика с бирюзовой поливкой (10, 11), полумайолика с зеленой глазурью (12–16, 18), селадон (17)
 А – красная краска; Б – черная или темно-синяя краска; В – синяя краска (кобальт);
 Г – зеленая глазурь; Д – бирюзовая или голубая краск

выполненный серыми и темно-синими линиями с расцветкой бирюзовой краской и пятнами красного ангоба (рис. 4, 3)²⁵. Этот образец уверенно может быть соотнесен с турецкой керамикой типа Изник III (*Lane*, 1957. P. 54–55). Поскольку красный ангоб начал применяться в ее декоре лишь с последней четверти XVI в. (*Aslanapa*, 1971. P. 217), то и датировка коломенского образца возможна в пределах конца XVI – XVII вв. (этой дате соответствует также стратиграфическая датировка находки).

Тип 4. Полуфаянсы с 2-цветной черно-синей контурной росписью.

К этому типу относились 2 образца, изготовленные из рыхлого кашина, представлявшие различные варианты изделий, стилистически близких «тимуридской» керамике (см. ниже). К сожалению, небольшие размеры образцов не позволяют провести их достоверную атрибуцию.

Вариант 1. Обломок края тарелки или блюда из кашина сероватого оттенка был украшен росписью только по внутренней поверхности²⁶. Рисунок росписи включал плетенку, фон которой был окрашен синей краской, нанесенной отдельными пятнами (рис. 4, 5).

Вариант 2. Обломок сосуда закрытой формы с росписью только на внешней поверхности был изготовлен из желтоватого кашина²⁷. Роспись состояла из черных контуров и синей закрашки внутри них (рис. 4, 7).

Подгруппа Б. Полуфаянсы с бирюзовой глазурью.

Расписные полуфаянсы, покрытые бирюзово-голубой поливой, представлены только одним типом – изделиями с черной (или зеленой) подглазурной росписью, происходящими из золотоордынского Поволжья. Их датировка укладывается в пределы второй половины XIV в. На территории Руси известны полтора десятка пунктов находок подобной керамики, однако в большинстве из них найдено лишь по несколько фрагментов. В Коломне при раскопках обнаружены 18 обломков керамики этого типа, изготовленной из рыхлого белого или серого кашина и принадлежавшей к двум вариантам, различающимся цветом подглазурной росписи.

Вариант 1. Бирюзовые полуфаянсы с черной росписью.

Представлены обломками вазы «гюльабдан» (рис. 3, 13) и нескольких чаш²⁸ с росписью в виде рядов каплеобразных мазков – стилизованных рыбок (рис. 3, 5) либо в виде стилизованных ле-

пестков лотоса на внешней поверхности (рис. 3, 12). Декор внутренней поверхности чаш состоял из маленьких крестиков, расположенных в шахматном порядке (рис. 3, 5), растительных мотивов с заполнением фона мелкими черными точками (рис. 3, 7) и концентрических полос (рис. 3, 8). Два обломка принадлежали чаше, украшенной по внешней поверхности крупными черными точками, сгруппированными по четыре в виде ромба. Один из фрагментов керамики этого варианта использован вторично – из него было изготовлено пряслице (*Мазуров*, 1994. С. 18. № 7).

Вариант 2. Бирюзовые полуфаянсы с зеленой росписью.

В Коломне найдено лишь два обломка чаш этого варианта²⁹.

Группа 5. Полуфаянсы с монохромной росписью

К этой группе относится единственный тип керамики, изготовленной из белого рыхлого кашина, покрытой монохромной синей росписью по белому фону под бесцветной глазурью. Подобная керамика, называемая также «тимуридской», изготавливалась в конце XIV–XV вв. как в золотоордынском Поволжье (*Булатов*, 1974; *Шляхова*, 1980; *Федоров-Давыдов*, 1994. С. 118–121), так и на всем Ближнем и Среднем Востоке. В Коломне найдены три обломка от двух сосудов этого типа, относившихся к разным видам.

К виду 1 принадлежали два обломка от одной чаши, изготовленной из рыхлого кашина, причем все они были сильно ошлакованы в пожаре, из-за чего полива оплавилась³⁰. Эта чаша, скорее всего, происходила из золотоордынского Поволжья.

Вид 2 характеризовался твердым кашинном, изготовливающимся в Иране. Из обломка сосуда этого вида было сделано пряслице³¹. О форме самого сосуда судить трудно из-за малых размеров образца, однако следует отметить, что он был украшен декоративными налестками. Один из таких налестков был стесан при изготовлении пряслица (рис. 4, 4). Находка происходила из заполнения ямы конца XVII – первой половины XVIII в., однако она могла относиться и к более ранней эпохе, попав в яму при ее засыпке вместе с культурным слоем.

Итак, на сегодняшний день в Коломне найдено 137 обломков не менее чем от 70 восточных полуфаянсовых сосудов. Следовательно, восточные полуфаянсы составляют здесь наиболее массовую категорию находок импортной керамики.

²⁵ 2003–321.

²⁶ 1994–152.

²⁷ 1998–46.

²⁸ 1990–54; 1992–ПК–357; 1993–91. 123. 276; 1994–60. 62; 1999–II–251. 373. 374; 2001–II–119–144; 2002–38. 46. 70. 121. 158; 2003–857.

²⁹ 1993–277; 2002–129.

³⁰ 1993–241. 254.

³¹ 2003–790.

III. МАЙОЛИКА³²

К классу майолики относились 2 обломка от одной вазы «гюльабдан», украшенной налепными «шишечками» (рис. 4, 10, 11), изготовленной из светло-желтой глины без визуально фиксируемых примесей и покрытой бирюзовой поливой³³. Находки происходили из культурного слоя второй половины XIV – начала XV в. Желтоглиняная керамика известна в золотоордынских городах Поволжья, хотя встречается она там относительно редко (Булатов, 1976. С. 74). Возможно, она привозилась в Поволжье с территории современного Азербайджана, где подобная керамика изготавливалась на протяжении длительного времени из так называемых апшеронских глин (Исмизаде, Ибрагимов, 1983. С. 8). Форма же ваз «гюльабдан» была прекрасно известна в Закавказье и Иране (Левиатов, 1949. Рис. 13).

IV. ПОЛУМАЙОЛИКА

IV. 1. Полумайолика без дополнительного декора

К данной серии относится глазурованная керамика, не имеющая никакого иного декора (рисунок, гравировки и т. п.) кроме самого глазурного покрытия. Соотнесение образцов с этой серией полумайолики является условным, поскольку речь идет об обломках сосудов, тогда как на целом сосуде вполне мог быть какой-либо дополнительный декор. В Коломне найдено 36 обломков такой посуды, относящейся к одной группе – полумайолике с ангобной подгруппой под глазурью, и одной подгруппе – керамике, крытой зеленой прозрачной поливой. Различия между этими образцами прослеживались по характеристикам формовочной массы, из которой были изготовлены сосуды.

Вид 1. Полумайолика из красной (ожелезненной) глины с примесью мелкого песка.

Формовочная масса такого состава была характерна для поливных и неполивных изделий золотоордынского Поволжья (и, в частности, мастерских Селитренного городища) (Булатов, 1976. С. 97). При раскопках в Коломне было найдено 16 обломков от не менее чем 10 сосудов, различавшихся оттенками крошащей глазури (от светлого до очень темного). Обломки пяти кувшинов не имели глазурного покрытия на внутренней

поверхности³⁴. Среди них отметим верхнюю часть кувшина с цилиндрической горловиной без слива, покрытого светло-зеленой глазурью с мелким цеком (рис. 5, 1). На внутренней поверхности этого кувшина хорошо заметно рифление от вытягивания на гончарном круге, ангоб отсутствует. Находка происходила из слоя XIV – начала XV в. Аналогичные по профилировке неполивные кувшины с удлинённым яйцевидным туловом известны в материалах из золотоордынских городов Поволжья (Михальченко, 1973. Рис. 4, 1; Федоров-Давыдов, 2001. Табл. 36, 1, 2; 46, 5, 6; 47, 1). Обломок стенки другого кувшина сохранил толстый слой кремowego ангоба на внутренней поверхности. Ручки кувшинов имели овально-уплощенное сечение (рис. 4, 16). Отдельно следует отметить венчики сосудов (кувшинов?) диаметром около 12 см, с двусторонней облицовкой темно-зеленой глазурью (рис. 4, 12, 14).

Четыре обломка принадлежали кувшину, сформованному вытягиванием из куска глины, хотя его дно сохранило отпечаток зольной подсыпки³⁵. Внешняя поверхность этого сосуда (за исключением придонной части) была облицована светло-зеленой глазурью по белому ангобу, тогда как внутренняя была полностью покрыта такой же глазурью по основе (рис. 4, 18). Обломки сосуда происходили из культурного слоя, датированного по данным дендрохронологии периодом от 1366/70 до 1390 г.

К этому же виду отнесен нами небольшой обломок сосуда (рис. 4, 13), в формовочной массе которого отмечены включения мелкого красного шамота³⁶.

Вид 2. Полумайолика из красной (ожелезненной) глины без визуальной фиксируемой примеси песка.

Столь высококачественная формовочная масса применялась в основном в Византии и странах с провинциально-византийской культурой (на Балканах, в Закавказье). К этому виду относились 3 обломка от кувшина (без ангобно-глазурного покрытия на внутренней поверхности) и чаши³⁷.

Вид 3. Полумайолика из красной (ожелезненной) глины без визуальной фиксируемой примеси песка, но с включениями красного шамота и мелкими пустотами от органической примеси.

Керамика из формовочной массы такого состава изготавливалась в золотоордынскую эпоху (XIV–XV вв.) в городах Восточного Крыма – Кафе, Сугдее, Солхате (Баранов, 1991. С. 110–112;

³² Майоликой мы называем керамику, изготовленную из обычной глины, независимо от цвета этой глины, покрытую непрозрачной поливой. В случае использования прозрачной глазури такая керамика именуется полумайоликой.

³³ 2003–888, 935.

³⁴ 1995–19, 288; 1996–Л–433; 1999–П–223; 2001–Л19–209, 214, 310; 2002–104, 114; 2003–155, 851.

³⁵ 2001–251, 264-в. 335-а, 336. При вытягивании сосудов подсыпки под дно как правило не применялись – это признак сосудов, изготавливавшихся в технике ленточного налета.

³⁶ 2001–Л19–309.

³⁷ 2002–58, 85, б/№.

Волков, 1992. С. 10) и в Византии. Все 10 образцов³⁸ этого вида (кроме одного) были покрыты светло-зеленой глазурью. Четыре обломка от кувшинов не имели ангобно-глазурного покрытия на внутренней поверхности. Один мелкий обломок принадлежал горлу кувшина, диаметр которого составлял всего 3 см, с двусторонним ангобно-глазурным покрытием. Обломки от трех других кувшинов имели на внутренней поверхности покрытие бесцветной или чуть желтоватой прозрачной глазурью прямо по основе (без ангоба) (рис. 4, 15). Причерноморское происхождение всех этих сосудов не вызывает сомнения, большинство из них можно прямо связывать с восточнокрымскими центрами. Важно отметить, что почти все обломки таких сосудов найдены в комплексах (ямах) XV – начала XVI в.³⁹, что свидетельствует об импорте в Коломну причерноморской полумайолики на протяжении XV в.

IV. 2. Полумайолика с подглазурным декором

Группа 1. Полумайолика с подангобным декором

Керамика этой группы украшалась гравированным линейным орнаментом непосредственно по основе, то есть идентично обычной неглазурованной керамике, однако затем поверх этого гравированного декора наносился слой белого ангоба и глазурь, в результате чего подангобная гравировка становилась малозаметна. К этой группе относились 10 обломков от 3 сосудов⁴⁰:

1) Стенка кувшина из темно-красной глины с примесью мелкого песка. Глазурное покрытие – ярко-зеленое, пятнистое. Внутренняя поверхность лишена ангобно-глазурной облицовки. находка сделана в яме второй половины XIV в. Вероятно, этот сосуд происходил из золотоордынского Поволжья.

2) Стенка чаши (?) из глины серого цвета с большим количеством песка. Внешняя поверхность, украшенная гравировкой, была покрыта зеленой глазурью, внутренняя – темно-желтой глазурью по слою белого ангоба. Место производства этого образца пока не может быть определено.

3) Развал крупного сосуда (кувшина?) из темно-красной глины без визуально фиксируемых примесей, в том числе песка (рис. 7, 1). Внешняя поверхность была покрыта зеленовато-желтой глазурью по ангобу, а внутренняя – такой же глазурью по основе (ангоб заходил лишь на внутреннюю сторону венчика). Керамика такого

облика могла происходить из Причерноморья, однако точно определить этот производственный центр пока не представляется возможным.

Группа 2. Полумайолика с декором, гравированным по ангобу («сграффито»)

Группа разделена на подгруппы в зависимости от цвета глазури, нанесенной на лицевую (внутреннюю) поверхность чаш.

Подгруппа А. Полумайолика с бесцветной (или чуть зеленоватой) глазурью.

Все 3 образца⁴¹ такой керамики были изготовлены из формовочной массы с примесью очень мелкого песка и относились к типу изделий с гравировкой тонкими линиями, их внешняя поверхность была облицована зеленой глазурью по ангобу. Два обломка принадлежали разным чашам (рис. 5, 4), а третий представлял собой край сосуда своеобразной профилировки с наклонным венчиком диаметром около 15 см и расширяющимся туловом (рис. 6, 7). Сосуд был изготовлен из красной глины с включениями мелкого песка, напоминающей формовочные массы золотоордынских городов Поволжья. Зеленая глазурь заходила с внешней поверхности и на внутреннюю сторону края.

Хотя формовочные массы этих сосудов имеют сходство с изделиям золотоордынского Поволжья, их декор близок орнаментации византийской «Zeuxiprus ware» и указывает скорее на какой-то центр в Причерноморье или Средиземноморье (Armstrong, 1993. Fig. 18, 315, 316).

Подгруппа Б. Полумайолика с зеленой глазурью.

Включает несколько образцов, относившихся к одному типу – изделиям с гравировкой широкими линиями, разделявшемуся на три вида и различавшихся составом формовочной массы.

Вид 1. Полумайолика из красной (ожеженной) глины без визуально фиксируемых примесей.

К нему принадлежал единственный, и к тому же, очень мелкий обломок чаши⁴².

Вид 2. Керамика из жирной розовой глины с мельчайшими редкими включениями красного цвета.

Два обломка принадлежали одной чаше⁴³, без ангобно-глазурного покрытия на внешней поверхности. Один из них был украшен гравировкой широкими линиями, радиально расходившимися из центра чаши (рис. 5, 2), на нем сохранился также след от подставки-«сепая». Из второго обломка собирались сделать пряслице или пуговицу (ему была придана круглая

³⁸ 1998–458; 477, 499, 503, 506, 507; 1999–875; 2001–119–220, 225; 2003–1085.

³⁹ 1998–477 (конец XIV – первая половина XV в.), 1998–499 (вторая – третья четверть XV в.), 1998–503, 507 (конец XV – начало XVI в.), 1998–506 (первая половина XVI в.).

⁴⁰ 1998–449; 1999–Л–896; 2002–50, 69, 99, 109, 130, 178, 179, 221.

⁴¹ 1997–13; 2001–119–195; 2002–168-б.

⁴² 2001–119–123.

⁴³ 1995–18, 272.

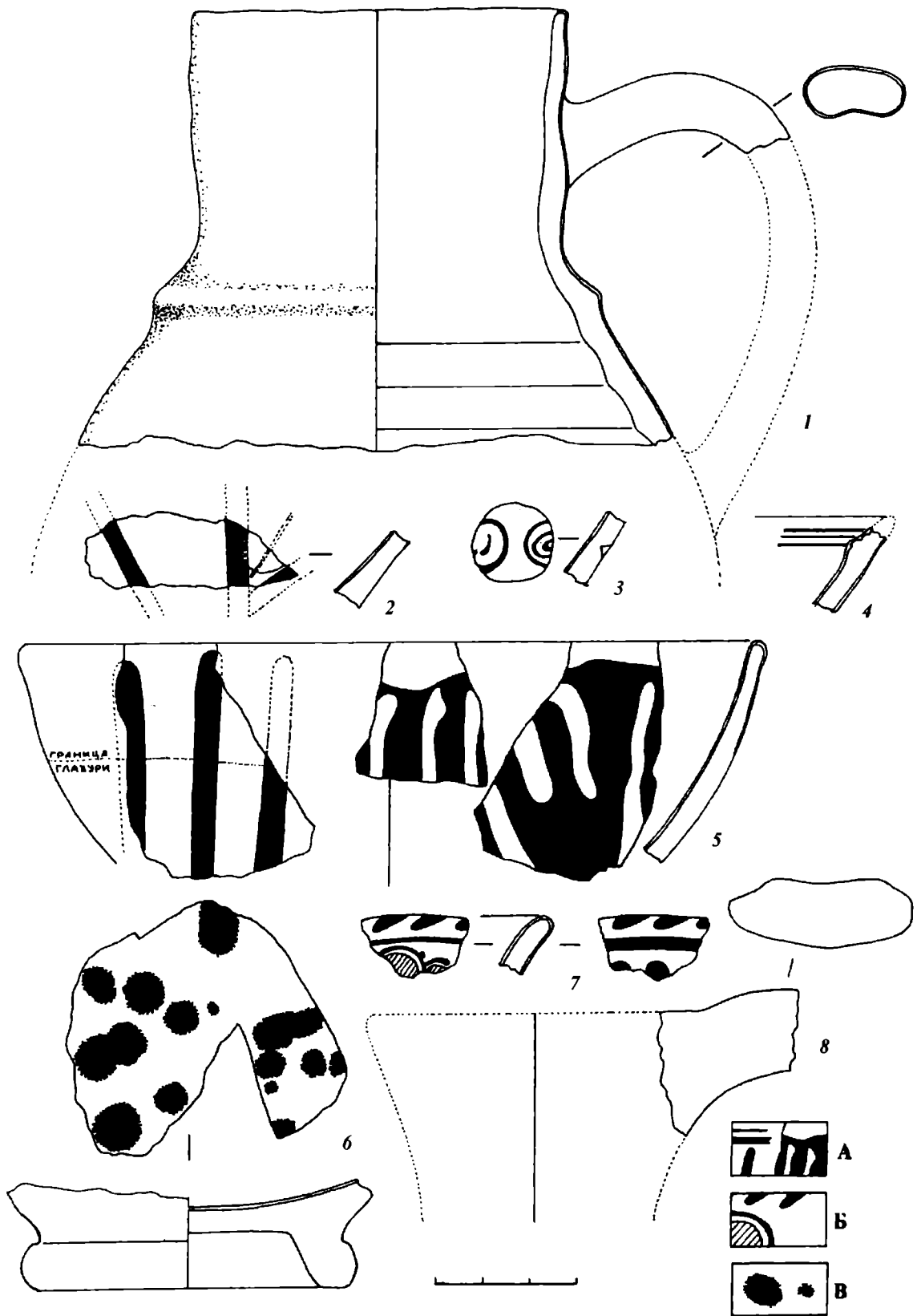

Рис. 5. Импортная красноглиняная полумайолика с зеленой (1, 2, 3, 5) и бесцветной (4, 6, 7) глазури и обломок неглазурованного красноглиняного кувшина (8)

А – линии гравировки по ангобу (2–4) и фон росписи ангобом (5); Б – роспись черной краской и светлым ангобом; В – пятна пурпурно-коричневой краски

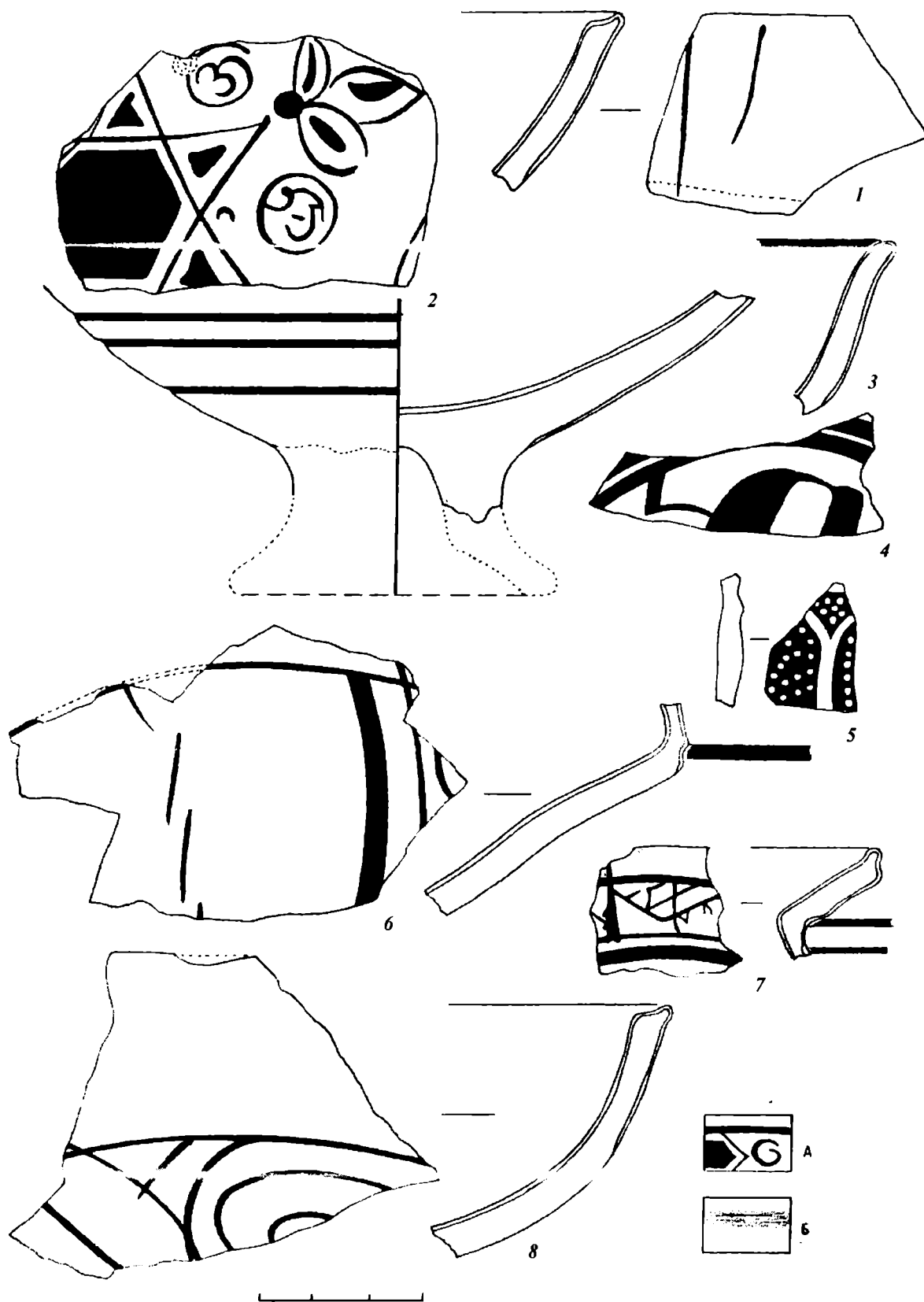

Рис. 6. Импортная полумайолика с орнаментацией «сграффито» (1, 3, 6–8) в сочетании с выемчатой техникой (2, 4), неглазуванная тисненая керамика (5)
 А – линии гравировки и участки с удаленным ангобом Б – зеленая краска

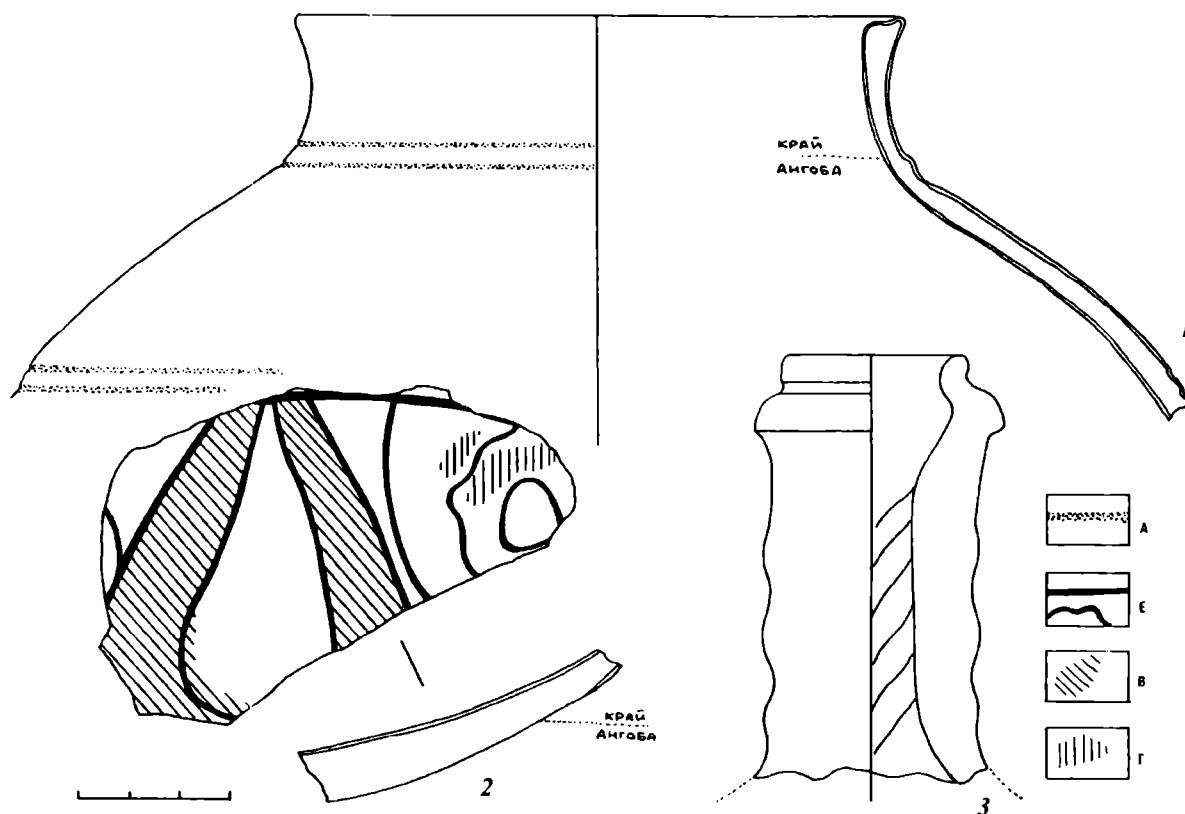

Рис. 7. Импортная полумайолика (1, 2) и горло неполированного сосуда (3)

А – линии подангобной гравировки; Б – линии гравировки по ангобу; В – зеленая краска; Г – желтая краска

форма, на неглазурованной стороне просверлена лунка для отверстия), однако эта работа не была закончена (рис. 5, 3). Подобная керамика могла изготавливаться в Византии или причерноморских странах с провинциально-византийской культурой в XIV–XV вв. (Кравченко, 1986. Рис. 25, 16). Коломенские находки происходят из слоев XIV – начала XV в.

Вид 3. Полумайолика из красной (ожеженной) глины с примесью мелкого песка.

Как уже отмечалось выше, такой состав формовочной массы был характерен для керамического производства золотоордынских центров Поволжья. В Коломне встречены 11 обломков не менее чем от 4 чаш и 1 кувшина этого вида⁴⁴. Одной и той же чаше, возможно, принадлежали 5 обломков, найденных в разные годы (рис. 6, 1, 8), отличавшиеся низким качеством расстеклованной глазури. Рисунок на дне чаши состоял из спиральных завитков и стилизованных листьев. Второй чаше принадлежал край с одной широкой гравированной полосой по обрезу (рис. 6, 3).

Подгруппа В. Полумайолика с желтой глазурью.

Включала единственный тип керамики с гравировкой толстой линией – 8 обломков⁴⁵. Семь из них принадлежали 1–2 чашам, изготовленным

из светло-красной глины без песка, но с включениями мелкого шамота кремового цвета и отдельными зернами карбонатов. Внутренняя поверхность этих чаш была покрыта темно-желтой глазурью, заходившей и на верхнюю часть внешней поверхности. Форма чаш отличалась резким переломом профиля, с вертикальным или даже слегка наклонным внутрь чаши бортом. Декор чаш также отличался своеобразием, поскольку на их внутренней поверхности воспроизводились стилизованные лепестки лотоса (рис. 6, б), столь характерные для орнамента внешней поверхности полуфаянсовых (кашинных) чаш из золотоордынского Поволжья (см. выше). Аналогии подобному рисунку нам не известны. Естественно было бы ожидать изготовления чаш с таким рисунком также в Поволжье, однако состав формовочной массы имеющихся образцов резко отличается от поволжской керамики и имеет гораздо большее сходство с полумайоликой из Крыма и Причерноморья. Очевидно лишь, что подобный сюжет мог возникнуть только под влиянием золотоордынской орнаментаки, то есть образцом для подражания в данном случае выступали ордынские (или иранские) кашинные чаши XIV в. Следует подчеркнуть, что самый крупный обломок чаши (рис. 6, б) был найден

⁴⁴ 2001–J119–138, 173, 210, 248, 263, 298; 2002–81, 96, 112, 126, 168a, б/№.

⁴⁵ 2001–J119–125, 151, 153, 155, 172, 206, 253.

культурном слое, датированном по данным дендрохронологии периодом от 1366/70 до 1390 гг., что лишний раз подтверждает синхронность этой чаши золотоордынской кашинной керамике.

Особняком стоит один обломок чаши, имевшей такую же профилировку, как и предыдущие, но отличавшейся цветом глазури. Лицевая (внутренняя) поверхность у нее была покрыта бледно-желтой глазурью, а внешняя – бледно-зеленой.

Группа 3. Полумайолика с гравировкой («сграффито») и использованием выемчатой техники

От полумайолики группы 2 такая керамика отличалась применением в декоре выемчатой техники, состоявшей в соскабливании ангоба на крупных участках при помощи лопаточки. В результате создавался яркий эффект бросающихся в глаза темных деталей.

К этой группе относились 2 обломка чаш⁴⁶ с бледно-зеленоватой глазурью на внутренней поверхности. Первая чаша была изготовлена из красной глины с включениями мелкодисперсного песка, а ее внешняя поверхность вплоть до поддона покрывает зеленая глазурь по ангобу. В центре дна на внутренней поверхности была помещена шестиконечная звезда (рис. 6, 1) – мотив, встречающийся на византийской керамике XIII–XIV вв. отнюдь не часто (Якобсон, 1979. Рис. 90, 1; Dark, 2001. Fig. 29, B). Отметим также сохранившийся отпечаток от подставки-трипода («сепая»), свидетельствующий о датировке этой чаши не ранее XIII в.

От второй чаши, изготовленной из жирной красной глины с включениями крупного красного шамота и карбонатов, сохранился обломок придонной части с неглазурованной внешней поверхностью, покрытой кремовым ангобом (рис. 6, 4).

Хотя состав формовочных масс обоих образцов формально сближает их с продукцией Поволжья и Крыма, трудно сомневаться, что происходят они из Византии. Об этом свидетельствует как своеобразный декор, не известный среди керамики северопричерноморского происхождения, так и технологические особенности – профилировка поддона и глазурование внешней поверхности у первой чаши.

Группа 4. Полумайолика «сграффито» с подцветкой рисунка

В составе этой группы зафиксированы 3 обломка от блюда и чаши⁴⁷, покрытых бесцветной (чуть зеленоватой или желтоватой) глазурью. Чаша изготовлена из плотной глины без визуаль-

но фиксируемой примеси песка, но с включениями красного шамота и карбонатов. На внутреннюю ее поверхность была нанесена зеленоватожелтая глазурь, а по краю внешней – бесцветная (на ней фиксировалось пятно зеленой краски от расцветки рисунка). находка происходит из комплекса конца XIV – первой половины XV в.

Блюдо, изготовленное из бледно-розовой глины без примеси песка, но с включениями мелкого красного шамота и карбонатов, было покрыто изнутри (и по верхней части наружной поверхности) бледно-зеленоватой глазурью. Гравированный рисунок расцвечен зеленой и желто-коричневой красками. Подобный декор был одним из самых распространенных в Причерноморье на протяжении XIV–XV вв. На коломенском образце присутствовал рисунок из стилизованных бутонов (рис. 7, 2), нередко встречающийся на полихромной полумайолике (Якобсон, 1979. Рис. 85, 2).

Таким образом, по всем признакам технологии изготовления и декора оба описанных образца могут связываться с причерноморским керамическим производством.

Группа 5. Полумайолика с росписью ангобом и гравировкой по ангобу

К этой группе относились два обломка от одной чаши полусферического профиля⁴⁸, изготовленной из светло-красной глины без визуально фиксируемых примесей песка, но с включениями красного шамота и мелкими известковыми частицами. На внутренней поверхности выполнена роспись из свободно расположенных полос и потеков жидкого ангоба. Внешняя поверхность была целиком ангобирована, после чего часть ангоба снималась вертикальными полосами шириной 0,5–0,6 см. Вся внутренняя поверхность и край внешней стороны чаши покрыты зеленой прозрачной глазурью (рис. 5, 5). Полумайолика с росписью потеками белого ангоба изготавливалась во второй половине XIII – XV в. в Византии и Причерноморье, в частности, в Крыму (Якобсон, 1979. С. 144. Рис. 91) и Аккермане (Кравченко, 1986. Рис. 25, 1). Сходство формовочной массы коломенской чаши с восточно-крымской керамикой позволяет предполагать импорт ее из Крыма в XIV в. (обломки найдены в культурном слое этого же времени).

Группа 6. Полумайолика с росписью ангобом

К этой группе относились 6 обломков⁴⁹ от 3 различных кувшинов, объединенных формовочной массой из красной глины с примесью большого количества мелкого песка.

⁴⁶ 2001–Л19–257, 6/№.

⁴⁷ 1999–935; 2002–49, 57.

⁴⁸ 1994–100а, 190.

⁴⁹ 1992–ПК–333, 389; 1995–209, 352; 1999–Г–987.

1) Три обломка кувшина (из слоев XV в.), украшенного гравировкой по основе, поверх которой проводилась роспись вертикальными широкими полосами-потеками белого ангоба (рис. 8, 3). Внешняя и внутренняя поверхности кувшина покрыты бледно-желтой глазурью с мелким цеком.

2) Два обломка кувшина с двусторонней облицовкой желтовато-зеленой глазурью с мелким цеком (в слоях середины XIV – XV в.). Внешняя поверхность была украшена росписью в виде растительных завитков (рис. 8, 4, 5), а на внутренней фиксировались потеки ангоба.

3) Обломок горла кувшина с неангобированной и неглазурированной внутренней поверхностью.

Декорировка кувшинов этой группы близка традиции орнаментации керамики, изготавливавшейся во многих районах Причерноморья в XIV–XV вв. (Кравченко, 1986. Рис. 25, 2), однако формовочные массы этих сосудов существенно отличаются от причерноморских. Место их производства пока не может быть достоверно установлено.

Группа 7. Полумайолика с росписью красками и ангобом

Представлена единственным обломком края чаши⁵⁰, изготовленной из светло-красной глины с примесью мелкого песка, облицованной с двух сторон белым ангобом и бесцветной прозрачной глазурью с мелким цеком. Роспись выполнена зеленовато-серой краской, отдельные элементы – бледно-розовым ангобом (рис. 5, 7). Формовочная масса этой чаши идентична красноглиняной посуде поволжских центров Золотой Орды, роспись также демонстрирует близость декору золотоордынских полуфаянсов (например, пятна черной краски по краю). Все это позволяет предполагать происхождение данной чаши из золотоордынского Поволжья второй половины XIV в.

Группа 8. Керамика с монохромной расцветкой пятнами и брызгами пурпурно-коричневого цвета

Такая расцветка выполнялась, вероятно, разбрызгиванием по поверхности сосуда глазури, окрашенной окисью марганца, после чего все изделие покрывалось бесцветной глазурью. В Коломне найден единственный обломок дна чаши с таким декором⁵¹, происходивший из слоя XIV в. Чаша была сформована из жирной розовой глины с примесью кремневого шамота. Ее особенностью была облицовка нижней стороны поддона тонким слоем бледно-кремневого ангоба. Глазурное покрытие на внутренней стороне име-

ло желтоватый оттенок, цек мелкий. Подобная керамика известна в Причерноморье, где датируется XIV–XV вв. (Сазанов, 1991. С. 85; Беллинский, Масловский, 1998. С. 210, 218. Рис. 15, 6).

Группа 9. Тисненая керамика

Тиснение керамики в формах-матрицах (точные их названия – «калып», «калыб», «галиб») для получения изделий с рельефным рисунком на поверхности получило широкое распространение в странах Востока на протяжении IX–XIV вв. Тисненую керамику называют штампованной – этот термин уже прочно вошел в традицию, однако его нельзя принять, поскольку он неверно описывает способ нанесения декора. Штамп – инструмент небольшого размера (как правило, вогнутый) для нанесения локального узора на поверхность уже сформованного сосуда. Сам термин «штампованная» по отношению к керамике возник, вероятно, по некорректной аналогии со штамповкой металлических изделий в современном производстве, не имеющим ничего общего с технологией изготовления керамики.

Тисненая керамика, покрытая глазурью, производилась в некоторых районах Золотой Орды (в частности, в Крыму) и Закавказья в основном во второй половине XIV в. В Коломне встречены обломки сосудов двух различных типов.

Тип 1. Тисненая керамика со сплошной облицовкой зеленой глазурью.

К этому типу принадлежали 2 обломка⁵² от одного кувшина, изготовленного из жирной красной глины с включениями крупного красного шамота и украшенного выпуклыми «жемчужинами» под зеленой глазурью. Состав формовочной массы кувшина указывает на его восточно-крымское происхождение. При раскопках в Судак были обнаружены гончарные печи для производства такой керамики (Джанов, 1999).

Тип 2. Тисненая керамика с росписью бирюзовой непрозрачной поливой.

Подобная керамика, изготовленная из желтовато-кремневого глины без визуальной фиксации примесей, известна в золотоордынском Поволжье, куда она ввозилась, возможно, из Закавказья (Ширвана). В Коломне встречен один мелкий обломок венчика подобного сосуда с поливой светло-бирюзовой глазури⁵³.

V. СЕЛАДОНЫ

Селадонами («Лунцюань-яо») называют китайские керамические изделия, изготавливавшиеся в округе Лунцюань провинции Чжэцзян с X по XVII в., отличавшихся серым цветом

⁵⁰ 1995–253.

⁵¹ 1996–Л1–318.

⁵² 2001–Л19–161, 166.

⁵³ 2002–189.

фарфоровой массы и покрытием зеленой прозрачной глазурью различных оттенков – от голубоватого до бурого, в большинстве случаев – нежно-зеленого цвета (по химическому составу теста селадоны не отличаются от настоящего белого фарфора). «Селадоны» – европейское название такой керамики, возникшее в XVII в. В Восточной Европе селадоны появились после возникновения Джучидского государства. Из золотоордынских городов селадонные сосуды попадали в некоторые крупнейшие города Руси (Москву, Рязань, Тверь, Новгород, Киев, Чернигов). Датировка этих находок в культурном слое городов Руси в целом не выходит за рамки конца XIII–XVI в.

В Коломне обнаружены 2 образца подобной керамики⁵⁴, в том числе дно чаши, найденное при раскопках в церкви Вознесения (рис. 4, 17). Последнее обстоятельство кажется неслучайным, поскольку известно, что в Москве под полом Благовещенского собора Кремля в составе клада поливных сосудов были найдены блюдо и 4 чаши этого типа (Панова, 1996. С. 65–66).

АРХИТЕКТУРНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Кроме поливной посуды, в Коломне найдены 2 образца привозной восточной архитектурной керамики. Это обломки декоративных глазурованных облицовочных плиток из белого кашина. Одна из плиток принадлежала к классу фаянсов⁵⁵. Сохранился только угол плитки, ее внешняя поверхность и торец были покрыты прозрачной белой поливой, на которой лежала крупная капля светло-зеленой прозрачной глазури. Нижняя плоскость плитки сколота, но ее толщина не могла быть менее 1,5 см (рис. 4, 8). Вторая плитка относилась к классу полуфаянсов⁵⁶. От нее сохранился обломок края с затеком бирюзовой глазури на торец (из него было сделано пряслице), причем нижняя плоскость плитки была сколота и зашлифована (рис. 4, 9). В результате получилась кашинная пластинка толщиной не более 0,7 см с глазурным покрытием на одной из сторон.

В Золотой Орде плитки из кашина применялись, как правило, для создания мозаичных панно. Однако импорт таких панно в Коломну представляется сомнительным. Вероятно, обе плитки попали в Коломну случайно. Их могли привезти из Орды русские или татарские купцы в качестве курьезного раритета. Декоративные глазурованные плитки являются на Руси чрезвычайно редкостью. До сих пор они были извест-

ны только по единичным фрагментированным находкам в Москве и Смоленске. Присутствие таких плиток в Коломне показывает, насколько тесные связи существовали между этим городом и поволжскими центрами Золотой Орды, если сюда попадали предметы, на которые трудно было ожидать хоть какой-то спрос у местного населения.

НЕПОЛИВНАЯ СТОЛОВАЯ КЕРАМИКА

1. Тисненая сероглиняная керамика

Неглазурованная разновидность тисненой (неточно называемой штампованной) керамики (см. выше), имевшая серый цвет поверхности, была широко распространена в золотоордынских городах Поволжья в XIV в. (Федоров-Давыдов, 1994. С. 142–147. Рис. 27, 28), куда она ввозилась из Хорезма (Панина, Волков, 2000. С. 89). В Коломне известен единственный пока обломок⁵⁷ подобного сосуда (рис. 6, 5) с мелкоточечным заполнением фона.

2. Красноглиняная керамика

К группе импортной неглазурованной посуды из красножгущихся глин относятся фрагменты столовых кувшинов, отличающихся от средневековой русской керамики высоким качеством формовочной массы, обжига и профилировкой. К числу импортов из Северного Причерноморья (Крыма?), относящихся к золотоордынской эпохе, можно с определенной долей условности относить обломок дна красноглиняного кувшина (Мазуров, 1991. С. 132. Рис. 4, 21). Неизвестному производственному центру принадлежал еще один сосуд, изготовленный из красной глины без видимых примесей (внешняя поверхность покрыта тонким слоем белого ангоба), от которого сохранилось дно с кольцевым поддоном⁵⁸. Снизу (внутри поддона) оно украшено гравированной спиралью. Аналогии этому сосуду нам не известны, однако следует указать на спиральные метки на днищах азербайджанских глазурованных чаш (Исмизаде, Ибрагимов, 1983. Табл. XXX, 7–8; XXX1, 1–5).

НЕПОЛИВНАЯ ТАРНАЯ КЕРАМИКА

1. Амфоры

За все время археологических исследований в Коломне встречены лишь 15 обломков амфор

⁵⁴ 2001–ЦВ–23; 2003–833.

⁵⁵ 1996–Л–269.

⁵⁶ 1994–51.

⁵⁷ 2001–Л19–250.

⁵⁸ 2003–1058.

византийского круга, принадлежавших к 3 различным группам.

1. Амфоры группы I (по группировке, предложенной для находок с территории Руси), или «трапезундской» группы (по гипотезе И.В. Волкова о месте массового производства таких амфор в Трапезунде в XII–XV вв.; Волков, 1996. С. 91. Рис. 3; Коваль, 2003). Все 7 обнаруженных обломков⁵⁹ (от 5 сосудов) принадлежали амфорам одного типа (с грушевидным туловом и дугообразными ручками), производившихся в XII–XIII вв. и ввозившихся на Русь вплоть до середины XIII в. Одной из них, изготовленной из ярко-красной глины с примесью песка и редкими слюдянистыми включениями, принадлежали три обломка стенок, найденные в яме первой половины XIII в. и слое домонгольской эпохи. Два обломка были найдены в переотложенном состоянии (в слоях XIV в.).

2. Амфоры группы II (Коваль, 2003), или «триллийской» группы (по И.В. Волкову), происходившие, вероятно, из северо-западных районов Малой Азии (окрестностей Никеи). Три обломка⁶⁰ от амфор с веретенообразным туловом и высоко поднятыми ручками, производившихся и ввозившихся на Русь в основном в XII в. (Волков, 1996. С. 93–95), были найдены в переотложенном состоянии в заполнении ям XIII–XIV вв. Четвертый образец⁶¹ (обломок ручки) происходил из заполнения древнего оврага, перекрытого слоем первой половины XIII в., содержащим обломки стеклянных браслетов

3. Два обломка принадлежали амфоре особого типа, изготовленной из темно-красной глины, включавшей также небольшое количество крупнозернистого кварцевого песка (вероятно, добавленного в формовочную массу), редкие включения карбонатов и большое количество пустот округлой формы диаметром до 1 мм (эти пустоты могли образоваться в результате выгорания тех же карбонатов либо какой-то органической примеси)⁶². Венчик амфоры имел утолщение на конце, диаметр горла не превышал 6 см. Уплощенные в сечении ручки (по составу теста они не отличались от стенок амфоры) крепились к краю венчика, поднимались заметно выше горловины, круто изгибались и опускались на плечики амфоры (рис. 9). Вся поверхность верхней части амфоры была покрыта волнообразным рифлением. Размеры амфоры невелики: ее максимальный диаметр не превышал 20 см, высота могла достигать 40 см. Аналогии этой амфоре нам не известны. Главным ее отличием от других известных типов амфор является свое-

образный способ приготовления формовочной массы, насыщенной карбонатами (или органикой?). Вместе с тем, все остальные параметры амфоры (размеры, высокое качество обжига, характер рифления) не оставляют сомнений, что она принадлежит к тому же набору тарной керамики, которая изготавливалась в Византии и странах с провинциально-византийской культурой. Высоко поднятые над горлом ручки являются признаком сосудов XII–XIII вв., а профилировка близка амфорам групп III и IV (средиземноморского происхождения) по принятой нами группировке амфор (Коваль, 2003). Данный образец следует рассматривать в качестве редкой разновидности амфор византийского круга, поступавшей на Русь в домонгольскую эпоху.

К неизвестным типам относились также обломок стенки амфоры (?) из красной глины без каких-либо примесей⁶³ и ручка «амфоры-корчаги», обнаруженная Н.Н. Ворониным в культурном слое XII–XIV вв. в шурфе у стен Успенского собора в кремле (Воронин, 1949. С. 229).

2. Кувшины и корчаги

Кроме амфорной тары, в культурном слое Коломны найдены обломки крупных кувшинов и корчаг, которые могли быть привезены из Волжской Булгарии. Обломок кувшина (край горла диаметром не менее 7 см, с ручкой овального сечения), изготовленного из красной глины с большим количеством мелкого песка⁶⁴, мог принадлежать крупному тарному сосуду (рис. 5, 8) с горловиной без слива и яйцевидным туловом. Подобные кувшины бытовали в XII – XIV вв. как в Северном Причерноморье (Якобсон, 1979. Рис. 72, 4, 5), так и в золотоордынском Поволжье (Михальченко, 1973. Рис. 3, 5, 6). Состав формовочной массы заставляет предполагать, в качестве наиболее вероятного, поволжское происхождение данного сосуда (Мазуров, 1991. С. 131; 1994, С. 20).

Среди поволжской керамики золотоордынской эпохи выделяется группа красноглиняной лощеной керамики, происходившей, вероятно, из Волжской Булгарии. Одна из ранних находок болгарской керамики отмечена в напластованиях XII–XIV вв. у стен Успенского собора ниже слоя строительства 1379–1382 гг. (Молчанов, 1985. С. 71). К этой же группе относятся и обломки корчаг, встречающиеся в культурном слое Коломны. Вместе с тем, следует особо отметить, что в 1999 г. здесь был обнаружен гончарный горн последней трети XIV в., в котором, возможно, производилась краснолощенная керамика, очень мало отличающаяся от собственно болгарской. Из заполнения

⁵⁹ 1994–289, 290; 1996–К–62а; 1998–76; 2001–Л19–223; 2001–Л20–4.

⁶⁰ 1993–9, 100; 1994–291.

⁶¹ 2003–1084.

⁶² 1998–51а (стратиграфическая дата – вторая половина XIV в.).

⁶³ 2001–Л19–51.

⁶⁴ 1994–292.

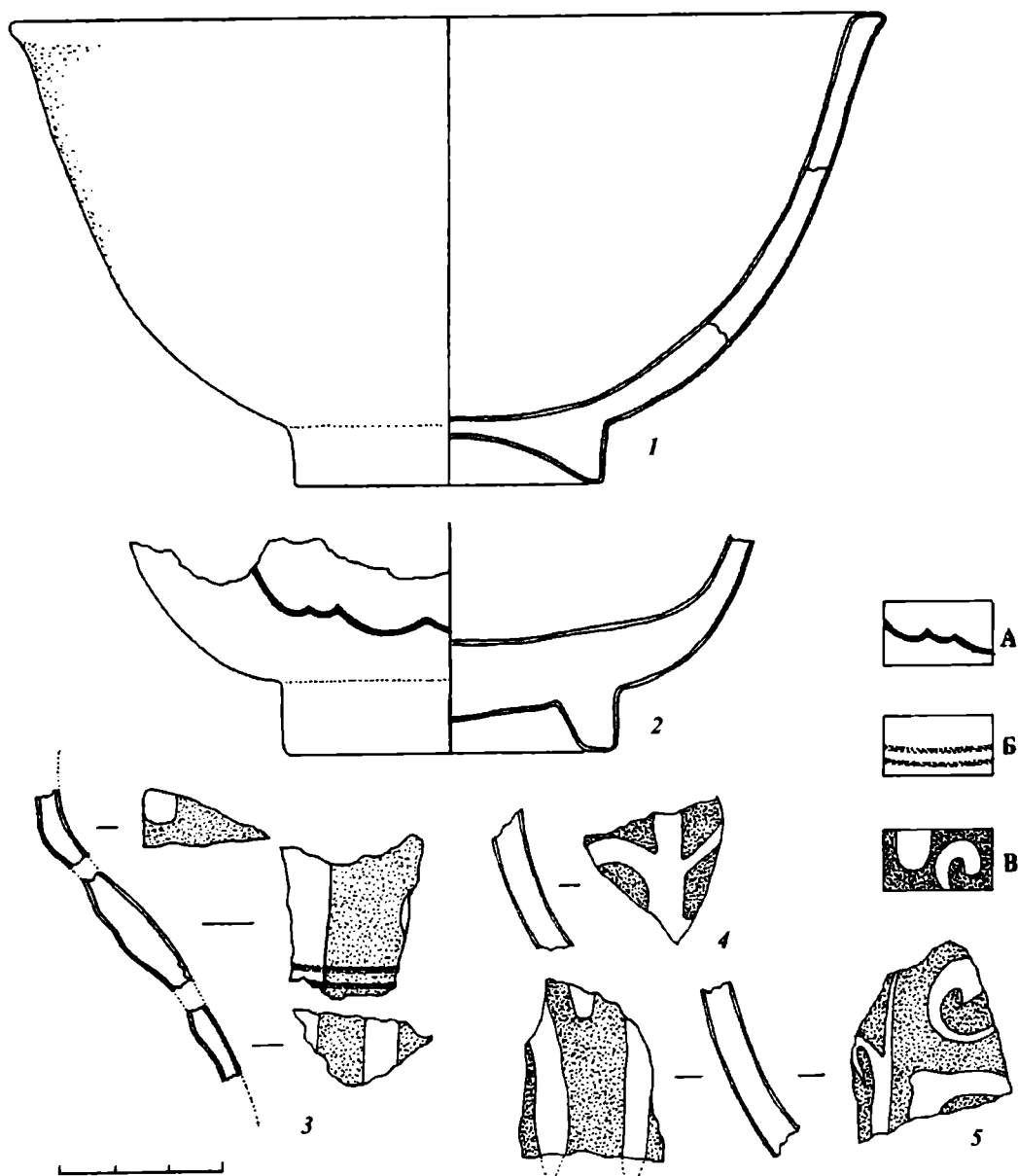

Рис. 8. Русская (1, 2) и импортная (3, 4) поливная керамика

А – полоса коричневого цвета; Б – линии подангобной гравировки; В – роспись белым ангобом

горна извлечены развалы нескольких корчаг (важно отметить, что они не являлись браком этого или какого-либо иного горна), которые по качеству формовочной массы, профилировке и орнаментации (рис. 10) практически не отличались от болгарских (Кокорина, 2001. Рис. 68–70). Правда, на корчагах из горна отсутствовал такой характерный для болгарской керамики элемент, как ребро по венчику, однако среди болгарских сосудов известны и такие изделия (Кокорина, 2001. Рис. 68, 4–5; 69, 1–2; 70, 3, 4, 6, 7). Таким образом, обнаруженные корчаги, скорее всего, были привезены в Коломну из Волжской Булгарии.

Вместе с тем, остается вероятность, что эти сосуды были сделаны болгарскими мастерами, переселившимися на Русь, в таком случае можно предполагать местом их производства Коломну. Окончательное решение этого вопроса станет возможно лишь с привлечением методов естественных наук.

Упомянем еще один фрагмент загадочного красноглиняного сосуда⁶⁵, также относившегося, скорее всего, к числу восточных импортов: это узкая, но массивная горловина, изготовленная методом вытягивания на гончарном круге из формовочной массы, насыщенной мелкодисперсным

⁶⁵ 2002–128.

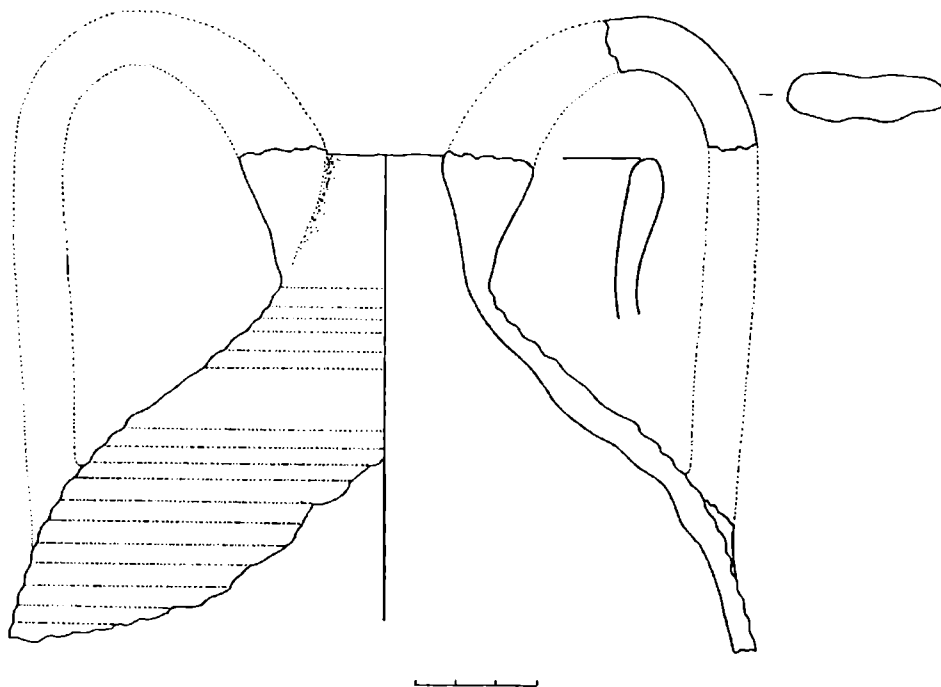

Рис. 9. Верхняя часть амфоры
(графическая реконструкция)

песком (рис. 7, 3). находка происходила из ямы 12, заполнение которой датировалось последней третью XIV в., в одном комплексе с крымской зеленополивной полумайоликой.

ПОДРАЖАНИЯ ВОСТОЧНОЙ КЕРАМИКЕ

Завершая обзор импортной керамики в Коломне, нельзя не остановиться на местных (русских) подражаниях восточной керамике. К ним относятся обломки чаши⁶⁶ пиалообразного профиля (достоверно реконструируемого по имеющимся фрагментам) диаметром 16 см, изготовленной из светло-красной глины с примесью мелкого песка, а также небольшого количества крупного речного песка (рис. 10, 1). Обломки найдены в комплексе второй половины XIV – первой половины XV в. Черепок на изломе трехслойный из-за недостаточно качественного обжига. Кольцевой поддон вырезан из монолитного в виде сегментовидной выемки (такой прием характерен для византийской поливной керамики XIII–XIV вв.). Чаша была полностью облицована белым ангобом и покрыта со всех сторон, в том числе с нижней стороны дна (внутри поддона), желтовато-зеленой непрозрачной поливой очень плохой сохранности. Потeki поливы по направлению к дну чаши указывают, что она обжигалась, будучи поставленной на дно, а отсут-

ствии отпечатков треножников-«сепая» говорит об отсутствии традиции их применения в гончарном производстве.

От второй чаши сохранилась только нижняя часть с поддоном⁶⁷. Эта чаша была изготовлена из глины с большой примесью мелкого песка, обожженной в восстановительном режиме до серого цвета. Кольцевой поддон также вырезан из монолитного цилиндрического поддона, но в иной манере, нежели у первой чаши. Полупрозрачная сильно иризованная полива зеленого цвета покрывала чашу со всех сторон, в том числе, и с нижней стороны дна. Ангобная облицовка отсутствовала. На внешней поверхности чаши заметна линия коричневого цвета, составлявшая, вероятно, часть подглазурного расписного декора (рис. 10, 2).

По всем признакам (низкокачественный окислительный либо восстановительный обжиг, непрозрачная или полупрозрачная легко разрушающаяся полива, глазурирование дна снизу, отсутствие следов сепая) обе чаши представляют собой произведения русских керамистов. Вместе с тем, обращают на себя внимание пиалообразная профилировка чаш и разнообразие способов вырезания поддона. Все это свидетельствует о подражании технологиям производства поливной керамики Востока, Византии и Причерноморья. Место (или места?) производства подобной поливной посуды остаются неизвестными. В то же время находки относительно ранних (второй

⁶⁶ 1997–12.

⁶⁷ 1996– Шурф у колокольни – 16.

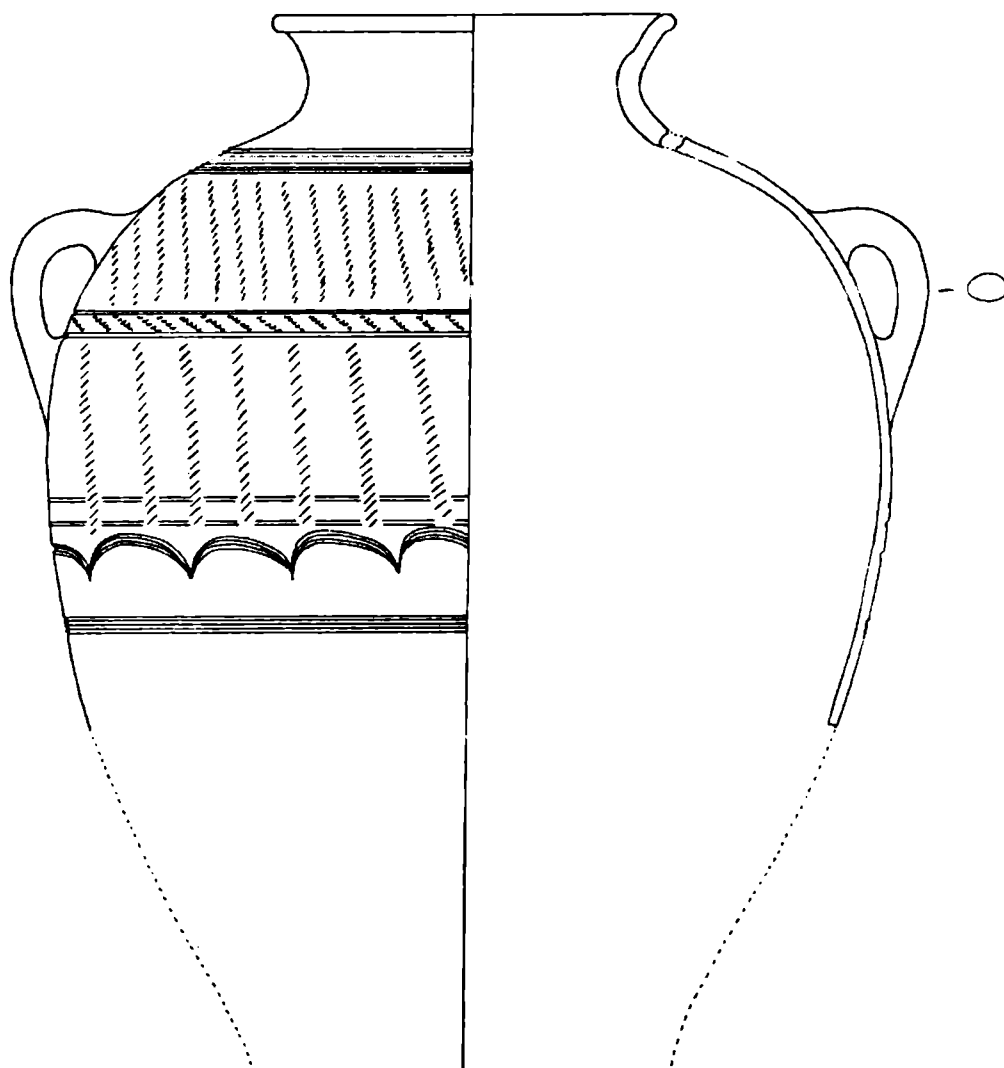

Рис. 10. Краснолощенная корчага из развала керамики в горне 1999 г.
(вариант реконструкции)

половины XIII – XIV в.) образцов такой керамики отмечены во многих средневековых городах: Твери, Москве, Переяславле-Рязанском, Ростиславле Рязанском. В Москве известны не только подражания восточным чашам-пиалам, но и более поздние белоглиняные и красноглиняные поливные погребальные сосудики XIV–XVI вв. (Авдусина и др., 1984. С. 206–209. Рис. 4). Заметим, что русская поливная посуда еще настолько плохо изучена, что делать какие-либо выводы о местах ее производства пока представляется преждевременным.

Подведем некоторые итоги предпринятого исследования. За исключением полутора десятков обломков амфор византийского круга, датирующихся домонгольским временем (XII – первой половиной XIII в.), вся остальная импортная керамика (включая поливную художественную посуду) была привезена в Коломну в золотоордынскую эпоху (конец XIII – XV в.). При этом к

концу XIII – первой половине XIV в. можно с изрядной долей сомнения относить лишь несколько обломков полумайолики причерноморского происхождения, имеющей широкую дату бытования. Из 214 обломков поливной импортной керамики (принадлежавших не менее чем 136 различным сосудам) 166 обломков от 94 сосудов (то есть около 3/4 всех находок) были связаны с керамическим производством золотоордынского Поволжья второй половины XIV в. И лишь 25 обломков от 21 сосуда (то есть чуть более 1/10 находок) происходили из Византии и стран Причерноморья и датировались XIV–XV вв. Импорт из Закавказья, Ирана, Турции, Китая представлен единичными находками, которые, тем не менее, представляют большой интерес, поскольку характеризуют поздний этап внешних связей Коломны (XV–XVII вв.). Таким образом, основная масса поливной художественной посуды, найденной в Коломне, поступила сюда во второй половине XIV в. из Золотой Орды⁶⁸. При этом

2/3 золотоордынских образцов (139 из 214) были изготовлены из кашина. Этот мощный, хотя и достаточно кратковременный, культурный импульс, связанный с экспортом из Поволжья кашинной керамики, был характерен не только для Коломны. Он прослеживается в это же время на всей территории Руси (Коваль, 1997в. С. 16). Особенно близка Коломна в этом отношении Москве, где поливная посуда также не встречается в домонгольских комплексах, но в золотоордынскую эпоху появляется в большом количестве, причем поволжская кашинная керамика составляла там более половины восточного керамического импорта (Коваль, 1997б. С. 108–110). Отличие от Москвы выступает в Коломне несколько менее широкий набор типов импортной керамики: здесь пока не найдены импорты золотоордынской эпохи из Сирии и Средней Азии, известные в Москве. Гораздо меньше ввозилось в Коломну и керамики из Ирана, Турции и Китая, что объясняется естественной концентрацией импортов в столице. С Переяславлем-Рязанским Коломну сближает отсутствие привозной поливной керамики в домонгольских слоях и относительно небольшое число находок амфорных обломков (Коваль, Судаков, 1995. С. 132, 136). Вероятно, этот факт свидетельствует о том, что до середины XIII в. Коломна и Переяславль по своему значению и статусу были близки друг другу.

В Коломне большая часть привозной керамики концентрируется в пределах кремля XIV в., хотя немногочисленные находки известны и далеко за пределами укрепленной территории. Интересен и топографический контекст находок привозной керамики в кремле (рис. 1): подавляющее большинство поливной восточной керамики (наиболее разнообразной по типам) найдено в восточной части кремля, в районе улицы Большой (центральной в кремле), где находились дворы знати и купцов (суконников и гостей). В одном случае находки вписаны в комплекс с явно торговой окраской (в слоях XIII в. – византийское и сирийское стекло, кустодий, скорлупа грецких орехов; в слоях XIV в. – поливная восточная керамика (фрагменты от не менее чем 6 разных сосудов), сердоликовый перстень, изготовленный в городах Поволжья, болгарская керамика). Еще в одном случае (район посада к западу от кремля) находки тяготеют к усадьбам XIV–XV вв. с ярко выраженной ремесленной ориентацией (обработка цветных металлов и кости) в совокупности с находками торговой гири и джучидскими монетами XIV – начала XV в. Эти факты не только подтверждают давние наблюдения о восточной керамике как важном социальном индикаторе. Они позволяют предста-

вить себе социальный портрет владельцев привозной керамики – не только князей и бояр, но также, возможно, купцов и состоятельных ремесленников.

Наконец, особо отметим, что Коломна пока является одним из немногих городов Руси (кроме Москвы), в которых обнаружена керамика Турции XVI в. и иранская керамика XVII в. (в этом списке можно назвать только Дмитров и Нижний Новгород). Этот факт подтверждает давний вывод об особой роли, которую играла Коломна в московский период истории Руси, поскольку в XVI–XVII вв. был установлен особо жесткий централизованный контроль за распределением иноземных товаров, основная масса которых оседала в Москве. Видимо, Коломна была одним из получателей этих привозных диковинок. Впрочем, не исключено, что привоз таких изделий в Коломну мог быть заслугой и местных коломенских купцов.

В целом, керамический импорт Коломны точно отражает динамику в экономическом развитии и административном статусе этого центра с XII по XVII в. Этот импорт свидетельствует о том, что Коломна в XIII–XIV вв. являлась одним из крупных торговых центров Северо-Восточной Руси, не уступавшим по масштабам внешних связей своим могущественным соседям – Москве, Твери, Переяславлю-Рязанскому, Владимиру.

Следует особо подчеркнуть значение находок из Коломны для изучения динамики импорта восточной керамики на Русь, и в частности, для выяснения даты начала массового импорта золотоордынской посуды. На большинстве средневековых памятников культурный слой поврежден многочисленными перекопами, а отдельные комплексы датируются в широких временных рамках. В Коломне при раскопках на ул. Лазарева (д. 19) в 2001–2002 гг. удалось исследовать насыпь городского вала, разделенную на четко отделявшиеся друг от друга горизонты, соответствовавшие разным этапам возведения насыпи. Датировка этих этапов оказалась возможна благодаря привлечению данных дендрохронологии. В результате удалось установить, что насыпь вала II этапа, датированная временем около 1330 г., вовсе не содержала находок восточной керамики, но в насыпи вала III этапа (около 1390 г.) такая керамика уже присутствовала, причем в весьма заметном количестве. Эти данные подтверждают вывод о начале массового импорта золотоордынской поливной посуды на Русь в середине XIV в., полученный нами ранее на основании изучения коллекции керамики из раскопок Великого Новгорода (Коваль, 1997. С. 160). С другой стороны,

⁶⁸ Тесные связи с Золотой Ордой подтверждаются также как находками джучидских монет второй половины XIV – начала XV в., так и данными письменных источников. В 1389 г. в Коломне пахотился ордынский посол, в 1392 г. вместе с Василием II проезжало посольство из Орды. В 1360–70-х гг. к московскому князю выехали два знатных ордынца Серкиз (родоначальник Старковых) и Алабуга (родоначальник Мячковых). Судя по топонимическим данным, уже во второй половине XIV в. им принадлежали крупные вотчины под Коломной.

датировка начала импорта золотоордынской посуды в середине XIV в. (не ранее 1330-х гг.) хорошо согласуется с данными о начале производства поливной керамики в городах золотоордынского Поволжья во второй четверти XIV в. Таким образом, золотоордынская керамика стала поступать в Коломну сразу же после того, как ее массовое производство было налажено в поволжских центрах. Менее определенна ситуация с импортом

керамики из Причерноморья. Достоверных импортов, датирующихся ранее середины XIV в. в Коломне пока не найдено. Учитывая относительную редкость таких находок и на остальной территории Руси, это не может вызывать удивления. Однако подобные находки следует ожидать в случае обнаружения великокняжеского двора или мест проживания ордынцев (которые, несомненно, здесь существовали).

Литература

- Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д.*, 1984. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. № 2.
- Баранов И.А.*, 1991. Застройка византийского посада на участке главных ворот Сулакской крепости // Византийская Таврика. Киев.
- Белинский И.В., Масловский А.Н.*, 1998. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов. Вып. 15.
- Булатов Н.М.*, 1968. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // СА. № 4.
- Булатов Н.М.*, 1974. Кобальт в керамике Золотой Орды // СА. № 4.
- Булатов Н.М.*, 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.
- Волков И.В.*, 1992. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка.) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Волков И.В.*, 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 10.
- Воронин Н.П.*, 1949. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского // МИА. № 12.
- Джанов А.В.*, 1999. Гончарные печи XIV–XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Восточноевропейский археологический журнал (Интернет-журнал).
- Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.А.*, 1983. Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку.
- Коваль В.Ю.*, 1997а. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Фаянсы и полуфаянсы // РА. № 2.
- Коваль В.Ю.*, 1997б. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Полумайолика, фарфор, неполированная посудная, техническая, декоративная и архитектурная керамика // РА. № 3.
- Коваль В.Ю.*, 1997в. Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX – XVII вв.) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Коваль В.Ю.*, 1997г. Восточная керамика золотоордынской эпохи в средневековом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 11.
- Коваль В.Ю.*, 2003. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.
- Коваль В.Ю., Судаков В.В.*, 1995. Средневековая восточная керамика из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. Вып. 4.
- Кокорина Н.А.*, 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань.
- Кравченко А.А.*, 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV в.). Киев.
- Левиатов В.Н.*, 1949. Археологические раскопки близ дворца ширваншахов в г. Баку // Материальная культура Азербайджана. Т. 1. Баку.
- Мазуров А.Б.*, 1991. Итоги археологических работ 1990 года в Коломенском кремле // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.
- Мазуров А.Б.*, 1994. Археология Коломны. М.
- Мазуров А.Б.*, 1995. Средневековая Коломна в XII – XV веках / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Мазуров А.Б.*, 1998. Основные итоги археологического изучения Коломны // РА. № 1.
- Миллер Ю.А.*, 1972. Художественная керамика Турции. Л.
- Милонов Н.П.*, 1937. Отчет об археологических раскопках Ростиславльского городища в 1937 г. и раскопках Коломенского кремля и обследовании памятников в окрестностях г. Коломны в 1935–1936 гг. // Архив ИИМК. Ф. 2. Д. № 219.
- Милонов Н.П.*, 1948. Историко-археологический очерк Коломны // Историко-археологический сборник. М.
- Михальченко С.Е.*, 1973. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. № 3.
- Молчанов А.А.*, 1985. Раскопки в Коломенском кремле // Археологические открытия 1983 года. М.
- Панина Э.Л., Волков И.В.*, 2000. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия: археология, история, культура. М.
- Панова Т.Д.*, 1996. Клады Кремля. М.
- Сазанов А.В.*, 1991. Проблемы хронологии средневекового Боспора (VIII–XIV вв.) // Древности Кубани. Краснодар.
- Скоробогатова Т.В.*, 1983. Одна из групп золотоордынской поливной керамики // СА. № 4.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 2001. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.
- Шляхова В.И.*, 1980. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде // СА. № 4.
- Яacobson A.L.*, 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
- Якубовский А.Ю.*, 1931. Хорезм в керамике Золотой Орды // ИГАИМК. Т. VIII. Вып. 2–3. Л.
- Aslanapa O.*, 1971. Turkish Ceramic Art // Archaeology. New York. Vol. 24. № 3.
- Dark K.R.*, 2001. Byzantine Pottery. Stroud.
- Fehervary G.*, 1973. Islamic Pottery. London.
- Lane A.*, 1957. Later Islamic Pottery. London.
- Pope A.U., Ackerman P.*, 1965. The Ceramic Art in Islamic Times. Illustrations // A Survey of Persian Art. Tokyo. Vol. 10.
- Watson O.*, 1985. Persian lustre ware. London.

В.В. Черкасов

**Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков
в игровой культуре средневековой Руси
(по материалам археологических раскопок
в Коломне в 1990–2000 годах)**

Игра как культурное явление всегда сопровождала человечество, и уже поэтому она несет в себе огромный пласт информации о развитии человеческого общества. Игрушки отражают представления людей о природе, окружающем мире, и самих себе, являясь физическим воплощением миропонимания человека. Они несут в себе сразу две функции – познавательную и развлекательную, что делает их важным фактором в процессе вхождения ребенка в национальную культурную и природную среду.

Среди работ, посвященных керамической игрушке, следует назвать книгу Л.А. Динцеса «Русская керамическая игрушка. Происхождение, путь исторического развития», вышедшую в 1936 г. В ней большое внимание было уделено культовому назначению древних глиняных фигурок, символике орнамента, прослежена их трансформация в обыкновенные детские игрушки. В статье М.В. Фехнер, написанной по результатам раскопок в Москве (в устье р. Яузы на территории бывшей гончарной слободы, где отмечено массовое производство игрушек), исследуются виды керамических игрушек и определяется их хронология, приводятся данные о технологии изготовления и обжиге (Фехнер, 1949. С. 52–56). Р.Л. Розенфельдт (1968) предложил типологию и хронологию глиняных игрушек по материалам археологических раскопок в Москве.

В последнее десятилетие интерес к играм и игрушкам выразился в публикации целого ряда статей и исследований. Так, в публикации Н.С. Владимирской «Художественная керамика XVIII века из Алевизова рва на Красной площади» рассматриваются глиняные статуэтки на подставке (то есть малая декоративная скульптура), служившие для украшения жилища. Происхождение данной группы художественной керамики (по сути, не игрушки) связывается по стилистике и технологии с московскими глиняными игрушками более ранних времен (Владимирская, 1987. С. 151–153). В статье «Игрушки Древнего Новгорода» Н.А. Морозова обозначила некоторые общие проблемы в изучении игрушек, выполненных в большинстве своем из дерева и кожи: прежде всего, вопросы классификации (выбор

критерия), что особенно важно для Новгорода с его многообразием игрушек. Другим существенным моментом для автора стала возможность и необходимость использования игрушки как источника при анализе ремесленных изделий, например оружия (Морозова, 1990. С. 69–71). Т.Ф. Мухина исследовала глиняные игрушки, найденные при раскопках в г. Суздале. Основное внимание она сосредоточила на видах и датировке находок, делая вывод о заимствовании суздальскими гончарами некоторых типов игрушек у московских мастеров (Мухина, 1992. С. 63–68). А.М. Колызин, анализируя игрушки, обнаруженные на территории московского Кремля, коснулся и темы игр, что связано с увеличением ассортимента игрушек (приводятся сведения о шахматных фигурках и шашках, фрагментах кожаных мячей и костяных кубиках для игры в «зернь», об игровых плитах – «тавляях»). Рассматривая период с XII по XVII в., автор приходит к заключению, что именно в XV в. глиняные игрушки московских гончаров становятся массовой продукцией, производимой на рынок. Москва в то время, являясь основным центром выпуска игрушек в Московском княжестве, оказывала заметное влияние на изделия гончаров в Коломне и Суздале (Колызин, 1998. С. 113–122). Статья А.С. Хорошева посвящена детским игрушкам из Новгорода. Для них предложена стройная и разветвленная схема-классификация (Хорошев, 1998. С. 82–94). Первым специальным исследованием коломенских глиняных игрушек стала дипломная работа М.М. Руденкова, выполненная на кафедре истории Коломенского Государственного педагогического института в 1995 г. Проанализировав игрушки, найденные с 1990 по 1994 г. (всего 69 экз. разной степени сохранности) он сделал предварительные выводы о типологии и хронологии коломенских игрушек (Руденков, 1995).

За 1995–2000 гг. коллекция коломенских игрушек из глины увеличилась на 309 находок и составила, в общей сложности, 392 фрагментированных и целых экземпляров. Их датировка основана прежде всего на сопутствующем им комплексе других находок (керамики, монет и ве-

шей, время бытования которых известно). Наиболее точно датированы игрушки, находившиеся в условно-закрытых комплексах. В целом коломенские игрушки датируются XV–XVIII вв. Для их относительной хронологии важны следующие факторы: 1) последовательная смена сырья (от использования ожелезненных глин к применению глин нежелезненных); 2) стабильность во времени форм одних игрушек и изменение других.

Все коломенские керамические игрушки делятся на 4 типа: *зооморфные, антропоморфные, комбинированные, погремушки в виде шарья и дисков*. Внутри этих типов, там, где это необходимо, выделяются виды. В особую группу выделены игрушки, не вошедшие в тот или иной тип.

Зооморфные игрушки представлены наибольшим количеством экземпляров – 216, что составляет 56% от общего числа. Этот тип включает следующие виды игрушек: коники, курочки, птички, барашки, медведи, уточки, собачки, корова.

Среди 84 находок игрушек-коников пока не было найдено ни одного целого. Плохая сохранность объясняется технологией их производства: к туловищу приделывались отдельно вылепленные ноги и голова, что и приводило в процессе использования к откалыванию этих частей (Фехнер, 1949. С. 53). Тем не менее, большое количество и разнообразие фрагментов дают достаточное представление об эволюции данного вида. Большое число игрушек-коников свидетельствует о большом значении лошади в хозяйстве горожанина. К тому же, в древности конь являлся культовым животным – символом солнца, добра и счастья (Динцес, 1936. С. 59; Седов, 1982. С. 267). В коломенской коллекции одни фигурки изображают ломовых лошадей, другие – предназначенных для верховой езды. Для первых характерно крупное туловище с массивными ногами и гривой. Вторые отличаются изяществом исполнения.

По цвету глины и способу покрытия поверхности коломенские игрушки-коники подразделяются следующим образом: сероглиняные – 1 экз.; красноглиняные без ангоба – 4, со сплошным покрытием белым ангобом – 26, с росписью белым ангобом – 9, со сплошным покрытием белым ангобом и росписью по нему краской или ангобом – 6 экз.; белоглиняные без ангоба – 18, с росписью красным ангобом – 16, с покрытием поливой – 4 экз.

Единственная сероглиняная игрушка-коник представляет собой цельную фигурку со сколотыми ногами и маленьким хвостиком (шея и голова утрачены) и относится к XV в. (рис. 1, 1). В Москве на территории Кремля обнаружена лишь одна сероглиняная игрушка-коник, но московский экземпляр полый внутри и покрыт белым ангобом с росписью. Суздальская коллекция включает 5 сероглиняных игрушек. Датиру-

ются московская и суздальские находки одним и тем же временем: XVII–XVIII вв. (Колызин, 1998. С. 116–117; Мухина, 1992. С. 68).

Находки двух одинаковых больших голов коников (высотой 5 см), отличающиеся крутой массивной гривой (рис. 1, 2) и полым туловом (длина – 10 см), позволяют судить о существовании крупных игрушек-коников. Данные фрагменты являются красноглиняными и покрыты белым ангобом. Датируются они, по сопутствовавшей им керамике, второй половиной XV – началом XVI в. Аналогичные игрушки-коники, найденные на территории московского Кремля, относятся к XV–XVI вв. (Колызин, 1998. С. 115).

Особое внимание привлекает красноглиняная с росписью белым ангобом игрушка-коник с выгнутой шеей и волнистой гривой. Роспись покрывает все тулово и шею и представляет коня в парадном уборе. Параллельные косые линии, покрывающие шею, показывают части конской упряжи; роспись тулова в треугольник символизирует попону (Руденков, 1995. С. 11) (рис. 1, 3). Датируется он XVI в. Отметим, что для московских красноглиняных коников (конец XIV – XVI в.) характерна роспись пятнами белого ангоба (Розенфельдт, 1968. С. 22; Колызин, 1998. С. 114), но в Коломне такая роспись не была встречена ни разу.

Небольшая, аккуратно выполненная фигурка с короткими ножками и хвостиком (утрачены часть головы и одна ножка), покрытая желтой поливой (рис. 1, 5), относится к первой половине XVIII в. Другой экземпляр – голова коника с гривой (орнаментация линиями) и ушками, покрыт коричневой поливой (рис. 1, 4). Датируется он XVIII в. Московские и суздальские поливные белоглиняные коники относятся к XVII–XVIII вв. (Колызин, 1998. С. 116; Мухина, 1992. С. 67).

Коломенские красноглиняные игрушки-коники (47 экз.) датируются XV – первой половиной XVII в., белоглиняные (38 экз.) – XVI–XVIII вв., один сероглиняный коник относится к XV в. Московские игрушки-коники датируются чуть более ранним временем – XIV–XVII вв. и XV–XVII вв. соответственно (Колызин, 1998. С. 117), а суздальские – чуть более поздним – XV–XVIII вв. и XVII–XVIII вв. (Мухина, 1992. С. 67). Все игрушки-коники представляют собой либо полые погремушки, либо монолитные фигурки (коников в виде свистулек пока обнаружено не было). По количеству игрушечных коников, разнообразию форм, приемов обработки поверхности коломенская коллекция сравнима, пожалуй, лишь с аналогичной московской. Первоначальное предположение об эволюции данного вида зооморфных игрушек от натурализма к стилизации (Руденков, 1995. С. 13) подтвердилось в процессе наших исследований.

Прежде чем рассматривать игрушки-птички и игрушки-курочки, определим признаки, по которым отличаются эти два вида. М.М. Руденков выделял 2 таких формообразующих призна-

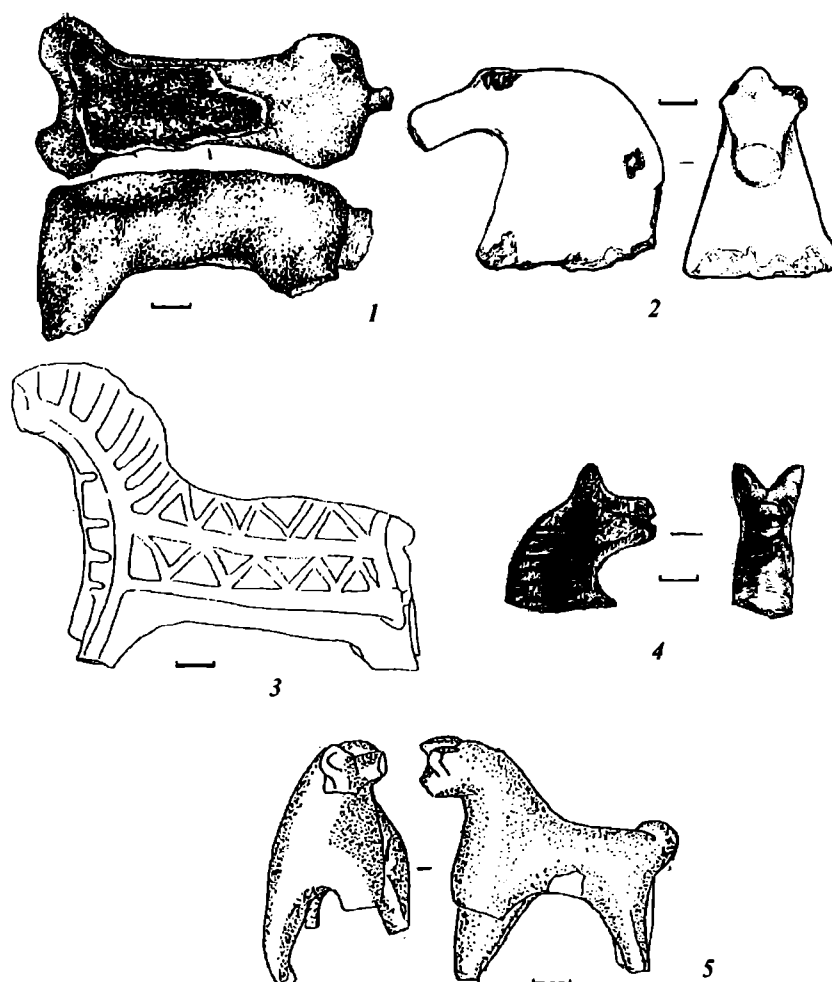

Рис. 1. Игрушки-коньки

1 – сероглиняный фрагментированный (тулово) (XV в.); 2 – красноглиняный с покрытием белым ангобом (вторая половина XV – начало XVI в.); 3 – красноглиняный с росписью белым ангобом (XVI в.); 4 – белоглиняный (голова с орнаментацией по гриве), покрытый коричневой поливой (XVIII в.); 5 – белоглиняный с покрытием желтой поливой (вторая четверть – середина XVIII в.)

ка: у игрушек-птичек имеются ножки, тогда как у игрушек-курочек плоское основание и заметен гребешок (Руденков, 1995. С. 17). Т.Ф. Мухина, приводя сходную с коломенскими игрушками-курочками характеристику суздальских находок, тем не менее, называет их птичками-свистульками (Мухина, 1992. С. 63). Р.Л. Розенфельдт также обозначает подобные отличия, но выделяет две группы красноглиняных птичек лишь по хронологическому признаку: первая группа (аналогичная коломенским игрушкам-курочкам) датируется XIV–XV вв., а вторая (ближе к коломенским игрушкам-птичкам) – XVI – началом XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 17–18). А.М. Колызин, описывая красноглиняную птичку-свистульку, отмечает, что у нее при округлом основании все же нет никакого подобия гребешка на голове, и не выделяет поэтому игрушек-курочек в отдельную группу. Впрочем, и игрушка-уточка отнесена им к общей группе игрушек-птичек (Колызин, 1998. С. 117–118).

Итак, коломенские игрушки-птички и игрушки-курочки имеют плохо моделированное тулово с вытянутой вверх передней (головка) и задней свистковой частью (хвост). Все они являются свистульками (в хвосте есть два отверстия, а по бокам тулова находится еще два отверстия – лады; с их помощью можно моделировать звук).

Десять игрушек-птичек делятся на красноглиняные (1 экз.), белоглиняные (3 экз.) и белоглиняные с росписью красным ангобом (6 экз.). Красноглиняная (ранняя, вероятно, переотложенная) птичка происходит из сооружения, существовавшего в конце XVII – первой половине XVIII в. (рис. 2, 1). Шесть белоглиняных птичек, расписанных красным ангобом двумя пересекающимися линиями («крестом») на спинке, датируются второй половиной XVII – XVIII в. (рис. 2, 2, 3). Новые находки из раскопок последних лет (10 экз.) подтвердили вывод о том, что форма игрушек-птичек на протяжении второй

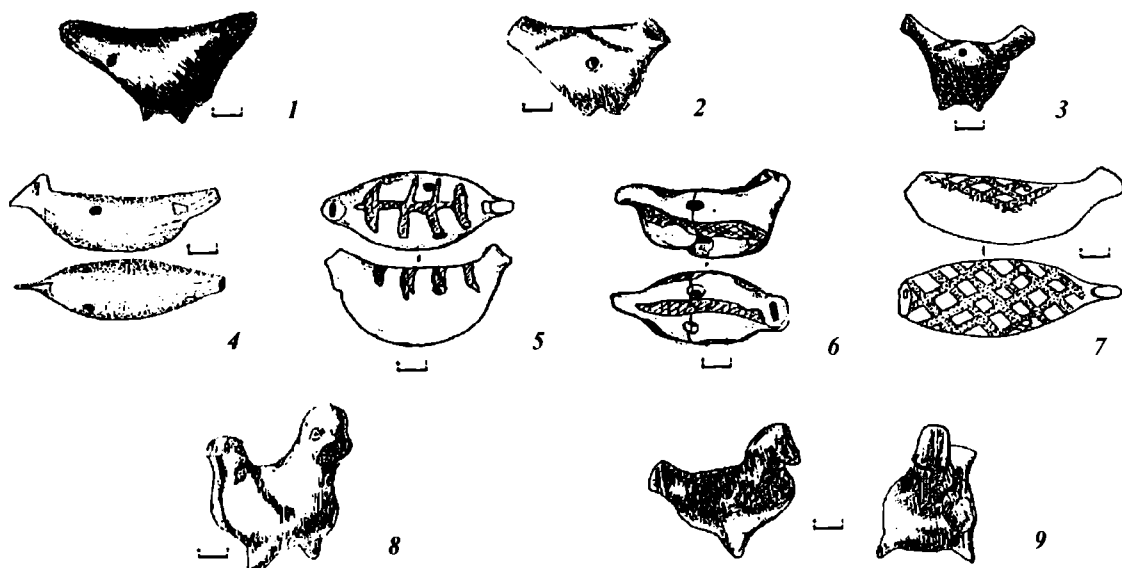

Рис. 2. Игрушки-свистульки (птички, курочки, уточки):

1 – красноглиняная птичка (из сооружения конца XVII – первой половины X в.); 2, 3 – белоглиняные птички с росписью «крестом» красным ангобом (вторая половина XVII – XVIII в.); 4 – белоглиняная курочка (XVI в.); 5 – белоглиняная курочка с росписью одной продольной полосой и четырьмя поперечными линиями красным ангобом (первая половина XVII в.); 6 – белоглиняная курочка с росписью тремя продольными полосами красным ангобом (конец XVII – первая треть XVIII в.); 7 – белоглиняная курочка с росписью в «сетку» красным ангобом (XVI в.); 8 – белоглиняная утка с росписью линиями красным ангобом (конец XVII – первая половина XVIII в.); 9 – белоглиняная утка с коричнево-желтой поливой (XVIII в.)

половины XVII – XVIII в. была стандартной, варьировались только размеры (Руденков, 1995. С. 16).

Игрушки-курочки в составе 51 находки представлены одним сероглиняным, 14 белоглиняными (рис. 2, 4) и 36 белоглиняными с росписью красным ангобом экземплярами. Все они, за исключением одной сероглиняной (возможно, ошлакованной в пожаре), относимой к XVI в., датируются XVI – первой половиной XVIII в. и исчезают во второй половине XVIII столетия. Мастера использовали, как минимум, три основных приема, передающих оперение: продольная полоса с пересекающими ее поперечными (от 3 до 5) линиями (рис. 2, 5), три продольных полосы (рис. 2, 6) и роспись в сетку (рис. 2, 7). Р.Л. Розенфельдт лишь обозначил наличие в московской коллекции белоглиняных птичек (сходных с коломенскими игрушками-курочками) с росписью красной краской, отнеся их к XVIII–XIX вв. (Розенфельдт, 1968. С. 47. Табл. 16, 24, 27). Аналогичные белоглиняные игрушки Суздаль датируются XVIII–XIX вв. (Мухина, 1992. С. 65). Красноглиняных игрушек-курочек в Коломне пока не обнаружено, тогда как значительное число московских и суздальских игрушек этого вида выполнены из ожелезненных глин и относятся к XIV–XVII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 17–18; Мухина, 1992. С. 63).

Игрушки-уточки имеют небольшое тулово, голову с типичным утиным клювом, выраженный хвост и две небольшие конусовидные ножки. Все они являются свистульками. Из 12 экземпляров

3 сохранились без утрат подразделяются они на белоглиняные (2 экз.), белоглиняные с росписью красным ангобом (2 экз.) и белоглиняные с покрытием поливой (8 экз.).

Почти целая белоглиняная утка (по бокам головки выделены глазки, клюв отколот) с росписью по тулову двумя полосами красного ангоба была обнаружена в сооружении конца XVII – первой половины XVIII в. (рис. 2, 8). В Москве найдена белоглиняная утка с росписью полосами красного ангоба, датированная XVIII–XIX вв. (Розенфельдт, 1968. С. 47. Табл. 16, 19).

Хорошо сохранившаяся белоглиняная утка с частичным покрытием коричнево-желтой поливой относится к XVIII в. (рис. 2, 9). В московских материалах известна иная по форме белоглиняная утка-свистулька, покрытая темной поливой, датированная XVIII в. (Владимирская, 1987. С. 153–154. Ил. 1, 2; Колызин, 1998. С. 118).

Коломенские игрушки-уточки изготавливались исключительно из беложгущихся глин с конца XVII в. и на всем протяжении XVIII в. Все это время их форма оставалась устойчивой. Московские находки относятся к XVIII–XIX вв.

Игрушки-барашки представлены в коломенской коллекции 35 находками (все они, за исключением одного, являются свистульками) и включают 12 белоглиняных и 23 белоглиняных с росписью красным ангобом образцов. Шесть хорошо сохранившихся практически однотипных белоглиняных барашков имеют плохо моделированное тулово на ножках-«прищипках» с вытянутым вверх хвостом и головой с витыми рожками

и мордочкой. (рис. 3, 1). Они датируются последней четвертью XVIII в. Миниатюрный (длина – 3,5 см, высота – 3 см) белоглиняный барашек с росписью красным ангобом двумя пересекающимися линиями по спинке выглядит очень изящно: хорошо выражены крутые рожки и острокопечная мордочка (рис. 3, 2). Еще одна находка – белоглиняный барашек с замысловатой росписью красным ангобом и глазковым орнаментом на голове (рис. 3, 3). Относятся они к концу XVII – первой половине XVIII в. Хорошо сохранившийся белоглиняный барашек с точечной орнаментацией на рожках и росписью полосами красным ангобом сделан более натуралистично по сравнению с предыдущими: монолитное туловище, широко расставленные ноги, пропорциональные шея и голова с выделенными глазами и носом (рис. 3, 4). Относится эта находка к середине XVI – первой половине XVII в. Подобного по форме, но красноглиняного со сплошным покрытием белым ангобом, барашка находим и в московской коллекции (Розенфельдт, 1968. С. 25. Табл. 5, 25).

Свистульками являются 2 белоглиняных экземпляра с росписью красным ангобом, но, т. к. у них утрачены головы и свистковые части, не представляется возможным отнести эти находки к какому-либо виду зооморфных игрушек. Первая из них имеет широкое полое тулово с четырьмя расставленными ногами (длина – 7 см, ширина – 3,5 см). По бокам тулова расположены два отверстия – лады. Красный ангоб нанесен одной продольной полосой, проведенной по спине, и пересекающимися ее линиями; две пересе-

кающиеся полосы присутствуют и на грудке (рис. 4, б). Вторая игрушка отличается удлиненным узким туловом (длина – 5 см), на котором симметрично размещены пять отверстий-ладов (один в окружении четырех), что увеличивало диапазон звучания. Едва заметные три поперечные линии пересекают тулово на равном расстоянии друг от друга (рис. 4, 5). Обе эти игрушки относятся к одному сооружению и датируются концом XVII – первой третью XVIII в.

Таким образом, среди коломенских игрушек-барашков встречаются только белоглиняные, которые датируются XVI – первой половиной XVIII в., реже – второй половиной XVIII столетия. В отличие от коломенских, все московские игрушки-барашки датируются XV в. и являются красноглиняными: без росписи или с покрытием белым ангобом, иногда с росписью черной краской по нему. При этом они интерпретированы как птички-свистульки с головой барашка (Розенфельдт, 1968. С. 18, 25, 27. Табл. 5, 20).

Очень интересен еще один вид коломенских зооморфных игрушек. Это – игрушки-медведи (13 экз.). Московские исследователи отмечали, что они бытовали на всем протяжении с XIV до середины XVII в. М.В. Фехнер связывала это с языческой традицией, когда медвежий культ (зверь являлся символом обилия и плодородия) был широко распространен в лесной полосе Восточной Европы. Впоследствии культ трансформировался в медвежью потеху – одну из самых любимых забав на Руси (Розенфельдт, 1968. С. 17; Фехнер, 1949. С. 55). Коломенские игрушки-медведи разделяются на красноглиняные (2 экз.),

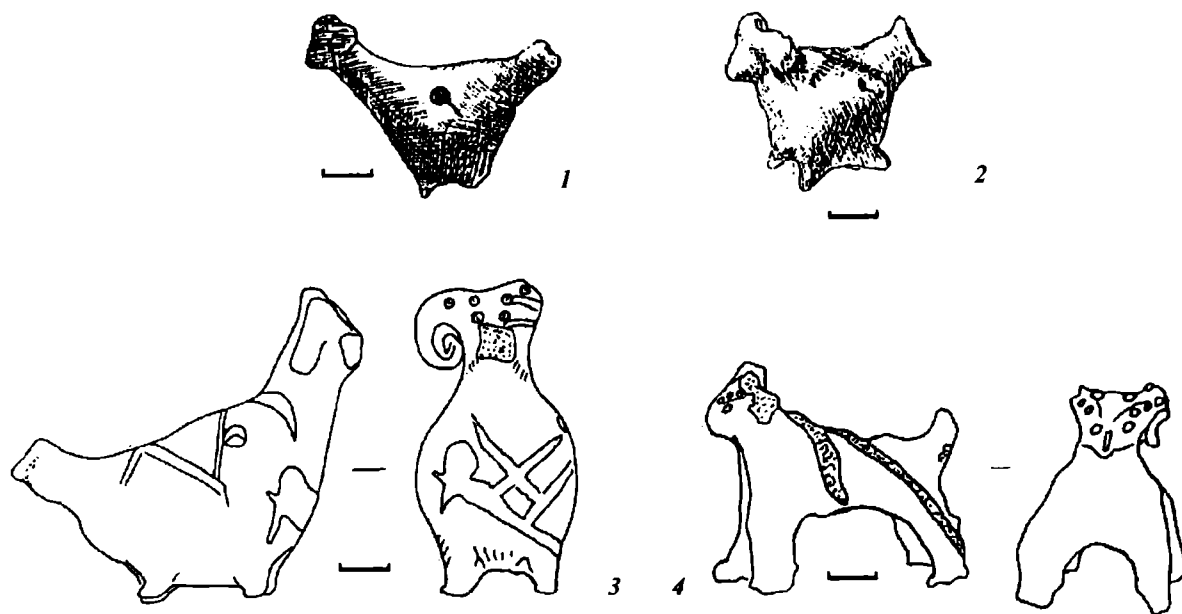
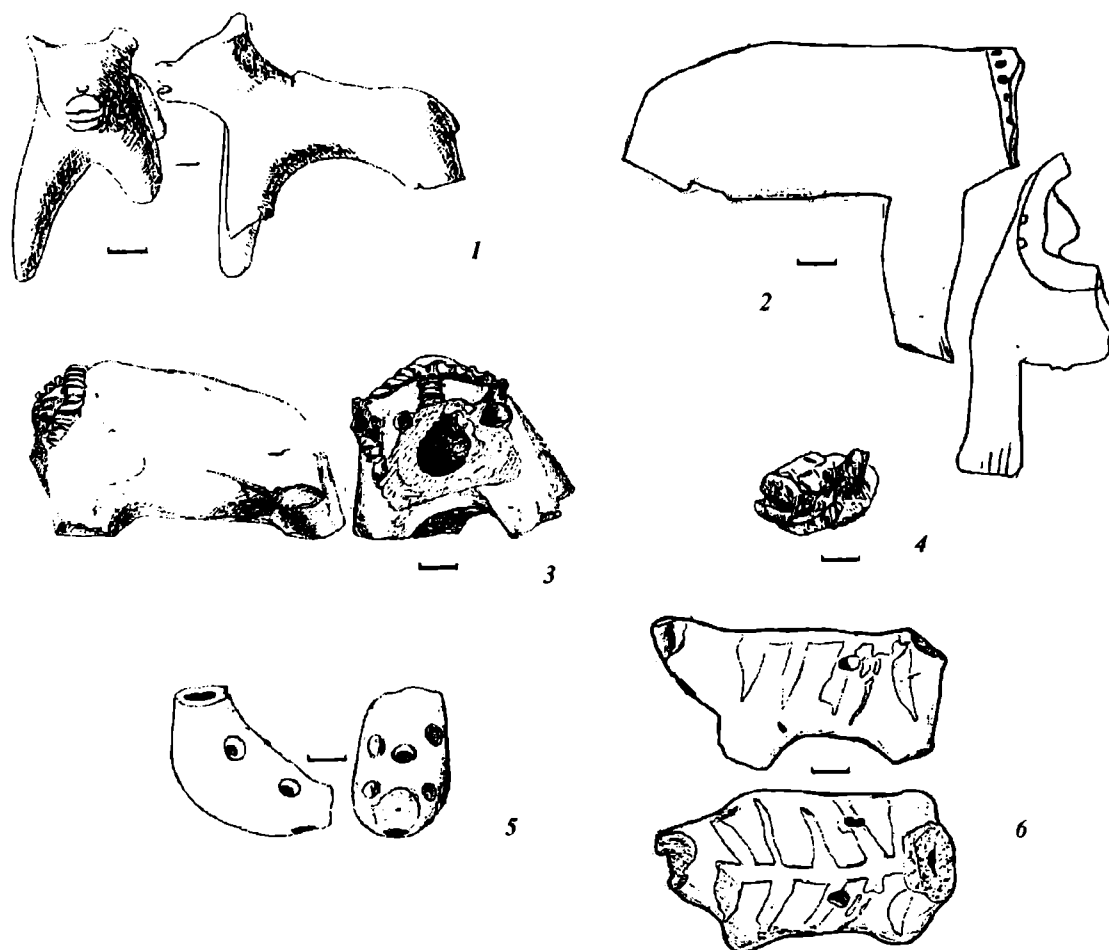

Рис. 3. Игрушки-барашки белоглиняные

1 – без ангоба (последняя четверть XVIII вв.); 2 – с росписью «крестом» красным ангобом (конец XVII – первая половина XVIII вв.); 3 – с росписью красным ангобом и глазковым орнаментом (конец XVII – первая половина XVIII в.); 4 – с росписью красным ангобом и точечной орнаментацией (вторая половина XVI – середина XVII в.) – не свистулька

Рис. 4. Игрушки-медведи и игрушки-зверушки белоглиняные

1 – с отверстием для кольца в носу и жировым горбом (конец XVI – первая половина XVII в.); 2 – с наклепленным в виде точечного орнамента ошейником (продольная половина) (первая половина XVII в.); 3 – с наклепленным ошейником (орнаментирован пасечками) (XVI – первая половина XVII в.); 4 – с наклепленным намордником и отверстием для кольца в носу (конец XVI – первая половина XVII в.); 5 – с росписью линиями красным ангобом – свистулька с пятью ладами (конец XVII – первая треть XVIII в.); 6 – с росписью полосами красным ангобом – свистулька (конец XVII – первая треть XVIII в.)

красноглиняные с покрытием белым ангобом (1 экз.), белоглиняные (14 экз.) и белоглиняные с росписью красным ангобом (1 экз.). Одна белоглиняная фигурка со сколотыми лапами, жировым горбом (признак сытости животного), коротким хвостом, небольшими торчащими ушками и отверстием в носу (рис. 4, 1) и фрагмент головы аналогичной фигурки с наклепленным намордником и с тем же отверстием в носу (рис. 4, 4) изображали ручных медведей. Датируются они концом XVI – первой половиной XVII в.

Любопытна еще одна находка – часть белоглиняной полой фигурки, стоящей на четырех лапах (длина – 10,5 см, высота – 4 см). Мощная лапа выполнена очень натуралистично: утолщенная у тела, она чуть сужается книзу, где с помощью четырех прорезей обозначены когти. Можно сказать, что она передает такую характерную природную черту медведя, как косолапость. Сохранившийся на шее фрагмент наклепленной полосы с точечным орнаментом, обозначавшей

ошейник, позволяет думать, что игрушка изображала ручного (скоморошьего) медведя. Возможно, это была погремушка, на что указывает отверстие на животе, которое не только предохраняло изделие от трещин при обжиге, но и увеличивало шумовой эффект. находка происходит из сооружения первой половины XVII в. На другой игрушке (XVI – первая половина XVII в.) ошейник обозначен также с помощью наклепленных полос, но уже с орнаментацией насечками (рис. 4, 3).

Итак, коломенские игрушки-медведи имеют как монолитное, так и полое тулово. Выполнены они в живой натуралистичной манере с проработкой различных деталей. Красноглиняные (2 экз.) и белоглиняные (11 экз.) игрушки-медведи бытовали в XVI – первой половине XVII в. В слоях второй половины XVII в. они встречаются крайне редко. В отличие от коломенских, практически все суздальские и московские игрушки-медведи выполнены из красных глин

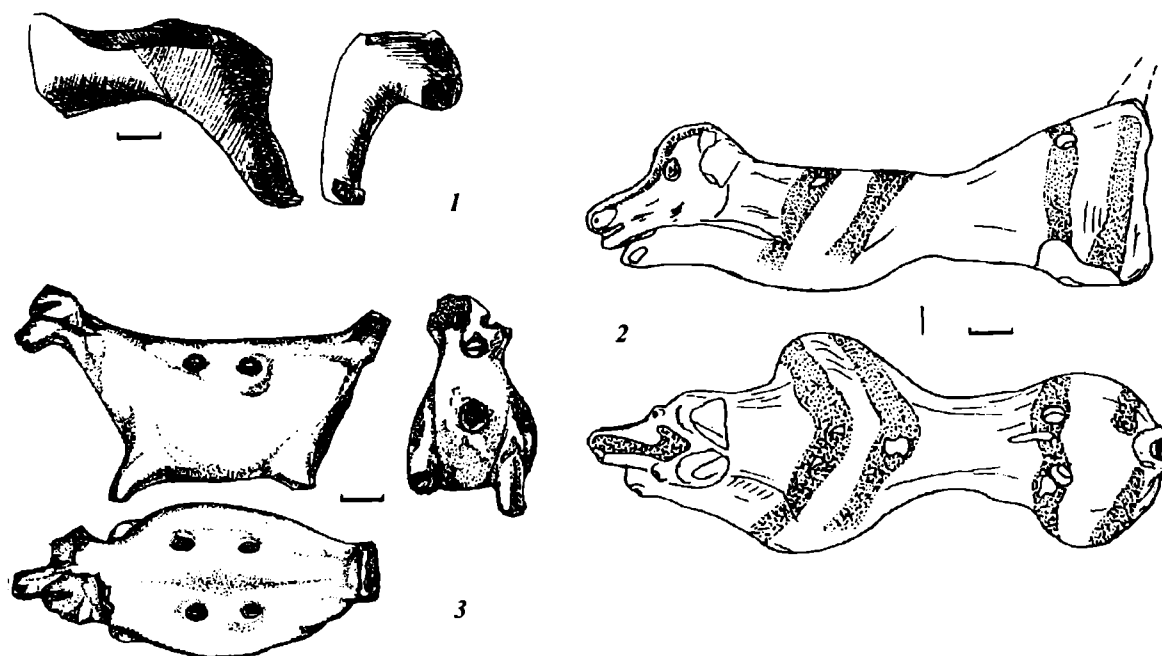

Рис. 5. Игрушки-собачки и игрушка-корова белоглиняные

1 – фрагментированная с росписью красным ангобом (XVII в.); 2 – свистулька с росписью полосами красным ангобом (XVII в.); 3 – свистулька-корова, покрытая красным ангобом (вторая половина X – начало XVII в.)

и датируются XIV – серединой XVII в. (Мухина, 1992. С. 65–66; Розенфельдт, 1968. С. 17; Фехнер, 1949. С. 55). Датировка коломенских игрушек данного вида еще раз подтверждает вывод исследователей о прекращении изготовления игрушек-медведей ко второй половине XVII в., когда были усилены гонения на скоморохов (как раз и державших медведей) и предприняты официальные мероприятия по пресечению их деятельности (Фехнер, 1949. С. 56).

Игрушки-собачки представлены тремя находками. Первая – часть монолитного белоглиняного туловища с одной лапой и широкой полосой красного ангоба (рис. 5, 1), которая принадлежала фигурке сидящей собаки (Руденков, 1995. С. 21). Другой экземпляр – белоглиняная собачка-свистулька, расписанная полосами красного ангоба. С большим мастерством передана пластика животного: собачка лежит, положив голову с вислыми ушами на вытянутые передние лапы (рис. 5, 2). Обе игрушки относятся к XVII в.

В Коломне был найден единственный белоглиняный, покрытый красным ангобом (сохранился местами) образец игрушки-свистульки в виде коровы с вытянутым вверх хвостом. Игрушка имела полое тулово, четыре отверстия-лада на спине и еще одно – на грудке. Хвост имел два отверстия и служил свистком. На голове выделены уши, рот, нос, глаза (судя по сколам, были и рога). Датируется эта редкая находка второй половиной XVII – началом XVIII в. (рис. 5, 3). Заметим, что авторы, исследовавшие московские и суздальские игрушки, не упоминали фигурки коров.

Антропоморфные игрушки – второй тип коломенских керамических игрушек. Составляя всего 4% от общего числа, все 14 антропоморфных фигурок интересны и оригинальны. Среди них есть как красноглиняные (без ангоба – 1 экз., со сплошным покрытием белым ангобом – 7 экз.), так и белоглиняные (с росписью красным ангобом – 4 экз., с покрытием поливой – 1 экз., с покрытием краской – 1 экз.).

Хорошо сохранившаяся красноглиняная с покрытием белым ангобом фигурка изображала скомороха, играющего на волынке или дудке, одетого в длинную, до колен, рубаху с низким воротом и пояском. Нос у него выделен защипом, а глаза обозначены двумя выемками (рис. 6, 1). Относится игрушка к XVI в. М.В. Фехнер приводила сведения о подобной фигурке из раскопок Яузской гончарной слободы в Москве, датировав ее XVI – началом XVII в. (Фехнер, 1949. С. 55–56). Фигурке человека принадлежал также красноглиняный с покрытием белым ангобом башмачок, или часть сапога с удлиненным и приподнятым носком, относящийся к концу XV – XVI в. (рис. 6, 2). Любопытно, что сапоги с подобным носком становятся популярными на Руси именно в XV в. (Древняя Русь, 1997. С. 105).

Белоглиняная с росписью красным ангобом фигурка человека (примитивно обозначены глаза, рот и нос) в позе всадника (возможно, руками он обхватывал гриву лошади, а положение ног показывает, что фигурка была посажена на коня) датируется по сооружению, из которого она происходила, первой половиной XVII в. (рис. 6, 4).

Рис. 6. Антропоморфные игрушки

1 – красноглиняная фигурка скomorоха, покрытая белым ангобом (X в.); 2 – красноглиняный фрагмент части сапога с приподнятым носком, покрытый белым ангобом (конец XV – XV в.); 3 – белоглиняная с росписью красным ангобом фигурка человека в кафтане (XVI в.); 4 – белоглиняная с росписью красным ангобом фигурка (первая половина XVII в.); 5 – белоглиняный фрагмент (грудь солдатика) с остатками зеленой краски (XIX в.)

Примечательна белоглиняная фигурка, представляющая человека в кафтане, с росписью в клетку красным ангобом (рис. 6, 3). Глиняные фигурки людей в кафтанах различных фасонов известны и в Москве (Фехнер, 1949. С. 55–56). Начиная с XV в. кафтан был чрезвычайно распространен у городских жителей и являлся верхней одеждой (комнатной, легкой уличной или зимней). Кафтаном называлось и вообще всякое верхнее платье. У данной игрушки хорошо обозначен стоячий ворот: может быть, деталь эта показывала ожерелье – пристяжной воротник рубахи или зипуна (Рабинович, 1988. С. 147–148). Выделен на одежде фигурки и широкий пояс, к которому до появления карманов в XVI–XVII вв. привешивались разные необходимые вещи (Рабинович, 1988. С. 177–178). На голове у этой антропоморфной игрушки была небольшая конусовидная шапка. Относится фигурка к XVI в.

Другой фрагмент белоглиняной с покрытием зеленой краской фигурки – грудь солдатика (рис. 6, 5). Хорошо выделена военная форма с наградой в виде креста. Датируется она XIX в.

Итак, коломенские антропоморфные красноглиняные игрушки бытовали во второй половине XV – первой половине XVII в., а белоглиняные – в XVI – XVII вв., исчезая во второй

половине XVII в. Такая тенденция прослежена и в Москве. Она связана с уже упоминавшимся фактом усиления гонений на скomorохов (а фигурки чаще всего изображали именно скomorохов) в середине XVII в.¹

Ярким свидетельством того, что игрушки не есть некие стереотипные поделки, а воплощение народной выдумки, является третий тип коломенских глиняных игрушек – *комбинированные*, которые составляют 2% от общего числа. Все 6 фигурок выполнены из белой глины и расписаны красным ангобом. Комбинированные игрушки – это сочетание сразу нескольких типов: коника, всадника и птички-свистульки, крепившейся на круп коника. Датируются они второй половиной XVI – первой половиной XVII и XVIII в.

Одна из таких игрушек – целая композиция: на коника (длина – 9,5 см, высота – 8,3 см) с птичкой-свистулькой на крупе посажен без седла всадник (рис. 7, 1). У коника хорошо выделены грива и грудка (уши и две ноги его сколоты, сохранился хвостик, мордочка не обозначена). От птички-свистульки осталась небольшая полая часть. Всадник (голова утрачена) руками держится за гриву, его ноги выполнены в виде отходящих от тулова широких полос, постепенно переходящих в туловище коника. Коник, по всей поверхности, рас-

¹ В 1648 г. царь Алексей Михайлович писал в Белгород, что многие люди во время службы в церковь не ходят, а увлекаются плясками скomorохов, игрой на волынках, гудках, пляской в масках (Рабинович, 1978. С. 150).

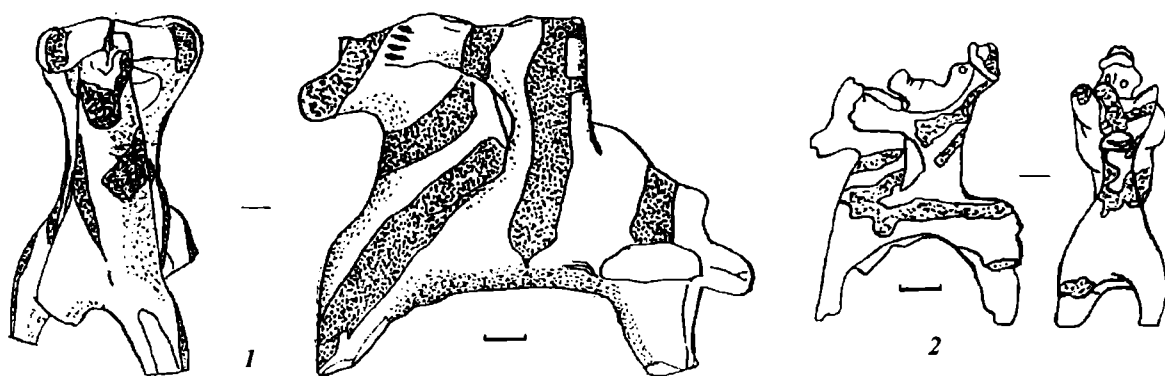

Рис. 7. Комбинированные белоглиняные игрушки

1 – с росписью полосами красным ангобом: коник с птичкой-свистулькой на крупе и всадником (вторая четверть – середина XVIII в.); 2 – с росписью красным ангобом: коник с всадником, играющим на трубе (вторая половина XVI – первая половина XVII в.)

писан широкими вертикальными и косыми линиями красного ангоба, которые заходят и на птичку-свистульку. По бокам всадника идут две вертикальные полосы, соединяющиеся еще двумя линиями на спине; на руках его также нанесены полосы. Возможно, такая роспись красным ангобом передавала одяние всадника. Относится игрушка к XVIII в.

Прямые аналогии именно таким коломенским комбинированным игрушкам находим в московской коллекции (три белоглиняных коника с птичками-свистульками и росписью красным ангобом), датируются они XVIII – XIX вв. (Розенфельдт, 1968. С. 47. Табл. 16, 18, 22, 28). Т. Ф. Мухина в своем исследовании также описывает найденного в Суздале белоглиняного коника с птичкой-свистулькой на крупе и с вертикальными полосами красной краски, датируя его XVII–XVIII вв. (Мухина, 1992. С. 67).

Иная комбинированная игрушка (длина – 5,2 см, высота – 7,7 см), расписанная полосами красного ангоба – коник с всадником в шапке, играющим на трубе (рис. 7, 2) – датируется второй половиной XVI – первой половиной XVII в.

Четвертый тип коломенских игрушек – *погремушки* (136 экз., или 35% от общего числа глиняных игрушек) – по форме подразделяются на 2 вида: дисковидные и шарообразные. Различаются они и по размерам.

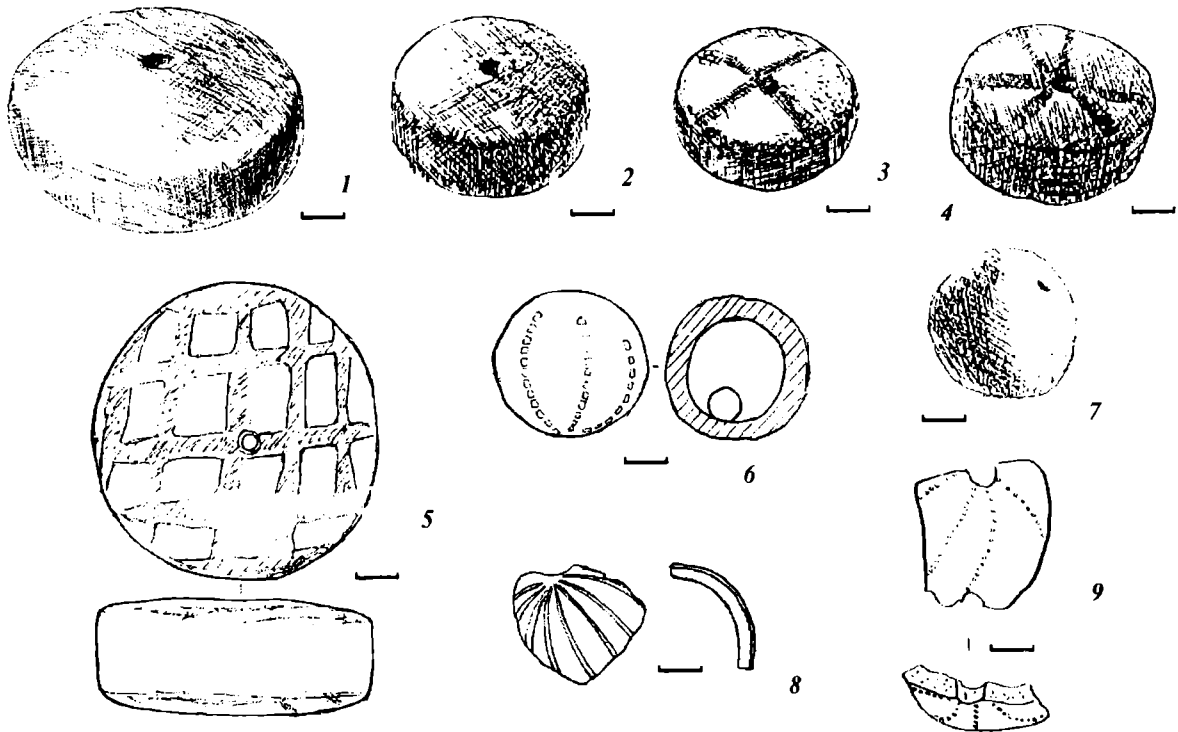
Дисковидные погремушки – это полые диски (низкие цилиндры) с двумя отверстиями, внутрь которых вкладывался глиняный шарик. Дисковидные погремушки делятся на красноглиняные с росписью белым ангобом (5 экз.), белоглиняные (20 экз.) и белоглиняные с росписью красным ангобом (91 экз.).

На смену коломенским красноглиняным дисковидным погремушкам с росписью белым ангобом «в сетку», бытовавшим во второй половине XV–XVI в., приходят белоглиняные, расписанные «в сетку» красным ангобом, существовавшие в XVI – первой половине XVII в. (рис. 8, 5), которые, в свою очередь, сменились белоглиня-

ными с росписью «лучами» красного ангоба, изготовлявшимися во второй половине XVI – XVIII в. (рис. 8, 3, 4) Белоглиняные дисковидные погремушки без росписи относятся ко второй половине XVI – первой половине XVIII в. (рис. 8, 1, 2) Все это говорит о том, что смена красножгущихся глин на беложгущиеся, росписи «в сетку» на роспись «лучами» при производстве дисковидных погремушек происходила не скачкообразно и одномоментно, а постепенно. Поэтому в XVII в., например, встречаются погремушки с росписью и «сеткой», и «лучами». Отметим, что Р.Л. Розенфельдт приводит изображение белоглиняной дисковидной погремушки с росписью «в сетку» и датирует ее XVIII–XIX вв. (Розенфельдт, 1968. С. 47. Табл. 16, 29).

Шарообразные погремушки представляют собой небольших размеров полые шарики с отверстиями или без них (внутри помещалось глиняное ядрышко). Они разделяются на белоглиняные без ангоба (2 экз.), с красным ангобом (1 экз.) и с поливой (17 экз.). Белоглиняные (рис. 6, 7) и белоглиняные с красным ангобом и точечным штампом (рис. 8, 9) шарообразные погремушки XVII в. сменяются более привлекательными поливными (желто-коричневыми, красновато-коричневыми) и орнаментированными (гребенчатый и линейный меридиональные орнаменты) изделиями второй половины XVII – XVIII в. (рис. 8, 6, 8).

Аналогии коломенским шарообразным погремушкам известны в московской и суздальской коллекциях. Среди московских белоглиняных шарообразных погремушек одна, покрытая зеленой поливой (диаметром 3,5 см), относится к XV в. Две других (диаметром 3,5–4 см), с грязно-зеленой поливой, датированы XVII в. (одна из них орнаментирована штампом, схожим с коломенским) (Колызин, 1998. С. 119; Розенфельдт, 1968. С. 53. Табл. 17, 25–26). Пять суздальских белоглиняных и красноглиняных шарообразных погремушек покрыты поливой разных оттенков (желтый, коричневый, зеленый). По-

Рис. 8. Игрушки-погремушки белоглиняные (дисковидные и шарообразные)

1, 2 – дисковидные (конец XVII – первая половина XVIII в.); 3, 4 – дисковидные с росписью «лучами» красным ангобом (вторая половина XVIII в.); 5 – дисковидная с росписью «сеткой» красным ангобом (XVI в.); 6 – шарообразная с желто-коричневой поливой и орнаментацией меридиональным гребенчатым штампом (конец XVIII в.); 7 – шарообразная (XVII в.); 8 – шарообразная со светло-коричневой поливой и меридиональным линейным орнаментом (вторая половина XVII – первая половина XVIII в.); 9 – шарообразная с остатками красного ангоба и меридиональным точечным орнаментом (середина – третья четверть XVII в.)

верхность у них гладкая, ребристая или украшена нарезным орнаментом. Три из них (диаметром – 2–4 см) относятся к XVII в. (Мухина, 1992. С. 67). Однако есть московские шарообразные погремушки, выполненные из красной глины, украшенные пятнами белого ангоба (что совершенно не типично для коломенских игрушек) и датируемые XV–XVI вв. (Колызин, 1998. С. 118).

Несколько игрушек (12 экз., или 3% от общего количества игрушек) оказались не вписывающимися ни в один из выделенных типов в силу своей оригинальности, например, фрагмент красноглиняной с белым ангобом игрушки, изображающей человека на повозке (к сожалению, многие части оказались сколотыми), относящийся к XVI в. (рис. 9, 1). Два хорошо сохранившихся водяных свистка в виде миниатюрных кувшинчиков с длинным носиком (типа «соловей») датируются второй половиной XVII – первой половиной XVIII в. Первый – белоглиняный чернолощенный (рис. 9, 3), второй – белоглиняный с покрытием коричневой и зеленой поливой (рис. 9, 4). В Москве также встречаются аналогичные игрушки, которые исследователи относят к XVII – началу XVIII в. (Колызин, 1998. С. 119).

Два фрагмента белоглиняных с росписью красным ангобом флейт, или свирелей, датируются концом XVII – первой третью XVIII в. На

обеих находках сохранились части одного из отверстий для модулирования звука. К концу XVII – XVIII в. относятся и московские белоглиняные, с росписью красными кольцами, свирели (Колызин, 1998. С. 119).

Белоглиняная статуэтка птицы (высота – 8,3 см, клюв и хвост отколоты), покрытой желтой краской, на подставке (окрашена черной краской) по реалистичной манере исполнения относится уже к художественной керамике (конец XVIII – XIX в.), служившей для украшения жилища (рис. 9, 2).

Исследование коллекции коломенских глиняных игрушек привело к следующим выводам:

1. Обширный ассортимент коломенских керамических игрушек, найденных во всех частях города (кремль и посад) и во всех слоях XV–XVIII вв., позволяет утверждать, что в Коломне существовало собственное производство данной продукции. (Обнаруженный в Коломне в 2000 г. гончарный горн второй половины XVII в. с игрушками и их фрагментами подкрепляет это предположение.)

2. Прослежены аналогии в формах и технологии производства игрушек в Суздале и в географически ближайшем центре гончарного дела – Москве. В.Ю. Коваль сделал вывод, что в XVII в. произошло «разделение гончарного тру-

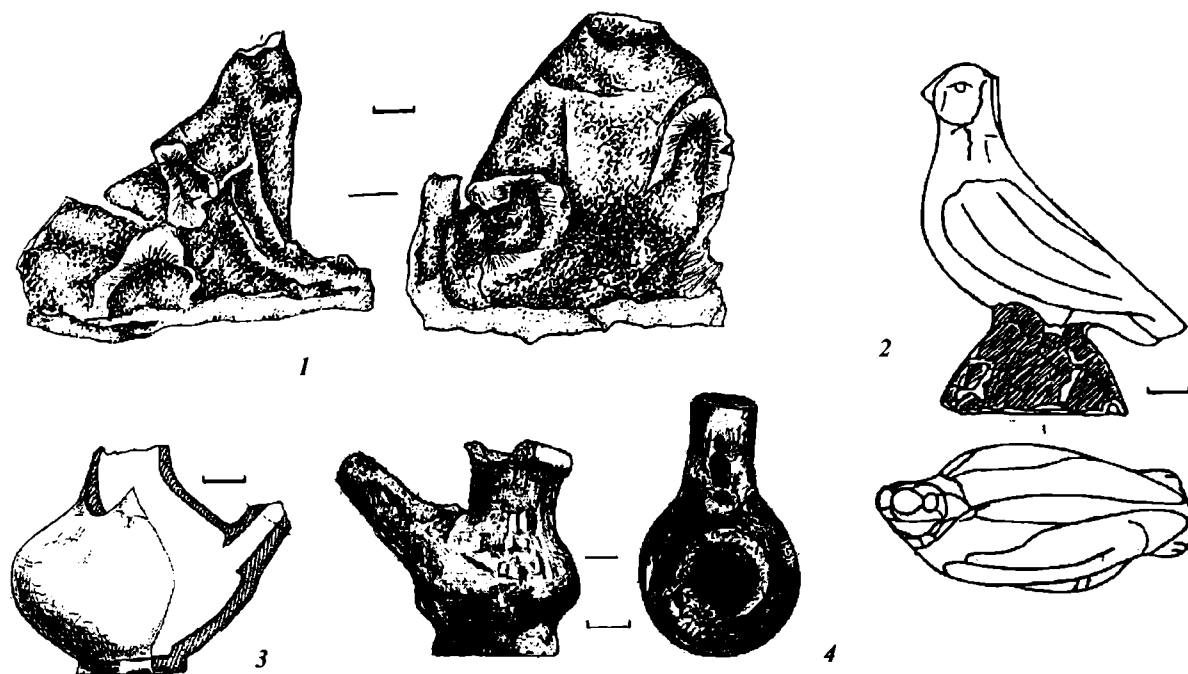

Рис. 9. Прочие виды

1 – красноглиняный фрагмент игрушки (человек на повозке) с покрытием белым ангобом (XVI в.); 2 – белоглиняная птица на подставке (вторая половина XVIII в.); 3 – белоглиняный чернолощенный водяной свисток типа «соловей» (вторая половина XVIII в.); 4 – белоглиняный, покрытый зеленой и коричневой поливой, водяной свисток типа «соловей» (вторая половина XVII – первая половина X в.)

да», когда московские гончары производили технологически сложную и высококачественную, а значит, дорогостоящую столовую посуду и печные изразцы, а кухонную (дешевую) посуду, в частности горшки, поставляла в Москву в XVII–XVIII вв. Коломна (Коваль, 2001. С. 107). Следовательно, можно предположить, что некоторые типы и виды коломенских белоглиняных игрушек (курочки, погремушки, комбинированные игрушки) поставлялись на рынок в Москву в указанные два столетия.

3. Если в XV–XVI вв. преобладали игрушки, выполненные из красных глин, то XVII–XVIII вв. – время доминирования белоглиняных изделий.

4. Прослеживается тенденция постепенного перехода от натуралистичных игрушек XV–XVII вв., отображавших бытовые реалии (конники с росписью, изображавшей узду, попону;

скоморошьи медведи с ошейниками и намордниками; фигурки скоморохов с обозначенной одеждой) к стилизованным поделкам XVII–XVIII вв. и игрушкам, технологически более простым (игрушки-погремушки).

5. Во второй половине XVIII – начале XIX в. производство собственно глиняных игрушек в Коломне заканчивается, что объясняется освоением и использованием нового сырья (фаянса и фарфора), из которого изготавливается уже художественная керамика (разнообразные статуэтки).

6. На бытование игрушки самое активное влияние оказывала и повседневная реальность (хозяйство и быт), и общественно-политическая жизнь в стране (исчезновение скоморошских игрушек-медведей и антропоморфных игрушек в виде скоморохов во второй половине XVII в. в связи с гонениями на последних).

Литература

- Владимирская Н. С., 1987. Художественная керамика XVIII века из Алевицова рва на Красной площади // ГММК МИИ. Вып. V. М.
- Динцес Л. А., 1936. Русская глиняная игрушка. Происхождение, путь исторического развития // Тр. Института антропологии, этнографии и археологии. Археологическая серия 3. М.–Л.
- Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Колызин А. М., 1998. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // РА. № 2.
- Морозова Н. А., 1990. Игрушки Древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород.
- Мухина Т. Ф., 1992. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. в суздальских археологических коллекциях // Городские чтения. Матер. науч. конф. Городец.
- Рабинович М. Г., 1978. Очерки этнографии русского феодального города. М.
- Рабинович М. Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.
- Розенфельд Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. М.

Руденков М.М., 1995. Керамическая игрушка средневековой Коломны. Дипломная работа. Хранится на Историко-филологическом факультете Коломенского государственного педагогического университета. Коломна.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М.

Фехнер М.В., 1949. Глиняные игрушки московских гончаров (по материалам раскопок ГИМ 1946 г.) // МИА. № 12. М.

Хорошев А.С., 1998. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород.

Приложение

Типология, количество и распределение по материалу коломенских глиняных игрушек

Тип глины и тип игрушки	Серо-глиняные	Красно-глиняные	Красно-глиняные с ангобом	Бело-глиняные	Бело-глиняные с ангобом	Черно-лощенные	Поливные
Коники	1	4	41	18	16		4
Птички-свистульки		1		3	6		
Курочки-свистульки	1			14	36		
Уточки-свистульки				2	2		8
Барашки				12	23		
Зверушки-свистульки					2		
Медведи		2	1	14	1		
Собачки					2		1
Корова-свистулька					1		
Дисковидные погремушки			5	20	91		
Шарообразные погремушки				2	1		17
Антропоморфные		1	7	1*	4		1
Комбинированные					6		
Прочие виды		1	2	1**	2	4	2
Всего (% от общего числа)	2 экз. (0,5%)	9 экз. (2%)	56 экз. (15%)	87 экз. (23%)	193 экз. (50%)	4 экз. (1%)	33 экз. (8,5%)

* – белоглиняная с остатками зеленой краски;

** – белоглиняная с желтой и черной краской.

Пропорции керамических сосудов XII–XIX веков из раскопок в городе Дмитрове

Керамические сосуды составляют самую массовую группу изделий из керамики, однако из-за того, что они встречаются в культурном слое в основном в виде осколков, типология и хронология сосудов строится преимущественно на морфологических или технологических особенностях отдельных частей сосудов, прежде всего, венчиков. По этой причине морфологическим особенностям целых форм уделяется слишком мало внимания. Однако, если рассматривать динамику изменения сосуда в совокупности всех его частей, можно отметить стабилизацию одних элементов сосуда и модификацию других. Например в московской керамике у красноглиняных горшков тип венчика окончательно сформировался к началу XV в. и оставался практически неизменным до XVII в., в тоже время форма и параметры горшка претерпевали существенные изменения (Бойцов, 1991. С. 37. Рис 1). Следовательно, при изучении керамической посуды необходимо не только детальный подход на уровне типологии отдельных элементов, но и рассмотрение полных форм сосуда, абстрагируясь при этом от хронологии и морфологии других частей.

При изучении целого сосуда важна не только форма, но и математические характеристики его пропорций, т. к. они отражают действующие в данном месте и времени стандарты. Для анализа пропорций были взяты следующие формулы: 1 – общие пропорции сосуда (H/D^1), 2 – пропорции тулова (ht/D), 3 – крутизна плечика ($hD/hT-D$), 4 – величина плечика (dsh/D), 5 – общие пропорции шейки (горла) (hsh/dsh), 6 – высотный показатель шейки (горла) (hsh/ht), 7 – донный показатель (dd/D), 8 – высотный показатель наибольшего диаметра (hD/hT). Все приведенные формулы показывают простейший вид функциональной зависимости. Полученное в ходе вычислений соотношение делимого и делителя называется коэффициентом пропорциональности (далее – коэффициент) (Математический энциклопедический словарь, 1988. С. 502).

Недостатком простейших формул является то, что они не всегда достаточно корректны. Если

рассмотреть наиболее часто применяемые исследователями общие пропорции сосуда H/D , то у морфологически однотипных сосудов они могут быть совершенно разными. В качестве примера можно взять 4 однотипных белоглиняных горшка разного размера (большой, средний, малый и самый маленький) – самые распространенные в Москве в XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 107. Таб. 15. Рис. 16). Коэффициент H/D имеет показатель 0,66 для большого горшка; 0,59 – среднего; 0,64 – малого и 0,56 – для самого маленького, что составляет достаточно большую разницу (0,1) между большим и маленьким горшками со средней величиной 0,61. Это связано с тем, что шейка маленького горшка очень низкая. Более объективно отражает пропорции разноразмерных горшков формула $(ht)/D$ (Shepard, 1961. P. 236–244). При ее применении разница коэффициентов между наибольшим и наименьшим горшками уменьшается вдвое, составляя всего 0,05, а средний показатель всех 4-х горшков достигает 0,52. Таким образом, в целях коррекции значительного расхождения коэффициентов разноразмерных, но однотипных по форме, сосудов вместе с «простейшей» основной формулой желательнее применять дополнительную.

Подобные недостатки в той или иной степени можно отметить и у других коэффициентов пропорций сосудов, однако нельзя считать, что возможности «традиционных» математических формул полностью исчерпаны. Во-первых, для сравнения не всегда есть достаточное количество сосудов, представляющее весь хронологический спектр; во-вторых, зачастую сравниваются совершенно разнотипные формы; в-третьих, возможен как этап длительной стабильности форм, так и переходный этап поиска новых стандартов.

Необходимо также отметить, что простейшие математические пропорции не отображают форму сосуда (конус, овалонд, параллелепипед имеют одинаковые пропорции при одинаковой высоте и диаметре (ширине)). Таким образом, ни одна простейшая формула не передает кривизну стенок (выпуклость, вогнутость и т. п.) сосудов,

¹ H – высота сосуда, D – наибольший диаметр сосуда, ht – высота тулова (от дна до начала шейки (горла)), hD – высота наибольшего диаметра, hT – D – разница между высотой тулова и высотой наибольшего диаметра, dsh – диаметр шейки (горла) в точке соединения с туловом, dd – диаметр дна.

поэтому необходимо для точности сравнения разделять тулова сосудов на типы. За основу для выделения типов были взяты геометрические тела вращения, которые делятся на простые (эллипсоид, конус, цилиндр) и комбинированные (эллипсоид + цилиндр, конус + цилиндр, и т. п.) (Shepard, 1961. 230–235. Fig. 23).

Для анализа целых форм были отобраны керамические сосуды из раскопок Подмосквовской археологической экспедиции в 2001–2003 гг. в Дмитрове, датируемые серединой XII – серединой XIX в. Большинство сосудов, судя по технологическим и морфологическим характеристикам, скорее всего, было изготовлено в Дмитровском районе. Полные формы из раскопок в г. Дмитрове представлены следующими категориями: горшки (29 экз.), плошки (11 экз.), кувшины (5 экз.). Внутри каждой категории с целью проведения сравнительного анализа было выделено несколько типов.

При построении шкал пропорций сосудов основными считались коэффициенты сосуда и тулова (формулы 1, 2). Показатели плечика и высоты наибольшего диаметра (формулы 3, 4, 8) являлись корректирующими для основных пропорций, все остальные дополняли основные показатели. Пропорции сосудов из хорошо датированных другими находками условно закрытых комплексов брались за реперные показатели. Всего таких показателей три: середина XII – первая треть XIII в., конец XV – начало XVI в., вторая половина XVIII в. Данные более широко датированных комплексов отмечались на графиках по степени максимальной близости большинства коэффициентов с коэффициентами, имеющими точную датировку.

Следует также отметить: однотипные и одновременные сосуды представлены в данной выборке не всеми видами размеров (в лучшем случае двумя). К тому же не каждый хронологический период представлен целыми формами. Это, конечно, существенно снижает точность расчетов.

Для горшков были выделены следующие типы тулова (табл. 1):

- тип 1 – усеченный с двух противоположных сторон неправильный эллипсоид, с наибольшим диаметром в верхней половине тулова;
- тип 2 – относится к комбинированным телам вращения и представляет собой в верхних двух третях усеченный с двух противоположных сторон неправильный эллипсоид (с наибольшим диаметром в верхней половине тулова), а в нижней трети – конус или цилиндр;
- тип 3 – усеченный расширяющийся кверху конус.

Горшки 1-го типа самые распространенные и бытуют в течение всего рассматриваемого периода (табл. 1). Соответственно, этот тип представлен наибольшим количеством полных форм (20 экз.). Вплоть до XV в. горшки этого типа формировались из красножгущейся и беложгущей-

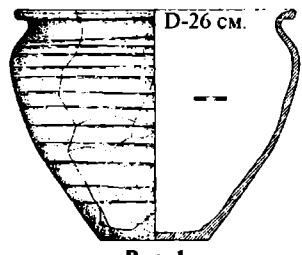
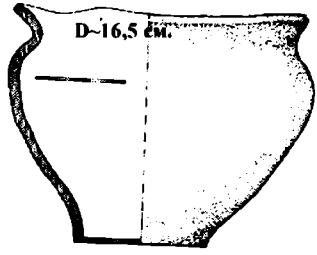
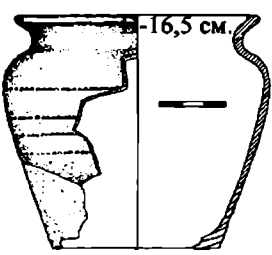
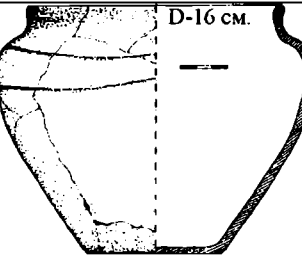
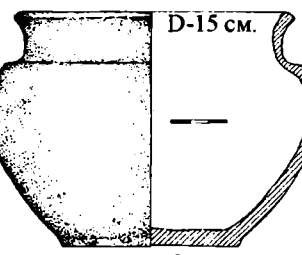
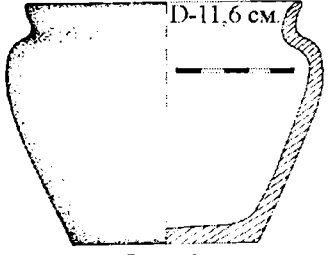
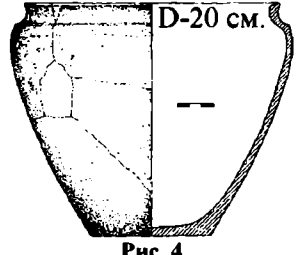
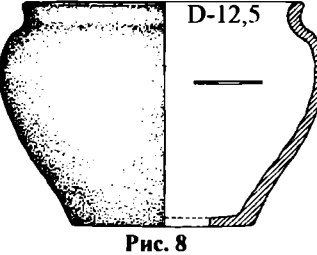
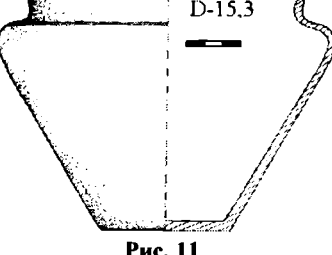
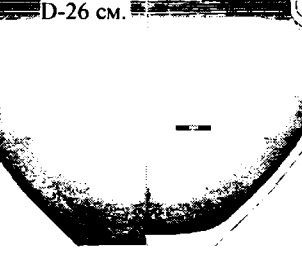
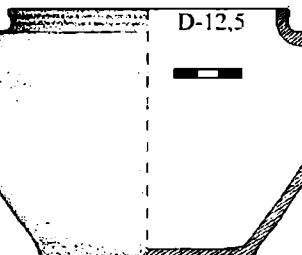
ся глины при абсолютном доминировании красной. С XVI в. применялись только красножгущиеся глины. В качестве отощителя в XII–XIV вв. использовалась дресва; в XV в. – крупный песок и дресва (в небольших количествах); в XVI в. – мелкий песок; в XVII в. – примеси не вводились, а в XVIII–XIX вв. в глину стали добавлять средний и мелкий песок.

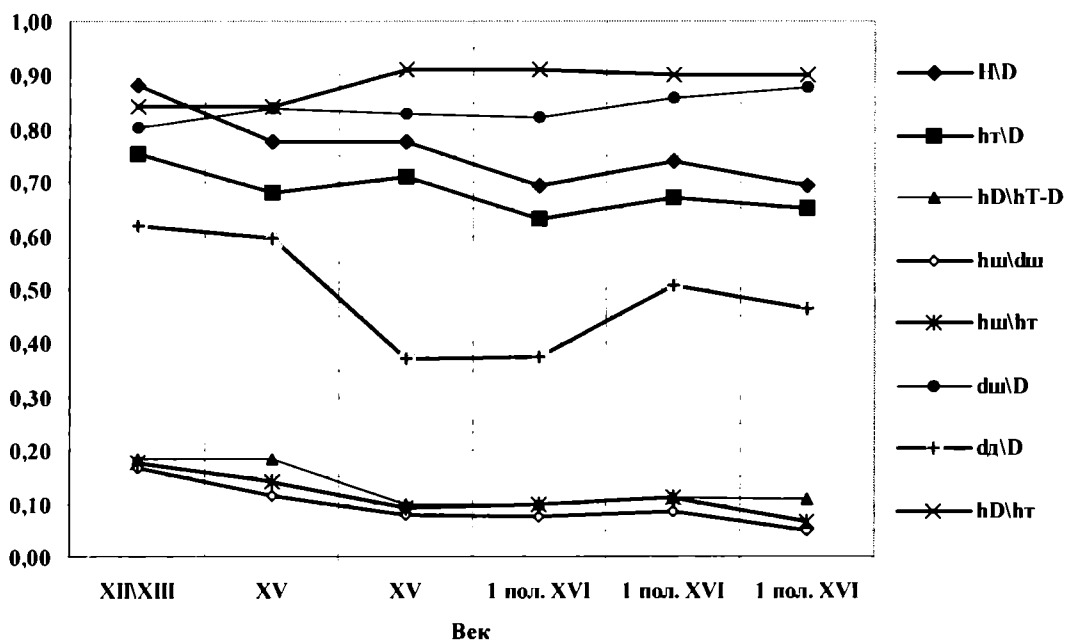
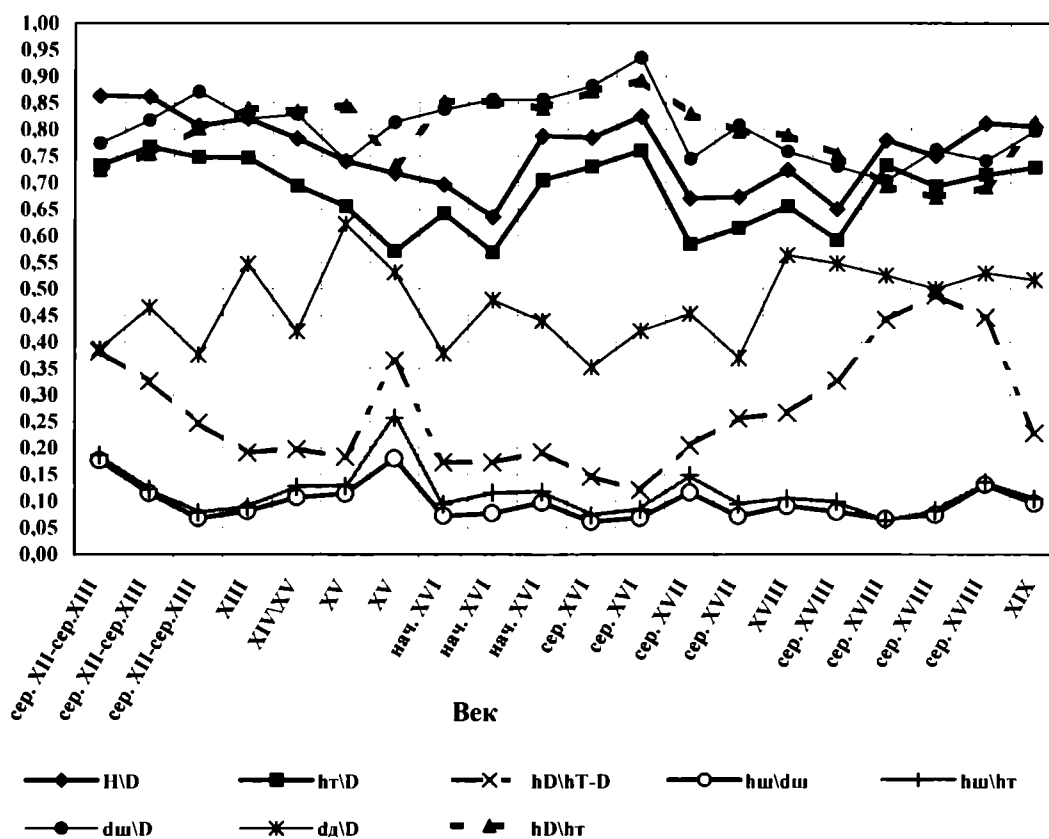
Коэффициент пропорций тулова овальных горшков колеблется от 0,77 до 0,57 (рис. 1), но он не обладает достаточной стабильностью изменений в течение времени, поэтому для построения зависимости изменений пропорций в данном случае необходимо также обращаться к таким показателям, как высотный и параметры плечика. В изменении пропорций тулова можно проследить некоторую цикличность с интервалом около 200 лет, от стройных форм середины XII – XIII вв. с самым высоким коэффициентом hD/D (0,73–0,77) к приземистым второй половины XIV – XV вв. (0,66–0,69). На рубеже XV–XVI вв. приземистость, вероятно, достигает своего максимума (0,57). Однако следует отметить, что этот период, возможно, является этапом становления новых параметров, в следствии чего наблюдается большой разброс пропорций тулова – от 0,57 до 0,70. К середине XVI в. пропорции стабилизируются и достигают среднего значения (0,73). К середине XVII – началу XVIII в. горшки опять становятся более приземистыми (0,60). В середине XVIII в. снова наблюдается нестабильность параметров (0,59–0,73), а к началу XIX в. пропорции вытягиваются и параметры вновь стабилизируются на уровне 0,72. По коэффициенту hD/hT наблюдается тенденция к максимально высокому расположению наибольшего диаметра, от 0,72 в XII в. до 0,89 в XVI в. Такой высокий показатель делает тождественными горшки этого типа с типом 3 (табл. 1, 4). Далее ситуация начинает меняться в сторону приземистости сосудов, и к XVIII в. коэффициент достигает минимума (0,67). Параметры плечика подтверждают изменения коэффициента hD/hT от плечика средней округлости (0,25–0,38) и размера (0,77–0,87) в XII–XIII вв. к крутому (0,11–0,19) и маленькому (0,84–0,94) в XVI в., а затем к максимально большому (0,70–0,80) и округлому (0,27–0,49) в XVIII в.

Донный коэффициент очень не постоянен вплоть до XVII в., только в XVIII в. его показатели стабилизируются и составляют $0,525 \pm 0,025$. (рис. 1, графики dD/D). В пропорциях шейки также не прослеживается достаточно определенной динамики изменений, можно только отметить, что наиболее высокие шейки встречаются до XV в., а самые низкие – в XVIII в. (рис. 1, графики hH/dH , hH/hT).

Таким образом, можно отметить изменение горшков 1-го типа от XII к XVI в. в сторону «конусовидности» и максимального уменьшения плечика. Далее, к XVIII–XIX вв., – в сторону приземистости и максимальной округлости плечика.

Таблица 1. Целые горшки

Век	Тип 1	Тип 2	Тип 3
Сер. XII–XIII	 <p>D-26 см.</p> <p>Рис. 1</p>	 <p>D-16,5 см.</p> <p>Рис. 7</p>	 <p>D-16,5 см.</p> <p>Рис. 9</p>
XIV/XV	 <p>D-16 см.</p> <p>Рис. 2</p>	Нет данных	Нет данных
XV/XVI	 <p>D-15 см.</p> <p>Рис. 3</p>	Нет данных	 <p>D-11,6 см.</p> <p>Рис. 10</p>
XVI	 <p>D-20 см.</p> <p>Рис. 4</p>	 <p>D-12,5</p> <p>Рис. 8</p>	 <p>D-15,3</p> <p>Рис. 11</p>
XVII	 <p>D-26 см.</p> <p>Рис. 5</p>	Нет данных	Вышел из употребления
сер. XVIII	 <p>D-12,5</p> <p>Рис. 6</p>	Нет данных	Вышел из употребления

Горшки 2-го типа представлены всего 3 экземплярами, несмотря на то, что фрагменты сосудов этого типа встречаются на протяжении всего рассматриваемого периода (табл. 1, 7, 8).

До XVIII в. горшки 2-го типа формовались только из красножгущихся глин, с XVIII в. – из беложгущихся и красножгущихся. В качестве отощителя в XII–XIV вв. использовалась дрова; в XV в. –

крупный песок и дресва (в небольших количествах); XVI в. – мелкий песок, а в XVIII в. – средний и мелкий песок.

Построение диаграммы по такой незначительной выборке горшков было нецелесообразным. По основным показателям можно отметить тенденцию к чуть большей приземистости в XVI в. (0,61) относительно XIII в. (0,69). По остальным показателям этот тип практически стабилен, за исключением увеличившегося к XVI в. дна, с 0,46 до 0,55.

Горшки 3-го типа представлены меньшим количеством полных форм (6 экз.), чем тип I (табл. 1, 9–11). До XVI в. эти горшки формовались из красножгущейся и беложгущейся глины, позднее – только из красножгущейся. В качестве отощителя в XII–XIV вв. использовалась дресва, в XV в. – крупный песок и дресва (в небольших количествах), XVI в. – мелкий песок. После XVI в. этот тип горшков выходит из употребления.

Наиболее важными показателями горшков 3-го типа являются пропорции плечика, поэтому при построении шкалы изменений за основу брались именно они (Рис. 2). По вычисленным пропорциям видно: с одной стороны, от XIII к XVI в. происходит увеличение крутизны плечика (от 0,19 к 0,10), а с другой – уменьшение его размеров (от 0,80 к 0,88). По основным параметрам (H/D, ht/D) прослеживаются изменения от вытянутости средней конусовидности в XIII в. (0,88 и 0,75) к максимальной конусовидности в первой половине XVI в. (0,69 и 0,65). В связи с этим высотный показатель наибольшего диаметра тоже достигает максимума (0,91). Нужно отметить, что именно для 3-го типа характерны наибольшие значения этого показателя. У шейки, напротив, в XVI в. наблюдается тенденция к укорачиванию.

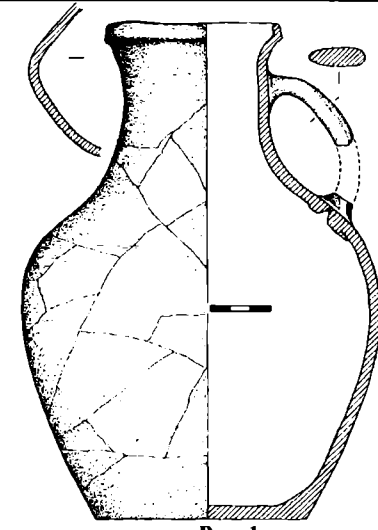
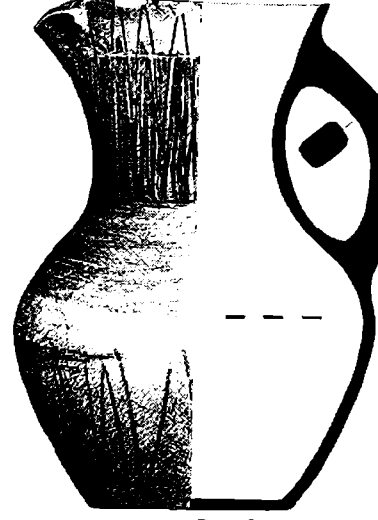
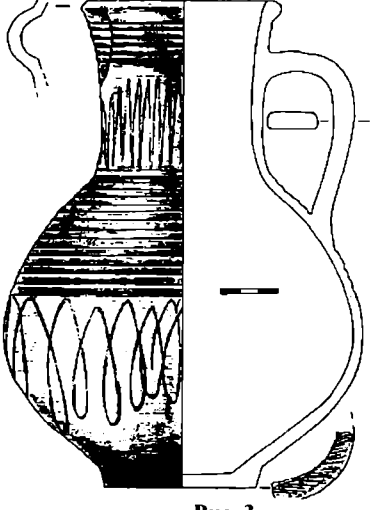
Кувшин – сложный по форме сосуд, состоящий из двух основных частей (тулово и горло), образующих его объем. По сочетанию форм этих двух частей были определены типы кувшинов, найденных в Дмитрове.

Тип 1 – усеченный с двух противоположных сторон эллипсоид тулова с наибольшим диаметром в верхней половине и конусовидное горло (конус, расширяющийся кверху) (табл. 2, 2). У этого типа выделяется подтип с цилиндрическим горлом, слегка расширяющимся в верхней части (табл. 1, 1).

Тип 2 относится к комбинированным телам вращения и представляет собой в верхних двух третях усеченный с двух противоположных сторон эллипсоид (наибольший диаметр в верхней половине и середине), а в нижней трети – конус или цилиндр (табл. 1, 3).

Существенными значениями горла кувшина являются только изменения высоты и основания, поэтому формы горла в данном исследовании рассматриваться не будут.

Таблица 2. Кувшины

Век	 <p data-bbox="1088 755 1164 776">Рис. 1</p>
XVI	 <p data-bbox="1088 1308 1164 1330">Рис. 2</p>
XVIII-XIX	 <p data-bbox="1088 1840 1164 1862">Рис. 3</p>

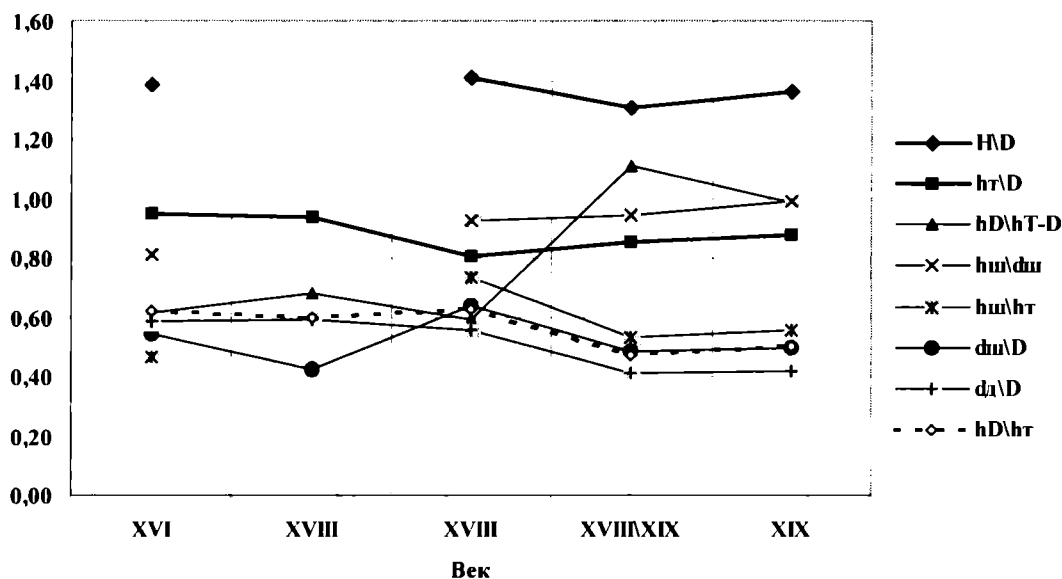

Рис. 3. Кувшины

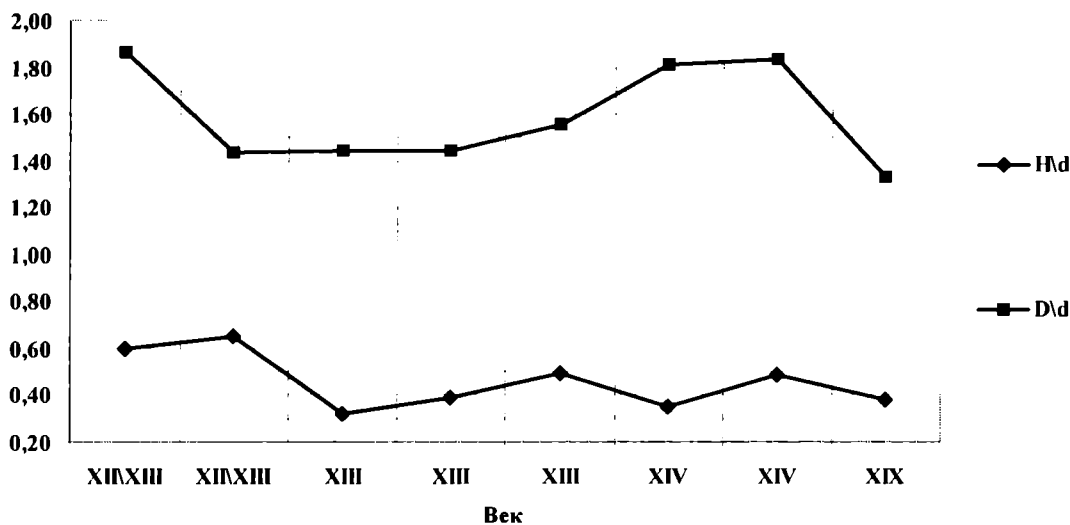

Рис. 4. Плошки

Кувшины начали изготавливать только в XVI в. Сначала из красножгущихся глин с примесью песка, позднее, с XVII в., – без примесей. В XVI в. применялся окислительный обжиг, очень редко – восстановительный, еще реже поверхность кувшинов залащивалась. В XVIII–XIX вв. гончары полностью перешли на восстановительный обжиг, лощение стало обязательным.

Сравнение кувшинов по отдельным типам не проводилось, т. к. тип 2 бытовал очень короткое время (середина XVIII – середина XIX в.) и условно его можно отнести к этапу развития 1-го типа (рис. 3). Тулово у кувшинов изменялось от вытянутого в XVI в. к максимально «шаровидному» в конце XVIII – середине XIX в. Особенно наглядно это прослеживается по коэффициенту округлости тулова $hD/hT-D$ (от 0,62 к 1,11) и по-

казателю высоты наибольшего диаметра (от 0,62 к 0,47). Высота горла ($hш/ht$, $hш/ду$) в XVIII–XIX вв. увеличивается по сравнению с XVI в. Также наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению дна с 0,59 до 0,41.

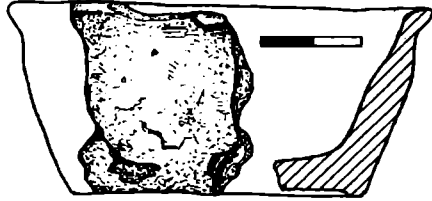
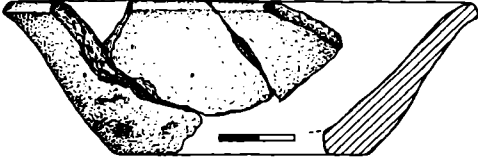

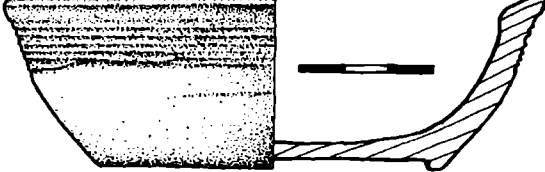
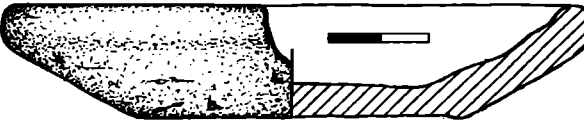
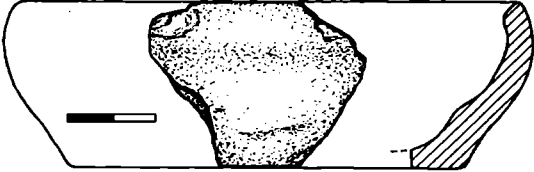
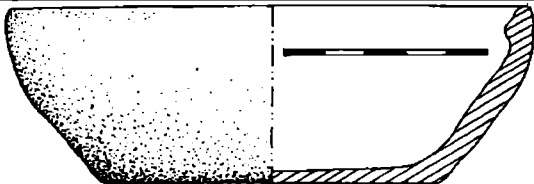
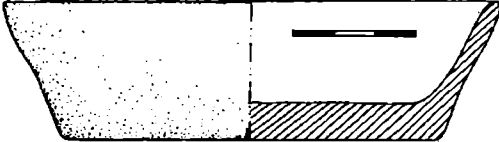
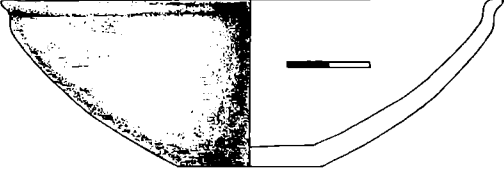
Таким образом, говоря о кувшинах, нужно отметить изменение их тулова от неправильного эллипсоида в XVI в. к «шаровидному» в конце XVIII – начале XIX в., увеличение высоты горла и уменьшение диаметра дна к XVIII–XIX вв.

К *плошкам* были отнесены сосуды высотой до 4,5 см и диаметром венчика до 13 см. У *плошек* выделяется два типа тулова (табл. 3).

Тип 1 – усеченный конус, расширяющийся кверху.

Тип 2 – усеченный с двух противоположных концов оваловид.

Таблица 3. Плошки

Век	Тип 1	Тип 2
XII/XIII	 <p data-bbox="489 466 550 491">Рис. 1</p>	<p data-bbox="1029 363 1161 389">Нет данных</p>
	 <p data-bbox="489 663 550 689">Рис. 2</p>	<p data-bbox="1029 583 1161 608">Нет данных</p>
XIII	 <p data-bbox="489 846 550 872">Рис. 3</p>	<p data-bbox="1029 774 1161 800">Нет данных</p>
	 <p data-bbox="489 1061 550 1087">Рис. 4</p>	<p data-bbox="1029 970 1161 995">Нет данных</p>
XIV	 <p data-bbox="489 1229 550 1255">Рис. 5</p>	<p data-bbox="1029 1161 1161 1187">Нет данных</p>
XVI	<p data-bbox="424 1357 616 1383">Не изготовлялись</p>	 <p data-bbox="1059 1444 1120 1470">Рис. 7</p>
XVIII	<p data-bbox="424 1570 616 1596">Не изготовлялись</p>	 <p data-bbox="1059 1661 1120 1687">Рис. 8</p>
XIX	 <p data-bbox="489 1853 550 1879">Рис. 6</p>	 <p data-bbox="1059 1864 1120 1889">Рис. 9</p>

Плошки формовались из красной глины на протяжении всего периода бытования. В качестве примеси до XIV в. применялась дресва, с XVI в. – песок. В XIX в. отошитель не использовали, сменился режим обжига (он стал восстановительным), а плошки приобрели серый или светло-серый цвет.

Основным критерием для сравнения плошек является степень их открытости (D/d). Для сравнения общих пропорций было взято отношение высоты (H) и диаметра дна (d) (рис. 4).

У плошек 1-го типа прослеживается тенденция изменения от слабо открытых сосудов (1,44), за исключением глубоких, в середине XII – XIII в. к полностью открытым в XIV в. (1,83) (табл. 3, 1–5). После XIV в. плошки этого типа в г. Дмитрове, вероятно, выходят из употребления. Вновь они появляются только в XIX в., имея почти цилиндрический вид. Следует также отметить, что самые ранние плошки (табл. 3, 1, 2) 1-го типа имели большую глубину по пропорциональному показателю H/d (0,60–0,65). К середине XIII – XIV в. этот коэффициент уменьшился до 0,32–0,49.

Тип 2 появляется, вероятно, не ранее XVI в. Плошки этого типа представлены в значительно меньшем количестве (3 экз.), поэтому диаграмма для них не строилась. В то же время, можно отметить, что у плошек 2-го типа наблюдается та же тенденция, что и у типа 1: от закрытых форм (1,32) к максимально раскрытым (3,43) (табл. 3, 7–9).

В целом по диаграммам можно отметить, что именно применение нескольких формул позволяет выявить, пропорции какой части сосуда имеют наибольшие отличия от предыдущего и последующего этапов развития формы однотипных сосудов. По диаграммам также видно, что при сравнении простых сосудов, близких по размерам, нет необходимости использовать коэффициенты вспомогательных формул, т. к. они практически повторяют показатели основных формул с разницей на соответствующий порядок.

Эти формулы необходимы для уменьшения погрешности при сравнении однотипных, но разноразмерных, сосудов, или при сравнении сложных (кувшинов, крынок и т. п.). Насколько были типичны или не типичны описанные тенденции изменения пропорций сосудов Дмитрова для центральной части России, сказать сложно: с одной стороны, шкалы пропорций сосудов по областям отсутствуют, с другой – в зависимости от региона различаются сами эти пропорции. Так, например, при сравнении пропорций однотипных и одновременных сосудов из Ростиславля Рязанского (Коваль, 2001. С. 101) и Москвы разница по основным показателям может достигать 0,30, а по остальным еще больше. Также значительную разницу в показателях можно отметить при сравнении сосудов из Дмитрова с сосудами из Москвы и Ростиславля Рязанского. Такое расхождение, скорее, свидетельствует о существовании своих стандартов в каждом регионе. Интересно отметить и такой факт: даже в XVIII–XIX вв. не установились единые стандарты пропорций керамических сосудов. При сравнении горшков и кувшинов из Дмитрова с аналогичной посудой из Москвы в указанный период разница по большинству показателей доходила до 0,50. Из этого следует, что шкалы пропорций сосудов будут достаточно корректными, если они построены на данных одного региона, с единым для него центром (или центрами) производства керамической посуды.

Полученные с применением простейших формул пропорции керамических сосудов из Дмитрова достаточно наглядно отражают наиболее яркие изменения, происходившие с сосудами с XII по XIX в. В то же время для детальных сравнений необходимо применение более сложных формул, которые, с одной стороны, позволят снизить погрешности простых формул, с другой – смогут детально отобразить именно форму сосуда, позволят привести к единому знаменателю пропорции сосудов из разных регионов.

Литература

- Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной в Москве // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.
- Математический энциклопедический словарь. М., 1988.
- Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVII вв. // САИ. Вып. Е 1-39.
- Shepard Anna O., 1961. Ceramics for the archaeologist. Washington.

Майоликовые фигурки гжельских заводов (из археологических коллекций МИГМ)

В археологических коллекциях МИГМ хранятся находки майоликовой мелкой пластики, найденные в ходе раскопок и наблюдений в Москве. Эти находки представлены фигурками людей, солдатиков, животных и птиц¹. По сопутствующим находкам в культурном слое (монетам, гладким полихромным и синим расписным изразцам), а также с учетом характера керамики и отсутствия фрагментов фарфора, они имеют относительную датировку в пределах второй половины XVIII – начала XIX в. и относятся к гжельскому производству. Производство майолики начинается в Гжели в 1750-х гг. и прекращается после 1812 г., с появлением там фарфоро-фаянсовых мануфактур (*Салтыков*, 1962. С. 205–211). Действительно, в описании Московской губернии того времени сообщалось, что в Гжельской волости «...почти все упражняются в делании муравленой и глиняной посуды, горшков, *кукол* (курсив мой. – *А.П.*), которые и привозят на продажу в Москву и другие губернии». В те годы там насчитывалось 25 заводов, производивших посуду (*Чеботарев*, 1787. С. 161, 179).

Подобные изделия мелкой пластики, являясь персонажами реального мира, уменьшенными до игрушечного размера, воспринимались как курьез, забавный сюрприз. В русской мемуарной и эпистолярной литературе они назывались «фигурки», «статуйки», или, чаще всего, «куклы», причем, слово «кукла» являлось одним из определений мелкой пластики и имело второе значение – «детская игрушка» (*Соснина*, 1998. С. 31–37).

В археологических коллекциях МИГМ майоликовые фигурки представлены 11 фрагментами (рис. 1; 2), которые можно разделить на две группы: антропоморфные и зооморфные.

К группе антропоморфных изделий относятся 6 образцов. Фигурка женщины (голова утрачена), найденная при археологических наблюдениях в 1984 г. на Кадашевской набережной у д. № 6/1 (рис. 1, 7)², изображала горожанку, видимо, купчиху, одетую в длинную широкую юбку с подвернутым передником и короткую

душегрею. Ее левая рука опущена вдоль тулова, правая, согнутая в локте, на груди. Юбка и передник выписаны зелеными и синими вертикальными полосами. Одежда из подобных мануфактурных тканей в полоску вошла в моду с 1790-х годов, с эпохи Великой французской революции. Надетая сверху белая короткая душегрея с рукавами до локтя оторочена мехом, обозначенным на фигурке желтыми полосками.

Фигурка мужчины (голова и нижняя часть утрачены), найденная при археологических раскопках в 1995 г. на Малой Бронной улице (рис. 1, 4), представляла стоящего мужчину, одетого во фрак зеленого цвета, фалды которого рельефно выделены сзади, и белые длинные панталоны. Его руки, с широко раздвинутыми локтями, засунуты в карманы панталон. Точками коричневого цвета обозначены спереди пуговицы, и такого же цвета линиями – короткая, чуть выше пояса, жилетка и рукава фрака. Фрак в России появляется в начале 1770-х гг. (*Русский костюм...*, 1960. С. 17) и вытесняется из моды в 1820-х гг. сюртуком. Длинные белые панталоны также характерны для начала XIX в.

Фрагмент фигурки крестьянина (сохранились голова и плечи) в зимней шапке был найден в 1995 г. во время раскопок на Таганской улице (д. № 34) (рис. 1, 5). Шапка выделена коричневым цветом, одежда – пятнами зеленой краски. Коричневым цветом прорисованы пером на лице глаза и рот. Судя по относительно небольшим размерам, этот фрагмент мог являться частью скульптурной группы, аналогичной, например, композиции «Франт на дрожжах»³ (Гжель, 1989. С. 21).

К военным фигуркам относятся 3 фрагмента: головы с условно выполненными военными головными уборами времен правления Павла I и Александра I (конца XVIII – начала XIX в.).

Первый фрагмент – голова солдата в высокой гренадерской шапке – найден в 1975 г. при археологических наблюдениях на ул. Л. Толстого (рис. 1, 1)⁴. Шапка выделена желтым цветом,

¹ В настоящее время насчитывается около 80 экземпляров аналогичных майоликовых фигурок и их фрагментов в музейных собраниях ГИМ, Государственного Русского музея, Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века», Государственного Эрмитажа, Художественно-педагогического музея игрушки (г. Сергиев Посад) и Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль».

² МИГМ. Оф. № 27500/430.

³ ГИМ. № 335 фс.

⁴ МИГМ. Оф. № 24675/1365.

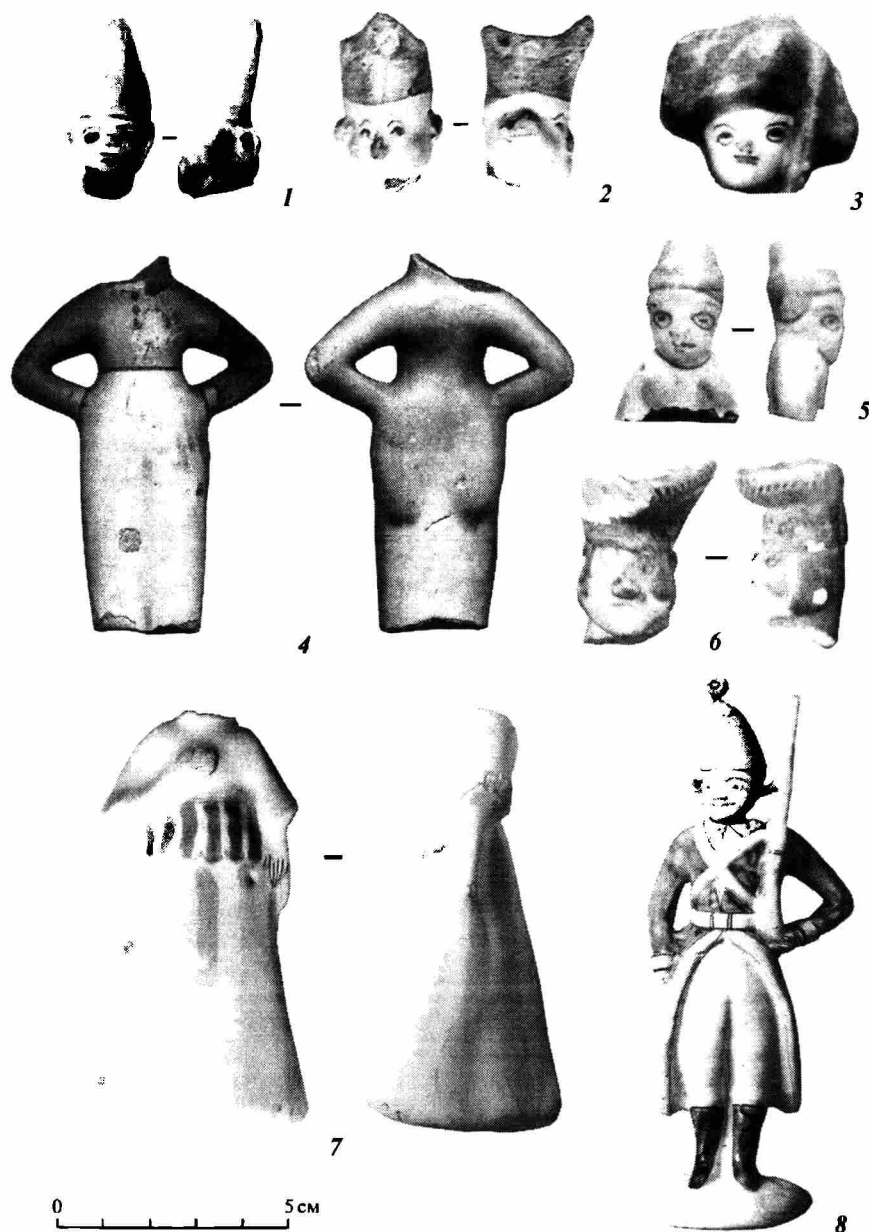

Рис. 1. Антропоморфные фигурки

высокий воротник мундира – синим, коричневым цветом прорисованы глаза, рот и нижний край шапки; рельефом обозначены букли и косичка сзади под шапкой. Такие гренадерские шапки с вызолоченной передней бляхой, букли и косички были введены при Павле I (Военная одежда..., 1994. С. 117). Подобная фигурка больших размеров, находится в собрании Государственного Эрмитажа⁵ и считается гжельским производством (рис. 1, 8) (Григорьева, Дулькина, 1988. С. 65).

Еще два образца были найдены при археологических раскопках в устье р. Яузы в 1947 г. Первый из них – голова солдата в гренадерском

кивере (рис. 1, 2)⁶. Кивер и глаза фигурки обозначены фиолетовым цветом. Такой головной убор был введен в русской армии Александром I в 1807 г. (Военная одежда..., 1994. С. 141). Букли, отмененные уже к этому времени, были выполнены мастером, вероятно, по ошибке. Второй образец – голова офицера в треугольной шляпе также фиолетового цвета (рис. 1, 3)⁷. Треугольные шляпы являлись частью формы одежды офицеров большинства полков в конце XVIII в. (Военная одежда..., 1994. С. 89–128).

Отдельно следует отметить фрагмент фигурки (голова мужчины в колпаке-«валенке»), найденный в 1988 г. при наблюдениях на ул. Б. Ор-

⁵ ГЭ. № рф 1837.

⁶ МИГМ. Оф. № 8274/207.

⁷ МИГМ. Оф. № 8274/206.

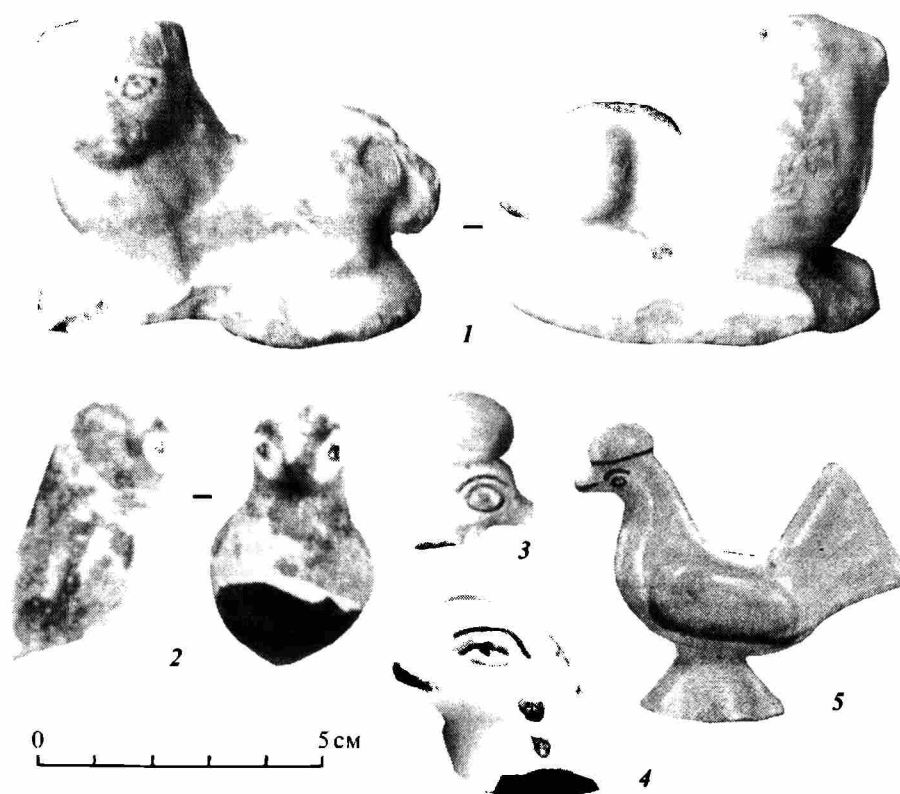

Рис. 2. Зооморфные фигурки

дынка (д. № 39) (рис. 1, 4)⁸. Он выполнен не из глины, а из серой полуфаянсовой массы, но по технологии майолики: роспись нанесена по сырой эмали. В росписи использовано два цвета – зеленый (окись меди) и коричневый (окись марганца). Хотя черты лица переданы не типичной для гжельских фигурок росписью, а рельефом, допустимо его гжельское, но более позднее производство, видимо, в 1810–1820-х гг.

К зооморфной группе относятся целая фигурка льва и 3 фрагмента фигурок птиц: воробья, петуха и голубя.

Фигурка льва, найденная в 1959 г. во время раскопок в Кремле в верхнем слое вместе с монетами 1800 и 1801 гг., может быть датирована концом XVIII – началом XIX в. (рис. 2, 1)⁹. Животное представлено лежащим в спокойной позе, с повернутой влево головой, грива и хвост на спине выделены желтым цветом. Образцом для этой фигурки могли служить скульптурные пары львов, в XVIII в. стоявшие иногда «на страже владений» у въездов в дворянские усадьбы в Москве или Петербурге, где бывали гжельские крестьяне, занимавшиеся торговлей майоликовой посудой. Две подобные фигурки известны в собрании Государственного Русского

музея: лев, сидящий на овальном основании и лев, лежащий на прямоугольном основании с положенной на шар лапой и повернутой вправо головой¹⁰ (Художественная керамика..., 1987. С. 74).

Фрагмент фигурки воробья (сохранилась головка с верхней частью тулова) был найден при раскопках Казанского собора на Красной площади в 1992 г. (рис. 2, 2)¹¹. Он имеет реалистичную прорисовку оперения коричневато-фиолетового оттенка, выполненную по белой эмали окисью марганца.

Головка, по-видимому, петуха с округлым желтым гребешком найдена при наблюдениях на Кремлевской набережной в устье р. Неглинной в 1955 г. (рис. 2, 3)¹² в верхнем горизонте, связанным со строительством в 1817–1819 гг. подземной трубы для р. Неглинной и нивелировкой поверхности (Сытин, 1972. С.103). Она имеет близкую аналогию с фигуркой из коллекции майолики ГИМ (рис. 2, 5) (Салтыков, 1962. Табл. 67, б).

Фрагмент головки голубя найден при археологических раскопках в 1995 г. на ул. Таганская (д. № 34), датируется он концом XVIII – началом XIX в. (рис. 2, 4).

⁸ МИГМ. Оф. № 29068/83.

⁹ МИГМ. Оф. № 24661/345.

¹⁰ ГРМ. ФС-451, ФС-1306.

¹¹ МИГМ. Оф. № 29987/752.

¹² МИГМ. Оф. № 29068/71.

Описанные фрагменты игрушек можно отнести к изделиями мастерских Гжели второй половины XVIII – начала XIX в. не только на основании археологических данных, но и по характерным технологическим и стилистическим признакам. Все они изготовлены из светложгущихся сортов глин, имеющих в изломе красно-желтый оттенок. Подобная формовочная масса приготавливалась из двух сортов глин: «ширевки» – жирной красной глины, добывавшейся у д. Коняшино по реке Гжелке, и «меткомелинки» – песчаной желтой глины, которая копалась близ д. Меткомелино. В размоченном состоянии 2 части «ширевки» смешивались с 1 частью «меткомелинки» (Нентцель, 1864. С. 6–8).

Судя по сколам, формовка фигурок производилась методом наминания глины в две отдельные формы с последующим соединением во влажном состоянии извлеченных из них глиняных половинок. При этом внутри готовой фигурки образовывалась полость, так что разлом фигурки зачастую происходил по линии стыка этих половинок. Сформованные таким образом и подсушенные, изделия подвергались первому обжигу в горне, после чего они покрывались белой непрозрачной легкоплавкой глазурью и расписывались. Для росписи использовали краски четырех цветов на основе окислов металлов: синий – окиси кобальта, зеленый – окиси меди (с XVIII в. – хрома), желтый – окиси сурьмы,

фиолетово-коричневый – окиси марганца. Расписанные по глазури изделия обжигались в горне второй раз (Нентцель, 1864. С. 6–8).

В пластике форм и росписи рассмотренных изделий просматривается стилистическое сходство с аналогичными фигурками гжельского производства из музейных собраний. Они также имеют фронтальное представление, обобщенность форм, передачу одежды рельефом. В декоре использовалась та же цветовая гамма для обозначения одежды и головных уборов, черты лица прорисовывались пером.

Необходимо отметить находку 16 аналогичных майоликовых фигурок и их фрагментов на Васильевском спуске, у Алевизова рва, между Москворецкой и Спасской башнями, в 1977 г. (Владимирская, 1987. С. 151–162). По-видимому, в конце XVIII – начале XIX в. здесь находилась торговая лавка, где продавались посуда и фигурки.

Таким образом, представленные майоликовые фигурки, найденные при археологическом изучении культурного слоя Москвы, свидетельствуют о разнообразии ассортимента этих изделий гжельских мастерских и, в некоторой степени, дополняют музейные коллекции. Факт находок подобных фигурок в разных частях Москвы свидетельствует о широком их бытовании и, видимо, значительном производстве в Гжели в конце XVIII – начале XIX в.

Литература

- Владимирская Н.С., 1987. Художественная керамика XVIII века из Алевизова рва на Красной площади // ГММК МИИ. Вып. 5. М.
- Военная одежда русской армии. М., 1994.
- Гжель: Керамика 18–19 вв. Керамика 20 в. М., 1989.
- Григорьева Н.С., Дулькина Т.И., 1988. Керамика Гжели XVIII–XX веков. Л.
- Нентцель А., 1864. Очерки Гжели // Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии. М.
- Русский костюм 1750–1917. Вып. 1. М., 1960.
- Салтыков А.Б., 1962. Майолика Гжели // Салтыков А.Б. Избранные труды. М.
- Соснина О.А., 1998. К вопросу о терминологии пластики малых форм (опыт глоссария) // Научные чтения памяти В.М. Василенко. Вып. 2. М.
- Сытин П.В., 1972. История планировки и застройки Москвы. Т. 3. М.
- Художественная керамика Гжели и Скопина в собрании Государственного Русского музея. Л., 1987.
- Чеботарев Х.А., 1787. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. М.

Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы

В результате охранных археологических раскопок, проводимых Центром археологических исследований г. Москвы (ЦАИ), собрано большое количество самых разнообразных вещей. Их состав отражает характер торговли, быта, а также различные виды ремесленного производства средневековой Москвы. Для исследования кожевенно-сапожного ремесла большое значение имеют коллекции кожаной обуви, поскольку массовый характер и сложность ее изготовления требуют концентрации всех технических и технологических достижений своего времени (Курбатов, 1994. С. 189). В Москве эта тема долгое время не привлекала внимания исследователей. Лишь в последние годы был опубликован ряд коллекций «археологической кожи», собранной во время раскопок ЦАИ в центральной части города (Векслер и др., 1997. С. 114–119; Векслер, Осипов, 1997. С. 291–296; 1999. С. 142–151; 2000. С. 150–159; и др.). В данной работе представлен материал из раскопок на ул. Ильинка (Векслер, 1996) и ул. Арбат (Векслер, 1997).

На ул. Ильинка исследования проводились на участке, примыкающем к Красной площади (нагорная часть Великого посада), освоение которого началось еще в домонгольский период (Беляев, 1994. С. 42). Здесь были зафиксированы многочисленные ярусы деревянных мостовых, раскрыты фундаменты прилегающих к улице построек и т. д. (Векслер и др., 1996). Найденная здесь обувь заслуживает самого пристального внимания, поскольку часть ее была обнаружена в культурных напластованиях XIII в., что для Москвы явление достаточно редкое. Кроме того, ценность собранного материала существенно повышает четкая стратификация слоя, обилие датированных находок и серия дендродат (Черных, 1996).

Общая численность данной коллекции насчитывает более 2500 кожаных изделий, включая детали конской упряжи, ножны, рукавицы и ремни, но основная часть находок принадлежит к разрозненным деталям обуви. На некоторых участках по трассе улицы, выявлены локальные скопления в виде обрезков от раскроя. Анализ стратиграфии и вещевого материала дал возможность автору отчета разделить культурный слой на исследуемом участке на пять хронологических горизонтов (Векслер и др., 1996. С. 9), в соответствии с которыми разделялся и исследованный нами материал (табл. 1).

Первый горизонт, представленный огородно-пахотным слоем, сформировался на рубеже XII–XIII вв., до возникновения здесь жилой застройки. Органические материалы, по причине сухости грунта, в нем не сохранились.

Самые ранние находки относятся ко **второму горизонту** культурного слоя, время отложения которого отнесено автором отчета к первой половине XIII в. Детали обуви зафиксированы всего на трех участках уличной трассы¹. Сохранность кожи в слабовлажном грунте довольно плохая. Ниже мы приводим описание кроя и технологию сборки собранных здесь деталей.

Головки (переда) выкроены с округлой формой носка, прямым или слегка вогнутым обрезом верха и короткими скошенными боковинами (рис. 1. 1, 2). С подошвой они скреплялись выворотным швом, с голенищем – тачным.

Задники, найденные во втором горизонте, принадлежат к типу мягкой конструкции. Их форма имеет прямой обрез верха и скошенные боковины. Нижний край прямой или вогнутый (рис. 1. 3, 4). С подошвой задник сшивался выворотным швом, с головкой и голенищем – тачным.

Таблица 1. Статистика найденных деталей кожаной обуви

Горизонт (дата)	Наименование обувных деталей					Низкая обувь
	головки	задники	подошвы	голешища	каблуки	
I (рубеж XII–XIII вв.)	–	–	–	–	–	–
II (1-я пол. XIII в.)	17	11	36	–	–	13
III (2-я пол. XIII – XIV в.)	96	76	169	5	12	5
IV (кон. XIV – XV в.)	152	91	455	9	44	8
V (XVI в.)	283	202	618	7	91	1

¹ Раскоп I (участок 2); зона наблюдения 4; шурф 5.

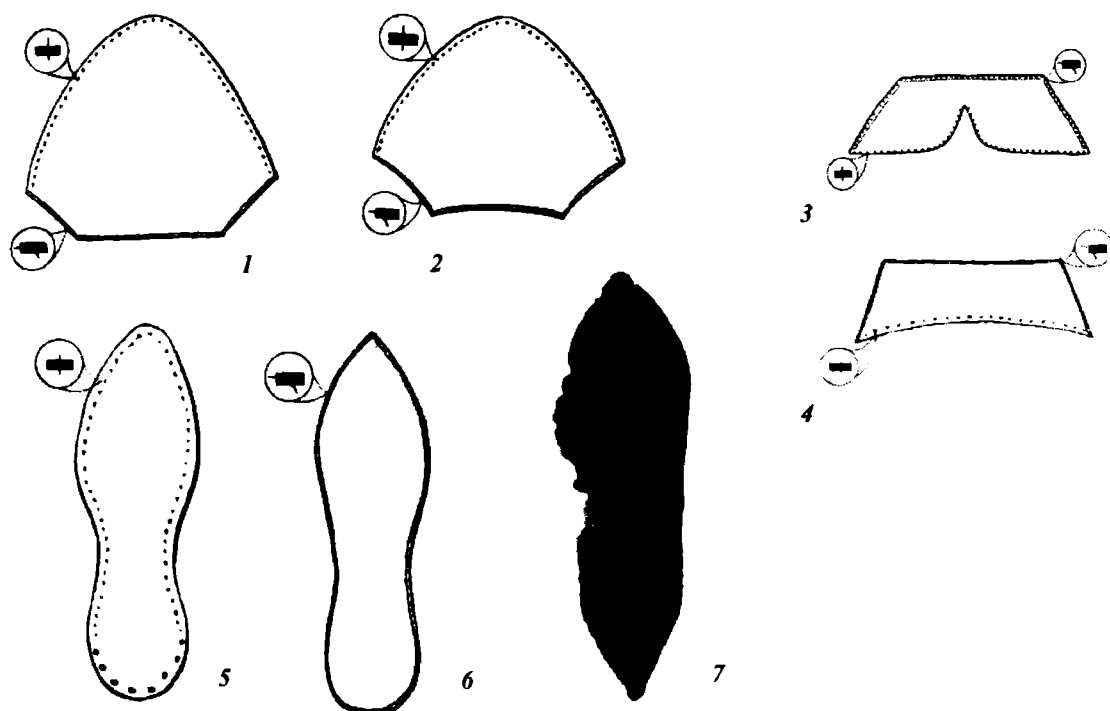

Рис. 1. Ул. Ильинка. Детали кожаной обуви второго горизонта
1, 2 – головки; 3, 4 – задники; 5–7 подошвы

Подошвы, зафиксированные во втором горизонте, представлены двумя формами края:

1) подошвы с хорошо выделенной геленочной частью²; заостренным или округлым носком и округлой пяткой (рис. 1, 5, 6);

2) подошвы с вытянутой, заостренной пяткой (рис. 1, 7).

Основная часть подошв изготовлена из 2–3 слоев тонкой (1–1,5 мм) кожи и прошита по периметру сквозным (сандальным) швом. Две однослойные подошвы скреплены с верхом при помощи тачного шва (рис. 1, 6). Такой способ крепления характерен для низких форм обуви мягкого типа (Курбатов, 1994. С. 189). К низкой обуви относятся шесть обрывков простых поршней и пять фрагментов верха мягких туфель. Тонкая кожа туфель украшена сочетанием продержки и вышивки. К сожалению, плохая сохранность этих находок не позволяет нам реконструировать форму их края.

Культурный слой **третьего горизонта**, датировка которого определена второй половиной XIII – концом XIV в. прослежен на семи участках трассы.³ Этот грунт более увлажнен и насыщен естественными консервантами, что способствует лучшей сохранности кожи.

Голенища представлены пятью фрагментами со скошенным обрезом верха. Их высота составляет 23–25 см, а верхний диаметр равен 12–13 см. Все они относятся к типу двухчастных,

скрепленных по бокам тачным швом (рис. 2, 3). Толщина кожи, используемой для изготовления голенищ, не превышает 2 мм.

Головки, найденные в третьем слое, имеют различную форму края носка и верхнего обреза. Наряду с описанными выше головками с прямым и вогнутым обрезом верха, зафиксированы детали с заостренным верхним обрезом (рис. 2, 2). Толщина кожи, употреблявшейся для изготовления головок, не превышает 2,2 мм.

Задники. Кроме описанных выше форм мягких задников в слое начала XIV в. встречаются задники жесткой конструкции, сшитые в виде кармана с жесткой прокладкой внутри. Форма задники (наружной накладке задника) имеет заостренный верх и скошенные боковины (рис. 2, 1). Отметим, что пропорции этих деталей по высоте и ширине имеют, как правило, соотношение 1:2. С подошвой задники скреплялись сквозным швом.

Подошвы. Наряду с составными подошвами, в данном слое отмечены однослойные подошвы, толщина которых равна 3 мм. Чаще всего встречаются подошвы с заостренным или овальным носком, зауженной геленочной частью и округлой пяткой. Для подошв большого размера характерна слабопрофилированная форма (рис. 2, 4). Основная часть подошв выкроена симметрично, без учета правой и левой ноги. Экземпляры асимметричного края представлены единичными находками. С верхом подошвы они скреплялись сквоз-

² Геленочная часть (перейма) – сужение подошвы в месте свода стопы. Служила для амортизации веса тела при движении.

³ Раскоп I (участки 2, 4, 6); зона наблюдений 4; шурфы 2, 5; участок наблюдений у дома 3/8. строение 5.

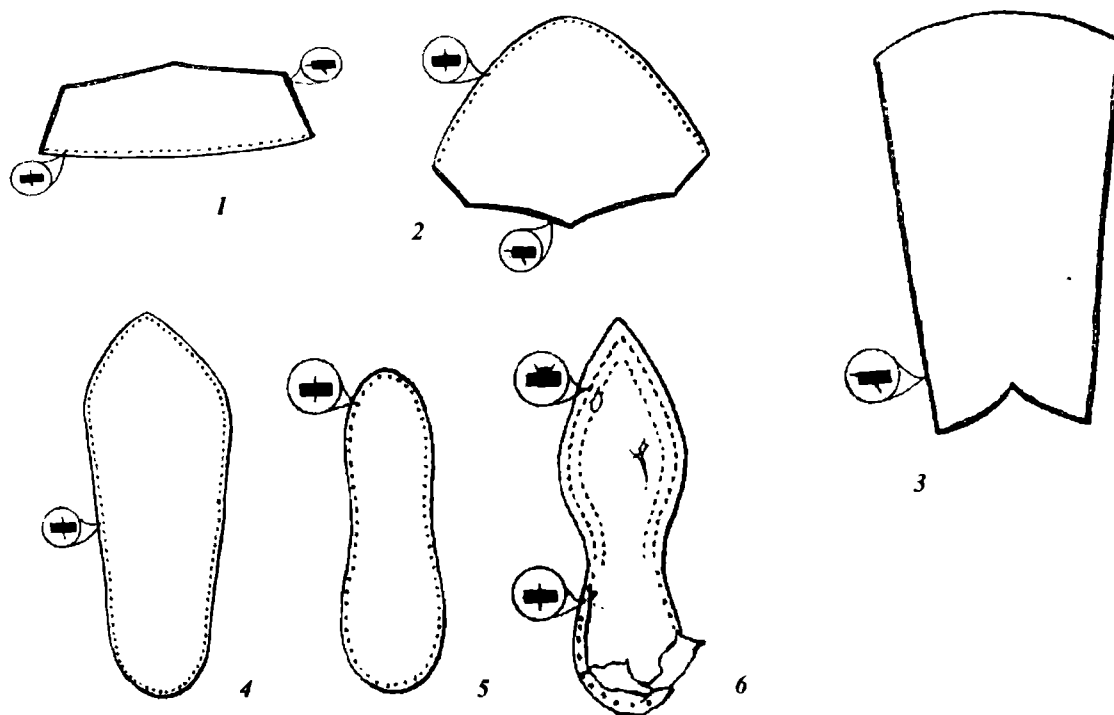

Рис. 2. Ул. Ильинка. Детали кожаной обуви третьего горизонта
1 – задника; 2 – головка; 3 – голенище; 4–6 подошвы

ным швом с подрезкой под нить (рис. 2, 5) и потайным швом, при котором нить проходила в толще кожаного листа (рис. 2, 6).

Кроме сапожных деталей, в слое зафиксировано четыре обрывка цельнокроенных простых поршней, а также фрагмент туфли (в шурфе 3).

Четвертый горизонт, датированный концом XIV–XV в., сохранился на всех исследованных участках трассы. Здесь найдено множество различных деталей, хорошо сохранившихся благодаря повышенной влажности грунта.

Голенища, изготовленные из кожи толщиной до 2 мм, представлены девятью двухчастными фрагментами, скрепленными по бокам тачным швом. Высота голенищ не превышает 27 см, верхний диаметр равен 13 см. У трех деталей в верхней части имеются круглые сквозные отверстия диаметром 20 мм. Отметим находку передней половины голенища с фигурным вырезом в нижней части (рис. 3, 5)⁴.

Головки, собранные в этом горизонте, имеют округлую или заостренную форму носка. В слое второй половины – конца XV в. появляются головки с треугольным вырезом в носочной части, не встречавшиеся в вышеописанных напластованиях (рис. 3, 3). Верхний обрез головок имеет, как правило, вогнутую форму с заостренным выступом в средней части, прямой обрез верха практически не встречается. Толщи-

на кожи, используемая для изготовления головок, не превышает 2,5 мм.

Задники принадлежат к жесткой конструкции, сшитой в виде кармана с берестяным вкладышем. Форма задники трапецевидная с заостренным верхом и скошенными боковинами (рис. 3, 1, 4). Задников мягкой конструкции в этом слое не обнаружено вовсе.

Подошвы различной формы края сделаны из толстой (4 мм) кожи. Чаще других встречаются подошвы с заостренным носком и слегка вытянутой пяткой (рис. 3, 6). Основная часть подошвы выкроена симметрично. Детали асимметричного края представлены единичными экземплярами. Для крепления с верхом используется в основном потайной шов. В пяточной части подошвы подбиты гвоздиками с выпуклыми шляпками диаметром 3 мм. Отдельные экземпляры подошв образуют фигурные набойки гвоздей в пяточной и в носочной части детали. Наряду с подошвами, зафиксировано несколько обрывков вкладных войлочных стелек толщиной 2–3 мм, вырезанных по форме подошвы.

В нескольких местах по трассе улицы⁵ выявлены локальные скопления обувных деталей и отходов от раскроя в виде обрезков треугольной и нитевидной формы, а также негативы от раскроя подошв, обломки сапожных шильев и шарнирные ножницы⁶. Подобные скопления

⁴ В сооружении 3 (участок наблюдений у дома 3/8, строение 5).

⁵ Раскоп 1, участок 4; зона наблюдений 4; шурф 2; шурф 5; зона наблюдений 4; участок у дома 3/8, строение 5.

⁶ В зоне наблюдений шурфа 2, на глубине 340–360 см.

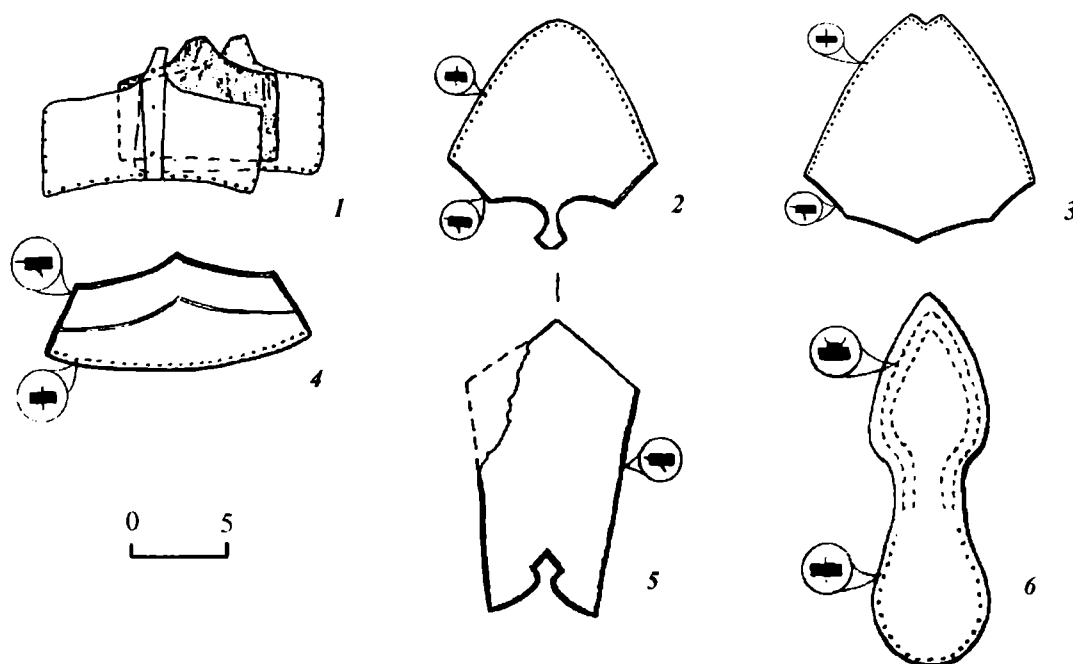

Рис. 3. Ул. Ильинка. Детали кожаной обуви четвертого горизонта
1 – задник; 2, 3 – головки; 4 – задника; 5 – голенище; 6 – подошва

производственных отходов, располагавшиеся обычно в пределах двора, свидетельствуют о наличии сапожной мастерской. К сожалению, удалось исследовать лишь края таких скоплений.

Пятый горизонт культурного слоя, датированный XVI в., зафиксирован на всей трассе. Именно из этого горизонта происходит самая обширная коллекция обувных деталей (табл. 1).

Голенища – обувная деталь, практически не подверженная каким-либо конструктивным изменениям. По форме края и размеру найденные здесь голенища аналогичны вышеописанным деталям.

Головки. Большая часть деталей, найденных в слое XVI в., имеет треугольный вырез в носочной части, заостренный верхний обрез и удлиненные крылья. Такие головки, как правило, украшены линейным тиснением по мерее (рис. 4, 1). Расположение линий, четко вписанных в контур деталей, свидетельствует, что тиснение проводилось по уже готовым выкройкам. Сапоги такого края можно увидеть на гравюре, изображающей Василия III, помещенной в «Записках о Московии» С. Герберштейна (1988. С. 71).

Задники, найденные в заполнении этого горизонта, имеют трапециевидную форму с заостренной верхней частью и скошенными боковинами. Все они сшиты в виде кармана с берестяным или кожаным вкладышем.

Подошвы. Среди разнообразных форм однослойных подошв, изготовленных из толстой (4–5 мм) кожи, наиболее часто встречаются ост-

роносые подошвы с узким геленком и овальной или округлой пяткой (рис. 4, 4–6). В слое третьей четверти – конца XVI в. присутствуют подошвы изогнутые по форме каблука.

Каблуки. В заполнении слоя второй половины – конца XVI в. зафиксированы каблучные флики полукруглой и полуовальной формы, принадлежавшие к наборным каблукам (рис. 4, 2). Кожаные флики толщиной 1,5–3 мм скреплялись между собой дратвой и деревянными шпеньками⁷. В слое конца XVI в. было найдено несколько проволочных спиралей, применявшихся для украшения пяточного ранта (рис. 4, 7).

Кроме обувных деталей, в этом горизонте найдены железные обувные подковки, крепившиеся к каблукам с помощью шипов (рис. 4, 8, 9). Форма подковок и способ крепления указывают на возможность их использования лишь для моделей с наборным каблуком (Векслер и др., 1997. С. 116).

Наконец, в пятом горизонте обнаружены две пары обуви, которые удалось реконструировать⁸. Цельнокроенные остроносые туфли мягкой конструкции были зафиксированы при раскопках некрополя церкви Ильи Пророка⁹. Туфли длиной 27 см согнуты из прямоугольной заготовки толщиной 1,1 мм и сшиты нитью «через край» в носочной части и на пятке (рис. 5). Тонкая кожа, отсутствие какого-либо крепления и характер швов указывают на ритуальный характер этой обуви. Обувь, использовавшаяся специально для

⁷ Шпенька – крепление в виде деревянного гвоздя.

⁸ Реконструкция обуви выполнена Н.И. Чудновской. В настоящее время эти модели экспонируются в Выставочном центре ЦАИ на Старом Гостином дворе.

⁹ Раскоп I, участок 2, погребение 4.

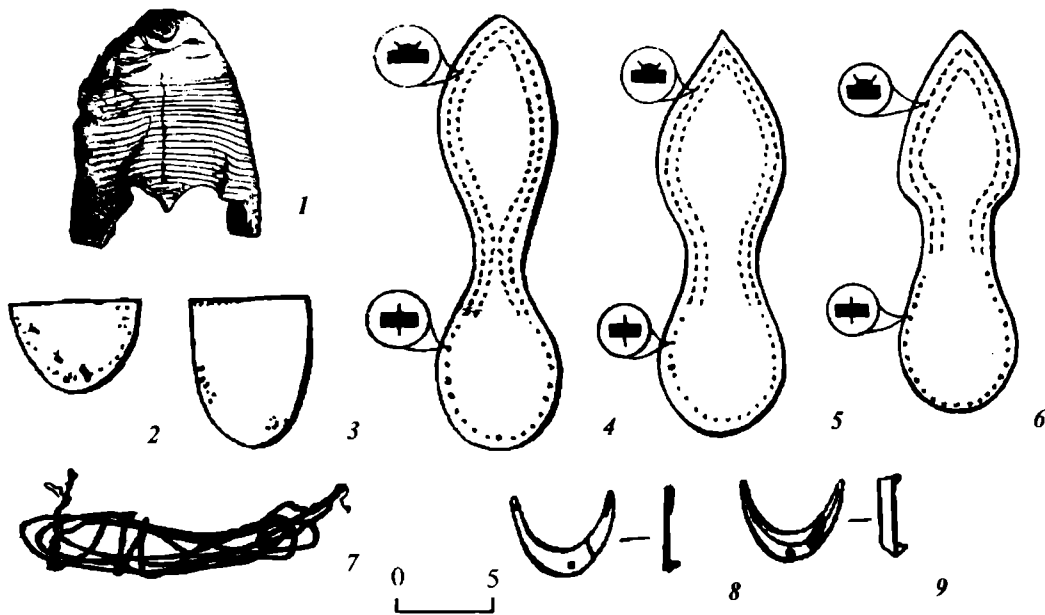

Рис. 4. Ул. Ильинка. Детали кожаной обуви из пятого горизонта
1 – головка; 2, 3 – каблучные флики; 4–6 – подошвы; 7 – декоративная проволока;
8, 9 – железные подковки

погребений, упоминается в письменных источниках под именем «калиг» (Вахрос, 1959. С. 95).

В заполнении подклета жилого дома¹⁰, вместе с другой хозяйственной утварью, была обнаружена пара сапожек, принадлежавших подростку (рис. 6). Сапоги богато украшены декоративными швами, вставками цветной материи, а также фигурно набранными железными гвоздиками (Векслер, Осипов, 2000. С. 150–159).

Дальнейшее изменение форм обуви можно наблюдать на примере коллекции, собранной при

раскопках на ул. Арбат (Векслер, 1997). Хорошая сохранность культурного слоя второй половины XVI – начала XVIII в., не нарушенного позднейшими перекопами, и небольшая площадь исследований (334 кв. м) позволила детально изучить материал. Общее количество собранных здесь деталей кожаной обуви, включая целые формы, достигает 1578 единиц (табл. 2).

Вся найденная здесь обувь, за исключением поршней, относится к жесткой конструкции, включающей дополнительные детали в виде

Таблица 2. Общая статистика изделий из кожи (раскопы на ул. Арбат)

Пласт (дата)	Раскопы				
	I	II	III	IV	V
Пл. 18 (XVII–XVIII вв.)	2	–	29	–	19
Пл. 19 (4-я четв. XVII в.)	–	5	47	5	6
Пл. 20 (3-я четв. XVII в.)	2	7	47	15	41
Пл. 21 (сер. XVII в.)	3	–	76	19	14
Пл. 22 (сер. XVII в.)	4	8	75	42	16
Пл. 23 (2-я четв. XVII в.)	14	9	149	96	38
Пл. 24 (2-я четв. XVII в.)	5	29	69	66	22
Пл. 25 (1-я четв. XVII в.)	15	14	67	32	53
Пл. 26 (1-я четв. XVII в.)	6	32	49	2	32
Пл. 27 (кон. XVI в.)	1	13	45	3	4
Пл. 28 (3-я четв. XVI в.)	3	5	33	–	3
Пл. 29 (сер. XVI в.)	1	8	12	–	9
Пл. 30 (сер. XVI в.)	–	–	2	–	4
Ямы	–	–	яма 1 (2 экз.); сооруж. 6 (6 экз.); сооруж. 8 (5 экз.)	яма 3 (8 экз.); сооруж. 6 (3 экз.); сооруж. 7 (1 экз.); сооруж. 9 (2 экз.)	яма 1 (12 экз.); яма 5 (2 экз.); яма 7 (19 экз.); яма 4 (2 экз.); соор. 8 (86 экз.)
Всего	56 экз.	130 экз.	713 экз.	294 экз.	385 экз.

¹⁰ Раскоп I, сооружение 20.

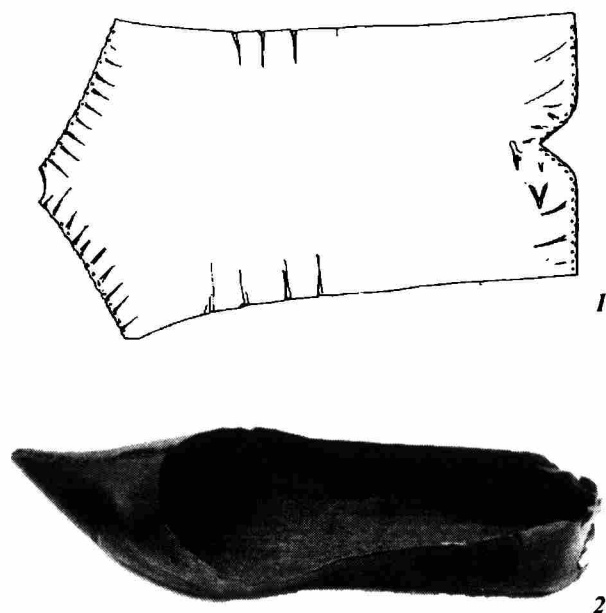

Рис. 5. Ул. Ильинка. Ритуальные туфли

1 – форма кроя; 2 – фото

поднарядов, составных задников и наборных каблучков. Основная часть обувных деталей, описание которых приведено ниже, принадлежит сапогам.

I. Детали верха

Головки (перда). Составляют самую многочисленную группу деталей верха, насчитывающую 99 экземпляров. Разнообразие их фасонов образует различная форма раскроя носка и верхнего обреза (рис. 7). Наиболее распространенной формой кроя являются детали с округлым носком и вогнутой линией подъема, скрепляющегося с голенищем. Головки с вырезом в носочной части, имеющие, как правило, заостренный «язычок» по центру верхнего обреза (рис. 7, 5), распространены в горизонтах второй половины – конца XVI в. Они украшены тиснением в виде горизонтальных линий, нанесенных по мере¹¹. Линование по мере широко использовалось не только в качестве декора. Такое гофрирование кожи препятствовало образованию грубых складок на подъеме стопы (*Зыбин и др.*, 1952. С. 13). На изготовления головок шла, в основном, шкура крупного рогатого скота, толщина которой не превышала 2 мм. Все имеющиеся в коллекции перда имели поднаряд (подкладку), который обеспечивал более жесткую форму обувной конструкции и повышал ее износоустойчивость и влагонепроницаемость. Дополнительное повышение гидроизоляции обеспечивало несомещение швов поднаряда и верха. В данной коллекции использовались как цельнокроенные, так

и составные поднаряды, изготовленные из кожи толщиной 1–1,5 мм (рис. 7, 1–3).

Задники. Из набора деталей задника в коллекции представлено 28 экземпляров кожаных задников и 7 берестяных вкладышей (собственно задников). Задника, сшивавшаяся с голенищем тачным швом, имела классическую трапециевидную форму с заостренным или вытянутым обрезом верха (рис. 7, 7). С поднарядом карман задника соединялся внаклад, что также обеспечивало обуви дополнительную влагонепроницаемость.

Голенища. Найденные при раскопках фрагменты голенищ, количество которых составляет семь единиц, принадлежат к составным (так называемым двушовным) голенищам высотой 22–25 см. Как правило, они встречаются в заполнении слоя гораздо реже других деталей, поскольку слабый износ и форма кроя голенищ удобна для вторичного использования (*Изюмова*, 1959. С. 207). Передняя часть имеющихся в коллекции голенищ выкроена с косым срезом от колена к икре. Толщина кожи, использованной для их изготовления, не превышала 2 мм. С другими деталями верха голенище соединялось тачным швом. Отметим следы потайного шва, хорошо различимые на внутренней стороне одного из найденных здесь голенищ, что указывает на крепление поднаряда.

Рис. 6. Ул. Ильинка. Кожаный сапог

¹¹ Мерея – наружная поверхность кожи.

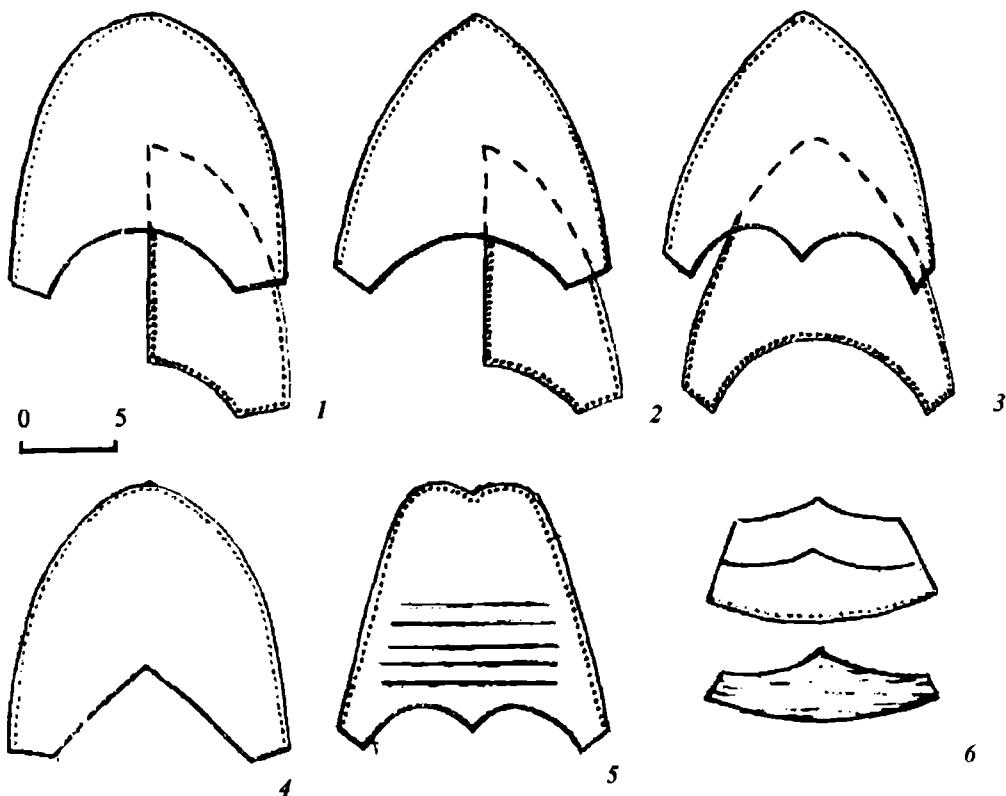

Рис. 7. Ул. Арбат. Детали верха
1-5 – головки; 6 – задник

II. Детали нижней части

Подошвы. Все собранные в коллекции подошвы, количество которых достигает 195 экземпляров, имеют самую разнообразную форму края (рис. 8). Основную их часть отличает зауженная перейма и округлая пятка. Большая часть подошв покрывает каблук сверху, являясь одновременно набойкой в его пяточной части (рис. 8, 1, 2, 5, 6). Незначительная часть подошв большого размера имеет слабопрофилированный контур и так называемый внутренний каблук (рис. 8, 7).

В слое второй половины XVII в. сохранилось несколько подошв от моделей рантовой конструкции¹². Отсутствие деталей верха не позволяет нам реконструировать их форму.

У нескольких подошв с характерным «граненым» краем носочной части имеется тиснение в виде трех горизонтальных полос, которые, по видимому, означают товарный знак (клеймо).

Каблуки. В данной коллекции насчитывается 35 каблуков различного фасона, которые конструктивно делятся на три группы:

1) к первой, самой многочисленной, относятся наборные каблуки высотой до 3,5 см, собранные из кожаных фликов, прошитых нитью и соединенных деревянными шпеньками (26 экз.);

2) вторую образуют 7 так называемых внутренних каблуков, изготовленных из нескольких кососрезанных подкладок;

3) в третью входят каблуки с деревянной основой высотой 2,5 см, обтянутой снаружи кожей. В коллекции имеется всего два таких экземпляра, найденных в слое конца XVII – начала XVIII в.

Отдельного описания требуют низкие формы обуви, представленные различными моделями мягкой и жесткой конструкции.

К мягкой конструкции относятся три поршня, два из которых сохранились полностью (рис. 9). Оба поршня выкроены из трапециевидной заготовки, скрепленной продольным тачным швом на носке. По верху поршня, на одинаковом расстоянии друг от друга, имеются прорезы для крепления ременной оборы. Один из поршней, судя по размеру, детский, не имеет следов декорирования, другой украшен по верху головки штампованным тиснением в виде звездочек. Еще один составной поршень с цельнокроеным верхом и однослойной подошвой (толщиной 4 мм) сохранился фрагментарно. Это самый крупный экземпляр обуви, когда-либо найденный в Москве! Длина его подошвы достигает 34 см.

Еще одна модель низкой обуви жесткой конструкции найдена в слое начала XVIII в. Это туфля с супинатором и деревянным каблуком, обтянутым кожей (рис. 10). Такая обувь, вошедшая в моду в начале XVIII в., была изготовлена на европейский манер, для чего русским обувщикам

¹² Рант – кожаная полоска, вшивавшаяся между основанием и верхом по периметру подошвы, служившая для герметизации и укрепления шва.

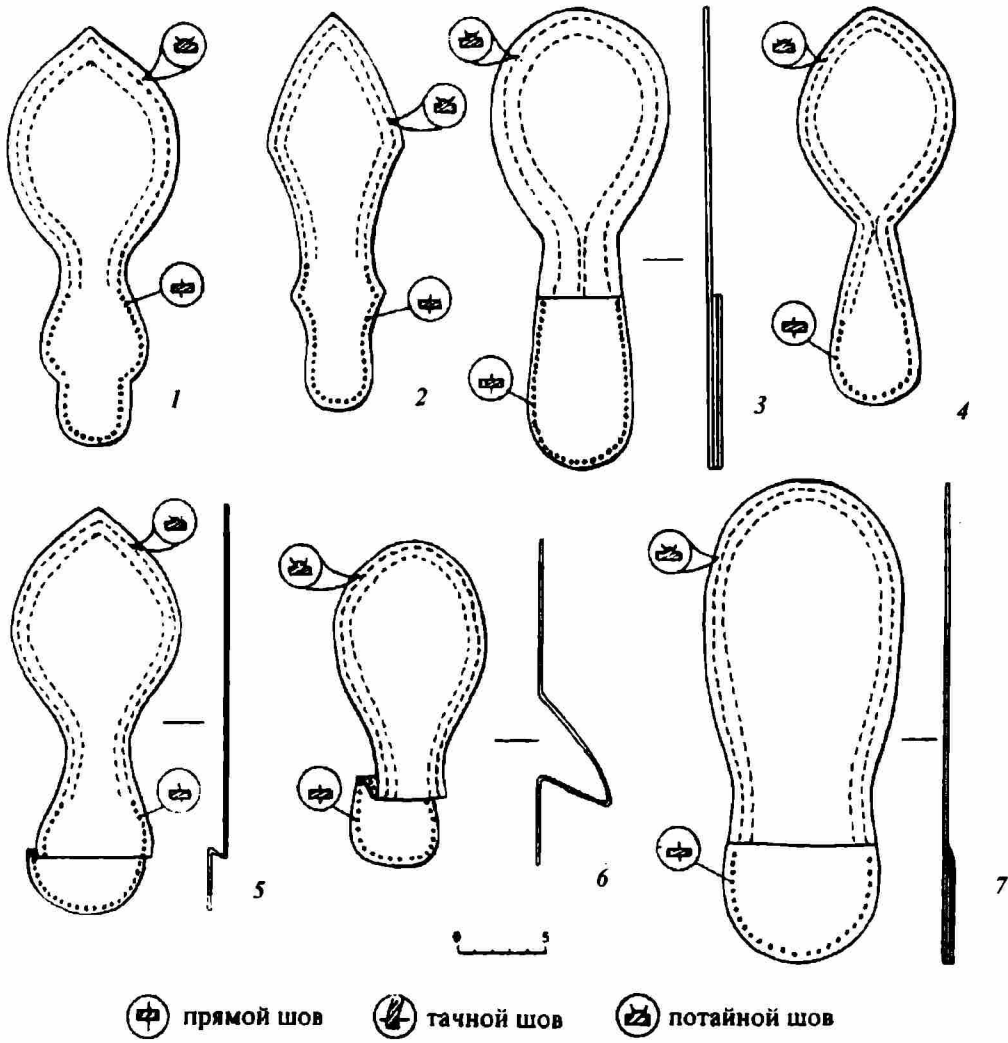

Рис. 8. Ул. Арбат. Подошвы

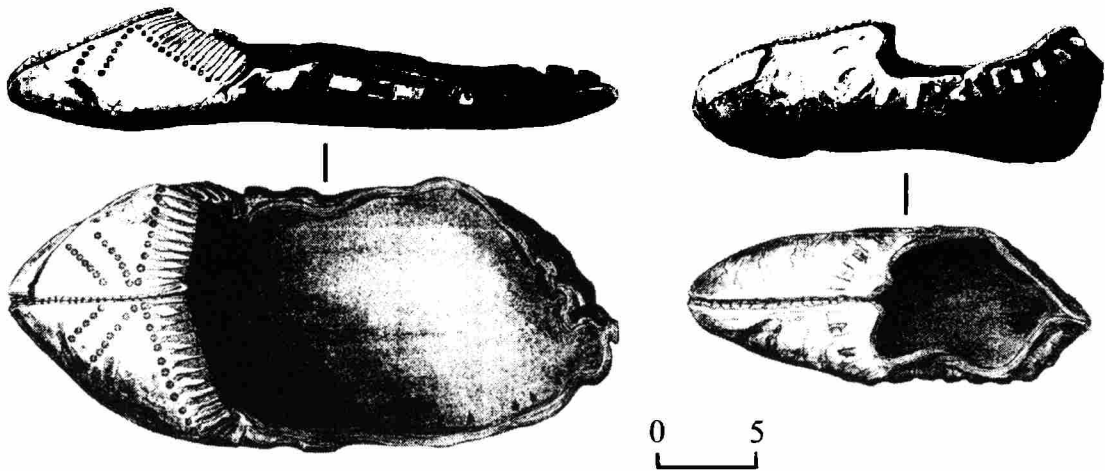

Рис. 9. Ул. Арбат. Поршни

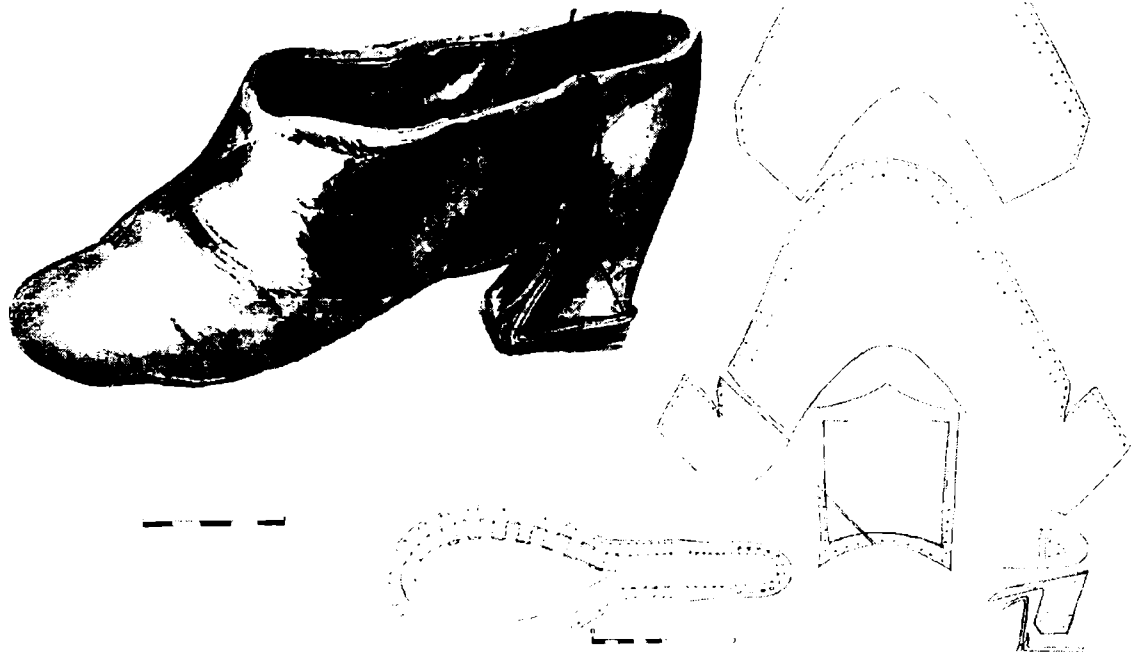

Рис. 10. Ул. Арбат. Кожаная туфля. Реконструкция

пришлось осваивать технологию сборки обуви на затяжных колодках.

В слое XVI–XVII вв. повсеместно встречаются железные обувные подковки, имеющие различный способ крепления к каблучку (табл. 3). Систематизация этих находок позволяет выявить определенную закономерность в смене способов их крепления к каблучку (рис. 11).

Подробному описанию смены форм обувных подковок и изменению способов их крепления посвящена специальная работа (Векслер и др., 1997. С. 116).

Анализ собранного материала позволяет фиксировать последовательное развитие сапожного ремесла, выраженное в освоении новых спо-

собов раскроя и сборки моделей, смене конструктивных схем, развитии моды. На примере коллекции с Ильинки видно, как на рубеже XIII–XIV вв. начинает развиваться жесткая конструкция, включающая толстую однослойную подошву, жесткий задник и поднаряд. Под влиянием проникавших на Русь элементов материальной и духовной культуры стран Востока, сапоги активно вытесняют распространенные ранее низкие формы (поршни, туфли). По материалам Арбата заметно распространение европейских элементов культуры и быта, выраженное в появлении низких форм обуви изготовленной на затяжной колодке. К концу правления Петра I европейская мода прочно входит в быт дворян, чиновников и военных.

Таблица 3. Распределение обувных подковок по способу крепления

Пласт	Дата	Подковки	
		Врезные	Комбинированные
19	4-я четв. XVII в.	–	1
20	3-я четв. XVII в.	–	1
21	ср. XVII в.	1	5
22	ср. XVII в.	1	8
23	2-я четв. XVII в.	2	1
24	2-я четв. XVII в.	7	11
25	1-я четв. XVII в.	7	11
26	1-я четв. XVII в.	9	7
27	кон. XVI в.	12	1
28	3-я четв. XVI в.	6	–
29	ср. XVI в.	2	–
30	ср. XVI в.	1	–
Всего		48	46

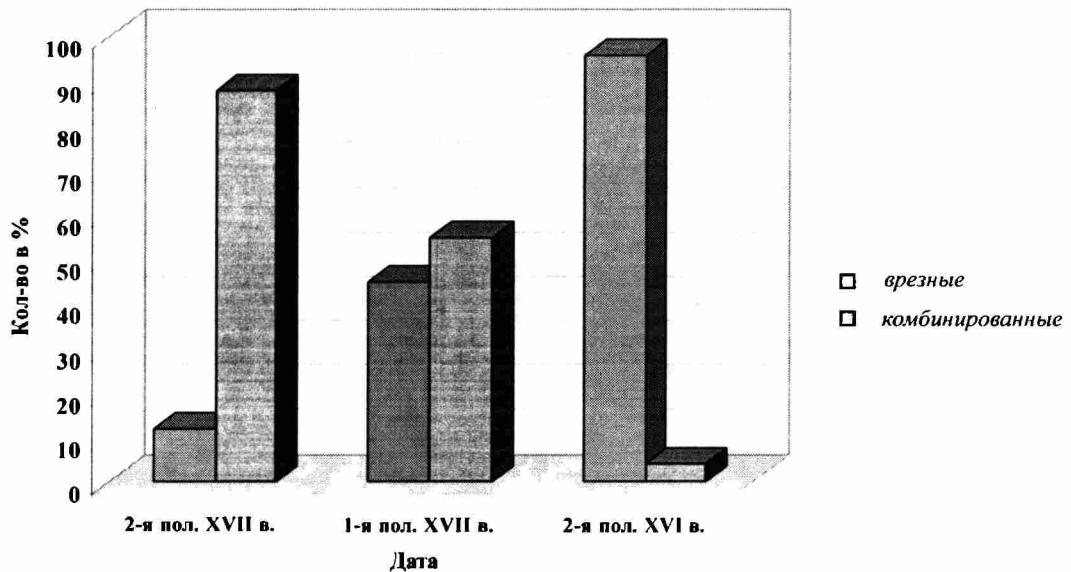

Рис. 11. Распределение обувных подковок по способу крепления

Литература

- Беляев Л.А., 1994. Древние монастыри Москвы (кон. XIII – нач. XV в.) по данным археологии // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 6. М.
- Вахрос И.С., 1959. Наименование обуви в русском языке. Хельсинки.
- Векслер А.Г., Кондрашев Л.В., Лагутин А.Б., 1996. Древние мостовые у начала улицы Ильинки в Москве. Предварительные итоги исследования // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.
- Векслер А.Г., 1996. Отчет об охранных археологических работах в г. Москве в 1996 г: Охранные археологические работы, связанные с прокладкой коммуникаций по ул. Ильинка. Т. 3 // Архив ИА РАН. Р-1. № 20390.
- Векслер А.Г., 1997. Отчет об охранных археологических работах, связанных с возведением торгово-делового комплекса по адресу ул. Арбат д. 1/7 в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20775.
- Векслер А.Г., Осипов Д.О., 1997. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1994 г.) // Тверь. Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.
- Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О., 1997. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // РА. № 3.
- Векслер А.Г., Осипов Д.О., 1999. Мастерская сапожника на ул. Пречистенка в Москве // РА. № 1.
- Векслер А.Г., Осипов Д.О., 2000. Кожаные сапоги из раскопок в Москве // Археологические Памятники Москвы и Подмосковья. М.
- Герберштейн С., 1988. Записки о Московии. М.
- Зыбин Ю.П., Шестакова И.С., Богданов Н.А., 1952. Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи // Архив ИА РАН. Ф-1. № 555.
- Зыбин Ю.П., 1963. Конструирование изделий из кожи. М.
- Изюмова С.А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. // МИА. № 65. М.
- Курбатов А.В., 1994. Коллекция кожаных изделий из раскопок 1985 г. в Тверском Кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь.
- Курбатов А.В., 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. № 2.
- Черных Н.Б., 1996. Результаты дендрохронологического изучения дерева построек из археологических раскопок 1996 г. в районе Ильинской улицы. // Векслер А.Г. Отчет об охранных археологических работах в г. Москве в 1996 г. Охранные археологические работы, связанные с прокладкой коммуникаций по ул. Ильинка. Т. 3. Архив ИА РАН. Р-1. № 20390.

Стеклянные сосуды XII–XIV веков из Москвы и Дмитрова

Специфика стеклоделия как особого ремесла состоит в получении из расплавленной стекломассы полого объема. Речь идет о способе выдувания шара при помощи стеклодувной трубки. Дутье – единственный способ из всех применяемых в стеклоделии, который не используется ни в одном древнем и средневековом производстве. Все остальные технологические приемы изготовления стеклянных изделий были заимствованы из других производств, в частности, из металлообработки, керамического и фаянсового ремесла. Именно дутье в древности и средневековье было преобладающим приемом изготовления стеклянных сосудов, изучению нескольких типов которых и посвящена данная статья.

При знакомстве со стеклянными предметами любого древнерусского города обнаруживается, что стеклянная посуда составляет лишь небольшую их часть, уступая по количеству бусам и перстням, не говоря уже о браслетах. Однако этот недостаток можно обратить в преимущество, поскольку небольшое количество находок можно изучить с большей тщательностью.

Москва и Дмитров в этом смысле не являются исключением. В ходе археологического изучения Москвы с 1946 по 1996 г. было найдено 20 фрагментов стеклянных сосудов, относящихся к периоду XII–XIV вв. Большая часть происходит из Кремля, один – с территории Казанского собора, еще один – с Манежной площади (Столярова, 1997а. С. 95. Рис. 1). При раскопках Дмитрова в 2001–2003 гг. было обнаружено всего два фрагмента сосудов, оба на территории кремля.

Как правило, стеклянная посуда известна во фрагментах, целые предметы чрезвычайно редки. Все находки стеклянной посуды из Москвы и Дмитрова так же представлены исключительно фрагментами. Однако по ним можно более или менее достоверно реконструировать целые формы. Проведенное морфологическое описание фрагментов по методике изучения древнего стекла, предложенной Ю.Л. Щаповой (1989а), позволило восстановить конструкции сосудов, что дало возможность определить, какие из них были наиболее распространены, а какие редки.

В результате проведенной реконструкции оказалось, что вся посуда Москвы и Дмитрова XII–XIV вв. представляет собой открытые формы. В основном – сосуды для питья. Закрытых сосудов, используемых для хранения жидкостей, в Москве и Дмитрове не найдено, впрочем, они были редки повсюду в этот период (Щапова, 1972. С. 65–72).

Для исследования химического состава стекла было привлечено 15 анализов сосудов. Из них 14 – качественные анализы, выполненные в 1970-е годы Ю.Л. Щаповой в лаборатории спектрального анализа кафедры археологии МГУ¹. И один – количественный эмиссионно-спектральный анализ, произведенный А.Н. Егорьковым в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург). Качественные анализы выполнены для московских сосудов (табл. 1, ан. 252: 6–12; 372: 3, 4; 391: 7–11), количественный – для находки из Дмитрова (табл. 1, ан. 754-47)².

Результаты изучения морфологии, технологии и химического состава стеклянной посуды Москвы и Дмитрова позволили рассмотреть их с точки зрения гипотезы Ю.Л. Щаповой о стеклоделательных школах, существовавших в древности и средневековье, и определить происхождение сосудов (Щапова, 1975). Выяснилось, что исследованная нами выборка стеклянных сосудов представлена *древнерусскими, сирийскими, венецианскими и византийскими* изделиями.

Изготовленная в названных центрах посуда различается по морфологическим признакам, технологии изготовления основы, способу исполнения декора, а также химическому составу. Различия по форме конструктивных элементов не прослежены, т. к. профилированные части сосудов при раскопках встречаются редко. Основные морфологические различия отмечены в декоре, а также в цвете и прозрачности стекломассы, что является результатом использования разного сырья, красителей, обесцвечивателей и глушителей.

Основная масса находок (17 фрагментов) принадлежит изделиям *древнерусской* столичной школы. Всего найдено 9 венчиков, 4 донца,

¹ Книга регистрации анализов хранится в лаборатории спектрального анализа кафедры археологии МГУ.

² Приносим благодарность А.Н. Егорькову, выполнившему анализ для нашей работы.

Таблица 1. Результаты спектрального анализа стеклянных сосудов XII–XIV вв. из Москвы и Дмитрова

№ анализа	Цвет	K	Na	Ca	Mg	Al	Si	Pb	Mn	Co	Cu	Fe	Ag	Sn	Ni	Ti	Zn	V	Mo	Sb	B
252: 6	желтый	2	4	5	4	5	3	3	7	–	5	n/o	5	7	7	7	5	6	5	–	5
252: 7	желтый	2	4	4	4	5	3	3	5	–	5	n/o	5	5	6	4	5	5	5	–	5
252: 8	желтый	2	4	4	4	5	3	3	5	–	5	n/o	5	–	6	5	–	5	5	–	5
252: 9	желтый	2	4	4	4	5	3	3	5	–	5	n/o	5	5	6	5	5	5	5	–	4
252: 10	желтый	2	4	4	4	5	3	2	–	–	5	n/o	5	–	7	7	7	6	5	–	4
252: 11	желтый	2	5	4	4	5	3	3	6	–	5	n/o	5	5	7	5	–	6	5	–	5
252: 12	желтый	2	5	4	4	5	3	3	6	–	5	n/o	4	5	6	5	–	6	5	6	5
372: 3	пурпурный	4	2	3	3	4	3	3	3	4	4	n/o	–	2	6	4	6	5	6	–	–
372: 4	бесцветный	4	2	3	2	4	3	6	3	6	4	n/o	–	7	5	5	6	5	4	–	–
391: 7	желтый	2	4	5	5	5	3	2	–	–	5	n/o	–	6	–	–	–	–	5	–	–
391: 8	желтый	2	4	5	5	5	3	2	6	–	5	n/o	–	6	–	–	–	–	5	–	–
391: 9	желтый	2	4	5	5	5	3	2	7	–	5	n/o	–	6	–	–	–	–	5	–	–
391: 10	желтый	3	5	6	5	5	3	2	6	–	5	n/o	–	6	–	–	–	–	5	–	–
391: 11	желтый	2	4	5	5	3	3	2	–	–	3	n/o	4	4	–	–	–	–	–	–	–
754-47	желтый	8,8	0,5	0,4	0,08	0,3	осн.	10	–	–	–	0,1	–	0,01	–	0,05	–	–	–	–	–

1 ножка и 3 фрагмента тулова. Большинство находок происходит из Москвы, 2 (венчик и ножка) – из Дмитрова. Все они изготовлены из прозрачного стекла желтого ненасыщенного цвета. Три фрагмента имеют декор. Венчик сосуда, найденный в московском Кремле, украшен фиолетовой горизонтальной полосой, а фрагмент тулова оттуда же – полосой и зигзагом такого же цвета. Одна из дмитровских находок (фрагмент венчика сосуда) декорирована двумя горизонтальными полосами желтого и красно-коричневого цвета.

Был проанализирован химический состав 13 фрагментов. Во всех случаях полученный результат оказался одинаковым: стекло сварено по рецепту K-Pb-Si (табл. 1; ан. 252: 6–12, 391: 7–11; 754-47). Стекло такого состава изготавливали в Киеве с первой четверти XI в. вплоть до 1240 г. Киевские изделия имеют трещиноватость, или кракелюр, характерный для стекла указанного класса.

Исследование морфологии находок показало, что древнерусская посуда Москвы и Дмитрова представлена тремя конструкциями. Первая – открытые сосуды на неустойчивой ножке (Столярова, 1997а. С. 103. Рис. 7, 1–2). К ним относятся 4 фрагмента (3 венчика и ножка). Вторая форма – открытые кубки на поддоне (Столярова, 1997а. С. 103. Рис. 7, 3), представленные в нашей коллекции 5-ю фрагментами (4 венчика и поддон). И третья – открытые стаканы с вогнутым дном (Столярова, 1997а. С. 103. Рис. 7, 4–7). Эту форму иллюстрируют 4 фрагмента (3 донца и часть тулова). Принадлежность остальных находок к той или иной форме сосудов не установлена. В Москве представлено все разнообразие конструкций, а в Дмитрове отмечены только сосуды на неустойчивой ножке.

Все изделия округлые, а сосуды с вогнутым дном могут быть и ребристыми (Столярова, 1997а. С. 103. Рис. 7, 5). Кубки на неустойчивой ножке и стаканы с вогнутым дном имеют декор, исполненный вгорячую, в виде полос или меек

(Столярова, 1997а. С. 103. Рис. 7, 1, 6, 7). Все сосуды выдуты свободно, кроме ребристых стаканов с вогнутым дном, которые изготовлены дутьем в форму. Для формования поддона у открытых кубков использован шаблон.

Названные конструкции хорошо известны по раскопкам в Киеве, других южнорусских городах (Вышгороде, Чернигове, Вщиже, Любече, Райках, Городске), а также Новгороде, Новогрудке, Турове, Слободке и Тмутаракани.

Открытые сосуды на неустойчивой ножке появляются раньше других форм (Столярова, 1997а. С. 103. Рис. 7, 1, 2). Самые ранние есть в Новгороде во второй четверти XI в., известны они там же и в первой четверти XIII в., но уже в небольшом количестве. Такие же изделия найдены среди остатков стеклоделательной мастерской в Киево-Печерской Лавре, датированной специалистами 80-ми годами XI в. (Щапова, 1963а. С. 122; 1972. С. 33. Рис. 2, 5. С. 46). Находки из Новогрудка имеют более позднюю дату – вторая половина XII в. В Турове и Слободке эти сосуды происходят из слоев первой половины XIII в. (Полубояринова, 1963. С. 234; 1987. С. 162–168). Открытые сосуды на неустойчивой ножке есть и во многих других древнерусских городах, однако там они не преобладают. Исключением является Новгород, где эта форма составляет треть от всего числа находок сосудов (Щапова, 1972. С. 55).

Не так давно считалось, что открытые сосуды на неустойчивой ножке использовались как кубки для питья. Такое использование «кубков», учитывая их своеобразную конструкцию (длинная ножка без подножки и неустойчивое дно), должно было иметь свои особенности, – вероятно, за ножку было удобно браться и держать кубок, но его нельзя было поставить на стол, не выпив напиток до дна.

Большое количество подобных сосудов происходит из Бирки (IX – первая половина X в.), где их происхождение связывают с франкскими

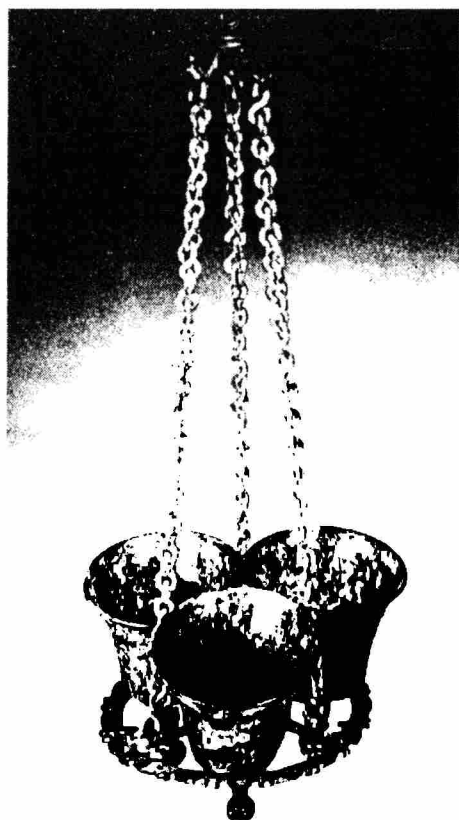

Рис. 1. Стеклянные лампы, вставленные в хорос (по Ж. Филиппу)

и римскими кубками. По мнению исследователей, появление этой формы стеклянных сосудов было определено давней традицией питья из рога или ритона. В стекле же она была реализована еще в римское время и не прерывалась в период Мервингов и Каролингов (Arbman, 1937. С. 67–86). Функция древнерусских сосудов на неустойчивом дне была определена по аналогии с кубками из Бирки (Щапова, 1963а. С. 123, 136). Однако предположение о традиции употребления рогов

для питья в быту мало подходит для Руси данного периода. Более вероятной представляется версия об использовании этих сосудов в качестве ламп, вставлявшихся в хорос (рис. 1). Производство стеклянных ламп началось в позднеимперское и ранневизантийское время в связи с необходимостью изготовления сосудов, специально предназначенных для церковных нужд. Подобные лампы византийского производства известны из раскопок ранневизантийской стекольной мастерской на вилле Бела Вода. Аналогичные импортные предметы были найдены в Новгороде (50–70-ые гг. XI в.). Такие же сосуды происходят из Коринфа (XI–XII вв.) (рис. 2).

Открытые кубки с вогнутым дном найдены в Киеве при раскопках стекольных мастерских в Лавре (80-е гг. XI в.) и на Подоле (Столярова, 1997а. С. 103. Рис. 7, 4–7). Они есть в Новгороде в слоях последней четверти XI – XIII в. В Слободке аналогичные изделия датируются XII в., в Турове – XII–XIII вв. К домонгольскому же времени относятся изделия такой конструкции из Болгар. Находки из Новогрудка происходят из слоев второй половины XII в. Причем, там эти кубки имеют свою особенность – менее выделенный выступ (Щапова, 1963а. С. 126; 1972. С. 33, 48, 58; Полубояринова, 1963. С. 233. Рис. 1, 1; 1987. С. 162–168; 1988. С. 203, 211–212). Полагают, что изменение формы выступа является хронологическим признаком: сосуды с менее выделенным выступом являются более поздними и их можно датировать временем, начиная со второй половины XII в. В нашей выборке изделия этой конструкции имеют конический и сферический выступы, оба слабо выделенные. Эти предметы могут быть изготовлены либо при помощи свободного выдувания, либо дутьем в ребристую форму, что также является признаком второй половины XII в. (Щапова, 1972. С. 58). Исследованные нами стаканы с вогнутыми донцами, вероятно, выдуты в форму, т. к. имеют ребристые стенки.

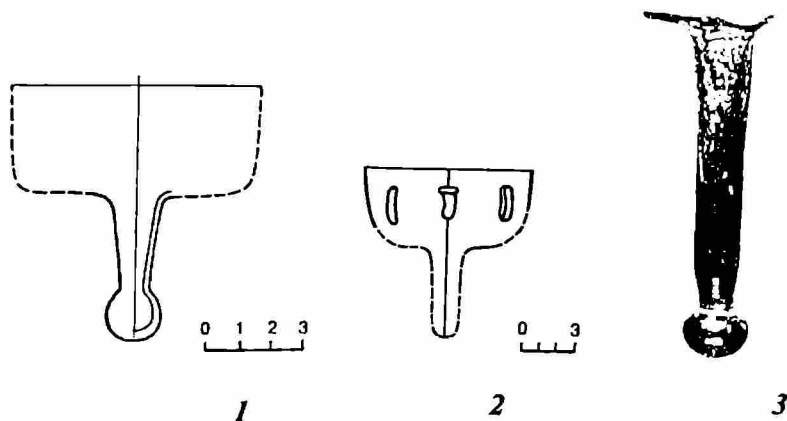

Рис. 2. Стеклянные лампы, византийского производства. 1 – из мастерской на вилле Бела Вода; 2 – из Новгорода; 3 – из Коринфа

Третья конструкция древнерусских сосудов, отмеченная в нашей выборке – кубки на поддоне (Столярова, 1997а. С. 103. Рис. 7, 3). Это одна из самых распространенных форм древнерусской посуды, особенно в южнорусских городах. Например, в Вышгороде такие кубки составляют 2/3 всех находок стеклянных сосудов. Исключением являются новгородские находки, составляющие среди изделий этой группы менее 10% (Щапова, 1972. С. 36, 58). Такие сосуды появляются позже всех вышеназванных конструкций: они известны с 30-х годов XII в. Кубки на поддоне есть в Киеве, но, к сожалению, не имеют точной даты. Аналогичные находки с городища Слободка происходят из слоев XII в. Тем же временем датируются сосуды из Болгар. В Турове и Тмутаракани они встречаются в слоях первой половины XIII в. (Щапова, 1963а. С. 123; 1963б. С. 122; 1972. С. 32; Полубояринова, 1963. С. 234. Рис. 1, 2; 1987. С. 162–168; 1988. С. 204, 211).

Посуду киевской школы начинают производить в первой четверти XI в., а прекращает она свое бытование в древнерусских городах в середине XIII в., что связано с разгромом Киева в 1240 г. и уничтожением там всего стеклоделательного ремесла.

Итак, первые стеклянные сосуды, которые начали производить на Руси – это открытые кубки на неустойчивой ножке (лампы). Возник-

новение именно этих форм является отражением потребности в изделиях такого рода, которая обусловила их появление и бытование вплоть до середины XIII в. Но, с другой стороны, создание таких форм было, возможно, определено применением технологии свободного дутья, а также отсутствием у мастера навыков формования некоторых конструктивных элементов сосуда, например, дна и поддона. В дальнейшем освоение новых приемов и инструментов, в частности, обработки дна понтией, а также форм и шаблонов, привело к появлению новых конструкций с устойчивым вогнутым дном, а позднее и кубков на поддоне.

Соотношение основных объемов древнерусской посуды в пользу открытых свидетельствует об определенном этапе освоения технологических приемов древнерусскими мастерами. Они знали способы свободного выдувания и дутья в форму, а также приемы формования венчика, дна и поддона. Но способы обработки заготовок для изготовления закрытых сосудов, которые в ряде случаев касаются формования горла, еще не были ими освоены полностью.

Названные нами три конструкции посуды древнерусского производства являются наиболее популярными формами, часто встречающимися не только в Москве и Дмитрове, но и других древнерусских городах. Это является свидетельством

Рис. 3. Сирийские стеклянные стаканы с золотой и эмалевой росписью (по Hugh Tait)

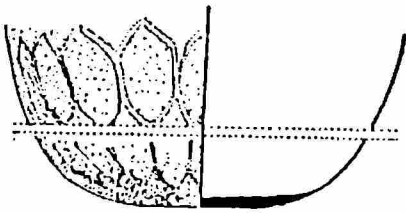

Рис. 4. Сосуд с «сотовым» декором из Коринфа (по Г. Давидсон)

устоявшейся и отработанной номенклатуры в киевском производстве сосудов.

Сирийский стекольный центр представлен фрагментами, принадлежащими двум сосудам. Все они происходят из Москвы. Подбор аналогий дал возможность установить конструкцию изделий. Это открытые кубки усеченно-конической формы на поддоне, изготовленные из бесцветного прозрачного стекла. Оба сосуда, вероятно, выдуты в форму и декорированы с помощью росписи золотом и цветными эмалями.

Один из этих двух фрагментов содержит арабскую надпись, выполненную золотом и заключенную в рамку, а его внутренняя поверхность покрыта сине-фиолетовой эмалью. Аналогичные кубки с двухсторонней росписью были найдены в Новгороде и Тмутаракани в слоях конца XIII в. (Щапова, 1963а. С. 129–130; 1963б. С. 123). Подобные сосуды опубликованы Ю. Ваврой, где он также датирует их концом XIII в. (Vavra, 1954. S. 61–66. Abb. 55, 56, 58).

Данные кубки относятся к сосудам в стиле «мамлюк» (рис. 3). В композицию росписи обычно входит благожелательная или хвалебная надпись или стих из Корана. Надпись заключена в рамку и находится в верхней части изделия, в нижней расположен орнаментальный пояс. Центральную часть росписи занимает изображение мамлюков. Такие сосуды изготавливали в мастерских Алеппо. Самые ранние кубки этой группы датируются 70-ми годами XIII в., их основная масса относится к концу XIII – первой половине XIV в.

Второй фрагмент имеет менее ярко выраженный эмалевый декор. Стекло, использованное для изготовления этого предмета, было подвергнуто анализу, показавшему, что оно было сварено из тройной шихты на соде и обесцвечено марганцем (табл. 1, ан. 372: 4). Химический состав в сочетании с характерными признаками сирийской школы (а именно – роспись непрозрачными эмалевыми красками и золотом по прозрачному бесцветному стеклу) указывает на Ближний Восток, в частности на Сирию, как на возможное место производства данного изделия.

Группа изделий венецианского происхождения также содержит 2 фрагмента. Оба были найдены при раскопках в Москве. Один представляет собой осколок тулова сосуда зеленого цвета. Предположительно, он является открытым, од-

нако точную конструкцию предмета установить не удалось. Стекло имеет на поверхности радужную побежалость (иризацию), что позволяет предположить использование при варке натриевого сырья. Сосуд имеет декор в виде рельефных шестиугольников (так называемый сотовый). Чаша с таким декором известна из раскопок на агоре Коринфа (рис. 4). Декор нашего предмета был получен способом дутья заготовки в рельефную форму, а затем раздут. В результате применения этой технологии поверхность изделия приобретала мягкий рельеф, создающий эффект игры света и тени. Такие предметы называют сосудами с оптическим декором. В период позднего средневековья их изготавливали в Венеции (рис. 5). Венецианские мастера для варки стекла применяли натриевое сырье, а именно – растительную золу, содержащую натрий. Деятельность венецианских мастерских становится заметной, начиная с середины – второй половины XIII в. (Cinquemila Anni di Vetro, 1991. P. 148).

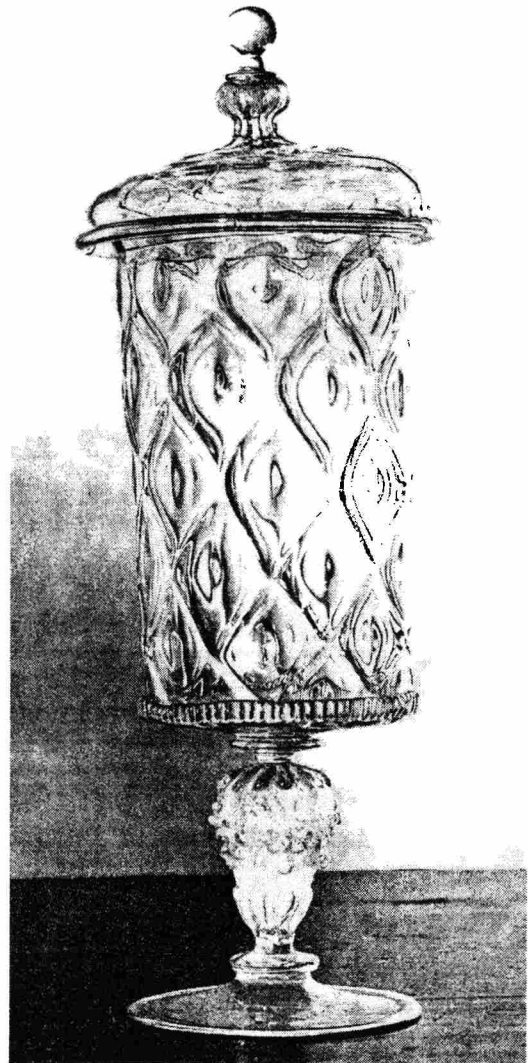

Рис. 5. Сосуд с оптическим декором. Венеция, XVI в.

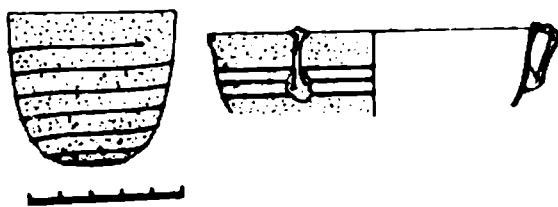

Рис. 6. Сосуды с накладным декором из мастерской на агоре в Коринфе (XI–XII вв.) (по Г. Давидсон)

Второй фрагмент представляет собой венчик сосуда, изготовленного из прозрачного пурпурного стекла с декором из накладных непрозрачных полос белого цвета. Небольшие размеры не позволили подобрать для него точные аналогии. Стекло этого предмета было подвергнуто спектральному анализу (табл. 1, ан. 372: 3). Оказалось, что оно сварено на натриевой золе с добавлением марганца в качестве красителя и олова, вероятно для глушения декора. Химический класс – натриево-кальциево-свинцово-кремнеземный (Na-Ca-Pb-Si). Сосуды из стекла этого состава до сих пор не были известны. В период античности из него изготавливали бусы (Столярова, 1997б. С. 216–226), а в средневековье – украшения и полуфабрикаты-«гладилки» (Силантьев, 1982. С. 95–97; Щапова, 1989б. С. 104–105; Столярова, 2001а. С. 84–93; 2001б. С. 376–386). Дело в том, что из стекла с большим содержанием свинца нельзя выдуть шар – свинец делает стекло низкоплавким и «длинным». Вероятно, наш сосуд изготовлен по иной технологической схеме, чем вся посуда того периода. Это подтверждает довольно большая толщина стенок – 0,40 см (у выдутых сосудов толщина стенок колеблется в пределах от 0,05 до 0,20 см). Мы полагаем, что сосуд был сделан в технике оседания, известной еще в I тыс. до н. э. в Месопотамии (Cinquemila Anni di Vetro, 1991. P. 222).

Вероятно, описываемый сосуд был изготовлен в мастерских Венеции. Основанием для такого вывода служит венецианское происхождение стекла аналогичного химического класса (Na-Ca-Pb-Si), из которого изготовлены мелкие украшения (перстни, бусы и вставки) XII–XIV вв., найденные в Москве. Их исследование привело к выводу, что все они были изготовлены в мастерских, работавших на привозных венецианских полуфабрикатах (Столярова, 2001б. С. 376–386).

Последняя, четвертая, группа – изделия византийского производства – представлены единственной находкой, происходящей из Москвы. Это осколок тулова сосуда, изготовленного из прозрачного пурпурного стекла с накладным декором в виде белых непрозрачных полос. Невыразительность фрагмента не позволила реконструировать его форму. Посуда с таким декором, выполненным вгорячую, в небольшом количестве найдена в Херсонесе. Много подобных изделий в Коринфе: и в слое на агоре, и в мастерской (рис. 6). Стекланные предметы с декором вгорячую изготавливали, как правило, в небольших частных мастерских универсального характера.

Следует отметить, что на территории Восточной Европы основная масса византийской посуды (исследованной на сегодняшний день) украшена росписью эмалями, золотом или резьбой. Такие сосуды можно рассматривать как предметы роскоши. Их производили в придворных (столичных) специализированных мастерских. До недавнего времени считалось, что находки расписной посуды, а также сосудов, украшенных резьбой, при отсутствии изделий с накладными декоративными элементами – специфика древнерусского комплекса византийской посуды. Московская находка в какой-то степени может опровергнуть данное утверждение.

Византийская посуда на Руси получает наибольшее распространение в середине XI в., а также в середине – второй половине XII в. В качестве верхней границы бытования византийских сосудов на территории Руси обычно принимают 1204 г. – дату взятия Константинополя крестоносцами. Начиная с этого времени, изделия из столичных мастерских перестают поступать на территории сопредельные с Византией. Однако сосуд найденный в Москве не относится к предметам, изготовленным в государственных мастерских. К тому же в Новгороде находки византийской посуды есть в 14-м ярусе, мостовая которого была построена в 1238 г. (Щапова, 1963а. С. 131. Рис. 9).

Таким образом, все изученные нами сосуды Москвы и Дмитрова XII–XIV вв. являются импортными. В домонгольский период оба города получали стеклянную посуду из Киева, а Москва – еще и из Византии. К золотоордынскому периоду относятся сосуды, изготовленные в мастерских иных центров: Сирии и Венеции. Находки их известны только в Москве. В Дмитрове посуда из этих центров не отмечена.

Литература

- Полубояринова М.Д., 1963. Стеклянная посуда древнего Тулова // СА. № 4.
- Полубояринова М.Д., 1987. Изделия из стекла городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка. М.
- Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. М.
- Силантьев Г.Л., 1982. Техника изготовления и химический состав стеклянных изделий чжурчженей // Естественно-научные и археология в изучении древних производств. М.
- Столярова Е.К., 1997а. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV веков // РА. № 3.
- Столярова Е.К., 1997б. Химико-технологическое изучение стеклянных бус по материалам погребений из некрополя у пос. Заозерное // Древности Евразии. М.
- Столярова Е.К., 2001а. Стеклянные бусы из могильника

- Му-Шарет – 1 // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. Москва–Элиста.
- Столярова Е.К., 2001б. К вопросу о происхождении средневековых стеклянных перстней Москвы // Древние ремесленники Приуралья. Матер. Всерос. науч. конф. Ижевск.
- Щапова Ю.Л., 1963а. Стеклянные изделия древнего Новгорода // МИА. № 117. М.
- Щапова Ю.Л., 1963б. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Щапова Ю.Л., 1975. Из истории древнейшей технологии стекла // Очерки технологии древнейших производств. М.
- Щапова Ю.Л., 1989а. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.
- Щапова Ю.Л., 1989б. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных («гладилка» из Новгорода) // СА. № 4.
- Щапова Ю.Л., 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.
- Arbman H., 1937. Schweden und das Karolingische Reich. Studien zu den Haudalsverbindungen des 9. Jahrhunderts. Stockholm.
- Cinquemila Anni di Vetro. Milano, 1991.
- Davidson G., 1940. A Medieval Glass-Factory at Corinth // AJA. V. XLIV. № 3.
- Davidson G., 1952. The Minor Objects. Corinth. V. XII. New Jersey.
- Philippe J., 1970. Le Monde Byzantin dans l'Histoire de la Verrerie (V–XVI siècle). Bologna.
- Vavra J.R., 1954. Das Glas und die Jahrtausende. Prag.
- Venezianisches Glas. Prag, 1960.

Находки «великокняжеских» пломб XIV – XV веков в Москве

Средневековые русские свинцовые пломбы хорошо известны. Прошло почти полтора столетия с тех пор, как были описаны первые находки древнерусских пломб на берегу Западного Буга на месте летописного города Дрогичина в Бельском уезде Гродненской губернии (ныне территория Польши) (*Тышкевич*, 1865. С. 115–123). Эти находки сразу привлекли к себе внимание многих историков и археологов. Исследователи не без основания полагали, что этот совершенно новый вид сфрагистических памятников может стать весьма ценным историческим источником. Однако заставить пломбы «заговорить» оказалось не так-то просто.

Дрогичинские пломбы представляли собой тонкие свинцовые пластинки округлой формы диаметром около 7–12 мм, имевшие на обеих сторонах оттиски в виде различных знаков и изображений. Внешне многие пломбы напоминали свинцовые привесные печати (буллы), однако по причине столь малых размеров, язык их символики был более лаконичным. Чаще всего на пломбах имелись неясные замысловатые знаки, геометрические фигуры, кресты всевозможных форм, отдельные буквы кириллического алфавита (рис. 1, 1–4). К тому же, подавляющее большинство пломб происходило из случайных находок, что существенно препятствовало возможности их датировки. В результате первоначально пристальное внимание исследователей к дрогичинским пломбам привело лишь к появлению большого количества версий об их назначении, часто противоречивых, а иногда и просто невероятных. В разные годы высказывались предположения о том, что обнаруженные в Дрогичине свинцовые пластинки с оттисками представляют собой: буллы ятвяжских грамот, религиозные талисманы, «печати судей», знаки собственности, византийские «товарные клейма», немецкие «торговые марки», «знаки церковных праздников» (*Лучицкий*, 1892. С. 73–103; *Болсуновский*, 1899 и др.). В зависимости от атрибуции широко колебалась и предлагавшаяся различными авторами датировка пломб – от первых веков нашей эры до XVII столетия.

Значительный прогресс в изучении дрогичинских пломб произошел лишь в последние десятилетия. В значительной мере это стало возможным благодаря успехам, достигнутым специа-

листами в разработке многих общих вопросов древнерусской сфрагистики, нумизматики и геральдики. В частности, было установлено, что не менее четверти пломб дрогичинского типа несут на себе изображения тамг, представляющих лично-родовые знаки русских князей, или, как их часто называют, «знаки Рюриковичей» (*Рыбаков*, 1948. С. 470). Это позволило уточнить датировку большой группы пломб. Относительно функционального назначения древнерусских пломб в современной историографии утвердились три наиболее аргументированные версии. Принято считать, что пломбы могли использоваться для опечатывания товаров, скрепления связок «меховых денег», а также в качестве актовых печатей. При этом большинство исследователей считает, что, в целом, пломбы имели «полифункциональный» характер. Поэтому при решении вопроса о конкретном назначении каждой пломбы должен осуществляться индивидуальный подход, учитывающий множество факторов: размеры, качество изготовления, характер изображений, место находки и т. д. Так, в качестве подвесных печатей к актовым документам, очевидно, могли употребляться относительно крупные и качественно изготовленные экземпляры пломб (рис. 1, 5, 6) (*Перхавко*, 1996. С. 239). Пломбы, предназначавшиеся для скрепления связок шкур-кун, видимо, должны были нести на себе изображение княжеской тамги (рис. 1, 3, 7) (*Молчанов*, 1997. С. 106).

Особенное единство мнений наблюдается в вопросе о датировке пломб дрогичинского типа. Практически все исследователи единодушно относят эти пломбы к домонгольскому периоду, датируя их в рамках XI – XIII вв. (*Янин*, 1970. С. 132; *Коваленко*, *Молчанов*, 1993. С. 214; *Перхавко*, 1996. С. 236 и др.).

В связи с этим полной неожиданностью стали для археологов находки древнерусских пломб в Москве в слоях XIV–XV вв. Первая такая пломба была обнаружена в 1996 г. в ходе охранных работ, проводившихся ЦАИ г. Москвы (руководитель А.Г. Векслер) на ул. Ильинка. Археологические исследования, связанные с прокладкой по трассе улицы коммуникационного коллектора, включали как стационарные раскопки, так и наблюдения за земляными строительными работами. Пломба была найдена археологом А. Колесниковым при просмотре с при-

Рис. 1. Дрогичинские пломбы:
1–4 – по К.В. Болсуновскому;
5–7 – по С.В. Белецкому и В.П. Петренко

менением металлодетектора стенки строительного котлована (зона наблюдений 7, участок 2) в слоях конца XIV – XV в. На одной из сторон пломбы изображен четвероногий «хищник» с когтистыми лапами в «геральдической» позе. На другой стороне помещена надпись в несколько строк, от которой, из-за малых размеров пломбы (осредненный диаметр – 8 мм) надежно читаются только фрагменты двух верхних строк: «ПЕЧА... / КНЯ...» (рис. 2, 7). Помимо датировки, именно наличие надписи, состоящей из нескольких слов, являлось главным отличием «миниатюрной» пломбы с ул. Ильинки от хорошо известных plomb дрогичинского типа. Интерес, вызванный этой необычной пломбой, послужил толчком к целенаправленному поиску, результаты которого превзошли все ожидания.

Сразу три древнерусские пломбы были обнаружены в январе 1998 г. в ходе археологических наблюдений за строительными работами, связанными с подводом коммуникаций к дому 3/8, строение 5 по ул. Ильинка.

Вертикальная строительная шахта, пройденная до глубины 4,5 м, располагалась на узком пятачке между проезжей частью улицы, реконструируемым зданием и церковью Ильи Пророка. Выборка грунта осуществлялась вручную. На поверхность грунт подавался при помощи лебедки. Это обстоятельство позволило археологам просматривать отвал поэтапно – по «пластам» мощностью от 20 до 50 см. Русские пломбы были найдены на глубине около четырех метров от современной дневной поверхности в слое плотной коричневой супеси, насыщенной щепой. Несколько выше обнаружены две медные монеты – маленкие московские пула с изображением крылатой сирены, чеканившиеся в первой половине XVI в., и западноевропейская товарная пломба (рис. 3, 1).

С одной стороны на двух русских пломбах просматриваются остатки многострочной надписи, содержание которой с учетом обоих экземпляров легко реконструируется: «Князя великого». На оборотной стороне одной из этих plomb, видимо, находилась круговая надпись (рис. 2, 4). Обратная сторона другой пломбы плохой сохранности (рис. 2, 5). Третья пломба внешне заметно отличается от двух предыдущих. На одной ее стороне расположено изображение знака в виде разностороннего треугольника, отдаленно напоминающего букву «Д». Изображение на оборотной стороне из-за механического повреждения пломбы не просматривается (рис. 2, 9).

Еще восемь древнерусских plomb были найдены в 1998 г. в ходе работ, проводившихся ЦАИ г. Москвы под руководством А.Г. Векслера, на территории Старого Гостиного двора. Пять из них происходили с раскопа V (рис. 2, 1–3, 10, 11) и три – с раскопа VI (рис. 2, 6, 8, 12). Исходя из различий в изображениях лицевой и оборотной сторон, все эти пломбы условно можно разделить на три группы. К *первой группе* – с надписями на обеих сторонах – относятся три

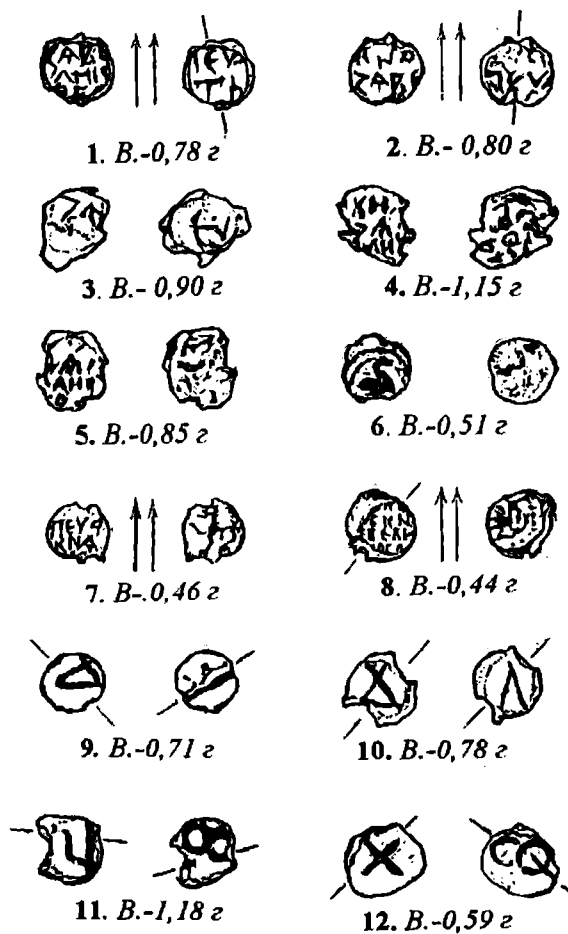

Рис. 2. Русские средневековые пломбы из Москвы

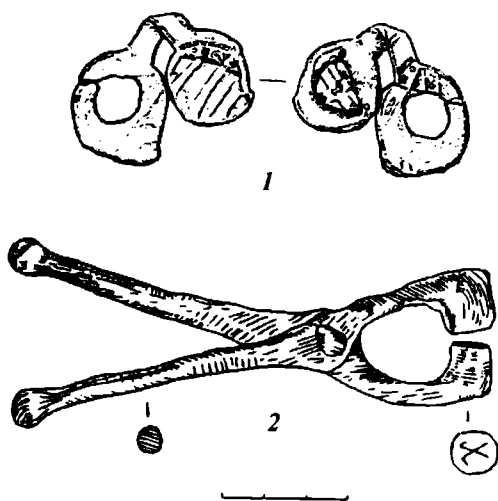

Рис. 3. Западноевропейская пломба XVI в. (1) и «пломбир» из раскопок в Новгороде (2)

пломбы. При этом две из них, возможно, оттиснуты одной парой матриц (рис. 2, 1, 2). На одной стороне этих пломб имеется четырехстрочная надпись: «КНЯ / ЗЯВЕ / ЛИК / ОГО». На другой читается слово «ПЕЧАТЬ», написанное в две строки с переносом двух последних букв и, очевидно, представляющее собой начало, либо окончание (в зависимости от того, какую сторону пломбы считать лицевой) надписи, помещенной на противоположной стороне (рис. 2, 1, 2).

Вторая группа представлена пломбой, на которой аналогичная надпись полностью размещена лишь на одной из сторон, а противоположную сторону занимает изображение птицы вправо, возможно, терзающей змею (рис. 2, 8). Не исключено, что к этой же типологической группе относится и еще одна пломба. На одной из ее сторон, по-видимому, также изображена птица вправо. На другой стороне изображение не сохранилось (рис. 2, 6).

Третью группу составляют пломбы с изображениями различных знаков на обеих сторонах (рис. 2, 10–12). Типологически эта группа

очень близка многим дрогичинским пломбам XII–XIII вв. и, возможно, генетически связана с ними.

Пока мы знаем очень мало о «великокняжеских» и других московских пломбах. На основе комплекса имеющихся данных, время их бытования предварительно определяется в рамках XIV–XV вв. При этом наиболее ранними, видимо, следует считать пломбы с различными буквообразными и тамгообразными знаками на обеих сторонах.

Относительно назначения пломб и вовсе могут быть высказаны лишь некоторые осторожные предположения. Поскольку все известные в настоящее время «великокняжеские» пломбы обнаружены в Москве на территории Великого посада, служившего центром средоточия торговой жизни столицы, можно предположить, что они предназначались для опечатывания облагавшихся налогами товаров, привозимых в город на продажу. Учитывая относительную датировку пломб, нельзя также исключать и возможности использования их для скрепления связок «кожаных денег».

Любопытно отметить тот факт, что все пломбы, для изображений обеих сторон которых уверенно определяются верх и низ, имеют четко фиксированное «правильное» соотношение сторон, обозначенное на рисунках парами направленных вверх параллельных стрелок (рис. 2, 1, 2, 7, 8). Это, несомненно, свидетельствует о применении для оттискивания пломб сопряженных матриц. Имевший аналогичное устройство «пломбир» ранее был найден при раскопках древнерусского Новгорода (рис. 3, 2) (Гуревич, 1981. С. 98, 99). Для изготовления большей части московских пломб использованы специальные свинцовые заготовки, имевшие, наподобие булл, сквозные отверстия. Однако изредка применялись обычные свинцовые пластинки, согнутые пополам (рис. 2, 12). Все это представляет важным для пополнения наших знаний о средневековых пломбах.

Литература

- Болсуновский К.В., 1899. Свинцовые пластинки (пломбы) с условными знаками церковных праздников. М.
- Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новгородок. Посад – Окольный город. Л.
- Коваленко В.П., Молчанов А.А., 1993. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова // СА. № 4.
- Лучницкий И.В., 1892. По поводу дрогичинских древностей. Заметки к истории торговых сношений Ганзы с северо-западной и южной Русью // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. VI. Киев.
- Молчанов А.А., 1997. Знаки Рюриковичей на древнерусских печатях и монетах: последняя четверть века их изучения // НС МНО. № 5. М.
- Перхавко В.Б., 1996. Распространение пломб дрогичинского типа // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М.
- Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло древней Руси. М.
- Тышкевич К.П., 1865. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина // Древности. Тр. МАО. Т. I. Вып. 2. М.
- Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М.

Особенности денежного обращения на рязанско-московском пограничье в последней четверти XIV – начале XV века

В последнее время наблюдается резкое увеличение числа нумизматических находок, происходящих с археологических памятников, что обусловлено активным применением металлодетекторов как профессиональными археологами в процессе раскопок, так, к сожалению, и кладоискателями. И если в первом случае нумизматические памятники становятся доступными для исследования, то во втором, даже попадая в поле зрения специалистов, «они, чаще всего, уже не имеют точных “паспортных данных”...», либо, что даже более опасно, возникают легенды об их происхождении, способные привести к искажению научных выводов» (Зайцев, 2002. С. 11). Между тем, изучение находок с поселений зачастую позволяет в значительной мере пересмотреть устоявшиеся взгляды на процессы, происходившие в средневековом денежном обращении. Прежде всего это справедливо при изучении начального периода русской монетной чеканки. Настоящая заметка посвящена рассмотрению некоторых вопросов денежного обращения последней трети XIV – начала XV в. на пограничье Московского и Рязанского княжеств (в московских землях по среднему течению Оки – от Серпухова до Коломны).

Сейчас можно с достаточной уверенностью говорить, что не только в Рязанском, но и в Московском княжестве к моменту начала собственной чеканки имело место обращение золотоордынского серебряного дирхема (Янин, Янина, 1955; Колызин, 2001; Волков, в печати). При этом в московских землях он обрезался до местной весовой нормы, а в рязанских – нет. Собственная монета появляется в Рязани и Москве практически одновременно: видимо, в начале 80-х гг. XIV в. Известны монеты Дмитрия Донского и его современника и соратника Владимира Андреевича Храброго. Одна сторона этих монет занята арабской надписью с благопожеланием Тохтамышу, а на другой помещается то или иное изображение и русская надпись. Вес первых московских монет близок к 1 г.

В Рязанском княжестве избрали совершенно иной способ изготовления монеты. На уже имевшиеся в обращении джучидские дирхемы стали надчеканивать сначала русские буквы, а

затем – тамгу оригинального вида, традиционно называемую мордкой (рис. 2, 3–6). Вес дирхема в это время составлял 1,4–1,5 г, то есть был в полтора раза больше веса московских монет. Здесь же чеканились и подражания дирхемам, причем по той же весовой норме (рис. 2, 1, 2).

До сих пор общепринятым является мнение о полной взаимной изоляции денежного обращения Рязани и Москвы в конце XIV – первой трети XV в. В качестве обоснования такой точки зрения выдвигается тезис об отсутствии московских монет на правобережье Оки и, наоборот, рязанских монет в землях московских (Федоров-Давыдов, 1981. С. 25). Действительно, нам пока неизвестны ни клады, ни отдельные находки московских денег указанного периода на территории Рязанского княжества. Однако, если рассмотреть находки на левобережье Оки, то есть в землях, принадлежавших Великому княжеству Московскому, ситуация предстанет не столь однозначной.

На настоящий момент зарегистрировано не менее семи пунктов в южной части Московского княжества, в которых обнаружены монеты с рязанскими надчеканками – два клада и ряд отдельных монет (рис. 1). Приведем здесь сводку этих находок:

1) г. Серпухов (ул. Чехова). В 1924 г. при перестройке забора рабочие нашли около 400 рязанских монет XV в. Монеты посылались на экспертизу в Москву А.В. Арциховскому. Около полутора десятков монет поступили в Серпуховской музей, остальные разошлись по рукам (Мельникова, Дядченко, 1994. С. 52. № 191; Векслер, Мельникова, 1988. С. 189. № 61; 1999. С. 197. № 77; Волков, 2000. С. 140. № 8);

2) г. Ступино (бывший разъезд Ступино). В 1932 г. в ходе земляных работ при постройке завода электровозов около Белопесочного монастыря был найден клад, состоявший из серебряных монет Великого княжества Рязанского (Олега Ивановича и Федора Ольговича). 298 экз. из клада были доставлены в ГИМ 31 августа 1932 г. сотрудником оперативного отдела милиции Каширского р-на Гиришфельдом. Клад в виде комплекса не сохранился и распылчился по собранию музея (запись в Книге поступлений ГИМ от 01.IX.1932 г. № 73864);

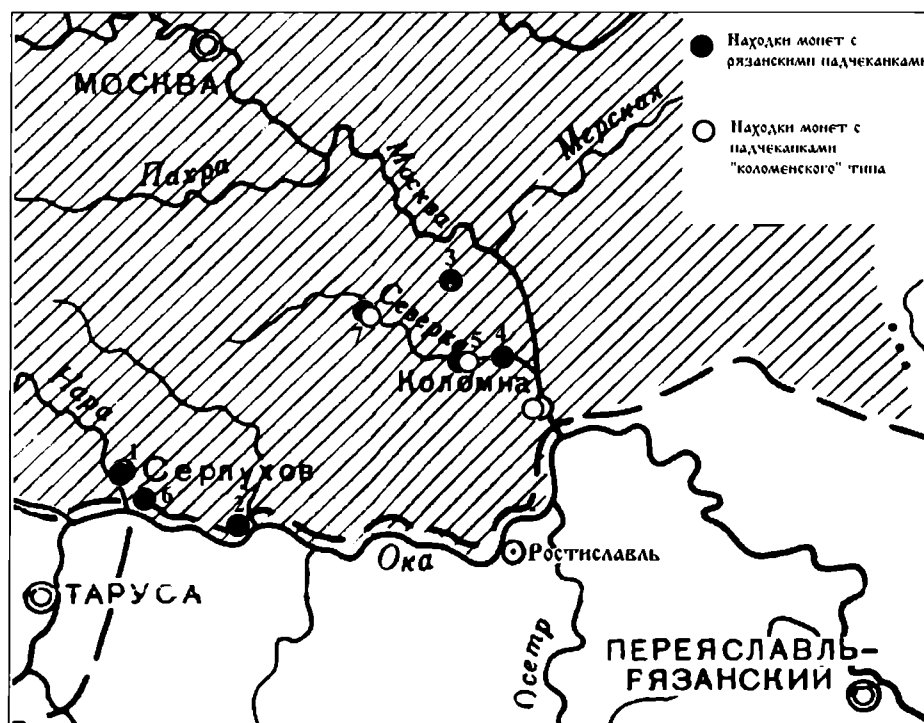

Рис. 1. Распространение находок рязанских монет в московских землях.

1 – Серпухов; 2 – Ступино; 3 – Старниково; 4 – Настасьино; 5 – Городищи-Юшково; 6 – Лужки; 7 – Алексеевское

3) *Бронницкий район, с. Старниково*. Весной 2002 г. на пашне, неподалеку от села, были найдены две средневековые русские монеты, одна из которых представляла собой рязанскую денгу конца XIV в. с надчеканкой «тамги» на подражании дирхему. Вес – 0,82 г. При этом монетная пластинка была медной, и лишь плакированной серебром. По мнению В.В. Зайцева, данный экземпляр представляет собой одну из самых древних фальшивых русских монет, известных на сегодняшний день (Зайцев, 2002. С. 15, 16);

4) *Коломенский район, д. Настасьино*. В 2000 г. в ходе работ Подмосковной археологической экспедиции ИА РАН на берегу р. Северка, на городище раннего железного века была частично раскопана богатая усадьба XIV – начала XV в., где были обнаружены 7 экз. русских средневековых монет, среди которых находился золотоордынский дирхем Джанибека (Сарай ал-Джедид, 747 г. х.) с надчеканкой русской буквы «Д». Монета была обрезана по кругу (вес – 1,05 г) (Зайцев, 2001а, С. 134. Рис. 2);

5) *Коломенский район, д. Городищи-Юшково*. На территории средневекового селища, расположенного неподалеку от деревни, в 2001–2002 гг. с помощью металлодетектора было собрано значительное количество русских и золотоордынских монет XIV – первой половины XV в., из которых в отделе нумизматики ГИМ удалось зарегистрировать около 70 экз. Среди них имелось подражание золотоордынскому дирхему с рязанской буквенной надчеканкой (монеты осмотрены автором летом 2002 г.);

6) *Серпуховской район, с. Лужки*. При проводившихся в 1998–2002 гг. в Приокско-Террасном заповеднике археологических исследованиях, в 2 км от села, на берегу р. Колочи, на территории средневекового поселения было найдено 20 монет XIV–XVI вв. Среди них имелись серебряные дирхемы Золотой Орды, подражания им, монеты Москвы и московских уделов, а также две монеты Федора Ольговича с надчеканками рязанской «тамги» (Селезнев, Осипов, 2003);

7) *Ступинский район, с. Большое Алексеевское*. На территории средневекового селища, расположенного неподалеку от деревни, в 1999–2002 гг. с помощью металлодетектора было собрано значительное количество русских и золотоордынских монет XIV – первой половины XVI в., среди которых имелось не менее 3 экз. подражаний золотоордынским дирхемам XIV в. с надчеканками русских букв. Все монеты были обрезаны (вес – 0,81, 0,96 и 1,07 г) (сообщение Ю.В. Клочкова; осмотрены автором весной 2003 г.).

Как можно заметить, помимо собственно берегов Оки (Серпухов, Ступино), в нашем списке имеются и поселения, расположенные на притоках р. Москвы. Причем встречены как монеты с рязанской тамгой, так и с надчеканками русских букв. Наличие таких монет в культурном слое целого ряда поселений однозначно свидетельствует о проникновении их в реальное денежное обращение указанной территории.

Само по себе присутствие рязанских монет в московских землях не должно удивлять. Закономерно, что монеты с большим весом проника-

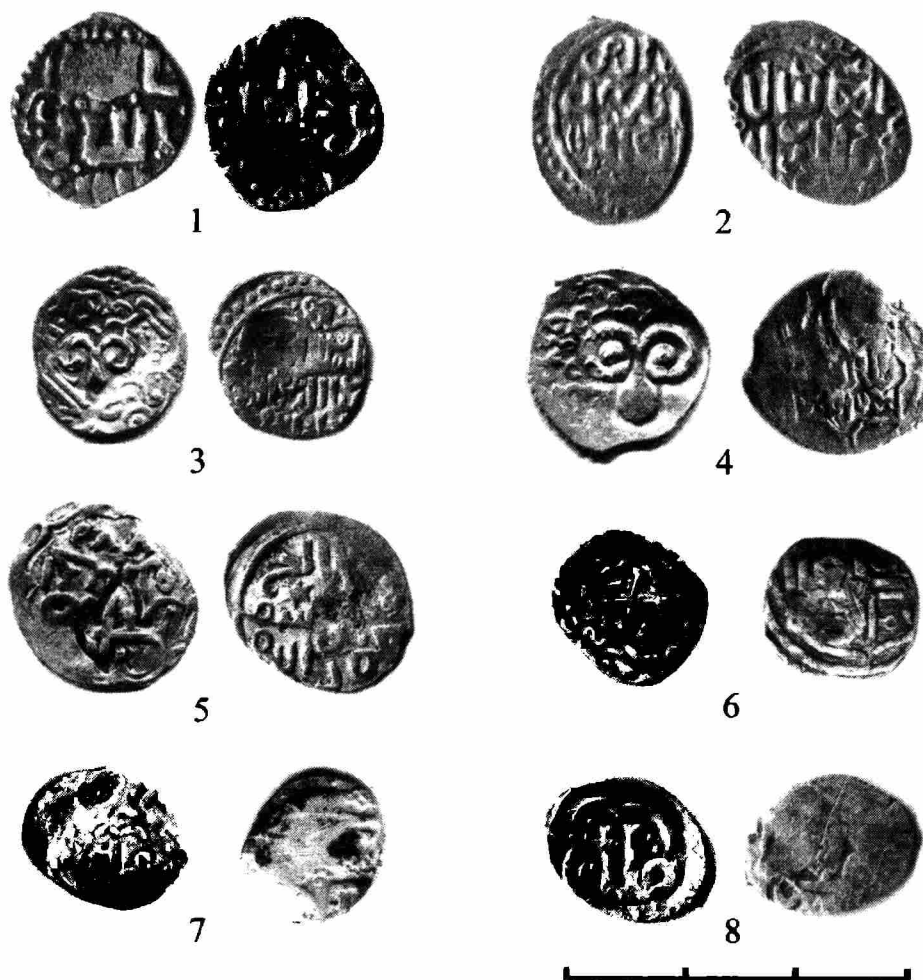

Рис. 2. 1, 2 – рязанские подражания дирхемам Золотой Орды; 3, 4 – монеты с рязанской надчеканкой тамги; 5, 6 – монеты с рязанскими буквенными надчеканками; 7, 8 – надчеканки коломенского типа

ют в денежное обращение региона, где используются монеты, отчеканенные по более низкой весовой норме.

Как уже говорилось, джучидские дирхемы, в значительных количествах обнаруживаемые на юге московских земель, обрезаны под норму около 0,8–1,00 г. Это позволяло считать, что данные монеты попадали сюда из Волжской Болгарии (где дирхемы в конце XIV – начале XV в. также обрезались до близкого веса; *Мухаматдиев*, 1983) по Волго-Окскому пути. А это, в свою очередь, давало право предполагать, что происхождение московской монетной стопы каким-то образом связано с Волжской Болгарией. Вероятно, такое предположение и оставалось бы наиболее логичным, если бы не указанные находки монет с рязанскими надчеканками. Дело в том, что подавляющее большинство обнаруженных на московском берегу Оки дирхемов и подражаний с надчеканками русских букв также обрезаны под вес, составляющий 0,8–1,0 г, то есть приведены к московской весовой норме. В рязанском княжестве обрезанные монеты не ходили. Достаточ-

но сложно представить, что монеты с рязанскими надчеканками сначала попадали в район современной Казани, там их обрезали, а оттуда ввозили в Москву. Следовательно, обрезались они уже в московских землях.

Таким образом, обнаружение обрезанных монет с рязанскими надчеканками подтверждает импорт джучидских дирхемов в московские земли с территории Рязанского княжества. А это, в свою очередь, объясняет казавшееся ранее странным очень большое количество золотоордынских монет именно в южных районах Московского княжества при практически полном их отсутствии в восточных. Разумеется, данное наблюдение совершенно не исключает возможности того, что некоторое количество дирхемов действительно ввозилось не с юга, а с востока, через суздальско-нижегородские земли. Однако преобладающим направлением, исходя из топографии находок, было именно южное.

Еще одна любопытная категория монет, свидетельствующая, на мой взгляд, о тесной связи рязанской и московской зон денежного

обращения, – подражания дирхемам или гладкие серебряные пластинки с надчеканками, так называемого коломенского типа (рис. 2, 7, 8). Эти монеты впервые были опубликованы еще в конце XIX в. (Марков, 1898. С. 859, 860), но вопрос о месте их чеканки до последнего времени оставался открытым. Было даже неясно, производились ли они в русских землях, или в Поволжье. Надчеканки представляют собой искаженную арабскую надпись. Востоковеды и специалисты по джучидской нумизматике пока не пришли к окончательному решению, что именно здесь написано. Высказываются несколько точек зрения, однако большинство, кажется, сейчас склоняется к тому, что это сильно испорченная арабская надпись «малик», то есть «князь». В статье, посвященной иному типу русских монет с надчеканками (с изображением четвероногого животного), В.В. Зайцев затронул и вопрос о месте производства рассматриваемых денег. Исследователь пришел к заключению, что «по всей видимости, они чеканились на территории Московского княжества, однако, вряд ли... в самой Москве» (Зайцев, 2001б. С. 11). Последние данные о топографии находок этих монет позволяют более определенно говорить о месте их производства. Они обнаружены до сих пор исключительно в Коломне и ее окрестностях, по течению рек Северки и Коломенки, то есть там же, где и обрезанные монеты с рязанскими надчеканками. Это позволяет уверенно локализовать их производство именно в дан-

ном регионе, вероятнее всего в Коломне. Единственный клад, содержащий монеты с такими надчеканками, также был обнаружен в черте современной Коломны – в д. Городищи в 1896 г. (Ильин, 1924. С. 35. № 45; Сотникова, Спасский, 1979. С. 65, 66. № 2).

В целом такая технология производства монет (односторонняя надчеканка) совершенно нехарактерна для московских земель: здесь господствовала «классическая» технология двусторонней чеканки. Возможно, на появление таких монет повлияло тесное знакомство местного населения с монетами рязанских, то есть с надчеканенными дирхемами и подражаниями им. Полное исследование и публикация этих монет – дело будущего, однако уже сейчас рязанское влияние на технологию их производства кажется весьма вероятным.

Таким образом, последние находки из Почья свидетельствуют, что тезис о полной изоляции денежного обращения и денежного дела Москвы и Рязани является далеко не бесспорным. Судя по всему, имел место ввоз в московские земли с рязанской территории как джучидских дирхемов и подражаний им, так и рязанских монет с надчеканками. Дальнейшая фиксация единичных монетных находок, происходящих с рассматриваемой территории, позволит более подробно исследовать сложные экономические процессы, происходившие на пограничье Москвы и Рязани в конце XIV – начале XV в.

Литература

- Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1988. Московские клады. М.
- Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1999. Российская история в московских кладах. М.
- Волков И.В., 2000. Монеты независимого Новгорода в денежном обращении русских земель в XV – начале XVI в. // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.
- Волков И.В. Об обращении джучидского дирхема в московских землях во второй половине XIV – начале XV в. // Матер. междунар. конф. «Денежное обращение монгольских государств в XIII–XV вв.» Саратов. (В печати.)
- Зайцев В.В., 2001а. Находки русских монет XIV–XVI вв. на городище Настасьино // IX Всерос. нумизм. конф. СПб.
- Зайцев В.В., 2001б. Загадочные односторонние монеты конца XIV – начала XV в. // НА. № 4. М.
- Зайцев В.В., 2002. Хроника интересных находок // НА. № 3–4. М.
- Ильин А.А., 1924. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода // Тр. Нумизматической комиссии РАИМК. Л.
- Кользин А.М., 2001. Торговля Древней Москвы. XII – середина XV в. М.
- Марков А.К., 1898. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Дополнение первое. СПб.
- Мельникова А.С., Дядченко О.С., 1994. Монетные клады. Сводка кладов и сведения о находках. М.
- Мухамадиев А.Г., 1983. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.
- Селезнев А.Б., Осипов И.И., 2003. Комплекс монет XIV–XVI вв. с поселения у с. Лужки // XI Всероссийская нумизматическая конференция. СПб.
- Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1979. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX веков: Материалы и исследования. Л.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М.
- Янин В.Л., Янина С.А., 1955. Начальный период рязанской монетной чеканки // Нумизм. сборник ГИМ. Ч. I. М.

Нумизматические находки из раскопок 2003 года в Коломне

Общеизвестно, что нумизматические находки обычны в культурном слое средневековых русских городов, и Коломна не является исключением. Уже первые раскопки в городе выявили насыщенность городского культурного слоя монетами (Милонов, 1948). С образованием в 1989 г. городской археологической службы фиксация монетных находок стала регулярной.

Наша работа посвящена нумизматическим находкам, происходящим с одного раскопа 2003 г. – по ул. Болотникова, на территории Коломенского кремля. Обработка материалов пока находится в начальной стадии (полностью они будут изданы позднее). Раскоп имел площадь 272 м при мощности культурного слоя 4,5–5 м и отличался очень хорошей, по меркам Коломны, степенью сохранности слоя, почти не нарушенного поздними перекопами.

Нумизматические находки раскопа делятся на две категории: единичные монеты, которые можно отнести к случайным потерям, и клады. К первым относятся 32 монеты XVI–XX вв., большая часть которых отчеканена из меди (табл. 1). Они обслуживали розничную городскую торговлю и не представляли большой ценности. Для XVI в. это медные пулы маленького формата московской чеканки, которых найдено 8 экз. (Гайдуков, 1993. № 405). Такие монеты, в силу малых размеров и, как правило, сильной окисленности, редко удается обнаружить при переборке культурного слоя. Число находок возросло после начала применения селективных металлодетекторов. Однако нами эти приборы применялись для проверки уже перебранной земли, и потому обнаруженные пулы, как правило, не имеют точной привязки. Вот почему, отмечая присутствие этих монет в слоях XVII в., мы можем лишь с большой долей осторожности говорить об использовании их в денежном обращении в течение всего XVII столетия. Уточнить сделанное наблюдение помогут новые исследования.

Значительный процент находок составили медные монеты – полушки и денги чеканки Петра I. Встречены экземпляры 1700, 1707, 1718–1722 гг. В обращении они были долгое время и смешались с полушками и денгами выпусков 1730–1754 гг. В верхних слоях обычной находкой являлись монеты XIX – начала XX в.

Большой интерес представляют два монетных комплекса начала XVII в. Клады не часто находят при раскопках, в Коломне же это второй случай за всю историю ее археологического изучения (Мазуров, 2000. С. 124).

Первый из двух кладов был обнаружен на глубине -74 см от уровня современной дневной поверхности, в слое темной серо-коричневой супеси, содержащей угли и комки прокаленной глины, в пределах большого пятна размерами 6х7 м, уходящего в стенки раскопа. Судя по скоплениям прокаленной глины, угля и древесного тлена, этот объект может являться следами какой-то постройки с печным развалом. Клад не имел вместилища, но монеты могли быть завернуты в полностью истлевшую ткань.

Всего было собрано 645 серебряных русских копеек XVI – начала XVII в. (табл. 2). Среди них: 310 экз. чеканки Ивана Грозного, 118 экз. – Федора Ивановича, 208 – Бориса Годунова, 2 монеты Лжедмитрия I и 1 копейка Василия Шуйского, отчеканенные на Московском, Новгородском и Псковском монетных дворах (табл. 2). Таким образом, самыми поздними монетами клада являются новгородские копейки Лжедмитрия I (1606 г.) и московская копейка Василия Шуйского раннего типа. Эти монеты определяют время выпадения клада – не ранее осени 1606 г.

Именно в это время в городе происходили бурные события. В середине октября 1606 г. рязанские дружины И. Пашкова и П. Липунова взяли Коломну. По некоторым сведениям, первоначально был разорен посад, кремль же зять с ходу не удалось. Современники так описывали сопровождавшие взятие города грабежи: «...монастыри и церкви все осквернили и казну г. грабили, и образы божьи обругали, оклады ободрали, и дворян, и детей боярских, и торговых, и всех лутчих людей жены и дети опозорили нечеловечески, животы разграбили и весь город всяких людей до конца разорили» (Морозов, 1985). Чуть позже, в ноябре, через Коломну прошли войска касимовского царя Ураз-Магомета, шедшего на помощь восставшим (Кузнецов, 1993. С. 45).

Второй клад, судя по набору монет, может относиться к этому же времени (табл. 3). Он не имеет точной привязки в раскопе. Он был обнаружен

при проверке перебранного грунта металлодетектором и представляет собой 8 спекшихся в огне серебряных копеек. Можем только указать, что он относится к тому же горизонту культурного слоя, в котором был обнаружен первый клад. Отсутствие у обоих кладов вместилищ может свидетель-

ствовать о чрезвычайных обстоятельствах их выпадения.

Обнаруженные во время раскопок 2003 г. клады дополняют список известных в настоящее время коломенских кладов (*Векслер, Мельникова, 1999; Самошин, 1997*).

Литература

- Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1999.* Российская история в московских кладях. М.
- Гайдуков П.Г., 1993.* Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.
- Кузнецов В.И., 1993.* Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда XVI–XVII вв.). М.
- Мазуров А.Б., 2000.* Охранные исследования в Коломне // АО 1998 г. М.
- Мельникова А.С., 1989.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М.
- Милонов Н.П., 1948.* Историко-археологический очерк г. Коломны // Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института музейной и краеведческой работы. М.
- Морозов Б.Н., 1985.* Важный документ из истории восстания Болотникова // История СССР. № 2
- Самошин С.И., 1997.* Клад русских монет середины XVI века из Коломны // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Вып. 2. Коломна.
- Уздеников В.В., 1986.* Монеты России. 1700–1917. М.

Таблица 1

Номинал	Монетный двор	Металл	Литература	№ по полевой описи
Пуло	Москва	медь	<i>Гайдуков, 1993. № 405</i>	№ 525*
Пуло	Москва	медь	<i>Гайдуков, 1993. № 405</i>	№ 276, кв. 46, гл. -80
Пуло	Москва	медь	<i>Гайдуков, 1993. № 405</i>	№ 443
Пуло	Москва	медь	<i>Гайдуков, 1993. № 405</i>	№ 358, кв. 41, гл. -97
Пуло	Москва	медь	<i>Гайдуков, 1993. № 405</i>	№ 447*
Пуло	Москва	медь	<i>Гайдуков, 1993. № 405</i>	б. н.
Пуло	Москва	медь	<i>Гайдуков, 1993. № 405</i>	б. н.
Пуло маленькое (нач. XVI в.)	?	медь	(плохая сохранность)	№ 626*
Пуло (?)	?	медь	(плохая сохранность)	№ 528, кв. 33, гл. -123
Пуло	Москва	медь	<i>Гайдуков, 1993. № 405</i>	№ 440*
Русская монета XVI–XVII вв.	?	медь	(плохая сохранность)	№ 531, кв. 26, гл. -123
Копейка Бориса Федоровича (1598–1605)	Псков	серебро	<i>Мельникова, 1989. Табл. 3, 1</i>	Возможна принадлежность к кладу 2
Копейка Алексея Михайловича (1645–1672)		серебро	<i>Мельникова, 1989. Табл. 12</i>	№ 445*
Полушка, 1721		медь	<i>Уздеников, 1986. С. 241–257</i>	№ 274, кв. 43, гл. -80
Полушка, 1722		медь	–	№ 536*
Полушка, 1722		медь	–	№ 511*
Полушка, 1707		медь	–	№ 430*
Денга, 1700		медь	–	№ 77, кв. 22, гл. -54
Денга, 1700		медь	–	№ 427*
Полушка, 1731		медь	–	№ 172, кв. 11, гл. -67
Полушка, 1735		медь	–	№ 579, кв. 21, гл. -115
Полушка, 1737		медь	–	№ 745, кв. 58, гл. -140
Полушка, 1734		медь	–	№ 103, кв. 4, гл. -60
Денга, 1738		медь	–	№ 332, кв. 32, гл. -94
Денга, 1744		медь	–	№ 206, кв. 30, гл. -80
Денга, 1736		медь	–	№ 53, кв. 40, гл. -40
Денга, 1745		медь	–	№ 24, кв. 41, гл. -40
Копейка, 1833	«ЕМ»	медь	–	№ 119, кв. 53, гл. -57
Копейка, 1841	?	медь	–	яма 6, гл. -244
Копейка, 1845	«СМ»	медь	–	№ 21, кв. 28., гл. -30
Денежка, 1856	«ЕМ»	медь	–	№ 67, кв. 28, гл. -56
Копейка, 1903	«СПБ»	медь	–	№ 441*

* – найдена при проверке перебранной земли.

Таблица 2

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Номинал, дифферент	№ по каталогу А.С. Мельникова (1989)	Количество монет
1–52	Иван IV (1533–1584)	Москва	Копейка мечевая	Т. 1. 1–1	52
53–80	– " –	Новгород	Копейка безыменная	Т. 1. 9–12	28
81–102	– " –	Новгород	Копейка ФС	Т. 1. 14–17	22
103–153	– " –	Новгород	Копейка ПС	Т. 1. 19–23	51
15–159	– " –	Новгород	Копейка АЛ	Т. 1. 22–26	6
160	– " –	Новгород	Копейка	Т. 1. 27–26	1
16–162	– " –	Новгород	Копейка	Т. 1. 25–26	2
163–166	– " –	Новгород	Копейка	Т. 1. 28–26	4
167–191	– " –	Новгород	Копейка КВА	Т. 1. 29–26	25
192–193	– " –	Новгород	Копейка КВА	Т. 1. 31–26	2
194–199	– " –	Новгород	Копейка КАН	Т. 1. 33–26	6
200–203	– " –	Новгород	Копейка	Т. 1. ?–26	4
204–227	– " –	Псков	Копейка А	Т. 1. 8–11	24
228–234	– " –	Псков	Копейка ІВЯ	Т. 1. 20–24	7
235–253	– " –	Псков	Копейка ГР	Т. 1. 21–25	19
254–284	– " –	Псков	Копейка СМН	Т. 1. 35–27	31
285	– " –	Псков	Копейка	Т. 1. 36–28	1
286–308	– " –	Псков	Копейка ІВР	Т. 1. 37–27	23
309–310	– " –	Псков	Копейка ІВР	Т. 1. 37–29	2
<i>Всего</i>	<i>Иван IV</i>		<i>Копейка</i>		<i>310</i>
311–313	Федор Иванович (1584–1598)	Москва	Копейка	Т. 2. 4–5	3
314	– " –	Москва	Копейка	Т. 2. 6–4	1
315–346	– " –	Москва	Копейка	Т. 2. 9–4	32
347	– " –	Новгород	Копейка	Т. 2. 1–1	1
348–349	– " –	Новгород	Копейка	Т. 2. 2–1	2
350–354	– " –	Новгород	Копейка	Т. 2. 2–2	5
355–365	– " –	Новгород	Копейка	Т. 2. 3–2	11
366–374	– " –	Новгород	Копейка	Т. 2. 5–2	9
375–377	– " –	Новгород	Копейка	Т. 2. ?–2	3
378–382	– " –	Псков	Копейка	Т. 2. 3–2	5
383–402	– " –	Псков	Копейка	Т. 2. 4–2	20
403–421	– " –	Псков	Копейка	Т. 2. 5–2	19
422–428	– " –	Псков	Копейка	Т. 2. 6–2	7
<i>Всего</i>	<i>Федор Иванович</i>		<i>Копейка</i>		<i>118</i>
429–452	Борис Федорович (1598–1605)	Москва	Копейка	Т. 3. 1–1	24
453	– " –	Москва	Копейка	Т. 3. 2–1	1
454–525	– " –	Москва	Копейка	Т. 3. 4–2	72
526–533	– " –	Москва	Копейка	Т. 3. 4–4	8
534–535	– " –	Москва	Копейка	Т. 3. 4–5	2
536	– " –	Москва	Копейка	Т. 3. 5–2	1
537–538	– " –	Москва	Копейка	Т. 3. 5–3	2
539–541	– " –	Москва	Копейка	Т. 3. 6–1	3
542	– " –	Москва	Копейка	Т. 3. 6–2	1
543–544	– " –	Москва	Копейка	Т. 3. 6–4	2
545–547	– " –	Москва	Копейка	(плохая сохранность)	3
548–552	– " –	Новгород	Копейка	Т. 3. 1–1	5
553–558	– " –	Новгород	Копейка	Т. 3. 2–2	6
559	– " –	Новгород	Копейка	Т. 3. 3–2	1
560–563	– " –	Новгород	Копейка	Т. 3. 4–2	4
564	– " –	Новгород	Копейка	Т. 3. 4–4	1
565–570	– " –	Новгород	Копейка	Т. 3. 6–5	6
571	– " –	Новгород	Копейка	Т. 3. 8–7	1
572–573	– " –	Новгород	Копейка	Т. 3. 9–8	2
574–577	– " –	Новгород	Копейка	Т. 3. 10–9	4
578	– " –	Новгород	Копейка	Т. 3. 11–9	1

Таблица 2. Продолжение

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Номинал, дифферент	№ по каталогу А.С. Мельниковой (1989)	Количество монет
579-583	– " –	Новгород	Копейка	Т. 3. 13-10	5
584-589	– " –	Новгород	Копейка	(плохая сохранность)	6
590-618	– " –	Псков	Копейка	Т. 3. 1-1	29
619-620	– " –	Псков	Копейка	Т. 3. 2-1	2
621	– " –	Псков	Копейка	Т. 3. 2-2	1
622	– " –	Псков	Копейка	Т. 3. 3-1	1
623	– " –	Псков	Копейка	Т. 3. 3-4	1
624-628	– " –	Псков	Копейка	Т. 3. 4-4	5
629-632	– " –	Псков	Копейка	Т. 3. 5-5	4
633-636	– " –	Псков	Копейка	(плохая сохранность)	4
<i>Всего</i>	<i>Борис Федорович</i>		<i>Копейка</i>		<i>208</i>
637-638	Лжедмитрий I (1605-1606)	Новгород	Копейка	Т. 4. 2-1	2
639	Василий Иванович Шуйский (1606-1610)	Москва	Копейка	Т. 4. 1-3	1
640	Неопределимые из-за плохой сохранности				6
<i>Всего монет в кладе</i>					<i>645</i>

Таблица 3

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Номинал, дифферент	№ по каталогу А.С. Мельниковой (1989)	Количество монет
1	Федор Иванович (1584-1598)	Москва	Денга	Т. 2. 3-3	1
2	– // –	Москва	Копейка	Т. 2. 4-2	1
3	– // –	Новгород	Копейка	Т. 2. 3 (?) – 2	1
4	Борис Федорович (1598-1605)	Москва	Копейка	Т. 3. 4-2	1
5	– // –	Москва	Копейка	Т. 3. 1-1	1
6	Василий Иванович Шуйский (1606-1610)	Новгород	Копейка	Т. 3. 2-2	1
7-8.	(плохая сохранность)		Копейка		2
<i>Всего монет в кладе</i>					<i>8</i>

Исследования некрополя XIX века у храма Смоленской иконы Божьей Матери в Троице-Сергиевой лавре в 2003 году

В предлагаемой публикации анализируется материал комплексных исследований некрополя XIX–XX вв. у храма Смоленской иконы Божьей Матери в Троице-Сергиевой лавре. При изучении столь позднего в хронологическом отношении кладбища проводились комплексные археологические, антропологические и архивные исследования.

Задачи исследования

Наиболее важной задачей проведенного комплексного исследования являлось выявление точной границы позднего кладбища у церкви Смоленской иконы Божьей Матери и определение его планировки, установление степени сохранности подземной части некрополя, по возможности – персонификация захоронений. На первом этапе работ комплексные исследования включали в себя сбор и обработку архивных, археологических и антропологических данных; на втором – подтверждение полученных результатов архивными сведениями. При этом, основным условием оставалось обеспечение сохранности погребальных сооружений, не подлежащих сносу ни при каких условиях. Собственно персонификация захоронений производилась только в тех случаях, когда погребение уже было нарушено в результате действия иных факторов. Одним из самых важных в методическом плане аспектов проведенного исследования, на наш взгляд, является подтверждение архивными материалами данных антропологического определения пола и возраста погребенных, что в свою очередь позволило точно датировать открытые захоронения.

Краткая история исследования кладбища

Первые археологические исследования средневекового некрополя Троице-Сергиевой Лавры относятся к 1939 г. В 1940 г. были обнаружены надгробия жены князя Василия Михайловича Глинского (20 января 1562 г.) и князя Александр

ра Оболенского (ноябрь 1607 г.). В период с 1953 по 1987 гг. исследования были продолжены (Т.В. Николаева, А.А. Молчанов, В.А. Павлов, В.И. Вишневский). С 1989 г. проводилось комплексное палеоландшафтное и археологическое изучение холма Маковец. Работы у Митрополичьих покоев открыли ценные элементы палеорельефа.

В связи с началом работ по вертикальной планировке монастыря и его геологическому изучению, в 1999–2000 гг. Сергиево-Посадским историко-художественным музеем-заповедником была проведена шурфовка культурного слоя, давшая ценный материал по стратиграфии монастыря и открывшая десятки надгробий монастырского некрополя средневекового периода (В.И. Вишневский).

В 2003 г. экспедициями Института археологии РАН были продолжены работы по археологическому изучению Троице-Сергиевой лавры. Общая площадь археологических исследований, проведенных в течение полевого сезона 2003 г., составила 456 кв. м. Московская областная экспедиция ИА РАН под руководством С.З. Чернова работала на одном из участков кладбища XIX–XX вв. – у церкви Смоленской иконы Божьей Матери, но в основном работы были сосредоточены на участке некрополя XVI–XVII вв., у церкви Сошествия Святого Духа на апостолов (1476 г.). Раскопки позднего некрополя у церкви Смоленской иконы Божьей Матери, площадью 160 кв. м, проводились Подмосковной экспедицией ИА РАН под руководством одного из авторов настоящей публикации (начальник раскопа А.Л. Высоцкий).

Исследованный Подмосковной экспедицией участок кладбища XIX–XX вв. находился на расстоянии 6,7 м от северо-восточного угла здания Больничных палат и 9,75 м от центра северной стены церкви Смоленской иконы Божьей Матери (участок 16 – рис. 1). Был заложен раскоп, ориентированный по линии север–юг, границы которого охватывали восточный участок кладбища. К моменту проведения археологических работ на этой территории наземная часть кладбища была полностью утрачена.

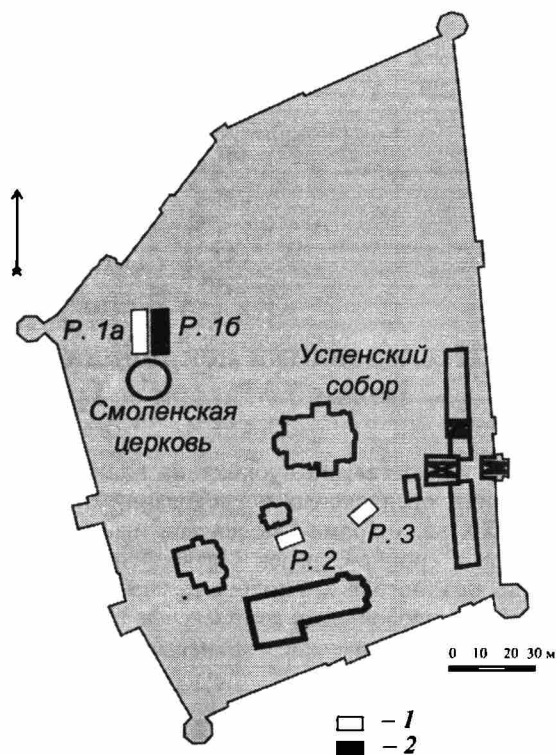

Рис. 1. Участок работ Подмосковной экспедиции ИА РАН на территории кладбища у церкви Смоленской иконы Божьей Матери

1 – раскопы 2003 г.; 2 – публикуемый участок

Кладбище XIX–XX вв.¹

Время создания кладбища у церкви Смоленской иконы Божьей Матери относится к середине XIX в. Кладбище было устроено по западноевропейскому образцу и имело четкую планировку; захоронения совершались только в склепы, ряды которых разделялись широкими дорожками шириной более 2 м – под ними находились впуски в погребения. Отсутствие хронологического порядка в погребениях, совершавшихся, по архивным данным, в разных рядах, вероятно свидетельствует в пользу предположения о резервировании мест на кладбище и планировке некрополя в соответствии со сформированным «списком». В то же время по архивным данным удалось проследить расширение кладбища на исследуемой территории, прежде всего, в северо-восточном направлении.

При изучении архивных материалов В.А. Ткаченко удалось выяснить, что с 40-х гг. XIX в. на данной территории находилось кладбище, где захоронивались светские лица высокого социального ранга, умершие семинаристы и монашествовавшие (Ткаченко, 2000, С. 128–146). Последним на территории некрополя, просуществовавшего в

общей сложности 80 лет, по решению Совдепа г. Сергиева, был погребен 28 января 1921 г. местный житель, красноармеец Сергей Куренин. К тому времени к северу от храма Смоленской иконы Божьей Матери (на пространстве от линии алтарной ниши до крайней точки выступа западного крыльца) было погребено более 70 человек.

Судя по территориальному перечню лиц, составленному на основании данных 1872, 1880 и 1927 гг., территория кладбища была поделена на 4 ряда. По фотографиям XIX в. видно, что кладбище занимало значительный по площади участок, примыкающий к церкви Смоленской иконы Божьей Матери. Над некоторыми захоронениями сооружались наземные мемориальные постройки (рис. 2). С конца 20-х – начала 30-х гг. XIX в. эти памятники стали преднамеренно уничтожаться, при этом площадь некрополя постепенно превращалась, по свидетельству очевидцев, в свалку строительного мусора.

Стратиграфия

Стратиграфия представляет собой довольно сложную картину функционирования этого

¹ Авторы выражают свою искреннюю признательность за предоставленные архивные данные по истории кладбища у церкви Смоленской иконы Божьей Матери заведующему историческим отделом Сергиево-Посадского музея-заповедника В.А. Ткаченко.

Рис. 2. Наземные мемориальные постройки кладбища XIX–XX вв. и их реконструкция

участка монастырской земли в период бытования позднего кладбища. Слой строительного мусора, соответствующий периоду строительства подземных и наземных сооружений кладбища, был перекрыт привозным, генетически инородным, слоем сильно гумусированной почвы, соответствующей древней дневной поверхности периода функционирования кладбища во второй половине XIX – начале XX в. и свидетельствующей о предпринимаемых в это время мероприятиях по благоустройству и озеленению территории кладбища. Периоду прекращения функционирования кладбища (20–30-е гг. XX в.) соответствует слой кирпичного боя на песчано-известковой прослойке, содержащий фрагменты белокаменных надгробий и частей надмогильных каменных крестов, перекрытый мощными напластованиями современного строительного мусора.

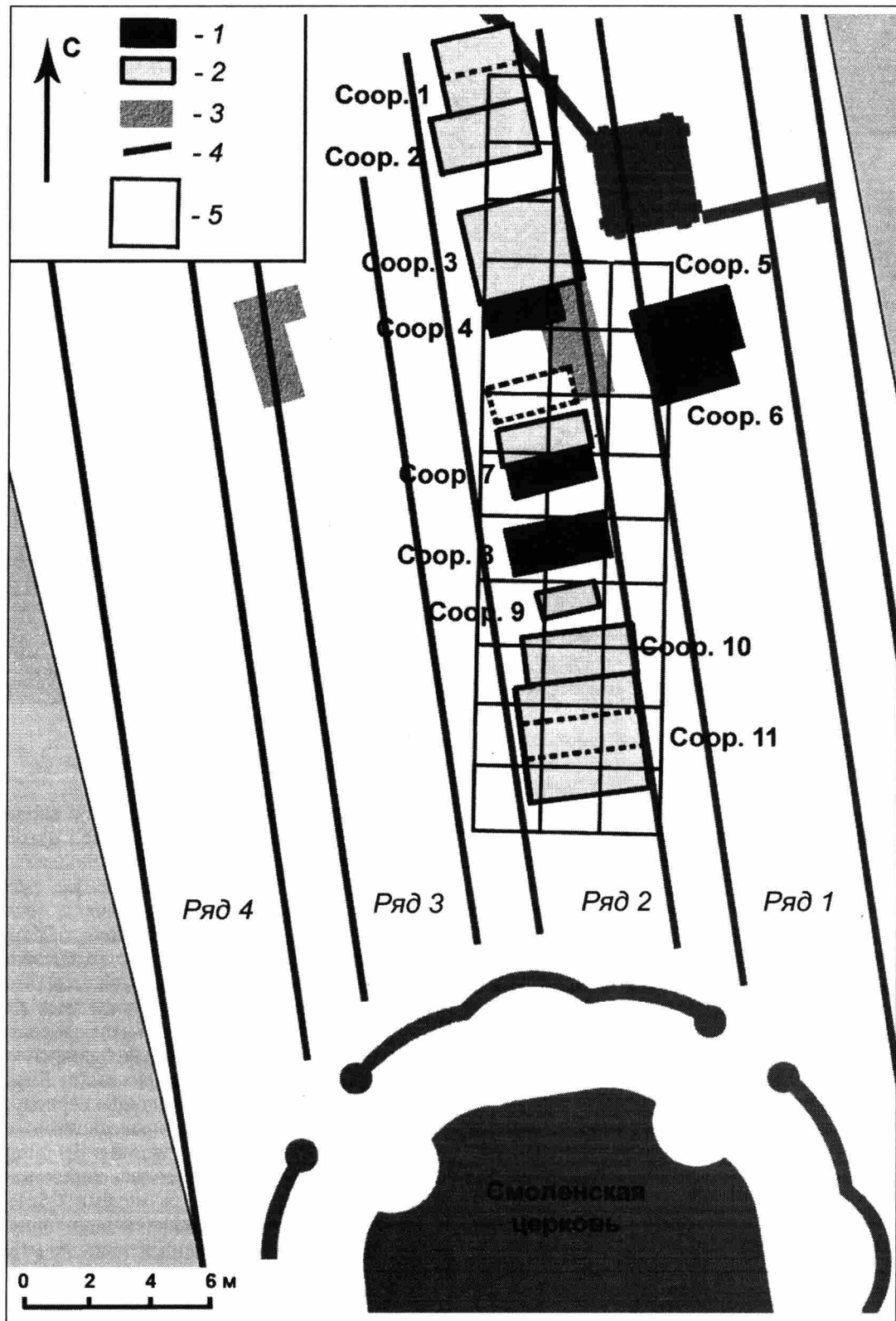
В зону археологического исследования 2003 г. вошли захоронения двух рядов и участок дорожки между ними (рис. 3). Всего было открыто 11 сооружений разного типа, пять из которых, по данным исследований, оказались семейными усыпальницами (сооружения 1, 3, 5, 7, 11), шесть – одиночными захоронениями в склепах. Основным типом погребального сооружения на исследованном участке некрополя яв-

лялись кирпичные склепы простого и сводчатого типов.

Сооружение 1

Археологическая характеристика. Сооружение расположено на северном участке исследованной территории некрополя; изучалось в своей восточной части. Является остатком усыпальницы с двумя простыми кирпичными сводчатыми склепами, перекрытыми легким фундаментом под наземное мемориальное сооружение. Верхняя часть фундамента, соответствующая периоду разрушения самого памятника, представляла собой скопление кирпичей и их обломков без связующего раствора. Под ней находилась кирпичная отмостка квадратной формы размерами 1,8x1,7 м, сложенная из обломков кирпичей вторичного использования. Кирпичи (одни из них с клеймом «ТСЛ» – Троице-Сергиева лавра) лежали в один слой плашмя, небрежно подогнанные друг к другу и скрепленные слабым известково-песочным раствором, на тонкой известково-песчаной субструкции толщиной 2–3 см.

Под отмосткой, перекрытые слоем серого плотного суглинка с кирпичной крошкой, находились два простых кирпичных сводчатых склепа, вскрытие которых не производилось.

Рис. 3. Захоронения на участке археологических работ

1 – полностью исследованные погребальные сооружения; 2 – сооружения исследованные только археологически; 3 – вскрытые раскопками участки фундамента XVII в.; 4 – реконструированные дорожки между рядами склепов; 5 – сетка раскопа 2003 г. (раскоп 16)

Выводы. Судя по архивным данным, один из склепов сооружения 1 можно интерпретировать как захоронение коллежского асессора Олсуфьева Владимира Александровича, датированное 1867 г. Время сооружения фундамента мемориала, перекрывшего захоронения, судя по находке кирпича с клеймом, относится к более позднему времени – конец XIX – начало XX в.

Сооружение 2

Археологическая характеристика. Сооружение 2 (соор. 1а) исследовано лишь в южной части, т. к. практически полностью выходило за границы раскопа. Сооружение представляло собой сложный кирпичный сводчатый склеп. Свод вытянут не в широтном, а меридиональном направлении.

Выводы. Местоположение открытого склепа (2-й ряд, 11-е место) позволяет персонифицировать погребенного с отставным гвардии штабс-ротмистром Задонским Андреем Воиновичем, судя по архивным записям, захороненного в ноябре 1870 г.

Сооружение 3

Археологическая характеристика. На расстоянии 1,07 м от южного края сооружения 1, отделенное каменной плитой, располагалось погребальное сооружение 3 (соор. 2), вся центральная часть которого оказалась нарушена траншеей под трубу ливневой канализации, пересе-

кающей его наискосок. Сооружение представляет собой сложный кирпичный склеп с плоским кирпичным перекрытием из двух рядов лежащих на постели кирпичей. Восточная стена имеет в верхней части выход внутреннего свода. Южная и северная с двумя уступами: верхний – в 1/3 кирпича, нижний в один кирпич (размер кирпича: 25/26x12x7 см). Нижняя, наиболее выступающая часть южной стены, имеет поверхностные нарушения, совершенные, очевидно, при строительстве примыкающего с юга сооружения 4.

Выводы. Судя по архивным данным, захоронение принадлежит тайному советнику Балабину Виктору Петровичу (ноябрь, 1864 г.; 2-й ряд, 7-ое место).

Сооружение 4

Археологическая характеристика. Сооружение 4 представлено простым сводчатым склепом высотой около 110 см, шириной 120 см. Кирпичный свод склепа имел легкое понижение к западу и сужение к востоку. Кирпичи в своде были уложены в 12 рядов длинной узкой стороной вверх. Размеры кирпичей стандартны – 27x13x7 см.

Сооружение 4 оказалось одним из пригодных для вскрытия с целью проведения антропологической идентификации погребенного. Кирпичный свод сооружался на основе досок, уложенных на торцевых стенах (восточная и западная), которые возвышались над продольными стенами двумя полукружиями из двух рядов

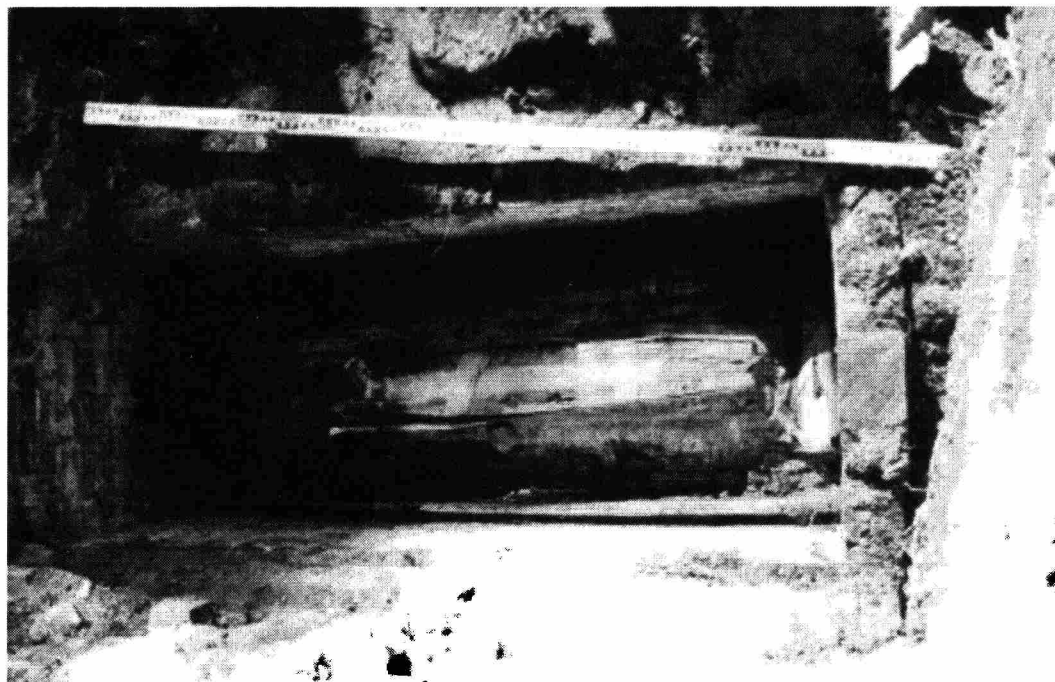

Рис. 4. Открытие деревянного гроба захоронения в сооружении 4

подтесанных кирпичей. При сооружении свода эти полукружия использовались как кружала, на которые укладывались доски и кирпичный свод. Стены внутри сооружения имели толщину в полкирпича и были побелены.

Под сводом (а именно, под досками) находился деревянный гроб, оббитый светло-зеленой материей с геометрическим орнаментом желтой нитью. На верхней доске крышки гроба был прибит восьмиконечный крест из той же материи. Под крышкой деревянного гроба оказался гроб из белого металла (цинка). После снятия верхней крышки цинкового гроба, крепившейся к нижней части методом обжатия согнутого края, было вскрыто, собственно, погребение в деревянном гробу, без крышки, с костяком, лежащим в вытянутом положении на спине головой на запад и согнутыми на уровне верха живота руками. Вокруг черепа находился высохший венчик из веток кустарника с мелкими плотными листьями (багульника?), под ним на черепе оказался матерчатый чепчик с тесемками, завязанными под подбородком. У запястья левой руки погребенного была обнаружена прямоугольная истлевшая дощечка (иконка?) без каких-либо следов краски. На лбу – повязка из плотной ткани с разрешительной молитвой.

Растительный тлен распространялся по кирпичному полу (сено «подушки»?). Вокруг первого гроба найдены четыре металлические ручки в форме полумесяца, покрытые левкасом и позолоченные, и четыре кисти из витых толстых нитей на деревянной основе.

Антропологическая характеристика. Сохранность костяка может быть описана как полная. Пол и возраст определяется четко – погребена женщина 60–65 лет.

Череп женский, со слабым развитием надбровья и ослабленным рельефом, несет яркие признаки старческих изменений. Внешние швы облитерированы, кроме теменно-височного. На нижней челюсти зубы утрачены, альвеолы облитерированы и зубная дуга выглядит как один острый гребень или край (начиная от середины дуги до места резцов). В верхней челюсти зубов нет (пародонтоз, 4-й балл), а острый край распространяется на всю дугу. Костная ткань обеих челюстей резорбирована, альвеолярный край острый. Все это определяет специфику краниометрических измерений (например, высота тела нижней челюсти всего 13 мм).

Отмечены множественные дополнительные питательные отверстия на длинных костях (особенно, плечевых). Дегенеративно-старческие изменения (ДСИ) затрагивают все кости скелета, но выражены они равномерно, умеренно и, несомненно, связаны с возрастом погребенной. В их числе: краевые разрастания на позвонках грудного и поясничного отделов; признаки остеопороза кости, особенно лопаток и таза; возрастные изменения на суставных поверхностях и

симфизах. Зафиксированы остеофиты на суставных частях эпифизов бедренных, большеберцовых костей, а также на таранной кости (асимметричные, скорее всего, это признак артроза). Краевые разрастания в дистальных сегментах конечностей четко выражены на дистальных и средних фалангах пальцев ног, но их нет на костях предплюсны и на кистях рук (возможно, это характеризует обувь, которую носила погребенная).

Рельеф длинных костей резкий и распределен достаточно равномерно.

С левой стороны черепа, в районе теменно-затылочного шва отмечена деформация – вдавление кости, которое можно рассматривать как последствия компрессионного перелома задней части чешуи левой теменной кости, полученного в молодом возрасте. Других травматических повреждений на черепе и скелете не отмечено.

Зафиксированы следы 2-х симметричных небольших (3,0–4,5 мм) вставочных костей в медиальной части заросшего теменно-затылочного шва.

Резорбция кости верхнего неба в районе альвеол резцов и клыков, переходящая на лицевую поверхность в виде щели («заячья губа»?). Но кость здесь очень тонкая до 0,5–1,0 мм, и не менее вероятно, что мы наблюдаем вторичное (ДСИ) или даже посмертное изменение.

Выводы. После смерти тело усопшего было помещено в деревянный гроб со снятой крышкой, затем в герметичный цинковый гроб, употреблявшийся для транспортировки, и наконец, перед погребением в склеп поставлено в более крупный деревянный гроб, закрытый крышкой. Проведенные архивные и антропологические исследования позволили с достаточной степенью уверенности идентифицировать погребение из сооружения 4 как захоронение Натальи Алексеевны Лужиной (урожденной Шидловской), по первому мужу графини Орловой-Денисовой, вдовы Харьковского губернатора генерал-лейтенанта И.Д. Лузина, умершей в возрасте 61 года и погребенной в мае 1883 г.

Сооружение 5

Археологическая характеристика. К востоку от этой линии захоронений, на расстоянии 2 м от восточного выступа сооружения 4, находилось сооружение в форме параллелепипеда. Сооружение 5 представляло собой склеп типа семейной усыпальницы, большей своей частью уходя в останец под сохраненным на площади раскопа деревом. Судя по архивным данным, это захоронение имело наземное мемориальное сооружение (рис. 2 и 3).

Северная верхняя часть сооружения 5 разрушена современной траншеей под трубу ливневой канализации. Сооружение, как и все иные, было выложено из кирпича, размеры которого

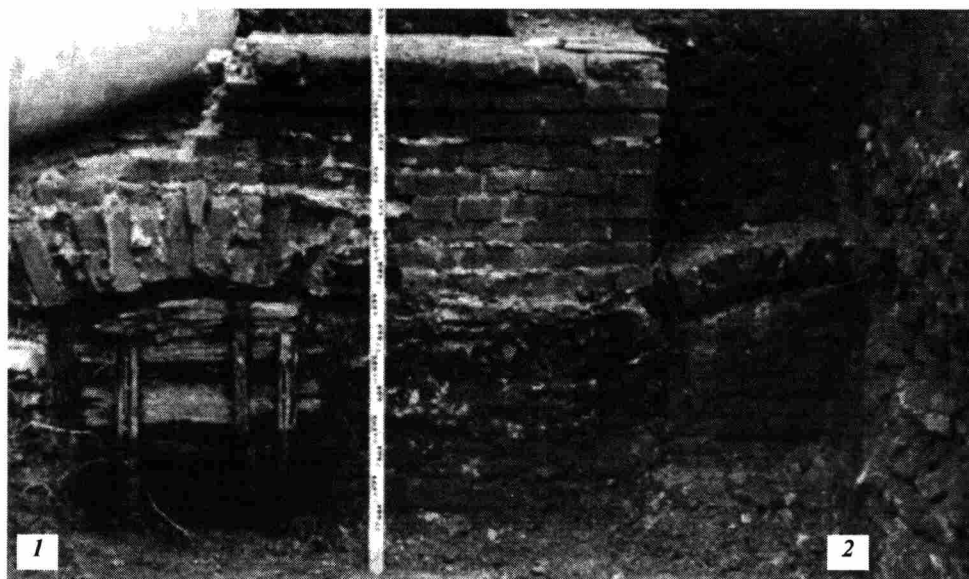

Рис. 5. 1 – сооружение 5 (семейная усыпальница Мусиных-Пушкиных); 2 – сооружение 6

стандартны. Западная стена имела низкий арочный вход в центре шириной около 80 см с максимальной высотой 49 см. Вход был заложен кирпичной кладкой в полтора кирпича, которая, в свою очередь, была снаружи загорожена деревянным щитом из 5-ти досок, скрепленных тремя деревянными шпонками (рис. 5 и 6).

Погребальная камера представляла собой квадратное в плане помещение, размерами 2,22х2,23 м и высотой до 1,2 м, стены и потолок которого содержат следы штукатурки (обмазки или побелки). Пол камеры затянут мелким песком и суглинком (в том числе, обсыпавшейся штукатуркой).

Внутри размещалось два целых гроба и остатки детского гроба у южной стены. Последовательность: небольшой гроб ребенка (*погребение 1*); гроб с северной стены (*погребение 3*) и последний – центральный (*погребение 2*).

Конструкция гробов трехсоставная – внешний деревянный, обтянутый зеленой тканью с тканевым же крестом, внутри него цинковый и, наконец, деревянный, который, в отличие от погребения в сооружении 4, накрытый крышкой. Оба больших гроба были снабжены точно такими же, как и гроб из сооружения 4, металлическими ручками, покрытыми толстым слоем левкаса и позолоченными (по 4 ручки на гроб). Ручки крепились к гробам через тонкую ажурную латунную розетку с выдавленным растительным орнаментом. На крышке внешнего гроба погребения 3 лежит овальный обод от венка из проволоки с сохранившимися переплетеными прутьями, листья не сохранились. У левой стены камеры прислонен такой же обод от венка (?), но более округлый и небольшой.

В больших гробах (погр. 2 и 3) были обнаружены костяки в полном анатомическом порядке. Все три погребения полные, вытянутые на спине,

руки скрещены в области живота. Судя по сохранившимся листочкам, венки, обрамлявшие голову ребенка, был аналогичен венку из погребения в сооружении 4 – ветки кустарника (багульника?). Взрослые погребенные лежали в обрамлении пальмовых ветвей. У погребенного в центральном гробе (погр. 2) на груди – 8-конечный деревянный крест. На груди, под кистями погребенного была найдена линзовидная в сечении иконка матового стекла в овальной посеребренной металлической рамке с изображением евангельского сюжета Входа Иисуса Христа в Иерусалим (писана красками по стеклу). На обороте – каллиграфически исполненная надпись черной тушью «Входь В Иерусалимь Господ...» (окончание надписи не читается).

Антропологическая характеристика. Пол и возраст погребенных определяется достаточно четко:

- погребение 1 – ребенок, 5–7 лет;
- погребение 2 – мужчина, 55–60 лет (возможно, несколько старше);
- погребение 3 – женщина, 50–55 лет.

Погребение 1. Возраст определен по степени прорезывания зубов (*Ubelaker, 1978*). Процесс оссификации зон роста длинных костей не завершен. Отмечено изменение в верхнем небе: большая диастема между альвеолами первых резцов с щелью между резцовыми костями верхней челюсти (в основании около 3 мм). Эта щель продолжается на верхнее небо на протяжении 4 мм. Морфологически это похоже на слабую степень расщепления верхнего неба – так называемая «заячья губа» (впрочем, в этом возрасте подобное изменение можно рассматривать и как задержку хода ростовых процессов в лицевом отделе).

На прорезавшихся участках постоянных зубов нет признаков эмалевого гипоплазии и других изменений. *Cribra orbitalia* нет, явных

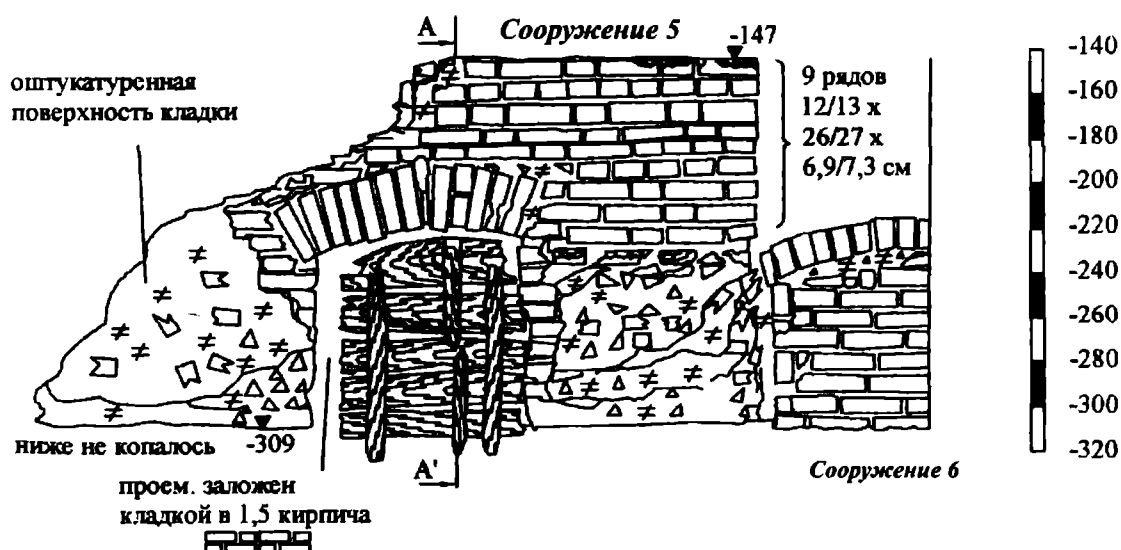

Рис. 6. Сооружение 5: закладка входного проема в семейную усыпальницу деревянными досками

травматических повреждений на обследованных костях скелета и на черепе не отмечено.

Погребение 2. Характерен сильно развитый рельеф черепа, особенно в области надбровья. Череп «типично» мужской. Наблюдаются все признаки пола на тазовых костях.

В верхней челюсти сохранился единственный зуб P^2 правый (остальных зубов нет, а альвеолы несут следы облитерации). Зуб стерт до обнажения канала (пародонтоз, 2-й балл). В нижней челюсти выпал правый P_2 . M_1 и M_2 видимо не прорезались. M_1 и M_2 симметрично стерты до середины корня, но само тело корня остается в альвеоле. Остальные зубы: пародонтоз (2–3 балла), стертость зубов (1–2 балла, более сильно и неравномерно у I_1), зубной камень 2–3 степени. Кариес 1–2 степени на P^2 (с лингвальной стороны) и на левых P_1 – P_2 (на сторонах шейки, обращенных друг к другу). Эмалевой гипоплазии нет. Вследствие выпадения зубов нарушен прикус – нижняя челюсть выдается вперед. Любопытно, что смыкание режущих поверхностей челюстей при этом невозможно (мешает сохранившийся P^2), при этом альвеолы верхней челюсти сильно механически изношены².

Отмечены ДСИ на груди (тело грудины и мечевидный отросток сильно искривлены вправо). Рельеф костей умеренно сильный и распределен равномерно.

В районе верхнего неба отмечены признаки, очень схожие с погребенным ребенком, но имеющие меньшую степень выраженности: сохраняется довольно широкая щель в районе диастемы первых резцов (между резцовыми костями), которая распространяется на 3–4 мм на переднюю поверхность и на верхнее небо до *foramen incisivum*, также крупного. Остается впечатление, что, как и в случае с погребением 1, резцовый канал

не закрыт. Все эти признаки усилены механическим износом альвеолярного края челюсти.

Зафиксирована дополнительная суставная площадка на правой стороне затылочной кости в районе мышцелковой ямки (между мышцелковым каналом и латеральной частью нижней выйной линии). С противоположной стороны – оссификация связки. Оба признака свидетельствуют о нарушении нормальной подвижности шеи и поворота головы, возможная причина – подвывих, который произошел в более молодом возрасте.

Погребение 3. Возрастные изменения напоминают то, что было отмечено для погребенного в захоронении 2, но выражены они слабее. Возраст скорректирован по аурикулярной поверхности тазовой кости, изменениям лобкового симфиза и ДСИ позвоночника. Отличается степень зарастания швов и стертость зубов.

Череп «типично» женский, рельеф ослаблен, как и на длинных костях. Стоит отметить округлые развернутые глазницы с острым верхним краем; видимо, небольшой узкий лоб. Специфических признаков на черепе не выявлено.

Характерен пародонтоз 3-ей степени сохранившихся зубов верхней и нижней челюсти. В нижней сохранились два правых резца и левый клык (краудинг резцов, они наклонены вперед). В верхней челюсти – правые клык и P^1 . Стертость небольшая (1 балл). При этом множественный кариес (точечный на лингвальной поверхности всех зубов, кроме I_1). В месте выпавших зубов полная облитерация и сильный механический износ.

Длинные кости тонкие с признаками артроза и дополнительными питательными отверстиями. Рельеф ослаблен. Помимо того, характерны очень тонкие (до отверстия) крылья подвздошной кости; ДСИ в районе тазобедренного сустава; изменения грудины, асимметричный мечевидный отросток маленький и повернут вправо и др.

² Создается впечатление об использовании протеза верхней челюсти.

Выводы. Согласно проведенным антропологическим и архивным исследованиям, мы можем с большой достоверностью идентифицировать сооружение 5 как семейный склеп графов Мусиных-Пушкиных, в котором погребены:

- погребение 1 – ребенок, Алексей Владимирович Мусин-Пушкин, в возрасте 6,5 лет, погребен в июле 1869 г. (рис. 7);
- погребение 2 – отец, Владимир Иванович Мусин-Пушкин, в возрасте 57 лет, погребен в сентябре 1887 г.;
- погребение 3 – мать, Варвара Алексеевна Мусина-Пушкина, урожденная Шереметьева, в возрасте 53 лет, погребена в феврале 1885 г.

Родство отца и сына, по антропологическим данным, подтверждается наследуемыми признаками в строении скелета и черепа.

Сооружение 6

Археологическая характеристика. К южной стене семейной усыпальницы примыкает простой сводчатый склеп, частью уходящий в борт раскопа – сооружение 6 (соор. 3а). Хронологически время сооружения этого склепа относится к более позднему времени, чем время сооружения усыпальницы Мусиных-Пушкиных. Об этом свидетельствует разная кладка длинных стен склепа: северная – на ребре, южная – на постели, что оправданно лишь при условии строительства сооружения 6 в стесненных условиях и невозможности сдвига северной стены склепа из-за наличия южной стены усыпальницы Мусиных-Пушкиных, сооруженной, вероятно, в 1870-х гг. (см. рис. 5 и 6).

Размеры кирпича из сооружения 6 в общем стандартные: 27(28)х13х6,2(7,2) см. Раствор известковый, довольно прочный. Конструкция погребальной камеры аналогична сооружению 4. Стены и потолок погребальной камеры без следов обмазки. На крышке внешнего деревянного гроба, собранного из массивных досок, расположены три толстые доски – основа кирпичного свода.

Погребальный обряд идентичен исследованному в сооружении 4: тройной гроб, с цинковым посередине, отсутствует крышка внутреннего деревянного гроба, который представлен тремя массивными досками, без торцевых сторон, не сколоченными. Собственно говоря, внутренний гроб как таковой отсутствует – погребение совершено на досках в цинковом гробу.

Обряд – положение тела и рук, венки из багульника, «подушка» из сена – аналогичен погребению в сооружении 4. Иконки под руками нет, савана нет. Обнаружена заколка.

Антропологическая характеристика. Погребенная – женщина, 60–70 лет (возможно, несколько старше).

Кости черепа и скелета характеризуются глубокими старческими изменениями. Швы черепа закрыты, кроме височно-теменного. «Работают» основные признаки пола и возраста.

В нижней челюсти сохранились 3 зуба (клыки, 1-е премоляры и 2-е моляры). Стертость M_2 до середины корня, остальные зубы – до канала и равномерно. M_3 (как и M^3) видимо не прорезались. Пародонтоз 2–3 балла, полная облитерация в местах всех выпавших.

В верхней челюсти сохранились крупные I^1 , корень левого клыка, разрушенный P^2 и почти не стертый до середины коронки 1-й моляр. Резцы направлены резко вперед (неправильный прикус, разворот альвеолярного края, высота верхней челюсти всего около 9 мм). Отмечен множественный кариес на зубах верхней и нижней челюсти, зубного камня нет, эмалевой гипоплазии нет. В полости P^2 обнаружен неправильной формы фрагмент из желтого металла (золота?). По нашим предположениям это часть искусственной коронки или пломбы (?).

Кости отделов черепа, как и посткраниального скелета очень тонкие. Отмечено сильное разрушение правой латеральной части альвеолярной части верхней челюсти с признаками воспалительного процесса (последствия выпадения, механическая нагрузка, возможно абсцесс). Значительно развита правая большая раковина носа.

Отмечена дополнительная суставная фасетка на затылочной кости слева, в районе подъязычного канала, с противоположенной стороны – аналогичные изменения на краю большого затылочного отверстия (за суставными поверхностями). Вероятно при жизни человек испытывал проблемы с подвижностью шеи.

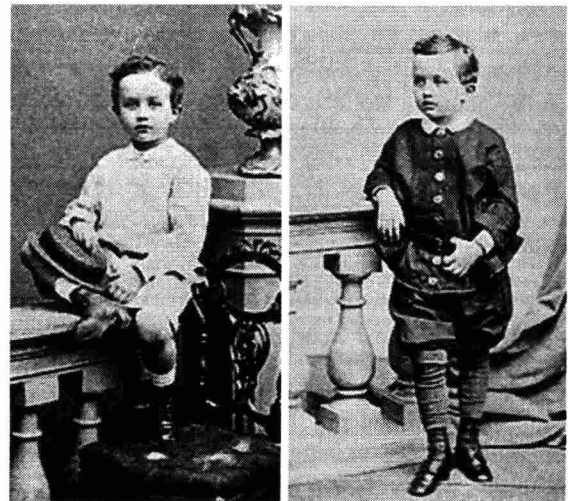

Рис. 7. Граф А.В. Мусин-Пушкин
Фото И. Дьяговиченко, середины 60-х гг.
XIX в., Москва

Яркие ДСИ на позвонках грудного отдела, а также в верхних поясничных. Признаки остеопороза на костях посткраниального скелета (в том числе тазовых костях, внутренней стороне лобковой кости), признаки артроза в районах эпифизов и суставных поверхностей. Краевые разрастания на фалангах стопы (на фалангах пальцев рук – нет). Сильное утолщение лопатки (до образования отверстия, кость как тонкая пленка). То же самое, а также множественные питательные отверстия на крестце и на правой подвздошной кости (артроз?). Особо четко фиксируются краевые разрастания на костях в районе тазобедренного и коленного суставов.

Ключицы небольшие, асимметрии в скелете нет, кроме мечевидного отростка грудины. Рельеф костей умеренно сильный.

Выводы. Исходя из предположительного времени сооружения этого склепа, на основании анализа антропологических данных, можно сказать, что захоронение в сооружении 6 принадлежит женщине, захороненной в этом склепе после 1879 г. и, соответственно, не вошедшей в Список погребенных к северу от Смоленской церкви 1880 г. Ни одно из идентифицированных захоронений вблизи от склепа Мусиных-Пушкиных не подходит под полученное антропологическое описание. Таким образом, персонифицировать это захоронение не представляется возможным. Можно лишь утверждать, что захоронение принадлежит светской, довольно состоятельной особе, о чем свидетельствуют обряд погребения, аналогичный захоронениям графов Мусиных-Пушкиных и Н.А. Лужиной, и находка золотой искусственной зубной коронки или пломбы.

Сооружение 7

Археологическая характеристика. На расстоянии 4 м к югу от сооружения 4, в одном ряду с ним, расположено сооружение, состоящее из остатков основания наземного памятника и двух склепов (погр. 1, 2) под ним. Остатки основания наземного сооружения представляли собой кирпичную выкладку неправильной формы размерами 1,2x1,15 м, составленную без связующего раствора – кирпичи фундамента лежали и на ребре, и плашмя.

Погребение 1 представляло собой простой кирпичный сводчатый склеп, аналогичный склепу сооружения 4. В ходе раскопок была открыта лишь его крайняя восточная часть, показавшая ненарушенность склепа. Таким образом, погребение не вскрывалось и антропологическое исследование не проводилось. По архивным данным, это место захоронения может принадлежать Дурново Анне Аполлоновне, погребенной в январе 1869 г. (возраст неизвестен).

Второе захоронение в простом сводчатом склепе с продавленным сводом, конструкция ко-

торого полностью повторяет конструкцию первого, находилось в 40–50 см к югу, располагаясь параллельно. Свод склепа кирпичный, частично разрушен. Дно камеры покрыто мелким желтым песком мощностью 1–2 см.

Деревянный гроб один, доски сильно истлели. На крышке гроба следы ткани (как во всех предыдущих погребениях). Внутреннего цинкового гроба нет. Вокруг гроба находились четыре позолоченные по левкасу железные ручки и нитяные кисти на деревянной основе.

Следы венка и подстилки из травы в погребении отсутствуют. Одежда не сохранилась, однако на черепе, примерно на середине лобной кости слева, зафиксированы следы от ткани. От середины левой ключицы, вдоль ребер, по направлению к тазу расположены фрагменты металлических изделий (застежка внешней одежды?). Под позвончиком, начиная от низа шейного отдела и до верхней части крестца, расположен ряд белых пуговиц (по четыре отверстия на каждой, верхняя пуговица меньше остальных – задняя застежка внутренней одежды?).

Погребение вытянуто на спине, ориентация стандартная. Кисть левой руки лежит в области низа груди; правая рука согнута в локте, кистью в районе проксимального конца правой ключицы. Череп повернут вправо, к югу.

В районе локтевого сустава правой руки расположены четки или бусы овальной формы из матового стекла со звеньями по 10 штук, которые разделялись более крупными бусинами из того же стекла, на тонкой металлической цепочке. Крестик на четках состоял из четырех каплевидных бусин. Между локтевым суставом и правой подвздошной костью расположена темная стеклянная бутылочка (слезница), с рельефными изображениями с обеих сторон, одно из которых, возможно, представляет собой клеймо с литерами «А» и «Я» под кровлей с крестом, а второе – изображение отпечатка Стопы Богородицы с иконы Почаевской Божьей Матери.

Антропологическая характеристика. Погребенная – женщина, 55–65 лет (скорее в интервале 60–65). Кости черепа и скелета характеризуются глубокими старческими изменениями. Сохранившиеся участки швов черепа закрыты. В определении пола и возраста «работают» основные признаки посткраниального скелета (пол определяется наиболее четко по тазовым костям, по остальным признакам определение спорно).

В нижней челюсти сохранился 1-й левый премоляр и корень левого клыка. Его стертость оценивается как 2; характерен пародонтоз 3-й степени. Характерна полная облитерация альвеол в местах выпавших зубов. В верхней челюсти сформирован острый режущий край, кость резорбирована. На преоляре отмечен одиночный кариес на шейке в начальной стадии. Следы воспалительной реакции на всем протяжении альвеолярных дуг верхней и нижней челюсти. Зуб-

ного камня нет. Прочих патологий и маркеров стресса (и их следов) на черепе нет.

Кости черепа и скелета достаточно массивные и крупные. Рельеф черепа умеренный; рельеф длинных костей резкий, но это следует рассматривать как ДСИ (см. соор. 6), есть также и посмертные разрушения). Видимых патологий на костях черепа не отмечено.

Яркие ДСИ на позвонках грудного и поясничного отделов, а также на ребрах. Признаки остеопороза на костях посткраниального скелета, признаки артроза в районах эпифизов и суставных поверхностях на тазовых и большеберцовых костях. Краевые разрастания на фалангах стопы, кисти и ребер.

Картина возрастных изменений на костях скелета и черепа в целом близка к описанным выше случаям.

Выводы. С учетом архивных данных (расположение склепов в ряду) это захоронение можно идентифицировать с погребением Прасковьи Ивановны Дурново, захороненной в сентябре 1864 г. (возраст неизвестен).

Таким образом, сооружение 7 мы можем условно интерпретировать как семейную усыпальницу Дурново, возникшую в первой половине 1870-х гг.

Сооружение 8

Археологическая характеристика. Сооружение 8 расположено в 25–35 см к югу от семейной усыпальницы Дурново. Конструкция склепа повторяет конструкцию сооружения 4 – простой сводчатый склеп, размерами 1,2(1,4)х2,4 м. К западу склеп несколько расширен. В средней части свод склепа нарушен – продавлен колесом экскаватора, поэтому весь оказался несколько приплюснутым. Южной частью склеп был врезан в остатки стены, идентифицируемой либо как остатки монастырской «Поварни», здания конца XVI – второй половины XVIII в., где размещались «служние, или людские, трапеза и поварня» Троице-Сергиевой лавры, либо как остатки монастырской Оружейной палаты.

Погребальная камера, размерами 2,15х0,8 (0,9) м (расширение к востоку), была изнутри облицована обмазкой или штукатуркой. Кирпичный пол и стены сложены из 8-ми рядов в 1/2 кирпича ложком в перевязь. Между кирпичами нет следов цемента, обмазки или штукатурки. Дно камеры покрыто мелким желтым песком.

Поверх деревянного гроба, располагавшегося на полу камеры, сохранились остатки зеленой ткани. Доска на крышке гроба аналогична доске центрального погребения из сооружения 5. У длинных стен склепа на кирпичном полу встречены четыре позолоченные ручки гроба и нитяные кисти, аналогичные найденным в сооружении 4. Внутреннего цинкового гроба нет.

На крышке гроба, ближе к восточной стенке камеры, в районе правого коленного сустава, располагалась стеклянная фигурная четырехгранная бутылочка из черного стекла (слезница). Чуть ниже колена правой ноги находилась раздавленная фарфоровая расписная чашка конца XIX в. В верхней части груди, в районе шеи, найдены четки из нанизанных на нить звеньями по девять (9 звеньев), четыре и одной (всего – 89 штук) круглых, темно-коричневых зерен какого-то растения. Между двумя большими звеньями к нити был подвешен на проволочке позолоченный крестик.

Погребение вытянуто на спине, ориентация стандартная. Кисть левой руки лежит в области живота; правая рука согнута в локте, кистью в районе правой ключицы. Следов венка нет.

Антропологическая характеристика. Погребенная – женщина, старше 60 лет (скорее, не более 70 лет).

Череп фрагментирован. Сохранившиеся участки швов черепа закрыты, кроме височно-теменного. Кости черепа и скелета характеризуются глубокими старческими изменениями. «Работают» основные признаки пола и возраста.

В нижней челюсти сохранились симметрично 1-е премоляры и 2-й моляры. Стертость до середины корня равномерно. М₃ (как и М³) видимо не прорезались. Парадонтоз 2–3 балла; полная облитерация в местах всех выпавших зубов с образованием режущего края на верхней челюсти. Отмечен кариес (балл 1–2) на всех зубах в районе шейки, переходящий на коронку зуба. Зубной камень. Альвеолы облитерированы, следов воспалительного процесса нет.

Кости черепа и скелета тонкие; канал длинных костей широкий. Видимых патологий на костях черепа не отмечено (все изменения миеют посмертный характер). Яркие ДСИ на позвонках грудного и поясничного отделов, а также на ребрах. Признаки остеопороза на костях посткраниального скелета; следы артроза в районах эпифизов и суставных поверхностях; краевые разрастания на фалангах стопы и кисти. Таким образом, для погребенной характерна уже отмеченная картина возрастных изменений.

Выводы. Результаты архивного исследования в совокупности с данными археологии и антропологии позволяют отождествить это погребение с захоронением Есиповой Зинаиды Николаевны (урожденной Голохвастовой), вдовы поручика, погребенной на кладбище у церкви Смоленской иконы Божьей Матери Троице-Сергиевой лавры в октябре 1894 г.

Сооружение 9

Археологическая характеристика. В этом же ряду, на расстоянии 60–75 см от края южной стены сооружения 8, расположено сооружение 9,

отличное от рассмотренных по своим размерам: его длина не превышает 2 м. Оно представляет собой простой сводчатый склеп, со значительной крутизной свода, ориентированный на северо-восток – юго-запад.

Выводы. Судя по имеющимся архивным данным, это погребение принадлежит 8-летней девочке – княжне Елизавете Григорьевне Грузинской (умерла в марте 1871 г.), дочери князя Григория Ильича Грузинского (1833–1899 гг.?), сына грузинского царевича Ильи Георгиевича. В этот период наместником Троице-Сергиевой лавры был отец Антоний, близкий друг дома князей Грузинских (потомков грузинского царя Вахтанга).

Сооружение 10

Археологическая характеристика. Сооружение 10, ориентированное по линии запад – восток, строго прямоугольное в плане кирпичное сооружение, находилось в 50–80 см от южной стены сооружения 9. Южная и северная стена высотой в 5 рядов кирпича простого сводчатого склепа, шириной в 1,5 кирпича, были сложены на известковом растворе. Два верхних ряда в западной части стен сняты. Ширина восточной стенки – 2 кирпича, высота в 5 рядов; ширина западной стенки – 0,5 кирпича, сохранилось лишь 3 ряда кирпичей. В сооружении склепа использовались и половинки кирпичей.

Внутри прямоугольника стен склепа, в восточной части сооружения находилось кирпичное основание наружного, в плане квадратной формы (размеры 0,84x0,80 м), памятника, сложенного из двух рядов лежащих на постели кирпичей. На уровне обнаружения следов фундамента наземного сооружения начинался облагораживавший древнюю дневную поверхность кладбища насыпной слой темно-серой супеси.

Выводы. Вероятно, это погребение принадлежит Кандалицеву (Скандалицеву?) Николаю Николаевичу, захороненному на территории Троице-Сергиевой лавры в феврале 1868 г.

Сооружение 11

Археологическая характеристика. Семейной усыпальницей, видимо, является и сооружение 11, расположенное на южном крае раскопа, вблизи алтарной части храма Смоленской иконы Божьей Матери. Усыпальницу перекрывает наземная каменная мемориальная (?) плита, сохранившаяся фрагментарно (размеры сохранившейся части 92,8x88,5x22 см).

Выводы. Судя по архивным и археологическим данным, в этой усыпальнице захоронена семья тайного советника Рюмина: сын – Лев Николаевич Рюмин (скончался в возрасте 21 года; захоронен в августе 1863 г.), отец – Николай Гаврилович Рюмин (76 лет, захоронен в январе

1870 г.) и мать (?) – Елена Федоровна Рюмина (74 года, захоронена в июне 1874 г.).

Заключение

В результате проведенной работы идентифицированы останки как минимум 6-ти погребенных, и получено представление о планиграфическом расположении остальных, не вскрытых захоронений на участке.

Так, мы можем с большой достоверностью идентифицировать сооружение 5, как семейный склеп графов Мусиных-Пушкиных, в котором захоронены мать (Варвара Алексеевна, урожденная Шереметьева, 53 лет, погребенная в феврале 1885 г.), отец (Владимир Иванович, умерший в возрасте 57 лет и погребенный в сентябре 1887 г.) и их сын (Алексей, умерший в возрасте 6,5 лет, погребенный в 1869 г.). Родство отца и сына подтверждается отмеченными наследуемыми признаками морфологии черепа и скелета.

Сооружение 6 является, скорее всего, захоронением неидентифицируемой по архивным данным особы, т. к. все подходящие по возрасту погребенные – Неклюдова Варвара Ивановна (урожденная Нарышкина; погребена в Лавре в январе 1867 г.) или Арапетова Варвара Павловна (?) (время смерти – 1854 г.), по данным перечня погребенных 1872–1880 гг. были захоронены на значительном удалении от этого сооружения. По антропологическим параметрам, по возрастному показателю более всего подходит Неклюдова Варвара Ивановна.

Для всех изученных взрослых погребений характерен нормальный ход возрастных процессов. Женщины страдали от артрита и остеопороза. Характерна утрата зубов (иногда несколько преждевременная), сопровождавшаяся в ряде случаев развитием абсцесса и резорбцией костной ткани челюстей. Отмечен множественный кариес, зубной камень, парадонтоз. Помимо прочего, все это свидетельствует о специфике гигиены и диеты: мы можем предполагать употребление сахара (?), общую несбалансированность состава рациона. Заметная особенность единственного мужского погребения – изменения связанные с проблемой подвижности шеи (можно рассматривать как следствие хронического растяжения мышц шеи или подвывих), а также нарушения строения резцовых костей верхней челюсти (аналогичные изменения отмечены у ребенка-сына).

Выявленные различия в погребальном обряде ассоциируются, вероятнее всего, с социальным статусом погребенных. Несомненно, что наличие в сооружениях 4, 5 (погр. 2 и 3) и сооружении 6 цинковых гробов свидетельствует, в первую очередь, о транспортировке на длительное расстояние, когда было необходимо обеспечить консервацию тела усопшего до его погребения. Однако

Таблица 1. Результаты идентификации погребенных на исследованном в 2003 г. участке некрополя

Шифр	Данные антропологического исследования		Идентификация, точный возраст, датировка погребения или смерти
	Пол	Возраст, лет	
1-й ряд склепов (с севера на юг, по направлению к Смоленской церкви)			
Соор. 5, погр. 1	?	5–7	<i>Мусин-Пушкин Алексей Владимирович</i> , граф, 6,5 лет (годы жизни: 18.12.1862-12.06.1969), погр. в Лавре 12 июля 1869 г.
Соор. 5, погр. 2	мужчина	55–60	<i>Мусин-Пушкин Владимир Иванович</i> , граф, 57 лет, погр. в Лавре 17 сентября 1887 г.
Соор. 5, погр. 3	женщина	50–55(?)	<i>Мусина-Пушкина Варвара Алексеевна (Шереметьева)</i> , графиня, 53 года, погр. в Лавре 21 февраля 1885 г.
Соор. 6	женщина	60–70	Неизвестная
2-й ряд склепов (с севера на юг, по направлению к Смоленской церкви)			
Соор. 1	не обследовалось		<i>Олсуфьев Владимир Александрович</i> , коллежский ассessor, погр. в Лавре в 1867 г.
Соор. 2	не обследовалось		<i>Задонский Андрей Воинович</i> , отставной гвардии штабс-ротмистр, погр. в Лавре в 1870 г.
Соор. 3	не обследовалось		<i>Балабин Виктор Петрович</i> , тайный советник, погр. в Лавре в ноябре 1864 г.
Соор. 4	женщина	60–65	<i>Лужина Наталья Матвеевна (Шидловская)</i> , «вдова генерал-лейтенанта», 61 год, погр. 1 мая 1883 г.
Соор. 7	женщина	55–65 (скорее 60–65)	<i>Дурново Просковья Ивановна</i> , погр. 23 сентября 1864 г.
Соор. 8	женщина	60+ (скорее 60–70)	<i>Есипова Зинаида Николаевна (Голохвастова)</i> , «вдова поручика», 64 года, погр. в Лавре 21 октября 1894 г.
Соор. 9	не обследовалось		<i>Грузинская Елизавета Григорьевна</i> , княжна, 8 лет, умерла в марте 1871 г.
Соор. 10	не обследовалось		<i>Кандальцев (Скандальцев?) Николай Николаевич</i> , погр. в Лавре в феврале 1868 г.
Соор. 11	не обследовалось		<i>Рюмин Лев Николаевич</i> , 21 год, погр. в Лавре в августе 1863 г.
			<i>Рюмин Николай Гаврилович</i> , 76 лет, тайный советник, погр. в Лавре в январе 1870 г.
			<i>Рюмина Елена Федоровна</i> , 74 года, погр. в Лавре в июне 1874 г.

именно эти захоронения (в том числе и погребение 1 сооружения 5) имеют и отличительные элементы погребального обряда: венки из багульника (?) или пальмовые ветви, остатки травяной «подушки»; из предметов, сопутствующих захоронению, в этих погребениях присутствуют только деревянные иконки или крест. В других исследованных захоронениях (сооружения 7 и 8), где захоронения совершены без использования цинкового гроба, присутствуют иные элементы погребального обряда – слезницы и четки.

Масштабность и комплексность проведенных исследований на участке некрополя XIX в. позволили выявить хорошую степень сохранно-

сти подземной части некрополя на всей площади проводившихся работ. Отсутствие наземных памятников не помешало, используя комплексный подход, персонифицировать большинство из вскрытых и исследованных захоронений, выявить уровень древней дневной поверхности некрополя. Появилась возможность соотнести эти сооружения с данными архивных источников (исследование архивов Лавры проведено сотрудником краеведческого музея В.А. Ткаченко). Чрезвычайно важен тот факт, что антропологическое определение пола и возраста погребенных подтверждено архивными материалами – это один из основных методических итогов работы.

Литература

- Артамонов М. Д., 1997. Московский некрополь // Ритуал прощания (Обряды, традиции, информация, исторические обзоры, справки, нормативно-правовые акты, ритуальные услуги). Вып. 1. С. 48–63.
- Богатенков Д. В., 2003. Экспертиза антропологических материалов из раскопок на территории Троице-Сергиевой лавры // Энговатова А. В. Отчет об охранных археологических раскопках в Свято-Троицкой Сергиевой лавре в 2003 г. ОПИ ИА РАН.
- Бужилова А. П., 1995. Древнее население. Палеопатологические аспекты исследования. М.
- Бужилова А. П., Козловская М. В., Лебединская Г. В., Медникова М. Б., 1998. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.
- Панова Т. Д., 2003. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.
- Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Звенигород, 2003.
- Список погребенных в Троице Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880.
- Ткаченко В. А., 2000. Новый источник по истории некрополя Троице-Сергиевой лавры // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2000. М.
- Энговатова А. В., 2004. Отчет об охранных археологических раскопках в Свято-Троицкой Сергиевой лавре в 2003 г. ОПИ ИА РАН.
- Standards for data collection from human skeletal remains, 1994. J.E. Buikstra and D.H. Ubelaker (Eds.). Arcansas.
- Ubelaker D., 1978. Human skeletal remains. Adlin, Chicago.

Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре

Боярский род Плещеевых, потомков московского боярина Федора Бяконта, занимает важное место в истории России XV–XVII вв. Бояре Плещеевы – доверенные лица великих князей и царей со времен Василия II Темного и Ивана III. Они владели вотчинами в нескольких станах Переславского уезда, в частности, в Рождественском и Верхдубенском, севернее Троице-Сергиева монастыря (с. Богородское и Выпуково с деревнями, которые перешли в Троице-Сергиев монастырь от их родственников Бутурлиных в связи с опалой опричника Дмитрия Бутурлина в 1570 г.). Последними из рода в думе были: при царе Федоре (1587 г.) – Никита Иванович Очин, младший брат казненных в 1570 г. Захария и Ивана, и при Годунове (1601 г.) – окольный Петр Федорович Басманов. С его смертью сошел со сцены последний крупный представитель рода Плещеевых, и в думных чинах не было ни одного Плещеева (*Веселовский*, 1969. С. 261).

В списке погребенных в Троице-Сергиевой Лавре, изданном в 1880 г., упомянуты, однако, только двое Плещеевых и двое Басмановых (ветвь Плещеевых): Плещеев Вениамин, старец, сын Михаила Борисовича, был в 1480–1490-е гг. старцем и келарем Троице-Сергиева монастыря (Список погребенных, 1880. С. 70–71; АСЭИ, 1952. С. 377–378. № 499); Плещеев Иван Матвеевич (умер в 1587 г., 25-го декабря; Список погребенных, 1880. С. 27); Иван Федорович Басманов и его жена Ирина Васильевна (Список погребенных, 1880. С. 13).

В 2000–2002 гг. в процессе наблюдений и охранных раскопок на территории Троице-Сергиевой лавры экспедицией Сергиево-Посадского музея-заповедника под руководством автора была извлечена 81 белокаменная плита (целые и фрагменты), в том числе между Трапезной палатой и Никоновской церковью найдено 14 ранее неизвестных надгробий представителей рода Плещеевых (рис. 1). Характеристики памятников приводятся в хронологическом порядке.

1. Надгробие Мисаила Плещеева.

Конец XV – начало XVI в. (Рис. 2)

Лицевая поверхность украшена резным геометрическим орнаментом, в том числе крестообразно собранными треугольниками, заполняющими верхнее клеймо и образующими внутреннюю рамку в верхней части плиты. Плита асимметрична, изножье шире изголовья. Обратная поверхность неровная и имеет значительные выступы в середине плиты.

Надпись по клеймо в одну строку резана неровным уставом вглубь¹:

мисаило плещѣевъ

Строка неровная, лигатур и выносных букв нет. Две последние буквы: «В» (в форме квадрата) и «Ъ», поскольку не вместились в одну строку, нанесены над ее концом. Поскольку не указано отчество погребенного, плита могла принадлежать представителю рода Плещеевых, носившего во второй половине XV – начале XVI в. имя Михаил. На наш взгляд, надгробие принадлежит Михаилу Борисовичу, правнуку родоначальника Андрея Плещея, отцу Григория Охоты – основателя рода Охотиных-Плещеевых (*Кобрин*, 1995. С. 155). М.Б. Плещеев – воевода, захвативший 25 декабря 1446 г. во главе тверской рати вместе с отрядом Василия Темного Москву, когда при выезде из столицы вдовы князя Василия Владимировича Ульяны ворота, ведущие в город, были открыты. Москва была захвачена врасплох, Плещеев взял многих людей князя Дмитрия Шемяки, «а граждан приведоша к целованию за великого князя Василия» (*Зимин*, 1991. С. 119; *Веселовский*, 1969. С. 253–254). В перечне бояр великого князя Ивана III, унаследованных им от отца, Михаил Борисович стоит на первом месте. Согласно последней данной грамоте чернеца Мисаила Плещеева (1467 г.), С.Б. Веселовский определил его смерть 1468 г. «Уже будучи троицким иноком Мисаилом, он дал монастырю несколько пустошей в Переславском уезде

¹ Сохраняется орфография надписей. Титла не воспроизводятся, конец строки отмечается двойной косой линией. Буквы, пропущенные в сокращенных словах или опущенные при выносе букв, восстанавливаются и даются в круглых скобках. Утраченные слова, восстановленные автором, даются в квадратных скобках.

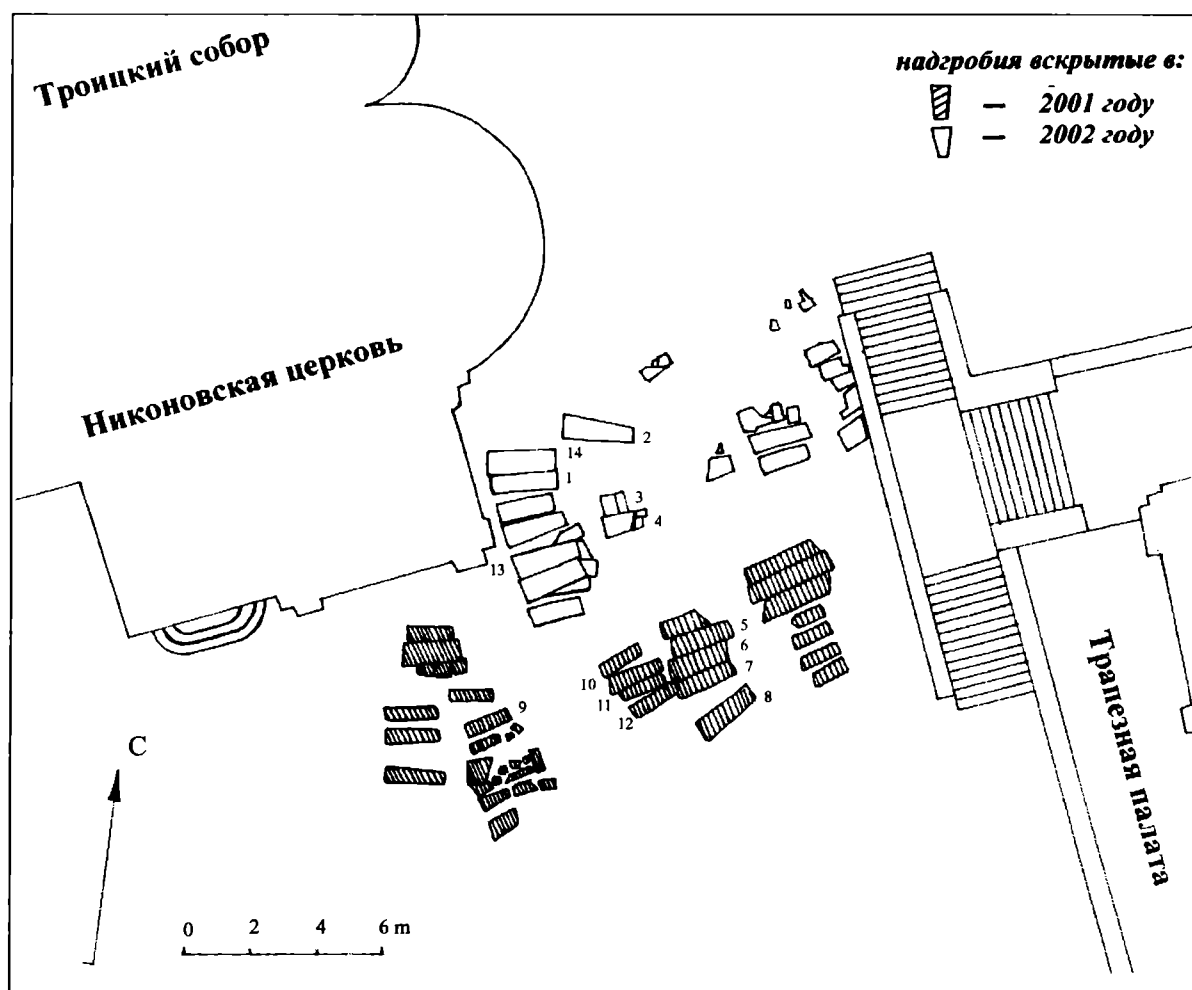

Рис. 1. Надгробия Плещеевых, вскрытых в Троице-Сергиевой Лавре в 2001–2002 гг. Ситуационный план

1 – надгробие Мисаила Плещеева. Конец XV – начало XVI в.; 2 – надгробие Андрея Петровича Плещеева. 1520-е гг.; 3 – надгробие Марии Плещеевой. 1516 г.; 4 – надгробие Ивана Васильевича Плещеева. 1532 г.; 5 – надгробие Юрия Федоровича Плещеева-Очина. 1550 г.; 6 – надгробие Федора Григорьевича Плещеева-Очина. 1560 г.; 7 – надгробие Ивана Федоровича Плещеева-Очина. 1560 г.; 8 – надгробие Орины Плещеевой (жены Ф.Г. Плещеева). Середина XVI в.; 9 – надгробие Ульяны Плещеевой (царевны Ельякшы). 1565 г.; 10 – надгробие Никифора (Никиты) Ивановича Плещеева. 1594 г.; 11 – надгробие Андрея Ивановича Охотина-Плещеева. 1595 г.; 12 – надгробие Елены Плещеевой (иноки Анны). 1603 г.; 13 – надгробие Ивана Федоровича Басманова. 1603 г.; 14 – надгробие Ирины Васильевны Басмановой (вдовы И.Ф. Басманова). 1639 г.

(с. Выпуково в Верхдубенском стане Переславского уезда, и с. Богородицкое и Коряковское в Рождественской волости того же уезда)» (Веселовский, 1969. С. 253–254; АСЭИ, 1952. С. 377–378. № 499).

Аргументами в пользу того, что надгробие принадлежит Михаилу Борисовичу, а не его внуку – Михаилу Андреевичу (Кобрин, 1995. С. 155) (в 1496–1498 гг. – посол в Турции; много раз воевода в различных походах; в 1522 г. пожалован в окольные; умер в 1531 г. (Веселовский, 1969. С. 257), являются: 1) именование покойного иноческим именем Мисаило; 2) элемент орнамента с использованием квадратиков, разделенных двумя диагоналями, образующими четырехконечные крестики с расширенными рукавами. Эти элемен-

ты хронологически распределяются от начала XV до начала XVI в., особенно же распространены в последней четверти XV в., в течение XVI в. их еще можно встретить, но уже как исключение (Беляев, 1996. С. 144); 3) архаические черты плиты: неровная толщина и обратная поверхность, неправильная форма.

2. Надгробие Андрея Петровича Плещеева. 1520-е гг. (?) (рис. 3.)

Лицевая поверхность украшена резным геометрическим орнаментом. В месте примыкания к нижнему клейму, тяги на протяжении 12 см соединены двадцатью тонкими, часто прочерченными горизонтальными линиями.

Надпись вязью в 3 строки резана вглубь:

ЛѢТА ЗК(7028?) [1520?](клеймо)М(Е)^(Я)ЦА АПРН^(Я) //
 ЗІ (17) преста(клеймо)ВН^ а^ДРЪЙ //
 петров [сы]нъ плещѣев //

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря сообщает, что «7030-го [1522] году мая в 27 день дал вкладу Андрей Петров сын Плещеев денег 200 рублей золотых денег, 15 ковшов серебряных по цене за 57 рублей 28 алтын 2 денги;

5 блюд серебряных по цене за 40 за 2 рубли 16 алтын 4 денги. И ис того вkladу взял Алексей Пильемов денег 30 рублей Андрее дочере Плещееве Василисе» (Вкладная книга, 1987, С. 41). Из рода Плещеевых в начале XV в. (к этому времени относится плита, по форме и орнаменту «владельцем» плиты мог быть лишь Андрей Петрович, внук Мисаила и дядя Ивана Васильевича (Кобрин, 1995. С. 149. № 158). Вероятно дата на плите (или прочтение ее остатков) неверна.

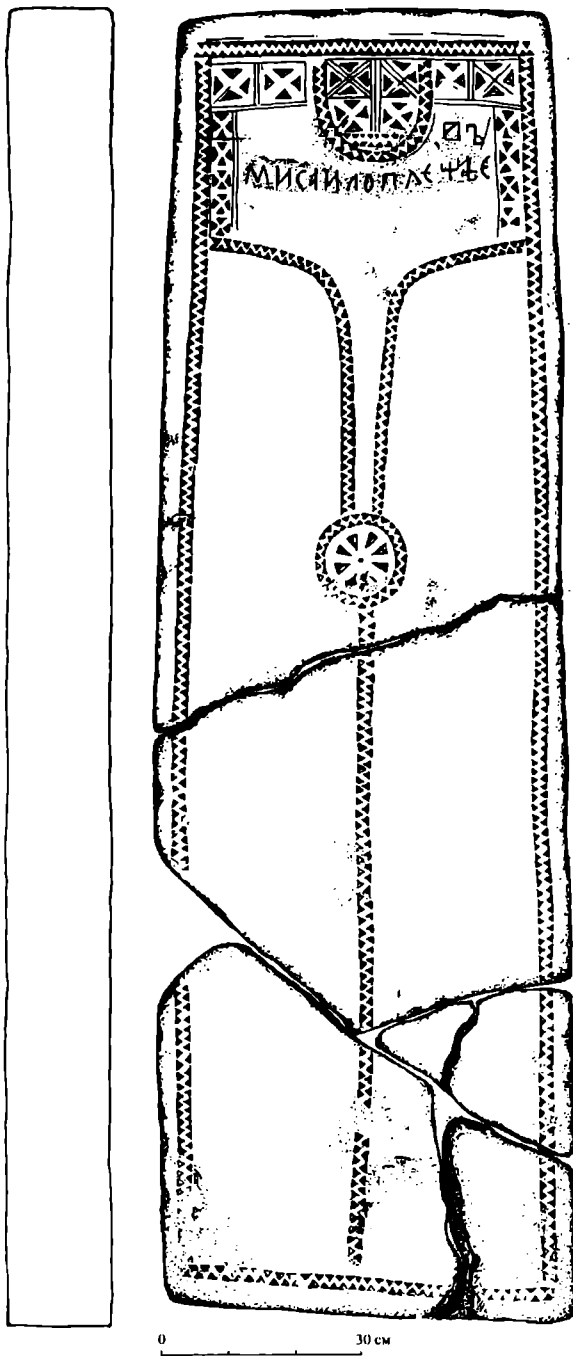

Рис. 2. Надгробие Мисаила Плещеева.
 Конец XV – начало XVI в.

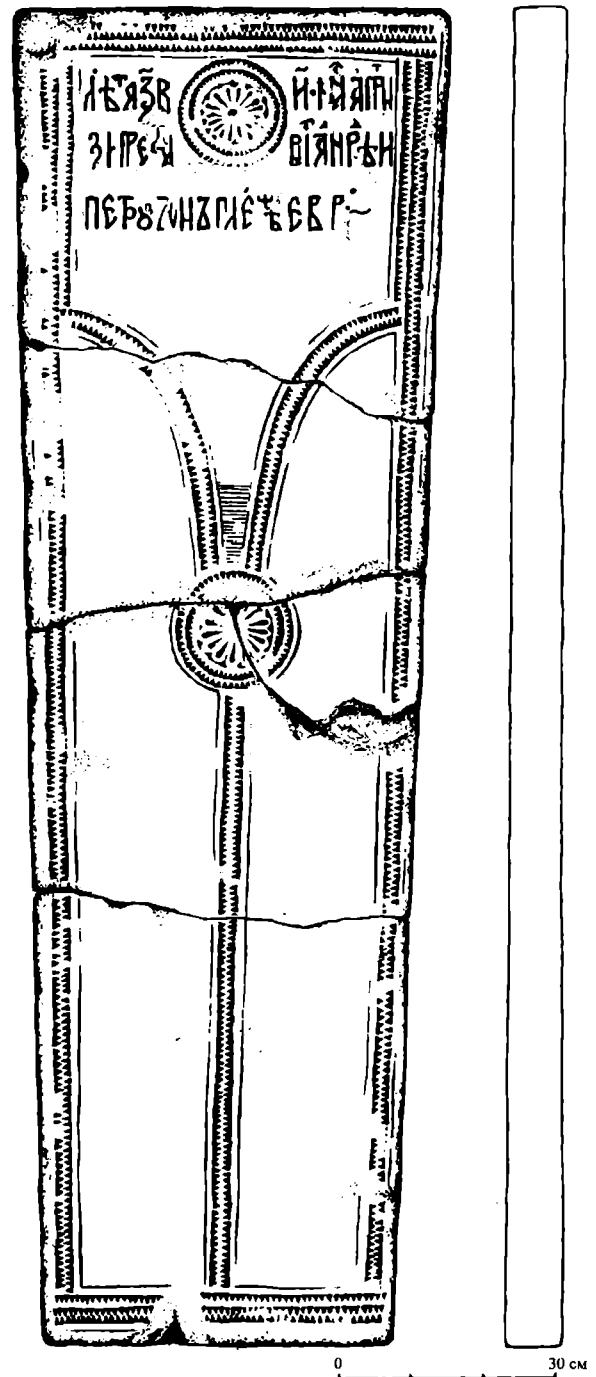

Рис. 3. Надгробие Андрея Петровича
 Плещеева. 1520-е гг.

У Петра Михайловича Плещеева было три сына: Андрей, Иван Павлин и Василий. Петр Михайлович в духовной распределил свои вотчины между сыновьями. Младший сын Андрей получил с. Выпуково с деревнями в Переславском уезде, «да к нему д. Бородинскую, Новое Коярово, Федоровскую» и др. в Верхдубенской волости, «да в Рождественской волости д. Язвцово», затем Андреевское-Львовское с деревнями в Верее, «а к нему д. Техтарево с деревнями» и, наконец, д. Гузеевскую на р. Истре в Звенигородском уезде с двумя лугами на Истре и несколькими деревнями (*Веселовский*, 1969. С. 255).

3. Надгробие Марии Плещеевой. 1516 г. (рис. 4)

Сохранилась верхняя половина плиты. Лицевая поверхность украшена резным геометрическим орнаментом из мелких треугольников. Надпись вязью в 6 строк резана вглубь:

ЛѢТА ЗКЕ (7035)[1516] (клеймо) престави:

м(а)рія иванова жена петров:

нплещѣева м(еся)ца июна д(1) #

д(е)нь на памя(ть) с(вя)т(а)го

м(у)ч(е)н(и)ка іо:

устина ѿлосѡѡа...#

.....

В тексте только четыре лигатуры: «пр», «ив», «мц», «нк» и нет выносных букв.

Вероятнее всего, это жена Ивана Петровича Плещеева, известного под прозвищем Павлин, брата уже упомянутого Андрея Петровича (*Кобрин*, 1995, С. 149. № 157). О нем во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть упоминание: «7031-го [1522] году ноября в 29 день по Василье да по Иване Павлине Петровых детех Плещеева дал вкладу старец Алексей Пильемов денег 100 рублей» (*Вкладная книга...*, 1987. С. 41).

По духовной Петра Михайловича Иван Павлин получил «села Бехташево, Терликово в Переславском уезде, сельцо Герасимовское с деревнями в Гоголеве стане Московского уезда,

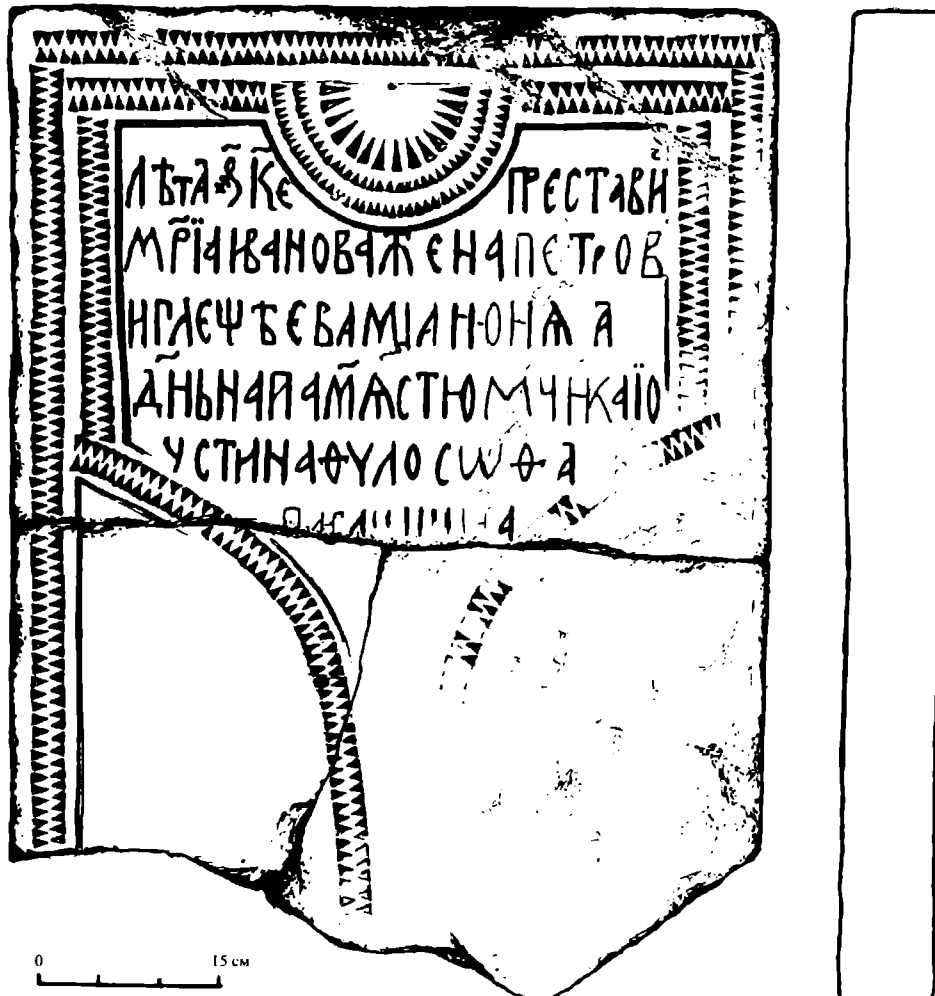

Рис. 4. Надгробие Марии Плещеевой. 1516 г.

да к тому же сельцу деревню Фатьяновскую с. Юрчаково-Бекляшевское в Верейском уезде». Павлин и его брат Василий впоследствии владели Выпуковым и Кояровым сообща и в 1522 г. променяли их Троицкому монастырю на с. Милославское с деревнями в Кашинском уезде. Эта мена в сущности похожа на продажу, потому что Плещеевы получили от монастыря 400 рублей придачи (*Веселовский*, 1969. С. 255–257).

4. Надгробие Ивана Васильевича Плещеева. 1532 г. (рис. 5)

Сохранилась верхняя половина надгробия. Лицевая поверхность украшена резным геометрическим орнаментом из мелких треугольников. В центре верхнего полукруглого клейма – решетка из крупных треугольников.

Надпись вязью в 4 строки резана вглубь:

лѣтъ змг (7040) [1532] г (оду) апрѣя пре//
 стави ра бжи нва васи//
 ъви петрови внѣк плѣщ//
 ѣва//

Рис. 5. Надгробие Ивана Васильевича Плещеева. 1532 г.

Во Вкладной книге Троице Сергиева монастыря есть записи, как о самом погребенном («7040-го [1532] году марта в 8 день по Иване Васильевиче Плещеее да по отце его Василье, да по матери его Анне, и по всех родителей дали вкладу Михайло Елизарьевич, да Ондрей Володимеров сын Огарев вотчину их в Звенигородском уезде село Дмитриевское да сельцо Тимошкино, а к ним 29 деревень со всеми угодья...»), так и об его деде («7016-го [1508] году августа в 16 день дал вкладу Петр Михайлов сын Плещеев денег 50 рублей») (*Вкладная книга*, 1987. С. 41–42).

5. Надгробие Юрия Федоровича Плещеева-Очина. 1550 г. (рис. 6)

Лицевая поверхность плиты украшена резным жгутовым орнаментом. Полукруглое клеймо сверху в центре: четырехлепестковый цветок, обрамленный дугой жгута в 4 завитка. В нижней части надгробия круглая розетка с небольшим восьмилепестковым цветком в кольце жгута.

Надпись вязью в 4 строки резана вглубь:

лѣтъ (а) зни (7018) [1550] г (ола) августа кв (22) памѣт//
 св (я) т (а) г (о) м (у) ч (ени) ка лѣпа престависья//
 юрья федров с (ы) нѣ плещѣва//
 очина//

Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть запись: «58-го [1550] году августа в 26 день дал вкладу Иван Федорович Плещеев денег 10 рублей по брате Юрьи» (*Вкладная книга...*, 1987. С. 42). В документах, использованных В.Б. Кобриным при составлении генеалогии Плещеевых, брат Ивана Федоровича Желды именуется «Юшко» (*Кобрин*, 1995. С. 155. № 239).

6. Надгробие Федора Григорьевича Плещеева-Очина. 1560 г. (рис. 7)

Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление по краям из рядов мелких треугольников и внутренняя рамка в верхней части плиты из крупных прямоугольных треугольников, расположенных «косынкой». Полукруглые тяги из двух рядов мелких треугольников соединяют боковые края обрамления круглым клеймом с 30 треугольниками-лучами в центре.

Надпись вязью в 4 строки резана вглубь:

лѣтъ (а) зни (7068) [1560] г (ола) мѣца марта а (1) на па//
 мѣт (к) стыд мчнци евдокѣ прес//
 тависья ра бжи федро григорѣви//
 очина плещѣва//

На левой боковой поверхности, в 38 см от изножья, горизонтальная прочерченная надпись-граффито: «на Федора». Высота букв – 3,5 см.

Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть запись: «65-го (1557) году июня в 6 день дал вкладу Федор Григорьевич Плещеев 50 рублей» (Вкладная книга..., 1987. С.42). Федор Григорьевич Плещеев-Очин – сын Григория Семеновича Плещеева по прозвищу Очи.

7. Надгробие Ивана Федоровича Плещеева-Очина. 1560 г. (рис. 8)

Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: по краям обрамление из рядов мелких треугольников и внутренняя рамка в верхней части плиты из крупных треугольников, расположенных так, что графья, разделяющая их, образует зигзаг. Полукруглое клеймо вверху, заполненное в центре 9 веерообразно расположенными треугольником, обведено дугой из двух рядов мелких треугольников;

круглое клеймо внизу подобно верхнему, но имеет в центре розетку из 27 треугольников-лучей.

ЛѢТ(А)ЗДН(7068)[1560]^{Г(ОАА)}М^СЦАМА^РТАА(1)НА
ПАМЕ^{Т(А)} //

СТЫΔ МЧНЦИ ЕВДОКѢ^Н ПРЕ^СТАВИ//

СѦ РА^К БОЖИ^Н НЕА^Н ѠЕ^{ЛО}РОВИ^Ч ОЧИ^Н//

ПЛЕЦѢ^С//

На левой боковой поверхности, в 14 см от изголовья, горизонтальная прочерченная надпись-граффито: «НАИВАНА». Высота букв – 3 см.

Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть запись: «58-го [1550] году августа в 26 день дал вкладу Иван Федорович Плещеев

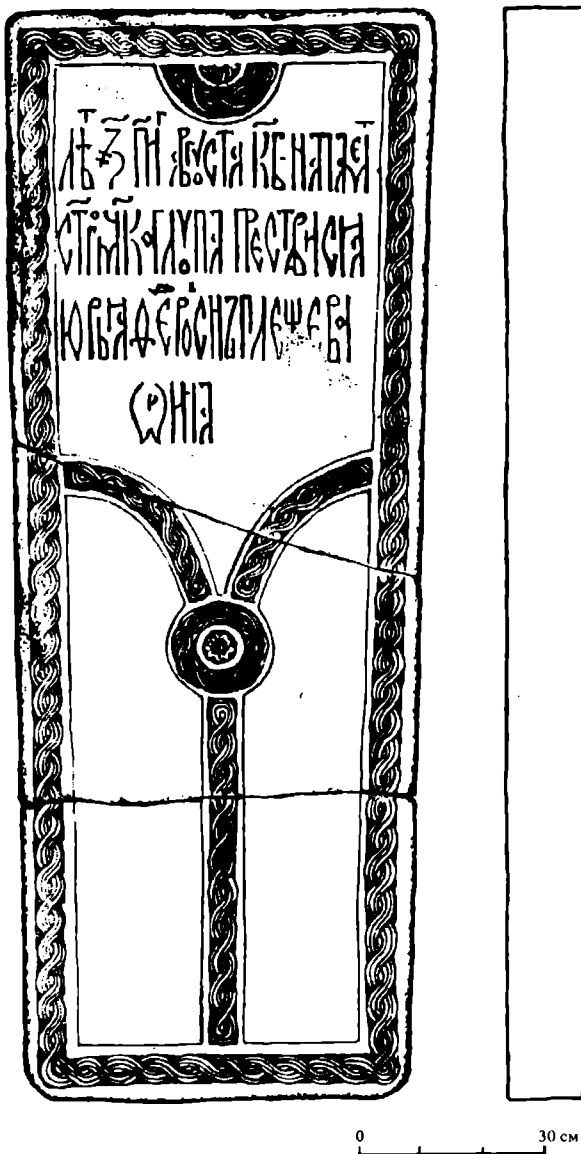

Рис. 6. Надгробие Юрия Федоровича Плещеева-Очина. 1550 г.

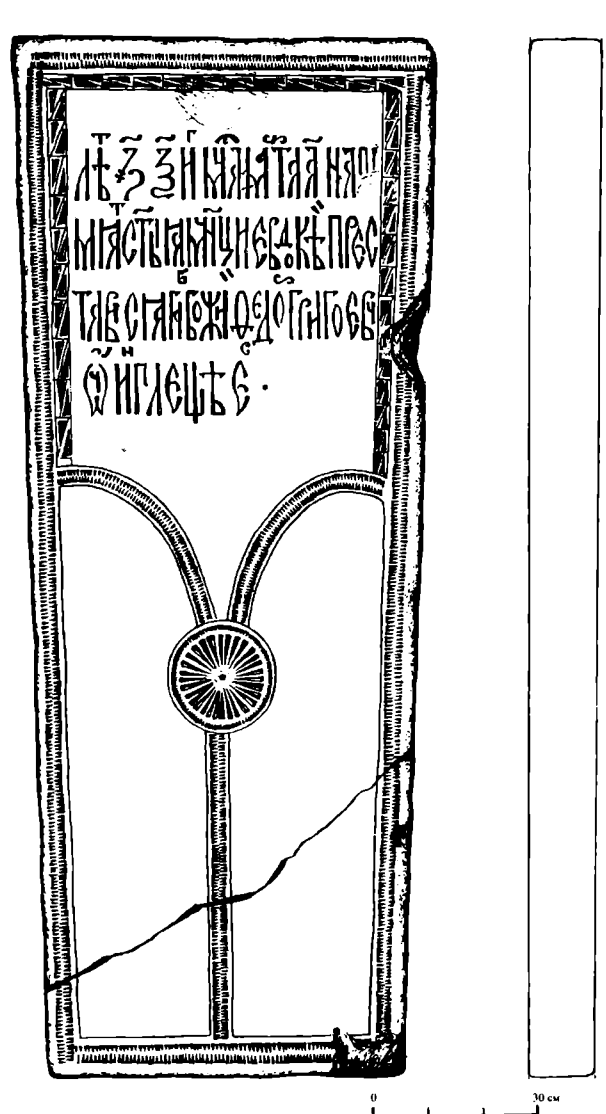

Рис. 7. Надгробие Федора Григорьевича Плещеева-Очина. 1560 г.

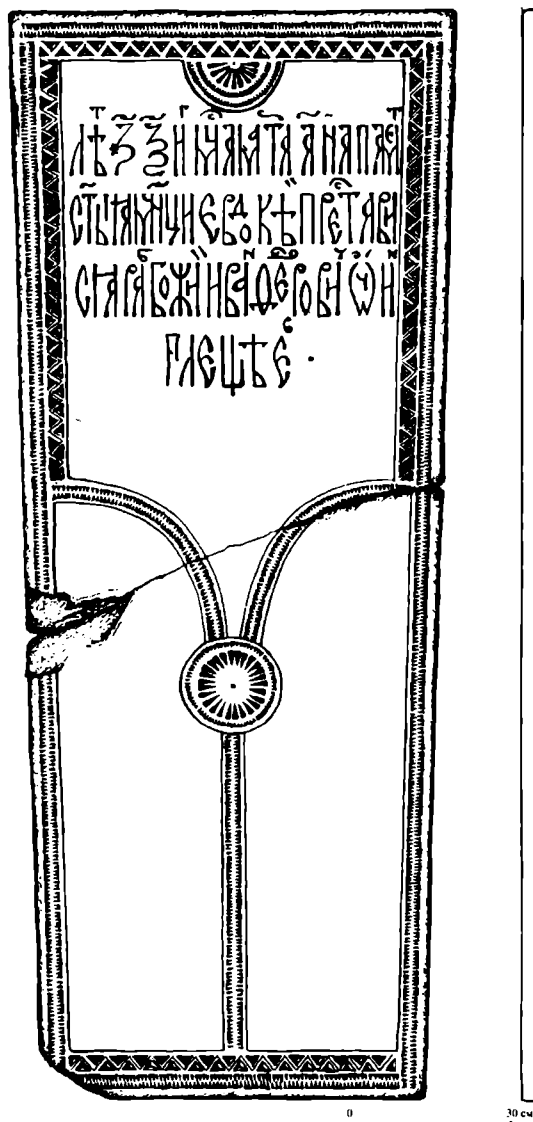

Рис. 8. Надгробие Ивана Федоровича Плещеева-Очина. 1560 г.

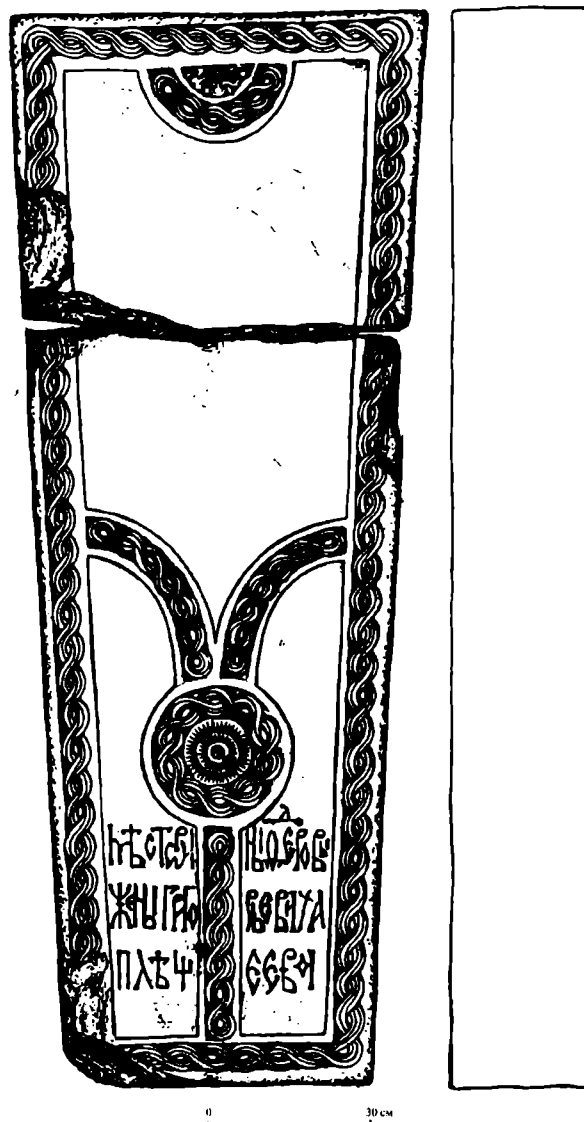

Рис. 9. Надгробие Орины Плещеевой (жены Ф.Г. Плещеева). Середина XVI в.

денег 10 рублей по брате Юрьи» (Вкладная книга..., 1987. С. 41). Прозвище – «Желда» (Кобрин, 1995. С. 156. № 240).

И орнамент, и особенности надписи, и граффити на двух надгробиях, почти полностью схожие, демонстрируют одну авторскую руку резчика, тем более, что заказ на отца и сына, умерших в один день, выполнялся одновременно, на одновременно закупленных плитах.

8. Надгробие Орины (жены Федора Григорьевича Плещеева-Очина). Вторая половина XVI в. (рис. 9)

Лицевая поверхность плиты украшена резным жгутовым орнаментом: полукруглое клеймо вверху в центре – трехлепестковый цветок, обрамленный дугой жгута в 4 завитка. В нижней части надгробия крупная круглая

розетка, в центре которой – маленький четырехконечный крестик с расширяющимися концами, окаймленный двойным кольцом мелких треугольников, обращенных вершинами наружу, и кольцом жгута. В верхней части надпись отсутствует. В изножье, под нижним клеймом, по обе стороны нижней тяги, резаная вглубь надпись вязью в три строки о «занятом месте»:

мѣст(о) шри^(тяга)ны ѿ^{ро}ровы//

жены григо^(тяга) рьевича//

плѣщ^(тяга) еева//

Погребальная надпись так и не была нанесена.

Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть запись только о ее муже (Вкладная книга..., 1987. С. 42).

9. Надгробие Ульяны Плещеевой (царевны Ельякшы). 1565 г. (рис. 10)

Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: по краям обрамление из рядов мелких треугольников и внутренняя рамка в верхней части плиты из крупных треугольников, расположенных так, что графья между ними образует зигзаг. Полукруглое клеймо вверху и круглое в низу заполнены соответственно четырьмя и семью горизонтальными полосами из крупных треугольников, при этом разделяющая их графья также образует зигзаг. Надпись вязью в 5 строк резана вглубь:

ЛѢТ(а) 30Д(7054)[1565]_(клеимо) ВКЪТЪБРА В КС^{Λ(ε)н(λ)} //
 прѣставлѣ раба Б(о)жнѣ иулианѣ //

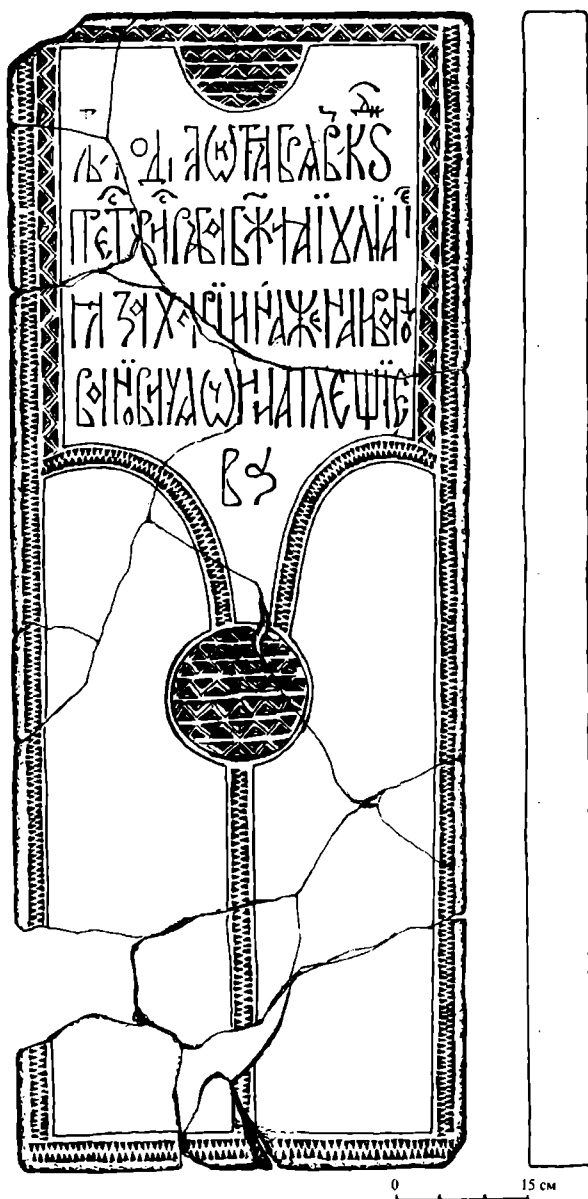

Рис. 10. Надгробие Ульяны Плещеевой (царевны Ельякшы). 1565 г.

ѣ захаринна жена ивано //

вановича шчина плещіе //

ва //

Обращает внимание начертание последней буквы «д», выполненное исключительно кривыми линиями.

Муж Ульяны, Захарья Иванович Очин-Плещеев, окольник, участник походов на Казань и против крымцев, в разное время был воеводой в Козельске, Мценске, Карачеве, Казани и др. В 1564 г. во время разгрома армии П.И. Шуйского на р. Уле, под Оршей, попал в плен вместе с «700 большими дворянами и детьми боярскими». В 1566 году под поручительство опричных бояр был возвращен из плена. Вероятно, в награду за «полное терпение» он был взят и опричнину и получил боярство. В январе 1569 г. руководил опричными войсками при взятии Изборска. Был женат на пленной астраханской царевне Ельякшы (Ульяне) (Кобрин, 1960. С. 61). Жена умерла во время его пребывания в плену, что подтверждает запись Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря о вкладе на помин ее души, сделанном в отсутствие мужа его родственником Алексеем Басмановым (с которым Захарья Иванович был в близких отношениях): «104-го (1565) году ноября в 12 день по Ульяне Захарыне жене Ивановича Плещеева дал вкладу боярин Александр Данилович Басманов денег 50 рублей» (Вкладная книга, 1987. С. 42). З.И. Плещеев-Очин казнен в 1570 г. вместе с А.Д. Басмановым (Зимин, 1964. С. 107, 108, 151, 155, 195, 199, 348, 364; Кобрин, 1960. С. 60–61). С.Б. Веселовский отмечал, что «Алексей Басманов выдвинулся в согласии с традициями службы, а Захарий Иванович в нарушении этих традиций, его можно было считать человеком «в случае», фаворитом, который сделал карьеру по исключительной милости царя (но результат получился одинаковый – оба погибли от террора царя Ивана)» (Веселовский, 1969. С. 259–260).

10. Надгробие Никифора (Никиты) Ивановича Плещеева. 1594 г. (рис. 11)

Лицевая поверхность плиты украшена резным жгутовым орнаментом. Клейма имеют в центре «вращающиеся» розетки, окаймленные кольцами с поперечными полосками. Надпись вязью в 5 строк резана вглубь:

ЛѢТ(а) 3_(клеимо)РВ(7103)[1594] ^{“(оаа)”} ию //

на в ді (14) ^{Λ(ε)н(λ)} прѣставлѣ раѣ Б(о)жнѣ //

никифороу ивановичь //

плещеевъ во “[ноц]е” //

никан[др] .....

Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть запись: «100-го [1591] году декабря в

26 день дал вкладу Никита Иванович Плещеев по брате своем Захарье да по Иване Очиных-Плещеева денег 100 рублей» (Вкладная книга..., 1987. С. 42).

Никита Иванович был воеводой в Темникове, Смоленске, а в 1562 г. вместе с братом Иваном возглавлял в походе из Смоленска сторожевой полк. В 1563/64 гг. воевода в Керепети, наместник в Почепе. Вероятно, около 1569/70 гг. он вместе с братьями попал в опалу, так как затем на четыре с лишним года исчез из разрядов и появился лишь в октябре 1573 г. С 1589 г. — окольничий. Последнее упоминание — 1591 г. (Кобрин, 1960. С. 61).

Судя по расположению плиты (рядом с женой, инокиней Анной) и дате смерти, плита принадлежит брату Захария Ивановича — Никите. Наличие двух имен (Никита — Никифор — мирского и церковного) мы уже отметили у Юрия Федоровича Плещеева (Юшко — Юрья).

11. Надгробие Андрея Ивановича Охотина-Плещеева. 1595 г. (рис. 12)

Лицевая поверхность плиты украшена резным жгутовым орнаментом. Верхнее клеймо имеет в центре «вращающуюся» розетку, в центре нижнего клейма — выпуклый гладкий кружок.

Надпись вязью в 4 строки резана вглубь:

ЛѢТѢ (А) ЗР^(клеимо) Г (7103) (1595) Г (села) МАРТА //

В Д (5) Л^(е) Н^(с) [престави] С РА^Н Б (О) ЖИ^Н //

АНД[РЕЙ ИВА]НОВИ^Ч ПЛЕ^Ш //

ЦѢВѢ ВЪ ХОТИ^Н //

На оборотной стороне плиты начерчены квадрат со стороной 4 см и три буквы: «и», «р», «с».

Андрей Иванович Охотин-Плещеев также был опричником (он подписался под поручной по З.И. Очине-Плещееве). После опричнины,

Рис. 11. Надгробие Никифора (Никиты) Ивановича Плещеева. 1594 г.

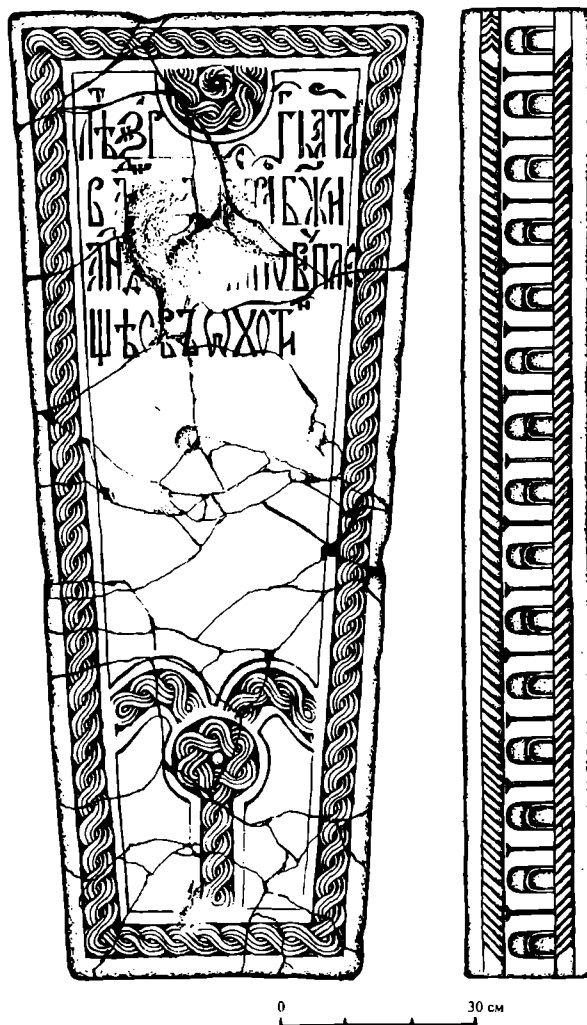

Рис. 12. Надгробие Андрея Ивановича Охотина-Плещеева. 1595 г.

в 1576/77 г., – воевода на Усвяте, в Карачеве и др. (Кобрин, 1960. С. 62).

12. Надгробие Елены Плещеевой (иноки Анны). 1603 г. (Рис. 13)

Лицевая поверхность плиты украшена сочетанием жгутового и геометрического орнаментов (таких надгробий в Троице-Сергиевом монастыре найдено только три). Верхнее клеймо окаймлено дугой из 4-х витков жгута, в центре – «клубок», сплетенный из такого же тройного жгута. В нижней части плиты круглая розетка из лучеобразно расположенных 8 треугольников соединена с боковыми и нижним краями тремя тягами, состоящими из двух рядов мелких треугольников.

Надпись вязью в 4 строки резана вглубь:

ЛѢТ(А)ЗРА(7111)[1603]ИЮ"А ЄІ(15)^{А(Є)Н(Л)} ПРСТАВН"А

РАБА БО*(Н)А ИНОКА АН"А НИКТИИ

НА ЖЕНА ИВАНОВИ"А ПЛЕЩЕИ

ВА//

Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть записи: «102-го [1594] году марта в 14 день Никита же Иванович дал вкладу денег 50 рублей, юшан золочен по цене за 50 рублей, садак за 15 рублей, чашу серебряну за 10 рублей. Того ж году Никита жена Елена дала вкладу шубу соболью под золотную камкою за 70 рублей. 111-го (1603) году по Никитине жене Елене Очи на Плещеева дано вкладу денег 50 рублей. 111-го (1603) году июля в 19 день по старице Анне по

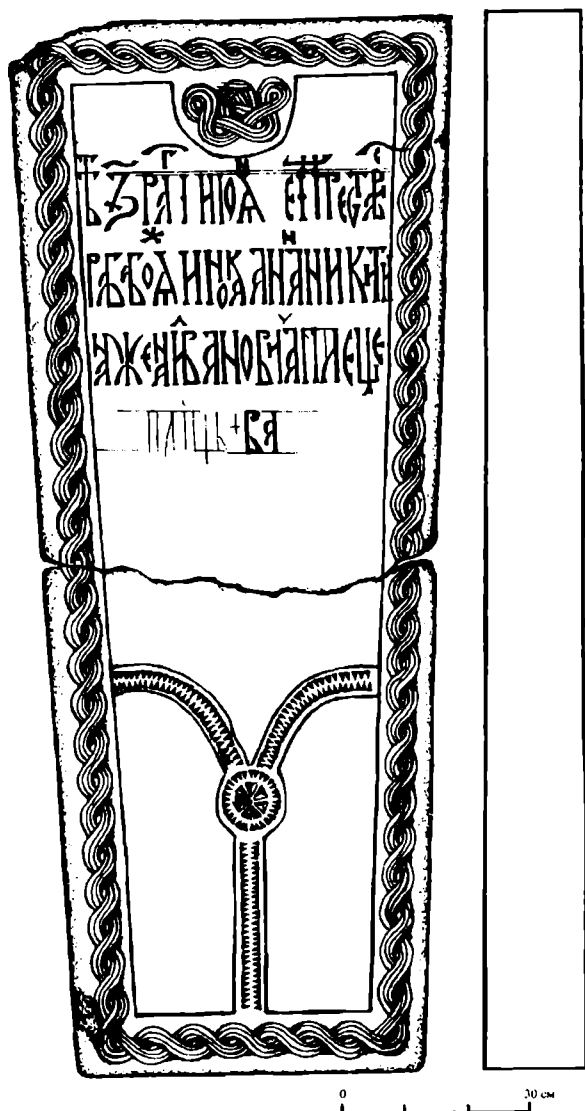

Рис. 13. Надгробие Елены Плещеевой (иноки Анны). 1603 г.

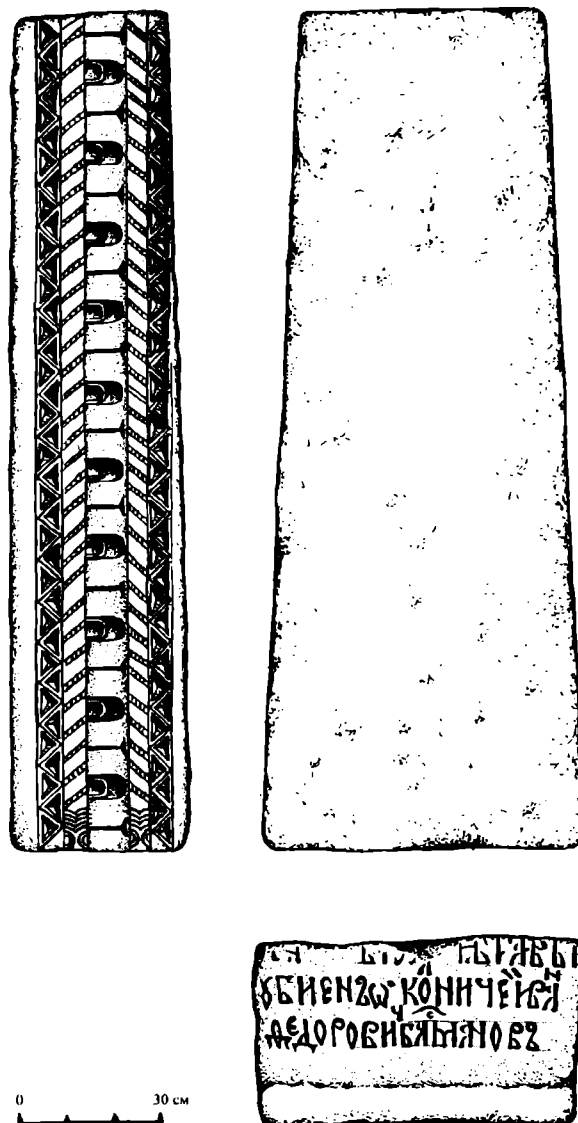

Рис. 14. Надгробие Ивана Федоровича Басманова. 1603 г.

Никитине жене Очиина Плещеева да по Аннине матери иноке Таисее, да по Аннине сестре Дарье дали вкладу Леонтей Заступской да княгиня старица Еуфимья Козловская денег 150 рублей» (Вкладная книга..., 1987. С. 42).

13. Надгробие Ивана Федоровича Басманова. 1603 г. (рис. 14)

Лицевая поверхность сильно стерта (не менее чем на 3–4 см). Все боковые поверхности надгробия (кроме поверхности изножья) были украшены рельефным орнаментом: полоса двойных «арочек», полосы жугута и крупных треугольников. На торце изножья орнамент был срезан и на выровненной поверхности вырезана вглубь надпись вязью в 3 строки:

...[сен]тября в ві (12) [днь] //

убиенъ око^аниче^а ива^а //

Федорови^а Басманов^а //

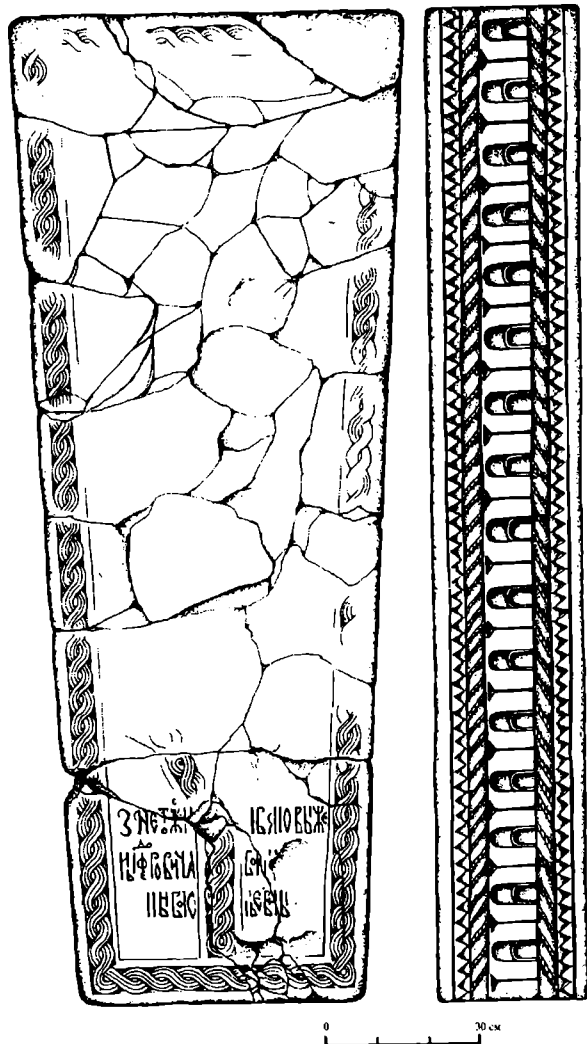

Рис. 15. Надгробие Ирины Васильевны Басмановой (вдовы И.Ф. Басманова). 1639 г.

В Списке погребенных 1880 года сообщается, что «И.Ф. Басманов, окольниковый, убитый под Москвою в 1604 году в сражении с атаманом разбойников Хлопком, и по повелению царя Бориса Годунова с честью погребен в Лавре», причем указанное место погребения (с южной стороны паперти Никоновской церкви) совпадает с находкой плиты (Список погребенных, 1880. С. 13. № 93).

Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть записи:

«112-го (1603) году сентября в 18 день по Иване Федоровиче Басманове пожаловал государь царь и великий князь Борис Федорович всея Руси денег 100 рублей.

То го ж 112-го (1603/1604) году по Иване Федоровиче Басманове дала вкладу жена ево Ирина ризы отлас золотной по таусинной земле шахматы и промеж ими травы шиты золотным шолком да белым, оплечье жемчугом саженью по таусинной камке да 23 дробницы серебряны позолочен, около оплечье жемчугом саженью по камке тропарь чудотворцю Сергию. Назади у риз крест и звезда жемчугом саженью; да поручи отлас червчат, шиты золотом, по цене все за 100 за 20 рублей» (Вкладная книга..., 1987. С. 99)

14. Надгробие Ирины Васильевны Басмановой. 1639 г. (рис. 15)

Лицевая поверхность украшена жгутовым орнаментом, боковые поверхности надгробия (кроме торца изножья) украшены рельефным орнаментом: полоса двойных «арочек», полосы жугута и крупных треугольников.

В верхней части плиты надписи нет. Надпись о занятом месте, в три строки вязью резаная вглубь, расположена в изножье плиты, по обе стороны вертикальной нижней тяги:

зането ме^а[то] (тяга) ивановы жены //

Федоровича (тяга) Басмановы ири //

ны вас (тяга) Васильевны //

Надпись при погребении так и не была нанесена.

В 1880 г. упоминается супруга И.Ф. Басманова (Ирина Васильевна, из рода Салтыковых, в иночестве Ираида) как погребенная в 1639 г., 2 апреля, с южной стороны паперти Никоновской церкви. Место погребения совпадает с находкой плиты (Список погребенных..., 1880. С. 13).

Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть запись: «147 -го [1639] году апреля в 12 день князь Василей Яншеевич Сулешев погреб тело тещи своей Ирины Васильевны во иноцех Ириады, Ивановской жены Федоровича Басманова, дал вкладу 100 рублей, и имя старицы Ириады писано во все сенаники и в кормовые книги» (Вкладная книга..., 1987. С. 99).

Литература

- АСЭИ. М., 1952. Т. 1.
- Беляев Л.А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.
- Веселовский С.Б., 1969. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.
- Вишневский В.И., 1998. Новые находки средневековых надгробий некрополя Троице-Сергиева монастыря // Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры. М.
- Вишневский В.И., 2000. Средневековые белокаменные надгробия некрополя Троице-Сергиева монастыря (находки 1998–1999 гг.) // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2000. М.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- Горский А.В., 1890. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М. Ч. 2.
- Зимин А.А., 1964. Опричнина Ивана Грозного. М.–Л.
- Зимин А.А., 1991. Витязь на распутье. М.
- Кобрин В.Б., 1960. Состав опричного двора Иван Грозного // Археографический ежегодник 1959 г. М.
- Кобрин В.Б., 1995. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М.
- Список погребенных в Троице-Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880.

О дате основания Андроникова монастыря

В истории русской церкви личность Сергия Радонежского знаменательна тем, что сам он и целая плеяда его учеников стали основателями массы обителей, рассеявшихся по необъятной Руси. По некоторым оценкам, сам Сергий, его ученики и «собеседники», ученики учеников создали или восстановили до половины всех появившихся в XIV–XV вв. русских монастырей.

Первой из таких обителей, относительно которой достоверно известно, что в ее основании принял участие преподобный, следует признать московский Спасо-Андроников монастырь. Он возник в третьей четверти XIV в. близ тогдашнего города, на левом берегу Яузы. Наиболее ранний рассказ о его основании содержится в первой редакции «Жития Сергия Радонежского», принадлежащей перу Пахомия Логофета.

Согласно агиографу, однажды к Сергию Радонежскому пришел «некий юноша» с просьбой постричь его в монахи. Преподобный не отказал ему в этом и постриг с именем Андроник. В течение десяти лет Андроник жил в Троицкой обители «въ всяком послушании», а затем у него возник замысел «еже изити из монастыря (Троицкого. – К.А.) и сътворити свои монастырь». Случай помог этому желанию осуществиться: в Троицу «приде же тогда Алексие митрополит посещения ради». В беседе Сергий рассказал ему о мыслях Андроника и задал вопрос – как поступить? Митрополит посоветовал игумену не препятствовать своему ученику и, взяв с собой Андроника, отправился в Москву. Здесь, на берегах Яузы, Алексей с помощью ученика Сергия выбрал место для будущей обители, а на вопрос последнего: «владыко святыи, в кое имя велиши основати церковь в котораго святого?», рассказал о когда-то данном им обещании.

Рассказ митрополита сводился к следующему. Во время возвращения Алексея из Константинополя на Русь его путь пролегал через море. Внезапно налетел шторм, корабль готов был уже погрузиться в пучину, и тогда митрополит стал молиться Богу, обещая, что если когда-нибудь доберется до берега, поставит церковь во имя того святого, память которого будет праздноваться в день, когда корабль достигнет суши. Вскоре

буря стихла, и 16 августа судно пристало к берегу. В этот день отмечается большой церковный праздник – перенесение Нерукотворного образа Христа из Эдессы в Константинополь. По преданию, икона передавала облик Спасителя, чудесным образом запечатленный на убрусе, приложенном им к лицу. Благодарный за свое чудесное спасение, Алексей обязался поставить на Руси церковь во имя Образа Нерукотворного Спаса. За постоянными делами по управлению Русской церковью митрополиту все не удавалось исполнить свое обещание, и лишь поездка к Сергию заставила вспомнить о когда-то данном обязательстве. Алексей велел Андронику поставить на берегу Яузы церковь во имя Образа Нерукотворного Спаса. Вскоре храм был выстроен, митрополит освятил его, дал «потребная на устроение монастыру» и «постави же ту игумена Андроника» (Клосс, 1998. С. 370–371). Таково вкратце содержание сюжета об основании Андроникова монастыря.

Когда произошли описанные события? Агиограф не дает четкого ответа, но, тем не менее, содержащиеся в рассказе некоторые указания позволяют определить возможный временной промежуток. Так, все исследователи сходятся в том, что буря на Черном море имела место в августе 1354 г., когда Алексей возвращался на Русь после своего поставления в митрополиты. Поскольку обитель была выстроена при жизни Алексея, становится ясным, что она была основана в промежуток между осенью 1354 г. (возвращение митрополита на Русь) и февралем 1378 г. (кончина Алексея).

В литературе на протяжении XIX в. и вплоть до наших дней существовало мнение об основании монастыря около или в 1360 г. (Иванчин-Писарев, 1842. С. 7, 58. Прим. 8; Архимандрит Григорий, 1891. С. 5–6). Однако в 1969 г. оно было подвергнуто сомнению В.Г. Брюсовой. По ее мнению, обитель была основана около 1391–1392 гг. митрополитом Киприаном, незадолго до смерти Сергия Радонежского. Основанием для этого предположения послужило то, что в одном из списков «Жития» преподобного в качестве основателя Андроникова монастыря фигурирует Киприан (Брюсова, 1969. С. 43–44; 1978. С. 4). Эта гипоте-

зашла своих сторонников. В частности, ее попытка развить И.С. Красовский, полагавший, что посвящение обители Спасу не результат плавления по Черному морю, а характерное для того времени посвящение княжеских монастырей (Красовский, 1997. С. 6–8). Вместе с тем продолжала существовать и прежняя точка зрения. Разнобой в определении времени возникновения обители, достигавший тридцати с лишним лет, привел к тому, что в литературе стали появляться весьма расплывчатые датировки. Так, М.Г. Гальченко писала, «мужской монастырь Нерукотворного образа Спаса был основан не ранее середины или, согласно другим исследованиям, конца XIV в.» (Гальченко, 1994. С. 154).

Предположение В.Г. Брюсовой об основании монастыря в начале 1390-х гг., помимо прочего базировалось на мнении, взятом из книги историка обители архимандрита Григория, считавшего, что первый настоятель монастыря Андроник скончался в 1395 г. Но позднее выяснилось, что умер он гораздо раньше. В частности, о его кончине до 1380 г. позволяет судить помета Епифания Премудрого в Стихираре 1380 г.: «Месяца сентября в 21 день, в пяток... Во той же день Исакий Андроников приехал к нам». Следовательно, к этому времени монастырь уже назывался Андрониковым в честь основателя, после кончины которого только и могло произойти такое наименование (Ульянов, 1996. С. 184).

Гипотеза В.Г. Брюсовой не выдержала проверки и была отвергнута. Несмотря на это, разыскания исследовательницы не были напрасны и дали свои положительные результаты. Вернувшись к традиционной точке зрения, историки должны были констатировать, что 1360 г., выбранный в качестве даты начала Андроникова монастыря, не имеет под собой серьезных оснований. Очевидно, точную дату основания обители следует искать между 1354 и 1378 гг., то есть в то время, когда русскую церковь возглавлял митрополит Алексей.

Пытаясь сузить рамки, Б.М. Клосс обратил внимание на известие Пахомия о том, что Андроник был пострижен лично Сергием и прожил в послушании у него 10 лет. Преподобный мог постричь своего ученика только став игуменом, то есть начиная с середины 1354 г. Поскольку нам

точно известно, когда Андроник прошел этот обряд (память апостола Андроника празднуется 17 мая), становится понятным, что он мог постричься не ранее 17 мая 1355 г. Прибавляя к этой дате указанные Пахомием десять лет, проведенные Андроником в Троицкой обители, получаем 1365 – год, ранее которого монастырь не мог быть создан. Известно, что Андроник скончался 13 июня 1373 г. Таким образом, Андроников монастырь возник между 1365 и 1373 гг. Стремясь определить точный год его основания, Б.М. Клосс предположил, что освящение обители должно было происходить в храмовый праздник – 16 августа (это представляется вполне логичным), совпадавший с воскресным днем. Такое сочетание в указанный промежуток приходится только на 1366 г., который Б.М. Клосс и считает годом основания Андроникова монастыря (Клосс, 1998. С. 43–44)¹.

Однако, усомнившись в этой датировке, В.А. Кучкин обоснованно предположил, что освящение храмов на Руси в тот период не обязательно должно было приходиться именно на воскресные дни. В подтверждение тому он привел ряд примеров.

Действительно, если обратиться к летописным известиям первой половины XIV в., где говорится об освящении церквей, легко убедиться, что эти события приходились на разные дни недели. Так, освящение Успенского собора в московском Кремле состоялось в пятницу, 14 августа 1327 г.² В 1329 г. в Москве были освящены две церкви: в пятницу 1 сентября – храм Иоанна Лествичника (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 45; Т. XVIII. С. 91; Т. XXV. С. 169) и в субботу, 14 октября, – Поклонения вериг апостола Петра³. Освящение Архангельского собора пришлось на понедельник, 20 сентября 1333 г. (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 47; Т. XVIII. С. 92)⁴. Наконец, повелением Семена Гордого в 1343 г. в Новгороде, на Городище, была поставлена каменная Благовещенская церковь. Ее освящение архиепископом Василием состоялось в воскресенье, 24 августа (ПСРЛ. Т. XXV. С. 175; ср.: Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 275). Уже тот факт, что из пяти случаев освящения храмов в первой половине XIV в. лишь один пришелся на воскресенье, показывает ошибочность утверждения, об

¹ Мнение Б.М. Клосса об основании монастыря в 1360-е годы также нашло своих сторонников (Солдатов, 1993. С. 35).

² В летописях существуют разногласия по поводу точной даты освящения Успенского собора. Московский летописный свод конца XV в. датирует его 4 августа (ПСРЛ. Т. XXV. С. 168). Однако более правильным следует признать сведения Рогожского летописца – 14 августа, и указавшего при этом, что данный день пришелся «на память святого пророка Михея, въ канун Госпожину дни», то есть накануне престольного праздника (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 44). Но в данном случае это уточнение не играет роли, ибо в 1327 г. 4 августа приходилось не на воскресенье, а на вторник.

³ Разные летописи имеют некоторые разночтения по поводу этого храма. Московский летописный свод конца XV в. говорит, что данная церковь 14 октября была «свершена», то есть завершена строительством (ПСРЛ. Т. XXV. С. 169). Воскресенская сообщает, что она была «священа» (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 91). Это противоречие разъясняет Рогожский летописец, указывающий, что она «совршена бысть и священа» (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 45). Учитывая короткий срок ее строительства (она была заложена 13 августа), становится понятным, что день окончания работ совпал с днем освящения.

⁴ Московский летописный свод конца XV в. дает неточную дату – 28 сентября (ПСРЛ. Т. XXV. С. 171).

освящении церковью обязательно в воскресный день.

Что же тогда служило основанием для выбора конкретной даты освящения той или иной церкви? Этот вопрос достаточно подробно рассмотрен Н.С. Борисовым, указавшим на роль нескольких факторов. Пожалуй, главным из них была древняя традиция освящения храма на престольный праздник. Первый из перечисленных выше, Успенский собор в Москве, был освящен 14 августа, накануне «Успеньева дня». Другим основанием для выбора даты являлось стремление связать торжественную церемонию освящения с именем храмоздателя. В качестве примера укажем, что храм Поклонения вериг апостола Петра был освящен 14 октября, в день памяти Протасия – святого, соименного родоначальнику Вельяминовых московскому тысяцкому Протасию. По имеющимся в нашем распоряжении источникам известно о его участии в церковном строительстве того времени. Все это позволяет говорить, что он принимал самое активное участие и в возведении данного храма. Избран для освящения церкви день памяти его ангела, духовная власть подчеркивала роль Протасия в ее сооружении. Наконец, большую роль играла символика дат. Каменный храм Иоанна Лествичника, посвященный небесному покровителю Ивана Калиты, был недаром освящен 1 сентября, «на память святого отца Симеона Столпника»: это указывало на старшего сына и главного наследника великого московского князя – Семёна Гордого, призванного продолжить дело своего отца. Наконец, освящение Архангельского собора (в летописи он именуется церковью архангела Михаила) не случайно пришлось на 20 сентября – день памяти знаменитого князя Михаила Черниговского, замученного в Орде в 1246 г. Тем самым декларировалась необходимость борьбы с иноземным засильем (Борисов, 1986. С. 55–62).

Таким образом оказалось, что 1366 г., предложенный Б.М. Клоссом в качестве даты возникновения Андроникова монастыря, не может быть принят. Сомнения у В.А. Кучкина вызвал и большой временной промежуток (12 лет) между тем, когда был дан обет (1354 г.) и когда он был исполнен (1365–1373 гг., если оставить указание «Жития» Сергия на десять лет, проведенные Андроником в Троицкой обители).

Пытаясь выяснить дату основания Андроникова монастыря, В.А. Кучкин обратил внимание, что в данном сюжете кроме Сергия и Андроника фигурирует и митрополит Алексей. Последний был канонизирован в XV в., а значит, это же событие должно было найти отражение и в его «Житии».

Жизнеописание первого русского митрополита из среды московских бояр являлось популярным литературным памятником и дошло до нас в многочисленных списках, датируемых временем

с середины XV в., когда Алексей был причислен к лику святых, вплоть до XIX в. Не удивительно, что за столь долгий срок бытования «Жития» оно неоднократно перерабатывалось и редактировалось. Всего известно до полутора десятка его редакций. Можно предположить, что на протяжении всего этого времени первоначальный текст памятника изменялся, уточнялся, из него исключались те или иные сюжеты, добавлялись новые подробности, имевшие мало общего с действительностью. Поэтому главным для исследователей стал поиск наиболее ранних списков «Жития» митрополита Алексея.

От XV в. дошло две редакции биографии этого святого. Первая из них принадлежала архимандриту основанного Алексеем Чудова монастыря, впоследствии пермскому епископу Питириму. Но она крайне лаконична, скупа на подробности и не могла удовлетворить читателей своего времени. Поэтому в 1459 г. появился новый, более подробный рассказ о жизни митрополита, ставший основой всех последующих редакций памятника. Один из списков этой старшей редакции «Жития» митрополита Алексея сохранился в составе известного сборника № 948 из Синодального собрания ГИМ, некогда он принадлежал видному церковному и государственному деятелю середины XVI в. митрополиту Макарию. Судя по водяным знакам, рукопись датируется 70-ми годами XV в. и по времени создания оказывается довольно близкой к оригиналу памятника. В 1967 г. ее опубликовал В.А. Кучкин.

В указанной рукописи мы, действительно, находим рассказ об основании Андроникова монастыря. Но в отличие от «Жития» Сергия Радонежского в этом памятнике данный сюжет изложен несколько иначе – оказывается, что обитель была основана при великом князе Иване Красном: «благочестивый князь Иоань помысли церковь въздвигнути и в немь съставити общее житие» (Кучкин, 1967. С. 247. Л. 123). Поскольку Иван Красный скончался 13 ноября 1359 г., очевидно, что Андроников монастырь был основан до этого события, то есть между осенью 1354-го и осенью 1359 г. Но эта датировка противоречит выводам Б.М. Клосса (между 1365 и 1373 гг.)

Неудивительно, что перед исследователями встал вопрос: какое из житий двух святых XIV в. дает правильные сведения? «Житие» Сергия (его первая пахомиевская редакция) было составлено в 1439 г. Что касается «Жития» митрополита Алексея, то оно было написано в начале 1459 г. (Кучкин, 1967. С. 242), то есть через двадцать лет после первого, и, таким образом, является более поздним памятником. Но в данном случае это не имеет значения. Весь парадокс заключается в том, что автором и первого, и второго памятника является один и тот же человек – Пахомий Логофет.

Пытаясь разрешить это противоречие, В.А. Кучкин обратил внимание, что Пахомий, завершая рассказ об основании Андроникова монастыря в первой редакции «Жития» Сергия, помещает фразу: «Зде же о Андронице да скратим и паки на подлежащая да възвратимся» (*Клосс*, 1998. С. 371). Из этого указания ясно, что при написании «Жития» Сергия Радонежского Пахомий пользовался, помимо текста своего предшественника Епифания, и другими источниками – в частности, «Житием» Андроника. Это предположение приобретает уверенность при знакомстве с третьей редакцией сочинения Пахомия. В ней агиограф уточнил некоторые факты из жизни Андроника. Так, он указал, что тот являлся земляком Сергия, будучи «от отчества того же града Ростова» и пришел в Троицу «в мале возрасте». Иначе представлен и эпизод выбора митрополитом Андроника в качестве основателя будущей обители: оказывается, Алексей к тому времени хорошо знал последнего и поэтому с просьбой об осуществлении своего замысла обратился именно к нему. Далее рассказывается, как уже после строительства храма митрополит украсил его образом Спаса, принесенным из Царьграда, затем к Андронику пришел Сергей Радонежский. Похвалив ученика, он благословил его. После Андроника монастырь возглавил его ученик Савва, при котором многие монахи яузской обители «произведени быша на игуменьство, овии же на епископство». В свою очередь, у Саввы тоже были ученики: Александр, возглавивший после него монастырь, и Андрей (Рублев), о котором агиограф замечает, что он был «иконописцем презрядным». Вместе они «сздаста въ обители себе церковь камену красну зело, и подписанемъ чудным украсиша ю в память святыхъ отецъ своихъ, еже и доньне зрится» (*Клосс*, 1998. С. 399–402). При этом уточнение, что Андроник пробыл в Троицкой обители десять лет, имеющееся в первом варианте труда Пахомия, в его третьей редакции исчезло. По мнению В.А. Кучкина, указание на данный срок – всего лишь позднее добавление, использовать которое для расчетов не следует (*Кучкин*, 2002. С. 102).

Когда же, в таком случае, возник Андроников монастырь? Обратившись к тексту «Жития» Алексея, видим, что сюжету об основании Андроникова монастыря в нем предшествует сообщение: «тогда злочестивый царь Бердебекъ избивъ братью свою 12, лють сии зело немилостивъ, покушаашеся и на христианство ити. И на се советника имея Товлубиа и того безчеловечна и сурова». Узнав об этом, великий князь Иван стал просить митрополита пойти в Орду, «яко да утолить гневъ». Тот, исполняя просьбу князя, смог удивить татар своей премудростью «и паки възратитися на свои престоль» (*Кучкин*, 1967. С. 247. Л. 122 об. – 123). Это сообщение находит отражение и в летописном материале, где под 1357 г. помещено известие о гибели братьев Бердебек: «седе на царстве сынъ его Берде-

бек, убивъ братью своихъ 12 окаанымъ предстателемъ своимъ Товлубьемъ» (ПСРЛ. XXV. С. 180).

Таким образом, из текста «Жития» митрополита Алексея со всей очевидностью следует, что Андроников монастырь не мог быть основан ранее осени 1357 г., когда происходили описанные бурные события. Не мог он возникнуть и позже 1358 г. Под этим годом летописец помещает известие: «тое же зимы по Крещеньи пресвященныи Алексии митрополитъ поехалъ въ Киевъ» (ПСРЛ. XV. Стб. 67; Т. XVIII. С. 100). Оттуда он возвратился уже после смерти Ивана Красного, в 1360 г. (ПСРЛ, Т. XVIII. С. 100; Т. XXV. С. 181), поэтому основание монастыря следует датировать временем около 1357–1358 гг. (Православная энциклопедия, 2001. С. 421–422).

Как и версия В.Г. Брюсовой, предположение В.А. Кучкина также нашло своих сторонников. В частности, О.Г. Ульянов, ссылаясь на список старшей редакции «Жития» Алексея, опубликованный В.А. Кучкиным, полагает, что освящение Спасской церкви Андроникова монастыря состоялось 16 августа 1357 г. (*Ульянов*, 1996. С. 184).

Но можно ли доверять свидетельству этой редакции «Жития» митрополита Алексея? Задуматься над этим приходится, когда вчитываешься в текст начала сюжета об Андрониковом монастыре: «благочестивый князь Иоанъ помысли церковь въздвигнути и в немъ съставити общее житие, помышляше же въ уме своемъ и на бога всю надежу възлагааше, глаголя: “Аще будетъ богу угодно се, можетъ ина дела произвести”. И тако ему помышляющу, прииде къ святому Сергию в монастырь посещения ради, и бывшему обычному благословиению и беседе, глагола митрополитъ къ святому...» (*Кучкин*, 1967. С. 247. Л. 123.) Б.М. Клосс, анализируя смысл этого отрывка, отметил явную несообразность: великий князь, задумав создать церковь, приходит с этой мыслью к троицкому игумену, начинает беседу и вдруг оказывается, что говорит не Иван Красный, а митрополит. Видимо, в этом месте «Жития» Алексея ошибочно подогнаны два совершенно разных сюжета.

По мнению Б.М. Клосса, указание «Жития» митрополита Алексея на великого князя Ивана Красного как инициатора основания Андроникова монастыря является домыслом и позднейшей вставкой, и, соответственно, не может быть использовано при определении даты основания обители (*Клосс*, 1998. С. 44–45). Истоки этой ошибки нетрудно понять, зная, как трудился над житием средневековый агиограф: обычно перед глазами он держал несколько источников, на основании которых компилировал биографию святого. Усталость, рассеянность, задумчивость и тому подобные причины порой приводили к тому, что, работая над одним сюжетом, агиограф мог случайно переключить внимание на другой источник и продолжать переписывать текст уже из него, не замечая, что речь идет совершенно об ином сюжете.

С учетом сказанного можно констатировать показание двух «Житий» явно противоречат друг другу. Для установления истины, казалось бы, нужна самая малость – определить, какое из этих двух свидетельств ошибочно, и опереться на правильное. Именно так пытаются решить вопрос два оппонента. Но мы, зная характер и особенности житийной литературы, поступить так не можем. Чтобы понять почему, напомним один весьма важный вывод историка древнерусской литературы И.П. Еремина: «Древнерусского автора, когда он брался за изображение жизни, заботила прежде всего достоверность изображаемого. И если он не всегда ее добивался, это обстоятельство свидетельствует только о временном нарушении принципа, а не об отказе от него; подчас ему изменяла память, иногда он сознательно умалчивал о фактах, когда это ему почему-либо было нужно, иногда тенденциозно искажал факты, когда это диктовалось ему теми или иными соображениями. Но он редко выдумывал факты, верный своей задаче достоверно описать то, что было» (Еремин, 1958. С. 77).

Казалось бы, вопрос о дате возникновения Андроникова монастыря окончательно зашел в тупик. Круг замкнулся. Неудивительно, что Н.С. Борисов предпочел придерживаться традиционной даты основания Андроникова монастыря – около 1360 г. (Борисов, 2002. С. 121)⁵. Критикуя датировку, предложенную Б.М. Клоссом (1365–1373 гг.), он, вслед за В.А. Кучкиным, считает, что «она противоречит логике событий. Митрополит Алексей должен был приступить к исполнению своего обета вскоре после возвращения из литовского плена в 1360 г. Непонятно, что заставило его затягивать свой расчет с Богом на столь долгий срок? Отстаивая эту датировку, исследователь (Б.М. Клосс. – К.А.) ссылается на известие Первой Пахомиевской редакции Жития Сергия о том, что Андроник прожил в Троице под началом у Сергия 10 лет. Однако это известие появилось в данном контексте как вторичное, под влиянием помещенного несколько ниже рассуждения Сергия о том, что некоторые иноки, прожив в обители лет 10 или более, “потом санов хотяят” (Клосс, 1998. С. 370). Есть еще одно обстоятельство, которое следует иметь в виду... Сообщение о том, что тот или иной подвижник был постриженником преподобного, не всегда следует понимать буквально. Сергей стал священником и полноправным игуменом только в 1354 г. Однако трудно поверить в то, что ранее этой даты маковецкая община пополнялась лишь за счет бродячих монахов. Несомненно в обители был старец-игумен, имевший сан священника и совершавший постриг новых братьев по указанию харизматического главы общины – Сергия. Поняв это был игумен Митрофан, постригший самого Сергия... Разумеется, все те, кто был пострижен по указанию Сергия и в его присут-

ствии, также предпочитали называть себя его постриженниками» (Борисов, 2002. С. 287).

Н.С. Борисов все же пытается совместить датировки Б.М. Клосса (основанную на 10-летней жизни Андроника у Сергия) и В.А. Кучкина (монастырь воздвигнут при жизни Ивана Красного). Но конструкция эта оказывается весьма неустойчивой и ее невольно разрушает сам автор, когда строчкой ниже пишет: «в монашеском мире эту тонкую разницу замечали. Не случайно в рассказе о пострижении Федора Симонновского (Первая Пахомиевская редакция) особо оговорено, что он был пострижен лично Сергием (“и тако отлагает власы рукою преподобнаго Сергеа”))» (Клосс, 1998. С. 352; Борисов, 2002. С. 287). Однако при этом исследователь забывает, что почти тот же оборот Пахомий применяет в первом варианте «Жития» Сергия по отношению к Андронику: «святы же моление его не презре, и тако острижает ему власи и облачит его въ святыи иноческыи образ, и нарече имя ему Андроник» (Клосс, 1998. С. 370).

Тем не менее, в рассуждениях Н.С. Борисова есть один весьма любопытный вопрос: мог ли митрополит в принципе основать Андроников монастырь в княжение Ивана Красного?

Выше мы говорили о том, что согласно тексту «Жития» митрополита Алексея, перед сюжетом об Андроникове монастыре рассказывается об убийстве ханом Бердибеком двенадцати своих братьев. Летописи помещают это известие под 1357 г. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 180). По рассказу летописца, «замятня» в Орде случилась именно тогда, когда в ней находился митрополит, вызванный туда ханшей Тайдулой («да посетить ея нездравие»). Опасаясь худшего, предстоятель русской церкви поспешил покинуть ханскую ставку. «Вборзе изь Орды отпоушенъ бысть, зане же замятня ся доспела въ Орде», – уточняет Рогожский летописец. Но более важным для нас представляется следующее его известие, из которого явствует, что сразу после возвращения митрополита в Москву, великий князь Иван Красный отправился в Орду на поклон к новому хану: «А Олексии митрополить прииде изь Орды, а князь великий Иванъ и вси князи Роускыи и князь Василии Михайловичъ поидоша въ Ордоу» (ПСРЛ. XV. Стб. 66). Из этого сообщения следует, что московский святитель если и видел великого князя, то очень небольшое время, явно недостаточное для основания обители. Это была их последняя встреча. О возвращении Ивана Красного из Орды Рогожский летописец сообщает под следующим, 1358 г. Однако митрополита в Москве с января 1358 г. уже не было. Под тем же 1358 г. читаем: «тое же зимы по Крещеньи пресвященныи Алексии митрополить поехалъ въ Киевъ» (ПСРЛ. XV. Стб. 66–67). Оттуда он возвратился уже после смерти Ивана Красного – в 1360 г. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 181).

⁵ Этой же даты придерживается и Н.А. Копылова (2000. С. 56).

Приведенные летописные сообщения означают лишь одно – Андроников монастырь не мог быть основан в последние годы княжения великого князя Ивана Красного, а следовательно, текст «Жития» митрополита Алексея содержит явную ошибку.

Для того, чтобы понять, откуда она взялась и как выглядел первоначальный текст Пахомия, необходимо обратиться к анализу происхождения этой редакции «Жития» митрополита Алексея.

Ранее мы говорили, что Пахомий Логофет был не первым агиографом, обратившимся к биографии митрополита Алексея. В начале своего труда он прямо указал, что его предшественником следует считать «архимандрита Питирима, иже последи бысть Перми епископъ». И далее, характеризуя составленное Питиримом жизнеописание Алексея, замечает: «Съи убо предиреченный епископъ нечто мало о святомъ списа и канонъ тому въ хвалу изложи, слышавъ известно о его житии, паче же и от самех чудесь, бывающих от раки богоноснаго отца, прочая же не поспе, времени тако зуవుщу» (Кучкин, 1967. С. 246. Л. 119 об. – 120).

О Питириме известно, что он родился в Ярославле, еще в юности принял постриг и пользовался наставлениями старца Кирилла. Был дьяконом, пресвитером, а затем архимандритом придворного московского Чудова монастыря. Будучи в этом сане, он близко сошелся с великим князем Василием Темным и в январе 1440 г. крестил у него сына, будущего государя Ивана III. Между 1441 и 1447 гг. Питирим был поставлен в пермские епископы и в этом качестве принимал деятельное участие в религиозной и политической жизни государства. В частности, 29 декабря 1447 г. он подписался в увещательной грамоте Дмитрию Шемяке от собора епископов, грозившей проклятьем за возмущение против великого князя; годом позже, в декабре 1448 г., участвовал в поставлении на русскую митрополию рязанского епископа Ионы, а 19 августа 1455 г. был убит вогулами (Седова, 1998. С. 352).

Из указаний Пахомия следует, что Питирим написал биографию Алексея, будучи архимандритом, то есть до 1441 г., и она была очень краткой по своему объему. В ряде русских летописей (Симеоновской, Рогожском летописце, Троицкой) под 1378 г. помещен небольшой рассказ о жизни митрополита Алексея, приуроченный к известию о его кончине. Долгое время считалось, что именно он вышел из под пера Питирима и является первой редакцией жизнеописания святителя. Позднее исследователи усомнились в этом: Рогожский летописец и Симеоновская летопись восходят к своду 1408 г., тогда как Питирим мог написать свое произведение только после обретения мощей митрополита Алексея в 1431 г. Сравнение летописной повести о митрополите и текста старшей редакции «Жития» Алексея,

принадлежащей Пахомию Логофету, убедило Р.А. Седову, что последний не мог использовать в качестве основы для своего произведения летописный рассказ об Алексее (Седова, 1998. С. 352–355): должна была существовать особая, первоначальная, редакция «Жития» митрополита Алексея. Эта, наиболее ранняя редакция памятника, могла бы внести ясность в вопрос об участии Ивана Красного в судьбе Андроникова монастыря.

Задав направление поиска, исследовательница вскоре обнаружила следы самой ранней редакции в составе двух сборников: один из них датируется последней четвертью XV в., другой – третьей четвертью XVI в. Сопоставляя эти два сборника со старшей редакцией «Жития» митрополита, вышедшей из-под пера Пахомия, Р.А. Седова сделала вывод, что перед нами действительно тот самый, все время ускользавший от исследователей первичный текст «Жития», написанный Питиримом и послуживший основой для труда Пахомия Логофета (Седова, 1998. С. 355–358). Ею же найденный памятник был опубликован (Седова, 1998. С. 361–364).

В нем мы находим упоминание о начале Андроникова монастыря. Известие очень кратко и, познакомившись с ним, вполне понимаешь упрек, брошенный Пахомием в адрес своего предшественника: «нечто мало о святомъ списа».

Собственно говоря, известие это состоит лишь из одной фразы: «И по сихъ общи монастырь споставляеть, еже есть Андронниковъ, и в немъ церковь камену Спаса Нерукотворенаго образа, и монастырю дасть милостыню доволну». Данное известие помещено в следующем контексте: рассказывается, что злостивый царь Бердебек, убив двенадцать братьев, «хваляшеся ити на христьянство Рускыя земли». По просьбе великого князя Ивана митрополит отправился в Орду. Там он «гневъ царя смири» и возвратился обратно на Русь. Далее рассказывается об основании Андроникова монастыря, а затем о воздвижении каменной Благовещенской церкви в Нижнем Новгороде, где Алексей крестил сына упоминавшегося уже князя Бориса Константиновича (Седова, 1998. С. 362). При этом великий князь Иван Красный нигде не фигурирует в качестве инициатора возведения интересующей нас обители.

Таким образом, из анализа Первоначальной редакции и ее сравнения с текстом Пахомия, следуют два вывода: во-первых, указание на основание монастыря Иваном Красным, как и предполагал Б.М. Клосс, является позднейшей вставкой в первоначальный текст, а во-вторых, оказывается, что данная ошибка была допущена никем иным, как переписчиком изданного В.А. Кучкиным списка.

В.А. Кучкин в предисловии к своей публикации писал, что «до настоящего времени (1967 г. – А.К.) известен лишь один список старшей редакции жития митрополита Алексея, написанный

Пахомием Сербом. Он сохранился в составе известного сборника № 948 из Синодального собрания» (Кучкин, 1967. С. 243). Но это утверждение не соответствует истине. Известно, по крайней мере, два списка этой редакции (№ 949, датируемый XVI в., и № 961, относящийся к XVII в. Оба из Погодинского собрания Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге). Более того, они были даже опубликованы в 1915 г., что, правда, осталось неизвестным В.А. Кучкину (Шляков, 1915⁶).

Обратившись к интересующему нас месту «Жития» митрополита Алексея, видим, что текст списка № 949 Погодинского собрания совпадает с текстом списка № 948 Синодального собрания: «И по сих же благочестивыи великыи князь Иванъ помысли церковь въздвигнути и монастырь строити и в нем съставити общее житие». Однако, сличив его со списком № 961, видим: писец в списке № 949 пропустил в этом месте по невнимательности несколько строк, что впоследствии привело к несообразности данного места «Жития» и длительным спорам ученых. В оригинале же текст Пахомия выглядел следующим образом: «И по сих же благочестивыи великыи князь Иванъ [Ивановичъ со освященным собором и со множеством народа стретоша его, и прият с великою честью и радостию, паче же реку и со слезами многими, и вси прославиша Бога и Пречистую его Богоматерь о таком великом чудеси. По сем же времени] помысли церковь въздвигнути и монастырь строити и в нем съставити общее житие» (Шляков, 1915. С. 32–34)⁷. Становится понятным, что в споре исследователей прав оказался Б.М. Клосс, а датировка, предложенная В.А. Кучкиным, основана на дефектном списке «Жития» и не может быть принята. Его ошибка была такой же, как и у В.Г. Брюсовой – свои умозаключения В.А. Кучкин построил на единственном неверном списке, не приняв во внимание всю совокупность источников.

Таким образом, говоря о дате основания Андроникова монастыря, следует придерживаться предложенной Б.М. Клоссом даты – между 1364 и 1373 гг. Попытаемся сузить ее.

Следующим эпизодом после основания Андроникова монастыря обе древнейшие редакции «Жития» Алексея называют его поездку в Нижний Новгород, где митрополит воздвиг Благовещенскую церковь и крестил сына князя Бориса Константиновича (Седова, 1998. С. 362; Кучкин, 1967. С. 248. Л. 124 об.; Шляков, 1915. С. 36). Последний факт нашел отражение в Первой Софийской летописи, которая под 1370 г. сообща-

ет: «Митрополить Алексеи былъ въ Новгороде въ Нижнемъ, и крестиль у князя Бориса Костянтиновича сына князя Ивана» (ПСРЛ. Т. V. С. 231)⁸. Что касается 1364 г., предложенного Б.М. Клоссом в качестве другой крайней даты основания Андроникова монастыря, то она также подтверждается источниками. Обойденная вниманием В.А. Кучкина публикация «Жития» митрополита Алексея, предпринятая в 1915 г. Н.В. Шляковым, любопытна еще и тем, что сопоставляет текст Старшей редакции «Жития» с одним из наиболее полных списков этого памятника, включающего в себя 225 рисунков (126 из которых раскрашены) и относящегося к началу XVII в. Последний (ошибочно принятый издателями за текст Пахомия Логофета) был опубликован хромолитографическим способом Обществом любителей древней письменности к 500-летию юбилею кончины святого на средства графа А.Д. Шереметева (Житие митрополита..., 1877; 1878). Из сравнения двух редакций выяснилось: эпизод с Андрониковым монастырем в последней предшествует сюжет о «хождении» митрополита в Тверь, где он крестил дочь Ольгерда и внуку великого князя Александра Михайловича Тверского, привезенную на Русь специально ездившей за ней бабкой – великой княгиней Анастасией (Житие митрополита..., 1877. С. 120–121; Шляков, 1915. С. 33–34). Установить дату события помогает известие Рогожского летописца, сообщающего под 1364 г., что «тогда же княгини Настасиа приехала изъ Литвы со внукою съ некрещеною съ Олгердовою дщерию и крестили ее въ Тфери, того же дея крещенна митрополить Алексеи приездилъ во Тферь» (ПСРЛ. XV. Стб. 76). Если же учесть, что Елифаный, изложивший биографию Сергия по 1365 г., ничего не говорит об основании Андроникова монастыря, становится понятным, что данная обитель была основана в период между 1365 и 1370 гг.

Чтобы точнее определить год основания Андроникова монастыря, необходимо обратиться к характеристике местности, где он был воздвигнут. Историки Москвы уже давно обратили внимание на то обстоятельство, что многие из обителей, окружавших российскую столицу с самого начала строились как крепости на подступах к городу. Особенно нуждались в укреплении юго-восточные подходы со стороны Орды. С учетом этого митрополитом Алексеем и было выбрано место на высоком холме у крутого поворота Яузы, где ее пересекала старинная дорога, шедшая из Москвы в сторону Коломны и Рязани (Дроздова, Кузнецова, 1994. С. 8–11). Участок, занятый обителью, был укреплен самой природой практически со всех

⁶ См. также: Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XIX за 1914 г. Кн. 3.

⁷ Пропущенный текст в списке № 949 и восполненный по списку № 961 той же старшей редакции заключен в скобки.

⁸ Из показания Симеоновской летописи выясняется, что митрополит Алексей был в Нижнем Новгороде в самом конце 1370 г. (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 110).

сторон: с юго-запада – безымянным ручьем; с запада – Язузой; с востока – р. Дубенкой, впадающей в Язузу; к северу от монастыря в нее впадал ручей Золотой Рожок. С вершины холма было хорошо виден московский кремль, расстояние до которого по прямой составляло 3 км (Красовский, 1998. С. 9).

Разумеется, выдержать здесь длительную осаду было проблематично, но на это создатели монастыря и не рассчитывали. Окруженный деревянной оградой, он представлял собой своего рода форпост, «сторожу», которая могла задерживать внезапный набег противника лишь на небольшой срок, давая тем самым выигрыш во времени защитникам Кремля, а жителям Москвы – возможность скрыться за его стенами. Таким образом, следует учитывать, что Андроников монастырь создавался, помимо прочего, и с оборонительными функциями.

Из чего же складывалась оборона Москвы в середине XIV в.? Из анализа летописных известий, следует признать, что фортификационные сооружения города к середине 1360-х годов пришли в плохое состояние.

Во многих летописях XV–XVI вв. сохранились описания большого пожара, случившегося в Москве в 1365 г. Он начался в разгар летней жары, когда стояла засуха, было мало воды, а на город неожиданно налетел шквальный ветер. «И тако въ единъ часъ или въ два часа весь градъ безъ останка погоре», – записал летописец. И добавил: «Такова же пожара преже того не бывало, то ти словеть великы пожаръ, еже отъ Всех Святыхъ» (ПСРЛ. XV. Стб. 80; см. также: Т. XVIII. С. 104; Т. XXV. С. 183). Урон от огня был весьма значительным для тогдашней Москвы, ибо серьезно пострадали деревянные кремлевские стены, воздвигнутые еще при Иване Калите, и город оказался практически незащищенным от внешней угрозы. А в том, что она действительно существовала, и в первую очередь, со стороны Орды, доказывали последовавшие

уже осенью этого года события в Рязанской земле. Татарский князь Тагай, засеивший в Наручади (районе современного Наровчата), пришел «тайно и безвестно» в рязанские пределы, захватил Переяславль-Рязанский и сжег его (ПСРЛ. Т. X. С.5; Т. XV. Вып. 1. Стб. 80; Т. XVIII. С. 104).

В этих условиях оставлять Москву без всякого прикрытия было крайне опасно. Митрополит Алексей, фактически возглавлявший в малолетство великого князя Дмитрия тогдашнее московское правительство, должен был прекрасно понимать, что приступить сразу к возведению новых кремлевских укреплений было просто невозможно – в преддверии зимы горожане сначала должны были восстановить уничтоженные пожаром дома. Лишь зимой 1366/67 гг. москвичи начали строительство нового белокаменного Кремля. Под 1366 г. летописец записал: «Тое же зимы князь великий Дмитрией Ивановичъ, погадавъ съ братомъ своимъ съ княземъ Володимиромъ Андреевичемъ и съ всеми бояры старейшими, и сдумаша ставити городъ камень Москву, да еже умыслиша, то и сътвориша, тое же зимы повезоша камень къ городу», а под следующим уточнил, что «тое же зимы на Москве почали ставити городъ камень» (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 106)⁹. Спешность, с которой возводили кремлевские стены («начаша делати безпрестани») (ПСРЛ. Т. XI. С. 8), оказалась вполне оправданной – уже в конце 1368 г. Москву осадил литовский князь Ольгерд, но перед мощью новых укреплений вынужден был отступить: «а града кремля не взялъ» (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 108).

Таким образом, из промежутка между 1365 и 1370 гг. единственно возможным временем для основания обители представляется 1366 г. Очевидно, Андроников монастырь был заложен сразу после осеннего (1365 г.) набега татар на Рязань, показавшего всю незащищенность столицы, а освящение главного монастырского храма пришлось, как и полагал Б.М. Клосс, на 16 августа 1366 г.

Литература

- Архимандрит Григорий, 1891. Список настоятелей московского Спасо-Андрониева монастыря и судьбы их. М.
- Борисов Н.С., 1986. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М.
- Борисов Н.С., 2002. Сергей Радонежский. М.
- Брюсова В.Г., 1969. Спорные вопросы биографии Андрея Рублева // Вопросы истории. № 1.
- Брюсова В.Г., 1978. Андрей Рублев. М.
- Гальченко М.Г., 1994. Из истории книгописания в Спасо-Андрониковом монастыре в конце XIV–XV вв. // Книга. Исследования и материалы. Сб. 69. М.
- Дроздова Т., Кузнецова М., 1994. Монастыри – защитники древней Москвы. Спасо-Андроников. М.
- Еремин И.П., 1958. О художественной специфике древнерусской литературы // Русская литература. № 1.
- Житие митрополита всея Руси святого Алексия, составленное Пахомием Логофетом. СПб., 1877. Вып. 1.
- Житие митрополита всея Руси святого Алексия, составленное Пахомием Логофетом. СПб., 1878. Вып. 2.
- Иванчин-Писарев Н., 1842. Спасо-Андроников. М.
- Клосс Б.М., 1998. Житие Сергия Радонежского // Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. М.
- Копылова Н.А., 2000. Спасо-Андроников монастырь // Московский журнал. № 2.
- Красовский И.С., 1997. Закономерности формирования ансамбля Спасо-Андроникова монастыря // Золотой Рожок. Вып. I. М.

⁹ «Житие» Алексея сохранило свидетельство о том, что решение о строительстве белокаменного Кремля принималось при активном участии митрополита: «Тогда же великий князь Дмитрией Ивановичъ, по благословению отца своего иже во святыхъ чудотворца Алексия, заложи градъ Москву камень, а преже того отъ древнихъ летъ древянь былъ» (Житие митрополита..., 1877. С. 153–154; Шляков, 1915. С. 42; ПСРЛ. Т. XXI. Вторая половина. С. 360).

- Красовский И. С.*, 1998. Спасо-Андроников монастырь (между прошлым и настоящим) // Материалы ICOMOS. Научно-информационный сборник. Вып. 1. М.
- Кучкин В. А.*, 1967. Из литературного наследия Пахомия Серба (старшая редакция жития митрополита Алексея) // Источники и историография славянского средневековья. М.
- Кучкин В. А.*, 2002. Антиклассицизм // Древняя Русь. № 4. Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001.
- ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Л.
- ПСРЛ. М., 1851. Т. V.
- ПСРЛ. М., 1965. Т. 9–X.
- ПСРЛ. М., 1965. Т. XI–12.
- ПСРЛ. М., 1965. Т. XV. Вып. 1. 1863
- ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII(18).
- ПСРЛ. Т. XXI. Вторая половина.
- ПСРЛ. М.–Л., 1949. Т. XXV.
- Седова Р. А.*, 1998. К вопросу о первоначальной редакции Жития митрополита Алексея, созданной пермским епископом Питиримом // Макариевские чтения. Вып. V. Можайск.
- Солдатов А. В.*, 1993. История московского Спасо-Андроникова монастыря // Вертоградъ. Православный журнал. № 1.
- Ульянов О. Г.*, 1996. Цикл миниатюр лицевого «Жития Сергия Радонежского» о начале Андроникова монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1995. М.
- Шляков Н. В.*, 1915. Житие св. Алексея митрополита московского в Пахомиевской редакции. Пг.

Сведения об авторах

- Аверьянов Константин Александрович* – Институт российской истории РАН
Алексеев Алексей Викторович – Государственный историко-литературный музей А.С. Пушкина (с. Большие Вяземы)
Богатенков Дмитрий Владимирович – Институт археологии РАН
Векслер Александр Григорьевич – Центр археологических исследований города Москвы
Вишневский Владимир Игоревич – Сергиево-Посадский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
Волков Иван Владимирович – Государственный Исторический музей
Высоцкий Александр Леонидович – Институт археологии РАН
Гольева Александра Амурьевна – Институт географии РАН
Гусаков Михаил Георгиевич – Институт археологии РАН
Двуреченский Олег Викторович – Государственный Исторический музей
Есин Дмитрий Николаевич – Государственный геологический музей имени В.И. Вернадского
Жилина Наталья Викторовна – Институт археологии РАН
Завьялов Владимир Игоревич – Институт археологии РАН
Зайцев Василий Васильевич – Государственный Исторический музей
Зеленцова Ольга Викторовна – Институт археологии РАН
Калякин Владимир Николаевич – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Коваль Владимир Юрьевич – Институт археологии РАН
Кузнецова Татьяна Вячеславовна – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Мазуров Алексей Борисович – Коломенский государственный педагогический институт
Медведь Александр Николаевич – Российский государственный гуманитарный университет
Носкова Н.Г. – Государственный геологический музей имени В.И. Вернадского
Осипов Дмитрий Олегович – Институт археологии РАН
Панченко Константин Иванович – Институт археологии РАН
Полюлях Анатолий Александрович – Музей истории города Москвы
Розанова Людмила Семеновна – Институт археологии РАН
Русаков Павел Евгеньевич – Институт археологии РАН
Самошин Сергей Иванович – Коломенский краеведческий музей
Сапрыкина Ирина Анатольевна – Институт археологии РАН
Сарачева Татьяна Григорьевна – Государственный Исторический музей
Сидоров Владимир Владимирович – Институт археологии РАН
Столярова Екатерина Карленовна – Российский государственный гуманитарный университет
Сыроватко Александр Сергеевич – Археологическая служба города Коломны
Терехова Наталья Николаевна – Институт археологии РАН
Требелева Галина Викторовна – Институт археологии РАН
Трусов Александр Васильевич – Музей истории города Москвы
Хижняков Олег Игоревич – Институт археологии РАН
Черкасов Виталий Викторович – Археологическая служба города Коломны
Чернов Сергей Заремович – Институт археологии РАН
Шполянский Сергей Владимирович – Государственный Исторический музей
Энговатова Ася Викторовна – Институт археологии РАН

Список сокращений

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.
АИЗ – Археологические известия и заметки.
АКР – Археологическая карта России
АО – Археологические открытия
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.
АФЗиХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – начала XVI в.
ВДИ – Вестник древней истории
ВМГУ – Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
ВУА – Военно-ученый архив
ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГММК – Государственные музеи Московского Кремля
ГРМ – Государственный Русский музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЗИАиХМ – Звенигородский историко-архитектурный музей-заповедник
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК – Институт истории материальной культуры
КБЧ – Книга Большому Чертежу
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института материальной культуры
МАО – Московское археологическое общество
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ – Музей истории города Москвы
МК – Московская керамика: новые данные по хронологии
НА – Нумизматический альманах
НАНУ – Национальная академия наук Украины
НАЭ – Новгородская археологическая экспедиция
НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
НС МНО – Нумизматический сборник Московского нумизматического общества
ОИФН – Отделение историко-филологических наук
ОПИ – Отдел полевых исследований ИА РАН
ПАК – Подмосковная археологическая конференция
ПАЭ – Подмосковная археологическая экспедиция
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
ПКРК – Писцовые книги Рязанского края
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.
РИБ – Русская историческая библиотека
РК – Разрядные книги
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел
ЦАИ – Центр археологических исследований города Москвы
AJA – American Journal of Archaeology

Научное издание

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара
М.: Институт археологии РАН, 2004. – 398 с.

Подписано к печати 20.09.2004.

Формат 60x84/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Печ. л. 50.

Тираж 350 экз. Заказ № 424.

Институт археологии РАН

117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Лицензия ИД № 03062 от 18.10.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ИПП “Гриф и К”, г. Тула, ул. Октябрьская, 81а